

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХІ.

1902.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные Высочайшіе указы	3
II. Высочайшій рескриптъ	—
III. Высочайшія повелѣнія	4
IV. Высочайшіе приказы	15
V. Приказъ министра народнаго просвѣщенія	29
VI. Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія	31
VII. Положенія о стипендіяхъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія	32
VIII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	44
IX. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	54
X. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	67
Открытіе училищъ	68
Г. З. Кунцевичъ. Житіе ов. Никиты Переяславскаго	1
А. Г. Вороновъ. О продолженіи „Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ“ князя М. М. Щербатова	8
В. М. Чулицкій. И. И. Дмитріевъ. XII—XIV (окончаніе)	17
С. А. Ранковъ. Норбертъ Премонстратенскій	54
М. Г. Понруженко. Матеріалы для бібліографіи по кирилло-меодіевскому вопросу	87
А. Н. Веселовскій. „Алеша Поповичъ“ и „Владимиръ“ Жуковскаго.	126

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. П. Ростовцевъ. Э. Гриммъ. Исслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти, т. II. С.-Пб. 1901	148
Э. Д. Гриммъ. Отвѣтъ г. Ростовцеву	172
А. Н. Веселовскій. Русская книга о Лопе де Веръ	210
А. Л. Погодинъ. Věstník slovauské filologie a starožitností, vydávají L. Niederle, F. Pastrnek, J. J. Polívka, J. Zubaty. Ročník I. Praha. 1901	217
В. М. Грибовскій. Отвѣтъ г. Чечулину	220
Н. Д. Чечулинъ. Къ отвѣту г. Грибовскаго	225
— Книжныя новости	229

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХІ.

1902.
М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

1973

PSlav 318.10

~~Slav 318.10~~

~~PSlav 318.10~~

Minister of
Public Instruction

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данные Правительствующему Сенату.

11-го апрѣля 1902 года. „Нашего генераль-адъютанта, члена государственнаго совѣта, министра народнаго просвѣщенія, генерала-отъ-инфантеріи *Ванювскаго*—Всемиловѣйше увольняемъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта и членомъ государственнаго совѣта“.

11-го апрѣля 1902 года. „Товарища министра народнаго просвѣщенія, сенатора, тайнаго совѣтника *Мѣщанинова* — Всемиловѣйше увольняемъ, согласно прошенію его, отъ должности товарища министра, съ оставленіемъ въ званіи сенатора“.

11-го апрѣля 1902 года. „Товарищу министра народнаго просвѣщенія дѣйствительному статскому совѣтнику *Зенеру*—Всемиловѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія“.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя члена государственнаго совѣта, генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Ванювскаго.

Петръ Семеновичъ. Призывая васъ къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я руководился увѣренностью, что опытъ и знанія въ области воспитанія юношества, входившаго въ кругъ ва-

шей многолѣтней военной и государственной дѣятельности, помогутъ вамъ въ осуществленіи задачи, Мною вамъ довѣренной.

Нынѣ по разстроенному отъ усиленныхъ трудовъ здоровью вы обратились ко Мнѣ съ просьбою объ увольненіи васъ отъ должности, Мною на васъ возложенной.

Снисходя съ сожалѣніемъ къ вашей просьбѣ и увольняя васъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ сохраненіемъ всѣхъ прочихъ должностей и званій, Я въ то же время изъявляю вамъ Мою искреннюю благодарность за преданность вашу Мнѣ, побудившую васъ, не взирая на преклонные ваши годы, принять на себя столь трудную дѣятельность.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„и глубоко уважающій васъ

„НИКОЛАЙ“.

Въ С.-Петербургѣ.
11-го апрѣля 1902 года.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (4-го февраля 1902 года). *О дополненіи штата музея Императорской Академіи Наукъ по антропологии и этнографіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о дополненіи штата музея Императорской Академіи Наукъ по антропологии и этнографіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о дополненіи штата музея Императорской Академіи Наукъ по антропологии и этнографіи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ Высочайше утвержденномъ 4-го іюня 1898 года штатѣ музея Императорской Академіи Наукъ по антропологии и этнографіи

(собр. узак. ст. 1068) сдѣлать слѣдующія измѣненія: а) учредить одну новую должность младшаго этнографа, на одинаковыхъ съ другою существующею такою же должностію основаніяхъ, и б) увеличить сумму, отпускаемую на покупку новыхъ коллекцій и командировки съ этнографическими цѣлями, на 2.250 р. въ годъ.

II. Вызываемый указною въ отдѣлѣ I мѣрою расходъ, въ количествѣ *трехъ тысячъ семисотъ пятидесяти* рублей въ годъ, отпустить на средства государственнаго казначейства.

III. Предоставить означенному въ отдѣлѣ I музею остатки отъ суммы, отпускаемой на покупку новыхъ коллекцій и командировки съ этнографическими цѣлями, обращать въ спеціальныя его средства, для расходовавія на тѣ же надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и распор. прав., 15-го марта 1902 г., № 27, ст. 274).

2. (4-го февраля 1902 года). *О порядкѣ исполненія платы за обученіе въ народныхъ училищахъ губерній Минской, Могилевской, Витебской и сѣверо-западныхъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ установленія платы за обученіе въ народныхъ училищахъ губерній Минской, Могилевской, Витебской и сѣверо-западныхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о порядкѣ установленія платы за обученіе въ народныхъ училищахъ губерній Минской, Могилевской, Витебской и сѣверо-западныхъ, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Приговоры сельскихъ обществъ Виленской, Говенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской губерній объ установленіи платы за обученіе въ содержимыхъ ими народныхъ училищахъ под-

лежать, въ отношеніи размѣра сей платы, утвержденію училищныхъ совѣтовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 5-го апрѣля 1902 года № 33, ст. 354).

3. (11-го февраля 1902 года). *Объ учрежденіи въ гор. Ставрополь (Кавказскомъ) учительской семинаріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Ставрополь (Кавказскомъ) учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписать: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Ставрополь (Кавказскомъ) учительской семинаріи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить въ гор. Ставрополь (Кавказскомъ) учительскую семинарію, на общихъ для этихъ учебныхъ заведеній основаніяхъ и со включеніемъ гигиены въ число преподаваемыхъ въ ней предметовъ.

II. Проектъ штата Ставропольской учительской семинаріи представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

III. Ассигновать изъ государственнаго казначейства: 1) на сооруженіе зданія для семинаріи (отд. I) — *сто тысячъ* рублей, на счетъ кредита, назначаемого на строительныя надобности министерства народнаго просвѣщенія, и 2) на содержаніе семинаріи, начиная съ 1902 г., — *по двадцать двѣ тысячи пятисотъ двадцати пяти* рублей ежегодно, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, по доходной смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казны отъ города Ставрополя по *двѣ тысячи* рублей въ годъ.

IV. Могущіе образоваться отъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе семинаріи (отд. I), остатки обращать на наемъ зданія для ея помѣщенія впредь до устройства собственнаго дома, а также на ея хозяйственное и учебное обзаведеніе.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

На подлинномъ собственномъ Его Императорскаго Величества рукою написано:
 Въ С.-Петербурѣ. „Быть по сему“.
 11-го февраля 1902 года.

Ш Т А Т Ъ

Ставропольской учительской семинаріи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.			По должности.	По штырю на мундиръ.	По пенсіи.
		Жалованья.	Столовыхъ.	Всего.			
		Р у б л и.					
Директоръ	1	1.200	1.300	2.500	V	V	} По учебной службѣ.
Законоучитель	1	650	550	1.200			
Наставники	3	650	550	3.600	VIII	VIII	
Учитель приготовит. класса	1	650	550	1.200	VIII	VIII	
Учитель рисованія, черченія и чистописанія	1	300	200	500	VIII	VIII	
Учитель пѣнія	1	300	200	500	X	X	
Учитель ручного труда (онъ же учитель начального училища)	1	600	450	1.050	IX	IX	
Учитель начального училища	1	450	250	700	X	X	
Врачъ-преподаватель гігіены	1	1.000	—	1.000	VIII	VIII	
На стипендіи воспитанникамъ	—	—	—	6.500			} По медицин. службѣ.
На награды окончившимъ курсъ	—	—	—	200			

На бібліотеку и учебныя пособия	—	—	300		
На инструменты и матеріалъ по ручному труду	—	—	175		
На наемъ садовника	—	—	400		
На обученіе гимнастичкѣ	—	—	300		
На содержаніе и ремонтъ зданія, отопленіе, канцелярскіе расходы, прислугу, пособия ученикамъ, готовящимся въ семинарію, и непредвидѣнные расходы	—	—	2.400		
Итого	—	—	22.525		

Примѣчаніе. Означенныя въ семь штатѣ должностныя лица, кромѣ врача, пользуются казенными квартирами.

Подписать: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

(Тамъ же, ст. 357).

4. (11-го февраля 1902 года). *Объ учрежденіи въ г. Каменецъ-Подольскѣ средняго восьмикласснаго техническаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Каменецъ-Подольскѣ средняго восьмикласснаго техническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ гор. Каменецъ-Подольскѣ средняго восьмикласснаго техническаго училища, *мнѣніемъ положилъ:*

1. Проектъ штата средняго восьмикласснаго техническаго училища

въ гор. Каменецъ-Подольскѣ поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утверждѣнію.

II. На содержаніе означеннаго (отд. I) училища ассигновать изъ государственнаго казначейства: въ 1903 г.—*двадцать тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ четыре* рубля, въ 1904 г.—*двадцать семь тысячъ одиннадцатъ* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1905 г.—*тридцать тысячъ восемьсотъ семь* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1906 г.—*тридцать пять тысячъ двести сорокъ два* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1907 г. — *тридцать девять тысячъ шестьсотъ тридцать пять* рублей, а начиная съ 1908 г.—по *сорокъ два тысячъ восемьдцати пяти* рублей ежегодно, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, по доходной смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ отъ города Каменецъ-Подольска: въ 1903 г.—*девять тысячъ пятьсотъ* рублей, а начиная съ 1904 г.—по *пяти тысячъ* рублей ежегодно.

III. На устройство и оборудованіе училища (отд. I), въ дополненіе къ жертвуемымъ на этотъ предметъ городомъ 40.000 руб., отпустить въ 1902 г.: 1) изъ государственнаго казначейства—*сто восемьдесятъ шесть тысячъ триста двѣнадцатъ* рублей, на счетъ кредита на строительныя надобности министерства народнаго просвѣщенія, и 2) изъ остатковъ земскаго сбора Подольской губерніи — *пятьдесятъ тысячъ* рублѣй.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою на-
писано: „Быть по сему“.

Въ С.-Петербурѣ.
11-го февраля 1902 года.

Ш Т А Т Ъ

Средняго восьмиласнаго технического училища
въ гор. Каменецъ-Подольскѣ.

	Число лицъ,	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсіи.
		Жалованья.	Служебныхъ.				
		Р у б л и.					
Директоръ	1	1.560	1.040	2.600	V	V	} По учебной службѣ.
Одному изъ преподавателей до- бавочныхъ за исполненіе обязанностей инспектора . .	1	—	—	1.200	VI	VI	
Законоучителю	1	—	—	1.050			
Преподавателямъ за уроки и практическія занятія	—	—	—	17.925	VIII	VIII	
За преподаваніе чистописанія .	—	—	—	240			
„ за вѣдываніе химическою ла- бораторіею	—	—	—	480			
За вѣдываніе техническою лабораторіею	—	—	—	480			
Лаборанты	2	600	120	1.440	IX	IX	
Классные наставники	7	—	—	1.120			
Надзиратели	2	480	240	1.440	VIII	VIII	

Письмоводитель (онъ же бухгалтеръ)	1	480	240	720	IX	IX	По медицинскимъ службамъ.
Врачъ	1	300	—	300	VIII	VIII	
За исполненіе обязанности секретаря совѣта	—	—	—	240			
За исполненіе обязанности библиотекаря	—	—	—	240			
За преподаваніе гимнастики и гѣвнїа	—	—	—	500			
За производство опытовъ по физикѣ, механикѣ, химіи, естествовѣдѣнію и сельскому хозяйству	—	—	—	960			
На кабинеты и лабораторіи	—	—	—	1.800			
„ учебныя пособія	—	—	—	1.600			
„ экскурсіи и гѣвнїа практическія занятія	—	—	—	3.000			
„ канцеларскіе расходы	—	—	—	350			
„ наемъ прислуги и сторожей и содержаніе дома	—	—	—	4.400			
Итого	—	—	—	42.085			

Примѣчанія:

1) Означенныя въ семь штатѣ должностныя лица, кромѣ законоучителя, преподавателей и врача, пользуются казенными квартирами.

2) Директоръ, преподаватели спеціальныхъ предметовъ и надзиратели училища пользуются всѣми правами, присвоенными соотвѣтственнымъ должностнымъ лицамъ въ среднихъ техническихъ училищахъ, а преподаватели общеобразовательныхъ предметовъ—правами такихъ же должностныхъ лицъ въ реальныхъ училищахъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

(Тамъ же, ст. 361).

5. (25-го февраля 1902 года). *Объ освобожденіи отъ оплаты пошлиною и цензурнаго разсмотрѣнія предметовъ, выписываемыхъ изъ заграницы для состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ музея изящныхъ искусствъ Имени Императора Александра III.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ освобожденіи отъ оплаты пошлиною и цензурнаго разсмотрѣнія предметовъ, выписываемыхъ изъ заграницы для состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ музея изящныхъ искусствъ Имени Императора Александра III, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписать: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаиль*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ объ освобожденіи отъ оплаты пошлиною и цензурнаго разсмотрѣнія предметовъ, выписываемыхъ изъзаграницы для состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III, *мнѣніемъ положилъ*:

Предоставить состоящему при Императорскомъ Московскомъ университетѣ музею изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III право получать изъ заграницы, безъ разсмотрѣнія цензуры и оплаты таможенною пошлиною, отдѣльными экземплярами или коллекціями необходимыя для его хранилищъ книги, гравюры и другіе художественныя и научныя предметы, съ соблюденіемъ правила, изложеннаго въ ст. 1047 устава таможеннаго (изд. 1892 г.).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 2-го апрѣля 1902 г., № 32, ст. 332).

6. (25-го февраля 1902 года). *Объ увеличеніи кредита, отпускаемаго на содержаніе Императорскаго Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи кредита, от-

пускаемаго на содержаніе Императорскаго Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, Высочайше утвердить соизволили и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ увеличеніи кредита, отпускаемаго на содержаніе Императорскаго Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, *мнѣніемъ положила*:

I. Въ Высочайше утвержденномъ, 1-го января 1896 г., штатѣ Императорскаго Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны (собр. узак. ст. 110) сдѣлать слѣдующія измѣненія:

1) Дополнить оной второю должностью помощника завѣдывающаго аптекою, съ присвоеніемъ ей того же оклада содержанія (720 р. въ годъ) и тѣхъ же служебныхъ правъ и преимуществъ, какія установлены указаннымъ штатомъ для существующей должности помощника завѣдывающаго аптекой.

2) Увеличить оклады содержанія: а) директора Императорскаго Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны на 1.800 р. (въ томъ числѣ жалованье—на 600 р., столовые—на 100 р. и квартирныя—на 1.100 р.) и б) смотрителя на 700 р. (въ томъ числѣ жалованье—на 500 р. и столовые—на 200 р.)

3) Присвоить завѣдывающему аптекою квартирныя деньги въ размѣрѣ 600 р. въ годъ.

II. Въ дополненіе къ суммамъ, нынѣ ассигнуемымъ на содержаніе Императорскаго Клиническаго института Великой княгини Елены Павловны, отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства: 1) на покрытіе расходовъ, вызываемыхъ указанными въ отд. I измѣненіями штата означеннаго института, по *три тысячи восемьсотъ двадцати* рублей и 2) на хозяйственныя нужды онаго по *двадцати тысячъ* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 337).

7. (25-го февраля 1902 года). *Объ учрежденіи новыхъ должностей помощника класснаго наставника при Казанскомъ реальномъ училищѣ и Тифлисской 3-й гимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи новыхъ должностей помощника класснаго наставника при Казанскомъ реальномъ училищѣ и Тифлисской третьей гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Мизанлъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи новыхъ должностей помощника класснаго наставника при Казанскомъ училищѣ и Тифлисской третьей гимназіи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить при Казанскомъ реальномъ училищѣ и Тифлисской третьей гимназіи по одной (четвертой) должности помощника класснаго наставника съ присвоеніемъ имъ служебныхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ другимъ такимъ же должностямъ, и окладовъ содержанія: помощнику класснаго наставника въ Казанскомъ реальномъ училищѣ въ 600 р. (въ томъ числѣ жалованья 300 р. и квартирныхъ 300 р.), а помощнику класснаго наставника въ Тифлисской третьей гимназіи въ 390 р. (въ томъ числѣ жалованья 300 р. и квартирныхъ 90 р.) въ годъ.

II. Вызываемый означенною (отд. I) мѣрою расходъ отнести на спеціальныя средства подлежащихъ учебныхъ заведеній, съ производствомъ изъ содержанія учреждаемыхъ новыхъ должностей установленныхъ вычетовъ въ пенсіонный капиталъ (Выс. утв., 4-го апрѣля 1878 г. и 21-го ноября 1879 г., мн. гос. сов.; собр. узак.: 1878 г. ст. 346 и 1879 г. ст. 28).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 339).

8. (25-го февраля 1902 года). *Объ учрежденіи при Кубанской учительской семинаріи должности эконома-письмоводителя.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Кубан-

ской учительской семинаріи должности эконома-письмоводителя, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, науки и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи при Кубанской учительской семинаріи должности эконома-письмоводителя, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить при Кубанской учительской семинаріи должность эконома-письмоводителя, съ присвоеніемъ этой должности IX класса по чиновпроизводству, IX разряда по шитью на мундирѣ, IX разряда по пенсіи и оклада содержація въ 500 р. въ годъ (въ томъ числѣ 300 р. жалованья и 200 р. столовыхъ) при казенной квартирѣ.

II. Вызываемый означенною (отд. I) мѣрою расходъ, въ размѣрѣ *пятисотъ* рублей ежегодно, обратить на средства Кубанскаго казачьяго войска.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 340).

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(9-го марта 1902 года, № 16). *Назначаются*: титулярныо совѣтники: *Поповъ* и графъ *Потоцкій*—почетными попечителями гимназій: первый—вновь, Симферопольской, а второй—Каменецъ-Подольской, оба на три года.

Утверждаются: дѣйствительныя статскіе совѣтники: въ званіи камергера Высочайшаго Двора *Зыбинъ* и *Маховъ*, статскій совѣтникъ *Труцубогъ*, надворные совѣтники: *Устиловичъ* и *Миушевичъ* и коллежскій ассесоръ князь *Тенишевъ*—почетными попечителями: первый—вновь, Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, второй—вновь, Вяземской Императора Александра III гимназіи смоленскаго земства, третій—вновь, Полтавскаго Александровскаго реальнаго училища, четвертый—Кременчугскаго реальнаго училища, пятый—Кишиневскаго реальнаго училища и послѣдній—Порѣцкой учительской

семинаріи, всѣ шестеро, согласно избранію, на три года; титулярный совѣтникъ *Ермоловъ*—помощникомъ почетнаго попечителя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, согласно избранію, на три года.

Производится, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, регистраторъ библіотеки Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ *Пасталовъ*—съ 19-го ноября 1900 г.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ Костромской гимназіи *Владимірскій*—съ 1-го августа 1901 г.; преподаватель, исполняющій обязанность инспектора Муромскаго реальнаго училища *Гончаровъ*—съ 1-го августа 1901 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Тульской губерніи *Андреевъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учителя гимназій: Вяземской Императора Александра III, *Ильинъ*—съ 1-го октября 1901 г., Московской 7-й въ память Императора Александра III, *Браунъ*—съ 1-го августа 1901 г., Тульской, *Токаревъ*—съ 13-го августа 1901 г., Московской прогимназіи, *Добрянскій*—съ 1-го сентября 1901 г., Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища, *Плетнеръ*—съ 15-го августа 1901 г., частныхъ женскихъ гимназій: Московской Ю. П. Бессъ, *Розановъ*—съ 24-го сентября 1900 г. и Орловской Гиттерманъ, *Пепперъ*—съ 5-го сентября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея *Юшкевичъ*—съ 16-го мая 1899 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Московской губерніи *Окословъ*—со 2-го января 1901 г.; врачъ Калужской гимназіи *Обрицковъ*—съ 7-го августа 1901 г.; учитель Костромской гимназіи *Мурынцевъ*—съ 22-го февраля 1901 г.; врачъ Нижегородской гимназіи *Томсонъ*—съ 5-го іюля 1901 г.; учителя гимназій: частной женской Перепелкиной, *Осиповъ*—съ 17-го января 1901 г., Александровской Серпуховской: *Корсаковъ*—съ 1-го сентября 1900 г. и *Добрынинъ*—съ 11-го сентября 1901 г., Вяземской Императора Александра III, *Якимовъ*—съ 9-го ноября 1900 г. и *Пичинскій*—съ 27-го ноября 1900 г. и Рыбинской Марининской женской, *Смоленскій*—съ 1-го декабря 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Бурмистровъ*—съ 1-го января 1901 г., гимназій: Елецкой, *Назаревскій*—съ 19-го ноября 1900 г., Московской 5-й, *Трескинъ*—съ 23-го сентября 1900 г., Московской 7-й въ память Императора Александра III, *Покровскій* (Николай)—съ 1-го

октября 1900 г., Тульской, *Латишгъ* — съ 1-го сентября 1900 г., Петропавловскаго училища въ Москвѣ, *Мигайловъ* — съ 1-го августа 1900 г., Московской прогимназіи, *Покровскій* (Алексѣй) — съ 6-го ноября 1900 г., Зарайскаго реальнаго училища, *Фиттеръ* — съ 21-го декабря 1900 г.; учитель-инспекторъ Троице-Сергіевскаго городского училища *Науменко* — съ 18-го августа 1901 г.; врачъ Кромскаго городского училища *Утиловъ* — съ 12-го мая 1901 г.; учитель Усачевско-Черныявскаго женскаго училища *Секъ* — съ 21-го сентября 1892 г.; руководитель работъ по столярному ремеслу Тульскаго ремесленнаго училища *Шатровъ* — съ 1-го сентября 1901 г.; помощникъ воспитателей при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Егоровъ* — съ 1-го сентября 1901 г.; учителя-завѣдывающіе городскими училищами: Васильскимъ, *Ганичевъ* — съ 27-го марта 1897 г., Ардатовскимъ, *Копоновъ* — съ 1-го августа 1899 г., Старицкимъ, *Жандармовъ* — съ 1-го августа 1901 г. и учитель Порѣчскаго городского училища *Зоринъ* — съ 1-го іюля 1901 г.; наставникъ Повинской учительской семинаріи *Соболевъ* — съ 24-го февраля 1899 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: учителя: Московской 4-й гимназіи, *Теодоровичъ* — съ 14-го декабря 1901 г., Вязниковскаго низшаго техническаго училища имени Базанова, *Соколовъ* — съ 1-го октября 1900 г.; помощникъ воспитателей при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Вайнбергъ* — съ 8-го октября 1899 г.; бывшій учитель Скопинскаго городского училища, нынѣ учитель приготовительнаго класса Костромской гимназіи *Виноградовъ* — съ 1-го января 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Нижегородской, *Царепрадскій* — съ 7-го марта 1901 г. и Сергіево-Посадской, *Благодравовъ* — съ 1-го октября 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Можайскаго, *Королевъ* — съ 1-го іюля 1900 г., Звенигородскаго, *Лопатасевъ* — съ 1-го іюля 1901 г., Рославльскаго, *Николаевъ* — съ 1-го августа 1901 г., 1-го Московскаго, *Котевъ* (сверхтитулярный) — съ 1-го августа 1901 г. и Краснохолмскаго, *Сусловъ* — съ 1-го іюля 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: помощники классныхъ наставниковъ: Рязанской гимназіи, *Павловъ* — со 2-го декабря 1899 г., Калужскаго реальнаго училища, *Капиталевъ* — съ 1-го сентября 1899 г.; письмоводитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища *Канутовскій* — съ 21-го іюля 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: 1-го Московскаго, *Корнеевъ* — съ 1-го марта 1899 г., Семеновскаго, *Мельниковъ* — съ 1-го декабря 1898 г., Балахнинскаго, *Селезневъ* — съ 29-го октября 1899 г.,

Духовщинскаго, *Смирновъ* (сверхштатный)—съ 22-го октября 1894 г. и Старницкаго, *Голубевъ*—съ 15-го августа 1899 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Юрьевъ*—съ 21-го февраля 1901 г.; помощникъ учителя Каширскаго городского училища *Королевъ*—съ 17-го іюня 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощники учителя городскихъ училищъ: Троице-Сергіевскаго, *Голомяленскій* (бывшій)—съ 1-го сентября 1899 г., 1-го Брянскаго, *Гороховъ*—съ 28-го ноября 1899 г., Всеьегонскаго, *Горшечниковъ*—съ 8-го августа 1898 г., Калязинскаго, *Гусевъ*—съ 1-го октября 1899 г.; учитель Рыбинскаго 2-го приходскаго училища *Владимірскій*—съ 1-го ноября 1883 г.; фельдшеръ при больницѣ Комисаровскаго техническаго училища *Иевскій*—съ 17-го января 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Ливенскаго, *Воскресенскій* (Тихонъ)—съ 1-го іюля 1901 г., Вышневолодскаго 1-го городского, *Воскресенскій* (Алексѣй)—съ 27-го ноября 1894 г.; фельдшеры при клиникахъ Императорскаго Московскаго университета: госпитальной терапевтической, *Егоровъ*—съ 28-го ноября 1898 г. и факультетской хирургической, *Травинъ*—съ 1-го апрѣля 1899 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго советника*, инспекторъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи *Введенскій*—съ 1-го января 1897 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя: Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: *Кизеветтеръ*—съ 8-го августа 1897 г. и *Павловъ*—съ 1-го августа 1897 г., гимназій: Вяземской Императора Александра III, *Соловьевъ*—съ 1-го августа 1897 г., Елецкой, *Шитаревъ*—съ 14-го августа 1897 г., Костромской, *Андрониковъ*—съ 20-го августа 1897 г., Московской 1-й, *Полковъ*—съ 1-го августа 1897 г., Московской 5-й, *Фортисскій*—съ 1-го августа 1897 г., Московской 7-й въ память Императора Александра III, *Кондратьевъ*—съ 1-го августа 1897 г., Сергіево-Посадской, *Знаменскій*—съ 1-го августа 1897 г., Тульской, губернской секретарь *Цытковъ*—съ 23-го ноября 1895 г., Шуйской, *Чертовъ*—съ 1-го августа 1897 г., Смоленской Маріинской женской, *Тихальскій*—съ 8-го декабря 1894 г., Московской прогимназій, *Шатерниковъ*—съ 1-го августа 1897 г. и *Буртневъ* (сверхштатный)—съ 1-го августа 1897 г., реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго: *Воскресенскій*—съ 25-го августа 1897 г., *Симыгинъ*—съ 1-го іюля 1893 г., Калужскаго, *Постниковъ*—съ 1-го сентября 1897 г., Муромскаго, *Боссе*—съ 30-го сентября 1897 г., Московскаго частнаго Воскресенскаго, *Голомяленскій*—со 2-го октября

1897 г., Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, *Померанцевъ*—съ 1-го ноября 1896 г. и механико-техническаго училища имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Е. Комарова, въ Рыбинскѣ, *Арсеневъ*—съ 1-го августа 1897 г.; *титულлярнаго советника*: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Хорошевскій*—съ 27-го августа 1893 г., по степени лѣкаря; учитель Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища имени потомственнаго почетнаго гражданина Н. П. Пастухова *Булочкинъ*—съ 19-го сентября 1895 г.; врачъ Перехтской женской прогимназіи и Перехтскаго городского училища *Шереметевскій*—съ 22-го сентября 1897 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатный ассистентъ при минералогическомъ кабинетѣ Императорскаго Московскаго университета *Поповъ*—съ 13-го марта 1901 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; помощникъ классныхъ наставниковъ Московскаго реального училища *Муравлевъ*—съ 13-го декабря 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Плесскаго, *Простовъ*—съ 1-го октября 1897 г., Дмитровскаго, *Мыльниковъ*—съ 1-го сентября 1897 г., 1-го Брянскаго, *Григорьевъ*—съ 1-го августа 1897 г., Трубчевскаго, *Мухинъ*—съ 1-го августа 1895 г., Вяземскаго, *Мыслинъ*—съ 1-го августа 1897 г., Вышневолоцкаго: *Чернышевъ*—съ 1-го августа 1897 г. и *Метелкинъ* (сверхштатный)—съ 19-го августа 1897 г. и Рыбинскаго, *Вороновъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; *губернскаго секретаря*, членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Недошивинъ*—съ 1-го января 1900 г., по званію технолога; *коллежскаго регистратора*: домашній учитель *Жуковский*—съ 30-го марта 1898 г., помощники учителя городскихъ училищъ: Елецкаго, *Кодинъ*—съ 20-го августа 1897 г., Вышневолоцкаго, *Смининъ*—съ 5-го сентября 1897 г. и учитель искусствъ Рыбинскаго городского училища *Федоровъ*—со 2-го сентября 1897 года.

(15-го марта 1902 года, № 17). *Назначаются*: сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ зоологіи *Сверцовъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ зоологіи; инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, магистръ богословія, статскій совѣтникъ *Парижскій*—директоромъ народныхъ училищъ той же губерніи.

Утверждаются: отставной полковникъ гвардіи *Алисовъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Воронежскаго реального училища, согласно избранію, на 3 года; въ званіи камергера Высочайшаго Двора, надвор-

ный совѣтникъ *Хитрово*—почетнымъ попечителемъ Карачевской мужской прогимназіи, согласно избранію, на 3 года, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мрочекъ-Дроздовскій*.

Умершіе исключаются изъ списковъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Лазаревичъ*, директоръ Московской шестой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рязанцевъ* и директоръ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Александровичъ*, изъ нихъ: первые двое съ 25-го февраля, а послѣдній съ 15-го февраля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, по Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ, хранитель Дашковскаго этнографическаго музея *Личукъ*—съ 31-го марта 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу, учитель Московской 2-й гимназіи *Лукутинъ*—съ 30-го октября 1900 г.; по Одесскому учебному округу, врачъ Аккерманской прогимназіи *Шеръ*—съ 28-го іюля 1899 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ, старшій помощникъ бібліотекаря музеевъ *Калишевскій*—съ 16-го сентября 1901 г.; по Виленскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Молодечненской учительской семинаріи *Нижифоровскій*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Одесскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Керченской Александровской гимназіи, *Плакида*—съ 16-го августа 1900 г. и Θεодосійской гимназіи, *Дмитріевъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Харьковскому учебному округу, учитель Ростовскаго-на-Дону городского пятикласснаго училища *Ильинъ*—съ 1-го апрѣля 1896 г.; по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Бахмутской гимназіи *Роменскій*—съ 21-го января 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу: учитель Ярославскаго приходскаго городского училища *Смаридовъ*—съ 17-го августа 1875 г.; учитель Болховскаго приходскаго училища *Алфеевъ*—съ 1-го января 1901 г.; по Харьковскому учебному округу, учитель Обоянскаго городского приходскаго училища, Курской губерніи, *Педршайловъ*—съ

1-го августа 1894 г.; по Одесскому учебному округу: письмоводители: Θεодосійскаго учительскаго института, *Полковъ*—съ 4-го апрѣля 1901 г., Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища, *Преображенскій*—съ 15-го августа 1899 г.; журналистъ и архивариусъ канцеляріи попечителя *Шевцовъ*—съ 4-го марта 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *титულлярнаю советника*: по Московскому учебному округу, врачъ Вязниковской женской прогимназіи *Борисовъ*—съ 9-го декабря 1893 г., по степени лѣкаря; по Харьковскому учебному округу, помощникъ прозектора при кафедрѣ анатоміи Императорскаго Харьковскаго университета *Поповъ*—съ 30 марта 1895 г., по степени лѣкаря; *коллежскаю секретаря*: по Одесскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Херсонской гимназіи, губернской секретарь *Малицкій*—съ 16-го марта 1897 г., Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища, *Салтиковскій*—съ 14-го декабря 1897 г.; по Вилейскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Бѣлостокскаго реальнаго училища *Нестельскій*—съ 9-го октября 1899 г.

(23-го марта 1902 года, № 18). *Назначаются*: исправляющій должность адъюнкты-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ физики, надворный совѣтникъ *Мышкинъ*—профессоромъ того же института, по физикѣ и метеорологіи; преподаватель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, инженеръ-технологъ, коллежскій секретарь *Гиръ*—адъюнкты-профессоромъ того же института, по машиностроенію, съ 1-го января.

Утверждаются: дѣйствительные статскіе совѣтники: въ званіи камергера Высочайшаго Двора князь *Касаткинъ-Ростовскій* и *Воейковъ*—почетными попечителями: первый—вновь, Курской гимназіи, а второй—Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, оба, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ князя Касаткина-Ростовскаго въ придворномъ званіи.

Умершій исключается изъ списковъ, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Канонниковъ*, со 2-го марта.

Производится изъ тайныхъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, попечитель Кіевскаго учебнаго округа *Вельяминовъ-Зерновъ*, съ увольненіемъ его, согласно прошенію, отъ службы и предоставленіемъ ему носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Дмитревскій*, — съ 18-го февраля 1902 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, причисленный въ министерству *Ежовъ* — съ 1-го января 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, причисленный въ министерству, *Клечетовъ* — съ 16-го сентября 1901 г.

По департаменту народнаго просвѣщенія. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: дѣлопроизводители: VII класса, *Образцовъ* — съ 27-го февраля 1902 г. и VIII класса, баронъ *Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ* — съ 1-го января 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, дѣлопроизводитель VIII класса особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами *Гокканенъ* — съ 15-го февраля 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, помощникъ дѣлопроизводителя *Герасимовъ* — съ 21-го января 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощники дѣлопроизводителей: *Штейнъ* — съ 1-го февраля 1902 г. и особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами *Сунцовъ* — съ 1-го января 1902 года.

По Императорской академіи наукъ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, старшій зоологъ зоологическаго музея академіи *Бальминскій-Бирюля* — съ 10-го сентября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: младшій зоологъ зоологическаго музея академіи *Аделунгъ* — съ 10-го сентября 1901 г.; завѣдывающій работами въ отдѣленіи метеорологическихъ станцій II разряда Николаевской главной физической обсерваторіи *Каминскій* — съ 1-го января 1902 г.; помощникъ директора Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи *Мюллеръ* — съ 1-го января 1902 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: завѣдывающій отдѣленіемъ по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня Николаевской главной физической обсерваторіи *Грибондовъ* — съ 16-го сентября 1901 г.; ученый хранитель рукописей при I отдѣленіи бібліотеки академіи *Срезневскій* — съ 10-го декабря 1901 г.; бібліотекарь зоологическаго музея академіи *Шмидтъ* — съ 15-го октября 1901 г.; завѣдывающій отдѣленіемъ съѣти станцій Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи *Ганнотъ* — съ 1-го октября 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: младшій письмоводитель канцелярій

конференціи академіи *Модзалевскій*—съ 12-го октября 1901 г.; младшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ г. Павловскѣ *Надминъ* — съ 1-го сентября 1901 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: исправляющій должность журналиста и архивариуса канцеляріи правленія академіи Николай *Приходко* — съ 1-го января 1902 г.; старшій препараторъ зоологическаго музея академіи Сергѣй *Приходко* — съ 1-го января 1902 г.; смотритель зданій Николаевской главной физической обсерваторіи *Пертв*—съ 1-го января 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *титულлярно советника*: наблюдатель Николаевской главной физической обсерваторіи *Трапе* — съ 1-го ноября 1901 г. и младшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ г. Павловскѣ *Мультиановскій*—съ 1-го января 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: лаборантъ особой зоологической лабораторіи академіи *Мстальниковъ*—съ 19-го ноября 1901 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; вычислители: отдѣленія станцій II разряда Николаевской главной физической обсерваторіи: *Савельевъ* — съ 1-го марта 1901 г. и *Исюмовъ*—съ 1-го октября 1901 г., отдѣленія станцій III разряда Николаевской главной физической обсерваторіи, *Сырейшиковъ*—съ 1-го августа 1901 г.; физикъ отдѣленія станцій II разряда Николаевской главной физической обсерваторіи *Мальченко* — съ 1-го октября 1901 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Воронежской: *Картамышевъ*—съ 14-го марта 1901 г. и *Дарскій*—съ 1-го января 1901 г., Тамбовской, *Пааловскій*—со 2-го сентября 1901 г. и Пензенской, *Орелкинъ*—съ 16-го января 1902 г.; инспекторъ Курскаго дворянскаго пансіона пріюта Имени Императора Александра II, *Борцовъ*—съ 1-го декабря 1901 г., учителя: гимназій: Харьковской 3-й, *Шостенко*—съ 16-го сентября 1901 г., Воронежской, *Горбунковъ*—съ 1-го августа 1901 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской, *Ликовичъ*—съ 25-го августа 1901 г. и Харьковскаго реальнаго училища, *фонъ-Ульрихъ*—съ 16-го октября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Харьковской, *Ковалевскій* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 1-го августа 1901 г. и Пензенской, *Барышниковъ* — съ 19-го апрѣля 1900 г.; учителя: гимназій: Корочанской

Александровской, *Полъевъ*—съ 31-го августа 1901 г., Пензенской 1-й, *Новохацкий* — съ 17-го августа 1901 г., Ростовской-на-Дону, *Панчишка*—съ 30-го сентября 1900 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской, *Хлыстовъ*—съ 26-го іюля 1901 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго, *Дробязко* — съ 15-го октября 1901 г. и Тамбовскаго, *Хановъ* — съ 28-го сентября 1900 г. и врачъ Воронежской мужской прогимназіи *Хрущовъ*—съ 10-го іюля 1901 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные советники*: сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ пакожныхъ и сифилитическихъ болѣзней Императорскаго Харьковскаго университета *Щекинъ*—съ 26-го апрѣля 1900 г.; учителя: гимназій: Харьковской 1-й, *Плохинскій* — съ 31-го марта 1901 г., Корочанской Александровской, *Стоббе* — съ 20-го іюня 1901 г., Ростовской-на-Дону, *Динъ*—съ 21-го августа 1899 г., женскихъ: Тамбовской, *Смирновъ*—съ 19-го августа 1899 г. и Нахичеванской-на-Дону Екатерининской, *Антоновъ* — съ 19-го декабря 1900 г., Тамбовскаго реального училища, *Брудный* — съ 8-го апрѣля 1900 г.; почетный смотритель Валковскаго городского училища, Харьковской губерніи, *Гуровъ*—съ 26-го октября 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Ахтырской, *Покровский*—съ 8-го августа 1901 г., Корочанской Александровской, *Соброновъ*—съ 1-го октября 1901 г. и Тамбовскаго реального училища, *Терновъ*—съ 27-го мая 1901 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: Императорскаго Харьковскаго университета: штатные ординаторы: *Домовъ*—съ 1-го ноября 1899 г., *Мануби*—съ 11-го ноября 1899 г., лаборантъ *Любимовъ* — съ 5-го февраля 1899 г. и сверхштатный ассистентъ *Полтавцевъ* — съ 25-го ноября 1899 г.; штатный смотритель Шацкаго уѣзднаго училища, Тамбовской губерніи, *Окороковъ* — съ 27-го мая 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Воронежской гимназіи, *Дикаревъ* — съ 12-го октября 1901 г., Ростовскаго-на-Дону, Петровскаго реального училища, *Карповъ*—съ 25-го августа 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Валковскаго, Харьковской губерніи: *Кудряцевъ*—съ 22-го сентября 1901 г., *Чамовъ*—съ 21-го сентября 1901 г. и Краснослободскаго, Пензенской губерніи, *Земсковъ*—съ 10-го августа 1901 г., уѣздныхъ училищъ: Харьковскаго *Тробимовъ* (сверхштатный) — съ 1-го августа 1900 г., Воронежскаго, *Назаровъ* (сверхштатный) — съ 7-го февраля 1901 г. и Шацкаго, Тамбовской губерніи, *Черменскій*—съ 21-го октября 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: дѣлопроизводитель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Браинъ* — съ 1-го января

1902 г.; помощникъ бібліотекаря Императорскаго Харьковскаго университета *Миллеръ*—съ 21-го апрѣля 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Елатомской гимназіи, *Конonenковъ* — съ 23-го ноября 1900 г. и Воронежской прогимназіи, *Богомоловъ* — съ 27-го сентября 1899 г., учителя: уѣздныхъ училищъ: Харьковскаго, сверхштатно: *Максименко* — съ 3-го декабря 1899 г. и *Романика*—съ 20-го сентября 1901 г., Ахтырскаго, Харьковской губерніи, *Овчаренко* — съ 10-го августа 1901 г., окружныхъ училищъ Донской области: Новочеркасскаго, *Молчановъ* (сверхштатный) — съ 30-го марта 1901 г. и Сальскаго, *Титаренковъ*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*; помощникъ бібліотекаря Императорскаго Харьковскаго университета *Кирилловъ*—съ 1-го марта 1899 г.; журналистъ и архивариусъ канцеляріи попечителя *Ивановъ* — съ 6-го октября 1901 г.; учитель приготовительнаго класса Харьковскаго реального училища *Григорьевъ*—съ 25-го ноября 1899 г.; сверхштатные учителя уѣздныхъ училищъ Харьковской губерніи: Ахтырскаго *Лейко*—съ 31-го іюля 1899 г. и Лебединскаго, *Ефимовъ* — съ 31-го іюля 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя приходскихъ училищъ: Харьковской губерніи: Изюмскаго, *Любицкий*—съ 26-го августа 1900 г. и Купянскаго, *Кислинскій* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 26-го ноября 1896 г., Коаловскаго 2-го, Тамбовской губерніи, *Даниловъ* — съ 16-го августа 1901 г., Донской области: Новочеркасскаго 1-го, *Босовъ*—съ 3-го апрѣля 1901 г., Мечетновскаго, *Ребровъ*—съ 21-го ноября 1881 г., Михайловскаго, *Букаевъ*—съ 1-го августа 1901 г., Граббевскаго, *Кузнецовъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Таловскаго, *Павловъ*—съ 23-го ноября 1891 г., Земцово-Боковскаго, *Писковатковъ*—съ 1-го августа 1901 г., Александровскаго Егорлыцкаго, *Утинъ* — съ 31-го октября 1899 г., Луковскаго, *Шолоховъ*—съ 29-го іюля 1901 г., Свиначевскаго, *Бондаревъ*—съ 1-го августа 1901 г. и Кобылянскаго, *Гавриловъ* — съ 23-го августа 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ Донской области: Новочеркасскаго 2-го, *Абуховъ*—съ 13-го іюля 1901 г., Сладчевскаго, *Безсчетовъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Бесергеновскаго, *Лазаренковъ*—съ 16-го октября 1899 г., Аннинскаго, *Морозовъ* — съ 1-го сентября 1901 г., Аксайскаго, *Науомльновъ* — съ 6-го сентября 1901 г., Кухтачевскаго, *Чукаринъ* — съ 1-го октября 1900 г., Усть-Бузулуцкаго, *Черкесовъ* — съ 1-го сентября 1901 г. и Гундоровскаго двухкласснаго, *Савинъ* — съ 15-го сентября 1894 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: иждорнаго советъ-

ника, преподаватель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Берг*—съ 1-го февраля 1901 г., *коллежскаго ассессора*: учителя: гимназій: Пензенской 1-й: *Ризниковъ*—съ 9-го сентября 1897 г. и *Макаровъ*—съ 27-го іюня 1897 г., женскихъ: Харьковской 2-й, *Котовъ*—съ 8-го августа 1896 г. и Тамбовской, *Котляевъ*—съ 24-го сентября 1897 г., Урюпинскаго реальнаго училища, *Томірукъ*—съ 22-го августа 1897 г.; *титულлярнаго совѣтника*: Императорскаго Харьковскаго университета: бывший штатный ординаторъ при терапевтической госпитальной клиникѣ, нынѣ въ отставкѣ, *Щеюловъ*—съ 30-го марта 1895 г. и бывший сверхштатный ординаторъ при офтальмологической клиникѣ, князь *Шаховской*—съ 1-го января 1897 г., оба по степени лѣкаря; лаборанты Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: *Фокинъ*—съ 15-го іюля 1899 г. и *Чернобаевъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; учитель-техникъ Задонской школы ремесленныхъ учениковъ, Воронежской губерніи, *Пивоваровъ*—съ 31-го октября 1897 г.; врачи: Таганрогскаго четырехкласснаго городского училища, Донской области *Мильи*—съ 16-го августа 1877 г. и Павловской женской прогимназіи, *Максимовъ*—съ 31-го декабря 1896 г., оба по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: учитель-завѣдывающій Краснокутскимъ городскимъ Герасима Дашкевича училищемъ, Харьковской губерніи, *Древалюковъ*—съ 27-го августа 1897 г.; учителя: Чомбарскаго городского трехкласснаго училища, Пензенской губерніи, *Коневъ*—съ 27-го августа 1897 г. и Тамбовскаго уѣзднаго училища *Старювскій* (сверхштатный)—съ 21-го апрѣля 1897 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; *убернскаго секретаря*: учителя: Задонскаго уѣзднаго училища, Воронежской губерніи, *Эпельманъ*—съ 25-го октября 1897 г. и Новочеркасскаго окружнаго училища, Донской области, *Майборода*—съ 30-го сентября 1896 г.

По Одесскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, въ *коллежскіе регистраторы*, со старшинствомъ: почетные смотрители городскихъ четырехклассныхъ училищъ: Александровскаго, *Золотницкій*—съ 27-го ноября 1900 г. и Оргѣвскаго, *Бодасаровъ*—съ 18-го сентября 1900 г.

По Виленскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватели: Виленской 2-й гимназіи: *Лидеръ*—съ 23-го сентября 1901 г., *Хорошковичъ*—съ 13-го сентября 1901 г. и *Занкевичъ*—съ 1-го января 1902 г., Могилевскаго реальнаго училища,

Плейеръ — съ 16-го сентября 1901 г.; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи *Лосковичъ* — съ 22-го ноября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: инспекторъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи, *Кузнецовъ* — съ 31-го августа 1900 г.; преподаватели: Минской гимназіи, *Камышовъ* — съ 5-го октября 1901 г., Двинскаго реального училища, *Шантырь* — съ 21-го ноября 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: преподаватели: гимназій: Виленской 1-й, *Мазиковъ* — съ 5-го ноября 1901 г., Минской, *Походницкій* — съ 1-го октября 1900 г., Двинскаго реального училища, *Генке* — съ 8-го марта 1901 г., *Щуровичъ* — съ 21-го апрѣля 1901 г.; учитель-инспекторъ Борисовскаго городского училища, *Федоровичъ* — съ 30-го октября 1901 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощникъ классныхъ наставниковъ Виленскаго реального училища *Хорьковъ* — съ 1-го декабря 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: преподаватели Ковенской гимназіи: *Каминскій* — съ 11-го іюля 1901 г., *Ивановъ* — съ 14-го декабря 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Могилевскаго, *Поповъ* — съ 1-го августа 1899 г., Минскаго *Францкевичъ* — съ 1-го августа 1901 г.; письмоводитель Виленскаго еврейскаго учительскаго института *Обросовъ* — съ 22-го сентября 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, учитель чиstopисанія и рисованія Могилевскаго городского училища *Рудаковъ* — съ 1-го сентября 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Виленскаго Антокольскаго приходскаго училища *Тилинскій* — съ 14-го сентября 1901 г.

Утверждаются, въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго советника*, инспекторъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи *Очєнсновичъ* — съ 1-го іюля 1897 г.; *коллежскаго ассессора*, преподаватель Бобруйской прогимназіи *Иносозъ* — съ 27-го іюля 1897 г., *титулярнаго советника*: штатные врачи еврейскихъ начальныхъ училищъ: Лидскаго, *Варшавскій* — съ 5-го іюля 1896 г., Виленскаго 1-го, *Канъ* — съ 16-го мая 1897 г., оба — по степени дѣяря; *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Минской: *Миничъ* — съ 1-го октября 1897 г., *Ракочи* — съ 3-го декабря 1897 г., Ковенской, *Кирикъ* — съ 1-го ноября 1897 г., Гомельской, *Крушевскій* — съ 21-го декабря 1897 г.; учитель Виленскаго городского училища *Садовскій* — съ 1-го августа 1896 г.; *губернскаго секретаря*, бывший учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель Минскаго городского училища *Щука* — съ 1-го августа 1897 г.; *коллежскаго реги-*

стратора, бывший помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель Повоградскаго училища *Демидовичъ*—съ 1-го августа 1897 года.

По западно-сибирскому учебному округу. *Производятся*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*, преподаватель Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Джонсъ*—съ 7-го марта 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: первые учителя: Петропавловскаго городского училища, *Кулаковъ*—съ 1-го ноября 1887 г., Семипалатинскаго пятикласснаго, *Степановъ*—съ 1-го августа 1897 г., Кокчетавскаго трехкласснаго, *Лопачевъ*—съ 1-го августа 1897 г.; учителя: Томской гимназіи, *Миралъ*—съ 15-го августа 1901 г., Омской гимназіи, *Молочниковъ*—съ 17-го сентября 1901 г.; сверхштатный помощникъ прозектора при кафедрѣ нормальной анатоміи Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины *Кытмановъ*—съ 30-го ноября 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Томскаго университета *Григорьевъ*—съ 20-го іюня 1901 г. и лаборантъ при кафедрѣ общей патологіи Императорскаго Томскаго университета *Дмитриевскій*—съ 20-го октября 1901 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: дѣлопроизводитель Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Мураковъ*—съ 1-го августа 1900 г. и секретарь совѣта Императорскаго Томскаго университета *Кузнецовъ*—съ 8-го января 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: первый учитель Асмолинскаго трехкласснаго городского училища *Ходоръ*—съ 1-го октября 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Томской гимназіи *Быковъ*—съ 1-го февраля 1900 г.; учитель Ишимскаго уѣзднаго училища *Тимофеевъ*—съ 15-го сентября 1901 г. и хранитель физическаго кабинета Императорскаго Томскаго университета *Смирновъ*—съ 4-го октября 1901 г.; изъ губерскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя уѣздныхъ училищъ Ишимскаго, *Кузнецовъ* и Тарскаго, *Мельниковъ*, оба—съ 1-го августа 1899 г. и бухгалтеръ Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Соковинъ*—съ 30-го ноября 1900 г., изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощникъ учителя Семипалатинскаго пятикласснаго городского училища *Донскихъ*—съ 19-го іюня 1893 г. и учитель Тарскаго мужскаго приходскаго училища *Потенинъ*—съ 25-го октября 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Курганскаго Троицкаго мужскаго приходскаго училища *Антипинъ*—съ 11-го марта 1901 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: Тобольской гимназіи, *Васильевъ*—со 2-го іюля 1897 г., Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II *Антоновъ* и *Евреиновъ*, оба—съ 1-го августа 1897 г.; *титულрнаго советника*: врачъ Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II *Завадовскій*—съ 1-го августа 1897 г. и сверхштатный ординаторъ при факультетской дѣтской клиникѣ Императорскаго Томскаго университета *Делекторскій*—съ 13-го октября 1897 г., оба—по степени дѣкари; *коллежскаго секретаря*, помощникъ классныхъ наставниковъ Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II *Давыдовъ*—съ 1-го октября 1897 г.; *коллежскаго регистратора*, домашній учитель *Николаевъ*—съ 1-го декабря 1901 года.

(1-го апрѣля 1902 года, № 19): Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, гражданскій инженеръ, статскій совѣтникъ *Брадкѣ* съ производствомъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, на основаніи п. 2 ст. 792 уст. служб. прав. (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

V. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(12-го апрѣля 1902 года, № 1). По Именному Высочайшему указу, данному 24-го марта 1901 года, послѣдовало назначеніе меня на должность министра народнаго просвѣщенія.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ, я въ приказѣ отъ 2-го апрѣля 1901 года за № 2 высказалъ увѣренность, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе во вѣренномъ мнѣ министерствѣ окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи возложеннаго на меня Высочайшею волею порученія, и приглашалъ ихъ къ совмѣстной, трудной и неустанной работѣ по пути осуществленія данной мнѣ Государемъ Императоромъ программы, изложенной въ милостивомъ рескриптѣ Его Императорскаго Величества отъ 25-го марта того же года.

Нынѣ Именнымъ Высочайшимъ указомъ, воспослѣдовавшимъ въ 11-й день сего апрѣля, я увольняюсь отъ должности министра народнаго просвѣщенія.

Оставляя свой постъ и прощаясь съ сослуживцами, въ священную обязанность себѣ вмѣняю засвидѣтельствовать, что всѣ они, по

мѣрѣ возможности, старались исполнить пожеланія мои, выраженные въ упомянутомъ приказѣ за № 2. Не щадя силъ, они неустанно работали подѣ ближайшимъ моимъ руководствомъ, въ точности исполняя данныя имъ мною указанія; по первому моему призыву они охотно брались за непосильную иногда работу, на нихъ мною возлагаемую помимо исполненія прямыхъ по должности каждаго изъ нихъ служебныхъ обязанностей, а такой работы было много, и почти вся она была нестолжно сгнѣпал.

Особенно же благодарю я товарища моего сенатора Мѣщанинова, значительно облегчавшаго мнѣ детальную работу по управленію министерствомъ.

Выражаю глубокую благодарность предѣдателя ученаго комитета, тайному совѣтнику Солину за его энергичную дѣятельность по дѣламъ комитета.

Благодарю бывшаго попечителя варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Зенгера и попечителей округовъ: с.-петербургскаго тайнаго совѣтника Анрепа, рижскаго тайнаго совѣтника Шварца, западно-сибирскаго тайнаго совѣтника Лаврентьева, московскаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Некрасова, казанскаго тайнаго совѣтника Спѣшкова, одесскаго тайнаго совѣтника Сольскаго, оренбургскаго тайнаго совѣтника Ростовцева, вилецкаго тайнаго совѣтника Попова, харьковскаго тайнаго совѣтника Алексѣенко и кавказскаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Завадскаго, а также ректоровъ университетовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній за ихъ усиленные труды и понесенныя заботы къ тому, чтобы дать возможность желавшимъ студентамъ продолжать ихъ занятія. Въ семъ послѣднемъ отношеніи я съ особымъ чувствомъ глубокой благодарности отношусь къ многотрудной дѣятельности начальства и профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній города С.-Петербурга.

Тайнаго совѣтника Анрепа прошу принять мою особливую признательность за мощное содѣйствіе, оказанное имъ при выполненіи особо порученной ему работы; такую же признательность объявляю я всѣмъ г.г. предѣдателямъ и членамъ подкомиссій по той же работѣ, исполнившихъ быстро, глубоко обдуманно и вполне основательно возложенную на нихъ мною задачу, а въ особенности тайныхъ совѣтниковъ: Баранова и Мамаптова; дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: Фохта, Гуревича, В. А. Латышева, Смирнова и коллежскаго совѣтника Готлиба.

Сердечно благодарю директора департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рахманова, управляющаго отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тавилдарова, г.г. вице-директоровъ и всѣхъ чиновъ центральнаго управленія за попсенные ими труды и бессонныя ночи, проведенныя въ кропотливой работѣ.

Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю я и то отзывчивое отношеніе, которое было проявлено къ моимъ требованіямъ и ходатайствамъ со стороны лицъ, мнѣ неподвѣдомственныхъ, принявшихъ участіе въ моихъ работахъ и несшихъ труды, наравнѣ съ неподвѣдомственными мнѣ чинами.

Уповаю, что вопросы, разработанные въ мое управленіе, принесутъ хотя нѣкоторую пользу учебнымъ заведеніямъ и разовьютъ въ учащихся чувства глубокой любви къ Россіи и ея Монарху.

VI. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (7-го марта 1902 года, № 7142). *Нѣкоторыя указанія руководителямъ образовательныхъ экскурсій по естествознанію.*

Въ виду приближенія весенняго времени, наиболѣе удобнаго для устройства учебными заведеніями образовательныхъ экскурсій учащихся съ цѣлью ознакомленія ихъ съ тѣми или другими объектами растительнаго и животнаго царствъ, я нахожу нужнымъ преподать руководителямъ этихъ экскурсій нижеслѣдующія указанія.

Означенные руководители должны наблюдать, чтобы тѣ сады и парки, которые будутъ посѣщаться во время экскурсій учащимися, не подвергались никакимъ поврежденіямъ (порча газоновъ, срываніе цвѣтовъ и листьевъ, обламываніе вѣтокъ и т. п.). Какъ въ садахъ и паркахъ, такъ и въ лѣсу и въ полѣ, вообще во всѣхъ общезитіяхъ природы, должна быть соблюдаема и всячески воспитываема въ подрастающемъ поколѣніи экономія въ собираніи тѣхъ или другихъ объектовъ природы, какъ напримѣръ, пасѣкомыхъ, цвѣтовъ, листьевъ и пр. Экономія въ этомъ смыслѣ, помимо своего воспитательнаго значенія, необходима еще и потому, что упомянутыя экскурсіи могутъ быть организуемы разными учебными заведеніями въ одинъ и тотъ же

день или въ одинъ и тотъ же періодъ времени по одному экскурсіонному маршруту.

Объ изложенномъ сообщая вашему превосходительству, для надлежащихъ распоряженій и руководства.

ВІІ. ПОЛОЖЕНІЯ О СТИПЕНДІЯХЪ И ПРЕМІЯХЪ ПРИ ЗАВЕДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (19-го декабря 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени нижегородскаго купца Александра Альфонсовича Зевеке при Нижегородскомъ Владимирскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 г., утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу сто руб., собраннаго бывшими служащими общества пароходства и торговли подъ фирмою „А. А. Зевеке“, учреждается при Нижегородскомъ Владимирскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени нижегородскаго купца Александра Альфонсовича Зевеке.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность училища и, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, употребляются на взносъ платы за обученіе стипендіата.

§ 4. На стипендію назначается бѣднѣйшій изъ приходящихъ учениковъ христіанскаго вѣроисповѣданія, отличающійся безукоризненнымъ поведеніемъ и оказывающій удовлетворительныя усилія въ наукахъ.

§ 5. Выборъ кандидатовъ на стипендію предоставляется педагогическому совѣту училища, который и входитъ въ соглашеніе съ нижегородскимъ купцомъ Александромъ Альфонсовичемъ Зевеке о назначеніи того или другого изъ намѣченныхъ кандидатовъ стипендіатомъ.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіального капитала

употребляются на приобретение учебных пособій для того же стипендіата.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (31-го декабря 1901 года). *Положеніе о стипендіяхъ Скопинской городской думы при Скопинскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Въ ознаменованіе исполнившагося 12-го сентября 1901 года 25-лѣтія существованія Скопинскаго реальнаго училища Скопинскою городскою думою учреждаются при немъ 4 стипендіи, по двадцати пяти руб. каждая, путемъ ежегоднаго внесенія въ смѣту городскихъ расходовъ 100 руб. для взноса платы за ученіе 4-хъ учениковъ названнаго реальнаго училища.

§ 2. Въ случаѣ измѣненія размѣра платы за ученіе въ Скопинскомъ реальномъ училищѣ размѣръ стипендій не измѣняется.

§ 3. Стипендіаты избираются городскимъ управленіемъ изъ числа обучающихся въ реальномъ училищѣ дѣтей бѣдныхъ жителей гор. Скопина.

§ 4. Стипендіальная сумма вносится городскимъ управленіемъ два раза въ годъ (по 50 руб.) въ сентябрѣ и январѣ.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія Скопинскаго реальнаго училища въ другое среднее учебное заведеніе, стипендіи сохраняются на тѣхъ же условіяхъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (18-го января 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Михайловича Сильвестровича при Одесскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи руб., пожертвованнаго вдовою потомственнаго дворянина Ольгою Дмитриевною Сильвестровицъ, учреждается при Одесскомъ реальномъ училищѣ одна стипендіа имени покойнаго сына жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 2-хъ свидѣльствахъ 4% государственной ренты, по тысячѣ руб. каждое, хранится

въ Одесскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ реального училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются прежде всего на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата, а остатокъ выдается на руки стипендіату для покупки книгъ и учебныхъ пособій.

§ 4. Стипендіатомъ избирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ реального училища, православнаго исповѣданія, отличающійся хорошимъ поведеніемъ и достаточнымъ прилежаніемъ. Если, при избраніи стипендіата, окажется два или нѣсколько учениковъ, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, то преимущество дается уроженцу города Тирасполя или Тираспольскаго уѣзда.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Одесскаго реального училища, по соглашенію съ однимъ изъ членовъ семьи жертвовательницы или ея ближайшаго родственника, если таковыя находятся въ Одессѣ.

§ 6. Стипендіатъ, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или упорной лѣни, можетъ быть лишень стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Одесскаго реального училища въ другое учебное заведеніе стипендія переходитъ въ оное на тѣхъ же основаніяхъ.

4. (18-го января 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени писателя Николая Васильевича Гоголя при Симферопольскомъ Императора Николая II реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. При Симферопольскомъ Императора Николая II реальномъ училищѣ учреждается симферопольскимъ купеческимъ обществомъ стипендія въ память 50-лѣтія со дня смерти писателя Н. В. Гоголя.

§ 2. Стипендія обезпчивается ежегоднымъ ассигнованіемъ изъ

средствъ симферопольскаго купеческаго общества *пятидесяти* руб., вносимыхъ въ смѣту.

§ 3. Стипендія употребляется на взносъ платы за право ученія одного изъ нуждающихся учениковъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища изъ дѣтей обѣднѣвшихъ купеческихъ семей гор. Симферополя.

Примѣчаніе. Стипендіатъ назначается симферопольскимъ купеческимъ обществомъ, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища.

§ 4. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта училища и по соглашенію съ симферопольскимъ купеческимъ обществомъ.

§ 5. Въ случаѣ преобразования Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища ассигнуемая на сію стипендію деньги, съ тѣмъ же назначеніемъ, могутъ быть переданы и другому среднему учебному заведенію—по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (14-го февраля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени М. Х. Гельферихъ при Харьковскомъ технологическомъ институтѣ Императора Александра III.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣнадцать тысячъ* рублей, завѣщаннаго Виртембергскимъ подданнымъ Максимиліаномъ Христіановичемъ Гельферихъ, учреждаются при Харьковскомъ технологическомъ институтѣ Императора Александра III двѣ стипендіи имени М. Х. Гельферихъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный 4% государственною рентою въ Харьковское губернское казначейство, причисляется къ спеціальнымъ средствамъ института, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются прежде всего на взносъ платы за ученіе двухъ избран-

ныхъ стипендіатовъ, а остатокъ выдается на руки тѣмъ же стипендіатамъ равными частями въ теченіе 9 мѣсяцевъ, съ 1 сентября по 1 іюня.

§ 4. Стипендіи выдаются по усмотрѣнію учебнаго комитета двумъ бѣднѣйшимъ студентамъ христіанскаго вѣроисповѣданія, преимущественно уроженцамъ города Харькова, затѣмъ уроженцамъ Харьковскаго уѣзда и наконецъ вообще уроженцамъ Харьковской губерніи.

§ 5. Стипендіи назначаются на одинъ учебный годъ. Въ случаѣ неуспѣшности занятій или неодобрительнаго поведенія стипендіата, онъ можетъ быть лишень стипендіи постановленіемъ учебнаго комитета.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу.

6. (14-го февраля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Платоновича Энгельгардта при Архангельскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ.*

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго архангельскими гѣсопромышленниками, учреждается при Архангельскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ одна стипендія имени Александра Платоновича Энгельгардта, бывшаго архангельскаго губернатора.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ № 1256 4% государственной ренты, 1.000 рублеваго достоинства, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ процентной бумаги, въ которой заключается капиталъ, училище пріобрѣтаетъ новую соотвѣтственной цѣнности государственную или гарантированную правительствомъ процентную бумагу.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются прежде всего на взносъ платы за ученіе избраннаго сти-

пендіата, а остатокъ выдается ему на руки на пріобрѣтеніе имъ учебныхъ пособій, или одежды и обуви.

§ 5. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся примѣрнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами.

§ 6. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища, которому принадлежитъ и право лишенія стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія и малоуспѣшности стипендіата, если таковыя не зависятъ отъ болѣзни или какихъ-либо другихъ уважительныхъ причинъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища въ другое учебное заведеніе стипендія переходитъ въ оное на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (27-го февраля 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени коммерціи совѣтника Козьмы Терентьевича Солдатенкова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго Императорскому Московскому университету коммерціи совѣтникомъ К. Т. Солдатенковымъ капитала въ 65.000 руб. учреждаются при семъ университетѣ восемь стипендій имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіи дѣлятся по ровну между четырьмя факультетами, по двѣ на каждый.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи опредѣляется количествомъ получаемыхъ съ капитала процентовъ за годъ.

§ 4. Стипендіи назначаются студентамъ по представленіямъ подлежащихъ факультетовъ, согласно существующимъ на этотъ предметъ общимъ правиламъ.

§ 5. Свободные остатки отъ процентовъ, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

8. (28-го февраля 1902 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имени бывшаго студента сего университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Степановича Есикорскаго.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *шесть тысячъ девяти* рублей, пожертвованнаго по духовному завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Маріи Кондратьевны Есикорской (за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г.), учреждается при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Степановича Есикорскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіей могутъ пользоваться недостаточные студенты математическаго факультета, по отдѣленію математическихъ наукъ, православнаго вѣроисповѣданія, русскіе подданные, при хорошихъ успѣхахъ въ наукахъ и отличномъ поведеніи.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется усмотрѣнію правленія университета.

§ 5. Стипендія выдается по учебнымъ полугодіямъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ должны быть присоединяемы къ капиталу для учрежденія съ теченіемъ времени новой стипендіи на основаніяхъ настоящаго положенія.

9. (4-го марта 1902 года). *Положеніе о одновременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ имени „Домъ Совѣсти“.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1901 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 10.000 руб., внесеннаго неизвѣстнымъ лицомъ, учреждается при Московскомъ университетѣ еди-

повременное пособіе подъ именемъ „Долгъ Совѣсти“ на взносъ платы за слушаніе лекцій при университетѣ.

§ 2. Пособіе это назначается для выдачи студентамъ на взносъ платы за слушаніе лекцій безъ различія факультетовъ и національностей, на основаніи общихъ правилъ назначенія пособій студентамъ университета.

§ 3. Назначенное студентамъ пособіе не должно быть выдаваемо на руки студенту, а перечисляется правленіемъ университета въ сумму сбора за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 4. Могущіе оказаться остатки отъ процентныхъ денегъ за каждый данный годъ должны быть обращены на увеличенію капитала для пособія студентамъ.

§ 5. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

10. (13-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени М. и Ж. Гельферихъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *дванадцать тысячъ руб.*, пожертвованнаго по духовному завѣщанію Виртермбергскимъ подданнымъ Максимилианомъ Христіановичемъ Гельферихъ, учреждаются при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени супруговъ М. и Ж. Гельферихъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ четырехъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, изъ которыхъ два по пяти тысячъ рублей и два по тысячѣ рублей.

§ 3. Годовой размѣръ стипендій опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ со стипендіального капитала въ годъ, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года.

§ 4. Стипендіей могутъ пользоваться студенты физико-математическаго факультета христіанскаго исповѣданія, удовлетворяющіе требованіямъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ для студентовъ университета, при чемъ одна стипендія назначается для студентовъ математическаго отдѣленія, а другая для студентовъ естественнаго отдѣленія. Преимущественное право на эти стипендіи должны имѣть прежде всего уроженцы г. Харькова, затѣмъ уроженцы Харьковскаго уѣзда и наконецъ вообще уроженцы Харьковской губерніи.

§ 5. Въ случаѣ образованія при университетѣ сельско-хозяйственнаго или агрономическаго факультета, стипендія, назначенная для студентовъ естественнаго отдѣленія, должна быть перенесена на этотъ новый факультетъ.

§ 6. Избраніе стипендіата предоставляется усмотрѣнію правленія университета.

§ 7. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (15-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ имени покойнаго Бенвенуто Рицца, бывшаго ассистента при профессорѣ химіи А. М. Бутлеровѣ и лаборантѣ химической лабораторіи сего университета.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ три тысячи руб., отказаннаго С.-Петербургскому университету по завѣщанію вдовы австрійскаго подданнаго Эмиліи Рицца, заключающагося въ свидѣтельствахъ 4‰ государственной ренты, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія, согласно волѣ завѣщательницы, „имени покойнаго сына ея Бенвенуто Рицца, главнѣйше на уплату за право слушанія лекцій и вообще обученіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ“ недостаточнаго студента.

§ 2. Согласно волѣ завѣщательницы, выборъ и назначеніе стипендіата изъ числа студентовъ С.-Петербургскаго университета предоставляются пожизненно „женѣ коллежскаго ассессора Елизаветѣ Алексѣевнѣ Пантиной, рожденной Племяшниковой, а послѣ ея смерти самому университету“.

§ 3. Во исполненіе § 2 сего „Положенія“, правленіе С.-Петербургскаго университета, когда стипендія имени Бенвенуто Рицца становится свободной, извѣщаетъ о семъ г-жу Пантину, которая благоволитъ письменно увѣдомить правленіе университета объ избраніи ею кандидата на стипендію въ теченіе мѣсяца со дня извѣщенія ея о семъ правленіемъ С.-Петербургскаго университета.

§ 4. Стипендія избранному г-жею Пантиной кандидату назна-

чается и выдается съ соблюденіемъ существующихъ на сей предметъ правилъ для стипендій вообще.

§ 5. Капиталь стипендіи хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ пожертвованныхъ С.-Петербургскому университету капиталовъ, составляя неприкосновенную его собственность.

§ 6. Могущіе образоваться отъ выдачи стипендіи остатки присоединяются къ капиталу, или обращаются на выдачу пособій студентамъ, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (20-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника, кандидата правъ Александра Ѳеодоровича Раева при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *шесть тысячъ руб.*, заключающагося въ 6% билетахъ государственной комиссіи погашенія долговъ, отказаннаго по духовному завѣщанію кандидата правъ тайнаго совѣтника А. Ѳ. Раева, учреждается, согласно волѣ завѣщателя, стипендія его имени.

§ 2. Капиталь стипендіи хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ капиталовъ, пожертвованныхъ С.-Петербургскому университету, составляя неприкосновенную его собственность.

§ 3. Согласно волѣ завѣщателя проценты съ этого капитала въ количествѣ трехъ сотъ шестидесяти рублей ежегодно подлежатъ выдачѣ, въ видѣ стипендіи, получающимъ образованіе въ этомъ университетѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) родственникамъ А. Ѳ. Раева до восьмого поколѣнія включительно за всѣ четыре года университетскаго курса, б) однофамильцамъ его и в) уроженцамъ Саратовской и Воронежской губерній. При отсутствіи означенныхъ кандидатовъ проценты съ завѣщаннаго капитала выдаются въ стипендію, въ цѣломъ составѣ или въ половицѣ, прочимъ иеимущимъ студентамъ православнаго вѣроисповѣданія, съ предпочтеніемъ уроженцевъ селеній уроженцамъ городовъ (пунктъ 2 завѣщанія).

§ 4. Правленіе С.-Петербургскаго университета назначаетъ сти-

пендію имени А. Θ. Раева, соблюдая, кромѣ условій, указанныхъ въ § 3 сего „Положенія“, правила назначенія стипендій вообще.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на степендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ выдачи стипендій остатки присоединяются къ капиталу.

13. (20-го марта 1902 года). *Положеніе о капиталѣ въ 2.600 р., пожертвованномъ въ пользу Императорской Екатерининской больницы учредительницею перваго театральнаго агентства въ Россіи Елизаветою Николаевною Разсохиной женою статскаго совѣтника Е. Н. Левинскою.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Пожертвованный въ пользу Императорской Екатерининской больницы учредительницею перваго театральнаго агентства въ Россіи Елизаветою Николаевною Разсохиной женою статскаго совѣтника Е. Н. Левинской капиталъ, заключающійся въ $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ на предъявителя листахъ московскаго земельнаго банка за №№ 106483 и 106484 по 1.000 руб., за № 25466 въ 500 руб. и за № 27102 въ 100 руб., съ 19 купонами (срочн. 1 іюля 1902 г.) при каждомъ, всего въ процентныхъ бумагахъ на 2.600 руб. нарицательныхъ, неприкосновененъ и оному присваивается наименованіе: „Капиталъ имени учредительницы перваго театральнаго агентства въ Россіи Е. Н. Разсохиной“.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода означенныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія, на полученные по тиражу деньги приобрѣтаются новые закладные листы того же банка на нарицательную сумму вышедшихъ въ тиражъ листовъ.

§ 2. Проценты съ вышеозначеннаго капитала, коиъ будутъ получаться 117 руб., а за вычетомъ 5% налога съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ — 111 руб. 15 коп. въ годъ употребляются на взносъ платы за лѣченіе въ Императорской Екатерининской больницѣ, во всѣхъ клиническихъ отдѣленіяхъ ея, нуждающихся сценическихъ дѣятелей обоюго пола, всѣхъ національностей и всѣхъ вѣроисповѣданій, участвовавшихъ на какой либо сценѣ въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Примѣчаніе. а) За плату изъ процентовъ съ вышеупомяну-

таго капитала на излѣченіи въ Екатерининской больницѣ не можетъ находиться одновременно двое или болѣе лицъ.

б) Въ случаѣ одновременной конкуренціи нѣсколькихъ лицъ на поступленіе въ больницу за плату изъ процентовъ съ упомянутаго въ семъ положеніи капитала, преимущество отдается настоящему или бывшему члену перваго театральнаго агентства Е. Н. Разсохиной.

§ 3. Приему въ Екатерининскую больницу за плату изъ процентовъ съ означеннаго въ семъ положеніи капитала подлежатъ лишь тѣ изъ поименованныхъ въ п. 2 положенія лицъ, кои, по заключенію больничной администраціи, будутъ нуждаться въ больничномъ лѣченіи и отъ тѣхъ болѣзней, пріемъ съ которыми производится въ эту больницу.

§ 4. Назначеніе кандидатовъ изъ состава сценическихъ дѣятелей на пользованіе въ Екатерининскую больницу за плату изъ процентовъ съ означеннаго въ семъ положеніи капитала принадлежитъ: а) конторѣ больницы, которая требуетъ отъ претендента удостовѣреніе въ принадлежности къ сценическимъ дѣятелямъ въ видѣ или членскаго билета отъ перваго театральнаго агентства Е. Н. Разсохиной, что остается въ силѣ и въ случаѣ перехода этого агентства въ другія руки, или членскаго билета русскаго театральнаго общества, предварительно заявленнаго первому театральному агентству, за исключеніемъ экстренныхъ случаевъ, когда таковой предварительной явки не требуется; и б) пожизненно — учредительницѣ перваго театральнаго агентства Е. Н. Разсохиной женѣ статскаго совѣтника Е. Н. Левинской, при чемъ право это переходитъ: по кончинѣ ея, Левинской, къ новому представителю агентства, а въ случаѣ прокращенія дѣятельности агентства—исключительно къ русскому театральному обществу.

Примѣчаніе. Кандидатамъ по назначенію Е. Н. Левинской, ея преемника или русскаго театральнаго общества, неудовлетворяющимъ условіямъ п. 3, можетъ быть отказано въ пріемѣ.

§ 5. Лицу, пользующемуся лѣченіемъ въ Екатерининской больницѣ за плату изъ процентовъ съ упомянутаго въ семъ положеніи капитала, присвоивается наименованіе стипендіата учредительницы перваго театральнаго агентства Е. Н. Разсохиной, о чемъ на больничной ервати вывѣшивается соответствующая надпись.

§ 6. Остатки процентовъ съ капитала, могущіе образоваться за взисомъ платы за лѣченіе пользовавшихся въ Екатерининской больницѣ сценическихъ дѣятелей, равно какъ и могущая получаться прибыль

отъ тиража, по истеченіи каждаго года, расходуются, согласно при-
мѣчанія, къ § 3 Высочайше утвержденнаго 18-го мая 1889 г. Полож.
о больн., исключительно на нужды больницы, порядкомъ, установлен-
нымъ для расходованія специальныхъ средствъ Московскаго универ-
ситета.

§ 7. Контора больницы обявывается ежегодно, къ 9-му февраля,
сообщать совѣту русскаго театральнаго общества въ С.-Петербургѣ
свѣдѣнія о составѣ больныхъ, пользовавшихся въ больницѣ въ истек-
шемъ году за счетъ процентовъ съ упомянутаго въ семъ положеніи
капитала, для напечатанія этихъ свѣдѣній въ отчетѣ общества.

§ 8. Въ амбулаторіи больницы должно постоянно находиться объ-
явленіе отъ конторы больницы о правѣ сценическихъ дѣятелей поль-
зоваться бесплатно лѣченіемъ въ больницѣ на основаніяхъ сего по-
ложенія.

§ 9. Таковое же объявленіе конторы больницы передаетъ ежегодно
къ 9-му февраля, въ бюро русскаго театральнаго общества въ Москвѣ,
для вывѣшиванія въ помѣщеніи бюро къ свѣдѣнію сценическихъ дѣя-
телей.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣ-
щенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Григорьевъ*. Краткій курсъ химіи. Изданіе Т-ва «Знаніе». С.-Пб. 1901. Стр. VIII+156. Цѣна 80 коп.“ (для тѣхъ заведеній, въ которыхъ химія преподается въ объемѣ, соответствующемъ этой книгѣ, а также для приобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „*Кричагинъ, Н.* Учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ за-
веденій. (Курсъ систематическій). Изданіе К. Л. Риквера. С.-Пб. 1901.

Стр. XII+311. Цѣна 1 р. 35 коп.“ (также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Чевакинскій, А. И.* Учебная книга сравнительной всеобщей географіи. С.-Пб. 1901. Стр. IX+165. Цѣна 1 р.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ проходится сравнительная географія).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аллендорфъ, Иванъ.* Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. 8-е изданіе. М. 1902. Стр. IV+166. Цѣна 70 коп.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, какъ учебное пособіе при изученіи русскаго языка).

— „*Андерсонъ, Ѳ. К.* Нѣмецкая хрестоматія. II часть. 5-е изданіе, испр. и дополи. С.-Пб. 1902. Стр. 251+III. Цѣна 75 коп.“ (для среднихъ классовъ).

— „*Арендтсъ, К.* Атласъ естественной исторіи. Передѣланъ *А. Ѳ. Брандтомъ.* Изданіе 5-е, К. Л. Риккера. С.-Пб. 1901. 80 таблицъ+80 стр. текста. Цѣна 1 р. 80 коп.“

— „*Бѣляевъ, Г.* Краткая библейская хрестоматія на славянскомъ языкѣ съ церковно-славянскою азбукою. С.-Пб. 1901. Стр. рѣд+II. Цѣна 50 коп.“ (для младшихъ классовъ, въ качествѣ учебнаго пособія по Закону Божію).

— „*Козьминъ, К.* Русская хрестоматія. Курсъ II. Изданіе 11-е, М. Д. Наумова. М. 1900. Стр. IV+351. Цѣна 75 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „*Маевскій, П.* 1) Весенняя флора Средней Россіи. Таблицы для опредѣленія растений, цвѣтущихъ въ мартъ и апрѣль. 3-е изданіе, испр. и доп. *Б. Федченко.* М. 1899. Стр. 87. Цѣна 30 коп. — 2) Осенняя флора Средней Россіи. Таблицы для опредѣленія растений, цвѣтущихъ осенью. 2-е изданіе, испр. и доп. *В. А. Федченко.* М. 1897. Стр. 158. Цѣна 40 коп. (Объ—изданія М. и С. Сабышниковыхъ)“ [также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки].

— „*Мюльманъ, Р.* Нѣмецкая хрестоматія. II часть. Изданіе Г. К. Зихмана. Рига. 1901. Стр. 210. Цѣна въ папкѣ 60 коп.“ (для сред-

нихъ и старшихъ классовъ училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Покровский, Н.* Русская хрестоматія. Часть I. Для приготовительнаго класса среднеучебныхъ заведеній. Изд. 12-е. М. 1901. Стр. 269. Цѣна 50 коп.—Часть II. Для 2 первыхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Изд. 9-е. М. 1901. Стр. 426. Цѣна 75 коп.—Часть III. Для 3-го и 4-го классовъ среднеучебныхъ заведеній. Изд. 7-е. М. 1901. Стр. 453. Цѣна 1 р.“

— „*Тартаевскій, А.* Русскій языкъ. Хрестоматія, составленная изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей. Изданіе 5-е, II. В. Луковникова. С.-Пб. 1901. Стр. 258—III. Цѣна 60 коп.“ (для младшихъ классовъ тѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ обучаются преимущественно инородцы).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Авенариусъ, В. П.* Первый вылетъ. Путевой дневникъ институтки. Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1902. Стр. 210. Цѣна 1 р.“ (для средняго возраста).

— „*Бодановъ, М. Н.* 1) Ласточка. Разсказъ. М. 1902. Стр. 27. Цѣна 10 коп.—2) Мышка. Разсказъ. М. 1902. Стр. 18. Цѣна 8 к.—3) Скворецъ и Воробей. Два разсказа. М. 1902. Стр. 31. Цѣна 10 коп.—4) Бѣдные звѣрьки. Ужъ и Жаба. Два разсказа. М. 1902. Стр. 17. Цѣна 8 коп.—5) Бѣдный звѣрокъ. Летучая мышь. Разсказъ. М. 1902. Стр. 16. Цѣна 8 коп. («Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*»)“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Бутовскій, А. Д.* Система шведской педагогической и военной гимнастики. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1899. Стр. 154. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Бьялевъ, I.* Увлеченія юности (по поводу убійства министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова). Владикавказъ. 1901. Стр. 16.“ (для старшаго возраста).

— „*Водовозовъ, В.* Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка. С.-Пб. 1897. Стр. VIII+535. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— *Горбуновъ, И. Ѳ.* Сочиненія. Подъ ред. и съ предисловіемъ

А. О. Кош. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. Томъ I. Стр. II+441. — Томъ II. Стр. 610. Цѣна за 2 тома 4 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Зичи, М. А.* Иллюстраціи къ роману М. Ю. Лермонтова «Княжна Мери». Изданіе А. А. Гусевой. С.-Пб. (безъ года). 1 стр. предисловія и 24 табл. Цѣна 3 р. 50 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Знойко, Николай.* Аравія и Арабы. Магометъ, его жизнь и ученіе. (Сборникъ статей по исторіи среднихъ вѣковъ. Выпускъ II). Одесса. 1901. Стр. IV+97. Ц. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Ивановъ, К. А.* Трубадуры, труверы и миннезенгеры. Изданіе «Петербургскаго учебнаго магазина». С.-Пб. 1901. Стр. VI+356. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.* 1) Последніе дни земной жизни Госнода нашего Иисуса Христа. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1901. Стр. VII+III+XXXIII+528. Цѣна 2 р.—2) Жизнь святого апостола Павла. С.-Пб. 1901. Стр. 165. Цѣна 75 коп. (Объ—изданія Т-ва М. О. Вольфъ).“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Круберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ.* Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1902. Стр. X+760. Ц. 2 р. 75 к.“ (для старшаго возраста, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Ловягинъ, А. М.* Отечествовѣдѣніе. Природныя условія, народное хозяйство, духовная культура и государственный строй Россійской Имперіи. С.-Пб. 1901. Стр. 638. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Мейеръ, А.* Практическій курсъ анатоміи растений. Переводъ Г. Э. Риттера. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. (Серія учебниковъ по биологіи). М. 1901. Стр. X+139. Цѣна 80 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ библіотеки учительскихъ институтовъ).

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. И.* Кавказскіе богатыри. I. Гавзавать (Священная война). М. 1902. Стр. 174. Цѣна 60 коп.—II. Въ огнемомъ кольцѣ. М. 1902. Стр. 129. Цѣна 40 коп.—III. Побѣда! М. 1902. Стр. 162. Цѣна 50 коп. (Библіотека «Дѣтскаго Чтенія»)“ (для средняго и старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Ньюманъ, Д.* Бактеріи. Переводъ Е. Гуревичъ подъ ред.

В. Воронина. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. (Серія учебниковъ по біологіи). М. 1902. Стр. 345. Цѣна 1 р. 75 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*И., С.* Мученичество за Христа. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1900. Стр. 28. Цѣна 10 коп.“

— „*Поселяннъ, Е.* Русскіе подвижники XIX вѣка. Историко-біографическіе очерки. Части I и II въ одномъ томѣ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1900. Стр. 214+224. Цѣна 75 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Потапенко, И. Н.* Повѣсти и рассказы. Томъ II. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1895. Стр. 320.—Томъ IV. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 335.—Томъ VI. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 333.—Томъ VIII. С.-Пб. 1894. Стр. 343.—Томъ IX. С.-Пб. 1896. Стр. 317. (Томъ VI—изданія А. Ф. Маркса, остальные Ф. Павленкова). Цѣна каждому тому 1 р.“ (для старшаго возраста).

— „Сказки русскаго народа. Избраны, изложены и изданіе редактировано *В. А. Гатцукомъ.* Изданіе А. Д. Ступина. М. 1902. Вып. XIV, стр. (97—128) и XV, стр. (129—160). Цѣна за выпускъ 25 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Сказъ о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ. Издавъ подъ ред. *О. Э. Миллера.* 3-е изданіе (2-е изд. было пересм. и дополн. *И. А. Шлипкинымъ*). С.-Пб. 1899. Стр. 79. Цѣна 6 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Тристрамъ, Г. В.* Восточные обычаи въ библейскихъ странахъ. Переводъ *В. Н. Амичковой.* Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1900. Стр. 143. Цѣна 4 р.“ (также въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Хрущовъ, И. П.* Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. С.-Пб. 1901. Стр. IV+502+I. Цѣна 2 р. 25 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Чижевъ, Н. Е.* Законовѣдѣніе. Выпускъ I. Записки по государственному праву. Изданіе 2-е. Одесса. 1902. Стр. VI+87. Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Юрьева, М.* Снѣгурочка. (Разсказъ изъ недавняго прошлаго). Изданіе С. Курнина и К°. М. 1901. Стр. 146. Цѣна 80 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аллендорфъ, А. А.* Учебникъ нѣмецкой грамматики, изложенной сравнительно съ грамматикой русскаго языка. 5-е, перераб. изд. М. 1902. Стр. X+93. Цѣна 60 коп.“ (къ употребленію въ среднихъ классахъ для систематическаго повторенія и необходимаго дополненія грамматическаго матеріала, пройденнаго, при помощи методическаго учебника, въ низшихъ трехъ классахъ, — съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи, если таковое понадобится, цѣна книги была понижена до 45 коп.).

— „*Мальцева, И. С.* Учебникъ географіи въ 3-хъ частяхъ. I. Краткія свѣдѣнія по математической, физической и политической географіи. II. Западная Европа. III. Внѣ-европейскія страны. С.-Пб. 1902. Стр. 180. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для женскихъ гимназій и прогимназій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Преображенскій, А.* 1) Краткая русская грамматика для первыхъ 3-хъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Этимологія. Изданіе 14-е, В. Думнова. М. 1901. Стр. VI+106. Цѣна 40 к.— 2) Русская грамматика. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 14-е, В. Думнова. М. 1901. Стр. VIII+124. Цѣна 50 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книгъ были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Темношровъ, Никаноръ.* Ученіе о Богослуженіи Православной Церкви. Изданіе 4-е, испр. С.-Пб. 1900. Стр. 130+II. Цѣна 40 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Евстафьевъ, П. В.* 1) Древняя русская литература. I-й выпускъ. Устная народная словесность. Изд. 8-е, пересм. С.-Пб. 1899. Стр. 80. Цѣна 50 коп.— 2) Приложение къ I-му выпуску: Классный сборникъ образцовъ русской народной поэзіи. Изданіе 3-е, пересм.

С.-Пб. 1890. Стр. II+102+II. Цѣна 70 коп.—3) Древняя русская литература. 2-й выпускъ. Книжная словесность. Изданіе 7-е, пересм. С.-Пб. 1899. Стр. 102+II. Цѣна 75 коп.—4) Новая русская литература (съ Петра Великаго до настоящаго времени). Изданіе 14-е, пересм. С.-Пб. 1900. Стр. 247+VII. Цѣна 1 р. 60 коп.—5) Новая русская литература въ отдѣльныхъ очеркахъ замѣчательнѣйшихъ писателей. 4-й выпускъ. А. Н. Островскій. Спб. 1897. Стр. 102+II. Цѣна 70 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Малыя учебныя карты по отечествовѣдѣнію Россіи. Изданіе школьной картопечатни. С.-Пб. 1901.: 1) Карта поверхности Евр. Россіи. Цѣна 5 коп.—2) Карта атмосферическихъ осадковъ. 5 коп.—3) Карта морскихъ бассейновъ Евр. Россіи. 5 коп.—4) Карта изотермъ года въ Евр. Россіи. 5 коп.—5) Карта поверхности Азиатской Россіи. 10 коп.—6) Карта губерній и областей Азиатской Россіи. 10 коп.—7) Карта поверхности Туркестана. 10 коп.—8) Карта областей Туркестана. 10 коп.—9) Карта губерній съ главными городами Европѣйской Россіи. 15 коп.—10) Карта губерній Европ. Россіи съ городами по морскимъ бассейнамъ. 15 коп.“

— „Серія географическихъ картъ, составляющихъ пособіе для черченія учащимися учебныхъ географическихъ картъ и вообще изученія географіи: а) географическіе контуры частей свѣта и отдѣльныхъ государствъ, б) тѣ же географическіе контуры, но съ обозначеніемъ главнѣйшихъ рѣкъ, в) репетиціонныя географическія карты, г) наводныя географическія карты. Серія составлена изъ слѣдующихъ 25 картъ каждаго вида: Европейской Россіи, Азиатской Россіи, Сибири, Туркестана, Кавказа, Сѣверной половины Европейской Россіи, Южной половины Европѣйской Россіи, Европы, Азіи, Африки, Сѣверной Америки, Южной Америки, Австраліи, Гермаліи, Австро-Венгріи, Франціи, Англіи, Италіи, Испаніи и Португаліи, Скандинавскаго полуострова и Дании, Бельгіи и Голландіи, Швейцаріи, Балканскаго полуострова, Соединенныхъ Штатовъ и полушарій. Изд. И. П. Максимова. Гомель, 1901. Цѣна каждой карты 5 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи цѣна каждой карты была понижена до 3 коп.)

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Алленъ, Грамитъ. Въ тайникахъ природы. Борьба, защита, работа и сонъ въ мірѣ животныхъ и растений. Переводъ М. П. Во-

лошиновой. Изданіе О. П. Поповой. Спб. 1902. Стр. II+413+I. Цѣна 2 р.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была тщательно исправлена).

— „*Бухаревъ, Г.* Толкованіе на Евангеліе отъ Марка. Изданіе В. В. Думнова. М. 1900. Стр. 222. Цѣна 75 коп.“ (также въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній,—съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги приняты были къ руководству замѣчанія учебнаго комитета при св. Синодѣ).

— 1) „*Литицъ, К. Г.* Новый естественно-историческій атласъ. 30 хромофотографированныхъ таблицъ. М. 1901. Цѣна 5 р. 50 коп.
— 2) „*Ясенскій, П. П.* Краткое описаніе животныхъ, растений и минераловъ. Пояснительный текстъ къ атласу К. Г. Литица. М. 1902. Стр. 128. Цѣна 50 коп. Изданіе В. В. Думнова.“ (также въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки,—съ тѣмъ чтобы при слѣдующемъ изданіи объяснительный текстъ былъ тщательно исправленъ, и чтобы вообще были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. министромъ, постановлено:

Изданныя пѣсенною комиссіею Императорскаго Русскаго Географическаго Общества сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ, подъ заглавіями: 1) „30 пѣсенъ Русскаго народа для одного голоса, съ сопровожденіемъ фортепьяно изъ собранныхъ въ 1886 году *Г. О. Дютшемъ* и *Θ. М. Истоминамъ*, гармонизовалъ *Милій Балакиревъ*. Стр. 95. Цѣна 2 р.“—2) „35 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса, съ сопровожденіемъ фортепьяно изъ собранныхъ въ 1893 г. *С. М. Ляпуновымъ* и *Θ. М. Истоминамъ* переложилъ *С. Ляпуновъ*. Стр. 94. Цѣна 2 р.“—3) „35 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепьяно, изъ собранныхъ въ 1894—95 гг. *И. В. Некрасовымъ* и *Θ. М. Истоминамъ*, переложилъ *Анатолій Лядовъ*. Стр. 63. Цѣна 2 р.“—4) „50 русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложенныхъ для трехголоснаго и четырехголоснаго смѣшаннаго хора для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ *Алексѣемъ Пестровымъ*. Спб. 1901. Стр. 56. Цѣна 75 к.“—5) „Пѣсни русскаго народа. Слова записаны *Θ. М. Истоминамъ*, пѣтѣвы—*Г. О. Дютшемъ*. 1894.“—признать заслуживающими особой рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства, для пріобрѣтенія какъ въ

фундаментальныя, такъ и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*II. Kauser. Grammatica militans. Желательныя измѣненія въ преподаваніи латинскаго и греческаго языковъ съ точки зрѣнія данныхъ опыта. Переводъ М. Коссаковскаю. Вильна. 1901. Стр. VII+183. Цѣна 1 р. 95 коп.*“—допустить въ фундаментальныя библіотеки мужскихъ гимназій.

— Книги: „*Д-ръ М. Рейхъ. 1) Какъ предохранять и лечить глаза дѣтей преимущественно отъ гнойнаго воспаления. 5-ое изданіе. Спб. 1900. Стр. 40. Цѣна не обозначена.*—2) *Что дѣлаетъ міръ для улучшенія участи слѣпыхъ. 3-е изданіе. Спб. 1901. Стр. 71+1 табл. Цѣна 50 коп. (Объ—изданія понечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ).*“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки; вторую же, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „*Полное собраніе стихотвореній А. А. Фета. Подъ ред. Б. В. Никольскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1901. Томъ I. Стр. XII + 496. — Томъ II. Стр. XVIII + 654. — Томъ III. Стр. VIII+486. Цѣна за 3 тома 5 р.*“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и признать заслуживающимъ рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства начальствамъ учебныхъ округовъ, для приобрѣтенія въ ученическія библіотеки старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для выдачи воспитанникамъ этихъ заведеній въ качествѣ награды.

— Книгу: „*Фабръ. Инстинкты и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Переводъ Е. И. Шесыревой. Подъ ред. Ив. Шесырева. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1898. Стр. VIII+590. Цѣна не обозначена.*“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій, и признать ее заслуживающею рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства, для выдачи воспитанникамъ упомянутыхъ заведеній въ качествѣ награды.

— Книгу: „*В. И. Модестовъ. Введеніе въ Римскую исторію. Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-*

римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Часть I-ая. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1902. Стр. XVI+256+17. Цѣна 4 р.—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и признать ее заслуживающею особой рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго распоряженія министерства, для выдачи ученикамъ упомянутыхъ заведеній въ награду.

— Изданіе: „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Изданіе 7-ое, А. Ф. Маркса. Спб. 1901. Томъ I. Стр. XVI + 600. — Томъ II. Стр. VIII+560.—Томъ III. Стр. 506+II.—Томъ IV. Стр. VIII+618. Цѣна за 4 тома 4 р.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, и рекомендовать, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства, для выдачи въ награду воспитанникамъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Брошюру: „П. И. Ней. О преподаваніи иностранныхъ языковъ. Кіевъ. 1901. Стр. 17. Цѣна не обозначена“—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и рекомендовать особому вниманію преподавателей иностранныхъ языковъ.

— Книгу: „Б. А. Павловичъ. Разказы изъ русской исторіи. Изданіе 4-е. Спб. 1893.“—исключить изъ „Општа каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, опредѣленіемъ, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, призналъ цѣлесообразнымъ и полезнымъ обратить вниманіе преподавателей физики, посредствомъ особаго циркулярнаго распоряженія министерства, на слѣдующія книги:

1) „Б. П. Вейнбергъ и И. Я. Точидловскій. Руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ. Одесса. 1901. Стр. XX+560. Цѣна 3 р. 50 коп.“—2) „Ихъ же. Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ. Одесса. 1901. Стр. XV+368. Цѣна 2 р. 25 коп.“

IX. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Карасевъ, А.* Уроки гѣнія. Часть 1-я. 14-е изданіе, вновь переработанное и значит. дополнено. С.-Пб. 1900. Стр. 44. Цѣна 30 коп.—Часть 2-я. 4-е изданіе, вновь перераб. и значит. дополн. С.-Пб. 1900. Стр. 67. Цѣна 60 коп.“ (Часть 1-ю для употребленія въ низшихъ училищахъ и первыхъ 3 классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, часть 2-ю—въ учительскихъ семинаріяхъ и тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается хоровое гѣніе и начатки гармоніи).

— „*Подоба, Ѡ. П.* Русская литографированная хрестоматія для упражненій въ чтеніи рукописей различныхъ почерковъ. Изданіе 11-е, В. В. Думнова. М. 1902. Стр. 96. Цѣна 50 коп.“

— „*Сатаровъ, В., и А. Торотовъ.* «Родная Пива». Книга для чтенія въ старшихъ отдѣленіяхъ начальныхъ училищъ и низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1902. Стр. 445—III. Цѣна 75 коп.“ (также для употребленія въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Смоль, В. Л.* 1) Сокращенное руководство къ исторіи еврейскаго народа. Часть II. (По-библейскій періодъ). 4-е изданіе, испр. Одесса. Стр. 126. Цѣна 50 коп.—2) Краткій еврейскій катехизисъ съ прибавленіемъ важнѣйшихъ молитвъ для дѣтей и краткой священной исторіи. 20-е изданіе. Одесса. 1901. Стр. 255—63. Цѣна 30 к.“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Темкинъ, В. М.* Бетъ-гасефоръ-гашолевъ. Руководство къ обученію Библии и древне-еврейскому языку, съ русскимъ переводомъ всѣхъ словъ Библейскаго текста. Изданіе 2-е испр. Вильна. 1901. Часть I-я. Стр. 126. Цѣна 40 коп.—Часть II-я. Стр. 146. Цѣна 55 коп.“ (для еврейскихъ училищъ).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Александровъ, Н. А.* Практическое огородничество. М. 1901. Стр. III+225. Цѣна 70 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Альбрехтъ, К.* Руководство къ хорошему пѣнію по цифрной методѣ Шеве. Выпускъ I. Звуки простыя. М. 1897. Стр. 35. Цѣна 30 коп.—Выпускъ II. Звуки измѣненныя. Изданіе 5-е. М. 1901. Стр. 34+V. Цѣна 40 коп.—Выпускъ III. (Переходы). Изданіе 3-е. М. 1886. Стр. 28. Цѣна 40 коп.—Выпускъ IV. Изданіе 2-е (вновь передѣл.). М. 1885. Стр. 28. Цѣна 40 коп.—Выпускъ V. Изданіе 2-е (вновь передѣл.). М. 1886. Стр. 27+I. Цѣна 40 коп.“ (выпускъ I-й также и къ классному употребленію въ низшихъ училищахъ).

— „*Бамакиревъ, Милій.* 30 пѣсень русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепьяно изъ собранныхъ въ 1886 г. Г. О. Дютшемъ и Ѳ. М. Истоминымъ. Стр. 95. Цѣна 2 рубля. Изданіе пѣсенной комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.“

— „*Ваннеръ, А.* Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Переводъ *И. И. Пузыревскаго.* (Бібліотека мелкаго сельскаго хозяйства. № 1). С.-Пб. 1901. Стр. 69. Цѣна 25 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки учительскихъ семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— *Верининъ, Н.* Въ помощь учащимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Краткій сборникъ законоположеній и распоряженій по начальнымъ народнымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія. Изданіе *К. И. Тихомирова.* М. 1902. Стр. VIII+188+II. Цѣна 40 коп. Изданіе неофициальное.“

— „*Водовозова, Е.* Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями. Съ аккомпаниментомъ для фортепьяна. Музыка *А. И. Рубца.* 5-е дополн. изд. С.-Пб. 1893. Стр. 48. Цѣна 1 руб.“

— „Государственныя сберегательныя кассы. С.-Пб. Стр. 32. Бесплатно.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Карасевъ, А.* 1) Методика пѣнія. Часть 1-я. Изданіе 4-е. Певза. 1900. Стр. VI+165. Цѣна 1 руб.—Часть 2-я. Изданіе 4-е.

Пенза. 1901. Стр. 308. Цѣна 1 р. 40 коп.—2) Музыкальная хрестоматія. Часть 1-я. Приготовительный курсъ. Сборникъ упражненій и свѣтскихъ напѣвовъ. Изданіе 4-е. М. 1894. Стр. 55. Цѣна 40 к.—3) Подвижныя ноты. Изданіе 10-е. Цѣна коллекціи (3 листа) круглой системы—15 коп., квадратной—15 коп.—4) Объясненіе къ подвижнымъ нотамъ и начальныя занятія по пѣнію въ школахъ. Изданіе 4-е. Пенза. 1901. Стр. 15. Цѣна 10 коп.—5) Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію. 2-е изданіе. Пенза. 1901. Стр. 157. Цѣна 1 руб.“

— *Корончевскій, Д. А.* Желтый вопросъ. (По поводу современныхъ событій въ Китаѣ). Изданіе ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». («Учительская бібліотека»). М. 1900. Стр. 68. Цѣна 15 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— *„Лядовъ, Анатолій.* 35 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепьяно изъ собранныхъ въ 1894—95 гг. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. М. Истоминымъ. Стр. 63. Цѣна 2 рубля. Изданіе Пѣсенной Коммисіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.“

— *„Ляпуновъ, С.* 35 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепьяно изъ собранныхъ въ 1893 г. С. М. Ляпуновымъ и Ѳ. М. Истоминымъ. Стр. 94. Цѣна 2 руб. Изданіе Пѣсенной Коммисіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.“

— *„Маръ.* Мыловареніе въ малыхъ и среднихъ размѣрахъ. Съ указаніемъ какъ выстроить и заводить. О свѣчахъ изъ сала. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— *„Матвѣевъ, М. В.* Курсъ пѣнія въ начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ, а также въ церковно-приходскихъ школахъ. С.-Пб. 1900. Изданіе «Петербургскаго учебнаго магазина». Тетрадь 1-я. Стр. 24. Цѣна 15 коп.—Тетрадь 2-я. Стр. 24. Цѣна 15 коп.“

— *„Покровскій, В.* 1) Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Часть I. Этимология. Изданіе 8-е. М. 1901. Стр. XV+200. Цѣна 40 коп.—2) То же. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 6-е. М. 1901. Стр. XVI+256. Цѣна 60 коп.—3) Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изданіе 2-е. М. 1897. Стр. VI+34. Цѣна 20 коп.“

— „Пѣсни русскаго народа. Слова написаны *Ө. М. Истоминнымъ*, нагѣвы — *Г. О. Дютисемъ*. 1894.“

— „*Штутцеръ, Л.* Руководство къ учению объ удобреніи. Переводъ и дополнилъ *В. Исиревъ*. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1900. Стр. VIII+176. Цѣна 60 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*де-Амичисъ, Эдмондъ.* Дѣвочка, спасшая поѣздъ. Переводъ *Н. И. Перельмина*. Изданіе М. В. Клюкина. («Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа»). М. 1899. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*де-Амичисъ, Эдмондъ.* Мать. Переводъ *М. В. Ватсонъ*. Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 87. С.-Пб. 1895. Стр. 24. Цѣна 3 коп.“ (также въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*д'Амичисъ, Эдмондо.* Школьные товарищи. Изъ дневника ученика городской школы. Переводъ *А. Ульмовой*. Съ предисловіемъ *И. Горбунова-Посадова*. (Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). Изданіе 2-е. М. 1901. Стр. 275. Цѣна 85 коп.“

— „*Аттенская, А.* Въ центральной Азіи. Путешествіе Свена Гедина въ 1893—1897 гг. въ Памиръ, Тибетъ и восточный Туркестанъ. Изданіе ред. журн. «Всходы». С.-Пб. 1899. Стр. 224. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Бэръ, Поль.* Міровѣдѣніе. Бесѣды и картинки. Приготовительный курсъ. Переводъ *А. П. Татарниковой*. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 132+II. Цѣна 20 коп.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Викторовскій, И. В.* Физическая географія Палестины (Чтенія о Святой Землѣ. LXIV. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1900. Стр. 29. Цѣна 15 коп.“

— „*Водовозова, Е. И.* Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Болгары.—Сербы.—Черногорцы. 2-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. III+219.

Цѣна 40 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Въ степяхъ. Разказы. Кара-ханымъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* — Тунгатай. *И. Якимова.* — Самль — праздникъ весны. *Р. В.* (Библіотека «Дѣтскаго Чтенія»). М. 1901. Стр. 71. Цѣна 10 коп.“

— „*Вѣрхожскій, Іоаннъ.* Бесѣда о Святой Землѣ на Святой Землѣ. I—VI. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. (№№ 12—17). С.-Пб. 1900. Цѣна за выпускъ 2 и 3 коп.“

— „*Гоголь, Ник. Вас.* Избранныя мѣста изъ его сочиненій. По порученію городской Комиссіи по народному образованію составилъ *Викторъ Острогорскій.* (Изд. С.-Пб. Городской Думы. Часть II). С.-Пб. 1902. Стр. XVIII+355“.

— „*Гоголь, Н. В.* Избранныя сочиненія съ біографіей и портретомъ. Составилъ *Д. К. Тихомировъ.* Изданіе К. Тихомирова. М. 1902. Томъ I. Стр. XVI+400.—Томъ II. Стр. 440. Цѣна 2 томовъ 75 коп.“

— „*Гоголь, Н. В.* 1) Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Томъ I. Стр. 441.—Томъ II. Стр. 445. Цѣна за 2 тома 40 коп.— 2) Тарась Бульба. Стр. 311+II. Цѣна 15 коп.—3) Повѣсти. Стр. 440. Цѣна 15 коп.—4) Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Стр. 354. Цѣна 15 коп.—5) Миргородъ. Стр. 189. Цѣна 10 коп.—6) Ревизоръ. Стр. 262+II. Цѣна 10 коп.—7) Женитьба. Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены. Стр. 276. Цѣна 15 коп. (Дешевая бібліотека. Изданіе А. С. Суворина. №№ 339—346).“

— „*Гоголь, Н. В.* Сочиненія, изданныя С.-Петербургскимъ Обществомъ Грамотности. С.-Пб. 1902. № 1. Размышленія о Божественной литургіи. Стр. 71. Цѣна 5 коп.—№ 2. Майская ночь или утопленника. Стр. 43. Цѣна 3 коп.—№ 3) Сорочинская ярмарка. Стр. 46. Цѣна 3 коп.—№ 4. Ночь передъ Рождествомъ. Стр. 62. Цѣна 4 коп.—№ 5. Шинель. Стр. 44. Цѣна 3 коп.—№ 6. Тарась Бульба. Съ предисловіемъ *Н. И. Костомарова.* Стр. 172. Цѣна 9 коп.—№ 7. Коляска. Стр. 18. Цѣна 2 коп.—№ 8. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Стр. 24. Цѣна 2 коп.—№ 9. Вій. Стр. 54. Цѣна 3 коп.—№ 10. Носъ. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—№ 11. Страшная мѣсть. Стр. 66. Цѣна 4 к.—№ 12. Пропавшая грамота. Стр. 18. Цѣна 2 коп.—№ 13. Заколдованное мѣсто. Стр. 13. Цѣна 1 коп.—№ 14. Старосвѣтскіе помѣщики. Стр. 34. Цѣна 2 коп.—№ 15. Ревизоръ. Приложение: письмо Гоголя послѣ перваго представленія «Ревизора». Стр. 122. Цѣна 6 коп.—№ 16. Женитьба. Стр. 69. Цѣна 4 коп.“

— „Грековъ, Ѡ. К. (Палеологъ). Мѣста страданій, смерти и воскресенія Спасителя. (Чтенія о Святой Землѣ. IХVІІ. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1901. Стр. 22. Цѣна 15 коп.“

— „Даневская, С. Открытіе Америки. Историческій рассказъ. Изд. 5-е, В. Д. Карчагина. М. 1902. Стр. 183. Цѣна 60 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Дмитревскій, Д. С. Протестанты въ Святой Землѣ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1901. (Чтошія о Святой Землѣ. XXXІІ. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). Стр. 31. Цѣна 15 к.“

— „Дмитревскій, Д. С. Латиняне въ Святой Землѣ. 2-е изданіе. С.-Пб. 1901. (Чтенія о Святой Землѣ. XXXІІІ. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). Стр. 30. Цѣна 15 коп.“

— „Ефименко, А. Я. «На Украинѣ». Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». М. 1901. Вып. 1-й. Стр. 85. Цѣна 30 коп.—Вып. 2-й. Стр. 136. Цѣна 30 коп.—Вып. 3-й. Стр. 88. Цѣна 25 коп.“

— „Жилины, Е. и И. Какъ сдѣлаться хорошимъ огородникомъ. По Люкасу. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 18-я.) М. 1901. Стр. 192. Цѣна 20 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Житіе преподобнаго отца нашего Стефана Чудотворца. (Палестинскій Патерикъ. Вып. 11-й. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1900. Стр. 154. Цѣна 40 коп.“

— „Житіе преподобнаго отца нашего Харитона Исповѣдника (Палестинскій Патерикъ. Вып. 10-й. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1899. Стр. 25. Цѣна 10 коп.“

— „Какъ дѣлають книги. Сборникъ статей, Составлено Комиссіею по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ при Учебномъ Отдѣлѣ Политехническаго Музея. (Съ приложеніемъ списка картинъ). Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». М. 1901. Стр. 57. Цѣна 15 коп.“

— „Коваленская, А. Смиренные. Рассказъ. М. 1899. Стр. 96. Цѣна не обозначена.“

— „Короленко, П. П. Кошевые атаманы Черноморскаго казачьяго войска ХVІІІ столѣтія. С.-Пб. 1901. Стр. 48. Изданіе «Вѣстника Казачьихъ Войскъ».“

— „Круловъ, А. В. Красный звонъ. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1901. Стр. 78. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 65 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Совѣсть проснулась. Разсказъ. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М. 1901. Стр. 23. Цѣна 15 коп.“

— „*Либедевъ, А. П.* Паломничество въ Святую Землю во времена древней церкви. (I). Стр. 30.—(II). Стр. 29. (Чтенія о Святой Землѣ. LIII и LIV. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1900. Цѣна за выпускъ 15 коп.“

— „*Левочскій, А. М.* Инославные въ Святой Землѣ. 2-е изданіе. С.-Пб. 1901. (Чтенія о Святой Землѣ. XXXIV. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). Стр. 19. Цѣна 15 коп.“

— „*Лилеевъ, Н. В.* Хожденіе въ Святую Землю Давида русскія земли игумена въ 1106 — 1107 гг. (Чтенія о Святой Землѣ. LXV. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1900. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“

— „*Максимовъ, М. В.* Голодовка и зимовка на Новой Землѣ. Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 37. С.-Пб. 1895. Стр. 31. Цѣна 3 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Малиновскій, И. В.* Императорское Православное Палестинское Общество. 2-е испр. изданіе. С.-Пб. 1900. (Чтенія о Святой Землѣ. XXXV. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). Стр. 32. Цѣна 15 коп.“

— „*Меньшиковъ, А. Н.* Какъ устраивать праздники древопосаженія къ школахъ сельскихъ, деревенскихъ и городскихъ. Вятка. 1901. Стр. V+66+2. Цѣна 20 коп.“

— „*Митропольскій, А. А.* Св. Земля подъ властью христіанскихъ императоровъ. (Бесѣда о Святой Землѣ. № 18. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1900. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Михайловскій, В. Я.* Храмъ Воскресенія Господня въ Іерусалимѣ и окружающія его святыни. 2-е изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1901. Стр. 66. Цѣна 30 коп.“

— „*Монастыревъ, М. Я.* Прошлое и настоящее Святой Земли. (Чтенія о Святой Землѣ. LXVI. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1901. Стр. 33. Цѣна 15 коп.“

— „*Никольскій, А. М.* Послѣдняя пуля. Разсказъ изъ временъ

Крымской войны. Изданіе 2-о, М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „Описаніе Святой Земли. По *Н. А. Елеонскому*. 1-е чтеніе. Общее понятіе о Святой Землѣ. Стр. 34.—2-е чтеніе. Горы Святой Земли. Стр. 32.—3-е чтеніе. Горы Святой Земли (II). Стр. 31.—4-е чтеніе. Равнины Святой Земли. Стр. 31.—5-е чтеніе. Долины и пустыни Святой Земли. Стр. 44.—6-е чтеніе. Озера Святой Земли. Стр. 29.—7-е чтеніе. Рѣки Святой Земли. Стр. 31.—8-е чтеніе. Источники и водоемы Святой Земли. Стр. 26. (Чтенія о Святой Землѣ. I—VIII. Изданіе 3-е, Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1901). Цѣна каждому выпуску 15 коп.“

— „*Оржешико, Элиза*. 1) Приключеніе Яся. Переводъ съ польскаго. Изданіе 8-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа). М. 1901. Стр. 48. Цѣна 10 коп.—2) То же на лучшей бумагѣ и въ большемъ форматѣ. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“

— „Палестинскій Листокъ. №№ 9—19. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Цѣна каждаго листка 1 к., за 100 листовъ—70 коп.“

— „*Петровъ, Алексій*. 50 русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложенныхъ для трехголоснаго и четырехголоснаго смѣшаннаго хора для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. С.-Пб. 1901. Стр. 56. Цѣна 75 коп. Изданіе Пѣсенной Коммиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.“

— „Родные поэты. 1) Баронъ Анто́въ Антоновичъ Дельви́гъ. Стр. 48.—2) Князь Петро́въ Андреевичъ Вяземскій. Стр. 48.—3) Евгений́ Абрамовичъ Баратынскій. Стр. 48.—4) Андрей Ивановичъ Подолинскій. Стр. 48. (Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ). М. 1901. Цѣна каждой книжки 10 коп.“

— „*Саундерсъ, Маршиль*. Красавецъ Джой. Исторія собаки, рассказанная ею самою. Съ англійскаго *Е. Б.* (Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1901. Стр. 184. Цѣна 60 коп.“ (также и въ ученичскія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Соколовскій, В. В.* Иерусалимъ и его святыни. (Чтенія о Святой Землѣ. LXVIII. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1901. Стр. 28. Цѣна 15 коп.“

— „*Соколовъ, М.*, и *Л. Гольдманъ*. Жуковский въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ. Вильна. 1902. Стр. 128+20. Цѣна 45 коп.“

— „*Соловьевъ, М. П.* Святая Земля и Россія. (Чтенія о Святой Землѣ. IV. Наданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1900. Стр. 39. Цѣна 15 коп.“

— „*Соловьевъ-Песмыковъ, П. А.* Душевные люди. Изъ Новоживихъ разсказовъ. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». М. 1901. Стр. 154. Цѣна 50 коп.“

— „*Солодовниковъ, Д. Д.* Въ Московскомъ царствѣ. Историческія картинки. М. 1901. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Стр. 95. Цѣна 30 коп.“

— „*Сысоевъ, В. М.* Бытовые разсказы для дѣтей школьнаго возраста. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 96. Цѣна 50 коп.“

— „*Терювскій, С. А.* Библейская старина. I. Земля обѣтованная. Стр. 36. — II. Залятія жителей Палестины. Стр. 36. — III. Пища, жилища и одежда жителей Палестины. Стр. 44. — IV. Семейный бытъ евреевъ. Стр. 27. — V. Общественный бытъ древнихъ евреевъ. Стр. 26. — VI. Гражданское право Моисеева законодательства. Стр. 22. — VII. Богослуженіе и праздники въ ветхо-завѣтной церкви. Стр. 23. — VIII. О жертвахъ. Стр. 24. (Чтенія о Святой Землѣ. XVI — LXIII. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1900. Цѣна за выпускъ 15 коп.“

— „*Троицкій, Д. И.* Низложеніе Наполсона. (Приходская библіотека, издав. подъ ред. *В. И. Шемкина*). С.-Пб. 1901. Стр. 384. Цѣна въ перешл. 75 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Фонизинъ, Д. И.* 1) Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. II. Недоросль. М. 1901. Стр. 221. Цѣна 15 коп.—2) Полное собраніе сочиненій. Часть 2-я. М. 1901. Стр. 386+V. Цѣна 20 коп. (Изданіе А. Я. Панафидина).“

— „*Хитрово, В. Н.* Къ Животворящему Гробу Господню. 11-е изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1901. Стр. 118. Цѣна 50 коп.“

— „*Хитрово, В. Н.* Русскіе паломники Святой Земли. (Чтенія о Святой Землѣ. Наданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). 38-е чтеніе. Путь до Іерусалима. 2-е изданіе. С.-Пб. 1900. Стр. 26. — 39-е чтеніе. Іерусалимъ и его ближайшія окрестности. (I). 2-е изданіе. С.-Пб. 1900. Стр. 41.—40-е чтеніе. То же

(II). 2-о изданіе. С.-Пб. 1900. Стр. 38.—42-е чтеніе. Іордагъ. С.-Пб. 1900. Стр. 18.—43-е чтеніе. Назаретъ, Оаворъ, Тиверіадское озеро. С.-Пб. 1900. Стр. 19. Цѣна каждому выпуску 15 коп.“

— „Черскій, Л. Ф. 1) Подвигъ. Грузинское преданіе. № 43. М. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп. — 2) Милосердіе. Восточное сказаніе. № 44. М. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп.—3) Солнышко Тоуэра. Историческій разсказъ. № 45. М. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп. („Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. Изданіе М. В. Клюкина).“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныя заведеній).

— „Шиллеръ, Фридрихъ. Стихотворенія. Выпускъ 2-й. Изданіе общества распространенія полезныя книгъ. М. 1901. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „Юшмановъ, В. Д. Святая Земля по слѣдамъ русскія паломниковъ. II. Виноземъ, дубъ Мамврійскій, Горная, Іордагъ, лавра Св. Саввы, Оаворъ, Назаретъ и Тиверіадское озеро. (Чтенія о Святой Землѣ. XLIX. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества). С.-Пб. 1900. Стр. 39. Цѣна 15 коп.“

— „Федоровъ-Давыдовъ, А. А. «Грозный» царь Иванъ Васильевичъ. Народныя пѣсни, сказки и былины. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». М. 1901. Стр. 127. Цѣна 30 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки:

— „де-Амичисъ, Эдмондъ. Учительница. Повѣсть. Переводъ А. Г. Каррикъ. Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 75. С.-Пб. 1895. Стр. 84. Цѣна 8 коп.“

— „Бородинъ, Н. А. Уральскіе казаки и ихъ рыболовства. С.-Пб. 1901. Стр. 31. Цѣна 20 коп. Изданіе «Вѣстника Казачьихъ Войскъ».“

— „Братчиковъ, И. Л. 1) Холощеніе (кастрація) жоробцовъ, быковъ, барановъ и вепрей. Вятка. 1900. Стр. 20. Цѣна 6 коп. — 2) Какъ осматривать лошадей при покушкѣ. Вятка. 1900. Стр. 16. Цѣна 3 коп. — 3) Опредѣленіе возраста у лошади. Вятка. 1901. Стр. 16. Цѣна 3 коп. (Всѣ—изданія Вятскаго Губернскаго Земства).“

— „Буткевичъ, А. 1) Дифтеритъ. Его распознаваніе, предупрежденіе и лѣченіе. М. 1901. Стр. 31. Цѣна 2 коп.—2) Скарлатина. Самая тяжелая и опасная изъ заразныхъ дѣтскихъ болѣзней. М. 1901.

Стр. 30. Цѣна 2 коп. (Доровонское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*. Кляжки 11-я и 12-я).“

— „*Бѣристыерис-Бѣрисонъ*. Два дѣателя. Пероводъ *В. Э. Фирсова*. Изданіе С.-Пб. Комитета Грамотности. № 90. С.-Пб. 1895. Стр. 47. Цѣна 5 коп.“

— „*Бѣристыерис-Бѣрисонъ*. Свадебный маршъ. Переводъ *В. Э. Форселлеса-Фирсова*. Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 86. С.-Пб. 1895. Стр. 63. Цѣна 6 коп.“

— „*Вишневскій, С. М.* О приличивыхъ и заразныхъ болѣзняхъ. Вятка. 1901. Стр. 55. Цѣна 6 коп. Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства.“

— „*Водовозовъ, В. И.* Одиссей. Разсказъ. № 44. Вятка. 1901. Стр. 38. Цѣна 5 коп. Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства.“

— „*Воскресеискій, Е.* Николай Васильевичъ Гоголь. Краткій очеркъ его жизни и литературной дѣятельности. Изданіе *К. И. Тихомирова*. М. 1902. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“

— „*Готаль, Н. В.* Сочиненія. Редакція *Н. С. Тихонравова*. Изданіе 16-е въ 12 томахъ (6 книгъхъ), *А. Ф. Маркса*. С.-Пб. Цѣна по обозначена.“

— „*Горюстаевъ, О., и Дремцовъ, С. И.* Бесѣды о вредныхъ наеѣжкомыхъ. (Безплатно приложеніе къ «Вятской Газетѣ». № 1). Вятка. 1901. Стр. 68. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 7 к. Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства.“

— „*Гусевъ Н.* Дѣти, любите птичекъ! (Письмо къ дѣтямъ). Изд. 2-е. Вятка. 1901. Стр. 32. Цѣна 2 коп. Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства.“

— „*Додъ, А.* Послѣдній урокъ. Партія на билліардѣ. На паромѣ. Переводъ *П. Ф. Кудем*. Изданіе С.-Пб. Комитета Грамотности. № 81. С.-Пб. 1895. Стр. 23. Цѣна 3 коп.“

— „*Зандъ, Жоржъ.* Великанъ Іеусъ. Сказка. Переводъ *М. Д. Никоновой*. Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 76. С.-Пб. 1895. Стр. 48. Цѣна 5 коп.“

— „*Золя, Эмиль.* Паводпеніе. Переводъ *Л. Б. Хавкиной*. Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 88. С.-Пб. 1895. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*Ивановскій, А. В.* Худая болѣзнь. Изд. 2-е. № 43. Вятка. 1900. Стр. 67. Цѣна 6 коп. Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства.“

— „*Каниве, Шарль.* Дитя моря. Романъ для юношества. Изданіе Т-ва *И. Д. Сытина*. М. 1902. Стр. 232. Цѣна въ папкѣ 50 коп.“

— „*Котсъ, А.* Дочь миссіонера. Переводъ *Л. А. Мем.* Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 74. С.-Пб. 1895. Стр. 60. Цѣна 8 коп.“

— „*Круберъ, А., С. Григорьевъ, А. Бирковъ и С. Чебриковъ.* Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изд. Т-ва Н. П. Кушнеревъ и Ко. М. 1902. Стр. X+760. Цѣна 2 р. 75 коп.“

— „*Леббокъ, Джонъ.* Красоты природы и ея чудеса. Переводъ *А. Николаева.* Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 208+I. Цѣна 65 коп.“. (Также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* 1) Пѣсня про куща Калашникова. № 6. Вятка. 1900. Стр. 23. Цѣна 3 коп.—2) Бояринъ Орша. № 7. Вятка. 1900. Стр. 45. Цѣна 4 коп.—3) Мцыри. Изд. 2-е. № 8. Вятка. 1900. Стр. 32. Цѣна 3 коп.—4) Бѣла. Изд. 2-е. № 9. Вятка. 1900. Стр. 64. Цѣна 5 коп.—5) Избранныя сочиненія. Вятка. 1901. Стр. 271. Цѣна 50 коп.—6) Избранныя стихотворенія. Изд. 2-е. № 10. Вятка. 1901. Стр. 46+II. Цѣна 5 коп.—7) Демонъ. № 40. Вятка. 1900. Стр. 48. Цѣна 4 коп. (Всѣ 7—изданія Вятскаго Губернскаго Земства).“

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* Сочиненія. (Иллюстрированная Лермонтовская бібліотека. Изданіе *А. Я. Панафидина.*) № 4. Поэма Черкесы. М. 1901. Стр. 13. Цѣна 2 коп.—№ 15. Пѣсня про куща Калашникова. М. 1901. Стр. 22. Цѣна 3 коп.—№ 16. Поэма Мцыри. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 4 коп.—№ 18. Поэма Демонъ. М. 1901. Стр. 101. Цѣна 6 коп.—№ 22. Романъ Княгиня Лиговская. М. 1901. Стр. 130. Цѣна 8 коп.—№ 28. Сказка Ашикъ-Керибъ. М. 1901. Стр. 18. Цѣна 2 коп.“

— „На морскомъ пескѣ. Разказъ. Переводъ съ англійскаго *А. Г. Каррикъ.* Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 72. С.-Пб. 1895. Стр. 30. Цѣна 3 коп.“

— „Народный поэтъ *Иванъ Саввичъ Никитинъ.* 2-е исправл. изданіе ред. журн. «Русская Мысль». М. 1897. Стр. 37. Цѣна 1½ коп.“

— „Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ. Изданіе „Вѣстника Казачьихъ Войскъ“ неофициальное. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Высылается за двѣ семикопѣечныя марки.“ (для мѣстностей съ казачьимъ населеніемъ).

— „*Станюковичъ, К. М.* Нянька. Разказъ. Изданіе С.-Пб. Комитета Грамотности. № 89. С.-Пб. 1895. Стр. 80. Цѣна 8 коп.“

— „*Черскій, Л.* Святая Елисавета Тюрингскаго. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. № 33). М. 1899. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Лучъ свѣта. Букварь для взрослыхъ. Изданіе Общества вспомоществованія нуждающимся учащимся въ народныхъ училищахъ г. Одессы въ пользу бѣднѣйшихъ учащихся. Одесса. 1902. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Тарнавскій, Александръ. По предметамъ и по картинкамъ. Первые уроки нагляднаго обученія инородцевъ русскому языку. Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1902. Стр. II+120. Цѣна 30 коп.“ (для инородческихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Капустинъ, Павелъ. Нѣсколько словъ къ выпускнымъ ученикамъ народнаго училища при выдачѣ свидѣтельствъ. Генническъ. 1901. Стр. 13.“ (съ тѣмъ, чтобы цѣна брошюры была назначена не свыше 3 коп.).

— „Хрѣмовъ, К. А. Поэты изъ народа. Избранныя стихотворенія русскихъ народныхъ поэтовъ. М. 1901. Стр. 141. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы книга при слѣдующемъ изданіи была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Карасевъ, А. Музыкальная хрестоматія. Часть 2-я. Сборникъ музыкальныхъ произведеній для мужскихъ, женскихъ и смѣшанныхъ хоровъ. Изданіе 4-е. М. 1900. Стр. 87. Цѣна 60 коп.“— допустить въ ученическія библіотеки тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается свѣтское пѣніе.

— Книгу: „Горбовъ, Н. Русская исторія для начальныхъ школь.“ — **исключить** изъ каталоговъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и для низшихъ училищъ.

— Изданіе: „Образованіе. Педагогическій, литературный и научно-популярный журналъ. Редакторъ-издатель *Александръ Острогорскій*.“ — **исключить** изъ списка періодическихъ изданій, допущенныхъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Изданіе: „Энциклопедическій словарь. Въ трехъ томахъ. (Выпуски I — XII^а). Составленъ под. ред. *М. М. Филиппова*. Изданіе П. П. Сойкина, подъ ред. *Ф. С. Груздева*. (Бесплатное приложеніе къ журналу „Природа и Люди“ за 1901 годъ).“ — **не допускать** въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

X. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. министромъ:

— „Учебникъ технической физики для ремесленныхъ училищъ“, составленный преподавателями ремесленнаго училища Цесаревича Николая — *А. Яковлевскимъ* и *М. Дешевымъ*, С.-Пб. 1901 г. Цѣна 2 руб. 75 коп., удостоенъ преміи въ 2.000 рублей и одобренъ въ качествѣ руководства для ремесленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, нормального типа, и въ качествѣ учебнаго пособия для другихъ промышленныхъ училищъ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Журналъ „Практикъ-Монтеръ“, издаваемый инженеръ-механикомъ *Бериадскимъ*, за 1899, 1900 и 1901 гг. допустить въ бібліотеки техническихъ и ремесленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу профессора *Л. Штутцера* „Руководство къ ученію объ

удобренія для хозяевъ практиковъ и для преподаванія въ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. Съ 7-го нѣмецкаго изданія 1899 г. перевелъ и дополнилъ Б. Писаревъ (изданіе А. Девриена, С.-Пб., 1900 г.) — допустить въ бібліотеки сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюры *И. Г. Бѣнжковича*: 1) „Какъ безъ мастера проводить и исправлять электрическіе звонки“—цѣна 25 коп.; 2) „Какъ безъ мастера проводить и исправлять телефоны“—цѣна 35 коп.; 3) „Какъ безъ мастера устроить электрическіе предохранители отъ воровъ“—цѣна 30 коп. и 4) „Какъ снаряжать и содержать въ исправности батарею при электрическихъ звонкахъ“—цѣна 10 коп. (Изданіе *П. Рабиновича*. Москва, 1900 г.),—одобрить для бібліотекъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 4-го минувнаго февраля, въ г. Вознесенскѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, открыто двухклассное женское приходское училище, при 54 учащихся.

ЖИТІЕ СВ. НИКИТЫ ПЕРЕЯСЛАВСКАГО ¹⁾.

Чудо о водѣ.

„Чудо о воде святаго Никиты, переяславскаго чудотворца“, кромѣ житія св. Никиты (чудо 19-о и 20-е), находится въ Степенной книгѣ (II, 268 — 270), составляетъ конецъ многихъ списковъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“, см. напримѣръ, печатное изданіе „Исторіи“ 1791 г., стр. 260—263, списокъ В. Ундольскаго № 774, Румянцов. музея, Моск. дух. ак. № 30 (98) и многіе другіе ²⁾.

Сходство рассказа житія о чудѣ 19-мъ и Степенной книги *буквальное*. Если бы Степенная книга была изслѣдована, то, конечно, мы бы имѣли объясненіе этого факта; но, къ дѣйствительному со-

¹⁾ Читано въ Имп. Обществѣ любителей древн. писемъ. 22-го марта 1902 г. — О св. Никитѣ Переяславскомъ и монастырѣ Никитскомъ Переяславокомъ см., кромѣ *Ключевскаго*, *Макарія* (Исторія р. ц., III, стр. 56—59, 2-е изд.), *Филарета*, (Исторія р. ц.), *Филарета* (Житіи, похв. 24-го мая), *С. Шевырева*. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1847 году М. 1850, ч. I, 63—65; *Утекиа М. Общ. ист. и древн.* 1866, кн. I, (смѣсь) 14—16: Указъ (15-го февраля 1755 г.) еп. Переяслава. Амвросія архим. Никитскаго мон. Нифонту о целоманіи стараго до основанія; сваяц. *Александръ Смирлинъ*. Описаніе Переяславскаго Никитскаго мон. въ прожнее и шнѣвшее время. М. 1879; *Каюно*. Отъ Ростова-Ярославскаго до Переяславля-Залѣскаго. М. 1884 (гл. II); *А. Титовъ*. Никитскій монастырь близъ Переяславля-Залѣскаго: Историч. вѣсти. 1886, июнь, 617—627; Переяславль-Залѣскій. Никитскій монастырь. Матеріалы для его исторіи XVII и XVIII столѣтій. М. 1888; Рус. филол. вѣстникъ 1898, кн. 3—5, стр. 176—192: *А. П. Кадлубовскій*. Очерки изъ исторіи др.-рус. литературы житій святыхъ. Св. Великомученикъ Никита и св. Никита столпникъ Переяславскій.

²⁾ См. *Г. Кузнецичъ*. Исторія о Казанскомъ царствѣ. (Ея списки). С.-Пб. 1901. Сборникъ Отдѣленія рус. яз. и слов. И. Ак. Н., т. 69, № 2.

жалѣнію, такого труда нѣтъ: я рѣшаюсь предложить нѣсколько замѣчаній объ указанномъ чудѣ.

Я пользовался рукописнымъ житіемъ, находящимся въ библиотекѣ Академіи Наукъ, подъ цифромъ 31. 6. 22, XVII вѣка. Экземпляръ весьма исправный. Сходный списокъ, тоже XVII вѣка, см. въ Имп. Публичной библиотекѣ, въ сборникѣ изъ древнехранилища Погодина, № 1612, л. 1—41 об.; указанныя чудеса, по безъ чисель (19 и 20), на л. 17 — 19 об. и л. 19 об. — 32. (См. А. Θ. Бычковъ. Описаніе ц.-сл. и рус. рукописей И. П. Б. ч. I. С.-Пб. 1882. Стр. 211—212).

На л. 19 житія читаемъ: О царскомъ хоженіи по святымъ мѣстамъ, и о царскихъ чадѣхъ ихъ, и чудо 19 о водѣ святаго Никиты, и о разпространеніи монастыря его.

Буквально это же самое заглавіе читаемъ въ Степенной книгѣ (II, 268). Здѣсь только нѣтъ числа 19. Самый рассказъ житія, какъ уже сказано, буквально сходенъ съ таковымъ же Степенной книги. Есть лишь нѣсколько незначительныхъ вариантовъ: Степен., 270: мазаше; житіе, л. 20 об.: помазаше; Степен., 270: радостно; житіе, л. 20 об.: радостію; Степен., 270: въ славу и въ похвалу Богу; житіе, л. 21: во славу и похвалу самому Христу Богу.

Вслѣдъ за 19-мъ чудомъ въ житіи 20-е чудо: (л. 21). Чудо 20. О преславныхъ великихъ чудесѣхъ преподобнаго отца нашего Никиты, столпника перелславскаго, чудотворца. Сказаніе новѣйшихъ чудесъ.

Въ „сказаніи“ говорится о хоженіи по святымъ мѣстамъ царя Ивана Васильевича вмѣстѣ съ царицей Анастасіей и царевичемъ Дмитріемъ, „по второмъ лѣте Казанскаго взятія“ (л. 22 об.). Болѣзнь и смерть царевича на возвратномъ пути въ Москву. Скорбь родителей. Новое хоженіе по святымъ мѣстамъ. Въ обители св. Никиты переяславскаго. (Замѣчаніе составителя „сказанія“ объ обители см. у Бычкова, въ указ. описаніи, стр. 212). Молитва. Душевное успокоеніе. Исполненіе желанія: „и бысть благовѣрная царица отъ того времени непраздна. И не презрѣ Господь Богъ угодника своего моленія, преподобнаго чудотворца Никиты, и прошенія благочестиваго царя не погрѣши.

Въ лѣто 7063, мѣсяца, марта 30 день, родился у благовѣрныхъ царицы Анастасіи благовѣрному царю и великому князю Іоанну Васильевичю сынъ“, Іоаннъ. Крещенъ митрополитомъ Макаріемъ. „И по лѣте рожденія своего, мѣсяца мая, впадѣ царевичъ Іоаннъ въ зеленую болѣзнь. Отецъ же, благовѣрный царь Іоаннъ, и (л. 25)

мати его, благовѣрная царица Анастасія, впаде въ великую скорбь. И молебная о немъ по вся часы творяше въ ложницы его, и нача на соборы милостыню творити—ползы же ни мало обрѣтше—и про-
 шша у Бога милости, чтобы здравъ былъ сыпъ ихъ. Отроча же во-
 піяше и кружашеся назадъ съ великимъ воплемъ. И паки повелѣ
 государь въ ложницы его молебны пѣти, единъ по единому, Спасу
 и пречистой Богородицы и великимъ чудотворцемъ Петру и Алексѣю,
 и Іонѣ митрополиту, и всѣмъ святымъ; царевичю же Іоанну ни мало
 облегченія отъ зельны болѣзни быша. Начаша же молебенъ пѣти ве-
 ликому чудотворцу Никите переяславскому, и столомъ въ ложницы
 его поставленнымъ и драгими фатами постланы, и на нихъ же по-
 ставлены блюда серебряныя со честными мощми святыхъ, многое мно-
 жество, и воды освященныя въ честныхъ сосудѣхъ, и Никиты ¹⁾
 переяславскаго чудотворца вериги, и кресты честныя, и вода освя-
 щенная въ сосудѣ мраморне, сирѣчь во фляге. Царь же и царица въ
 велицей печали зряще отрочати своего стражающа зельно; Іоангъ же
 царевичъ нѣкоего болярынею носимъ (л. 25 об.) бѣ на рукахъ. Царь
 же и царица руцѣ простирающе ко образу создателя Бога и пречистой
 Его Матери, пресвятой Богородицы, и къ великимъ угодникамъ бо-
 жимъ, и тепле вопіюще, и умиленно моляшеся, и слезы испущающе,
 поне бы малу ослабу уллучити отрочати своему отъ зельны его бо-
 лѣзни. И окрѣсть стояще ближни ²⁾ пріятели государевы, мужи и
 жены, вси молящися и слезы испущающе, не токмо царевича ви-
 дяще злѣ болѣзнуема, но благовѣрнаго царя и со царицею въ вели-
 цей печали и скорби, и недоумѣвашеся такъ, что бы има мало что божіе
 милосердіе получитьи. Богу же болма хотяще своего угодника, пе-
 реяславскаго чудотворца, Никиту прославити, и начаша пѣти молебенъ
 святаго. Рекома я же болярыня, безпрестанно около стола и честныхъ
 мощей носяще царевича и тепле слезящи, на государя зряще и на от-
 роча. Наднесоша же отроча надъ мощми святаго Никиты, и крестъ чу-
 дотворцевъ, и на освященную воду; отроча же, отъ зельны болѣзни,
 внезапно руку на освященную чудотворную воду простре—и въ томъ
 часѣ воскигъ вода, освященная, чудотворцева въ сосудѣ, яко отъ
 огненаго (л. 26) вренія. О великое чудо... Все же зряще и удиви-
 шеса великому чудеси. И повелѣ благовѣрный государь царь вскорѣ
 тою водою чудотворцевою обложити отрача свое и во уста пустити

¹⁾ Въ рук.: ни никиты.

²⁾ Въ рук.: бѣажени.

освященныя воды отrotchи, и преста болѣзнь, и благочестное же отроча Іоанъ царевичъ здравъ бысть“. Радость.—Далѣ въ „сказаніи“ вставленъ разсказъ о чудесномъ испѣленіи черниговскаго кн. Михаила, по молитвѣ св. Никиты.—Царь ничего не сдѣлалъ въ знакъ благодаренія, „закосявѣвшу времени“: черезъ годъ, ровно въ то же время, царевичъ боленъ. Молебень „чюдотворцу“. Кипѣніе воды. Молитва. Рѣшеніе ѣхать въ монастырь св. Никиты. Посѣщеніе монастыря: „... приде (царь) со царицею и со царевичемъ Іоанномъ. Виде во обитель (л. 29), и всеопшнаго благовѣрный царь и благовѣрная царица и царевичъ слушали. И церковную препруду всякую православныи царь съ собою привезъ въ домъ чюдотворцевъ: трои ризы драгіе камки, и стихари драгіе, и поручи, и поясы службныи—самое благовѣрныи царицы Анастасѣи труды—и другихъ ризъ потому же, и сосуды серебряныи“. (Дары царицы см. у Бычкова, въ ук. описаніи, стр. 212). Благодареніе Богу и угоднику св. Никитѣ. Игумену наказано вскорѣ быть къ Москвѣ. Игуменъ вскорѣ подвижеса „со освященною водою двою кладесви чюдотворцевыхъ и съ просоирою, и приде...“. Совѣтъ царя съ вельможами „чтобы въ Переяславле у чюдотворца Никиты общежителство устроить и вотчинами исполнити. Рѣша же болре его: много лѣтъ, государь, пребываетъ обитель чюдотворцова на брегома...“. Царь „наказную царскую грамоту повелѣ дати обители тоя о стросніи монастырьстемъ, и повелѣ государь игумену монастырь раздвигати, и кельи себѣ поставити на свои царской прѣздъ, и прочіи кѣли на братію, и трапезу съ теплою церковью, во имя пречистыя Богородицы, честнаго ея Благовѣщенія, и съ келарскою основати, и рвы копати, и на вратехъ церковь (л. 30 об.) ставити, во имя архистратига Гавріила, честнаго его собора, и старую церковь разбирати повелѣ—поставленіе отца его, благовѣрнаго великаго князя Василія Івановича, всеа Русіи самодержца—и новую церковь болши воздвигнути надъ гробомъ чюдотворцевымъ, во имя Христова мученика Никиты, и придѣль преподобнаго чюдотворца Никиты, а другіи предѣль всѣхъ святыхъ; и службы уставляти по общежителству, церкви святыя украшати святыми иконами и божественными книгами и всякими лѣпотами церковными, и у гроба чюдотворцова повелѣ благовѣрныи царь свещу поставити негасимую во вѣки вѣкомъ; и колоколь благовѣстной повелѣ государь къ чюдотворцу лити 36 пудовъ, и вотчинами пополнити своихъ царскихъ подклѣтныхъ сель, и около монастыря ограду камену повелѣ ставити, и обѣты своя царскія исполняюще и братію доволяше своею царскою милостынею. И отъ

того времени распространяшесь обитель великаго чудотворца Никиты, и слава о немъ происходила повсюду, и отъ честныхъ обителен иноцы и клирицы прихожаху...“.

Кончается „сказаніе“ моленіемъ за царя и славословіемъ.

Изъ „сказанія“ видно, что составитель его былъ современникъ Ивана Грознаго. Въ началѣ „сказанія“ говорится: „Въ послѣднія въ нынѣшнія времена, въ (л. 21 об.) шестьдесятъ третіемъ лѣте осьмыя тысящи на нашихъ памятехъ содѣяшася преславная чудеса“ при ц. и в. кн. Иванѣ Васильевичѣ и при митрополитѣ Макарии. „Въ лѣто 7060 второе сотворишася дивныя чудеса во времена сія...“. „Милко слышатъ и милко видятъ, и нѣкая сила поощряетъ мя рещи“, говорится на л. 22 об. Витіеватый слогъ указываетъ на книжника; но, не смотря на риторическія украшенія, нѣкоторые подробности говорятъ, если не объ очевидцѣ, то, по крайней мѣрѣ, о человѣкѣ, близко стоявшемъ къ описываемому; см. напримѣръ, живое описаніе молебствія въ ложницѣ больного царевича, точное указаніе на день рожденія, мѣсяцъ болѣзни, подробный перечень пожертвованій въ монастырь.

Изъ „сказанія“ же (чудо 20-е), мнѣ кажется, можно видѣть, что рассказъ о чудѣ 19-мъ принадлежитъ другому автору ¹⁾. Составитель „сказанія“ прямо говоритъ: (л. 22, конецъ) „сердце вопіетъ и умъ нудитъ отъ преди реченныхъ святаго чудеса *подробно* рещи“.

Сравнивая чудо 19-е, о водѣ, и „сказаніе“ (чудо 20-е) видимъ, что конецъ одинаковый, распространеніе монастыря, но, если можно такъ выразиться, обстановка чудесъ разная. Въ чудѣ 19-мъ кипѣніе воды въ полуденное время, второму лѣту наставшу отъ рожденія царевича, и царевичъ здоровъ; въ чудѣ 20-мъ тоже кипѣніе воды, тоже на второмъ году отъ рожденія царевича, *въ мать*, но царевичъ тяжело боленъ, при чемъ, какъ можно видѣть, живо описывается молеbstвіе въ его ложницѣ. Въ чудѣ 19-мъ говорится, что послѣ чудеснаго кипѣнія воды царь „немедленно“ посѣтилъ монастырь, молился, удовольилъ братію „всяцемъ учреженіемъ и милостышею“, и возвратился въ Москву (л. 21). „Паки же потомъ, въ различные времена, въ томъ же сосудѣ и три краты чудесно кипѣше вода. И того ради чудеснаго знаменія благочестивыи самодержецъ монастырь той общежителешъ учини, честенъ сотвори, имѣніемъ же и многими селы удоволи и множество инокъ исполни, святыя же церкви и трапезу и прочая службы камены воздвиже, иконами же, и книгами, и свя-

¹⁾ Ср. В. Ключевскій. Древне-рус. житія святыхъ. Стр. 283.

щенными одесдами и великими утварми, и божественными дѣлотами превозмощено украси во славу и похвалу Христу Богу и угодику Его святому Пиките“¹⁾.—Чудо 20-е, „сказаніе“, какъ можно видѣть выше, говоритъ о чудесномъ кипѣніи воды, исцѣленіи отъ нея царевича, повтореніи чуда черезъ годъ, вслѣдствіе чего явилось непремѣнное рѣшеніе возблагодарить св. Никиту: распространеніе монастыря.

Такимъ образомъ, кажется, мы имѣемъ двоякаго рода сказанія о чудѣ отъ воды св. Никиты. Ибо если предположить, что чудо 19-е было послѣ чуда 20-го, то необъяснимо, почему не упомянуто ни словомъ о чудесномъ же кипѣніи воды, бывшемъ прежде, а наоборотъ сказано (въ 19-мъ чудѣ): (л. 21) „паки же потомъ, въ различная времена, въ томъ же сосуде и три краты чудесно кипяше вода“; если же предположить, что чудо 19-е было раньше 20-го, то необъяснимо, почему составитель „сказанія“, не лишенаго многихъ подробностей, даже не обмолвился о чудѣ (19-мъ), хотя съ точностью указываетъ время рожденія царевича, время его болѣзни, перваго чудеснаго кипѣнія воды и исцѣленіе.

Въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ, несомнѣнно, были лица, на обязанности которыхъ было записывать важнѣйшія событія. Такимъ образомъ, кажется, имѣть ничего удивительнаго, что одинъ изъ рассказовъ о чудѣ отъ воды находится и въ Степенной книгѣ.

На основаніи всего вышесказаннаго, т.-е. содержанія, сопоставленія чудесъ, 19-го и 20-го, и аналогій, нельзя ли предположить, что чудо 19-е вписано въ житіе не изъ житійной книги. Въ этомъ случаѣ то замѣтное обстоятельство, что въ рассказѣ о чудѣ 19-мъ монастырь св. Никиты остается, такъ сказать, въ тѣни, было бы вполне понятно, равно какъ и самое заглавіе въ *житіи*: *О царскомъ хожденіи по святымъ мѣстамъ...*

Что касается гл. „Исторія“: „О царскомъ хожденіи по святымъ мѣстамъ, царскихъ чудесъ ихъ чудо о воде святаго Никиты переславскаго чудотворца“²⁾, то, какъ видно уже изъ приведеннаго заглавія, сходство съ Степенной книгой и чудомъ 19-мъ не столь буквальное, какъ между Степенной книгой и чудомъ 19-мъ; а именно

¹⁾ Конепъ 19-го чуда.

²⁾ См. ун. рук. Ундольскаго, № 774, л. 172.—Въ нѣкоторыхъ спискахъ это двѣ главы, см., напримѣръ: рук. графа Уварова 1450 (119); Археологическаго общества (С.-Пб.), № 35; М. главн. архива мин. иностр. дѣлъ, № 49/69; (И. П. Б) Толстой II, 50; II, 425; V, 71; (И. П. Б.) Ногоднъ 1403, 1482, 1487; и другіе. Ср. печ. изд. „Исторія“ гл. LXXVII и LXXVIII.

въ „Исторіи“ ¹⁾ нѣтъ совсѣмъ о хожденіи по святымъ мѣстамъ съ царевичемъ Дмитріемъ, нѣтъ о распространеніи монастыря. „Исторія“, по списку Унд. и др., оканчивается: „возвѣщено же бысть сіе чудо и самому царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи“. Кромѣ этого, есть и другія, болѣе мелкія, отличія, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и словахъ.

Изслѣдованіе „Исторіи“ показываетъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, кажется, мы имѣемъ дополненія „Исторіи“ изъ Степенной книги ²⁾.

Г. Иулицевичъ.

¹⁾ Я пользуюсь спискомъ Ундольскаго.

²⁾ См. *С. М. Шпилевскій*. Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губ. Казань. 1877. (Приложеніе къ Учен. Зап. Казан. унив. 1877 г.). Приложенія II. Стр. 557—560. Считаю нужнымъ сказать, что, быть можетъ, слѣдуетъ внести нѣкоторыя оговорки въ указанія страницы.

О ПРОДОЛЖЕНИИ „ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ“ КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА ¹⁾).

„Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ“ кн. М. М. Щербатова заключаетъ въ себѣ 7 томовъ. Послѣдній изъ нихъ—VII—носитъ заглавіе: „Отъ кончины царя Феодора Іоанновича до избранія царя Михаила Феодоровича дому Романовыхъ“, но въ изданныхъ 3-хъ частяхъ его охватываетъ только 4 царствованія, слѣдовавшія за прекращеніемъ династіи Св. Владиміра: I часть—царствованіе Бориса Годунова и сына его, II—царствованіе Лжедимитрія и Василя Шуйскаго; III часть содержитъ грамоты, относящіяся ко II части (грамоты къ I части помѣщены въ концѣ этой I части). Такимъ образомъ VII томъ остается незаключеннымъ.— послѣдняя глава его, посвященная изложенію событій (V глава II части), доведена—включительно—до низверженія царя Василя (17-го іюля 1610 г.) и слѣдовавшаго затѣмъ насильственного постриженія его.

Въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится рукопись князя М. М. Щербатова—изъ бывшей Эрмитажной Библіотеки за № 573—подъ названіемъ:

„Книга о бывшихъ смятеніяхъ и междоусобицахъ въ Россіи“.

Выписываю болѣе подробно заголовокъ ея.

¹⁾ Читано въ засѣданіи Императорскаго Общества любителей древней промышленности 14-го декабря 1901 г.

„Книга“.

„О бывших смятеніяхъ и междоусобицахъ въ Россіи до избранія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича дому Романовыхъ-Юрьевыхъ“.

„Глава I“.

„Отъ постриженія царя Василья Ивановича Шуйскаго до вооруженія князя Дмитрія Мисайловича Пожарскаго и Козьмы Митина въ Нижнемъ-Новгородѣ“.

Рукопись содержитъ 18 листовъ. Не только вся книга, но и I глава ея не закончена. Содержание рукописи—последовательное изложение событій, бывшихъ въ Россіи послѣ низверженія и постриженія Василія Шуйскаго до отъѣзда гетмана Жолкъвскаго изъ Москвы къ королю Сигизмунду. Последнія слова въ ней—заглавіе предположенной, но даже и не начатой статьи: „Желковскій (sic) отъѣзжаетъ къ королю подъ Смоленскъ“.

Предполагалось эту рукопись—въ качествѣ отрывка изъ отдѣльнаго неоконченнаго сочиненія кн. Щербатова—помѣстить въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ издаваемого нынѣ на средства кн. Б. С. Щербатова, подъ редакціею И. П. Хруцова—въ сотрудничествѣ со мною—полнаго собранія сочиненій князя. Но по прочтеніи рукописи я пришелъ къ убѣжденію, что она есть ничто иное, какъ продолженіе „Исторіи Россійской съ древнѣйшихъ временъ“.

Вотъ соображенія, которыя приводятъ къ такому заключенію.

Первыя же страницы, и даже первыя строки рукописи несомнѣнно указываютъ, что она не есть сочиненіе особое, самостоятельное, а есть продолженіе чего-то. Въ самомъ дѣлѣ, въ срединѣ первой страницы—въ первомъ же періодѣ, на ней изображенномъ—встрѣчаются слова: „какъ выше о семъ показано“. Эти же самыя слова—въ такомъ сочетаніи: „какъ выше показано было“—вновь встрѣчаются на 6 страницѣ рукописи при ссылкѣ на грамоту, данную Сигизмундомъ и говорящую „о томъ, какъ править Владиславу“. Между тѣмъ въ рукописи до указаннаго мѣста ни одного слова объ этой грамотѣ сказано не было. И такъ, стало быть, у рукописи есть начало *внѣ* ея. Гдѣ же оно?

Естественно искать это начало тамъ, куда рукопись по содержанию своему непосредственно примыкаетъ, то есть, считать ее продолженіемъ

емъ того сочиненія, которое оканчивается непосредственно передъ ея видимымъ началомъ.

А такое сочиненіе и есть „Исторія Россійская“, остановившаяся какъ разъ тамъ, гдѣ нужно для подтвержденія высказываемой мысли—на изверженіи и постриженіи Василя Шуйскаго. При томъ, именно въ „Исторіи Россійской“ и находятся мѣста, которыя могъ имѣть въ виду авторъ рукописи при вышеприведенныхъ ссылкахъ. Привожу эти мѣста.

Въ первый разъ слова: „какъ выше о семъ показано“ употреблены по поводу упоминанія о „пріятномъ въ Польшѣ намѣреніи со времянь Стефана Баторія присоединить Россію къ Польшѣ“. Объ этомъ предметѣ говорится въ „Исторіи“ кн. Щербатова, въ I части VI тома, на страницѣ 95 (изданія 1790 г.), по поводу дерзкаго предложенія, сдѣланнаго посломъ Гарабурдой въ 1586 г., и тамъ же далѣе, на стр. 119, при изложеніи мыслей, занимавшихъ Стефана Баторія передъ созваніемъ сейма, при самомъ началѣ котораго послѣдовала смерть Баторія.

Во второй разъ слова: „какъ выше было показано“ были употреблены авторомъ—какъ уже замѣчено—по поводу грамоты Сигизмунда „о томъ, какъ править Владиславу“. Объ этой грамотѣ говорится во II части VII тома „Исторіи“, въ главѣ V, на страницѣ 409 (изданія 1791 г.).

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ высказаннаго мною положенія служатъ многія черты сходства во внѣшнемъ видѣ разсматриваемой рукописи и изданныхъ частей „Исторіи Россійской“. Сходство это обнаруживается при разсмотрѣніи раздѣленія сочиненій на части и, особенно, при разсмотрѣніи видовъ примѣчаній къ сочиненіямъ.

Обращаясь къ раздѣленію „Исторіи“ и разсматриваемой рукописи на части.

„Исторія“ кн. Щербатова, раздѣляясь на томы, раздѣляется также на книги, при чемъ въ каждомъ томѣ одна или нѣсколько книгъ. Какъ томы, такъ и книги носятъ особыя заглавія, опредѣляющія ихъ содержаніе. Почти всѣ книги дѣлятся на главы, также съ особыми заглавіями, при чемъ подъ заглавіемъ книги ставятся слова: „глава I“ и заглавіе, опредѣляющее содержаніе этой I главы книги (нумерація главъ въ каждой книгѣ отдѣльная).

Выписанный выше заголовокъ рукописи напоминаетъ своею формою первыя страницы почти всѣхъ книгъ „Исторіи“, отличаясь отъ нихъ только отсутствіемъ нумера при словѣ „книга“. Дальнѣйшее

подраздѣленіе рукописи еще болѣе напоминаетъ подраздѣленіе „Исторіи“. Въ „Исторіи“ главы (а гдѣ ихъ нѣтъ, какъ напримѣръ въ VI томѣ—части тома) подраздѣляются на статьи, другъ отъ друга не отдѣленные, которыя содержатъ содержаніе указывается заглавіями на поляхъ (въ печатаемомъ нынѣ новомъ изданіи эти заглавія введены въ текстъ и печатаются капиталью). Если озаглавливаемое изложеніе событій переноситъ читателя въ слѣдующій годъ, то годъ этотъ означается вслѣдъ за означеніемъ содержанія, иначе сказать за заглавіемъ статьи (совершенно такой порядокъ оглавленій мы находимъ для частей главъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина). Изъ рассматриваемой рукописи первый страницы не носятъ особаго заглавія, но онѣ имѣютъ особый характеръ—введенія или предисловія: кромѣ общей картины бѣдственнаго состоянія государства, онѣ содержатъ указаніе на источники, служившіе автору для исторіи описываемой эпохи. Переходя затѣмъ къ связному изложенію событій, авторъ предпосылаетъ каждой отдѣльной статьѣ заглавіе. Первое изъ этихъ заглавій: „Правленіе болгарское“. За нимъ поставленъ годъ: 1610, чего нѣтъ ни при одномъ изъ слѣдующихъ заглавій, такъ какъ всѣ они относятся къ событіямъ того же года. Затѣмъ слѣдуютъ заглавія: „Предложеніе о избраніи на престолъ Владислава, сына короля Польскаго“. „Соглашаются избрать Владислава“. „Патріархъ сопротивляется“. „Сопротивленіе митрополита Филарета Никитича“. „Посылаются послы къ Желковскому для учиненія договоровъ“ и т. д.—всего до 50 такихъ заглавій. По характеру они вполне соответствуютъ заглавіямъ отдѣльныхъ статей въ изданныхъ частяхъ „Исторіи“.

Перехожу къ примѣчаніямъ.

Въ „Исторіи“ кн. Щербатова находятся примѣчанія двоякаго рода—означенныя нумерами и означенныя звѣздочками (или крестиками). Примѣчанія перваго рода содержатъ ссылки на источники. Они имѣютъ особую нумерацію для каждой главы. — Примѣчанія втораго рода имѣютъ весьма разнообразный характеръ. Въ нихъ помѣщаются часто варианты повѣствованія, помѣщеннаго въ текстѣ; объясненія, почему авторъ предпочелъ одно извѣстіе или одинъ вариантъ другому; догадки о происхожденіи князей, о родѣ которыхъ нѣтъ точныхъ извѣстій, и тому подобное. Въ немногихъ случаяхъ, представляющихъ нѣкоторыя особенности, авторъ колеблется, относя свои примѣчанія то къ тому, то къ другому роду. Такъ ссылки на предыдущіе томы и страницы своей исторіи онъ помѣщаетъ въ примѣчаніяхъ заумеро-

ванныхъ, а ссылки на содержащіяся въ предшествовавшихъ томахъ родословныя таблицы—въ примѣчаніяхъ подь звѣздочками.

Что можно сказать о примѣчаніяхъ автора разсматриваемой рукописи?

Она содержитъ 49 примѣчаній, изъ которыхъ 45 означены нумерами—отъ 1-го до 45-го,—а остальные 4—звѣздочками. Изъ 45 примѣчаній занумерованныхъ 44 наполнены *исключительно* указаніями источниковъ: названія сочиненій, актовъ, №№ томовъ, главъ, страницъ—и только.

Примѣры: 4) Лѣтописецъ о мятежахъ, стр. 199.

5) Ядро російской исторіи, кн. VI, гл. I.

6) Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря Палицынымъ, гл. LXVI.

9) Грамота избирательная царю Михайлу Ѳедоровичу. Вивлюэика Россійская, второе изданіе, ч. VII, стр. 148 и т. п.

Только одно изъ этихъ занумерованныхъ примѣчаній—именно 12-ое—носитъ нѣсколько иной характеръ. Въ немъ говорится, что условія избранія Владислава, предложенныя боярами гетману Жолкѣвскому, въ текстѣ изложены по дополненію къ дѣяніямъ Петра Великаго господина Голикова (т. II, стр. 107), гдѣ боярская грамота „приведена въ нашъ слогъ“, для показанія же точности этой грамоты „предложутся ниже грамоты, выписанныя изъ библіотеки Ал. Невскаго монастыря, изъ 4 книги древностей російскихъ рукописныхъ, которыя изъ библіотеки пр. Амвросія Московскаго отданы въ архивъ госуд. коллегіи Николаемъ Баттышъ-Камскимъ 1779 г.“ Затѣмъ помѣщена ссылка на сочиненіе Коберзинскаго (Исторія короля Владислава).

Это примѣчаніе скорѣе бы думалось встрѣтить между тѣми, которыя означаются звѣздочками. Но во всякомъ случаѣ оно носитъ характеръ смѣшанный и, полагаю, не можетъ служить опроверженіемъ того положенія—подтверждаемаго 44-мя другими примѣчаніями—что занумерованныя примѣчанія въ рукописи имѣютъ тотъ же характеръ, что и въ „Исторіи“.

Что касается до 4-хъ примѣчаній подь звѣздочками, то ихъ однородность съ подобными же примѣчаніями въ „Исторіи“ не допускаетъ никакихъ сомнѣній и никакихъ оговорокъ не требуетъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ говорится, почему авторъ отдалъ предпочтеніе свидѣтельству Голикова предъ документами, хранящимися въ архивѣ Иностранной коллегіи, приписывающими одному князю В. В. Голицыну слова, которыя были произнесены нѣсколькими лицами; объясняется,

почему поляки могли во время второго съезда съ русскими послами быть увѣрены во впускѣ польскихъ войскъ въ Москву; дѣлаются указанія на неправильность счисленія панами радными польскихъ войскъ въ Россіи и на неприличіе ссылки на число этихъ войскъ въ виду условій перемирія 1608 года; говорится также о неприличіи нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ польскими панами по отношенію къ посламъ русскаго народа,—выраженій, несомвѣстныхъ ни съ положеніемъ пословъ, ни съ тогдашними взаимными отношеніями польскаго короля и русскаго народа, королю неподвластнаго и свободно съ нимъ договаривающагося. Именно такія примѣчанія и разсѣяны по всѣмъ изданнымъ частямъ „Исторіи“ кн. Щербатова, выдѣляясь вѣншиимъ видомъ—обозначеніемъ—изъ числа задумерованныхъ, посвященныхъ ссылкамъ на источники.

Такимъ образомъ, независимо отъ содержанія, которымъ разсматриваемая рукопись прямо прилегается ко 2-й и 3-ей частямъ VII тома „Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ“, независимо отъ выраженій („какъ показано выше“), которыми она, такъ сказать, *иллюстрируется* въ изданныя части „Исторіи“, — она и своими вѣншиими признаками напоминаетъ намъ именно этотъ трудъ князя Щербатова.

Полагаю, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ неоконченною—и, къ сожалѣнію, далеко неоконченною—1-ою главою IV части VII тома „Исторіи Россійской съ древнѣйшихъ временъ“.

Представляется небольшое затрудненіе при рѣшеніи вопроса о №, которые были бы выставлены при словахъ „книга“ и „глава“, если бы рукопись была издана самимъ авторомъ. Дѣло въ томъ, что VII томъ „Исторіи“, судя по его заглавію, подобно VI, долженъ былъ содержать всего одну книгу, такъ какъ въ заглавномъ листѣ его слова „книга XV“ стоятъ между „томъ VII“ и оглавленіемъ тома. Стало быть продолженіе изданныхъ частей исторіи должно было составить IV часть, какъ VII тома, такъ и XV книги. Поэтому въ заголовкѣ продолженія послѣ слова „книга“ должно было поставить „XV“ и слова: „часть IV“. По затѣмъ, для послѣдовательности, I главу новой части слѣдовало назвать не I, а VI, такъ какъ вездѣ нумерація главъ идетъ по книгамъ, и новый счетъ главъ начинается только съ новой книги, а не съ новой части ея. Между тѣмъ, какъ уже было замѣчено, единственная глава разсматриваемой рукописи названа 1-ою. Для устраненія указываемаго затрудненія нужно или предположить нѣкоторую неслѣдовательность въ авторѣ, въ силу которой онъ могъ здѣсь начать новый счетъ главъ съ новой части книги, или же

допустить, что авторъ вѣроятно измѣнилъ бы № главы при окончательной обработкѣ ея для печати. Выборъ между этими двумя предположеніями былъ бы дѣломъ произвола. Но оба предположенія должны быть признаны довольно вѣроятными уже въ силу того, что авторъ, допуская въ разныхъ томахъ своего труда большое разнообразіе въ раздѣленіи его на части ¹⁾, показалъ, что не придаетъ вопросамъ о такомъ раздѣленіи большого значенія. А при такомъ положеніи дѣла было бы въ особенности трудно ожидать отъ автора, чтобы онъ съ большою тщательностью относился къ занумерованію частей работы, еще далеко не оконченныхъ. Поэтому никакъ не думаю, чтобы можно было указанное затрудненіе признавать сколько нибудь серьезнымъ.

Объяснивъ, на чемъ основывается мнѣніе о принадлежности находящейся въ Публичной библиотекѣ рукописи кн. М. М. Щербатова къ составу главнаго труда ея автора, постараюсь въ немногихъ словахъ показать, что заключаетъ въ себѣ эта добавочная глава „Исторіи Россійской“, что даетъ въ ней авторъ читателю.

Послѣ небольшого введенія или предисловія, о которомъ уже было замѣчено выше, авторъ рассказываетъ объ установленіи боярскаго правленія. При этомъ онъ разбираетъ извѣстіе Татищева объ именахъ 7-ми бояръ, образовавшихъ верховное правленіе, и подвергаетъ его обстоятельной критикѣ, отзываясь нѣсколько рѣзко о довѣрїи, которымъ извѣстія Татищева у многихъ пользуются. Переходя къ избранію на престолъ королевича Владислава, авторъ указываетъ на слабость боярскаго правленія, обусловливаемую, какъ отсутствіемъ согласія среди бояръ, такъ и тѣмъ, что „власть боярскаго совѣта и отъ самого народа колеблема была“. Надлежало „дать твердость государству избраніемъ новаго царя“.

„Были изъ бояръ нѣкоторые, которые, жегомы честолюбіемъ своимъ, желали бы сами престолъ Россійскій похитить, но видѣли они ясно, что народъ на сіе не согласится, ибо уже многіе начали уважать къ тушинскому самозванцу въ станъ, и безпрестанно стали измѣны въ пользу его открываться“.

¹⁾ Такъ, въ первыхъ томахъ княженію каждаго великаго князя посвящалась особая глава, которая въ случаѣ большой величины дѣлилась на части (княженіе Изяслава Ярославича — I глава IV книги во II томѣ). Въ V томѣ, посвященномъ одному царствованію — Иоанна Грознаго—въ I и II частяхъ тома главы раздѣлялись событіями, каковы: смерть правительницы княгини Елены Васильевны, парское вѣнчаніе, взятіе Казани и т. д. Но III часть этого тома, равно какъ обѣ части VI тома—также посвященнаго одному царствованію (Феодора Иоанновича)—на главы вовсе не раздѣлены.

Говоря о нежелании бояръ видѣть на престолѣ тушинскаго вора, князь Щербатовъ выдвигаетъ мотивъ, наиболее соответствующій его собственнымъ воззрѣнiямъ на родovou знать и на боярскую честь.

„Конечно“, говоритъ онъ, „стыдились бояре предаться сему гнусному самозванцу, коего начальники и передъ симъ ихъ съ толикими укоризнами обманули“.

Что расположило бояръ къ призванiю польскаго королевича?

Отецъ Владислава прислалъ „утвержденную свою грамоту о томъ, какъ править Владиславу... Сiя грамота подлинно льстительна была для честолюбивыхъ бояръ, остающихся во всей своей власти, а царь долженствовалъ токмо быть блюститель законовъ, которыхъ безъ согласiя бояръ и дѣлать не могъ. Не сокрыто было отъ бояръ и то, что часто даваемая государями обѣщанiя при избранiи ихъ бывають ими самими разрушаемы, къ чему могъ Владиславъ болѣе другихъ удобства имѣть по расположенiю народа, не любящаго никакой другой власти, окромѣ самодержавной. По младость Владислава, который былъ тогда 15-ти лѣтъ, подавала надежду боярамъ, что до достиженiя его въ совершенныя лѣта правленiе сiе можетъ утвердиться. Къ тому же, взирая и на расположенiе народа, который склоненъ былъ на избранiе Владислава, положили избрать его“.

Далѣе описывается сопротивленiе избранiю Владислава со стороны Гермогена и Филарета Никитича, отправленiе посольства къ Жолкѣвскому, переговоры съ нимъ, принесенiе обоюдной присяги — Жолкѣвскаго въ соблюденiи договора и народа въ вѣрности избранному царю. Затѣмъ слѣдуютъ дѣйствiя Жолкѣвскаго и бояръ противъ самозванца, отступленiе послѣдняго къ Калугѣ, выдача польскихъ плѣнныхъ, встрѣча Салтыкова и его товарищей съ Гермогеномъ въ соборѣ. Далѣе весьма подробно описывается снаряженiе посольства къ Сигизмунду, составъ посольства, данныя посламъ: наказъ, статьи „чего требовать и на чемъ договариваться“, дополнителныя къ статьямъ объясненiя, вѣрящiя грамоты, отъѣздъ пословъ. Все сказанное по поводу отправленiя посольства составляетъ около седьмой части рукописи.

На нѣсколько времени авторъ оставляетъ пословъ и описываетъ продолженiе поляками враждебныхъ дѣйствiй по отношенiю къ Россiи, бездѣйствiе Жолкѣвскаго по отношенiю къ самозванцу, нравственно усилившемуся отъ прибытiя въ его станъ Марини, измѣну нѣкоторыхъ русскихъ людей, изъ личныхъ видовъ начавшихъ служить Сигизмунду, и малодушия другихъ, принимавшихъ отъ Сигизмунда награжденiя.

Посвящается довольно много мѣста оцѣнкѣ политики польскаго

правительства, столь же мало согласной съ достоинствомъ польскаго государства, сколько и съ его истинными пользами.

Далѣе авторъ снова обращается къ русскому посольству: описываетъ съ большою подробностью прїѣздъ пословъ подъ Смоленскъ, представленіе королю, посольскія рѣчи, королевскій отвѣтъ на нихъ, поднесенныя королю дары и послѣдовательный ходъ переговоровъ на 5-ти сѣздахъ пословъ съ папами радными, также обращеніе съ послами и условія содержанія ихъ. Описанію пребыванія пословъ у короля подъ Смоленскомъ посвящено около половины рукописи.

Затѣмъ нѣсколько страницъ отдано описанію хода дѣла въ Москвѣ и подъ Москвою, наступленію самозванца къ селу Коломенскому, впуску польскаго войска въ Москву, дѣятельности Жолкѣвскаго въ Москвѣ, новому отступленію самозванца къ Калугѣ и рѣшенію перевести бывшаго царя Василія въ Іосифовъ монастырь; а супругу его въ Суздальскій Покровскій.

На этомъ рукопись прерывается. Предположенная затѣмъ статья въ ней—отъѣздъ Жолкѣвскаго изъ Москвы въ стартъ короля подъ Смоленскомъ — какъ уже было замѣчено выше, только озаглавлена, но даже и не начата.

Такимъ образомъ болѣе половины рукописи занято дѣлами посольства къ Сигизмунду, стоявшаго подъ главенствомъ Филарета Никитича и князя В. В. Голицына. Посвященныя этимъ дѣламъ страницы написаны съ большою горячностью, можно сказать со страстностью. Если и въ другихъ частяхъ „Исторіи“ и въ другихъ трудахъ своихъ кн. Щербатовъ мало напоминалъ собою „дѣяка, въ приказахъ посѣдѣлаго“, который „спокойно зрѣтъ на правыхъ и неправыхъ“, то всего менѣе спокойнымъ оставался онъ при изложеніи цѣлаго ряда бѣдствій такъ горячо любимаго имъ отечества и оскорбленій, ему наносимыхъ. Читая эти сраницы, чувствуешь не хладнокровнаго повѣствователя, описывающаго то, что происходило 150 лѣтъ назадъ, а современника, волнующагося событіями, слишкомъ сильно его затрогивающими. Неизвѣстно, когда именно разсматриваемая рукопись вышла изъ подъ пера автора. Во всякомъ случаѣ она слѣдовала за изданными частями его „Исторіи“ и, стало быть, принадлежитъ самому концу его жизни. Во всякомъ случаѣ, стало быть, она свидѣтельствуетъ о томъ, что ея авторъ до конца жизни сохранялъ, наравнѣ съ бодростью ума, горячую любовь къ родинѣ и способность жить ея интересами.

А. Вероновъ.

И. И. ДМИТРИЕВЪ ¹⁾.

ХП.

Пришлось Дмитріеву еще поработать въ Москвѣ, въ качествѣ предсѣдателя комиссіи для пособія разореннымъ жителямъ Москвы въ 1816 году. За два раза пребыванія царя въ Москвѣ была подана 21 тысяча прошеній, изъ которыхъ удовлетворены 15.330 на 1.391.280 р. „Поливая цвѣты въ садикѣ своемъ и на окнахъ, старый поэтъ, но всегда юный другъ челоѣчества“, рассказываетъ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ въ своихъ „Замѣткахъ“ для кн. П. А. Вяземскаго, „то дитювалъ, то давалъ сочинять на мѣстѣ нѣкоторымъ изъ друзей своихъ (каковыми были самъ Писаревъ, проф. Пелотъ, лекторъ французскаго языка [† 1829 г.] и В. Л. Пушкинъ) просительныя письма къ императору и императрицѣ для старика, вдовы или сироты, тутъ же сидѣвшихъ; нерѣдко незамѣтно и деньги давалъ изъ своихъ скромныхъ средствъ“ ²⁾. Въ началѣ 1818 года Дмитріеву, отказавшемуся отъ брилліантовъ къ Александру Невскому, такъ какъ „никогда не служилъ изъ-за денегъ“, дали чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а 16-го іюня 1819 года за окончательный отчетъ комиссіи — Владимира 1-й степени ³⁾.

Дмитріевъ доживалъ свои дни въ Москвѣ на покоѣ, „поклоняемый и славимый“, употребляя выраженія барона А. А. Дельвига ⁴⁾.

¹⁾ Окончаніе. См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 г.

²⁾ Гротъ К. Я. Къ биографіи И. И. Дмитріева, 27.

³⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 146—148, 171.

⁴⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. I, XV.

Однако Москва не удовлетворяла Н. И. Дмитриева. „Люблю Москву“, писалъ онъ Жуковскому 27-го февраля 1834 г., „но право бы переѣхалъ на житье въ Петербургъ, если бы не связала меня здѣшняя осѣдность. Тамъ бы я сталъ доживать съ тѣми, кои знали меня въ молодости и доныгѣ не разнакомились; тамъ и позднѣйшія мои связи, съ коими я больше симпатизирую... достаточно было бы васъ, кн. Вяземскаго, Катерины Андреевны (сестры Вяземскаго, вдовы Карамзина), Натальи Яковлевны, и вдобавокъ къ тому полной свободы и раздолья въ ежедневныхъ прогулкахъ по миловидной столицѣ и ея окрестностямъ“¹⁾.

Упоминаемая здѣсь Наталья Яковлевна—Плюскова, старшая фрейлипа Маріи Федоровны; она окончила съ шифромъ Смольный, считалась умной и образованной; Павелъ I взялъ ее во фрейлины съ 5 шиферницами. Она была, по словамъ Я. К. Грота, безсмѣнная посетительница „Бесѣды“ въ домѣ Державина. Уже 25-го мая 1819 г. Дмитриевъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу высказывался: „я позавидовалъ вашей вечеринкѣ у Натальи Яковлевны“, а въ мартѣ 1820 г. въ *post-scriptum* просилъ то же лицо: „всякую назначенную для пересылки книгу я прошу васъ предварительно давать Натальѣ Яковлевнѣ“. Поручая не разъ А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому въ письмахъ²⁾ къ нимъ „сказать мой поклонъ“, „сказать мое почтеніе“, „памяните обо мнѣ“ Наталья Яковлевнѣ, Н. И. Дмитриевъ до конца жизни изрѣдка съ нею переписывался. Три письма къ ней напечатаны К. Я. Гротомъ³⁾. Это дружескія краткія письма отъ 7 и 24-го августа и 26-го сентября 1837 г. съ извѣщеніемъ о благополучномъ возвращеніи изъ „Сарскаго села“ въ Москву, о посылкѣ въ подарокъ двухъ фунтовъ цвѣтнаго чаю, о большой занимательности („очень интересны“) *Mémoires sur la reine Hortense*, при чемъ въ предсмертномъ письмѣ мы читаемъ: „отъ 76 лѣтняго старца прошу у васъ, милая умница, христіанскаго и дружескаго прощенія“, а письмо 24-го августа кончается словами: „цѣлуетъ вашу ручку преданный вамъ и сердцемъ и душою“. Я. К. Гротъ упоминаетъ про молву о ея чувствахъ къ Дмитриеву, но племянникъ И. И. Дмитриева, М. А. Дмитриевъ видитъ въ ихъ письмахъ только взаимное уваженіе. Въ письмѣ

¹⁾ Соч. И. И. Дмитриева, т. II.

²⁾ А. И. Тургеневу—10-го августа 1819 г., В. А. Жуковскому—29-го декабря 1831 г., 17-го мая 1834, 13-го марта и 9-го іюня 1835 г.

³⁾ Гротъ К. Я. Къ біографіи И. И. Дмитриева. Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, 1901 г., кн. IV, 233, 238—242.

къ кн. П. А. Вяземскому, собиравшемуся по смерти И. И. Дмитриева составить его биографію, Н. Я. Плюскова говоритъ „de son âme si belle par la pureté et la noblesse des sentiments“.

Пребываніе въ Петербургѣ близкихъ сердцу людей вызывало не разъ у И. И. Дмитриева желаніе перенестись на берега Невы.

Въ іюнѣ 1822 г. Дмитриевъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ до августа, для свиданія съ своей двоюродной сестрой А. П. Смирновой и семьей Карамзина. Государь обласкалъ старика, пригласилъ къ обѣду до представленія: „такіе чины не у мѣста между семіоновскими сослуживцами; просимъ же впередъ не спесивиться“ — услышалъ Дмитриевъ отъ царя ¹⁾). Обѣдалъ Дмитриевъ и у Маріи Фодоровны въ Павловскѣ; императрица подвела послѣ обѣда внука въ гусарскомъ платьѣ. „Какъ рано надѣлъ оиъ оружіе“! сорвалось съ устъ маститаго пѣвца ²⁾), который въ 1813 г. познакомилъ императрицу, поднесъ вслѣдъ за тѣмъ пьесу, переписанную рукою автора, и издалъ, по желанію государыни, „Пѣвца во стагѣ“ Жуковского ³⁾). Послѣ поѣздки въ Петербургъ Академія Наукъ 14-го января 1823 г. присуждаетъ своему сочлену Дмитриеву, одновременно съ Крыловымъ, большую золотую медаль ⁴⁾).

Лѣтомъ 1833 г., осенью 1835 г. ⁵⁾ и въ концѣ іюня 1837 г. Дми-

¹⁾ Соч. И. И. Дмитриева, т. II, 149—151, 163—164.

²⁾ М. П. Вечера у И. И. Дмитриева. Русскій, газета 1868 г., № 8 (10-го іюля).

³⁾ Соч. И. И. Дмитриева, т. II, 217, 218, 219—письма И. И. Жуковскому отъ 20-го февраля, 12-го мая и 22-го октября 1813 г.

⁴⁾ Письма Н. М. Карамзина къ Дмитриеву, отъ 5-го февраля 1823 г., 345.

⁵⁾ Соч. В. А. Жуковского, изд. 7-е, т. VI, 436—отъ 21-го апрѣля 1835 г. и 29-го мая, когда И. И. Дмитриевъ наглядѣлся на „Послѣдніе дни Помпеи“ Брюлова. См. письмо П. П. Свиньину, 26-го ноября 1835 г., Соч. И. И. Дмитриева, т. II, 319: „Осенняя поѣздка моя довольно была удачна и оставила мнѣ пріятныя воспомнанія, хотя и не безъ примѣси меланхолическихъ. Дорогою и на мѣстѣ я дышалъ лѣтнимъ воздухомъ подъ осеннимъ небомъ; въ три недѣли находился безъ устали; наговорился съ кѣмъ хотѣлъ, изъ ровесниковъ и юнаго поколѣнія... я видѣлся не однажды съ Пушкинымъ“. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 14-го сентября 1835 г. Дмитриевъ въ P. S. добавляетъ: „покорнѣйше прошу васъ при случаѣ сказать мое почтеніе Д. Н. Блудову, В. А. Жуковскому и А. С. Пушкину и графамъ Вольегорскимъ и вмѣстѣ увѣрить ихъ въ благодарности моей за спсходительное участіе, оказанное старику на чужбинѣ, а послѣднимъ и за ихъ гостепрѣимство“. (Письма И. И. Дмитриева къ Вяземскому, 64—65). „Я привезъ“, писалъ Дмитриевъ П. П. Свиньину, „къ брату И. И. Бекетову письмо, а оиъ наканунѣ моего прѣзда скончался“. (Соч. И. И. Дмитриева, т. II, 319); двоюродный братъ Дмитриева скончался 8-го сентября 1835 г. (примѣчаніе Н. П. Барсукова, Письма Дмитриева къ Вяземскому, 128).

тріевъ предпринималъ путешествія въ Петербургъ, заѣзжая въ 1833 г. въ Дерптъ къ семейству Карамзина ¹⁾, а въ 1837 г.—въ Ригу и Ревель. Въ Петербургъ прямо отъ заставы Дмитріевъ проѣхалъ на мѣстную Карамзина ²⁾; въ послѣдній пріѣздъ Дмитріевъ останавливался въ „Сарскомъ селѣ“ у зятя Карамзина, кн. П. П. Мещерскаго ³⁾. 15-го іюля 1833 г. ⁴⁾ П. А. Плетневъ, Д. Н. Блудовъ ⁵⁾, бар. Люцероде, саксонскій посланникъ, выучившійся по русски, побывавшій и у Дмитріева въ Москвѣ, и еще 17 лицъ устроили обѣдъ въ честь отъѣзжавшаго въ Москву Дмитріева. На обѣдъ было собрано 4½ тысячи на памятникъ Карамзину ⁶⁾.

Дмитріева оскорбляла всякая критика противъ Карамзина; вотъ почему въ 1828 г. М. П. Погодинъ ⁷⁾ лишается благосклонности Дмитріева за помѣщенныя имъ замѣчанія Арцыбышева на Исторію Карамзина. Часто посѣщая И. И. Дмитріева, Погодинъ любовался его прекрасной библіотекой. Дмитріевъ показывалъ ему „многу важ-

Н. А. Маркевичу, приславшему Дмитріеву свои стихи, Дмитріевъ отвѣчаетъ письмомъ отъ 21-го сентября 1835 г., гдѣ въ P. S. говоритъ: „не обвиняйте меня въ позднои отвѣтѣ. Письмо ваше пришло въ Москву, когда я былъ въ Петербургѣ, откуда на сихъ дняхъ только возвратился“. Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 319.

¹⁾ И. И. Дмитріевъ писалъ П. П. Свиньину отъ 16-го августа 1833 г.: „я продолжалъ и совершилъ путешествіе мое благополучно и еще засталъ кончикъ лѣта въ саду моемъ. Дерптъ мнѣ очень понравился. Проволя три дня въ семействѣ моего друга весело, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Карловкою, помѣстьемъ г. Булгарина, котораго только видѣлъ однажды, шествующаго съ трубкой во рту вдоль своей пивы; хотя и съ трубкою, но онъ напомнилъ мнѣ библейскаго Вооза“. Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 306.

²⁾ Воспоминанія В. П. Панаева, Вѣстникъ Европы 1867 г., сентябрь, т. III, 270.

³⁾ К. Я. Гротъ. Къ биографіи И. И. Дмитріева, 13.

⁴⁾ 15-го іюня того же года Н. И. Гречъ, пріѣзжавшій въ Москву, обѣдалъ у Дмитріева и бранилъ Ф. В. Булгарина. Соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. VII, 166. Еще 3-го іюля 1826 г. Дмитріевъ писалъ Н. Д. Иванчину-Писареву: „Я полюбилъ Греча за некрологию (Карамянна—Сѣвери. Пчела 1826 г. № 64); хорошо и справедливо. Милый мой другъ погрѣбениъ противъ Ломоносова“. (Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 297).

⁵⁾ Кн. П. А. Вяземскій сообщаетъ: „Возраженіе на такую критику (направленную противъ Дмитріева), писанное (въ 1806 г.) Д. Н. Блудовымъ и могущее служить образцомъ остроумія и искусства отражать нападенія несправедливыя, не только доступна къ современнымъ журналамъ“. См. сочин. Вяземскаго, т. I, 148. Въ концѣ „Мелочей изъ запаса моей памяти“ М. А. Дмитріева (267—278) напечатана эта статья по поводу критики Каченовскаго.

⁶⁾ Письмо отъ 15-го іюля П. А. Плетнева въ Сѣверной Пчелѣ 1833 г.

⁷⁾ М. П. Вечера у И. И. Дмитріева. Русскій, газета 1868 г. № 7, 9-го іюля.

ныхъ книгъ“, которыя возбуждали въ Погодинѣ желаніе заняться ими ¹⁾).

Въ сентябрѣ 1819 г. Дмитріевъ писалъ Ал. П. Тургеневу: „Оторвите Жуковскаго отъ гѣмчизны. Пора ходить на своихъ ногахъ, описать что-нибудь поважнѣе“ ²⁾. Пемногія (15) письма Жуковскаго къ Дмитріеву говорятъ о той любви, уваженіи и теплыхъ отношеніяхъ, которыя связывали ихъ и непосредственно, и черезъ ихъ обоюдныя отношенія къ Карамзину. „Вамъ извѣстно, какъ я привязалъ къ вамъ и какимъ почтеніемъ исполненъ къ вашему характеру“, писалъ Жуковский 18-го февраля 1816 г. ³⁾. „Къ 12 октября (1817 г.) буду въ Москву и живѣйшее удовольствіе обѣщаю себѣ отъ свиданія съ вами въ новомъ (для меня новомъ) домѣ вашемъ, гдѣ, надѣюсь, возобновится для меня прелесть тѣхъ счастливыхъ вечеровъ, которыя во время оно съ такимъ наслажденіемъ проводилъ я въ вашей бесѣдѣ“ ⁴⁾. Посылая портретъ Гёте въ 1823 г., Жуковский добавляетъ: „я нѣкоторымъ образомъ плачу долгъ благодарности: ваши стихи „Размышленіе по случаю грома“ ⁵⁾, переведенные изъ Гёте, были первые выученные мною наизусть въ русскомъ классѣ, а первые же мною написанные стихи (безъ соблюденія стога) были ихъ подражаніемъ. Вы мой учитель въ поэзіи“ ⁶⁾. И 12-го марта 1837 г., посылая свою „Уидину“, Жуковский повторяетъ: „Прошу учителя принять благосклонно приношеніе ученика. Напередъ знаю, что вы будете меня бранить за мои гексаметры“ ⁷⁾. Лѣтъ на шесть ранѣе въ посланіи „Къ И. П. Дмитріеву“ Жуковский даетъ крайне сочувственный отзывъ о Дмитріевѣ:

„Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ...
Пѣвецъ двухъ поколѣній,
Подъ сѣдиной ты третьему поешь...
Я помню дни—магической мечтою
Былъ для меня тогда разубранъ свѣтъ—
Тогда, явясь, сорвалъ передо мною
Покровъ съ поэзіи поэта...
Цвѣти, пѣвецъ, нашъ вдохновитель,

¹⁾ Барсуковъ, V, 117.

²⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 253.

³⁾ Соч. В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, 426.

⁴⁾ *Иб.*, 428.

⁵⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. I, 232.

⁶⁾ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, 430.

⁷⁾ *Иб.*, 437.

Младый душой подъ снѣгомъ старыхъ дней;
И долго будь намъ въ старости учитель,
Какъ былъ во младости своей“.

У Дмитріева были свои теоретическія воззрѣнія, и хотя не часто, но онъ дѣлился ими. Въ письмѣ къ С.-Тома ¹⁾, переводчику „Исторія“ Карамзина, присланному свой романъ, а впоследствии и L'inondation de S.-Petersbourg ²⁾, Дмитріевъ такъ высказывается: „Je suis tout-à-fait de votre avis, que les disciples de l'ancienne école, les imitateurs de Lesage, de Prevost, de Richardson et de Fielding peuvent même aujourd'hui aspirer à cette gloire constante, qu'ont obtenue leurs maîtres, ces peintres fidèles de nos mœurs et de nos usages et ces véritables scrutateurs du coeur humain. Pour le vrai talent, la nature est toujours inépuisable: il n'a pas besoin d'émouvoir le lecteur par des scènes dégoûtantes de brigands, des apparitions de spectres et de démons et d'avoir recours à toutes ces absurdités d'une imagination déréglée“. Вѣрное изображеніе нравовъ, анализъ человѣческаго сердца, неистощимость природы для поэта, отвращеніе къ мелодраматическимъ мотивамъ, въ родѣ разбойническихъ сценъ, привидѣній и другихъ атрибутовъ разнузданнаго воображенія—вотъ за что подаетъ свой голосъ Н. И. Дмитріевъ въ самомъ началѣ 1822 г., когда ни произведенія Пушкина, ни критическія воззрѣнія еще не очистили литературной атмосферы. Одинъ только Н. И. Дмитріевъ, подтверждаетъ намъ М. Н. Макаровъ, правда уже въ 1843 г. ³⁾, въ иную пору говаривалъ намъ, что „классическая такта (sic) и въ стихахъ, и въ прозѣ лишаетъ насъ многого хорошаго—мы какъ-то не смѣемъ не придерживаться къ Краткому руководству къ Ораторіи Россійстей“.

Не забудемъ, что Дмитріевъ оплакалъ кончину Д. В. Веневитинова въ 1827 г.:

„Природа вновь цвѣтетъ, и роза нѣгой дышитъ!
Гдѣ-жъ юный нашъ цвѣецъ?—увы! подъ сей доской;
А старость дряхлая дрожащею рукой
Ему надгробье пишетъ“! ⁴⁾

28-го марта онъ сообщалъ объ этой уtratѣ Н. Д. Иванчину-Писа-

¹⁾ Соч. Н. И. Дмитріева, т. II, 281.

²⁾ *Ib.*, 288.

³⁾ *Современникъ*, т. 29, 383.

⁴⁾ Соч. Н. И. Дмитріева, т. I, 252.

реву: „жаль Веневитинова и бѣдной матери. Кн. Зенеида (Волконская) всякой день у ней“ ¹⁾.

О К. Н. Батюшковѣ Дмитріевъ такъ писалъ: „Переводъ изъ Антологіи это—совершенство русской версификаціи: какая гибкость, мягкость, нѣжность и чистота! Словомъ, Батюшковъ владѣетъ языкомъ по произволу“ ²⁾.

16-го января 1821 г. Дмитріевъ пишетъ А. И. Тургеневу: „Вяземскій оправдалъ мою надежду. Онъ показалъ талантъ и душевную энергію. Люблю Жуковского и Батюшкова по прежнему. Но, да не прогнѣваются они: Вяземскому въ сердцѣ моемъ первое мѣсто“ ³⁾. Пеня А. И. Тургеневу, что онъ не прислалъ „Руслана“ Пушкина, Дмитріевъ въ другомъ письмѣ отъ 19-го сентября 1820 г. писалъ ему же: „Пушкинъ былъ поэтъ еще и до Руслана. Я хотя и инвалидъ, но еще не лишился чутья къ изящному. Какъ же мнѣ хотѣтъ унижать талантъ его?“ ⁴⁾. А 1-го февраля 1832 г. Дмитріевъ писалъ самому Пушкину: „я вздохнулъ, что это послѣдняя пѣснь Огѣгина... Не скажу съ Ицолою, что вы ожили: въ постоянномъ вашемъ здоровьѣ всегда былъ увѣренъ,—вы, благодареніе Фебу, годъ отъ году музаете“ ⁵⁾... А марта 23-го 1837 г. Дмитріевъ писалъ П. П. Свиньину: „Катастрофъ съ Пушкинымъ отдался въ моемъ сердцѣ, и я-же обязанъ былъ объявлять о томъ бѣдному отцу его!“ ⁶⁾. Три дня спустя то же повторяетъ Дмитріевъ и въ письмѣ къ Жуковскому: ⁷⁾ „Думалъ ли я пережить его?.. и на меня же еще было возложено приготовить отца къ разразившемуся надъ нимъ удару...“.

ХІІІ.

Крайне любопытно прослѣдить отношенія А. С. Пушкина къ П. П. Дмитріеву. Въ первомъ изъ своихъ печатныхъ стихотвореній (за подписью Александръ Н. К. ш. п., полученномъ въ апрѣль 1814 г. Вл. В. Измайловымъ, издателемъ „Вѣстника Европы“) лиценст-

¹⁾ *Москвитинъ* 1844 г., ч. IV, № 7, 49.

²⁾ Соч. П. И. Дмитріева, т. II, 260. С. С. Уваровъ и К. Н. Батюшковъ напечатали въ 1820 г. брошюру: „О греческой антологіи“, статьи, приготовленныя еще въ 1817—1818 г. для журнала, который предполагалось издавать отъ имени Арамааса.

³⁾ П., 271.

⁴⁾ П., 269.

⁵⁾ П., 302.

⁶⁾ П., 328.

⁷⁾ П., т. II, 330.

поэтъ, обращаясь „Къ другу стихотворцу“, вѣроятно В. К. Кюхельбекеру, повторяетъ, конечно, съ чужихъ словъ ¹⁾, когда восклицаетъ:

„Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертныя, и честь, и слава Россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!“ ²⁾.

Въ томъ же году въ „Городкѣ“, говоря о своей библиотекѣ, Пушкинъ называетъ въ ся составѣ Лафонтена, добавляя:

„Ты здѣсь!...
И Дмитревъ вѣжнѣй,
Твой вымыселъ любя,
Нашель пріютъ надежнѣй
Съ Крыловымъ близъ тебя“ ³⁾.

Въ 1817 г. въ посланіи къ Жуковскому, заявляя о своемъ рѣшеніи избрать въ удѣлъ лиру, Пушкинъ перечисляетъ съ благодарностью и гордостью, кто его толкнулъ на эту дорогу, и менѣе всего говоритъ о Дмитріевѣ, ограничиваясь однимъ стихомъ:

„И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ“ ⁴⁾.

Впослѣдствіи, вѣроятно въ концѣ 1829 г., вспоминая о томъ же, Пушкинъ еще холоднѣе говоритъ о Дмитріевѣ:

„И Дмитревъ не былъ намъ хулитель“ ⁵⁾.

¹⁾ Я вовсе не хочу сказать, что Пушкинъ не зналъ поэзіи Дмитріева. Стоитъ прочесть „Воспоминаніе“ Пушкина о происшествіи сентября 1814 г. и экспромптъ Пушкина въ подражаніе Н. И. Дмитріеву:

„Мы недавно отъ печали,
Пушинъ, Пушкинъ, я (Малиновскій), баронъ,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вонъ“.

(Соч. Пушкина, изд. Академіи Наукъ, т. I, изд. 2-е, примѣчанія, 149). Вспомнимъ ту эпиграмму, которою „маленькій Пушкинъ давно уже плюнулъ на Каченовскаго“. Ее приводитъ Ал. И. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 18-го сентября 1818 г. Последній ся стихъ — повтореніе послѣдняго стиха изъ эпиграммы П. И. Дмитріева. Остафьевскій Архивъ, т. I, 122, 502.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 2-е Академіи Наукъ (1900 г.), т. I, 16.

³⁾ Тамъ же, 64.

⁴⁾ Тамъ же, 264.

⁵⁾ Соч. А. Пушкина, изд. Литерат. фонда, т. III, 382; въ этихъ выраженіяхъ

Здѣсь уже кроется и указаніе на то, о чемъ, безъ обозначенія имени, но съ прозрачнымъ намекомъ высказано 12-го февраля 1828 г. въ предисловіи къ 2-му изданію Руслана, какъ бы нарочно въ самомъ концѣ: „Долгъ искренности требуетъ такъ же упомянуть и о мнѣніи одного изъ увѣчаныхъ, первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я тутъ не вижу *ни мыслей, ни чувства*, вижу только чувственность. Другой (а можетъ быть и тотъ же) увѣчанный, первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

„Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть“ ¹⁾.

[Пародія стиха Дмитріева изъ его „Надписи къ портрету М. П. Мухоморова“. (Соч. И. И. Дмитріева, т. I, 213)]. Поэма, начатая на послѣднемъ курсѣ, вчернѣ оконченная осенью 1818 г., въ концѣ мая 1820 г. вышла въ свѣтъ, съ виньеткой А. Н. Оленина; за высылкой самого поэта за напечатаніемъ наблюдалъ П. П. Гнѣдичъ ²⁾. Не потому ли первый неблагоприятный отзывъ о Дмитріевѣ мы читаемъ въ письмѣ Пушкина къ Гнѣдичу отъ 27-го іюня 1822 г.: „Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится И. И. Дмитріевъ съ своими *чувствами и мыслями*, взятыми изъ Флоріана и Легуве“ ³⁾. Вслѣдъ за этимъ въ черновикѣ письма ⁴⁾ отъ 4-го ноября 1823 г., а потомъ и въ самомъ письмѣ отъ 8-го марта 1824 г. ⁵⁾ повторенъ Пушкинымъ рѣзкій отзывъ о Дмитріевѣ — и

нельзя не видѣть стиха самого И. И. Дмитріева, въ переведенномъ имъ Посланіи Попа къ Арбутопу:

„Свифтъ не былъ мой хулителъ“.

(Соч. И. И. Дмитріева, т. I, 193).

¹⁾ *Иб.*, II, 201.

²⁾ *Иб.*, 275.

³⁾ *Иб.*, VII, 34. Напомню, что писалъ Ал. П. Тургеневъ къ Виземскому отъ 19-го августа 1819 г.: „Эти цвѣты (рѣчь идетъ о стихотвореніи Жуковского: Цвѣтъ завѣта) пересажены не въ его (Дмитріева) цвѣтущее время. Душа его завѣла прежде, и душисто ароматы германско-британской поэзіи правились иногда только его взору а не обонянію. Онъ искалъ въ этихъ цвѣтахъ одиѣхъ красокъ и формъ“. Остафьевскій Архивъ, т. I, 292.

⁴⁾ *Иб.*, 57.

⁵⁾ *Иб.*, 73—74.

кому же? автору „Извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“ (1823 г.)¹⁾, кн. П. А. Вяземскому: „Жизни Дмитріева еще не видалъ... Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности... (Ты одинъ бы могъ прикрикнуть налево и направо, порастрастя старыя ронутанці, приструнить новыя и показать истину), а ты по непростительному пристрастію судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому (старому вралю). И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго (по мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь²⁾ что нѣтъ мочи...)“³⁾. Ты его когда-то называлъ *le poëte de notre civilisation*. Быть такъ, но хороша наша *civilisation!*“ Въ слѣдующемъ письмѣ⁴⁾ къ Вяземскому мы читаемъ: „Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева. Все, что въ ней разсужденіе, прекрасно. Но эта статья — *tour de*

¹⁾ Удачную оцѣнку статьи далъ П. М. Снегиревъ (стр. 5—8 Письма И. И. Дмитріева къ кн. Вяземскому). Статью кн. Вяземскаго Дмитріевъ читалъ ранѣе напечатанія и похвалялъ автора въ своемъ четверостишіи:

„Кого не увлечетъ талантъ сего поэта?
Ему ничто не образецъ;
Онъ сыплеть острою, играетъ, по мудрець
Еще въ младныя лѣта!“

(Новости литературы, прибавленія къ Русскому Иллюстратору, 1822 г. № XIV, стр. 47. См. Остафьевскій Архивъ, II, стр. 274 и 276).

²⁾ Ср. отзывъ 1817 г. Пушкина о Ермакѣ въ „Посланіи къ В. Л. Пушкину“ (выше, апр., стр. 394); а также отзывы 1830—1831 г. о Модлой женѣ и сказкахъ Дмитріева — другого рода (паз. Литер. фонда, т. V, 122, 126): „Какой угрюмый дуракъ станетъ осуждать „Модную жену“, сей прелестный образецъ легкаго и шутиваго разсказа“. „Что думаютъ оны (нынѣшніе блюстители нравственности) о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева?“ То же говорилъ въ своей „Рѣчи о вліяніи легкой поэзіи“ въ Московскомъ обществѣ любителей россійской словесности К. Н. Батюшковъ въ 1816 г.: „Остроумныя, неподражаемыя сказки Дмитріева, въ которыхъ повѣя въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества“... Соч. К. Н. Батюшкова, т. II, 241. На 8 лѣтъ раньше рѣчи К. Н. Батюшкова въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ мы читаемъ:

„Лишь сказочки твои читать я начинаю,
Вопиета, Ламберта и всѣхъ я забываю“

(1808 г., ч. 2, № 37, 85—88, къ Н. И. Дмитріеву).

³⁾ Въ кавычкахъ заключены выраженія черновика.

⁴⁾ Пб., VII, 75.

force et affaire de parti... Повторяю тебѣ передъ евангелиемъ и святымъ причастиемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣеть, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Вас. Льв... И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной ¹⁾ да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гюшара? — Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія; на „Благонамѣренный“ сердиться невозможно“. Возражая А. А. Бестужеву (Марлинскому) на мнѣнія его „Взгляда на русскую словесность въ теченіе 1824 и въ началѣ 1825 г.“ ²⁾, Пушкинъ въ письмѣ къ нему отъ 21-го марта 1825 г. говоритъ: „Именно критики у насъ недостаетъ... Книжники безмятежно пользуются своею славою, Богдмиовичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ — такъ же... Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами“ ³⁾. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 9-го ноября 1826 г. ⁴⁾ Пушкинъ еще разъ возвращается къ тому же предмету: „Что ты сдѣлалъ для Дмитріева (котораго НВ. ты одинъ еще поддерживаешь), то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь (въ Тригорскомъ) ⁵⁾ нашелъ я стихи Языкова... Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать“. Последняя фраза вызвана отголоскомъ того горячаго спора, въ пылу котораго кн. Вяземскій сказалъ Пушкину: „да ты, кажется, завидуешь Дмитріеву“. „Пушкинъ тутъ зардѣлъ“, вспоминаетъ Вяземскій, „какъ маловъ цвѣтъ; съ выраженіемъ глубокаго упрека, взглянулъ на меня, и протяжно, будто отчеканивая каждое слово, сказалъ: «какъ, я завидую Дмитріеву?» Споръ нашъ этимъ и кончился“... „Пушкинъ часто не любилъ Дмитріева, какъ поэта... но въ глубинѣ души и дарованія своего Пушкинъ не могъ не уважать Дмитріева“ ⁶⁾.

Какъ бы тамъ ни было, но еще 19-го мая 1819 г. и П. И.

¹⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. I. 254; 108 — 110 (Алинта, Прелоста), 113 — 114 (Климена), 141 — 142 (Филинда), 169, 202 (Климена), 215 — 216 (Дельфира), за годы отъ 1791—1798 г.

²⁾ Полярная Звѣзда на 1825 г. была прислана Пушкину еще до выхода альманаха въ свѣтъ.

³⁾ Соч. Пушкина, VII, 116.

⁴⁾ Г., 187.

⁵⁾ Г., 188, Н. М. Языкову—9-го ноября 1826 г.: „сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское“.

⁶⁾ Соч. Вяземскаго, т. I, 158—160, статьи 1876 г.

Дмитріевъ писалъ А. И. Тургеневу: „Нетерпѣливо желаю узнать послѣднія произведенія оригинальнаго и истиннаго поэта Вяземскаго, котораго, конечно, не затмитъ и молодой Пушкинъ, хотя бы талантъ его и достигъ до (sic) полной зрѣлости“ ¹⁾. Подобные холодные отзывы доходили, вѣроятно, до Пушкина ²⁾ и еще болѣе располагали Пушкина смотрѣть трезво на литературную дѣятельность Дмитріева, о которомъ и П. А. Полевой отзывался позже ³⁾: „Поэзія не была у Дмитріева главнымъ занятіемъ, ни какъ искусство, ни какъ непреодолимое вдохновеніе“.

Недружелюбное отношеніе Пушкина къ Дмитріеву косвенно сказалось и на холодныхъ отношеніяхъ Баратынскаго къ Дмитріеву, не смотря на то, что въ Москвѣ ихъ дома находились насупротивъ на Спиридоновкѣ ⁴⁾. Чѣмъ, какъ не такимъ обстоятельствомъ можно объяснить слова письма А. Я. Булгакова отъ 4-го октября 1837 г. къ князю Вяземскому: „Вчера Баратынскій сказывалъ у Пашковыхъ, что И. И. Дмитріевъ третьяго дня зашибъ себѣ ногу и что въ ногѣ уже оказался Антоновъ огонь... Въ Москвѣ какъ будто не станеть Ивана Великаго, Кузнецкаго моста или Арбатскихъ воротъ — такъ велика привычка видѣть Дмитріева въ древней столицѣ. Это—одна изъ нашихъ достопримѣчательностей“ ⁵⁾. На отпѣваніи былъ и Баратынскій ⁶⁾. „Баратынскій какъ-то не цѣнилъ ума и любезности Дмитріева“, записываетъ Вяземскій въ своей Старой записной книжкѣ. „Онъ говаривалъ, что, уходя послѣ вечера, у него проведеннаго, ему всегда кажется, что онъ былъ у всенощной. Между тѣмъ онъ высоко ставилъ дарованіе поэта. Пушкинъ, обратно, нерѣдко бывалъ строгъ и несправедливъ къ поэту, но всегда увлекался остроумною и любезною рѣчью его“ ⁷⁾.

¹⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 247.

²⁾ Не забудемъ, что письмо Пушкина къ И. И. Дмитріеву 14-го февраля 1835 г. было вызвано тѣмъ, что молодой Карамзинъ показывалъ Пушкину письмо Дмитріева съ упреками по адресу Пушкина. Соч. Пушкина, ч. VII, 376. „Вѣроятно, колкій отзывъ Дмитріева о „Русланѣ“ дошелъ до молодого поэта“, вспоминаетъ Вяземскій въ 1876 г. (т. I, 159).

³⁾ Очерки рус. литер., ч. I, 401; отзывъ, появившійся въ печати въ сентябрѣ 1837 г. (Бibl. для чтенія 1837 г., т. 24-й).

⁴⁾ Русскій Архивъ 1901 г., 12, 575.

⁵⁾ К. Я. Гротъ, 244.

⁶⁾ Барсуковъ, V, 121.

⁷⁾ Т. VIII, 427.

Дѣйствительно, когда ухаживанія Пушкина за Н. И. Гончаровой заставили его подольше оставаться въ Москвѣ, завязались личныя отношенія съ ветераномъ-писателемъ, который знавалъ Пушкина въ дѣтскіе годы, бывая у его родныхъ ¹⁾. 14-го марта 1830 г. Пушкинъ сообщаетъ Вяземскому: „Вчера объдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полевого и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ“ ²⁾. „Посылаю тебѣ драгоценность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Н. И. Дмитріева“, читаемъ мы въ другомъ письмѣ, посланномъ тоже въ мартѣ 1830 г. Вяземскому ³⁾.

Завязалась и переписка у Пушкина съ Дмитріевымъ, но тонъ писемъ (ихъ и немного: 5) поражаетъ излишней официальнойностью, и на ряду съ этимъ Пушкинъ какъ бы подсмѣивается надъ Дмитріевымъ. „М. Г. Иванъ Ивановичъ! Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить,—драгоценный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи неосвященныхъ (письмо отъ 14-го февр. 1832 г.) ⁴⁾. Радуюсь, что успѣлъ вамъ *удодить стихи*, хотя и *блѣлыми* ⁵⁾... Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вапей дѣятельности и внимательности: по физиологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долготѣи и здравіи. Живите жъ долго, м. г.! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ тщедушныя нынѣшнія произведенія“ ⁶⁾... Безъ подписи и не узнаешь, что это — письмо Пушкина: такъ непокорно ему здѣсь слово, такъ мало той искры оживленія и ума, какою чаще всего блестятъ его письма! Это замѣчалъ, видимо, и самъ Дмитріевъ,

¹⁾ Макаровъ М. Н. А. С. Пушкинъ въ дѣтствѣ, Современникъ 1813 г., т. 29-й, 375—385. На слова И. И. Дмитріева: „Посмотрито, вѣдь это настоящій Арабчикъ“, дитя разсмѣялось, проговоривъ, оборотясь къ намъ: „по крайней мѣрѣ отличусь тѣмъ и не буду рябчикъ“ (383). Не забудемъ однако, что Дмитріевъ писалъ А. И. Тургеневу (вѣроятно, въ февралѣ 1818 г.): „Какъ вы обрадовали меня извѣстіемъ о молодомъ Пушкинѣ. Я его не знаю, но всѣмъ сердцемъ бралъ участіе (sic!) въ его боленіи“. (Соч. Н. И. Дмитріева, т. II, 230).

²⁾ Соч. Пушкина, VII, 217.

³⁾ Ib., 218—219.

⁴⁾ Ib., 301—302.

⁵⁾ Нашъ курсивъ.

⁶⁾ Любопытно, что тѣ же слова, съ нѣкоторыми пропусками, повторяются и въ письмѣ отъ 14-го іюня 1836 г.: „Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность“.

когда онъ благодарилъ Пушкина 10-го апрѣля 1835 г.: „Наконецъ и моя русская бібліотека красуется новымъ плодомъ любимаго нашего автора! Сердечно благодарю васъ за пріятный гостинецъ и за ваше хотя и перомное, но не меньше обязательное подписаніе“ ¹⁾. Такъ же холодно и письмо (черновое) отъ ноября 1833 г., когда Пушкинъ проситъ Дмитріева сообщить рассказъ о казни Пугачева ²⁾. 14-го февраля 1835 г. Пушкинъ оправдывается передъ Дмитріевымъ: „Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной... поминутно поджидалъ портретъ Емельяна *Ивановича*, который гравировается въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности... Вы смѣтаетесь надъ нашимъ поколѣніемъ, и конечно—имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину—первые монѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгоды денежныя, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной“ ³⁾... 26-го апрѣля 1835 г. Пушкинъ благодарилъ Дмитріева „за ласковое слово и за утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку“ ⁴⁾. 14-го іюня 1836 г. ⁵⁾ Пушкинъ благодаритъ Дмитріева за участіе въ смерти матери и за благосклонный отзывъ о Современникѣ, добавляя: „Замѣчаніе о вашемъ ономимѣ украситъ второй № Современника и будетъ напечатано слово въ слово. Вашъ Созій не сыгъ Юпитера, и его встрѣча съ вами для него невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ... Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ“. Такъ заканчиваются всѣ 5 писемъ, сохранившихся отъ Пушкина. Въ „Одѣ Его Сіятельству гр. Д. П. Хвостову“ 1824 г. ⁶⁾ въ разгаръ особенно рѣзкаго отношенія къ Дмитріеву Пушкинъ, пронизывая надъ Хвостовымъ, обѣщаетъ вновь его правдиво восгнѣть,

¹⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 317.

²⁾ Соч. Пушкина, VII, 335.

³⁾ *Иб.*, 376—377.

⁴⁾ *Иб.*, 377—378.

⁵⁾ *Иб.*, 407—408.

⁶⁾ Соч. Пушкина, I, 331.

„Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ еущу“,

и въ выпискѣ обращаетъ вниманіе, что эти рифмы—„подражаніе Его Высокопревосходительству Д. Т. С. И. И. Дмитріеву, знаменитому другу гр. Хвостова“ ¹⁾. Приводя въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи Пугачевского бунта“ выдержки изъ неизданныхъ записокъ И. И. Дмитріева, Пушкинъ добавляетъ: „Подробности сей казни разительно напоминаютъ казнь Стеньки Разина. См. *Rélation des particularités de la rébellion de Stenko Razin traduit de l'anglais, par C. Desmares. 1688 г. Книга сія весьма рѣдка; и видѣлъ одинъ экземпляръ оной въ библіотекѣ А. С. Норова*“ ²⁾. Это чуть ли не намекъ на плагиатъ! Правда, эти примѣчанія въ началѣ января 1835 г. Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу только для государя ³⁾. Да и разительнаго сходства не видишь—по крайней мѣрѣ по экземпляру Публичной библіотеки, напечатанному въ 1672 г. ⁴⁾. Вотъ эти мѣста: „Il n'en parut point (при упоминаніи самыхъ крупныхъ его преступленій) du tout ému et ne dit pas un seul mot. Il s'inclina seulement; et quand l'Exécuteur alla pour faire son office, il fit plusieurs fois le Signe de la Croix, se tournant vers une certaine Eglise, qu'ils appellent en leur Langue *Presiesse Bogerodiesse Cosancche*“ ⁵⁾, qui veut dire La très-Sainte Mère de Dieu de Casan. Après quoi il s'inclina trois fois en se tournant vers le Peuple, disant: *Prostie*, qui signifie Pardonnez-moi“ ⁶⁾. А у Дмитріева: „Во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ (соборы—у Пушкина), часто крестился... потомъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ... кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: „прости, народъ православный“ ⁷⁾...

¹⁾ Не надо забывать, что въ 1823 г. (18 февр.) И. И. Дмитріевъ писалъ В. А. Жуковскому: „Напрасно, милый поэтъ, хотишь оживить самолюбіе въ старикѣ, который, право, и въ лучшую пору жизни немного думалъ о своей поэзіи... Не искашайте же моей слабости и оставьте меня дочитывать чужое и легко наслаждаться. Пускай неутомимый Хвостовъ гуляетъ на своемъ пароходѣ по Ледовитому океану и коптитъ Англона“. (Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 284).

²⁾ Соч. Пушкина. VI, 126—127.

³⁾ Ib., 301.

⁴⁾ Объ этой англійской брошюрѣ вспомнилъ Историческій Вѣстникъ въ ноябрьской книжкѣ 1901 г.: Записки англичанина о бунтѣ Стеньки Разина, 736—737, А. В. В.

⁵⁾ Пречистая Богородица Казанская.

⁶⁾ 48—49.

⁷⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 16. Соч. А. С. Пушкина, VI, 126.

Приводя выше выдержки изъ писемъ, я руководился тѣмъ взглядомъ, который высказывалъ еще кн. П. А. Вяземскій: „самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышать и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣяною, но постоянно проговаривающеюся рукою. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея“ ¹⁾.

XIV.

Въ концѣ августа 1836 г. С. Н. Глинка, который еще въ 1817 г. передѣлалъ Ермака въ драму ²⁾ и разыгралъ въ костюмахъ съ помощью своихъ учениковъ, уроженцевъ Дона, въ присутствіи восхищеннаго Дмитріева, случайно встрѣтилъ И. П. на лавкѣ на Тверскомъ бульварѣ, и на просьбу похлопотать за Глинку Дмитріевъ отвѣчалъ: „Я никому не пишу: я—лишній на свѣтѣ! я сверхкомплектный!..“ Глинка возразилъ ему: „Не вѣрю: кто сказалъ—

Чувствительна душа и вчужѣ веселится! ³⁾
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!

тотъ никогда не исключитъ себя изъ семьи людей“.

И дѣйствительно, еще за нѣсколько дней до смерти, Дмитріевъ въ Англійскомъ клубѣ „съ большимъ участіемъ“ рассказывалъ М. П. Погодину „исторію бѣднаго книгопродавца Кузнецова“, у котораго остановлено изданіе „Христіанскаго календаря“, бранилъ цензоровъ, добавляя: „а незаконное пропускаютъ“ ⁴⁾!

„Кто не слышалъ Дмитріева“, писалъ П. А. Вяземскій ⁵⁾, „тотъ не знаетъ, до какого искусства можетъ быть доведенъ русскій разговорный языкъ“ ⁶⁾. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ,

¹⁾ Соч. кн. П. А. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева, VII, 195.

²⁾ Глинка написалъ три драмы изъ русской исторіи въ 1806—1809 гг. Записки С. Н. Глинки. С.-Иб. 1895 г. 315, 330; ср. письма Н. И. Дмитріева С. Н. Глинкѣ, приславшему въ исходѣ 1824 г. свой портретъ. (Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 288).

³⁾ Изъ басни (1795 г.) „Старикъ и трое молодыхъ. Соч. И. И. Дмитріева, т. I, 38. Этотъ стихъ воспоминаетъ и К. Н. Батюшкова въ письмѣ 3-го мая 1809 г. къ Н. И. Глиндичу. Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, 33.

⁴⁾ Дмитріевъ М. А. Мелочн, 153.

⁵⁾ Письма И. И. Дмитріева къ кн. П. А. Вяземскому, прим. Н. П. Барсукова, 8.

⁶⁾ 15-го іюня 1833 г. послѣ обѣда у Дмитріева кн. П. А. Вяземскій записываетъ о слышанномъ за столомъ и отмѣчаетъ „разнообразіе, живость и анекдотическую пре-

Дмитріевъ говорилъ со всѣми исключительно по русски; объ этомъ засвидѣтельствовалъ Жуковский въ своей памятной запискѣ для Александры Θεодоровны предъ путешествіемъ ея въ Москву. Императрица пріѣхала на свиданіе съ наслѣдникомъ, который возвращался изъ Сибири вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Дмитріевъ, который отъ 7-го августа 1837 г. сообщалъ „милой Патальѣ Яковлевнѣ“, что „вернулся въ мое гнѣздо въ пятницу, въ 12-мъ часу пополуночи“, засталъ въ Москвѣ празднества по случаю пріѣзда Двора. „Вечеромъ былъ гр. М. Ю. Вельгорскій и Жуковскій“, сообщалъ Плюсковой П. П. 7 авг., и 24 авг.: „милая графиня съ дѣтьми была у меня“. Дмитріевъ, по словамъ Жуковского, особенно былъ нѣженъ къ нему; его радовало, что Жуковский съ наслѣдникомъ побывалъ въ селѣ Богородскомъ, на роднѣ Дмитріева. 9-го августа Жуковский уже уѣхалъ изъ Москвы. Кн. П. А. Вяземскій писалъ 12-го августа Дмитріеву по поводу вниманія, оказаннаго 77-лѣтнему ех-министру и писателю царской семье: „Вы были очень милостиво обласканы“¹⁾.

„Можетъ быть, нѣкоторые думаютъ“, писалъ П. Д. Пвалчинъ-Писаревъ въ „Замѣткахъ“ для кн. Вяземскаго, „что въ религіозныхъ отношеніяхъ онъ позволялъ себѣ излишнюю свободу въ мысляхъ, но они ошибаются. Правда, на кого XVIII вѣкъ не имѣлъ вліянія!“²⁾...

„Стараюсь, наконецъ, разсудка быть подѣ властью,
И только вотъ и вся моя пауза счастіемъ!“
„Природа—миѣ букварь, а сердце—мой учитель“³⁾.
„Что Богу нужды нѣтъ въ молитвахъ, всякій знаетъ,
Но можно-ль намъ прожить безъ нихъ“⁴⁾?
„Какой безцѣнный даръ—прямой, сердечный другъ“⁵⁾!

вотъ тѣ нравственныя воззрѣнія, съ которыми Дмитріевъ сложилъ и которыми руководился до конца своихъ дней.

Дмитріевъ отличался мнительностью, особенно въ послѣдніе годы.

лестъ его разговора“ (Соч. т. VII, 166). То же подтверждаетъ и К. Н. Батюшковъ: „Этотъ анекдотъ о Державинѣ (и нѣмецкомъ переводѣ Анахарсеса и о соколинничьемъ уставѣ) меня поразилъ и пѣшилъ, разсказанный Дмитріевымъ, который говоритъ, какъ шипеть, и шипеть такъ же сладостно, остро и краснорѣчиво, какъ говорить“. Соч. К. Н. Батюшкова, т. II, 362. См. Отзывъ В. А. Жуковского—выше стр. 21.

²⁾ Противъ К. Я. Къ біографіи П. П. Дмитріева—Извѣстія Отд. рус. яз. и слов., 1901 г., 4, 238, 235.

³⁾ *Иб.*, 253.

⁴⁾ Соч. И. И. Дмитріева, т. I, 71. Мудрецъ и Поселенникъ (сельскій житель).

⁵⁾ *Иб.*, 61, Молитвы.

⁶⁾ *Иб.*, 36, Два друга.

Подозрѣвая причиною кончины В. Л. Пушкина холеру, И. И. Дмитриевъ не входилъ въ ту комнату, гдѣ отпѣвали покойника, хотя „А. С. Пушкингъ и увѣрилъ, что холера не имѣетъ прилипчивости“ ¹⁾. Кня. П. А. Вяземскій также утверждаетъ, что Дмитриевъ „былъ физически мнтелонъ — берсгъ и нѣжилъ себя“, и рассказываетъ случай, какъ И. Д. Ивалчингъ-Писаревъ пріѣхалъ изъ деревни „весь желтый“, какъ доложилъ камердинеръ (онъ же и библіотекаръ) Дмитриева, „Николайка“, перѣдью его раздражавшій. Это случилось послѣ долгой разлуки, и Дмитриевъ все-таки повязалъ глаза платкомъ, а обѣдалъ съ Писаревымъ за 2 столиками, спиною другъ къ другу ²⁾.

Хотя кня. В. Ф. Одоевскій, прішедшій къ Дмитриеву съ Вяземскимъ, и говорилъ Дмитриеву: „въ васъ нѣтъ желчи“, объясняя это пристрастіемъ Дмитриева къ молочному, тѣмъ не менѣе Дмитриевъ отличался внимательностью въ обращеніи съ домочадцами. Вяземскій, заявляя, что Дмитриевъ былъ либераль, передаетъ случай, какъ Дмитриевъ, слышавъ стукъ разбитой посуды, измѣнился въ голосъ, а немного спустя, извиняясь, вышелъ — и гость услышалъ звонкія пощечины ³⁾.

О послѣднихъ дняхъ жизни Дмитриева сообщаетъ А. А. Волковъ, который много лѣтъ былъ всегдашнимъ собесѣдникомъ И. И. Дмитриева. За три дня до смерти Дмитриевъ прочелъ въ полпочъ наизусть нѣсколько строфъ изъ Ломоносова и припоминалъ изъ Петрова „нѣсколько счастливыхъ стиховъ“ ⁴⁾. У Дмитриева было предчувствіе своей смерти. На вопросъ Волкова: „Что вы такъ пристально смотрите на солнце?“ Дмитриевъ, сидя въ своей спальнѣ не надолго до кончины необыкновенно мрачнымъ, таинственно отвѣчалъ: „Хочу еще полюбоваться имъ; скоро оно зайдетъ“. Прогуливаясь какъ-то вечеромъ по Марьяной роцѣ съ тѣмъ же Волковымъ, онъ часто остунался, и на замѣчаніе своего обычнаго слутника о неосторожности отвѣчалъ: „Моя вся неосторожность заключается въ 77 годахъ; но это скоро кончится“ ⁵⁾.

Еще 30-го сентября 1837 г. И. И. Дмитриевъ писалъ князю П. А. Вяземскому въ отвѣтъ на поздравленіе съ именинами (26-го сентября)

¹⁾ Макаровъ М. Н. А. С. Пушкингъ въ дѣтствѣ. Современникъ 1843 г., т. XXIX, 381.

²⁾ Сочиненія кня. П. А. Вяземскаго, т. VII, 161, 162.

³⁾ *Иб.*, 162, 164—165.

⁴⁾ Московскій Наблюдатель 1837 г., ч. XIII, 2 книжка, июль. А. А. Волковъ—

1) послѣднихъ дняхъ жизни И. И. Дмитриева, 236, 231.

⁵⁾ *Иб.*, 232—233. 234—235.

и благодаря за присланный подарок—эскизъ Г. Г. Чернецова, литографію Прево, изображающую Крылова, Пушкина, Жуковского и Гибдича вмѣстѣ ¹⁾. Эскизъ „укомплектуетъ“, писалъ И. И. Дмитріевъ, „мою коллекцію въ верхнемъ кабинетѣ. Хотѣлъ бы сказать—въ моемъ рабочемъ, но увы! тамъ бібліотекаръ мой Николай жаритъ только для меня кофій. Что же сказать отъ и объ себѣ? Слава Богу здоровъ и только“ ²⁾.

Такъ писалъ Дмитріевъ 30-го сентября, а 3-го октября 1837 г. въ 4 ч. 35 м. вечера Дмитріевъ умеръ въ присутствіи Ковалнннской и своихъ людей послѣ трехъ дней болѣзни, описанной М. П. Погодинымъ въ двухъ письмахъ (13-го и 19-го октября) къ М. А. Дмитріеву (племяннику И. И. Дмитріева), который въ Симбирскѣ лежалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ больнои, безногий.

30-го сентября у Дмитріева сажали въ саду тополи; акацію у кухни онъ самъ посадилъ съ цѣлью заслонить послѣднюю съ подъѣзда; онъ былъ тепло одѣтъ: „надѣлъ бежешъ (шубу) и кенги“ ³⁾. Сиѣгу еще не было: 4-го октября „пошелъ пресильный сиѣгъ, какъ бы зима не стала“ ⁴⁾. Подробности предсмертной болѣзни мы знаемъ со словъ камердинера Николая, переданныхъ намъ въ письмахъ А. Я Булгакова отъ 4-го октября и Д. Муромцова (повѣреннаго кн. П. А. Вяземскаго), вѣрнѣе его сына, студента 4-го курса физико-математическаго факультета, отъ 13-го октября къ кн. Вяземскому, и изъ письма А. Алексѣевича Ювскаго, доктора, профессора Московскаго университета съ 1826 г., отъ 26-го октября—тоже къ кн. Вяземскому.

До обѣда 30-го сентября Дмитріевъ писалъ письмо къ Вяземскому,

¹⁾ 22-го сентября 1837 г. кн. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Эти портреты взяты изъ большой картины, изображающей парадъ. Вы, вѣроятно, видѣли эту картину въ Эрмитажѣ“... Письма кн. П. А. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву, отгискъ изъ „Русскаго Архива“ 1868 г., № 4 и 5, 91—92, 29-ое письмо.

²⁾ Гротъ К. Я. Къ біографіи И. И. Дмитріева. Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ, 1901 г., 4, 236—238.

³⁾ И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь, изд. М. А. Дмитріева, М. 1866 г., стр. 301—306. Кенги—теплыя калоши (Даль). В. И. Панаевъ, рассказывая, какъ онъ познакомился зимою 1820 г. съ И. И. Дмитріевымъ, говоритъ: „я слышала тиканье шаги; представъ продъ мною (на дворѣ ждала его карета; онъ собирався уѣзжать) Иванъ Ивановичъ своею великолѣпною фигурою, съ прямою, спокойно-гордою осанкою, придававшю сму, при высокомъ ростѣ, весьма важный видъ, изысканно (какъ и всегда) одѣтый; на ногахъ оленьи кенги“. Воспоминанія В. И. Панаева. Вѣстникъ Европы 1867 г., сентябрь, т. III, 267—269.

⁴⁾ Ів., 214, письмо А. Я Булгакова кн. Вяземскому отъ 4 окт. 1837.

своимъ сестрамъ, племянникамъ, племянницѣ и диктоваль къ Франку въ отвѣтъ на его поздравленіе съ 26-го сентября. За обѣдомъ сытно поѣлъ жаренаго поросенка съ солеными огурцами, выпилъ стаканъ холодной воды, не болѣе полчашки шоколаду, выпилъ еще стаканъ воды. Въ саду почувствовалъ, что свѣжо, Дмитріевъ велѣлъ подать себѣ и выпилъ ликеру. Садовникъ уговаривалъ вернуться въ комнаты. Дмитріевъ почувствовалъ сильную дрожь, такъ что изъ сада его привели уже два человѣка. Тотчасъ же онъ послалъ за докторомъ Ф. П. Гаазомъ ¹⁾. Гаазъ прописалъ лекарство, но не нашелъ ничего дурного. И. И. Дмитріевъ разговаривалъ съ нимъ, заплатилъ за визитъ, послалъ въ аптеку; но лишь только Гаазъ уѣхалъ, Дмитріевъ впалъ въ безпамятство ²⁾. Самъ Гаазъ 1-го октября у постели больного рассказывалъ Ювскому, что наканунѣ онъ въ 5 час. пополуночи нашелъ въ Дмитріевѣ сильный ознобъ, перемежающійся съ сильнымъ жаромъ, и замѣтилъ слѣды безпамятства. Ужасная боль чувствовалась въ лѣвомъ боку, и въ бреду больной заботился о разсадѣ тополей. Въ безпамятствѣ Дмитріевъ пробылъ съ вечера 30-го сентября до 8-го часа утра 2-го октября. Въ 10 час. 1-го октября приглашенный еще 26-го сентября въ гости ³⁾ д-ръ Ювскій застаеъ Дмитріева „распростертымъ на софѣ; онъ уже не узналъ меня. Жестокій жаръ, сонливость безчувственная, тихій бредъ и даже непроизвольное очищеніе—сильная степень горячки. Въ 3 час. бредъ усилился; больной вскрикивалъ, вскакивалъ безпрестанно въ постели. Въ 4 час. поставили „шпанскія мухи и до 70 пиявокъ къ вискамъ и груди“; часть оторвалъ въ бреду и побросалъ. „Въ 12 час. ночи на субботу бредъ примѣтно уменьшился. 2-го октября въ 10 час. утра я (Ювскій) нашелъ Дмитріева одѣтымъ въ креслахъ. Увидѣвъ меня, онъ всталъ, обнялъ меня со слезами на глазахъ; сообщилъ, что съ 8 час. одѣтъ, принималъ гостей (вѣроятно, Погодина, своего племянника М. М. Дмитріева, который учился въ пансіонѣ у Погодина, Шаликова, Солнцева Ф. Г. († 1891 г.)), что теперь боль въ животѣ и сильная жажда“. Были у Дмитріева А. П. Сѣверина, А. Ф. Велья-

¹⁾ Ib., 245, 266—7.

²⁾ Барсуковъ. Погодинъ, V, 119.

³⁾ „И. И. Дмитріевъ меня удержалъ у себя 26 сентября цѣлое утро (до 2 час.), показывалъ новыя книги, оставилъ русскія повтовы (группу, подаренную къ этому дню Вяземскимъ), жалѣлъ о литературѣ, воспоминалъ о Петербургѣ, собралъ полученныя имъ литературныя новости, приказалъ увязать и отправить ко мнѣ. Провожалъ меня, напомнилъ, что въ пятницу (1 октября) училища отъ ученія свободны и онъ цѣлое утро будетъ дома“. К. Я. Гротъ, 261.

минова и Ковалинская. Въ 5 час. консультація: Шнаубергъ, Высоцкій, Гаазъ и Ювскій; съ полчаса самъ говорилъ, жаловался на колотье въ лѣвомъ желудкѣ, что не можетъ лежать, но ходилъ, сидѣлъ. Въ 9-мъ часу появилась забывчивость и тихій бредъ, который съ 10 час. усилился; безпрестанно требовалъ картъ и, взглянувъ на какую нибудь, спрашивалъ ея названіе; ночью велѣлъ затонить каминъ и сидѣлъ передъ нимъ въ шубѣ. Камердинеръ, тершій его мазью, замѣтилъ множество черныхъ пятенъ на его тѣлѣ и чрезвычайный жаръ въ груди. Утромъ, въ воскресенье, 3-го октября Дмитріевъ согласился на совѣтъ камердинера позвать священника, но вскорѣ лишился языка. „Въ 8 час. утра я (Ювскій) ужаснулся, взглянувъ на Дмитріева: дышалъ съ хрипѣніемъ, взоръ полузакрытъ, сонъ безчувственъ, жиловіеніе предсмертно“. Въ 10 час. былъ консилиумъ—краткій. Тогда, по настоянію сенаторовъ Яковлева Л. Алексѣевъ и Жихарова Ст. П., былъ призванъ священникъ—и умирающій причащенъ.

„Съвершиа Авд. П. стала было распорядиться, но потомъ отступилась“. Распорядителемъ похоронъ былъ Боголюбовъ. Умершій сохранилъ свою осанку; лежалъ на катафалкѣ „подъ балдахиною бархатною и покровъ парчевой самой лучшей. 6-го октября лицо распухло и глаза на выкатѣ; шея подвязана до носу съ духами; около катафалка въ залѣ было обито черной флансью. Свѣчи горѣли большія и исагитры читали. Много людей смотрѣли, а въ четвергъ его вынесли въ приходскую церковь Спиридопіа. При выносѣ былъ князь Д. В. Голицынъ и другіе сенаторы. Отпѣвалъ митрополитъ Филаретъ, два архимандрита и священникъ. На отпѣваніи были Шевыревъ, Макаровъ, Шаликовъ, Павловъ, Давыдовъ, Баратынскій. Сенатскіе курьеры и полицейскіе были въ провожаніи до монастыря, и большое стеченіе народа изъ любопытія по великолѣпію похоронъ“. „Во время похоронъ погода была самая суровая, но у Донского монастыря солнце во всемъ блескѣ озарило процессію“. 7-го октября Дмитріевъ былъ похороненъ на кладбищѣ Донского монастыря, подлѣ Сумарокова ¹⁾. Племянникъ поставилъ гранитный памятникъ, такой же, какъ на могилѣ друга И. И. Дмитріева, Карамзина; это было желаніе покойнаго ²⁾.

„Онъ съ честью былъ Министръ, со славою Поэтъ!“ , подписалъ

¹⁾ Москвитянинъ 1844 г., ч. IV, № 7, Н. Иванчянъ-Нисаревъ, 50.

²⁾ Письма И. И. Дмитріева къ кн. Виземскому, 117, примѣчаніе Н. П. Барсукова.

Н. М. Карамзинъ къ портрету И. И. Дмитриева, вѣроятно — въ 1810 г. ¹⁾.

„На своей покроей онъ жизнь свою кроилъ,
Сынъ вѣка своего и вѣстѣ старожилъ“ ²⁾,

такъ отзывался почти черезъ четверть вѣка по его смерти зять Карамзина, П. А. Вяземскій, которому, по словамъ Н. Д. Иванчина-Писарева, Дмитриевъ замѣнилъ написать свою біографію. Современники устами юности—„невѣдомаго пѣвца“ С. Стромиллова такъ возвѣщивали Дмитриева не задолго до смерти:

„И съ гордостью онъ жадными очами
Глядитъ на твой не блѣкнущій пѣвецъ...
Твой жребій совершенъ; оконченъ путь со славою!
Отечеству ты правдою отслужилъ,
И мирныхъ отдыховъ высокія забавы
Въ напѣвы звонкіе волшебна перелилъ!
Ты пѣлъ любовь,—блестящей вереницей
Вокругъ тебя красавицы вились;
Со струнъ твоей чарующей дѣвщины
Любимыя ихъ пѣсни сорвались...“.

А Плетневъ, говоря въ 1838 г. о литературныхъ утратахъ (Карамзинъ, Дмитриевъ и Пушкинъ), примѣняетъ къ Дмитриеву стихи:

„Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Его струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо ихъ гений вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ“.

Проявляя дань своего уваженія, разныя общества и высшія учебныя заведенія избирали И. И. Дмитриева въ свои почетные члены: 4-го мая 1812 г.—Общество любителей россійской словесности, 13-го августа 1814 г.—Петербургская духовная академія, 12-го марта 1817 г.—Общество любителей коммерческихъ знаній въ Москвѣ, 22-го іюня 1817 г.—Библіотека при гвардейскомъ штабѣ, 23-го іюня того же года—Военное общество при главномъ гвардейскомъ штабѣ, 22-го сентября того же года—Общество исторіи и древностей Россійскихъ, 4-го августа 1818 г.—Казанскій университетъ, 25-го декабря того же года—Вольное общество любителей русской словесности въ Петербургѣ,

¹⁾ Русская старина, 1899 г., 2, 469, (а не въ 1802 г.).

²⁾ Соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. XI, 350—355. Домъ И. И. Дмитриева, стих. 1860 г.

23-го февраля 1819 г.—Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія, 30-го іюня того же года—Харьковскій университетъ ¹⁾).

ХV. Вибліографія ²⁾.

Изданія сочиненій И. И. ДМИТРИЕВА:

1) Философъ живущій у хлѣбнаго рынку (съ франц. [Мерсье], 1781 г.), изд. 2-е. С.-Пб. 1786 г.; (безъ имени; прежде было напечатано въ еженедѣльномъ изданіи Федора Туманскаго (Во градѣ святаго Петра издаваеомъ: Зеркало Свѣта, 1786 г., часть I, № 3, 23-го февр., 43—58), 27 стр. маленькаго формата; есть изданіе и С.-Пб. 1792 г., и М. 1829 г.

2) Жизнь гр. Н. И. Панина, Фонвизина, переводъ съ франц. (С.-Пб. 1787. 53 стр. 16°; на ижд. П. Бекетова).

3) Похвала Элизѣ Драпоръ, сочиненная Аббатомъ Реналемъ (при сочин. Елизаветы Драперъ: Письма Іорика къ Элизѣ и Елизы къ Іорикю). Московск. Журн. 1792 г., ч. VI, апр., 10—17, И.

4) Посланіе отъ англійскаго стихотворца Пона къ доктору Арбутноту. П. 1793 г.

5) Гласъ патриота (на разбитіе Костюшки). П. 1794 г.

6) И мои бездѣлки. М. 1795 г. 16°. IV + 259 + I (1-е изданіе). Здѣсь 60 стихотвореній: 1-ое—Гимнъ Богу, послѣднее: Пѣснь на кончину Свѣтлѣйшаго Князя Григорья Алекс. Потемкина-Таврическаго; изъ 60—8 басенъ, которыя всегда называются—притчи.

7) Карманный пѣсенникъ или собраніе лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсень, М. 1796 г. 16°. 257 + III (опечатки).

8—10) Басни и сказки І. Д. П. 1798 г.; изд. 3-е, исправл. и умножен., съ посвященіемъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и Маріи Федоровнѣ, 8°, С.-Пб. 1810 г., въ типогр. Шнора IV + 153; Басни и апологи И. И. Дмитріева. 32°. VI + 178. П. 1838 г.

11) Стихи на коронованіе Александра I. 4°. М. 1801 г.

12) Сочиненія и переводы И. И. Дмитріева, въ 3 частяхъ, съ

¹⁾ Дмитріевъ И. И. Взглядъ на мою жизнь, изд. М. А. Дмитріева, приложеніи къ I части.

²⁾ За нѣкоторыя бібліографическія указанія приношу свою благодарность Федору Александровичу Витбергу и Владиміру Ивановичу Салтову.

вишѣтами; эпиграфъ: Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri. М. 1803—1805 г. 8°. (2-е изданіе).

13) Путешествіе Н. Н. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія, въ 3 частяхъ, М. 1807 г. (1808 г.), 50 экземпляровъ въ 32-ю д. л., 16 стр., въ типографіи П. П. Бекетова, съ вишѣткой (В. Л. Пушкинъ слушаетъ декламацию трагика Тальмы); (шутка, вѣроятно, написана въ началѣ 1803 г.); перепечатано М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1856 г., № 8 (т. 58-й).

14) Сочиненія П. П. Дмитріева, въ 3 частяхъ, съ вишѣтками на заглавныхъ листахъ. Ч. I: Лирическія стихотворенія, смѣсь (сатиры, посланія, надписи, надгробія). 122+2 стр. Ч. II: Смѣсь. Сказки. 144+2. Ч. III: Басни (въ 4 книгахъ). 128 стр. М. 1810 г. (3-е изданіе). П. П. Дмитріевъ представилъ 23-го января 1811 г. Академіи Наукъ это изданіе своихъ сочиненій (см. Сухомлиновъ М. П.—Исторія Россійской Академіи, вып. VII, стр. 59).

15) Предложеніе Сенату министра юстиціи И. П. Дмитріева 22-го сентября 1812 г.: просьба арестантовъ въ 1812 г. объ отправленіи ихъ въ дѣйствующую армію. Рус. Старина 1901 г., 11, 292.

16) Сочиненія П. П. Дмитріева, въ 3 частяхъ, въ типографіи Селивановскаго напечатано г. Свѣшниковымъ. М. 1814 г. (4-е изданіе). На это изданіе К. Ш.—въ (кн. Шаликовъ) помѣстилъ Стихи въ Вѣстникѣ Европы 1814 г., издаваемомъ Вл. Измайловымъ: „Разъ 40 я читалъ изданья сихъ стиховъ, Пока четвертаго не сдѣлался случайно (въ отсутствіе почтеннаго автора, который поручилъ мнѣ смотрѣніе за печатаніемъ) „Уставникомъ каковыя“ (полустипише изъ сихъ же сочиненій). Но вотъ что чрезвычайно: Мнѣ каждый стихъ казался новъ! И вотъ какъ надобно, любя литературу, На славу ей писать, Чтобъ было весело читать И корректуру!“

17) Сочиненія П. П. Дмитріева, изданіе исправл. и умножен., съ вишѣтами, въ университетской типографіи, въ большую 8°. М. 1818 г. (5-е изданіе). Ч. I: 123 стр. Лирическія стихотворенія (14); сатиры (6); посланія (5); надписи (11). Ч. II: 147 стр. Смѣсь (7 стихотвореній); пѣсни (42); сказки (5). Ч. III: 130 стр. Басни въ 4 книгахъ (68). „Вдвое дороже и вдвое хуже, чѣмъ предъидущее, которое вышло за 3 года передъ симъ“. (Сынъ Отечества 1818 г. 3-го декабря, 49, 176). „Бумага самая простая комментарная, (толстая, какъ лубокъ), вишѣты исправленно хуже, чѣмъ въ 4-мъ изданіи (до ужаса черная краска, или лучше сажка, вишѣтовъ); портретъ нисколько непохожъ; опечатокъ (смѣшанныхъ и можно сказать—несчастныхъ) довольно. (Благопамѣрен-

ный, изд. А. Измайловымъ, С.-Пб. 1819 г., ч. V, стр. 194—198). „Довольно стражду, глядя и на собственное мое изданіе; отроду не видалъ безобразнѣйшаго“ (письмо П. И. Дмитриева къ В. А. Жуковскому отъ 30-го дек. 1818 г.; см. соч. П. И. Дмитриева, г. II, 242). „Завтра я отправляю на ваше имя еще два экземпляра пакостнаго и неисправнаго изданія моихъ стихотвореній—Д. Н. Блудову и П. И. Тургеневу. Жаль, что за достальнымъ расходомъ велено вылъ экземпляровъ, долженъ послать къ нему на самой простой“. (Письмо къ А. И. Тургеневу отъ 21-го ноября 1818 г.; *ib.*, 237).

18) Георгіевскій. Карманная бібліотека аопидъ. С.-Пб. 1821. 1—25 и 184 стр.: Надпись къ портрету П. И. Дмитриева; лирическая поэзія: изъ Ермака и 4 пѣсни; драматическая поэзія: Модная жена; 4 басни; сгѣшенная поэзія, гдѣ Рондо (Я щастливъ былъ во дни невинности); мнимая поэзія: Амуръ и дружба и 12 аловтегмъ. „Не говоря о чистотѣ слога, натуральности и проч., достопримѣчательнъ: остроюю и искусствомъ въ разсказѣ“.

19) Каллапъ Вл. Библиографическія замѣтки: Объ П. И. Дмитриевѣ: 1) Надпись къ портрету кн. Вяземскаго, 1822 г. и 2) Дмитриевъ о современной ему журналистикѣ, 1823 г. Русскій Архивъ 1901 г., II, 339—341.

20) Стихотворенія П. И. Дмитриева, изд. исправл. и уменьшенное, въ 2 частяхъ, въ типогр. П. И. Греча. П. 1823 г. 8°. III+155+151 стр. Ц. 15 р. въ пользу Петерб. общ. любит. Рос. словесности (6-е изданіе). Во 2-й части—сказки, а съ 59-й стр. басни въ 3 книгахъ; эпиграфъ: *Montrez-moi mon vainqueur, et je cours l'embrasser*. Въ началѣ 1-й части нѣсколько словъ „Отъ автора“ и „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Дмитриева“, кн. П. А. Вяземскаго (извлечение изъ этой статьи было въ *Jahrbücher für Slavische Litteratur, von Jordan*, 1844 г., № 7 и 8), съ литографическ. портр. работы Тончи. „Портретъ отличается сходствомъ и красотою отдѣлки; изданіе—превосходигѣ всѣхъ прежнихъ“ (Литературные листки, журналъ Ф. В. Булгарина, ч. 1-я С.-Пб. 1824 (1823) г., отд. IV, 59—64). „На лучшей Либской бумагѣ и прекрасными буквами; за 2 части—15 руб.“ (Русскій Пивалидъ 1824 г., № 11, К. (озловъ?).

21) Апологи въ четверостишіяхъ (Mollevant), П. Дмитриева. М. 1826 (1825) г. 121+IV, 32°.

22) Я щастливъ былъ во дни невинности безпечной, слова П. И. Дмитриева, музыка А. Верстовскаго. Музыкальный альбомъ на 1827 г., изд. Г. Верстовскимъ въ Москвѣ.

23) Лонгиновъ М. Н. Матеріалы для изданія полного собранія сочиненій Н. И. Дмитріева. Русскій Архивъ 1863 г., 2-е изданіе, стр. 898—910; дополненіе къ матеріаламъ—ib., 1864 г., 2-е изд., 1162—1166.

24) Н. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь, изданіе М. А. Дмитріева, съ замѣчаніями М. Н. Лонгинова. М. 1866. [Отрывки изъ Записокъ Н. И. Дмитріева напечатаны были въ Москвитянинѣ 1844 г., ч. I, № 1, 251—261 (о Херасковѣ, о своей болѣзни, о Карамзинѣ и Вѣстникѣ Европы, о Каченовскомъ); въ Русскомъ Инвалидѣ 1860 г., № 1 и 2 (о гр. Сперанскомъ), и въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г., № 82 (о сенатѣ)].

25) Н. И. Дмитріевъ. Избранныя басни, изд. И. Ф. Жиркова. М. 1893 г., 23 стр. Ц. 5 к. 8°. 40 басенъ и апологовъ.

26) Н. И. Дмитріевъ. Избранныя стихотворенія, вып. XXI „Русской классной библіотека“, ред. А. П. Чудинова, изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1896 г. IV+144 стр. Здѣсь 5 лирич. стих., 5 пѣсенъ, 2 сатиры, 4 сказки, 39 басенъ, 51 аполлогъ, а на стр. 113—144 отрывки изъ статьи кн. П. А. Вяземскаго.

27) Сочиненія Н. И. Дмитріева, ред. и примѣч. А. А. Флоридова, изд. Я. Соколова, приложение къ „Съверу“ въ 1893 г., въ 2 том., по 75 к. С.-Пб. 1895 г. Т. I: Стихотворенія. X (оглавленіе)+VI (краткій очеркъ)+253+3 (примѣч.) Т. II: Проза и письма. II+331+6 (указатель личныхъ именъ). (7-е изданіе). „Въ основаніе положено изданіе 6-о“ (1823 г.) (XVI).

28—29) *La femme à la mode*, trad. par M. d'Inocourt, maître au Gymnase de S.-Pét. 1813. II+8. 4°; 2-е изд. 1825. 15. 8° (en vers alexandrins).

30) Фонъ-Боргъ—нѣмецкій переводъ Освобожденія Москвы Н. И. Дмитріева—Россійскій Музеумъ 1815 г., № 9, 375—379.

31) *Tad. N. Lit. (ynski). Pisma różne wierszem i prozą.* Т. IV. Вильна. 1816 г., 78—88: *Kalif, Supa z kości, Dwa wachlarze, Ryba latająca, Słoń i mysz, Na zdarzenie odebranego od niewiadomey osoby, wyszytego na Kanwie Geniusza*, падпись къ статуѣ Румянцова, Минина и Пожарскаго. Т. V. 1817 г., 116—119: *Къ Н. П. Румянцову, Пѣсня (I, 139—140. Соч. Н. И. Дмитріева), bajka Modlitwy.*

32) Dupré de Saint-Maure Emile. *Anthologie russe.* Paris. 1823. 1—4: свѣдѣнія о Дмитріевѣ и оцѣнка; 4—11: *Yermak*; 12—18: notes; 97—102: *Le comte Kwastoff-Epitre à S. E. M. Dmitrieff*; въ иныхъ экземплярахъ есть картинка: Сибирскіе шаманы.

33) Mestscherski Élim le prince. Les poètes russes, trad. en vers français, t. I. Paris. 1846. См. стр. LXXXIV и 107—136, гдѣ Ecrit pendant l'orage, La Délivrance de Moscou, Chanson: Ah! que n'ai-je su d'avance Que l'amour tourmente et nuit! Кн. Мещерскій умеръ въ Парижѣ въ началѣ 1844 г., а 26-го юня 1830 г. читалъ о русской литературѣ: Discours prononcé à l'Athénée de Marseille.

34) L'artiste russe, revue encyclopédique, par I. Guillou, t. I. S.-Pét. 1847, 255: Le serpent et le vert-luisant, *paraphrase* d'une fable russe de Dmitrieff, par A. Guibal. (Свѣтлякъ и змѣя, апологъ. Соч. И. И. Дмитріева, I, 91).

35) Кокчеяндъ Арт. архидіаконъ. Собрание рус. басенъ Крылова. Дмитріева и Хемницера, переведен. на армянскій яз. М. 1849 (1848) г. „Муха“ Дмитріева.

Статьи, замѣтки и изслѣдованія объ И. И. Дмитріевѣ:

1) Евгений митр., съ дополненіями Снегирева и Погодина: Словарь свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, т. I. М. 1845 г.

2) Бантышъ-Каменскій Н. Н. Словарь достопамятныхъ людей русской земли, изд. 1847 г., I т., 537—564.

3) Геннади Гр. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст., и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г., т. I.

4) Ивановъ П. Опытъ біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи. С.-Пб. 1864 г., съ 17 портретами, IV+180+I. См. стр. 117—126.

5) Сборникъ историч. и статистич. матеріаловъ о Симбирской губерніи, приложение къ памятной книжкѣ на 1868 г., подъ ред. В. И. Чарыкова. Симбирскъ. 1868. См. статью Ал. В—ва: И. И. Дмитріевъ (203—216).

6) Брокгаузъ и Ефронъ—Энциклопедическій словарь, т. X, 779—780: И. И. Дмитріевъ, А. Флоридова.

7) Шевыревъ С. П. Некрологъ И. И. Дмитріева. Моск. Вѣдом. 1837 г., № 83, 16-го окт. (статья повторена, по совѣту кн. П. А. Вяземскаго, А. А. Краевскимъ въ „Литерат. прибавл. къ Русскому Инвалиду“ 1837 г., № 40, 30-го окт.).

8) Письмо В. А. Жуковскаго къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 30-го октября 1837 г., изъ Москвы. К. Я. Гротъ общаетъ помѣ-

стить это письмо въ академическомъ юбилейномъ сборникѣ 1902 г. „Особенно чувствуется задушевность и теплота чувства, вызваннаго воспоминаніемъ о послѣднемъ свиданіи съ П. И. Дмитріевымъ“.

9) О. Б. Кончина П. И. Дмитріева. Сѣверная Пчела 1837 г., № 267, стр. 1068, 24-го ноября и № 268, стр. 1071—1072.

10) Плетневъ П. А. О литературныхъ утратахъ (Современникъ 1838 г., IX, 45). Сочиненія и переписка, изд. Я. К. Грота, т. I, 332—334.

11) Волковъ (А. А.). На кончину П. И. Дмитріева, четырестистише; О послѣднихъ дняхъ жизни Дмитріева. Московскій Наблюдатель 1837 г., ч. XIII, июль, кн. II, 231—237.

12) Гречъ П. П. Опытъ краткой исторіи рус. лит. С.-Пб. 1822 г., стр. 281—282.

13) Гречъ П. П. Читенія о русскомъ языкѣ. С.-Пб. 1840 г. ч. 1-я, 307; ч. 2-я, 221—226, 242—245, 273—279, 293—295.

14) Полевой Н. А. Очерки рус. литер. С.-Пб. 1839 (1838) г., ч. I: Басни Н. Хемницера, 383—412, см. стр. 401. Ч. II: сочиненія П. И. Дмитріева, 451—482 (прибавленія къ 1-й части).

15) Миззо П. Столѣтіе русской словесности. Одесса. 1849 г., 197—204.

16) Сухомлиновъ М. П. Исторія Россійской Академіи, вып. VII. С.-Пб. 1885 г. См. стр. 57—59.

17) Галаховъ А. Д. Исторія рус. словесности. С.-Пб. 1880 г., т. II, стр. 117—118, 167—168, 170, 186—189 и 347—351.

18) Полевой П. П. Очерки рус. литер. С.-Пб. 1890 г., т. II, 12-я глава, 162—168. Исторія рус. словесн. С.-Пб, 1900 г., т. II, 234—242; 2 портрета и автографъ.

19) Гербель Н. В. Русскіе поэты, изд. 3-е, 94—101.

20) Поливановъ Л. П. Библіотека по русск. яз. М. 1888 г.

21) Пышнгъ А. П. Исторія рус. литер., т. III, 113; т. IV, 73, 96, 220, 232, 238, 258—259, 289, 356—357.

22) Венгеровъ С. А. Русская поэзія, вып. VII: Полное собраніе стихотвореній Ю. А. Пелединскаго-Мелецкаго и П. М. Караянна. С.-Пб. 1901. См. 62, 91—92, 128, 142.

23) Болотовъ А. Т. Памятникъ претекшихъ времянь или краткіи историческіи записки о бывшихъ произшествіяхъ и о носившихся въ народѣ слухахъ. М. 1875 г. 13: 1796 генв. 16-го.

24) Второвъ П. Гавр. П. Камсень; письма Камсена къ С. А. Москотильникову, переводчику Тасса, отъ 2-го и 10-го окт. 1800 г.,

48—50, въ литер. сборникъ составлен. гр. В. А. Соллогубомъ: „Вчера и сегодня“. С.-Пб. 1845 г., кн. 1-я.

25) Матеріалы для біографіи П. И. Дмитріева и Н. В. Гоголи, изъ архива минист. народн. просв. Сѣверная Почта 1865 г., № 277, 19-го дек., 1107: 1) копія письма гр. Завадовскаго отъ 7-го сент. 1807 г.; 2) отчетъ П. И. Дмитріева отъ 16-го сент.

26) Незабудочка, москов. альманахъ на 1827-й годъ, изд. М. 1826. XX-ая статья, 43—49, повторенная въ изданіи.

27) Новое собраніе русскихъ анекдотовъ или прибавленіе къ 5-ой части русскихъ анекдотовъ, изд. Серг. Глинкою. М. 1829. Отроческія лѣта И. И. Дмитріева, 93—97.

28) Записки А. Л. Витберга. Русская Старина 1872 г., I, 19, 24—25, и II, 159. Знакомство съ П. И. Дмитріевымъ въ 1813 г. и въ 1815 г.

29) Калайдовичъ К. Ф. Записки важныя и мелочныя (1814 г.). Лѣтописи рус. лит. и древности, изд. П. Тихомировымъ, т. III. М. 1861 г.; II-й отд., 81—116, см. 114.

30) Изъ записокъ А. А. Кононова (посвящ. П. В. Анненкову). Библиограф. Записки 1859 г., № 10. 306—307.

31) Изъ записокъ генер.-адъют. гр. Е. Ф. Комаровскаго. Истор. Вѣсти. 1897 г., № 8, 345 (доносъ на Дмитріева при Павлѣ I).

32) Долгорукой Н. М. кн. 1) Капище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми я былъ въ разныхъ отношеніяхъ. М. 1874 г. См. 19-го мая, 138—139. 2) Бытіе сердца моего, ч. 1-я. М. 1817. Певинность (ода), 88—94; ч. 2-я. М. 1817. См. 97—101: Сослуживцу; ч. 3-я. М. 1818. См. 30—36: Везетъ.

33) Записки Ильи Ф. Тимковскаго (1850 г.). Рус. Арх. 1874 г., № 6, 1448—1449; въ 1852 г. было напечатано въ Москвитинѣ, т. V, историч. матеріалы: XX—56—57.

34) Воспоминанія В. И. Панаева. Вѣстникъ Европы 1867 г., сент., т. III, 193—270, см. стр. 267—270 и, 200.

35) Свербеевъ Д. Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ. Рус. Архивъ 1868 г., стр. 987: „Первымъ посѣтителемъ Чаадаева въ самый первый день опалы былъ И. И. Дмитріевъ“.

36) Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева. Вѣстникъ Европы 1871 г., 11, 324—344; см. 4-ю главу: Показанія, данныя Чаадаевымъ въ 1836 г.

37) Геннади Г. И. Кое-что о русскихъ поэтахъ. Сборникъ лите-

ратурныхъ статей, посвященныхъ памяти А. Ф. Смирдина, т. VI. С.-Пб. 1859 г.; см. 107, 111.

38) Горчаковъ Н. Бесѣда Карамзина, И. И. Дмитріева и великобританскаго агента Пинкертонъ у московскаго архіепископа Августина. Литературный вечеръ (въ память Пассека). М. 1844 г., 8—15. Пинкертонъ свободно говорить по-русски, зять бывшаго нѣкогда проф. исторіи Москов. унив. Виганта (котораго Дмитріевъ коротко зналъ), перевелъ Богословіе митр. Платона; первый секретарь Библейскаго Лондонскаго общества; издалъ описаніе Россіи, которую полюбилъ, въ 2 томахъ. Въ блѣдной „Бесѣдѣ“ принимаютъ участіе еще гр. В. Г. Орловъ (бывшій нѣкогда директоромъ С.-Петербургской Академіи Наукъ) и кн. Р. П. Голицынъ (бывшій попечителемъ Московскаго университета).

39) Изъ жизни русскихъ писателей рассказы и анекдоты. С.-Пб. 1882 г., 32—37: объ александровской лентѣ и о камеръ-юнкерствѣ племянника Дмитріева.

40) М. П. (Погодинъ).—Вечера у И. И. Дмитріева. Русскій, газета 1868 г., № 7, 9-го іюля.

41) Макаровъ М. Н. 1) Воспоминаніе о знакомствѣ моемъ съ И. И. Дмитріевымъ. Галатея 1839 г., ч. I, 359—371. 2) А. С. Пушкинъ въ дѣтствѣ (изъ записокъ о моемъ знакомствѣ)—Современникъ 1843 г., т. XXIX, 375—385.

42) Стромилловъ С., П. И. Дмитріевъ (М. 1837 г.). Московскій Наблюдатель 1836 г., ч. IX, книжка 16-я, 437.

43) Кн. Шаликовъ.—Къ И. И. Дмитріеву (по случаю стиховъ С. Стромилова). Современникъ 1837 г., т. IV, № 2, 203.

44) Хвостовъ Дм. И. гр.: 1) Посланіе къ И. И. Дмитріеву. Московскій Меркурій, 1803 г., ч. III, іюль, 35—41. 2) Біографія И. И. Дмитріева. Въ письмѣ къ П. П. Свиньину отъ 26-го ноября 1835 г. Дмитріевъ сообщаетъ ему: „Возвратясь въ Москву, я получилъ отъ графа Д. И. Хвостова (+22-го окт. 1835 г.) два письма... и съ послѣднимъ прислалъ сочиненную имъ мою біографію, которую намѣреень былъ помѣстить въ словарь русскихъ авторовъ, издаваемомъ какимъ-то обществомъ, гдѣ, вѣроятно, онъ былъ главою“. Соч. И. И. Дмитріева, т. II, 319.

45) К. III—въ (кн. Шаликовъ). На книгу И. И. Дмитріева, Московскій Меркурій 1803 г., ч. 3-я, 193.

46) Критическая статья о „Сочин. и перевод. И. Дмитріева“, изд. 1803 г.—ib. ч. 4-ая, окт., 56—70.

47) (Каченовскій М.) Вѣстникъ Европы 1806 г., ч. 26, № 8, апр., стр. 278—300, и ч. 27, № 9, май, 42—54, безъ подписи: Сочиненія и переводы И. И. Дмитріева, ч. III.

48) С... М... (Сергѣй Маринъ), Сатира (взятая изъ Боало). Драматическій Вѣстникъ 1808 г., № 23, ч. I, 187—191.

49) (Тогда уже покойный) переводчикъ „Созерцація природы“, Bonnet, Виноградовъ Ив. — Къ И. И. Дмитріеву (стихи), *ib.*, ч. II, № 37, 85—88.

50) Воейковъ А. Ф. Критика: Сочиненія Дмитріева, изд. 3-е. Цвѣтникъ 1810 г., издаваемый А. Измайловымъ и П. Никольскимъ, ч. VIII, окт., № 10, 106—130.

51) Шаликовъ П. кн. Къ П. И. Дмитріеву на новоселье. Россійскій Музеумъ, или Журналь Европейскихъ Новостей, изд. Вл. Измайловымъ. М. 1815 г., № 7, 15—18.

52) Письма М. В. Милонова къ А. Ф. и П. Ф. Грамматинымъ. Библиографич. записки 1859 г., № 10, 294—303; письма отъ 6-го окт. и 17-го ноября 1810 г. и 12-го авг. 1812 г.

53) Письмо В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ 7-го ноября 1810 г. Рус. Архивъ 1867 г., 798—799.

54) К. III—въ (кн. Шаликовъ). Стихи на 4-е изданіе сочиненій И. И. Дмитріева. Вѣстникъ Европы 1814 г., № 17, ч. 77, стр. 32.

55) К. Шаликовъ. О Русской Антологіи на Французскомъ языкѣ, изданной Дюпре-Сенъ-Моромъ. Московскія Вѣдомости 1823 г., № 79, окт. 3-го, 2524—2525. О переводѣ „Ермака“.

56) Воейковъ—Отрывокъ изъ поэмы: Искусства и науки. Вѣстникъ Европы 1819 г., ч. 103, № 8.

57) Изъ Симбирска. Москов. Вѣд. 1826 г., № 26, 31-го марта, 1014—1015: постановленіе дворянства отъ 22-го дек. 1825 г. о портретахъ Дмитріева и Карамзина.

58) Дубровинъ П. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Александра I. С.-Пб. 1883 г., 99—мартъ 1813 г.

59) Петербургское общество въ началѣ царствованія Николая I: Письма М. М. Фока къ А. Х. Бенкендорфу, 1826 г. Рус. Старина 1881 г., сент., т. 32-й, 190.

60) Дмитріевъ М. А. Въ редакцію. Рус. Вѣд. 1864 г., № 128, 27-го окт., 5—6: отношеніе гр. П. В. Завадовскаго отъ 10-го сент. 1807 г. къ И. И. Дмитріеву.

61) Измайловъ Вл. Вас. Сочиненія П. И. Дмитріева, ч. 1-я, изд. 4-е, *ib.*, № 2, 170—189, и № 3, 276—303.

62) Батюшковъ К. Н. Сочиненія, С.-Пб. 1887 г., т. I: Мои по-
наты, 1811 г., стр. 137—138. Посланіе Н. М. Муравьеву-Апостолу,
1815 г., 205—206 стр.

63) Иванчинъ-Писаревъ П. Д.: 1) Къ Волгѣ; 2) Къ портрету
Дмитріева, стихотворенія. Сынъ Отечества 1819 г., ч. 57, № 42,
стр. 87, и ч. 58, № 51, стр. 224. Вѣроятно, съ этого 1819 г. за-
вязалось и знакомство П. Д. Иванчина-Писарева съ Дмитріевымъ.
Послѣднее стихотвореніе П. Д. Дмитріева, 1836 г., написано Дми-
тріевымъ „Въ альбомѣ г-жи Иванчиной-Писаревой“ (Соч. Н. И. Дми-
тріева, т. I, 253). 3) Матеріалы для ист. рус. слов. Москвитянинъ
1844 г., ч. IV, № 7, 49—50, изъ 19-лѣтней переписки П. И. Дми-
тріева съ однимъ изъ пріятелей, жившимъ въ деревнѣ (с. Рудинки),
въ Тульской губ. (отъ мая 1819 г. по сентябрь 1837 г.).

64) К. Ш—въ (кн. Шаликовъ)—библіографическая замѣтка. Сынъ
Отечества 1818 г., ч. 50-ая, № 49, стр. 176—177.

65) Измаиловъ А.—о 5-мъ изданіи сочиненій Дмитріева. Благо-
намѣренный, журналъ 1819 г., № 3, 194—198.

66) К(озловъ?). Рецензія о 6-мъ изд. Стихотв. П. И. Дмитріева.
Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости 1824 г., № 11, 43—44.

67) Милоновъ М. И. Н. Дмитріевъ. Къ его бюсту, см. 135 стр.
„Сатиры М. Милонова“. С.-Пб. 1819 г.

68) Грамматинъ Н. Ф. Стихотворенія. С.-Пб. 1829 г., ч. I, 33;
ч. II, 137—139.

69) Литературныя листки, журналъ, изд. Ф. Булгаринымъ, ч. 1-я,
1824 г., 59—64—о 6-мъ изд. Стихотв. П. И. Дмитріева.

70) В.(оейковъ)—о новомъ изд. Стихотв. П. И. Дмитріева. Но-
вости литературы, 1824 г., журналъ, изд. А. Воейковымъ и В. Коз-
ловымъ, № III, кн. VII, 33—45, и № IV, 49—62 (на стр. 52—62
отрывки изъ статьи кн. П. А. Вяземскаго о Дмитріевѣ).

71) Плетневъ П. А. Письмо отъ 15-го іюля объ обѣдѣ въ честь
П. И. Дмитріева. Сѣверная Пчела 1833 г.

72) Рецензія на „Взглядъ на мою жизнь“. Книжный Вѣстникъ на
1866 г., подъ ред. Я. А. Ростовцева. С.-Пб. 1867 г., № 18—19,
15-го окт. 1866 г., 367—372.

73) Разныя извѣстія и замѣтки. С.-Петербургск. Вѣдомости 1866 г.,
№ 313, 24-го ноябля, 2—3.

74) Отрывки изъ записокъ П. И. Дмитріева. Современное слово,
прибавленіе къ № 92, 6-го мая 1863 г., 121—123.

75) Литературная интеллигенція XVIII столѣтія, по поводу „Взгляда

на мою жизнь“ И. И. Дмитріева. Искра 1866 г., ред. Вл. Курочкина, № 47, 613—616.

76) А. И—нъ — о Запискахъ И. И. Дмитріева. Русскій Ивалидь 1866 г. № 283, 5-го ноября.

77) Дмитріевъ Ф. М. Москва, газета И. С. Аксакова, 1867 г., № 21, 26-го янв. — по поводу статей о Запискахъ И. И. Дмитріева: П. Щ. въ Современной лѣтописи при Русскомъ Вѣстникѣ 1865 г., № 10, и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1866 г., № 272.

78) (Шаликовъ кн. П. П.). Къ Ивану Ивановичу Дмитріеву. Дамскій Журналъ, янв. 1833 г., № 5, ч. 41-я, 73—74.

79) Муравьевъ А. П. Знакомство съ русскими поэтами. Кіевъ, 1871 г., 35 стр.; см. стр. 7—8.

80) Жихаревъ С. П. Записки современника: дневникъ студента и чиновника. М. 1891 г.; азбучный указатель.

81) Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1891—1893 г.; т. I, ч. I, 187; ч. 2, 76; т. II, ч. 3, 80—83, 133—139, 143, 150, 152, 157; ч. 4, 134—135, 141; ч. 5, 39, 40, 42, 45, 108; т. III, ч. 7, 132—133, 236.

82) Записки С. П. Глинки. С.-Пб. 1895 г., стр. 139, 246, 315, 328, 339, 362.

83) О могилѣ И. И. Дмитріева. Русскія Вѣдомости 1895 г., № 176.

84) Сумароковъ А. П. Очеркъ жизни и избранныя стихотворенія, изд. С. Глинкою. С.-Пб. 1841 г., ч. I, стр. 6.

85) Корфъ М. Жизнь гр. Сперанскаго. С.-Пб. 1861 г., т. 1-й, стр. 252.

86) Погодинъ М. П. И. М. Карамзинъ. М. 1886 г., ч. I, стр. 20, 39, 168, 174, 197; ч. II, 17.

87) Плетневъ П. А. Собраніе сочиненій, т. II, 36—37, 66—67.

88) Жуковский В. А. Сочиненія, 10-е изд. С.-Пб. 1901 г. Стр. 68, 96 и 308—309. Дневники Жуковского: Русская Старина 1901 г. и 1902 г., 39, 53, 59, 60.

89) Вяземскій П. А. кн. Полное собраніе сочиненій: т. I, 112—153: Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева, 153—166—примиска 1876 г., гдѣ Вяземскій доказываетъ, что онъ Крылова не признавалъ, 174—177: Нѣсколько вынужденныхъ словъ на замѣчанія, напечатанныя въ Литерат. Листкахъ (Сынъ Отечества 1824 г., XCII, 306—312), т. III, 262—263: И. И. Дмитріевъ въ день его именинъ 1822 г.; 294—297: Посланіе къ И. И. Дмитріеву, въ 1823 г. при-славшему мнѣ свои сочиненія, т. VII, 133—147: Письма Карамзина

къ Дмитріеву, 1866 г.; 158—167—И. И. Дмитріевъ (Записки), 1866 г. т. VIII: Старая записная книжка, указанія объ И. И. Дмитріевѣ на стр. 174, 273, 310, 324, 326, 427, 456, 503, 516 и 308, т. IX: Старая записная книжка за 1813—1852 гг.: 5, 10, 36, 62, 78, 137—139, 163, 196 и 211, т. XI: Домъ И. И. Дмитріева, 350—355, 1860 г.

90) Гротъ Я. К. Жизнь Г. Р. Державина, т. VIII, С.-Пб. 1880 г. 12-ая глава, 421, 602—610, 652—658. Сочиненія Державина, т. I, стр. XIII-ая; т. VI, 261, 824—825; т. II, 544—545: Лѣто.

91) Гротъ К. Я. Къ біографіи И. И. Дмитріева; неизданныя письма и замѣтки, относящіяся ко времени его кончины. Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ, 1901 г., 4, 228—268. Есть и отдѣльный оттискъ. С.-Пб. 1902. Ц. 40 к. 34.

92) Бѣлинскій В. Г.: 1) ред. С. А. Венгерова: т. I, 351; т. IV, 55; 2) изд. К. Солдатенкова, ч. IV, изд. 5-е, 93—94, 460—461; ч. VIII, изд. 6-е, 122—129.

93) Келевичъ В. Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ И. А. Крылова. С.-Пб. 1878 г. Здѣсь въ 28 мѣстахъ объ отношеніи басенъ И. И. Дмитріева къ баснямъ И. А. Крылова.

94) Пушкинъ В. Л. Сочиненія, ред. В. И. Саитова. С.-Пб. 1895 г.: 48—50, 70—71, 96—97, 115—116.

95) Дмитріевъ М. А. Замѣтка на одно мѣсто изъ Записокъ Державина. Моск. Вѣд. 1860 г., № 69, 27-го марта, 539.

96) Дмитріевъ М. А. Мелочи изъ запаса моей памяти, 2-е изд., съ значит. дополн. по рукописи. М. 1869 г. 8°. 297 + II. Ц. 1 р. 50 к. Здѣсь на стр. 267—278 неизданная статья Д. П. Блудова, 1806 г., по поводу критики Каченовскаго; на 284—азб. указ.

97) Стоюнинъ В. Я. А. С. Шишковъ, 121, 243—244.

98) Стоюнинъ В. Я. Пушкинъ, 234—236.

99) Загаринъ П. (Поливановъ Л. И.)—В. А. Жуковскій и его произведенія. М. 1883 г. См. стр. 12, 14—15, 107, 111, 171, 186, 188, 204, 226—228, фотографюра-портретъ И. И. Дмитріева, 294.

100) Барсуковъ Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. I—V (117—125).

101) Сиповскій В. В. Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русск. путеш.“, 39—42, 571—572 и въ приложеніяхъ 49-ая стр.

102) Половъ М. М. Мелкіе рассказы, гл. II: И. И. Дмитріевъ. Русская Старина 1901 г., 3, 637—639.

103) Пушкинъ А. С. Сочиненія, изд. Академіи Наукъ, т. I, изд. 2-е, 16, 64, 257, 264, примѣч. 149; изд. Литер. фонда: т. I,

331; т. II, 201, 275; т. III, 382; т. V, 122, 126; т. VI, 126—127, 301; т. VII, 34, 57, 73—75, 116, 187, 217—219.

104) Лермонтовъ М. Ю. Сочиненія, ред. П. А. Висковатова. М. 1891 г., т. I, 85—87: Пезабудка, сказка 1830 г. Ср. балладу И. И. Дмитриева: Старинная любовь, т. I, 232—233.

105) Шильдеръ П. К. Императоръ Александръ I, т. I, 243; т. II, 278; т. III, 4, 48, 55, 259, 369; т. IV, 465. Императоръ Павелъ I, 331—335.

106) Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, изд. гр. С. Д. Шереметева, подъ ред. и съ примѣч. В. И. Саитова. Т. I: Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ Ал. И. Тургеневымъ (1812—1819 г.). С.-Пб. 1899 г. См. стр. 58, 62, 81, 112, 122, 502, 503, 134, 138, 144, 150, 536, 156, 158, 546, 162, 172—173, 555, 190, 202, 206, 577, 213, 256, 259, 609, 264, 611, 275, 617, 621, 281, 285, 631—632, 292—294, 300, 349, 376, 392, 417, 448, 499, 501, 504, 513, 517, 544, 508—511, 559—561, 570—571, 577, 585—586, 605, 633, 654. Т. II: Переписка за 1820—1823 г. С.-Пб. 1899 г. Примѣчанія С.-Пб. 1901 г. См. стр. 3, 375, 32, 35, 56, 61, 66, 71, 74, 448, 133, 135, 452, 160, 186, 195, 213, 219—220, 222, 227, 232, 243, 543, 289, 308, 323, 348, 356, 388, 404, 419, 486, 487, 500, 522, 524, 536, 578, 274, 588. Т. III: Переписка за 1824—1836 годы. С.-Пб. 1899 г., 364 стр.

107) Стурдза А. С. Воспоминанія о П. М. Карамзинѣ. Москвитининъ 1846 г., ч. V, № 9 и 10, 148.

108) Кубасовъ И. А. А. Е. Измайловъ. С.-Пб. 1901 г. Стр. 17, 32, 35.

109) Кочубинскій А. Будущимъ біографамъ П. В. Гоголя. Вѣстникъ Европы 1902 г., № 3, 18.

110) Шенрокъ В. И. Матеріалы для біографіи П. В. Гоголя; т. II, 116, 121—122, 261; т. III, 24.

Письма И. И. Дмитриева и письма къ И. И. Дмитриеву.

1) Письма (93) И. И. Дмитриева къ кн. Вяземскому (отъ 1810 г. по 1837 г.), съ предисловіемъ (стр. 117—124) и 201 примѣчаніемъ (201—263) Н. П. Барсукова; письма извлечены изъ Остафьевскаго архива. См. 2-ую книжку историч. сборника: Старина и Новизна, С.-Пб. 1898 г., стр. 117—263. Есть и отдѣльный оттискъ. С.-Пб. 1898 г. 147 стр.

2) Письмо Н. И. Дмитриева къ А. И. Тургеневу. Литературный Вѣстникъ 1901 г., 1, 41—42.

3) Письма Н. И. Дмитриева къ гр. П. П. Румянцеву (Русская Старина 1901 г., 4, 122, и 7, 168) и къ П. И. Тургеневу (ib., 6, 566).

4) Письма (203) Н. И. Дмитриева къ 23 лицамъ: А. Х. Востокову (3), Дельвигу (4), Державину (2), Жуковскому (30), Тургеневу А. И. (64), Шишкову (5), Языкову Д. И. (24), кн. П. А. Вяземскому (1) отъ 18-го августа 1837 г. и др. перепечатаны изъ 15 источниковъ; впервые напечатаны съ рукописей письма къ П. П. Свиньину (21), С. Тома (2) и 7 писемъ къ пяти лицамъ (см. подробности на стр. 331, II т.)—Сочиненія Н. И. Дмитриева, т. II, II, 177—331.

5) Письмо Н. И. Дмитриева къ М. П. Загоскину. Раутъ, кн. 3-я, историч. и литературн. сборникъ, изд. Н. В. Сушкова. М. 1854 г.; въ статьѣ: Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями, изъ записокъ Н. В. Сушкова, стр. 315.

6) Письма Г. Р. Державина къ Н. И. Дмитриеву (11) — отъ 22-го апр. 1794 г.—15-го февр. 1809 г. Сочиненія Державина, т. VI, 6—7, 17—19, 57—59, 147—148, 166—167, 176, 181—182, 196—197.

7) Письма Н. М. Карамзина къ Н. И. Дмитриеву, съ примѣчаніями и указателемъ, составленными Я. К. Гротомъ и П. Пекарскимъ. С.-Пб. 1866 г. XII + 483 + 0214 + I.

8) Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитриеву (1816—1837 гг.). М. 1867 г. 12°. 212 стр. (помѣщены были въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., № 11 и № 12). Здѣсь письма: 1—А. С. Шишкова (3—22 стр.), 7—В. А. Жуковского, 4—К. Н. Батюшкова, 12—Д. Н. Блудова, 16—кн. П. А. Вяземскаго съ 1818 г. по 1829 г., 4—А. С. Пушкина, 3—П. В. Гоголя (1832 г.) и 18—А. И. Тургенева.

9) Письмо П. П. Рязанова къ И. И. Дмитриеву, апр. 1803 г. Рус. Архивъ 1866 г., № 8—9, 1331—1335 (Рязановъ—оберъ-прокуроръ 1-го департамента сената, первый посланный въ Японію; Дмитриевъ въ 1795 г. написалъ эпитафію его тестю, мореходцу Гр. Ив. Шелехову. Соч. Н. И. Дмитриева, I, 184).

10) Письмо гр. Дмитриева-Мамонова къ Н. И. Дмитриеву, 28-го февр. 1825 г. Рус. Архивъ 1868 г., въ статьѣ: Еще о графѣ Дмитриевѣ-Мамоновѣ, котораго въ 1810 г. Иванъ Ивановичъ опредѣлялъ оберъ-прокуроромъ въ Московскій сенатъ.

11) Письма (29) А. Фр. Измайлова къ Н. И. Дмитріеву (1816—1830 г.). Рус. Архивъ 1871 г., № 7 и 8, 961—1014.

12) Письма къ Н. И. Дмитріеву: 12—Д. В. Дашкова (отъ 1817 г. по 1826 г.) и 29—кн. П. А. Вяземскаго (отъ 1829 г. по 1837 г.). 12°. 94 стр. (помѣщены были въ Русскомъ Архивѣ 1868 г., № 4 и 5).

13) Письма В. А. Жуковскаго къ Н. И. Дмитріеву (15) 1816 г. 16-го марта 1837 г. — см. т. VI, 7-го изд. „Соч. В. Жуковскаго“, 425—439.

14) Письма А. С. Пушкина къ Н. И. Дмитріеву (5) — 14-го февр. 1832 г.—14-го іюня 1836 г. Соч. А. С. Пушкина, изд. Литер. фонда, т. VII: 301—302, 335, 376—378, 407—408.

ДОПОЛНЕНИЕ:

1) Картина Парижа (Мерсье), т. I. II. 1786 г. XI (предисл.) 294+I. Здѣсь 107 главъ (53-ая—Булеварды, т. е. городскіе валы).

2) Преместа сдѣлала мнѣ легонькой отказъ. Московскій Журналь 1792 г., ч. VI, апр. Здѣсь есть разкочтенія сравнительно съ ред. А. Флоридова (т. I, 125).

3) Сказки, басни и апологи И. И. Дмитріева, съ портр., изд. Н. Д. Сытина. М. 1891 (1890) г. 137+V (оглавленіе).

4) Письма А. И. Булгакова къ его брату, 1833 г., янв.—іюнъ. Рус. Архивъ 1902 г., 3, 525—15 мая—о вдовѣ сенатора Соверина, ея сынъ и Дмитріевъ.

5) Желябужскій Е. Очерки русск. литер. М. 1872 г., 47—54.

6) Гротъ К. Я. Альбомъ А. И. Буниной. Русск. Архивъ 1902 г., 3, 500—506.

Влад. Чулицкій.

НОРБЕРТЬ ПРЕМОНСТРАТЕНСКИЙ.

1.

Когда въ 1131 году избранный архіепископомъ Кельнскимъ Бруно обратился къ св. Бернарду за совѣтомъ, принимать ли ему этотъ постъ, тотъ не далъ ему рѣшительнаго отвѣта. Указавши съ одной стороны на высокое и отвѣтственное положеніе епископа, а съ другой на необходимость подчиниться волѣ Божіей, онъ пишетъ: „Но развѣ нѣтъ близъ васъ сеньера Норберта? Лучше всего вамъ посовѣтоваться съ нимъ лично по всѣмъ этимъ важнымъ вопросамъ. Кромѣ того высокочтимый прелатъ тѣмъ болѣе способенъ проникнуть въ божественныя тайны, что, какъ извѣстно, онъ гораздо ближе къ Богу, чѣмъ мы“¹⁾. Это тотъ Норбертъ, котораго въ другомъ письмѣ Бернардъ называлъ, пользуясь богатою образностью своего языка, *fistula coelestis*, т. е. серебряной трубкой, употребляемой при богослуженіи для принятія святой крови. Такъ думалъ о Норбертѣ самый крупный руководитель общественнаго мнѣнія XII в. и, ставя такъ близко къ Богу Магдебурскаго архіепископа, онъ раздѣлялъ мнѣніе толпы, давно уже видѣвшей въ Норбертѣ святого человѣка, передъ силой котораго отступали злые духи и физическія страданія. Легенда рано окружила собой личность Норберта и, хотя официальная канонизація его послѣдовала лишь въ концѣ XVI вѣка, но житіе его со всѣми чудесными подробностями начало складываться при его непосредственныхъ ученикахъ. Съ тѣхъ поръ католическіе біографы Норберта остались вѣрны этому направленію, и въ томъ же духѣ церковной легенды написано

¹⁾ В. opera ep. VIII.

и послѣднее извѣстное намъ произведеніе, посвященное памяти Норберта пріоромъ премонстратенскаго аббатства въ Мондэ и вышедшее въ 1886 г. ¹⁾. О. Маделэнь работала 15 л. надъ собираніемъ и обработкою матеріала, но въ результатъ получилась не біографія, а все то же „житіе“: по его убѣжденію, жизнь святого нужно не рассказывать, а *тыть*, ибо „она—истинная поэма, гимнъ во славу Богу, одиссея (человѣческой) души“. О. Маделэнь въ виду такого отношенія къ дѣлу не могъ и не хотѣлъ пожертвовать чудеснымъ элементомъ въ жизни Норберта и, говоря, напримѣръ, о явленіи блаж. Августина, передавшаго ему свой уставъ для устройства новаго ордена, онъ считаетъ это явленіе „однимъ изъ наиболѣе доказанныхъ фактовъ въ жизни святого“ ²⁾. Біографъ изобразилъ намъ Норберта такимъ, какимъ видѣли его молящіяся на окнѣ Магдебургскаго собора: въ одной рукѣ чаша, а въ другой цѣпь, которой связанъ извивающійся у его ногъ въ видѣ змѣя дьяволъ; это одновременно: апостоль создатель ордена, чудотворецъ, святитель церкви. Норбертъ не принадлежитъ болѣе міру. Онъ „святой“, рожденіе и жизнь котораго заранѣе предопредѣлены божественной волей.

Но безусловно ли всѣ, знавшіе или слышавшіе о Норбертѣ, думали о немъ такъ? Мы имѣемъ и иные отзывы. Синодъ во Фрицларѣ 1118 г. долженъ былъ разсмотрѣть цѣлый рядъ жалобъ на Норберта, тогда еще только выступившаго съ общественною проповѣдью. Рупертъ Дейцкій въ письмѣ къ аббату Куно Зигбургскому даетъ о немъ нелестный отзывъ, обвиняя его прямо въ „недобросовѣстномъ поступкѣ“ ³⁾; одна древняя Кашенбергская хроника вскользь упоминаетъ, что онъ деньгами добился утвержденія своего ордена куріей; магдебургскіе источники даютъ строгую оцѣнку его дѣятельности, какъ архіепископа. Но самый рѣзкій отзывъ о Норбертѣ слышимъ мы отъ Абельяра. Послѣ печальнаго для него синода въ Суассонѣ онъ горько жалуется на этихъ „новыхъ апостоловъ“, которые пользуются своимъ авторитетомъ передъ людьми, чтобы клеветать на него ⁴⁾; а въ рѣчи

¹⁾ Histoire de Saint Norbert, fondateur de l'ordre de Premontré et archevêque de Magdebourg par Godefroid Madelaine, prieur de l'abbaye de Mondaye.

²⁾ Стр. 175.

³⁾ Норбертъ взялъ у Руперта его трудъ De divinis officiis и, не сказавши ничего ему лично, обвинялъ его потомъ въ еретическомъ мнѣніи. Hoc erat in silentio mordere hoc erat occulte detrahere, пишетъ Рупертъ. Но Норбертъ самъ отказался потомъ отъ этого обвиненія.

⁴⁾ Hist. Calam. p. 28. Pertz XII, P. A. opera.

на день Іоанна Крестителя ¹⁾ онъ восклицаетъ: „Видите ли, какъ они выходятъ изъ своей пустыни? Надутые званіемъ регулярныхъ канониковъ, они стремятся къ человѣческой славѣ и доходятъ до того, что творять фальшивыя чудеса. Что говорю я? Они имѣютъ глупую претензію воскрешать мертвыхъ. Развѣ недавно мы не видѣли, какъ это пытались сдѣлать Норбертъ и его соаностоль Фарситъ? Мы видѣли это и смѣялись. Пролежавши долго распростертыми въ молитвѣ передъ народомъ и обманувшись въ своемъ дерзкомъ ожиданіи, они приписали свою неудачу недостатку вѣры въ окружающихъ“. И Абельяръ говоритъ далѣе: „Мы хорошо знаемъ хитрости тѣхъ, которые, приступая къ излѣченію лихорадочныхъ отъ ихъ пустыхъ болѣзней, даютъ имъ что-нибудь въ пищѣ или въ питьѣ и затѣмъ благословляютъ ихъ или молятся надъ ними. Они имѣютъ при этомъ въ виду, что, если произойдетъ облегченіе, то оно будетъ приписано ихъ святости, если же нѣтъ, то недостаточной вѣрѣ или отчаянію больныхъ“.

Мигніе Абельяра не осталось безъ вліянія на взгляды позднѣйшихъ изслѣдователей эпохи Норберта. И чѣмъ менѣе они склонны были считать его святымъ и вдохновеннымъ свыше, тѣмъ ближе становились они къ скептической точкѣ зрѣнія Абельяра. Въ настоящее время въ Германіи придается большое значеніе оцѣнкѣ Норберта, сдѣланной Bernhardi въ его трудѣ *Lothar von Supplinburg*. А Бернгарди прямо допускаетъ возможность сознательнаго обмана со стороны Норберта. „Можно ли вѣрить“, говоритъ онъ, „въ искреннее смиреніе Норберта, если правда, что онъ сознательно выступалъ чудотворцемъ“? Такимъ образомъ и современники, а съ ихъ словъ и позднѣйшіе историки разошлись въ пониманіи личности Норберта; но ошибка ихъ состояла въ томъ, что они слишкомъ далеко отошли отъ Норберта-человѣка и видѣли въ немъ одинъ святого, стоящаго внѣ рамокъ обычно-человѣческой жизни, другіе сознательно и послѣдовательно дѣйствующаго лицемѣра, т. е. такое отталывающее явленіе, которое, къ счастью, тоже невозможно. Приходится въ виду этого вспомнить слова проф. Зѣлинскаго, сказанныя имъ по поводу жреческихъ организацій древней Элады ²⁾. „Прошли къ счастью, тѣ времена, когда передовые люди могли представлять себѣ умныхъ руководителей религіозной силы человѣчества только лицемѣрами. Мы знаемъ теперь (или по крайней

¹⁾ Р. 590 (*ibidem*).

²⁾ О. Ф. Зѣлинскій, Идея нравственнаго оправданія, ея происхожденіе и развитіе. (Міръ Божій. февр. 99).

мѣръ могли бы знать), что искренной вѣрѣ легко поддерживать въ чловѣкѣ тотъ священный огонь, благодаря которому его жизнь становится сплошнымъ подвигомъ на благо чловѣчества, но что выдержанное въ теченіе цѣлой жизни (не говоря уже о цѣломъ рядѣ поколѣній) лицемѣріе есть нѣчто чудовищное, превосходящее чловѣческія силы“. Попробуемъ поэтому низвести Норберта на землю, въ ту житейскую обстановку, которая окружала его, какъ дѣятеля XII ст., рыцаря по происхожденію, каноника и прелата по положенію и призванію. Мы не проиграемъ, если откажемся отъ его святости, ибо познаемъ очень интересной и характерной для своего времени личность. Отказавшись же отъ обвиненія Норберта въ сознательномъ лицемѣріи, мы выиграемъ еще болѣе, ибо спасемъ себя отъ тяжелой и несправедливой ошибки.

Норбертъ родился между 1080 и 85 годомъ въ семьѣ графа Геннепъ (Genner) въ Лимбургѣ въ области нижняго Рейна. О его семьѣ, дѣтствѣ и воспитаніи мы почти ничего не знаемъ. Предназначенный къ духовной карьерѣ, онъ былъ рано записанъ въ каноники соборнаго капитула города Ксаттена ¹⁾. Затѣмъ онъ появляется при дворѣ своего родственника Генриха V, занимаетъ тамъ мѣсто капеллана и имѣетъ извѣстное значеніе. Что принесъ съ собой въ этотъ большой свѣтъ молодой Норбертъ? Хорошее имя и состояніе, прекрасную внѣшность и воспитанность, большой умъ и сильный характеръ, безъ которыхъ Норбертъ не могъ бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ впоследствии. Современные источники—житія говорятъ о его высокомъ образованіи. Несомнѣнно, что молодой и даровитый графъ Геннепъ не могъ стоять ниже общаго уровня тогдашняго образованнаго общества, но у насъ нѣтъ указаній на то, чтобы Норбертъ выдѣлялся особенно въ эту сторону подобно нѣкоторымъ изъ своихъ блестящихъ современниковъ. Мы не знаемъ, въ какой школѣ слушалъ онъ кого либо изъ авторитетовъ того времени ²⁾. Слишкомъ рано появился онъ при дворѣ императора и вошелъ въ сферу придворной жизни. Онъ не зналъ между прочимъ совсѣмъ французскаго языка, область котораго начиналась близко отъ его родины, и долженъ былъ изучать его впоследствии. Для взглядовъ его на образованіе важенъ.

¹⁾ По нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ одновременно каноникомъ и въ Кельнѣ.

²⁾ Рупертъ Дейцкій говоритъ о немъ: *jam prelatus et predicator, sed fere nunquam subditus sive auditor...* въ другомъ мѣстѣ *indoctus scholarum popellus*. Migne I c. col. 48 2.

слѣдующій случай. Въ 1119 году во время пребыванія Норберта въ Ланѣ (Lan), когда миссія его и репутація уже утвердились, онъ сталъ слушать чтенія по философіи и богословію мѣстнаго наставника Рауля, замѣнившаго въ Ланѣ своего болѣе знаменитаго брата Ансельма. Это было какъ бы желаніемъ дополнить свое образованіе, необходимое для того, кто поставилъ себя руководителемъ другихъ. Но занятія были прерваны неожиданнымъ образомъ. О нихъ услыхалъ Драгонъ, пріоръ монастыря Св. Никазія въ Реймсѣ, и написалъ Норберту слѣдующее любопытное письмо: „Что я услыхалъ о васъ, Норбертъ? Вы вскормлены и обучены въ школѣ Св. Духа, который учитъ и обучаетъ безъ труда; и вотъ вы покидаете эту божественную школу, чтобы обратиться къ свѣтскому учителю. Небесная мудрость таинственно соединилась съ вами, а теперь вы позволяете человѣческой философіи уловить и плѣнить васъ. Можетъ быть, вы мнѣ скажете: отъ этой я хочу подняться къ той, съ помощью человѣческаго знанія я хочу достигнуть божественной мудрости. Я отвѣчу на это: не такъ начали вы строить ваше духовное зданіе; оставьте Лію и берите Рахиль. Богъ, отыскавшій пастуха Давида, чтобы сдѣлать его, безъ учителя грамматики, своимъ псалмопѣвцемъ, вывелъ васъ изъ суеты вѣка сего, чтобы неожиданно сдѣлать васъ вѣстникомъ добраго ученія. О возлюбленный братъ, выслушайте меня съ покорностью, повѣрьте мнѣ: если вы хотите слушать двухъ учителей, небеснаго и земнаго, вы не воспользуетесь уроками ни того ни другого. Пренебречь человѣкомъ — легкая ошибка, но всегда опасно пренебрегать Духомъ Святымъ“. Письмо подѣйствовало, и Норбертъ оставилъ школу Рауля. О. Маделэнъ говоритъ, что Норбертъ былъ рожденъ ораторомъ. То немногое, что дошло до насъ изъ подъ пера Норберта, не выходитъ за уровень обычнаго церковнаго краснорѣчія, по факты его жизни подтверждаютъ мнѣніе о. Маделэна. Человѣкъ, который увлекалъ своей проповѣдью, даже если говорилъ на непонятномъ слушателямъ языкѣ (такъ было, напримѣръ, въ Валансьенѣ), къ пути котораго приливали толпы, чтобы только его послушать, и въ слѣдъ за которымъ изъ той же толпы отливали теченія, наполнявшія основанные имъ монастыри, такой человѣкъ долженъ былъ умѣть говорить, какъ немногіе!

Передъ Норбертомъ открывалась широкая дорога свѣтскихъ радостей и успѣховъ, когда въ 1115 г. въ его жизни послѣдовалъ переломъ, бывающій только въ жизни сильныхъ людей. Житіе его говоритъ, что онъ ѣхалъ верхомъ въ окрестности Ксантена, сопровожда-

емшій однимъ служителемъ, когда вдругъ разразилась страшная гроза, молнія ударила передъ нимъ въ землю, разверзла ее и оттуда вышель нестерпимый смрадъ. Норберту показалось, что какой-то голосъ упрекаетъ его за прошлое, и онъ вернулся домой другимъ человекомъ. Норбертъ отказывается отъ міра, и источники, чтобы объяснить этотъ переломъ, должны допустить, что онъ велъ образъ жизни, какого онъ не могъ одобрить впоследствии; но они не ставятъ ему въ вину чего либо особенно предосудительнаго. Одинъ писатель XVIII вѣка (Pertogue) считаетъ даже нужнымъ указать на то, что среди веселой придворной жизни не пострадало цѣломудріе Норберта. Подготовлялся ли такой переломъ въ жизни Норберта? Мы ничего не знаемъ о его личныхъ колебаніяхъ, но у Pertmann'a ¹⁾ есть мѣсто, указывающее на то, что въ церковной политикѣ онъ уже разошелся съ Генрихомъ V. Во время плѣненія императоромъ Насхалиса II 12-го февр. 1111 года Норбертъ кинулся къ ногамъ оскорбленнаго папы и получалъ прощеніе. Тотъ же источникъ говоритъ намъ, что Норбертъ отказался принять епископство въ Камбрѣ изъ рукъ отлученнаго императора. Строго церковное направленіе всей дѣятельности Норберта какъ бы оправдываетъ рассказъ Ланскаго лѣтописца. О. Маделэнъ сопоставляетъ „случай“ Норберта съ подобнымъ же въ жизни Лютера и спѣшитъ указать, насколько различно для интересовъ церкви было удаленіе отъ міра того и другого. Но у того же автора есть, хотя и по другому поводу, сопоставленіе Норберта съ основателемъ іезуитскаго ордена. Вотъ гдѣ, дѣйствительно, есть общія черты въ вѣрѣ въ свое призваніе и въ стремленіи какъ можно скорѣе провести въ жизнь свое назначеніе. Обращенный Норбертъ хочетъ немедленно приступить къ обращенію другихъ, то есть къ своей пастырской дѣятельности. И вотъ, будучи только субдіакономъ, онъ не выжидаетъ законнаго времени для полученія слѣдующихъ духовныхъ степеней и упрашиваетъ архіепископа Кельнскаго Фридриха, къ епархіи котораго онъ принадлежалъ, посвятить его въ діаконы и священники въ одинъ и тотъ же день. Послѣ нѣкотораго колебанія архіепископъ согласился на это неканоническое требованіе, и біографы Норберта были въ затрудненіи, какъ объяснить этотъ поступокъ. „Рада ускоренія дѣла религіи, онъ просилъ и добился этого“, говорится въ его житіи ²⁾.

¹⁾ Составители „чудесъ Св. Маріи въ Ланѣ“.

²⁾ *Accelerandae religionis causa, petit et impetravit... Sacrae Antiq. Monum. II, p. 160.*

40 дневное уединеніе въ Зигбургской обители у высокочтимаго аббата Куно Норбертъ считаетъ достаточнымъ, чтобы недавній придворный выступилъ реформаторомъ жизни канониковъ въ Ксантенѣ. На другой же день послѣ своей первой проповѣди, гдѣ онъ указывалъ на то, что будущая жизнь это все, а земная—ничто, въ собраніи капитула онъ указалъ настоятелю на правила отцевъ церкви (соборъ въ Лахенѣ 816 г.) и требовалъ, чтобы они были примѣнены во всей строгости въ жизни капитула. Норбертъ не остановился на этомъ, на слѣдующій день онъ началъ называть по именамъ тѣхъ, кого винилъ въ несоблюденіи правилъ, и открыто указывалъ имъ ихъ проступки. Очень возможно, что капитулъ вѣлъ себя подостойно, по такая дѣятельность только что обращеннаго Норберта (*bone conversationis, sed nove conversionis*, по словамъ Руперта) производитъ неблагоприятное впечатлѣніе и теперь, а тогда должна была вызвать такой отпоръ со стороны канониковъ, что самъ обличитель подвергался даже личнымъ оскорбленіямъ. Разочарованный въ своихъ товарищахъ по капитулу, Норбертъ ищетъ успокоенія то въ Зигбургѣ, то у близъ живущаго отшельника Линдольфа и, можетъ быть, уже здѣсь намѣчаетъ начало своей будущей дѣятельности: исправлять духовенство, чтобы черезъ это исправить народъ, по опредѣленію о. Маделэна. Норберту пришлось пережить и другое, болѣе тяжкое испытаніе. Церковь не долюбивала смѣлыхъ реформаторовъ, всего того, что производило шумъ и заставляло говорить о себѣ. И ксантенскіе каноники подали на него жалобу синоду, собранному въ Фрицларѣ ганскимъ епископомъ въ 1118 г. Его обвиняли въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ право проповѣдывать и укорять другихъ, что онъ держался монашескаго образа жизни, не принадлежа ни къ одному ордену и удерживая свои богатые владѣнія; наконецъ, что онъ носилъ особое одѣяніе изъ овечьей шерсти. Норбертъ не былъ осужденъ на этомъ синодѣ, но онъ вынесъ съ него урокъ, которымъ сумѣлъ воспользоваться. Онъ рѣшилъ на время покинуть родину, но не отказался отъ того, что считалъ своей миссіей; отнынѣ только онъ обставлялъ свою дѣятельность такъ, что съ формальной стороны она была неприкосновенна. Увлеченіе своимъ призваніемъ и практическая осторожность идутъ теперь рука объ руку. Уходя изъ Ксантена, онъ продалъ землю и движимость и одѣялъ вырученными деньгами бѣдныхъ и церковь. Отнынѣ у него не было собственности, а у враговъ права упрекать его въ неискренности и непоследовательности.

Отказавшись отъ міра и посвятивъ себя на то, чтобы и другимъ указать этотъ путь къ спасенію, Норберть предпринимаетъ далекое и трудное путешествіе въ южную Францію, гдѣ пребывалъ въ то время дважды покидавшій Римъ Геласій II. Не думаемъ, чтобы это путешествіе имѣло цѣлью принести палъ *les consolations de sa fidélité*, какъ думаетъ о. Маделэнъ. Геласію не было нужно ничего еще въ то время не представлявшій изъ себя Норберть, но послѣдній нуждался въ авторитетной поддержкѣ папы. И вотъ Геласій даетъ ему не только отпущеніе прежнихъ прегрѣшеній и между прочимъ каноническаго посвященія въ Кельгъ, но и право повсемѣстной проповѣди слова Божія, что было подтверждено недошедшей до насъ грамотою папы. Теперь уже миссіонерская дѣятельность Норберта не могла встрѣтить затрудненій формальнаго свойства. Въ вербное воскресенье 1119 года въ Валансьенѣ начинается проповѣдь Норберта, перешедшая потомъ въ другіе города Геннегау и Брабанта и обратившая на него общее вниманіе. Народъ стекался, чтобы присутствовать при богослуженіи Норберта, слушать его поученія и призывы къ миру среди безпокойныхъ явленій того времени, искалъ у него духовнаго утѣшенія и исцѣленія физическихъ страданій. Современные источники, приводя примѣры чудесныхъ исцѣленій Норбертомъ, главнымъ образомъ говорятъ объ изгнаніи злого духа изъ одержимыхъ. Это именно тѣ случаи психическихъ страданій, устраненіе которыхъ увѣреннымъ въ божественномъ призваніи миссіонеромъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и можетъ найти себѣ объясненіе помимо отнесенія ихъ къ истиннымъ или ложнымъ чудесамъ. Поэтому совершенно напрасно о. Маделэнъ возмущается, если новѣйшіе критики ссылаются для ихъ объясненія на „неврозъ, истерію, сомнабулизмъ и другіе патологическіе (?) аффекты“, какъ онъ выражается. Въ XII вѣкѣ чудесныя явленія никого не смущали и ихъ признавали, если считалось, что они доказаны, т.-е. въ пользу ихъ есть извѣстное число достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Такъ, въ 1131 г. на синодѣ въ Лютихѣ былъ поднятъ и на синодѣ въ Реймсѣ разрѣшенъ вопросъ о канонизаціи Годегарда, бывшаго епископомъ Гильдесгеймскимъ въ 1022—1038 гт. Объ этомъ особенно хлопотала въ лицѣ своего епископа Бернгарда Гильдесгеймская церковь. Былъ представленъ рядъ чудесъ, совершенныхъ покойнымъ Годегардомъ, и, хотя архіепископъ Тарасконскій и находилъ ихъ недостаточно доказанными, остальные члены синода и самъ папа нашли ихъ вполне убѣдительными, и Годегардъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Неудивительно, что

„слухи“, которые шли о дѣятельности Норберта, заключали въ себѣ много чудеснаго, чему охотно вѣрили современники, и что лѣтописцы, глубоко чтившіе его память, занесли ихъ въ свои творенія. Но и послѣднимъ нельзя совсѣмъ отказать въ духѣ критическаго отношенія къ тому, что доходило до ихъ слуха. Св. Норберту приписывали, подобно св. Мартину и позднѣе Доминику, чудесное воскрешеніе мертвыхъ, явленіе, которое наиболее должно было смущать скептически настроенныхъ современниковъ въ родѣ Абеляра. Но, во-первыхъ, Абеляръ говоритъ, что чудо не удалось, и св. Норбертъ проявилъ въ такомъ случаѣ только излишнюю самоувѣренность, а, во-вторыхъ, случай этотъ (съ благопріятнымъ исходомъ) рассказанъ лишь въ лѣтописи Бергенскаго монастыря и не вошелъ ни въ одно изъ двухъ первоначальныхъ житій святого. Объясненіе этому нужно искать въ словахъ составителя одного изъ нихъ, который говоритъ въ введеніи, что „въ виду безстыдности нѣкоторыхъ свободомыслящихъ онъ пропустилъ извѣстныя событія первостепенной важности и сообщалъ только то, что общезвѣстно и не можетъ быть нигдѣ отрицаемо“. Мѣрку нашему отношенію ко многимъ „чудесамъ“ въ жизни Норберта, даетъ намъ слѣдующій случай. Однажды Норбертъ совершалъ таинство евхаристіи, какъ вдругъ громадный паукъ упалъ въ святую чашу. Норбертъ пришелъ въ замѣшательство. Выбросить паука значило пожертвовать частью святой крови, проглотить его—подвергнуться неминуемой смерти, ибо паукъ считался въ то время ядовитымъ. Норбертъ рѣшился на послѣднее и проглотилъ паука. На колѣняхъ передъ алтаремъ онъ готовился уже принести свою жизнь въ жертву Богу, но вдругъ чувствуетъ потребность чихнуть, и паукъ живьемъ выходитъ у него изъ носу. Откинемъ то, что внесла въ этотъ рассказъ толпа, которой во всемъ нужна наглядность, т.-е. выходъ паука изъ носу Норберта, что, въ сущности, для чуда не было и нужно. Все остальное не заключаетъ въ себѣ ничего чудеснаго въ смыслѣ сверхъестественнаго, но оно чудесно въ иномъ отношеніи. Мы знаемъ теперь, что пауки не ядовиты и что жизни Норберта ничто не угрожало. „Чудо“ отпадаетъ, но подвигъ остается, и мы не менѣе современниковъ можемъ преклониться передъ человѣкомъ, готовымъ жертвовать жизнью во имя долга.

Въ началѣ 1119 г. умеръ въ Клуни папа Геласій, такъ и не вернувшійся въ Римъ, бывшій въ рукахъ Генриха V и поставленнаго имъ антипапой, и мѣсто его занялъ избранный во Франціи и изъ французовъ Калликстъ II. Новый папа отправился на собранный еще его

предшественникомъ соборъ въ Реймсѣ и туда же отправился Норбертъ. На этотъ разъ онъ нашелъ доступъ къ окруженному болѣе высокопоставленными лицами папѣ только черезъ епископа Бартоломея Ланскаго, покровительство и дружба котораго не оставляли съ этихъ поръ Норберта. Врядъ ли справедливо предположеніе Роземунда ¹⁾, что здѣсь въ Реймсѣ было оказано противодѣйствіе реформаторскимъ стремленіямъ Норберта со стороны папы и предписано взамѣнъ того основаніе новаго ордена. Стремленія Норберта не были опасны римской церкви, ибо тѣ требованія личнаго совершенства, которыя онъ предъявлялъ духовенству и мірянамъ, вполне мирились съ существующей организаціей церкви. Идеаль апостольской церкви могъ быть понимаемъ слишкомъ различно, чтобы одинаково улыбаться и римскому епископу и представителямъ осуждаемыхъ имъ ересей. Не могъ ли Калликстъ опасаться реформатора, который сгнѣшилъ къ нему за благословеніемъ и поддержкой? Въ послѣдней не было отказано, и Норбертъ отправился въ Ланъ личнымъ другомъ мѣстнаго епископа. Здѣсь ему предложили мѣсто аббата въ монастырѣ св. Мартина. Церковная дисциплина въ монастырѣ была сильно расшатана, а Норбертъ имѣлъ уже за собой тяжелыя воспоминанія о капитулѣ въ Ксаитенѣ. Норбертъ чувствовалъ, что здѣсь онъ не будетъ въ состояніи поставить дѣло такъ, какъ это было угодно ему, но не считалъ удобнымъ проявить послушаніе волѣ не только епископа, но и прибывшаго въ Ланъ папы. Онъ согласился, но поставилъ условіемъ, что монахи будутъ слѣдовать обязательствамъ, имъ на себя принятымъ, „а вы знаете ихъ“, говорилъ онъ ²⁾: „не искать добра другого человѣка, не требовать возвращенія похищеннаго у меня передъ судомъ или свѣтской властью, не проклинать за обиды, мнѣ нанесенныя, или убытки, мнѣ причиненныя. Коротко, я обещаю Богу жить чистою евангельскою и апостольскою жизнью, насколько это совмѣстимо съ человѣческой слабостью“. Эта программа интересна тѣмъ, что когда Норбертъ сталъ во главѣ Магдебургской церкви, онъ принужденъ былъ отъ нея отъеязаться. Но прежде чѣмъ бросить по этому поводу Норберту упрекъ въ лицемеріи, нужно помнить, что въ 1119 г. онъ былъ страстнымъ проповѣдникомъ, но знавшимъ, гдѣ преклонить голову, а съ 1126 г. онъ стоялъ во главѣ обширной архіепископшіи, интересами которой онъ не считалъ себя въ правѣ жертвовать. Дру-

¹⁾ Die ältesten Biographien des h. N. p. 122.

²⁾ Vita (Pertz. Script. XII) c. 9.

гой вопросъ, зачѣмъ Норбертъ принялъ высокій постъ въ Магдебургѣ, и мы по справедливости можемъ назвать его поведеніе непослѣдовательнымъ. Но и здѣсь, зная, какимъ дѣятельнымъ княземъ церкви явился Норбертъ и какія услуги оказалъ онъ папству, мы поймемъ, почему ему было тѣсно даже въ обширныхъ предѣлахъ основаннаго имъ ордена. Въ Лангѣ все сложилось по желанію Норберта. Распущенные монахи не примирились со введеннымъ имъ рѣжимомъ, они говорили, что „Богъ хочетъ, чтобы изнурили тѣло, но не умерщвляли его“ ¹⁾, и ихъ противодѣйствіе дало Норберту поводъ отказаться отъ руководства ими.

Получивши такимъ образомъ снова свободу, Норбертъ воспользовался ею, чтобы создать себѣ царство, гдѣ все держалось имъ и его крѣпкой волей. Такимъ царствомъ былъ Премонстратенскій орденъ. Когда Бартоломей предоставилъ Норберту самому отыскать мѣсто для духовныхъ подвиговъ, послѣдній послѣ долгихъ странствованій остановился на глухой и гористой мѣстности къ юго-западу отъ Лана, посившей названіе *Premontre* — имя, легко дававшее поводъ къ самымъ различнымъ толкованіямъ благодаря своему значенію ²⁾. Норбертъ передъ выборомъ провелъ ночь въ близъ лежавшей часовнѣ Іоанна Крестителя и здѣсь то, по словамъ легенды, впервые печатно появившейся у *le Raige* ³⁾ и ставшей потомъ общимъ достояніемъ ордена, хотя источники XII вѣка молчатъ объ этомъ обстоятельстве, ему явилась Богоматерь и сама подала ему бѣлую одежду ордена со словами: *Fili Norberte, accipe candidam vestem*. Бѣлая одежда, введенная Норбертомъ, такъ знаменательна сама по себѣ для людей, убѣгающихъ отъ грѣховъ міра, что нѣтъ надобности объяснять введеніе болѣе маркаго и потому дорогого цвѣта аристократическими замашками основателя, какъ это дѣлаетъ Берпгарди. Чудесныя явленія неминуемо должны были сопровождать возникновеніе столь важнаго церковнаго учрежденія, и преданіе рассказываетъ, что самое мѣсто основанія церкви было указано лучезарнымъ видѣніемъ распятаго Спасителя, къ которому стекались толпы богомольцевъ, а во время стройки свѣтлыя и темныя силы спускались къ строителямъ, одиѣ помочь и усовершенствовать сдѣланное, другія препятствовать работѣ. Но если сверхъестественныя явленія должны были предзнаменовать будущее величіе ордена, то были обстоятель-

¹⁾ *Castigare quidem vult Deus, sed non mortificare. Vita, c. 9,*

²⁾ *Premontre—un pré montré* и т. д.

³⁾ *Bibliothèque de l'ordre de Premontre 1633 г.*

ства, которыя могли разочаровать современниковъ и затруднить своимъ истолкованіемъ послѣдующихъ біографовъ. Во время освященія церкви ¹⁾, вслѣдствіе громаднаго стеченія народа, треснулъ камень, на которомъ стоялъ главный алтарь, и послѣдній обрушился, благодаря чему самое освященіе становилось недѣйствительнымъ. Это было тяжелымъ испытаніемъ для мужества и вѣры въ свое призваніе со стороны Норберта. Благодаря его предусмотрительности и земныя силы приняли дѣятельное участіе въ его дѣлѣ; епископъ Ланскій двумя грамотами обезпечилъ земельныя владѣнія ордена, а Людовикъ VI, прибывшій въ Ланъ въ 1121 г., подтвердилъ съ своей стороны основаніе Премонстрэ. Естественно, что Норбертъ, не ограничился этимъ и искалъ окончательнаго утвержденія въ Римѣ: 28-го іюня 1124 г. новый орденъ былъ утвержденъ Калликстомъ II; въ 1126 году права его были подтверждены буллой Гонорія II. Создавая орденъ, Норбертъ не забылъ, очевидно, впечатлѣній, пережитыхъ въ Ксантепѣ. Это была попытка создать каноническую обстановку въ идеальной формѣ, и члены ордена были каноники, но не монахи ²⁾. Намъ кажется теперь труднымъ установить различіе между монахами и канониками, разъ послѣдніе жили тоже общиной и вдали отъ міра. Но въ XII вѣкѣ хорошо различали эти два направленія и умѣли сопоставлять заслуги Бруно, основателя Chartreux, и Бернарда Клервальскаго съ заслугами Норберта. Абеляръ не даромъ указываетъ на то, что одинъ гордился преобразованиемъ монашества, а другой канонической жизни. Слѣдуетъ было мѣстомъ созерцательной жизни, въ Премонстрэ братія должна была въ духовныхъ подвигахъ черпать силы для общественно-церковной дѣятельности. Члены ордена должны были быть священниками, т. е. руководить паствою, и проповѣдниками, т. е. распространять и укрѣплять христіанство въ его чистотѣ. Въ обитель они возвращались для отдыха и духовнаго общенія. Таковъ былъ по крайней мѣрѣ идеаль, преслѣдуемый Норбертомъ. Въ основаніе ордена былъ положенъ уставъ бл. Августина съ дополненіями изъ правилъ св. Бенедикта. При очень строгомъ режимѣ братія, по крайней мѣрѣ сапопсі, не несла матеріальныхъ трудовъ. Послѣдніе были удѣломъ *conversi*, т. е. свѣтскихъ членовъ общины, отличныхъ

¹⁾ Для этой церкви нужны были священные реликвіи. Норбертъ съ согласія архіепископа Кельнскаго перевезъ въ Премонстрэ часть мощей св. Урсулы и св. Герона. Въ житіи его приводится легенда о чудесномъ ихъ обрѣтеніи.

²⁾ Первые письменные статуты ордена относятся ко времени преоппика Норберта, къ 1128 или 29 году.

и по жизни и по вѣшности. Въ этомъ при желаніи тоже можно увидать аристократическія тенденціи бывшаго графа Геннепа. Извѣстный антагонизмъ между монашескимъ и каноническимъ общежитіями держался, какъ мы видимъ, напиримѣръ изъ сочиненія *Dialogus inter cluniacensem et cisterciensem monachos de diversis utriusque ordinis observantiis*, гдѣ первый старается доказать, что регулярные каноники, слѣдующіе правиламъ св. Августина, не принадлежатъ къ монахамъ, съ чѣмъ не согласенъ представитель Цистерціанскаго ордена ¹⁾. Когда кардиналы Пьерлеоне и Григорій отъ св. Ангела, легаты папскаго престола, дали Норберту грамоту съ утвержденіемъ новой конгрегации, они такъ опредѣлили различіе монашеской и канонической жизни: „Тѣ, которые по своему рвенію освобождаются отъ свѣта, раздѣляются на двѣ вѣтви и два состоянія, имѣющія почти одинаковое направленіе: это каноники и монахи. Послѣдніе, по милосердію Всевышняго, не переставали сіять въ лонѣ церкви, но первые, почти угасшіе отъ распущенности, теперь Божьей милостью опять начали процвѣтать. Святой мученикъ и папа Урбанъ ихъ устроивилъ, св. Августинъ далъ имъ уставъ, св. Иеронимъ ихъ реформировалъ въ своихъ трудахъ. Вотъ почему мы должны не меньше чтить возобновеніе этого апостольскаго учрежденія, столь извѣстнаго въ первоначальной церкви, чѣмъ сохраненіе монастырской жизни, поддерживаемой Духомъ Св. въ своемъ разцвѣтѣ“. Hurter въ *Tableau des institutions et des mœurs de l'Eglise au moyen âge* ²⁾ такъ говоритъ объ основаніи ордена: „Цѣлью его (Норберта) было соединить жизнь активную съ жизнью созерцательною, ибо онъ не столько хотѣлъ основать религіозный орденъ, сколько создать канониковъ болѣе регулярной жизни. Независимо отъ ихъ собственнаго спасенія эта строгость (жизни) должна была способствовать проповѣди евангелія; они должны были преподавать несвѣдущимъ догматы вѣры, проповѣдывать покаяніе, изобличать еретиковъ и исполнять пастырскія обязанности, если таковыя были на нихъ возлагаемы. И все-таки жизнь отшельническая и монастырская была основаніемъ ихъ учреждений. Норбертъ льстилъ себя надеждой, что его послѣдователи приобрѣтутъ въ уединеніи ту сосредоточенность духа, ту силу и познанія, съ помощью которыхъ они будутъ въ состояніи работать въ виноградникѣ

¹⁾ Ключи былъ далеко не въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Промонтра, какъ Цито.

²⁾ t. II, p. 468.

Господнемъ съ болышимъ усердіемъ и успѣхомъ и потомъ время отъ времени возвращаться въ монастырское уединеніе, чтобы заластись тамъ новыми силами“.

Итъ ничего удивительнаго, если новая обитель очень скоро собрала къ себѣ ищущихъ духовныхъ подвиговъ. Среди первыхъ учениковъ Норберта кромѣ Гуго, который присоединился къ нему еще въ самомъ началѣ его миссіонерской дѣятельности въ Валансеи и замѣнилъ его потомъ въ Премонстрѣ, нужно назвать еще Эвермода: онъ былъ особенно близокъ Норберту, сопровождалъ его въ Магдебургъ и присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ; впоследствии онъ занималъ кафедру въ Ратибургѣ. Тяжелъ былъ режимъ, господствовавшій въ Премонстрѣ, а въ образѣ жизни братіи при всемъ желаніи нельзя было найти слѣдовъ „аристократизма“. Картину этой жизни даетъ намъ письмо настоятеля отъ св. Варвары въ епархіи Lisiens, писанное въ 1145 году послѣ его поступления въ одинъ изъ монастырей ордена. „Когда, руководимый Богомъ, я прибылъ на мѣсто, гдѣ я живу въ настоящее время, я, признаюсь, испыталъ тяжелое впечатлѣніе. Ни въ мѣстоположеніи, ни въ постройкѣ монастыря не было ничего, чтобы могло пѣвнать взоръ. Въ лицѣ и одеждѣ братіи ничего заманчиваго для чувства. Образъ жизни очень суровый; рѣдко можно видѣть рыбу, никогда мяса и сала, развѣ въ случаѣ тяжелой болѣзни. Въ теченіе сутокъ непрерывный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почти постоянное воздержаніе отъ пищи и краткій сонъ. Молчаніе почти вѣчно царствуетъ въ монастырѣ. Смотря по времени года страдаютъ или отъ избытка жары или отъ излишка холода. И, что особенно тяжко, платье монаховъ, пропитанное потомъ день и ночь, кишитъ паразитами, если не встряхать его часто, что совершается по обычаю лишь въ субботу. Но я нашелъ скоро среди братіи то благо, которое стоитъ дороже, чѣмъ всѣ матеріальныя выгоды: миръ и полное спокойствіе, самое сердечное согласіе, ибо всѣ относятся другъ къ другу со смиреніемъ, кротостью и любовью. Въ часы божественной службы всѣ на лицо, даже тѣ, которымъ поручены дѣла жгтойскія: и я удивлялся ихъ благочестію и благоговѣнію службы. Жизнь ихъ мнѣ казалась ангельской; они отнеслись ко мнѣ такъ предупредительно, съ такимъ деликатнымъ вниманіемъ, что я искренно привязался къ нимъ. И я серьезно подумалъ остаться съ ними и, ставши нищимъ, слѣдовать тамъ за нищимъ Христомъ. Я испытывалъ несравненную радость при мысли, что отнынѣ я буду повиноваться другому и вмѣсто того, чтобы пользоваться почестями, я вѣрнѣе спасусь

на скромномъ посту послушанія“ ¹⁾). Не одни матеріальныя лишенія ожидали удалившихся отъ міра: имъ предстояла, по наивному представленію XII вѣка, непрестанная борьба съ дьяволомъ. Не даромъ въ уставѣ одного ордона говорится, что отшельниками могутъ быть тѣ, которые не боятся борьбы съ нимъ въ одиночку. Монастырскія лѣтописи полны разказовъ о томъ, какъ врагъ рода человѣческаго приходилъ смущать братію, и въ безхитростныхъ разказахъ этихъ живетъ непосредственный духъ времени, придающій имъ своеобразную прелесть. Последняя пеннусмо пронадастгь, когда біографъ Норберта конца XIX вѣка переноситъ этого дьявола въ свое изслѣдованіе, написанное съ научными приемами. Преданія среднихъ вѣковъ злоупотребляютъ появленіемъ нечистой силы, но не представляютъ ее непобѣдимой. „Не бойтесь!“ говорилъ по поводу его козней своимъ ученикамъ Норбертъ: „онъ болѣе хитеръ, чѣмъ могущественъ; онъ много знаетъ, но мало можетъ, если наша воля не подчиняется ему добровольно“ ²⁾). Но даже и хитрость его не такъ уже опасна. Смирный инокъ скоро узнаетъ своего врага не смотря на то, что онъ принимаетъ различные виды, и знаменіемъ креста обращаетъ его въ бѣгство. Посрамленный дьяволъ мститъ своему побѣдителю тѣмъ, что оставляетъ у него въ кельѣ отвратительный запахъ. Не менѣе, чѣмъ крестнаго знаменія, боится дьяволъ святой воды. „Онъ дрожитъ передъ ней, какъ ребенокъ передъ грозой“, говоритъ лѣтописецъ. Этотъ страхъ дьявола передъ искупительнымъ подвигомъ Христа даетъ лѣтописцу поводъ бросить упрекъ нехристіанамъ и еретикамъ: „Демоны принуждены исповѣдывать то, что отрицаютъ еретики“, или въ другомъ мѣстѣ: „евреи и лжехристіане презираютъ распятаго Бога, но демоны признаютъ и боятся его“ ³⁾). Тамъ, гдѣ легенды о Премонтрѣ касаются природы и животнаго царства, онъ доходитъ, по справедливому замѣчанію о. Маделэна, до поэзіи Fioretti св. Франциска. Развѣ не полонъ глубокой поэзіи разказъ о томъ, какъ братья, пошедшіе однажды въ лѣсъ за дровами, встрѣтили волка, пойманнаго дикаго козленка? Своими криками монахи прогнали хищника, а жертву его принесли съ собой и повѣсили въ углу комнаты. Но волкъ пошелъ вслѣдъ за ними, остановился у входа, и никакіе крики на этотъ разъ не могли прогнать его. Норбертъ услышалъ этотъ шумъ и,

¹⁾ D. Martène. Miscellanea. Epist. et Diplom. T. 1. col. 780.

²⁾ Vita CXXXVII.

³⁾ Vita c. XXX.

узнавши, въ чемъ дѣло, велѣлъ возвратити волку отнятую у него собственность. Другой разъ волкъ помогаль одному изъ братьевъ пасти и оберегать монастырское стадо и вечеромъ проводилъ его до обители. Но когда монахъ, загнавши стадо, заперъ ворота передъ волкомъ, послѣдній не хотѣлъ уходить и началъ усиленно скрести дверь. Тогда св. Норбертъ говоритъ: „почему не отворяють дверь страннику, ищущему убѣжища?“ „Отець, это не странникъ, это волкъ, который насильно хотеть войти къ намъ“. „Онъ не придетъ безъ основанія. Что такое сегодня случилось въ стадѣ?“ Ему рассказываютъ о случившемся. „И это предвидѣлъ“, говоритъ Норбертъ, „волкъ требуетъ вознагражденія за свой трудъ. Пусть дадутъ ему поѣсть. Всякій работавшій имѣеть право на пропитаніе“. Волка выпускають, и онъ ужинаетъ вмѣстѣ съ пастухомъ.

Вновь основанный орденъ рано началъ разрастаться, и ростъ этотъ мы видимъ въ двухъ направленіяхъ: основаніи новыхъ обителей и расширеніи самаго содержанія ордена. Среди искавшихъ духовнаго руководства Норберта были и женщины, и для нихъ въ Премонстрѣ былъ основанъ женскій монастырь. Эти двойственные монастыри были для того времени обычными явленіями, и неудобства ихъ сказались уже позднѣе. Новымъ въ дѣятельности Норберта было основаніе такъ сказать третьяго сословія въ орденѣ (*tiers ordre*), т.-е. свѣтскихъ братьевъ, оставшихся въ міру, но духомъ принадлежавшихъ монастырю. Въ другихъ орденахъ установленіе этого класса о. Маделэнъ считаетъ подражаніемъ Премонстрѣ. Третье сословіе было создано въ виду желанія графа Тибо Шампанскаго поступить въ орденъ. Норбертъ отказался принять въ обитель могущественнаго графа, но преподалъ ему правила жизни, при соблюденіи которыхъ онъ могъ быть мірскимъ ся членомъ. Въ знакъ этого присоединенія Норбертъ надѣлъ на Тибо наплечники изъ бѣлой шерсти. Этого наплечника искали затѣмъ и другіе, желавшіе сохранить преимущества свѣтской жизни при извѣстномъ монашескомъ режимѣ, и въ обителяхъ ордена число братьевъ и сестеръ *ad succurrendum* все увеличивалось. По вмѣстѣ съ этимъ расширялась и территория, захваченная Премонстратенскимъ орденомъ. Если о св. Бернардѣ рассказываютъ, что жены прятали отъ него мужей, боясь, чтобы онъ не убѣдилъ ихъ идти въ монастырь, то это съ такимъ же правомъ могло быть сказано о св. Норбертѣ. Послѣдній много странствовалъ и вездѣ, гдѣ онъ появлялся, путь его былъ ознаменованъ основаніемъ монастырей Премонстратенскаго ордена. Норберту ставили и ставятъ въ упрекъ, что онъ

замаливалъ въ свой орденъ преимущественно людей знатныхъ и богатыхъ. По обращеніе послѣднихъ выдѣлялось и отмѣчалось въ лѣтописяхъ именно потому, что было событіемъ въ жизни ордена, что сеньеры эти не входили въ существовавшіе монастыри, а основывали собственные, изъ которыхъ многіе явились сами источниками дальнѣйшаго распространенія ордена. Если удаленіе отъ міра было дѣломъ богоугоднымъ, то, естественно, церковь должна была гордиться, если отъ міра отскакалъ человѣкъ, связанный съ нимъ богатствомъ и высокимъ положеніемъ. Къ такимъ лицамъ принадлежали графъ и графиня Памюръ, основавшіе монастырь Флоренцъ, занимавшій третье мѣсто по своему значенію въ орденѣ. Еще болѣе важно по своимъ послѣдствіямъ было обращеніе графа Готфрида Каппенберга. Въ его лицѣ одинъ изъ могущественныхъ сеньеровъ Вестфаліи отдалъ себя и свое состояніе ордену. Монастырь въ Каппенбергѣ сталъ какъ бы вторымъ Премонстрэ, и Норбертъ оставался его пожизненнымъ настоятелемъ. Каппенбергская обитель была предусмотрительно поставлена подъ покровительство не только папы, но и императора. За Готфридомъ послѣдовала его супруга Ютта, для которой создали вблизи Каппенберга женскій монастырь, и братъ Отто, основатель монастыря въ Варларѣ. Оба брата вмѣстѣ основали затѣмъ въ Майнцкой епархіи извѣстный въ исторіи ордена монастырь Ibenstadt. Эти пріобрѣтенія были сдѣланы не безъ затрудненій. Тестъ Готфрида Фридрихъ Ариенбергъ никогда не могъ примириться съ поступкомъ зятя, былъ крайне возбужденъ противъ Норберта, и раздраженіе это раздѣляли многіе изъ министеріаловъ графа Каппенберга. Фридрихъ не разъ съ вооруженной силой приходилъ осаждать обращенный въ монастырь замокъ Каппенбергъ и грозилъ повѣсить на его стѣнахъ Норберта. Неудивительно, что въ внезапной смерти Фридриха монастырская лѣтопись видѣла справедливое проявленіе суда Божія. Что при всемъ своемъ духовномъ рвеніи Норбертъ никогда не упускалъ изъ виду практической пользы дѣла, мы видимъ изъ того, что въ сходныхъ, повидному, случаяхъ онъ принималъ иногда различныя рѣшенія. Будучи уже архіепископомъ Магдебургскимъ, Норбертъ встрѣтился съ графомъ Отто Ревенингомъ. Онъ увидѣлъ, что благочестивый графъ своими большими средствами можетъ быть полезенъ церкви, и уговорилъ графа, еще не успѣвшего вступить въ бракъ, отказаться отъ міра и сдѣлать своими наслѣдниками Христа и церковь. Такимъ образомъ возникъ въ Магдебургской епархіи—Норбертъ не допустилъ основанія обители во владѣніяхъ Отто, лежавшихъ влѣво его церков-

наго вѣдѣнія—монастырь Gratia Dei (Gottesgnaden). Но, когда значительно раньше владѣтельный графъ Тибо Шампанскій самъ поднималъ вопросъ о своемъ поступленіи въ Премонтрѣ, Норбертъ потребовалъ, чтобы онъ не только остался въ міру, но и вступилъ въ бракъ. И здѣсь и тамъ Норбертъ видѣлъ въ этомъ рѣшеніи волю Божію. „Да не допуститъ насъ Богъ противиться его предвѣчной волѣ надъ тобою“ ¹⁾, сказалъ онъ Тибо. Нѣкоторые историки заподозрѣваютъ въ этомъ случаѣ искренность Норберта, но лѣтписецъ думаетъ иначе и восторгается его пронципальностью: „Видите-ль, какъ великъ былъ этотъ человекъ въ различеніи людей! Два князя (лѣтписецъ имѣетъ въ виду графовъ Готфрида и Тибо) кладутъ къ его ногамъ свои сокровища и, что еще важнѣе, свою свободу. Поступокъ обоихъ одинаковъ и тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ даръ Готфрида, который отъ всего отказывается, а Тибо онъ приказываетъ сохранить и владѣть всѣмъ, какъ будто бы онъ ничего не имѣлъ.“ Какъ быстро шло распространеніе ордена, мы видимъ изъ того, что менѣе чѣмъ черезъ 30 лѣтъ послѣ основанія Премонтрѣ на праздникъ св. Діонисія, собиравшій представителей всѣхъ монастырей ордена ²⁾, съѣзжалось до 100 аббатовъ и настоятелей (первый титулъ мы встрѣчаемъ во Франціи, а второй въ Германіи), а относительно женскихъ монастырей тотъ же источникъ говоритъ, что въ нихъ было болѣе 10 тысячъ обитательницъ. Источники слѣдующаго XIII вѣка вмѣсто 100 монастырей приводятъ цифры отъ 350 далеко за 400.

II.

Въ 1126 году послѣдовала важная перемѣна въ судьбѣ Норберта: онъ промѣнялъ свое убѣжище въ Премонтрѣ на архіепископскую кафедру въ Магдебургѣ. Это событіе проливаетъ особенный свѣтъ на личность Норберта, и въ его оцѣнкѣ могли особенно разойтись его друзья и враги. Въ июль этого года на сеймѣ въ Шпейерѣ недавно избранный королемъ Лотарь Саксонскій долженъ былъ заняться между прочимъ замѣщеніемъ Магдебургской кафедры, гдѣ покойному архіепископу Руджеру долгое время не могли найти преемника, такъ какъ намѣченный на этотъ постъ иподьяконъ Копрадъ (сынъ графа Квер-

¹⁾ Nobis non est licitum in te destruere, quae de te divina dispositio voluit ordinare—Vita, c. XXXIII.

²⁾ Herrmann. Laudun. Mis. III c. 6.

фуртскаго) по каноническимъ основаніямъ не былъ признанъ нѣкоторыми вліятельными въ городѣ духовными лицами. Въ Шпейерѣ при рѣшеніи дѣла Лотаремъ и палскимъ легатомъ въ число трехъ кандидатовъ былъ включенъ и Норбертъ, прибывшій туда къ этому времени. Двумя другими были вышеупомянутый Конрадъ и отказавшійся самъ отъ кандидатуры Альберо Монтрейль, впоследствии архіепископъ Трирскій. Неудивительно, что выборъ въ Шпейерѣ остановился на Норбертѣ. По какую роль игралъ онъ самъ въ этомъ событіи? Бернгарди не сомнѣвается въ томъ, что Норбертъ желалъ этой катедры и готовился къ тому, чтобы занять ее. Соображеніе это основано на слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1125 года Норбертъ ѣздилъ въ Римъ представиться новому папѣ Гонорію II и получить отъ него буллы для подтвержденія правъ ордена и основанныхъ имъ монастырей въ Кампенбергѣ, Варларѣ и Ильбенштадтѣ. Во время его пребыванія въ Римѣ тамъ былъ обсужденъ вопросъ о преемникѣ Руджеру, и легаты, отправлявшіеся въ Германію, могли получить соответствующія инструкции относительно Норберта. Вотъ почему, думаетъ Бернгарди, Норбертъ сгнѣшилъ на возвратномъ пути покинуть Вюрцбургъ, гдѣ населеніе, увлеченное совершенномъ имъ чудомъ—исцѣленіемъ слѣпой—хотѣло оставить его у себя епископомъ. Если все это было такъ, то упорство, съ которымъ Норбертъ отказывался отъ высокаго назначенія въ Шпейерѣ, гдѣ нужно было употребить силу, чтобы поставить его передъ королемъ и легатомъ, было своего рода излишней комедіей. Какъ смотреть теперь на это дѣло біографы—поклонники Норберта? Положеніе ихъ въ этомъ случаѣ нѣсколько затруднительно. Проѣзжая въ Римъ черезъ Германію, Норбертъ долженъ былъ выполнить одно деликатное порученіе. Тибо Шампанскій, которому, какъ мы уже знаемъ, Норбертъ приказалъ остаться въ міру, заявилъ, что онъ возьметъ жену только по выбору Норберта. Послѣдній, будучи въ Регенсбургѣ гостемъ епископа Гартвика, просилъ и получалъ для своего духовнаго сына руку племянницы епископа Матильды, дочери маркиграфа Каринтійскаго. Вернувшись въ Премонстрэ въ маѣ 1126 г., Норбертъ могъ быть доволенъ такимъ образомъ результатомъ своей поѣздки: положеніе ордена было признано папой, рядъ новыхъ монастырей былъ основанъ во время пути въ Регенсбургѣ, Аугсбургѣ, Констанцѣ и Вюрцбургѣ, и наконецъ невѣста графу была найдена. Но въ томъ же году Норбертъ покидаетъ Премонстрэ, и на этотъ разъ навсегда. Онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Тибо навстрѣчу его невѣстѣ и знаетъ, что не вернется, что его ждетъ епископская катедра. Откуда эта

увѣренность въ Норбертъ? Онъ и его спутники слышали въ Римѣ голосъ, возвѣщавшій, что онъ будетъ епископомъ, былъ названъ даже Parthenopolis, а встаети Норбертъ вспомнилъ пророческій сонъ матери, обѣщавшій ему епископское достоинство. Норбертъ *не хочетъ* поэтому ѣхать и въ сомнѣннн просить совѣта у Готфрида, епископа Шартрскаго. Что отвѣтилъ епископъ, мы не знаемъ, но Норбертъ уѣхалъ и, уѣзжая, простился съ братьями въ Премонтрэ. По крайней мѣрѣ на этомъ мѣстѣ его житія біографы ставятъ такъ называемую „Рѣчь св. Норберта“, его прощальное наставленіе братіи ¹⁾.

Оно характерно тѣмъ, что въ немъ рѣшительно не видно, чѣмъ премонстратенцы могутъ отличаться отъ остальныхъ монашескихъ орденовъ, дается лишь общее наставленіе бѣжать отъ міра, „какъ рыба избѣгаетъ суши“, говорится о суровыхъ обязанностяхъ и радостныхъ ожиданіяхъ монаха, но нѣтъ указаній на ту „активную и воинствующую“ роль, которая должна была отличать назначеніе премонстратенцевъ отъ созерцательной жизни другихъ орденовъ. Рѣчь эта болѣе важна въ экзегетическомъ и догматическомъ отношеніяхъ, ибо въ ней Марія, сестра Лазаря, отождествляется съ Маріей Магдалиной, и говорится, что святые пользуются лицезрѣніемъ Бога непосредственно послѣ смерти ²⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ Норбертъ сдѣлалъ распоряженіе о призрѣннн въ Премонтрэ бѣдныхъ, опредѣливъ на это десятину со всего имущества и доходовъ. Это было какъ бы искупленіемъ тѣхъ упрековъ, которые Норбертъ сдѣлалъ братіи за щедрую помощь пострадавшимъ отъ голода въ 1125 г. Норбертъ нашелъ ее вѣроятно превышающей монастырскія средства, а христіанскія чувства всегда уравновѣшивались въ немъ чертами заботливаго хозяина и предусмотрительнаго администратора. Все вышесказанное заставляетъ предполагать, что или Норбертъ зналъ заранѣе о своемъ переходѣ въ Магдебургъ, или—и что по нашему правдоподобію—въ житіе вошли позднѣе сложившіяся легенды, долженствовавшія подготовить и объяснить этотъ важный моментъ его жизни. Странно, напримѣръ, что Parthenopolis былъ названъ таинственнымъ голосомъ въ Римѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Норбертъ, зная, что будетъ епископомъ, не зналъ будто бы, гдѣ именно. Что, покидая Премонтрэ ради Магдебурга,

¹⁾ Кромѣ этой рѣчи и другой, обращенной къ населенію Магдебурга, мы имѣемъ отъ Норберта лишь нѣсколько грамотъ офціальнаго характера.

²⁾ Какъ особенность ордена, можно отмѣтить еще то, что онъ принялъ ученіе о безгрѣшномъ зачатіи св. Дѣвы прежде, чѣмъ католическая церковь утвердила этотъ догматъ.

Норбертъ до извѣстной степени порывалъ съ прошлымъ, это несомнѣнно, и св. Бернадтъ, не измѣнившій Клерво, стоитъ въ этомъ отношеніи выше своего друга. Если же Норбертъ долго и настойчиво отказывался отъ предложенія въ Шпейерѣ, то не надо забывать, что это входило въ требованія того времени, и даже Бернгарди упрекаетъ его въ этомъ отношеніи только въ томъ, что онъ „вышелъ за предѣлы необходимой въ такомъ случаѣ скромности“. Какъ бы то ни было, Норбертъ „рѣшился возложить на свои плечи бремя Господне, но проливая обильныя слезы“ по словамъ житія ¹⁾. О. Маделэнъ сравниваетъ его по этому случаю съ Григоріемъ Назіанзиномъ и Ансельмомъ Кентерберійскимъ. Одинъ изъ учениковъ поѣхалъ по порученію Норберта въ Регенбургъ устранять бракъ графа Шампанскаго, а самъ архіепископъ выѣхалъ въ Магдебургъ, куда папа выслалъ ему потомъ палліумъ. Посвященіе его состоялось 25-го іюля. Житіе Норберта (с. XLII) такъ оплакиваетъ его жребій. „Его влекутъ къ пароду съ грубыми нравами, къ саксонцамъ и славянамъ, самое имя которыхъ указываетъ ихъ дикость“. И играя словами *slavi* (*clavi*) и *saxones*, онъ продолжаетъ: „Скалы и гвозди, вотъ что представляютъ эти народы, наполовину невѣрные и дикіе. Бѣдный и дорогой отецъ! Семь лѣтъ по примѣру Іакова работалъ онъ въ потѣ лица своего; казалось, онъ могъ рассчитывать на руку Рахили, а его принуждаютъ жить съ Лией. Онъ выбралъ лучшую долю, долю Маріи: усталый, истомленный проповѣдью и лишеніями, онъ имѣлъ право на отдыхъ, а вотъ онъ брошенъ среди волнѣній и заботъ Маромъ. Такова истина, что никакая мудрость, никакая предусмотрительность, никакое соображеніе человѣческое ничого не значить противъ воли Всевышняго!“. Новый архіепископъ вступилъ въ городъ при обстановкѣ, которая произвела сильное впечатлѣніе на жителей Магдебурга. Онъ шелъ пѣшкомъ, въ бѣдной одеждѣ и съ босыми ногами. Онъ такъ мало походилъ на архіепископа, что, когда въ толпѣ знати онъ хотѣлъ войти въ садъ своего дворца, привратникъ, обманутый его вѣщностью, не хотѣлъ егопустить. Когда же ошибка разъяснилась и смущенный привратникъ хотѣлъ скрыться, Норбертъ сказалъ ему: „Не бойтесь и не уходите, братъ мой. Вы видите лучше другихъ, вы знаете меня лучше тѣхъ, которые принудили меня прійти жить въ этомъ гордомъ дворцѣ. Вы воздали мнѣ должное: бѣдный и жалкій монахъ, я не

¹⁾ Vita (Pertz) I с.

долженъ былъ вступать на постъ, превышающій мои заслуги и силы“¹⁾. Такъ смирялся Норбертъ передъ Богомъ, но это не мѣшало ему строго нести возложенныя на него обязанности и охранять ввѣренныя ему права. Магдебургъ скоро увидалъ, что „смиранный“ архіепископъ не поступитъ ничѣмъ, что составляло достоиніе церкви и его, какъ ея представителя.

Магдебургская епархія была основана въ концѣ 70 гг. X вѣка при Оттонѣ Великомъ и захватывала громадное пространство отъ Эльбы и Заллы далеко на востокъ за Одору. Пределы ея въ этомъ направленіи не были ограничены, ибо въ нихъ должны были войти всѣ имѣющіе еще обратиться славянскіе народы. Шесть епископовъ были подчинены Магдебургу и въ томъ числѣ епископъ Познанскій съ своей польской паствой. Зависимость послѣдняго давно уже стала номинальной, но никогда не уступавшій въ своихъ правахъ Норбертъ добился послѣ коронаціи Лотаря буллы Иннокентія II, подчинившей ему— правда ненадолго — польскую церковь. На архіепископѣ Магдебургскомъ лежала такимъ образомъ важная задача распространенія христіанства среди заэльбскихъ славянъ. Цѣль ордена вновь и на этотъ разъ реально становилась передъ Норбертомъ. „Въ началѣ своего обращенія“ — говоритъ его первый біографъ — „у него была мысль нести свѣтъ евангелія язычникамъ. Тотъ, кто поневолѣ пренебрегъ пока своимъ апостольскимъ рвеніемъ, висянно Божественной волей былъ принужденъ ему поработать“. Имѣлъ ли Норбертъ необходимыя качества для миссіонерской дѣятельности? Ему приходилось до сихъ поръ проповѣдывать евангеліе только вѣрующимъ или еретикамъ. Съ послѣдними онъ имѣлъ дѣло въ Антверпенѣ. Здѣсь былъ главный оплотъ ученія Танхелима. Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ объ этой интересной личности, которая болѣе 10 лѣтъ господствовала съ своимъ еретическимъ ученіемъ въ области Шельды и съ вліяніемъ которой Норберту пришлось бороться спустя 8 лѣтъ послѣ ея смерти. Танхелимъ отвергалъ, повидимому, католическую церковь и со стороны ея догматовъ и со стороны ея учрежденій. Утрехтское духовенство, жалуюсь на него архіепископу Кельнскому въ 1113 г., приводитъ его слова: „Папа — ничто, епископы и архіепископы — ничто, священники и клирики — ничто; церковь это я и мои“. Танхелимъ выдвигалъ, какъ можно думать, въ жизни религіозной личное начало, въ таинствѣ для него спасительнымъ былъ не самый актъ, а личность

¹⁾ D. August. opp. Serm. 353. (Edit. Vivés).

его совершителю. Отсюда и выводили, или возводили на него, что онъ считалъ себя сыномъ Божиимъ и что онъ вступилъ въ символическій бракъ съ изображеніемъ Божіей Матери ¹⁾. Норбертъ возстановилъ торжество церкви въ Антверпенѣ, и здѣсь ему помогли не одно убѣдительное краспорѣчіе, но и умѣнье обращаться съ людьми, въ которомъ у него не было недостатка. На это указываетъ единственный отрывокъ, который приводитъ изъ проповѣди Норберта въ Антверпенѣ его жизнеописатель. „Не бойтесь, братія!“ говорилъ, по его словамъ, Норбертъ: „я хорошо знаю, что по невѣдѣнію и безъ умысла вы прилѣпились ко злу, считая его истиной. Если бы вамъ возвѣстили ее съ самаго начала, вы приняли бы ее съ радостью. Вы легко дали ввести себя въ заблужденіе, еще легче вы дадите намъ возможность спасти васъ“. Дѣятельность въ Антверпенѣ доставила Норберту почетное имя Антверпенскаго апостола и новую префектурную обитель св. Михайла въ городѣ. „Триумфъ св. Норберта“ надъ Танхелимомъ до сихъ поръ справляется орденомъ, и еще въ 1884 г. папа Левъ XIII далъ этому празднику полную индульгенцію.

Иначе сложилась миссіонерская дѣятельность Норберта въ его новой епархіи. Положеніе христіанской церкви по ту сторону Эльбы было довольно печально. Норбертъ не могъ даже назначить новаго епископа въ Гавельбергъ, ибо онъ былъ бы безъ паствы. Труды, понесенные Отто Бамбергскимъ въ Помераніи въ 1124 г., пропали даромъ. Новый архіепископъ не могъ отнестись равнодушно къ упорству язычниковъ, но принятыя имъ мѣры были выбраны неудачно. Въ 1127 году во главѣ военной экспедиціи онъ вступилъ въ область вендовъ, добился ихъ подчиненія королю и церкви, положилъ на нихъ сборъ десятины, а главное сжегъ ихъ языческое святилище въ Ретрѣ. Навязанное насильно и связанное съ разными поборами христіанство не могло быть прочно, а въ славянскихъ племенахъ утвердилось ненависть къ Норберту, какъ ихъ угнетателю. Бернгарди правъ, объясняя причины неудачи Норберта. „Ему недоставало прежде всего любви и связаннаго съ нимъ снисхожденія, онъ выступалъ лишь, какъ церковный ревнитель и упорный аскетъ“ ²⁾. Недостатки Норберта выступаютъ тѣмъ яснѣе, что вслѣдъ за нимъ идетъ за Эльбу спасать насажденное тамъ христіанство Отто Бамбергскій, человекъ совершенно иного склада. Одинъ компиляторъ XV вѣка сообщаетъ,

¹⁾ Acta S. S. T. XX.

²⁾ Страница 153.

будто Норбертъ, завидуя успѣхамъ Отто, пытался отклонить его отъ его мисси. Мы не можемъ принять, чтобы Норбертъ могъ воспретствовать проповѣди слова Божія невѣрнымъ, но, зная характеръ архіепископа Магдебургскаго, мы допускаемъ, что въ предѣлахъ своей епархіи онъ оставлялъ насажденіе христіанства за собой. И въ Гавельбергѣ и на Мюрицкомъ озерѣ Отто уклонялся отъ совершенія таинства крещенія, отсылая славянъ къ Порберту, о которомъ они не хотѣли слышать. Порбертъ рѣшительно проигрываетъ рядомъ съ этимъ апостоломъ Помераніи, и дѣлу пропаганды онъ послужилъ только косвенно черезъ основанный имъ орденъ. О миссіонерской дѣятельности послѣдняго мы имѣемъ такой авторитетный отзывъ Вингера ¹⁾. „Во всей церковной исторіи среднихъ вѣковъ нѣтъ другого примѣра, чтобы какой-нибудь орденъ могъ съ такой полнотою приписать себѣ обращеніе цѣлой страны, какъ премонстратенцы XII вѣка по отношенію къ вендамъ“.

Норбертъ и не могъ удѣлять много времени миссіонерской дѣятельности: слишкомъ важныя дѣла требовали его участія сначала въ Магдебургѣ, а затѣмъ и во всей священно-римской имперіи. Какъ хорошій администраторъ, Порбертъ одинаково обратилъ вниманіе на нравственную и хозяйственную область. Въ первой онъ не хотѣлъ примириться съ нѣкоторой распущенностью среди саксонскаго духовенства и открылъ гоненіе на священниковъ, не желавшихъ держаться безбрачія. Съ другой стороны онъ не могъ довольствоваться скудными доходами когда-то очень богатой епархіи. Оказалось, что непотизмъ его предшественниковъ, дурная администрація и насилія мѣстной знати расхитили владѣнія церкви. Доходовъ было едва достаточно для покрытія потребностей архіепископскаго дома на 4 мѣсяца. Порбертъ съ обычной энергіей сталъ требовать возвращенія похищеннаго и, когда другія средства оказались недостаточными, прибѣгалъ къ отлученію непокорныхъ отъ церкви. Мѣра подѣйствовала, но вызвала сильное неудовольствіе среди мѣстныхъ сеньоровъ. Между тѣмъ архіепископъ все болѣе расходился и съ духовенствомъ. Въ Магдебургѣ онъ былъ не столько архіепископомъ, сколько все тѣмъ же главою премонстратенскаго ордена ²⁾. Онъ продолжалъ

¹⁾ Die Premonstratenser des XII Jahrh. (B. 1865).

²⁾ Послѣ смерти Норберта изъ за чести имѣть у себя его могилу спорили соборный капитулъ и премонстратенскій монастырь св. Маріи. Лишь 11-го іюня (Норбертъ скончался 6-го) его похоронили у премонстратенцевъ по рѣшенію императора.

носить его бѣлую одежду и, даже по словамъ его восхвалителей, оставался чужимъ для Саксоніи. Магдебургская хроника, говоря о томъ, что онъ вздумалъ продолжать одну постройку, начатую Отто Великимъ, не безъ злорадства говоритъ о непопулярномъ епископѣ: „Неожиданная смерть уничтожила какъ это, такъ и большую часть другихъ его начинаній“. Но что особенно должно было раздражать городское духовенство, это предпочтеніе, которое онъ воздѣ отдавалъ представителямъ своего ордена. Несмотря на упорное трехлѣтнее сопротивленіе калонниковъ церкви св. Маріи, лежавшей противъ дворца архіепископа, онъ заставилъ ихъ уйти и отдалъ церковь подъ премонстратенскую обитель, поставивъ во главѣ ея своего любимаго ученика Эвермода. И императоръ и папа подтвердили эту перемѣну своимъ авторитетомъ. Недовольный порядками въ госпиталѣ св. Адальберта Норбертъ отдалъ его вновь основанной имъ обители ¹⁾. Скоро 6 приходовъ въ городѣ и 14 въ епархіи принадлежали ордену. Премонстратенскій монастырь возникъ въ Польде, откуда Норбертъ выгналъ прежнихъ монаховъ за недостойный образъ жизни; другой обителью того же ордена становится упомянутый выше Gottesgnaden. Норбертъ думалъ, хотя и не смѣлъ это открыто высказать, о введеніи ордена въ самый соборный капитулъ и во время Реймскаго синода 1131 г. получилъ на этотъ счетъ тайную грамоту отъ папы, которую ему не пришлось однако привести въ исполненіе. Скоро неудовольствіе въ Магдебургѣ перешло отъ словъ къ дѣлу. Во главѣ недовольныхъ стоялъ архидіаконъ Аттікъ (или Пазеко). 12-го апрѣля 1129 г. было сдѣлано покушеніе на жизнь Норберта, но злоумышленникъ былъ во время арестованъ и назвалъ лицъ, близко стоявшихъ къ архіепископу. Въ житіи мы читаемъ сказанную по этому поводу рѣчь Норберта, проникнутую глубоко христіанскимъ духомъ. Такъ же неудачно было другое покушеніе, когда убійца по ошибкѣ закололъ вмѣсто Норберта другое лицо. Мы не имѣемъ при этомъ никакихъ указаній на то, чтобы виновные подвергались какому либо преслѣдованію ²⁾. Въ концѣ іюня дѣло дошло до открытаго мятежа противъ архіепископа. Ссылаясь на какой-то проступокъ, который ни жизне-

¹⁾ Это тотъ самый госпиталь, который былъ разрушенъ во время погрома Магдебурга въ 1631 г. Насколько прошлые страсти отзываются на современныхъ писателяхъ, мы видимъ изъ того, что о Маделонѣ дѣлаетъ отвѣтственнымъ за неистовства арміи Тилли „le faux réformateur Luther“.

²⁾ Архидіаконъ Аттікъ лишился своего положенія въ Магдебургской церкви уже позднѣе.

описаніе Норберта, ни Магдебургская хроника не называютъ, архіепископъ пожелалъ предпринять новое освященіе собора. Большинство капитула высказалось противъ этого. Оно боялось, можетъ быть, чтобы вмѣстѣ съ этимъ освященіемъ соборъ не былъ переданъ пре-монстратенцамъ. Не любившій уступать Норбертъ предпринялъ освященіе въ ночь съ 29-го на 30-е іюня 1129 г., вмѣстѣ съ двумя епископами—суффраганами и немногими предаанными ему людьми. Это было узнано. Толпа, которой внушили, что Норбертъ хочетъ выкрасть изъ собора его свитыню, осадила зданіе, и архіепископъ долженъ былъ скрыться въ башню. Житіе рассказываетъ, что толпа ворвалась уже въ нее, и только чудо спасло Норберта. Вернувшійся въ городъ бургграфъ успокоилъ волненіе и назначилъ день, когда онъ выслушаетъ жалобы на архіепископа. Но день начался такъ бурно, что Норбертъ долженъ былъ бѣжать изъ города и укрыться въ монастырѣ Петеребергъ, откуда онъ наложилъ отлученіе на Магдебургъ. Шесть недѣль прошло, прежде чѣмъ магдебургцы смирились и принесли повинную. Такимъ образомъ смѣлый архіепископъ, не блѣднѣвшій въ минуту крайней опасности, взялъ верхъ. Житіе приводитъ рѣчь его въ соборѣ по возвращеніи. Она очень тактична. Призывая паству къ миру, Норбертъ смотритъ на случившееся, какъ на недоразумѣніе: это было дѣло врага рода человѣческаго.

Вскорѣ затѣмъ вопросы, болѣе широкіе, отвлекли вниманіе Норберта отъ его собственной епархіи. Норбертъ занималъ слишкомъ высокое положеніе, чтобы не играть важной роли въ церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ Германіи. Вліяніе князей церкви было особенно сильно при королѣ Лотарѣ, который прошелъ на престолъ Германіи главнымъ образомъ при поддержкѣ сторонниковъ независимости церкви. Сами римскіе епископы-современники Норберта не были выдающимися личностями, и тѣмъ важнѣе было для церкви, что за нихъ дѣйствовали ея крупныя силы съ Бернардомъ Клервальскимъ во главѣ. Если Норбертъ и уступалъ своему французскому собрату по вліянію, то все же роль его была очень значительна, а въ Германіи онъ имѣлъ болѣе вліянія, чѣмъ остальные епископы. Его нельзя, конечно, сопоставлять съ аббатомъ Сугеріемъ, какъ дѣласть о. Маделэнъ, ибо Норбертъ имѣлъ въ виду интересы не страны, а церкви, авторитетъ и первенство которой онъ хотѣлъ утвердить возможно крѣпче. Вообще при Лотарѣ епископы Германіи держались очень твердо по отношенію къ королевской власти и послѣдней не разъ случалось поступаться своими правами. Такъ Альберо былъ поставленъ

архіепископомъ Трирскимъ противъ воли Лотаря. Точно такимъ же образомъ былъ поставленъ Генрихъ Регенбургскій и, вопреки конкордату, посвященъ Конрадомъ Зальцбургскимъ, прежде чѣмъ король передалъ ему регалии. Архіепископъ Бруно Кельскій отказался принять палліумъ изъ рукъ императора, видя въ этомъ актѣ какъ бы признаніе императорскаго верховенства въ церковныхъ дѣлахъ. Неудивительно поэтому, что отношенія церкви и короны нашли себѣ выраженіе въ той ватиканской картинѣ, которая вызвала справедливое раздраженіе Гогенштауфеновъ. Это не означало, что Лотарь не сознавалъ своихъ интересовъ, но онъ оказывался безсильнымъ провести ихъ. Первый разъ онъ заговорилъ о нихъ во время свиданія съ Иннокентіемъ II въ 1131 г. въ Люттихѣ. Папѣ былъ оказанъ самый лестный пріемъ, король самъ велъ подъ узцы его лошадь и помогъ ему сойти на землю. Но Иннокентій все-таки былъ изгнанникомъ, хотя и признаннымъ большинствомъ западной Европы, и Лотарь считалъ моментъ удобнымъ, чтобы поднять вопросъ объ измѣненіи конкордата въ интересахъ императорской власти. Тогда планы Лотари были разстроены энергичнымъ вмѣшательствомъ Бернарда и дѣло кончилось ничѣмъ. Источники не упоминаютъ въ этомъ случаѣ о Норбертѣ, но, зная, что онъ былъ въ то время въ Люттихѣ, и зная его образъ мыслей, мы не можемъ сомнѣваться, что онъ долженъ былъ дѣйствовать знодно съ аббатомъ Клервальскимъ. Второй моментъ, когда Норбертъ уже открыто выступилъ защитникомъ папства, послѣдовалъ за коронованіемъ Лотаря въ 1133 г. Самое необычное коронованіе Лотаря въ Латеранѣ, такъ какъ соборъ св. Петра былъ въ рукахъ антипапы, состоялось, какъ можно предполагать, по совѣту Норберта. Лотарь, считавшій, что онъ достаточно сдѣлалъ для церкви, вернувши Римъ Иннокентію, снова поднялъ вопросъ объ измѣненіи конкордата и о правѣ инвеституры, дѣланіемъ невозможнымъ случаемъ, въ родѣ назначенія Альберо папой помимо короля. Иннокентій и тутъ не проявилъ личной инициативы въ защитѣ григоріанской точки зрѣнія, и за отсутствіемъ Бернарда это сдѣлалъ Норбертъ. Онъ указалъ папѣ его обязанности и подѣйствовалъ на религиозное чувство императора. „Это было театральнымъ эффектомъ“, говоритъ о. Маделанъ, и, дѣйствительно, рѣчь Норберта папѣ, приведенная въ житіи, полна паоса¹⁾: „Что вы дѣлаете, отецъ? Какимъ нападеніямъ (morsures) обрекаете вы ввѣренныхъ вамъ овецъ? Или вы хотите церковь, ко-

¹⁾ Vita (Pertz, 1-e).

торую вы получили свободной, обратитъ въ рабыню? Какогда Петра требуетъ поступковъ, достойныхъ Петра! Я обѣщаль послушаніе св. Петру; я обѣщаль его и вамъ во имя Христа и изъ любви къ Нему; но, если вы согласитесь на эти требованія, передъ лицомъ церкви я объявляю вамъ, что я воспротивлюсь вамъ и вашему рѣшенію“. Въ результатъ Лотарю пришлось удовольствоваться пустыми и довольно двусмысленно изложенными уступками, но за то Норбертъ былъ османгъ папскими милостями, и булла 4-го іюня 1133 г., признавалъ его великія заслуги папству, признала въ то же время его духовную юрисдикцію надъ епископами Польши и Помераніи. Не пошатнулось положеніе Норберта и передъ императоромъ. Онъ продолжалъ исполнять обязанности канцлера Италіи—постъ, занимаемый обыкновенно архіепископомъ Кельнскимъ—и сохранилъ расположеніе и довѣріе Лотаря до самой своей смерти 6-го іюня 1134 года ¹⁾.

Особенно важно и характерно было положеніе, которое занялъ Норбертъ во время схизмы 1130 г. Мысль о пришествіи антихриста и концъ міра почти постоянно волновала средневѣковое общество. Немудрено было предъ какими шбудъ церковными раздорами предсказать наступленіе этихъ печальныхъ явленій. Норбертъ готовился къ нимъ передъ спорнымъ папскимъ выборомъ 1130 г., послѣдствіи котораго должны были оправдать его ожиданія. Объ этомъ мы знаемъ изъ письма Бернарда къ Готфриду Шартрскому, писаннаго около 1128 года ²⁾. „Вы спрашиваете меня, намѣренъ ли сеньеръ Норбертъ совершить паломничество въ Іерусалимъ? Я объ этомъ ничего не знаю. Я имѣлъ счастье его видѣть нѣсколько дней тому назадъ. Онъ почтилъ меня довольно долгой бесѣдой, во время которой я съ жадностью пилъ слова, которыя текли съ устъ его, какъ изъ небснаго источника, но я не слыхаль ничего объ этомъ путешествіи. Когда я спросилъ его мнѣнія относительно антихриста, Норбертъ показался мнѣ убѣжденнымъ, что онъ появится въ наше время и что настоящее поколѣніе его увидитъ. Я просилъ его сказать, на чемъ основано его убѣжденіе, но его отвѣтъ не могъ убѣдить меня, что онъ правъ. Въ концѣ концовъ онъ увѣрилъ меня, что до его смерти откроется

¹⁾ Когда Магдебургъ сталъ протестантскимъ городомъ, тѣло Норберта въ 1627 году было перенесено въ Прагу въ аббатство Strahow. День празднованія его памяти перенесли Урбаномъ VIII съ 6-го іюня на 11-е іюля. Съ праздникомъ этимъ была связана полная индульгенція.

²⁾ Кр. LVI.

общее гоненіе въ церкви". Но, если св. Бернардъ въ 28 г. отнесся скептически къ словамъ Норберта, то не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ тоже заговорилъ о появленіи антихриста. Въ февралѣ 1130 г. въ Римѣ послѣдовали весьма некрасивыя событія. Еще при жизни Гонорія II можно было предвидѣть, что новые выборы не будутъ мирными. Наиболѣе шансовъ по положенію и связямъ имѣлъ кардиналъ пресвитеръ Пьерлеоне, но противъ него дѣйствовали могущественный канцлеръ римской церкви кардиналъ Гаймерихъ, не желавшій терять своего вліятельнаго положенія въ курии. Попытки предрѣшить споръ до смерти Гонорія оказались тщетными. Едва умеръ папа, какъ партія Гаймериха, опираясь на Франджипани, выбрала Иннокентія II. При этомъ необыкновенно быстромъ выборѣ настолько были нарушены каноническія правила, что большинство кардиналовъ не признало Иннокентія и возвело на папскій престолъ кардинала Пьерлеоне подъ именемъ Анаклета II. Такимъ образомъ возникла схизма, и національнымъ церквамъ предстояло разрѣшить важный вопросъ, кого признать истиннымъ главой католической церкви. Въ Римѣ побѣда осталась за Анаклетомъ, передъ которымъ склонялись накопецъ и самые Франджипани и бѣжалъ Иннокентій II. Но еще предстояло высказаться остальной Европѣ, и прежде всего Франціи и Германіи. Оба противника писали туда и выставляли каждый правоту своего дѣла, не скупясь на обѣщанія. Правительства и общество естественно прислушивались къ руководителямъ общественнаго мнѣнія: ждали, что скажутъ Бернардъ, Петръ Ключійскій, Норбертъ и Конрадъ Зальцбургскій ¹⁾. Въ интересахъ представителей церковнаго авторитета было во что бы то ни стало положить конецъ схизмѣ, какъ церковному скандалу; было чрезвычайно важно, чтобы былъ одинъ папа, и было сравнительно не важно, кто будетъ папой. Провѣрить немедленно нравственные права того и другого не было возможности, да и мало желанія. Для свѣтской власти въ лицѣ Лотаря было удобно воспользоваться этой смутой въ своихъ интересахъ, и потому онъ медлилъ, не отвѣчая ни тому, ни другому. Но онъ былъ подъ вліяніемъ духовенства и главнымъ образомъ Норберта, который успѣлъ уже отгѣснить значеніе Адальберта Майнцакаго. Лотарь передалъ разсмотрѣніе дѣла синоду въ Вюрцбургѣ точно такъ же, какъ Людовикъ VI

¹⁾ Нельзя не отмѣтить, что, если отношенія Норберта и Бернарда были неизмѣнно дружескими, между Премонтра и Ключи не разъ возникали недоразумѣнія, такъ какъ распространеніе ордена Норберта задѣвало иногда, по мнѣнію Петра, интересы Ключи.

предоставилъ это французскому синоду въ Этамѣ. И здѣсь и тамъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Иннокентія, а примѣръ Франціи и Германіи увлекъ за собой Англию и скандинавскія государства; Писанія стала на ту же точку зрѣнія. Почему всѣ вѣгитальнскія страны приняли сторону Иннокентія? Съ канонической стороны избраніе Анаклета было правильнѣе; какъ личность, онъ не уступалъ Иннокентію, если откинуть, конечно, все то, что возводила на него беззащитность его противниковъ. Но Иннокентій и его сторонники имѣли значительныя связи во Франціи, что привело къ тому, что дѣло ихъ взялъ подъ свою защиту Бернгардъ, а съ такимъ адвокатомъ трудно было проиграть его. Затѣмъ она дѣйствовала очень безцеремонно въ личныхъ нападкахъ на Анаклета. Нельзя безъ возмущенія читать, что возводили на Анаклета такія лица, какъ Малфредъ, епископъ Мантуанскій, и Арнульфъ Зеевскій ¹⁾. Разсказъ послѣдняго нагль и циниченъ до послѣдней степени. Къ великой чести Анаклета надо сказать, что онъ, даже защищаясь, не унижался до личныхъ нападокъ на противника. Но онъ былъ еврей по происхожденію, и потому вѣроятно, этимъ клеветамъ охотно вѣрили. Относительно Норберта, къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что именно заставило его взять такъ рѣшительно сторону Иннокентія. Онъ имѣлъ раньше дѣло съ Анаклетомъ, который, будучи папскимъ легатомъ во Франціи, покровительствовалъ премонстратенскому ордену и, повидимому, никакихъ столкновеній между ними не было. Бернгарди предполагаютъ однако, что еще при жизни Гонорія Норбертъ былъ противъ кандидатуры Пьерлеоне. Тѣ свѣдѣнія, которыя Норбертъ получалъ изъ Италіи, были далеко не безпристрастны. На его запросы ему отвѣчали архіепископъ Вальтеръ Равенскій и епископъ Генрихъ Лукскій. Оба оказались рьяными апологетами Иннокентія. По ихъ разсказамъ, Анаклетъ былъ только дерзкимъ узурпаторомъ. „Со всѣми церквями Италіи“—писалъ Вальтеръ, и писалъ неправду—„мы признаемъ безъ тѣни сомнѣнія, мы привѣтствуемъ и почитаемъ, какъ папу и апостольскаго намѣстника Иннокентія II, человѣка воздержнаго, благоумнаго, чистаго, кроткаго, смиреннаго и полнаго добродѣтели, получившаго божественное посвященіе отъ достопочтенныхъ кардиналовъ. Что же касается Пьерлеоне, дѣйствительно сына льва рыкающаго, мы осуждаемъ и отвергаемъ его, какъ самозванца, отступника, еретика“. Генрихъ Лукскій въ своемъ письмѣ столь же тенденціозно

¹⁾ Mon. Germ. ss. XII. 707.

называлъ Шерлеоне „предтечею антихриста“. Когда Норбертъ и Бернардъ признали такимъ образомъ Иннокентія, дѣло Анаклета было окончательно проиграно. Въ интересахъ церкви было какъ можно скорѣе привести въ исполненіе принятое рѣшеніе: моральныя побужденія должны были устраниться. „Богъ рѣшилъ то, разрѣшенія чего еще требуютъ эти схизматики“—писалъ Бернардъ упорствующимъ епископамъ Аквитаніи, скромно смѣшивая свое личное мнѣніе съ судомъ Божиимъ.—„Свершившеся—вотъ Его приговоръ. Кто посмѣетъ апислировать къ другимъ на приговоръ Божій?“ И вотъ предтеча антихриста становится имъ самимъ. Архіепископу Гильдеберту Турскому, все еще не хотѣвшему признавать Иннокентія, Бернардъ пишетъ: „Сторонники Иннокентія—сторонники Божіи, каждый его противникъ поддерживаетъ антихриста или онъ самъ антихристъ“. Дальше нельзя было идти ни въ убѣдительности доводовъ, ни въ полемическихъ приемахъ. То, что дѣлалъ во Франціи Бернардъ, дѣлалъ въ Германіи Норбертъ ¹⁾ и Конрадъ Зальцбургскій. Тщетнымъ было обращеніе Анаклета къ Норберту. „Какое зло сдѣлала вамъ католическая церковь? Такъ то вы вознаграждаете насъ за тѣ доказательства старой дружбы, которыя мы вамъ дали! За то, что мы доброжелательно утвердили вашъ орденъ во время нашего посольства во Францію, вы создаете идолъ въ Германіи и воздвигаете престолъ противъ престола!“ Еще менѣе подѣйствовали его угрозы. Въ интересахъ церкви нужно было пожертвовать Анаклетомъ. Справедливость была попорана во имя ея единства и авторитета. Лишній разъ былъ примененъ принципъ, что „лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ всѣмъ“. Сопровождая въ качествѣ канцлера Лотаря въ его походъ въ Римъ, Норбертъ вторично спасъ дѣло Иннокентія, не допустивши императора принять предложеніе Анаклета, еще разъ разсмотрѣть дѣло по существу, а въ Римѣ, какъ мы уже говорили, онъ дѣятельно пришелъ на помощь папству своимъ протестомъ противъ пересмотра Вормскаго конкордата. Заслуги Норберта передъ папствомъ такъ обширны, что нельзя не удивляться дальнѣйшему отношенію Рима къ памяти Норберта. Въ то время, какъ Бернардъ, скончавшійся въ 1153 г., былъ канонизованъ уже въ 1174 г., въ Римѣ медлили оказать эту честь Норберту. Премонстратенцы отъ св. Маріи въ Магдебургѣ еще въ 1200 г. представили

¹⁾ Норберту приписываютъ составленіе трактата въ защиту Иннокентія II противъ Анаклета.

каталогъ его чудесъ Иннокентію III, по окончательная канонизація его послѣдовала лишь 28-го іюля 1582 года при Григоріи XIII.

Норбертъ важенъ для насъ не только какъ основатель Премонстратенскаго ордена. Онъ интересенъ, какъ типичный представитель дѣятельной церковной жизни среднихъ вѣковъ. Онъ не такъ исключительно одаренъ, какъ Бернардъ, но тѣмъ лучше можетъ онъ олицетворять собой цѣлое направленіе католицизма. Онъ двойствененъ, какъ и всѣ его лучшіе представители. Норбертъ личность и Норбертъ—общественный дѣятель держатся въ немъ раздѣльно и различно обоснованными, и, если не принять этого во вниманіе, то сужденіе о немъ будетъ всегда одностороннимъ. Въ немъ вѣрующая и *мирущая* душа. Нелѣпно заподозрѣвать искренность того, кто добровольно ушелъ изъ хорошо обставленной жизни и дѣйствительно отдалъ все имущество бѣднымъ. Норбертъ стоитъ на высотѣ евангельскихъ требованій, когда лично для себя не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, когда, призванный управлять Магдебургскою церковью, нищимъ вступаетъ въ богатый городъ, когда не преслѣдуетъ людей, покушавшихся на его жизнь. Но вмѣстѣ съ этимъ идеализмомъ, этой высотой духовнаго подъема, которая давала возможность Норберту излѣчивать психически разстроеныя люди—ибо *этимъ* чудесамъ мы можемъ вѣрить—въ Норбертѣ крѣпко держался тотъ консерватизмъ мысли, который присущъ установившейся и господствующей церкви. Въ то время, какъ его современникъ, Ариольдъ Бриеннскій, логически развивая свое требованіе возвращенія къ апостольской жизни, разорвалъ съ современнымъ ему цалствомъ, Норбертъ съ своей идеей реформы не выходилъ изъ его предѣловъ. Идеализмъ и строгая практичность шли у него рука объ руку. Въ дѣлѣ созданія ордена все было обставлено такъ, что обѣщало блестящіе результаты; менѣе было сдѣлано въ Магдебургѣ, но здѣсь Норберта слишкомъ отвлекали внѣшнія заботы. Подобные ему дѣятели являются столбами существующаго порядка, который они поддерживаютъ, и внѣшними силами и внутреннимъ убѣжденіемъ, заразительнымъ для другихъ. Въ личной жизни для Норберта на первомъ планѣ стояла чистота нравственныхъ побужденій, въ общественной и государственной онъ руководствовался идеей порядка и общаго блага, которое для него осуществлялось въ благѣ католической церкви. Послѣднее онъ готовъ былъ поддерживать всѣми средствами хотя бы и не всегда безупречными, какъ мы видимъ изъ его отношеній къ схизмѣ. „Будьте мудры, какъ змѣи, и кротки, какъ голуби“ было сказано ученикамъ Аристовымъ. Норбертъ

но своему поялѣ и осуществлялѣ этотъ завѣтъ: онъ оставлялѣ голубиную кротость для своихъ личныхъ отношеній и проявлѣлѣ змѣиную мудрость, до умѣнья, если нужно, пользоваться жаломъ, въ сношеніяхъ общественныхъ. Такой характеръ могъ возникнуть только на почвѣ церковной жизни. XII вѣкъ былѣ счастливъ тѣмъ, что имѣлѣ одновременно Абеяра и Арнольда, Бернарда и Норберта. Это одинаково гарантировало его духовную жизнь и отъ застоя и отъ рѣзкихъ потрясеній.

С. Ганковъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІБЛІОГРАФІИ ПО КИРИЛЛО-МЕФОДІЕВ- СКОМУ ВОПРОСУ.

Исследования по кирилло-мефодиевскому вопросу, не смотря на то, что существуют уже немало капитальнейших трудов, посвященных ему, — не прекращаются, по время от времени выходят в свет новые работы, направленные къ пересмотру старых источниковъ, а также къ оцѣнкѣ появляющихся, — хотя и не часто, — неизвѣстныхъ раньше матеріаловъ, прямо или косвенно затрагивающихъ труды и эпоху дѣятельности великихъ апостоловъ славянства. Такіе труды, какъ недавно изданная выдающаяся работа академика П. В. Ягича — „Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache“¹⁾, — открываютъ новыя точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ, устанавливають болѣе надежныя пункты отправленія въ дѣлѣ разсмотрѣнія тѣхъ или иныхъ сторонъ и моментовъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ вселяють надежду, что ими будетъ вызвано желаніе у многихъ специалистовъ и съ своей стороны продолжать изученіе жизни и дѣятельности св. Кирилла и Мефодія, стремясь къ детальному выясненію все еще не окончательно

¹⁾ Помѣщено въ „Denkschriften d. K. Ak. der Wissenschaften in Wien; Philosph. - hist. Classe“ В. XLVII; есть и оттиски (Wien 1900). Объ этой работѣ см. рецензіи: Т. Д. Флоринскаго — Университетскія Извѣстія (Кіевъ) 1901 г. № 4. П. А. Лаурова — Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. VI, кн. 1 и С. М. Кульбакіна, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1901 г., кн. 4, а также „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ 1901 г., № 3—4 ст. В. Карскаго. Этой же работой ак. П. В. Ягича вызвана и весьма обстоятельная статья ак. В. П. Ламанскаго — „Пониманіе и развитіе литературныхъ языковъ у народовъ славянскихъ“ начата печатаніемъ въ „Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ въ 1901 году (т. VI, кн. 4). Статьи эта содержитъ очень детальный пересмотръ нѣкоторыхъ кирилло-мефодіевскихъ вопросовъ.

разрѣшенныхъ сомнѣній и предположеній изъ этой главнѣйшей области славянской филологіи. Для такого рода работъ авторамъ неминуемо придется обращаться къ пересмотру литературы о св. братьяхъ, такъ какъ изслѣдователи прежнихъ временъ немало оставили трудовъ, или полностью, или частью касающихся ихъ дѣятельности; эта необходимость справокъ обязательно подвинетъ прежде всего къ выполнению дѣла составленія кирилло-меоодіевской библиографіи, такъ какъ лишь она одна сможетъ значительно облегчить собираніе матеріаловъ, а также, пожалуй, выдвинетъ для обслѣдованія на очередь и новые моменты изъ эпохи просвѣтителей славянъ.

Мы не можемъ, конечно, сказать, что у насъ нѣтъ никакихъ руководствъ для этого, но все это лишь работы, на которыя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на работы, заключающія въ себѣ *пока только* одни матеріалы для такого рода библиографіи ¹⁾. Составленіе *настоящей*

¹⁾ Въ 1885 году (къ юбилею св. Меоодія) вышла—*Н. Токмакова*,—Библиографическій указатель. Литература о св. Кирилѣ и Меоодіи, проsv. славянскихъ (съ приложеніемъ перечня матеріаловъ, хранящихся въ правительственныхъ и общественныхъ архивахъ и библиотекахъ (М. 1885), *И. Лисовскаго*?),—Библиографическій указатель книгъ и статей о славянскихъ первоучителяхъ св. Кирилѣ и Меоодіи (С.-Пб. 1885); объ этихъ указателяхъ см. замѣтки *А. Н. Соболевскаго* въ „Изв. С.-Пб. Сл. Общ.“ за 1885 г., стр. 314 и 366, ср. также о нихъ *М. Попруженко*, „Замѣтки по кирилло-меоодіевскому вопросу“ (Лѣтописи Историко-филологическаго Общества при Имп. Нов. Ун., в. II; объ этихъ указателяхъ стр. 20 отд. оттисковъ. Эти „Замѣтки“ посвящены пересмотру нѣкоторыхъ главныхъ сочиненій, *вызванныхъ юбилеемъ 1885 года*). Немало библиографическихъ указаній находится въ юбилейной рѣчи *И. В. Ягича*—„Вопросъ о Кирилѣ и Меоодіи въ славянской филологіи“, (Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. Ак. II, т. 38) (были и оттиски); рѣчь эта И. В. Ягича была переведена на сербскій яз. въ „Наставнику“ за 1890 г. (перевелъ Дилеръ); должны быть отмѣчены и библиографическія замѣтки *А. С. Архангельскаго* (приложеніе къ брошюрѣ: „Св. Кирилъ и Меоодій и соверш. нип переводъ св. Писанія“, Казань. 1885). О нѣкоторыхъ трудахъ, вызванныхъ юбилеемъ 1869 года, см. замѣтки *А. А. Котляревскаго*—*Uspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860—1872)*—Соч. т. IV, стр. 507. Заключаютъ въ себѣ матеріалы для кирилло-меоодіевской библиографіи: 1) всѣ труды *Межова*. 2) *Bibliographische Uebersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slav. Ph. und Alterthumskunde seit dem Jahre 1880, zusammengestellt von Prof. V. Jagić*. 3) *Bibliographische Ubersicht über die Sl. Ph. 1876—1891. Verfasst von Dr. Fr. Pastrnek* (Berlin 1892) (библиографическія замѣтки съ дополненіями къ этой работѣ Настриска см. въ „Славянскомъ Обзорніи“ 1892 года май—іюль стр. 192 *А. Соболевскаго*) и *Стеновича*—Филологическія Записки 1893 г., кн. V—VI). 4) *Krek*,—*Einleitung in die Sl. Literaturgeschichte* (Graz 1887—второе совершенно переработанное изд.), 5) *А. А. Котляревскаго*,—Др. русская письменность. Опытъ филологическаго изложенія исторіи ея изученія (Соч. т. IV), 6) *А. А. Кочубинскій*,—Итоги слав. и русск. филологіи (Од. 1882), 7) Русская словесность съ XI по XIX

библіографія — съ критической оцѣнкой высказанныхъ взглядовъ, съ разборомъ мнѣній различныхъ авторовъ—дѣло будущаго и, пожалуй, при томъ такое дѣло, которое можетъ быть выполнено трудами многихъ лицъ, имѣющихъ возможность пользоваться самыми богатыми бібліотеками, такъ какъ, по моему мнѣнію, въ эту бібліографію должны быть внесены не только работы, прямо посвященныя св. Кириллу и Меодію, но и такія, въ которыхъ находятся мимоходныя разсужденія по данному вопросу; какъ бы ни были мелки такого рода разсужденія, замѣтки и указанія, но они не должны быть упущены и оставлены безъ вниманія, такъ какъ могутъ помочь желательной и необходимой полнотѣ изслѣдованія.

Накопившіяся у меня замѣтки по кирилло-меодиѣвскому вопросу я и позволю себѣ предложить здѣсь именно, какъ *матеріалъ* для такого рода бібліографіи.

1. И. И. Малышевскій (св. Кириллъ и Меодій первоучители Славянскіе, Кіевъ 1886 г.)¹⁾: „Житія не говорятъ съ полной определенностью о томъ, кто были по происхожденію Левъ и Марія—греки или славяне. Поэтому и въ наукѣ вопросъ этотъ остается спорнымъ и рѣшается различно, болѣе или менѣе предвзято. Большинство склоняется признавать ихъ греками...“ (стр. 4). К. Я. Гротъ (Взглядъ на подвигъ славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія ихъ греческаго происхожденія)²⁾ определенно и безъ колебаній считаетъ св. братьевъ *греками*, отрицая всякую возможность признать ихъ славянами и полемизируя съ сторонниками славянскаго происхожденія первоучителей (имена главнѣйшихъ представителей этой славянской теоріи и заглавія ихъ сочиненій названы К. Я. Гротомъ въ примѣчаніи на стр. 2), также определенно считаетъ несомнѣннымъ греческое происхожденію Ки-

столѣтія включительно. Библиографич. указатель... Составила А. В. Мезіеръ (С.-Пб. 1899 г.) (критическ. статья съ дополненіями къ книгѣ г-жи Мезіеръ помѣщена Д. П. Абрамовичемъ въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н., т. V, кн. 4).

¹⁾ Разборъ этой работы: А. Будиловича, *Ж. М. Н. Пр.* 1887 г. іюнь; Пальмова — Христіанское Чтеніе 1888 г. (іюнь—августъ). Работа Малышевскаго вызвала также — „Замѣтки дилетанта“ (*Бараца*) — въ Трудахъ Кіевск. Д. А. 1889 г. кн. 3. Довольно цѣнныя критическія замѣтки о книгѣ Малышевскаго см. еще — *F. Pastriek*—„Novější práce o slovanských apoštolích Cyrillu a Methodovi“ (*Časopis matice moravské* V Brně 1891. Ročník 15, s. 2, 3).

²⁾ Меодиѣвскій юбилейный сборникъ, изд. Имп. Варш. унив. (Варшава 1885).

рилла и Меоодія и *II. А. Лавровскій* (Кириллъ и Меоодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ. Харьковъ. 1863, стр. 216). Такое мнѣніе считается болѣе подходящимъ и для популяризаціи свѣдѣній о Кириллѣ и Меоодіи; оно, напримѣръ, выдается за болѣе достовѣрное авторомъ ст. *Cyrill a Method* въ чешскомъ „*Ottův Slovník naučný*“ (V Praze 1892). *М. С. Дриновъ* („Исторически прегледъ на българска-та църква отъ само-то и начало и до днесъ“, въ Виенѣ 1869, стр. 12) опредѣленно высказывается въ пользу *славянскаго* происхожденія св. братьевъ. *А. С. Лудиловичъ* („О греко-слав. характерѣ дѣятельности Кирилла и Меоодія“) ¹⁾ по данному вопросу говоритъ: — „но происхожденію они (т. е. Кириллъ и Меоодій) *не были ни греками, ни славянами* въ тѣсномъ смыслѣ, а *греко-славянами* въ отношеніи какъ физическомъ, такъ и духовномъ“ (стр. 3). Раньше *А. С. Будиловича* Кирилла и Меоодія не причислялъ *ни къ грекамъ, ни къ славянамъ*—*В. А. Вильбасовъ* (Кириллъ и Меоодій, ч. I С.-Пб. 1868 г., стр. 60), а находилъ возможнымъ говорить о нихъ лишь, что оба они „были родомъ ессалоникійцы“ (въ примѣчаніи возраженія признающимъ Кирилла и Меоодія греками и славянами) ²⁾.

¹⁾ Ibid.

²⁾ *В. А. Вильбасовъ* въ болѣе поздней работѣ о Кириллѣ и Меоодіи, именно въ статьѣ „Легендарный образъ Кирилла и Меоодія“—говоритъ: „Что Кириллъ и Меоодій были греки, въ томъ едва ли можно сомнѣваться въ настоящее время“. Статья эта первоначально напечатана въ 1871 году во II томѣ названнаго соч. (стр. 139); въ 1885 году она почти безъ перемѣнъ помѣщена авторомъ въ журналѣ „Новы“ (опущены многія цитаты изъ памятниковъ) и въ такомъ же видѣ перепечатана въ т. I Историческихъ монографій (С.-Пб. 1901 г., стр. 45 и слѣд.). Замѣчанія о трудахъ Вильбасова по кирилло-меоодіевскому вопросу съ указаніемъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о несубъидельности взглядовъ его—см. въ „Критико-біограф. слов.“ Венгеровъ т. III (С.-Пб. 1892)—ст. II. Л.—Д. П. Иловайскій говоритъ: „Константиплъ и Меоодій были родомъ, очевидно, греки“—см. ст. его (о пей ниже)—„Волгаре и Русь на азовскомъ поморьѣ“ (*Ж. М. Н. Пр.* 1875 г., кн. 2, стр. 355). *В. И. Григоровичъ* въ лекціяхъ по обзору славянск. лит. (записаны и изданы *А. И. Смирновымъ*—Воронежъ 1880) говорилъ: „Какая національность Кирилла и Меоодія,—точно отвѣтитъ нельзя. На это можно собрать только нѣсколько и то общихъ свѣдѣній; отецъ ихъ, говорятъ, былъ болгаринъ, а мать гречанка; въ легендахъ они слывуть за болгаръ, но древнѣшія легенды считаютъ ихъ греками. Какъ бы то ни было, но достовѣрно то, что въ Солунѣ, мѣстѣ ихъ родины—національность греческая и славянская если не сливались, то уже и не различались рѣзко“ (стр. 31).—Нужно имѣть въ виду по этому вопросу статью:—*М. II. Поюдина*—„Кириллъ и Меоодій славяне, а не греки“ (Прав. Обозрѣніе XIV т. 1864 г. № 5 стр. 1—9) и *II. В. Платонова*—„Кто были наши первоучители, славяне или греки?“ (Духовн. Вѣстн. 1866, № 2). Отвѣтъ на эту ст.—*II. А. Лавровскію* (Русскій 1868 г. № 26).

Ст. *Новаковић* („Први основи Словенске Книжевности међу балканским словенима. Легенда о Владимиру и Косари“—У Београду 1893, стр. 50) по данному вопросу говорит: „Истина је да су Кирилло и Методије Солунјани; истина ће и да су они још у детињству познавали језик суседних Солуну македонских Словена...“ Существеннымъ во всѣхъ этихъ и подобныхъ мнѣніяхъ должно быть считаемо то, что въ вопросѣ національности свв. братьевъ отдается должное значеніе ихъ происхожденію изъ Солуня, какъ мѣста, гдѣ они имѣли полную возможность изучить одинъ изъ діалектовъ славянскаго языка. Мнѣніе А. С. Будяловича о *греко-славянскомъ* происхожденіи первоучителей славянскихъ находитъ себѣ оправданіе во всѣхъ трудахъ названнаго автора и, сходясь въ этомъ съ первоначальнымъ выраженіемъ Вильбисова о томъ, что Кириллъ и Меодій были „*ессалоникійци*“,—имѣетъ значеніе въ отношеніи признанія для IX вѣка возможности существованія въ Солунѣ людей, въ которыхъ славянское происхожденіе по роду много могло мириться съ ихъ славянскими симпатіями, имѣвшими себѣ объясненіемъ или родство со славянами, или общее отношеніе къ славянскому вопросу въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ Солуня ¹⁾.

II. Хазарская миссія свв. братьевъ разсматривается В. Григорьевымъ, какъ фактъ, свидѣтельствующій о сношеніяхъ хазарь съ греками („Обзоръ политической исторіи хазаровъ“. С.-Пб. 1835 г.; стр. 21; какъ ссылка для знакомства съ миссіей—*Acta Sanctorum* II, 12—25). О. Л. Морозкинъ („Историко-критическія изслѣдованія о руссахъ и славяпахъ“—Сиб. 1842)—въ главѣ о хазаряхъ, какъ историческое свидѣтельство о нихъ, приводитъ въ краткомъ изложеніи жизнеописаніе Кирилла и Меодія (ссылка на Четыи Минеи Димитрія Ростовскаго 11-го мая) и въ общемъ выводѣ, признавалъ хазарскую державу— „*славянской* массой (или русской)“, даетъ слѣдующее положеніе: „Хазары то же, что козаки, самое древнее военное сословіе Русской земли“ (стр. 144, 145) ²⁾. Одновременно съ Морозкинскимъ того же во-

¹⁾ *Штоповъ* въ ст. „Материалы за българск. възраждане въ Македония“ (Периодическ. Сп. [Софія]—ки. XVIII, 1875 г.) говоритъ о томъ, что въ Солунѣ не сохранилось никакихъ преданій о свв. Кириллѣ и Меодіѣ (стр. 437). Здѣсь же высказана мысль о господствѣ славянск. яз. въ Солунѣ въ эпоху свв. братьевъ.

²⁾ Свидѣнія о хазарахъ и объ ихъ посольствѣ въ Византію можно читать и въ соч. „*Recherches historiques sur l'origine des sarmates des esclavons et des slaves et sur les époques de la conversion des ces peuples au Christianisme*—par St. Siestraczewicz de Bohusz (S.-Pbours 1814), t. I, стр. 195.

прося касался А. Д. Чертковъ („О переводѣ манассиной лѣтописи на словенскій языкъ“. М. 1842), который фактъ послыжки св. Кирилла къ хазарамъ объяснялъ тѣмъ обстоятельствомъ, что часть жителей Хазаріи состояла изъ славянъ, хотя, по его мнѣнію, сами хазары говорили однимъ языкомъ съ волжскими болгарами (ссылка на соч. Френа—De Chazaris etc.); со славянами хазары настолько слились, что переняли славянскій языкъ; на этомъ языкѣ Кириллъ и долженъ былъ проповѣдывать имъ слово Божіе (стр. 100, прим. 113). Вполнѣ сходно съ Чертковымъ объясняетъ значеніе славянскаго элемента среди хазаръ и Вильбасовъ (о. cit. II, 163, 164), но думаетъ, что св. Кириллъ предъ миссіей къ намъ все-таки изучалъ ихъ языкъ. Въ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1861 г. въ № 3 помѣщена статья Н. — „Путешествіе св. Константина Философа въ Хазарію“; авторъ главнымъ образомъ по ст. А. Горскаго ведетъ свой разсказъ; къ этой статьѣ даны два приложенія: а) „Мнѣнія г.г. ученыхъ о русскихъ письменнахъ, въ Херсонѣ найденныхъ св. Константиномъ“ и б) „Обрѣтеніе мощей священномученика Климента“ (это приложеніе въ № 4 „Вѣдомостей“ за 1861 же годъ). О „письменнахъ“ авторъ ¹⁾ приводитъ мнѣнія чужія, безъ оцѣнки своей, по поводу предположеній о вставкѣ извѣстнаго мѣста въ паннонскомъ житіи, о готскомъ происхожденіи этихъ письменъ и проч.

Объ обрѣтеніи мощей авторъ говоритъ на основаніи „Слова на перенесеніе мощемъ преславнаго Климента...“²⁾, проводя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ поясненія изъ „Acta Sanctorum“. По поводу вопроса хазарской миссіи св. братьевъ говоритъ В. Г. Васильевскій во многихъ мѣстахъ выпуска II-го „Русско-Византійскихъ изслѣдованій“ (житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго); здѣсь на стр. ССХСIV—IX авторъ трактуетъ по поводу „русскихъ письменъ“; онъ не соглашается съ тѣми, которые извѣстное мѣсто паннонскаго житія признаютъ вставкой³⁾, но при этомъ по поводу пониманія тер-

¹⁾ Онъ здѣсь цитируетъ: Муравьева (Житія свв. Росс. ц. м. февраль), Горскаго, (Президскаго (ст. въ „Изв. 2-го отд. Имп. Ак. наукъ, т. I), В. И. Григоровича, М. П. Сухомлинова („О языкознаніи въ древней Россіи“), П. А. Лавровскаго („Наслѣд. о лѣтописи Икпмовской“).

²⁾ Авторъ замѣчаетъ, что въ его распоряженіи была копія „Слова“ съ рукописи библіотеки Московск. духовн. академіи.

³⁾ У Васильевскаго нѣтъ ссылки на ст. „Черноморскіе готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи“ Бруна (Черноморье, т. II), который также подходит возможнымъ *не считая* вставкой этого мѣста (стр. 224).

мина „русскій“ высказываетъ свои соображенія, по которымъ „въ подлинникѣ житія вмѣсто „русскій“ стояло собственно выраженіе „тавроисифскій“, означавшее или безразлично готовъ, смѣшавшихся съ древнимъ населеніемъ, и русскихъ, либо сначала готовъ, а съ IX вѣка русскихъ ¹⁾).

Неоднократно въ своихъ изслѣдованіяхъ касался вопроса о хазарской миссии и Д. И. Иловайскій; онъ, напримѣръ, подробно трактуетъ о немъ въ VII и VIII главѣ статей „Болгаре и Русь на азовскомъ поморьѣ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1875 г., кн. I, II). По его мнѣнію, ученые слависты напрасно относились съ пренебреженіемъ къ извѣстію панионскихъ житій о путешествіи Кирилла и Меодія къ хазарамъ и слишкомъ легко рѣинали вопросъ о русскихъ книгахъ, найденныхъ въ Корсуни, предполагая въ нихъ то готскую письменность, то глагольскую, то просто считая все это мѣсто—позднѣйшей вставкой (кн. II, стр. 354). Считая несомнѣннымъ для эпохи Кирилла и Меодія присутствіе въ Крыму по сосѣдству съ Корсунемъ чистаго славяно-болгарскаго элемента, Иловайскій и признаетъ „по всемъ соображеніямъ“ въ этихъ „русскихъ“ книгахъ *церковно-славянской*, т.-е. болгарскій переводъ священнаго писанія (ib., стр. 353, 367). „Мы полагаемъ, говоритъ Иловайскій, что солунскіе братья дѣйствительно нашли въ Корсуни восточно-славянскую азбуку и начаты собственно болгарскихъ переводовъ“, а потомъ „благоразумно и искусно воспользовались этой письменностью для своей миссии къ славянамъ моравскимъ“ (ib., стр. 362). Отмѣтивъ главнѣйшія сочиненія, въ которыхъ вообще трактуется кирилло-меодіевскій вопросъ, Иловайскій замѣчаетъ, что наука вообще мало обращала вниманія на извѣстіе житія о славянскихъ письменахъ (ib., стр. 367); это заключеніе ученаго историка можетъ быть значительно смягчено указаніемъ на сочиненіе (не отмѣченное авторомъ въ названномъ спискѣ) В. Ламанскаго—„О славянахъ въ Малой Азій, въ Африкѣ и въ Испаніи“, гдѣ находится достаточно соображеній по данному вопросу. „Совершенно независимымъ путемъ пришедши, говоритъ В. И. Ламанскій (стр. 72), къ предположенію, весьма вѣроятному, о томъ, что на полуостровѣ таврическомъ могли проживать славяне русскіе и

¹⁾ Стр. ССХСІХ. На стр. СІХХVІ—Васильевскій говоритъ объ области Фульсской, на стр. СІХХVІІ—о Сугдѣ, на стр. ССХСІІІ высказаны соображенія, что христіанскій городъ, къ которому (по панионскому житію) во время пребыванія въ Корсуни слав. братьевъ приближился хазарскій вовода— могъ быть Сурожь.

христиане въ X и даже въ IX вѣкѣ, мы находимъ извѣстіе о томъ, что въ первой половинѣ IX вѣка Константинъ Философъ пашель въ Херсонъ одного русскаго славянина...“; извѣстіе это авторъ не видитъ „никакой необходимости отвергать“¹⁾. Общія замѣчанія о Кириллѣ и Меодіи въ связи съ хазарскою миссіей и съ дѣломъ обрѣтенія ими мощей св. Климента находятся въ брошюрахъ: 1) Кн. Е. С. Горчаковой,—Херсонесскій монастырь въ Крыму... (М. 1888 г.), 2) Херсонисъ таврическій, крещеніе въ немъ св. Владиміра и Херсонисскій монастырь, какъ памятникъ этого событія (Симферополь 1888), 3) Арх. Маркевичъ—Свв. Кириллъ и Меодій, ихъ жизнь, дѣятельность и заслуги (Симферополь 1885, стр. 8, 9)²⁾ и 4) Кондаракъ—Исторія христианства въ Тавридѣ (Одесса 1871 г., стр. 4). Въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1893 г., № 13 Н. Яцковскій напечаталъ статью—„Хазарская миссія св. Кирилла и Меодія“. Новаго освѣщенія фактовъ въ ней нѣтъ; библиографическія указанія не отличаются особою полнотою.

¹⁾ Проф. А. С. Архангельскій въ указанной уже не разъ брошюрѣ своей (въ приложеніи, стр. 25) даетъ указанія на главнѣйшую литературу по вопросу о „русскихъ писателяхъ“. Нужно имѣть еще въ виду Годубинскаго, Пет. русск. л., т. I (первая половина М. 1901 г. изд. 2), стр. 49, гдѣ важное указаніе Валафрида (Страбона о томъ, что въ IX вѣкѣ могло еще быть готское богослуженіе, а также сообщеніе Н. Н. Срезневскаго на первомъ Арх. съѣздѣ (см. Труды I арх. съѣзда—т. I, стр. СХV). Здѣсь Срезневскій полагаетъ, „что если не въ VI, то въ VII ст. образовалось гр.-сл. письмо, которое существовало до IX вѣка“. Упомянуть о русскомъ, котораго встрѣтилъ св. Кириллъ въ Херсонѣ, въ своей рѣчи въ торжествен. собраніи Кіевск. духовн. Академіи 14-го іюля 1888, по случаю 900-лѣтія крещенія Россіи и Н. Н. Мамшевскій (Кіевъ 1888, стр. 4--6), но безъ критики. Относительно г. Фидлы любопытно указаніе въ Zeitschrift für Kirchengeschichte XII, стр. 538: Ἐπαρχία Γοτθική: ἢ ὁ Χοτθίων συνέγγυος Φούλων καὶ τοῦ Χαρραίου ἐν ᾧ λέγεται μάρτυρ ἠαυτῶν (т.-е. черная вода, турецкое Кара-су, какъ и выше).—ер. прим. ред. въ статьѣ Петрова: „Спорные вопросы о миссіонерахъ дѣят. Кирилла“ (Од. 1894, стр. 8). (Нѣтъ лѣт. ист.-фил. общ. при Нов. унив. IV). Въ Херсонск. Епарх. Вѣд. 1864 г., № 19 помѣщена ст. В. П. Григоровича: „Историческіе намски о значеніи Херсонеса и его церкви въ VIII, IX и X вѣкахъ“.

²⁾ „Житіе и страданіе ѿтого сѣвеномѣника Климента намы Римскаго“ — помѣщается подъ 25 ноября. Въ изданіи „книги жити свѣдѣ“, напечатанномъ въ Москвѣ (3 большихъ тома) въ 1840 году—„тщательнѣе и вѣрнѣе ѿ предшественныхъ въ разнаа лѣта во сѣой великой чудотворной Кіевопечерской Лаурѣ“.—Житіе это помѣщено съ надписаніемъ: „ѿ посланія Климонта къ Іерусалимскому патриархѣ, еже ѿбрѣтается къ Четвергъ блаженнаго Макарія митрополита Московскаго—ѿ него же мы вкратцѣ“. Заканчивается „житіе“ разказомъ объ обрѣтеніи мощей его св-ии Кирилломъ и Меодіемъ.—по ихъ житію, приведенному въ этомъ же изд. подъ 11 числомъ мая.

III. Свв. Кирилл и Меодий въ 863 г. прибыли въ Моравію ¹⁾, состояніе которой въ это время всесторонне и обстоятельно разсмотрѣно К. Я. Гротомъ въ изслѣдованіи—„Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка“ (Спб. 1881 г.) ²⁾, общая же картина отношеній въ это время между Константинополемъ и Римомъ представлена въ соч. А. П. Лебедева—„Исторія раздѣленія церковей въ IX и X вѣкахъ“, въ которомъ по данному вопросу приводится подробный указатель русской литературы съ 1841 года по 1900 г. (соч. Лебедева вышло въ Москвѣ въ 1900 г.). Къ числу указанныхъ мною уже („Замѣтки“, стр. 8 и слѣд.) затрогивающихъ съ той или иной стороны вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Рима и свв. братьевъ—прибавлю: 1) А. А. Кочубинскаго—„Въ виду тысячелѣтнихъ помпнокъ славянскаго самосознанія“ (Одесскій Вѣстникъ за 1885 г., № 13), 2) его же „Тысячелѣтіе славянскаго самосознанія“ (Историческій Вѣстникъ 1885 г., № 3) ³⁾. При изученіи этого вопроса весьма любопытнымъ матеріаломъ должны явиться взгляды профессора римскаго университета—Джакомо Линьяна, который въ 1876 году, т. е. въ періодъ особаго пробужденія въ Европѣ интересовъ къ славянамъ,—напечаталъ въ газетѣ „Il popolo Romano“ (№№ 239—244 за 1876 г.) рядъ писемъ, озаглавленныхъ—„Римъ и славяне“ и содержащихъ об-

¹⁾ *K. Müllert. Essai de chronographie Byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes Slavons de 395 à 1057.* (S.-Psb., 1855); въ этомъ соч. вообще есть указаніи о К. и М., см. „Table“; стр. 316: „Méthode et Cyrille se trouvaient depuis juin 863 auprès du prince des Moraves Rostislaf...“; источникъ такой точной даты (юня м.) не отмѣченъ. О 863 годѣ см. *H. Jireček* (въ „Světozor“ 1858 г. № 5) ср. у *Бильбасова*, I. с. т. II, стр. 182, прим. 6. () „странномъ“ взглядѣ *Венелина*, который считалъ первымъ мѣстомъ просвѣт. дѣят. К. и М. не Моравію, а Болгарію, см. у *Конловича*—„Ист. русск. самосознанія“ (Спб. 1884) стр. 242. У *Конловича* вообще есть ссылки на сочиненія съ упоминаемыми о свв. бр. (см. указатель).

²⁾ Довольно обстоятельные историческія свѣдѣнія о Моравіи этого времени можно находить также въ соч., изданныхъ и раньше соч. *К. Урота*: см. напримѣръ у *Лавровскаго*—Кирилл и Меодий. какъ правосл. проповѣдники, стр. 238 слѣд. (отзывъ объ этомъ соч. *О. Бодякскаго* въ 7-мъ присужденіи награды гр. Уварова, Спб. 1864, стр. 56); у *Ө. И. Успенскаго* въ изслѣдованіи „Первыи славянскіи монархіи на сѣверо-западѣ“ (С.-Пб. 1872)—стр. 19—104—въ главѣ „Великая Моравія“. О Моравіи см. еще — *M. Uthmann*, Alt-Mähren, d. i. geograph.-chronolog. Beschreibung etc. Olmütz 1762.

³⁾ Рецензіи объ назвѣстной рѣчи того же автора—„Добрый пастыр и добрая нива“ (Од. 1885) см.—*Archiv für sl. Phil.* X, 311 и *Истор. Вѣстн.* 1885, кн. VIII, стр. 402.

личеніе панской политики, успѣвшей съ самаго начала раздѣлить славянъ на два враждебныхъ лагеря ¹⁾).

По вопросу о вліяніи просвѣтительной дѣятельности св. братьевъ въ Моравіи на западныхъ славянъ въ утвердительномъ смыслѣ высказывались многіе изслѣдователи не только православные, но даже католическіе и протестантскіе. Работы проф. П. Пальмова обстоятельно и всесторонне затрагиваютъ вопросъ о „православіи“ чеховъ, о дѣйствіи кирилло-меоодіевскаго фактора въ ихъ религіозныхъ движеніяхъ, а также о живучести у нихъ кирилло-меоодіевскаго преданія. Проф. П. Пальмовъ въ введеніи къ своему соч. „Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи“ (Спб. 1881 г.) даетъ оцѣнку сочиненій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, которые затрагиваютъ данный вопросъ ²⁾. Изъ позднѣйшихъ соч. П. Пальмова, кромѣ указанныхъ уже мной („Замѣтки по кирилло-меоодіевскому вопросу“, стр. 10), должно еще отмѣтить здѣсь его работу—„Къ вопросу о сношеніяхъ чеховъ-гуситовъ съ восточною церковью въ половинѣ XV вѣка“ ³⁾, гдѣ съ прежней опредѣленностью и съ новыми ссылками говорится объ извѣстности памяти св. Кирилла и Меоодія еще въ XIV вѣкѣ. Особенно важно прим. 2 на стр. 74 (Хр. Чт. 1888 г. за январь), гдѣ цѣпшны ссылки на многія документальныя извѣстія. См. также указанія Пальмова (ib., стр. 80) на матеріалъ о кирилло-меоодіевской старинѣ въ вѣнской газетѣ „Parlamentär“. Очень любопытны приводимыя *Рачемъ* (Исторія разныхъ славянскихъ народовъ наипаче болгаръ, хорватовъ и сербовъ изъ тьмы забвенія взятая—въ Виеннѣ 1794 г., I гл. XXII) свидѣтельства (между прочимъ со ссылками на Мавроурбипа [о книгѣ котораго см. ниже] объ обращеніи Кирилломъ и Меоодіемъ въ христіанство че-

¹⁾ Содержаніе этихъ писемъ съ указаніемъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ о близкомъ знакомствѣ автора съ трудами и дѣятельностью св. Кирилла и Меоодія—приведено было *Я. Гротомъ* въ „Письмѣ изъ Рима“, которое помѣщено въ „Славянскомъ сборникѣ“—т. II, отд. 3, стр. 17 и слѣд. Между прочимъ Липьяна обстоятельно излагаетъ ходъ проповѣди Кирилла и Меоодія. Вышелъ ли въ свѣтъ приготовленный, по словамъ *Я. Грота*, въ 1876 г. *русскій* переводъ этихъ писемъ (стр. 21)—миѣ не извѣстно.

²⁾ О разсмотрѣнномъ г. Пальмовымъ (въ числѣ другихъ соч.) сочиненіи Круммеля (*Krummel, Geschichte d. böhmische Reformation im XV Jahrhundert. Gotha 1866*) говоритъ и *В. И. Ламанскій* въ своихъ статьяхъ—„Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV—XVII вѣкѣ“—(см. „Славянскій Сборникъ“, т. I. Спб. 1875, стр. 549 и др., гдѣ *В. И. Ламанскій* приводитъ изъ названнаго соч. Круммеля обстоятельныя и весьма поучительныя цитаты).

³⁾ См. „Христіанское Чтеніе“ 1888 г., январь и далѣе.

ховъ („боемовъ“) и поляковъ. Ранче понималъ вѣроисповѣдную остроту вопроса, а потому, напримѣръ, отмѣчая мнѣніе, которое высказываетъ *Мосхемій*, „яко родомъ и закономъ Лутеранинъ есть“, признаетъ, что онъ „въ сей матеріи безпристрастенъ“ (стр. 286).—Объ участіи трудовъ свв. Кирилла и Меодія въ дѣлѣ просвѣщенія Польши см. весьма цѣнные соображенія въ ст. „О началѣ христіанства въ Польшѣ“. Статья эта напечатана въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1842 г., кн. I и переиздана кievской археографическ. ком. въ 1886 г. (Кіевъ), которая замѣчаетъ, что авторомъ ея долженъ быть признанъ архіепископъ Иннокентій (Борисовъ).—*G. Arnold* (Unpart. Kirchen- und Ketzer-Historie [Franc. a. M. 1729], B. I, C. IX § 14) говоритъ: „Borivorius brachte Methodium zuerst aus Mähren in Böhmen, lies seine Gemahlin und Kinder taufen...“. При изученіи литературы по вопросу о „православіи“ чеховъ нужно имѣть въ виду рецензію на соч. *В. Ганки*—„Остатки Словняскаго богослуженія оу чеховъ (Прагъ 1859)“—въ *Извѣстіяхъ II отд. Имп. Ак. Наукъ т. VIII* (л. 195), стр. 296 и др., гдѣ помѣщено обширное извлеченіе изъ этого шагѣ довольно рѣдкаго изд. Ганки. Рецензія объ очень содержательномъ по указанному вопросу сочиненіи *А. С. Клеванова*—Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣднаго движенія (двѣ части М. 1876 г.—съ предисловіемъ О. Бодянскаго)—съ обстоятельнымъ изложеніемъ содержанія помѣщена съ „Славянскомъ Сборникѣ“ т. II Спб. 1877 г. (отд. 2 стр. 95); авторъ рецензіи *Ю. А. (Илиевъ)* подробно разсматриваетъ тѣ главы соч. Клеванова, гдѣ трактуется о судьбахъ „православія, принесеннаго въ Чехію свв. Кирилломъ и Меодиємъ“. Указанія о славянскомъ богослуженіи вообще у западныхъ славянъ (не только у чеховъ) см. у ак. Ягича—„Вопросъ о Кириллѣ и Меодиѣ...“ прим. 6 (стр. 37). *А. С. Будиловичъ* въ своей статьѣ—„Нѣсколько данныхъ и замѣчаній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и австрійской Силезіи, за послѣдніе годы“—сѣтуетъ по поводу того, что въ Чехіи нынѣ исчезла память Меодія и Кирилла, тогда какъ имя „нездѣкомаго исторіи Ивана Пеномука гремитъ на всю Чехію“. „Въ Моравіи имя Меодія воспоминается чаще, чѣмъ въ Чехіи, но оно понимается и тамъ какъ-то абстрактно! Меодія почитаютъ“, а дѣло его остается чуждымъ. („Славянскій Сборникъ“ т. I. Спб. 1875, стр. 228, 229). О „словенскомъ“ богослуженіи въ Чехіи и въ Польшѣ см. у *В. И. Григоровича*—„Опытъ изложенія литературы славянъ—въ ея главныхъ эпохахъ“ (Казань 1842), стр. 94 (съ большими цѣтатами изъ польскихъ сочиненій). О проповѣдниче-

скої дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія у *западныхъ* славянъ см. и у *А. Л. Иванцова-Платонова*—„Очеркъ исторіи христіанства у славянскихъ народовъ“ (Православное Обозрѣніе 1869, I, стр. 42 и др.; къ сожалѣнію, нѣтъ ссылокъ на пособія и источники). О значеніи трудовъ св. Меѳодія для чеховъ см. также ст. *А. С. Лебедева*—„Нѣсколько словъ о религіозномъ положеніи Чехіи“. (Прав. Об. 1869, № 2). Изъ сочиненія *Гинцеля* (*Ginzel, Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der slaw. Liturgie. Leitmeritz 1857, 2 изд. 1861—Wien*) было сдѣлано извлеченіе о глаголитахъ или славянахъ, имѣющихъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, но по римскому обряду—въ Духовной Бесѣдѣ за 1859 г. въ №№ 38 и 39; разборъ сочиненія Гинцеля см. въ Изв. II отд. Имп. Ак. Наукъ т. VII, стр. 101. О сочиненіи *Петрушевича* „Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во время Кирилла и Меѳодія“ (Львовъ 1882) ср. Jagić, Arch. für slav. Phil. VII, 522.—Нѣсколько замѣчаній о мнѣніи *Странскаго*, доказывавшаго въ изд. въ 1634 г. соч. „Respublica Bojema“, что послѣ вторженія въ Чехію католицизма и латинской іерархіи (въ X вѣкѣ) въ ней оставались приверженцы греческой вѣры, проповѣданной св. Меѳодіемъ, см. у *Гильфердинга*—„Гусъ. Его отношенія къ православной церкви“ (Спб. 1871), стр. 22 и др.; въ приложеніи у Гильфердинга выдержки изъ сочиненія Странскаго съ весьма любопытнымъ примѣчаніемъ, поправляющимъ нѣкоторыя указанія о Кириллѣ и Меѳодіи.—Авторъ статьи „Cyrill a Method“ въ чешск. „Ottův Slovník naučný“ (v Praze 1892) опредѣленно говоритъ о крещеніи Боровля и замѣчаетъ: „Také v polskýchъ krajínach nad Vislou ohlašuje se činnost Methodova“. Слѣдуетъ указать здѣсь и замѣчаніе *А. Павинскаго*,—„Полабскіе Славяне“ (Спб. 1871), стр. 89: „То христіанское ученіе, которое мирнымъ путемъ распространяли Кириллъ и Меѳодій у истоковъ Эльбы, не дошло до земель, лежащихъ по среднему ея теченію и у ея истоковъ...“. О крещеніи чеховъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ говорятъ также Ch. Schmidt (Précis de l'histoire de l'église d'occident pendant le moyen âge. Paris 1885, стр. 81).—Относительно обращенія всѣхъ иллирскихъ славянъ къ восточной церкви необходимо, какъ замѣчаетъ К. Я. Гротъ, признать, что тутъ не могла не имѣть своего вліянія близкая сердцу всѣхъ славянъ дѣятельность великихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія. (Извѣстія Конст. Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ, Спб. 1880, стр. 189). Весьма любопытнаго вопроса о распространеніи границъ епархіи св. Меѳодія на востокъ не разъ касался въ своихъ трудахъ проф. А. А. Кочубин-

ский: 1) „Записки о путешествіи по славянскимъ землям“ (Од. 1874) ¹⁾, гдѣ на стр. 28 (прим.) приводятся данныя (со ссылкой на Балудинскаго—Ист. церковная) о томъ, что юго-западная Русь по Стырь (притокъ Припяти) могла находиться въ вѣдѣніи Меодія; 2) „Polabani“ (Од. 1879) ²⁾, стр. 7 (со ссылками на „Отчеты“ автора) приводится соображеніе, что „можетъ быть, въ связь съ раннимъ обращеніемъ дѣятельности учениковъ св. Меодія на *востокъ* надо поставить и употребленіе и по сегодняшній день Волинскою губ. креста трераменнаго, какъ символа (горба) ея“; 3) дѣлая въ своихъ „Итогахъ...“ (стр. 104) характеристику труда Чихава, А. А. Кочубинскій высказывается о появленіи и распространеніи христіанства въ формѣ православной славянской церкви среди предковъ нынѣшнихъ румынъ ³⁾.

Идея о причастности западныхъ частей Россіи къ мѣстностямъ, гдѣ дѣйствовали свв. Кирилль и Меодій, въ послѣднее сравнительно время весьма опредѣленно была высказана епископомъ Димитріемъ (Самбикинымъ), который много потрудился для устройства въ Подольской епархіи при мѣстномъ историко-статистическомъ комитетѣ музея (въ Каменцѣ). На открытіи этого учрежденія (30 января 1890 г.) епископъ Димитрій, опровергая предположеніе, что „Подолія никогда не удостоилась видѣть кого либо изъ проповѣдниковъ христіанства“, „добавлялъ, что свв. братья Кирилль и Меодій проповѣдывали въ этомъ краѣ св. вѣру“, и ссылался „на вещественные памятники ихъ дѣятельности;—это многочисленныя храмы (болѣе 100) въ Подоліи, посвященныя въ честь св. Димитрія Солунскаго, особенно чтимаго братьями-просвѣтителями ихъ родного святого, которые, безспорно, глубоко вибрили въ сердца подолянъ рассказы о дивныхъ чудесахъ своего покровителя, называемаго въ лѣтописяхъ отечестволюбцемъ и защитникомъ славянъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Изъ XIII т. „Записокъ Новороссійскаго Унив.“.

²⁾ Это разборъ соч. на факультетскую тему—„Очеркъ изъ славянъ балтійскаго поморья и Бранденбурга“. Первоначально разборъ помѣщенъ былъ въ приложеніи къ советскимъ протоколамъ за 1878 г. (XXVII т. Записокъ Нов. Унив.).

³⁾ А. de Cihac въ известномъ трудѣ — *Dictionnaire d'étymologie desoroman éléments slaves, magyares...* (Frankfurt s. M. 1879) (въ предисловіи) преобладающей славянской элементъ въ румынскомъ языкѣ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, „что румыны приняли христіанство отъ словѣнъ Панноніи“. Ср. у А. А. Кочубинскаго ib. (въ примѣчаніи характеристика труда еп. Порфирія Успенскаго—„Проповѣдники въ Болгаріи, Молдовахъ и Угорской Русіи“ въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.“ 1880 г. сентябрь).

⁴⁾ См. объ этомъ „Подольскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1890 г., № 8; ср. изда-

IV. Въ „Книгъ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленной кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова“ во II выпускѣ (М. 1897) П. А. Лавровъ далъ переводы на русскій яз.: 1) пространныхъ или такъ называемъ паннионскихъ житій свв. Кирилла и Меѳодія, 2) Житіе Климента, еп. болгарскаго (болгарскую легенду) и 3) Житіе и перенесеніе мощей св. Климента (итальянскую легенду)¹⁾.

Въ 1899 году Лавровымъ же издано „житіе Св. Меѳодія и похвальное слово св. Кирилу и Меѳодію по списку XII вѣка“²⁾; въ предисловіи къ этому удобному изданію (М. 1899 изъ „Чтеній въ Имп. общ. ист. и др.“) говорится о другихъ болѣе раннихъ изданіяхъ, а подъ строкой приводятся къ тексту поправки по Шафарыку и Миклошичу.—Библиографія изданій только что указанныхъ источниковъ отмѣчена въ соответствующихъ мѣстахъ книги *Воронова* и у Ягича (Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи... прим. 4, 7, 8). Кромѣ того, существуетъ изданіе „Истинная повѣсть о Кириллѣ и Меѳодіи и о изображеніи богоданныхъ Кириллическихъ и—словенскихъ называемыхъ писемъ, составлена еллински отъ святаго Теофілакта архіепископа Болгарскаго, обрѣ-

ніе къ столѣтію учрежденія подольской епархіи—„Подольскіе архипастыри“ (Камеице-Подольскъ 1895) въ очеркѣ дѣятельности еп. Дмитрія (Самбякина)—стр. 133. (Первоначально нап. въ VIII вып. „Трудовъ подоляскаго еп. историко-ст. комитета“). Въ „Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи“ (изд. К. Говорскимъ въ Кіевѣ) годъ 1, т. III (мартъ за 1863 г.) пом. ст. *Тыминскаго*—„Къ восточной или западной церкви принадлежали св. Кириллъ и Меѳодій?“, вопросъ въ высшей степени объективно разсматривается здѣсь; авторъ говоритъ: „славяне не забудутъ того первоначальнаго покровительства, какое было оказано церкви славянской Римомъ при Кириллѣ и Меѳодіи, но Кирилла и Меѳодія не могутъ католики отнимать у церкви восточной“ (стр. 111, 141). Въ этой же статьѣ и исторія дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія среди славянъ западныхъ. Въ изданной въ Житомирѣ въ 1892 г. книжкѣ—*Několik svátěčnichъ promluvъ, řeči a rozjímání* (ко дню 900-лѣтія учрежденія епископской каедры на Волини)—(Vyd. M. N.)—на стр. 86 рѣчь 8-го апрѣля 1890 г., гдѣ трактуется о значеніи подвига Кирилла и Меѳодія для чеховъ и поляковъ и приводятся упреки по адресу противниковъ (среди вѣщевъ) имени свв. Кирилла и Меѳодія.

¹⁾ Переводы снабжены краткими библиографическими замѣчаніями и довольно обстоятельными историческими поясненіями. Переводъ „болгарской легенды“ собственно здѣсь лишь перепечатанъ (съ незначительными измѣненіями) *Лавровымъ* въ томъ видѣ почти, какъ онъ сдѣланъ *А. Мещиновымъ* для юбилейнаго изд. московск. унив.—„Матеріалы для исторіи писемъ“ (М. 1855) (ср. названная „книга“ стр. 180 прим. 1). Рецензію на переводъ Лаврова см. „Историческій Вѣстникъ“ 1898 г., № 1, стр. 363.

²⁾ Объ этомъ изд. Лаврова рец. Флорисскаго—Университетскія извѣстія (Кіевъ) 1899 г., № 9, стр. 250.

таема же есть во святомъ монастырѣ хилондарскомъ и во всѣхъ прочихъ сватыхъ горы монастырехъ, преведена же нѣкоимъ родолюбцемъ на простый словено-сербскій языкъ. Въ Будинѣ градѣ 1823“ (это переводъ болгарской легенды)¹⁾. Въ журналѣ „Български Книжици“ за 1859 г. житіе св. Климента переведено на болгарскій языкъ²⁾. Въ 1885 г. *Матовъ* перевелъ его снова на болгарскій языкъ подъ ред. *М. С. Дринова* (переводъ изданъ болгарскимъ литературнымъ обществомъ); въ 1896 году *Матовъ* переиздалъ свой трудъ (сокращенно) съ примѣчашіями для учениковъ училищъ и для народа („Животъ, дѣянія, изповѣданіе и кратко излаженіе за чудесата на св. Климентъ. Отъ архіепископа Теофилакта. Прѣвелъ отъ грѣцки Д. Матовъ. Издава Българското книж. дружество; 2 изд. — Животописъ на св. Климентъ, Пловдивъ 1896; объ этомъ переводѣ Матова см. у *Л. Милетица* — Български Прѣгледъ, год. III, кн. IV, стр. 131; ср. его же статью о Матовѣ—*ib.* год. III, кн. XI). „Житіе св. Кирилла, избр. славянск. азбуки“ по рук. XVII вѣка Рум. м. сообщили *Викторовъ*—въ Зап. Одесскаго общ. ист. и др. т. XII, 49—59: „Февраля 14 преставленіе і похвала святому отцу Константину нареченнаго Кирила, учителя словенску яз. и болгарску, философа. Створено Климентомъ“. Указашую Вороновымъ библиографію изданій службъ³⁾ свв. Кирилла и Меодія—можно нынѣ дополнить:—„Служба на св. Кирилла и Меодія“ Царьградъ 1862, „Служба св. Кирилла и Меодію“ (Православное Обзорніе т. IX 1862 г., № 10, стр. 86), *И. Сырку*—„По поводу службы святителю Меодію, учителю славянскому“ Р. Фил. Вѣстникъ 1886 г. (т. XV) и *А. Александровъ*,—„Служба свв. славянскимъ апостоламъ Кирилла и Методію въ болгарскомъ спискѣ XIV вѣка“, *ib.* 1893, № 2.—*Н. Барсуковъ* въ „Источникахъ русской агиографіи“ (СПб. 1882, стр. 291 и слѣд.) даетъ довольно обстоятельный сводъ указашій (съ перечнемъ рукописей) о жизни свв. братьевъ. Полезныя указашія библио-

¹⁾ Арх. Леонидъ въ ст. своей „Сочиненія блаженнаго Теофилакта болгарскаго, архіепа. первой юстиніана“ (Чт. въ Имп. общ. ист. и др. російск. за 1870 г. кн. IV) касается и значенія житія св. Климента.

²⁾ О Климентѣ въ 1898 г. въ Софійи вышло особое соч. *Баласчева*—„Климентъ, еп. Словѣнски и службата-му“. Объ этой работѣ см. у Флоринскаго Унив. изв. (Кіевъ) 1899, № 9, стр. 251.

³⁾ Въ Българѣ въ 1836 г. на болгарскомъ языкѣ вышла книга, заключающая Службы Іоанну Рылскому; во второмъ изданіи ея (1870 г.) прибавлены „службы съ синаксаромъ иже во святыхъ отецъ нашихъ Кирилла и Меодія“. Полное заглавіе этой книги (очень длинное) см. у Теодорова (Български книгописъ № 650).

графическаго характера можно находить у *Косолатова*— „Мѣсяцесловъ православной католической“ церкви (Симбирскъ 1880 г.), гдѣ подъ 14 февраля изложена „кончина св. Кирилла“, а подъ 11 мая—жизнь обонхъ братьевъ. Для изученія жизни свв. братьевъ весьма важно имѣть въ виду указаніе *Мордвинова* („Путеводитель православныхъ поклонниковъ по Риму“. С.-Пб., 1875, стр. 174—175), что въ Римѣ, въ церкви преподобнаго Иеронима Стридонскаго, въ улицѣ Рипетта, находится небольшая икона св. Кирилла и Меодія. Въ этой же церкви хранится малая частичка отъ мощей св. Кирилла (ср. у Н. Барсукова I. с., стр. 293). О поискахъ мощей св. Кирилла въ базиликѣ св. Климента въ „Духовной Бесѣдѣ“ (подъ редакціей Яхонтова) за 1863 г., № 46 гдѣкто А. П. помѣстилъ весьма любопытное письмо (изъ Рима), въ которомъ даетъ описаніе названной базилики и раскопокъ въ ней. Относительно праха св. Кирилла авторъ говоритъ: „Его нигдѣ не нашли.; вѣроятіе всего, что прахъ св. Кирилла былъ оставленъ латинянами безъ всякаго вниманія, совершенно забытъ, исчезъ и замѣненъ другими исключительно католическими святынями. Росси долженъ былъ заключить, что въ теченіе смутныхъ среднихъ вѣковъ исчезла всякая память о могилахъ и мощахъ св. Кирилла“ (стр. 480—481).—Объ археологическихъ находкахъ въ той же базиликѣ св. Климента см. еще *Bullet. di arch. crist.* 1863, № 2. Ср. Красносельцева— „Церковь св. Климента въ Римѣ и соединенныя съ нею воспоминанія о сл. апостолахъ“ (Прав. Об. за 1885 г. кн. 4) и „Христ. чтеніе“ за 1893 г. май—іюнь ст. А. П. Петрова, стр. 526.—О церкви св. Климента въ Римѣ, какъ о мѣстѣ упокоенія св. Кирилла, см. у Бильбасова (I. с. II, стр. 197 прим. 3) ¹⁾. *О. М. Бодянский* даетъ любопытныя свѣдѣнія въ статьѣ— „Изображенія сл. первоуч. и просвѣтит. св. Кирилла и Меодія на поляхъ образа св. Николая Скоропомощника, находящагося въ афонскомъ дохіарскомъ монастырѣ“ (Чтенія въ Общ. ист. и др. Россійск. 1868 г., кн. I, стр. 247—260 (отд. „Смѣси“). При статьѣ данъ литографированный снимокъ этой иконы, описывая которую *Бодянский* говоритъ, что дохіарское изображеніе св. Кирилла и Меодія, „судя по времени построенія этого монастыря, приходится

¹⁾ О базиликѣ св. Климента и объ изображеніяхъ въ ней свв. Кирилла и Меодія говоритъ *епископъ Порфирій (Успенскій)*—въ VI т. соч. „Книга бытія моего“ (С.-Пб. 1900), стр. 128, 129; преосвященный Порфирій называетъ здѣсь папу Николая *братомъ* Кирилла и Меодія; трудно сказать, въ какомъ смыслѣ здѣсь нужно разумѣть это названіе.

отнести, по крайней мѣрѣ къ XII—XIV вѣку“. Честь начертанія этого лика св. братьевъ Бодяпскій приписываетъ кому либо изъ сербовъ (стр. 260). Здѣсь же указанія на нѣкоторыя другія изображенія Кирилла и Меодія и нѣсколько критическихъ замѣчаній объ изображеніи Кирилла и Меодія въ изданіи слѣнца Григорія Шириева 1863 года. Эти замѣчанія нужно отнести и къ труду *А. С. Клязевы* въ изданіи того же Шириева—„Св. равноапостольные Кирилл и Меодій, просв. сл. и вліяніе ихъ подвиговъ“.. (С.-Пб. 1866 г.) съ *рисунками*, которые Клязевымъ же были отдѣльно отъ текста изданы въ Одессѣ въ 1885 г. ¹⁾). Весьма любопытна приводимая *Н. Барсуковымъ* выписка изъ одного письма *М. Погодина* (Жизнь и труды М. П. Погодина, С.-Пб., т. XIII, стр. 357), который говоритъ о принесеніи имъ въ даръ церкви Московскаго университета (въ 100-лѣтній юбилей) „частицы отъ руки св. Кирилла, сл. апостола, изобрѣтателя нашей грамоты“. „Драгоценная частица эта, по словамъ Погодина, отдѣлена въ 1835 году въ Прагѣ отъ кости, хранящейся въ тамошнемъ соборѣ каноникомъ Пешинной“. (Объ этомъ приношеніи Погодина см. еще „Московскія Вѣдомости“ 1862 г., № 106 и газету „День“ за 1862 г., № 33, стр. 14). Библиографію о папскихъ письмахъ, найденныхъ въ 1879 г. *Бишопомъ* (см. мои „Замѣтки“... стр. 11 пр. 1), слѣдуетъ дополнить указаніемъ на пересказъ ихъ (съ ссылкой на „Světlozor“ 1880 г., №№ 28 и 29), помѣщеннымъ въ журналѣ „Древняя и Новая Россія“ за 1881 г., № 1 въ статьѣ—„Новооткрытыя свѣдѣнія о св. Меодіи“.

Жизнь и подвиги свв. братьевъ на основаніи различныхъ источниковъ съ нѣкоторой критической оцѣнкой ихъ или совершенно безъ всякаго разбора сообщаемыхъ ими свѣдѣній излагались очень часто въ изданіяхъ, назначенныхъ для болѣе широкаго ознакомленія съ трудами великихъ апостоловъ славянства. Назову нѣсколько изъ такихъ извѣстныхъ мнѣ изданій. *Я. Орловъ*—„Памятники событій въ церкви и отечествѣ“ (М. 1818)—въ 3-ей части напечаталъ (стр. 70—76) „Житіе святыхъ славянскихъ учителей Меодія и Константина“ (очень кратко изложены труды свв. братьевъ). Въ изданіи 1840 г. (о немъ см. выше) „Книги жити свѣтыхъ“ подъ 11 мая помѣщено—„Житіе и труды прѣвнѣхъ оцъ нашихъ, Меодія и Константина, нареченнаго Ку-

¹⁾ Въ 1844 г. въ Москвѣ купецъ *Ангели Хаджого* издалъ „Български букварь“ („дася распадае в даръ учащимся юношамъ“), при которомъ имѣется изображение свв. Кирилла и Меодія; рисовалъ *Корнелій Тромонинъ*.

рілла, іѣнокъ Моракскихъ, учителей Славенскихъ“ — съ указаніями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: „отъ различныхъ хоратейныхъ Четив сокращеніѣ“, „прологъ“ и съ отмѣтками мѣстъ изъ св. Писанія. Въ концѣ въ видѣ добавленія: 1) „О Козаровъ“, которые „были народъ Словскій, азыка Славенскаго или Россійскаго: страна же ихъ бѣ близъ Мертвейскаго езера, еже и Мертвымъ моремъ нарицается...“, а „Казаровъ имене память штаса въ малороссійскомъ нынѣ воинствѣ крѣпкомъ...“ (Ср. выше [II] мнѣніе Морошкина), 2) „Ш Меоодіи“, гдѣ говорится, что „невыдомо ш семь ли или ш ипомъ Меоодіи“, говорится, когда упоминается иконописецъ Меоодій при кп. болгарскомъ Борисѣ и 3) „Ш Куріллѣ философѣ“: „въ лѣтонисцахъ нѣкѣихъ пишется, яко въ царствѣ Васіліа и Константина приде изъ Царяграда присланъ къ Владимірѣ Куріллѣ фѣлософъ....., по того Курілла фѣлософа да никтоже мнѣтъ быти онаго оучителя славенскаго...“

Филаретъ (архієпископъ черниговскій и нѣжинскій) много поработалъ надъ изложеніемъ въ стройномъ цѣломъ свѣдѣній о жизни св. Кирилла и Меоодія *по источникамъ*; такъ онъ ее обстоятельно описалъ въ соч. „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“ (§§ 289 и слѣд.)¹⁾ съ

¹⁾ Это изслѣд. арх. Филарета (сначала нап. въ М. въ 1846, а позже въ кирилло-меод. сборникѣ) въ 1860 г. переведено было на болгарскій яз. въ „Български книжници“ (Цариградъ—Бейоу) (годъ III, №№ 11, 12, 14, 17). Болгарскій переводчикъ замѣчаетъ предъ переводомъ: „Жално е само чи авторъ-тъ не объригль поголѣмо внимание на дѣятельность-тъ имъ (слав. просвѣтителѣ) за български тѣ славене прѣди догдѣ не еж были тѣ повикани въ Моравію...“ (№ 11, стр. 69). Согласно съ этимъ замѣчаніемъ мнѣніе объ участіи св. братьевъ въ крещеніи болгарскаго ц. Бориса и проведено съ особой настоятельностью въ печатавшейся въ томъ же изд. „Вълг. Книж.“—болгарской исторіи (см. прибавленіе къ № 16 за указ. годъ, стр. 34). Тотъ же взглядъ проведенъ въ помѣщенной въ томъ же изданіи ст.—„За начало-то на християнство то въ България“ (годъ II за 1859 годъ. № 17, стр. 545 и др.). Изъ источниковъ о Кириллѣ и Меоодіи въ „Вълг. Кн.“ отмѣчу—„Слово Константина философа“—по сообщенію діакона Евстафія по хиладарской рки. (за 1859 годъ. № 6) и „Откъзъ отъ службѣ тѣ на св. Кирилла и Меоодія“ (1860 годъ. № 18). Въ 1853 году въ „Цариградѣ“ была напечатана брошюра—„Борисъ, пръвъ християнски царь на българь ты. Побългарена Историска приказка, писана по словепени отъ Иосифилъ Теурисградскъ“ (въ типогр. на О. Дибичіана); здѣсь съ некрепкимъ убѣжденіемъ говорится о крещеніи Бориса Меоодіомъ; стр. 11—„Св. Меоодій, постарый братъ на Кирилла, помогилъ най новече за да Борисъ пріеметь християнство. Онъ, кога идеше въ Моравъ, замилъ прѣзъ Вългарилъ, и на нѣсколко прѣмя зарѣса при Бориса, въ Велика Преслава... Св. Мет. бѣше роденъ въ Солуны, зпѣтеше добръ славянски мзыкъ, а можеть и да бѣше самъ отъ Славянски родъ...“ Дмитрій (Муретовъ), архієп. херсонск. и одесскій. въ „словѣ, сказанномъ по случаю празднованія

многими библиографическими ссылками, съ перечнемъ извѣстныхъ тогда изданій житій и др. источниковъ, а также съ критическими замѣчаниями; такого же рода помѣщена имъ статья (подъ 6-го апрѣля) и въ соч. „Святые южныхъ славянъ“ (въ 1894 г. вышло 4 изд. Сиб.), гдѣ библиографическія ссылки достаточно подробны. Въ изданіи „Житія святыхъ Россійской церкви, также иверскихъ и славянскихъ“ (Спб. 1857 въ тип. III-го отдѣленія) подъ 14 февраля напечатано— „Житіе преподобнаго Кирилла и Меодія, просвѣтителей славянъ“ съ замѣткой: „выписано изъ двухъ рукописныхъ Миней Сергіевои Лавры №№ 8 и 94, заключающихъ въ себѣ древнія напционскія житія...“ *Е. А. Тихомировымъ* въ изд. „Церковь и ея служители. Настольное руководство для русскаго духовенства и православныхъ христіанъ“... (М. 1879) въ т. I (подъ 11 мая) напечатано: „Преподобныхъ отецъ нашихъ равноапостольныхъ Меодія и Кирилла, епископовъ моравскихъ, учителей Словенскихъ“—съ указаніемъ о крещеніи ими болгарскаго ц. *Бориса*; съ тѣмъ же указаніемъ житіе св. братьевъ напечатано *А. Н. Вахметьевою* (подъ 11 мая) въ „Избранныхъ житіяхъ святыхъ“ (Москва, 1882; май, стр. 92). Изъ отдѣльныхъ изданій отмѣчу: „Житіе и труды преподобныхъ отецъ нашихъ Меодія и Константина, нареченнаго Кирилла, епископовъ моравскихъ“... (заимствовано изъ Миней-Четви) (Спб. 1856); „Житіе и труды преподобныхъ отецъ нашихъ Меодія и Константина, нареченнаго Кирилла“ (М. 1862,—синодальная типографія); *И. Гьялевъ*—„Жизнь свв. Кирилла и Меодія“. Изд.

1000-лѣтія утвержденія православной вѣры и церкви въ Болгаріи“ (въ Одессѣ 3-го мая 1870 г.), также проводитъ мысль, что „Борисъ кн. Болгаріи обращенъ ко Христу и наученъ православной вѣрѣ самимъ первоучителемъ славянъ св. Меодиємъ“. (Херсонск. Епархіалы. Вѣд. 1870 г., № 11, стр. 384).—Весьма любопытно мнѣніе *на-еликіана*, т. е. болгаръ-католиковъ, которыхъ въ 1877 г. было свыше 10.000 (мѣсто жительства округъ Филиппополя, гдѣ нынѣ с. Павликіане) и которые всегда были убѣждены, что они католики изъ-пиконъ вѣковъ (на самомъ дѣлѣ лишь съ XVIII вѣка) и что у нихъ сохранилась старая болгарская вѣра, которую свв. Кириллъ и Меодій принесли въ Болгарію будто бы изъ Рима и съ которой греки совратили другихъ болгаръ, сдѣлавъ ихъ схизматиками. Подобныя разсужденія можно и нынѣ слышать въ указанныхъ мѣстахъ около Филиппополя. Объ этихъ павликіанахъ см. у *М. С. Дринови*—„Болгарія наканунѣ ея погрома“ (Слав. „Сборникъ“ т. II), а также *Д. В. Тахелл*—„Нѣкогашингѣ павликіане и селашингѣ Католици въ Пловдивско“ (Сборникъ за народни умовъ., наука и книжница... София, XI, стр. 103—135). *Д. Цуллевъ*,—„Духовно-литературингѣ животь на българския народъ при царь Симеона“ („Сборникъ за народни умовъ., наука и книжница... София (1895)—т. XII, стр. 561, 562 перваго отд.)—о значеніи подвига К. и М. и ихъ учениковъ въ дѣлѣ духовнаго подъема въ Болгаріи при Симеонѣ.

Общ. распр. полезн. книгъ (М. 1865; рецензію см. „Руководство для сельск. пастырей“ 1868 г., стр. 334). *П. И. Роговъ*—„Свв. Кирилль и Меодій, просвѣтители славянъ“. Чтеніе для народа; изд. бар. Косинскаго. Спб. 1874, 2-е изд. — 1880; „Просвѣтители славянъ, св. равноапостольные Кирилль и Меодій (съ рисунками). Спб. 1874 (изд. „Мірскаго Вѣстника“); „Жизнь и труды св. Кирилла и Меодія, епископовъ моравскихъ“—М. 1876; „Свв. равноапостольные просвѣтители славянъ Кирилль и Меодій“ (Воронжъ 1882); *прот. В. Милгайловскій*—„Житіе преподобныхъ Кирилла и Меодія слав. просвѣтит.“ (Спб. 1884, было еще два изд.; съ рисунками); *Горожанскій*, — „Свв. Кирилль и Меодій просв. славянъ“ („Народная бібліотека“ М. 1885); „Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меодія, просв. славянъ“—изд. Спб. сл. благ. общ-ва для бесплатной раздачн (Спб. 1885)¹⁾; „Св. Кирилль и Меодій, апостолы славянскіе. Ко дню 1000-лѣтія блаженной кончины св. Меодія, архіеп. моравскаго“ (извлечено изъ изд. предыдущаго). Одесса 1885 (изъ 6 № Херсонск. Еп. Вѣдомостей); *Золотаревъ*, — „Свв. братья Кирилль и Меодій“ (М. 1882.)²⁾. Изъ популярныхъ *болгарскихъ* изданій укажу—„Кирилль и Методій, — болгарски просвѣтители“ (Л. Каравелова), Букурещъ 1875; разборъ М. С. Дринова помѣщенъ въ „Периодическо Списание“ XI—XII (Браила). На основаніи различныхъ источниковъ неоднократно занимался изложеніемъ подвиговъ св. Кирилла и Меодія митр. Евгеній (Болховитиновъ); напр. въ соч. „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грско-россійской церкви“ (Спб. 1827 изд. 2) во II т. (стр. 56 и слѣд.) излагаетъ жизнь и труды Кирилла и Меодія (со ссылками бібліографическими³⁾). О другихъ работахъ м.

¹⁾ Объ этомъ и о другихъ изданіяхъ, сдѣланныхъ въ 1885 г. Спб. слав. общ. и др., см. въ „Народной Школѣ“ за 1885 г. (апрѣль, май); объ изданіяхъ Св. Синода къ 6-му апрѣля 1885 г. см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1885 г. апрѣль. Въ 1886 г. въ С.-Петербургѣ вышло *удобное* изд. „Изборникъ службы, житія, словеса похвална и акаіесть святыхъ оучителей словенскимъ Кирілоу и Меодію обдѣрухай“ (см. „Христіанское Чтеніе“ 1893 май—іюнь стр. 526 прим.).

²⁾ Какъ на образецъ того, что у насъ все еще очень слабо распространены болѣе или менѣе правильныя свѣдѣнія о свв. первоучителяхъ, — можно указать на слѣд. мѣсто въ брошюрѣ В. Н. Ладженскаго—„О книгахъ и сочинителяхъ“ (Москва 1899—1901 г., в. 1—2) — в. 2, стр. 25: „*греческій епископъ* св. Кирилль придумалъ для славянъ азбуку...“

³⁾ Особого вниманія заслуживаетъ данная здѣсь оцѣнка свѣдѣній о *до-кирилловскихъ* „славяно-русскихъ“ руническихъ письменахъ (стр. 59).—А. С. Петрушевичъ въ статьѣ своей о кириллицѣ и глаголицѣ (Научно-лит. сб. періодическ. изд. „Галицко-

Евгения, посвященныхъ различнымъ кирилло-меодиѣвскимъ вопросамъ, сообщаетъ свѣдѣнія *Е. Шмурло* въ своей книгѣ „Митрополитъ Евгений, какъ ученый. Ранніе годы жизни (1767—1804)“ (Сиб. 1888), гдѣ на стр. 143 дана выписка изъ рукоп. труда „Всеобщая хронологія знаменитыхъ мужей“ о Меодіи (подъ годомъ 898)¹⁾, какъ пере-

русской мѣтлицы подъ ред. Дѣдицкаго“ т. I, кн. 1, Львовъ 1901) на основаніи *извѣстій* о находкахъ въ Болгаріи (въ Абовѣ) сл. письменъ VII—VIII вѣка — дѣлаетъ заключение о существованіи у болгаръ сл. письменъ за 2 вѣка до Кирилла и Меодіи. *И. И. Срезневскій* въ соч.—„Славяно-русская палеографія XI—XIV вѣковъ“. Лекціи (Сиб. 1885) во многихъ мѣстахъ затрогиваетъ эти вопросы (особенно въ отд. „письменность сл. до XI вѣка“). См. также у *Карскаго*—„Очеркъ славянской-кирилловской палеографіи (Варшава 1901). О существованіи у „Словенъ“ руны „до изобрѣтенія кирилловскаго и глаголитскаго письменъ“ см. у В. П. Григоровича—„Опытъ изл. лит. славянъ“.. (Казань 1842, стр. 98); здѣсь любопытны указанія на извѣстія о рунахъ.—Этотъ вопросъ затрогуть и въ помѣщенной въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ (1861 г., № 44, 48, 52) статьѣ—„О славянскомъ переводѣ св. писанія“, которая содержитъ въ себѣ весьма умѣло изложенныя свѣдѣнія о св. братьяхъ.—Библиографія по вопросу о славянскихъ азбукахъ въ высшей степени обширна; собраніе ея вмѣстѣ должно составить спеціальную работу; я отмѣчу лишь нѣсколько соч. и ст.: *Valvasor*, — *Die Ehre des Herzogthums Crain...* etc. (Laybach 1689) — В. II, стр. 345; *Joseph Mikoczi*—*olim societ. Iesu, postea diaecesis zagrabiensis phresbyteri—otiorum Croatiae—liber—unus* (Budaë 1806)—*caput IV—de linguis illyrica et rapanonica; slav. item divisione literarumque formis* (стр. 169 и слѣд.); *И. И. Срезневскію*—Палеографическія замѣтки, сдѣланныя во время путешествія лѣтомъ 1860 г. (Изъ отчета II отдѣленію) — „Изв. II отд. И. Ак. Н.“ т. IX, л. 202 (стр. 161) — о принятіи Кирилломъ для сл. азб. греческ. письма IX в.; *сво же*—Слѣды глаголицы въ памятникахъ X вѣка (записка)—„Изв. II отд. Ими. Ак. Наукъ“ т. VII, л. 22—о томъ, что не Кириллъ изобрѣлъ глаголицу. Нѣкоторыя цитаты см. *М. Попруженико*—Прошлое глаголицы (вступ. лекція)—„Филологическія записки“ 1891 г. — О важномъ сказаніи черноризца Храбра, которое все еще требуетъ обстоятельнаго изученія, см. въ трудѣ ак. Ягича — „Разсужденія старинныя о церковно-славянскомъ языкѣ“ (Сиб. 1895 г.—трудъ вообще важенъ для ознакомленія со многими кирилло-меодиѣвскими вопросами); *П. Лаврова* „Зографскій списокъ сказ. о письменахъ черноризца Храбра“ (Изв. Отд. р. яз.—т. I, стр. 582) и *С. Г. Вилнискию*—„Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ сл.“. (Од. 1901); разборъ работы Вилнискаго съ очень цѣнными замѣчаніями сдѣлалъ И. П. въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за 1902 г. № 1; о ней же см. замѣтку Ягича въ *Arch. für slav. Phil.* V. XXIII, стр. 588 и слѣд. *Иконниковъ* (Опытъ русск. историографіи. Кіевъ 1891 г.)—т. I—стр. 698 указываетъ—изд. Новикова—„Повѣствов. дров. Россіи“. Сиб. 1776 (Сказаніе, како состави св. Кириллъ азбуку по яз. сл. и книги переведи изъ греч. на славянск. яз. 56—61).

¹⁾ Подъ этимъ именемъ годомъ, какъ извѣстно, о Кириллѣ и Меодіи говоритъ Несторъ. См. объ этомъ у *Карамзина* „Ист. Рос. Рос.“ прим. 256 къ I т. (въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ также есть указанія и замѣтки о свв. братьяхъ). У *Татищова* „Ист. Россійская“. (М. 1773) т. II—стр. 368 и др. свѣдѣнія о Кириллѣ и Меодіи на основаніи Орбина, Баронія и др.

водчикъ библии, стр. 311—314 посвящены пересказу рукоп. ст. „Переводъ славенской библии“, гдѣ трактуются о томъ, что лишь часть перевода исполнена свв. братьями. (Статья эта по рук. Кіево-Софійск. библ. № 592 напечатана г. Шмурло въ приложеніи № 6). Къ числу сочиненій, предлагающихъ общій очеркъ о подвигѣ свв. братьевъ, слѣдуетъ отнести и соч. *Orbini—Il regno de gli Slavi hoggi corrotamente detti schiavoni historia di don Mauro Orbini Ravseo abbate Melitense...* (изд. въ Пезаро 1601 г.). Книга эта „переведена со Італіанскаго на русскіи яз. и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣнія Петра Великаго... въ санктъ-петербургской типографіи 1722 году“. О свв. Кириллѣ и Меодіи говорится у Орбини на 36 и слѣд. стр. (русскаго перевода); мѣсто это перепечатано въ концѣ книги и пополнено нѣкоторыми замѣчаніями о свв. первоучителяхъ *Феофаномъ Прокоповичемъ* ¹⁾.

Къ числу чешскихъ изданій, посвященныхъ описанію подвиговъ свв. братьевъ (они отмѣчены у Ягича и у др.), можно добавить „біографію“ Кирилла и Меодія, написанную *И. П. Вацликомъ* и напечатанную имъ въ изданіи около 1853 года сборникъ „*Zlate Zapisky*“ — для образованія фонда постройки славянской церкви. (О Вацликѣ вообще см. у С. А. Венгерова — „Критико-біографическій словарь русск. писат. и учен.“ т. IV, Спб. 1895 г., отд. II, стр. 201). А. С. Будиловичъ въ сочиненіи своемъ „Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы“ (Варш. 1892 г.) во II т. (гл. 2 стр. 29 и далѣе) предлагаетъ цѣлый рядъ соображеній по вопросу объ образованіи и судьбахъ общаго церковнаго славянскаго языка, анализируя для этой цѣли рядъ извѣстій о жизни и дѣятельности

¹⁾ О мнѣніи современныхъ ученыхъ о книгѣ Орбини см. *Макушев* („Изслѣд. объ историч. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“, стр. 97). О русск. переводѣ этой книги, а также полное ея заглавіе (итальянск. и русск.) см. у *Пескарскаго* „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1862) т. II, стр. 575 — 577. О мѣстѣ книги Орбини, которое касается Кирилла и Меодія, см. у *Чистюича* — „О. Прокоповичъ и его время“ Спб. 1868, стр. 30; здѣсь говорится о томъ, что Феофилактъ Лопатинскій писалъ И. А. Муслину-Пушкину: „на повѣсть *ложную* о славенскихъ палихъ апостолахъ — Меодіи и Кириллѣ, выписанную изъ книги Мауроурбина и мнѣ присланную, отвѣтъ, каковъ возмогъ по скудоумію моему обрѣтши посылаю, о которомъ отъ Вашего Сіятельства высокое разсужденіе на письмѣ видѣти желаю“. Это относится къ 1716 году.—О повѣрныхъ свѣд. Орбини относительно свв. Кирилла и Меодія и о возраженіяхъ на нихъ Прокоповича см. также у Пескарскаго I. с. I, 331.

свв. Кириллы и Меодія ¹⁾). Для вопроса объ образованіи общаго церковно-славянскаго языка любопытны соображенія, высказанныя А. Калиною въ сочиненіи „*Studyja nad historyją języka bułgarskiego*“ (Kraków 1891 г.; очень обстоятельн. разборъ съ цѣнными указаніями этого сочиненія—принадлежитъ М. С. Дринову; болг. пер. разбора см. „Периодическо списание... Сръдецъ, 1892 г., год. VIII, кн. XI, см. „Wstęp“ и zakonczenie). Въ „Странникъ“ за 1899 г. въ статьѣ — „Сербія и Сербы въ прошломъ и настоящемъ времени въ отношеніяхъ церковно-религіозномъ и народно-политическомъ“—говорится о свв. Кириллѣ и Меодіи, какъ проповѣдникахъ на обще-славянскомъ языкѣ (I, стр. 72). Академикъ *И. В. Яничъ* въ ст. „*Einige Streitfragen*“... (Archiv f. sl. Phil. V. XX) высказываетъ весьма важныя соображенія по вопросу о родномъ діалектѣ свв. Кириллы и Меодія (Haudialect) (ср. объ этомъ Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. V, стр. 1398 въ ст. Э. Лямбека). О переводѣ св. писанія, исполненномъ свв. братьями см.—*Kirchenlexikon* (von Hergenrätther, Freiburg 1883) въ ст. „*Bibelübersetzungen* (XII—die slav. Uebersetzungen); *И. Астафьевъ*,— „Опытъ исторіи библіи въ Россіи (Спб. 1892 г.) стр. 20 и слѣд.; *И. А. Чистовича*— „Исторія перевода библіи на русск. яз.“ (изд. 2 Спб. 1899 г.), стр. 11 (о томъ, что нельзя нынѣ установить, съ какаго греческаго списка былъ сдѣланъ переводъ); арх. *Амфилохія* — ст. „О переводѣ свв. Кирилломъ и Меодіемъ апостола“ — въ Трудахъ 2-го арх. съѣзда (1876 г.); о принадлежности перевода псалтыри Кирилломъ и Меодіемъ см. „Библиотека моск.-синод. типогр. в. 3.“— Псалтыри (описалъ В. Погорѣловъ) М. 1901 г., стр. IX; очень важны и цѣнны указанія акад. *А. И. Соболевскаго* въ изслѣдованіи „Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія“ (Варшава 1900 г.) — о томъ, насколько разнообразна по содержанію была церковно-славянская письменность уже въ кирилло-меодиевскую эпоху (объ этой работѣ А. И. Соболевскаго см. у Флоринскаго, Унив. Изв. № 4 за 1901 г. и у Г. А. Ильинскаго, Изв. Отд. русск. яз. и слов. т. V, стр. 1383). О языкѣ старѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ трактуетъ Поливка въ ст. „*Kterým jazykem psány jsou nejstarší památky církv. jaz. slovansk. — starobulharský, či staroslovenský*“ (Sl. Sb. изд. Елинкомъ 1883 г.).—О переводѣ св. писанія Кирилломъ и Меодіемъ см. еще у Голубинскаго „Ист. русск. церкви“ (т. I, перв. ¹/₂, изд. 2,

¹⁾ Ср. А. С. Будиловича же— „О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени“— „Слав. Сборникъ“ (Спб. 1877) т. II, отд. III.

М. 1901 г.)—стр. 882 и др. Въ „Slovenske pohľady. Časopis zabavnopoučny (Red. J. Škultéty)—ročnik XVIII. 1898—(V—Turčianskom Sv. Martine, 756) — есть статья П. Крижка „Dobov slovanskej cirkevnej reči—a maďarské zaujatie vlasti“, посвященная изложению и разбору работы Ю. Вольфа—„Родина сл. церкви. языка и занятіе мадырами земель ихъ нынѣшняго отечества“ (см. у Т. Д. Флоринскаго „Унив. Изв.“ 1899 г., № 3, стр. 125).

Въ 1894 году А. П. Петровъ (Чтенія въ общ. люб. духовн. просв. май—июнь) помѣстилъ статью—„Пятидесятилѣтіе научной разработки славянскихъ источниковъ для біографіи Кирилла и Меодія“¹⁾. Сдѣлавъ обзоръ той части кирилло-меодіевской литературы, которая имѣетъ своимъ предметомъ славянскіе первоисточники, авторъ пришелъ къ печальному, но вполне справедливому выводу, что, не смотря на 50 лѣтъ, прошедшія послѣ статьи Горскаго, гдѣ впервые было сдѣлано указаніе на древнія житія славянскихъ просвѣтителей, цѣлый рядъ вопросовъ объ относительной древности и историческомъ достоинствѣ первоисточниковъ *все еще не рѣшенъ*, и что дѣло въ сущности остается въ томъ же положеніи, въ какомъ было при появленіи статьи Горскаго. Въ главахъ 4 и 5 А. П. Петровъ излагаетъ исторію вопроса объ отношеніи пространнаго житія Кирилла къ такъ называемой итальянской легендѣ, останавливается на трудѣ проф. Фридриха объ открытомъ имъ новомъ источникѣ для біографіи Кирилла и Меодія и на статьѣ академника Ягича по поводу этого труда и при этомъ склоняется къ мысли Ягича, что итальянская легенда и странное житіе св. Кирилла не стоятъ въ какой либо зависимости другъ отъ друга, а напротивъ, та и другая брали матеріаль независимо другъ отъ друга изъ тѣхъ же третьихъ источниковъ, каждая пользуясь ими по собственному усмотрѣнію (стр. 52 — 53). Авторъ считаетъ также необходимымъ полный и подробный разборъ содер-

¹⁾ Былъ отд. оттиски (М. 1894 г.). Объ этой статьѣ см. *Г. Воскресенскаю* — „Послѣднія новости въ кирилло-меодіевской литературѣ“, „Богословскій Вѣстникъ“ 1894 г., кн. XII и *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 г., кн. X, стр. 428, а также — „Византійскій Временникъ“ т. I (1894 г.), стр. 732. Авторъ замѣтки о ст. А. Петрова въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* совершенно справедливо замѣчаетъ, что одной изъ причинъ печальнаго положенія дѣла изученія кирилло-меодіевскихъ источниковъ должно быть признано отсутствіе хорошаго критическаго изданія ихъ. Къ сожалѣнію, это справедливо и нынѣ. О взглядахъ А. В. Горскаго по кирилло-меодіевскому вопросу—см. „Славянское Обзоріе“ 1892 г., № 10, ст. Г. Воскресенскаго (стр. 171 и слѣд.).

жанія кирилло-меодіевскої письменности безъ раздѣленія ея на главную и второстепенную; это, конечно, должно быть признано настоящей потребностью кирилло-меодіевскої критики; для скорѣйшаго же и вѣрнѣйшаго достиженія такой цѣли слѣдуетъ подвергнуть исторію славянскихъ апостоловъ тщательному *эпизодическому* изученію (стр. 56).

Въ связи съ этимъ послѣднимъ положеніемъ г. Петрова стоятъ его двѣ статьи: 1) „Спорные вопросы миссіонерской дѣятельности св. Кирилла философа на востоцѣ“ (Одесса 1894 г.) ¹⁾ и 2) „Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина философа по списку XIII вѣка“ (Нам. др. письменности 1894 г.) ²⁾. Не отрицая справедливости мнѣнія автора о необходимости тщательно и специально изучить вопросъ о миссіонерской дѣятельности свв. братьевъ, нельзя не признать, что въ первой изъ этихъ статей онъ, какъ это и было замѣчено своевременно критикой, строитъ свои выводы на неправильномъ толкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ житія св. Кирилла; авторъ остановился на мѣстѣ: „тогда же тутися ятъ и доидеть до Корсуна“ и понялъ его въ смыслѣ указанія на путешествіе Кирилла сухимъ путемъ изъ Константинополя до Корсуна. Взявъ затѣмъ мѣсто житія св. Меодія: „посла цсарь по философа, брати ею, въ Козары, да поятъ и съ собою на помощь“, онъ едва ли вѣрно переводитъ—„по философа“—*вслѣдъ* за философомъ, а „поятъ“—чтобы онъ приплылъ. Отсюда выводъ автора, что Кириллъ сначала одинъ отправился проповѣдывать Евангеліе на сѣверномъ берегу Чернаго моря, а потомъ уже по просьбѣ посольства отъ хазаръ была отправлена съ Меодіемъ во главѣ миссія, которая и захала за Кирилломъ въ Корсунь. Признать этотъ выводъ вѣрнымъ трудно. Вторая работа имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ разбираетъ почти совершенно нетронутый вопросъ о литературномъ составѣ пространныхъ житій, въ которыхъ несомнѣнно находится немало такихъ элементовъ, которые могутъ и должны быть изучаемы въ связи съ цѣлымъ рядомъ очень распространенныхъ сюжетовъ византийска-славянскої письменности. Въ древнемъ житіи св. Кирилла говорится, что онъ прочелъ и истолковалъ надпись на потирѣ въ храмѣ св. Софій, сдѣланную письменами еврейскими и самарейскими и при-

¹⁾ Оттискъ изъ VI т. Лѣтописи Ист. Фил. Общества при Имп. Новорос. Унив.

²⁾ Рецензіи этихъ работъ см. въ указанныхъ выше №№ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и Богословскаго Вѣстника.

водимую въ житіи. Авторъ указалъ на существованіе въ старой русской письменности текста этой надписи въ видѣ особой статьи; статья эта здѣсь издана по старшему списку (Имп. Публ. Библіотеки) и снабжена объясненіями относительно ея литературной связи съ другими подобными сюжетами.

Работа проф. Фридриха по поводу вновь открытаго источника о свв. Кириллѣ и Меодіи, вызвавшая статью академика П. В. Ягича ¹⁾, значительно оживила дѣло изученія первоисточниковъ о свв. братьяхъ, но оживленіе это не было чуждо личныхъ и пристрастныхъ взглядовъ, изъ которыхъ многіе не могутъ быть признаны имѣющими особенное значеніе въ дѣлѣ выясненія вопроса о непоколебимой прочности историческаго достоинства первоисточниковъ. Такого рода, напимѣръ, отношеніе къ кирилло-меодіевскимъ источникамъ обнаружилъ Гетцъ ²⁾, который, оставивъ безъ вниманія только что названную прекрасную работу Ягича, сдѣлалъ еще больше ошибокъ, чѣмъ самъ Фридрихъ; открытое имъ письмо Анастасія бібліотекаря Гетца считаетъ самымъ важнымъ источникомъ о свв. братьяхъ; отсюда весьма отрицательное отношеніе къ панионскимъ житіямъ, которыя, впрочемъ, Гетцомъ не изучены въ должной полнотѣ, какъ и вообще всѣ славянскіе

¹⁾ *Friedrich*,—Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri über die Abfassung der „Vita cum translatione s. Clementis Papae“. Eine neue Quelle zur Cyrillus—u. Methodius—Frage (Sitzungsberichte d. philos.-philol. u. hist. Classe d. K. B. Akad. d. Wissenschaft. zu München 1892, Heft III, 393—412); *П. В. Ягичъ*,—Вновь найденное свидѣтельство о дѣлѣ Константина философа, первоучит. славянъ св. Кирилла (С.-Пб. 1893). *Л. Пестровъ* въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1893, 1—далъ пересказать работы Фридриха и привелъ письмо Анастасія. О статьѣ Ягича см. замѣтки—1) *Мартынова*—„Revue des questions historiques“ № 108 (octobre 1893, p. 612) и 2) Древности. Труды славянской коммисіи Им. Моск. Арх. общества т. I (М. 1895), стр. 275. О работѣ Фридриха, о ст. Ягича и о ст. Мартынова. (Martinow, Une lettre d'Anastase le Bibliothécaire) см. Визант. Времен. т. 2, 234 стр. ст. П. А. Сырку.

²⁾ *J. K. Goetz*, Geschichte d. Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius. Quellenmässig untersucht und dargestellt. Gotha, Andreas Perthes 1897. Книга эта вызвала нѣсколько рецензій: въ „Český časopis historický“ (1897, кн. I)—см. о ней замѣтку Настрпка въ статьѣ—„Nova kniha o době cyrilomethodějské“—по поводу соч. Лапотра—„L'Europe—et le saint siége à l'époque carolingienne“, гдѣ нѣсколько главъ посвящено славянамъ; „въ Časopis česk. mus.“ 1897, IV замѣтки объ этой книгѣ въ ст. Вондрака „Novější práce o činnosti Slovanských apostoľů sv. C. a M.“; въ Archiv'ѣ Ягича В. XX—статья Нахтигали; всѣми этими рецензіями пользовался въ своей статьѣ о книгѣ Гетца Лавровъ; см. „Византійскій Временникъ“ т. VII, стр. 113 и др. О книгѣ Гетца см. еще отзывъ (отрицательный) въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1897 г. май, стр. 256.

источники по данному вопросу. Знакомство съ трудами изслѣдователей о Кириллѣ и Меодіи у Гетца также не очень велико; труды православныхъ и католическихъ ученыхъ онъ считаетъ пристрастными и вмѣстѣ съ этимъ папскія посланія считаетъ подложными ¹⁾).

Такого рода обращеніе съ источниками о важнѣйшей эпохѣ славянской исторіи съ особенной убѣдительностью требуетъ еще немалой работы надъ этими источниками, такъ какъ относительно паннонскихъ житій не могутъ еще окончательно считаться рѣшенными даже такіе вопросы, какъ вопросъ объ ихъ первоначальной редакціи. Доказательства греческаго ихъ происхожденія, выставленные покойнымъ проф. А. Вороновымъ, показались г. Лаврову „далеко не всегда убѣдительными“, и онъ сдѣлалъ попытку доказать, что встрѣчающіеся въ житіяхъ грецизмы не такого рода, чтобы дѣляли неизбѣжнымъ предположеніе о греческой ихъ редакціи. Подборъ матеріала, данный Лавровымъ для доказательства высказанной мысли, можетъ оказаться небезполезнымъ при общей разработкѣ деталей житій, особенно въ виду того, что въ этомъ отношеніи житія изучены мало ²⁾. Къ числу весьма важныхъ указаній о методѣ изслѣдованія паннонскихъ житій необходимо отнести слѣдующее замѣчаніе акад. *Θ. Н. Успенскаго*: „Преніе Кирилла съ Анніемъ имѣетъ особый интересъ въ вопросѣ о происхожденіи и составѣ паннонскихъ житій, но оно едва ли сохранилось вполнѣ. Для насъ имѣетъ въ немъ значеніе та мысль, влѣваемая Гошпу, что ея сохранили съ престола насиліемъ, а не убѣдили въ ложности ея мыслей, ибо никто не могъ сравниться съ нимъ въ діалектикѣ. Мысль эта соответствуетъ существу дѣла, насколько оно выясняется изъ разсмотрѣнія уцѣлѣвшихъ данныхъ; въ свою очередь дѣятельность Кирилла и Меодіа, падающая на періодъ послѣдней борьбы иконоборства и иконопочитателей, въ этой части житія Кирилла явно выдаетъ элементъ вниманія къ важному вопросу половины IX в. Можно думать, что и нѣкоторые другія данныя паннонскаго житія, какъ казарская и сарацинская миссія,

¹⁾ Неосновательныя и далеко безпристрастныя заподозрѣванія паннонскихъ житій и знаменитыхъ папскихъ писемъ о славянскомъ богослуженіи въ Моравіи и Панноніи, — рѣзко высказанныя Фридрихомъ, Гетцомъ и между прочимъ Вондракомъ — обстоятельно и съ обычной убѣдительностью опровергаются ак. Игичемъ въ новѣйшей работѣ — „Zur Entstehungsgeschichte...“ (Erste Hälfte стр. 20 и др. Ср. объ этомъ у Флоринскаго „Унив. Изв.“ 1901, 4).

²⁾ Климентъ еп. Словѣнскій. Трудъ *В. М. Ундольскаго*, съ предисловіемъ *Лаврова* — въ Чтеніяхъ въ Пми. Общ. ист. и др. 1895, I стр. XXV.

по источникамъ своимъ обличаютъ наблюденія IX в. (путешествіе Петроны къ казарамъ и постройка Саркела; путешествіе патріарха Іоанна въ Багдадъ)“. (См. „Патріархъ Іоаннъ VII грам. и Русь—дромиты у Симеона магистра“—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890, I; стр. 17 отд. оттиска).—Нѣкоторый матеріалъ для изученія состава „солунской легенды“ далъ покойный проф. В. Качановскій въ ст. „Славянскій списокъ описанія чудесъ св. великомученика Димитрія Солунскаго“ („Христіанское Чтеніе“ 1883 г., стр. 249). Обь отношеніи панионскихъ житій и русской лѣтописи см. у Сухомлинова („О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ“, стр. 71—75—по ст. Горскаго); см. еще обь этомъ у А. Н. Маркевича — „О лѣтописяхъ“, стр. 145. (Од. 1883). Для знакомства съ вопросомъ о распространенія панионскихъ житій и другихъ источниковъ о свв. братьяхъ среди болгаръ въ XVIII вѣкѣ—очень цѣнны сопоставленія, сдѣланныя В. Н. Златарскимъ въ изданіи „Исторія во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славонскомъ сочиненія и списанія въ лѣто 1792 Спиридономъ іеросхимонахомъ“ (Софія 1900); Спиридонъ сообщаетъ о свв. братьяхъ свидѣнія на основаніи панионскихъ житій и „Успенія св. Кирилла“, заимствуя многія мѣста изъ этихъ источниковъ цѣликомъ; нѣкоторые же извѣстія Спиридона о свв. Кириллѣ и Меѳодіи должны быть, по словамъ г. Златарскаго, разсматриваемы—„къ то собственни прибавки отъ самого о. Спиридона“ (стр. XXXVII) ¹⁾.

В. Макушевъ въ статьѣ своей—„Албанскія преданія о св. Кириллѣ и изобрѣтенной имъ азбуки“ ²⁾, выставлѣя общее положеніе,

¹⁾ Для знакомства съ распространеніемъ свидѣній о свв. Кириллѣ и Меѳодіи въ болгарской словесности среднихъ вѣковъ любопытна статья В. Н. Ламанскаго—„Болгарская словесность XVIII вѣка“ (*Журналъ Мин. Народн. Просв.* 1869 г., № 9), гдѣ трактуется обь одномъ болгарскомъ сборникѣ XVIII вѣка; въ этомъ сборникѣ находятся различнаго характера статьи о свв. братьяхъ, выписанныя изъ многихъ историческихъ трудовъ. Въ изданной въ Вудинѣ въ 1811 г. книгѣ „Царственикъ или исторія болгарская“... и проч. помѣщена статья „Кириллъ и Меѳодій болгарски книжници“. Упомянутый въ названной статьѣ Ламанскаго сборникъ представляетъ одну изъ редакцій исторіи Пансія (ср. *Теодорова*, Пансіи хилондарскій, Пловдивъ 1898 г.; стр. 17).

²⁾ „Варшавскій Дневникъ“ 1871 г., № 100. Замѣтивъ между прочимъ въ этой въ общемъ весьма любопытной статьѣ, что албанцы не имѣютъ своей собственной азбуки, и что албанцы-католики употребляютъ латинскую, а православные—греческую, Макушевъ говоритъ, что латинско-греческая азбука, придуманная Ганомъ для албанскаго яз., не можетъ считаться удовлетворительною (приводятся примѣры). Выходомъ изъ

что „албанскій народъ имѣетъ право на участіе въ празднованіи памяти славянскихъ апостоловъ“, приводитъ нѣсколько данныхъ, которыя не могутъ не быть интересными при всестороннемъ изученіи эпохи свв. Кирилла и Меодія. „Въ одной албанской хроникѣ, говоритъ Макушевъ, читаемъ, что Кириллъ былъ назначенъ папою Адрианомъ епископомъ Иллирика (въ составъ котораго входила и Албанія), что онъ перевелъ Ветхій и Новый завѣтъ, что онъ былъ изобрѣвателемъ кирилловской азбуки, отличной отъ введенной позже папою Евгениемъ IV и изобрѣтенной св. Иеронимомъ, и что въ 919 году изъ Моравіи было введено въ Албанію употребленіе славянскаго языка при богослуженіи“. Признавая, что съ показаніями этой албанской хроники слѣдуетъ обращаться весьма осторожно, но „не пренебрегая ими“, авторъ считаетъ нужнымъ провѣрить ихъ источниками болѣе древними и болѣе достовѣрными. Такого рода провѣрка приводитъ автора (здѣсь весьма любопытныя цитаты изъ различн. источниковъ) къ выводу, что въ Албаніи славянское богослуженіе и письменность распространялъ Климентъ именемъ своего учителя Кирилла, о которомъ и сохранилась, благодаря этому, память среди албанцевъ.— Макушевъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, къ какому времени относится данная албанская хроника, но она, хотя ее, вѣроятно, нужно считать происхожденія поздняго, отразила въ себѣ во всякомъ случаѣ такого рода преданія, которыя не безъ пользы могутъ быть примѣнены для изученія нѣкоторыхъ любопытныхъ вопросовъ, связанныхъ съ именемъ свв. братьевъ, первоучителей славянскихъ ¹⁾.

созданнаго этой азбукой затрудненія Макушевъ считаетъ *кириллицу*, которая, по его мнѣнію, очень легко можетъ быть примѣнена для албанцевъ, въ языкѣ которыхъ нѣтъ такого звука, который нельзя было бы просто и точно передать *кириллицей*“.

¹⁾ Приведу нѣсколько указаній на сочиненія (или на ихъ отдѣльн. мѣста), которыя могутъ быть приняты во вниманіе при всестороннемъ изученіи эпохи св. К. и М. и ихъ дѣятельности: *Const. Ritter von Höfler—Bonifatius, d. Apost. der Deutschen u. die Slavenapostel Konstantinos (Cyrillus) u. Methodios*, Prag 1887 (cp. Pastrnek, *Bibl. Uebersicht*, стр. 350); *F. Dämmler, Geschichte des ostfränkischen Reichs* (Berlin 1862—65) т. I стр. 620—627 (К. и М.; *Konst-ns Bildungsgang, K-s Sendung zu d. Chazaren; Der h. Clemens. K.—Erfinder der slav. Schrift* (863); К. и М. in Mähren (864—867); die slav. Kircheusprache); стр. 699—703 (К. и М. in Rom (868—869); Ende d. h. K.; *Meth.—Erzbischof für Mähren und Pannonien*); стр. 814—821 (*Methods Wirksamkeit in Pannonien* (871); *Auerkennung des pannonischen Erzbisthums*) см. и II т. этого соч. стр. 192—198, 254—259 (о дѣт. Мет.). Рец. на соч. *L. Jeager—Cyrill et Méthode. Etudes historiques sur la conversion des slaves au christianisme* (Paris 1868)—см. въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1869 г. (ч. CXLII стр. 203),

У. А. П. Петровъ въ статьѣ своей—„Чествованіе св. славян-

И. А. Лавровскаго; изъ этого соч. *Leges* извлеченіе сдѣлано въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“ за 1875 г. №№ 110--113; отзывъ о работѣ *Leges* см. еще *Rad*, V, 229. О дополненіяхъ въ русск. переводѣ соч. *Добровскаго* (Погодина М. 1825) см. въ Чт. М. О. Н. п Др. 1882. I, 317. *Герцбергъ*, Исторія Византии (русск. переводъ *Безобразова* М. 1897) ч. I, отд. I гл. 3, стр. 128 и слѣд. (вообще о К. и М.); *Лависъ и Рамбо*—Всеобщая Исторія (русск. пер. М. 1897) т. I, стр. 736; *Al. Lombard—Pauliciens*, Bulgars et Bons-hommes en orient et en occident (Genève et Halle 1879)—ch. VI: M. et C. (составлено по Иречку (Исторія болгаръ) и Красинскому); *M. Gaster*,—Greecko-Slavonic. Pechester lectures on slav. lit. (London 1887)—гл. VII, стр. 125 (The slav. peoples in the Balkan Pen., origin of the sl. lit. Cyrillic and Method.); *Reinholdt*, Geschichte der russischen Litt. (S.-Pburg.) стр. 3, 104. *С. И. Палаузовъ*, Вѣкъ болгарск. п. Симеона (С.-Пб. 1852) стр. 58 (съ выписками изъ источниковъ); *Δ. Κοριακος—Δοχιριον εκκλησιαστικης ιστοριας* (Αθηνα 1872), гл. 5; *Εισαγωγή τοῦ ὑριστιανοῦ παρὰ τοῖς Σλάβοις* (съ краткой библиографіей); *Encyclopaedia Britannica* подъ словомъ „Methodios“ (т. XVI стр. 194); *Kirchenlexikon oder Encyclopädie der katholischen Theologie u. ihre Hilfswissenschaften* (fortgesetzt v. F. Kaulen) подъ сл. *Cyrillus und Methodios* (ссылка на соч. *Bartolini*, о которомъ см. моя „Замѣтки“). *Jugic*, Hist. Kujiž. naroda hrvatsk. i srbsk. (Zagreb 1807 гл. III); *Šafařík*, Gesch. d. sl. Sprache u. Lit. nach allen Mundarten (Prag 1809, §§ 8--11.); *М. И. Анхоловъ*, Изъ древней исторіи болгаръ (С.-Пб. 1879), стр. 142 прим. (о сомнительн. свидѣт. относит. участія М. въ крещеніи болгарск. п. Бориса); *Б. Петрановичъ*—Богомили црква басанска и крестини (у Задру 1807) стр. 16—23 (общій очеркъ трудовъ К. и М., который „покрестн царя булгарск. Бориса“ (863), стр. 17); св. *В. Лестницкій*,—Богомилство, болгарск. ересь (Христ. Чтеніе 1870 (кн. I, III, IV); въ I кн., стр. 54—о св. М. и его ученикахъ. *Л. В. Березина*, Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница (С.-Пб. 1879) т. I, стр. 246 и др. (вообще о К. и М., но безъ особаго критическ. отношенія къ свѣд. источниковъ). *С. Венсеровъ* „Прошлое и настоящее славянскаго племени“ (въ журналѣ „Слово“ 1879, IV, стр. 83), *А. Лыткинъ*—Начатки русск. лит., В. Европы 1893 г. № 11; его же, *Ист. русск. лит.* (С.-Пб. 1898) т. I, стр. 72 (со ссылкой на *Е. Голубинскаго*—Св. К. и М., первоуч. сл., М. 1885); *Порфирьевъ*,—*Ист. русск. слов.* (Казань 1879), ч. I, стр. 171; *Галаховъ*,—*Ист. русск. сл.*, С.-Пб. 1880 т. I, ч. I, §§ 10—12; *Шевыревъ*, *Ист. русск. слов.* (XXXIII публич. лекцій) (М. 1846) т. I, ч. I, лекція 3, стр. 133. *Н. Устряловъ*,—*Русская Исторія ч. I* (С.-Пб. 1849), стр. 54—о переводѣ библіи свв. К. и М. (Фрѣнсіи), Грчка и ериска просвета (Београд, 1896)—стр. 25 (о патр. Фотія и К. и Мео.). О полномъ сочувствіи патр. Фотія къ учрежденію слав. народн. церкви, составляющему главн. подвигъ К. и М.—см. у *А. С. Будиловича*—„Къ предстоящему 1000 лѣт. со дня смерти патр. Фотія“—*Русск. Фил. Вѣстникъ* 1890 г. № 4.—О сочиненіяхъ, приписываемыхъ рукописями св. Кириллу первоучителю славянскому—см. у *Голубинскаго* „*Ист. русск. д.*“ (т. I, перв. 1/2 над. 2, М. 1901), стр. 902, 903—съ библиографическ. указаніями; почти дословный переводъ этихъ цѣнныхъ замѣчаній *Голубинскаго* о соч. св. Кирилла далъ *Д. Цухлевъ* въ ст. „Духовно-литературный животъ на българскн народъ при царѣ Симеонъ“. (Сборникъ за народн. умотв., наука и книжница... т. XII, стр. 609 (отд. 1).—*Кн. М. Оболенскій* въ статьѣ „Слово

ских апостоловъ Кирилла и Меодія въ древне-русской церкви“ ¹⁾ по служебнымъ минсиямъ и мѣсяцесловамъ приводитъ данныя о развитіи культа св. Кирилла въ Россіи до конца XVII вѣка, отмѣчал немало рукописей, въ которыхъ встрѣчаются житія обоихъ братьевъ и похвальные слова имъ. Для знакомства съ подвигомъ свв. братьевъ читателямъ XVIII вѣка служили между прочимъ уже переводы изданій въ родѣ соч. Орбини (см. выше), изданія различныхъ миней или книгъ въ родѣ—„Тестаментъ или завѣтъ Василія цѣра греческаго, свѣтъ Лвѣ філософу...“, гдѣ говорится, что повелѣніемъ Льва переведены Константиномъ философомъ и Меодіемъ, братомъ его, на славянскій языкъ книги св. писанія ²⁾. Несомнѣнно, всѣ эти свѣдѣнія поддерживали въ русскомъ обществѣ и идею о воздаяніи чести и хвалы св. славянскимъ апостоламъ, но идея эта въ опредѣленную форму чествованія вылилась не скоро. Въ № 33 газеты „День“ за 1862 г. (И. Аксакова) помѣщена статья „11-го мая въ Москвѣ“. Здѣсь говорится, что этого числа „было совершено въ церкви московскаго университета по ходатайству членовъ славянскаго комитета торжественное богослуженіе съ молебномъ въ память святыхъ первоучителей и апостоловъ славянскихъ—Кирилла и Меодія,—въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ забвенія“ ³⁾. Совершавшій въ церкви литургію свя-

Св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ“ (Москвитинъ 1844, I, 241—245) высказываетъ предположеніе, что „Слово“ писано св. первоучителемъ.

¹⁾ Христіанское Чтеніе за 1893 г. май—іюнь, стр. 526—539. Библиографическую замѣтку объ этой статьѣ см. Визант. Временникъ за 1894 г. стр. 236. Вопросъ, трактуемый г. Петровымъ, затронутъ и Первоульфомъ (см. Меодіевскій юбилей. Сборникъ, Варшава 1885)—въ ст. „Словѣнскій яз. и его судьбы“ стр. 112 и слѣд.

²⁾ *Некарскій*, Наука и лит. въ Россіи при Петрѣ Великомъ т. II, стр. 58, приводитъ выписку изъ предисловія къ изд. Миноп 1702 г.; въ этомъ предисловіи говорится между прочимъ:—„Св. Кириллъ философъ, учитель славянъ и болгаръ, преложенный русскую грамату съ греческія въ 38 словъ и крестивый славяны и болгары сію мнѣю сотвори...“; о „Тестаментѣ“ см. *ibid.*, стр. 402, 403.

³⁾ Идея объ этомъ чествованіи несомнѣнно принадлежитъ самому Аксакову, который между прочимъ выставилъ тогда же на очередь и вопросъ о томъ, что будто бы именно въ 1863 г. должно праздновать 1000-лѣтію изобрѣтенія слав. азбуки. По этому поводу Аксаковъ обратился съ вопросомъ къ Гильфердингу, который въ отвѣтъ на него помѣстилъ въ газетѣ „День“ рядъ писемъ „О Кириллѣ и Меодіи и тысячелѣтній ихъ годовщинѣ“ (ММ № 25, 28, 29, 30 газеты „День“ за 1862 г.;—писма эти съ нѣкоторыми измѣненіями вошли въ т. I. „Собранія соч. А. Гильфердинга, С.-Пб. 1868). Въ № 29 предъ окончаніемъ 2-го письма Гильфердинга И. Аксаковъ помѣстилъ—„Нѣсколько необходимыхъ предварительныхъ словъ“, въ которыхъ трактуеть о „дѣйствительной современности вопроса о Кириллѣ и Меодіи, особенно въ виду праздника,

ценникъ П. А. Сергіевскій, указавъ въ произнесенномъ словѣ на значеніе для славянъ подвиговъ чествуемыхъ свв., замѣтилъ: „будемъ надѣяться, что наконецъ празднованіе памяти свв. первоучителей славянскихъ возобновится по всей землѣ русской.“ Такого рода надеждѣ вскорѣ суждено было сбыться; этому немало способствовали, конечно, нѣкоторые юбилеи историческихъ событій (тысячелѣтіе Россіи, тысячелѣтіе изобрѣтенія славянскихъ письменъ), особенно усилившихъ стремленіе русскаго общества къ чествованію свв. братьевъ. Такого рода стремленія и были въ мартѣ 1863 года санкціонированы св. синодомъ, который постановилъ: „въ память окончанія тысячелѣтія отъ первоначальнаго освященія нашего отечественнаго языка Евангеліемъ и вѣрой Христовой установить ежегодное, начиная съ сего 1863 года, въ 11-й день мая церковное празднованіе преподобнымъ Меодію и Кириллу, отпавляя всенощное бдѣніе, литургію и молебное гнѣніе симъ преподобнымъ по составленной на сей случай службѣ“ ¹⁾. Послѣ такого рода официальнаго распоряженія чествованіе свв. апостоловъ славянскихъ становится повсемѣстнымъ; всюду 11-го мая устраиваются празднованія дня памяти ихъ, и эти празднованія сразу во многихъ мѣстахъ являются составленными по опредѣленно продуманной идеѣ, съ строго намѣченной цѣлью дать присутствующимъ ясное понятіе и объ общественномъ значеніи подвиговъ Кирилла и Меодія. Какъ на образецъ можно указать на празднованіе 11-го мая 1863 г. въ Новгородской духовной семинаріи. Здѣсь послѣ соотвѣтствующаго богослуженія былъ устроенъ торжественный актъ, на которомъ читались стихотворенія, написанныя учениками, а также и составленныя ими на подходящія темы сочиненія: 1) О значенія Кирилла и Меодія въ исторіи русской церкви, 2) Какую важность имѣеть въ настоящее время для русскихъ проповѣдниковъ славянскій языкъ? 3) Почему исторія русской литературы должна говорить о трудахъ Кирилла и Меодія? 4) Почему остаются доселѣ въ Россіи на славянскомъ языкѣ богослужебныя книги? ²⁾. Въ этотъ же день

готовящагося въ 1863 г. по случаю 1000-лѣтія христіанской проповѣди Кирилла и Меодія у западн. славянъ“. Описаніе празднованія въ Москвѣ 11-го мая 1862 года (по сообщеніямъ газеты „День“) было дано и въ журналѣ „Странникъ“ за 1862 г. кн. 6 (отд. IV стр. 205—209); см. о томъ же еще „Кіевск. Епархіальн. Вѣд.“ 1862. № 12, стр. 427—430.

¹⁾ *Арх. Арсеній*, — „Лѣтопись церкви, событій и гражданск., поясняющихъ церковныя отъ Р. Хр. до 1879 г.“ (изд. 2). Спб. 1880, стр. 827.

²⁾ Описаніе этого празднованія дано *А. Громчевскимъ* въ № 22 (отъ 1-го іюня)

(11-го мая 1863 г.) происходило и въ Москвѣ празднованіе въ честь свв. Кирилла и Меодія, которое должно быть отмѣчено, какъ одно изъ первыхъ у насъ празднованій съ чтеніемъ ученыхъ рѣчей ¹⁾.

Одновременно съ распространеніемъ чествованій свв. братьевъ путемъ устройства чтеній въ память ихъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ или на актахъ въ учебныхъ засѣданіяхъ ²⁾, все чаще и чаще замѣчаются попытки почтить память славянскихъ апостоловъ также и путемъ учрежденія различныхъ братствъ ихъ имени, устройства стипендій и т. п. Къ числу первыхъ основанныхъ въ это время братствъ имени свв. Кирилла и Меодія должно отнести—братство въ г. Острогѣ; оно поставило себѣ цѣлью поддерживать церкви, содержать народное училище и женскую школу, а также и больницу. Изъ свѣдѣній, которыя даны объ этомъ братствѣ въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1868 г. кн. 5 („замѣтки“, стр. 10, 11), за 1869 г. кн. 2 („Извѣстія и замѣтки“, стр. 46, 47) и кн. 7 („Извѣстія и замѣтки“, стр. 254, 255) — можно заключать о плодотворной и вполне согласной съ кирилло-меодіевскою идеею дѣятельности этого братства. Очень любопытныя указанія объ образованіи кирилло-меодіевского братства въ Острогѣ съ выдержками изъ отчетовъ его даны въ изданной въ С.-Пб. въ 1868 г. книгѣ („для немногихъ“): „Пять мѣсяцевъ на Волыни, Острожская лѣтопись“. Составлена она гр. А. Д. Блудовой, которая и въ статьяхъ своихъ „Воспоминанія пути къ святымъ мѣстамъ дѣятельности свв. Ки-

„Духовной Бесѣды“ за 1863 г.; здѣсь полностью приведены всѣ стихотворенія, читанныя на актѣ. Въ этомъ же № находится и поученіе, сказанное на богослуженіи въ Новгородѣ 11-го мая—арх. Макаріемъ. О названномъ празднованіи въ Новгородск. семинаріи см. еще въ 20 № газеты „День“ за 1863 г.

¹⁾ Это празднованіе было устроено въ публичномъ засѣданіи Общества любителей русской словесности и славянскаго комитета; здѣсь читались рѣчи Погодина, Невострова, Ундольскаго. См. объ этомъ „День“ 1863 г., № 20.

²⁾ Описанія многихъ такихъ чествованій, бывшихъ въ 1862 — 1866 и др. год., отмѣчены въ названныхъ уже мной указателяхъ кирилло-меодіевской литературы—*Толмакова* (М. 1885) и Н. Л. (С.-Пб. 1885), по ссылки, приводимыя въ нихъ, нуждаются въ проверкѣ. — Весьма способствовало пробужденію интереса къ ознакомленію съ трудами свв. братьевъ появившееся въ 1862 г. соч. *Н. В. Платонова* — „Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія“ (Духовн. Вѣстникъ 1862 г. т. II, №№ 6—8, — были и оттиски). Платоновъ основнымъ положеніемъ въ своей работѣ выставилъ, что имена свв. Кирилла и Меодія „какъ лозунгъ, братски соединяющій всѣ славянскіе народы, надобно блюсти съ особеннымъ уваженіемъ“... (Духовный Вѣстникъ 1862 г., 6, стр. 283).

рилла и Меодія“ (онѣ напечатаны въ журналѣ „Семейные Вечера“ С. С. Кашпиревой за 1876 г., №№ 3, 4, 5) является убѣжденной и энергичной проповѣдницей идеи о необходимости самаго широкаго распространенія свѣдѣній о трудахъ свв. Кирилла и Меодія, о которыхъ она вспоминаетъ, посѣщая различныя русскія святыни; сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія о дѣятельности свв. братьевъ основаны на паннонскихъ житіяхъ (напрямѣръ, такъ изложена хазарская миссія; см. № 3, стр. 130, 131). — Такого же характера дѣятельность поставило себѣ цѣлью и открытое 11-го мая 1870 года *Кирилло-Меодіевское братство* въ *Арзамасѣ*: „содѣйствовать распространенію религіозно-нравственнаго образованія между бѣднымъ классомъ городского населенія, давать способы къ образованію сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей, приобрѣтать для нихъ книги и другія учебныя пособія“... (Уставъ этого братства напечатанъ въ № 13 „Нижегородск. Епарх. Вѣд.“ за 1870 г.; замѣтка о братствѣ въ „Православн. Обзорѣніи“ за 1870 г. 9 кн., стр. 308). — Дмитрій (Муретовъ), архіепископъ Херсонскій и Одесскій, въ „Словѣ, сказанномъ по случаю открытія славянскаго благотворительнаго общества имени свв. Кирилла и Меодія въ Одессѣ“ (11-го мая 1870 г.), — очень рельефно и опредѣленно выразилъ тѣ основныя идеи, которыя руководили въ то время русскимъ обществомъ, столь охотно приступавшимъ къ устройству и организаціи подобныхъ обществъ, братствъ и т. д. „Вы предположили, говорилъ архіепископъ Дмитрій, составить духовное братство во имя свв. первоучителей славянскихъ Меодія и Кирилла, чтобы соединенными силами вспомошествовать пущамъ братій нашихъ славянъ, изъ которыхъ одни страждутъ подъ желѣзнымъ игомъ мусульманъ, другіе томятся подъ не менѣе желѣзнымъ игомъ духовнаго самовластія Рима. Да благословитъ Господь святое дѣло христіанской любви вашей и да осѣнитъ его Своєю благодатною помощію! Да освятятъ его и св. первоучители наши въ вѣрѣ своими святыми молитвами и своимъ побеснымъ благословеніемъ! Да принесетъ оно *плодъ много* въ утѣшеніе и отраду братьямъ нашимъ славянамъ!“ „Не трудно сближеніе между собою тѣхъ членовъ семьи славянскаго, которые сохраняютъ свято драгоцѣнное наследіе своихъ свв. первоучителей Меодія и Кирилла,—православную вѣру и богослуженіе, языкъ и письмена. Они всѣ не только тотчасъ узнаютъ и поймутъ, но обымутъ и облобызаютъ другъ друга, когда сойдутся въ храмъ Божіемъ, когда единымъ сердцемъ воспоютъ священные гѣсли языкомъ свв. Кирилла и Меодія, когда услышатъ бла-

говѣстію слова Божія, переданное имъ свв. братьями на родномъ ихъ языкѣ“... (Это слово напечатано въ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1870 г., № 12).

Немало способствовало укрѣплению и развитію кирилло-меодіевскихъ идей въ широкомъ ихъ смыслѣ бывшій въ 1867 году славянскій съѣздъ. Изъ книги „Всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ въ маѣ 1867 г.“ (М. 1867) можно ясно видѣть, какъ много, что говорилось тогда на съѣздѣ о славянскомъ единеніи, о просвѣщеніи славянъ, было освящено именами свв. Кирилла и Меодія, которые какъ бы были выставлены покровителями и самого съѣзда¹⁾. Изъ рѣчей, сказанныхъ въ различные моменты съѣзда, выдѣлялись въ смыслѣ выраженія данной идеи: 1) рѣчь окружного протопресвитера митровачскаго Уроша Милутиновича о южныхъ славянахъ, какъ меньшей братіи русскихъ, которая ждетъ помощи и содѣйствія большой братіи въ дѣлѣ стремленія на пользу общаго дѣла²⁾, 2) рѣчь А. Радлинскаго, который замѣтилъ, что память Кирилла и Меодія также свято почитается и у нихъ,—католиковъ,— и пожелалъ широкаго распространенія русскому языку среди славянъ³⁾, и особенно 3) слово, сказанное 11-го мая въ присутствіи славянскихъ гостей прот. І. Унышовымъ⁴⁾, который, отмѣчая недо-

¹⁾ См. въ этой книгѣ, напримѣръ, описаніе торжествъ 11-го мая 1867 г. и чествованій въ этотъ день славянскихъ гостей— стр. 192, 193, 203 и ин. др.

²⁾ Полностью рѣчь эта напечатана въ „Духовной Бесѣдѣ“ за 1867 г., № 28. Въ заключеніи рѣчи Милутиновичъ говорилъ: „да дастъ Господь великой славянской матери-Россіи... молитвами святыхъ Кирилла и Меодія— за всяку братскую любовь къ меньшей братіи своей... стократное воздааніе“...

³⁾ Dr. Андрей Радлинскій еще съ 1849 года работалъ въ указанномъ имъ въ данной рѣчи направленіи, редактируя изд. „Cyrill a Method“—католическія вѣдомости для церкви, семействъ и школы; изданіе это выходило съ прибавленіемъ „Priatel školy a literatury“ (объ этомъ изданіи см. „Русская Бесѣда“, 1859 г. III, обзорѣніе, стр. 80).

⁴⁾ Оно напечатано въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1867 г., іюнь, стр. 883 и др. (подписано—И. І. Я.). Затронутый въ этомъ словѣ между прочимъ вопросъ о томъ, что чествованіе свв. Кирилла и Меодія у насъ еще не особенно сильно распространено, позже развить прот. Унышовымъ въ статьѣ: „Отчего въ нашемъ обществѣ еще недостаточно распространено чествованіе свв. славянскихъ первоучителей“ „Воскресное Читеніе“ 1869, № 4. (Это извлеченіе также въ „Слова“; ср. въ указателѣ г. И. Я., стр. 17). Изъ числа статей, вызванныхъ общими пробужденіемъ кирилло-меодіевскихъ идей, должно отнести и статьи *II. А. Безсонова*— „Въ память первоучителей славянскихъ“; статьи эти, напечатанныя въ газетѣ „День“ за 1863 г. (№№ 24—27, 31—33), представляютъ изслѣдованіе внутренней духовной сущности—

статокъ нашего самосознанія и указывая, что въ нашей русско-славянской семьѣ далеко еще нѣтъ желательной нравственной крѣпости и сознательнаго единодушія, говорилъ въ заключеніе: „если свв. Кирилль и Меодій точно наши учителя и отцы, будемъ же ихъ дѣйствительными учениками и дѣтьми, посвятимъ всѣ лучшія наши силы и средства прежде и болѣе всего на просвѣщеніе себя и своихъ братій словомъ Божиимъ, на воспитаніе себя и меньшихъ братій не столько къ внѣшнимъ подвигамъ въ будущемъ, сколько къ внутреннимъ доблестямъ, которыми такъ справедливо гордятся нѣкоторые иновѣрные и иноземные народы,—каковы: *правдивость во всемъ, честность, трудолюбіе*“.

Такого рода чествованія памяти свв. первоучителей славянскихъ вопліѣ подготовили русское общество къ празднованію исполнявшагося 14-го февраля 1869 г. тысячелѣтія со дня копчины св. Кирилла. Обширная литература ученыхъ изслѣдованій, большинство которыхъ общензвѣстны, а также большое число устроенныхъ въ этотъ день церковныхъ торжествъ, школьныхъ актовъ и засѣданій ученыхъ обществъ—ясно свидѣтельствуютъ, что въ *то время* наше общество видѣло немало значенія въ открытомъ и точномъ признаніи идей, которыя *должны быть* вызываемы при воспомнаніи о подвигахъ кого-либо изъ свв. первоучителей славянскихъ ¹⁾.

„славянского иначе восточнаго, иначе польскаго вопроса“. Авторъ между прочимъ говоритъ: „Если вы изучаете эпоху св. братьевъ, вы изучаете выѣтъ съ тѣмъ и послѣдующую славянскую исторію... и наоборотъ, на какой бы точкѣ славянской исторіи вы ни остановились... отвѣду сущность вопроса возводитъ васъ къ дѣлу первыхъ просвѣтителей и только тамъ обѣщаетъ для васъ законное разъясненіе недоразумѣній“ (№ 24, стр. 7).

¹⁾ Описанія празднованія тысячелѣтія св. Кирилла въ Москвѣ, въ Петербургѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи—даны въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1869 г., № 2 (здѣсь содержаніе рѣчи Погодина и слова свящ. А. М. Иванцова-Платонова, прот. Н. А. Сергіевскаго, свящ. Н. К. Протопопова), № 4 (здѣсь ссылки на „Вѣдомости“ многихъ епархій). Рѣчь прот. М. Павловскаго, сказанная въ Одессѣ 14-го февраля 1869 г., напечатана въ III т. Зап. Имп. Нов. унив. Въ болгарск. яз. Кирилловскій юбилей вызвалъ брошюру: „Споменъ на тысячелѣтнето отъ донѣтъ на смъртъ на святаго Кирилла“ (изд. книжар. на П. Р. Славейковъ, Цариградъ 1869). Какъ на образецъ словъ на празднованіяхъ памяти свв. Кирилла и Меодія въ Болгаріи до освобожденія можно указать: 1) „Слово за свв. Кирилла и Методія—изречено на годишното празднуваніе на славѣнски тѣ Апостолы и първы наставници, свв. отцы Кирилла и Методія и казано отъ трима ученицы въ главно то училище на Желѣзникъ, 11-го мая 1859 лѣто“ (нап. въ „Българскѣ Книжци“, съчпипатель Г. Кръстьевичъ, Цариградъ-Палата 1859, № 11); въ этомъ словѣ опредѣленно прово-

Меоодіевскій юбилей въ 1885 года вызвалъ появленіе очень многихъ рѣчей, словъ и статей въ честь обоихъ свв. братьевъ. Съ достаточной полнотой всѣ этого рода произведенія отмѣчены въ указателѣ И. Токмакова. Въ дополненіе къ этимъ указаніямъ я отмѣчу лишь нѣкоторыя произведенія, вызванныя юбилеомъ 1885 года. О. Θ. Миллеръ, который такъ всегда былъ отзывчивъ по всѣмъ вопросамъ общественной русской жизни, а также и по вопросамъ жизни славянъ вообще, въ 1885 году выступилъ съ нѣсколькими произведеніями въ честь свв. братьевъ; изъ произведеній этихъ особаго вниманія заслуживаетъ рѣчь, сказанная 13-го мая 1885 года въ собраніи славянскаго общества и посвященная памяти П. И. Костомарова—*„Даръ пятидесятиницы и наши первоучители“*¹⁾; рѣчь эта, замѣчательная

дятся мнѣнію о томъ, что Кириллъ и Меоодій болгаре, и настойчиво высказывается мысль о необходимости восстановленія самостоятельности болгарской церкви, и 2) „Слово, наречено въ болгарск-тя народна църква въ Цариградъ на 11-е майи—въ день-тъ на св. Кирилла и Методіа“ (изд. въ томъ же изд. за 1860 г., № 9); слово заключается обращеніемъ къ свв. братьямъ („наши мѣнородни съотечественниц“): „не ни оставяйте безъ помощь-тя си, но съ молитви-тъ—ни исходайте съ благодасть и сила, да възможетъ, като стоимъ на срѣцца на западни-тъ лжеучители, съ кои-то и вѣи сто си бореди за православни-тя истина, да противостоятъ на Еллипофанаріотски-тъ, кои-то вѣи не сте-ина ни, но кои-то сж успѣли да потычатъ помежду мнозина изъ наши-тъ братіа наследіе-то наше отъ Васъ болгарск-тя нашия писменности, болгарско-то богослуженіе“... Въ примѣчаніи къ этому „слову“ говорится: „това наше слово много злѣ дошло на римск-тя пропаганда, коіато дѣйствува рѣдъ вѣстиникъ Българий. Папшицки-тъ калуگری побѣсѣли, като го прочоли“... Работы о Кириллѣ и Меоодіи за періодъ 60-хъ годовъ на языкахъ чешскомъ, сербскомъ и польскомъ отмѣчены академикомъ Ягичемъ (см. его „Вопросъ о Кириллѣ и Меоодіи“).

¹⁾ Рѣчь эта начатана въ „Кіевской Старинѣ“ за сентябрь 1885 г.; помѣстить ее въ „Извѣстіяхъ Сиб. сл. общ.“—совѣтъ его отказался (объ этомъ см. „Очеркъ научной дѣятельности О. Θ. Миллера“ сост. Н. Ш. [Сиб. 1889], стр. 17); поправки къ реферату этой рѣчи, помѣщенному въ газетѣ „Новостяхъ“ послѣ ея произнесенія, Миллеромъ сдѣланы въ „Новостяхъ“ же отъ 19-го мая 1885 г. (№ 135).—Въ „Кіевской Старинѣ“ за апрѣль 1885 г. помѣщена любовитная руководящая статья—„Кириллъ и Меоодій—просвѣтители славянъ“; въ ней выражены пожеланія единенія славянъ—въ вѣрѣ и словѣ. Описаніе торжества 6-го апрѣля 1885 г.—въ Одессѣ см. въ „Херсонск. Епархіалны. Вѣдомостяхъ“, гдѣ (№ 11) и бесѣды епископа Никанора (въ основѣ мысль о широкомъ распространеніи школъ *церковныхъ*).—Рѣчи *I. Пероальфи*—въ Варшавскомъ унив. 6-го апрѣля 1885 г. (извѣст. въ Изв. Сл. Общ.)—переведена на чешскій языкъ (Nagodni Listy май 1885); о ней см. „Варш. Дневникъ“ 8 апр. 1885 г.—Въ брошюрѣ—„Бытовые очерки г. Николаева“ (изд. газеты „Южанинъ“—Николаевъ 1891)—даже описаніе торжества въ Николаевѣ 6-го апрѣля 1885 года съ текстомъ „религиозно-патріотическаго“ чтенія о свв. братьяхъ прот. О. Еланскаго.—

по своей оцѣнкѣ славянофильскихъ тенденцій, заканчивается выдающимся по широтѣ взгляда положеніемъ, что „борьба, которая ведется не со вчерашняго дня яко бы на вѣроисповѣдной христіанской почвѣ между западомъ и востокомъ, есть не что иное, какъ борьба междоусобная... Наши первоучители съ одной, Русь съ другой стороны стоятъ между этими, ведущими междоусобную брань, западомъ и востокомъ, однаково наслѣдовавшими, хотя и въ различныхъ видахъ слѣшкомъ многое отъ греко-римскаго дохристіанскаго государства... Конецъ междоусобной войнѣ положится только тогда, когда обѣ стороны перейдутъ наконецъ на почву *церкви*“, за которую вмѣстѣ съ Хомяковымъ слѣдуетъ признавать *вселенское православіе*.

Общій характеръ празднества 6-го апрѣля 1885 года, какъ празднества, имѣвшаго преимущественно церковный характеръ, отмѣченъ въ общественной хроникѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ (1885 г., № 5), гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ даны и указанія, почему оно не могло имѣть большого сходства съ праздникомъ 1867 г. и 1869 г. „Торжество по необходимости вѣроисповѣдное не было и не могло быть „всеславянскимъ праздникомъ“, не было ни „могучимъ толчкомъ“ къ взаимному сближенію славянъ, какъ полагаютъ одни, ни началомъ „истиннаго примиренія, разрѣшенія *стараяго спора славянъ между собою*“, какъ надѣются другіе. Всякое примиреніе должно исходить изъ того, что есть общаго между сторонами, а не изъ того, въ чемъ коренится

Въ бр. „Десять лѣтъ въ жизни мѣнской гимназіи“ (Мѣнскъ 1886)—рѣчь о Кириллѣ и Меодіи—преподавателя Королева.—Въ приложеніи къ циркуляру по упр. Одесск. учебн. округомъ за февраль 1886 г.—нап. рѣчь *С. П. Бракштейнъ*—„Заслуги первоучит. св. Кирилла и Меодія въ исторіи славянскаго просвѣщенія“.—Къ числу стиховъ, написанныхъ ко дню 6-го апрѣля 1885 года и отпѣченныхъ у г. Томакова, слѣдуетъ добавить—стих. *Гуцуковой*—„Святые братья“ (прилож. къ циркуляру по Одесск. учебн. округу за 1886 г., № 2) и *И. И. Искры*—„Азъ-бука“—нап. въ Одесск. газетахъ отъ 7-го апрѣля 1885 г., въ №№, въ которыхъ дано и описаніе торжества 6-го апрѣля въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ „Циркулярѣ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ“ за 1885 (въ приложеніяхъ) нап. рѣчи, сказанныя 6-го апрѣля 1885 г. въ разлчн. учебн. заведеніяхъ названнаго округа: А. Барсова, И. Виноградова, Шульгина, Е. Козубекаго, В. Мартыновскаго („Дѣят. Кирилла и Меодія и русское самодержавіе, какъ два знаменательнѣйшіе факта въ исторіи національной самобытности славянъ“) и А. Славинскаго. Объ извѣстной повѣсти словака Яна Голаго (Нолу)—„Кирилло—Меодіада“, которая вышла въ Будѣ въ 1835 г. съ приложеніемъ житія обонхъ апостоловъ.—см. *Я. Волчекъ*—„Исторія словацкой литературы“ (русск. пер. А. Оуфермана) Кіевъ 1889—стр. 23; ст. того же *А. Оуфермана* въ Кіевск. Унив. Изв. 1886 г. и у *Пича*—„Очеркъ полит. и лит. ист. словаковъ“. —„Сл. Сб.“ 1875 т. I. стр. 139.

одно изъ главныхъ ихъ различій“,—таковъ выводъ названнаго журнала изъ обзора главныхъ положеній различныхъ рѣчей и руководящихъ статей по поводу 6-го апрѣля 1885 г. ¹⁾).

Изданная въ Болгаріи—„Сбирка отъ рѣчи и скаски, парочито приготвени и сказани при уречени случаи прѣзь тържеството отъ 6-го априлий 1885 въ София“ ²⁾—содержитъ рѣчи В. Друшева, А. Балана, митр. Климента, Балабанова и др.; почти все оны посвятъ характеръ публицистическихъ статей, дающихъ очень мало матеріала для ознакомленія съ фактами эпохи свв. Кирилла и Меодія и съ ихъ личными трудами. Статья А. Балана—„Идеята за тържеството и нейното осъществение“—сообщаетъ порядокъ празднованія (6-го апрѣля 1885), задуманнаго въ „Славянской Бесѣдѣ“ въ Софіи, и даетъ нѣсколько указаній объ изданіяхъ, появившихся въ Болгаріи къ этому дню.

М. Г. Попруженко.

¹⁾ Общія обзорнія празднованій 6-го апрѣля 1885 г. даны во многихъ журналахъ того времени. См., напримеръ, „Народная Школа“ (ред.-изд. Питковскій) апрѣль, стр. 59 и слѣд. (здѣсь между прочимъ помѣщены и стихотв. К. Случовскаго и М. Розенгейма); помѣщены такого рода обзорнія и въ др. общ. соед. журналахъ того времени; почти во всѣхъ высказана одна мысль, что „общеславянская“ сторона праздника 6-го апрѣля не удалась.—Въ журналѣ „Наблюдатель“ май (1885 г.) гр. Петръ Кутузовъ помѣстилъ ст. „Поѣздка въ Велеградъ“; въ ст. этой основной мотивъ разсужденія о славянской розни, съ которой авторъ предлагаетъ покончить, хотя ради 1000-лѣтняго юбилея св. Меодія. „Русскій Вѣстникъ“ (апрѣль 1885) сильно и рѣзко возставалъ противъ торжествъ въ честь свв. братьевъ въ Велеградѣ и выражалъ свое недоуміе по тому поводу, что „на тысячелѣтнемъ юбилей св. Меодія можетъ совершаться латинская месса“.

²⁾ Изд., какъ особое приложеніе къ 14 кн. журнала „Периодическо Списание“. (Сръдецъ 1885).

„АЛЕША ПОПОВИЧЪ“ И „ВЛАДИМИРЪ“ ЖУКОВСКАГО.

Тѣсная связь романтизма съ идеей народности—вотъ вопросъ, который, по поводу Жуковскаго—романтика, поднимала современная ему критика. Полевой и Бѣлинскій равно отрицали у него живое чутье русской народности, ея быта и поэзіи; разница была въ томъ, что для Полеваго Жуковскій едва успѣвалъ разложить одинъ изъ лучей романтизма, „осіявшаго“ всю Европу, тогда какъ по мнѣнію Бѣлинскаго Жуковскій потому только и романтикъ, что не заразился народностью, пониманіе которой въ его время еще не созрѣло. Съ отрицательной стороны этого приговора нельзя не согласиться. Нашимъ поэтамъ—сентименталистамъ русскій бытъ и русская природа представлялась сквозь призму Кларана и идеализованныхъ „швейцаровъ“; Жуковскій присоединилъ къ нимъ и гебелевскихъ поселанъ, отъ которыхъ не вѣетъ русскимъ духомъ, не смотря на то, въ переводѣ „Овсянаго киселя“ слово *Esel* замѣнилъ „гнѣдко“—и овестъ „скородять“. Схема и рефлексія обязывали къ извѣстной повышенности настроенія и выраженія и глаза не открывались на тѣ особенности, которыя видѣлъ въ нашихъ пѣсняхъ Полевой: „Именно въ ихъ простотѣ и грубости выраженія и изложенія заключаются красоты необыкновенныя“, выразился онъ по поводу Мерзлякова и другихъ перелазателей народныхъ пѣсенъ (Очерки I, 436). У Жуковскаго нѣтъ ничего похожаго на свѣжую сезенгеймскую пѣсенку *L'été*: *Es sah ein Knab' ein Böslein stehn*, наша народная пѣсня его не вдохновила ни своимъ просторомъ, ни формой, къ которой былъ такъ чутокъ Пушкинъ, которая вызывала подражанія Дельвига и теоретическо-патріотическіе восторги Кюхельбекера. Что до стихотворныхъ сказокъ Жуковскаго, то въ нихъ Русью отзываются развѣ имена Берендея,

Ивана Царевича, фантастика не тронута новымъ пониманіемъ или прозой Тика. Пока примѣръ Пушкина не побудилъ Жуковскаго къ литературной обработкѣ сказокъ, онъ интересовался ими такъ сказать поодаль, какъ интересовался и Батюшковъ (Соч. I, 240), просилъ знакомыхъ записывать ихъ: „Это національная поэзія, которая у насъ пропадаетъ, потому что никто не обращаетъ на нее вниманія: въ сказкахъ заключаются народныя мѣткія, суевѣрныя преданія даютъ понятіе о правахъ ихъ и степени просвѣщенія и о старинѣ“ (письмо къ Дергачу зимою 1816 г.). А между тѣмъ онъ часто искалъ на сторонѣ то, что было у него подъ рукою, свою „Спящую царевну“ въ сказкахъ Перрѣ (Полевой, Очерки I, 112), „Кота въ сапогахъ“ и „Тюльпанное дерево“ въ собраніи Гриммовъ. Въ 1831 году Пушкинъ (въ письмѣ къ Плетневу) ждетъ отъ него новыхъ балладъ („было съ нимъ сбывается опять“, повторяетъ онъ слова Жуковскаго), но что это такое: переводы или сочиненія? „Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковскій, говоритъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать себѣ сказки и потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничѣмъ не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минсею, особенно легенды о Кіевскихъ чудотворцахъ: предельная простота и вымысла“. Совѣтъ хорошъ, но едва ли Жуковскій пошелъ бы далѣе слейно-поэтическихъ пересказовъ: тутъ было мѣсто для его „дѣйствованій“, какъ выразился о немъ кн. Вяземскій, тогда какъ Тиковская *Genoveva* вся состоитъ изъ сплетенія земныхъ и небесныхъ мотивовъ, христіанскаго аскетизма и такихъ эпизодовъ, какъ подсказанная Шекспиромъ сцена у балкона, вся сотканная изъ любви и звѣздъ, цвѣтовъ и луннаго свѣта.

Понятно, что при указанныхъ условіяхъ, русскій бытъ и природа должны были являться въ нѣсколько отвлеченныхъ поэтическихъ образахъ, не свидѣтельствующихъ о непосредственномъ наблюденіи. Въ первомъ текстѣ „Марьиной рожи“ Марія сидитъ за самопрядкой и роняетъ веретено; издатель Аглаи замѣтилъ автору, что Марія могла уронить веретено только сидя за прядкой, Жуковскій отдѣльвается шуткой: его Марьяна рожа, будто бы, вся основана на древнихъ рукописяхъ и преданіяхъ; въ одной рукописи, современной, кажется, великому князю Владимиру, сказано, что Марія сидѣла за самопрядкой, въ другой, времянъ Владимира Мономаха, говорится о веретенѣ.

Авторъ свелъ оба показанія, пожертвовавъ естественною вѣроятностью вѣрности исторической. „Для чего бы, напрѣмъръ, и мнѣ, вмѣсто того, чтобы умирать со скуки надъ пыльными, едва понятными записками древнихъ быто-писателей, не спросить у первой попавшейся мнѣ крестянки: имѣеть ли она въ рукахъ веретено въ то время, когда сидитъ за самопрялкой? Она отвѣчала бы мнѣ рѣшительнѣе всякаго малускрипта, современнаго великому князю Владимиру“. Показателемъ русской природы, въ сентиментальномъ освѣщеніи Жуковского, является въ „Марьиной рощѣ“ и „Трехъ поясахъ“ цвѣтокъ: Маткина душика. Въ „Свѣтланѣ“ русскихъ бытовыхъ подробностей больше, но онѣ декоративныя, не подчеркивающія впечатлѣнія—народности.

Историческія повѣсти и поэмы Жуковского отражаютъ то же пониманіе въ области народной старины. Отъ неконченнаго „Вадима Новгородскаго“ до затѣяннаго „Владимира“ Жуковский продолжаетъ идти въ колеѣ „Добродѣтельной Розаны“ Лазаревича (1782), „Наталіи, боярской дочери“ Карамзина (1792), его же „Марфы Посадницы“ и апопимной „Ольги“, ливившейся въ одинъ годъ съ Вадимомъ; „Оскольдъ“ М. П. Муравьева, напечатанный въ 1810 году, написанъ, быть можетъ, ранѣе. Вездѣ одинъ и тотъ же сентиментально-классическій или оссіановскій, позже романтически-рыцарскій репертъ (Кюхельбекеръ, кн. А. П. Одоевскій); историческое освѣщеніе въ уровень съ сказками Чулкова; какъ русская природа идеализовалась на манеръ швейцарской Аркадіи, такъ и на народную старину переносили укладъ западной средневѣковой жизни, отъ Атиллы до рыцарства включительно. Оттуда шла и фантастика, наивно мѣшавшаяся съ тѣмъ, что знали о русской, ставившая Перуна рядомъ съ Однимъ (у Екатерины II), бабу ягу съ Венерой (Державинъ, „Добрыня“), „Барды“ держатся у насъ отъ Державина до Жуковского и Языкова; въ „позвіи“ Карамзина бардъ—Моисей. Излюблены русско-варяжскія отношенія и пошла въ ходъ скальды и Валгалла, Валки—Валкириі; скальды и Бальдеръ, Перунъ и Радегастъ перенесены въ временаъ Атиллы въ славянскихъ гнѣсныхъ Львова, подражаніи амазонскимъ гнѣснямъ Вейса, которыя Львовъ считаетъ славянскими (Ипшкрена, 1801 г. часть 8, стр. 250 слѣд. ч. 10, стр. 353 слѣд.; сл. ів. ч. 9 его элегіи къ Миленѣ и къ Богамъ). Имена богатырей взяты изъ Чулкова, изъ него же или изъ Попова, Львова, Кайсарова—фантастическая славяно-русская мифологія: Перунъ, Святovidъ, Лада и волшебница Добрада. Державинъ (Добрыня) нашелъ ее въ чулковской

сказкѣ, гдѣ она — благодѣтельная фея, покровительница Добрыни, который и получилъ отъ нея свое имя; въ другомъ мѣстѣ Державинъ описываетъ „домъ благодатныя, неблазныя Добрады, Богини всякаго добра“, съ примѣчаніемъ, что это „богиня древнихъ сѣверныхъ народовъ“ (Обитель Добрады 1808 г.). Она является въ „Трехъ поясахъ“ Жуковскаго, мы съ ней еще встрѣтимся. — У Хераскова Усладь—славянский богъ, какъ у Глинки (Древняя религія славянъ) и Кайсарова (Славянская мифологія, съ ссылкой на Хераскова); „богъ пиршествъ и роскоши, чтимый въ Кіевѣ“ (Львовъ въ Иппокренгъ 1801 г. часть 9, стр. 231, прим. 5); у Жуковскаго это подходящее имя для влюбленнаго пѣвца, въ которомъ онъ любилъ изображать себя (Марыина Роща; въ „Жалобѣ“, передѣлкѣ Шиллеровскаго *Der Jüngling am Bache*, Усладь замѣнилъ безыменнаго *Jüngling*, Кнабе)¹⁾; авторъ „Ольги“ изобрѣтетъ и „Разсуду-Минерву“. Сказывается вліяніе мотивовъ „Слова о полку Игоревѣ“: Херасковъ подражаетъ плачу Ярославны, „Баянъ“ обобщается въ томъ же значеніи, какъ бардъ и скальдъ. Среди именъ Владимира, Игоря, Гостомысла (богатырь у Глинки), Радегаста (богъ варяжскихъ славянъ у него же, Кайсарова, Львова) посчастливилось Рогдаю Никоновской лѣтописи: Херасковъ въ своемъ „Владимирѣ возрожденномъ“ (1785 г.) изобразилъ этого рыцаря вольнодумцемъ, готовымъ помѣряться съ Богомъ; у Львова онъ стоитъ въ перечнѣ владимирскихъ богатырей (Яна, Рогдая, Муромца Ильи, Александра, Андриана, Добрыни. Иппокрена. 1801 г. ч. 10, стр. 409). Его знаетъ Жуковский („Марыина роща“ 1803 г.), Нарѣжный (Славянскіе вечера 1809 г.: Рогдай); въ балладѣ Кюхельбекера („Рогдаевы псы“) онъ — новгородскій посадникъ, могучій и смѣлый, попавшій „въ опасный полонъ нескондой любви“ къ своей ливанской плѣнницѣ, которая предпочла ему другого похитителя—татарина. Тема та же, что въ сказкѣ Пушкина (Людмила и Усладь).—Но въ особенной модѣ Вадимъ. Онъ издавна явился типомъ патріота, либо носителемъ общественной идеи: онъ интересуется Екатериною II, Княжнина, Хераскова и Муравьева, Карамзина и Жуковскаго, Раевского, А. С. Пушкина и Рыльева. Княжнинъ сдѣлалъ его глашатаемъ народной свободы, но пьеса изъята была изъ обращенія; въ Оскольдѣ Муравьева Вадимъ, возставшій противъ Рюрика и потерпѣвшій поражение, явился въ

¹⁾ См. Полн. собр. соч. кн. Виземскаго т. III № СІ и сказку В. Л. Пушкина „Людмила и Усладь“ на тему, что собака втрѣе любовницы, Труды общества любителей русской словесности ч. XIII.

освѣщенія сентиментализма и оссіанизма на классической канвѣ: на сценѣ „дѣвы мстительницы“, сѣверныя „неутомимыя валки“, чертоги Одина, восторженный скальдъ и Вальмиръ, питающій на дикахъ берегахъ Чудскаго озера глубокую свою задумчивость. Вадимъ Жуковскаго написанъ въ томъ же тонѣ. Мѣсто дѣйствія берега Ладоги, осенній вечеръ; солнце катится въ шумящее озеро, воетъ вѣтеръ, летятъ мрачныя облака и дымятся сѣдые туманы. Изгнанникъ Гостомысль, когда-то властитель Новгорода, которымъ завладѣли иноплеменники, сидитъ на порогѣ хижины и поетъ подъ звуки арфы: „Шумите, шумите вѣтры, чада угрюмага Посвиста (Борей славянскій)“. Сюда является къ нему Вадимъ, сынъ Гостомыслова друга Радегаста, прелестный, какъ Дагода (=Зефиръ), величественный, какъ Святовидъ (богъ лѣта и брака, которому поклонялись славяне Рюгена). Онъ когда-то видѣлъ Гостомысла въ его величїи, грознымъ полководцемъ, видѣлъ славянь, благословляющихъ память изгнанника Радегаста, видѣлъ вѣнцы, летящїе къ ногамъ его сына, и „вообразилъ себя сыномъ Великаго Новгорода“. Что разумѣется подъ „гражданиномъ“, остается неяснымъ, ибо повѣсть, плагъ которой снятъ съ флоріановскаго Вильгельма Телля, не кончена, но мы можемъ предугадать освѣщеніе Жуковскаго, если вспомнимъ, что для него понятія гражданственности, свободы, исчезали въ требованїи личнаго развитїя, преуспѣянїя человѣчности, „души“. Позже обновляется Княжнинскій взглядъ на Вадима; когда Кюхельбекеръ читалъ въ Парижѣ о либеральномъ движенїи въ Россїи, Вадимъ былъ для него представителемъ Новгородской вольности; такъ и въ неоконченной думѣ Рылѣва.

Уже первыя послѣ Вадима повѣсти Жуковскаго, „Три пояса“ и „Марына Роца“ (1808), даютъ понятїе о той идеалической и вмѣстѣ торжественной утопїи, какой представлялась ему русская древность. Между этими повѣстями, не лишенными автобіографическаго значенїя, и Двѣнадцатью Спящими Дѣвами (Громобой 1810 г., Вадимъ 1817 г.), слѣдуетъ помѣстить „комическую оперу“, до сихъ поръ остававшуюся въ рукописи и, вѣроятно, никогда не предназначавшуюся къ обработкѣ: „Богатырь Алеша Поповичъ, или страшныя развалины“. Она въ прозѣ, съ стихотворными партїями, романсами и дуэтами для пѣнїя, и снабжена подробными сценическими указанїями. Набросокъ писанъ на бумагѣ 1804 г.; въ томъ же году Державинъ напечаталъ своего Добрыню, театральное представленїе съ музыкой, содержанїе котораго нагѣлно Чулковской сказкой. Связь между этой пьесой и либретто Жуковскаго представляется очень вѣроятной: то же смѣ-

шеніе прозы съ пѣснями, при чемъ во многихъ случаяхъ преимущество народнаго колорита на сторонѣ Державина; тотъ же кропотливый сценарій, есть сходныя положенія, тѣ же роли Добрады и Торопа, комическая партія котораго намѣчена; Жуковский довелъ своего Барму до шаржа. Разница въ фантастикѣ: у Державина она сказочно-классическая, Жуковский ударился теперь въ ту фантастику, которую ввели въ моду нѣмецкіе романы 80—90 годовъ, полные привидѣній и разбоевъ, кровосмѣшеній и таинственной игры случая. Все это нравилось Жуковскому, пока въ грубоватомъ подражаніи, и все это одухотворяется: Алеша приготовитъ Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ, пересказанныхъ по роману Шписа. Какъ Вадимъ будитъ дочь грѣшнаго Громобоя изъ ея волшебнаго сна и женится на ней, такъ въ либретто Алеша Поповичъ путемъ разныхъ приключеній добываетъ дочь Громобоя Любириу, которую скупой бояринъ не хотѣлъ выдать за бѣднаго богатыря; Вадимомъ руководитъ какой-то таинственный старецъ, Алешей духъ убитой мужемъ Милолики, являющійся въ видѣ старца. Судя по тому, что въ трехъ мѣстахъ рукописи вмѣсто Любириу стоитъ зачеркнутое имя Матильды, мы вправѣ предположить, что, какъ для Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ, Жуковский могъ заимствовать канву либретто изъ какого-нибудь нѣмецкаго источника; имя Матильды напоминаетъ героиню Новалиса (Heinrich von Ofterdingen). Освѣщеніе русской жизни—средневѣковое рыцарское; кромѣ Алеши, богатыри (Добрыня Никитичъ, Чурило Пленковичъ, Василій Богуславичъ, Ерусланъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ) являются исключительно въ качествѣ хора: ихъ застава—гостиница Силузна, къ которой дѣйствіе постоянно возвращается; они пьютъ подъ пѣсню и балалайку Соловья-пѣвца, либо куда-то ѣдутъ, и снова въ гостиницѣ. Соловей видѣлъ въ Кіевѣ, какъ на „играхъ богатырскихъ“ отличился Алеша, видѣлъ, „что вы очень умильно поглядывали на прекрасную Любириу, дочь боярина Громобоя, что вы даже краснѣли, когда нечаянно встрѣчались съ нею глазами, что она сама краснѣла, что вы одни ее занимали“. Алеша сознается, что влюбился: „побѣдилъ и остался побѣжденнымъ“. Илья говоритъ въ томъ же тонѣ: Видно плѣнила тебя какая-нибудь красная дѣвушка, спрашиваетъ онъ Чурилу. Чурило: „Я не смотрѣлъ на нихъ! И было ли время смотрѣть?“ „Не смотрѣлъ! Право? Какой чудакъ! Для чего же ты живешь на свѣтѣ? По моему.... челоуѣкъ, у котораго сердце не забьется при видѣ красавицы, конечно безъ нужды бременить землю. Я бы посоветывалъ ему поскорѣе утопиться“. Любириу, успѣвшая полюбить

Алешу, просватана за богатаго Калиту, но Алеша получить ея руку, если совершить подвигъ—искупленія. Недалеко отъ Кіева стоялъ замокъ богатыря Горюна, котораго прозвали разбойникомъ „за то, что онъ разбойничалъ по дорогамъ; говорятъ, что онъ былъ другъ одного злаго чародѣя людодѣда, безбожника, сожженного молніей Перуна“. Долго онъ „проказничалъ на семь свѣтѣ, не было отъ него проходу ни встрѣчному, ни поперечному“; онъ зарѣзалъ свою жену, Милолику, духъ которой не знаетъ съ тѣхъ поръ покоя; наконецъ онъ и самъ пропалъ не вѣдомо куда, замокъ его обратился въ развалины, „тамъ дѣлаются страшныя чудеса: тамъ видятъ огромныхъ волотовъ съ огненными глазами, рогатыхъ лѣшаевъ, русалокъ, которыя кричатъ, воютъ, плачутъ“. Въ развалинахъ богатый кладъ, кто успокоитъ духъ Милолики, тому онъ и достанется. Алеша смѣется надъ этими розказнями: онъ „пересмѣшникъ“, какъ въ былинахъ ¹⁾, влюбленъ, какъ и былевой Алеша охотникъ до любовныхъ приключеній: можетъ быть, такая же идеализація пѣсеннаго типа, какъ кощунствующій Рогдѣй у Хераскова напоминаетъ былинну о гибели богатырей на Руси.—Милолика является ему въ образѣ старика и говорить, что онъ достигнетъ своей цѣли, т. е. достанетъ Любимиру, если побѣдитъ препятствія и не забудетъ „о бѣдномъ, страдающемъ духѣ въ ужасныхъ развалинахъ“; то же повторяетъ ему и его покровительница, волшебница Добрада: онъ избранъ Чернобогомъ, чтобы прекратить страданія Милолики, и въ награду за смѣлость получить руку милой. Въ дальнѣйшихъ подвигахъ Алеша принимаетъ участіе его оруженосецъ Барма (сказочное имя) „кудрявая голова“, трусь, хвастунъ и объѣдало, напоминающій своей ролью Лепорелло; въ сущности, одна его партія и даетъ право на названіе оперы комической. Прежде всего Алеша ѣдетъ къ Громобой, говорить, что любитъ его дочь, „какъ должно совѣстному богатырю“ и „что одна любовь дѣлаетъ жену счастливою“ и т. д. Громобой отказывается; „Бѣдный я человекъ! плачется Алеша; Лада жестоко отмстила! Я прежде смѣялся надъ любовью, называлъ ее сумашествіемъ, думалъ объ однихъ сраженіяхъ, гонялся за дикими звѣрями, побивалъ войска и побуждалъ богатырей, теперь люблю страстно, пламенно... Но развѣ нѣтъ никакой надежды?... а волшебница Добрада?“ Онъ готовъ дѣйствовать.

¹⁾ „Богатырь, забавнѣйшій изъ всѣхъ, заслужившихъ сіе имя“; „не столько славенъ своею силою, какъ хитростью и забавнымъ нравомъ“. См. Чулковъ, Русскія сказки, Повѣсть о Добрынѣ.

Между тѣмъ въ теремъ Любири, бесѣдовавшей съ мамкой о своей несчастной любви, является въ образѣ дѣвочки Добрада и поетъ подъ звуки лиры романсъ, въ которомъ вѣщаетъ ей, что „милый другъ сердца“ скоро явится. Волшебница исчезла, а Алеша уже въ теремѣ; происходитъ объясненіе въ любви, прерванное появленіемъ Калиты и Громобоя; его челядь окружила и обезоружила Алешу, но раздается громовый ударъ, является „духъ въ видѣ воина, покрытаго черными латами съ закрытымъ забраломъ шлема“. Развѣ мало одного убійства? обращается онъ къ Калитѣ; при этомъ задняя декорация поднимается, „виденъ черный лѣсъ, на землѣ лежитъ женщина, окровавленная, съ кинжаломъ въ груди. Геній смерти въ покрывалѣ съ потушенною головою, обративъ факель жизни, погашаетъ его“. Женщина эта—Мирослава, дочь стараго Добрыни, убитая Калитой за то, что отвергла его любовь. „О Перунъ! я погибъ!“ кричитъ Калита и падаетъ на землю; духъ и Алеша Поповичъ исчезаютъ.—Богатыри сидятъ у Силуяна, они узнали объ участи Алешы и готовятся отмстить за „названнаго брата“, когда является и онъ самъ; комическая сцена съ Бармой, который слышалъ о приключеніи въ палатахъ Громобоя и принимаетъ Алешу за привидѣніе. Между тѣмъ Громобой готовится бросить дочь въ погребъ, пока она не согласится на бракъ съ Калитой, но Добрада въ видѣ гения съ арфой уводитъ ее на глазахъ у всѣхъ, а духъ Милолики (въ образѣ старушки) говоритъ, будто Любомира утопилась въ Днѣпрѣ; Калиту она предостерегаетъ, что онъ семь разъ будетъ убійцей невинныхъ для искупленія смерти своей матери; шесть убійствъ уже совершилось, седьмое совершится съ его смертью. Калита оказывается сыномъ Милолики.—Въ слѣдующемъ явленіи Алеша и Барма ѣдутъ къ развалинамъ по лѣсу, мѣсяцъ свѣтитъ, Добрада въ видѣ мальчика передъ ними съ факеломъ въ рукѣ; Барма труситъ, какая-то рука бьетъ его по зубамъ; онъ принимаетъ дерево за великана, проситъ, чтобъ ему позволили вернуться, и ужасный духъ съ дубиною и огромнымъ фонаремъ отводитъ его назадъ въ гостиницу. — Алеша въ развалинахъ: „на стѣнахъ мохъ, трава, окна, двери обрушились. Въ горницѣ, пространной, со сводомъ, видны признаки скорого бѣгства. Разбросанныя платья, на столѣ горятъ два свѣтильника, на полу кинжалъ“. Явленіе духа Милолики. „Меня умертвилъ супругъ мой. Я спасла одного несчастнаго юношу, котораго онъ измѣнически заманилъ въ свой замокъ, затѣмъ, ограбивъ, закололъ“. Алеша долженъ отыскать мѣсто, гдѣ погребенъ Горюнь, и похоронить съ нимъ тѣло Милолики, брошенное имъ въ источникъ;

лишь тогда она успокоится „въ объятіяхъ Чернобога“; ея сынъ Калита никогда не зналъ ни отца, ни матери, и не узнаеть (какъ въ романѣ Шписа, что Жуковский опустилъ въ своихъ „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвахъ“); онъ долженъ семь разъ сдѣлаться убійцей въ 34 года своей жизни, „когда же они пройдутъ, онъ долженъ въ отмщеніе умереть отъ руки своей матери“. Алеша обѣщаетъ все сдѣлать; духъ исчезаетъ; Добрада съ пальмовой вѣтвью является позади богатыря и уводитъ его собою. Бьетъ 12 часовъ, входитъ Барма (духъ привелъ его не въ гостиницу, а къ развалинамъ) и съ испуга прячется подъ столъ; привидѣнія бѣгаютъ по горницѣ, поютъ „страшнымъ хоромъ“, пляшутъ, но дѣлаются недвижимыми при появленіи Добрады; столъ, подъ которымъ сидѣлъ Барма, исчезаетъ, и самъ онъ вылетаетъ въ окно на огромной летучей мыши. Шумъ и трескъ, занавѣсъ падаетъ.

Богатыри сидятъ въ гостиницѣ; входитъ Милолика въ видѣ богатыря, въ черной бронѣ, съ пергаментнымъ свиткомъ въ рукахъ, обернутымъ въ черныи крекъ, и приглашаетъ всѣхъ въ замокъ Громобоя быть свидѣтелемъ его поединка съ Калитой: онъ убійца Милолика. Богатыри обѣщаются и идутъ искать Алешу, чтобы и ему сообщить это извѣстіе. Между тѣмъ Алеша плутаетъ по лѣсу, напелъ Барму, котораго летучая мышь оставила на утесѣ, но служители Добрыни признали его по вооруженію, похожему на вооруженіе Калиты (голубой панцирь, бѣлое перо на шлемѣ), за убійцу ихъ боярышни, осилили его и ведутъ. „То-то молодець! На силу его взяли, говоритъ Барма, спрятавшійся во время боя въ кусты. И я не трусь! Я бы имъ не дался въ руки! Но въ чужія дѣла не люблю вмѣшиваться“. Когда Добрада, явившись въ видѣ дочери лѣсника, спрашивается, откуда онъ, онъ отвѣчаетъ, что прямо изъ сраженія: „мы сражались какъ отчаянные!... Всѣ убѣжали. Я одинъ, какъ видишь, остался непобѣдимымъ“. Добрада хочетъ проучить хвастуна; въ слѣдующей продѣлкѣ участвуетъ и Милолика, являющаяся то дѣвушкой, за которой начинаетъ ухаживать Барма, то старухой. Шутка кончается тѣмъ, что духи окружаютъ Барму и выгоняютъ его бичами.

Богатыри прѣзжаютъ къ Громобою, Чурило обвиняетъ Калиту и бой назначенъ. Милолика освобождаетъ Алешу, котораго Добрыня заключилъ въ погребъ; Добрыня она говоритъ, что убійца его дочери—Калита, съ нимъ сразится Алеша.

Мѣсто поединка огорожено черными перилами, на черныхъ скамьяхъ судьи поединка въ черныхъ латахъ. Во время боя является духъ

Мирославы и Милолика въ образѣ старика: она удерживаетъ Калиту, бросающагося съ булавой на Алешу, у котораго сломался мечъ; заставивъ Калиту признаться въ убійствѣ и принявъ свой собственный видъ, она поражаетъ его кинжаломъ: „умирай отъ кинжала своей матери“!

— „Моя мать!“ восклицаетъ онъ, падая.

Громобой горюетъ по дочери; онъ одинокъ, на что ему богатства? Онъ сталъ добрѣе и приютилъ у себя старушку—Любимиру и мальчика—Добраду: онъ замѣняетъ ему потерю. Любимира открывается ему; отецъ въ восторгѣ, посылаетъ за Алешей и богатырями, велитъ все готовить для помолвки, хочетъ веселиться.

А между тѣмъ Алеша съ Бармой ѣдутъ къ пустыннику—Милоликъ: она показываетъ Алешѣ его будущее (видѣніе его брачнаго торжества въ храмѣ Лады) и прошедшее (видѣніе Алеши-пловца, корабль котораго разбивается о камни, старикъ является посреди волнъ и спасаетъ его) и говорить о несчастномъ, тридцать лѣтъ томящемся здѣсь въ подземельѣ: онъ страдаетъ „за свои преступленія, желаетъ смерти, которая бѣжитъ отъ него, проклинаетъ жизнь и живетъ“, пока какой-нибудь смѣлый юноша не согласится добровольно подать ему руку помощи. Алеша сходитъ въ подземелье (пока Добрада потѣшается надъ Бармой); передъ нимъ Горюнь въ цѣпяхъ, блѣдный, сухой, борода по колѣна; когда-то онъ звался Пересвѣтомъ, затѣмъ его прозвали Горюномъ; убійства и грабежи были ему забавой; когда онъ закололъ Милолику, духи мщенья повергли его въ подземелье, заковали въ оковы; здѣсь онъ томится, милосердный пустынникъ (Милолика) приноситъ ему пищу. Алеша говоритъ ему, что успокоеніе Милолики требуетъ, чтобы онъ оставилъ это мѣсто; оковы падаютъ съ Горюна; громовый ударъ, и онъ узнаетъ глухой глѣсъ, источникъ, куда онъ бросилъ тѣло убитой, въ сторонѣ развалины замка. Алеша открываетъ ему, что онъ до тѣхъ поръ будетъ страдать и странствовать, пока его прахъ не будетъ покоиться подлѣ костей Милолики. „Рѣши-жь, Пересвѣтъ!“ и тотъ готовъ безъ трепета покориться, приближается къ источнику и падаетъ въ него, сраженный молніей. Преображенная Милолика является въ облакѣ, съ оливковой вѣтвью въ рукахъ, благодаритъ Алешу за свое избавленіе; сокровища въ развалинахъ достанутся ему, пусть спѣшитъ въ объятія Любимиры.

Либретто кончается картиной съ участіемъ Добрады и духовъ: пылающій жертвенникъ, богатыри; Любимира бѣжитъ въ объятія Алеши, Громобой соединяетъ ихъ руки.

Таково содержаніе „Алеши“; онъ остался въ черновикѣ, но Громобой и Вадимъ вышли изъ тѣхъ же матеріаловъ. Надо слѣдить эти „баллады“ съ внушившихъ ихъ романомъ Шписа, чтобы оцѣнить приемы „подражательнаго творчества“ Жуковского. Ненужныя повторенія фантастическихъ приключеній удалены, планъ сталъ яснѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго, нездѣшняго усилилось; по обычаю смягчены эпизоды соблазнительнаго или вообще реальнаго характера: нѣтъ безконечныхъ любовныхъ искушеній, опущенъ рассказъ о необычныхъ условіяхъ, въ которыхъ, по требованію сатаны, долженъ родиться Вилибальдъ-Вадимъ. Въ концѣ романа Вилибальдъ женится, у него 8 сыновей и 4 дочери; у Жуковского все это окружено какой-то неизъяснимой тайной: тайна въ храмѣ, гдѣ

Передъ угодникомъ горитъ,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда,

гдѣ кто-то „свѣтлый“ простерся въ алтарѣ передъ потиромъ, тогда какъ Вадимъ съ подругой очутились передъ налоемъ и слышится „гимнь вѣчный“. Все это едва намѣчено, не досказано, все ведетъ къ сценѣ искупленія грѣшника. Этого искупленія ждуть, и увѣренность является;

И было все для нихъ отвѣтъ:
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскресенныя древеса
Съ вершинами живыми,
И, какъ безсмертье, небеса
Спокойныя надъ ними.

Впечатлѣніе такое, какъ будто все это дѣется гдѣ-то „тамъ“, въ мірѣ сказки, воздвигающей на Днѣпрѣ, подъ Кіевомъ, средневѣковые замки и надвѣвающей новгородскаго Вадима не только красотой, мужествомъ „и сердца простотою“, но и настроеніемъ сентименталиста:

Чего искать? Въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?...
Все, все Вадиму говорить
О чемъ-то неизвѣстномъ.

„Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“ даютъ намъ приблизительное понятіе о томъ, что вышло бы изъ поэмы Владимиръ, которую Жуковский затѣялъ въ 1809—1810 годахъ и слѣды которой можно намѣтить до 1819 года. „Пиши своего Володимира“, поощряетъ его Батюшковъ 26-го іюня 1810 года; плачь еще зрѣетъ въ его головѣ; онъ готовится къ нему, хочетъ „имѣть основательное понятіе о древности славянскои и русской“; затѣваетъ путешествіе въ Кіевъ (письмо къ Тург. авг. 1810); въ слѣдующемъ письмѣ (12-го сентября) онъ открываетъ: Тургеневъ совѣтовалъ ему предпочесть Святослава Владимиру, но „Владимиръ есть нашъ Карлъ Великій, а богатыри его—тѣ рыцари, которые были при дворѣ Карла; сказки и преданія пріучили насъ окружать Владимира какимъ-то баснословнымъ блескомъ, который можетъ замѣнить самое историческое вѣроятіе. Читатель легче вѣрить вымысламъ о Владимирѣ, нежели о Святославѣ, хотя послѣдній по героическому характеру своему и болѣе принадлежитъ поэзіи, нежели первый. Благодаря древнимъ романамъ, ни Аріосту, ни Виланду никто не поставилъ въ вину, что они окружили Карла Великаго рыцарями, хотя въ его время рыцарства еще не существовало. Что же касается святости Владимира, то можно говорить объ немъ и заставить его дѣйствовать приличнымъ образомъ по историческому характеру; къ тому же главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ не онъ, и я его сдѣлаю точкою соединенія всѣхъ историческихъ дѣйствій, для сохраненія единства. Поэма же будетъ не героическая, а то, что нѣмцы называютъ *romantisches Heldengedicht*, слѣдовательно я позволю себѣ смѣсь всякаго рода вымысловъ, но на ряду съ баснею постараюсь вести истину историческую и съ вымысломъ постараюсь соединить и вѣрное изображеніе нравовъ, характера времени, мнѣній, позволяя, однако, себѣ нравы и мнѣнія временъ до Владимира перенести въ его время, ибо это принадлежитъ къ вольности стихотворнаго дворянства, даннаго нашей братіи императоромъ Фебомъ“.

О „Владимирѣ“ упоминаетъ Жуковский и въ письмахъ къ Тургеневу отъ 4-го и 7-го ноября того же года („Владимиръ будетъ моимъ фаросомъ“). Въ 1809—1812 годахъ онъ отмѣчаетъ для себя авторовъ и произведенія, съ которыми ему слѣдовало познакомиться для поэмы; изъ русскихъ источниковъ названы лѣтописи, Духовная Владимира Мономаха, Слово о Полку Игоревѣ, которое Жуковский собирался переводить въ 1807—1808 годахъ (Бумаги Жуковскаго, стр. 156), народныя русскія пѣсни и сказки; перечень западныхъ представляетъ пеструю смѣсь: Гомеръ, Виргилій, Овидій, Аріостъ, Тассъ, Камюэнсъ,

Мильтонъ, Шекспиръ, Саути, Маттисонъ, Вальтеръ Скоттъ, Оссіанъ, Эдда, Пѣснь о Нибелунгахъ, западно-европейскія народныя баллады; романы Трессана, Richardet и др. Отмѣчены мѣста, достойныя подражанія: изъ Гомера „каталогъ войскъ“, сравненіе войска съ лебедями и пчелами, единоборство Париса и Менелая; изъ Тасса: описаніе Армидина сада, Клоринды, очарованнаго лѣса, изъ Роланда (Аріоста) описаніе острова Альцины и т. д. На Виланда нѣтъ указанія, но его Оберона Жуковский задумалъ переводить въ 1811 г. (Бумаги Жуковского, стр. 53), а въ перечнѣ задуманныхъ имъ произведеній, относящемся къ 1812 году, стоитъ рядомъ: „Владимиръ, Оберонъ“ (ib., стр. 55), что объясняетъ, быть можетъ, позднѣйшую замѣтку Воейкова при посланіи къ нему Жуковского, что Владимиръ былъ затѣянъ въ стилѣ Оберона.

Сохранились въ двухъ небольшихъ наброскахъ „Мысли для поэмы“ и нѣсколько относящихся до нея фразъ, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующую: „Царь-Дѣвица мститъ за брата своего, убитаго Ильей, требуетъ, чтобы онъ былъ отданъ ей въ руки. Царь-Дѣвица встрѣчается съ Ильей и ѣдетъ съ нимъ въ замокъ любви, не зная его. Онъ избавляется Добрыней. Вѣдьма, очаровавшая богатырей“. Это, можетъ быть, мотивъ былинъ о „трехъ поѣздкахъ Ильи“, но названку: Илья заѣзжалъ къ прекрасной королевичѣ (Зенирѣ у Рыбникова IV, 25), которая хочетъ прельстить его, но Илья ее перехитрилъ и освобождаетъ заключенныхъ ею богатырей Алешу и Добрыню.

Именно Добрыня долженъ былъ быть героемъ поэмы, какъ въ неконченной поэмѣ Львова (богатырская поэма «Добрыни» нап. въ 1804 г.) и у Державина; имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ подтверждаютъ знакомство Жуковского съ Державинскимъ Добрыней, можетъ быть, и съ Чулковской сказкой: въ послѣдней Добрыня воспитанъ волшебницей Добрадой, которая помогаетъ ему освободить отъ очарованія царю Карсену и ея милаго, печенѣгскаго вѣдателя Куруса; они соединяются бракомъ; Добрыня бьется съ Тутаринымъ, притязавшимъ на руку болгарской княжны *Милолики* и подошедшимъ подъ Кіевъ, когда она досталась въ жены Владимиру.

Изъ двухъ дошедшихъ до насъ плановъ поэмы, одинъ, краткій, зачеркнутъ авторомъ и, вѣроятно, не дописанъ: Тутаринъ осадилъ Кіевъ, Добрыни нѣтъ въ городѣ, а онъ одинъ можетъ побѣдить Тутарина; въ числѣ богатырей послѣдьяго—Полканъ, Зміуланъ, Карачунъ; „Илья, мучимый любовью, въ лѣсу пустынникомъ; встрѣчается

съ Рогивдой и креститъ ее. Ерусланъ отыскиваетъ Милославу въ замкѣ Карачуна. Сраженіе Алеши съ Зміулапомъ, Царь-Дѣвица и Добрыня.

Второй планъ пространнѣе, но распорядокъ тотъ же. Добрыня посланъ за мечемъ-самосѣкомъ, Златокопытомъ, водою юности, а къ Кіеву подходитъ Полканъ Невредимый, требуетъ, чтобы Владимиръ уступилъ ему свою невѣсту Милолику; привезли ее Ярославъ и Радегастъ новгородскій, „убійца своей любовницы, мучимый привидѣніемъ“. Въ числѣ богатырей Владимира—Рогдай и Громобой, у Полкана-Тугарина—Зилантъ, Зміуланъ. Не даромъ въ разсказѣ о поѣздѣ Добрыни намѣченъ былъ эпизодъ: „Исторія Добрады и Черномора“; очевидно, вліяніе Чулковской сказки, какъ далѣе Тасса и Аріоста; послѣднее преобразило мотивъ объ Ильѣ и Царь-Дѣвицѣ: вмѣсто нея Зилена, любовница Ильи, оба очарованы въ жилищѣ Люцины. Разсказъ переносится въ Кіевъ и снова къ Добрынѣ; онъ досталъ мечъ и Златокопыта, разрушилъ очарованіе Ксеніи (Карсены Чулкова?), проводитъ съ нею ночь въ долинѣ и лишается ея. Слѣдовало возвращеніе Добрыни въ Кіевъ: онъ сражается съ Полканомъ и побѣждаетъ. Владимиръ уступаетъ Милолику Радегасту, являются Ксенія и Добрада, и поэма должна была кончиться брачною ночью Ксеніи съ Добрыней. (См. Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 65—7 и Бумаги Жуковскаго, стр. 150 и 155: бумага 1808, 1810, 1811 гг.).

Мы не сосчитались еще съ однимъ вліяніемъ на затѣю Владимира: какъ „Раиса“ Карамзина дала Жуковскому имя Людмилы (Три поля 1808, Людмила, Плачъ Людмилы—подражаніе Шиллеровой Амаліи 1809), такъ неконченный „Илья Муромецъ“ (1794) подарилъ его „Черноморомъ“ и представленіемъ чувствительнаго Ильи, мучимаго любовью (Владимиръ), осуждающаго тѣхъ, кто ею гнушаются (Алеша Поповичъ). Сѣвъ на берегу рѣки „подъ тѣнью деревъ развѣсистыхъ“, Карамзинъ хочетъ разсказать свою повѣсть тѣмъ, кто находитъ удовольствіе „въ русскихъ басняхъ, въ русскихъ повѣстяхъ, въ смѣси былей съ небылицами“. „О богиня свѣта бѣлаго, ложь, неправда, призракъ истины“, восклицаетъ онъ, призывая фантазію, ту самую, „которая съ Людмилою нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ мнѣ сказала: я люблю тебя!“ И онъ начинаетъ разсказъ о „безсмертныхъ подвигахъ величайшаго изъ витязей, чудодѣя Ильи Муромца!“ Весна, „рыцарь“ Илья ѣдетъ, и хотя онъ „Геснера не читывалъ“, но, имѣя „сердце нѣжное“ и „чувствительную душу“, размышляетъ, любуясь „красотою дня“, какъ истый сентименталистъ—на подкладкѣ игривой

чувственности. Видитъ шатеръ, около него гуляетъ конь, но витязь не показывается; въ шатрѣ покоится красавица, какой не написала бы ни Тиціанъ, ни Корреджіо; она разметалась, и Илья можетъ налюбоваться ея прелестями, напримѣръ лилейною рукой, „гдѣ всѣ жилки васильковыя были съ нѣжностью означены“. Понятно, какою „сердечная чувствительность въ маслѣ глазъ его свѣтилася“. Два дня и двѣ ночи проводитъ Илья въ шатрѣ, а красавица не просыпается. „Какъ Илья, хотя и Муромецъ, хотъ и витязь Руси древній“, могъ просидѣть цѣлую недѣлю, не взявъ въ ротъ маковой росинки, не чувствуя дремы? Это чудо любви: такъ святой монахъ цѣлое столѣтіе пробылъ безъ пищи и сна, слушая пѣніе райской птички. Наконецъ черная муха сѣла на малиновыя уста красавицы; Илья стоняетъ ее „указательнымъ пальцемъ“, на которомъ сіялъ перстень съ талисманомъ благодѣтельной волшебницы Велеславы, и красавица очнулась: талисманъ подѣйствовалъ на нее, усыпленную чарами „хитраго волшебника, Черномора ненавистника“. Илья понялъ, что красавицѣ надо одѣться, и онъ выходитъ изъ ставки, чтобы не стѣснять ее; она показывается въ доспѣхахъ рыцаря, и оба садятся „подъ сѣнистыми кусточками“. Двѣ минуты продолжается молчаніе, „въ третью чудо совершается“; какое мы не знаемъ, потому что поэма не кончена; можно подсказать одно изъ положеній, намѣченныхъ въ планѣ Владимира. Русская древность служить цѣлямъ трагестіи, чувствительной или романтической; стиль Виландова „Оберона“, приложенный къ „быльямъ“ Владимировыхъ богатырей; „небылица“ была именно въ стилѣ, по его несообразность не ощущалась. Въ 1804 году чувствительничаетъ и Державинъ: его Добрыня—„рыцарь“, Владимиръ любитъся спящей Прелѣпой и въ жилки голубыя,

Увидя розову текущу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ устамъ.

Прелѣпа—царица его сердца, онъ ее узналъ; законъ любви царя съ намушкою равняется; Прелѣпа и Добрыня горять и мѣются другъ къ другу страстью и мечтаютъ соединиться въ небѣ невиннымъ духомъ.

Очень вѣроятно, что Воейковъ узналъ о затѣѣ Жуковскаго, когда въ началѣ 1813 года, поощряя его къ серьезной поэмѣ, говорилъ ему о Святославѣ съ Добрынею, о Владимірѣ, нашемъ Готфридѣ и Карлѣ. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи Жуковский сообщаетъ не столько планъ, сколько общее содержаніе поэмы, которая должна была напомнить его „бѣлую книгу“; упоминаніе „Царь-Дѣвицы“ ука-

зываетъ на старыи планъ, устранинный вторымъ: Кіевъ осажденъ басурманами, виденъ Добрыня, уже скачущій на Златокопытѣ,

Не скачетъ витязь, а летитъ,
Грома Зылатовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ!

Далѣе мотивъ изъ Слова о Полку Игоревѣ, который трудно приурочить къ планамъ поэмы: Добрыня скачетъ, а дѣвица-краса глядитъ на его путь изъ терема (не Ксенія?), летитъ за нимъ душою:

И такъ въ раздумьи говорить:
„О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты есишься?
Ты не отъ малаго несешься ²⁾,
Ты не принеси веселья мнѣ;
Играй съ масатвой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями,
Стрѣлу пернатую отай
Отъ друга радости моеи.

Интересно сравнить эту передѣлку мотива изъ Слова о Полку Игоревѣ съ соответствующимъ мѣстомъ перевода, который въ 1817 году Жуковскій готовилъ для несостоявшагося арзамасскаго журнала: „Голосъ Ярославниги слышится, на зарѣ одинокой чечоткою кличетъ: Полечу, говорить, кукушкою по Дунаю... О вѣтеръ, ты вѣтеръ! Къ чему же такъ сильно вѣешь? Почто же наносишь ты стрѣлы ханскія своими легковѣйными крыльями на воинновъ Лады моего? Мало ли подоблачныхъ горъ твоему вѣянію? Мало-ль кораблей на синемъ морѣ твоему лелѣянію“?

Посланіе продолжаетъ, намекая: Добрыня бьется съ Бабой-Ягой; далѣе встрѣча съ Дубыней, Горыней, русалка и козлоногий лѣшій въ дремучемъ лѣсу

И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня,
Дворецъ волшебной Царь-Дѣвицы;
Красою бѣлыя колницы
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ,
И оны

Планъ поэмы, можетъ быть, никогда и не выяснялся далѣе этого

²⁾ Психически-разстроенный Батюшковъ любилъ повторять эти стихи: О вѣтеръ... несешься. См. Соч. Батюшкова, I, 297.

„И онъ“; что должно было произойти между Царь-Дѣвицей и Добрынею, мы не знаемъ. Въ Чулковской повѣсти объ Алешѣ Поповичѣ богатырь встрѣчается съ Царь-Дѣвицею въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ Карамзинскій Илья; Державинъ въ своей „Царь-Дѣвицѣ“ (1812 г.) замѣнилъ его Маркобруномъ сказки о Бовѣ, описалъ теремъ Царь-Дѣвицы, украшенный „въ солнцахъ, мѣсяцахъ, звѣздахъ“, она гуляетъ „въ рощахъ злчныхъ въ лукоморь“ „и по вѣткамъ птички райски, скакивалъ *заморскій котъ*“; полкъ нимфъ слѣдуетъ за нею, являются женихи; одинъ изъ нихъ несетъ „*колтигъ* алы черевички“. Образы эти обратили вниманіе Жуковского и Пушкина.

Кажется, и послѣ 1813 года Жуковский собираетъ матеріалы для поэмы. Въ одной изъ мыслей, набросанныхъ по ея поводу, читаемъ: „Владимиръ подѣ старость лѣтъ посылаетъ одного изъ богатырей (очевидно, Добрыню) на подвиги. Время ужасное для него приближается, въ которое прошлое должно быть заглажено. Добрыня испытываетъ многія очарованія, слѣдствія одного и съ нимъ однимъ разрушающіяся. Въ то же время война съ печенѣгами, въ коей успѣхъ соединенъ съ тѣмъ же очарованіемъ“. Къ этому прибавлено: „заимствовать изъ Zauberling“; вѣроятно, имѣется въ виду Zauberling Ла Моттъ Фука (1813 года). Въ письмахъ къ Воейкову и Тургеневу встрѣчается почти одна и та же фраза: „молись судьбѣ, что бы вдругъ меня не осѣнило (т.-е. счастье брака). Это значитъ: призвай, и въ бѣлой книгѣ наполнятся страницы“ (Русск. Арх. 1900 г. № 9 письмо 13-го февраля 1814 г.); „молись, братъ, чтобы въ бѣлой книгѣ наполнились страницы“ (письмо къ Тургеневу середины марта 1814 г.). Пріятели интересовались; увлеченный поэмами Вальтеръ-Скотта, Уваровъ признается Жуковскому, что какъ онъ ни влюбленъ въ греческую поэзію, но она „не такъ намъ близка, какъ туманныя, фантастическія изображенія сѣверныхъ бардовъ“. Онъ приглашаетъ Жуковского заняться поэмой въ родѣ Вальтеръ-Скотта. „Двѣ эпохи можно назвать шитическими: классическую, т.-е. эпоху греческую, и романтическую, т.-е. эпоху среднихъ вѣковъ, *des Mittelalters*. Мы и слѣды потеряли къ таковому расположенію умовъ“ (письмо Уварова къ Жуковскому 17-го августа 1813 г., Русск. Арх. 1871, 2, стр. 161 — 2). Вскорѣ онъ найдетъ у насъ и средніе вѣка и расположеніе умовъ. Когда Капнистъ указалъ ему на интересъ, представляемый нашими народными пѣснями, онъ отвѣчалъ ему въ 1814 году ¹⁾:

¹⁾ Чтенія въ бесѣдѣ любителей русск. слова, кн. 17, стр. 64.

„Безъ собственныхъ формъ, языку нашему свойственныхъ, намъ никогда нельзя имѣть истинно-народной словесности... Русскій языкъ имѣеть въ своихъ древнихъ памятникахъ большое изобиліе въ метрическихъ формахъ, но эта золотая руда еще въ нѣдрахъ земли сокрыта“. Надо надъ этимъ потрудиться. „Я часто о семъ предметѣ бесѣдовалъ съ моимъ пріателемъ Жуковскимъ, котораго превосходный талантъ въ поэзіи извѣстенъ; я часто предлагалъ ему написать русскую поэму *русскимъ размеромъ*, предоставляя судить ему, какой метръ между русскими способнѣе къ продолжительному сочиненію. Зачѣмъ, я говорилъ ему, не избрать эпоху древней нашей исторіи, которую можно назвать эпохою нашего рыцарства, въ особенности эпоху, предшествовавшую введенію христіанской религіи? Тутъ вы найдете въ изобиліи всѣ машины, нужныя въ поэмѣ. Что можетъ быть для поэта обширнѣе нашихъ походовъ въ Царьградъ? Что разнообразнѣе древняго нашего баснословія? Съ какимъ искусствомъ предстоитъ вамъ соединить его оригинальныя сѣверныя формы съ блистательными появленіями Востока? Какимъ волшебнымъ свѣтомъ можетъ поэтъ озарить берега дѣйпровскіе, стѣны Кіева, Босфоръ и златыя главы Царьграда? Въ этой эпохѣ исторія сопутствуетъ баснословію; поэтъ можетъ произвольно черпать изъ той и другой, составляя цѣлое не по слѣдамъ Гомера, мы не греки, не по слѣдамъ Тасса и Аріоста, потому что они писали для своего народа“.—Сходно въ статьѣ Батюшкова того же года: „Г. Уваровъ, въ письмѣ своемъ о гекзаметрѣ, говоритъ между прочимъ, что русскіе могутъ имѣть свою отечественную поэму, и назначаетъ для оной именно эпоху до христіанства и послѣдующую, которую называетъ онъ эпохою нашего рыцарства... Если г. Жуковскій согласится на его приглашеніе написать поэму изъ нашей исторіи, то онъ долженъ непремѣнно избрать себѣ періодъ отъ рожденія славянскаго народа до раздѣленія княжества по смерти Владимира. Мы пожелаемъ съ г. Уваровымъ, чтобы авторъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ“ и пр., поэтъ, который умѣетъ соединить пламенное, часто своеправное воображеніе съ необыкновеннымъ искусствомъ писать, посвятилъ жизнь свою на произведенія такого рода для славы отечества... и не истощилъ бы своего безцѣннаго дара на блестящія бездѣлки“. (Соч. Батюшкова, II, стр. 410; III, стр. 644 прим. къ стр. 99; I, стр. 189 прим. 1).

Мысль о поэмѣ не оставляетъ Жуковскаго и въ Дерптѣ. Собираясь въ путь и составляя планъ будущей жизни и занятій, онъ на-

мѣчаетъ: „матеріалы для Владимира. Владимиръ... баллады, посланіе къ Государю.... Оберонъ.... *Eloisa to Abelard—Der Mönch und die Nonne*“ (См. Бумаги Жуковского, стр. 7—8); просить Тургенева достать у Уварова обѣщанныя англійскія книги (*Southey, Thalaba the Destroyer* и *Hole, Arthur or the Northern Enchantment*), онѣ могутъ пригодиться для его Владимира, который крѣпко гнѣвдится у него въ головѣ (Письмо къ Тургеневу изъ Долбина, 1-го декабря 1814 г.). „Я не шутя начинаю думать о поэмѣ; уже и Карамзинъ (милый, единственный Карамзинъ, образецъ прекраснѣйшаго человѣка) мнѣ помогаетъ. Я провелъ нѣсколько сладостныхъ дней, читая его Исторію. Онѣ даже позволилъ мнѣ дѣлать выписки. Эти выписки послужили мнѣ для сочиненія моей поэмы. Но какъ еще много надобно накопить матеріаловъ! Жизнь дерптская, дерптская бібліотека, все это создастъ Владимира (ему же 4 марта 1815. Москва). „Вѣроятно, что старому дѣду [Шишкову] не достанется ценсоровать Владимира“, пишетъ Уваровъ, вызывая Жуковского изъ Дерпта въ Петербургъ по желанію Императрицы (29 июня 1815. Русск. Арх. 1871. № 2 стр. 0166). Въ началѣ августа того же года Жуковский мечтаетъ въ Дерптѣ: „мнѣ бы хотѣлось въ половинѣ будущаго года сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Это нужно для Владимира. Первые полгода я употребилъ бы на приготовленіе, а послѣдніе на путешествіе“ (къ Тургеневу, 4-го августа ¹⁾).

30-го декабря 1816 г. Жуковскому назначена была пенсія въ 4.000 р. по докладу министра народнаго просвѣщенія А. Н. Голицына, передъ которымъ ходатайствовалъ о томъ А. И. Тургеневъ. Въ запискѣ, поданной имъ при этомъ случаѣ, говорится, что при талантѣ Жуковского отъ него можно ожидать новыхъ успѣховъ, и что онъ „безъ дерзости можетъ предпринять одно изъ тѣхъ великихъ поэтическихъ твореній, коими ознаменованы славнѣйшіе вѣка въ словесности; влекомый желаніемъ воздвигнуть такой памятникъ себѣ и отечеству, онъ уже предполагаетъ эпохою своей поэмы назначить время, когда въ нашихъ лѣтописяхъ сумракъ баснословныхъ преданій смѣнится яснымъ свѣтомъ исторіи. Позволительно думать, что совершеніе столь великаго труда, кромѣ таланта, требуетъ еще и обстоятельствъ благопріятныхъ, особливо независимости отъ нужды недостаточнаго состоянія. При безкорыстномъ и благородномъ характерѣ г. Жуковского, сія независимость можетъ быть доставлена.

¹⁾ Сл. Русск. Стар. 1883. Апрель, письмо къ Кирѣевской отъ 1-го августа.

единственно черезъ помощь отъ престола“ („Русск. Стар.“ 1901 г. августъ: Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. кн. А. Н. Голицыну, ст. 393). Жуковский считалъ царскій подарокъ „наградой за добрую надежду“ и, готовясь написать что-нибудь важное, снова помышляетъ о собраніи матеріаловъ. „Что, если время улетитъ и унесетъ съ собою возможность что-нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не что иное, какъ жертва мечтамъ—жалкая жертва! Я боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ.... Однимъ словомъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ году я долженъ написать что-нибудь важное; безъ этого душа не будетъ на мѣстѣ“ (Плетневъ, О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго стр. 44).

Если и въ данномъ случаѣ разумѣется „Владимиръ“, что вѣроятно, то тѣмъ интереснѣе встрѣтить Воейкова, и въ томъ же году, на путяхъ Жуковскаго. Весною 1816 г. онъ собрался въ Крымъ и Кіевъ, и Жуковский просилъ для него у Тургенева рекомендательныхъ писемъ къ архіепископамъ Кіевскому, Черниговскому и Псковскому (письмо Жуковскаго къ Тургеневу изъ Дерпта, 12-го апрѣля 1816 г.). Весной или въ началѣ лѣта Воейковъ уже уѣхалъ (сл. письма къ Тургеневу №№ LXXIV—LXXV и LXXVIII) съ открытымъ письмомъ отъ университета ко всѣмъ губернаторамъ и архіереямъ для оказанія ему содѣйствіемъ „къ обзорѣнію всего примѣчанія достойнаго“. Въ просьбѣ къ совету университета Воейковъ мотивировалъ свое путешествіе тѣмъ, что хочетъ написать поэму о князѣ Владимірѣ, и потому нуждается въ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовалъ его герой. (Сл. Пѣтуховъ, стр. 43).

Была ли это затѣя, или предлогъ для поѣздки, мы не знаемъ; Жуковскому удалось побывать въ Кіевѣ лишь въ 1837 г.; что до его Владимира, то слѣды его теряются; въ бумагахъ 1819 г. есть пять зачеркнутыхъ строковъ, можетъ быть, относящихся къ какому-то эпизоду поэмы: „Лодоміръ и Милороза. Лодоміръ въ бесѣдѣ съ Владиміромъ“ (Бумаги Жуковскаго, стр. 82). Затѣей осталась и другая повѣсть на историческую, русско-нѣмецкую тему; изъ ея программы и набросковъ, относящихся къ 1814 г., видно, что дѣйствующими лицами являлись Гатредъ, одинъ изъ рыцарей, вызванныхъ епископомъ Альбертомъ въ Лифляндію, братъ его (Волкуинъ=Адольфъ, Родригъ) и Назара, похищенная братьями во время одного изъ ихъ походовъ. (Бумаги Жуковскаго, стр. 156). Очень вѣроятно, что на эту тему

намекаетъ Жуковский въ 1819 г.: онъ будто бы нашелъ ее въ какомъ-то „пергаментномъ истлѣвшемъ спискѣ“, написанномъ „славянскимъ древнимъ языкомъ“, но списокъ, вѣроятно, принадлежитъ къ категоріи тѣхъ рукописей времени Владимира, на которыхъ, будто-бы, основана „Марьяна Роца“; списка того онъ разобрать еще не могъ, докладываетъ поэтъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, но знаетъ, что въ немъ преданье:

Какое-то заключено
 О князѣ древній Герсикъ,
 Котораго Альбертъ Великій,
 Епископъ, сжегъ (какъ то давно
 Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно).
 Еще упоминаетъ въ немъ
 О сынѣ князя молодомъ,
 О розѣ, о любви чудесной
 Какой-то дѣвы неземной
 И прочее. И такъ, быть можетъ,
 Когда фантазія поможетъ
 Мнѣ подружиться съ стариной,
 Я разгадаю списокъ мой,
 Былъ неблизцами приправлю
 И всеподданнѣйше представлю
 Вамъ, государыня, въ стихахъ
 О томъ, что было въ древни лѣты
 На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
 Гдѣ павильонъ Елизаветы.

(Государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ въ іюлѣ 1819 года).

Добавленные стихи (4-го августа) говорятъ, что поэтъ не могъ одинъ добраться до смысла рукописи, таинственно зарытой подъ древній пень, гдѣ ее до нынѣ сторожила „волшебная кошка“, но „Ливій Сѣвера“ (Карамзинъ?) помогъ ему понять „непонятный слогъ“, выбрать золото изъ сора и силой воображенія исторгнуть изъ сумрака старины. „И вотъ я сдѣлалъ переводъ стариннаго рукописанья и т. д. до 150 стиховъ“ (на этомъ обрывается приписка).

Попытки силой воображенія освѣтить сумракъ русской старины, такъ долго занимавшія поэта и его друзей, чаявшихъ ему отъ того славы, привели его, хотя и поздно, къ сознанію, что „древняя исторія Россіи слишкомъ для насъ далека и трудно угадать и живо представить сіи времена отдаленныя: слишкомъ будетъ ощутителемъ вымыселъ поэтической“. Но тутъ же онъ раскрываетъ ему двери, перечисляя

возможные, не столь отдаленные сюжеты: времена междоусобиц, Мономаховъ, Изяславъ, Всеволодъ Великій и т. п.—до Иоанновъ, Василія Темнаго, Годунова, междоусобицъ; „все это полно удивительной жизни. Но надобно быть великимъ творцомъ, чтобы воздвигнуть стройное зданіе изъ щебня лѣтописей“, надобно быть такимъ „гигантомъ“, какъ Вальтеръ Скоттъ и Шекспиръ. „Что еслибъ нашелся Шекспиръ для русской исторіи и своимъ гениемъ дополнилъ, описалъ и олицетворилъ то, о чемъ умолчала наша скудная лѣтопись?“ (Мысли и замѣчанія 1846—1847 гг.).

Поэтическое „дополненіе“ исторіи требуетъ ея пониманія, не безпочвенной, если и не предвзятой идеализаціи. Она была бы возможнѣе, если бы ей предшествовали другія, поэтическія, на которыя повому поэту можно было бы опереться, хотя бы въ смыслѣ того подражательнаго творчества, которое Жуковскій возвелъ въ теорію. Романтики читали не одиѣ хроники, но миннезингеровъ и Пибелунги; имъ стояло только разбудить „Спящую красавицу“, намъ надо было ее создать. Было бы интересно сравнить наши древніе литературные памятники съ „бездной поэмъ, романсовъ, героическихъ и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ, писалъ въ 1834 году Пушкинъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ можно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завосванія скандинавскаго съ завосваніемъ мавровъ. Мы увидѣли бы разницу между простодушіемъ стараго французскаго трувера и лукавой насмѣшливостью скомороха, между площадной полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь и на ней возвышается единственный памятникъ: Пѣснь о Полку Игоревѣ“.

Ко всему этому присоединился и личный моментъ: Жуковскій не эпикъ, онъ лирикъ даже тогда, когда становится рассказчикомъ, прислушиваясь къ сказкамъ и къ мѣрному паденію греческаго гекзаметра.

Александръ Веселовскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Э. Гриммъ. Исследования по исторіи развитія римской императорской власти
т. II. Римская имп. власть отъ Гальвы до Марка Аврелія. С.-Пб. 1901. *)

Въ предисловіи къ первому тому своего труда г. Гриммъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ его одно основное свойство римскаго государственнаго строя: „римское государство, говоритъ онъ на стр. 38, и въ частности римская имперія не имѣютъ такимъ образомъ ни основныхъ конституціонныхъ законовъ, ни сколько-нибудь широкой конституціонной теоріи. Измѣненіе ея строя происходитъ поэтому въ силу медленнаго процесса *накопленія новыхъ политическихъ факторовъ и факторовъ*, не въ силу внезапныхъ переворотовъ“. (Курсивъ мой). Этотъ взглядъ, совершенно правильный, заставляетъ автора (стр. 26) принимать въ расчетъ „не только законы, но и всю область конституціоннаго обычая“ и (ibid.) „чрезвычайно расширить кругъ своихъ наблюденій“. Въ результатъ должно явиться прежде всего *установленіе официальной теоріи власти*, матеріаломъ для чего въ нѣкоторыхъ случаяхъ служатъ документальныя данныя, какъ *res gestae divi Augusti* и монеты, въ другихъ рассказы древнихъ писателей. „Для третьихъ, наконецъ, говоритъ авторъ (I, стр. 33), мы располагаемъ лишь свѣдѣніями о дѣйствительной дѣятельности представителей власти и уже изъ ихъ политики принуждены дѣлать выводы о томъ, какъ они понимали свою роль въ государственной жизни. Но при этомъ само собою разумѣется, что свѣдѣнія о факти-

*) Рецензія г. Ростовцова и слѣдующій за нею отвѣтъ г. Гримма поступили въ редакцію *Журн. Мин. Нар. Просв.* еще въ мартѣ мѣсяцѣ и только по соображеніямъ редакція не могли быть раньше напечатаны. Прим. ред.

ческомъ поведеніи императоровъ имѣютъ значеніе и для тѣхъ эпохъ, о которыхъ до насъ дошли и болѣе прямыя данныя“¹⁾).

Но такъ какъ официальная теорія власти „можетъ быть признана обществомъ неконституціонной или прямо тираннической“, то „въ такомъ случаѣ, разумѣется, крайне важно выяснить взглядъ самого общества“ (стр. 84).

При этомъ въ противоположность систематическому изложенію Моммзена авторъ избираетъ способъ изложенія исторической, т. е. по важнѣйшимъ эпохамъ развитія императорской власти, что фактически сводится къ изложенію по правленіямъ отдѣльныхъ принцевовъ.

Въ сущности говоря такимъ образомъ пониманіе исторіи развитія императорской власти автора совпадетъ съ тѣмъ, которое можно, быть можетъ, формулировать нѣсколько проще и понятнѣе. Какъ всякая власть, власть императора состоитъ изъ суммы законныхъ и узурпированныхъ полномочій, которыми онъ пользуется во всѣхъ областяхъ своей дѣятельности. Увеличеніе или уменьшеніе количества этихъ полномочій составляетъ развитіе власти, увеличеніе или уменьшеніе положительныхъ силъ, двигающихъ машину власти. Но и законы, а особенно узурпированныя полномочія дѣйствуютъ не сами по себѣ, а въ зависимости отъ объектовъ дѣйствія, т. е. отъ общества, поэтому въ высшей степени важно знать, какъ относится общество къ власти, облегчаетъ ли оно дѣйствія власти или ставитъ ей преграды. Необходимо, слѣдовательно, изучить содѣйствіе и противоdѣйствіе общества, въ нашемъ случаѣ цезаризмъ и оппозицію, чтобы имѣть возможность судить о фактическомъ содержаніи власти.

Такова программа автора, программа широко и правильно задуманная, выполненіе которой дѣйствительно дало бы намъ исторію императорской власти, т. е. желанное и нужное дополненіе къ юридически-систематическому изложенію Моммзена. Въ существѣ дѣла идея нова: вся современная наука, поскольку она касается исторіи имперіи, соціальной, административной и экономической, идетъ по тому же пути, который намѣчаетъ для себя г. Гриммъ, и однимъ изъ конечныхъ результатовъ ставитъ изученіе и пониманіе императорской власти, поскольку она содѣйствовала созданію тѣхъ или другихъ сторонъ

¹⁾ Не совсѣмъ ясно для меня въ данномъ мѣстѣ только выраженіе „болѣе прямыя данныя“, которымъ классифицируются, очевидно, памятники въ родѣ *res gestae*. Болѣе прямыми я считаю данныя объективныя, каковыми является фактическая дѣятельность правительства, а характеристиками собственными ли или чужими есть дорывать и часто очень неважный.

соціальной и экономической жизни, задерживала или ускоряла эволюцію. Ислѣдованія администраціи государства, какъ, на примѣръ, работы Гиршфельда, Моммзена, Юнга, Либенама, П. Мейера и др., его военного устройства (Моммзень, Cagnat, Домашевскій, Риттерлингъ, Борманнъ), городской жизни запада и востока (Шультевь, Корнеманнъ и др. для запада, Ramsay, Levy и др. для востока), жизни и экономических условий сельскаго населенія (Моммзень, Шультевь, Бодуэнъ, Кюкь, Зеекъ, и мн. др.), финансоваго строя государства (Гиршфельдъ, Марквардтъ и др.) держатся всецѣло или частью историческаго метода и никогда не упускаютъ изъ виду императорской власти, какъ самаго могучаго фактора развитія всѣхъ сторонъ жизни государства. Одной изъ задачъ автора было, слѣдовательно, объединить результаты всѣхъ этихъ работъ, переработать собранный матеріалъ и дать одну общую картину развитія *фактической власти* императора. И только на основѣ этой исторіи фактическаго развитія власти можно было бы построить ея конституціонную исторію, установить официальную теорію власти, которой не даютъ намъ, къ сожалѣнію, для цѣлаго ряда эпохъ ни официальные, ни офиціозные источники. Въ первой части перваго тома, гдѣ у автора были въ рукахъ *res gestae* Августа, его задача была яснѣе и проще: данныя Августа надо было только провѣрить на основаніи его фактической дѣятельности. Во второй части перваго и во второмъ томѣ фактическая сторона должна была неминуемо выдвинуться на первый планъ въ виду того, что на трактующую въ этихъ томахъ эпоху не падаютъ ни одного конституціоннаго документа за исключеніемъ ничтожнаго фрагмента *lex de imperio Vespasiani*, который самимъ авторомъ разбирается на 5—6 страницахъ, да ничтожныхъ обрывковъ и отраженій у писателей и на монетахъ. Удовольствуясь авторъ одними этими данными, у него не получилось бы ничего кромѣ перечня постепенной варіаціи титуловъ, не отражающихъ дѣйствительнаго развитія полномочій власти, перечня, который давно уже сдѣланъ и могъ бы быть умѣщенъ на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ. Крупный и коренной вопросъ о томъ, *насколько* власть была абсолютной или двойственной, не могъ бы быть разрѣшенъ этимъ путемъ; для этого надо было слѣдить не за исторіей титулатуры и исторіей того, что угодно было императорамъ сказать, а историкамъ записать о характерѣ императорской власти, не только за тѣмъ, какъ измѣнялось отношеніе императоровъ къ сенату и отдѣльнымъ сенаторамъ, а затѣмъ какова была эволюція отношенія императоровъ къ тому *народу римскому*, который теперь не былъ уже населеніемъ одного

города Рима, а постепенно расширялся, вбирая въ себя населеніе Италіи, западныхъ и восточныхъ провинцій.

Правда, онъ не былъ официальнымъ элементомъ римской неписанной конституціи, но тѣмъ-то эта конституція и интересна, что она не была сенаторской, а постоянно развивалась въ зависимости отъ укрѣпленія монархической идеи въ народѣ, во всемъ населеніи римскаго государства, въ зависимости отъ того, насколько прочно путемъ фактическаго расширенія своихъ полномочій укоренилась власть въ этой почвѣ, насколько глубоко пускала она туда свои корни въ видѣ администраціи, военнаго управленія, управленія своимъ имуществомъ, устройства экономическаго, соціальнаго и религіознаго быта. Слѣдить за всѣмъ этимъ не могло не быть основной задачей автора, если онъ хотѣлъ сдѣлать свою книгу дѣйствительно полезной и научной. И для двухъ другихъ элементовъ работы г. Гримма имѣлись подготовительныя работы; исторія императорскаго культа, италійскихъ и провинціальныхъ полу-официальныхъ коллегій, исторія внутренней жизни отдѣльныхъ городовъ запада и востока и ея отношеній къ власти оживленно разрабатывается въ цѣлой серіи работъ, не говоря уже о томъ, что отношенія сената, всадничества и города Рима къ императорамъ послужили темой для ряда частныхъ и общихъ работъ. Почва такимъ образомъ и здѣсь была подготовлена.

Таково положеніе вопроса и задачи автора; перейдемъ къ обсужденію того, какъ онъ свою задачу исполнилъ. При этомъ главное вниманіе будетъ обращено не столько на специально конституціонную часть работы, гдѣ почва была всецѣло подготовлена Mommsen'омъ, а на то, что составляетъ главное содержаніе книги—на характеристику фактическаго поведенія, т.-е. фактической политики императоровъ, и характеристику общественныхъ движеній и настроенія.

Второй томъ изслѣдованій автора трактуетъ императорскую власть за болѣе чѣмъ вѣковой періодъ ея существованія, періодъ сравнительно хорошо намъ извѣстный и изъ писателей и изъ документальныхъ данныхъ разнаго рода (надписи, монеты, папирусы, предметы промышленнаго производства, монументальные памятники).

Императоры 68—69 г. по Р. Хр.

Послѣ нѣсколькихъ вводныхъ словъ, рекапитулирующихъ содержаніе перваго тома, авторъ переходитъ къ изложенію причинъ революціонныхъ движеній 68 и 69 годовъ, поведшихъ къ гибели Юліевой династіи. Что движеніе возникло и питалось главнымъ образомъ въ

провинціяхъ и притомъ провинціяхъ запада, что въ провинціяхъ надо искать причинъ движенія одновременнаго въ Галліи, Испаніи и Африкѣ, это мы знали. Но каковы были эти причины или лучше причины недовольства населенія, этого авторъ не выясняетъ. По его мнѣнію сущность движенія лежитъ въ недовольствѣ населенія въ силу ненормальныхъ социальнo экономическихъ условій, распространенія римскаго права и дурной администраціи Клавдія и Нерона. Социально экономическихъ условій авторъ не разбираетъ, потому что „это, разумѣется, не входитъ въ его задачу“, вопросъ о рецепціи римскаго права вопросъ сложный и невыясненный (ср. хотя бы *Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht* главнымъ образомъ о Востокѣ), а оцѣнку нероновой и клавдіевой администраціи даетъ, къ сожалѣнію, абсолютно невѣрную. Въ финансовой администраціи время Клавдія съ его централизацией управленія, расширеніемъ контроля прокураторовъ, созданіемъ особыхъ нормъ управленія для нѣкоторыхъ государственныхъ налоговъ есть время не регресса, а прогресса, равнаго которому надо искать только при Флавіяхъ, а затѣмъ при Адрианѣ. Что финансы Рима при Неронѣ были неважны, это всѣмъ извѣстно; но чтобы были введены какіе либо новые налоги, этого мы не знаемъ, хотя авторъ это и утверждаетъ (стр. 19); не знаемъ и того, чтобы хищеніе чиновниковъ направлено было на западъ: пополнялась касса Нерона главнымъ образомъ конфискаціями и доходами востока ¹⁾. Слѣдовательно, причины недовольства не здѣсь, а глубже, и я думаю, что объясненіе дается новыми изслѣдованіями внутренней жизни провинцій ²⁾, т.-е. тѣмъ, что онѣ находятся въ періодѣ непривычнаго имъ перехода въ городской изъ племеннаго строя. Всѣ провинціи запада провинціи молодья: въ Испаніи только что началась интенсивная организація, въ Галліи тоже ³⁾, въ Африкѣ какъ разъ начался интенсивный періодъ развитія провинціи только что вышедшей за предѣлы области Кароагена (г. Гриммъ считаетъ, что Африка уже 300 лѣтъ была римской

¹⁾ Поборы съ городовъ, напримѣръ съ Ліона, въ видѣ определенныхъ суммъ—это еще старое эллинистическое установленіе *aurum coronarium* *στέφανικόν*.

²⁾ См. изслѣдованія Kornemann'a, *Die Städtentstehung in den ehemals keltischen und germ. Gebieten* и особенно Hirschfeld'a (особ. объ Эдуяхъ), частью наложенныя въ предисловіяхъ къ изданію надписей отдѣльныхъ городовъ Галліи (CIL, XII и XIII), частью въ *Sitzungsberichte* вѣнской и берлинской Академіи и др.

³⁾ На стр. 27 говорится даже о старой муниципальной враждѣ въ Галліи, въ *странѣ*, гдѣ этотъ строй только что вводился.

провинцией, ошибаясь хронологически на 100 лѣтъ, а фактически по-жалуй на 200 съ лишнимъ).

На стр. 19—25 авторъ даетъ длинное разсужденіе о настроеніи сената и черни, хотя на низверженіе Нерона это непосредственнаго вліянія не имѣло; чернь же прямо оставалась привязанной къ Нерону и послѣ его смерти, что явствуетъ хотя бы изъ имени „новый Неронъ“ даннаго ею Оеону; правда, г. Гриммъ считаетъ, что только нѣкоторые элементы черни любили Нерона, но это опровергается какъ данными писателей, такъ и данными надписей, особенно graffiti, гдѣ имя Нерона упоминается чаще какого бы то ни было императора (ср. Friedländer, Sittengeschichte, II, 296). § 2 первой главы излагаетъ ходъ постепенной смѣны императоровъ въ Римѣ въ тяжелый годъ трехъ принцевовъ. Прямого отношенія къ развитію императорской власти это изложеніе не имѣетъ, но самый годъ очень важенъ для объясненія политики Флавіевъ и отношенія къ нимъ общества, въ виду чего желательно было бы даже болѣе подробное изложеніе мотивовъ, руководившихъ отдѣльными вожаками, и настроенія руководимыхъ. Въ этомъ отношеніи я не могу согласиться со взглядами автора на мотивы, руководившіе Виндикомъ и Гальбой. По мнѣнію автора „единственные наши серьезные источники“, говоря объ обращеніи Виндика къ Гальбѣ съ предложеніемъ принцепата, свидѣтельствуютъ о томъ, что республиканской тенденціи у него не было и что онъ стремился только къ замѣнѣ худшаго принцепса лучшимъ. Единственные серьезные источники это Діонъ и Плутархъ (Plut. Galba, 4 и Dio 63, 23: τὸν Γάλβαν εἰς τὴν ἡγεμονίαν προεχειρίσατο), между тѣмъ, какъ то замѣтилъ уже Моммзенъ (Hermes, 13, 96), то же выражается гораздо точнѣе Светоніемъ (Galba, 9): *supervenerunt et Vindicis litterae hortantis ut humano generi adsertorem ducemque se accomodaret*. Почему Плутархъ и Діонъ, особенно послѣдній, серьезные источники для даннаго вопроса, а Светоній нѣтъ, этого я не могу понять, а между тѣмъ ихъ голословному утверженію отдается предпочтеніе передъ непосредственными данными у того же Діона—рѣчь Виндика галламъ и клятва, которую онъ взялъ съ нихъ, убить его въ случаѣ его антиреспубликанскихъ дѣйствій [Діо 63, 22 и Зонара, 11, 13],—Плинія старшаго [Iulius Vindex ille adsertor a Nerone libertatis, hist. nat. 20, 14, 160] и на монетахъ (Hercules adsertor и Mars adsertor) ¹⁾. Всѣ приведенныя мною данныя сопоста-

¹⁾ Особенно важно постоянное повтореніе стереотипнаго *adsertor*, очевидно тер-мина пригнѣзавшагося къ себѣ самимъ Виндикомъ.

вилъ уже Моммзенъ (Hermes, 13, 93, 3), котораго цитируетъ и г. Гриммъ, но съ доказательствами котораго онъ не желаетъ считаться, самъ не приводя въ защиту своего построения ни одного вѣскаго даннаго. Не хочетъ онъ считаться и съ указаніемъ Моммзена на то, что при всей искренности Гальбы смерть Виндика и рѣзко выраженное желаніе и римскаго и германскаго и его собственнаго войска имѣть принцеса во что бы то ни стало должно было сильно повліять на осторожнаго и разсчетливаго старика, всецѣло зависѣвшаго отъ войска. Такое же давленіе войско несомнѣнно оказало и на сенатъ. Вообще роли войска во всемъ этомъ годѣ четырехъ императоровъ авторъ придастъ недостаточное значеніе, забывая, что дисциплина его была дисциплина не государственная, а личная каждаго командира. Сирійское войско до Корбулона было абсолютно распущеннымъ и мятежнымъ сбродомъ, а послѣ него и подъ командой Веспасіана оказало чудеса выдержки ¹⁾. Это общее явленіе, сопутствующее принципату уже при Маріи и Суллѣ и объясняющее самую фактическую возможность его возникновенія ²⁾. Между тѣмъ, отрицая искреннее одушевленіе Виндика, авторъ становится въ самое печальное историческое протіворѣчіе: безъ этой вспышки республиканскихъ чувствъ онъ, какъ увидимъ, не сумѣетъ объяснить характеръ оппозиціи при Флавіяхъ.

Въ самой характеристикѣ принципатовъ Гальбы, Отона и Вителлія надо отмѣтить характерную для автора особенность: онъ совершенно игнорируетъ ту массу труда, которая положена на сличеніе рассказовъ Плутарха, Тацита и Светонія для выдѣленія ихъ общаго источника, хотя напримѣръ для рѣчи Отона, которую авторъ признаетъ согласной съ исторической дѣйствительностью, это сличеніе дало бы ему положительные, а не субъективные критеріи, которые исключительно руководятъ имъ и при оцѣнкѣ рѣчи Гальбы, историческая дѣйствительность которой отрицается ³⁾.

¹⁾ О войсковой дисциплинѣ авторъ нашелъ бы немало данныхъ у Домашевскаго въ его Religion des römischen Heeres (Westdeutsche Zeitschrift XIV и отдѣльно Trier 1895) и въ статьѣ о жалованьи римскихъ войскъ (Neue Heidelberger Jahrbücher, X).

²⁾ На стр. 30 пр. 5 столкновеніе между войсками Виндика и Вергинія представляется автору загадочнымъ. Между тѣмъ рассказъ Діона психологически вполне ясенъ: протівъ легионовъ Вергинія стояли галлы и приверженцы республики, т.-е. варвары въ союзѣ съ врагами принципата. Не надо забывать, что въ то время легионы набирались въ Италіи. Сепаратистомъ Виндикъ, конечно, не былъ (это признаетъ и Моммзенъ), но войско его во всякомъ случаѣ казалось одушевленнымъ сепаратизмомъ.

³⁾ Въ общемъ источникъ Плутарха и Тацита рѣчь Отона несомнѣнно была упомянута, что до нѣкоторой степени говорило бы за большую ея достовѣрность сравни-

Династія Флавіевъ.

Время Флавіевъ имѣетъ несомнѣнно огромное значеніе въ исторіи принципата не столько *позитивно*, сколько *негативно*. Флавіи заканчиваютъ собою рядъ императоровъ носителей узко-національной, итальянской политики, политики централизаціи власти и требованія исключительно служебной роли у провинцій. Особенно ярко эта политика проявилась въ эпоху Клавдія, сознательнымъ продолжателемъ котораго явился Веспасіанъ и его преемники. Эта связь между политикой Клавдіевъ и Веспасіана почти совершенно не выяснена въ виду того, что по мнѣнію автора „только и возможно было набросать очертанія той замѣчательной реорганизаціи государства, которой Римъ былъ обязанъ Флавіямъ и въ частности Веспасіану“ (стр. 75). Реорганизаціи государства Флавіи не дали и поэтому характеризовать ее невозможно; ни одна изъ мѣръ Флавіевъ не имѣетъ принципіального характера, каковыми надо считать, какъ увидимъ ниже, мѣры Траяна и Адриана. Разберемъ въ частности то, что приводитъ авторъ какъ составныя части этой реорганизаціи. Прежде всего авторъ разбираетъ средства, которыми Веспасіанъ упрочилъ свою династію. Это, главнымъ образомъ, сознательное стремленіе къ славѣ особо покровительствуемаго богами лица и чудодѣя. Если отвлечься отъ чудесныхъ разсказовъ объ египетскихъ исцѣленіяхъ, въ качествѣ реальныхъ показателей останется забота объ итальянскихъ и римскихъ культахъ, о Капитоліи, весталкахъ и т. п., т.-е. то же, чѣмъ отмѣчена была и дѣятельность Августа и дѣятельность любителя итальянской и этрусской старины Клавдія.

Поддержка итальянскихъ талантовъ и забота объ увеселеніи римскаго населенія (оба эти диспаратныя явленія соединяетъ авторъ) тоже отнюдь не выходятъ за предѣлы политики Августа; итальянскій или латинскій характеръ ея особенно ярко сказывается въ одновременномъ недоброжелательномъ отношеніи къ греческой наукѣ; придворныхъ поэтовъ имѣлъ и Августъ и его преемники.

По отношенію къ арміи мы не видимъ ни одной серьезной реформы. Строгія мѣры по отношенію къ легионамъ и сокращеніе прето-

тельно съ рѣчью Гальбы, которой Плутархъ даже не упоминаетъ, см. Fabia, Les sources de Tacite, стр. 15 и 42; Groag въ Supplem. zu Fleckeisens Jahrbüchern, XXIII, 1897, особ. стр. 740 и 750, гдѣ впрочемъ отмѣчается значительная разница между Тацитомъ и Плутархомъ въ передачѣ содержанія рѣчи, ср. также Muenzer въ послѣдней книгѣ Beiträge zur alten Geschichte.

ріанскихъ когортъ до Клавдіевой нормы — не есть мѣра принципиальнаго характера. Болѣе принципиальна мѣра, неизвѣстная автору, а именно дарованіе поселеннымъ въ Итали ветеранамъ (опять политика Августа и Клавдіевъ!) изъ преторіанцевъ полной *immunitas* въ 89 — 90 г. (военный дипломъ, изданный Моммзеномъ и Барнабеемъ въ *Moant. n. I*, 2,430). Мѣра эта ясно показываетъ намъ, что Веспасіанъ не такъ ужъ круто дѣйствовалъ съ распущенными преторіанцами, изъ которыхъ значительная часть, если не всѣ, были надѣлены землей ¹⁾.

Финансовая политика Веспасіана и его преемниковъ очень поверхностно характеризуется г. Гриммомъ; между тѣмъ именно здѣсь особенно ясно сказывается отсутствіе принципиальныхъ новшествъ. Поверхностность характеристики прямо вытекаетъ изъ незнакомства съ эпиграфическими данными и новѣйшей литературой предмета. Увеличеніе налоговъ, на которомъ настаиваетъ авторъ, конечно не есть принципиальная мѣра; важно то, что особенно тяжело легли налоги на Востокъ и преимущественно на Египетъ; если вспомнить политику Августа по отношенію къ Египту, то придется признать и въ этомъ отношеніи преемственность ²⁾. По стопамъ Клавдія идутъ Флавіи и въ дальнѣйшемъ развитіи функций прокуратуры, о чемъ я говорилъ въ своей исторіи государственнаго откупа. Но особенно характерна зависимость отъ политики Клавдіевыхъ отпущенниковъ въ поведеніи Веспасіана при повсемѣстномъ розыскѣ и возвращеніи государству принадлежавшихъ ему въ Итали и провинціяхъ земель. Особенно характерна исторія киренскихъ земель, отчужденіе которыхъ началось при Клавдіи, было оставлено при Неронѣ (*Tac. ann.* 14, 18) и доведено до конца при Веспасіанѣ (*Hug. de cond. agr.*, 122). Характерно, что въ дѣлѣ государственныхъ земель въ сенатской провинціи функционируютъ посланные императоромъ агенты и при Клавдіи, и при Флавіяхъ. Аналогичныя стремленія, оставили не мало слѣдовъ и въ надписяхъ: *CIL. V* 5050 для времени Клавдія, *CIL. X* 1018, 8083; *IX* 4420; *VI* 933 для эпохи Флавіевъ—первые слѣды вмѣшательства центральной власти при посредствѣ своихъ агентовъ въ финансовую

¹⁾ Дарованіе *immunitas* надо поставить въ связь и съ увеличеніемъ содержанія преторіанцамъ при Домиціанѣ. Отношенія Веспасіана, Тита и Домиціана къ войску въ высшей степени характерны въ смыслѣ все большихъ и большихъ уступокъ войску—единственной поддержкѣ принципата Флавіевъ.

²⁾ Ср. работу Wilcken'a, *Die griechischen Ostraka aus Aegypten und Nubien*, т. I.

жизнь муниципий и первая ступень къ императорскимъ *curatores*. Словомъ и тутъ *ничего принципиальнаго*, а исключительно продолженіе политики Нарцисса и комп. его ученикомъ.

Въ томъ, что авторъ называетъ отношеніемъ Веспасіана къ конституціоннымъ вопросамъ, также не вижу принципиальныхъ новшествъ. *Lex de imperio Vespasiani* по мнѣнію самого автора врядъ ли представляеть изъ себя что либо принципиально новое и во всякомъ случаѣ не есть крупная мѣра реорганизации ¹⁾, отношеніе къ консулату прекрасно выяснено въ специальныхъ работахъ, частью цитованныхъ авторомъ (103, 2). Примѣръ Клавдія руководилъ Веспасіаномъ и въ отношеніи его къ цензурѣ, при чемъ мѣра Домиціана была только распространеніемъ идеи Клавдія и Веспасіана. Несомнѣнно, цензура Веспасіана и затѣмъ Домиціана имѣла огромное значеніе для измѣненія сенаторскаго сословія; фактическихъ доказательствъ этому авторъ однако не приводитъ; онъ даже не думаетъ сдѣлать попытку, вполнѣ возможную при богатствѣ эпиграфическихъ и литературныхъ данныхъ, возстановить списокъ сенаторовъ при Веспасіанѣ и этимъ путемъ выяснитъ, въ какомъ направленіи дѣйствовала цензура Веспасіана, съ какой точки зрѣнія она измѣнила составъ сената. А между тѣмъ попытки подобнаго рода дѣлались и дѣлаются всеми тѣми, начиная съ Виллемса, которые задавались серьезной цѣлью изученія роли и функций сената въ различные періоды его существованія ²⁾. Только на основаніи такой статистики можно было бы съ нѣкоторой долей увѣренности говорить о значеніи реформы состава сената и выяснитъ отношеніе реорганизованнаго сената къ императору.

Вопросомъ о томъ, что сдѣлано было Флавіями новаго и важнаго для поддержанія своего престижа въ Италіи, авторъ задается только для того, чтобы высказать свой пессимистическій взглядъ на главный

¹⁾ По мнѣнію автора, между прочимъ, *Suet. Vesp.* 12 есть доказательство противъ того, будто въ *lex de imperio* содержалось дарованіе трибунской власти. Это однако весьма сомнительно, такъ какъ все основано на дополненіи лакуны: *ne tribuniciam quidem potestatem... patris patriae appellationem nisi sero receperit*. Дополнить можно хотя бы *nisi post legem latam accepit* или под.

²⁾ См. работы Виллемса о составѣ сената въ 65 г. по Р. X. въ *Musée belge*, 4.236 сл.; и 5,82 сл. диссертацию Ribbeck'a о составѣ сената въ 44 г. (*Senatores Romani qui fuerint idibus Martiis anni a. u. c. 710*, Berl. 1899); одной изъ первыхъ попытокъ въ данномъ направленіи были списки Виллемса въ его работѣ о республиканскомъ сенатѣ. Аналогичную цѣль имѣетъ рядъ работъ Бюдингера о патриціатѣ, въ которыхъ онъ пользуется тѣмъ же статистическимъ методомъ (въ *Sitzungsberichte der Wiener Akademie*) и другія подобныя работы.

источникъ нашего знанія внутренней жизни Рима—надписи. „Въ настоящее время, пишетъ авторъ на стр. 109, мы правда привыкли (кто это мы?) принимать за чистую монету почти всё официальные выраженія преданности имперіи и императорамъ, съ которыми мы сталкиваемся на надписяхъ. На самомъ дѣлѣ пѣтъ болѣе сомнительнаго источника для изображенія умственнаго состоянія какого либо общества, чѣмъ надписи: масса современныхъ аналогій изъ повседневной жизни любой изъ европейскихъ націй съ избыткомъ доказываетъ, какъ мало искренни и какъ формальны очень часто бываютъ подобнаго рода заявленія преданности. Ужъ одинъ тотъ фактъ, что они становятся воплѣ обычными, ожидаютъ властью и поощряются ею, въ значительной мѣрѣ лишаетъ ихъ цѣны и дѣлать изъ нихъ выводы о безусловномъ довольствѣ населенія и о его сочувствіи къ данной формѣ власти и ея политикѣ было бы болѣе чѣмъ рискованно. А поэтому мы и не имѣемъ никакого права предполагать, чтобы новые сенаторы изъ итальянскихъ (sic!) и провинціальныхъ городовъ были непременно сторонниками принципата или въ частности Веспасіана и его дома“.

Авторъ, очевидно, мало знакомъ съ надписями, которыя какъ разъ даютъ отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ объ отношеніи общества къ династіи Флавіевъ. Если бы авторъ ознакомился съ муниципальной жизнью Италіи по надписямъ, то онъ увидѣлъ бы, какую важную роль играли въ ея жизни за этотъ періодъ такія полу-официальные коллегіи, какъ коллегіи Августаловъ ¹⁾ и коллегіи юношей ²⁾, носители цезаризма въ италійскихъ городахъ. Не мѣшало бы ему прослѣдить и исторію императорскаго культа съ его министрами и жрецами. Не исключительно лести и страхъ создали и поддерживали официальный культъ въ Италіи и провинціяхъ ³⁾. По крайней мѣрѣ для коллегій юношей эпоха Флавіевъ была временемъ новаго развѣта: Титъ самъ былъ въ свое время членомъ реатинскаго коллегія, а Домиціанъ

¹⁾ См. Крашенинниковъ, Августалы и сократное магистерство; Mourlot, Essai sur l'histoire de l'Augustalité dans l'empire romain, Paris, 1895; Premerstein въ *Ruggero Dizionario-epigrafico*.

²⁾ См. Demoulin, Les Collegia iuvenum dans l'empire romain и мой *Catalogue des plombs* стр. 90 слл.

³⁾ Приводить специальную литературу о культѣ императоровъ считаю излишнимъ въ виду ея общезвѣстности; о культѣ императоровъ въ войскѣ см. превосходныя работы Домашевскаго *Die Religion des römischen Heeres* (*Westd. Zeitschr.* XIV) и *Die Fahnen im römischen Heere* (въ *Abhandlungen des Arch. epigr. Seminars V* (1885) въ Вѣнѣ).

лично принималъ участіе и заставлялъ дѣлать это сенаторовъ и консуларовъ въ муниципальныхъ играхъ Бовиллъ ¹⁾). И здѣсь слѣдовательно сознательное развитіе идей Августа.

Еще важнѣе было бы прослѣдить за эволюціей всадническаго сословія—этого *seminarium senatus*, типичными представителями котораго въ нашу эпоху являются Плиній и Флавій Юсіфъ и для роли и значенія котораго сохранилась такая масса данныхъ въ надписяхъ. Между тѣмъ отъ характеристики по крайней мѣрѣ одного изъ названныхъ (Юсіфъ) авторъ отказывается, другого (Плинія) даже не упоминаетъ несмотря на то, что это былъ настоящій италикъ, убѣжденный монархистъ и человѣкъ съ широкими научными интересами историческаго и государственно-правового характера. Его воззрѣнія несомнѣнно настолько же характерны, какъ и воззрѣнія Тацита и Плинія Младшаго для послѣдующаго времени. Но къ сожалѣнію взгляды Плинія Старшаго выдѣлить можно только путемъ изслѣдованія, а изслѣдованія нашъ авторъ обходитъ ²⁾). Оцѣнить роль всадническаго сословія и имѣю возможности въ узкихъ рамкахъ этого отзыва. Оно несомнѣнно въ эпоху Флавіевъ, всадниковъ на престолѣ, пережило важную фазу своего развитія, бросившую часть этого монархическаго элемента въ римскомъ государствѣ въ объятія къ оппозиціи.

Такимъ образомъ очеркъ реформы Веспасіана, для котораго авторъ далеко не использовалъ источниковъ, набросанъ очень неполно и поверхностно; не доказано, какъ мы видѣли, и то, чтобы Веспасіаномъ внесено было въ римскій государственный строй что либо принципиально новое. Еще менѣе новаго могъ дать краткій принципатъ Тита, слѣдовавшаго завѣтамъ отца. Характеристика принципата Домиціана, помимо не идущаго къ дѣлу описанія его роскоши и тратъ, сводится къ доказательству того, что его *постоянная цензура* сдѣлала сенатъ государственнымъ совѣтомъ. При этомъ, однако, авторъ не указываетъ на то, что сведеніе это формъ государственнаго строя абсо-

¹⁾ См. мою статью въ *Röm. Mith.* 1900, стр. 223 сл., выводы ея принимаются *Waltzing*'омъ въ *Musée Belge*, V.

²⁾ Впрочемъ имѣется рядъ подготовительныхъ работъ, съ которыми авторъ могъ бы познакомиться при чтеніи послѣднихъ работъ *Muenzer*'а и *Dettefsen*'а, *Untersuchungen über die Zusammensetzung der Naturgeschichte des Plinius*, Berlin, 1899, объ источникахъ Плинія (особенно важна работа *Muenzer*'а, гдѣ выясняется отношеніе Плинія къ Варрону и Августовскоѣ государственно-правовой литературѣ) см. *Muenzer*, *Beiträge zur Quellenkritik der Naturgeschichte des Plinius*, Berlin, 1897, ср. статью того же *Muenzer*'а въ *Bonner Jahrbücher*, 104, стр. 103 сл.

лютно не касалось, а было, какъ указалъ и Моммзенъ, цитуемый авторомъ, исключительно фактическимъ, отнюдь же не формальнымъ. Ни провинціи, ни формальный выборъ магистратовъ, ни одно формальное право не было отнято у сената; Домиціанъ только расширилъ свои права, но формально діархія не коснулся. Авторъ напрасно настаиваетъ на томъ (142), что діархія предполагаетъ въ идеѣ Моммзена равновластіе: двоевластіе никогда не бываетъ равновластіемъ. Формально, какъ на это указываетъ и авторъ (148), Домиціанъ не былъ богомъ и государемъ, а фактически этимъ былъ до него и Калигула. Характерно, что автору не удалось привести ни одного даннаго, изъ котораго ясно было бы, что претензіи Домиціана сказались на формахъ официального культа императоровъ.

Оппозиція при Флавіяхъ.

Всю главу III-ю авторъ посвящаетъ характеристикѣ оппозиціи при Флавіяхъ и выясненію ея роли въ дальнѣйшемъ ходѣ государственной жизни Рима. Съ главными положеніями этой лучшей части книги г. Гримма я абсолютно согласиться не могу. По мнѣнію автора (см. особ. стр. 234) „не эти рѣчи (т. е. рѣчи Діона и киническихъ философовъ) и не крупное общественное движеніе погубили Домиціана: мы уже видѣли, что его гибель въ отличіе отъ гибели Нерона представляетъ результатъ чисто дворцоваго переворота, въ которомъ не только провинціальное, но и столичное общество не приняло никакого непосредственнаго участія“. Я же думаю, что такое крупное общественное движеніе было, но исходило на этотъ разъ не съ запада, какъ при Неронѣ, а съ востока — изъ Египта и Малой Азіи, этихъ *souffre-douleurs* Клавдіева и Флавіева режима. Нѣкоторыя данныя для этого я собралъ въ своей статьѣ о греческихъ мученикахъ, которую г. Гриммъ цитуетъ, по которой онъ не пользуется и съ данными которой не считается. Движенія и массоваго движенія киниковъ, вызывающаго образа дѣйствій александрійской оппозиціи и разсѣянныхъ по всему лицу римской имперіи и главнымъ образомъ Рима и Италіи киническихъ философовъ авторъ не объяснилъ и не отмѣтилъ, и въ виду этого ему остались непонятными начинающіяся съ Нерона гоненія на философовъ стоиковъ и киниковъ. Одной изъ самыхъ страшныхъ мѣръ, вызвавшихъ движеніе лучшей части греческой интеллигенціи, была мѣра, съ которой знакомить насъ одна недавно найденная въ Аѳинахъ надпись, блестяще

дополненная давно уже известнымъ ея фрагментомъ Wilhelm'омъ ¹⁾. Надпись эта есть сборникъ документовъ, касающихся Эпикурейской школы въ Афинахъ. При Адрианѣ эпикурейской школѣ въ Афинахъ по просьбѣ императрицы матери Плотины дается вновь разрѣшеніе выбирать главу школы не изъ римскихъ гражданъ и этой главѣ школы дѣлать завѣщаніе не на латинскомъ языкѣ; запрещеніе это, какъ доказалъ Diels, было снято только для эпикурейцевъ и продолжало быть въ силѣ и послѣ Адриана для всѣхъ остальныхъ школъ.

Въ письмахъ Плотины по этому поводу говорится объ этомъ запрещеніи не какъ о чемъ либо новомъ, и очевидно, что вошло оно въ силу уже давно. Несомнѣнно это была рѣшительная попытка обезвредить греческую философскую оппозицію путемъ ея романизации, націонализировать такую важную сторону греческаго культурнаго развитія, ея главную гордость, и я не ошибусь, если припишу эту мѣру одному изъ наиболѣе яркихъ націоналистовъ на престолѣ, Веспасіану или Домиціану и поставлю ее въ связь съ общимъ гоненіемъ на философію. Все это однако еще не доказываетъ роли греческаго востока въ сверженіи Домиціана. Доказательства этому, однако, имѣются: агитаторская дѣятельность Діона и Аполлонія ²⁾ несомнѣнно типична, вліяніе книжковъ на римскую знать, которую они воспитывали, несомнѣнно; несомнѣнно, что Домиціанъ погибъ отъ восточныхъ отпущенниковъ, находившихся въ союзѣ съ новой всаднической знатью; несомнѣнно, наконецъ, что Аполлоній о днѣ и можетъ быть даже частъ убійства Домиціана былъ точно осведомленъ, такъ какъ фактъ его вѣщательства въ Эфесѣ твердо засвидѣтельствованъ Діономъ. Если сопоставить эти точныя данныя съ общимъ положеніемъ Востока, его промышленнымъ, торговымъ и культурнымъ расцвѣтомъ, безуспѣшно подавляемымъ римскими націоналистами путемъ преслѣдованія мысли и разоренія Египта и Азіи усиленными поборами, то причины восточнаго движенія станутъ ясны, и оно окажется совершенно аналогичнымъ движенію запада въ 68 — 69 году. Но западъ уже успѣлъ значительно романизоваться, и лучшія силы его нашли себѣ покровительство въ династіи Флавіевъ (происхожденіе большин-

¹⁾ См. Jahreshefte des K. K. arch. Inst. 1899. 270; ср. Diels, Archiv für Geschichte der Philosophie, 1891, 486 сл.; Nouvelle Revue hist. du droit fr. et étr., 1892, 622 сл.

²⁾ Къ біографіи Аполлонія авторъ относится очень скептически, не попытался однако разбраться въ вопросѣ объ источникахъ, отъ котораго всецѣло зависятъ оцѣнка произведенія.

ства видныхъ лицъ того времени виѣ-италійское), Востокъ же, кромѣ гнета и навязыванія ему чуждаго ему духа, ничего не испыталъ, понятно почему теперь онъ сталъ во главѣ движенія. Что движеніе приняло форму дворцоваго заговора, это вполнѣ свойственно духу невоинственнаго, выросшаго на политической интригѣ Востока ¹⁾. Намѣченнымъ заговорщиками преемникомъ былъ Кокцей Нерва, о филеллинской политикѣ котораго, равно какъ и его преемниковъ, рѣчь будетъ ниже. Эта измѣненная политика, невыясненная г. Гриммомъ, служить лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнія.

Въ характеристикѣ взглядовъ Діона и римской оппозиціи г. Гриммомъ этотъ моментъ политической агитаціи совершенно опущенъ, и поэтому ему непонятно то, почему Діонъ немедленно послѣ смерти Домиціана мнѣяетъ тонъ и является хвалителемъ существующаго правительства. Киники иначе и не могли, какъ перейти на сторону своего ставленника, хотя конечно нашлись среди нихъ и непримиримые, продолжавшіе свою теперь уже беспочвенную агитацію.

Другой вопросъ, почему киники нашли такой откликъ въ римскомъ обществѣ. Кромѣ культурной и педагогической роли, которую они играли въ Римѣ, наибольшее значеніе имѣетъ конечно то, что событіями 68 — 69 года общество было выведено изъ спячки и поставлено въ необходимость вновь задуматься надъ политическими вопросами. Препней стоической адиафоріи теперь было мало, надо было высказываться въ ту или другую сторону; ясно поэтому, что кинизмъ, такъ близко сходявшійся съ стоицизмомъ въ вопросахъ личной морали приобрѣлъ такое вліяніе на римское общество. Измѣненіе же состава этого общества, притокъ свѣжихъ силъ изъ муниципальнаго и провинціальнаго всадничества, привлеченнаго Флавіями, далъ обществу и силу, и энергію.

Возвращаясь, однако, къ книгѣ г. Гримма для того, чтобы разобрать нѣкоторыя частныя стороны его взгляда на Флавіеву оппозицію. Всѣхъ противниковъ Флавіева режима г. Гриммъ раздѣляетъ на два лагеря: сторонники республики во главѣ съ Герепіемъ Руфомъ и сторонники кинической монархіи, погибшіе при Домиціанѣ. Это дѣленіе мнѣ кажется мало обоснованнымъ. Вся разница между Гельвидіемъ и позднѣйшими не въ ихъ взглядахъ, а въ ихъ поведеніи; за

¹⁾ Окончательный заговоръ врядъ ли стоитъ виѣ связи съ заговоромъ 93 года, въ которомъ приняли участіе и знать, и философы, и дворъ въ лицѣ родственниковъ Домиціана и Эпафродита алберта.

вызывающими дѣйствіями Гельвидія остальные не хотѣтъ идти, находя его оппозицію преждевременной и неумѣренной. Въ идеаль Гельвидія проникнуть очень трудно: онъ ратуетъ за сенатъ, но это единственное средство болѣе или менѣе законной и конституціонной оппозиціи; онъ дѣйствуетъ на народъ, но гдѣ же онъ могъ найти другой объектъ для оппозиціонной дѣятельности? Но если Гельвидіи все-таки можетъ съ извѣстными натяжками считаться руководителемъ оппозиціи съ республиканскими идеалами ¹⁾, то представитель другой части оппозиціи *Матернъ*, характеризуемый въ діалогѣ Тацита его заключительной рѣчью выбранъ совершенно неудачно. Во-первыхъ, въ изслѣдованіяхъ о діалогѣ Тацита вопросъ о томъ, принадлежитъ ли рѣчь Матерну, далеко еще не выясненъ. Во всякомъ случаѣ большинство новѣйшихъ изслѣдователей (Gudeman, John, Schanz) всѣ согласны въ томъ, что главы 37—40 до non de otiosa принадлежатъ Секунду, и только отсюда идетъ рѣчь Матерна; но многіе остаются еще при томъ убѣжденіи (Steiner, Павлуцкій), что и конецъ (40,41) принадлежитъ тому же Секунду. Вопросъ этотъ авторомъ даже не затрагивается. Далѣе совершенно не выяснено, поскольку Матернъ, особенно въ заключительной рѣчи, говоритъ свое, а не Тацитово. Уже давно отмѣчено, что рѣчь его въ цѣломъ рядѣ основныхъ пунктовъ совершенно совпадаетъ съ воззрѣніями Тацита въ его другихъ произведеніяхъ (см. наиримѣръ Павлуцкій стр. 50 слл., Hirzel, Der Dialog, 57). Вопросъ этотъ также не мѣшало бы выяснить въ виду той роли, которую играютъ воззрѣнія Матерна и Тацита въ работѣ г. Гримма.

Наконецъ г. Гриммъ отождествляетъ Матерна софиста, казеннаго Домиціаномъ, съ Куріаціемъ Матерномъ Діалога, удивляясь, почему Prosopographia этой идентичности не признаетъ „не приводя никакихъ основаній“. Если бы авторъ былъ знакомъ съ литературой діалога, то онъ зналъ бы, какія основанія руководили авторомъ этого тома Prosopographia—Klebs'a. Klebs повторяетъ здѣсь сомнѣнія ряда изслѣдователей, основанныя на томъ, что Матернъ въ діалогѣ назы-

¹⁾ Противъ этого впрочемъ сильно говоритъ то, что въ его дѣло вовлечены киники, какъ наиримѣръ Деметрій, его ученикъ Музоній и другіе, которые несомнѣнно не ставили своимъ идеаломъ республику. Дѣйствія ихъ были направлены противъ монархій, но монархій существующей, а не идеальной. Но даже признавая, что у Гельвидія былъ республиканскій идеалъ, никакъ нельзя согласиться съ подробностями этого идеала, какъ ихъ рисуетъ г. Гриммъ.

ваеть себя поэтомъ и противопоставляетъ себя: *rhetoribus atque scholasticis* (42,6) ¹⁾. И здѣсь авторъ не пожелалъ предпринять простого и важнаго для него изслѣдованія.

Въ качествѣ дополненія къ изложенію взглядовъ и дѣйствій оппозиціи г. Гриммъ даетъ очеркъ греческихъ взглядовъ на монархію и въ связи съ этимъ излагаетъ книжечное ученіе о монархѣ по рѣчамъ Діона Хрисостома. Такъ какъ это изложеніе на оригинальность не претендуетъ, то мы и воздерживаемся отъ его разбора. Надо только пожалѣть, что свои взгляды на эллинистическую монархію авторъ заимствовалъ изъ такой непродуманной работы, какъ книжечка Kaerst'a, основанная на знакомствѣ съ очень незначительнымъ матеріаломъ. Лучше было бы взять хотя бы работы Низе по тому же вопросу; еще лучше было бы обратиться къ литературному, эпиграфическому и документальному (папирусы) матеріалу. Изложеніе взглядовъ Діона на монархію можно найти во всякой исторіи греческой философіи. Въ остальномъ авторъ зависяетъ отъ Агпін'а.

Несомнѣнно однако, что, несмотря на указанные недостатки, разобранную часть работы надо считать лучшей и наиболѣе разработанной; жаль только, что авторъ за Римомъ не хочетъ видѣть провинцій и этимъ подрываетъ въ основаніи свое занимательное изложеніе.

Нерва и Траянъ.

Глава IV посвящена изложенію принципатовъ Нервы и Траяна. Принципатъ Нервы характеризуется очень поверхностно. Особенно досадно, что авторъ не остановился болѣе подробно на усыновленіи Нервой Траяна, т. е. на томъ, что несмотря на кратковременность это усыновленіе повело къ явному соправительству, чего нельзя сказать даже о Веспасіанѣ и Титѣ, хотя несомнѣнно, что примѣръ Веспасіана руководилъ до нѣкоторой степени Нервой. Этотъ фактъ находитъ себѣ отголосокъ въ надписяхъ эпохи Траяна: такъ, въ одной надписи изъ ПUTEOLÆ нѣкій М. Ульпій Прокулъ называетъ себя *Domitiani Caesaris verna, II Augustor(um) libertus* ²⁾. Такъ величаютъ себя впослѣдствіи только отпущенники соправителей. На стр. 270 сл. въ разсужденіи о состояніи войсковой дисциплины не принято во вниманіе, что несомнѣнно важную роль въ усыновле-

¹⁾ Литературу вопроса можно найти у Schanz'a и еще полнѣе въ статьѣ Curiatius Maternus въ P. W. R. E. (Wissowa).

²⁾ См. Not. dn, Scavi, 1901, Geoglin. 20.

ни Траяна играло то, что онъ командовалъ германскими легіонами, которые должны были создать противовѣсъ преторіанцамъ. Для характеристики отношеній къ сенату матеріалъ далеко не исчерпанъ: важное значеніе имѣетъ созданіе новой претуры для разрѣшенія дѣлъ между фиссомъ и частными лицами—сознательный шагъ на пути сокращенія функций прокуратуры (Dig. I, 2, 2, 32; 30, 122 pr.; 117 и Plin. Paneg. 36). Монеты съ надписью *providentia senatus* очень важны для характеристики уваженія, которое Нерва оказывалъ сенату. Но особенно досадно то, что совершенно не разобрано отношеніе принцепса къ провинціямъ, въ чемъ и лежитъ основной смыслъ всей политики всѣхъ преемниковъ Нервы. Внимательному и любовному отношенію къ провинціямъ несомнѣнно положилъ начало уже Нерва, о чемъ свидѣлствуетъ хотя бы разрѣшеніе городамъ принимать легаты, разработана котораго еще при Адрианѣ ведется въ сенатѣ (Ulp. frg. 24—28).

Авторъ по поводу принципата Нервы и Траяна жалуется на скудость матеріала; это, казалось бы, обязывало автора особенно внимательно отнестись къ тѣмъ обрывкамъ, которые все-таки сохранились и дополняютъ скудные данныя писателей, тѣмъ болѣе, что собираемъ этого скуднаго матеріала занималось не мало ученыхъ. Между тѣмъ изъ работъ, относящихся къ принципату Траяна, цитована только работа Diezauer'a; не менѣе важная общая работа de la Berge (Paris 1877) пройдена молчаніемъ. Еще досаднѣе, что авторъ незнакомъ съ полнымъ сводомъ матеріала, касающагося Траяна, сдѣланнымъ Santarelli ¹⁾, и со статьей Gsell'я, касающейся отношеній между Траяномъ и сенатомъ ²⁾. Въ высшей степени важный матеріалъ даютъ и памятники искусства, особенно арка Траяна въ Беневентѣ, превосходно объясненная именно съ политической точки зрѣнія Домашевскимъ ³⁾: въ этой аркѣ выражено пластически то же, что Августъ разказалъ въ своихъ *res gestae*; разказано все то, за что сенатъ и народъ дали имя *optimus* отправлявшемуся въ паряискій походъ принцепсу. Небрежное отношеніе къ матеріалу и новѣйшимъ изслѣдованіямъ особенно ясно сказывается на двухъ примѣрахъ: 1) для характеристики отношеній Траяна къ сенату не разъ приводится тотъ фактъ, будто бы при немъ провинція Вионія перешла отъ сената къ

¹⁾ Studi e documenti di storia e diritto, XVI, 185. (Le fonti per la storia dell' imperatore Traiano).

²⁾ Gsell, Mélanges de l'école fr. de Rome 1887, 338—332.

³⁾ Jahreshefte des K. K. arch. Instituts, 1899, 173 см.

императору. Авторъ даже не потрудился провѣрить эти данныя ¹⁾ и вчитаться въ надписи Плинія, на которыхъ яко бы основанъ этотъ несуществующій на дѣлѣ фактъ. А между тѣмъ эти надписи очень характерны для всей провинціальной политики императора и его отношеній къ сенату. Въ главной надписи Плинія прямо сказано: *legatus pr. pr. provinciae Ponti et Bithyniae consulari potestate in eam provinciam e[х s. c. ab] imp. Nerva Traiano Aug. Germ [missus] CIL. V 5262*, а въ недавно только правильно дополненной надписи CIL. VI 1552 читается *ex s. c. pro[consulis loco in prov. Ponto] et Bithynia* или *ex s. c. pro[consulari potestate ²⁾]*. Такимъ образомъ функціи Плинія были экстраординарны и дарованы были Плинію только съ разрѣшенія сената. Вишня же съ временнымъ перерывомъ при Адрианѣ (Brandis, Hermes, 1896, 161. 169 и Boissevain ad Dionem 69, 14 ср. CIGr., 4033) вплоть до М. Аврелія оставалась сенатскою провинціей. Если это сопоставить съ такимъ неупомянутымъ г. Гриммомъ фактомъ, какъ возвращеніе хлѣбныхъ раздачъ особымъ префектомъ *frumenti dandi ex s. c. ³⁾*, то получится нѣсколько другая картина отношеній къ сенату, чѣмъ та, которую рисуетъ г. Гриммъ. Возжи центрального управленія ослабли: при Клавдіи и Флавіяхъ не спрашиваютъ, какъ мы видѣли, согласія сената на посылку экстраординарнаго комиссара въ сенатскія провинціи.

2) Однимъ изъ наиболее характерныхъ актовъ централизаціи управленія г. Гриммъ считаетъ созданіе при Траянѣ особыхъ *curatores* для наблюденія за финансами муниципіевъ. И тутъ авторъ не потрудился разобраться въ новомъ матеріалѣ и оперируетъ исключительно на основаніи статьи Henzen'a, написанной въ 1851 г. Результатомъ этого является прежде всего смѣшеніе *curatores kalendarii* съ *curatores reipublicae* (см. статью Kübler'a въ Z. der S.-St. f. Rechtsg., XIII, 156—173), затѣмъ полное игнорированіе вопроса о времени возникновенія этой суга, которымъ рядъ новѣйшихъ ученыхъ считаетъ эпоху Домиціана (Degner, Quaestionis de curatore etc., Halle 1883, Крашенинниковъ въ Philologus 53, 166, противъ нихъ Liebenam, Philologus, 56, 290—325, Kornemann въ P. W. R. E. curator, ср. Lecrivain, Mélanges de l'école de Rome, 1884, 537 слл.), наконецъ авторъ смѣши-

¹⁾ Уже Mommsen и de la Berge даютъ правильное объясненіе миссіи Плинія.

²⁾ См. Vogtman, Arch. ep. Mitth., XV, 67 и Mommsen, Eph. ep., VII, 444, ср. надпись преемника Плинія Корнута Тертулла CIL, XIV, 2925.

³⁾ См. Cantarelli въ Bull. com. 1895, 217 сл.

ваетъ западныхъ *curatores* и восточныхъ *λογισταί* (см. о разницѣ *Levy R. d. et. gr. XIV, 360*). Самый институтъ *curatores* отнюдь не свидѣтельствуемъ о централизаціи власти (см. стр. 296): эти мѣстные чиновники раздробляютъ власть проконсуловъ и легатовъ и децентрализуютъ власть въ каждой отдѣльной провинціи; они болѣе сдержки и контроль правителей, чѣмъ муниципалитетовъ. Стремленіе къ децентрализаціи власти сказывается у Траяна и въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Плинію: чиновникъ Флавіевъ Плиній не привыкъ думать самостоятельно, и нельзя сказать, чтобы Траянъ былъ этимъ доволенъ. Что власть Траяна отъ этой децентрализаціи слабѣе не становится, этого, я думаю, доказывать нечего.

Не выяснено совершенно и отношеніе Траяна къ войску. А между тѣмъ въ это время, по мнѣнію такого знатока какъ Домашевскій ¹⁾, начался наборъ легионовъ въ провинціяхъ, яснѣйшій показатель стремленія органически объединить всю римскую имперію въ одно цѣлое и эманципировать власть отъ исключительнаго вліянія Італіи и Рима.

Въ изложеніи г. Гримма столь богатый новымъ принципатъ Траяна становится блѣднымъ и безсодержательнымъ только потому, что автору некогда было познакомиться со всѣмъ матеріаломъ и разобраться въ томъ, который у него былъ.

Тацитъ и Плиній.

Характерными представителями римскаго общества временъ Нервы и Траяна выставлены г. Гриммомъ Тацитъ и Плиній. Объ обоихъ писателяхъ и ихъ политическихъ воззрѣніяхъ писано очень много, особенно о первомъ, такъ что автору трудно было бы сказать о нихъ что либо новое. Немало однако у автора фактическихъ неточностей, которыя всецѣло зависятъ отъ его недостаточнаго знакомства съ литературой вопроса.

Прежде всего невѣрно, — чтобы начать съ мелочи, — то, что будто бы вопросъ о раскопкахъ Тацита разрѣшенъ Миласійской надписью (стр. 306). Изданная французскими учеными надпись неправильно прочитана: то, что авторы прочли какъ *το* на факсимиле надписи, изданномъ въ *S. d. V. A. 132 (1895), 18*, ясно читается какъ *ΤΩ* и есть конечно конецъ слова *ἀνδορά*]τφ.

Въ политическихъ взглядахъ Тацита совершенно не отмѣчено со-

¹⁾ Jahreshefte, I. I.

единеніе трехъ очень диспаратныхъ теорій: его идеаль есть идеаль смѣшаннаго государственнаго строя—идеаль послѣднихъ лѣтъ Платона (въ законахъ), Аристотеля и черезъ нихъ грековъ—стоиковъ II вѣка до Р. Хр., искавшихъ объясненія величію Рима въ органическомъ смѣшеніи демократіи, аристократіи и монархіи въ его государственномъ строѣ. Наиболье яркимъ представителемъ этой теоріи является Полибій, она же имѣется у Тацита (стр. 314 у г. Гримма), ее же, какъ увидимъ ниже, въ измѣненномъ видѣ находимъ у Аристида. Взглядъ Тацита на монархію, съ которой онъ мирится въ виду невозможности идеальнаго строя (стр. 332), есть обычный взглядъ стоиковъ императорскаго времени съ значительной долей киническихъ элементовъ (рѣчь Гальбы). Но рядомъ съ нимъ уживается взглядъ, характеризуемый г. Гриммомъ (стр. 336) слѣдующимъ образомъ: „двойственное въ основѣ своей созданіе политической фантазіи Тацита—монархическая власть, добровольно подчиняющаяся аристократическому собранію“.... Это созданіе фантазіи Тацита, какъ убѣдительно доказалъ Leo въ *Gött. gel. Nachrichten*, 1896, 191—208 (*Die staatsrechtlichen Excursus in Tacitus' Annalen*), есть теорія цѣлой школы юристовъ Августовскаго времени, объединяемыхъ именемъ Атея Капитона, у которой Тацитъ занимаетъ большинство своихъ государственно-правовыхъ экскурсовъ вплоть до приводимой и авторомъ исторіи культурно-историческаго развитія человѣчества. Теорія Атея Капитона есть историческое и юридическое обоснованіе какъ разъ той дѣрхіи, существованіе которой въ умахъ римскаго общества такъ упорно отрицаетъ г. Гриммъ.

Можно не соглашаться съ выводами такого знатока Тацита какъ Leo, но считаться съ нимъ не мѣшаетъ.

Въ обѣихъ характеристикахъ—Тацита и Плинія—надо отмѣтить утомительное многословіе и обиліе повтореній изъ предыдущихъ частей, гдѣ тѣ же писатели служатъ для автора почти единственнымъ матеріаломъ.

Адріанъ и Антонинъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ поверхностнѣе становится изслѣдованіе г. Гримма. Буду останавливаться только на наиболье рельефныхъ примѣрахъ. Въ характеристикѣ принципата Адріана проходитъ полнымъ молчаніемъ вопросъ объ его усыновленіи, породившій обширнѣйшую литературу ¹⁾. И дѣйствительно для принципата Адріана весьма важно

¹⁾ Послѣднія статьи принадлежатъ Groag'у, *Röm. Mitth.*, 1899, G. Samozzi, *Ri-*

уяснить себѣ, насколько истинны рассказы (главнымъ образомъ у Светонія) о роли, которую играла при усыновленіи Плотина. Былъ ли тутъ дѣйствительно обманъ или это одна изъ многочисленныхъ легендъ и силетень нашихъ источниковъ? И за то, и за другое говорятъ вѣскія основанія. Какъ бы тамъ ни было, но насколько характеренъ тотъ фактъ, что письмо сенату объ усыновленіи подписываетъ Плотина: это послѣ Агрипины первый фактъ дѣятельнаго вмѣшательства женщины въ политическія дѣла и фактъ характерный, который вводитъ цѣлую серію подобныхъ и кончается ролью сирійскихъ дамъ въ эпоху Северовъ ¹⁾. Такое вмѣшательство стоитъ въ тѣсной связи съ выработкой понятія *domus divina*, которое именно въ эту эпоху дѣлается техническимъ. Въ связи съ этимъ же въ свою очередь стоитъ экономическое выдѣленіе этой *domus divina*, которое сыграло немалую роль въ экономическомъ развитіи имперіи.

Времени Адриана, Антонина и М. Аврелія г. Гриммъ бросаетъ упрекъ въ отсутствіи крупныхъ политическихъ идей, упрекъ совершенно несправедливый, такъ какъ въ это время возникла и вылилась въ опредѣленные формы важнѣйшая идея полного равноправія всѣхъ частей государства, Италіи и провинцій, Востока и Запада. Въ это время возникаетъ любовное отношеніе правительства къ провинціямъ и ихъ ячейкамъ—городамъ. Достаточно просмотрѣть переписку Адриана и его послѣдователей съ провинціальными городами и сравнить ее съ таковою же прежнихъ цезарей, чтобы понять эту важнѣйшую политическую идею Антониновъ ²⁾. Какъ разъ то, что всѣ Антонины

vista italiana di numismatica, XIII, 157 слл. и Домашевскому въ *Neue Heidelb. Jahrb.* X, 227 (*Der Truppensohd der Kaiserzeit*). Не могло быть извѣстно автору дополненіе *Groag*'а къ своей статьѣ въ послѣдней книжкѣ *Römische Mittheilungen*, ср. общую работу *Stückelberg*'а *Die Thronfolge von Augustus bis Constantin*, Wien, 1897.

¹⁾ Въ высшей степени характерно отношеніе Адриана къ женщинамъ его семьи, нашедшее себѣ такой яркій отголосокъ въ его надгробной рѣчи на похоронахъ *Матидіи*. Характерно и соединеніе его имени съ именемъ *Сабини* на частныхъ тессерахъ его царствованія: *felix Sabina Augusta Hadriano sal(vo)*. Сопоставленіе всѣхъ литературныхъ трудовъ Адриана далъ *Cantarelli* въ *Studi e documenti di storia e diritto* т. XIX (1898) и отдѣльно *Roma* 1898.

²⁾ Письма эти сопоставлены въ послѣднее время въ запискахъ *Нѣж. фил. лист. г. Турцевичемъ* въ работѣ, которая могла бы принести немалую пользу нашему автору, проходящему полнымъ молчаніемъ всѣ сношенія провинцій съ центральной властью. Досадно также, что авторъ не пользовался двумя важными послѣдованіями по исторіи имп. Адриана, а именно *Schurz*, *De mutationibus in imperio ordinando ab imp. Hadriano factis*, Bonn, 1883 и *Plew*, *Quellenuntersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrian*, Strassb., 1890.

именно въ силу этой идеи борются съ симптомами упадка экономическаго и социальнаго, подготовленнаго и хозяйствомъ республики и узконаціональной политикой Клавдіевъ и Флавіевъ, приводитъ къ тѣмъ блестящимъ въ сожалѣнію временнымъ результатамъ, которыми могутъ гордиться Антонины. Оживаеъ востокъ, расцвѣтаеъ муниципальная, Африка, растетъ торговля; все это г. Гримму кажется мало важнымъ, потому что все это погнбло, но не такъ думали современники Антониновъ: *a vobis optimi municipes peto et rogo per salutem sacratissimi principis Antonini Augusti Pii liberorumque eius* ¹⁾, заклинаятъ илькій Мегоній въ своемъ завѣщаніи (*N. d. Sc.*, 1894, 20 сл.), а для илькійскаго богача Опрамоса въ его высоко-полезной дѣятельности жертвователя и благотворителя высшимъ идеаломъ жизни является письмо отъ императора, гдѣ тотъ свидѣтельствуеъ о своей благосклонности къ жертвователю. Клавдій или Домиціанъ такого письма не написали бы.

Эта идея одушевляетъ и всѣ административныя реформы Антониновъ, въ которыхъ ново и плодотворно только то, что изъ этой идеи исходить.

О продолжающейся децентрализациі управленія свидѣтельствуеъ хотя бы такой въ высшей степени характерный фактъ, какъ отмѣна центрального управленія патримоніемъ, роль котораго въ нашу эпоху достаточно выяснена рядомъ изслѣдованій. Объ этой отмѣнѣ см. мою статью *fiscus* въ *Ruggiero, Dizionario epigrafico*, III, p. 105.

Въ области этихъ реформъ однако далеко не все ново, и слова автора (стр. 423 пр. 2) о крупномъ значеніи начинающагося съ этого времени вытѣсненія откупной системы прямымъ взиманіемъ свидѣлствуютъ только о незнакомствѣ съ подлежащимъ матеріаломъ, собраннымъ въ моей работѣ о государственномъ откупѣ. Въ высшей степени небрежно составлено авторомъ изложеніе (на 10 стр.) принципата Антонина. Онъ даже не воспользовался капитальнѣйшей новой работой *Lacour-Gayet* ²⁾, гдѣ собранъ и подробно изложенъ весь матеріалъ, имѣющійся для этого спокойнаго, но далеко не пустого принципата.

¹⁾ Ср. выраженія другихъ надписей о томъ же Антонинѣ: *omnium saeculorum sacratissimus princeps* (въ Галліи) и *optimus ac sanctissimus omnium saeculorum princeps* (въ Римѣ).

²⁾ *Lacour-Gayet, Antonin le Pieux et son temps*, Paris, 1888 (p. 1—499). Своимъ дополненіемъ къ изложенію г. Гримма я нарочно заимствую исключительно изъ этой превосходной работы.

Не понимаю, напимѣрь, почему г. Гриммъ не воспользовался для характеристики общественнаго настроенія этого времени данными Аристида, представляющими дальнѣйшее развитіе взгляда на принципъ Діона и не менѣе характерными, чѣмъ данныя Плиніева Панегирика. „У васъ, говоритъ Аристидъ (ἐγκώμιον Ρώμης I, 222), поражаетъ смѣшанное правленіе изъ царской власти, аристократіи и демократіи, которое заимствовало изъ каждой формы правленія только наилучшее“, и далѣе очень ловко подгоняетъ старую теорію власти Полибія къ существующимъ условіямъ. Другіе болѣе откровенные, какъ Анпіанъ, прямо называютъ форму правленія царствомъ, и за нимъ идетъ провинція, величающая, правда неофициально, Антонина κύριος τῆς οἰκουμένης (SIGr., 4416), и Римъ, дающій ему отнынѣ установившееся имя *dominus postor* (CIL. VI 2120); то же говоритъ и Фронтонъ (р. 241) ὁ μέγα βασιλεὺς ὁ ἄρκων πάσης γῆς καὶ θαλάττης. А между тѣмъ самъ принцепсъ настаиваетъ на конституціонности и срочности своей власти, впервые отмѣчая десятилѣтія на своихъ монетахъ, принимая отъ сената только скромный титулъ *Pius*, не допуская къ соправительству своихъ приемныхъ сыновей. Въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, онъ идетъ даже въ разрѣзъ съ традиціей основателя династіи. Немало любопытныхъ для императорской власти данныхъ можно найти и въ его отношеніяхъ къ сенату, но я уже давно вышелъ за рамки своего отзыва и потому, оставляя безъ разбора принципатъ М. Аврелія, перехожу къ заключенію, которое само собою вытекаетъ изъ приведенныхъ здѣсь замѣчаній къ книгѣ г. Гримма, которыя должны послужить только примѣрами и отнюдь не исчерпываютъ всего того, что слѣдовало бы исправить, а главное чѣмъ слѣдовало бы дополнить книгу г. Гримма.

Дѣлая постоянныя попытки охарактеризовать фактическое развитіе власти императоровъ въ войскѣ, администраціи, финансовомъ и провинціальному управленіи, авторъ далѣе общихъ замѣчаній, чисто-фактически неточныхъ, не идетъ, благодаря чему получается серія обрывковъ, не дающихъ общаго представленія о развитіи власти. Въ характеристикѣ оппозиціи онъ слишкомъ узко держался рамокъ города Рима, не касаясь совершенно Италіи и провинцій, характеристики же цезаризма совершенно не далъ ни въ одномъ изъ его проявленій. Нѣтъ ни эволюціи культа императоровъ въ Римѣ, Италіи, провинціяхъ и войскѣ, ни характеристики настроенія всадническаго сословія, ни попытки уловить настроеніе италійскихъ и провинціальныхъ муниципій. Въ самой же характеристикѣ сенатской оппозиціи авторъ самъ лишилъ себя почвы, не попытавшись прослѣдить за развитіемъ

и измѣненіемъ состава сенаторскаго сословія. Все это произошло отъ того, что авторъ не собралъ самостоятельно матеріала, а довольствуется пересказомъ данныхъ нѣкоторыхъ писателей и небольшого числа современныхъ научныхъ работъ. Надписи, по-скольку онѣ не изслѣдованы въ извѣстныхъ ему новѣйшихъ сочиненіяхъ, выключены имъ изъ состава своего матеріала; не трогаетъ онъ ни папирусовъ ни монетъ. При такомъ отношеніи къ дѣлу поражаетъ высокомерное и рѣзкое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ ученыхъ трудовъ, съ которыми авторъ знакомъ. Вопросы, подобные трактуемымъ авторомъ, настолько сложны и обширны, настолько связаны со всей жизнью римскаго государства, что неминуемо требуютъ долгаго и упорнаго собиранія и переработки матеріала не только въ области одного частнаго вопроса; они подготовляются рядомъ частныхъ изслѣдованій и работъ, словомъ вѣнчаютъ научную жизнь изслѣдователя, а не начинаютъ ее.

М. Ростовцевъ.

Отвѣтъ г. Ростовцеву.

Рецензія г. Ростовцева должна произвести чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе на каждаго читателя, не знающаго моей книги. Г. Ростовцевъ указываетъ мнѣ такое ужасающее количество пропусковъ, промаховъ, недосмотровъ, что совокупность ихъ должна дѣйствительно вызвать представленіе о поразительной небрежности работы и полномъ верхоглядствѣ ея автора.

Въ виду этого я считаю себя вынужденнымъ подвергнуть рецензію г. Ростовцева самому тщательному разсмотрѣнію. Характеръ рецензіи г. Ростовцева таковъ, что я не могу довольствоваться немногими словами, а долженъ разсмотрѣть ее по пунктамъ.

I. Прежде всего необходимо установить коренной фактъ, которымъ объясняется весьма значительное число упрековъ, сдѣланныхъ мнѣ г. Ростовцевымъ. Дѣло въ томъ, что г. Ростовцевъ совершенно не понялъ задачи моихъ изслѣдованій и навязываетъ мнѣ такую цѣль, какая мнѣ и во снѣ не снилась, а затѣмъ безъ особеннаго труда доказываетъ, что я не выполнилъ той задачи, которую онъ мнѣ навязалъ и о которой я и не думалъ. Съ другой стороны онъ вслѣдствіе этого обходитъ полнымъ молчаніемъ почти все, что дѣйстви-

тельно составляет задачу моей работы, или бѣгло и отнюдь не убѣдительно выражаетъ свое несогласіе со мной.

Въ чемъ въ самомъ дѣлѣ заключается цѣль моей работы и какъ понимаетъ ее г. Ростовцевъ?

Цѣль моей работы формулирована мною, какъ мнѣ кажется, достаточно отчетливо во Введеніи къ первому тому моихъ Исслѣдованій, безъ знакомства съ которымъ, вѣстаетъ сказать, вообще трудно судить о моей книгѣ, такъ какъ въ немъ установлены всѣ принципиальныя положенія, къ которымъ я пришелъ и изъ которыхъ я исхожу и во второмъ томѣ. На стр. 11 здѣсь говорится: „Итакъ, въ противоположность къ Моммзену мы не займемся неосуществимой на нашъ взглядъ *конструкціей римской конституціи* трехъ вѣковъ принципата въ ея цѣломъ, а постараемся *по возможности точно отмѣтить ходъ и фазисы ея (т.-е. конституціи) развитія* вплоть до начала V вѣка, причемъ попытаемся *по возможности определеннѣе охарактеризовать юридическій характеръ власти* въ отдѣльныя эпохи ея развитія. Такова наша задача“.

Цѣль работы такимъ образомъ сводится къ изученію того процесса, въ силу котораго императорская власть изъ чрезвычайной магистратуры эпохи Августа постепенно превращается въ неограниченную власть, если можно такъ выразиться, Божьей милостью.

Г. Ростовцевъ совершенно упустилъ изъ виду это обстоятельство и утверждаетъ, будто я поставилъ себѣ цѣлью „изученіе и пониманіе императорской власти, *поскольку она содѣйствовала созданію тѣхъ или другихъ сторонъ социальной и экономической жизни, задерживала или ускоряла эволюцію*“. Въ виду этого онъ и утверждаетъ, что „одной изъ задачъ автора“ должно было быть объединить результаты всѣхъ работъ по администраціи, военному устройству, городской жизни запада и востока, по вопросу о жизни и экономическихъ условіяхъ сельскаго населенія и по финансовому строю римскаго государства. Дальше онъ мнѣ вмѣняетъ въ обязанность изучить исторію императорскаго культа, италійскихъ и провинціальныхъ полуофициальныхъ коллегій, исторію внутренней жизни отдѣльныхъ городовъ запада и востока и ея отношенія къ власти. Указавши на всѣ эти вопросы, по поводу которыхъ онъ приводитъ очень хорошо и мнѣ извѣстную литературу, онъ здѣсь же заявляетъ: „таково положеніе вопроса и задача автора“.

Если бы моя задача дѣйствительно была такова, то я бы вполне согласился съ г. Ростовцевымъ, что „такія книги требуютъ долгаго и

упорнаго собиранія матеріала и подготавлиются рядомъ частныхъ изслѣдованій и работъ, словомъ вѣнчаютъ научную жизнь изслѣдователя“. Однимъ изъ такихъ мелкихъ по непосредственной задачѣ, но увы! не по объему и — смѣю увѣрить г. Ростовцева — въ достаточной мѣрѣ кропотливыхъ изслѣдованій и являются мои книги, посвященныя изученію очень опредѣленнаго вопроса о ходѣ конституціоннаго развитія римской императорской власти. Повторяю еще разъ, покуда я не ознакомился съ рецензіей г. Ростовцева, мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ я теперь же могъ задаться цѣлью написать всеобъемлющую внутреннюю исторію римской имперіи. Вѣдь къ этому сводится то, что г. Ростовцевъ ожидалъ найти въ моей книгѣ — и чего онъ, разумѣется, не нашель.

Причина такого страннаго недоразумѣнія рецензента повидимому заключается въ томъ, что онъ недостаточно внимательно прочель Введение къ первому тому моихъ Изслѣдованій. Г. Ростовцевъ говоритъ, что еслибъ я исполнилъ возложенную имъ на меня задачу, то я бы далъ „картину развитія *фактической власти* императора“ (курсивъ г. Ростовцева), т.-е., надо думать, исторію ея вліянія на всю внутреннюю жизнь имперіи. Между тѣмъ самъ г. Ростовцевъ приводитъ тѣ мѣста изъ Введения къ I тому моихъ Изслѣдованій, въ которыхъ я говорю, что въ виду доказаннаго мною отсутствія основныхъ законовъ, регулирующихъ конституціонный строй римскаго государства, цѣль моя должна заключаться *въ изученіи, во-первыхъ, официальной взгляда на власть* ¹⁾, *во-вторыхъ, господствующаго въ обществѣ взгляда и, въ-третьихъ, ихъ взаимнаго отношенія и происходящихъ изъ этого отношенія практическихъ послѣдствій.*

Моя цѣль заключается въ установленіи медленныхъ измѣненій конституціонной теоріи императорской власти и конституціонной политики императоровъ, а г. Ростовцевъ требуетъ отъ меня „картину

¹⁾ Въ примѣчаніи г. Ростовцевъ отказывается признать, что такіе памятники какъ *res gestae divi Augusti* являются болѣе прямымъ источникомъ для установленія *официальной теоріи власти*, чѣмъ практическая дѣятельность даннаго императора. Едвали однако можно сомнѣваться, что непосредственныя заявленія императоровъ имѣютъ рѣшающее значеніе для официальной теоріи власти, и усматривать въ нихъ „дериватъ“, какъ это дѣлаетъ г. Ростовцевъ, никоимъ образомъ нельзя. Если бы мы, напримѣръ, руководились только практической дѣятельностью Августа, мы бы составили собѣ совершенно неправильное представленіе о теоретическихъ основахъ его власти. Ср. мои Изслѣд. т. I стр. 219 сл. о монархическихъ чертахъ принципата времени Августа.

развитія фактической власти императоровъ“, какъ фактора социальнo-экономической, финансовой, административной и т. д. исторіи имперіи. Повидимому, г. Ростовцевъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ различіи между конституціонной теоріей и политикой съ одной, административной и т. д. практикой и политикой императоровъ съ другой стороны. Между тѣмъ различіе это формулировано совершенно отчетливо еще Моммзеномъ въ предисловіи къ первому тому его римскаго государственнаго права. „Darum findet auch das Staatsrecht seine Grenze da, wo dieser allgemein politische Charakter der einzelnen Einrichtung aufhört“. (R. St. I стр. XII.).

Во всякомъ случаѣ ясно, что основное недоразумѣніе г. Ростовцева должно было самымъ рѣшительнымъ образомъ опредѣлить весь ходъ его мыслей въ его отзывѣ, и ясно, что оно должно было привести къ совершенно неправильной и несправедливой оцѣнкѣ моей книги.

Вотъ почему г. Ростовцевъ меня упрекаетъ въ томъ, что я не считаю своею обязанностью изучать подробно социальнo-экономическія причины, вызвавшія смуты 68—69 года, а довольствуюсь указаніемъ на нихъ. Какъ дальше еще будетъ выяснено, я указываю на причины смутъ 68—69 года только потому, что мнѣ необходимо объяснить, почему движеніе не произошло въ Римѣ, какъ въ 41 или 96 году, а въ провинціяхъ. Изученіе же социальной исторіи можетъ и должно составить предметъ особаго изслѣдованія. Вотъ почему г. Ростовцевъ далѣе отмѣчаетъ, что административная политика Флавіевъ имѣла національно-италійскій характеръ (стр. 13): я не касаюсь этого вопроса, потому что онъ относится къ административной политикѣ, а не къ государственному строю. Вотъ почему онъ меня упрекаетъ, что я не говорю подробно, а только сколько нужно для моей цѣли, о политикѣ Флавіевъ по отношенію къ войску и особенно, что я „очень поверхностно“ характеризую ихъ финансовую политику (стр. 14): напрасно только г. Ростовцевъ объясняетъ фактъ, что я не вхожу въ ненужныя для меня подробности, моимъ незнакомствомъ съ эпиграфическими данными и новѣйшей литературой предмета. Согласно вышеуказанному замѣчанію Моммзена я довольствуюсь общеполитическимъ значеніемъ управления Флавіевъ. Совершенно такой же характеръ имѣютъ разсужденія самого г. Ростовцева о финансовой политикѣ Флавіевъ: какъ бы они не были интересны съ точки зрѣнія финансовой исторіи Рима, они не относятся къ конституціонному развитію его государственнаго строя. Все по той же причинѣ рецензентъ

требуетъ отъ меня составленія списка сенаторовъ времени Флавіевъ. Это можетъ быть интересно для соціальной исторіи сенаторскаго сословія, но одни голыя имена съ указаніемъ происхожденія даннаго лица рѣшительно ничего не могутъ дать для характеристики политическаго настроенія новыхъ сенаторовъ. Вотъ почему онъ признаетъ „особенно досаднымъ“, что я не разбираю отношенія Нервы къ провинціямъ, тогда какъ это опять таки относится къ исторіи администраціи, а не государственнаго права. По той же причинѣ онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я не разбираю мѣръ Траяна относительно войска. Г. Ростовцевъ меня упрекаетъ даже въ томъ, что я не занимаюсь вопросомъ объ отношеніи Адріана къ женщинамъ его семьи. На той же страницѣ онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я не говорю о провинціальной (т.-е. опять таки административной) политикѣ Антониновъ, причемъ снова у него вкрадывается очень досадное недоразумѣніе: говоря о недостаткѣ крупныхъ политическихъ идей, характеризующемъ эту эпоху, я, какъ видно изъ моего изложенія, имѣю въ виду соціально-политическія, а не административныя идеи. (См. объ этомъ дальше).

Такovy важнѣйшія послѣдствія основнаго недоразумѣнія рецензента. Очевидно, г. Ростовцевъ сплошь и рядомъ борется съ вѣтрянными мельницами. Упреки его въ томъ, что я не говорю о томъ, о чемъ я вовсе и не предполагалъ и по характеру моей задачи не былъ обязанъ говорить, очевидно, не могутъ набросить тѣнь на мою книгу.

Раньше, чѣмъ перейти далѣе къ опроверженію цѣлаго ряда частныхъ замѣчаній г. Ростовцева, я считаю необходимымъ отмѣтить еще два очень характерныхъ для г. Ростовцева упрека по моему адресу, тѣмъ болѣе, что оба имѣютъ весьма важное значеніе для оцѣнки моей книги.

Прежде всего я позволю себѣ разсмотрѣть разборъ той главы моей книги, которая посвящена эпохѣ Флавіевъ. Въ основѣ почти всѣхъ разсужденій г. Ростовцева и тутъ лежитъ очень странное недоразумѣніе. Отмѣтивъ мое положеніе, что въ виду недостатка источниковъ „только и возможно бѣгло набросать очертанія той замѣчательной реорганизаціи государства, которой Римъ былъ обязанъ Флавіямъ и въ частности Веспасіану“ (т. II, стр. 73), г. Ростовцевъ заявляетъ: „реорганизации государства Флавіи не дали и поэтому характеризовать ее невозможно; ни одна изъ мѣръ Флавіевъ не имѣетъ принципиальнаго характера“. Г. Ростовцевъ, очевидно, предполагаетъ, что говоря о реорганизации государства я имѣю въ виду пересозданіе государства на совершенно новыхъ началахъ. Если бы г. Ростовцевъ потру-

дился внимательно прочесть мою книгу, то онъ замѣтилъ бы, что онъ и тутъ напрасно приписываетъ мнѣ совершенно чуждую мнѣ мысль. Характеризуя положеніе Рима въ 69—70 годахъ, я на стр. 72 своей книги говорю: „Во всякомъ случаѣ ясно, что Веспасіана на каждомъ шагѣ ожидали огромныя затрудненія. Государственная казна, была пуста, провинціи опустошены или разграблены, войско до послѣдней степени распущено, въ сенатѣ поднимала голову оппозиція“ и т. д. Засявъ я даю характеристику плохого состоянія нашихъ источниковъ и въ заключеніе высказываю вышеприведенную мысль, изъ которой г. Ростовцевъ дѣлаетъ свое неправильное заключеніе. Изъ всего хода мыслей ясно, что я вовсе и не думаю о реорганизациі государства на новыхъ *началахъ*, а имѣю въ виду исключительно *возстановленіе* нормальныхъ условій жизни государственнаго организма (ср. Suet. Vesp. 8).

Приписавъ мнѣ чуждую мнѣ мысль, г. Ростовцевъ затѣмъ съ большою легкостью доказываетъ, что она невѣрна. Я согласенъ признать, что употребленный мною не совсѣмъ удачно терминъ „реорганизациа“ могъ подать поводъ къ указанному недоразумѣнію, но весь ходъ моего изложенія ясно доказываетъ, что я имѣлъ въ виду совсѣмъ не то, что приписываетъ мнѣ г. Ростовцевъ.

Результатомъ новаго недоразумѣнія, г. Ростовцева является то, что онъ по поводу каждой группы мѣръ, принадлежащихъ Веспасіану и его сыновьямъ, доказываетъ, что въ нихъ не было ничего новаго, чего я, какъ видно, вовсе и не утверждаю. Моя цѣль въ данномъ случаѣ заключалась только въ томъ, чтобы указать, какимъ путемъ Флавіи возстановили потрясенный смутами авторитетъ власти (ср. т. II, стр. 78).

Если старанія г. Ростовцева доказать, что Флавіи не предприняли реорганизациі всего государства на новыхъ началахъ, такимъ образомъ представляются совершенно излишними, то его утвержденіе, что въ ихъ дѣятельности вообще не было ничего принципиально новаго, совершенно не можетъ быть признано правильнымъ. Стоитъ указать на то, что Домиціанъ первый изъ всѣхъ императоровъ принялъ позитивную цензорскую власть и такимъ образомъ приобрѣлъ и формально рѣшающее вліяніе на составъ сената, чтобы убѣдиться въ противоположномъ.

Еще болѣе своеобразный характеръ имѣетъ отзывъ г. Ростовцева о третьей главѣ моей книги, посвященной обществу временъ Флавіевъ. Признавъ эту главу лучшей частью моей книги, г. Ростовцевъ

однако замѣчаетъ, что съ основными положеніями ея онъ не можетъ согласиться, и тутъ же указываетъ на центральный пунктъ моего съ нимъ разногласія. Онъ приводитъ мое положеніе, что „гибель Домиціана въ отличіе отъ гибели Нерона представляетъ результатъ чисто дворцоваго переворота, въ которомъ не только провинціальное, но и столичное общество не принимало никакого *непосредственнаго* участія“, и прибавляетъ къ этому: „я же думаю, что такое крупное общественное движеніе было, но исходило на этотъ разъ не съ запада, какъ при Перонѣ, а съ востока изъ Египта и Малой Азіи“. Въмѣсто того, чтобы рассмотреть мои доводы (стр. 153 — 159; 250 — 256), г. Ростовцевъ такимъ образомъ противопоставляетъ моему взгляду свой собственный, при чемъ онъ меня тутъ же упрекаетъ въ томъ, что я не пользуюсь его статьей о мученикахъ греческой культуры, статьей, которую я цитирую. Самый фактъ, что я не пользуюсь его статьей, доказываетъ только, что я несогласенъ съ ея выводами, какъ я не согласенъ и съ тѣмъ взглядомъ, который онъ излагаетъ по данному вопросу въ своей рецензіи. Я сейчасъ же перейду къ его разбору, но предварительно долженъ замѣтить, что изъ разнорѣчія между двумя учеными по какому-либо вопросу еще нельзя дѣлать вывода о томъ, что одинъ изъ нихъ непременно не только не правъ, но и не умѣетъ научно работать. Г. Ростовцевъ же, повидимому, такъ твердо увѣренъ въ непогрѣшимости своего вывода, что не только излагаетъ, очевидно для моего поученія, рядъ общезвѣстныхъ вещей, но тутъ же осыпаетъ меня упреками, что благодаря моему незнакомству съ предметомъ мнѣ „остались непонятными начавшіяся съ Нерона гоненія на философовъ стойковъ и киниковъ“, и что мнѣ „непонятно, почему Діонъ (Хрисостомъ) немедленно послѣ смерти Домиціана мнѣяетъ тогъ и является хвалителемъ существующаго правительства“.

Прежде всего я долженъ высказать свое удивленіе, почему г. Ростовцевъ считаетъ, что мнѣ остались „непонятными“ гоненія на философовъ и перемѣна въ тогъ Діона Хрисостома? И то и другое объяснено въ моей книгѣ. Возрастающему вліянію стойковъ, ихъ политической агитаціи и отношенію къ нимъ правительства у меня посвящены страницы 163 — 166: здѣсь подробно указывается на значеніе эпохи императорскаго террора въ дѣлѣ воспитанія политической оппозиціи, указывается на то, что въ связи съ этимъ эпикурейское направление смѣняется стоическимъ, указывается на двѣ стадіи въ раз-

витии политическаго направленія стоиковъ (Сенека и Эразя Петъ съ одной, Гельвидій Прискъ и т. д. съ другой стороны). Столь же неосновательно и утверждение г. Ростовцева, будто мнѣ осталась непонятной перемѣна фронта въ произведеніяхъ Діона Хрисостома. Разбирая на стр. 226—234 политическую дѣятельность Діона въ эпоху Флавіевъ, я подробно указываю (особенно на стр. 230 и 234), чѣмъ объясняются кажущіяся колебанія во взглядахъ Діона: сторонникъ монархіи, но врагъ тирани, онъ стоитъ на сторонѣ власти въ эпоху Веспасіана и Тита, ведетъ ожесточенную, хотя и подпольную, борьбу съ ея деспотическими тенденціями при Домиціанѣ и слова поддерживаетъ и прославляетъ императоровъ, когда Нерва и Траянъ отказываются отъ деспотизма. Въ виду всего указанного мнѣ дѣйствительно остаются непонятными только упреки г. Ростовцева.

Не въ этомъ однако заключается главный предметъ разногласія между мною и г. Ростовцевымъ. Г. Ростовцевъ полагаетъ, что гибель Домиціана является результатомъ не дворцоваго переворота, а крушнаго общественнаго движенія, исходившаго изъ греческаго Востока. Посмотримъ же, какіе доводы онъ приводитъ въ пользу своего взгляда. Они сводятся къ тому, что Востокъ сильно страдалъ отъ націоналистической политики Флавіевъ ¹⁾, что значительная часть учителей стоицизма происходила изъ греческихъ провинцій, что агитаторская дѣятельность Діона и Аполлонія Тіанскаго была типична для настроенія востока, что главные участники заговора 96 г., т.-е. либерта Домиціана, были восточнаго происхожденія, что „твердо засвидѣтельствоваанный“ фактъ вѣщательства Аполлонія Тіанскаго указываетъ на обширный заговоръ эллинскихъ враговъ домиціанова деспотизма, наконецъ, что политика Нервы имѣла филлэллинскій характеръ, при чемъ послѣднему обстоятельству придается особое значеніе. Въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній г. Ростовцевъ даже считаетъ возможнымъ назвать Нерву „ставленникомъ киниковъ“.

Указанныя соображенія г. Ростовцева въ общемъ едва ли могутъ быть признаны правильными, а отчасти имѣютъ прямо фантастическій характеръ.

¹⁾ Что касается любопытной надписи объ эпикурейской школѣ въ Лопнахъ, то изъ нея совершенно не видно, къ какому времени относится распоряженіе о непремѣнномъ избраніи римскаго гражданина главою школы. Вопреки мнѣнію г. Ростовцева вполнѣ возможно, что эта мѣра относится ко времени Нерона, а быть можетъ и къ болѣе раннему времени.

Прежде всего г. Ростовцевъ непомѣрно преувеличиваетъ значеніе общественнаго движенія и въ частности слишкомъ односторонне подчеркиваетъ его эллинскій характеръ. Г. Ростовцевъ сравниваетъ движеніе, приведшее къ гибели Домиціана, съ движеніемъ, охватившимъ преимущественно западныя провинціи въ послѣднія времена Нерона. Между тѣмъ въ 68 году результатомъ движенія было возстаніе цѣлаго ряда провинцій и войскъ, тогда какъ мы въ 96 г. не замѣчаемъ ничего подобнаго. Одинъ этотъ фактъ достаточно отчетливо свидѣтельствуесть о томъ, что нельзя сравнивать оба движенія. Движеніе 68 года имѣетъ массовый характеръ, движеніе 96 и предшествующихъ годовъ происходитъ среди интеллигенціи, да и то не всей. Г. Ростовцевъ, правда, полагаетъ, что это различіе двухъ движеній объясняется иначе: „что движеніе приняло форму дворцоваго заговора“, говоритъ онъ, „это воиогѣ свойственно духу невоинственнаго, выросшаго на политической интригѣ востока“. Согласно съ этимъ онъ и указываетъ на восточное происхожденіе либертовъ Домиціана и считаетъ несомнѣннымъ, что „Аполлоній о дѣѣ, а можетъ быть и часть убійства Домиціана былъ точно освѣдомленъ“, чѣмъ и объясняется фактъ его вѣщательства въ Эфесѣ, о которомъ говорятъ Діонъ Кассій и Филостратъ. Что касается прежде всего Аполлонія Тіанскаго, то безусловная увѣренность г. Ростовцева въ томъ, что Аполлоній дѣйствительно въ самый день и часть смерти Домиціана восторженно оповѣстилъ жителей города о происходящемъ въ Римѣ, мнѣ представляется очень странной. Во-первыхъ, фактъ самъ по себѣ засвидѣтельствованъ очень плохо. Филостратова біографія Аполлонія всѣми признается за историческій романъ, показаніямъ котораго нельзя довѣряться; написана она по приказанію умершей въ 217 году императрицы Юліи Домны для прославленія Аполлонія, которому ея сынъ Каракалла около 214 года построилъ храмъ. Покровительство, которымъ память Аполлонія сто слишкомъ лѣтъ послѣ его смерти пользовалась при дворѣ, отразилось и на произведеніи современника Филострата, сенатора Діона Кассія. Характерно, какъ энергично Діонъ подчеркиваетъ свою вѣру въ этотъ рассказъ: „это такъ именно и случилось“, говоритъ онъ, „хотя бы въ этомъ десять тысячъ разъ сомнѣвались“ (Dio, 67, 18). Личная увѣренность Діона, вдобавокъ быть можетъ и не безкорыстная, разумѣется, не можетъ служить подтвержденіемъ столь чудеснаго факта, которому, очевидно, не вѣрили и многіе современники Діона, разъ эта увѣренность не подкрѣпляется никакими указаніями на данныя, ко-

торыми онъ пользуется (ср. Dio 69, 1 о смерти Траяна и усыповленіи Адріана). Г. Ростовцевъ, правда, устраняетъ чудесный характеръ, придаваемыйъ въпечателству Аполлонія Филостратомъ и Діономъ, но его рационалистическое объясненіе этой легенды само имѣетъ крайне фантастическій характеръ. Онъ предполагаетъ, что заговорщики *mi-nimim* недѣли за полторы, за двѣ до убійства Домиціана — столько времени при нормальныхъ условіяхъ продолжалось путешествіе изъ Рима въ Эфесъ (ср. Götz, die Verkehrswege im Dienste des Welthandels), а не слѣдуетъ забывать, что убійство произошло 18-го сентября, т. е. осенью — предупредили Аполлонія о днѣ, а можетъ быть и часѣ, когда предполагалось совершить убійство. Какъ бы г. Ростовцевъ по обыкновенію ни настаивалъ на томъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ „точными данными“, которыя я по небрежности не принялъ въ расчетъ (рассказъ Діона ср. у меня т. II, стр. 257, пр. 1), я отказываюсь видѣть въ его предположеніи что либо большее, чѣмъ фантазію. Г. Ростовцевъ, очевидно, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, какая страшная опасность грозила заговорщикамъ, и приписываетъ имъ необычайную наивность и легкомысліе.

Не менѣе страннымъ слѣдуетъ признать и то значеніе, которое г. Ростовцевъ придаетъ восточному происхожденію либертовъ Домиціана. Онъ видимо предполагаетъ, что въ нихъ заговорили національныя чувства и что они примкнули къ той агитаціи киниковъ, распространеніе и вліяніе которой г. Ростовцевъ такъ преувеличиваетъ. Нечего и говорить, что въ источникахъ объ этомъ не говорится ни слова: адѣсь, какъ и указано въ моей книгѣ, дѣло объясняется гораздо проще и правдоподобнѣе. Раздраженный агитаціей какъ римскихъ, такъ и греческихъ враговъ деспотизма, подозрительный Домиціанъ послѣ возстанія Сатурнина и заговора 93 г. постепенно теряетъ спокойствіе и подвергаетъ казни даже тѣ лица, на поддержку которыхъ онъ преимущественно могъ рассчитывать, т. е. членовъ своей семьи и такого крупнаго представителя придворныхъ либертовъ какъ Энафродитъ. Именно эти факты и особенно казнь отца презумптивныхъ наследниковъ престола, Флавія Климента, по свидѣтельству современника Светонія и привели къ заговору 96 г.; о главномъ участникѣ его, Стефанѣ, тотъ же Светоній добавляетъ, что онъ какъ разъ въ это время былъ обвиненъ въ растратѣ (Suet. 15, 17). Такой же точно характеръ имѣетъ и рассказъ Діона Кассія (67, 15). При такихъ условіяхъ остается непонятнымъ, почему г. Ростовцевъ

замѣняетъ весьма простой и психологически вполне естественный ходъ дѣла такой по самому существу своему неправдоподобной догадкой какъ союзъ императорскихъ либертовъ... съ киниками, для объясненія послѣдствій котораго ему затѣмъ приходится прибѣгать къ ссылкѣ на „духъ политической интриги, свойственный невоинственному востоку“. Г. Ростовцевъ, правда, еще ссылается на яко бы филэллинскій характеръ принципата Первы: если даже и допустить, что управленіе Первы отличалось такимъ характеромъ, на что мы не имѣемъ никакого основанія (Schiller, *Gesch.* 1, 542: *das Regiment Nervas mehr italisch. römisch, als universell*; ср. Herzog 2, 353), и то выводъ г. Ростовцева долженъ быть признанъ слишкомъ поспѣшнымъ. Или г. Ростовцевъ полагаетъ, что и всѣ тѣ лица, къ которымъ заговорники обратились до убійства Домиціана (Dio 67, 15), раньше чѣмъ Перва согласился встать на ихъ сторону, были „филэллинами“?

Преувеличивая до крайности значеніе восточныхъ элементовъ общественнаго движенія, предшествовавшаго гибели Домиціана, г. Ростовцевъ наоборотъ чрезвычайно умаляетъ значеніе его собственно римскихъ элементовъ. Не слѣдуетъ забывать, что главные дѣятели оппозиціи времени Флавіевъ, оба Гельвидія Приска, Музоній Руфъ, Гостилій, Геренній Сенеціонъ, Аруленъ Рустикъ, Юній Маврикъ и семья Фразен являются уроженцами запада. Что всѣ они находились подъ вліяніемъ греческой стоической доктрины, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, но, во-первыхъ, это нечего доказывать, такъ какъ это и безъ г. Ростовцева всѣмъ извѣстно, а во-вторыхъ, дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ, по какимъ причинамъ стоическая проповѣдь именно въ это время (эпоха Перона) приобретаетъ господствующее значеніе и вытѣсняетъ господствовавшее до этого времени эпикуреизмъ. Г. Ростовцевъ, очевидно, не отдастъ себѣ отчета въ значеніи этого вопроса и слишкомъ просто рѣшаетъ поэтому вопросъ, почему движеніе, которое онъ считаетъ кореннымъ греческимъ, повліяло и на западъ. Онъ полагаетъ, что именно смуты 68—69 года возбудили западное общество „изъ спячки“. Между тѣмъ движеніе началось раньше (пизоновскій заговоръ) и самыя смуты 68—69 года были его результатомъ, а причина его заключается въ императорскомъ терроризмѣ (см. т. I, 493, 495—496 и особ. т. II, стр. 163—166).

Не опровергнувъ моихъ доводовъ относительно характера 96 года, а прогивопоставивъ имъ свое „я же думаю“, г. Ростовцевъ далѣе останавливается на моей попыткѣ выяснить характеръ оппозиціи времени Флавіевъ и установить разныя ея теченія. „Вся разница между

Гельвидіемъ и позднѣйшими“, по мнѣнію г. Ростовцева, „не въ ихъ взглядахъ, а въ ихъ поведеніи; за вызывающими дѣйствіями Гельвидія остальные не хотятъ идти, находя его оппозицію преждевременной и неумѣренной“.

Приступая къ характеристикѣ оппозиціи временъ Флавіевъ я совершенно опредѣленно указываю на трудность вопроса и на крайнюю скудость источниковъ и прибавляю, что во многихъ отношеніяхъ мы по данному вопросу принуждены довольствоваться болѣе или менѣе правдоподобными гипотезами (т. II, стр. 160—161). Главнымъ основаніемъ высказанной мною гипотезы является рассказъ Діона Кассія (66, 12—13 и 67, 12—13) и рѣзкая разница въ его оцѣнкѣ оппозиціи временъ Веспасіана и временъ Домиціана (тамъ же стр. 161, пр. 1). Первая по словамъ Діона направлена противъ монархіи какъ таковой и имѣетъ цѣлью ниспроверженіе существующаго строя: Діонъ относится къ ней безусловно отрицательно. Вторая по его же словамъ направлена противъ тиранин, и Діонъ ей столь же безусловно сочувствуетъ. На этомъ фактѣ и построено мое различеніе республиканской оппозиціи съ одной, монархической оппозиціи съ другой стороны. Чтобы опровергнуть мой выводъ, косвенно поддѣрживаемый Тацитомъ и Светоніемъ, надо было доказать, что я не понялъ Діона или что его свидѣтельство въ данномъ случаѣ не имѣетъ цѣны. Между тѣмъ г. Ростовцевъ ни слова не говоритъ о свидѣтельствѣ Діона и вмѣсто этого основного вопроса сосредоточиваетъ все свое вниманіе на второстепенныхъ.

Такъ г. Ростовцевъ нападаетъ на меня за то, что я выбралъ представителемъ взглядовъ монархической оппозиціи Куриціа Матерна и отождествилъ его съ софистомъ Матерномъ. Что это отождествленіе не вѣрно, объ этомъ я съ г. Ростовцевымъ спорить не буду: это одинъ изъ тѣхъ lapsus, которые возможны во всякой книгѣ. Напрасно только г. Ростовцевъ придаетъ этому вопросу такое большое значеніе для оцѣнки моихъ общихъ выводовъ. Тождественны ли Курицій Матернъ и Матернъ, даже больше, произнесена ли интересующая меня рѣчь Куриціемъ Матерномъ или Юліемъ Секундомъ (я остаюсь при томъ мнѣніи, что она принадлежитъ Курицію), и то и другое въ высокой степени безразлично для моей задачи. Для меня важно только то, что Тацитъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ римскомъ обществѣ этого времени существовали представители той теоріи монархической власти, подробное изложеніе которой мы находимъ у Діона Хрисостома. Кого именно онъ называетъ представителемъ этой теоріи, совершенно безразлично; важно только то, что этимъ косвенно подтверждается

приведенное выше свидѣтельство Діона Кассія о разныхъ формахъ оппозиціи времяѣ Флавіевъ. Напрасно поэтому г. Ростовцевъ меня упрекаетъ въ томъ, что я не пожелалъ проивести „важное для меня“ изслѣдованіе. На основаніи всего выше сказаннаго я, кажется, наоборотъ имѣю право отвѣтить г. Ростовцеву такимъ же упрекомъ: онъ не потрудился разсмотрѣть дѣйствительно важныя свидѣтельства въ пользу моего взгляда, а довольствуется указаніями на совершенно второстепенные вопросы, чѣмъ естественно извращаетъ положеніе дѣла.

Совершенно таково же и его отношеніе къ моему изложенію развитія греческихъ взглядовъ на монархію вообще и взглядовъ Діона Хрисостома въ частности. Я не имѣю права упрекнуть г. Ростовцева въ томъ, что онъ не разбираетъ моего изложенія развитія греческихъ взглядовъ на монархію: я самъ далъ ему на это право неловкой формулировкой одной фразы въ моемъ предисловіи, которой я только хотѣлъ сказать, что соотвѣтственный параграфъ III главы моей книги въ отлчіе отъ всей остальной книги *не во всемъ своимъ составъ* построилъ на непосредственномъ изученіи источниковъ. Зато я считаю себя въ правѣ выразить крайнее удивленіе по поводу того, что г. Ростовцевъ утверждаетъ, будто я заимствовалъ свои „взгляды на эллинистическую монархію изъ такой непродуманной работы какъ книжечка Kaerst'a, основанная на знаніи очень незначительнаго матеріала“. Въ примѣчаніи къ стр. 196 моей книги у меня приведены книги Rehm'a, Kaerst'a, двѣ книги Pöhlmann'a, а относительно болѣе ранней литературы (Hildenbrand, Lotze, Dilthey и т. д.) читатель отсылается къ книгѣ Rehm'a. Дальше въ томъ же параграфѣ стр. 203 пр. 1 указывается еще книга Pöhlmann'a, а на стр. 219 пр. 1 книга Онкена. Очевидно, г. Ростовцевъ читалъ мою книгу необычайно невнимательно... ¹⁾ Кстати я здѣсь же позволю себѣ указать на другой не менѣе странный примѣръ невнимательности г. Ростовцева, относящійся къ другому отдѣлу моей книги. Г. Ростовцевъ упрекаетъ меня въ томъ, что я смѣшиваю *curatores kalendarii* съ *curatores reipublicae* и съ греческими *λογισται*, и приводитъ нѣсколько статей, чтобы доказать мнѣ, что я не правъ, между тѣмъ у меня (т. II, стр. 297) независимо отъ одной надписи, гдѣ говорится о *cura kalendarii*, ни

¹⁾ Отсылая меня къ трудамъ Niese, г. Ростовцевъ снова доказываетъ, что онъ не понимаетъ моей задачи. Я занимаюсь не исторіей эллинистическихъ монархій, а взглядами эллинистическаго и эллинистическаго общества на монархію. А тутъ „непродуманная работа“ Kaerst'a дастъ неизмѣримо больше, чѣмъ труды Niese.

одинъ изъ этихъ терминовъ, различія между которыми мнѣ хорошо извѣстны, даже не названъ. Тутъ же г. Ростовцевъ упрекаетъ меня въ томъ, что я ссылаюсь въ данномъ случаѣ только на Henzen'a, и забываетъ, что я въ томъ же примѣчаніи отсылаю читателя къ Моммзену (стр. 297, пр. 2), а на слѣдующей страницѣ (пр. 1) указываю и на Liebenat'a.

Но я возвращаюсь къ отзыву г. Ростовцева о моемъ изложеніи взглядовъ Діона Хрисостома. Вотъ его слова: „изложеніе взглядовъ Діона Хрисостома на монархію можно найти во всякой исторіи греческой философіи. Въ остальномъ авторъ зависитъ отъ Arnim'a“. Не говоря уже о томъ, что я покорнѣйше просилъ бы г. Ростовцева указать мнѣ ту исторію греческой философіи, гдѣ *политическимъ* взглядамъ Діона посвящено столько вниманія, какъ у меня (ср. т. II стр. 224—247), я долженъ откровенно признаться, что я замѣчанія г. Ростовцева вообще не понимаю. Его замѣчаніе равносильно запрещенію писать о чемъ либо, о чемъ раньше къ-нибудь уже было писано. Этотъ взглядъ настолько своеобразенъ, что я, кажется, могу не останавливаться на немъ. Смѣю увѣрить г. Ростовцева, что подробное выясненіе взглядовъ Діона дѣло нелегкое и предполагаетъ очень кропотливую работу. Точно также я не понимаю и замѣчанія г. Ростовцева о моей зависимости отъ Arnim'a. Независимо отъ того, что я ссылаюсь также на Rohde, Bernhardt, Christ'a, Burckhardt'a (стр. 224 пр. 1 и 225 пр. 1) и Emperius'a (стр. 228 пр. 3), и дѣйствительно пользуюсь для біографіи Діона и лучшимъ изслѣдованіемъ о немъ Arnim'a и въ подтвержденіе нѣкоторыхъ моихъ выводовъ ссылаюсь и на него. Дѣлать изъ этого выводъ, что я слѣпо повторяю слова Arnim'a, никто не имѣетъ права, тѣмъ болѣе, что я по одному довольно важному вопросу (о времени ссылки Діона) прямо высказываюсь противъ взгляда Arnim'a, примыкающаго въ данномъ случаѣ къ взгляду Emperius'a (см. т. II стр. 228 пр. 4). Но г. Ростовцеву вообще трудно угодить: то онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я не пользуюсь литературой, то онъ меня упрекаетъ въ томъ, что я ею пользуюсь...

Въ результатѣ отзыва г. Ростовцева о III главѣ моей книги представляеть довольно странное зрѣлище. Г. Ростовцевъ не разбираетъ доводовъ въ пользу моего положенія о характерѣ переворота 96 г. (статьи сказать, также смотреть и всѣ остальные ученые, напримѣръ, Шиллеръ, Gsell и такъ далѣе), а противопоставляетъ ему собственный довольно фантастическій взглядъ на національно-греческій характеръ

движенія и заговора; г. Ростовцевъ не разбираетъ далѣе и моихъ основныхъ доводовъ въ пользу различенія республиканской и монархической оппозиціи, а вмѣсто этого останавливается на мелочахъ; наконецъ, г. Ростовцевъ вовсе не разбираетъ отдѣлъ, посвященный Діону Хрисостому, а довольствуется по поводу него двумя ничего не значущими фразами. При такихъ условіяхъ заключительныя слова г. Ростовцева о всей главѣ производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Замѣтивъ еще разъ, что означенная глава является лучшей частью моей книги—тѣмъ не менѣе г. Ростовцевъ говоритъ только о ея недостаткахъ!—онъ продолжаетъ: „жаль только, что авторъ за Римомъ не хочетъ видѣть провинцій и этимъ подрываетъ въ основѣ свое занимательное изложеніе“.

На основаніи всего выше изложеннаго я, кажется, могу отвѣтить, что упрекъ г. Ростовцева, будто я за Римомъ не хочу видѣть провинцій, означаетъ только, что я не вижу въ провинціяхъ того, что г. Ростовцевъ самъ желаетъ тамъ видѣть, т. е., грандіознаго національно-греческаго общественнаго движенія, заговора при участіи Аполлонія Тианскаго и такъ далѣе. Я не могу и не хочу препятствовать г. Ростовцеву видѣть въ провинціяхъ все, что ему угодно, но я положительно утверждаю, что его теорія несогласна ни съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, ни съ источниками. Интересуясь особенно восточными областями имперіи, г. Ростовцевъ невольно впадаетъ въ оптическій обманъ и самъ за востокомъ не видитъ не только Рима, но по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ и запада вообще. А такъ какъ упрекъ, будто я за Римомъ не хочу видѣть провинцій, очевидно, относится не только къ данному вопросу, а къ моей книгѣ вообще, то я считаю долгомъ замѣтить, что согласно той задачѣ, которую я собѣ поставилъ, задачѣ, прослѣдить конституціонное развитіе императорской власти, Римъ и римскія отношенія, разумѣется, стоятъ у меня на первомъ планѣ. Въ Римѣ вѣдъ были сосредоточены всѣ учрежденія, игравшія роль въ конституціонной жизни имперіи, то есть императорская власть, сенатъ и народное собраніе: взаимныя отношенія между этими тремя (или съ республиканской магистратурой четырьмя) факторами опредѣляютъ конституціонный строй имперіи, и въ виду этого было бы въ высшей степени странно, если бы я не удѣлялъ имъ главное вниманіе. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы политической жизни разрѣшаются не указанными факторами, а провинціями и войсками, какъ въ 68—69 г. и затѣмъ начинала съ гибели Коммода, настроеніе и жизнь провинцій приобрѣтаютъ для

меня громадное значеніе, и согласно съ этимъ я посвятилъ I параграфъ I главы вопросу о причинахъ, въ силу которыхъ гибель Нерона и послѣдующія событія явились результатомъ не взаимныхъ отношеній указанныхъ римскихъ факторовъ, а результатомъ массовыхъ возстаній. Вообще же говоря провинціи, ихъ социальнo-экономическій, административный и культурный строй въ данной книгѣ интересуютъ меня лишь постольку, *поскольку ихъ жизнь или измѣненія въ ихъ администраціи имѣютъ значеніе для конституціонной исторіи.* (Ср. независимо отъ гл. I § 1 еще стр. 84—6, 108—113, 228—234 и такъ далѣе).

На этомъ я могу закончить свои замѣчанія относительно наиболѣе важныхъ обвиненій, возведенныхъ г. Ростовцевымъ на меня. Какъ видно, два изъ нихъ основаны на явномъ недоразумѣніи, а третье содержитъ изложеніе собственной и на мой взглядъ неправильной теоріи г. Ростовцева безъ опроверженія, да большей частью и безъ разсмотрѣнія, моихъ доводовъ и соображеній.

II. Раньше чѣмъ перейти засимъ къ тѣмъ немногочисленнымъ замѣчаніямъ г. Ростовцева, которыя дѣйствительно относятся къ задачѣ и выводамъ моей книги, то есть къ вопросу о конституціонномъ развитіи имперіи, я позволю себѣ остановиться на цѣломъ рядѣ его частныхъ замѣчаній. Я очень понимаю, что мой отвѣтъ г. Ростовцеву и безъ того ужъ очень великъ, но весь характеръ отзыва г. Ростовцева и рѣзкій выводъ, который онъ дѣлаетъ въ заключеніи, заставляютъ меня отнестись къ его словамъ особенно внимательно. Насколько это возможно, я постараюсь быть краткимъ и не буду касаться болѣе мелкихъ возраженій и недоразумѣній г. Ростовцева, большая часть которыхъ проистекаетъ изъ того, что рецензентъ не потрудился внимательно прочесть мою книгу и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что я хочу сказать.

Г. Ростовцевъ утверждаетъ, что я даю совершенно неправильную оцѣнку финансовой администраціи Клавдія и Нерона, и указываетъ на то, что „время Клавдія съ его централизаціей управленія, расширеніемъ контроля прокураторовъ, созданіемъ особыхъ нормъ управленія для нѣкоторыхъ государственныхъ налоговъ есть время не регресса, а прогресса“. Неужели г. Ростовцевъ думаетъ, что я не знаю такого общеизвѣстнаго факта, и неужели онъ не понимаетъ, что несмотря на усовершенствованіе *техники* управленія характеръ управленія можетъ быть хищническій? Факты, которые я привожу въ моей книгѣ (стр. 15—19), совершенно ясно свидѣтель-

ствують о необузданной эксплуатаціи государственной казны, а тамъ и провинцій, со стороны жень и министровъ Клавдія и со стороны Перона. И тѣмъ не менѣ техника управленія безспорно совершенствуется.

Тамъ же г. Ростовцевъ утверждаетъ, будто я говорю, что хищенія чиновниковъ были направлены на западъ. Между тѣмъ я говорю только, что хищенія власти особенно тяжело *отражались* на Западъ, такъ какъ здѣсь не было такой промышленной жизни, какъ на Востокъ, и разъ собранныя правительствомъ деньги поэтому медленнѣе отливали сюда, чѣмъ на промышленный Востокъ (см. т. II стр. 16).

Тамъ же г. Ростовцевъ ссылается на рядъ изслѣдованій, чтобы доказать, что причины недовольства западныхъ провинцій заключались въ переходѣ отъ племенного къ городскому строю. Объясненіе это само по себѣ едва ли исчерпываетъ вопросъ, но упрекъ, что я проглядѣлъ соотвѣтственную литературу, совершенно неосновательнъ: цѣль I пар. I гл. заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы объяснить, почему движеніе 68 г. началось не въ Римѣ, во-вторыхъ въ томъ, чтобы доказать, что роль войскъ въ возстаніи и его послѣдствіяхъ была далеко не такъ велика, какъ обыкновенно говорятъ, и что провинціи играли въ немъ большую роль, и, въ третьихъ, въ томъ, чтобы выяснить, почему въ провинціяхъ распространилось недовольство. Для объясненія послѣдняго явленія я указываю главнымъ образомъ на двѣ группы фактовъ, на социальное развитіе съ одной и на фискальную политику правительства съ другой стороны, а для подтвержденія своего взгляда собираю данныя, доказывающія, что эти два факта дѣйствительно играли большую роль. Разбирать въ подробностяхъ ходъ социальнаго развитія я засимъ предоставляю историкамъ социальнаго развитія Рима, а самъ возвращаюсь къ своей задачѣ. Полагаю, что иначе поступить я и не могъ и что упрекъ г. Ростовцева ко мнѣ не относится.

Дальше г. Ростовцевъ упрекаетъ меня въ томъ, что я говорю о „старой муниципальной враждѣ въ Галліи, гдѣ муниципальный строй только что вводился“ (?). Для каждаго непредубѣжденнаго читателя ясно, что, говоря о старой враждѣ, я имѣю въ виду несомнѣнный, засвидѣтельствованный хотя бы Тацитомъ, фактъ, что на новые муниципіи перенеслась старая вражда племенъ (ср. т. II стр. 29: „старая вражда народностей“ съ указаніемъ на секвановъ и лингоновъ). Въ этомъ фактѣ заключается главное объясненіе жалкаго исхода галльскихъ движеній 21 и 68 г. (ср. II, стр. 27 пр. 1).

Тутъ же г. Ростовцевъ утверждаетъ, что около 68 г. „только что“ началась „интенсивная организація“ Испаніи, Галліи и Африки. Организація двухъ изъ этихъ провинцій началась при Августѣ, то есть лѣтъ за 75—90 до возстанія 68 г. (а въ части Испаніи еще во II вѣгѣ до Р. Хр.), а организація части Африки (*Africa proconsularis*) въ 146 г. до Р. Хр. Что касается моей хронологической ошибки относительно Африки, то я охотно предоставляю г. Ростовцеву дешовое удовольствіе доказывать мнѣ, что *Africa proconsularis* была присоединена къ Риму въ 146, а не въ 246 году, и съ серьезнымъ видомъ опровергать явную описку.

Тутъ же г. Ростовцевъ говорить, что я напрасно разбираю настроеніе римскаго сената, народа и преторіанцевъ въ 68 г., тогда какъ мнѣ это было необходимо, чтобы выяснить, почему движеніе противъ Нерона не возникло въ Римѣ; дальше онъ полагаетъ, что вся римская чернь стояла на сторонѣ Нерона, что прямо противорѣчитъ свидѣтельству Светонія (*Suet. Nero 57: obiit... tantumque gaudium publice praeibuit, ut plebs pilleata tota urbe discerneret*) и Тацита (*Hist. 1, 4*).

Переходя къ II пар. II главы, г. Ростовцевъ упрекаетъ меня не то въ томъ, что я слишкомъ подробно говорю о времени Гальбы, Отона и Вителлія, не то въ томъ, что я говорю объ этомъ слишкомъ мало... Во всякомъ случаѣ онъ и тутъ, разумѣется, не согласенъ со мною.

Такъ онъ не можетъ согласиться съ моими взглядами на мотивы, руководившіе Виндексомъ и Гальбой, иначе говоря, онъ полагаетъ, что Виндексъ и Гальба увлекались республиканской идеей (взглядъ Моммзена). Прежде всего онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я называю единственными серьезными источниками по данному вопросу Плутарха и Діона Кассія и не придаю значенія ни риторической фразѣ Светонія (или Виндекса), въ которой Гальба приглашается, *ut humano generi adsertorem ducemque se accomodaret*, ни словамъ Плинія Ст. (*Iulius Vindex ille adsertor a Nerone libertatis*), ни монетамъ съ легендами *Percules adsertor* и *Mars adsertor*. Что касается прежде всего монетъ, то несмотря на кажущееся значеніе ихъ свидѣтельства, они никакого значенія не имѣютъ: вѣдь счелъ же сенатъ возможнымъ воздвигнуть статуи свободы... послѣ гибели Сеяна (*Dio 58, 12, 5*) и говорить о восстановленіи свободы Первой (*Ср. Wilmanns n. 64: libertati ab imp. Nerva... restitutae s. p. q. r.*). Очевидно, понятіе свободы въ это время не заключаетъ въ себѣ понятія республиканскаго строя (см. у меня т. II, стр. 256; ср. также испанскую монету Гальбы у *Cohen 1^a p. 79 n. 109* съ легендой: *Divus Augustus—Hispa-*

піа и замѣчаніе Herzog'a, Gesch. u. Syst. 2, 282). Слова же Плинія и Светонія имѣютъ явно риторическій характеръ, и стоитъ сопоставить съ ними свидѣтельство современника Плутарха и спокойный рассказъ Діона Кассія—оба прямо говорятъ, что Виндексъ пригласилъ Гальбу принять императорскую власть, — чтобы отдать предпочтеніе послѣднимъ, что я и сдѣлалъ. Г. Ростовцевъ, правда, утверждаетъ, будто Діонъ Кассій самъ нѣсколько раньше (63, 22) въ рѣчи, влагаемой въ уста Виндекса, рисуетъ его республиканцемъ: на самомъ же дѣлѣ Виндексъ называетъ тутъ имена Цезаря, императора и Августа „священными“, утверждаетъ, что Перонъ не достоинъ ихъ, и приглашаетъ галловъ освободить имперію отъ Перона, но ни слова не говоритъ о республикѣ. Что касается наконецъ клятвы, о которой упоминаетъ Зонара 11, 13, клятвы, которую Виндексъ будто бы взялъ съ галловъ, убить его, если онъ не исполнитъ своего обѣщанія „дѣйствовать во всемъ согласно волѣ сената и народа римскаго“, то, во-первыхъ, признаніе верховенства сената и народа римскаго отнюдь не исключаетъ признанія необходимости и желательности императорской власти, какъ видно изъ всей литературы первыхъ вѣковъ имперіи и въ частности изъ дѣйствій Гальбы, формально провозгласившаго себя легатомъ сената и народа, чтобы немедленно принять званіе императора, какъ только сенатъ и народъ признали его таковымъ. Если же произвольно придавать указанной клятвѣ республиканскій смыслъ, то тогда нужно замѣтить, что крайне сбивчивый рассказъ Зонары (Dio ed. Voissecain, т. III, стр. 85 сл.) содержитъ въ себѣ неразрѣшимое противорѣчіе, такъ какъ онъ тутъ же приписываетъ Виндексу инициативу въ дѣлѣ провозглашенія Гальбы императоромъ.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что характеръ движенія 68—69 г. былъ предметомъ обширной полемики между Моммзеномъ и Шиллеромъ, и къ ихъ статьямъ я и отсылаю читателя въ своей книгѣ (т. II, стр. 28, пр. 3), излагалъ въ текстѣ только тѣ выводы, къ которымъ я самъ пришелъ. Дѣлать изъ этого выводъ, что я „не снисхожу считаться съ доводами Моммзена“, довольно странно. Изъ вышележеннаго г. Ростовцевъ можетъ убѣдиться, что я хорошо знакомъ съ ними, но не считаю ихъ правильными. Можно спорить, слѣдуетъ ли поступать такъ, какъ я это дѣлаю, т.-е., не слѣдуетъ ли разбирать по каждому вопросу pro и contra, но утверждать, что я „не снисхожу“ считаться съ доводами Моммзена, котораго я тутъ же цитирую, никто не имѣетъ права. На стр. VII перваго тома моихъ Исслѣдованій я говорю: „ставя на первый планъ крупныя принципиаль-

ные вопросы, авторъ не счелъ нужнымъ приводить по каждому частному вопросу всѣ мнѣнія, высказанныя по поводу него учеными... Специалисты и безъ его указаній усмотрятъ, кого онъ имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ "... Согласно этому принципу я поступилъ и во второмъ томѣ (ср. т. II, стр. VIII). Повторяю, можно спорить о желательности такого *способа изложенія*, и въ виду своеобразной критики г. Ростовцева я самъ начинаю сомнѣваться въ его желательности, но дѣлать при такихъ условіяхъ такіе выводы, какіе дѣлаетъ г. Ростовцевъ, по меньшей мѣрѣ... поспѣшно ¹⁾).

Нѣсколько дальше г. Ростовцевъ упрекаетъ меня въ томъ, что я слишкомъ умаляю роль войскъ въ движеніи 68—69 годовъ. Одна изъ задачъ I главы, какъ уже замѣчено, заключается въ томъ, чтобы устранить обычное преувеличенное представленіе о роли войскъ въ движеніи; тѣмъ не менѣе я совершенно опредѣленно и неоднократно указываю на то, что и войска, ихъ корпоративный духъ и соревнованіе, играли немалую роль въ движеніи (ср. т. II, стр. 14; 42). Я только утверждаю, что самыя войска являются выразителями широко-распространеннаго недовольства и что безъ послѣдняго ихъ профессиональное недовольство привело бы развѣ только къ военнымъ мятежамъ въ родѣ тѣхъ, что происходили въ 14 году въ германскихъ и паннонскихъ легионахъ (ср. т. II, стр. 12—14). Объяснять же вмѣстѣ съ Моммзенемъ принятіе императорской власти Гальбой давленіемъ войска я не вижу основанія, такъ какъ Тацитъ иначе не преминулъ бы отмѣтить его республиканскіе идеалы хотя бы въ своей характеристикѣ Гальбы, гдѣ о нихъ ни слова не говорится (Hist. 1, 49).

Послѣдующія разсужденія г. Ростовцева о характерѣ римскихъ войскъ отчасти (поскольку они касаются послѣднихъ временъ республики и нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ позднѣйшаго времени) встрѣчаются въ любомъ гимназическомъ учебникѣ, отчасти доказываютъ, что онъ повторяетъ старыя фразы о распущенности римскихъ войскъ временъ имперіи, на неправильность которыхъ я указываю въ своей книгѣ (напр. т. II, стр. 260—261), при чемъ я теперь могу сослаться и на аналогичный взглядъ Delbrück'a въ *Geschichte der Kriegskunst*,

¹⁾ Совершенно такой же характеръ имѣетъ упрекъ г. Ростовцева, что и не разбираю на стр. 297 вопросъ о времени возникновенія института *curatores*; изъ текста г. Ростовцевъ можетъ усмотрѣть, что я придерживаюсь тутъ взгляда Liebenam'a (на котораго указываю на слѣдующей страницѣ) и не считаю доводы Degner'a и Краменинникова убѣдительными.

т. II, стр. 168—169, книга котораго появилась, когда большая часть моей книги уже была написана.

Мнѣніе г. Ростовцева, будто, „отрицая искреннее одушевление Виндекса“, я „становлюсь въ самое печальное историческое противорѣчіе“ и „безъ этой вспышки республиканскихъ чувствъ“ не имѣю возможности объяснить характеръ оппозиціи при Флавіяхъ, также совершенно неправильно. Разбирая причины появленія и ростъ оппозиціоннаго направленія (т. II, стр. 163 сл.), я указываю, во-первыхъ, на терроризмъ цезарей, далѣе на распространеніе стоическихъ ученій и, въ-третьихъ, указываю на то впечатлѣніе, которое формально-республиканскія заявленія Гальбы, Вергинія Руфа и Клодія Макра должны были произвести на часть общества (ср. II, 167; II, 112). Несмотря на то, что я отрицаю республиканскіе идеалы Гальбы и объясняю характеръ его перваго манифеста ловкимъ дипломатическимъ маневромъ (ср. т. II, стр. 32), я такимъ образомъ совершенно отчетливо указываю на его вліяніе на возрожденіе республиканскихъ идей среди (впрочемъ незначительной) части римскаго общества.

Такой же характеръ имѣетъ замѣчаніе г. Ростовцева о томъ, что я „игнорирую массу труда, которая положена на сличеніе рассказовъ Плутарха, Светонія и Тацита“. Такъ какъ я не могу предположить, чтобы г. Ростовцевъ требовалъ отъ меня, чтобы я въ исторіи римской императорской власти разбиралъ сложный вопросъ объ источникахъ этихъ писателей, то все замѣчаніе сводится, очевидно, къ тому, что я не указалъ на тотъ фактъ, что Плутархъ упоминаетъ о той рѣчи, которую Тацитъ влагаетъ въ уста Отона, и не упоминаетъ о рѣчи Гальбы. Между тѣмъ я ссылаюсь въ данномъ случаѣ и на Плутарха (т. II, стр. 50 пр. 2). Что же касается того, что словами Плутарха (не упоминающаго о рѣчи Гальбы) будто бы подтверждается историческій характеръ той самой рѣчи, которую Отонъ произноситъ у Тацита, то я по той простой причинѣ не указалъ на это соображеніе, что оно мнѣ представляется совершенно неубѣдительнымъ. Изъ совпаденія свидѣтельствъ Тацита и Плутарха въ лучшемъ случаѣ можно только заключить, что Отонъ произнесъ какую-то рѣчь, но отнюдь нельзя утверждать, чтобы Тацитъ не придумалъ ея содержанія. (Плутархъ говоритъ только, что Отонъ старался успокоить солдатъ, утешивалъ ихъ разойтись и не остановился даже передъ слезами). Вотъ почему я не ссылаюсь въ своей книгѣ на это совпаденіе, а привожу другія соображенія, которыя должны сдѣлать вѣроятнымъ, что рѣчь Отона могла имѣть такое содержаніе, какое мы встрѣчаемъ у Тацита

(т. II, стр. 49—50). И при таких условиях г. Ростовцевъ считаетъ возможнымъ и нужнымъ „отмѣтить характерную для автора (т. е. для меня) особенность“, а именно то, что я игнорирую важную для моей задачи литературу ¹⁾.

Этимъ заканчивается отзывъ г. Ростовцева о первой главѣ моей книги. Какъ видно, г. Ростовцевъ совершенно не коснулся конституціоннаго значенія изложенія Нерона и избранія Гальбы, а также конституціоннаго характера трехъ принципатовъ 68—69 г.

О недоразумѣннѣи, лежащемъ въ основаніи неправильной оцѣнки второй главы, я уже говорилъ: г. Ростовцевъ вкладываетъ въ употребленное мною выраженіе: реорганизация государства настолько обширный смыслъ, какого я ему, какъ видно изъ моего изложенія, не придавалъ, и потому поучаетъ меня, что всѣ мѣры Веспасіана имѣютъ аналогіи въ исторіи Августа, Клавдія и т. д. Неужели г. Ростовцевъ думаетъ, что мнѣ это неизвѣстно, что я, напримѣръ, не знаю, „что придворныхъ поэтовъ имѣлъ и Августъ и его преемники“? Первый томъ моей книги, кажется, достаточно ясно свидѣтельствуетъ, что всѣ эти факты мнѣ настолько извѣстны, что я не нуждаюсь въ поученіи со стороны г. Ростовцева. Излагая соответственныя мѣры Веспасіана, я, какъ ужъ замѣчено, только желаю указать, какимъ путемъ Веспасіанъ стремился возстановить потрясенный авторитетъ императорской власти.

Изъ многочисленныхъ замѣчаній г. Ростовцева относительно второй главы я въ виду этого остановлюсь только на двухъ: почти всѣ остальные вытекаютъ изъ указанного недоразумѣннѣи, а тѣ, которыя относятся къ конституціонной политикѣ Флавіевъ, будутъ разобраны ниже. Первое изъ этихъ двухъ замѣчаній касается того, что по мнѣнію г. Ростовцева надписи, касающіяся полуофициальныхъ коллегій Августаловъ и юношей, будто бы могутъ намъ дать ключъ къ разумѣнію отношенія италійскаго общества къ Флавіямъ. По этому вопросу мы едва ли придемъ къ соглашенію съ г. Ростовцевымъ. Какъ уже указано въ моей книгѣ (т. II, стр. 109—110), я полагаю, что въ настоящее время надписямъ придаютъ слишкомъ много значенія для пониманія общественныхъ настроеній данной эпохи. Какъ бы ни было

¹⁾ Ср. ксрати Herzog, Gesch. u. Syst. 2, 280 pp. 6: Die vielen Verhandlungen ueber das Verhältniss dieser Schriftsteller zu einander und zu den Originalquellen haben viel mehr litterargeschichtliches, als ein historisches Interesse; vollend sind für die Verfassungsgeschichte bedeutsamen Thatsachen werden dadurch kaum berührt.

велико значеніе надписей въ исторіи экономической, соціальной, административной и т. д.—и если г. Ростовцевъ думаетъ, что я не сознаю ихъ значенія для этихъ важныхъ вопросовъ, онъ конечно жестоко ошибается,—пользоваться ихъ неизмѣнно хвалебнымъ содержаниемъ для изображенія общественныхъ настроеній по моему мнѣнію въ высшей степени опасно, столь же опасно, какъ въ настоящее время пользоваться съ тою же цѣлью данными какой-нибудь официальной или офиціозной газеты. Развитіе коллегій юношей въ эпоху Флавіевъ само по себѣ въ виду этого ничего не доказываетъ, а участіе Тита и Домиціана въ играхъ только доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ проявленій того стремленія Флавіевъ опереться на религіозныя представленія массы, о которомъ у меня говорится (т. II, стр. 78—80). Основываться на этихъ данныхъ для опредѣленія политическаго направленія новыхъ членовъ сената я въ виду этого счелъ невозможнымъ и несмотря на замѣчанія г. Ростовцева остаюсь при своемъ мнѣніи.

Въ связи съ тѣмъ же самымъ вопросомъ г. Ростовцевъ упрекаетъ меня въ томъ, что я не разбираю политическихъ воззрѣній Юсіфа Флавія и Плинія Ст. По мнѣнію г. Ростовцева ихъ взгляды могли бы послужить для выясненія политическаго направленія какъ всадниковъ вообще, такъ и тѣхъ изъ нихъ, которые попали при Веспасіанѣ въ сенатъ въ частности. И въ данномъ случаѣ я никакъ не могу согласиться съ г. Ростовцевымъ: Юсіфъ Флавій, еврей по происхожденію, совмѣщающій въ своихъ произведеніяхъ теократическія идеи евреевъ съ греческими взглядами, также мало типиченъ для римскаго общества вообще, какъ для сословія всадниковъ въ частности полигисторъ Плиній Старшій, произведенія котораго по самому существу своему не могли найти широкаго распространенія среди публики. Вотъ почему я также мало остановился въ своей книгѣ на нихъ, какъ на Ювеналѣ, Марціалѣ, Стаціи или Квинтиліанѣ, тѣмъ болѣе что меня преимущественно интересовала оппозиція, а не хвалебные отзывы, которыхъ и безъ того много. Не слѣдуетъ забывать, что я не пишу исторіи литературы и не занимаюсь критическимъ разборомъ всѣхъ писателей разбираемой мною эпохи, а *останавливаюсь на типичныхъ представителяхъ разныхъ общественныхъ группъ и на писателяхъ, произведенія которыхъ могли имѣть и имѣли вліяніе на общество.* Если мое отношеніе къ данному вопросу осталось г. Ростовцеву неяснымъ, то я не имѣю основанія обвинять его въ этомъ. Но я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую противъ того, какъ г. Ростовцевъ комментируетъ

непонятное для него явление въ моей книгѣ. Не говоря уже о томъ, что онъ утверждаетъ, будто я вовсе не говорю о Плиніи Старшемъ, тогда какъ я говорю о немъ на стр. 249 и привожу особенно характерное для него мѣсто изъ его *Hist. nat.*, г. Ростовцевъ считаетъ возможнымъ объяснить мое отношеніе къ Плинію словами: „но къ сожалѣнію взгляды Плинія Старшаго выдѣлать можно только путемъ изслѣдованія, а изслѣдованія наши авторъ боится“. Г. Ростовцевъ не имѣетъ никакого права высказывать такое позорящее мое ученое имя предположеніе.

Изъ того, что я не произвожу *тѣхъ* изслѣдованій, которыя г. Ростовцевъ, не считаясь съ задачей моего труда, желалъ бы видѣть въ моей книгѣ, еще далеко не слѣдуетъ, чтобы я вообще „боялся“ изслѣдованій. Подъ изслѣдованіемъ подразумѣвается методическое изученіе опредѣленнаго вопроса по всѣмъ *тѣмъ* источникамъ, которые могутъ содѣйствовать разъясненію *даннаго* вопроса. Въ рамкахъ того вопроса, который долженъ быть разъясненъ, никто не можетъ требовать отъ изслѣдователя работы, выходящей за предѣлы того, что онъ обѣщаль дать. Рецензентъ, разумѣется, можетъ указать на то, что онъ считаетъ постановку вопроса слишкомъ узкой, но пускаться въ такія догадки, какъ та, которую считаетъ возможнымъ высказать г. Ростовцевъ, онъ не имѣетъ права, разъ онъ не имѣетъ возможности подтвердить ее точными данными. А таковыхъ въ распоряженіи г. Ростовцева нѣтъ и не можетъ быть.

На этомъ я заканчиваю свой отвѣтъ на замѣчанія г. Ростовцева относительно второй главы. А такъ какъ его замѣчанія относительно III главы уже разобраны выше, то я прямо перехожу къ его отзыву о IV, V и VI главахъ.

Приступая къ разсмотрѣнію IV главы, г. Ростовцевъ выражаетъ сожалѣніе, что я не останавливаюсь подробнѣе на отмѣченномъ мною (II, 273) соправительствѣ Нервы и Траяна, которое по его мнѣнію представляетъ особенный интересъ. Долженъ сознаться, что я не знаю, въ чемъ заключается особенное значеніе этого факта, который совершился въ самыхъ обычныхъ формахъ и не привелъ ни къ какимъ исключительнымъ послѣдствіямъ (ср. Schiller I, 543: *adoptiert und in den gewöhnlichen Formen zum Mitregenten ernannt*, и Mommsenъ R. St. 2, 1169: *Gebrochen wurde die Regel erst nach Pius Tode... Seitdem ist die Sammtherrschaft*—т. е. совмѣстное управление двухъ Августовъ—*eine recipirte Staatsform*). Г. Ростовцевъ, правда, придаетъ особенное значеніе путоланской надписи М. Ульпія Прокула, назы-

вающаго себя Domitiani Caesaris verna, II Augustorum libertus, и замѣчаетъ, что такъ называютъ себя впоследствии только отпущенники (равноправныхъ) соправителей. Между тѣмъ эта надпись несомнѣнно не соответствуетъ истинѣ, такъ какъ Траянъ до смерти Нервы вовсе не былъ Августомъ (Plin. pan. 8: simul filius, simul Caesar, mox imperator et consors tribuniciae potestatis, et omnia pariter et statim factus es, quae proxime parens verus—т. е. Веспасіанъ—tantum in alterum filium—т. е. Титъ—contulit; ib. q: iam Caesar, iam imperator, iam Germanicus, absens et ignarus, et post tanta nomina, quantum ad te pertinet privatus) и такимъ образомъ доказываетъ только, что и къ надписямъ нужно относиться критически. Помимо этого вывода я по крайней мѣрѣ не знаю, что намъ можетъ дать эта надпись. А приводить ее съ этой цѣлью едва ли стоило!

Указывая далѣе на то, что при усыновленіи Траяна Нервой играло роль то обстоятельство, что Траянъ стоялъ во главѣ верхне-германскаго войска и слѣдовательно могъ служить противобѣсомъ противъ мятежныхъ преторіанцевъ, г. Ростовцевъ только повторяетъ то, что съ болѣе подробной мотивировкой указано у меня (II, 272—273).

Отмѣтивъ далѣе созданіе претуры для рѣшенія дѣлъ между фискомъ и частными лицами—за это указаніе я только могу быть благодаренъ—г. Ростовцевъ засимъ совершенно напрасно придаетъ особое значеніе монетамъ съ легендой providentia senatus—это простая любезность, характерная для указанной у меня (II, 264—272) политики Нервы по отношенію къ сенату,—и наконецъ признаетъ „особенно досаднымъ“, что я не занялся отношеніемъ Нервы къ провинціямъ, точно я пишу исторію администраціи, а не государственнаго строя. На основаніи такихъ-то соображеній и не разбирая вовсе конституціонной стороны этого принципата, г. Ростовцевъ называетъ мой очеркъ этого принципата „очень поверхностнымъ“.

Еще болѣе оригинальны замѣчанія г. Ростовцева, относящіяся къ моему изложенію принципата Траяна. Особенно досаднымъ онъ считаетъ, что я „не знакомъ съ полнымъ сводомъ матеріала, касающагося Траяна, сдѣланнымъ Cantarelli“: статья Cantarelli въ Studi e documenti di storia e diritto содержитъ общій *перечень* всѣхъ источниковъ, относящихся такъ или иначе къ указанному принципату, и никакого отношенія къ моей работѣ не имѣетъ, если только не считать, что я долженъ писать рѣшительно обо всемъ, что касается исторіи имперіи. Никакихъ необходимыхъ для моей работы и опущенныхъ мною источниковъ въ ней не приводится, и я совершенно не понимаю, почему

миѣ было сослаться на нес. То же самое я долженъ сказать и о статьѣ Домашевскаго о бевентской аркѣ въ честь Траяна: при самомъ внимательномъ просмотрѣ ея я не нашелъ въ ней ни одного факта или соображенія, относящагося къ конституціонной исторіи Рима. Изображенія на аркѣ имѣють цѣлью указать на заслуги Траяна въ военной и административной области и не имѣють никакого отношенія къ конституціоннымъ вопросамъ. Сопоставлять съ этой точки зрѣнія изображенія арки съ такимъ памятникомъ, какъ *res gestae* Августа, поэтому болѣе чѣмъ странно.

Но особенно любопытны слѣдующія за симъ замѣчанія г. Ростовцева. „*Небрежное отношеніе къ матеріалу и новейшимъ изслѣдованіямъ* особенно ясно сказываются на двухъ примѣрахъ“, говоритъ г. Ростовцевъ. Вотъ эти примѣры. Во-первыхъ, я ссылаюсь будто бы „для характеристики отношеній Траяна къ сенату“ на тотъ фактъ, „будто бы при немъ провинція Виѳинія перешла отъ сената къ императору“. Прежде всего я указываю на то, что Виѳинію „оказалось необходимымъ передать изъ вѣдѣнія сената въ вѣдѣніе императора“ (т. II, стр. 262, пр. 1; ср. стр. 291, 294), вовсе не для характеристики отношенія Траяна къ сенату, а съ тѣмъ, чтобы выяснить вопросъ, насколько характеръ переписки Плинія и Траяна типиченъ для степени вмѣшательства Траяна въ область провинціального управления вообще. А за симъ провинція Виѳинія вопреки миѣнію г. Ростовцева дѣйствительно была передана въ вѣдѣніе императора. Доказательствомъ этого независимо отъ переписки Плинія и Траяна (ср. 117 г. 118: *ego ideo prudentiam tuam elegi, ut...*; ср. 18 г. 29: *provinciales credo prospectum sibi a me intelligent*) является упомянутая и у меня надпись Плинія С. I. L. 5, 5262 (ср. т. II, стр. 345, пр. 1), съ которой по существу совершенно согласна и другая надпись 6, 1552. Плиній здѣсь называется *legatus pro praetore*, т. е. такъ, какъ называются *исключительно* намѣстники императора. Что же касается словъ *ex S. C.*, то они относятся къ тому, что передача провинціи въ вѣдѣніе императора состоялась на основаніи сенатусконсульта, причѣмъ было постановлено, что избранный Траяномъ легатъ вдобавокъ для увеличенія его авторитета долженъ былъ обладать и инсигніями проконсульской власти, т. е. 12 *fascis* вмѣсто пяти. Слова *ex S. C.* такимъ образомъ отнюдь не обозначаютъ, чтобы управление Виѳиніей оставалось непосредственно за сенатомъ: Плиній былъ чрезвычайнымъ комиссаромъ Траяна, а не сената. Такъ именно высказывается и Моммзенъ, на котораго г. Ростовцевъ такимъ обра-

зомъ напрасно ссылается. (Ср. Ephem, ep. 7, 445: *praefendum, quod posui ego, legatum mitti ab imperatore ita, ut propter extraordinaria, quae accedunt, provinciam senatoriam imperatoris administrationi tradendam et fascces duodecim pro quinque legato permittendos, imperator senatum antea consuluerit... Nam legatum ab imperatore mitti ex senatus consulto longe aliud est atque mitti a senatu auctore imperatore*).

Таковъ первый примѣръ г. Ростовцева. На второй примѣръ г. Ростовцева мнѣ пришлось указать раньше. Г. Ростовцевъ утверждаетъ, будто я смѣшиваю *curatores kalendarii*, *seip.* и *λογισταί*, и доказываетъ мнѣ затѣмъ, что я не правъ. Гдѣ г. Ростовцевъ нашелъ у меня это смѣшеніе, мнѣ совершенно непонятно, такъ какъ я вовсе не вхожу въ подробное разсмотрѣніе разныхъ формъ императорскаго контроля надъ городами, а привожу только одну надпись, гдѣ говорится о *cura kalendarii*, и останавливаюсь на фактѣ возникновенія этого контроля только для выясненія его общеполитическаго значенія. Сдѣлавъ мнѣ совершенно непонятный упрекъ, г. Ростовцевъ затѣмъ совершенно неправильно толкуетъ значеніе императорскаго контроля надъ городами. Г. Ростовцевъ полагаетъ, что „самый институтъ *curatores* отнюдь не свидѣтельствуетъ о централизаціи власти: эти мѣстные чиновники раздробляютъ власть проконсуловъ и легатовъ и децентрализуютъ власть въ каждой отдѣльной провинціи“. Между тѣмъ совершенно ясно, что установленіе контроля надъ городами, приводя къ увеличенію количества мѣстныхъ чиновниковъ (это и есть „децентрализація власти“ г. Ростовцева!), въ то же самое время подрываетъ въ корнѣ самостоятельность городовъ, подчиняетъ ихъ правительственной опекаѣ и тѣмъ самымъ приводитъ къ росту централизаціи, что я и доказываю въ своей книгѣ.

Вотъ слѣдовательно на какихъ данныхъ построенъ рѣзкій упрекъ г. Ростовцева въ „небрежномъ отношеніи къ матеріалу и новѣйшей литературѣ“. Г. Ростовцевъ высказываетъ невѣрный взглядъ относительно Виеянія, опровергаемый тѣмъ самымъ Моммзенемъ, на котораго онъ ссылается, находить у меня такое смѣшеніе, котораго у меня нѣтъ, и неправильно толкуетъ смыслъ правительственнаго контроля надъ городами и въ то же время упрекаетъ меня въ небрежности!

Но самое удивительное мѣсто въ отзывѣ г. Ростовцева это то, гдѣ онъ говоритъ о моемъ изложеніи взглядовъ Тацита (гл. V § 1).

„То, что въ изложеніи ново, къ сожалѣнію неправильно, а что правильно, то не ново“, такъ начинается г. Ростовцевъ свои замѣчанія. Въ чемъ же заключается основаніе для такого приговора?

Единственная ошибка, которую г. Ростовцевъ мнѣ указываетъ, касается вопроса... о личномъ имени Тацита! Я не могу не согласиться съ г. Ростовцевымъ, что онъ тутъ правъ, но долженъ замѣтить, что дѣло не въ личномъ имени, а въ политическихъ взглядахъ Тацита.

Что же касается моего изложенія взглядовъ Тацита, то г. Ростовцевъ не указываетъ въ немъ ни одной неправильности, а поучаетъ меня на счетъ трехъ „диспаратныхъ“ взглядовъ, лежащихъ въ основаніи политическаго міросозерцанія Тацита. Напрасно только г. Ростовцевъ трудится. Что идеаль смѣшаннаго государственнаго строя (см. стр. 313—4) основывается на произведеніяхъ Аристотеля и его преемниковъ, указано у меня на стр. 218—219. Что представленіе о необходимости и цѣлесообразности монархической власти выработано стоическо-кинической школой на основѣ платоновскихъ идей, подробно указано у меня на стр. 208—224 (ср. стр. 332).

Остается третій изъ указанныхъ г. Ростовцевымъ элементовъ политическаго міросозерцанія Тацита, т. е. идея подчиненія неограниченной императорской власти аристократическому собранію, т. е. сенату, идея, которую я вывожу преимущественно изъ отзыва Тацита объ управленіи Тиберія до 23 г., изъ его отзыва о первыхъ годахъ Нерона и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ (ср. стр. 333—336). Вотъ что говорить по этому поводу г. Ростовцевъ: „это созданіе фантазіи Тацита, какъ убедительно доказалъ Leo въ *Gött. gel. Nachr.* 1896., есть теорія цѣлой школы юристовъ Августовскаго времени, объединяемыхъ именемъ Атея Капитона, у котораго Тацитъ заимствуетъ большинство своихъ государственно-правовыхъ экскурсовъ вплоть до приводимой авторомъ исторіи культурно-историческаго развитія человѣчества. *Теорія Атея Капитона есть историческое и юридическое обоснованіе какъ разъ той діархіи, существованіе которой въ умѣ римскаго общества такъ упорно отрицаетъ г. Гриммъ*“.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что Leo ни слова не говоритъ о тѣхъ мѣстахъ Тацита, на которыхъ построенъ мой выводъ: да это и вполне естественно, такъ какъ они вовсе не имѣютъ непосредственно государственно-правового характера и содержанія и только косвенно даютъ представленіе о политическихъ возжелѣніяхъ Тацита. Что же

касается дѣйствительнаго содержанія статьи Лео, то оно заключается въ слѣдующемъ.

Лео собираетъ всѣ отрывки *Анналь*, гдѣ говорится о вопросахъ, касающихся государственнаго права, т. е. законовъ и магистратовъ (Анн. 1, 1; 3, 26; 6, 11; 11, 22; 12, 23; 12, 60; 13, 29), и задается цѣлью доказать, что Тацитъ заимствовалъ матеріалъ для нихъ изъ какого-нибудь произведенія по римскому государственному праву. Разсмотрѣвъ всѣ эти отрывки преимущественно съ формальной стороны, онъ затѣмъ говоритъ дословно: „Мы видѣли, что экскурсы *ex obicem* (курсивъ мой) охватываютъ время отъ царей до созданной Августомъ конституціи и что источникъ, которымъ Тацитъ пользуется для исторіи (городской) префектуры, передаетъ тотъ взглядъ, которымъ Августъ руководился при возрожденіи этой должности; *ничто подобное* можно было замѣтить относительно квестуры; свѣдѣнія о померіи основываются на взглядѣ, сдѣланшемся официальнымъ при Клавдіи. Прежде всего этимъ устраняются предположенія, которыя при случаѣ были высказаны относительно писателей республиканскаго періода, будто бы бывшихъ источниками Тацита: Нибуръ, очевидно, думалъ о Гракханѣ, Дирксенъ пытался доказать, что это былъ Варронъ. Ясно, что авторъ этого сочиненія, которымъ пользовался Тацитъ, писалъ въ эпоху принципата, а также и то, что система государственнаго права, которой онъ слѣдуетъ, основана на конституціи Августа (?). Этимъ скромнымъ результатомъ мы, сколько я вижу, должны довольствоваться; но и этотъ результатъ представляетъ шагъ къ цѣли. Вѣдь этимъ уже опредѣлено то лицо, въ духѣ и направленіи котораго работалъ источникъ Тацита (?); это юристъ принципата Августа, Атей Капитонъ. Произведеніе, которымъ пользовался Тацитъ, принадлежитъ не ему, но одному изъ его послѣдователей“.

Ясно только то, что мы здѣсь находимся въ области чистыхъ предположеній. Прежде всего фактъ, что Тацитъ *обыкновенно* доводитъ свои обзоры до Августа, вовсе не имѣетъ того значенія, которое ему приписываетъ Лео: не слѣдуетъ забывать, что *Анналы* Тацита начинаются со смерти Августа, и въ виду этого вполне понятно, что разъ Тацитъ вообще даетъ подобные обзоры, онъ доводитъ ихъ именно до Августа, а въ тѣхъ случаяхъ, когда это нужно, до Тиберія (Анн. 1, 72 о *crimen laesae maiestatis*), до Клавдія (12, 23 и 12, 60) и до Нерона (13, 29). Не слѣдуетъ дагѣе забывать, что у Тацита встрѣчаются аналогичные обзоры и для другихъ сторонъ жизни (3, 26 — 28 о роскоши; 11, 14 объ алфавитѣ; 14, 20—21 о

spectacula), доведенные до Клавдія, до Нерона и даже до Веспасіана. Строить гипотезы о томъ, откуда Тацитъ могъ взять эти обзоры, очевидно въ высокой степени бесполезно. Но если даже допустить, что онъ взялъ часть ихъ изъ какого-нибудь произведенія по государственному праву, то отсюда еще далеко до разрѣшенія вопроса о содержаніи и системѣ соотвѣтственнаго произведенія. Что Тацитъ не упоминаетъ о 40 квесторахъ цезаря, а говоритъ только, что послѣ Суллы число ихъ (какъ при Августѣ) доходило до 20, или что онъ приписываетъ право назначенія префекта консуламъ (а по мнѣнію Лео Августъ въ 28 г. (?) вывелъ свое право назначать префекта изъ своихъ консульскихъ полномочій),—это еще не даетъ ни малѣйшаго права говорить, что источникъ Тацита опирался на конституцію Августа, и утверждать, что это былъ Атей Капитонъ, отъ котораго до насъ ничего не дошло, или одинъ изъ его послѣдователей. Выводъ Лео въ виду этого долженъ быть признанъ совершенно фантастическимъ, и я не имѣлъ ни малѣйшаго основанія не только подчиниться его словеснымъ предположеніямъ, но и вообще цитировать его слабую статью.

Тѣмъ болѣе удивительно, что г. Ростовцевъ считаетъ возможнымъ утверждать, что Лео „убѣдительно доказалъ“, что существовала цѣлая школа юристовъ, послѣдователей Капитона, обосновавшихъ теорію *diarchii* и исторически и юридически. На самомъ же дѣлѣ Лео не только этого не доказалъ, но даже не имѣлъ въ виду этого доказать, а хотѣлъ только попытаться выяснитъ, откуда Тацитъ взялъ свои государственно-правовыя экскурсы. При такихъ условіяхъ все разсужденіе г. Ростовцева падаетъ само собою. Кстати отмѣчу тотъ характерный фактъ, что г. Ростовцевъ, очевидно, не понялъ, какое значеніе для всей моей работы имѣло бы его замѣчаніе, если бы только оно было основательно. Вся моя работа построена на отрицаніи *diarchii* и неизмѣнности данной Августомъ конституціи, и одно изъ главныхъ доказательствъ въ пользу моего взгляда заключается въ томъ, что понятіе, а тѣмъ болѣе теорія *diarchii* не встрѣчается ни у одного изъ античныхъ писателей. Еслибъ г. Ростовцевъ былъ правъ, мнѣ бы только оставалось поставить крестъ на всю мою работу, но г. Ростовцевъ, какъ мы видѣли, вообще не потрудился выяснитъ себѣ задачу и выводы моего труда, и поэтому высказываетъ мимоходомъ мысль, которая иначе должна была бы занять центральное положеніе въ его аргументаціи. Въмѣсто этого онъ говоритъ объ указанномъ вопросѣ вскользь и снова доказываетъ, какъ небрежно онъ самъ отнесся и къ моей книгѣ и къ статьѣ Лео и съ какой легкостью онъ

считаетъ возможнымъ произнести уничтожающій приговоръ относительно моей книги вообще и относительно изложенія взглядовъ Тацита въ частности.

По поводу моего изложенія политическихъ взглядовъ Плинія онъ также довольствуется двумя, тремя бѣглыми замѣчаніями и утверждаетъ, что я излишне подчеркиваю риторичность панегирика и его неискренность (точнѣе вымученность и льстивый характеръ). Но такъ какъ онъ не приводитъ никакихъ серьезныхъ доказательствъ въ пользу правдивости и искренности Плинія, то я и тутъ остаюсь при томъ взглядѣ, который мною подробно мотивированъ въ моей книгѣ (См. стр. 362 — 373; ср. также Cantarelli въ St. e doc. 16, 194: non è che una apologia ufficiale del principe, pieno di ornamenti oratorii, alteranti il carattere dei fatti storici, ai quali ascenna). Зато г. Ростовцевъ не говоритъ ни слова о томъ, что составляетъ центральный пунктъ моихъ разсужденій, т. е. о зависимости Плинія отъ греческой теоріи монархической власти.

Переходя къ принципату Адриана (гл. VI § 2), г. Ростовцевъ также не говоритъ ни слова о политическомъ значеніи административныхъ реформъ Адриана, на которомъ я подробно останавливаюсь, т. е. о развитіи центральныхъ учреждений (императорскаго совѣта и министровъ), о развитіи и роли преторіанской префектуры, о расширеніи контроля надъ Италіей и объ указной дѣятельности императоровъ, — а вмѣсто этого слова сосредоточиваетъ свое вниманіе на второстепенныхъ и третьестепенныхъ вопросахъ, въ родѣ неразрѣшимаго вопроса объ усыновленіи Адриана, который я сознательно оставилъ въ сторонѣ, или въ родѣ роли женщинъ при императорскомъ дворѣ. За неточное указаніе относительно откупной системы, вкравшееся у меня въ примѣчаніе 2 къ стр. 423 (изъ того, что я посвящаю этому вопросу три строки примѣчанія, можно судить о его важности для моей работы), я готовъ извиниться передъ авторомъ исторіи римскаго государственнаго откупа.

По поводу эпохи Антониновъ г. Ростовцевъ далѣе не соглашается съ моимъ взглядомъ на скудость крупныхъ политическихъ идей въ римскомъ обществѣ вообще и въ обществѣ этой эпохи въ частности. Для опроверженія моего взгляда г. Ростовцевъ ссылается на „любобное отношеніе“ Антониновъ къ провинціямъ (см. тоже у меня II, 385 и 391) и на ихъ борьбу съ симптомами социальнаго и экономическаго зла. Между тѣмъ я именно и указываю на то, что скудость социальнo-политическихъ идей этой эпохи проявляется въ бесполезной и мелкой борьбѣ

съ симптомами, а не съ причинами зла, въ виду чего замѣчаніе г. Ростовцева остается мнѣ непонятнымъ (см. II, 390—2, II, 438—439, II, 443—447). Что касается разнаго рода хвалебныхъ надписей, то я уже указалъ, по какимъ причинамъ я считаю невозможнымъ до-вѣряться имъ и пользоваться ими.

Остается указать на замѣчанія г. Ростовцева относительно эпохи Антонина—царствование М. Аврелія онъ оставляетъ совершенно безъ разбора. За указаніе книги Lascour-Gayet я г. Ростовцеву очень благодаренъ и очень жалѣю, что не могъ воспользоваться ею во время.

Изъ ознакомленія съ книгой Lascour-Gayet (къ моей непосредственной задачѣ въ ней относятся стр. 27—65) я впрочемъ убѣдился, что моя работа не потеряла никакого серьезнаго урона отъ незнакомства съ ней. По существу авторъ совершенно согласенъ со мной, что Антонинъ отнюдь не имѣлъ въ виду сокращеніе императорскаго авторитета, а видѣлъ въ себѣ монарха (ср. p. 29: L'empire romain était une monarchie absolue... Ce n'est pas qu'Antonin ait jamais songé à modifier l'essence même de l'autorité impériale; il savait fort bien et il disait lui même qu'il était le maître du monde, ego quidem mundi dominus).

Также какъ и я, онъ полагаетъ что Антонинъ отнюдь не измѣнилъ установившееся съ теченіемъ времени конституціонное положеніе сената, а только умѣренно пользовался своей властью (см. стр. 30). Напрасно только Lascour-Gayet, а за нимъ и г. Ростовцевъ придаютъ такое большое значеніе тому факту, что Антонинъ первый изъ всѣхъ императоровъ упоминаетъ на своихъ монетахъ о „десятилѣтій“, протешемъ со времени его воцаренія. Lascour-Gayet и г. Ростовцевъ усматриваютъ въ этомъ доказательство того, что Антонинъ желалъ напомнить обществу чрезвычайный характеръ и срочность власти принцепса. Между тѣмъ искусственность этого объясненія бросается въ глаза: Антонинъ самъ принялъ власть пожизненно, а въ литературѣ этой эпохи самое представленіе о срочности императорской власти нигдѣ не встрѣчается. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ указаніи десятилѣтій слѣдуетъ усмотрѣть зачатки празднованія императорскихъ юбилеевъ, а никакъ не воспоминаніе объ исчезнувшей еще со временъ Тиберія и давно забытой срочности власти принцепса. Также мало значенія имѣетъ и скромность Антонина въ принятіи подносимыхъ ему титуловъ, чему имѣются аналогіи хотя бы въ царствованіе Адриана (кромѣ званія Pius Антонинъ встаетъ сказать принялъ также титулъ pater patriae; v. Pii 6, 6). Что же касается недопущенія пріемныхъ его

сыновей къ соправительству, то относящееся сюда замѣчаніе г. Ростовцева прямо неправильно: Маркъ Аврелій въ 147 г. получилъ проконсульскую и трибунскую власть (v. Marci 6, 6: *tribunicia potestate donatus est atque imperio extra urbem proconsulari addito iure quintae relationis*). Да и независимо отъ этого одинъ фактъ, что Антонинъ совершенно опредѣленно объявилъ своимъ наслѣдникомъ того же Марка Аврелія, доказываетъ, что онъ былъ очень далеко отъ мысли предоставить сенату сколько-нибудь серіозное политическое вліяніе (ср. т. II, стр. 434—436).

Остаются сѣтованія г. Ростовцева на то, что я не разбираю политическихъ взглядовъ Аристиды и не ссылаюсь на обычные хвалебныя надписи. Относительно Аристиды я могу довольствоваться ссылкой на пар. V шестой главы, гдѣ я указываю на то, что не только Аристиды, но и Аппіана, Фронтоня и т. д. я оставляю безъ подробнаго разбора, такъ какъ у нихъ повторяются только взгляды, подробно разсмотрѣнные мною уже раньше, и такъ какъ интересы этой эпохи вовсе не направлены на политическіе вопросы (ср. т. II, стр. 456—462). А относительно неизмѣнно хвалебныхъ надписей мнѣ, я думаю, нечего повторять, что мною выше было сказано относительно ихъ непригодности въ качествѣ источника для опредѣленія общественнаго настроенія.

На этомъ я могу покончить и съ частными замѣчаніями г. Ростовцева. Кромѣ указанія на неправильность отождествленія Куриція Матерна и Матерна, указанія относительно имени Тацита, на претуру по дѣламъ фиска, учрежденную Нервой, на *praefecti frumenti dandi ex Sc.* время Траяна и двухъ-трехъ еще болѣе мелкихъ, я такимъ образомъ съ спокойной совѣстью могу сказать, что всѣ замѣчанія г. Ростовцева или относятся не къ моей, а къ какой-то вымышленной имъ книгѣ, или фактически неправильны. Во избѣжаніе недоразумѣній я при этомъ еще разъ замѣчаю, что я намѣренно опускаю нѣкоторыя изъ его замѣчаній (напримѣръ, о столкновеніи войскъ Випдекса и Вергинія Руфа, относительно сравненія соправительства Тита съ соправительствомъ Л. Вера и т. д.), не потому, чтобы они были болѣе основательны, чѣмъ тѣ, которыя я разобралъ, а чтобы не удлинять мой и безъ того слишкомъ длинный отвѣтъ.

III. Въ заключеніе я позволяю себѣ указать еще на одно обстоятельство, крайне характерное для отзыва г. Ростовцева. Указывая мнѣ постоянно на то, что я не разбираю вопросовъ, къ моей работѣ вовсе не относящихся, и обращая вниманіе на цѣлый рядъ второстепенныхъ и

третьестепенныхъ вопросовъ, да и то въ огромномъ большинствѣ случаевъ неудачно, г. Ростовцевъ оставляетъ почти совершенно безъ разбора всѣ тѣ положенія моей книги, которыя имѣютъ въ ней первенствующее значеніе и для обоснованія которыхъ она написана.

Такъ г. Ростовцевъ, очевидно, не пожелалъ отдать себѣ отчетъ въ причинахъ, по которымъ я не считаю возможнымъ конструировать, какъ это дѣлаетъ Моммзенъ, систему принципата отъ Августа до Діоклеціана и почему я настаиваю на необходимости замѣнить подобнаго рода системы исторіей императорской власти. Г. Ростовцевъ полагаетъ, что мое разногласіе съ Моммзеномъ сводится къ мелочному вопросу о способѣ изложенія. „Въ противоположность систематическому изложенію Моммзена“, говоритъ г. Ростовцевъ, „авторъ избираетъ способъ изложенія историческій, т. е. по важнѣйшимъ эпохамъ развитія императорской власти“.

Г. Ростовцевъ жестоко ошибается, если онъ думаетъ, что тутъ вопросъ о способѣ изложенія. Я не могу повторять здѣсь то, что у меня изложено на 30 страницахъ введенія къ моему I тому, но долженъ замѣтить г. Ростовцеву, что вопросъ имѣетъ не формальный, а принципиальный и методологическій характеръ. Моммзенъ задается цѣлью создать единую систему римскаго государственнаго права отъ древнѣйшихъ временъ до Діоклеціана и въ частности желаетъ дать такую конструкцію принципата, которая объединяетъ всю эпоху отъ Августа до Діоклеціана. Одна изъ главныхъ задачъ моей книги заключается въ томъ, чтобы показать основную неправильность той постановки задачи, которую мы встрѣчаемъ у Моммзена, и указать на многочисленные противорѣчія и неправильные выводы, къ которымъ приходитъ Моммзенъ именно вслѣдствіе этой неправильности въ построеніи его монументальнаго труда. Если г. Ростовцевъ при такихъ условіяхъ говоритъ о разницѣ въ способѣ изложенія, то это значить, что онъ не понялъ или не пожелалъ понять основного принципиальнаго разнорѣчія между Моммзеномъ и мной. Пусть г. Ростовцевъ и въ данномъ случаѣ не согласенъ со мной, но пусть онъ не обходитъ одно изъ главныхъ положеній моей книги.

Если г. Ростовцевъ далѣе утверждаетъ, что „въ существѣ дѣла“ идея написать исторію развитія императорской власти не нова, то я попросилъ бы его указать, во-первыхъ, въ какомъ историческомъ трудѣ до сихъ поръ непримѣнимость юридическихъ конструкций, охватывающихъ трехсотлѣтніе періоды народнаго развитія, была указана и доказана настолько подробно, какъ у меня, и во-вто-

рыхъ, гдѣ была сдѣлана на одинаково широкихъ основаніяхъ попытка установить фазисы развитія императорской власти въ связи съ политическими взглядами общества.

Помимо этихъ двухъ замѣчаній къ непосредственной задачѣ моего труда и къ его основнымъ положеніямъ относятся только два замѣчанія, касающіяся конституціонной политики Флавіевъ. Оба не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобъ г. Ростовцевъ счелъ нужнымъ познакомиться внимательнѣе съ моей книгой ¹⁾:

Первое изъ нихъ относится къ нѣкоторымъ монетамъ 71 г. съ легендой, на которой Титъ называется *Imp. design.* По этому поводу я замѣчаю, что эта надпись имѣла бы очень большой интересъ, еслибъ изъ нея можно было заключить, что Веспасіанъ *формально* провозгласилъ Тита своимъ преемникомъ (ср. т. II, стр. 118—119). Въ виду молчанія Діона Кассія и Светонія я однако не рѣшаюсь сдѣлать такой выводъ. Г. же Ростовцевъ полагаетъ, что я сомнѣваюсь въ самомъ дарованіи титула *impetrator*, и указываетъ мнѣ на то, что онъ самъ нашелъ этотъ титулъ на монетахъ конгариевъ и фрументадій. Ясно, что это указаніе не имѣетъ отношенія къ поднятому мною вопросу.

Второе замѣчаніе относится къ моему взгляду на значеніе пожизненной цензурской власти Домиціана, со времени приобрѣтенія которой цензура остается навсегда соединенной съ принципатомъ. Въ виду того, что принципъ въ силу цензурской власти имѣетъ право назначать и исключать сенаторовъ, я подробно доказываю (ср. т. II, стр. 138—145), что съ этого времени сенатъ теряетъ и послѣднюю тѣнь самостоятельности и изъ самопополняющагося полусувереннаго учрежденія превращается въ назначаемый императоромъ государственный совѣтъ. Г. Ростовцевъ на это возражаетъ, что „нововведеніе этой формы государственнаго строя абсолютно не касалось и было, какъ указалъ и Моммзенъ... исключительно фактическимъ, отнюдь же не формальнымъ“. Если я вѣрно понимаю смыслъ этой странной фразы, то г. Ростовцевъ желаетъ сказать, что при дарованіи Домиціану цензурской власти не было формально оговорено, что сенатъ впредь будетъ въ полномъ подчиненіи у императора. Но чтожъ изъ

¹⁾ Ср. его слова: „въ томъ, что авторъ называетъ отношеніемъ Веспасіана къ конституціоннымъ вопросамъ“... А какъ же г. Ростовцевъ назоветъ вопросъ о значеніи *lex de imperio Vespasiani*, отношеніе Веспасіана къ магистратурѣ (въ частности къ консулату) и къ сенату (цензура Веспасіана) и вопросъ о политическихъ процессахъ?

этого слѣдуетъ? Вѣдь послѣдствія-то все таки были именно такія, какія я указываю, а формальной отмѣны прежняго положенія не могло быть уже потому, что—какъ признаетъ въ началѣ своего отзыва и г. Ростовцевъ—положеніе сената и въ прежнее время и впослѣдствіи основывалось не на основныхъ законахъ, а на обычаяхъ и фактическомъ положеніи вещей (ср. т. I, стр. 12—26, особ. стр. 26). Г. Ростовцевъ, правда, ссылается на то, что сенатъ сохранилъ управление частью провинцій и формальное право на избраніе императора и т. д. Но онъ забываетъ, что право назначенія сенаторовъ и въ области администраціи дѣлало сенатъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императора, который въдобавокъ имѣлъ широкое право надзора надъ соотвѣтственной дѣятельностью сената, а далѣе забываетъ и то, что формальное избраніе императора сводится къ необходимому при отсутствіи законнаго престолонаслѣдія признанію претендента наивысшимъ, но не сувереннымъ государственнымъ учрежденіемъ. Я не могу выписывать тѣ страницы, которыя содержатъ доводы въ пользу моего мнѣнія. Г. Ростовцевъ ихъ не опровергаетъ, а остается при особомъ мнѣніи, причемъ доходитъ до того, что утверждаетъ, будто діархія въ идеѣ Моммзена не предполагаетъ равновластія (ср. Mommsen R. St. III, 1252; das sullanische Senatsregiment... die caesarische Autokratie; Abriss стр. 340) и что двоевластіе вообще, т.-е. даже съ формальной стороны не можетъ быть равновластіемъ (ср. власть республиканскихъ консуловъ и другихъ магистратовъ, ср. сопровительство Пупіена и Бальбина и др.).

Указанными замѣчаніями, да разобранными выше ссылками на Leo и Lacombe-Gayet ограничивается все, что г. Ростовцевъ говоритъ по поводу изложенной мною исторіи развитія императорской власти. Г. Ростовцевъ не касается ни конституціоннаго значенія низложенія Нерона и избранія Гальбы, ни конституціоннаго характера принципата Гальбы (и его преемниковъ), ни вопроса о значеніи legis de imp. Vespasiani, ни монархическихъ тенденцій Веспасіана, ни деспотическихъ тенденцій Домиціана, ни ограниченія уголовной юрисдикціи императоровъ при Нервѣ, ни вопросъ о характерѣ его отношеній къ сенату, ни монархическаго характера принципата Траяна, ни отношенія его къ сенату, ни политическаго значенія реформъ Адріана, (напримѣръ, моей полемики съ Моммзеномъ о характерѣ императорскаго совѣта), ни политическихъ взглядовъ и политики Марка Аврелія. Политическіе взгляды оппозиціи временъ Домиціана, да и взгляды писателей эпохи Нервы и Траяна его, очевидно, также очень мало

интересуютъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что тотъ, кто прочтетъ только отзывъ г. Ростовцева, не будетъ имѣть ни малѣйшаго понятія о моей книгѣ.

Я думаю, что этимъ могу закончить свой отвѣтъ. Разборъ общихъ и частныхъ замѣчаній г. Ростовцева, смѣю думать, достаточно ясно показалъ, какъ невнимательно г. Ростовцевъ отнесся къ моей книгѣ. Въ концѣ своего отзыва г. Ростовцевъ говоритъ, что я разрѣшилъ „очень неполно и поверхностно“ ту задачу, которую я себѣ будто бы поставилъ, то есть не далъ характеристики „фактическаго развитія власти императоровъ въ войскѣ, администраціи, финансовомъ и провинціальномъ управленіи“. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ я этого вовсе не имѣлъ въ виду, а писалъ о конституціонномъ развитіи имперіи. Въ характеристикѣ оппозиціи я по мнѣнію г. Ростовцева слишкомъ узко держался рамокъ города Рима, не касаясь совершенно Италіи и провинцій: первенствующее значеніе Рима въ моей книгѣ естественно вытекаетъ изъ того факта, что въ Римѣ были сосредоточены всѣ факторы конституціонной жизни имперіи, утвержденіе же, будто я совершенно не касаюсь Италіи и провинцій, фактически невѣрно. (Ср., на примѣръ, т. II стр. 12—28, 109—113, 167, 224 сл. и такъ далѣе). И только въ отличіе отъ г. Ростовцева не увлекаюсь фантазіями о крупномъ общественномъ движеніи на востокъ и объ обширныхъ заговорахъ.—Далѣе г. Ростовцевъ упрекаетъ меня въ томъ, что я не даю характеристики цезаризма ни въ одномъ изъ его проявленій: если г. Ростовцевъ этимъ хотѣлъ сказать, что я не далъ характеристики ни одной изъ сторонъ императорской политики, то это неправильно, такъ какъ я далъ характеристику конституціонной политики императоровъ. А характеризовать социальную и такъ далѣе политику императоровъ я вовсе не хотѣлъ и по характеру моей работы не могъ.—Эволюціи культа императоровъ у меня нѣтъ по той же причинѣ: мнѣ было достаточно указать на его общеполитическое значеніе, а его историко-религіозная сторона меня не касалась (ср. также т. I стр. 219 пр. 2 въ концѣ).—Характеристики настроенія всадническаго сословія и населенія италіанскихъ и провинціальныхъ муниципій я не далъ и не могъ дать, потому что мы о немъ почти ничего не знаемъ, а то, что можно предположительно высказать о немъ, то у меня сказано (ср. уже названныя мѣста II, 12 сл., 109 сл., 160 сл., 167, 224 сл. и такъ далѣе).—Свѣдѣнія о составѣ сената вопреки мнѣнію г. Ростовцева также не могутъ намъ дать ничего для опредѣленія его политическаго настрое-

нія, такъ какъ одни голыя имена и свѣдѣнія о происхожденіи сенаторовъ сами по себѣ ничего не говорятъ, а Тацитъ и Плиніи намъ доказываютъ, какъ быстро „новые люди“ проникались специфически-сенатскими взглядами.

Ни одинъ изъ общихъ выводовъ г. Ростовцева такимъ образомъ не выдерживаетъ критики, и въ связи съ этимъ падаетъ его заключеніе, что „все это происходитъ отъ того, что авторъ не хочетъ изслѣдовать, а довольствуется пересказомъ данныхъ нѣкоторыхъ писателей и небольшого числа современныхъ ученых“. Заключеніе г. Ростовцева является результатомъ того, что онъ не хочетъ внимательно читать книгу, о которой онъ пишетъ, а предпочитаетъ фантазировать на ея счетъ и навязывать автору задачи, которыхъ тотъ не имѣлъ. Установленіе конституціоннаго характера отдѣльныхъ принципатовъ и политическаго міросозерцанія типичныхъ представителей данной эпохи невозможно иначе, какъ путемъ очень внимательнаго изслѣдованія, которое и лежитъ въ основаніи каждой главы моей книги. Число древнихъ авторовъ, цитированныхъ у меня и изученныхъ мною, доходитъ до 39, число приведенныхъ мною надписей до 35, число книгъ и статей современныхъ ученыхъ, также цитированныхъ во II томѣ, доходитъ до 95. Всѣ старанія г. Ростовцева указать мнѣ на опущенную мною литературу даютъ въ совокупности 6—7 названій. Старанія г. Ростовцева указать мнѣ на надписи, способныя поколебать мои выводы, также не увѣличались усилѣхомъ, и даже добавочныхъ свидѣтельствъ, подкрѣпляющихъ мои выводы, среди нихъ почти вовсе не оказалось: вынесенное мною изъ шестилѣтнихъ занятій предметомъ моихъ изслѣдованій убѣжденіе, что надписи *по данному вопросу* даютъ очень немного, получило блестящее подтвержденіе изъ отзыва самого г. Ростовцева; почти всѣ надписи и группы надписей, которыя онъ приводитъ, не имѣютъ отношенія къ конституціоннымъ вопросамъ, а относятся къ соціальной, административной и такъ далѣе исторіи.

При такихъ условіяхъ я считаю себя въ правѣ отклонить упреки г. Ростовцева въ небрежности и высокомеріи. Г. Ростовцевъ самъ такъ небрежно отнесся къ моей книгѣ и такъ высокомерно къ моимъ выводамъ и ко всей моей работѣ, что я имѣю полное право вернуть ему его упреки.

Э. Д. Гриммъ.

Русская книга о Лопе де Веги.

Д. К. Петровъ, Очерки бытового театра Лопе де Веги. С.-Пб. 1901.

Г. Петровъ знакомитъ русскую науку и русскаго читателя вообще съ результатами своихъ наблюдений надъ бытовыми драмами Лопе де Веги; наблюдения основаны на подробномъ изученіи соответствующихъ текстовъ и посвященной имъ критической литературы, нѣмецкой, французской и испанской. Ограничась одними бытовыми драмами Лопе, авторъ не могъ рассчитывать на цѣльную характеристику его, какъ драматурга, но нельзя не сказать, что и при имѣвшемся въ его распоряженіи матеріалѣ онъ могъ бы дать нѣчто болѣе опредѣленное и яркое, еслибъ тому не помѣшала распорядокъ его книги и приемы изслѣдованія. Передъ нами проходитъ длинный рядъ обстоятельныхъ libretto, перемежающихся отрывками переводовъ и этико-эстетическими оцѣнками; зависимость Лопе отъ его предшественниковъ выясняется лишь постепенно, при случаѣ; получается впечатлѣніе, что въ началѣ труда Лопе заполонилъ автора всецѣло, какъ будто вліяніе на Лопе литературной традиціи раскрылось изслѣдователю не сразу, почему даже въ концѣ книги онъ уступаетъ какъ-то нехотя этому откровенію. А оно-то и указывало ему на путь изслѣдованія, результаты котораго были бы внятнѣе. Если бы, избѣгая пересказовъ, г. Петровъ выбралъ изъ cadaго отдѣла интересующихъ его драмъ нѣсколько показныхъ, съ характерными положеніями чести, добродѣтели и т. п., разобралъ ихъ сравнительно съ тѣми, которые и раньше были разработаны драматически, указалъ на прогрессъ техники, стиля, психологій, собравъ эти заключенія вокругъ нѣсколькихъ центровъ, Лопе былъ бы намъ понятнѣе, понятнѣе и выраженіе автора, что Лопе „можно назвать Петромъ Великимъ испанской драмы“. Не легко обосновать для себя подобный выводъ изъ массы отдѣльныхъ замѣтокъ и наблюдений, разсѣянныхъ въ книгѣ. Когда затѣмъ они повторяются, какъ выводы, мы не убѣждены, тѣмъ болѣе, что сказанное о стилѣ, о драматической Technikѣ, о психологическомъ анализѣ у Лопе грѣшитъ общимъ мѣстомъ. Авторъ въ одномъ случаѣ (стр. 435) отказывается отвѣтить на вопросъ, почему у Лопе добродѣтель не скучна и мы, напримѣръ, не назовемъ какую-нибудь его Доротею „казанской сиротой“; отказывается за отсутствіемъ болѣе „основательныхъ познаній въ эстетикѣ“. Но дѣло не въ ней, а въ

сравнительной статистикѣ стилистическихъ и драматургическихъ фактовъ, которая и дала бы единственное основаніе для обобщенія.

Авторъ долго колеблется, какъ ему назвать избранный имъ отдѣлъ драматическихъ произведеній Лопе. Это драмы „семейныя“, ихъ герои не придворные — тѣ дѣйствуютъ въ „придворныхъ комедіяхъ“, — а дворяне и кушцы; не будь этихъ послѣднихъ, можно было бы остановиться на названіи „шляхетскихъ драмъ“. И такъ — семейныя драмы съ лицами изъ средняго сословія, и притомъ не всякія: исключены всѣ (болѣе 50) любовныя комедіи Лопе подѣломъ, что о нихъ много писали, многія изъ нихъ переведены на иностранныя языки, да изложеніе ихъ и утомило бы читателя (стр. 8). Какъ будто любятъ гдѣ-то на сторонѣ, а не рядомъ съ семьей и не на ея почвѣ? Оказывается, что такъ: авторъ съуживаетъ свою программу до понятія „супружескихъ драмъ“, которыя распредѣляются по тремъ отдѣламъ: второй составляютъ драмы *чести*, главнымъ образомъ супружеской чести; она обыкновенно выходитъ побѣдоносною изъ борьбы съ любовью, но о характерѣ, тембрѣ послѣдней мы желали бы имѣть болѣе широкое понятіе, чѣмъ какое дается въ отдѣлѣ третьемъ, гдѣ торжествуетъ *страдальческая любовь*, добродѣтель жены, обращающая мужа на путь истины и милости. Остается отдѣлъ первый, гдѣ въ связи съ характеристикой патриархальной испанской семьи разобрано нѣсколько пьесъ съ любовными интригами низменнаго сорта, съ влюбленными старичками и старушками въ комическомъ соперничествѣ съ своими дѣтьми и т. д.

Именно этотъ отдѣлъ драмъ или комедій даетъ мнѣ поводъ къ одному методическому замѣчанію, которое распространяется на всю книгу. Авторъ ищетъ въ драмѣ—драму и, вмѣстѣ, историческій документъ современной ей испанской жизни и, спрашивая себя, можно ли воспользоваться ею, какъ таковымъ, повѣряетъ ея фактическую основу показаніями актовъ, писемъ, свидѣтельствами путешественниковъ. На значеніе испанской драмы, какъ источника бытовыхъ свѣдѣній, указывали не разъ (между прочимъ Morel-Fatio въ своей вступительной лекціи въ Collège de France); сомнѣніе г. Петрова обосновано, все дѣло въ приемахъ его повѣрки: онъ повѣряетъ подробно, при всякомъ удобномъ, неудобномъ и ненужномъ случаѣ. Идетъ ли дѣло о чести, объ убійствѣ изъ за оскорбленія *pundonor'a*, онъ изобилуетъ указаніями. Такъ и въ главѣ о добродѣтельныхъ женщинахъ: мы узнаемъ, что таковыхъ было много не только въ драмѣ, но и въ жизни. При этомъ нерѣдко упускается изъ вида

различіе между бытовымъ, психическимъ настроеніемъ и его выраженіемъ, или тѣмъ, что въ литературѣ мы зовемъ „мотивомъ“. Оскорбленіе чести, напримѣръ, неминуемо влекло за собою возмездіе, смерть и т. п., по обстоятельства мести могли быть разнообразны въ жизни, въ литературѣ одни изъ нихъ показались интереснѣе, занимательнѣе другихъ, они повторялись — и измышлялись: это мотивъ. Въ Испаніи добродѣтельныя женщины несомнѣнно страдали, но когда у Лопе одна женщина продаетъ себя въ рабство ради освобожденія мужа, я не сказалъ бы съ авторомъ: „можетъ быть, когда-нибудь въ Испаніи и произошелъ подобный случай, но исторія не сохранила памяти о немъ“. Впрочемъ, г. Петровъ тутъ же указываетъ, что есть аналогическій мотивъ и въ одной новеллѣ Мазуччіо; а, можетъ быть, правильнѣе считать мотивъ Лопе созданнымъ собственной богатой фантазіи поэта, работавшей и въ данномъ случаѣ на какихъ-либо бытовыхъ данныхъ (стр. 374, 375).

Еще страннѣе приложеніе такого же бытового критерія къ драмамъ перваго отдѣла. Авторъ серьезно оглядывается въ литературѣ дѣловыхъ актовъ, писемъ и т. п., чтобы пайти слѣды смѣшныхъ старичковъ и старухъ, игравшихъ въ любовь, и, не найдя ихъ въ современныхъ испанскихъ извѣстіяхъ, заключаетъ, и, въ смыслѣ литературнаго вліянія, справедливо, что эти типы и шаржи перешли изъ итальянской комедіи. Ну, а въ Италиі-то они существовали и въ жизни? спросилъ бы себя авторъ. Вопросъ устранивается именно характеромъ шаржа, сатиры, увеличивающей очертанія жизненнаго типа, который могъ быть и итальянскимъ и испанскимъ. Тамъ и здѣсь надъ шаржемъ смѣялись, стало быть, понимали его жизненную, неяркую подкладку.

Это замѣчаніе можно распространить и на другой взглядъ автора, ставшій, впрочемъ, общимъ мѣстомъ: на противоположность „націонализма“ Лопе, починъ котораго слѣдуетъ уступить его предшественникамъ, и пенародныхъ темъ, которыя разрабатывала драма, стоявшая подъ вліяніемъ итальянцевъ и классиковъ. Она и по формѣ подражала чужимъ образцамъ и сюжеты брала изъ классической древности, тогда какъ Лопе и драматурги его направленія обращались къ своей средѣ и своей исторіи. Грань ставится рѣзко, мои теоретическія сомнѣнія вызываютъ провѣрку фактами: вѣдь классическіе сюжеты усвоились народнымъ міросозерцаніемъ, ихъ понимали по своему, не смотря на чужой костюмъ. Комическій старикъ итальянской *commedia dell'arte* и его *caratterista* или „brillante“ не то, что

старикъ испанской комической сцены и ея gracioso, какъ и въ заходіе типы нашихъ Өомы и Еремы проникла струя народнаго юмора. Слѣдуя примѣру г. Петрова, цитирующаго, по поводу Лоне, Пушкина и Островскаго, укажу на замѣтку Пушкина, что классическіе герои Расина въ напудренныхъ парикахъ такъ же французски-національны, какъ націоналенъ по англійски Гамлетъ.—Будущіе изслѣдователи разберутся въ національныхъ чертахъ псевдоклассической поэзіи смотря по средѣ, гдѣ она освоилась. Ея нельзя понимать оптомъ.

Особое вниманіе обратилъ авторъ на драмы „чести“. Понятіе это не специально испанское, говоритъ онъ, хотя этикетка pundonor'a издавна прилеилась къ испанцу (см. стр. 206, 208), какъ специфическая въ своемъ проявленіи, въ своей фаталистической логичности. Проявленія чести разныя: индивидуальная, сословная, кружковая, товарищеская, честь нѣмецкаго студента, неотдѣлимая отъ прима и т. д.

Что такое испанская честь? Авторъ обстоятельно занимается этимъ вопросомъ (стр. 212 слѣд.), но, по моему, не раскрываетъ настоящей причины явленія. Испанскій pundonor—это абстракція, фетишъ, въ который входитъ и сознаніе личнаго достоинства, болѣе или менѣе щепетильное, и самооберегъ личности и всего, что до нея касается и ей принадлежитъ; нѣчто въ началѣ даже не личное и очень реальное, пережитокъ родовыхъ понятій, которымъ культура дала идеальную окраску. Задѣвъ кого-нибудь по лицу перчаткой и затронуть жену, въ сущности, одно и то же, ибо жена собственность и притомъ довольно хрупкая; отрицательная оцѣнка женскаго непостоянства въ испанской драмѣ недалеко ушла отъ аскетической средневѣковой. Эту собственность надо оберегать и дозволено карать за дѣйствительную или и мнимую утрату того, что для мужчины въ ней самого дорогого: чести; любовь въ счетъ пойдетъ: въ конфликтъ съ честью сплосъ да рядомъ торжествуетъ послѣдняя. Еслибъ авторъ воспользовался матеріалами, которые онъ собралъ въ 1-й главѣ для характеристики испанской семьи, особенности испанскаго pundonor'a освѣтились бы исторически: женщина принадлежитъ роду, ею правятъ всѣ, мужъ, братъ, тестъ, весь родъ, оба рода; пойдетъ о ней дурная слава, хотя бы ни на чемъ не основанная, сосѣди, los vezinos, заговоритъ криво—и родъ будетъ обезчещенъ; надо смыть пятно,—либо скрыть его, потому что „смерть виновной способствуетъ распространенію позора“ (стр. 178). Честь рода, мужчины не въ нихъ, а въ женщинѣ, лю-

бовъ же личное чувство, но и личность проникнута родовымъ достоинствомъ. Надо было подчеркнуть въ сознаниі личнаго достоинства элементъ воображенія, которое поднимало его, настраивало торжественно, поочередно увлекая къ самопожертвованію или къ борьбѣ съ мельницами. Извѣстенъ анекдотъ объ извѣстномъ поэтѣ Хосе де Эспронседа: онъ подвергся преслѣдованію за какой-то проступокъ, подвѣзая къ Лиссабону, замѣтилъ, что у него въ кошелькѣ остался всего одинъ золотой—и бросилъ его въ море, потому что такому человѣку, какъ онъ, не прилично вступать въ столь большой городъ съ такимъ малымъ достаткомъ.—И въ любви то же преобладаніе воображенія: для Донъ Кихота Дульцинея равна величайшимъ принцессамъ міра, „я представляю ее себѣ таковою, какъ описываю, воображаю себѣ, какой желаю“. При дворѣ сентиментальничали „los embebecidos“, „опьяненные любовью“, бичевали себя до крови подъ окнами милой, а дома сторожили жену, какъ хранительницу чести. „Вино для мужчины, вода скотинѣ, для женщины палка“, говорила пословица.

Причины переживанія родовыхъ понятій въ Испаніи XVII вѣка въ связи съ генезисомъ испанскаго *rundonoŕa* не исчерпываются подборомъ бытовыхъ фактовъ, подтверждающихъ показанія драмы; это дѣло будущаго испанскаго Бурггардта, появленія котораго чаесть авторъ. „До тѣхъ поръ, пока не написана такая книга, наши знанія о той славной эпохѣ, которая подарила Испаніи и міру Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона, Мурильо и Веласкеса, будутъ разрознены и несистематичны. Необходимо пайти *формулу національнаго испанскаго міросозерцанія*, говорить авторъ, уныло заключая: но подобная работа будетъ выполнена не скоро, потому что обилень матеріалъ для обработки, а жизнь человѣческая, какъ извѣстно, весьма коротка“ (стр. 441). Это несомнѣнно, формула того, что зовется *le genie national*, *l'âme espagnole* или *française*, *l'esprit gaulois* дастся развѣ поколѣніямъ работниковъ-мыслителей, если вообще она опредѣлима. Кое что въ этомъ смыслѣ было уже сдѣлано, предложено нѣсколько обобщеній; они не притязаютъ на научность, но полезны, какъ временная гипотеза, могущая навести на нѣкоторые вопросы, но и видоизмѣниться, если отвѣты, полученные изъ изученія фактовъ, нарушатъ ея цѣльность и потребуютъ другой.

При указанныхъ воззрѣніяхъ на мужскую честь, честь женщины ограничена сознаниемъ, что она блюстительница чужой собственности, должна беречь ее паче ока не только по любви, но и по роковой обязанности; любить и страдать и смягчать выносливостью суроваго и

часто любящего собственника чести. Оттуда интересъ къ мотиву неповинно страдающей, добродѣтельной женщины; о немъ знала не только драма до Лопе, но и народная легенда; онъ и подставился къ конфликту чести и любви, какъ смягчающій, не логическій изъ него выходъ. Съ понятіемъ христіанскаго долга эта женская честь не тождественна, хотя и могла амальгамироваться съ нимъ (стр. 220, 445), и авторъ противорѣчитъ себѣ, когда, говоря о требованіи супружеской вѣрности со стороны жены (не со стороны мужа), указываетъ на совпаденіе такой чести „съ требованіями нравственнаго закона. Противъ такой чести нечего возражать. Для объясненія ея нечего прибѣгать къ свидѣтельству хроникъ и записокъ современниковъ (?), чтобы понять фактъ, чуждый теперешнему сознанію (?). Женская честь, какъ ее понимаютъ героини Лопе де Веги, неизмѣнно сохранилась до нашихъ дней“ (стр. 179). Стало быть, не чужда нашему сознанію? „Мелкая, женская (бабья) честь“ (стр. 191).

Не думаю, чтобы былъ особый поводъ говорить о „гуманности“ въ драмахъ добродѣтели (стр. 335). Если авторъ видитъ у Лопе „аносеозъ испанской женщины XVII вѣка“, то мы повѣрили бы ему болѣе, еслибы онъ привлекъ къ сравненію и любовныя комедіи Лопе, и его прелестную лирику, и его біографію, которая затроцута стороною и нѣсколько бережно (стр. 92). А она открыла бы новыя стороны въ чувствѣ Лопе. Онъ былъ женатъ два раза; въ первый разъ на Изабеллѣ de Urbina y Cortinas († 1596); „свадьба эта состоялась безъ особаго удовольствія со стороны родныхъ жениха и невесты. Лопе любилъ и уважалъ молодую жену“; онъ похитилъ ее, „не рассчитывая получить согласіе ея родителей“. Авторъ забылъ прибавить, что Изабеллу не хотѣли выдавать за него, потому что его нравственная репутація была довольно не блестящая. Да и бракъ едва ли былъ изъ счастливыхъ: въ одномъ сонетѣ, написанномъ, вѣроятно, до смерти Изабеллы, Лопе жалуется, что здѣсь на землѣ онъ навсегда привязанъ къ Ліи, а Рахили дождется развѣ въ небесахъ. Второй бракъ на Doña Juana de Guardo характеризуется въ посланіи Лопе къ Gregorio de Angulo: Женщина ослѣпила меня, я полюбилъ, — женатъ, прости Господи: у кого такая бѣда на рукахъ, никакой другой не боится (quien tiene tanto mal, ninguno teme). Жизнь въ мірѣ актеровъ наложила на Лопе свою печать; тамъ встрѣтился онъ съ актрисой Micaela de Lujan, Люциндой его стихотвореній (Segunda parte de las rimas 1602 г.) и поэтической эпистоли, включенной въ его Peregrino en su patria (1603). Самъ онъ очень откровенно повѣствуетъ о сво-

ихъ любовныхъ приключеніяхъ въ *Dorotea*, написанной между 1587 и 1590 гг., но передѣланной и напечатанной, когда ему было 70 лѣтъ. Онъ былъ большой женлюбъ, „любовь была живительнымъ солнцемъ его изумительно богатаго воображенія“, говорить о немъ Баррера. Это не совсѣмъ вѣжеться съ апоэсозомъ женщины, какъ видимо понимаетъ это слово авторъ. Самъ онъ наткнулся на эти противорѣчія, но старается обойти ихъ: Лопе былъ далеко не образцомъ добродѣтели, говорить онъ, „имѣлъ интриги и съ посторонними женщинами“, но это-то и сдѣлало его поэтомъ: онъ съ тѣмъ большимъ искусствомъ могъ изображать „страданія покинутаго жену“, „и тѣмъ ярче въ минуты раскаянія представлялась ему идиллическая картина тихаго семейнаго счастья. Лишь то хорошо изображается въ поэзи, что пережито въ жизни. А можно ли отрицать правдивость и искренность драмъ нашего поэта?“ (стр. 240—1). „Переживалъ“ ли Лопе идиллическое счастье въ семьѣ, мы не знаемъ.

Какъ опредѣляется его вкладъ въ развитіе испанской драмы? Къ этому вопросу ведетъ вся книга; рѣшается онъ сравненіемъ съ тѣмъ, что было до Лопе и въ пору его начинаній. Я уже сказалъ, что характеристика его стили, драматической постройки и психологическаго анализа не отличается желательной полнотою, почему и не достигаетъ своей цѣли. Этотъ недочетъ отражается на всѣхъ другихъ заключеніяхъ: вездѣ начала развитія оказываются лежащими за Лопе, а его творчество не освѣщено. Онъ организовалъ народную драму, уже имѣвшую преданіе, *comedia pueva*, и нашелъ защитниковъ—теоретиковъ, какъ драма классическаго типа оправдывалась научно (*Pinciano*). Своей инициативѣ онъ и самъ не даетъ особаго значенія, онъ ее не сознавалъ. Въ области комедій съ интригой, какъ мы могли бы назвать первую группу драмъ, выдѣленныхъ авторомъ, ясна зависимость Лопе отъ итальянскихъ образцовъ. Онъ пользуется мотивами романсовъ, новеллъ; типы добродѣтельныхъ женъ встрѣчаются и у его предшественниковъ, какъ и типы драмъ чести. Авторъ не разъ указываетъ на эту хропологию, ограничивающую новшество, и тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что „драмы добродѣтели подобно драмамъ чести все же придется считать самостоятельнымъ созданіемъ Лопе де Веги“ (стр. 387). Особенное значеніе даетъ авторъ тому факту, что если Наарро создалъ фигуру брата-мстителя, то Лопе ввелъ въ драматическій оборотъ обманутаго и мстящаго супруга. Но именно въ драмахъ чести и мщенія эта фигура могла до тѣхъ поръ отсутствовать лишь случайно, она носилась въ воздухѣ, пристала къ сюжету такъ

сказать органически, и Лопе оставалось лишь развить ее, сыгравъ на печальныхъ противорѣчійхъ обычнаго права, прикрытаго галантеріей, и правъ чувства, анализъ котораго не всегда оправдываетъ похвалы, расточаемыя авторомъ психологій поэта. Г. Петровъ несомнѣнно увлеченъ своимъ предметомъ.

Но здѣсь именно оцѣнки могутъ быть различныя, начиная съ Шака и Тикнора, Шефера и Morel-Fatio до Ormsby и Fitzmaurice-Kelly. Сходятся въ одномъ: въ признаніи за Лопе богатой фантазій, безконечно плодившей лица и положенія, фантазій, поддержанной поэзіей языка, которая, при его изумительной продуктивности и слѣшней работѣ, нрѣдко вырождалась въ реторизмъ.

Отзывъ о Лопе, какъ великомъ „реалистѣ“, ограниченъ самимъ авторомъ: Лопе былъ только вѣренъ „основному духу испанскаго искусства“ (стр. 436), и до него въ развитіи испанской драмы замѣчается все болъшая и болъшая степень ея народности и реализма“ (стр. 419). Слѣдовало бы припомнить и реализмъ мадридской школы живописи, возникшей въ XVII вѣкѣ.

И еще одна попытка выдѣлить Лопе де Вегу — начинателя: онъ, говорятъ намъ, изображалъ „среднее сословіе“ (стр. 442), его бытовыя драмы сравниваются съ таковыми же старо-англійскими (*Arden of Feversham*) и слезною комедіею, возникшею въ началѣ XVIII вѣка въ Англии и отразившеюся въ литературахъ всей Европы. Слезная комедія дѣйствительно отвѣтила поднятію средняго сословія, и причины ея возникновенія понятны и изслѣдованы. Какими общественными условіями вызваны были аналогическія задачи Лопе и можно ли вообще говорить—объ аналогіи? Это одинъ изъ общихъ вопросовъ, поставленныхъ авторомъ, но оставленныхъ безъ отвѣта. Къ выясненію другихъ, вызываемыхъ его книгой, онъ, надѣюсь, вернется, не дожидаясь, испанскаго Буркгардта; иные изъ рѣшенныхъ онъ, быть можетъ, перерѣшитъ. Къ этому обязываетъ его масса собраннаго имъ матеріала, любовь его къ литературѣ Испаніи и поиски—за формулой ея національнаго міросозерданія.

Александръ Веселовскій.

Věstník slovanské filologie a starožitnosti, vydávají L. Niederle, F. Pastrnek, J. Polivka, J. Zubaty. Ročník I. Praha 1901.

Скудость славянской библиографіи ощущается такъ ярко при развитіи славяновѣднія въ послѣдніе годы и при отсутствіи культурнаго

центра въ славянскомъ мірѣ, что необходимость въ какихъ бы то ни было библиографическихъ пособіяхъ должна была привести къ возникновенію какихъ-нибудь справочныхъ изданій. Первымъ откликнулся на этотъ призывъ времени, какъ извѣстно, вѣнскій профессоръ и нашъ академикъ И. В. Ягичъ, журналъ котораго „Archiv für slavische Philologie“ уже давно сдѣлался сборнымъ пунктомъ для всевозможныхъ изслѣдованій въ области славянской филологіи. Уже въ I томѣ своего журнала Ягичъ далъ библиографическій обзоръ работъ по славяновѣдѣнію съ 1870 по 1876 годъ. Вслѣдъ затѣмъ не мѣшаетъ упомянуть о книгѣ Котляревскаго „Древняя русская письменность. Опытъ библиографическаго изложенія исторіи ея изученія“ (1881) и дополненіи къ ней Кочубинскаго „Итоги славянской и русской филологіи“ (1882), но эти весьма цѣнные труды преслѣдуютъ задачи гораздо болѣе широкія, чѣмъ просто библиографическія, и потому, конечно, не охватываютъ всю область славяновѣдѣнія. Въ 1892 году въ приложеніи къ XIII тому Archiv'a появилась обширная „Slavistische Bibliographie“, составленная Пастрнекомъ (415 стр.); при нѣкоторой неизбежной неполнотѣ этого труда, славяновѣдѣніе обязано ему очень многимъ. Можно сказать, что толчокъ, данный Ягичемъ и Пастрнекомъ, возбудилъ цѣлое движеніе въ славянской библиографіи, которое все разрастается и теперь обѣщаетъ принять вполне правильное направленіе. Въ самомъ Archiv'ѣ съ этого времени нерѣдко появляются обзоры южнославянскихъ журналовъ (за 1891 и 1892 г.), принадлежащіе Маретичу; въ отдѣлѣ Polonica проф. Брюкнеръ отдаетъ читателямъ Archiv'a отчетъ во всѣхъ болѣе или менѣе замѣтныхъ явленіяхъ полоновѣдѣнія; мало по малу къ Archiv'у примкнули и другіе журналы: Kwartalnik Historyczny, Český Časopis historický, Wisła (здѣсь библиографія польскаго фольклора, составленная Стшельбицкимъ) и т. д. Появились превосходныя спеціальныя библиографіи Финкеля „Bibliografia historyi polskiej“, Зибрта „Bibliografie české historie“ и др.; въ журналѣ „Indogermanische Forschungen“ обращено нѣкоторое вниманіе и на славистику; наконецъ, многіе журналы посигѣшили составить систематическіе указатели своего содержанія за много лѣтъ („Русскій Филологическій Вѣстникъ“, „Сборникъ Болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія“, „Ученыя записки“ Казанскаго университета и т. д.). Тѣмъ не менѣе, своевременная библиографія текущей литературы была все еще *pium desiderium*, которое только до извѣстной степени удовлетворялось отличнымъ изданіемъ извѣстнаго пражскаго профессора Л. Нидерле „Věstník slovanských

Starožitnosti" (4 вып.). Наконецъ, по почину академика Шахматова, второе отдѣленіе петербургской академіи наукъ задумало давать ежегодные обзоры текущей литературы славяновѣдѣнія. Уже въ IV томѣ „Извѣстій Отд. Рус. яз.“ была помѣщена составленная С. Л. Пташницкимъ „Польская библиографія 1899 г.“, а въ приложеніи къ VI тому того же журнала былъ данъ обзоръ „Славяновѣдѣнія въ повременныхъ изданіяхъ. Систематическій указатель статей, рецензій и замѣтокъ за 1900 годъ“ (115 стр.). Этотъ указатель составленъ цѣлымъ кружкомъ библиографовъ, взявшихъ на свою редакцію различные отдѣлы; за принципъ дѣленія принята народность; такимъ образомъ, указатель разбитъ на XII отдѣловъ (I общеславянскій; II церковно-славянскій языкъ и литература; III полабскіе, балтійскіе славяне, кашубы; IV поляки; V сербы лужицкіе; VI чехи; VII словаки; VIII словинцы, резьяне и другіе славяне въ сѣверной Италиі; IX сербохорваты; X македонскіе славяне; XI болгаре; XII неславянскія народности и государства, связанныя съ славянскимъ міромъ). Въ каждомъ изъ отдѣловъ находятся подъ-отдѣлы: языковѣдѣніе, литература, этнографія, исторія, біографіи современниковъ и некрологи. Въ рукахъ составителей указателя было 168 повременныхъ изданій, кромѣ французскихъ, обзорныхъ г. Буайе; въ указатель вошли только статьи, а изъ книгъ лишь тѣ, о которыхъ были встрѣчены рецензіи въ разсмотрѣнныхъ журналахъ; поэтому, ихъ подборъ совершенно случайный, а именно случайность — наиболѣе существенный недостатокъ въ библиографіи. Указатель академіи наукъ составленъ настолько систематично, что пользоваться имъ очень удобно, но я долженъ признаться, что послѣдній XII отдѣлъ (неславянскій) представляется мнѣ какимъ-то недоразумѣніемъ: сюда посчастливилось попасть румынамъ и мадырамъ, но литовцы и финны пріюта себѣ не нашли. Правда, послѣдніе въ немъ и не нуждаются: у нихъ есть собственный, превосходно составленный библиографическій указатель за 1900 годъ (Finnisch-Ugrische Forschungen т. I); кромѣ того, и изданіе „Orientalische Bibliografie“ обратило на финскія племена больше вниманія, чѣмъ русская академія наукъ, такъ мало интересующаяся важнѣйшей для насъ финнологіей. Зато бѣдные литовцы, обиженные исторіей, оказались не признанными и наукой: почему ихъ литература, далеко не богатая филологическими трудами, не попала въ академическій указатель, прямо непонятно. Можно только надѣяться, что въ слѣдующихъ выпускахъ этого изданія этотъ обидный промахъ будетъ исправленъ. Во всякомъ случаѣ, въ чешскомъ указателѣ, названіе

котораго стоитъ въ заголовкѣ этой замѣтки, литовцамъ удѣлено достаточно вниманія и мѣста. Вообще, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чешскій указатель стоитъ несомнѣнно выше академическаго: правда, онъ уступаетъ послѣднему въ полнотѣ, что и естественно, потому что матеріальныя средства академіи на выпускъ книгъ и журналовъ, конечно, превышаютъ средства небольшого кружка частныхъ лицъ, хотя бы субсидируемыхъ нѣсколькими учеными учрежденіями (между прочимъ, и нашей академіей); зато всѣ болѣе значительныя статьи и книги реферированы, въ концѣ книги, которая и по объему болѣе, чѣмъ вдвое превышаетъ академическій указатель (212 стр.), помѣщенъ алфавитный списокъ авторовъ. Самое дѣленіе книги по содержанию (I. Журналы и сборники. II. Языкознаніе. III. Исторія славянскихъ литературъ до конца XVIII вѣка. IV. Этнографія. V. Древности), а не по народностямъ (подъ-отдѣлы по народностямъ) мнѣ представляется чрезвычайно удобнымъ: это дѣленіе позволяетъ ввести въ указатель обзоръ книгъ общаго содержанія (по языкознанію, этнографіи, древностямъ), несвязанныхъ съ опредѣленной славянскою народностью, по имѣющимъ интересъ для славянскаго филолога. Резюмэ моей замѣтки таково: было бы желательно, чтобы продолжали свое существованіе оба изданія, но оба болѣе систематично: отъ чешскаго будемъ ждать рефератовъ и указаній не только спеціальнаго, но и общаго содержанія, а академическій указатель пусть даетъ намъ самые полные перечни книгъ и статей по славянской и, прибавимъ, литовской филологіи.

А. Негодкинъ.

Отвѣтъ г. Чечулину.

Въ январьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* напечатана большая рецензія на мою книгу „Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II“. Рецензія принадлежитъ г. Чечулину.

Автору всегда полезно выслушать замѣчанія на свой трудъ, хотя бы отзывъ былъ суровъ и требователенъ. Но для этого необходимо, чтобы критикъ былъ самъ силенъ въ соотвѣтствующей области и къ своей задачѣ отнесся сознательно. Указанныхъ достоинствъ пѣтъ въ рецензіи г. Чечулина. Съ одной стороны его замѣчанія совпадаютъ, тамъ гдѣ можно съ ними спорить, съ замѣчаніями на мою книгу пр.

Латкина, съ другой стороны въ оригинальной своей части страдают безсодержательностью и отсутствіемъ необходимаго знакомства съ предметомъ.

Г. Чечулинъ обвиняетъ меня въ крайней легкости изложенія (стр. 171, 177). Конечно, если г. Чечулинъ считаетъ преимуществомъ писать неудобопонятнымъ и тяжелымъ языкомъ, то спорить трудно: это дѣло вкуса.

Далѣе мой критикъ самостоятельно ставитъ мнѣ на видъ то, что я не выяснилъ, какими вообще учрежденіями производился судъ и надзоръ въ Россіи въ восемнадцатомъ столѣтїи (стр. 170). Эти вопросы уже достаточно выяснены въ трудахъ Дмитріева, Вицина и Кавелина. Повторять зады только для того, чтобы доставить удовольствіе г. Чечулину и заслужить его одобреніе при такихъ условіяхъ, мнѣ не представлялось особенно заманчивымъ.

Г. Чечулинъ укоряетъ меня въ ненаучности моихъ отзывовъ о нѣкоторыхъ взглядахъ покойнаго Градовскаго на елизаветинскій сенатъ (стр. 177). Укоры эти голословны. Вообще я вовсе не думалъ умалять въ своей книгѣ научный авторитетъ Градовскаго; я указалъ только на то, что трудъ его „Высшая администрація въ Россіи въ XVIII столѣтїи и генераль-прокуроры“, написанный въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ уже устарѣлъ для нашего времени. Кромѣ того и на солнцѣ имѣются пятна. Градовскій, напримѣръ, полагалъ, что елизаветинскій сенатъ былъ проникнутъ гуманными идеями и подъ вліяніемъ ихъ фактически уничтожилъ смертную казнь, отмѣнилъ отрубленіе руки, налагаемое тяжкимъ преступникамъ взамѣнъ смертной казни, освободилъ малолѣтнихъ до 17 лѣтъ отъ пытки и тяжелыхъ наказаній, женщинъ — отъ рванья ноздрей и клейменія.

Даваемое этимъ мѣрамъ объясненіе со стороны Градовскаго ошибочно и исходитъ изъ нѣкоторой предвзятости въ отношеніи прошлаго нашего высшаго государственнаго установленія.

Прежде всего Градовскій ошибался въ пониманіи роли сената при отмѣнѣ смертной казни въ Россіи. Сенатъ вовсе не былъ инициаторомъ этого гуманнаго нововведенія и, наоборотъ, по данному поводу сталъ даже въ нѣкоторую оппозицію съ дѣйствительно гуманными намѣреніями Елизаветы Петровны. Въ самомъ дѣлѣ, еще до изданія указа 17-го мая 1744 г. о неисполненіи смертныхъ приговоровъ до указа сената, послѣдній, обсуждая въ октябрѣ 1743 г. вопросъ о скопленіи массы колодниковъ, подлежащихъ смертной казни, при-

нялъ во вниманіе выраженное императрицей въ указѣ желаніе смертную казнь не примѣнять. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ представить государынѣ всеподданнѣйшее мнѣніе въ томъ смыслѣ, что: „ворамъ, разбойникамъ, смертнымъ убійцамъ, воровскихъ денегъ мастерамъ... *натуральную смерть чинить надлежитъ*“¹⁾. Сенатъ опасался, какъ бы отмѣна смертной казни не умножила преступности, а потому и выступилъ противникомъ гуманизации наказанія съ этой стороны.

Не велика заслуга сената и въ отношеніи освобожденія отъ смертной казни и тяжкихъ наказаній малолѣтнихъ преступниковъ до 17-ти лѣтъ. Инициатива этого освобожденія равнымъ образомъ принадлежитъ не сенату, а Елизаветѣ Петровнѣ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ сенатскаго указа 18-го іюля 1744 г.: „Правительствующій сенатъ, будучи со Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ въ конференціи, и по слѣв Ея Императорскаго Величества указа, записаннаго въ Сенатъ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества октября 15-го дня прошлаго 1742 г. слушалъ...“²⁾.

Ошибочно приписалъ Градовскій сенату гуманныя побужденія въ дѣлѣ освобожденія тяжкихъ преступниковъ отъ отрубленія руки и отъ рванья поздрей и клейменія. Въ данномъ случаѣ сенатомъ руководили соображенія не гуманности, но цѣлесообразности. По поводу отсѣченія преступникамъ правой руки взамѣнъ смертной казни сенатъ въ докладѣ своемъ императрицѣ прямо указалъ на нецѣлесообразность подобной мѣры въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „такіе безрукіе ни къ какимъ уже работамъ дѣйствительны быть не могутъ, но токмо тунѣ получать себѣ будутъ пропитаніе“. Въ виду этого сенатъ предполагалъ освобождаемымъ отъ смертной казни каторжникамъ „рукъ не сѣчь, дабы они способнѣе въ работу употребляемы быть могли“³⁾. Точно также отсутствіе опасности побѣговъ со стороны преступницъ, ссылаемыхъ въ отдаленныя мѣста Сибири, побудили сенатъ приостановить рванье поздрей этимъ жепщинамъ и ихъ клейменіе⁴⁾.

Г. Чечулинъ совѣтуетъ мнѣ читать полное собраніе законовъ немного далѣе той эпохи, которую я избралъ предметомъ своего изслѣдованія. Я же со своей стороны посовѣтовалъ бы г. Чечулину читать

¹⁾ Сенатскій архивъ, т. V, стр. 650—651.

²⁾ П. С. З. № 8096.

³⁾ П. С. З. № 10087.

⁴⁾ П. С. З. № 10686.

именно документы той эпохи, относительно которой онъ берется разсуждать. Это дало бы ему возможность обосновывать свои сужденія, а не произносить ихъ голословно въ надеждѣ на снисходительность своихъ читателей. Это же удержало бы, вѣроятно, г. Чечулина отъ никому ничего не дающей защиты мнѣній Градовскаго противъ моихъ мнимыхъ нападокъ.

Переходимъ въ упреку, будто бы я неточно пользуюсь собственными матеріалами. Г. Чечулинъ дѣлаетъ этотъ упрекъ по поводу моихъ словъ, что по дѣлу о наѣздѣ Переверзева на имѣніе Давыдовой сенатъ „даже не вошелъ въ обсужденіе вопроса о томъ, подлежитъ ли майору Переверзевъ какому либо взысканію за свои поступки“. Въ моихъ же матеріалахъ г. Чечулинъ нашелъ, что по указанному дѣлу сенатъ предписалъ губернской канцеляріи „разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить на основаніи законовъ“, и потому восклицаетъ: „что же еще долженъ былъ сдѣлать сенатъ по мелкому частному дѣлу?“ (стр. 175). Восклицая такимъ образомъ, г. Чечулинъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ тѣмъ предметомъ, относительно котораго онъ берется судить. Прежде всего „наѣздъ“ съ грабежомъ, избіеніемъ и уводомъ крестьянъ г. Чечулинъ называетъ мелкимъ частнымъ дѣломъ. Очевидно, почтенный критикъ придерживается взгляда, что за всякимъ тычкомъ не угонишься. Но это его личный взглядъ. Въ данномъ же случаѣ мы сталкиваемся не съ частнымъ, а съ уголовнымъ дѣломъ. Наѣзды были распространены въ то время и являлись крупнымъ общественнымъ зломъ, между тѣмъ сенатъ, постановляя свое рѣшеніе, отнесся къ дѣлу Давыдовой невнимательно; онъ не только взглянулъ на него какъ на гражданскую частную тяжбу, но кромѣ того постановилъ по жалобѣ Давыдовой „сыскивать съ кого надлежитъ“. Кто знакомъ съ бытовыми и правовыми условіями жизни XVIII столѣтія, тотъ знаетъ, что наѣзды совершались дворовыми и крестьянами, а не самими помѣщиками. А потому и взысканію подлежали эти люди, а не дѣйствительные виновники ¹⁾. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ Давыдова жаловалась на Переверзева, и сенатъ предписывалъ искать виновныхъ. Все это, очевидно, не было принято г. Чечулинымъ во вниманіе, потому что онъ вошелъ въ область, ему неизвѣстную.

Г. Чечулинъ нападаетъ на меня за то, будто бы я не признаю никакого надзора въ Россіи до проведенія петровскихъ реформъ и учрежденія фискалата. Но дѣло въ томъ, что я говорю о математи-

¹⁾ П. С. З. № 13270.

чески организованномъ надзорѣ. (См. стр. 5 „Высшаго суда и надзора“). Что же касается до того, что несистематизированный случайный дореформенный надзоръ почти сводился къ нулю, объ этомъ говорить цѣлый рядъ изслѣдователей, которымъ даже крайне требовательный г. Чечулинъ не откажетъ въ своемъ признаніи. Эти авторы проф. Сергѣевичъ, Чичеринъ, Лаппо-Данилевскій и даже тотъ же Градовскій.

„Единственнымъ средствомъ, сдерживать произволъ должностныхъ лицъ, напримѣръ, говоритъ Градовскій, была частая смѣна ихъ, средство обыкновенное въ государствахъ, не имѣющихъ другихъ способовъ и поводовъ надзора. При сдѣлчѣ должности обыкновенно открывались злоупотребленія, которыя и влекли за собой отвѣтственность. Зародыши правильного контроля (были) до такой степени слабы, что ихъ можно было считать скорѣе отдѣльными вспышками царскаго недоверія, чѣмъ истинно служебнымъ элементомъ“ ¹⁾.

„При такомъ положеніи вещей, замѣчаетъ В. П. Сергѣевичъ по поводу организаціи управленія древней Руси, не могли возникнуть ни самостоятельность суда, ни подзаконность управленія, ни отвѣтственность правительственныхъ лицъ“ ²⁾. То же самое признаетъ и Чичеринъ. Разбирая дѣятельность областныхъ учреждений, почтенный ученый говоритъ: „недостатокъ юридическихъ формъ и строгаго контроля со стороны центральнаго правительства давали имъ (воеводамъ) возможность употреблять свою власть во зло“ ³⁾.

Чего же трбууетъ отъ меня г. Чечулинъ? Я вовсе не утверждаю, какъ то говоритъ онъ, будто бы московское государство представляло собою какое-то „разлагающееся скопище“! Я настаиваю на томъ лишь, что XVII вѣкъ въ Россіи вслѣдствіе отсутствія строгаго и правильнаго надзора—былъ эпохой крайняго произвола со стороны органовъ управленія. То же самое, какъ было указано выше, признаетъ Градовскій; у Чичерина въ „Областныхъ учрежденіяхъ“ злоупотребленія являются существенной чертой въ общей характеристикѣ управленія того времени ⁴⁾. Наконецъ, г. Лаппо—по поводу поведенія воеводъ говоритъ: „но ни угрозы, ни слѣдствія, ни наказанія провинившихся не прекращали возраставшихъ злоупотребле-

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. I, стр. 76.

²⁾ Русскія юрид. древн. т. II, вып. 2, стр. 416, 417.

³⁾ Областныя учрежденія, стр. 337.

⁴⁾ Ibid. Стр. 310, 500, 544.

ній“¹⁾. „Воеводы все еще нерѣдко смотрѣли на свою должность какъ на источникъ чисто-хозяйственныхъ доходовъ, тѣмъ болѣе, что и само правительство въ исключительныхъ случаяхъ не чуждо было той же точки зрѣнія“²⁾. Такимъ образомъ, то, что г. Чечулинымъ отрицается въ качествѣ моего мнѣнія, является общимъ мнѣніемъ цѣлаго ряда выдающихся ученыхъ, съ которыми нужно считаться не съ помощью одного голословнаго признанія или отрицанія, смотря по личнымъ симпатіямъ, какъ то дѣлаетъ г. Чечулинъ.

Но буду долго останавливаться на любезномъ указаніи моего критика указа 1726 г. относительно сборовъ съ просителей въ пользу служителей нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ. Въ свою очередь позволю себѣ указать г. Чечулину, что указъ 1726 г. вовсе не представляетъ собою общаго закона по данному предмету, какъ думаетъ мой критикъ, но лишь частнымъ примѣненіемъ общихъ правилъ, узаконенныхъ генеральнымъ регламентомъ въ XXXIX этого памятника. Слѣдовательно, установленіе упомянутыхъ сборовъ относится къ 1720 г., а не 1726 г., при чемъ самые сборы получили наименованіе „акциденцій“. О значеніи акциденцій и всей ихъ исторіи г. Чечулинъ могъ бы почерпнуть свѣдѣнія изъ моей статьи въ „Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ“. (Т. I, вып. 1, стр. 292).

Въ заключеніе одно маленькое замѣчаніе. Мою книгу г. Чечулинъ сравниваетъ съ книгами Троцины и Михайлова. Но трудъ Троцины представляетъ собою лишь подробный указатель къ Полному собранію законовъ, а работа Михайлова, хотя и беретъ матеріалъ шире, но является простымъ конспектомъ подлежащихъ указовъ и законовъ. Г. Чечулинъ не потрудился принять въ расчетъ различіе задачъ Троцины и Михайлова съ моимъ изслѣдованіемъ.

В. Грибовскій.

къ отвѣту г. Грибовскаго.

И послѣ возраженій г. Грибовскаго на мой разборъ его книги я не могу, по совѣсти, взять назадъ ни одного изъ своихъ замѣчаній. Г. Грибовскій сказалъ въ отвѣтъ мнѣ довольно много, но направилъ свои возраженія не противъ всѣхъ, даже не противъ главныхъ моихъ

¹⁾ Организация прямого обложенія въ Моск. государствѣ, стр. 346.

²⁾ Ibid. 343.

замѣчаній, а противъ совершенно второстепенныхъ, да и при этомъ— все-таки, по моему убѣжденію, онъ ничего не доказалъ и ничего не опровергъ.

Почти треть своего отвѣта г. Грибовскій посвятилъ доказательству того, что въ двухъ—трехъ своихъ замѣчаніяхъ объ елизаветинскомъ сенатѣ Градовскій не правъ. Но какое отношеніе это имѣетъ къ моей рецензій? Это В. Н. Латвингъ на диспутѣ г. Грибовскаго имѣлъ съ нимъ споръ какъ разъ по этому вопросу; а у меня въ рецензій сказано только, что книга г. Грибовскаго „является настоящимъ антиподомъ“ по своимъ научнымъ достоинствамъ книги Градовскаго и что изученіе книги Градовскаго „дастъ гораздо болѣе свѣдѣній объ истинномъ значеніи екатерининскихъ реформъ, чѣмъ чтеніе книги г. Грибовскаго“, не говоря уже „объ общемъ духѣ научности и о широкой постановкѣ вопросовъ у Градовскаго“. Какимъ же образомъ явилось бы опроверженіемъ моихъ словъ то обстоятельство, что въ двухъ—трехъ лучаихъ правъ г. Грибовскій, а не Градовскій—пусть такъ; я далъ вой отзывъ не на основаніи тѣхъ мѣстъ книги Градовскаго, какія опровергають г. Грибовскій, и никакой „никому ничего не дающей защиты мнѣній Градовскаго противъ мнимыхъ нападокъ“ г. Грибовскаго я въ своей рецензій не давалъ.

Затѣмъ г. Грибовскій пишетъ: „переходимъ къ упреку, будто бы я неточно пользуюсь собственными матеріалами“. У меня упрекъ поставленъ болѣе обще—въ неправильномъ и поверхностномъ пользованіи матеріалами вообще—и приведено этому ни много ни мало 13 примѣровъ (стр. 173—176), при чемъ два изъ нихъ взяты изъ „матеріаловъ“, напечатанныхъ самимъ же г. Грибовскимъ. Г. Грибовскій возражаетъ противъ *одного* моего указанія. Если бы даже онъ вполне опровергъ меня въ этомъ случаѣ, то кто, все-таки, призналъ бы, что онъ доказалъ неосновательность моего упрека вообще? Но и этого нѣтъ. Г. Грибовскій выдвигаетъ главнымъ образомъ, что я сказалъ о наѣздѣ съ грабежомъ: „что же оставалось дѣлать сенату по мелкому частному дѣлу?“ и толкуетъ мои слова въ томъ смыслѣ, будто я грабежъ призналъ дѣломъ „гражданскимъ“. Между тѣмъ, какъ я употребилъ слово „частный“, какъ синонимъ словъ „единичный“, „отдѣльный“,—хотя, кажется, и противъ употребленія каждаго изъ этихъ словъ, при желаніи, можно было бы возразить. Но и помимо этого г. Грибовскій снова не правъ. Онъ опять обвиняетъ сенатъ въ томъ, что онъ „предписалъ искать виновныхъ“, хотя Давыдова жаловалась на Переверзева. Ну, такъ что-жь? Развѣ жалоба есть доказа-

тельство вины обвиняемаго?! Вѣдь бываютъ не только неосновательныя жалобы, но и оклеветанія.

Дальше г. Грибовскій стремится доказать, что онъ не отрицалъ несистематическаго, случайнаго надзора и въ XVII вѣкѣ; но на стр. 5 его книги, которую онъ цитируетъ въ подтвержденіе своихъ словъ въ отвѣтъ, читаемъ, что ко времени учрежденія сената „относятся первые намеки на правильно организованный надзоръ“—значить, онъ и теперь отрицаетъ даже *первые намеки* на правильный надзоръ въ Московскомъ государствѣ, къ тому же—въ первомъ своемъ выводѣ онъ пишетъ: „первый толчокъ установленія въ Россіи подчиненнаго высшаго суда и надзора за законностью былъ данъ Петромъ Великимъ“ (II—III). Я нисколько не удивляюсь, что г. Грибовскій нашелъ теперь замѣчанія даже у изслѣдователей, если не въ источникахъ, заставившихъ его признать, что неправильно отрицаніе надзора въ XVII вѣкѣ; но въ книгѣ его, о которой я писалъ, онъ говоритъ такъ, что нельзя было не возражать ему. Приводитъ дальше г. Грибовскій мнѣнія нѣсколькихъ ученыхъ о господствѣ произвола и неправды въ XVII вѣкѣ; надо ли это доказывать? Но неужели одно и то же признаніе фактовъ и та тирада, которою начинается г. Грибовскій свою книгу? Я не противъ фактовъ возражалъ,—противъ нихъ возражать было бы невозможно уже потому, что ихъ ни одного нѣтъ у г. Грибовскаго, а именно—противъ формы, противъ неточностей, какими она наполнена. Я имѣлъ въ виду при этомъ и привелъ въ своей рецензій—и другіе примѣры, съ полною ясностью—въ моихъ глазахъ, но крайней мѣрѣ—доказывавшіе малое знакомство г. Грибовскаго съ древне-русскою жизнью. Мнѣ пришлось тутъ, между прочимъ, коснуться и чисто юридическаго вопроса (179—180)—къ сожалѣнію, это мѣсто моей рецензій г. Грибовскій обошелъ молчаніемъ...

Моя указанія, касающіяся „акциденцій“, имѣли совершенно не тотъ характеръ и смыслъ, каковой стремится придать имъ г. Грибовскій. Я указывалъ, что неправильно видѣть что-то „чрезвычайно любопытное для характеристики эпохи“ 70-хъ и 60-хъ годовъ XVIII вѣка въ такихъ словахъ сената, которыя являются просто примѣненіемъ законодательнаго распоряженія, изданнаго въ 1726 г., не упоминая, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ давно установленнымъ порядкомъ. А г. Грибовскій говоритъ, что акциденція установлена не въ 1726 г., а въ 1720, Генеральнымъ регламентомъ, и что онъ писалъ о нихъ въ „Словарѣ“ гг. Филипова и Волкова. Въ „Словарѣ“ дѣйствительно онъ объ этомъ написалъ и написалъ вѣрно,—

по въ „Генеральномъ регламентѣ“ глава объ акциденціяхъ настолько характерна и настолько не относится къ тому факту, по поводу котораго зашла у насъ рѣчь съ г. Грибовскимъ (ср. стр. 76 и 157 его книги и стр. 173—174 моей рецензіи), что я позволю себѣ привести ее здѣсь всю, отъ первой буквы до послѣдней. „Глава XXXIX. О акциденціяхъ или доходахъ за труды. Какъ коллегіи, а особливо канцеляріи впередъ нѣкоторыя акциденціи или доходы получаютъ, и въ чемъ оныя состоятъ могутъ, о томъ Его Царское Величество по Всемилостивѣйшему свосму благоизобрѣтенію впредъ особый регламентъ выдать изволить. И позволяеть Его Царское Величество коллегіямъ самимъ удобные способы о томъ (напримѣръ) въ дополненіе включить“. Тутъ, очевидно, акциденціи предполагаются, какъ такъ называемыя спеціальныя средства учрежденій. Развѣ это хоть сколько-нибудь похоже на лишеніе всѣхъ служащихъ въ нѣсколькихъ коллегіяхъ ниже членовъ коллегіи, жалованья и на предоставленіе имъ содержанія исключительно акциденціями?

Я не сравнивалъ книгу г. Грибовскаго съ книгами Михайлова и Троцины, а только характеризовалъ первую тѣми же словами, какими ее авторъ характеризовалъ двѣ другія. И хотя бы дѣйствительно книга Троцины являлась лишь „подробнымъ указателемъ къ полному собранію законовъ“—хотя это вовсе не вѣрно—и тогда бы соединеніе или несоединеніе ее въ одну группу съ книгою г. Грибовскаго зависѣло бы все-таки только отъ достоинства той и другой.

Я не желаю оставлять безъ отвѣта ни одной части въ возраженіи на свою рецензію, чтобы не казалось, будто я обхожу то или другое заключеніе моего оппонента. Поэтому я скажу еще, что онъ очень неточенъ, говоря, что пришлось бы только повторять зады, если бы онъ сталъ говорить, „какими вообще учрежденіями производился судъ и надзоръ въ Россіи въ XVIII столѣтіи“. Еще очень и очень надо поработать, чтобы изучить и обрисовать компетенцію и дѣятельность высшихъ учреждений Россіи въ ту эпоху.

Н. Чечулинъ.

Книжныя новости.

Архивъ князя О. А. Куракина. Книга добътая, изданная почетнымъ членомъ Археологическаго института княземъ О. А. Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Столянинова. 1902. Астрахань. Стр. VI+505. Цѣна 4 рубля.

По образцу предшествовавшихъ книгъ этого изданія девятая книга состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ продолжается печатаніе бумагъ князя Бориса Ивановича Куракина, между которыми есть и дипломатическія бумаги, и частныя письма державныхъ особъ, императора Петра Великаго и его супруги Екатерины Алексѣевны. Во второмъ отдѣлѣ помѣщаются бумаги князя Александра Борисовича Куракина, главнымъ образомъ его частная переписка. Оба отдѣла имѣютъ несомнѣнную важность для исторіи царствованія Петра Великаго и Екатерины II и значительный интересъ для всѣхъ занимающихся изученіемъ внутренней жизни и частнаго быта русскаго общества въ XVIII вѣкѣ. Имѣя однородное содержаніе съ предшествующими томами, настоящій 9-й томъ отличается однако болѣею живостью и разнообразіемъ сюжетовъ переписки и потому пересматривается съ большимъ интересомъ. Любопытны въ частности письма епископа Ростовскаго Самуила и всѣхъ семейныхъ корреспондентовъ князя А. В. Куракина.

Нѣтъ сомнѣнія, что и 9-й томъ займетъ въ почетномъ изданіи столь же достойное мѣсто, какъ и прочіе томы, ставшіе виднымъ въ Россіи археографическимъ явленіемъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ.

— *Каленовъ, П. А.* Будда. Поэма. Философскія статьи. Посмертное изданіе. Съ портретомъ и біографіей. Москва 1902. XXII+236 стр. Цѣна 1 р. 60 к.

— *Шиллеръ.* Два Пикколомини. Смерть Валленштейна. Покрытый идолъ въ Салцѣ. Переводъ П. А. Каленова съ приложеніемъ его статьи „Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи“ и предисловіемъ П. Н. Миллюкова. Посмертное изданіе. Москва 1902. XXIV+327 стр. Цѣна 1 р. 75 к.

— *В. Кс.* Новое русское правописаніе. Опытъ рациональной орфографіи. I. Введеніе. Орелъ 1900. 19 стр. Цѣна 15 коп.

— *Мандесъ, М.* Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора. Отношеніе Діодора къ Геродоту и Фукидиду. Одесса 1901. XX+479 стр.

— *Торасенковъ, А.* Последніе дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника, доктора. Изданіе второе, дополненное по рукописи. Москва 1902. 33 стр. Цѣна 30 к.

— *Рыдигъ, В. К.* О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ „Шестоднева“ Іоанна, везарха волгарскаго. Москва 1902. 23 стр.

— *Ею же.* КРИТИЧЕСКІЙ ГАЗВОРЪ НАУЧНЫХЪ ИССЛЕДОВАНІЙ. Харьковъ 1902. 5+5 стр.

— *Ею же.* ДВАДЦАТИНАТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ 1902. 14 стр.

— *Петровъ, Д. К.* Очерки вытового театра Лопе-де-Веги. С.-Пб. 1901. V+458+78 стр. (Записки историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Часть LX).

— *Комаровъ, В. Л.* Флора Маньчжуріи. Томъ I. С.-Пб. 1901. 559 стр.

— *Ланто-Дамилевскій, А. С.* и *Миклашевскій, И. Н.* МАТЕРІАЛЫ и исследования по исторіи мостовыхъ и рѣшетчатыхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. С.-Пб. 1902. X+73 стр. Цѣна 80 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ V, № 4).

— Сборникъ музея антропологии и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1901. 10 стр. VI таблица. Цѣна 40 коп.

— Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ шестьдесятъ девятый. С.-Пб. 1901. LXI+191+III+646+II+126+54 стр. Цѣна 2 р. 50 к. Томъ семьдесятый. С.-Пб. 1902. XXX+18+IV+404+21+II+212+114+XV+216 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— *Кондаковъ, Н. П.* Памятники христіанскаго искусства на Афонѣ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ съ 49 фототипіями и 103 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1902. 312 стр. Цѣна 7 руб.

— *Литтль, Т.* Основы логики. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. О. Лосскою.* С.-Пб. 1902. VII+301 стр. Цѣна 1 руб. Изданіе *О. Н. Поповой.* (Образовательная бібліотека. Серія IV, №№ 7 и 8).

— *Завитиничъ, В. З.* Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ первый. Книга I. Молодые годы, общественная и научно-историческая дѣятельность Хомякова. Кіевъ 1902. XVI+866+XIII стр. Цѣна 3 р. Книга II. Труды Хомякова въ области богословія, отъ 867 до 1422+VIII стр. Цѣна 3 руб.

— *М. Ключковъ.* Указатель словъ и выраженій, встрѣчающихся въ судебникахъ 1497, 1550 и 1589 гг. Подъ редакціей *М. Дьяконова.* Юрьевъ, 1902. 26 стр.

— *Бусевскій, А.* Эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи. Выпускъ I. 1899. Вятка. 103 стр. Цѣна 30 к. Выпускъ II. 1902, отъ 104 — 197 + XI стр. Цѣна 50 к.

— *А. С. В—на.* Почитаніе Николая Можайскаго на Вяткѣ въ XVII вѣкѣ. Вятка 1902. 14 стр. Цѣна 10 к.

— Вятскій Успенскій монастырь при преподобномъ Трифонѣ. (По подлинному документу 1601 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. С. В—на.* Вятка 1902. XXVI+85 стр. Цѣна 25 к.

— Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію подъ редакціей *В. В. Битнера.* Донсторическій человекъ. Съ

80 рисунками, 6 картинами и 2 хромофотографированными таблицами. Въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб. 164 стр. Цѣна 2 руб.—Мозгъ, какъ органъ мышления. Съ 18 рисунками и 4 таблицами и 1 хромофотографией. С.-Пб. 68 стр. Цѣна 50 к.—Миръ въ вальдъ воды. Съ 43 рисунками. С.-Пб. 1902. 46 стр. Цѣна 50 к. Изданіе П. П. Соѣкина.

— Генеральной свѣдѣній о маетностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730 г. Изданіе редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губерніи“. (Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи подъ редакціей Н. П. Василенка). Вып. I. Черниговъ. 1902. VIII+417 стр. Цѣна 1 р.

— Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учреждений, съ раздѣленіемъ по матеріаламъ, на девятнадцать частей. Собрано въ Правительствующемъ Сенатѣ по малороссійской экспедиціи 1786 года. Изданіе редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губерніи“. (Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, издаваемые подъ редакціей Н. П. Василенка). Вып. II. Черниговъ 1902. IX+296 стр. Цѣна 1 руб.

— Дебольскій, Н. Н. Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. Исслѣдованіе. II. С.-Пб. 1902. 57 стр.

— Boguslawski, Edward. METHODE UND HILFSMITTEL der Erforschung der vorhistorischen Zeit in der Vergangenheit der Slaven. Aus dem Polnischen übersetzt von W. Osterloff. Berlin 1902. VI+144 стр.

— Dubois, Ernest et Julin, Armand. Les moteurs électriques dans les industries à domicile. I. L'industrie horlogère Suisse. II. Le tissage de la soie à Lyon. III. L'industrie de la rubanerie à Saint-Etienne. Rapport, présenté à M. le Ministre de l'Industrie et du Travail. Bruxelles. 1902. 292 стр. (Royaume de Belgique. Ministère de l'Industrie et du Travail. Office du Travail).

— Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). С.-Пб. Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна 1 р. 50 к. 410 стр. (Сочиненія, т. X).

— Таннери, П. ПЕРВЫЕ ШАГИ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ НАУКИ. Переводъ Н. Н. Полюмосой, С. И. Церетели, профессоровъ Э. Л. Радлови и Г. Ф. Церетели съ предисловіемъ проф. А. И. Введенскаго. С.-Пб. 1902. XI+330+119. Цѣна 2 р.

— Мляковъ, Н. В. Милости Божіи къ народу русскому и его правителямъ. Отъ татарскаго нашествія до нашихъ дней. С.-Пб. Изданіе П. П. Соѣкина. 199 стр. Цѣна 25 к. (Дешевая бібліотека „Русскаго Паломника“).

— Витовтъ, Ю. Руководство къ библиографическому описанію книгъ. Необходимое пособіе для бібліотекарей, владѣльцевъ бібліотекъ и бібліофиловъ. Изданіе антикварнаго книжнаго отдѣленія при магазинѣ древностей и рѣдкостей М. Я. Парадинова. М. 1902. II+IV+156+1 табл. Цѣна 2 р.

— Попруженко, М. Г. МАТЕРІАЛЫ для исторіи славянскихъ колоній въ Россіи. Одесса 1902. 40 стр.

— Дорофеевъ, Георгій. ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСТВА П. В. ГОГОЛЯ. Способы и приемы творчества. Идеаль творчества. Гоголь какъ юмористъ. Причины упадка его таланта. Значеніе Гоголя. (Отд. отд. изъ приложенія къ циркуляру по

управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1902 г. № 6). Цѣна 60 коп. Тифлисъ 1902. 89 стр.

— *Тарановскій, Ѳ. В.* СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВѢДѢНІЕ ВЪ КОНЦѢ XIX ВѢКА. Варшава 1902. 27 стр. Цѣна 25 к.

— *Котляревскій, С. А.* ФРАНЦИСКАНСКІЙ ОРДЕНЬ И РИМСКАЯ КУРІЯ ВЪ XIII И XIV ВѢКАХЪ. М. 1901. 389 стр. Цѣна 2 р.

— *Бѣлавенецъ, Митр. Ис.* Глиновѣдѣніе. Цѣна 5 к. Изданіе книжного склада „Глиновѣдѣніе“. С.-Пб. 1902. 8 стр.

— *Мокринскій, С. П.* НАКАЗАНИЕ, ЕГО ЦѢЛИ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ. Ч. I. Общее и специальное предупрежденіе преступленій. М. 1902. 1—157 стр. Ч. II. Значеніе результата. Томскъ 1902. Стр. 159—291. Цѣна за обѣ части 2 р.

— *Шнитцлеръ, Артуръ.* Часы жизни. Четыре одноактныхъ пьесы. Переводъ съ нѣмецкаго *О. Н. Поповой.* С.-Пб. 162 стр. Цѣна 1 р.

— *Илленико, А. Л.* ПРАВО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ. (Привилегіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ). Историко-догматическое изслѣдованіе. Т. I. С.-Пб. 1902. XIV+495 стр.

— *Перетцъ, В. Н.* ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII вѣка. С.-Пб. 1902. 4 пеп.+IV+426+186 стр.

— *Евзлинъ, З.* КОММЕРЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. Теорія и практика. С.-Пб. 1902. Цѣна 50 к. II+102 стр. („Самопомощь“. Библіотека коммерческихъ знаній. Серія Н. Выпускъ I).

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1901 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1902. 121 стр.

— *Сладкопѣвецъ, Петръ.* Древнія сирійскія обители и прославившіе ихъ св. подвижники. Два выпуска. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1902. 222 и 162 стр. Цѣна 40 к. за выпускъ.

— Сирія, Ливанъ и Палестина по В. Кюмпе. Выпускъ IV. Сирійскій влѣтъ (продолженіе). Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1901. 58 стр.

— *Дьячковъ-Тарасовъ, А. Н.* АВАДЗЕКИ. (Историко-этнографическій очеркъ). Тифлисъ 1902. (Записки кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Книжка XXII, выпускъ 4).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

А. М. Лоазимъ. Отчествовѣдѣніе. Природныя условия, народное хозяйство, духовная культура и государственный строй Россійской Имперіи. Опыт учебной книги. 1901. Стр. 638. Цѣна 2 рубля.

По предположенію Высочайше утвержденной комиссіи, въ проектируемой средней школѣ общаго типа, въ V и VI классахъ назначается проходить курсъ географіи Россіи въ связи съ отчествовѣдѣніемъ. Содержаніе предполагаемаго курса географіи Россіи понятно уже само собою, такъ какъ географія составляетъ предметъ давній, установившійся; но нельзя того же сказать относительно отчествовѣдѣнія. Предметъ этотъ, въ смыслѣ учебной дисциплины, у насъ новый, и многіе педагоги даже отвергаютъ возможность найти для этого предмета матеріалъ обособленный и самостоятельный. Въ педагогической литературѣ первый высказался за отчествовѣдѣніе проф. Петри въ своемъ сочиненіи „Методы и принципы географіи“, хотя онъ и считаетъ этотъ предметъ университетскимъ; но если этотъ предметъ возможенъ въ университетѣ, то есть нѣкоторое основаніе и для введенія его въ средней школѣ, но конечно, при существованіи хорошо подготовленныхъ преподавателей. Что касается до содержанія его, то оно совершенно естественно выводится изъ конечной, или этической цѣли отчествовѣдѣнія, именно—воспитанія патріотизма. Патріотизмъ, какъ чувство, человѣку не врождено и пріобрѣтается суммою впечатлѣній, представленій и разнаго рода вліяній, получаемыхъ отъ физической природы, а равно и отъ людей, среди которыхъ человѣкъ родился и живетъ. Такимъ образомъ знаніе своего отчества составляетъ, такъ сказать, главнѣйшій источникъ для развитія патріотизма.

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Изъ предметовъ средней школы одна только географія наиболѣе знакомитъ учениковъ съ современнымъ положеніемъ отечества, поэтому географія Россіи и должна составлять фундаментъ и исходный пунктъ для отечествовѣдѣнія. Далѣе, расширеніе содержанія этого предмета можетъ совершаться только при помощи отечественной исторіи, преимущественно исторіи внутренней, или культурной, и періода ближайшаго къ настоящему времени; но изученіе этого послѣдняго отдѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ падаетъ на послѣдніе классы и притомъ отдѣлъ этотъ изучается и можетъ быть изучаемъ только элементарно и коротко ¹⁾).

¹⁾ Во французскихъ учебныхъ заведеніяхъ до 1880 г. преподаваніе географіи вообще и въ частности отечественной географіи стояло не высоко, такъ что во время франко-прусской войны французскіе офицеры оказались менѣе свѣдущими въ географіи своей страны, чѣмъ нѣмецкіе офицеры. Республиканское правительство обратило особенное вниманіе на преподаваніе географіи въ школахъ и притомъ не въ видахъ только приобрѣтенія знаній, но и въ видахъ главнымъ образомъ усиленія патріотизма; поэтому въ оффиціальныя регламентахъ и программахъ она признается какъ „le meilleur moyen de relèvement national“. Замѣчательно также, что со времени той же франко-прусской войны въ германскихъ учебныхъ заведеніяхъ для поддержанія патріотизма на той высотѣ, на которую онъ былъ поднятъ военными успѣхами, въ низшихъ школахъ и даже въ низшихъ классахъ гимназій сдѣлано было обязательнымъ такъ называемое „роднповѣдѣніе“ (Heimatskunde); предметъ этотъ существовалъ уже раньше, но изученіе его не поощрялось, вслѣдствіе того, что онъ поддерживалъ мѣстный патріотизмъ, бывшій долгое время въ Германіи предметомъ насмѣшекъ. Въ настоящее же время среди нѣмецкихъ педагоговъ и руководителей народнаго образованія господствуетъ мнѣніе, что патріотизмъ обще-германскій, государственный въ школахъ легче посадитъ въ томъ случаѣ, если въ учащихся пробужденъ мѣстный патріотизмъ (см. по этому вопросу „Die sozial-ethische Aufgabe der Heimatskunde“ von Paul Bergmann).

Не лишне также отмѣтить нижеслѣдующее: послѣ 1880 г. курсы географіи во Франціи значительно измѣнились по составу своего матеріала противъ прежнихъ учебниковъ. Едва ли не первый изъ учебниковъ, редактированный для лицеевъ и коллегій во исполненіе министерскихъ программъ отъ 1882—1885 г., принадлежитъ Levasseur'у подъ заглавіемъ „Précis de la géographie de la France avec ses colonies“. Paris. Изъ находящагося у насъ подъ руками 7-го изданія 1890 г. оказывается, что въ него вошли свѣдѣнія, кромѣ специально-географическихъ, изъ геологій, естественной исторіи, исторіи политической, статистики, коммерческой географіи, законовѣдѣнія. Впрочемъ, позднѣйшіе авторы, какъ, напримѣръ, Fonsci значительно сократили и упростили матеріалъ и сдѣлали учебники менѣе калейдоскопичными. Учебники же отечественной географіи для среднихъ школъ въ германскихъ государствахъ послѣ 1870 г. и нѣсколько ранѣе, согласно прогрессу географической науки, болѣе и болѣе освобождались отъ непрясудаго географіи матеріала и усовершенствованными методически сохраняютъ и до настоящаго времени по отношенію къ содержанію свой общеобра-

Поставленное въ выходномъ классѣ, отечествовѣдѣніе можетъ имѣть болѣе обширныя рамки и разнообразный матеріалъ, а въ среднихъ—этотъ предметъ необходимо долженъ получить меньшіе размѣры и неминуемо приближаться къ своей основѣ, именно къ географіи. Какъ сказано выше, отечествовѣдѣніе полагается на V и VI классы; при 7-ми лѣтнемъ курсѣ V-й классъ долженъ быть признакъ среднимъ, VI-й—старшимъ. Теперь естественно является вопросъ, въ какой степени и въ какую сторону должно быть направлено отечествовѣдѣніе—въ сторону ли исторіи или географіи. Схема конспекта отечествовѣдѣнія, преподаемая Высочайше утвержденною комиссіею, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что курсъ этотъ долженъ быть ближе къ основѣ географической, именно текстъ читается такъ: „V и VI классы. Географія Россіи въ связи съ отечествовѣдѣніемъ, имѣющимъ своею задачею болѣе подробное ознакомленіе съ отечествомъ, его территоріей, поверхностью, почвою, климатомъ, населеніемъ, путями сообщенія, торговлею и промышленностью, какъ добывающею, такъ и обрабатывающею, финансами и кредитомъ, вооруженными силами и народнымъ образованіемъ“. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* июль, 1901 г., стр. 123). Такимъ образомъ главное содержаніе его географическое, и только такіе пункты, какъ финансовое хозяй-

ствительный характеръ. Но въ Австро-Венгріи есть особенности. Тамъ географія уже съ давнихъ поръ получила названіе „отечествовѣдѣнія“ (*Österreichische Vaterlandskunde*), и въ нее уже введенъ матеріалъ, можно сказать, отчасти общій съ программой коллегій французскихъ лицеевъ; такъ, напримеръ, въ учебникѣ Umlauf't'a, одобренномъ министерствомъ для низшихъ и среднихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, введенъ § о конституціи въ управленіи, и въ находящемся у насъ подъ руками 2-мъ изданіи этого учебника этому § отведено 5 страницъ. Сверхъ того, въ этомъ же учебникѣ подробнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ нѣмецкихъ курсахъ, даются свѣдѣнія о линіяхъ жел. дорогъ. Въ другомъ болѣе распространенномъ учебникѣ Emmanuel'a Hannak'a „*Österreichische Vaterlandskunde für die oberen Klassen der Mittelschulen*“. Wien 1898. Zwölfte umgearbeitete Auflage, введенъ уже особый отдѣлъ подъ названіемъ статистики, именно: количество и плотность населенія, распредѣленіе населенія по національностямъ и по религіямъ. Затѣмъ матеріальная культура, т. е. народное хозяйство, духовная культура, именно школа и церковь и, наконецъ, обзорнѣе конституціи и администраціи. Этотъ отдѣлъ наиболѣе трудный въ географіи и скорѣе забываемый, но за то на изученіе его ученики затрачиваютъ не много времени, такъ какъ все въ немъ предлагается, такъ сказать, въ гомеопатическихъ дозахъ. Весь учебникъ состоитъ изъ 200 страницъ, изъ коихъ болѣе 100 отдѣлено на обзорнѣе всей исторіи Австріи, но которыя съ остальною частью учебника ничего не имѣютъ общаго и введены только потому, что преподаваніе исторіи и географіи находится въ однихъ рукахъ.

ство, наука, искусство и военныя силы могутъ быть отнесены къ исторіи.

Такое толкованіе текста конспекта вызывается еще слѣдующимъ соображеніемъ. По существующимъ программамъ, географія Россіи въ гимназіяхъ проходитъ въ IV классѣ, при двухъ урокахъ, слѣдовательно, на этотъ предметъ отводится вдвое меньше уроковъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Даніи, а между тѣмъ изученіе русскими учениками своей отечественной географіи съ ея разноплеменнымъ, разноязычнымъ и разновѣрнымъ населеніемъ, съ разнообразнымъ климатомъ, съ ея многочисленными географическими названіями, непривычными для русскаго слуха, требуетъ гораздо больше труда, чѣмъ изученіе своей географіи датчанами; поэтому неудивительно, если изученіе географіи нашего отечества въ гимназіяхъ даетъ неутѣшительные результаты.

По проскитированному новому учебному плану, географію Россіи предполагается проходить въ 3-мъ классѣ также при 2-хъ урокахъ. Нѣтъ нужды доказывать, что какъ бы ни была сокращена программа географіи, но обстоятельное изученіе ея при двухъ урокахъ, при малой развитости учащихся, невозможно, особенно, если имѣть въ виду черченіе картъ; на этомъ основаніи естественно заключить, что, при составленіи таблицы учебныхъ плановъ, имѣлось въ виду подробное прохожденіе географіи въ V и VI классахъ.

Какъ бы то ни было г. Ловягинъ съ своимъ трудомъ выступилъ навстрѣчу видамъ министерства, и поэтому къ его труду надо относиться съ большимъ сочувствіемъ и тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ ничего не существуетъ по этому предмету, кромѣ „Систематическаго сборника очерковъ по отечествовѣдѣнію“, изданнаго подъ редакцію генералъ-лейтенанта Фельдмана ¹⁾.

Но обратимся къ самому учебнику. Авторъ подраздѣляетъ его на 3 отдѣла. Первый озаглавленъ „Природныя условія“, второй—„Народное хозяйство“, третій—„Духовная культура и Государственный строй“.

Въ первый отдѣлъ входятъ слѣдующіе вопросы: Пространство и

¹⁾ Сборникъ этотъ былъ изданъ въ 1898 г. и предназначался служить руководствомъ по отечествовѣдѣнію для высшаго гимназическаго класса Александровскаго лиція. Въ этомъ же году онъ былъ рассмотрѣнъ въ учебномъ комитетѣ и признанъ весьма полезною книгою для чтенія, но совершенно непригодною служить учебникомъ. Въ настоящее время въ лицей одні статьи изъ этого сборника заучиваются лицевыми, другія прочитываются, а нѣкоторыя совершенно опускаются; слѣдовательно, сборникъ не считается въ лицей учебникомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

границы. Поверхность. Геологическое строение. Полезныя ископаемыя. Рѣки, озера, болота и почвенныя воды. Климатъ. Почва. Флора. Фауна. Населеніе: а) количество и плотность; б) антропологическое дѣленіе; в) лингвистическое дѣленіе и г) этнографическое дѣленіе. Такимъ образомъ по составу этотъ отдѣлъ совпадаетъ съ тою частью учебниковъ Россійской Имперіи, которую принято называть „Общимъ обзорѣмъ“. Но, несмотря на это совпаденіе, все-таки этотъ отдѣлъ нельзя назвать учебнымъ по разнымъ соображеніемъ.

Прежде всего мѣстами нарушается послѣдовательный порядокъ въ расположеніи матеріала. Такъ, геологическое строеніе земли изложено послѣ поверхности, тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать обратно, такъ какъ геологія особенно важна при изученіи рельефа страны. Въ § „Населеніе“ языки разсматриваются въ особой статьѣ отъ этнографіи какъ будто языкъ не составляетъ особенности племени. Далѣе, если вопросъ о геологическомъ строеніи долженъ быть вынесенъ въ курсъ, то не иначе, какъ въ самомъ элементарномъ видѣ. Авторъ поступилъ иначе. Вся статья, кромѣ таблицы, состоящая изъ трехъ съ половиною страницъ, извлечена слово въ слово, а мѣстами съ незначительными измѣненіями изъ статьи приватъ-доцента Полѣнова, помѣщенной въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Но г. Полѣновъ писалъ для людей зрѣлыхъ и знакомыхъ съ геологіею, о чемъ можно судить по тому, что онъ, не давая никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о геологическихъ эрахъ, системахъ, прямо приступаетъ къ описанію геологическихъ типовъ Россіи, и при томъ эти описанія горныхъ породъ часто смѣшиваются съ геологическою исторіею. Языкъ оригинальной статьи, конечно, не легкій. Чтобы судить, какой матеріалъ изъ геологіи предлагается ученикамъ 14—15 лѣтъ, достаточны слѣдующія выписки изъ начала §.

Стр. 5—6. „Наиболѣе древнія слоистыя горныя породы—гнейсы и кристаллическіе сланцы—выступаютъ на дневную поверхность только на окраинахъ Европейской Россіи: въ Финляндіи, на Уралѣ, Кавказѣ и въ южнорусской кристаллической полосѣ, окаймляя обширную великорусскую равнину. Приподнятыя въ окраинныхъ хребтахъ дѣйствіемъ горообразовательныхъ процессовъ и подвергшіяся сильнымъ перемѣщеніямъ, эти древнія горныя породы у подножія возвышенностей скрываются подъ болѣе новыми отложеніями, образуя дно или фундаментъ плоской блюдобразной котловины, выполненной осадками древнихъ геологическихъ эръ, прикрытыми, въ свою очередь, толщею новѣйшихъ наносовъ. Въ русской равнинѣ еще съ древнѣйшихъ гео-

логическихъ эпохъ не происходило значительныхъ перемѣщеній; поэтому слои разныхъ эпохъ здѣсь лежатъ почти горизонтально другъ надъ другомъ и древнѣйшіе часто не въ меньшей сохранности, чѣмъ позднѣйшіе*.

Но независимо отъ выписки изъ Пюльнова, составитель помѣстилъ схему, въ которой обозначены эры, системы и палеонтологическія свѣдѣнія. Сколько полезнаго извлекутъ изъ этой схемы ученики, прошедшіе только элементарный курсъ естественной исторіи, сказать трудно. Впрочемъ, § о геологическомъ строеніи можетъ быть опущенъ въ курсѣ безъ особеннаго вреда; но никакъ нельзя опустить вопроса о климатѣ. Ему посвящено 15 страницъ, и весь матеріалъ съ небольшими перемѣщеніями и съ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ градусовъ заимствованъ изъ того же словаря, именно изъ статьи проф. Воейкова; но и эта статья написана для зрѣлыхъ людей, поэтому преподавателю придется потратить не мало времени для того, чтобы сдѣлать ее вполне доступною и удобозапоминаемою для учениковъ.

Другія статьи книги: полезныя ископаемая, флора, фауна, населеніе также извлечены изъ соответственныхъ статей энциклопедическаго словаря, но, по самому своему предмету, онѣ не представляютъ большихъ трудностей, если только не имѣтъ въ виду обилія матеріала. Во всякомъ случаѣ, и эти статьи, равно какъ статья о почвѣ, составленныя не на основаніи Брокгауза, должны быть переработаны, т. е. приспособлены къ учебнымъ нуждамъ.

Недостатки въ другихъ §§ сводятся главнымъ образомъ къ тому, что составитель обходитъ свѣдѣнія, полученныя учениками изъ элементарнаго курса географіи. Такъ, въ первомъ же § составитель совершенно опустил перечень границъ, при чемъ въ примѣчаніи отсылаетъ учениковъ къ элементарному курсу географіи. Но такой порядокъ неудобенъ уже въ практическомъ отношеніи, а главное границы составляютъ вопросъ большой государственной важности и, слѣдовательно, въ отечествовѣдѣніи онѣ должны быть обозрѣны болѣе обстоятельно и при освѣщеніи фактами политическаго, а можетъ быть и экономическаго характера.

Такимъ же образомъ въ § „Поверхность“ опущены главныя возвышенности Европейской Россіи, что тѣмъ болѣе странно, что возвышенности многихъ другихъ государствъ перечислены, хотя и въ примѣчаніи. Въ § „Рѣки, озера, болота и почвенныя воды“ не поименовывается ни одного озера, кромѣ Байкала, а изъ рѣкъ только нѣ-

которыя, подходящія къ тому или другому изъ описываемыхъ типовъ, Такимъ образомъ въ подробномъ курсѣ географіи не пашли мѣста такія рѣки, какъ: Сѣверная Двина, Западная Двина, Нова, Волга, Донъ, Уралъ, Прутъ, Обь, Енисей и т. д., въ нихъ не оказалось никакихъ особенностей, и онѣ не подошли къ какому-либо типу. Если составитель полагаетъ, что ученики могутъ повторить всѣ эти рѣки съ бассейнами ихъ при помощи карты, то при такомъ взглядѣ и въ элементарномъ курсѣ можно было бы опускать и рѣки и озера, такъ какъ они нанесены на карты.

Сверхъ того, въ отдѣлѣ „Населеніе Россіи“ бросается въ глаза матеріалъ мелочной, статистической.

Такъ, на стр. 57—58 крупнымъ шрифтомъ напечатано слѣдующее: „Въ не-городскихъ поселкахъ Европейской Россіи на 1 домъ приходится около 7 жителей. Наиболѣе людными домами отличается Балтійскій край, гдѣ на 1 домъ приходится до 13 жителей. Всѣхъ жилыхъ построекъ въ не-городскихъ поселкахъ Европейской Россіи считается до 14½ милліоновъ, во всей же Имперіи не менѣе 20 милліоновъ. Большіе города Имперіи отличаются населенностью своихъ домовъ. Такъ, въ петербургскомъ домѣ въ среднемъ насчитывается 14 жилыхъ квартиръ, жителей въ нихъ 106, въ Москвѣ—5 жилыхъ квартиръ съ 49 жителями. На одну жилую квартиру въ Петербургѣ приходится приблизительно 3, въ Москвѣ 4 комнаты“.

Или же сообщается матеріалъ преждевременный и крайне специальный и даже неудобный въ воспитательномъ отношеніи. Такъ, на стр. 61, читаемъ: „По строенію черепа возможно нѣсколько дѣленій, особенно 1) по отношенію наибольшей ширины къ наибольшей длинѣ, принимаемой за 100: на долихоцефаловъ (длинноголовыхъ), мезоцефаловъ (среднеголовыхъ) и брахицефаловъ (узкоголовыхъ); 2) по большому или меньшему выступленію челюстей: на прогнатовъ (съ выступающей впередъ нижней челюстью) и ортогнатовъ. Въ отдаленной древности, судя по курганнымъ находкамъ, въ Европейской Россіи преобладали долихоцефальныя формы черепа. Съ теченіемъ времени, однако, стала возрастать брахицефалія, въ настоящее время являющаяся преобладающей“.

Стр. 62. „По не вполне еще точнымъ изслѣдованіямъ оказывается, что средний вѣсъ мозга у славянскихъ племенъ Россіи (1371 гр.; у великоруссовъ 1368 гр.; у поляковъ 1397) меньше, чѣмъ у неславянскихъ (1393 гр.), особенно у нѣкоторыхъ народностей кавказскихъ (осетинъ), финскихъ и тюркскихъ. Есть указанія на существованіе

расовыхъ вариаций въ строеніи мозговой поверхности (въ типахъ бороздъ)“.

Нижѣ сообщаются утомительныя, недоступныя даже для лучшей памяти подробности о языкахъ въ такомъ родѣ.

Стр. 63. „Къ иранской группѣ относятся пять языковъ: таджикскій—у осѣдлаго населенія Туркестана, персидскій—въ Закавказьѣ у границы съ Персією; татскій—въ Бакинской губерніи и южномъ Дагестанѣ (около 125 тыс.), какъ и у горскихъ евреевъ (120 тыс.) и тальшинцевъ (около 50 тыс.), курдскій—въ пограничныхъ округахъ средняго Закавказья, осетинскій—вокругъ верховьевъ и средняго теченія Терека (около 70 тыс.)“.

Стр. 65. „Главнѣйшіе изъ тюркскихъ народовъ: 1) якуты (около 230 тыс.), говорящіе на древнетюркскомъ языкѣ; 2) алтайцы (горные или бѣлые калмыки), теллуты и теленгеты (около 25 тыс.), говорятъ также на чисто тюркскомъ древнемъ языкѣ; 3) отатарившіеся енисейцы и самоѣды верхней Оби, около 100 тысячъ; 4) западно-сибирскіе татары (въ Тобольской губ.) и барабинцы, около 40 тысячъ, смѣшаннаго тюрко-угорскаго происхожденія“ и т. д. до 19-ти пунктовъ.

Вводя кефалометрію и другія свѣдѣнія безусловно сомнительнаго достоинства, составитель упустилъ изъ виду матеріалъ болѣе важный, вполне понятный и всецѣло отвѣчающій задачамъ отечествовѣдѣнія, именно о значеніи главныхъ народностей, населяющихъ Россію, преимущественно великороссовъ, ихъ историческую роль въ устройствѣ государства и въ колонизаціи. Затѣмъ характеристики иноплеменныхъ народностей, по крайней мѣрѣ, культурныхъ и т. п.

Правда, около 3 стр. (67—69) посвящается обзорнѣю русскихъ нарѣчій, топографіи ихъ, но этотъ матеріалъ малоцѣнный въ смыслѣ характеристики русскаго населенія.

Наконѣцъ, нельзя не отнести къ числу недостатковъ пренебреженіе составителя къ исторіи. Какія бы ограниченныя свѣдѣнія ни получили ученики при изученіи исторіи въ низшихъ классахъ, по свѣдѣнія ихъ всегда могутъ служить канвою для болѣе широкаго истолкованія тѣхъ или другихъ сторонъ въ предметѣ. Недостатокъ этого матеріала чувствуется уже на первой страницѣ, гдѣ мы читаемъ:

„Изъ разсмотрѣнія границъ Имперіи можно вывести, что Россія находится все еще въ періодѣ непрерывнаго роста, вслѣдствіе чего ни искусственныя (договорныя), ни естественныя границы (горы, воды) не являются для нея непреодолимыми преградами для расширенія“... Это мѣсто получитъ смыслъ только тогда, когда ученикамъ будетъ

объяснено, что каждое государство есть какъ бы живой организмъ и что, какъ таковое, оно имѣетъ свои періоды развитія; но зачѣмъ же направлять учениковъ въ область философско-соціологическую, когда у нихъ подъ руками есть факты, которые могли бы доказать имъ причину роста территоріи. Такимъ ближайшимъ примѣромъ могло бы служить напоминаніе, напримѣръ, о завоеваніи Туркестана, поводомъ къ которому послужило охрапленіе центра, а затѣмъ охраненіе племъ покоренныхъ народовъ. Такимъ образомъ уяснились бы и причины расширенія границъ, съ одной стороны, а съ другой освѣтились бы новымъ свѣтомъ военные подвиги Чершяева, Кауфмана и Скобелева.

Очеркъ водъ въ настоящемъ видѣ, какъ сказано выше, вялъ и скученъ, но онъ получилъ бы особенный интересъ и жизненность, если бы, хотя бы въ силу этого, было очерчено культурное историческое значеніе Днѣпра и Волги.

Что касается до точности сообщаемыхъ свѣдѣній, то можно сказать, что эта сторона въ разсматриваемомъ отдѣлѣ не особенно страдаетъ, но, во всякомъ случаѣ, въ учебникѣ встрѣчается нѣчто недоговоренное, не точно освѣщенное, а мѣстами попадаются положительные ошибки. Для примѣра отмѣчаемъ.

Стр. 1. „По меридіану, идущему черезъ Кушкнскій постъ, протяженіе Россіи почти вдвое короче, чѣмъ по параллели, проведенной черезъ крайнюю западную точку“. Если преподаватель почему-либо не обратитъ вниманія на Кушкнскій постъ и если у учениковъ подъ руками находится весьма распространенный атласъ Ильина, то они никакъ не узнаютъ, гдѣ находится этотъ постъ и тѣмъ болѣе, что р. Кушка не упоминается ни въ элементарномъ учебникѣ географіи, ни въ настоящемъ.

Стр. 4. „Уральскій хребтъ составляетъ одно цѣлое съ хребтомъ Пайхой“. Но это невѣрно.

На той же страницѣ говорится, что „Копеть-Дагъ состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ хребтовъ, въ которыхъ высшія точки заходятъ за 2500 метровъ. Балханы почти вчетверо ниже“. Копеть-Дагъ замѣчательнъ не высотой, а прежде всего тѣмъ, что составляетъ границу съ Персією, составляетъ какъ-бы звено между Тянь-Шанемъ и Кавказомъ и что возлѣ него проходитъ Туркестанская желѣзная дорога.—Балханы вчетверо ниже Копеть-Дага, но самая высокая вершина ихъ—Дирремъ-Дагъ имѣетъ 1600 метровъ.

Стр. 10. Объ Элтонскомъ озерѣ сказано, что оно занимаетъ свыше 180 кв. клм. Составитель почти всюду опредѣляетъ площади

метрическими мѣрами, но для учебныхъ цѣлей площади такихъ важныхъ озеръ, какъ Элтонъ, лучше опредѣлять десятинами, какъ это и дѣлается въ физической геологіи проф. Мушкетова, на которую ссылается авторъ на сосѣдней страницѣ.

Стр. 12. „Разработкѣ угля въ Домбровскомъ бассейнѣ мѣшаютъ выше лежащіе сильно водоносные слои пестраго песчаника“. Слова „сильно-водоносные слои“ сразу трудно понять.

Стр. 21. „На сѣверо-западѣ регуляторами половодья являются озера“. Очень странно, что составитель къ этому мѣсту не прибавилъ указанія на Неву, какъ самую большую и характерную озерную рѣку.

Наиболѣе важный отдѣлъ, какъ и въ предметѣ отечествовѣдѣнія, такъ и въ книгѣ—это „Народное хозяйство“. Въ немъ обозрѣваются главные существующіе въ Россіи виды обрабатывающей и добывающей промышленности и, сверхъ того, пути сообщенія, внутренняя и внѣшняя торговля, кредитъ, сберегательныя кассы и страхованіе, всего 378 страницъ.

Всѣ виды хозяйствъ, конечно, описываются въ объемѣ соответственно своему значенію въ народномъ хозяйствѣ. Такъ, напримѣръ, специально земледѣлію отведено вдвое больше страницъ, чѣмъ скотоводству. Такое же соотношеніе соблюдено и при обзорѣ 19-ти видовъ фабричной и заводской промышленности, но при этомъ каждому даже мелкому производству, о которыхъ въ курсѣ отечествовѣдѣнія, повидимому, можно бы ограничиться нѣсколькими строками, отводится 2 и 1½ страницы и въ одномъ случаѣ только 1 страница, именно о табаководствѣ. По объемъ не всегда составляетъ педагогическое зло, такъ какъ многое можно выпускать; важнѣе составъ матеріала или свойство его, и, по отношенію къ этому, составитель совершенно упустилъ изъ виду, что отечествовѣдѣніе есть предметъ, предназначенный для средней школы, а не предметъ специальный, назначаемый, напримѣръ, для школъ сельско-хозяйственныхъ, коммерческихъ и т. п. Вслѣдствіе опущенія этого изъ виду и произошло то, что составитель почти во всѣхъ §§ и пунктахъ смѣшиваетъ матеріалъ, который легко могъ бы быть преподаанъ ученикамъ теоретически въ классѣ, съ такимъ матеріаломъ, который можетъ быть изученъ только на практикѣ, именно въ полѣ, въ огородѣ, на скотномъ дворѣ или на фабрикѣ и заводѣ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ о земледѣліи ученики въ классѣ, конечно, должны получить свѣдѣніе о томъ, что существуютъ разныя формы полеводства и разные сѣвообороты: примитивные или простые, сложные, промышленнаго характера и, конечно, должны быть даны

примѣры, но затѣмъ есть подробности, которыя уже не могутъ войти въ предметъ отечествовѣдѣнія. Такъ, мы читаемъ:

Стр. 82. „Общая форма полеводства: 1) парь удобренный, 2) озимая рожь и 3) овесъ или ячмень; въ случаѣ введенія въ сѣвооборотъ льна, трехполье измѣняется; иногда включаютъ травы и практикуютъ, на примѣръ, такіе сѣвообороты: I. 1) парь удобренный, 2) рожь, 3) ленъ, 4) парь, 5) рожь, 6) ячмень, 7) парь удобренный, 8) ленъ, 9) овесъ. II. 1) парь, 2) рожь, 3) овесъ съ клеверомъ, 4) клеверъ, 5) клеверъ, 6) ленъ“.

Стр. 83. „Сложные сѣвообороты: I 1) парь удобренный, 2) рожь, 3) картофель, 4) овесъ съ клеверомъ, 5) клеверъ, 6) клеверъ, 7) иногда ленъ. II. 1) парь, 2) озимое, 3) яровое, 4) гречиха, 5) клеверъ, 6) озимое, 7) картофель, 8) овесъ; III. 1) парь удобренный, 2) рожь, 3—4) клеверъ съ тимофеевкой, 5) картофель, 6) ячмень, 7) парь удобренный, 8) рожь, 9—10) яровое.

Въ § „Коневодство“ мы находимъ въ текстѣ на разныхъ страницахъ слѣдующія свѣдѣнія:

Стр. 166. „Ростомъ клепера до 2 арш. и допель-клепера до 2 арш. 2 вершк. и болѣе. Очень мелкіе клепера извѣстны подъ названіемъ остзейскихъ пони“.

Стр. 167. „Ростомъ жмудская лошадь отъ 1 арш. 14 верш. до 2 арш. 2 вершк. и болѣе; она довольно сильна“... Далѣе: „Средній ростъ обвинской лошади до 2 арш. 2 вершк.“... „Казанки мелки: отъ 1 арш. 12 вершк. до 1 арш. 14 вершк.“... „Битюгъ имѣетъ отъ 3 до 6 вершковъ роста“...

Изъ статей „Производство спирта и издѣлій изъ него“, растянутой на 4 страницы, встрѣчаются свѣдѣнія специально технического характера. Для примѣра:

Стр. 339. „Въ технику сего (винокуреннаго производства) сдѣланы въ послѣднія 20 лѣтъ весьма значительныя усовершенствованія, изъ которыхъ самымъ важнымъ слѣдуетъ признать подготовку содержащихъ крахмалъ матеріаловъ къ сахарификаціи посредствомъ развариванія ихъ при возвышенныхъ температурахъ и давленіи. Для этой операціи употребляются „заторники“, представляющіе собою клепаные цилиндрическіе съ конической нижней частью или просто коническіе котлы, въ которыхъ взятый матеріалъ (картофель или зерновой хлѣбъ) подвергается дѣйствию пара до 3—4 атмосферъ“. Или въ статьѣ „Солодовенное и Крахмальное производство“ на стр. 348 мы читаемъ: „Техническіе приемы извлеченія крахмала изъ картофеля весьма не-

сложны и состоятъ въ измельченіи его истираніемъ на теркахъ, при чемъ разбавляютъ водой до состоянія текучей кашки, въ которой содержатся не только крахмальные зерна, но и волокна клѣточной ткани картофельныхъ клубней. Такъ какъ зерна крахмала очень мелки, то ихъ отдѣляютъ отъ мязи отцѣживаніемъ на проволочныхъ ситахъ“ и т. д.

По поводу фотографій и фототипій.

Стр. 318. „Въ естествознаніи, въ медицинѣ, въ техникѣ микрофотографія получила широкое примѣненіе, открывая цѣлый міръ глубоконоучительныхъ картинъ и обогащая науку блестящими открытіями. Въ русскихъ обсерваторіяхъ производится астро-фотографическія работы. Тонкая воспримчивость и цвѣто-раздѣлительная способность фотографической пластинки открыли путь къ примѣненію фотографій для воспроизведенія старыхъ актовъ и утратившихъ ясность документовъ и при судебной экспертизѣ... Печатаніе тремя красками, основанное на удачномъ комбинированіи примѣненія свѣтофильтровъ и сенсбилизаторовъ, получило осуществленіе благодаря услугамъ въ послѣднее время ортохроматической фотографіи“.

Этихъ примѣровъ неправильнаго пониманія задачи отечествовѣдѣнія достаточно.

Но, независимо отъ этого, въ разсматриваемомъ отдѣлѣ есть цѣлыя страницы и даже цѣлыя §§, имѣющие характеръ публицистическій, которые, конечно, не всѣхъ учащихся могутъ интересовать. Наибольше разительные примѣры представляютъ §§ „Кредитъ“ на 10 страницахъ и „Земледѣліе и землепользованіе“ (стр. 70) на 6-ти страницахъ. Вотъ чему посвящена послѣдняя поименованная статья: вводятся цифры, опредѣляющія количество угодій въ десятинахъ и въ гектарахъ въ 49-ти губерніяхъ Европейской Россіи и какой % изъ этихъ земель принадлежитъ казнѣ, удѣламъ, крестьянскимъ общинамъ и частнымъ лицамъ. Затѣмъ показано въ %, какъ распределена земля между казною, дворянами, крестьянами, купцами и разными юридическими лицами въ Финляндіи, въ Привислинскомъ краѣ; далѣе въ % показано, сколько государственныхъ земель находится подъ лѣсомъ, % земель удобныхъ, % неудобныхъ и гдѣ находятся удобныя казенныя земли, въ сколькихъ губерніяхъ Европейской Россіи находятся удѣльныя земли и сколько земель въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской и Симбирской. Затѣмъ идутъ формы землевладѣнія. Здѣсь прежде всего дѣло идетъ о крестьянской земельной общинѣ, при чемъ показано, сколько такихъ общинъ въ Европейской Россіи, удобство

и неудобство ихъ, сколько приходится десятинъ земли на каждое отдѣльное крестьянское хозяйство, на каждый дворъ. Мѣра, къ какой прибѣгаютъ общинники при недостаткѣ земель, и $\%$ крестьянъ, отказывающихся отъ своихъ земель. Окончивъ съ крестьянскою общиною, составитель говоритъ о средней величинѣ земельныхъ участковъ дворянъ и купцовъ въ нестепной черноземной полосѣ, въ степной полосѣ и нечерноземныхъ губерніяхъ; типы сельскихъ хозяйствъ, именно мелкія крестьянскія и крупныя землевладѣльческія, уменьшеніе съ 70-хъ годовъ хозяйствъ крупныхъ дворянскихъ, примѣръ этого на Могилевской губ. Наконецъ, болѣе страницы посвящаются вопросу объ арендахъ съ подраздѣленіемъ ихъ на денежные и на натуральные, а послѣднихъ на исполнимыя и отработочныя. Весь этотъ отдѣлъ вперу усвоить только челобѣту, специально интересующемуся землевладѣніемъ. Каждый видъ промысла разсматривается по всей Россіи. Такой способъ заимствованъ изъ статистики, и онъ очень удобенъ для составителя книги и для обозрѣвателя, но не для учениковъ. При изученіи какого-либо промысла ученикъ долженъ основательно знать топографію всѣхъ губерній и областей Россіи, но такъ какъ предполагать этого нельзя, то онъ долженъ постоянно имѣть въ виду карту и при томъ съ рѣками, городами и мѣстностями, упоминаемыми въ курсѣ; но такую карту только рѣдкіе ученики въ состояніи имѣть дома, поэтому не будетъ ничего удивительнаго, если учащіеся будутъ усваивать матеріалъ на память, что нельзя назвать прочнымъ и вообще желательнымъ.

Нѣкоторыя группы, какъ, на примѣръ, земледѣліе, огородничество, садоводство, виноградарство еще имѣютъ между собою нѣчто сходное и связанное и, слѣдовательно, представленія могутъ вступать въ болѣшую или меньшую ассоціацію между собою, но, на примѣръ, такіе §§, стоящіе рядомъ, какъ бѣлильное производство и производство металлическихъ издѣлій, экипажное производство и электро-техническая промышленность, музыкальные инструменты и каучуковые и гуттаперчевыя издѣлія, кожевенное производство и мукомольное и крупяное производство и т. п., повторяемъ, такого рода §§, представляя между собою нѣчто отдѣльное и несвязанное одно съ другимъ, будутъ легко испаряться изъ памяти съ каждымъ движеніемъ впередъ, и ученики, не чувствуя успѣха и, такъ сказать, повышенія своихъ силъ, неизбѣжно сдѣлаются равнодушными къ предмету. Конечно, искусный и опытный преподаватель при помощи картограммъ, графикъ и письменныхъ сочиненій можетъ нѣсколько облегчить изученіе предмета и уси-

лить интересъ къ нему, но и самый искусный преподаватель будетъ безсиленъ тамъ, гдѣ предметъ потребуетъ отъ учениковъ колоссальной памяти и много времени. Правда, въ отечествовѣдѣніе можно было бы ввести изученіе разныхъ отраслей русскаго народнаго хозяйства сравнительно съ другими, по крайней мѣрѣ, главными государствами, что облегчило бы память учащихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ помогло бы уяснить имъ экономическое положеніе Россіи въ средѣ другихъ государствъ; г. Ловягинъ въ немногихъ случаяхъ допускаетъ сравненія, по въ принципѣ онъ, видимо, противъ сравнительнаго метода, говоря во введеніи, что „сравненіе во что бы то ни стало даже тамъ, гдѣ и сравнивать то нечего—приводило обыкновенно только къ курьезамъ и несообразностямъ“. (Ъ своей стороны, мы вполне раздѣляемъ мнѣніе составителя и присоединимъ къ этому, что отечествовѣдѣніе, какъ учебный предметъ, понимаемый въ широкомъ смыслѣ, по существу своему, уже будетъ волею неволею касаться отрицательныхъ сторонъ современнаго социальнаго и экономическаго быта Россіи. Если же въ отечествовѣдѣніе внесенъ будетъ еще сравнительный методъ въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ это допускается въ современныхъ коммерческихъ сравнительныхъ географіяхъ, то въ курсѣ отечествовѣдѣнія еще болѣе усилится матеріалъ, освѣщающій эти отрицательныя стороны. Такая постановка учебнаго предмета едва ли желательна даже въ старшихъ классахъ средней школы, а не только въ VI классѣ и особенно V-мъ ¹⁾).

¹⁾ Мнѣніе о томъ, что отечествовѣдѣніе не можетъ избѣжать современныхъ вопросовъ, высказывалось уже въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и, между прочимъ, въ журналѣ *Русская Школа* за іюль и августъ 1901 г., въ статьѣ „Отечествовѣдѣніе въ средней школѣ“. Доказывая пользу преподаванія отечествовѣдѣнія въ широкомъ объемѣ и въ послѣднемъ классѣ учебнаго заведенія, авторъ статьи предусматриваетъ возраженія противъ такой постановки отечествовѣдѣнія и говоритъ слѣдующее: „Возраженіе противъ отечествовѣдѣнія можетъ состоять въ томъ, что этотъ предметъ касается нѣкоторыхъ жгучихъ вопросовъ современности, которыхъ до сихъ поръ чуждалась школа. Но такое возраженіе скорѣе является доводомъ *за*, а не *противъ*. Пусть лучше эти вопросы обсуждаются предварительно въ школѣ, подъ надлежащимъ контролемъ и руководствомъ, тогда они потеряютъ значительную часть своей жгучести и скорѣе найдутъ въ умахъ молодежи вѣрный путь для своего разрѣшенія“ (стр. 276). Съ высказаннымъ въ послѣдней части выписаннаго мѣста оптимистическимъ мнѣніемъ автора нельзя согласиться по соображеніямъ 1) принципиально педагогическаго характера: не дѣло средней школы *заниматься въ классѣ* современными жгучими вопросами, въ особенности если эти вопросы социальнаго или экономическаго характера. Во 2-хъ, по соображеніямъ практическаго свойства двухъ категорій: а) такіа

Свѣдѣніямъ, заключающимся въ этомъ отдѣлѣ, можно довѣряться, такъ какъ они извлечены изъ относительно недавно вышедшихъ официальныхъ изданій министерства финансовъ, на которыя авторъ, равно какъ и на другія пособія, самъ указываетъ въ предисловіи. Извлеченія сдѣланы довольно удачно, такъ какъ взяты, главнымъ образомъ, характерные факты; вмѣсто цифръ болѣею частью берутся только % отношенія, что весьма облегчаетъ чтеніе. Нельзя только не пожалѣть, что изложеніе какъ бы распылчато, много лишннихъ, иногда техническихъ словъ, выраженій, а въ иныхъ мѣстахъ содержанію, по существу дѣла простое, оказывается труднымъ по причинѣ изложенія.

Въ третій отдѣлъ входятъ слѣдующіе §§: „Церковь“ съ посвященіемъ этому предмету 12-ти страницъ, „Учебное дѣло“—27 страницъ, „Наука“—8 страницъ, „Распространеніе книгъ“—14 стр., „Искусство, музыка и театръ“—17 стр., „Народная нравственность и народное здравіе“—10 стр., „Благотворительность и трудовая помощь“—8 стр., „Государственный строй“—40 стр., „Финансовое хозяйство“—16 страницъ и „Вооруженныя силы“—15 стр. Весь отдѣлъ имѣетъ видъ сборника, о чемъ свидѣлствуетъ прежде всего то обстоятельство, что нѣкоторыя статьи вошли въ этотъ отдѣлъ, хотя завѣдомо онѣ и не относятся къ предмету духовной культуры, какъ-то: административное дѣленіе Россіи, финансовое хозяйство и вооруженныя силы, а главное то, что помѣщенныя статьи находятся между собою въ нестройной внутренней связи, и каждая изъ нихъ можетъ быть прочитана самостоятельно, независимо отъ другой.

Всѣ статьи составлены по хорошимъ пособіямъ; на примѣръ § „Церковь“ почти цѣликомъ извлеченъ изъ статьи проф. Горчакова, помѣ-

разъясненія могутъ породить въ гимназіяхъ, особенно въ гимназіяхъ окраинъ, серьезные недоразумѣнія, съ одной стороны между школой и родителями, а съ другой— между учителемъ (безъ различія—будетъ ли такой учитель обладать патриотизмомъ государственнымъ или мѣстнымъ) и начальствомъ и даже начальствомъ другого вѣдомства; б) такіа разъясненія могутъ превратить старшіе классы гимназій въ арену споровъ между самими учениками и между учениками и преподавателями. Отчасти въ виду такихъ обстоятельствъ, мы и считаемъ министерскій проектъ программы отечествовѣдѣнія, склоняющій этотъ предметъ болѣе въ сторону географіи, наиболѣе цѣлесообразнымъ, такъ какъ, при такой постановкѣ, современнымъ жгучимъ вопросамъ, а равно и другимъ деликатнымъ въ педагогическомъ смыслѣ вопросамъ, не останется много мѣста. Въ этомъ отношеніи было бы даже удобнѣе ограничивать преподаваніе отечествовѣдѣнія однимъ V классомъ, хотя бы и при 3 урокахъ.

ценной въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, § „Государственное устройство“ составленъ на основаніи специальныхъ сочиненій А. И. Путилова и В. В. Ивановскаго, „Финансовое хозяйство“ по Сафонову и Свирщевскому.

Но нельзя сказать, чтобы всѣ статьи для чтенія были одинаково интересны. Такъ, §§ „Административное дѣленіе“, „Государственное устройство“, „Военныя силы“ и „Финансовое хозяйство“, сухи, что, впрочемъ, вызывается самою темою. Въ другихъ §§ нерѣдко существенное смѣшивается съ случайнымъ, цѣнный матеріалъ съ свѣдѣніями справочнаго характера. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Учебное дѣло“ перечисляются учебные предметы гимназій и реальныхъ училищъ съ показаніемъ числа уроковъ въ каждомъ изъ нихъ. Или, при Константиновскомъ Межевомъ институтѣ показано число классовъ общеобразовательныхъ, специальныхъ, какимъ классамъ и реальнымъ училищамъ соотвѣтствуютъ классы общеобразовательные, сколько лѣтъ продолжаютъ спеціальныя курсы. Далѣе, напримѣръ, въ отдѣлѣ „Наука“ перечисляются повременныя изданія, издававшіяся и издаваемые Академію Наукъ; объясняется, что русское физико-химическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ образовалось изъ физическаго и химическаго. Или, при описаніи Публичной бібліотеки отмѣчается, отъ котораго до котораго часа можно посѣщать ее по буднямъ и праздникамъ. Или, въ § „Театръ“ перечисляются всѣ лица, имѣющія „званіе артистовъ Императорскихъ театровъ“, какъ-то: „актеры, управляющіе труппами, режиссеры, капельмейстеры, балетмейстеры, дирижеры оркестровъ, танцовщики, музыканты, декораторы, машинисты, инспекторы освѣщенія и ихъ помощники, живописцы, главный костюмеръ, суфлеры, гардеробмейстеры, фехтмейстеры, театрмейстеры, скульпторы, надзиратель потной конторы, фигуранты, потные писцы, пѣвчіе, парикмахеры“ (стр. 540).

Также бросается въ глаза снѣжность въ изложеніи, которая замѣчается даже въ вопросахъ, требующихъ большой точности, какъ, напримѣръ, въ статьѣ „Государственное устройство“.

Представляемъ такіе примѣры, которые, по причинѣ невыработаннаго изложенія, искажаютъ истину или же оказываются недостаточно понятными.

Стр. 560. Перечисляя основныя черты верховной власти, составитель говорить: „Неограниченность, т. е. независимость носителя этой власти отъ законовъ, такъ какъ онъ самъ является ихъ источникомъ.“

Онъ можетъ измѣнять и отмѣнять издавшіе имъ законы“. Слова „независимость носителей этой власти отъ законовъ“ завѣдомо излишни.

Стр. 562. Опредѣляя прерогативы власти императора, составитель, между прочимъ, говоритъ: 1) „Свобода отъ подчиненія законамъ“ и (3) „неприкосновенность личности монарха“. Первая прерогатива не точно выражена, а третья—не полно.

Стр. 561. „Коронованіе есть церковный обрядъ, являющійся торжественнымъ засвидѣтельствомъ со стороны Церкви тѣхъ правъ и того положенія, которыя уже принадлежатъ монарху“. Въ этомъ мѣстѣ слова „торжественнымъ засвидѣтельствомъ со стороны церкви“ не вѣрно опредѣляютъ сущность коронованія, такъ какъ, по ученію православныхъ богослововъ, коронованіе составляетъ особое таинство, которымъ сообщаются монарху сила и мудрость, необходимая для управленія страной.

Стр. 561. „Творчество государственныхъ формъ или законодательство и рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго управленія—вотъ два вида непосредственной дѣятельности монарха“. Или стр. 563: „Государственный совѣтъ въ Россіи есть установленіе верховнаго управленія, участвующее въ непосредственной дѣятельности монарха по дѣламъ по преимуществу законодательнымъ“. Два послѣднія мѣста уже положительно неудобны по изложенію.

Н. Н. Шишовъ. Стѣнная карта Европейской Россіи съ картиннымъ изображеніемъ типовъ народа и его промысловъ. Цѣна для народныхъ училищъ 36 к., раскрашенная 1 р. 25 к.

Названіе карты показываетъ, что на ней типы народа и его промыслы изображены картинно. Мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ автора, понимая подъ картиною такое изображеніе предмета, въ которомъ соблюдена и перспектива и рельефность, а главное, картина должна быть нарисована такъ, чтобы было ясно видно, что она представляетъ. Что же мы видимъ на картѣ г. Шишова? Мы находимъ на ней множество довольно плохо исполненныхъ изображеній безъ соблюденія относительныхъ размѣровъ. Здѣсь попадаются изображенія людей, животныхъ, дымовыхъ трубъ, стеклянной посуды и т. д. Каждое изображеніе обозначено цифрой, подъ которой находится объясненіе. Казалось бы, зачѣмъ такое объясненіе, когда картина изображаетъ то, что находится въ дѣйствительности? Карта раз-

дѣлена на губерніи, границы которыхъ обобщены не соотвѣтственно масштабу карты. Рельефъ представленъ весьма плохо: обозначены только горы и то весьма не рельефно. Чтобы показать полную ненаглядность фигуръ, представленныхъ на картѣ г. Шипова, возьмемъ нѣсколько примѣровъ. На картѣ находится большое количество одинаковыхъ изображеній, похожихъ на конецъ дымовой трубы. Конечно, никто не назоветъ такое изображеніе картиной; очевидно, что это только знакъ, подъ которымъ подразумѣвается множество фабричныхъ и заводскихъ производствъ. Такъ, подъ № 19 эта дымовая труба обозначаетъ кожевенный заводъ близъ Улеборга, № 22 обозначаетъ пробочную фабрику близъ Куонио, № 23 фабрику хлопчатобумажную, № 45 фабрики и заводы различныхъ производствъ въ Петербургѣ. На Уралѣ, гдѣ такъ много заводовъ, находится только одна такая дымовая труба, которая обозначаетъ, какъ говорятъ приложенный текстъ, фабрику косъ и серповъ. Изъ сказаннаго видно, что картинныя изображенія на картѣ г. Шипова безъ приложеннаго текста не имѣютъ никакого значенія. Другое несудобство подобныхъ картинъ заключается въ томъ, что онѣ занимаютъ много мѣста и выходятъ изъ предназначенныхъ имъ рамокъ. Такъ, напримѣръ, справляясь о значеніи трубы № 121, мы находимъ, что она обозначаетъ прядильную фабрику въ г. Иваново-Вознесенскѣ Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи, между тѣмъ, половина трубы выходитъ въ губ. Ярославскую. Рюмка подъ № 135 большею частію помѣщается во Владимірской губерніи, но обозначаетъ хрустальный заводъ въ губ. Рязанской. Несообразность въ относительныхъ размѣрахъ кидается въ глаза. Тетеревъ, помѣщающійся надъ р. Сухоной, больше овцы, находящейся въ губ. Ярославской. Всѣ изображенія, называемыя авторомъ народными типами, нарисованы весьма плохо, а раскрашены еще хуже. Великоруссы изображены почему-то только въ Костромской губерніи, такъ что изъ этого можно заключить, что въ другихъ губерніяхъ ихъ нѣтъ. По двумъ фигурамъ, обозначеннымъ № 161, совершенно нельзя признать калмыковъ, равно какъ и болгаръ по фигурѣ 198-й. Представленіе народонаселенія Россіи въ типическихъ картинахъ дѣло весьма серьезное, почтенное и желательное, но оно не такъ легко выполнимо, какъ думаетъ г. Шиповъ. Мы положительно отказываемся признать за изображеніе типовъ русскаго населенія тѣ лубочныя фигурки, которыми испещрена карта г. Шипова. Мы полагаемъ, что кромѣ самыхъ сбивчивыхъ и неопредѣленныхъ представленийъ эта карта ничего возбудить не можетъ.

Малыя учебныя карты по отечествовѣдѣнію Россіи 1901 г.: 1) Карта поверхности Евр. Россіи. 5 коп. 2) Карта атмосферическихъ осадковъ. 5 коп. 3) Карта морскихъ бассейновъ Евр. Россіи. 5 коп. 4) Карта изотермъ года въ Европ. Россіи. 5 коп. 5) Карта поверхности Азіатской Россіи и 6) Карта губерній и областей Азіатской Россіи. 10 коп. 7) Карта поверхности Туркестана и 8) Карта областей Туркестана. 10 коп. 9) Карта губерній съ главными городами Европейской Россіи. 15 коп. и 10) Карта губерній Европ. Россіи съ городами по морскимъ бассейнамъ. 15 коп. 1901 года.

Мысль г. Поддубнаго продавать каждую карту атласа отдѣльно оригинальна и практична. Всякій преподаватель, сообразно нуждамъ класса или учебнаго заведенія, можетъ рекомендовать для пріобрѣтенія тѣ или другія карты, и такимъ образомъ у учениковъ въ рукахъ будетъ атласъ, состоящій только изъ картъ нужныхъ для нихъ, между тѣмъ какъ существующіе атласы содержатъ въ себѣ не мало картъ, которыя могутъ понадобиться только за предѣлами школы, когда атласъ будетъ брошенъ какъ устарѣлый. Но школьная картопечатня преслѣдуетъ не только практическую цѣль, но и дешевизну. Къ этому стремленію необходимо отнестись съ сочувствіемъ; но бѣда въ томъ, что почти всѣ карты въ отношеніи четкости, наглядности, не говоря уже объ изяществѣ, составляютъ шагъ назадъ по сравненію съ существующими атласами. Нѣкоторыя изъ картъ, особенно относящіяся къ Сибири и Средней Азій, отличаются большою полнотою, чѣмъ карты, находящіяся въ атласахъ и, слѣдовательно, эти карты можно было бы предпочтительнѣе употреблять при прохожденіи географіи въ старшихъ классахъ; но не каждый преподаватель рѣшится дать, напримѣръ, карту административнаго дѣленія Туркестана и Азіатскую Россію, если ученики его изучали ранѣе географію Россіи при помощи атласа Линберга. Давать ученикамъ послѣ хорошей карты неудовлетворительную, значить до нѣкоторой степени ослаблять самый предметъ, и съ этой точки зрѣнія едва ли разсчетливо жертвовать наглядностью и изяществомъ карты дешевизнѣ.

Къ наиболѣе удавшимся по четкости и наглядности картамъ 5-ти-копеечнаго достоинства надо отнести карту атмосферныхъ осадковъ и изотермъ года. Но первая изъ этихъ картъ требуетъ существеннаго исправленія въ части, относящейся къ Кольскому полуострову и соседнимъ съ нимъ мѣстностямъ. Вторая же карта употребляется очень недолго.

Карта горъ и рѣкъ только съ перваго вида кажется наглядною, но при болѣе внимательномъ разсматриваніи Уральскія горы оказы-

ваются недостаточно ясными, Кавказскія горы, хотя и раскрашены красною краскою, но, кромѣ главнаго хребта, не даютъ никакой идеи. Кромѣ того, на этой картѣ встрѣчаются еще такіе недосмотры: поименовывається Попова гора на Валдайской возвышенности, какъ самая высокая; надпись Средне-русская возвышенность начинается не на мѣстѣ; нѣкоторые губернскіе города нанесены, другіе опущены. Въ общемъ, странно, что эта карта, будучи единственною физическою картою Европ. Россіи, недостаточно обработана и малыхъ размѣровъ. При ограниченіи же атласа этою картою окажется отсутствіе болѣе правильнаго и рельефнаго очертанія горъ.

Карта бассейновъ одной проекціи съ картою горъ и рѣкъ, и въ ней встрѣчаются почти всѣ перечисленные недостатки.

Картъ 10-тикопсечнаго достоинства 2. О нихъ надо замѣтить слѣдующее: политическая сторона вообще сносна, именно: границы губерній и областей изображены правильно, города и мѣстечки на своемъ мѣстѣ, названія довольно четки; но физическая часть, именно: горы, возвышенности изображены блѣдно и такою краскою, что далеко не даютъ подлежащей идеи о рельефѣ страны, какую дастъ, напримѣръ, соответствующая карта Липберга, которою авторъ, очевидно, пользовался. Кстати замѣтимъ, что карту Азіатской Россіи слѣдовало бы назвать Сибирью, такъ какъ Туркестанъ также находится въ Азіи, а между тѣмъ для него особая карта.

Картъ 15-тикопсечнаго достоинства 2: одна для губерній и городовъ по бассейнамъ, другая административная. Обѣ карты одинаковой проекціи и съ одинаковымъ количествомъ данныхъ. Эти карты изъ самыхъ дорогихъ можно назвать лучшими; онѣ довольно четки, правильны и съ надлежащимъ числомъ данныхъ.

КЪ ИСТОРИИ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ¹⁾).

ХІІ.

Составъ каталога для бесплатныхъ народныхъ читаленъ могъ показаться даже слишкомъ обширнымъ и далеко превышающимъ не только умственные потребности, но и мѣру разумѣнія тѣхъ читателей, для коихъ главнѣйше предназначены бесплатныя народныя читальни. Устроители сихъ послѣднихъ, особенно въ деревняхъ и селахъ, затруднялись слишкомъ большою обширностью изданнаго для нихъ каталога. Благожелательныя къ народу общества (какъ, напримѣръ, общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III) сочли полезнымъ и необходимымъ принять на себя трудъ составить извлеченіе изъ этого каталога или сокращенный каталогъ книгъ, наиболѣе пригодныхъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, особенно въ деревняхъ и селахъ. Чувствовалось и въ самомъ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета какъ бы нѣкоторое противорѣчіе между наименованіемъ читаленъ народными и обширностью предназначеннаго для нихъ каталога, а отчасти и содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ вошедшихъ въ составъ его книгъ. Вопросъ о назначеніи бесплатныхъ народныхъ читаленъ былъ вновь возбужденъ въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета и былъ вновь всесторонне рассмотрѣнъ въ засѣданіяхъ 22-го мая, 23-го іюня и 7-го іюля 1898 года, и затѣмъ еще разъ въ засѣданіяхъ 22-го и 29-го января и 9-го апрѣля 1899 года. Наиболѣе потрудились надъ разъясненіемъ этого вопроса членъ П. А.

¹⁾ *Окончаніе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

Аннинъ, и съ другой стороны А. І. Кочетовъ и В. В. Федоровъ. Дѣло значительно осложнилось возникшею при этомъ полемикой. Разногласіе касалось главнѣйше вопроса: назначаются ли бесплатныя народныя читальни *только* для народа въ смыслѣ низшихъ классовъ и слоевъ населенія или же *главнѣйше* для народа въ только-что означенномъ смыслѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для нуждающихся общественныхъ классовъ со среднимъ образованіемъ включительно.

Еще въ засѣданіи 23-го января 1898 года, при рассмотрѣніи 3-го пункта выработаннаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ поручальнаго устава обществъ для вспоможенія нуждающимся учащимся, комит. предполагалось предоставить учреждать бесплатныя читальни для учащихся на основаніи правилъ 15-го мая 1890 года, установленныхъ вообще для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, докладчикъ А. І. Кочетовъ высказался въ томъ смыслѣ, что многое, что допущено для бесплатныхъ читаленъ, можетъ оказаться непригоднымъ для учащихся и что для послѣднихъ имѣются при самихъ училищахъ свои ученическія бібліотеки, и если онѣ скудны, то благотворительное общество можетъ отъ себя дать средства для ихъ пополненія. Съ этимъ согласился весь особый отдѣлъ ученаго комитета; но въ заключеніи ученаго комитета вопросъ былъ обобщенъ и расширенъ въ томъ смыслѣ, что каталогъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ не можетъ считаться во всемъ своемъ составѣ пригоднымъ для ученическихъ бібліотекъ такъ же, какъ и наоборотъ, каталогъ для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и для учениковъ старшаго возраста, не можетъ считаться во всемъ своемъ составѣ пригоднымъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. „Правда,—говорилось далѣе,—по отношенію къ бесплатнымъ народнымъ читальнямъ такой порядокъ былъ допущенъ временно впродъ до изданія для нихъ особаго каталога книгъ; но съ изданіемъ нынѣ этого каталога указанный порядокъ не можетъ быть примѣняемъ и впродъ, такъ какъ множество книгъ, признаваемыхъ пригодными для ученическихъ бібліотекъ, именно для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній старшаго возраста, рѣшительно не могутъ быть пригодными для народныхъ читаленъ. Народныя читальни, какъ видно изъ самаго ихъ наименованія народными, назначаются для низшихъ слоевъ населенія, то-есть, для лицъ изъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословія и такихъ лицъ изъ другихъ сословія, кои по уровню ихъ развитія и условіямъ жизни приближаются или вполне подходятъ къ лицамъ поименованныхъ двухъ сословія“.

Въ засѣданіи 27-го марта 1898 года, на основаніи этихъ заявленій, противъ которыхъ ни отъ кого изъ членовъ не было никакихъ возраженій, было высказано, что „полное собраніе сочиненій Достоевскаго“ не должно значиться въ каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, которыя, какъ справедливо выяснилъ особый отдѣлъ въ засѣданіи 23-го января 1898 года, предназначаются для такихъ лицъ изъ низшихъ слоевъ или сословій населенія Имперіи, которыхъ образованіе въ подавляющей массѣ не выходитъ за предѣлы курса начального народнаго училища“. Особый отдѣлъ согласился съ тѣмъ, чтобы полное собраніе сочиненій Достоевскаго не было включено въ каталогъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ при слѣдующемъ изданіи сего каталога, при чемъ также не сдѣлалъ никакого возраженія противъ приведенной ссылки на засѣданіе 23-го января. Определеніе это было утверждено высшимъ начальствомъ.

По возвращеніи своемъ изъ-за границы предсѣдатель ученаго комитета, ознакомившись съ журналами засѣданій 23-го января и 27-го марта 1898 года, счелъ за должное испросить разрѣшеніе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, предварительно приведенія въ исполненіе означеннаго определенія о полномъ собраніи сочиненій Достоевскаго, обсудить въ особомъ отдѣлѣ нѣкоторые вопросы (числомъ 8), относящіеся къ бесплатнымъ народнымъ читальнямъ, и прежде всего вопросъ, есть ли основаніе, судя по всему ходу этого дѣла, разсматривать бесплатныя читальни такъ, какъ бы онѣ были предназначены только для простаго народа съ образованіемъ, не выходящимъ за предѣлы курса начального народнаго училища, въ каковомъ случаѣ пришлось бы закрыть читальни почти во всѣхъ большихъ университетскихъ городахъ, особенно же въ столицахъ, или же обратить ихъ въ обыкновенныя общественныя городскія бібліотеки, а нынѣшній каталогъ для бесплатныхъ читаленъ сократить по меньшей мѣрѣ на девять десятыхъ нынѣшняго состава.

Въ означенныхъ выше шести засѣданіяхъ особаго отдѣла ученаго комитета всѣ члены (за исключеніемъ двоихъ) и предсѣдатель были того мнѣнія, что бесплатныя народныя читальни съ самаго своего возникновенія не предназначались исключительно для лицъ, получившихъ только начальное образованіе, что впрочемъ и для этихъ лицъ едва ли можно было бы ограничиться одними ученическими бібліотеками начальныхъ народныхъ училищъ, которыми они, конечно, уже воспользовались во время своего ученія, что и въ первоначальной официальной перепискѣ рѣчь шла не объ однихъ ученическихъ бібліотекахъ, но вообще

о библіотекахъ народныхъ училищъ, слѣдовательно и объ учительскихъ ихъ библіотекахъ, и о книгахъ, одобренныхъ особымъ отдѣломъ для народнаго чтенія; да и между самими простолюдинами найдется не мало такихъ, которые прошли курсъ училищъ уѣздныхъ или городскихъ по положенію 31-го мая 1872 года, а также и такихъ, которые учились въ реальныхъ училищахъ, прогимназіяхъ и гимназіяхъ, или въ профессиональныхъ разнаго рода школахъ, хотя быть можетъ и не кончили въ нихъ полного курса. Чрезмѣрно сузить каталогъ для безплатныхъ народныхъ читателей, предположивъ, что пользующіеся ими не пошли далѣе начальнаго народнаго образованія, это значило бы оттолкнуть отъ этихъ читателей массу простолюдиновъ съ болѣе значительнымъ образованіемъ и направить ихъ въ общественныя платныя библіотеки, а это едва ли было бы желательно, ибо въ этихъ библіотекахъ могутъ быть всѣ книги, не запрещенныя цензурою, въ томъ числѣ и такія, чтеніе которыхъ принесетъ простолюдинамъ и ученикамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Это соображеніе, безъ сомнѣній, имѣли въ виду составители правилъ о безплатныхъ читальняхъ, предоставивъ въ примѣчаніи 1-мъ къ § 1-му мѣстнымъ начальствамъ дѣйствіе этихъ правилъ примѣнять и къ такимъ платнымъ библіотекамъ для чтенія и читальнямъ, которыя посѣщаются преимущественно лицами низшихъ сословій и воспитанниками среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Этимъ, очевидно, желали поставить такія библіотеки-читальни подъ охрану министерскаго „каталога для безплатныхъ народныхъ читателей“, указывая этимъ самымъ, что въ означенный каталогъ должны входить книги, пригодныя и для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Для какого круга лицъ должны служить безплатныя народныя читальни, это рѣшено въ засѣданіи особаго отдѣла ученаго комитета 20-го мая 1888 г. и послѣдовавшей затѣмъ перепискою министра народнаго просвѣщенія съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а равно и самими правилами 15-го мая 1890 года, въ § 4 которыхъ сказано, что впредь до изданія министерствомъ народнаго просвѣщенія для этихъ читателей каталога книгъ, онѣ могутъ имѣть у себя: а) книги, значащіяся въ издаваемыхъ министерствомъ каталогахъ книгъ для учебныхъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ сихъ послѣднихъ. На основаніи этихъ правилъ читальни въ продолженіе 8 и даже 10 лѣтъ могли пріобрѣтать всѣ книги этой категоріи, равно какъ и вошедшія въ каталогъ для безплатныхъ читателей, и въ настоящее время было бы несвоевременно исключать

изъ чрезвычайно размножившихся читаленъ весьма значительное число имѣющихся въ нихъ книгъ на основаніи того лишь предположенія, что читальни предназначены только для простолюдиновъ съ образованіемъ не выше курса начального народнаго училища, для конхъ означенныя книги недоступны, а потому и непригодны. Таковой образъ дѣйствій возбудилъ бы повсемѣстныя и справедливыя нареканія на министерство народнаго просвѣщенія.

Въ § 11 правилъ 15-го мая 1890 г., правда, сказано: „Наблюдающіе за читальнями и завѣдывающіе оными, при выборѣ книгъ и изданий для читаленъ, принимаютъ во вниманіе какъ средства читаленъ, такъ и образовательныя и воспитательныя потребности низшихъ сословій мѣстнаго городскаго населенія, образъ жизни и занятій ихъ, избѣгая при этомъ односторонняго подбора книгъ по известнымъ отраслямъ знаній въ ущербъ книгамъ религіозно-правственнаго, патриотическаго и вообще назидательнаго содержанія“. Такъ какъ безплатныя читальни главнѣйше назначены для лицъ низшихъ сословій, то совершенно справедливо требованіе, чтобы при выборѣ книгъ для читаленъ были принимаемы во вниманіе образовательныя и воспитательныя потребности именно этихъ низшихъ сословій; но это не значить, чтобы 1) за удовлетвореніемъ этихъ потребностей было воспрещено принимать во вниманіе потребности и другихъ не менѣе многочисленныхъ посѣтителей, каковы, напримѣръ, ученики среднихъ учебныхъ заведеній, и 2) не значить также, что надлежитъ принимать во вниманіе потребности только тѣхъ изъ лицъ низшихъ сословій мѣстнаго населенія, которыя въ своемъ образованіи не поплы далѣе курса начального народнаго училища. Этотъ § 11 былъ заимствованъ изъ первоначальнаго проекта правилъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, который былъ составленъ, какъ было выше сказано, въ департаментѣ народнаго просвѣщенія безъ всякаго участія ученаго комитета, потомъ видоизмѣненъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода и наконецъ, окончательно обработанъ и утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, при чемъ въ этомъ именно §, по недосмотру, оставленъ слѣдъ первоначальнаго проекта безъ согласованія съ видоизмѣненнымъ § 1 правилъ, а именно въ первоначальномъ проектѣ предполагались безплатныя читальни только въ городахъ, и въ § 11 уцѣлѣло изъ него упоминаніе о низшихъ сословіяхъ именно *городскаго* населенія, тогда какъ по § 1 правилъ безплатныя читальни могутъ быть открываемы не только въ городахъ, но и въ посадахъ и въ селеніяхъ. Въ первоначальномъ проектѣ этотъ § 11 состоялъ въ связи

съ другимъ § (6-мъ въ проектѣ), по которому дѣйствительно бесплатныя народныя читальни предназначались для лицъ низшихъ классовъ городского населенія, получившихъ начальное образованіе въ школахъ или на дому; но этотъ § не оказался уже ни въ проектѣ обер-прокурора Св. Синода, ни въ окончательно утвержденномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ правилѣхъ 15-го мая 1890 г. Этимъ § 6-мъ первоначальнаго проекта предписывалось комитетамъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ, губернаторамъ, учредителямъ и завѣдывающимъ читальнями имѣть въ виду, что „заведенія эти открываются *главнѣйше* съ тою цѣлью, чтобы лицамъ низшихъ классовъ городского населенія, получившимъ начальное образованіе въ школахъ или на дому, дать возможность на досугѣ отъ обычныхъ ежедневныхъ занятій поддерживать и продолжать свое образованіе путемъ чтенія соответственныхъ книгъ, восполняя и замѣняя доставленіемъ такого чтенія для названныхъ лицъ прохожденіе курса низшихъ учебныхъ заведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекая ихъ отъ разгула и другихъ предосудительныхъ развлеченій въ праздничное и вообще свободное отъ занятій время“. Но какимъ именно соображеніямъ этотъ § первоначальнаго проекта былъ совсѣмъ исключенъ участвовавшими въ этомъ дѣлѣ вѣдомствами, на это нѣтъ прямыхъ указаній; но можно думать, что это произошло прежде всего по причинѣ слишкомъ большого несоответствія предположенія объ учрежденіи бесплатныхъ читаленъ для лицъ, получившихъ начальное образованіе, съ дѣйствительнымъ кругомъ ихъ почитателей, а также и по причинѣ неумѣстности такъ ограничивать цѣль учрежденія бесплатныхъ читаленъ, какъ это было сдѣлано въ § 6 проекта, въ виду того, что бесплатныя читальни, о коихъ имѣлись точныя свѣдѣнія, были въ огромномъ числѣ посѣщаемы лицами, которыя вовсе не имѣли въ виду чтеніемъ въ нихъ книгъ замѣнить прохожденіе курса низшихъ учебныхъ заведеній, а дѣйствительно проходили уже этотъ курсъ и даже курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Впрочемъ и въ самомъ § 6 первоначальнаго проекта говорилось, что бесплатныя читальни открываются не исключительно, а только *главнѣйше* для того, чтобы служить образовательнымъ и воспитательнымъ потребностямъ тѣхъ лицъ низшихъ классовъ населенія, которыя получили только начальное образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекать ихъ отъ разгула и другихъ предосудительныхъ развлеченій въ праздничное и вообще свободное отъ занятій время, такъ что составитель проекта, очевидно, допускалъ тогда, кромѣ этой главнѣйшей, по его мнѣнію, цѣли, еще и другія, такъ сказать, второстепен-

ныя, какъ то: удовлетвореніе умственныхъ потребностей лицъ и съ бѣльшимъ образованіемъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали по своему происхожденію. Этому взгляда и имѣя держится весь особый отдѣлъ ученаго комитета, за исключеніемъ двухъ членовъ; его же, по-видимому, продолжали держаться и оба наиболѣе прикосновенныя къ этому дѣлу вѣдомства. Такъ, въ списокъ періодическихъ изданій на 1896 г., допущенныхъ, по соглашенію министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода, къ обращенію въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ, значатся: Всемирная Иллюстрація, Русскій Вѣстникъ, Русское Обзорѣніе, Образованіе, Наука и Жизнь, Вѣстникъ Воспитанія, Живописное Обзорѣніе, Русская Старина, Славянское Обзорѣніе, Русскій Архивъ, Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей, и др. Всѣ эти періодическія изданія вошли и въ изданный по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія 3-мъ изданіемъ въ 1890 г. каталогъ книгъ и періодическихъ изданій для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. Очевидно, что эти изданія стоятъ много выше умственнаго уровня лицъ, получившихъ только начальное образованіе, и если они были допущены и остаются допущенными для обращенія въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ по соглашенію двухъ вѣдомствъ, то очевидно, что вѣдомства эти имѣютъ въ виду кругъ читателей съ образованіемъ не только начальнымъ, но и съ болѣе обширнымъ и болѣе высокимъ.

И дѣйствительно изъ отчета комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ за 1897 годъ можно составить нижеслѣдующую таблицу данныхъ о числѣ лицъ, пользовавшихся 6-ью бесплатными читальнями С.-Петербурга:

	А. Число посѣтителей.	Б. Число записавшихся на чтение книгъ на дому.	Ц т о г о.	% отношеніе итоговъ ко всему числу.
<i>I. Взрослыхъ:</i>				
1. Рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ	11.619	2.400	14.019	29,4
2. Живущихъ на свой капиталъ или на средства семьи	2.419	467	2.886	—
3. Служащихъ въ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ	1.669	421	2.090	—
4. Мелкихъ промышленниковъ	436	129	565	—
5. Различныхъ званій и занятій	1.212	111	1.323	—
6. Учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ	487	142	629	1,3
ММ 2—6 вмѣстѣ (различныхъ слоевъ общества, по отчету)	6.223	1.270	7.493	15,7
Всѣхъ взрослыхъ	17.842	3.670	21.512	43,7
<i>II. Несовершеннолѣтнихъ учащихся:</i>				
1. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ	16.078	3.646	19.724	42,9
2. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	5.500	856	6.356	13,3
Всѣхъ несовершеннолѣтнихъ	21.578	4.502	26.080	56,2
А всего	39.420	8.172	47.592	100

Изъ таблицы этой оказывается, что изъ каждой тысячи лицъ, пользующихся 6-ю бесплатными народными читальнями С.-Петербурга: 1) несовершеннолѣтнихъ 562, а взрослыхъ 438; 2) учащихся въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ 575, въ томъ числѣ 13 учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 133 въ среднихъ и 429 въ низшихъ: сколько изъ этихъ 429 обучались въ начальныхъ городскихъ или церковныхъ училищахъ, сколько въ городскихъ по положенію 1872 г., сколько въ ремесленныхъ, техническихъ и всякаго рода профессиональныхъ школахъ, это неизвѣстно; но не безъ нѣкоторой вѣроятности можно предположить, что большинство изъ этихъ 429 уже прошли курсъ начального училища и обучались въ какой-либо школѣ съ болѣе высокимъ сравнительно курсомъ, ибо едва ли затрудняющееся еще процессомъ чтенія стануть посѣщать бесплатную народную читальню. Затѣмъ, 3) 146 учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ изъ тысячи пользующихся этими читальнями, или абсолютнымъ числомъ 6985 ч., не есть количество, которымъ можно было бы пренебрегать, а сколько можетъ оказаться съ образованіемъ болѣе высокимъ, чѣмъ начальное, между лицами различныхъ слоевъ общества, какъ ихъ называетъ отчетъ, который значатся въ вышеприведенной таблицѣ подъ №№ 2—5 и которыхъ оказывается (за вычетомъ числа учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ)—6864 или 144 изъ 1000; всего же 4) лицъ этой категоріи вмѣстѣ съ учащимися въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—13849 или 290 ч. изъ каждой тысячи, и всѣ они несомнѣнно оказались бы совсѣмъ неудовлетворенными, если бы ихъ обрекли на чтеніе книгъ, допущенныхъ въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.—5) Рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ немногимъ больше вышеприведеннаго въ п. 4-мъ числа: ихъ 14019 или 294 изъ каждой тысячи; но къ этимъ рабочимъ, безъ сомнѣнія, причислены и мастера и подмастерья, десятники и другіе непосредственные распорядители работъ, съ образованіемъ по всей вѣроятности сравнительно болѣе высокимъ, чѣмъ начальное.

Принимая все это во вниманіе, едва ли можно утверждать, что особый отдѣлъ ученаго комитета ошибся (въ засѣданіи 20-го мая 1888 г.), когда постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ могли быть въ обращеніи книги, допущенныя не только въ библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, но и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, и это его мнѣніе одобрили всѣ 3 вѣдомства: народнаго просвѣщенія, вну-

треннихъ дѣлъ и православнаго духовенства. Это не было мѣрою ошибочною, а разумною и соображенною не только съ намѣреніями учредителей бесплатныхъ читаленъ и съ составомъ книжныхъ каталоговъ сихъ послѣднихъ, но и съ составомъ массы ихъ посѣтителей и ихъ образовательными и воспитательными потребностями. Бесплатныя народныя читальни, по мнѣнію особаго отдѣла ученаго комитета (за исключеніемъ одного или двоихъ членовъ), предназначены *главнѣйше, но не исключительно* для народа въ смыслѣ низшихъ сословій, классовъ или слоевъ населенія. Если отнести въ вышеприведенной таблицѣ всѣхъ учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ, къ народу въ смыслѣ низшихъ сословій, классовъ или слоевъ населенія, то въ этой категоріи лицъ окажется 6) 33.743 ч. или 723 изъ каждой тысячи, безъ малаго $\frac{3}{4}$ всѣхъ лицъ, пользующихся въ Петербургѣ бесплатными народными читальнями, и только одна четверть съ небольшимъ ($\frac{277}{1000}$) окажется на сравнительно высшемъ общественномъ уровнѣ. При выборѣ книгъ въ народныя читальни должны ли быть принимаемы во вниманіе умственные потребности и этихъ 277 изъ 1 т. лицъ, за удовлетвореніемъ, конечно, потребностей тѣхъ 723 лицъ, или не должны?

Противъ этихъ доводовъ высказывались нижеслѣдующія соображенія. Слово „народный“ во всѣхъ своихъ сочетаніяхъ, какъ то: народныя училища, народныя чтенія, народные театры, народныя столовыя, народныя чайныя, народныя развлеченія и гулянья, попечительства о народной трезвости, и т. д., всегда указываетъ на такія учрежденія или заведенія, которыя предназначаются для народа въ смыслѣ лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ, классамъ или слоямъ населенія. Услугами народныхъ школъ, народныхъ чтеній, складовъ книгъ для народнаго чтенія, народными театрами, народными зрѣлищами, гуляньями, чайными, столовыми и т. п. пользуются лица и другихъ классовъ населенія, кромѣ низшихъ. Но это обстоятельство не измѣняетъ, конечно, сущности дѣла и не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы всѣ эти учрежденія, какъ и бесплатныя народныя читальни, считать предназначенными не для низшихъ только, а и для другихъ классовъ, и чтобы устройство сихъ учрежденій приравнивать къ потребностямъ всѣхъ сословій.

При сужденіяхъ и распоряженіяхъ подлежащихъ вѣдомствъ о народныхъ читальняхъ,—говорилось далѣе,—воспитанники низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній имѣются въ виду наряду съ лицами

низшихъ сословіи и классовъ населенія и уравниваются съ ними не потому, что читальни назначаются или признаются полезными для названныхъ воспитанниковъ, а потому, что въ дѣйствительности громадное количество сихъ воспитанниковъ посѣщаютъ читальни и что, за невозможностью воспретить такое посѣщеніе, необходимо ограждать сихъ воспитанниковъ отъ чтенія не подходящихъ для нихъ книгъ наравнѣ съ лицами изъ низшихъ классовъ населенія. Изъ допущенія въ бесплатныя народныя читальни книгъ, одобренныхъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, никакъ нельзя заключить, что и въ кругъ читателей, для которыхъ назначаются читальни, должны входить не только лица, стоящія по образованію ниже воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, но и лица, равныя по образованію и развитію съ воспитанникамъ всѣхъ классовъ, со включеніемъ и старшаго или послѣдняго. Высказываясь въ пользу допущенія означенныхъ книгъ въ народныя читальни, на засѣданіи 20-го мая 1888 г., особый отдѣлъ ученаго комитета и самъ совершенно далеки были отъ той мысли или цѣли, чтобы такимъ допущеніемъ опредѣлять назначеніе народныхъ читаленъ и для лицъ съ среднимъ образованіемъ, а предназначалъ эти читальни „для низшихъ классовъ населенія, съ допущеніемъ въ оныя несовершеннолѣтнихъ и учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а общественныя городскія библіотеки назначалъ для лицъ „болѣе образованныхъ“, съ воспрещеніемъ доступа въ эти библіотеки ученикамъ названныхъ учебныхъ заведеній, а равно и вообще несовершеннолѣтнимъ и простолюдинамъ“. Смыслъ этого допущенія былъ тотъ, что указанный первоначально для народныхъ читаленъ каталогъ книгъ для библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній, какъ приворовленный исключительно къ учебнымъ потребностямъ и цѣлямъ (въ той части, которая назначена для учительскихъ библіотекъ), признавался недостаточнымъ, а потому въ видахъ расширенія выбора книгъ для читаленъ и допущены къ обращенію въ нихъ и книги, показываемыя въ каталогѣ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Притомъ же допущеніе сихъ послѣднихъ было лишь временною мѣрой—выредъ до изданія министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ, спеціальнаго каталога книгъ и повременныхъ изданій, допускаемыхъ къ употребленію въ бесплатныхъ читальняхъ.

По этому пункту также происходили очень пространныя пренія въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета, хотя собственно пунктъ этотъ

самъ по себѣ не имѣеть большого значенія. Само собою разумѣется, что по изданіи спеціального каталога книгъ для бесплатныхъ читателей, исключительно имъ должны руководиться учредители читаленъ при первоначальномъ снабженіи и дальнѣйшемъ пополненіи ихъ книгами. Практическую важность имѣлъ бы при этомъ одинъ вопросъ: что дѣлать съ тѣми книгами, которыя были приобрѣтены для народныхъ читаленъ на основаніи каталога для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, до изданія еще спеціального каталога для читателей, по которыя не были включены въ сей послѣдній? Но счастью, относительно этого вопроса не возникло никакого разногласія въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета и никто не требовалъ исключенія изъ читаленъ всѣхъ тѣхъ книгъ, которыя были ими приобрѣтены на законномъ основаніи, то-есть, на основаніи каталоговъ для библиотекъ учебныхъ заведеній, до изданія спеціального каталога для читателей, и на основаніи сего послѣдняго, послѣ его изданія.

Допущеніе въ читальни книгъ, одобренныхъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, относительно которыхъ, по почину особаго отдѣла, состоялось въ концѣ 1888 г. соглашеніе между тремя вѣдомствами и которое было подтверждено и § 4-мъ правилъ 15-го мая 1890 г., хотя бы какъ и временная только мѣра впредь до изданія спеціального каталога книгъ для читателей, имѣеть и для настоящаго времени ту существенную важность, что этою мѣрою довольно точно были обозначены предѣлы, далѣе которыхъ не долженъ быть падти выборъ книгъ для читателей, было признано также, что и въ народѣ, понимаемомъ въ смыслѣ низшихъ сословій, классовъ и слоевъ населенія, для конхъ *главнѣйше*, а по мнѣнію одного или двухъ членовъ комитета—*исключительно* предназначены бесплатныя народныя читальни, могутъ быть лица, болѣе или менѣе многочисленные въ различныхъ мѣстностяхъ, коихъ образовательныя и воспитательныя потребности по части чтенія книгъ стоятъ не ниже таковыхъ же потребностей воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній и притомъ не только младшаго и средняго, но и старшаго возраста, и что потребности эти должны быть удовлетворены народными читальнями, а что книгами этого рода могутъ быть удовлетворены потребности и другихъ посѣтителей, не принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ или классамъ населенія, это говоритъ только въ пользу этой мѣры, въ пользу ея соответствія болѣе или менѣе пестрому и по образованію, и по сословному происхожденію составу массы

посѣтителей народныхъ читаленъ, и различнымъ умственнымъ потребностямъ этихъ посѣтителей.

Допущеніе въ народныя читальни книгъ, одобренныхъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, вовсе не значило и не значить, что всѣ эти книги *должны* быть приобрѣтаемы для читаленъ или *должны* войти въ каталогъ книгъ для народныхъ читаленъ, а только то, что изъ каталога книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній можно было и можно выбирать подходящія книги и для народныхъ читаленъ. Во второмъ изданіи каталога книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній 1896 г. и въ 1-мъ къ нему дополненіи 1897 года значится 2517 названій; изъ нихъ только 982 (39% или менѣе $\frac{2}{5}$ предыдущаго числа) внесены въ 3 изданіе (1900 г.) каталога книгъ для народныхъ читаленъ и составили въ этомъ каталогѣ съ небольшимъ четвертую часть его (25,4%), тогда какъ изъ каталога книгъ для библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній заимствовано 1280 названій (почти $\frac{1}{3}$ —33% всего числа названій каталога для читаленъ, и именно 338 или 8,7% только-что означеннаго каталога изъ учительскихъ библиотекъ и 942 или 24,56% изъ ученическихъ). Изъ ученическихъ библиотекъ какъ среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній такимъ образомъ заимствовано почти поровну (982—942 названія). Всего же названій, общихъ съ каталогами училищныхъ библиотекъ, имѣется въ каталогѣ книгъ для народныхъ читаленъ 2262 изъ 3867 или 58,5%, особо же разсмотрѣнныхъ и допущенныхъ только для народныхъ читаленъ 1605 названій (не много болѣе $\frac{2}{5}$, 41,5% всѣхъ названій каталога для читаленъ). Эти данныя показываютъ, какое значеніе имѣютъ для народныхъ читаленъ и ихъ каталога составъ ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ библиотекъ послѣднихъ: значеніе это выражается соотвѣтственно числами 254, 245 и 87 на 1 т. названій въ каталогѣ читаленъ. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія представляетъ помѣщаемая вслѣдъ за симъ таблица:

Составъ каталога книгъ и періодическихъ изданій для

ОТДѢЛЫ КАТАЛОГА.		Число страницъ каталога для отдѣла.	Число названій въ каждомъ отдѣлѣ.	Процентное отношеніе книгъ каждаго отдѣла ко всему числу книгъ.	Мѣсто каждаго отдѣла по числу его книгъ.
I.	Книги духовнаго содержанія.	26	336	8,67	5
II.	Исторія русская и всеобщая.	24	446	11,53	4
III.	Біографія.	8	135	3,49	7
IV.	Географія. Этнографія. Путешествія .	24	466	12,05	3
V.	Теорія словесности. Исторія литературы и искусствъ.	7	115	2,97	8
VI.	Словесность.	64	1.370	35,42	1
VII.	Естествовѣдніе. Сельское хозяйство.	28	569	14,71	2
VIII.	Медицина и Гигіена.	11	180	4,65	6
IX.	Педагогика. Психологія и Логика. . .	3	66	1,70	10
X.	Общественныя и юридическія науки. Законы.	2	36	0,93	12
XI.	Ремесла и производства.	3	42	1,08	11
XII.	Книги разнаго содержанія. Словари .	5	105	2,66	9
XIII.	Періодическія изданія ¹⁾	4	100	—	—
XIV.	Дополненіе (по февраль 1900 г.) ²⁾ . .	9	102	—	—
И т о г о.		218	3.867	99,86	—
XV.	Алфавитный списокъ авторовъ: . . .	22	1.892	100	—
	а) Русскихъ.	—	1.436	75,90	—
	б) Иностранныхъ.	—	456	24,10	—

¹⁾ Не включены въ итогъ.²⁾ Распределены по предыдущимъ отдѣламъ.

бесплатныхъ народныхъ читаленъ (3-ье изд. 1900 г. Спб.).

Число книгъ общихъ съ каталогами библиотекъ учебныхъ заведеній:									
Н и з ш и х ъ.				С р е д н и х ъ.				Число книгъ допущенныхъ отдѣльно въ бесплатныя библиотекы.	% отношеніе з).
А. Ученческихъ.	% отношеніе з).	Б. Учительскихъ.	% отношеніе з).	Число книгъ.	% отношеніе з).	Въ томъ числѣ общихъ.			
						Съ А.	Съ Б.		
112	33,3	22	6,6	131	п. 39	22	7	71	21,14
145	33,2	19	4,3	159	35,65	34	7	123	27,35
42	34	—	—	22	16,29	5	—	71	52,5
103	24,8	22	4,8	191	40,38	34	5	150	32,16
—	—	—	—	58	50	—	—	57	50
392	28,6	—	—	245	25,25	71	—	733	43
112	19,7	112	19,7	148	26,01	25	22	197	34,6
—	—	91	50	2	1,1	—	2	89	50
—	—	17	25,7	18	27,27	—	3	31	46,96
2	5,5	16	44,4	7	19,44	1	5	13	36,17
8	19	20	47,6	—	—	—	—	14	33,3
26	24,7	19	18	3	п. 2	—	—	57	54,3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
942	24,56	338	8,7	982	25,4	192	51	1.605	41,5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

з) % отношеніе къ общему числу книгъ того же отдѣла.

Если изъ 2517 названій каталога книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній всего 982 (менѣ $\frac{2}{5}$) перешли въ каталогъ для народныхъ читальнъ, то это отнюдь не можетъ быть поставлено въ укоръ первому изъ сихъ каталоговъ; это отнюдь не значитъ, чтобы въ немъ болѣе $\frac{2}{5}$ книгъ были съ какимъ-либо предосудительнымъ направленіемъ, или, чтобы въ немъ (въ 1-мъ изданіи 1889 г.) было не мало сочиненій, которыя, по замѣчаніямъ педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній, оказались для сихъ послѣднихъ непригодными. Оказалось такихъ сочиненій всего 6: это, конечно, очень немного сравнительно съ 1558 названіями каталога 1-го изданія, всего $\frac{1}{250}$ часть. Очень жаль, конечно, что и они оказались. Но не ошибается, какъ извѣстно, только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Какъ только ошибка эта была указана, она тотчасъ же и была исправлена, и означенныя 6 сочиненій были исключены изъ каталога во второмъ его изданіи, а 120 сочиненій, которыя признавались нѣкоторыми совѣтами за слишкомъ трудныя для юношескаго чтенія, отмѣнены во второмъ изданіи звѣздочками.

Но каталоги книгъ для ученическихъ библиотекъ, избѣгая сколько возможно допущенія книгъ предосудительныхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, содержатъ въ себѣ очень много указаній на такія книги, которыя нужны только для учебныхъ цѣлей, какъ справочныя и вспомогательныя книги при прохожденіи того или другого учебнаго курса, классическаго или реальнаго, какъ дополняющія собою тѣ или другіе учебники. Такія книги, конечно, были бы излишни въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ, и потому не были внесены въ специальный для нихъ каталогъ. Такъ, изъ книгъ математическаго содержанія ни одна не вошла въ каталогъ бесплатныхъ читальнъ, а изъ 337 книгъ по естествовѣдѣнію 148 (или п. 44%) были заимствованы изъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній; изъ 105 книгъ философскаго содержанія въ послѣднемъ каталогѣ всего 18 (17%) было перенесено и въ первый каталогъ, а изъ 281 книги религіозно-правственнаго содержанія 131 (46,6%) заимствованы для бесплатныхъ читальнъ. Такимъ образомъ наибольшее число заимствованій сдѣлано изъ отдѣла книгъ религіозно-правственнаго содержанія, затѣмъ изъ отдѣла словесности—303 изъ 684 или 44,3%; изъ отдѣла естествовѣдѣнія, какъ уже сказано, 148 изъ 337 или 44%; изъ отдѣла географіи 191 изъ 461 или 41,5%, и наконецъ, изъ отдѣла исторіи 181 изъ 610, или 30%, при чемъ наименьше

число заимствований приходится на долю древней истории, классической словесности и географии математической и физической, какъ менѣе соответствующихъ умственнымъ потребностямъ низшихъ классовъ населенія.

Кромѣ того, что въ каталогѣ книгъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ какого-либо случайнаго недосмотра, не можетъ быть книгъ въ какомъ-либо отношеніи предосудительныхъ, ни число заимствованій изъ этого каталога, ни самая обширность каталога книгъ для бесплатныхъ читателей, не представляютъ ни неудобствъ, ни еще менѣе какихъ-либо опасностей, въ виду § 11-го правилъ 15-го мая 1900 г. о томъ, что „наблюдающіе за читальнями и завѣдывающіе ими, при выборѣ книгъ и изданій для читателей, принимаютъ во вниманіе какъ средства читателей, такъ и образовательныя и воспитательныя потребности низшихъ сословій мѣстнаго населенія, образъ жизни и занятія ихъ, избѣгая при этомъ односторонняго подбора книгъ по извѣстнымъ отраслямъ знаній въ ущербъ книгъ религіозно-нравственнаго, патріотическаго и вообще назидательнаго содержанія“.

Тѣмъ не менѣе, дабы облегчить сколь можно болѣе эту задачу для наблюдающихъ за читальнями и завѣдующихъ ими, особый отдѣлъ ученаго комитета, за исключеніемъ одного лишь члена, полагалъ, что при слѣдующихъ изданіяхъ каталога для бесплатныхъ читателей надлежало бы обозначать особыми отмѣтками, какія изъ книгъ наиболѣе пригодны для небольшихъ сельскихъ бесплатныхъ читателей и какія книги не должны быть выдаваемы несовершеннолѣтнимъ. По противу этого предположенія было заявлено, что въ Россіи не мало такихъ селеній и торговопромышленныхъ центровъ, которые и многолюднѣе, и въ составѣ своего населенія имѣютъ болѣе образованныхъ простолюдиновъ, нежели нѣкоторые захолустные уѣздные города, не говоря уже о посадахъ и мѣстечкахъ. Съ другой стороны, и въ большіе города въ лѣтнее время приходитъ на заработки множество крестьянъ, которые имѣли бы такимъ образомъ возможность брать изъ городской читальни книги, не допущенныя для устроенныхъ на ихъ родинѣ сельскихъ читателей; дѣленіе же книгъ на книги для несовершеннолѣтнихъ и на книги для взрослыхъ потребовало бы тщательнаго пересмотра всего каталога и не облегчило бы завѣдующихъ читальнями, а скорѣе затруднило бы ихъ, ибо потребовало бы отъ нихъ распредѣленія каждаго отдѣла читальни на эти два подраздѣленія,

а главное, не легко было бы имъ рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, кто изъ посѣтителей долженъ быть отнесенъ къ числу несовершеннолѣтнихъ.

При дальнѣйшемъ обсужденіи этого дѣла въ засѣданіяхъ 22-го и 29-го января 1899 г., указывалось на быстрое увеличеніе числа бесплатныхъ читателей не только по городамъ и посадамъ, но и по селамъ (къ 1-му января 1899 г. ихъ насчитывалось до 3 т.), а также и на то, что, судя по отзывамъ періодической печати, книжный составъ читателей, открываемыхъ въ селахъ и деревняхъ, много проще по своему содержанію и дешевле по цѣнѣ сравнительно съ тѣмъ, котораго придерживаются учредители и составители библиотекъ въ городахъ и посадахъ, а также и въ селахъ съ большимъ ремесленнымъ, фабрично-заводскимъ или торговопромышленнымъ населеніемъ. Тогда какъ въ составѣ первыхъ преобладаютъ прежде всего книги религиозно-нравственнаго характера, а затѣмъ уже беллетристическаго, историческаго и техническаго (по сельскому хозяйству, ветеринаріи и т. д.) содержанія, при чемъ преимущественно въ видѣ дешовыхъ (5—10 к.) книжекъ и брошюръ, въ составѣ вторыхъ первое мѣсто занимаютъ беллетристика, исторія, путешествія, и затѣмъ уже книги духовно-нравственнаго содержанія и спеціальнаго характера; кромѣ того, въ этого рода читальняхъ книги всегда преобладаютъ передъ брошюрой, что и понятно при большихъ средствахъ, ассигнуемыхъ на такіа читальни городами и крупными селами, и при болѣе высокомъ уровнѣ развитія ихъ рабочаго, торговаго и служащаго въ разныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ населенія, сравнительно съ земледѣльческимъ населеніемъ мелкихъ селъ и деревень. Такимъ образомъ за послѣдніе годы сама жизнь рѣзко обозначила два разряда или вида бесплатныхъ народныхъ читателей и библиотекъ: 1) открываемыхъ вообще для низшихъ и *бѣдныхъ* классовъ населенія, и 2) открываемыхъ, въ частности, для малограмотныхъ, преимущественно деревенскихъ простолюдиновъ. Министерствомъ же между тѣмъ издастся одинъ *общій для всѣхъ* народныхъ читателей каталогъ книгъ, что при изясненыхъ выше обстоятельствахъ едва-ли удобно для руководства всѣхъ читателей. По мнѣнію особаго отдѣла, было бы своевременно и весьма полезно, въ цѣляхъ облегченія составителей народныхъ библиотекъ и завѣдующихъ читальнями, министерскій „каталогъ для бесплатныхъ народныхъ читателей“ издавать отнынѣ въ двухъ видахъ—*полномъ* для народныхъ библиотекъ перваго вида или разряда и *сокращенномъ*—для народныхъ библиотекъ втораго разряда. Существованіе двоякаго рода каталоговъ

и двоякаго рода бесплатныхъ народныхъ читаленъ облегчило бы и мѣстнымъ начальствующимъ лицамъ разрѣшеніе на открытіе читаленъ въ мѣстностяхъ съ населеніемъ, образованіе котораго не пошло далѣе курса начальнаго народнаго училища.

По вопросу о томъ, включать ли въ каталогъ для бесплатныхъ читаленъ только книги несомнѣнно хорошія и положительно полезныя или же, сверхъ того, и книги только безвредныя, весь особый отдѣлъ ученаго комитета, за исключеніемъ 1 члена, полагаеъ, что при нашей скудости и денежной, и литературной, едва ли возможно предъявлять слишкомъ высокія требованія для допущенія книгъ въ народныя читальни въ виду, между прочимъ, и того, что въ читальни много жертвуется книгъ различными лицами. Сколько-нибудь вредныя или сомнительныя изъ нихъ должны быть, конечно, бракуемы; но книги, ничего вреднаго съ себѣ не заключающія, изложенныя толково и грамотно, могли бы быть допускаемы, особенно если онѣ занимательны и забавны. Книги послѣдняго рода даже особенно цѣнны, ибо могутъ заохотить мало образованныхъ лицъ и привлечь ихъ къ чтенію. При томъ же надобно имѣть въ виду, что книга, не занесенная въ каталогъ, считается положительно запрещенною для народныхъ читаленъ. Попытки ученаго комитета допускать безвредныя только книги изъ числа жертвуемыхъ въ ту лишь читальню, въ которую онѣ пожертвованы, тотчасъ же возбуждали ходатайство со стороны другихъ читаленъ того же города, а затѣмъ и другихъ городовъ, о разрѣшеніи и имъ приобрести такія же книги. Смѣшивать безвредныя книги съ безсодержательными отнюдь не слѣдуетъ. Всякій знакомый съ практикою ученаго комитета хорошо знаетъ, что книги безсодержательныя всегда имъ бракуются именно за ихъ безсодержательность; здѣсь же имѣются въ виду книги, не отличающіяся ни особенною даровитостью авторовъ, ни особенною художественностью, ни особенною поучительностью, а безусловно безвредныя, болѣе или менѣе занимательныя и даже забавныя, отнюдь не безсодержательныя, толково и грамотно изложенныя и по возможности дешевыя. Образцовыхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ доступныхъ массѣ посѣтителей бесплатныхъ народныхъ читаленъ не много найдется въ нашей литературѣ; приходится довольствоваться и посредственными только произведеніями, если они ничего предосудительнаго въ себѣ не заключаютъ.

По вопросу о томъ, на сколько можно пользоваться помощью и содѣйствіемъ основнаго отдѣла ученаго комитета относительно вы

бора книгъ для народныхъ читаленъ, особый отдѣлъ ученаго комитета припоминалъ, что еще въ первомъ засѣданіи (11-го марта 1888 г.), въ которомъ было ему сообщено о Высочайшемъ повелѣніи, возлагавшемъ на него разсмотрѣніе каталоговъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, имъ было испрошено разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія пользоваться въ этомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ, при посредствѣ своего предсѣдателя, помощью и содѣйствіемъ обоихъ отдѣленій ученаго комитета: основнаго и по техническому и профессиональному образованію. Основному отдѣлу тѣмъ болѣе свойственно принять въ этомъ дѣлѣ участіе, что на немъ лежитъ разсмотрѣніе предназначенныхъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній книгъ, которыя въ большемъ числѣ могутъ оказаться пригодными и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. Необходимость такой помощи совершенно очевидна, ибо по имѣющимся свѣдѣніямъ въ Россіи на русскомъ языкѣ ежегодно выходитъ отъ 20 до 25 тыс. книгъ, книжекъ и брошюръ, не считая періодическихъ изданій, и хотя далеко не всѣ эти произведенія печати подлежатъ разсмотрѣнію ученаго комитета, но тѣмъ не менѣе его особый отдѣлъ совсѣмъ подавленъ и тою массою списковъ книгъ, какая ежегодно въ него поступаетъ съ ходатайствомъ о допущеніи этихъ книгъ въ читальни. И съ формальной точки зрѣнія препятствія къ такому пользованію содѣйствіемъ основнаго отдѣла устранены какъ вышеупомянутымъ разрѣшеніемъ министра народнаго просвѣщенія, такъ и текстомъ правилъ 15-го мая 1890 г., въ которыхъ упоминается не объ особомъ отдѣлѣ, а вообще объ ученомъ комитетѣ (§§ 4, 6, 7 и 8), какъ инстанціи, отъ которой зависитъ допущеніе книгъ въ народныя читальни, и наконецъ, установившеюся практикою сообщенія особому отдѣлу ученаго комитета опредѣленій по этой части основнаго отдѣла. Но въ видахъ вѣщей еще осторожности и принимая во вниманіе, что основной отдѣлъ ученаго комитета менѣе особаго отдѣла знакомъ со всѣми подробностями дѣла, относящихся къ народнымъ читальнямъ, особый отдѣлъ постановлялъ, чтобы мнѣнія основнаго отдѣла съ опредѣленіями о допущеніи книгъ въ бесплатныя читальни, предварительно представленія ихъ на утвержденіе высшаго начальства, прочитывались въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета и въ случаѣ его несогласія представлялись начальству съ опущеніемъ опредѣленія о допущеніи разсмотрѣнныхъ книгъ и въ народныя читальни. Но и въ этомъ случаѣ было заявлено особое мнѣніе, которымъ допускалось участіе основнаго отдѣла въ этомъ дѣлѣ на положеніи

какъ бы единоличнаго рецензента, такъ чтобы заслушанное въ немъ мнѣніе о книгѣ вновь обсуждалось въ особомъ отдѣлѣ и чтобы по заявленію его членовъ самая книга вновь разсматривалась, и опредѣленіе о допущеніи ея въ читальни шло къ высшему начальству отъ особаго отдѣла и за его отвѣтственностью, ибо Высочайшее повелѣніе 6-го февраля 1888 г. на особый отдѣлъ ученаго комитета возложило разсмотрѣніе книгъ для народныхъ читаленъ, и это Высочайшее повелѣніе остается до сихъ поръ не измѣненнымъ и не отмѣненнымъ.

Наконецъ, по вопросу о наблюдѣніи за допущенными въ безплатныя народныя читальни періодическими изданіями (таковыхъ было 80 въ 1898 г. и 100 по каталогу 1900 г.), особый отдѣлъ полагалъ, что взять на себя такое наблюдѣніе ему рѣшительно не по силамъ. Достаточно было бы просить главное управленіе по дѣламъ печати, которое по обязанности слѣдитъ за ними, сообщать министерству народнаго просвѣщенія о тѣхъ изъ допущенныхъ въ народныя читальни періодическихъ изданій, которыя въ текущемъ году измѣнили къ худшему свое направленіе и поэтому не заслуживаютъ дальнѣйшаго допущенія въ читальни. Министерство народнаго просвѣщенія увѣдомляло бы о семъ губернаторовъ, епархіальныхъ начальства и попечителей учебныхъ округовъ для извѣщенія наблюдателей за читальнями о воспрещеніи подписываться на эти изданія на предстоящій годъ; при ближайшемъ же новомъ изданіи каталога для читаленъ такія періодическія изданія были бы изъ него исключаемы. Это не должно было бы препятствовать тѣмъ членамъ ученаго комитета, которые имѣютъ возможность слѣдить за какимъ-либо изъ допущенныхъ въ народныя читальни періодическихъ изданій, въ случаѣ обнаруженія въ немъ чего-либо предосудительнаго, доводить о томъ до свѣдѣнія особаго отдѣла ученаго комитета для зависящихъ отъ него распоряженій.

Противъ этого послѣдовало такое возраженіе. Особый отдѣлъ ученаго комитета признаетъ для себя непосильнымъ наблюдѣніе за періодическими изданіями, допущенными однажды въ народныя читальни; по опытовъ такого наблюдѣнія не было, ибо изъ 80—100 періодическихъ изданій лишь 10 получаютъ ученымъ комитетомъ, и они не распределены между членами для таковаго наблюдѣнія. Поэтому нѣтъ основанія особому отдѣлу признать себя несостоятельнымъ по этой части и просить о сложеніи съ него этой обязанности и о возложеніи ея на главное управленіе по дѣламъ печати и подвѣдомле ему цензур-

ные комитеты. Цензурное вѣдомство слѣдить не за одними періодическими изданіями, а за всѣми произведеніями печати, и тѣмъ не менѣе самъ же министръ внутреннихъ дѣлъ признавалъ, что надзоръ за читальнями „долженъ сосредоточиваться главнымъ образомъ на правильномъ и цѣлесообразномъ выборѣ произведеній печати для читателей“, и что такой выборъ наилучше можетъ производить не министерство внутреннихъ дѣлъ, а учебное вѣдомство. „Только одно министерство народнаго просвѣщенія, не стѣсняемое цензурными правилами, какъ писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 5-го февраля 1894 г., можетъ указать съ достаточною компетентностью, какія именно книги изъ числа изданныхъ и издающихся для народа вредно вліяютъ на народное развитіе“.

Когда Варшавскимъ генераль-губернаторомъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы для разсмотрѣнія и одобренія книгъ для школьныхъ и вѣшкольныхъ библіотекъ Привислинскаго края учредить въ Варшавѣ особую комиссію изъ чиновъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ (въ томъ числѣ одного цензора Варшавскаго цензурнаго комитета) и народнаго просвѣщенія, съ предоставленіемъ генераль-губернатору совмѣстно съ попечителемъ округа права утверждать списки книгъ, одобренныхъ этою комиссіей, то особый отдѣлъ ученаго комитета въ засѣданіи 24-го апрѣля 1898 г. высказался противъ этого предположенія и въ пользу того, чтобы книги на русскомъ языкѣ разсматривались обычнымъ порядкомъ, а книги на польскомъ языкѣ попечительнымъ совѣтомъ, съ чѣмъ согласился и Варшавскій генераль-губернаторъ. Но по отношенію къ мѣстнымъ періодическимъ изданіямъ министерство народнаго просвѣщенія не только не рѣшилось устранить учебное вѣдомство отъ участія въ дѣлѣ допущенія ихъ въ народныя читальни, но сохранило (въ цирк. предлож. отъ 17-го февраля 1899 г.) за этимъ вѣдомствомъ главенствующее значеніе, ибо вопросы этого рода должны быть рѣшаемы по соглашенію попечителя учебнаго округа съ губернаторомъ и спархіальнымъ архіереемъ, хотя первоначально въ этомъ вопросѣ, возникшемъ по почину министра финансовъ, такое значеніе присвоилось губернаторамъ.

Дѣло, по мнѣнію одного члена, могло бы быть устроено въ такомъ видѣ: наблюденіе за періодическими изданіями для народныхъ читателей слѣдуетъ распредѣлять между членами всѣхъ трехъ отдѣленій ученаго комитета съ привлеченіемъ къ этому дѣлу, быть можетъ, и нѣкоторыхъ членовъ совѣта министра, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ обнаруженія чего-либо предосудительнаго въ порученныхъ

каждому изъ нихъ изданiяхъ, они сообщали свои замѣчанiя особому отдѣлу, а если бы и этихъ силъ оказалось недостаточно, надлежало бы привлечь къ этому дѣлу и мѣстныхъ наблюдателей за читальницами по выбору попечителейъ учебныхъ округовъ: гдѣ предложено же министерствомъ народнаго просвѣщенiя въ циркулярѣ отъ 19-го марта 1897 г. наблюдателямъ за мѣстными читальницами высказывать ихъ мнѣнiе о тѣхъ книгахъ, о допущенiи коихъ они ходатайствуютъ, и основной отдѣлъ ученаго комитета обнаруживасть же готовность помогать особому отдѣлу, указывая на пригодность тѣхъ или другихъ книгъ для народныхъ читателей. Что же касается до самихъ этихъ изданiй, то редакции ихъ несомнѣнно не откажутся высылать по одному экземпляру въ ученый комитетъ, коль скоро имъ будетъ объяснена цѣль этой высылки; буде же откажутся, то слѣдуетъ обратиться къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о доставленiи въ ученый комитетъ по одному экземпляру каждаго изъ періодическихъ изданiй, допущенныхъ въ народныя читальни, для постояннаго за ними наблюденiя.

При этомъ не были однако же приняты во вниманiе многiя обстоятельства. При самомъ возникновенiи особаго отдѣла шла дѣятельная переписка съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о доставленiи въ ученый комитетъ, по одному экземпляру, всѣхъ книгъ и книжонокъ, предназначенныхъ или пригодныхъ для народнаго чтенiя, и на всѣ подобныя ходатайства министерство внутреннихъ дѣлъ постоянно отвѣчало отказомъ, ссылаясь, между прочимъ, на немнѣнiе въ собственномъ его распоряженiи лишнихъ экземпляровъ и на невозможность требовать отъ издателей доставки бѣльшаго противъ установленнаго лимита числа экземпляровъ. Что же касается до самихъ редакций, то не всѣ изъ нихъ подчинились бы этому требованiю, и едва ли ученый комитетъ имѣлъ бы право или основанiе пригрозить, въ случаѣ недоставки ему журнала или газеты, исключить ихъ изъ числа допущенныхъ въ народныя читальни. Пришлось бы по всей вѣроятности затрачивать не малыя суммы ежегодно на выписку для ученаго комитета цѣлой сотни періодическихъ изданiй. Далѣе, возложить на членовъ всѣхъ трехъ отдѣленiй ученаго комитета и даже на нѣкоторыхъ членовъ совѣта министра такую обузу какъ постоянное и своевременное, по безвозмездное, наблюденiе за нѣсколькими періодическими изданiями и съ обязанностию докладывать устно или письменно о результатѣ своихъ наблюденiй особому отдѣлу, едва ли возможно съ соблюденiемъ требованiй спра-

ведливости и служебнаго приличія и съ какимъ-либо расчетомъ на успѣхъ. Съ своей стороны предсѣдатель ученаго комитета не разъ распредѣлялъ между членами особаго отдѣла ученаго комитета журналы, допущенные въ ученическія библіотеки различныхъ учебныхъ заведеній съ просьбою слѣдить за ними и докладывать особому отдѣлу, если найдутъ въ нихъ что-либо не подходящее для чтенія дѣтей и юношей, и хотя почтенные сочлены не отказывались прямо отъ этихъ предложеній, но не было ни одного случая обнаруженія ими чего-либо предосудительнаго въ поступающихъ къ нимъ на просмотръ нумерахъ изданій или даже предъявленія какихъ-либо доказательствъ, что они читали какіе-либо изъ этихъ нумеровъ, а между тѣмъ членовъ особаго отдѣла это наблюденіе наиболѣе касалось, такъ какъ болшею частью на основаніи ихъ же отзывовъ допускались тѣ или другія изданія въ школьныя библіотеки и далеко не въ такомъ числѣ, въ какомъ нынѣ они допущены въ народныя читальни. Основной отдѣлъ едва-ли можетъ имѣть какую-либо охоту или готовность помогать особому отдѣлу ученаго комитета въ дѣлѣ разсмотрѣнія книгъ или вообще произведеній печати для народныхъ читаленъ, и если отъ высказывается въ пользу допущенія тѣхъ или другихъ книгъ въ читальни, то это не иначе какъ попутно, при разсмотрѣніи пригодности этихъ книгъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, и то болшею частью по предварительному вопросу предсѣдателя, не могла ли бы данная книга быть пригодна и для народныхъ читаленъ. Но лишь весьма немногія періодическія изданія допущены въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, и книжки ихъ могутъ быть выдаваемы ученикамъ не иначе какъ по предварительномъ просмотрѣ каждой изъ нихъ кѣмъ-либо изъ членовъ педагогическаго совѣта средней школы, по порученію совѣта. Точно также большая разница, предложить ли наблюдателямъ за мѣстными читальнями, въ случаѣ ихъ желанія пріобрѣсти какія-либо книги для нихъ, дать о пригодности этихъ книгъ краткій отзывъ особому отдѣлу, или же требовать отъ нихъ постоянного дароваго сотрудничества этому отдѣлу по наблюденію за періодическими изданіями, допущенными въ народныя читальни.

Если желательно сохранить за министерствомъ народнаго просвѣщенія и ближайше за особымъ отдѣломъ ученаго комитета постоянное наблюденіе за однажды допущенными въ народныя читальни періодическими изданіями, то можно или ограничиваться пересмотромъ тѣхъ изъ этихъ изданій, въ конхъ перемѣнилась редакція или стало извѣстно

о перемѣнѣ направленія, при чемъ имѣть ни малѣйшаго основанія не просить въ этомъ дѣлѣ содѣйствія со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати въ видѣ сообщенія его мнѣнія, приблизительно къ началу октября, не слѣдовало ли бы воспретить народнымъ читальнямъ подписку на какое-либо изъ этихъ изданій на предстоящій годъ, или же, въ видахъ болѣе строгаго наблюденія за всѣми періодическими изданіями, допущенными въ народныя читальни, можно было бы распредѣлить эти изданія между членами всѣхъ трехъ отдѣленій ученаго комитета, съ привлеченіемъ, въ случаѣ надобности, и постороннихъ лицъ, свѣдущихъ и надежныхъ, но не иначе какъ съ собственнаго согласія тѣхъ и другихъ и за особое вознагражденіе въ соотвѣтствіи съ размѣрами изданій и трудностью или утомительностью ихъ разсмотрѣнія, на чтѣ потребовались бы по малымъ суммамъ въ виду многочисленности допущенныхъ въ читальни изданій, — суммы, которыя едва ли бы окупились соразмѣрною имъ пользою.

При дальнѣйшемъ пересмотрѣ всего этого дѣла мнѣнію особаго отдѣла ученаго комитета было придано такое значеніе, будто бы имъ имѣется въ виду реформа народныхъ читаленъ, расширеніе ихъ задачи, подчиненіе чрезъ нихъ правительственному руководительству и охраненію чтенія не только народа, въ смыслѣ низшихъ сословій и классовъ населенія, но и лицъ болѣе образованныхъ до средняго образованія включительно и даже вообще лицъ бѣдныхъ, на какой бы степени образованія они ни стояли, а такое руководство, если бы оно и было желательно, было бы неосуществимо, ибо этимъ болѣе образованнымъ лицамъ открытъ доступъ въ любыя публичныя и частныя библіотеки и читальни, не подчиненныя правиламъ 15-го мая 1890 г., и во всякомъ случаѣ по этому предмету пришлось бы вступить въ новое соглашеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и съ духовнымъ вѣдомствомъ. Притомъ же если и теперь особый отдѣлъ ученаго комитета крайне обремененъ выборомъ книгъ для народныхъ читаленъ, предназначаемыхъ только для низшихъ классовъ населенія, то съ распространеніемъ правительственнаго руководства и охраны на всѣ классы населенія комитету пришлось бы слѣдить за всюю текущею литературою и придти къ такому же заключенію, котораго давно добиваются извѣстные ревнители, желающіе развивать народъ въ извѣстномъ, несогласномъ съ видами правительства, направленіи, т.-е., къ допущенію въ читальни всѣхъ произведеній печати, выходящихъ въ свѣтъ на основаніи дѣйствующаго нынѣ устава о печати.

Во всякомъ случаѣ прежде чѣмъ распространять правительствен-

ное руководство и охраненіе по части чтенія на всѣ классы населенія, нужно позаботиться о надлежащемъ выполненіи задачи народнѣхъ читаленъ по отношенію къ народу или къ низшимъ классамъ населенія, а для сего нужно, чтобы: а) въ каталогъ книгъ для читаленъ вносились книги, подходящія для этихъ классовъ, а не включались въ число книгъ для народныхъ библіотекъ такія книги, какъ сочиненія Достоевскаго, какъ это дѣлалось доселѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія; б) чтобы каталогъ книгъ для народныхъ читаленъ или дополненія къ нему издавались своевременно, т.-е., по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, чего нынѣ не дѣлается и что вызываетъ недовольство со стороны лицъ, имѣющихъ дѣло съ народными читальнями; в) чтобы означенный каталогъ въ отношеніи его полноты стоялъ на уровнѣ съ прежнею и текущею литературою книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія, каковому требованію каталогъ министерства нынѣ рѣшительно не удовлетворяетъ ¹⁾, чѣмъ также вызываетъ справедливыя нареканія на министерство народнаго просвѣщенія; г) чтобы министерство, вносящее въ каталогъ для народныхъ читаленъ извѣстныя періодическія изданія, само и слѣдило за направлениемъ этихъ изданій, между тѣмъ комитетъ желаетъ уклониться отъ этой обязанности подъ тѣмъ предлогомъ, что это трудная работа, и д) чтобы для надлежащаго наблюденія за народными читальнями, относящимися къ обязанностямъ учебнаго и духовнаго вѣдомствъ, было потребное число подходящихъ для сего лицъ отъ того или другого вѣдомства, и чтобы недостатокъ такихъ лицъ не служилъ причиною замедленія въ открытіи народныхъ читаленъ, что также вызываетъ нареканія.

Сущность дѣла и исходное побужденіе къ изданію правилъ для народныхъ читаленъ состоятъ-де въ томъ, чтобы, доставляя низшимъ классамъ населенія возможность читать книги, охранять при семъ эти классы отъ чтенія книгъ вредныхъ для сихъ классовъ и вообще неподходящихъ для нихъ. Но такая задача или цѣль выполнима только при условіи, если читальни будутъ обязаны имѣть въ виду только эти классы и если соотвѣтственно сему въ читальни будутъ допускаемы только книги, пригодныя для этихъ классовъ. Если же

¹⁾ Къ сожалѣнію, подобныя заявленія, хотя и дѣлаются довольно часто съ разныхъ сторонъ, но почти никогда не подкрѣпляются никакими доводами или доказательствами, примѣрами или указаніями, а это было бы совершенно необходимо и полезно, ибо особый отдѣлъ ученаго комитета, конечно, не замедлилъ бы, на сколько возможно, воспользоваться этими указаніями.

задачу читаленъ распространить и на всѣхъ лицъ съ образованіемъ до средняго включительно, то задача читаленъ собственно по охраненію народа или низшихъ слоевъ населенія отъ чтенія книгъ не подходящихъ для народа окажется совершенно недостижимою, такъ какъ съ указаннымъ расширеніемъ задачи читаленъ въ нихъ пришлось бы допускать и послѣдняго рода книги, то-есть, пригодныя для лицъ изъ другихъ классовъ населенія, но не пригодныя для народа или низшихъ классовъ населенія. Слѣдовательно, вмѣсто охраненія народа отъ неподходящихъ для него книгъ, оказалось бы привлеченіе народа къ чтенію такихъ книгъ...

Комитетъ, дабы найти выходъ изъ этого затрудненія, сперва предполагалъ раздѣлить читальни на городскія и сельскія, а потомъ предполагалъ установить два разряда читаленъ: 1-го и 2-го разряда, съ тѣмъ чтобы для каждаго разряда читаленъ былъ свой особый каталогъ книгъ: для читаленъ 1-го разряда—каталогъ полный, то-есть, допускающій въ читальни и книги не пригодныя для народа, а для читаленъ 2-го разряда—каталогъ сокращенный, допускающій въ читальни только книги пригодныя для народа или низшихъ классовъ населенія, а не допускающій книгъ нужныхъ для другихъ. Но противники этой реформы указываютъ для примѣра на Петербургъ и Москву. Если гдѣ, то именно въ этихъ двухъ столицахъ, надлежало бы имѣть читальни 1-го разряда, пользующіяся полнымъ министерскимъ каталогомъ, а между тѣмъ изъ „первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи“, произведенной 28-го января 1897 г., оказывается, что населеніе нашихъ столицъ сильно возрастаетъ, что возрастаніе это происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе прилива въ столицы крестьянскаго населенія, что въ С.-Петербургѣ съ его пригородами на каждую сотню жителей приходится 59 крестьянъ, а въ Москвѣ съ ея пригородными участками болѣе 63, собственно же въ городской чертѣ С.-Петербурга крестьяне составляютъ болѣе 57%, а въ городской чертѣ Москвы почти тѣ же 63%; что въ С.-Петербургѣ къ крестьянскому сословію принадлежитъ уже не $\frac{2}{5}$ всего населенія, какъ было 15 лѣтъ тому назадъ, а почти $\frac{3}{5}$, а въ Москвѣ почти $\frac{3}{4}$ всего населенія столицы, и что въ С.-Петербургѣ (безъ пригородовъ) за 15 послѣднихъ лѣтъ крестьянское населеніе возрасло на 80%, а въ Москвѣ—на 66%. Ссылаются и на тѣ свѣдѣнія о посѣтителяхъ 6 безплатныхъ С.-Петербургскихъ читаленъ, которыя приведены выше на стр. 28-й. Сверхъ того указываютъ, кромѣ упомянутыхъ выше затрудненій для особаго отдѣла ученаго комитета слѣдить не за народною только литературой,

но за всею текущею литературой, и издавать два каталога—полный и сокращенный, еще на затрудненіе и для гражданскихъ начальствъ при рѣшеніи, гдѣ какія учреждать читальни, и для учебнаго и духовнаго вѣдомствъ при выборѣ наблюдателей за перворазрядными читальнями. Особый отдѣлъ ученаго комитета, очевидно, сознаеть-де невозможность, при помощи однихъ и тѣхъ же читателей народныхъ, правительственнаго руководства и огражденія по части чтенія какъ низшихъ классовъ населенія, такъ и всѣхъ прочихъ, и потому, кромѣ народныхъ читателей съ пригодными для низшихъ классовъ населенія книгами, предлагаетъ и другія читальни, въ коихъ будутъ книги и пригодныя, и непригодныя для низшихъ классовъ населенія. Но такое смѣшеніе можетъ быть желательнo для ревнителей образованія и развитія народа въ томъ духѣ и направленіи, которые никакъ не могутъ быть одобрены съ правительственной точки зрѣнія, и непонятно, почему въ эту же сторону клонить дѣло и особый отдѣлъ ученаго комитета.

Какъ народныя читальни, такъ и книжные склады, говорятъ далѣе, должны существовать для удовлетворенія образовательнымъ и воспитательнымъ потребностямъ только низшихъ классовъ населенія, и вопреки ходатайству курскаго губернскаго земскаго собранія о томъ, чтобы въ книжные склады по разнымъ городамъ и селеніямъ были допускаемы всѣ книги, выходящія съ дозволенія цензуры, въ книжныхъ складахъ должны быть тѣ же книги, которыя разрѣшаются для народныхъ читателей, ибо читальни служатъ народу безплатною дачею книгъ, а книжные склады—ихъ продажею. На необходимость упорядоченія дѣятельности книжныхъ складовъ есть весьма вѣскія указанія высшей мѣстной администраціи именно въ видахъ прекращенія постоянно усиливающагося пагубнаго вліянія тенденціозной литературы на народныя массы. При допущеніи же какъ въ народныя читальни, такъ и въ книжные склады, и другихъ книгъ сверхъ пригодныхъ для низшихъ классовъ населенія, ни народныя читальни, ни книжные склады не могутъ быть такими учрежденіями, при посредствѣ коихъ правительство могло бы руководить народъ или низшіе классы населенія и охранять ихъ по части чтенія книгъ. Тѣмъ или другимъ книжнымъ составомъ тѣхъ или другихъ читателей никакъ нельзя опредѣлять того круга лицъ, для котораго онѣ назначены, а наоборотъ книжный составъ читателей долженъ быть опредѣленъ и соображенъ съ потребностями и уровнемъ образованія и развитія тѣхъ классовъ населенія, для коихъ читальни предназначены, то-есть, низшихъ классовъ населенія. Въ читальни,

на основаніи п. ж § 4 правилъ 15-го мая 1890 г., было дозволено, да и нынѣ дозволяется, пріобрѣтать всѣ книги и изданія, выходящія съ разрѣшенія духовной цензуры и духовнаго начальства, въ томъ числѣ, конечно, и такія, которыя предназначаются и для лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Значить ли это, что народныя читальни должны имѣть въ виду удовлетвореніе умственныхъ потребностей лицъ съ высшимъ образованіемъ богословскимъ?

Лучше совсѣмъ отказаться отъ правилъ 15-го мая 1890 г. о народныхъ читальняхъ, то-есть, отъ особаго правительственнаго руководства и охраненія народа по части чтенія книгъ, какое установлено означенными правилами, чѣмъ рѣшиться на указанное расширеніе задачи народныхъ читаленъ и тѣмъ обращать означенное руководство въ фикцію, а народъ вводитъ въ заблужденіе, что будто всѣ книги, допускаемыя въ народныя читальни, для него пригодны.

Во всемъ этомъ есть не мало весьма вѣрныхъ и вѣскихъ замѣчаній; но съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не усмотрѣть въ нихъ и болыной склонности къ одностороннему и произвольному истолкованію и самыхъ фактовъ, и чужихъ мнѣній. Такъ, можно подумать, будто бы народныя читальни устроены самимъ правительствомъ съ цѣлью руководить, охранять и ограждать низшіе классы населенія по части чтенія книгъ, тогда какъ на дѣлѣ было совсѣмъ иначе: устраивались и устраиваются бесплатныя читальни частными лицами и обществами, земствами и городскими управами, и сами учредители ихъ прямо заявляли, что имѣли въ виду не одни низшіе классы населенія, а и всѣхъ, кому не легко пользоваться иными библіотеками (см. выше заявленіе бывшаго въ пору учрежденія первыхъ Петербургскихъ читаленъ городского головы, нынѣ сенатора, д. т. сов. В. Н. Лихачева).

Далѣе, можно подумать, что особый отдѣлъ ученаго комитета дѣйствительно имѣлъ въ виду и предлагалъ расширить задачу и назначеніе бесплатныхъ читаленъ и подчинить чтеніе книгъ лицами всѣхъ общественныхъ классовъ съ среднимъ и даже съ высшимъ образованіемъ руководительству, охранѣ и огражденію со стороны правительства, между тѣмъ какъ особый отдѣлъ не видѣлъ только никакого худа, а напротивъ усматривалъ много хорошаго, въ томъ, что бесплатныя народныя читальни, служа *лишь* умственнымъ потребностямъ низшихъ классовъ населенія, за удовлетвореніемъ сихъ послѣднихъ, будутъ и прочимъ не малочисленнымъ своимъ посѣтителемъ предлагать чтеніе безвредное, здоровое и по возможности хорошее и полезное. Такого же взгляда, очевидно, держался всѣ

три вѣдомства—народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и духовное, допуская въ народныя читальни, наряду съ книгами, одобренными для низшихъ училищъ, также и книги, одобренныя для учебныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, и вообще всѣ книги и изданія, вышедшія въ свѣтъ съ разрѣшенія духовной цензуры и вообще духовнаго начальства, хотя между этими книгами есть не мало такихъ, которыя превышаютъ уровень развитія и умственныхъ потребности низшихъ классовъ населенія, а также журналы и газеты, издаваемые вообще для болѣе образованныхъ общественныхъ классовъ.

Наконецъ, во всемъ этомъ дѣлѣ наибольшее значеніе слѣдовало бы придавать не принадлежности посѣтителей безплатныхъ читальнь къ тому или другому сословію, а степени ихъ образованія, и хотя бы огромное большинство ихъ въ своемъ образованіи не пошло далѣе курса начальныхъ училищъ, все же едва ли кто рѣшится утверждать, что всѣ посѣтители безплатныхъ народныхъ читальнь, принадлежащіе къ низшимъ классамъ населенія, стоятъ на одной и той же низкой степени образованія, соответствующей курсу начальныхъ народныхъ училищъ, и что выборъ книгъ для безплатныхъ читальнь долженъ быть приуроченъ исключительно къ этому низшему уровню образованія.

Въ концѣ концовъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія П. П. Боголюбовъ предложилъ, 23-го мая 1900 г. особому отдѣлу ученаго комитета при разсмотрѣніи книгъ для народныхъ читальнь руководствоваться тѣмъ возрѣніемъ, что читальни эти предназначены исключительно для низшихъ классовъ, слоевъ или сословій народа, предположеніе о раздѣленіи читальнь на два разряда и объ изданіи для нихъ двухъ каталоговъ оставить безъ послѣдствій, по всѣмъ же другимъ вопросамъ, относящимся до народныхъ читальнь и обсуждавшимся въ особомъ отдѣлѣ ученаго комитета, равно какъ и объ установленіи цензуры для сочиненій, направляемыхъ къ обращенію въ народъ, предполагалъ дать особыя указанія, чего за преждевременною своею кончиной не успѣлъ сдѣлать. Ближайшія практическія послѣдствія этого рѣшенія бывшего министра могутъ быть опредѣлены нижеслѣдующимъ образомъ на основаніи записокъ П. А. Липина, мнѣніе котораго по этому вопросу о назначеніи народныхъ читальнь было волюнѣ одобрено покойнымъ министромъ. Съ признаніемъ читальнь назначенными для низшихъ классовъ и сословій населенія, назначеніе это будетъ обнимать, кромѣ лицъ крестьянскаго и мѣщан-

скаго сословія, получившихъ начальное или низшее образованіе, и такія лица изъ другихъ сословія, кои по уровню ихъ развитія и условіямъ жизни приближаются къ означеннымъ лицамъ изъ низшихъ сословія... Указанное назначеніе обнимаетъ не одно „простонародье“ и не однихъ простолюдиновъ, стоящихъ на низшей ступени умственного развитія, но и тѣхъ „простолюдиновъ“, которые обучались въ начальныхъ училищахъ и даже тѣхъ, которые обучались въ уѣздныхъ и городскихъ по положенію 1872 г. училищахъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведенійхъ, по послѣ этого обученія остались при условіяхъ жизни и занятійхъ, свойственныхъ низшимъ классамъ населенія... Соответственно такому назначенію читаленъ или составу ихъ читателей, и кругъ книгъ, могущихъ быть въ нихъ употребляемыми, расширится сравнительно съ тѣмъ, какой имѣлъ въ виду комитетъ, рѣшая вопросъ о назначеніи читаленъ въ принятой имъ постановкѣ сего вопроса, т.-е., въ примѣненіи только къ простонародью и къ простолюдинамъ, стоящимъ на низшей ступени развитія. Такимъ образомъ при указанномъ назначеніи читаленъ можетъ и не произойти той пертурбаціи въ книжномъ составѣ существующихъ читаленъ и нормального для нихъ каталога, на которую указываетъ комитетъ. При чтеніи заявленій особаго отдѣла ученаго комитета,—продолжаетъ Н. А. Аннинъ,—„можно подумать, что будто къ-мъ-то предлагается или требуется, чтобы немедленно какъ изъ нормального каталога, такъ и изъ существующихъ читаленъ, были изъяты всѣ книги, не отвѣчающія потребностямъ и уровню развитія низшихъ классовъ и сословія населенія. Но такого предложенія или требованія никто не предъявлялъ... Могутъ однако сказать, что... все-таки въ названныхъ читальняхъ и каталогѣ окажется, безъ сомнѣнія, известное число книгъ, не подходящихъ для названныхъ классовъ и сословія... Какъ же съ этими книгами поступать?.. Съ изданіемъ каталога для народныхъ читаленъ комитетъ или вообще министерство не требовало изыятія не показанныхъ въ каталогѣ, но допущенныхъ для учебныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, книгъ изъ существующихъ читаленъ, такъ что обязательность примѣненія означеннаго каталога къ этимъ читальнямъ не простиралась на упомянутого рода книги. Такимъ же образомъ, конечно, слѣдуетъ поступить по отношенію къ существующимъ читальнямъ и въ настоящее время, т.-е., оставить въ нихъ и тѣ книги, кои не отвѣчаютъ уровню развитія и потребностямъ низшихъ классовъ и сословія, но поступили въ читальни на законномъ основаніи, т.-е., до изданія нормального каталога, на основаніи § 4 правилъ

15-го мая 1890 г., а по изданіи сего каталога — на основаніи сего каталога“.

При опредѣленіи назначенія народныхъ читальнь, рѣшающее значеніе должно принадлежать, по словамъ П. А. Аннина, не 700 существовавшимъ въ то время читальнямъ, а совокупности слѣдующихъ данныхъ: а) тому числу народныхъ читальнь, которое можетъ быть устроено въ будущемъ, особенно на средства попечительства о народной трезвости, открытыхъ за послѣднее время въ большинствѣ мѣстностей Имперіи (наше говоря, на средства казны); б) количеству (30 т.) учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ могутъ находиться, между прочимъ, всѣ книги, допущенныя въ народныя читальни (но также и книги, одобренныя для училищескихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ то объяснено на стр. 35 каталога книгъ для низшихъ училищъ, изд. 1897 г.); в) тому количеству библіотекъ начальныхъ училищъ, которое (согласно предположенію состоящаго подъ предѣдательствомъ П. А. Аннина при министерствѣ народнаго просвѣщенія совѣщанія о внѣшкольномъ образованіи) „должно быть приспособлено къ потребностямъ народа въ чтеніи книгъ и которое будетъ исчисляться не сотнями, а тысячами (число начальныхъ училищъ превышаетъ 30 т.); г) тому количеству складовъ книгъ для народнаго чтенія, которое нынѣ существуетъ и можетъ быть открыто въ будущемъ, и д) наконецъ, той массѣ сочиненій для народнаго чтенія, которая можетъ пройти въ печать чрезъ цензуру особаго комитета ¹⁾, предложеннаго къ учрежденію по мысли вышеупомянутаго совѣщанія, и затѣмъ распространяться въ народѣ. При такомъ положеніи дѣла, — продолжаетъ П. А. Аннинъ, — министерству народнаго просвѣщенія предстояло бы... изыскать извѣстный путь постепенности для изысканія по существующимъ читальнямъ книгъ, не отвѣчающихъ ихъ назначенію (для низшихъ классовъ населенія), если бы въ такомъ изысканіи была настоятельная надобность. Но таковой надобности не имѣется“. Что же касается до каталога и дополнительныхъ къ нему списковъ, напечатанныхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, то „само собою разумѣется, что показанныя въ нихъ, но не отвѣчающія назначенію народныхъ читальнь книги, не должны быть вносимы въ каталогъ при первомъ новомъ его изданіи и что при семъ изданіи каталога въ немъ должны быть опущены лишь такія книги, кои окажутся наиболѣе не подхо-

¹⁾ См. на стр. 62—65. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за апрѣль 1902 г.

дящими для низшихъ классовъ и сословій населенія. Само собою разумѣется также, что если пересмотръ каталога покажетъ скудость или недостатокъ въ немъ книгъ, пригодныхъ для народныхъ читателей, то этотъ недостатокъ долженъ быть восполненъ по возможности въ ближайшій срокъ“... Надлежитъ „ныгѣ же приступить къ пересмотру каталога для народныхъ читателей для выясненія, какія именно изъ показанныхъ въ немъ книгъ оказываются не подходящими для народныхъ читателей при упомянутомъ ихъ назначеніи“ (для низшихъ классовъ и сословій населенія). Назначеніе это должно быть подтверждено въ видѣхъ устраненія какихъ-либо недоразумѣній по центральному управленію министерства народнаго просвѣщенія на будущее время, съ разъясненіемъ, что „посѣщеніе сихъ читателей лицами другихъ классовъ и сословій не измѣняетъ указаннаго назначенія читателей“.

Вопросъ о тѣхъ степеняхъ образованія посѣтителѣй читателей, съ коими должно сообразоваться при допущеніи въ нихъ книгъ, все-таки остается недостаточно разъясненнымъ. Требуется разъяснить, допускаются ли, что читальни предназначены для лицъ низшихъ классовъ и сословій населенія съ образованіемъ не только начальныхъ народныхъ, но и вѣздныхъ и городскихъ по положенію 1872 года училищъ, а также ремесленныхъ, низшихъ техническихъ, низшихъ сельскохозяйственныхъ, низшихъ коммерческихъ, фельдшерскихъ и другихъ профессиональныхъ школъ и по меньшей мѣрѣ 4-хъ низшихъ классовъ гимназій, коими довольствуются бывшіе алгокарскіе ученики, и таковыхъ же классовъ реальныхъ училищъ, коими обыкновенно довольствуются посвящающіе себя торговому дѣлу сначала въ званіи мальчиковъ, потомъ младшихъ приказчиковъ и, наконецъ, старшихъ приказчиковъ, и пріисчисляются ли въ этомъ случаѣ мастера, и низшіе техники, и фельдшеры, и алгокарскіе ученики, и приказчики, къ низшимъ классамъ населенія, потребностямъ коихъ должны удовлетворять бесплатныя народныя читальни. Не слѣдуетъ забывать также, что въ настоящее время при общедоступности гимназій и реальныхъ училищъ для лицъ всѣхъ состояній безъ различія званія и вѣроисповѣданія, въ нихъ не мало обучается мѣщанъ и крестьянъ. Въ годовыхъ отчетахъ по учебнымъ заведеніямъ у насъ показываются отдѣльно учащіеся, принадлежащіе къ городскимъ сословіямъ, и учащіеся, принадлежащіе къ сельскимъ сословіямъ, и въ первой группѣ смѣшиваются такимъ образомъ мѣщане и ремесленники съ почетными гражданами и купцами 1-й и 2-й гильдій. Но въ 1886—1887 учебномъ году, для разъясненія вопроса о сословномъ и вѣроисповѣдномъ

составѣ всей массы учащихся въ приготовительныхъ и остальныхъ классахъ гимназій и прогимназій всѣхъ учебныхъ округовъ (кроме Сибири), число учащихся дѣтей мѣщанъ и ремесленниковъ было показано особо, и ихъ оказалось въ приготовительныхъ классахъ 2.386 (или 25%) противъ 4.437 (или 47%) дѣтей дворянъ и чиновниковъ, а въ остальныхъ классахъ 13.200 (или 22%) противъ 30.183 (или 50%) дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Въ то же время сельскаго сословія было въ приготовительныхъ классахъ 583 (6,2%), казачьяго и солдатскаго званія 153 (1,6%), а въ остальныхъ классахъ 3.853 (6,4%) и 1.401 (2,3%). Всѣхъ учащихся въ приготовительныхъ и остальныхъ классахъ гимназій изъ этихъ низшихъ классовъ населенія было 21.557 (31%) противъ 34.620 (и. 50%) дѣтей дворянъ и чиновниковъ, 3.200 (4,6%) сыновей лицъ духовнаго званія, 2.213 (3,1%) сыновей почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи, 6.279 (9%) сыновей купцовъ 2-й гильдіи и 1.592 (2,3%) иностранцевъ. Предположивъ, что процентныя отношенія между учащимися купческаго званія и другихъ городскихъ сословій въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ не измѣнились къ 1-му января 1899 года, мы найдемъ, что къ мѣщанамъ и ремесленникамъ принадлежало по меньшей мѣрѣ 18 тысячъ учениковъ, а къ купческому званію 9240 ч., лицъ же крестьянскаго, солдатскаго и казачьяго званій было 6.240 или 8,1%, всего же гимназистовъ изъ лицъ низшихъ сословій было 24.240 или тѣ же 31%, безъ малаго $\frac{1}{3}$, всего числа гимназистовъ (77 тыс. чел.). Тѣ изъ нихъ, которые оканчиваютъ полный курсъ гимназій, конечно, выбываютъ изъ своихъ сословій; но таковыхъ едва ли можно предположить болѣе половины, другая же половина едва ли учится далѣе IV-го класса, а затѣмъ идетъ въ наборщики, въ вольнонаемные писари, въ аптекарскіе ученики, фельдшеры и т. д.

Предполагая, что и въ реальныхъ училищахъ одна треть всѣхъ учениковъ принадлежитъ къ низшимъ сословіямъ или званіямъ—крестьянскому, мѣщанскому, ремесленному, казачьему и солдатскому, получимъ для 1899 г. еще отъ 11 до 12 т. чел. въ дополненіе къ вышеозначеннымъ 24 т. учениковъ гимназій.

Такимъ образомъ, становясь совершенно на точку зрѣнія т. сов. Аниина, согласно съ окончательною резолюціей министра народнаго просвѣщенія отъ 23-го мая 1900 года, относительно того, что бесплатныя народныя читальни предназначены для низшихъ классовъ и сословій населенія, нельзя не допускать въ эти читальни книгъ, которыя признаются пригодными для лицъ съ образованіемъ не только начальныхъ

народныхъ училищъ, но и городскихъ по положенію 1872 года, низшихъ техническихъ и даже для учащихя младшаго и средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, особенно если имѣть въ виду главнѣйшую, по мнѣнію П. А. Аннина, цѣль читаленъ—именно дополненіе ихъ посѣтителами того школьнаго образованія, которое они получили.

При такомъ различіи степеней образованія лицъ даже и низшихъ классовъ населенія, а слѣдовательно при значительной обширности и многосложности министерскаго каталога для народныхъ читаленъ, не различающаго сельскихъ читаленъ отъ городскихъ, малыхъ отъ большихъ, второразрядныхъ и перворазрядныхъ, нельзя не пожалѣть, что мысль особаго отдѣла ученаго комитета о раздѣленіи читаленъ на два разряда и объ изданіи двухъ каталоговъ—полнаго для перво-разрядныхъ читаленъ и сокращеннаго для второразрядныхъ была отклонена бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ облегченіе лицъ, вновь учреждающихъ безплатныя читальни въ селахъ, съ населеніемъ, въ которомъ немного найдется лицъ съ образованіемъ выше курса начальныхъ народныхъ училищъ, и особенно при небольшихъ средствахъ, хорошо было бы посоветовать имъ прежде всего запасаться книгами, которыя одобрены для ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и затѣмъ внести въ каталогъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, и затѣмъ пополнять этотъ запасъ тѣмъ же порядкомъ изъ каталога книгъ, одобренныхъ для ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ по положенію 1872 года. Число книгъ, значащихся въ каталогѣ ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и затѣмъ перешедшихъ въ каталогъ для безплатныхъ народныхъ училищъ, довольно значительно: оно простирается до 942 названій, чѣмъ на первыхъ порахъ могутъ быть удовлетворены умственные потребности лицъ, не пошедшихъ въ своемъ образованіи далѣе курса школы грамоты, съ дополненіемъ изъ каталога для ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ по положенію 1872 года—для тѣхъ, кто кончилъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ и даже въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

* * *

Этимъ я заканчиваю рядъ своихъ статей: „Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія“. Въ нихъ я имѣлъ въ виду главнѣйшій образъ разъяснить, какъ возникли различныя

отдѣленія ученаго комитета и какъ мало по малу опредѣлился и установился кругъ дѣятельности каждаго изъ нихъ. Что же касается до самой этой дѣятельности, то подробное ея изложеніе по журналамъ каждаго изъ трехъ отдѣленій представило бы не малый интересъ для исторіи министерства народнаго просвѣщенія и вообще для исторіи нашего просвѣщенія и нашего учебно-воспитательнаго дѣла.

А. Георгіевскій.

12-го февраля 1902 г.
Царское Село.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАРСЕЛЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧЪ НЕНЦКІЙ.

НЕКРОЛОГЪ.

14-го октября 1901 года въ Петербургѣ скончался одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ представителей физиологической химіи, *М. В. Ненцкій*.

Физиологическая химія столь же древня, какъ и химія вообще. Между тѣмъ, однако, какъ одна изъ нихъ въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій праздновала одну побѣду за другой и безустанно прославлялась по всему земному шару, другая тихо и скромно ведетъ свою работу. Изрѣдка лишь то тутъ, то тамъ какія-либо извѣстія о ней проникають въ болѣе широкіе круги. Чѣмъ же объяснить такое различіе? Тѣмъ ли, что удача рѣже выпадаетъ на долю физиологической химіи, или тѣмъ, что она не располагаетъ достаточнымъ количествомъ дѣятельныхъ приверженцевъ?

Хотя не-специалисту успѣхи физиологической химіи могутъ показаться менѣе блестящими въ сравненіи съ успѣхами органической химіи, тѣмъ не менѣе они столь же плодотворны. Методы изслѣдованія, выработанные химіей, съ неутомимымъ усердіемъ примѣнялись изслѣдователями для раскрытія біологическихъ проблемъ. Это положеніе мы можемъ пояснить себѣ всего лучше, если мы изобразимъ жизнь такого выдающагося ученаго, какимъ былъ *М. В. Ненцкій*. Чтобы понять ее, нелишнимъ будетъ бросить взглядъ на внѣшній ходъ его жизни.

М. В. Ненцкій родился 13-го января 1847 года въ имѣніи Бочки,

принадлежавшемъ его отцу, въ нынѣшней Калининской губерніи. Съ 1856 года онъ посѣщалъ классическую гимназію въ Петроковѣ, а въ 1863 году переселился въ Краковъ, гдѣ изучалъ филологію. Политическія условія заставили М. В. Пенцкаго покинуть Австрію. Онъ отправился сначала въ Іену, гдѣ въ апрѣлѣ 1864 года перешелъ на философскій факультетъ, а затѣмъ, осенью 1865 года, въ Берлинъ; здѣсь онъ сначала продолжалъ еще занятія на философскомъ факультетѣ, но затѣмъ въ 1867 году перешелъ на медицинскій факультетъ, который окончилъ въ 1870 году. Будучи студентомъ медицинского факультета, М. В. Пенцкій совместно съ *O. Schultzen'омъ* опубликовалъ работу „о соединеніяхъ, представляющихъ предварительную ступень образованія мочевины въ организмъ“, а затѣмъ за диссертацию „объ окисленіи ароматическихъ соединенийъ въ животномъ организмѣ“ получилъ степень доктора медицины. Въ продолженіе дальнѣйшихъ двухъ лѣтъ М. В. Пенцкій специально занимался органической химіей подъ руководствомъ *Bayer'a* въ тогдашней промышленной академіи въ Берлинѣ. Въ 1871 году онъ поступилъ ассистентомъ въ патологическій институтъ въ Бернѣ (проф. *Klebs*); въ слѣдующемъ году назначенъ профессоромъ *honoris causa*, спустя 3 года—экстраординарнымъ профессоромъ физиологической химіи. Въ 1888 году ему поручено было кромѣ того чтеніе лекцій и по бактеріологіи. Въ 1891 году онъ получилъ приглашеніе зять мѣсто завѣдывающаго химическимъ отдѣленіемъ Императорскаго института экспериментальной медицины въ Петербургѣ.

Какъ видно изъ этого краткаго очерка жизни *М. В. Пенцкаго*, онъ, какъ ученикъ *Bayer'a*, съ самаго начала получилъ основательную химическую подготовку; при изученіи медицины онъ постоянно находился въ тѣсномъ соприкосновеніи съ клинкой *Frerichs'a*. Воспріятыя имъ въ этой клиникѣ возрѣнія и задачи, которыя уже тогда занимали его, ясно выступаютъ въ дальнѣйшихъ его работахъ.

Работы эти распадаются на три большія группы:

- 1) *изслѣдованія въ области чистой органической химіи*,
- 2) *физиологохимическія изслѣдованія*,
- 3) *бактеріологическія изслѣдованія*.

І. Изслѣдованія по органической химіи.

Въ лабораторіи *Bayer'a* М. В. Пенцкій началъ съ добыванія свр-содержащихъ діуретидовъ, изъ которыхъ онъ надѣялся получить мо-

чевую кислоту путемъ удаленія изъ нихъ сѣры. Хотя этой цѣли ему достигнуть не удалось, однако онъ попутно при этихъ изслѣдованіяхъ добылъ цѣлый рядъ новыхъ и интересныхъ соединеній, изъ которыхъ можно упомянуть о *сульфонсесведомочевой кислотѣ* (Ber. 4, 722; 16, 1057) и *родитиновой кислотѣ* (Ber. 17, 2277). Физиологическій интересъ представляютъ его опыты съ *гуанидиномъ*; онъ хотѣлъ добыть вещества изъ группы мочевой кислоты, которыя, какъ онъ полагалъ, могутъ имѣть значеніе при изученіи обмѣна веществъ въ животномъ организмѣ. Но и здѣсь ему пришлось отвлечься въ сторону отъ главной задачи. Изъ веществъ, добытыхъ имъ при этихъ изслѣдованіяхъ, особенную цѣнность имѣютъ найденные имъ *гуанаминъ* (Ber. VII. 775). Они получаютъ, если нагрѣть до 220—230° соли жирныхъ кислотъ гуанидина. *Гуанаминъ* различныхъ жирныхъ кислотъ отличаются своей растворимостью и кристаллической формой и поэтому весьма пригодны для опредѣленія различныхъ жирныхъ кислотъ. Съ этой цѣлью самъ М. В. Ненцкій примѣнилъ ихъ при своихъ опытахъ надъ гниеніемъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Въ жирномъ ряду *Ненцкиль* далѣе были произведены опыты надъ конденсаціей альдегидовъ съ мочевиной. Здѣсь онъ попутно удостовѣрился, что *о-нитробензальдегидъ* является очень хорошимъ реактивомъ для нахожденія малыхъ количествъ мочевины: если нагрѣть и испарить мочевины съ избыткомъ этого вещества, то при этомъ выпадаетъ бѣлый порошокъ, который по удаленіи избыточнаго альдегида при посредствѣ алкоголя и при нагрѣваніи съ солянокислымъ фенолгидразиномъ и разбавленной сѣрной кислотой принимаетъ красную окраску (Monatsh. f. Chem. 1889, Bd. X, 295).

Обходимъ молчаніемъ рядъ дальнѣйшихъ работъ и упомянемъ лишь о произведенномъ совместно съ Berlinerblau синтезѣ мускарина (Ber. 17. 1139. 1884). Полученный по Paterno и Mazzaго изъ двухлористаго эфира и алкоголя *монохлорацеталь* нагрѣвался въ смѣси съ *триметилламиномъ*; при этомъ получался *эфиръ мускарина*, который прибавленіемъ раствора ѣдкаго барита переводился въ *мускаринъ*.

Не столь близкое отношеніе къ физиологій имѣютъ работы Ненцкаго о химическихъ соединеніяхъ ароматическаго ряда.

Онъ доказалъ, что извѣстный уже раньше синтезъ *ауринъ* изъ фенола посредствомъ нагрѣванія его съ щавелевой и сѣрными кислотами основанъ на промежуточномъ образованіи *муравьиной кислоты*. *Ауринъ*

можно получить также, нагревая феноль и муравьиную кислоту въ присутствіи хлористаго цинка (J. f. r. Ch. 25. 273. 1882).

Если вмѣсто фенола произвести опытъ съ крезоломъ, орциномъ или резорциномъ, то получается *крезауринъ*, *орцинауриинъ*, *резауринъ*.

Послѣ этихъ опытовъ напрашивалась мысль вмѣсто муравьиной кислоты соединить съ ароматическими алкоголями уксусную и другія кислоты жирнаго ряда. При этомъ образуются оксиацето-фенолы: при нагреваніи ледяной уксусной кислоты, хлористаго цинка и фенола—*оксиацето-феноль*, изъ ледяной уксусной кислоты, хлористаго цинка и резорцина—*диоксиацето-феноль* и т. д. Такимъ же образомъ въ послѣдствіи были получены гомологичныя соединенія изъ *протіоновой кислоты* и фенола, *резорцина*, *идроксилона*, *нафтала*, а также изъ *масляной кислоты* и фенола и т. д. (Ber. Bd. XXX. 1768. 1897).

Дальше *Ненцкій* нашелъ, что эти соединенія путемъ дальнѣйшей конденсаціи переходятъ въ цѣнные красящія вещества. Упомянутыя красящія вещества баденская апилиновая и содовая фабрика стала въ послѣдствіи изготовлять по методу *Ненцкаго* на основаніи патента, выданнаго ей черезъ 8 лѣтъ послѣ появленія работъ *Ненцкаго* (Ber. 23. 150. 1890).

Конденсировать фенолы при посредствѣ *хлористаго цинка* удалось не только съ *одноосновными*, но и съ *двуосновными кислотами*. Такимъ образомъ изъ янтарной кислоты и резорцина удалось приготовить *сукцинилфлуоресцеинъ*. Это соединеніе съ бромомъ даетъ красное красящее вещество, по красящей силѣ сходное съ *Вауер'овскимъ зоинномъ*, при чемъ однако получить его легче, чѣмъ этотъ послѣдній.

Вмѣсто кислоты въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно примѣнить хлоридъ ея или же кислоту и хлорокись фосфора совмѣстно съ хлористымъ цинкомъ (J. r. Ch. 23, 81. 1882). Такъ, напримѣръ, ледяная уксусная кислота, хлористый цинкъ и толуоль даже при продолжительномъ кипяченіи не вступаютъ во взаимодѣйствіе; въ запаянной трубкѣ при этихъ условіяхъ образуется лишь незначительное количество *толуилметилкетона*; если же прибавить къ смѣси хлорокиси фосфора, то реакція происходитъ уже при низкой температурѣ. Образуется кетонъ, а вслѣдствіе дальнѣйшаго разложенія—также *толуиловая кислота*,—новый способъ образованія *ароматическихъ карбоновыхъ кислотъ*.

Тогда какъ въ этихъ опытахъ кромѣ хлористаго цинка для конденсаціи служилъ лишь хлористый алюминій, по изслѣдованіямъ *Ненцкаго* очищенное возгонкой хлористое желѣзо представляетъ со-

бой новое конденсирующее вещество, примѣнимое для добыванія оксикетоновъ, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда однимъ изъ вступающихъ во взаимодѣйствіе веществъ является соединеніе, въ которомъ водородъ замѣщенъ галондомъ. Если, напримѣръ, къ смѣси изъ 5 вѣсовыхъ частей бензола и 7 вѣсовыхъ частей бензоилхлорида прибавить 7 вѣсовыхъ частей очищеннаго возгонкой хлористаго (сублимированнаго) желѣза, то получается *бензофенонъ*, изъ ацетилхлорида и бензола при тѣхъ же условіяхъ *ацетофенонъ*, изъ ацетилхлорида и фенола — *параоксиацетофенонъ*, изъ ацетилхлорида и параклорфенола — *парахлороксиацетофенонъ* (Ber. 30. 1766. 1897). При этомъ лишь одна кислота или одинъ алкиловый радикалъ вступаетъ въ бензольное ядро; *двух- или трехатомные фенолы* образуютъ *двузамѣщенные* продукты. Ходъ реакціи приблизительно такой же, какъ онъ описанъ (Gustavson'омъ) Густавсономъ для хлористаго алюминія. Тѣмъ не менѣе оба вещества не всегда дѣйствуютъ одинаково. Такъ, напримѣръ, изъ *толуола* и *третичнаго бутилхлорида* подъ вліяніемъ хлористаго желѣза образуется *парабутилтолуолъ*, а при примѣненіи хлористаго алюминія — *метабутилтолуолъ* (Ber. 30. 1773. 1897).

Хлорокись фосфора была примѣнена *Нейцки* для полученія *малахитовой зелени* изъ *бензальдеида* и *диметиланилина*. Краска при этомъ способѣ получается легче, чѣмъ при примѣненіи хлористаго цинка и соляной кислоты (Monatsh. f. Ch. 1888. 1148). Хлорокись фосфора также весьма пригодна для полученія эфировъ (J. pr. Ch. 25. 273. 1882). Изъ сывава *салициловой кислоты* и *фенола* при постепенномъ прибавленіи хлорокиси фосфора и нагрѣваніи сывава въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ образуется, напримѣръ, нашедшій широкое примѣненіе въ медицинѣ *сало*ль. *Нейцки* и его учениками произведены еще многочисленныя другія изслѣдованія надъ соединеніями ароматическаго ряда. Мы полагаемъ, однако, что сообщеннаго достаточно, чтобы доказать, какъ обширны были свѣдѣнія изъ органической химіи, которыми *Нейцки* располагалъ при разработкѣ биологическихъ вопросовъ.

II. Физиологохимическія изслѣдованія.

Физиологохимическія работы *Нейцка* можно раздѣлить на изслѣдованія: 1) о кристаллѣмъ веществъ крови и животныиъ пигментахъ, 2) объ образованіи мочевины въ животномъ организмѣ, 3) о желудоч-

номъ сокъ и дѣйствиі панкреатическаго сока, 4) о судьбѣ ароматическихъ соединений въ организмъ и 5) о мнѣніи бѣлковъ.

1) *Исслѣдованія о красящемъ веществѣ крови.*

Какъ извѣстно, красящее вещество, которому кровь обязана своей окраской, вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимаетъ кислородъ изъ воздуха и потому принадлежитъ къ наибаважнѣйшимъ составнымъ частямъ организма. Кислородное соединеніе гемоглобина легко получить въ кристаллическомъ видѣ изъ лошадиной крови по способу, опубликованному въ свое время *Hoppe-Seyler*'омъ. Полученіе не содержащаго кислородъ гемоглобина гораздо затруднительнѣе, во-первыхъ, потому, что гемоглобинъ жадно поглощаетъ даже малѣйшія количества кислорода, а во-вторыхъ, потому, что онъ очень легко растворяется въ водѣ. Получить его удалось почти одновременно и независимо другъ отъ друга *М. В. Ненцкому* (Ber. 19. 128. 1886) и *Hüfner*'у. При стояніи подъ алкоголемъ кристаллы становятся въ водѣ нерастворимыми и переходятъ въ парагемоглобинъ (*М. В. Ненцкій* и *Н. Зиберъ*. Ber. 18. 392. *Ненцкій* и *Lachowicz*. Ber. 18. 2126. 1885).

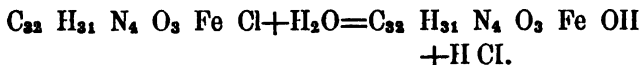
Красящее вещество крови легко можетъ быть расщеплено на открытый *Hoppe-Seyler*'омъ *гемохромогенъ* и на своеобразное *бѣлковое тѣло глодимъ*.

Гемохромогенъ при соединеніи съ кислородомъ легко переходитъ въ *гематинъ*, при чемъ по опытамъ *Max Lebensbaum*'а, въ лабораторіи *Ненцкаго* (*W. W. Akad. Bd. XCV. 1887*), 100 грм. гемоглобина поглощаютъ 1.014 грм. O_2 .

Гематинъ легко соединяется съ соляной кислотой, образуя кристаллическій геминъ; это тѣло представляетъ собою кристаллы *Тейхмана*, которые какъ извѣстно, имѣютъ большое значеніе для судебно-медицинскаго опредѣленія крови. Для физиологической химіи оно приобрѣло особенное значеніе благодаря тому, что послужило исходнымъ матеріаломъ для исслѣдованій состава гематина. Какъ ни легко добываются кристаллы гемина, но все же очень трудно было получить совершенно чистые препараты постоянного состава. *Ненцкому* совмѣстно съ *Н. Зиберъ* (Ber. 17. 2267. 1884. Arch. f. exp. Path. 18) удалось превозмочь эти затрудненія. Именно, названные авторы впервые применили для экстракціи красящаго вещества крови амиловый спиртъ; этотъ пріемъ позволилъ получать въ большихъ количествахъ весьма чистые препараты гемина. Анализами опредѣленъ былъ составъ этого тѣла; затѣмъ, исходя изъ этого

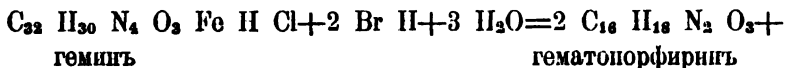
свободнаго отъ постороннихъ примѣсей препарата, дѣйствіемъ щелочей полученъ гематинъ состава $C_{32} H_{32} N_4 Fe O_4$.

Дальнѣйшими многочисленными изслѣдованіями достигнуты значительные успѣхи въ познаніи строенія этого вещества. *Геминъ*, именовавшійся прежде *соляннокислымъ желатиномъ*, по *Неицкому* не хлоргидратъ, а *эфиръ соляной кислоты*, и гематинъ образуется изъ гемина при раствореніи въ щелочахъ по формулѣ:

Если добыть геминъ по *Teichmann'у* путемъ обработки крови ледяной уксусной кислотой и поваренной солью, то онъ содержитъ еще не связанную съ O или N ацетиловую группу и имѣетъ составъ ацетгемина: $C_{34} H_{33} O_4 N_4 Cl Fe$. Этотъ ацетгеминъ содержитъ еще два гидроксила, какъ доказываетъ образованіе моно—и ди-метиловаго или этиловаго эфира (M. Nencki u. J. Zaleski. Z. f. physiol. Chem. 30. 384. 1900).

Раствореніемъ гематина въ концентрированной сѣрной кислотѣ уже *Muller* получилъ не содержащее желѣзо тѣло, подробнѣе изслѣдованное *Horpe-Seyley'омъ* и названное имъ гематопорфириномъ. По *Неицкому* желѣзо легче всего удается отщепить въ уксусно-кисломъ растворѣ помощью бромистаго водорода.

геминъ

гематопорфиринъ

Гематопорфиринъ былъ полученъ *Неицкимъ* совмѣстно съ *И. Зиберъ*—въ видѣ чистаго кристаллизующагося соединенія (Arch. f. exp. Path. 24. 430). Онъ, какъ и гематинъ, содержитъ два атома водорода, которые могутъ быть замѣнены *алкиломъ*, точно также въ него можно включить ацетиловую группу; при восстановленіи оловомъ и соляной кислотой изъ него получается *гександропорфиринъ*.

Уже *Horpe-Seyley* указывалъ на сходство гематопорфирина съ красящимъ веществомъ желчи. *Неицкій* привелъ новыя доказательства въ пользу этого взгляда (M. Nencki et N. Sieber Ber. 17. 2267. Nencki u. Rotscky. M. f. Chem. 10. 568. 1899). Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ его послѣднія изслѣдованія, которыя онъ опубликовалъ незадолго до своей смерти совмѣстно съ *И. Залескимъ* (Ber. 34. 997. 1901). Восстановленіемъ посредствомъ іодистаго водорода

и іодистаго фосфонія въ растворѣ ледяной уксусной кислоты онъ получилъ наряду съ тѣломъ, названнымъ имъ *мезопорфириномъ* (формула его — $C_{16} H_{18} O_2 N_2$), летучее производное *пиррола*, *гемопирролъ* $C_8 H_{13} N$. Это вещество на воздухѣ въ короткое время принимаетъ красную окраску и переходитъ при этомъ въ тѣло, идентичное съ *уробилиномъ*, который образуется въ организмѣ при кровоизліяніяхъ и выдѣляется съ мочей. Этотъ полученный изъ красящаго вещества крови возстановленіемъ и послѣдовательнымъ окисленіемъ *уробилина* чрезвычайно схожъ съ уробилиномъ, который *Малу* добылъ возстановленіемъ билирубина.

Сообщая объ этихъ наблюденіяхъ и ссылаясь кромѣ того на изслѣдованія *W. Küster'a*, *Ненцкій* приводитъ свои соображенія относительно структуры *гематопорфирина* и *гемоглобина*, доказывающія, что мы повидимому близки къ уразумѣнію ея.

По тому же способу, какъ изъ красящаго вещества крови, *Ненцкій* совмѣстно съ *Л. Мархлевскимъ* (Ber. 34. 1687. 1901) получилъ *гемопирролъ* также изъ *филлоцианина*, продукта разложенія *хлорофилла*. Уже раньше *Schunk* и *Мархлевскій* путемъ расщепленія *хлорофилла* получили *филлоторфинъ*, формула котораго $C_{16} H_{18} N_2 O$ и который, слѣдовательно, содержитъ *два атома кислорода меньше*, нежели *гематопорфиринъ* и *одинъ атомъ O меньше* нежели *мезопорфиринъ*, два соединенія, съ которыми онъ сходенъ и по спектроскопическимъ свойствамъ. Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ, что *красящее вещество крови и хлорофиллъ* близко сродны по своему химическому составу. Въ этомъ, по *Ненцкому*, нужно видѣть новое доказательство въ пользу защищаемаго морфологами филогенетическаго сродства растеній и животныхъ.

Точно также, какъ это отношеніе возбудило интересъ *Ненцкаю* по своему общебіологическому значенію, сго не менѣе интересовало, какъ доказываетъ рядъ произведенныхъ имъ и его учениками работъ, отношеніе *красящаго вещества крови* къ *пигментамъ*, встрѣчающимся въ организмѣ при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ—пигментовъ сосудистой оболочки глаза и волосъ (*Arch. f. exp. Path.* 20. 362. Farbstoff der melanotischen Sarkome *Arch. f. exp. Path.* 20. 346. 1885). Онъ совмѣсно съ учениками доказалъ, что пигменты происходятъ не путемъ превращенія красящаго вещества крови, какъ раньше неоднократно предполагали безъ достаточныхъ основаній. Онъ кромѣ того высказывалъ предположеніе, что они также, какъ и красящее вещество крови, происходятъ изъ комплекса бѣлковой моле-

кулы, которую онъ искалъ въ *хлоропротеинохроми* (Ber. 28. 560. 1895 и С. Beitler. Ber. 31. 1604. 1898), соединенія, образующагося при панкреатическомъ пищевареніи и еще не выясненномъ по существу.

2) *Объ образованіи мочевины въ животномъ организмѣ.*

Тогда какъ многіе держались еще того мнѣнія, что мочевина непосредственно отщепляется въ организмѣ изъ бѣлковой молекулы путемъ окисленія, *Непцкій* доказалъ въ первомъ своемъ трудѣ, опубликованномъ совмѣстно съ О. Schultzen'омъ, что *амидокислоты* (гликоколль, лейцинъ, отчасти также тирозинъ), но не кислотные амиды (ацетамидъ), переходятъ въ организмѣ въ мочевину. Такое химическое превращеніе доказывало почти съ полной несомнѣнностью, что эти продукты, образующіеся при гидролитическомъ расщепленіи бѣлка, напримѣръ, посредствомъ панкреатическаго фермента, являются предварительными ступенями мочевины въ организмѣ (Z. f. Biol. 8. 124. 1896). Эта гипотеза была расширена *F. Salkowsk'имъ*, *Schmiedeberg'омъ* и другими въ томъ смыслѣ, что и введенный въ кишечный каналъ *амміакъ* въ мочѣ появляется въ видѣ *мочевины*.

Schmiedeberg предполагаетъ, что синтезъ мочевины происходитъ въ печени. *М. В. Непцкій* не исключаетъ возможности, что мочевина, кромѣ печени, образуется при обмѣнѣ веществъ и въ другихъ органахъ. Непосредственно доказать образованіе мочевины въ другихъ органахъ, въ частности въ мышцѣ, не удастся, ибо количества, образующіяся здѣсь въ единицу времени, могутъ быть столь незначительны, что *Непцкому*, несмотря на выработанный имъ чувствительный методъ (см. выше), не удалось доказать присутствіе мочевины въ мышцахъ. *Непцкій* совмѣстно съ проф. И. П. Павловымъ, д-рами Ганомъ и Массеномъ при помощи операціи—наложенія экковскаго свища собакамъ—доказали, что разложеніе карбаминоваго и углекислаго амміака и образованіе мочевины (хотя и не исключительно) совершается въ печени. Изъ этихъ опытовъ выяснилось, что выведеніе печени изъ воротнаго кровообращенія влечетъ за собой накопленіе амміака въ крови и органахъ. Оперативная и физиологическая часть этой работы принадлежитъ И. П. Павлову и Массену, физиологохимическая — *Непцкому* и Гану. Совмѣстно со своими учениками *Салазкинскимъ* и *Залескимъ* *Непцкій* старался доказать образованіе мочевины въ органахъ, опредѣляя содержаніе амміака въ крови и въ органахъ при нормальныхъ условіяхъ и послѣ выключенія печени изъ круга кровообращенія.

Для этихъ изслѣдованій Ненцкій усовершенствовалъ методы опредѣленія амміака (Z. f. physiol. Chem. 25, 28, 29, 33. Arch. f. exp. Path. 36, 37, 38).

Далѣе благодаря содѣйствію И. П. Павлова, Ненцову удалось впервые произвести совмѣстно съ Е. О. Шумовой-Симаповской анализъ чистаго, несодержащаго слюны желудочнаго сока собаки (Arch. f. exp. Path. 33, 44 и съ N. Sieber, Zeitschr. f. phys. Chem. 32, 281, Arch. біол. наукъ XI, 1901). Кромѣ того онъ произвелъ интересныя наблюденія надъ пепсипомъ, подтвердилъ показанія Kütz'a объ образованіи бром-и іодоводорода въ слизистой оболочкѣ желудка изъ бромистыхъ и іодистыхъ щелочей, а также доказалъ присутствіе роданистоводородной кислоты въ несодержащемъ слюны желудочномъ сокѣ (Ber. 28, 1318, 1895).

3) Судьба ароматическихъ соединеній въ животномъ организмѣ.

а. Окисленіе углеводовъ и пр.

Въ своей докторской диссертациі Ненцкій опубликовалъ свои изслѣдованія объ окисленіи ароматическихъ углеводовъ въ организмѣ, которыя были начаты О. Schultzen'омъ совмѣстно съ Naunyn'омъ. Оба послѣдніе автора нашли, что *толуолъ* переводится окисленіемъ въ *бензойную* кислоту, а *ксилолъ*—въ *толуиловую*. Л. Ненцкій доказалъ, что мезитиленъ превращается въ мезитиленовую (Inaug. Diss. Bern. 1873), а *камфорцимолъ* въ *кумиловую кислоту* (Ber. 5, 7, 49). Такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ одна лишь метиловая группа переводится окисленіемъ въ карбоксилловую. *Этилъ*- и *нормальный пропиленъ* окисляются до *бензойной* кислоты.

Однако въ мочѣ въ видѣ гипшуровой кислоты появляется всегда лишь незначительная часть введенныхъ внутрь углеводовъ.

Для послѣднихъ двухъ вышеназванныхъ тѣлъ процессъ окисленія, можетъ быть, протекаетъ такимъ образомъ, что въ качествѣ промежуточнаго продукта образуется какой-либо кетонъ, такъ какъ и ацетофенонъ въ животномъ организмѣ окисляется непосредственно до бензойной и угольной кислоты (J. f. pr. Ch. 18. 288, 1878). Напротивъ того, *галлацетофенонъ*, *резацетофенонъ* и *параоксипропидфенонъ* при окисленіи не превращаются въ соответственныя карбоновые кислоты, а выдѣляются отчасти въ видѣ *эфироксирныхъ*, отчасти въ видѣ *микроновыхъ* кислотъ (Ber. 27, 2732, 1894); *салицилфенолкетонъ* выдѣляется въ неизмѣнномъ видѣ; *салицилрезорцилкетонъ* отчасти

выдѣляется въ неизмѣненномъ видѣ, отчасти расщепляется на салициловую кислоту и резорцинъ (Arch. f. exp. Path. 20, 367, 1885).

Изопропиловый нормальный бутилъ и β *изобутилбензолъ* не окисляются до бензойной кислоты. Послѣ внутренняго приѣма этихъ соединенийъ увеличивается выдѣленіе съ мочей эфиросѣрныхъ кислотъ, т.е. изъ углеводовъ образуются соотвѣтственные спирты (Nencki и P. Giacosa. Z. f. physiol. Chem. 4, 325, 1880). Это окисленіе точно прослѣжено Ненцкимъ для бензола. Здѣсь точно также лишь малая часть принятаго внутрь бензола переводится окисленіемъ въ фенолъ и брэнцкатехинъ и выводится съ мочей отчасти въ формѣ эфиросѣрной кислоты, отчасти въ другой формѣ (въ видѣ гликуроновой кислоты). Для такого окисленія необходимо дѣятельное, активное состояніе кислорода въ организмѣ. Ненцкій достигъ этой цѣли, нагрѣвая бензолъ на водяной банѣ съ разведеннымъ ѣдкимъ кали при доступѣ атмосфернаго кислорода (Z. f. physiol. Ch. 4, 339).

Ненцкій воспользовался этимъ окисленіемъ, какъ методомъ измѣренія физиологическаго окисленія. Онъ опредѣлялъ количество фенола, образующагося при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ въ организмѣ различныхъ животныхъ послѣ введенія черезъ ротъ опредѣленнаго количества бензола. У здоровыхъ животныхъ это количество колеблется въ зависимости отъ вида животнаго, но у одной и той же особи оно *постоянно* въ продолженіе большого промежутка времени. Оно *уменьшается* послѣ дачи алкоголя и *увеличивается* подъ вліяніемъ морфія. Окисленіе бензола оказалось пониженнымъ при лейкеміи и совершенно отсутствовало на высотѣ развитія отравленія фосфоромъ (Pflüg. Arch. 31, 33. J. f. pr. Ch. 26).

Подобно бензолу относится къ окисленію внутри организма и нафталинъ. Онъ превращается отчасти въ нафтолъ, а отчасти еще и въ диоксинафтолъ, α . и β . нафтолъ, подобно фенолу, выдѣляются отчасти въ видѣ эфиросѣрныхъ, а отчасти въ видѣ гликуроновыхъ кислотъ. Различіе между ними заключается лишь въ томъ, что фенолъ большей своей частью выдѣляется мочей въ видѣ *эфиросѣрной*, а *нафтолъ* въ видѣ *гликуроновой* кислоты.

Сходныя съ углеводородами отношенія оказались и у *карбонилортоамидофенола*. Онъ выдѣляется въ видѣ эфиросѣрной кислоты *карбонилортооксиамидофенола*. На основаніи такого отношенія его къ живому организму, этому соединенію, по мнѣнію *Ненцкаго*, соотвѣтствуетъ другая конституціонная формула.

Далѣе *Ненцкій* изслѣдовалъ судьбу въ организмѣ *ортооксиамино-*

микрарбоновой кислоты (Monatsh. f. Ch. 1888, 208) и *антипирина* (Z. f. Physiol. Chem. 32, 111, 1981).

Питробензальдегиды на подобіе бензальдегида по изслѣдываніямъ, произведеннымъ въ лабораторіи Ненцкаго, превращаются окисленіемъ въ соотвѣтственную кислоту (Wöhler, Frerichs). Изъ трехъ изомеровъ *пара* и *мета*—соединенія соединяются съ глицероломъ, орто соединеніе же нѣтъ (Monatsh. f. Chem. 1787, 86).

в. Судьба ароматическихъ эфировъ въ организмѣ.

Какъ извѣстно, эфиры жирныхъ кислотъ глицерина расщепляются въ тонкой кишкѣ ферментомъ, выделяемымъ поджелудочной железой, и совершенно сжигаются послѣ всасыванія. *Ненцкій* изслѣдовалъ судьбу эфировъ ароматическихъ кислотъ.

Введенный черезъ ротъ *трибензоилъ* расщепляется на подобіе жировъ; образующаяся при этомъ *бензойная* кислота выделяется съ мочей въ видѣ *интиуровой* кислоты. Послѣ дачи *яктарнокислаго*, *бензойнокислаго* и *салициловокислаго* эфира *фенола* въ мочѣ появлялся *фенолъ*, послѣ дачи *салициловокислаго* эфира *нафтола* — *нафтолъ* въ парныхъ соединеніяхъ съ сѣрной или глицуроновой кислотой. Расщепленіе названныхъ соединеній отчасти производится въ кишкахъ панкреатическимъ ферментомъ и бактеріями, но также и въ органахъ, преимущественно въ печени (Arch. f. exp. Path. 20, 367, 1885, 24, 167, 25, 347).

с. Вліяніе карбоксильной группы на ядовитость ароматическихъ соединеній.

Ненцкій сдѣлалъ также вкладъ въ изслѣдованіе вопроса объ отношеніи между ядовитостью и строеніемъ вещества. Онъ доказалъ, что цѣлый рядъ ароматическихъ соединеній теряетъ свою ядовитость, если ввести карбоксильную группу въ ихъ ядро (углеводороды и фенолы) или же въ одну изъ боковыхъ цѣпей (амидная группа алилиновъ). (Arch. des sciences biol. de St. Petersb. I. 1892).

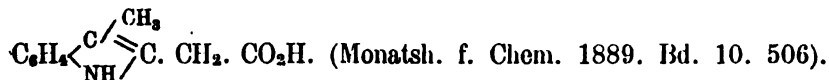
4. Изслѣдованія о гніеніи бѣлковъ.

М. В. Ненцкій приобрѣлъ наибольшую извѣстность своими изслѣдованіями по гніенію бѣлковъ. Изъ продуктовъ, образующихся при гніеніи бѣлковъ, благодаря изслѣдованіямъ *Ворр'а* мы познакомились съ лейциномъ, тирозиномъ и летучимъ веществомъ, обладающимъ характернымъ запахомъ, составъ котораго, однако, остался

неизвѣстнымъ. Это вещество по *Ненцкому* ничто иное, какъ *индолъ*, добытый нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ *Вауеромъ*. Еще раньше *Cl. Bernard* отмѣтилъ чудную красную окраску, которую принимаетъ загнившій панкреатическій сокъ, если его смѣшать съ содержащей азотистую кислоту соляной кислотой.

Kühne подтвердилъ наблюдение *Cl. Bernard'a* и отнесъ упомянутую окраску на долю индола, такъ какъ по *Вауеру* эта реакція характерна именно для упомянутаго вещества. *Kühne* попытался также добыть индолъ; онъ доказалъ, что это вещество летучее и что оно въ перегонѣ разложившихся пищеварительныхъ смѣсей осаждается въ видѣ неясно кристаллическихъ чешуекъ. Но лишь *Ненцкій* добылъ его въ количествѣ, достаточномъ для анализа и его характеристики (*Ber.* 8, 722, 1517, 1875). Вскорѣ послѣ того *Brieger* въ лабораторіи *Ненцкаго* выдѣлилъ среди летучихъ составныхъ частей человѣческихъ испражнений рядомъ съ *индоломъ* неизвѣстный до того времени *скатолъ* (*Ber.* 10, 1027, 1877). Самъ *Ненцкій* добылъ изъ загнившей смѣси поджелудочной железы и мышцъ необходимое для анализа количество этого послѣдняго вещества (*J. fr. pr. Chem.* 20, 466, 1879) и доказалъ, что оно представляетъ собою метилиндолъ (*C. f. med. Wiss.* 1878, № 47. *J. f. pr. Chem.* 466 *Ber.* 12. 1885).

Опыты *Ненцаго* побудили *Baumann'a*, а также *E. и H. Salkowsk'и* къ изслѣдованіямъ образующихся при гніеніи продуктовъ. *Baumann* опредѣлилъ присутствіе феноловъ среди летучихъ продуктовъ гніенія бѣлковъ и нашелъ, что они образуются не непосредственно изъ бѣлковъ, а лишь вторично изъ тирозина. *E. и H. Salkowsk'и* открыли присутствіе фенилуксусной и фенилпропіоновой, а также скатолкарбоновой кислоты. *Ненцкій* при разложеніи бѣлковъ бактеріями эмфизематознаго карбулкула нашелъ рядомъ съ фенилпропіоновой и нараоксифенилпропіоновой кислотой еще и скатолуксусную кислоту:

Еще одно важное изслѣдованіе *Ненцаго* и его школы относится къ вопросу о метилмеркантилѣ. *Ненцки* и его учениками не только доказано присутствіе метилмеркантила среди продуктовъ гніенія бѣлковъ, но и выработанъ методъ для его опредѣленія (*Monatsh. f. Chem.* 1889. 10. 526). Метилмеркантилъ найденъ въ мочѣ послѣ употребленія въ пищу спаржи (*Arch. f. exp. Path.* 28. 206). Въ лабораторіи *Ненцкаго* доказано образованіе метилмеркантила при разложе-

ни бѣлковъ сплавленіемъ съ ѣдкимъ кали (Г. Шубенко и Н. Зиберъ. Архивъ біологическихъ наукъ. Т. I, р. 314). *Л. Ненцкиль* найденъ метилмеркантианъ среди газовъ кишечника. Л. Рековскимъ изслѣдованъ метилмеркантианъ въ физиологическомъ и токсикологическомъ отношеніи (Архивъ біологическихъ наукъ. Т. II, р. 205).

Въ противоположность бѣлку *клей* при гніеніи не даетъ ни *тирозина*, ни *индола* и *скатола*, лейцинъ при гніеніи клея образуется лишь въ ничтожныхъ количествахъ, но зато образуются значительныя количества гликоколла, летучихъ жирныхъ кислотъ (J. Jeanneret. Journ. f. pr. Chem. 15.353, 1877); кромѣ того при бактеріальномъ разложеніи образуются также *бензилпропионовая* и *бенилоуксусная* кислоты (Nencki. u. Scilitrenny. Mon. f. Ch. 1889. 908). При гніеніи клея *Ненцкій* нашель еще кристаллическое, содержащее азотъ основаніе формулы $C_8 H_{11} N$.

Тѣ же продукты, какъ при гніеніи (лейцинъ, тирозинъ, жирныя кислоты, индолъ, скатолъ), образуются, какъ доказано *Ненцкиль*, при разложеніи бѣлковъ сплавленіемъ ихъ съ ѣдкимъ кали (J. f. pr. Chem. Bd. 17. 97. 1878).

Эти изслѣдованія о гніеніи бѣлковъ получили значеніе и для физиологіи. Изслѣдованіе содержамаго кишечника показало, что въ кишкахъ при гніеніи образуются тѣ же вещества, какъ и въ ихъ. Къ пептическому и триптическому перевариванію присоединяется еще расщепленіе бѣлка дѣятельностью бактерій, которыя вначалѣ дѣйствуютъ на подобіе трипсина, но затѣмъ дальнѣйшимъ своимъ воздѣйствіемъ на первоначальные продукты расщепленія даютъ толчекъ къ образованію веществъ, не развивающихся при исключеніи дѣятельности бактерій. Эти продукты расщепленія всасываются и затѣмъ сжигаются болѣе или менѣе полно при обмѣгѣ веществъ, такъ что производныя ихъ могутъ въ послѣдствіи выдѣляться съ мочей. Къ этимъ производнымъ, между прочимъ, принадлежитъ способное переходить въ *индигу* вещество, происходящее изъ индола, какъ доказало опытами *Лайбс*, провѣренными въ лабораторіи *Ненцкаго*. Самъ *Ненцкій* наблюдалъ, что при дѣйствіи озонированнаго кислорода изъ индола образуются индиго (Ver. Bd. 8. 336, 722, 1517, 1875).

Красящія вещества, краснаго цвѣта, которыя встрѣчаются въ мочѣ и могуція быть обнаружены прибавленіемъ соляной кислоты и какого либо окисляющаго средства, происходятъ отъ другихъ соединеній группы индиго, между прочимъ отъ *скатола* (Ver. 10. 1033. 1877).

III. Исслѣдованія въ области бактериологіи ¹⁾.

Работы *Ненцкаго* по гниенію и разложенію бѣлковъ привели его къ изслѣдованіямъ по бактериологіи. Онъ не удовлетворился изученіемъ химическихъ процессовъ и продуктовъ гниенія, а обратился къ микроскопу и при помощи микроскопическаго изслѣдованія стремился разобратъ въ тѣхъ формахъ низшихъ организмовъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться при изученіи процессовъ разложенія бѣлковъ, углеводовъ и проч. Бактериологіи, строго говоря, въ то время еще не существовало; напимѣръ, одна изъ работъ *Ненцкаго*, касающаяся бактериологіи (*Ueber die Zersetzung der Gelatine und des Eiweisses bei der Fäulniss mit Pankreas. Festgabe an G. Valentin v. d. med. Fakultät in Bern. 1876*), относится къ тому періоду, когда еще не были извѣстны условія жизни, роста и размноженія бактерій. *Ненцкій* какъ своими изслѣдованіями, такъ и работами своихъ учениковъ сдѣлалъ многое для развитія бактериологіи.

Цѣлымъ рядомъ строго обдуманыхъ и элегантно поставленныхъ опытовъ и изслѣдованій *Ненцкій* и его ученики доказали, что не только дрожжевыя клѣтки, для которыхъ это было доказано *Pasteur'омъ*, но и бактеріи способны жить, расти, размножаться и разлагать различные субстраты, какъ-то—бѣлки, сахаръ и пр., какъ при доступѣ воздуха, такъ и въ отсутствіи его. Аэробы, развиваясь при доступѣ воздуха, потребляютъ въ начальномъ періодѣ гниенія кислородъ и тѣмъ самымъ даютъ затѣмъ возможность развиться анаэробамъ, продукты разложенія которыхъ они точно также сжигаютъ при доступѣ воздуха.

Продукты разложенія и гниенія бѣлковъ, получающіеся при отсутствіи и доступѣ воздуха, различны (*Journ. f. pr. Chem. 19. 337 Pflüg. Ar. Bd. 33 и 9*). Вообще, вопросъ объ анаэробіозѣ былъ подтвержденъ школой *Ненцкаго* очень тщательной и всесторонней разработкѣ.

К. Кауфманнъ въ лабораторіи *Ненцкаго* (*In. Diss. 1878*) изслѣдовалъ вопросъ о дѣйствиіи сѣвной палочки и гниющихъ бактерій съ одной стороны на дефибрированную кровь различныхъ животныхъ, съ другой—на самыя красныя кровяныя тѣльца. Въ результатъ выяснилось, что красныя кровяныя шарики подѣ вліаніемъ бактерій

¹⁾ Здѣсь считаю долгомъ замѣтить, что въ виду моей меншей компетентности въ чистой бактериологіи и отчасти пользовался указаніями *Н. О. Зиберъ-Шумовой*.

быстро подвергаются разложенію на строму и свободный, переходящій въ растворъ гемоглобинъ, который, однако, самъ по себѣ оказался довольно стойкимъ по отношенію къ тѣмъ же гнилостнымъ бактеріямъ. Химическое изслѣдованіе крови, подвергавшейся въ теченіе различнаго времени дѣйствию бактерій, показало присутствіе въ пей *индола, фенола, отсутствіе тирозина*, слѣды *лейцина*, обильное количество *жирныхъ кислотъ, амміака и пептоновъ*.

Въ той же лабораторіи въ 1880 году Т. Szpilman (Zeitschr. f. phys. Chem. 4. 350) изслѣдовалъ дѣйствию различныхъ газовъ на ростъ и размноженіе палочекъ сибирской язвы. Онъ изучалъ подъ микроскопомъ ростъ, процессы дѣленія и образованія споръ. Сравнивая результатъ непосредственныхъ наблюденій *роста* и *одновременнаго дѣленія* въ атмосферѣ воздуха или кислорода палочекъ сибирской язвы *только съ однимъ процессомъ роста*, мы видимъ, что въ послѣднемъ случаѣ въ одинъ часъ происходитъ увеличеніе въ 1,12 разъ, тогда какъ въ первомъ случаѣ, въ теченіе того же часа, длина палочки возрастаетъ только въ 0,85 разъ. Въ атмосферѣ озона въ теченіе одного часа длина возрастаетъ въ среднемъ въ 2,61 разъ (гнилостныя бактеріи подѣ влияніемъ озона, напротивъ того, быстро перестаютъ двигаться). При пропусканіи *углекислоты* наблюдалось *дѣленіе* палочекъ сибирской язвы, *ростъ же и увеличеніе палочекъ отсутствуетъ*. Мы ограничиваемся только этими выдержками изъ работы Szpilman'a, хотя въ ней имѣется цѣлый рядъ другихъ весьма цѣнныхъ и правильно наблюденныхъ фактовъ. Уже и приведеннаго, однако, достаточно, чтобы судить о точности и аккуратности въ постановкѣ опытовъ, произведенныхъ въ такое время, когда бактериологія не владѣла многими техническими усовершенствованіями настоящаго времени, какъ-то: освѣтительнымъ аппаратомъ Abbé, масляными иммерзіями и апохромическими объективами и пр. Послѣ того, какъ были выработаны методы для изолированія и полученія въ чистомъ видѣ отдѣльныхъ бактерій, успѣхи, которыхъ достигла за короткій сравнительно промежутокъ времени бактериологія, по истинѣ поразительны. Рука объ руку съ развитіемъ морфологіи бактерій пошло изученіе условий и процессовъ жизни бактерій, а также и продуктовъ ихъ жизнедѣятельности.

Изъ лабораторіи *Ненцаго* вышелъ цѣлый рядъ работъ о химическомъ составѣ различныхъ бактерій и ихъ продуктовъ. Такъ, напримеръ, изъ *гнилостныхъ бактерій*, которыя съ этой цѣлью культивировались въ большихъ количествахъ, былъ полученъ *микопротеинъ*, кото-

рый отличается отъ другихъ бѣлковыхъ соединеній тѣмъ, что не содержитъ ни *сыры*, ни *фосфора*. При сплавленіи его съ жидкимъ кали получены: *индолъ*, *скатолъ*, *фенолъ*, *жирныя кислоты* и проч. (Ber. 17, J. f. ph. Chem. 23). *Дрожжевыя клетки* содержатъ точно также *микопротенинъ* (J. f. ph. Chem. 20. 443. 1879). *Плѣсень* (*Penicillium* и *aspergillus glauc.*) (J. f. ph. Chem. 23. 412. 1881) не содержитъ микопротенина; бѣлковое вѣщество плѣсени имѣетъ другой составъ. Протенинъ, содержащійся въ палочкахъ сибирской язвы (Arch. f. exp. Path. 21. 308), точно также отличается по своему составу отъ микопротенина гнилостныхъ бактерій. Исслѣдованіе химическихъ процессовъ и продуктовъ жизнедѣятельности разнородныхъ микроорганизмовъ, культивированныхъ на различныхъ питательныхъ средахъ, имѣло цѣлью съ одной стороны ознакомленіе съ продуктами разложенія бѣлка, сахара и пр., съ другой—достиженіе возможности дифференцировать различные виды бактерій на основаніи найденныхъ новыхъ соединеній.

Раньше мы уже указывали на то, что *Неицкій*, изслѣдуя продукты жизнедѣятельности палочки эмфизематознаго карбункула (*Rauschbrad*), нашелъ до тѣхъ поръ неизвѣстную скатолюккусную кислоту. При продолженіи изслѣдованій надъ эмфизематознымъ карбункуломъ *Неицкому* совместно съ П. Зиберъ (*Monatsh. f. Chem.* 10. 1889) удалось доказать, что у зарыженныхъ эмфизематознымъ карбункуломъ животныхъ (морскихъ свинокъ) перѣдко вмѣстѣ съ упомянутой палочкой имѣется особый микрококкъ (факультативный анаэробъ), который былъ ими изолированъ и изученъ относительно его способности разлагать сахаръ и давать при этомъ *оптически дѣятельную молочную кислоту*, цинковая соль которой кристаллизуется съ двумя частицами кристаллизаціонной воды; благодаря этому свойству изолированный названными авторами микрококкъ получилъ названіе *Miscococcus acidı para-lactici*. Въ отличіе отъ микрококка *палочки эмфизематознаго карбункула*, *разлагая сахаръ*, даетъ *оптически недѣятельную молочную кислоту*. Это наблюденіе повлекло за собой рядъ новыхъ изслѣдованій въ томъ же направленіи, давшихъ въ общихъ чертахъ тотъ результатъ, что *определенный видъ микробовъ самъ по себѣ, даже при различныхъ условіяхъ своего существованія, всегда относится извѣстнымъ определеннымъ образомъ къ одному и тому же субстрату, давая при этомъ одни и тѣ же продукты разложенія*.

Констатированіе только что указаннаго біологическаго свойства микроорганизмовъ имѣетъ, очевидно, не только теоретическое, но и практическое значеніе.

Далѣе изъ этихъ изслѣдованій выяснилось, что при совмѣстномъ существованіи обоихъ видовъ микроорганизмовъ, т. е. *палочки эмбрионально карбункула* и *місг. ас. рара-lactici*, въ той или другой питательной средѣ могутъ образоваться новыя соединенія, которыя не образуются ни однимъ изъ названныхъ микроорганизмовъ въ отдѣльности. Въ данномъ, конкретномъ случаѣ это новое соединеніе, полученное какъ продуктъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ видовъ бактерій на виноградный сахаръ, былъ нормальный бутыловый спиртъ; кромѣ того были получены обѣ, т. е. недѣятельная и дѣятельная, молочныя кислоты, какъ продукты жизнедѣятельности каждаго микроба въ отдѣльности.

Эти непосредственно наблюденные факты, а также данныя другихъ изслѣдованій побудили Ненцкаго обратить вниманіе на смѣшанныя инфекціи. Въ работѣ М. Шрейдера, произведенной въ лабораторіи Ненцкаго о *смѣшанныхъ культурахъ дифтерійныхъ и сибиреязвенныхъ палочекъ со стрептококками*, выяснилось, что токсическія альбумы этихъ смѣшанныхъ культуръ обладаютъ большей вирулентностью, нежели тѣ, которыя были получены изъ чистыхъ культуръ; тотъ же результатъ былъ полученъ Машевскимъ относительно холерной залятой и т. д. Въ статьѣ о смѣшанныхъ инфекціяхъ (Centralbl. f. Bakt. 11. 225) Ненцкимъ говорится, что въ нихъ, по всему вѣроятію, надо признать значеніе недостающаго фактора для возникновенія контагиозно-міазматическихъ заболѣваній, зависящихъ отъ специфическихъ микробовъ, какъ то: холернаго вибриона, дифтерійной палочки и пр. Дѣйствительно смѣшанными инфекціями мы легко можемъ объяснить многіе безъ этого непонятные намъ факты и явленія. Возможно, что именно подъ вліяніемъ смѣшанной инфекціи одинъ изъ конкурентовъ, для котораго данныя условія окажутся наиболѣе подходящими, получаетъ перевѣсъ надъ другими и вызываетъ заболѣваніе, которое не возникло бы безъ конкуренціи совмѣстно существующихъ видовъ бактерій. Несомнѣнно, что *смѣшаннымъ инфекціямъ* гспр. *симбіозу* бактерій должно быть отведено подобающее ихъ значенію мѣсто.

Обратное симбіозу явленіе, заключающееся въ томъ, что два вида микробовъ не могутъ существовать совмѣстно и проявлять свою жизнедѣятельность на одномъ и томъ же субстратѣ, а должны при этихъ условіяхъ гнубуть, Ненцкій предлагаетъ назвать *энтаиобіозомъ*.

Необходимо указать еще на изслѣдованіе о химическихъ процессахъ въ тонкихъ кишкахъ человѣка (A. Macfadyen, M. Nencki u. N. Sieber. Arch. f. exp. Path. Bd. 28, 311), имѣющее большой интересъ и

первостепенное значеніе. Оно производилось на большой, находившейся въ клиникѣ проф. Kocher'a въ Бернѣ, которой вслѣдствіе ущемленія грыжи была наложена фистула на мѣстѣ *перехода тонкой кишки въ толстую*; такое положеніе фистулы было крайне важно, оно позволяло изучить въ отдѣльности пищевареніе тонкихъ и толстыхъ кишекъ, а также изслѣдовать съ бактериологической точки зрѣнія флору тѣхъ и другихъ какъ при мясномъ, такъ и при растительномъ режимѣ питанія. Результатъ получился довольно неожиданный. Оказывается, что *при нормальныхъ условіяхъ подѣ влияніемъ бактерий въ тонкихъ кишкахъ не происходитъ разложенія бѣлковъ, и разлагаются лишь углеводы; бѣлки же подѣ влияніемъ бактерий расщепляются только въ толстыхъ кишкахъ*. Между продуктами разложенія въ тонкихъ кишкахъ найдены *этиловый спиртъ*, молочная, уксусная и янтарная кислоты. Продукты разложенія толстыхъ кишекъ изслѣдованы въ цѣломъ рядѣ работъ *Ненцкима и его учениками*. Метилмеркаптанъ и сѣроводородъ находятся исключительно въ толстыхъ кишкахъ, что было доказано съ помощью *Bismut. subnit.* еще въ 1882 году (Boillat. In.-Dis. Bern).

Реакція содержаемаго тонкихъ кишекъ оказалась кислой, что обусловливается присутствіемъ въ немъ молочныхъ и уксусной кислотъ. Содержимое толстыхъ кишекъ только въ видѣ исключенія даетъ кислую реакцію.

Что касается усвоенія пищи, то числовыя данныя показали, что лишь 3-я часть ея = 14, 25% *усваивается толстыми кишками*, а 85, 75%—желудкомъ и преимущественно тонкими кишками.

Бактериологическое изслѣдованіе, повторенное много разъ, показало, что при мясномъ режимѣ 3 вида факультативныхъ анаэробовъ встрѣчаются постоянно, 5 же другихъ, выдѣленныхъ изъ тонкихъ кишекъ бактерій, встрѣчаются не постоянно. Обязательны анаэробныхъ видовъ найдено не было вовсе.

При растительномъ питаніи изъ тонкихъ кишекъ были изолированы 7 видовъ, относившихся тоже къ факультативнымъ анаэробамъ. Всѣ найденные виды были подвергнуты всестороннему изученію какъ съ морфологической, такъ и съ физиологической стороны.

Что касается толстыхъ кишекъ, то тамъ найдено 3 постоянно встрѣчающихся факультативныхъ анаэроба.

Результаты какъ этого, такъ и многихъ предыдущихъ изслѣдованій побудили *Ненцкаго* высказать взглядъ, который находился въ противорѣчій съ ранѣе высказаннымъ по тому же вопросу мнѣніемъ

Pasteur'a, а именно: *Ненцкій* утверждаетъ, что бактеріи не только не приносятъ намъ никакой пользы, но что они, напротивъ, своими продуктами разложенія причиняютъ намъ несомнѣнный вредъ.

Затѣмъ цѣлый рядъ работъ былъ посвященъ дифтеріи, ея токсину и анти毒素у. Ненцкому принадлежитъ инициатива и организація дифтерійнаго дѣла въ институтѣ экспериментальной медицины. Имъ были устроены при институтѣ курсы ознакомленія врачей съ методами иммунизации и приготовленія токсиновъ и антитоксиновъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о работахъ, относящихся къ дезинфекціи и антисептикѣ. *Ненцкимъ* найденъ цѣлый рядъ веществъ, нашедшихъ на практикѣ какъ въ той, такъ и другой то или иное примѣненіе.

Проходя молчаніемъ цѣлый рядъ работъ, мы наконецъ считаемъ нужнымъ коснуться еще двухъ изслѣдованій, имѣющихъ особое значеніе специально для Россіи, это именно изслѣдованіе о дегтѣ и о чумѣ рогатаго скота. Изслѣдованіе о дегтѣ касалось съ одной стороны его химическаго состава, съ другой—его дезинфицирующихъ свойствъ.

Въ результатѣ этихъ изслѣдованій выяснилось, что сосновый деготь является наиболее пригоднымъ для дезинфекціи веществомъ. Различные же сорта его какъ по химическому составу, такъ и по дезинфицирующему дѣйствию оказались неодинаковыми. *Ненцкимъ* выработаны и указаны приемы, съ помощью которыхъ можно опредѣлить пригодность въ томъ или другомъ отношеніи даннаго препарата дегтя. *Ненцкій* обратилъ еще вниманіе на побочный продуктъ, получающійся при добываніи дегтя, на древесный уксусъ (*acetum rugolignosum offic.*). Деготь и его препараты были изслѣдованы какъ въ смыслѣ дезинфицирующихъ, такъ и задерживающихъ ростъ бактерій свойствъ. *Ненцкимъ* выработаны также практическія указанія для производства дезинфекціи съ помощью дегтя и подсмольной воды. Преимущества дегтя, въ особенности для Россіи, очевидны сами по себѣ; деготь значительно дешевле другихъ имѣющихся для тѣхъ же цѣлей препаратовъ, каждому извѣстенъ и доступенъ, составныя части его гораздо менѣе ядовиты для человѣка и животныхъ; къ тому же деготь обладаетъ еще и дезодорирующими свойствами.

Еще гораздо большее значеніе вообще и въ особенности для Россіи имѣютъ изслѣдованія по чумѣ рогатаго скота, которыя касаются съ одной стороны этиологіи этой болѣзни, а съ другой—иммунизации противъ нея. По мнѣнію Ненцкаго и его сотрудниковъ

чума рогатаго скота обусловливается особымъ видомъ микроорганизма, который пока не можетъ быть классифицированъ. Микробъ чумы представляетъ изъ себя круглое, неподвижное или молекулярно движущееся тѣльце величиной въ 1—3 μ .; нѣкоторыя тѣльца имѣютъ овальную форму съ однимъ или двумя отростками; на периферіи большихъ тѣлецъ замѣтны выпячиванія и втягиванія, въ иныхъ тѣльцахъ видно какъ бы ядро, расположенное посрединѣ или съ краю; большія тѣльца обладаютъ амебонднымъ движеніемъ.

По вопросу объ иммунизациі противъ чумы рогатаго скота надо отмѣтить, что Ненцый почти въ самомъ началѣ своего изслѣдованія (Архивъ ветеринарныхъ наукъ 1896 г. Berliner Klinische Wochenschrift. 1897. Archiv. internat. de pharmacodynamie) подмѣтилъ фактъ нахожденія въ сывороткѣ и крови переболѣвшихъ чумою животныхъ предохранительнаго вещества, которое при впрыскиваніи здоровымъ животнымъ способно предотвратить ихъ отъ зараженія чумою.

Почти одновременно съ Ненцымъ и другіе ученые, какъ то Koch, Kolle, Turner, Dänisch и Bordet, работали надъ чумою рогатаго скота въ южной Африкѣ, вслѣдствіе появившейся тамъ и принявшей широкіе размѣры эпизоотіи чумы. Такимъ образомъ, ученые въ разныхъ концахъ свѣта независимо другъ отъ друга пришли къ одинаковымъ результатамъ, т.-е. къ полученію сыворотки, предохраняющей здоровыхъ животныхъ отъ зараженія чумою.

Выработанный Ненцымъ методъ иммунизациі былъ примѣненъ на двухъ станціяхъ, которыя были устроены по его инициативѣ: одна на Кавказѣ, въ Тифлисской губерніи, и другая въ Сибири, близъ Читы. Результаты произведенныхъ прививокъ получились чрезвычайно благоприятные.

Такимъ образомъ, Россія обязана Ненцкому внесеніемъ въ жизнь средства, которое имѣетъ несомнѣнно громадное значеніе для культурно-экономическаго благосостоянія страны.

Этотъ обзоръ работъ М. В. Ненцаго показываетъ, какъ велико было поле дѣятельности этого выдающагося ученаго. Онъ былъ преносходнымъ химикомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ отличался широкимъ кругозоромъ въ области біологическихъ наукъ. Благодаря тому, что онъ въ одно и то же время былъ и химикомъ, и біологомъ, онъ могъ съ полнымъ пониманіемъ относиться къ требованіямъ медицины. Со смертю М. В. Ненцаго наука понесла громадную потерю. Но не одна только наука потеряла въ лицѣ покойнаго плодотворнаго дѣятеля, а потеряло все

человѣчество, такъ какъ онъ былъ выдающимся представителемъ стремленія сочетать абстрактную науку съ насущными требованіями страждущаго человѣчества. Россія же, въ частности, со смертію *Ненцкио*, послѣдніе годы дѣятельности котораго принадлежали ей, понесла невознаградимую утрату.

Проф. **Романъ.**

Бреславль.

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МИКЛАШЕВСКІИ.

(Некрологъ).

3-го декабря 1901 года умеръ въ Харьковѣ послѣ кратковременной болѣзни (воспаленія легкихъ) профессоръ политической экономіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Хотя онъ и не былъ крупнымъ выдающимся ученымъ, но въ лицѣ его университетъ потерялъ безспорно „значительную научную и преподавательскую силу“, а русская историческая наука лишилась серьезнаго изслѣдователя и одного изъ очень немногихъ беззаветныхъ тружениковъ и чернорабочихъ на неблагодарной почвѣ изученія архивныхъ документовъ въ нашихъ неустроенныхъ архивахъ. Эта утрата тѣмъ болѣе грустна, что человекъ погибъ въ цвѣтъ лѣтъ и силъ: ему было только 43 года. И умеръ онъ въ ту самую пору, когда только лишь углубился въ обработку архивнаго матеріала, собраннаго въ теченіи двухъ лѣтъ упорнаго труда.

Родомъ изъ дворянъ Черниговской губерніи (родился въ 1858 году), И. П. Миклашевскій, какъ и многіе изъ талантливыхъ русскихъ людей, не сразу обрѣлъ свое настоящее призваніе. Въ университетѣ онъ посвятилъ себя изученію естественныхъ наукъ. Поступилъ онъ сначала въ Петербургскій университетъ; отсюда въ силу житейскихъ обстоятельствъ долженъ былъ перебраться въ Московскій; но и здѣсь не могъ остаться до окончанія курса: состояніе здоровья вынудило его переселиться на югъ, въ Одессу, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1882 году со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Еще будучи студентомъ, онъ получилъ почетный отзывъ за сочиненіе „О геологическомъ строеніи югозападной Россіи“, по окончаніи курса продолжалъ спеціальныя занятія по геологіи и въ 1883 году началъ свое изслѣдованіе „Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи“. По

опять житейскія обстоятельства вынудили его поселиться въ родномъ гнѣздѣ и заняться хозяйствомъ, что не помѣшало ему выступить одновременно и на поприщѣ земской дѣятельности въ качествѣ уѣзднаго (по Городнянскому уѣзду) и губернскаго гласнаго Черниговской губерніи. Интересъ однако влекъ его къ научной работѣ. Поэтому онъ съ радостью принялъ въ октябрѣ 1885 года назначеніе стипендіатомъ высшаго оклада при Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи для приготовления къ профессорскому званію. Такая отвѣтственная задача налагаетъ на каждого совѣтливаго и самолюбиваго человѣка рядъ серьезныхъ обязательствъ. Положеніе же И. Н. Миклашевскаго оказалось особенно труднымъ. Прежде всего избранный имъ предметъ—сельскохозяйственная экономія—вынуждалъ его заняться специальнымъ изученіемъ политической экономіи и по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ правовѣдѣнія, предметовъ довольно далекихъ отъ его университетской подготовки. Сверхъ того онъ, какъ человѣкъ чрезвычайно щепетильный, счелъ себя обязаннымъ, при вступленіи въ среду преподавателей специального высшаго учебнаго заведенія, явиться туда не чужимъ человѣкомъ, а по крайней мѣрѣ съ званіемъ кандидата по этой специальности. Въ 1887 году, по выдержаніи экзамена и по одобреніи кандидатскаго разсужденія „Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи“, онъ утвержденъ былъ совѣтомъ Академіи въ степени кандидата сельскаго хозяйства, что конечно содѣйствовало въ значительной мѣрѣ упроченію положенія въ Академіи, но въ то же время отвлекало его отъ его специальныхъ занятій.

Въ маѣ 1887 года въ совѣтѣ Академіи возбужденъ былъ вопросъ о порученіи И. Н. Миклашевскому прочесть въ предстоящемъ академическомъ году необязательный курсъ сельскохозяйственнаго законовѣдѣнія. Это предложеніе приято было совѣтомъ и утверждено министерствомъ. Съ октября мѣсяца 1887 года И. Н. Миклашевскій началъ свою преподавательскую дѣятельность. Повидимому онъ самъ не былъ удовлетворенъ первыми шагами на новомъ поприщѣ дѣятельности. Это видно изъ того, что выработанную имъ и утвержденную совѣтомъ программу курса онъ позднѣе переработалъ (см. объ программы въ Изв. Петровской Академіи за 1888 годъ, вып. 3-й, стр. 162, и за 1889 г., вып. 3-й, стр. 139), а также и изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ, правда, уже нѣсколько лѣтъ спустя: „я былъ такъ неостороженъ, поторопился читать лекціи, и какъ часто я объ этомъ сожалѣлъ“. Положеніе его дѣйствительно было труднымъ, такъ какъ одновременно съ выработкой курса онъ готовился и къ экзаме-

намъ на магистра сельскохозяйственныхъ наукъ. Къ экзаменамъ онъ приступилъ въ февралѣ 1888 года и въ маѣ окончилъ ихъ съ большимъ успѣхомъ. Еще раньше окончанія экзаменовъ совѣтъ Академіи совсѣмъ иначе оцѣнилъ первый опытъ преподавательской дѣятельности И. И. Миклашевскаго. Въ засѣданіи 16-го апрѣля 1888 года профессоръ сельскохозяйственной экономіи А. И. Шишкинъ предложилъ включить читанный г. Миклашевскимъ курсъ въ число постоянно преподаваемыхъ въ Академіи предметовъ, сославшись на то, что „члены совѣта имѣли возможность убѣдиться въ успѣшности преподаванія взятаго имъ на себя курса“. Подкрѣпляя свое предложеніе, профессоръ Шишкинъ замѣтилъ, что если онъ не возбуждалъ этого вопроса раньше, то только потому, что не имѣлъ въ виду лица, достаточно подготовленнаго и способнаго выполнить поставленную задачу. „Въ настоящую минуту такое лицо имѣется: это кандидатъ Петровской Академіи И. И. Миклашевскій, который, кромѣ занятій подъ руководствомъ преподавателей Академіи, занимался также и науками, входящими въ кругъ юридическаго образованія, пользуясь совѣтами и указаніями профессоровъ Московскаго юридическаго факультета— А. И. Чупрова и И. И. Янжула“. Совѣтъ согласился съ этимъ предложеніемъ и постановилъ ходатайствовать о приглашеніи И. И. Миклашевскаго для прочтенія указаннаго курса и въ слѣдующемъ академическомъ году съ вознагражденіемъ по 100 руб. въ мѣсяць, что и было утверждено министерствомъ. Только черезъ годъ, по представленію совѣта, И. И. Миклашевскій былъ назначенъ сверхштатнымъ доцентомъ Академіи.

Оставалось написать диссертацию, чтобы окончательно упрочить свое положеніе. Но какъ разъ съ этого времени надъ головой молодого ученаго начали скопляться тучи, которыя едва не сломили всей его жизни и порядкомъ ее исковеркали. Выборъ темы для молодого экономиста, такъ какъ онъ естественно все болѣе и болѣе специализировался въ этой области, оказался не логичнымъ: темы по теоретической и практической экономіи сельскаго хозяйства, на которыхъ онъ испытывалъ свои силы, не увлекали его. И онъ мало по малу началъ сосредоточивать свое вниманіе на исторіи народнаго хозяйства, что и привело его къ вопросамъ экономическаго и общественнаго быта Московской Руси. Но это новое направленіе работъ потребовало и новой усиленной подготовки и начитанности въ историческихъ памятникахъ и исторической литературѣ. За два—три года подготовительныя работы успѣли, очевидно, быстро подвинуться впередъ, такъ какъ въ

началъ 1892 года И. И. Миклашевскій рѣшилъ приступить къ архивнымъ работамъ. Раннею весною этого года пишущему эти строки пришлось впервые встрѣтиться съ нимъ въ Москвѣ, въ читальномъ залѣ архива министерства юстиціи. Какъ вышпія условія занятій, такъ и значительное сходство интересовавшихъ насъ вопросовъ послужили весьма благопріятнымъ условіемъ къ взаимному сближенію. Въ ту пору недавно или только что вышедшіе труды А. С. Лапшо-Данилевскаго („Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованія“. 1890) и П. Н. Милюкова („Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 1892“ и „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. 1892“), взаимно дополнявшіе другъ друга, ставили цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ по исторіи финансовой администраціи въ связи съ группировкою общественныхъ классовъ и сословій. Происхожденіе и развитіе сошнаго оклада, значеніе живущей четверти, возникновеніе двороваго обложенія, порядокъ составленія и отличительные признаки писцовыхъ, дозорныхъ, приправочныхъ и перенисныхъ книгъ—всѣ эти и близкіе къ нимъ вопросы, наряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе мелкихъ и техническихъ, какъ то: о значеніи „наддачи“ и „одабриванія“, о соотношеніи сохп, вытн и четверти, о выраженіи „а въ дву потому жъ“ и т. п. были для И. И. Миклашевскаго самыми основными, такъ какъ безъ выясненія ихъ исторіку сельскаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ трудно было ориентироваться въ цѣломъ рядѣ документальныхъ данныхъ. По толкованія не легко даются. Успокоится же на первой подходящей, чаще всего готовой, формулѣ вовсе было не въ духѣ И. И. Миклашевскаго. Наоборотъ, иная мелочь, не поддающаяся безспорному рѣшенію, могла его долго и сильно волновать. Его осторожность и даже робость въ заключеніяхъ имѣли своимъ источникомъ строгую требовательность къ самому себѣ. Эта строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ, отнюдь не переходящая въ безразличіе, составляли одну изъ самыхъ характерныхъ и привлекательныхъ чертъ его натуры.

Разъяснить всѣ намѣченные вопросы въ короткое время было бы не подъ силу даже для крупнаго ума, опытнаго въ историческихъ изслѣдованіяхъ. И. И. Миклашевскій былъ повячкомъ въ дѣлѣ, и естественно, что для него на первыхъ порахъ возникали все новыя и новыя сомнѣнія, открывались новыя и новыя трудности. Не одинъ изъ начинающихъ изслѣдователей отступалъ передъ подобными выра-

стающими преградами и покидалъ навсегда трудный путь научнаго работника. Но И. Н. Миклашевскій былъ иного закала человѣкъ. Его энергіи постоянно приходилось удивляться и часто завидовать ему. Достаточно, казалось бы, посмотрѣть на его тщедушную фигуру, чтобы сдѣлать совершенно обратное заключеніе о трудоспособности человѣка: высокій ростомъ, очень худой, плоскогрудый, подверженный частымъ припадкамъ удушливаго кашля, онъ производилъ впечатлѣніе очень хрупкаго, очень больнаго человѣка. А между тѣмъ, наперекоръ латинской пословицѣ, въ этомъ болѣзненномъ тѣлѣ жилъ духъ удивительной энергіи и силы воли. Пять мѣсяцевъ совмѣстной работы, изъ которыхъ три мы жили вмѣстѣ и вмѣстѣ путешествовали изъ Петровской академіи на Дѣвичье поле, въ архивъ юстиціи, гдѣ проводили семь часовъ въ день (отъ 11 до 6), доказали, что переработать этого хрупкаго человѣка было не легко. Онъ, правда, утомлялся физически, но по возвращеніи изъ архива, сейчасъ же послѣ обѣда шелъ отдыхать въ прекрасный академическій паркъ и во время прогулокъ оживленно дѣлился результатами трудового дня. На слѣдующій день, въ половинѣ десятаго утра мы снова сѣли на паровой трамвай, и такъ изо дня въ день, кромѣ праздниковъ и субботъ, когда архивъ былъ закрытъ; но по субботамъ мы обычно посѣщали Румянцевскій музей.

И по окончаніи каникулярнаго времени И. Н. Миклашевскій продолжалъ работать въ архивѣ, хотъ текуція занятія не позволяли продолжать ихъ съ прежнею регулярностью. Между тѣмъ для него все болѣе и болѣе выяснялись какъ общія границы работы, такъ и отдѣльныя частности. „Пресловутое „дву потому жъ“, писалъ онъ, становится для меня яснымъ. Буду доказывать, что четвертное измѣреніе не было измѣреніемъ въ геометрическомъ смыслѣ слова. Писцы измѣряли землю десятинами, а затѣмъ, „изверставъ по вытѣмъ“, если дѣло шло о надѣлѣ группы, клали въ четверти. Для южной Россіи это для меня несомнѣнный фактъ.... Уразумѣлъ также, что значать тѣ случаи пашни вопче, о которыхъ мы толковали. Это формы сябринаго землевладѣнія“. Про свою будущую работу онъ со свойственной ему скромностью выражался такъ: „Послѣдняя явится, можетъ быть, „счетомъ, предъявленнымъ къ оплатѣ“ и даже по товару не особенно дорогому, но во всякомъ случаѣ для меня пріятному... Мыслей достаточно, хотя я и крѣпко боюсь, что напишу книгу, которой не признаютъ историки, не одобряютъ экономисты и не стануть читать сельскіе хозяева. Относительно послѣднихъ

не сомнѣваюсь ни на одну минуту“. Но рядомъ съ этими радостями выясняющихся результатовъ работы, зима 1892—1893 г. принесла и рядъ серьезныхъ невгодъ: во-первыхъ, здоровье не выдержало такого напряженія силъ; во-вторыхъ, предстоящее преобразование Академіи все острѣе напоминало о неопредѣленности будущей судьбы. Въ письмѣ отъ 5-го мая 1893 г., послѣ продолжительнаго молчанія, И. Н. Миклашевскій сообщаетъ, что „9-го будетъ ровно два мѣсяца, какъ я не выхожу изъ квартиры. Совершенно неожиданно для меня въ горлѣ моемъ появились язвы. Диспутъ С. Ѳ. Фортунатова и чтеніе лекцій еще больше растравили ихъ, и въ результатѣ продолжительный арестъ. Бѣда только въ томъ, что язвы эти глубокаго происхожденія. Причина ихъ, по опредѣленію врачей, коренится въ неисправностяхъ моихъ легкихъ. Я вѣдь давно больной человѣкъ: еще 12 лѣтъ тому назадъ у меня проявилось какъ то кровохарканье, и съ тѣхъ поръ легкія постоянно напоминали мнѣ о „memento mori“. Въ нынѣшнемъ году я какъ будто забылъ, что я, по опредѣленію покойнаго проф. Шкляревскаго, разбитая посуда, и переборщикъ: 1) слишкомъ много занимался, и въ архивѣ главнымъ образомъ, а 2) жилъ въ городѣ совсѣмъ по студенчески: въ отвратительной и холодной квартирѣ и при не менѣе отвратительномъ питаніи. Оказывается, въ моемъ возрастѣ и при моемъ здоровьи этого нельзя“. Его больше всего сокрушало, что доктора категорически запретили ему заниматься лѣтомъ въ архивѣ, такъ какъ вѣзда по пыльному городу и архивная пыль были бы для него смертельнымъ ядомъ. А между тѣмъ архивъ юстиціи въ лѣтніе мѣсяцы былъ открытъ до 6 часовъ. Съ другой стороны не могла не заботить и дальнѣйшая судьба послѣ предстоящаго закрытія Академіи. Ближайшимъ образомъ предстоялъ двойной выходъ: или торопиться съ диссертацией, чтобъ успѣть защитить ее до закрытія Академіи и тѣмъ спасти всѣ права, приобретенныя въ Академіи по выдержаніи кандидатскаго и магистерскаго экзаменовъ; или пожертвовать всѣмъ этимъ и начинать все снова, сдавъ экзамены за юридическій факультетъ съ тѣмъ, чтобъ магистривать по политической экономіи. Лишенный возможности работать въ архивѣ, И. Н. Миклашевскій рѣшилъ попытаться подвести итоги собранному архивному матеріалу, а главнымъ образомъ посвятить свое время подготовкѣ къ экзамену на кандидата правъ при Ярославскомъ лицѣѣ. Несмотря на столь грозныя предзнаменованія относительно исхода своей болѣзни, когда про человѣка можно было сказать, что онъ одной ногой стоитъ въ гробу, этотъ человѣкъ, нисколько не падая духомъ, съ порази-

тельной энергіей работалъ въ теченіе всего лѣта 1893 года и въ концѣ августа поѣхалъ въ Ярославль сдавать кандидатскіе экзамены. Объ исходѣ экзаменовъ онъ писалъ: „Вралъ я тамъ весьма изрядно, но въ концѣ концовъ получилъ желаемый дипломъ. Одолѣли меня настоящія юридическія науки въ видѣ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ правъ и судопроизводствъ. Въ особенности ужасны эти судопроизводства со всякими сроками, частными жалобами и пр.“ О подробностяхъ экзаменовъ онъ рассказывалъ, какъ иные изъ преподавателей умно и деликатно поправляли его ошибки, отчего ему становилось стыдно и жутко, и какъ другимъ онъ не стыдился врать. „Могу лишь сказать, что въ другой разъ не сталъ бы держать экзаменовъ; и теперь хотѣлъ было бросить ихъ: до того усталъ физически и нравственно. Ну да, слава Богу, дѣло сдѣлано. Одного зайца поймалъ въ этомъ году; какъ бы поймать другого—диссертацию“.

По возвращеніи въ Москву онъ сейчасъ же принялся за работу. Но послѣ всего перенесеннаго и испытаннаго работа на первыхъ порахъ не клеилась: „Цѣлые дни провожу за письменнымъ столомъ, сообщалъ онъ, но больше мучусь, чѣмъ пишу“. Однако вскорѣ дѣло наладилось. Въ концѣ сентября или въ началѣ октября Н. П. Миклашевскій переселился въ городъ, „чтобы еще кое что почитать для своей диссертации. Двѣ главы написаны въ чистую, равно какъ введеніе. Пришлось многое передѣлать въ сравненіи съ прежнимъ. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ придется говорить о томъ, можно ли пользоваться цифрами пашни паханой писцовыхъ книгъ и сдѣлать экскурсъ въ область живущей четверти“. Съ диссертацией дѣйствительно надо было торопиться, такъ какъ съ 1-го февраля старая Академія должна была прекратить свое существованіе. При такихъ условіяхъ работа уже не могла идти вполне правильно: приходилось иное обходить, иное оставлять безъ желательныхъ дополненій и обобщеній. Отсюда и становятся понятны тѣ слова, которыми заключалось введеніе къ новому труду: „Обстоятельства, совершенно независимыя отъ автора, побуждаютъ его выпустить въ свѣтъ эту книгу гораздо раньше, чѣмъ онъ предполагалъ сдѣлать. Оттого нѣкоторые вопросы являются въ ней гораздо болѣе поставленными, чѣмъ разрѣшенными. Авторъ утѣшаетъ себя мыслью, что при разработкѣ собраннаго имъ матеріала для второго тома этого сочиненія ему удастся работать при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ то было теперь, и онъ восполнить въ будущемъ тѣ пробѣлы и промахи, которые видны ему самому и на которые укажетъ ему критика“. Въ самомъ началѣ 1894 года

вышло въ свѣтъ это новое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка“. Въ немъ впервые въ русской литературѣ исторія сельскаго хозяйства получила новую и единственно правильную постановку: изученіе этой исторіи не только съ точки зрѣнія роста техническихъ его усовершенствованій и не только съ точки зрѣнія правительственныхъ мѣропріятій къ развитію и поощренію разныхъ видовъ сельскаго хозяйства. „Исторія сельскаго хозяйства есть въ началѣ своемъ, говоритъ авторъ, исторія заселенія края и превращеніе дикихъ полей, луговъ и лѣсовъ въ культурное состояніе. При посредствѣ какихъ силъ происходило это заселеніе и какія матеріальныя послѣдствія оно имѣло—это вопросы, на которые прежде всего должно отвѣтить историку сельскаго хозяйства“. Авторъ и даетъ посильный отвѣтъ на эти вопросы для небольшой территоріи, обнимающей предѣлы нынѣшнихъ губерній Курской и Воронежской и немногихъ къ нимъ прилегающихъ мѣстностей, предпославъ своему изслѣдованію любопытный критическій очеркъ по древней метрологіи и финансовой техникѣ.

Принятое совѣтомъ Петровской сельскохозяйственной Академіи въ качествѣ диссертации на степень магистра сельскаго хозяйства это сочиненіе не могло найти должной оцѣнки со стороны этой ученой коллегіи, такъ какъ въ ея средѣ, кромѣ А. Ѳ. Фортунатова, не было ни одного специалиста, компетентнаго въ затронутыхъ вопросахъ. Естественно, что И. Н. Миклашевскій былъ чрезвычайно доволенъ, что въ его диспутѣ, состоявшемся 30-го января 1894 года, приняли участіе такія крупныя силы Московскаго университета, какъ А. И. Чупровъ и П. Н. Милкоковъ. Самъ диспутантъ остался очень доволенъ ходомъ диспута, хотя и призналъ полную справедливость нѣкоторыхъ изъ предъявленныхъ ему возраженій. Подробное изложеніе всѣхъ преній онъ заключилъ такимъ замѣчаніемъ: „Около пяти часовъ меня мучили, пока объявили, что я удостоиваюсь степени, которая, быть можетъ, для меня нигуда годна не будетъ, ибо я въ настоящую минуту уже заштатный“... Это предположеніе дѣйствительно оказалось гораздо болѣе вѣрнымъ, чѣмъ ранѣе высказанное опасеніе, что книга его не найдетъ признанія со стороны историковъ. Лучшимъ опроверженіемъ послѣдняго служитъ тотъ фактъ, что Академія Наукъ въ 1895 году, по отзыву проф. Д. И. Багалъя, увѣчала сочиненіе И. Н. Миклашевскаго малою Уваровскою премією.

Но какъ разъ съ момента полученія ученой степени начался для

И. Н. рядъ серьезныхъ житейскихъ невзгодъ, которыя всякаго менѣе твердаго духомъ и не столь преданнаго интересамъ науки выбили бы несомнѣнно изъ колеи. Еще осенью 1893 года министръ государственныхъ имуществъ, при посѣщеніи Академіи, сказалъ И. Н. Миклашевскому, что знаетъ его работы, въ частности его трудъ о водяномъ правѣ въ Россіи и заграничей („я согрѣшилъ какъ то замѣткой по этому поводу, сообщаетъ онъ, въ видѣ доклада въ собраніяхъ генерала Анненкова“), и имѣеть въ виду привлечь его къ дальнѣйшей разработкѣ этихъ вопросовъ. Эти слова подали поводъ къ нѣскольکو преждевременнымъ надеждамъ „ударить на годикъ—другой за границу“, но которымъ, въ сожалѣнію, не суждено было осуществиться. Въ февралѣ 1894 года дѣйствительно послѣдовало приглашеніе отъ министерства государственныхъ имуществъ прибыть въ Петербургъ для переговоровъ. По этому поводу И. Н. Миклашевскій иронически замѣтилъ, что онъ вызванъ „по водяной части; это послѣ писцевыхъ книгъ, прости Господи“. Ему поручено было разработать данныя для составленія законопроекта о пользованіи водами. Какъ видно, безъ особой радости брался онъ за эту большую и отвѣтственную работу. Его побуждала къ тому лишь увѣренность или надежда, что сохраненіе связей и отношеній съ министерствомъ скорѣе обезпечитъ ему доступъ въ число преподавателей при открытіи реформируемаго института на мѣсто прежней Академіи. Всю весну и лѣто просидѣлъ онъ за этой работой и составилъ обширную докладную записку, послѣ представленія которой послѣдовало открытіе въ Симферополѣ особаго совѣщанія по выработкѣ законопроекта о пользованіи проточными водами Крымскаго полуострова, и на это совѣщаніе онъ былъ командированъ съ 16-го сентября въ качествѣ представителя отъ министерства. Длительная неопредѣленность положенія не могла однако не внушать серьезныхъ опасеній. Поэтому И. Н. Миклашевскій еще весной началъ хлопотать о зачисленіи въ составъ приватъ-доцентовъ Московскаго университета, что и увѣчалось успѣхомъ: въ іюль послѣдовало утвержденіе его приватъ-доцентомъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Но командировка въ Крымъ не позволяла начать новую преподавательскую дѣятельность съ наступающаго академическаго года и могла лишь затянуть длительною неопредѣленностью положенія. Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, И. Н. Миклашевскій передъ командировкой рѣшилъ подать прошеніе о назначеніи его профессоромъ сельскохозяйственнаго законовѣдѣнія или политической экономіи въ будущій институтъ и за-

явилъ при этомъ, что и командировку онъ можетъ принять только въ томъ случаѣ, если дальнѣйшая преподавательская дѣятельность ему будетъ обезпечена. Ему дано было обѣщаніе, что онъ будетъ „устроенъ“. Успокоенный насчетъ дальнѣйшей своей судьбы, онъ уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ до половины декабря. По возвращеніи отсюда въ Петербургъ, онъ къ своему удивленію и великому огорченію узналъ, что на соотвѣтственные кафедры въ институтъ выступили серьезными кандидатами иные лица. Всѣ старанія напомнить о себѣ, о своихъ правахъ, наконецъ, о данномъ обѣщаніи не помогли дѣлу. Чужія лица были предпочтены своему кандидату и именно потому, что онъ былъ „свой“, такъ какъ де изъ прежнихъ преподавателей Академіи никто не будетъ назначенъ въ новый институтъ. При бѣдности у насъ преподавательскихъ силъ—мѣропріятіе по меньшей мѣрѣ странное и при томъ несправедливое особенно потому, что въ пользу отдѣльныхъ лицъ изъ этого правила допущены были отступленія. И. Н. Миклашевскій оказался совсѣмъ не у дѣла. Можно представить, какъ это на него подѣйствовало. Онъ остался только приватъ-доцентомъ Московскаго университета и преподавателемъ Межеваго института. По ничтожное содержаніе, получаемое по послѣдней должности, не могло обезпечить сколько нибудь сносное существованіе въ Москвѣ, такъ какъ выдача заштатнаго содержанія по истеченіи года прекратилась; а И. Н. Миклашевскій былъ уже въ ту пору женатымъ человѣкомъ. Вотъ какъ описываетъ онъ свое положеніе въ мартѣ 1895 года: „На дняхъ я получилъ самое достовѣрное извѣстіе, что моя кандидатура въ сельскохозяйственномъ институтѣ окончательно прогорѣла. По правдѣ сказать, я очень доволенъ, что окончился періодъ ожиданій и неопредѣленнаго положенія. Приходится взглянуть на положеніе вещей въ томъ видѣ, какъ онѣ суть, и не предаваться несбыточнымъ мечтаніямъ относительно возможности устроиться сколько нибудь человѣческимъ образомъ въ Москвѣ. У меня здѣсь нѣтъ никакого будущаго и, главное, средствъ къ существованію. Тѣ 60 руб., которые я получаю въ Межевомъ институтѣ, также непрочны, и съ преобразованиемъ послѣдняго, каковое можетъ послѣдовать чуть ли не каждый день, я легко могу лишиться и этого скромнаго заработка. Пужно, слѣдовательно, попытаться искать чего-либо „иные“...“ Но и устроиться въ Москвѣ оказалось вовсе не легко. Такъ его попытка получить назначеніе въ Юрьевскій университетъ встрѣтила противодѣйствіе со стороны университетскаго начальства „вслѣдствіе дефекта въ степени“, хотя въ томъ же универси-

тетѣ нѣсколько преподавателей и даже профессоровъ никакихъ „дефектовъ“ въ степеняхъ не имѣли только потому, что не имѣли никакихъ степеней.

Прошло болѣе года, тяжкаго года нужды, болѣзней, ежедневной заботы о кускѣ хлѣба, прежде чѣмъ въ эту безотрадную жизнь взглянуть лучъ солнца. Вотъ что писалъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни: „О себѣ не могу сообщить ровно ничего хорошаго. Нѣтъ денегъ, а, главное, нѣтъ здоровья и покоя. Въ послѣднее время у меня появились скверныя опухоли, повидимому туберкулезнаго происхожденія. Врачи совѣтуютъ ѣхать въ теплые края, но отъ такихъ совѣтовъ я только прихожу въ уныніе. Хвораютъ и жена, и потому „въ дому моему скорбь и печаль“. Впервые въ декабрѣ 1895 года судьба нѣсколько смягчилась: И. И. Миклашевскій былъ назначенъ преподавателемъ политической экономіи и статистики въ Московское техническое училище. Но не долго занималъ онъ эту должность, такъ какъ 1-го мая 1896 года послѣдовало назначеніе его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора въ Демидовскій юридическій лицей на кафедрѣ политической экономіи. Съ этого момента наступилъ конецъ мытарствамъ: человекъ перетерпѣлъ невзгоды, не поддаваясь искушеніямъ выгодно устроиться въ другой профессіи, не измѣнилъ своей наукѣ. Можно представить настроеніе человека, снова обрѣтшаго почву подъ ногами. Но не дешево обошлась эта стойкость: и здоровье еще больше было распатано, и не мало силъ ушло всею безплодно.

Въ Ярославлѣ И. И. Миклашевскій собственно не успѣлъ даже и переѣхать, такъ какъ черезъ полтора мѣсяца послѣ назначенія туда онъ былъ перемѣщенъ, послѣ смерти проф. Сокольскаго, въ Харьковскій университетъ тѣмъ же званіемъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Одно изъ близкихъ къ нему лицъ объ этомъ моментѣ его біографіи сообщаетъ слѣдующее: „Назначеніе въ университетъ и на кафедрѣ было однимъ изъ лучшихъ дней его жизни. Я помню, какъ онъ, уже не молодой человекъ, писалъ объ этомъ матери, и слезы текли у него изъ глазъ“. Въ Харьковѣ онъ выступилъ сначала только преподавателемъ статистики (преподаваніе политической экономіи перешло къ нему лишь послѣ смерти проф. Цѣхановецкаго) и первое время конечно долженъ былъ посвятить все свои силы работѣ курса статистики, надъ которымъ онъ много работалъ и имѣлъ намѣреніе издать его въ свѣтъ. Но все помыслы его со времени назначенія въ Харьковъ были направлены главнымъ образомъ на про-

долженіе историческихъ изысканій въ области народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ. Тѣмъ спокойнѣе онъ могъ приняться за осуществленіе этихъ стремленій, что „дефектъ въ степени“, изъ за котораго онъ потерпѣлъ фіаско въ Юрьевскомъ университетѣ, оказался пустымъ предлогомъ. Еще въ бытность И. П. Миклашевскаго приватъ-доцентомъ отъ начальства Московскаго университета имъ получено было разъясненіе, „что разъ факультетъ призналъ его своимъ приватъ-доцентомъ, и онъ утверждень въ этомъ званіи, то это можно толковать въ томъ смыслѣ, что факультетъ призналъ его степень равносильною съ университетской, а потому де онъ можетъ представить докторскую диссертацию на общемъ основаніи“. Назначеніе въ Харьковскій университетъ вполне подтвердило правильность таковаго толкованія. Значить, результаты труда въ желанной области можно было представить на судъ ученой критики въ качествѣ диссертаци на степень доктора политической экономіи.

Вскорѣ началось „архивное сидѣнье“. И. Н. Миклашевскій не пропускалъ ни одного подходящаго случая, чтобы хотя на короткое время вырваться въ Москву и поработать тамъ въ архивахъ. Сначала это возможно было только урывками, исключительно въ каникулярное время. Но при такихъ условіяхъ двинуть работу съ желательною скоростью было невозможно. Поэтому И. Н. Миклашевскій былъ несказанно радъ, когда ему удалось выхлопотать съ 1-го іюня 1899 года годовичную командировку во внутрь Имперіи и за границу. Но за границу онъ не поѣхалъ и все время просидѣлъ въ Москвѣ за собраніемъ матеріала. Туда онъ ѣздилъ еще во время зимнихъ каникулъ 1900—1901 года и получилъ командировку съ 20-го мая по 1-е сентября 1901 года. Вѣроятно, приведеніе собраннаго матеріала въ порядокъ и обработка отдѣльныхъ его частей потребовали бы еще дальнѣйшихъ поѣздокъ въ московскіе архивы, если бы случайная смерть не прервала этой работы въ самомъ ея началѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти И. Н. Миклашевскій писалъ: „не тогда скверно, когда самъ умираешь, а тогда, когда присуствуешь при смерти другихъ и при томъ хорошо сознаешь, что вѣдь все могло бы быть иначе, не такъ жестоко и нелѣно“. Это были пророческія слова. Дѣйствительно, судьба оказалась несправедливой въ отношеніи И. П. Миклашевскаго и на этотъ разъ. Онъ имѣлъ основанія быть недовольнымъ своею первою историческою работою, такъ какъ се пришлось выпустить въ свѣтъ раньше, чѣмъ хотѣлось автору. Вторую работу, которую онъ готовилъ съ такими любовью, тру-

долюбіемъ и тщательною осмотрительностью, смерть помѣшала не только окончить, но даже повидимому намѣтить вѣшніи вѣхи плана работы. Осталась кипа осиротѣлыхъ бумагъ, все почти выдержки, выписки и списки изъ архивныхъ матеріаловъ, глѣужь къ которымъ покойный унесъ съ собой въ могилу.

Мнѣ пришлось видѣть бумаги покойнаго и пока лишь вѣшнимъ образомъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Это весьма любопытный архивъ для провинціального ученаго. Разнообразіе содержащагося въ этихъ бумагахъ матеріала указываетъ, въ какія стороны направлялся интересъ изслѣдователя, а немногія, къ сожалѣнію, данныя личной переписки даютъ возможность установить хотя нѣкоторые вопросы, останавливавшіе на себѣ его преимущественное вниманіе.

Живя и работая въ Москвѣ въ 1899—1900 году, Н. П. Миклашевскій заинтересовался между прочимъ вопросомъ о власти московскихъ государей въ XVII вѣкѣ. На вопросъ, зачѣмъ это ему понадобилось, онъ отвѣчаетъ, что раньше еще изучалъ Крижанича и Посошкова, въ особенноти перваго, но теперь узналъ, что „Безсоновъ хотя два раза издавалъ труды Крижанича, въ частности его „разговоры объ владѣльцеству“, по ни разу не издалъ ихъ до конца. Тутъ въ Москвѣ еще не менѣе того, что издано Безсоновымъ, и заключаетъ въ себѣ не менѣе интересныя вещи, чѣмъ въ изданныхъ частяхъ. Это все мною изучено и въ большей мѣрѣ списано... Крижаничъ, европеецъ и образованный человекъ, является у насъ первымъ выразителемъ новыхъ идей полицейскаго государства. Подъ вліяніемъ этихъ идей складываются и его экономическія воззрѣнія (еще въ Италіи), а въ Россіи онъ, превосходно ознакомившись съ бытомъ и условіями русской жизни, является съ цѣлымъ рядомъ проектовъ реформъ, осуществленіе которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ послѣдовало уже при Петрѣ, но нѣкоторыя были предприняты еще и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Такова, на примѣръ, реформа денежнаго обращенія. Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что *золотое обращеніе* было введено послѣ мѣднаго въ 1663—1664 годахъ, при чемъ единицей такого обращенія была *золотая денга*. Я бы былъ очень счастливъ, если бы мнѣ удалось найти документы, касающіеся золотого краха того времени, ибо такой крахъ несомнѣнно произошелъ, такъ какъ золото въ обращеніи не удержалось“. Неизвѣстно, удалось ли Н. П. Миклашевскому напасть на слѣдъ такихъ документовъ; но изъ приведенной выдержки ясно, что вопросъ о власти государей интересовалъ его въ связи съ финансовыми реформами второй половины

XVII вѣка. Но какъ онъ представлялъ себѣ эту связь, этого нельзя рѣшить по обширнымъ выпискамъ изъ неизданныхъ сочиненій Кряжачича.

Въ другой разъ онъ сообщаетъ, что у него „въ портфель лежалъ большія выписки изъ писцовыхъ книгъ по уѣздамъ Московскому, Можайскому, Серпуховскому, Верейскому, Клинскому, Волоколамскому, Переяславскому съ одной стороны, Арзамасскому, Нижегородскому, Балахонскому съ другой, Архангельскому, Вологодскому, Костромскому и Великоустюжскому съ третьей, а черезъ нѣкоторое время такія же выписки сдѣланы будутъ по Новгородско-Псковской области“. Дѣйствительно, этотъ матеріалъ составляетъ самую большую и едва ли не самую важную часть бумагъ покойнаго. Повидному были изучены всѣ писцовыя книги 20-хъ и 30-хъ годовъ XVII столѣтія, какія только оказались на лицо въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Выписки изъ нихъ сведены въ таблицы итоговъ по разнообразнымъ группамъ о количествѣ вотчинъ и помѣстій, людскихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, пашня паханой разныхъ качествъ, перелога, лѣсовъ и пр., при чемъ итоги подведены не только по уѣздамъ, но и по сталамъ, гдѣ это было возможно. Къ таблицамъ же присоединены значительныя подлинныя выдержки изъ текста книгъ. Такой цѣнный матеріалъ могъ быть использованъ для разныхъ цѣлей и въ весьма различныхъ направленіяхъ. Прежде всего онъ могъ быть положенъ въ основу изученія хозяйственно-экономическаго быта, что всего ближе могло интересовать И. Н. Миклашевскаго. Въ дополненіе къ этому онъ имѣлъ въ виду воспользоваться общими итогами поземельной собственности по писцовымъ книгамъ на основаніи свода, составленнаго извѣстною комиссіею князя Голицына въ XVIII вѣкѣ. Эти итоги онъ имѣлъ въ виду издать въ свѣтъ и „уже уговорился съ NN относительно напечатанія ихъ“, хотя этотъ планъ не приведенъ въ исполненіе: списки общихъ итоговъ оказались на лицо въ бумагахъ.

Но писцовыя книги не содержатъ отвѣтовъ на всѣ вопросы хозяйственнаго быта страны. Въ частности для выясненія положенія населенія необходимо было привлечь и другія данныя. А этого вопроса неизбежно приходилось касаться и И. Н. Миклашевскому. Онъ между прочимъ писалъ, что „мало по малу подходитъ въ своей работѣ и къ крестьянскому вопросу“, или, какъ выразился въ другой разъ: „Оказалось, что въ моей работѣ нельзя будетъ не говорить о рабочемъ вопросѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова“. Для подбора матеріала

въ этомъ направленіи онъ прежде всего обратился къ изученію книгъ вотчинной конторы по г. Пскову, изъ которыхъ успѣлъ сдѣлать обширныя выписки. Быть можетъ, на основаніи этихъ данныхъ онъ между прочимъ составилъ какое-то особое мнѣніе о бобыляхъ, содержація котораго онъ не сообщалъ, а только шутливо предупреждалъ, что я долженъ буду поругаться съ нимъ за тѣ мысли, какія онъ, дастъ Богъ, выскажетъ относительно бобылей. Несомнѣнно, что главнымъ образомъ изъ этихъ книгъ по г. Пскову у него „подобрался довольно интересный матеріалъ о работныхъ людяхъ XVII вѣка“. Объ этомъ матеріалѣ онъ сообщалъ между прочимъ слѣдующее: „Я просмотрѣлъ весьма значительное количество великихъ памятниконъ, относящихся къ зависимому населенію московской Руси XVII вѣка. Говорю „зависимому“, а не „тяглому“ только, населенію потому, что хочу предложить NN напечатать цѣлый рядъ договоровъ о личномъ наймѣ и объ отдачѣ „въ дѣтяти мѣсто“, представляющихъ изъ себя тотъ же договоръ личнаго найма, только въ болѣе скрытой формѣ. Къ этой же категоріи я отношу нѣкоторое число списанныхъ мною памятниконъ объ отдачѣ въ обученіе какъ родителями дѣтей, такъ и взрослыми лицами самихъ себя“. Но и этотъ планъ онъ повидимому не успѣлъ осуществить.

Кромѣ этихъ двухъ наиболѣе обширныхъ и цѣльныхъ отдѣловъ въ бумагахъ покойнаго находится нѣсколько цѣльныхъ копій и значительное число любопытныхъ болѣе или менѣе обширныхъ выписокъ, источникъ которыхъ при бѣгломъ обзорѣ не всегда удается установить. Таковы выписки изъ записныхъ книгъ повидимому Помѣстнаго приказа, изъ книгъ по Рязани о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, изъ волостныхъ расходныхъ книгъ, изъ умолотныхъ книгъ выдѣльнаго хлѣба, изъ дѣлъ и столбцовъ Бѣлгородскаго стола и Сибирскаго приказа, списки помѣстныхъ указовъ новыхъ статей и т. п. Безспорно, что И. П. Миклашевскій, какъ и всякій занимающійся въ архивахъ урывками, нѣсколько увлекался, не желая упустить изъ рукъ тотъ или иной любопытный документъ. Такъ онъ приготовилъ для изданія по рукописи, хранящейся въ Московскомъ дворцовомъ архивѣ, опись городовъ 1699 года, которая въ настоящее время передана Харьковскому историко-филологическому обществу для напечатанія въ его изданіяхъ. Еще при жизни онъ передалъ въ Академію Наукъ „Доимочную книгу по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ по городу Москвѣ“, которая въ настоящее время уже и издана.

Безспорно, что много любопытныхъ и цѣнныхъ историческихъ ма-

теріаловъ осталось въ бумагахъ И. Н. Миклашевскаго. Но пройдя черезъ всякія другія руки, этотъ матеріалъ не можетъ получить той обработки, какую готовилъ для него собиратель; живая связь этого матеріала навсегда погибла. Въ обработанномъ же видѣ сохранилась въ бумагахъ только одна небольшая замѣтка, да и та не въ полномъ видѣ: это небольшой докладъ о древне-русскомъ кадастрѣ. Надо надѣяться, что и въ этомъ незаконченномъ видѣ онъ будетъ изданъ въ трудахъ какого-либо ученаго учрежденія или общества.

Какъ человѣкъ весьма живой и весьма дѣятельный, И. Н. Миклашевскій съ большою чуткостью откликался на всѣ текущіе вопросы жизни и съ готовностью посвящалъ свои силы ихъ разъясненію, если только признавалъ, что можетъ быть полезенъ въ данномъ дѣлѣ. Такъ въ качествѣ статистика онъ принялъ близкое участіе въ организаціи на мѣстѣ, т.-е., въ Харьковѣ, дѣла о первой всеобщей переписи населенія въ 1897 году. А въ рѣдкіе моменты, когда совѣтамъ университетовъ приходилось обсуждать частные или общіе вопросы, касающіеся тѣхъ или иныхъ сторонъ университетскаго строя, И. Н. Миклашевскій всегда былъ дѣятельнымъ участникомъ комиссій, которымъ поручалось выработать проекты мотивированныхъ докладовъ. Онъ, на примѣръ, былъ единоличнымъ составителемъ доклада о необходимости упраздненія профессорскихъ гонораровъ, въ которомъ привелъ чрезвычайно яркія цифровыя данныя неравномѣрности и несправедливости этого вида вознагражденія профессоровъ у насъ въ Россіи. Наконецъ, въ прошломъ году онъ былъ членомъ и однимъ изъ секретарей комиссіи, избранной совѣтомъ Харьковскаго университета для выработки отвѣтовъ на вопросы о желательныхъ видоизмѣненіяхъ въ строѣ нашихъ университетовъ.

Работалъ онъ всю жизнь, не покладая рукъ, и трудъ его былъ главною жизненною утѣхой. А жизнь не баловала его и осталась передъ нимъ въ долгу. Такъ по крайней мѣрѣ *sit tibi terra levis...*

Вотъ перечень главныхъ изданныхъ трудовъ
И. Н. Миклашевскаго:

- 1) „Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи“. 1883.
- 2) Принималъ участіе въ составленіи книги: „1883 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“.
- 3) „Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи“. Изв. Петровск. Академіи, 1887, в. 2.

- 4) „Сельское хозяйство Японіи“. Сотрудникъ, 1887, № 7.
- 5) „Опытъ пользованія торфомъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. Сотрудникъ, 1887, № 9.
- 6) „Краткій историческій очеркъ Академіи“. Сборникъ свѣдѣній о Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи. 1887.
- 7) „Что такое сельскохозяйственное законовѣдѣніе?“ Изв. Петр. Акад. 1888, в. 2.
- 8) „Законъ 4-го апрѣля 1888 года о сбереженіи лѣсовъ“. Вѣсти. русск. сельск. хозяйства, 1889.
- 9) „Народное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ“. Юрид. Вѣстн., 1891, № 5.
- 10) „Du prix de revient des principales céréales en Russie et en Allemagne“. Journal des économistes, numéro d'avril 1891.
- 11) „Задачи экономіи и полиціи сельскаго хозяйства“. Изд. Московск. Политехн. Музея, 1892.
- 12) „Die Entwicklung des landwirthschaftlichen Bildungswesens in Russland“. Wien 1892. „Очерки изъ исторіи сельскохозяйственнаго образованія въ Россіи“. Техн. Образ. 1893.
- 13) „Къ исторіи хозяйственнаго быта московскаго государства. Часть 1. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка“. 1894.
- 14) „Водное законодательство и водное право въ Россіи“. Русская Мысль, 1895, №№ 8 и 9.
- 15) „Новый проектъ пользованія оросительными водами въ Крыму“. Журн. Мин. Юст., 1896, № 3.
- 16) „Les syndicats industriels d'après l'ouvrage russe de m. J. Yanchoul“. Revue d'Economie politique, 1896.
- 17) „О численномъ методѣ изученія общественныхъ явленій“. Образованіе, 1897, № 1.
- 18) Отзывъ о книгѣ: „Л. В. Ходскій. Основанія теоріи и техники статистики“. Образованіе, 1897, № 2.
- 19) „Земледѣліе и горнозаводская промышленность въ Россіи“. Русская Мысль, 1897, № 2.
- 20) „Къ вопросу о профессорскомъ гонорарѣ“. Образованіе, 1897, № 12.
- 21) Отзывъ о книгѣ: „Бертильонъ. Курсъ административной статистики“. Образованіе, 1898, № 1.
- 22) „Можно ли возлагать на народныхъ учителей какія-либо обя-

занности по техническому и профессиональному образованию?" Вѣстникъ воспитанія, 1898, № 2.

23) Отзывъ о книгѣ: „В. Петровъ. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи“ (для комиссіи по присужденію преміи Самарина). Образование, 1899, №№ 5—6.

24) „Russian school of political economy“. Dictionary of political economy Inglis Palgrave, v. 3, 1899.

25) Въ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. под. ред. Арсеньева и Петрушевскаго, помѣщены статьи: *межеваніе, мелiorаціи сельскохозяйственныя, оброчная подать, оброчныя статьи, передѣлы крестьянскихъ земель, переписи, поземельная община, поземельные налоги, разверстаніе угодій, собственность поземельная, статистика.*

26) „Домочная книга 7202—7203 гг. по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ съ Кремля, Китая, Бѣлаго и Золотого городовъ“. Зап. Акад. Наукъ, VIII серія, т. V, № 4, 1902 (посмертное изданіе).

В. Дьяконовъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Мартъ 1902.

Въ промежутокъ времени, протекшій послѣ моего послѣдняго письма, Франція и вся образованная Европа праздновали столѣтній юбилей Виктора Гюго. Правительство и городъ Парижъ приняли официальное участіе въ празднествѣ. Оно, собственно говоря, не имѣло интернаціональнаго характера. Французская академія не имѣетъ обыкновенія устраивать празднества въ память своихъ усопшихъ членовъ и приглашать на нихъ иностранцевъ. Она довольствуется тѣмъ, что принимаетъ участіе въ торжествахъ, устраиваемыхъ безъ нея починъ. Единственное официальное приглашеніе было сдѣлано со стороны города Парижа; онъ пригласилъ Пражскій муниципалитетъ прислать своихъ представителей. Въ прошломъ году Парижскій муниципалитетъ былъ приглашенъ Пражскимъ на праздникъ гимнастовъ, устроенный чешскими „соколами“, и его представители были встрѣчены въ Богеміи и Прагѣ съ большимъ энтузіазмомъ. Бургомистръ г. Праги и нѣсколько муниципальных совѣтниковъ приняли приглашеніе и были въ продолженіе нѣсколькихъ дней официальными гостями города Парижа. Фамилія мэра, д-ра Срб, показалась сначала странной парижанамъ, но потомъ къ ней привыкли, и крики „Слава“ и „наздар“ не разъ раздавались изъ устъ французовъ, которымъ странно было ихъ произносить. Кромѣ представителей города Праги правительство и городъ Парижъ никому не послали официальныхъ приглашеній. Великія націи воздержались отъ посланки своихъ представителей; напротивъ, малыя націи, охотно считающія себя нравственными должниками Франціи: греки, болгаре, поляки, армяне, прислали депутаціи.

Официальное торжество въ среду 5-го марта состояло изъ трехъ ча-

стей: сначала происходила церковная церемонія въ Пантеонѣ, гдѣ покоятся останки поэта. Величественное зданіе было великолѣпно разукрашено драпировками и трибунами. Президентъ республики, министры, дипломатическій корпусъ, институтъ въ полномъ составѣ, представители всѣхъ государственныхъ сословій и учащейся молодежи присутствовали при церемоніи. Въ центрѣ Пантеона, подѣ величественнымъ куполомъ, былъ поставленъ бюстъ поэта. Пѣлъ хоръ и игралъ оркестръ консерваторіи; артистами Comédie Française были прочитаны стихи поэта; подѣ конецъ были произнесены двѣ весьма краснорѣчивыя рѣчи: г-номъ Лейгъ, министромъ народнаго просвѣщенія, и отъ имени французской академіи г-номъ Гаюто, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Послѣ полудня состоялось освященіе грандіознаго памятника, воздвигнутаго поэту на площади Виктора Гюго, между воспѣтой имъ триумфальной аркой и скромнымъ домомъ, въ которомъ онъ скончался въ 1885 г. Церемонія была всецѣло отъ муниципалитета. Рѣчи были произнесены г-номъ Фроманомъ Морисомъ, знаменитымъ драматургомъ, товарищемъ покойнаго поэта въ борьбѣ за романтизмъ и президентомъ муниципальнаго совѣта. Отъ пражскаго муниципалитета была возложена у подножія памятника серебряная нальмовая вѣтвь. На стражѣ у этого драгоцѣннаго дара стоялъ чешскій „соколъ“ въ полной формѣ. Какъ былъ бы удивленъ Викторъ Гюго, который, подобно многимъ французамъ стараго времени, не зналъ даже о существованіи чеховъ, если бы ему сказали, что когда-нибудь они воздадутъ ему такое посмертное чествованіе. Вечеромъ представленіе gala собрало во французскомъ театрѣ избранную публику; давались „Les Vigiles“, давно уже не появлявшіеся на сценѣ. Долженъ сознаться, что, не смотря на весь талантъ артистовъ французской комедіи, драма показалась занутой и скучной. На слѣдующій день торжество продолжалось на другомъ концѣ Парижа, на Place royale, гдѣ поэтъ жилъ съ 1835 по 1840 г., передъ домомъ, въ которомъ имъ были написаны нѣкоторыя изъ его шедевровъ. Великолѣпныя украшенія, хоры музыки, шествія школьничковъ; говорятъ, празднество было прелестно, не доставало только, въ виду сезона, зелени деревьевъ. Теперь этотъ историческій домъ будетъ обращенъ въ музей, посвященный памяти Виктора Гюго. Вообще празднество удалось во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ было достойно великаго генія, чествованію котораго оно было посвящено. Что касается меня, я не могу скрыть, что среди этихъ, столь, впрочемъ, заслуженныхъ, великолѣпнѣйшій, меня преслѣдовало одно воспоминаніе. Я переносился мысленно

на кладбище Saint Point (въ окрестностяхъ Макона), гдѣ покоится полузабытый славный соперникъ Гюго, Ламартинъ. Уже много разъ собирались перенести останки Ламартина въ Пантеонъ, по этому противилась семья поэта. Она желала, чтобы онъ продолжалъ покоиться въ мѣстѣ, которое онъ любилъ, передъ ландшафтами, которые онъ воспѣвалъ. Но вѣдь можно собирать почести со всего народа и даже со всего міра и не покоясь въ Пантеонѣ.

Ламартинъ родился въ Маконѣ въ октябрѣ 1790 г. Увы, въ октябрѣ 1890 г. не подумали о томъ, чтобы устроить въ честь его большой національный праздникъ. Онъ умеръ въ концѣ имперіи (1-го марта 1869 г.) въ мучительномъ одиночествѣ. Какая разница между его судьбой и судьбою Виктора Гюго! Правда, что политическія событія были чрезвычайно благоприятны для Виктора Гюго. Въ молодости онъ былъ поэтомъ легитимистомъ и получалъ отъ государства пенсію. При Луи Филиппѣ онъ получилъ званіе пэра Франціи; онъ заплатилъ изгнаніемъ за противодѣйствіе Наполеону; но эта ссылка превратила скалы Герисея въ настоящій пьедесталъ для В. Гюго, и онъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ официальнымъ поэтомъ республики. Ламартинъ умеръ въ бѣдности; Викторъ Гюго, бывший не только великимъ поэтомъ, но и искуснымъ экономистомъ, оставилъ колоссальное имущество. Справедливое потомство укажетъ обоимъ поэтамъ ихъ настоящее мѣсто, оно скажетъ, кто изъ нихъ былъ въ дѣйствительности выше. Я же не могу удержаться, чтобы не замѣтить, что судьба была весьма несправедлива по отношенію къ Ламартину.

За нѣсколько дней до юбилея Виктора Гюго въ большомъ залѣ Сорбонны справлялось не менѣе интересное торжество: пятидесятилѣтній юбилей научной дѣятельности знаменитаго химика Бертело. Въ присутствіи главы государства и представителей отъ ученыхъ учреждений г-ну Бертело была вручена большая медаль. Были произнесены рѣчи министромъ народнаго просвѣщенія, президентомъ академіи наукъ, директоромъ Collège de France, представителями медицинскои академіи, сельско-хозяйственной школы, біологическаго общества, делегатами отъ академіи и отъ иностранныхъ ученыхъ обществъ. Были прочтены письма, извѣщавшія, что король испанскій и король румынскій пожаловали г. Бертело ордена первой степени. Король Бельгіи прислалъ телеграмму. Церемонія закончилась благодарственной рѣчью г-на Бертело. Отчетъ объ этомъ торжествѣ: Cinquantenaire scientifique de M. Berthelot, — былъ роскошно изданъ въ in 4° фирмою Готье

Вильяръ. Онъ снабженъ многими иллюстраціями и содержитъ въ себѣ тексты всѣхъ адресовъ, полученныхъ великимъ химикомъ.

Въ моментъ, когда Россія собирается праздновать пятидесятилѣтнюю годовщину смерти Гоголя, считаю интереснымъ обратить ваше вниманіе на одну французскую книгу объ этомъ знаменитомъ писателѣ. Гоголь не былъ избалованъ нашей критикой. Французская критика совершенно имъ не занималась, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ о немъ его переводчика г. Шеррьера, г. Дюпра и г. де Вогюа. „Мертвыя души“ еще ждутъ хорошаго французскаго перевода, и я помню время, когда переводъ г. Шаррьера продавался, за неизвѣнѣмъ покупателей, у букинистовъ со скидкой около 70% съ назначенной цѣны. Книга, о которой я говорю, представлена на степень доктора университета въ лионскій *Faculté des lettres* молодой болгарской студенткой, Ранией Тирновой. Она издана въ Эксѣ въ Провансѣ (фирма Мажеръ). Чтобы удержать при нашихъ университетахъ иностранцевъ, была, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, учреждена для нихъ степень доктора университета, значительно болѣе легкая, чѣмъ *doctorat ès lettres* или *doctorat ès sciences*, доступныя только для французовъ, такъ какъ для полученія ихъ требуется имѣть другія низшія степени. Нѣсколько молодыхъ иностранцевъ уже воспользовались этой привилегіей и вернулись на свою родину съ дипломами *docteur d'université*. М-елле Тирнова кажется первая женщина, получившая эту степень; она болгарка изъ Филиппополя. Если бы она обратилась ко мнѣ за совѣтомъ, я посоветывалъ бы ей взять тему изъ исторіи и литературы ея страны. Но такъ какъ она знаетъ русскій языкъ, она предпочла выбрать сюжетъ изъ нашей литературы. Не могу по правдѣ сказать, чтобы ея трудъ былъ вполне законченъ. Она далеко не вполне знакома съ библіографіей; она даже не знаетъ ни исторіи русской литературы Пушкина, ни большинства книгъ, перечисленныхъ въ ея библіографіи. Тѣмъ не менѣе ея умно написанная книга дастъ многимъ французамъ свѣдѣнія изъ біографіи Гоголя и разборъ его сочиненій. Во всякомъ случаѣ эта книга является знаменіемъ времени, и поэтому я считаю своею обязанностью указать на нее.

Но вниманіе нашей публики привлекаютъ главнымъ образомъ не классики русской литературы, а современные романисты. Кромѣ того ее интересуютъ торговыя и экономическія сношенія съ нашей страной.

Фирма Коленъ только что выпустила книгу *Développement économique de la Russie*. Авторъ ея, нѣкто г. Майса, мнѣ неизвѣстенъ. Онъ не знаетъ русскаго языка и довольствуется ссылками на фран-

цузскіе, англійскіе и нѣмецкіе источники. Тѣмъ не менѣе его книга можетъ принести пользу неоглядѣль и капиталистамъ выясненіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ. Больше интересной и новой является книга г. Claudius Anagnon, *La Sibérie économique considérée plus spécialement dans sa partie sibérikalienne* (1 vol. libr. Guillaumin). Г. Оланьонъ—дипломированный воспитанникъ нашей школы высшихъ коммерческихъ наукъ. Онъ былъ командированъ отъ министерства торговли и промышленности. Его книга снабжена предисловіемъ г. Frédéric Passy, известнаго экономиста, члена института. Г. Оланьонъ очень добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе. Онъ послѣдовательно разбираетъ пути сообщенія, земледѣліе, скотоводство, лѣсоводство, охоту и рыбную ловлю, горное дѣло, торговлю. Онъ предостерегаетъ французовъ, которые бы пожелали заняться дѣломъ въ Сибири. Теперь, благодаря этой книгѣ и книгѣ г. Леръ, Сибирь не будетъ представлять для насъ terra incognita. Книга снабжена фотографіями, снятыми авторомъ, которыя увеличиваютъ ея интересъ.

Во Франціи много занимаются еще другою, на половину славянскою страной—Австріей. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я вамъ указалъ на книгу г. Cheradame, *L'Europe et la question d'Autriche au seuil du 20 siècle* (libr. Plon). Эта книга имѣла большой успѣхъ; она выдержала уже три изданія. Она переводится въ настоящее время на чешскій и, кажется, также на русскій языкъ. Ободренный успѣхомъ, авторъ только что выпустилъ новую книгу (libr. Plon), *L'Allemagne, la France et la question d'Autriche*, въ которой онъ разсматриваетъ пангерманскую пропаганду въ Австріи и высказываетъ надежду, что соединенныя Франція и Россія сумѣютъ предупредить грозящую опасность. Книга написана съ большою эрудиціей: авторъ читалъ всѣ журналы, знакомъ съ произведеніями всѣхъ публицистовъ. Эта книга будетъ, вѣроятно, имѣть не меньшій успѣхъ, чѣмъ первая.

И уже имѣлъ случай говорить вамъ о трудахъ г. Валишевскаго по русской исторіи. Г. Валишевскій, стремищійся къ тому, чтобы имѣть многочисленныхъ читателей, выбираетъ изъ исторіи преимущественно личности или эпизоды наиболѣе интересные для публики и свѣтскихъ людей. Поэтому послѣ исторіи Екатерины II онъ далъ намъ книгу о Петрѣ Великомъ, затѣмъ о наследникахъ Петра I съ 1725 по 1741 г. Всѣ эти книги имѣли успѣхъ, котораго искалъ авторъ; въ сущности онъ пишетъ не ad narrandum или ad probandum, а главнымъ образомъ ad delectandum, и это ему удается. Его исторія Екатерины II была награждена французскою академіей и выдержала три-

надцать изданій. Исторія Петра Великаго имѣла четыре изданія. Послѣдняя его книга—Исторія императрицы Елизаветы (I т., libr. Plon) представляетъ серьезный и строгій трудъ, для котораго авторъ воспользовался неизданными документами, взятыми изъ архивовъ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ и изъ тайныхъ берлинскихъ и вѣнскихъ архивовъ. Г-на Валишевскаго упрекали въ томъ, что его книги слишкомъ занимательны. Въ предисловіи къ своей послѣдней книгѣ онъ защищается отъ этого упрека, заявляя въ то же время, что онъ не старался непременно быть такимъ скучнымъ, какъ нѣкоторые современные историки. Его изслѣдованія называли романами; онъ принимаетъ этотъ эпитетъ за похвалу и замѣчаетъ, что его можно приложить къ произведеніямъ нѣкоторыхъ изъ наиболее выдающихся французскихъ историковъ: г. Анри Гуссэ, г. Лависса, г. Фридриха Массона. Эта книга будетъ, конечно, имѣть въ нашей публикѣ такой же успѣхъ, какъ и предыдущія.

Сербія интересуетъ насъ, конечно, меньше, чѣмъ Россія. Однако и она привлекаетъ къ себѣ вниманіе нашихъ публицистовъ и нашихъ экономистовъ. Я желалъ бы рекомендовать вамъ только что вышедшіе два тома г. Joseph Mallat, la Serbie Contemporaine (libr. Maisonneuve). Къ сожалѣнію, я не могу этого сдѣлать: отдѣлы статистическій и политическій въ книгѣ не дурны, но отдѣлы историческій, лингвистическій и литературный никуда не годятся. Авторъ совершенно не свѣдуещъ въ этихъ вопросахъ и, что еще ухудшаетъ дѣло, притворяется, что знакомъ съ ними. Это очень жаль; если бы онъ удовлетворялся однимъ томомъ практическихъ указаній, онъ далъ бы нѣчто полезное; въ настоящемъ же видѣ его книга полна ошибокъ и пропусковъ.

Всѣмъ вамъ важнымъ читателямъ, занимающимся византійскою исторіей или археологіей, извѣстно имя и произведенія г. Шарля Диля. За послѣдніе дни имя этого ученаго стало у насъ особенно популярнымъ. Дѣло въ томъ, что знаменитая актриса Сара Бернаръ возобновила на сценѣ своего театра два мѣсяца тому назадъ „Теодору“ В. Сарду. Въ этой пьесѣ Теодора представлена ужасной развратницей, чѣмъ-то въ родѣ византійской Мессалины. Но г. Ш. Диль въ своемъ Юстиніанѣ, о которомъ я вамъ сообщалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, изображаетъ ее въ гораздо болѣе благоприятномъ свѣтѣ. По этому поводу возгорѣлась полемика между г. Викторьеномъ Сарду изъ французской академіи и молодымъ его сотоварищемъ корреспондентомъ Académie des inscrip-

tions. Она привлекла вниманіе публики на труды г. Диль и, вѣроятно, способствовала продажѣ нѣсколькихъ экземпляровъ Юстиніана. Но г. Диль не остановился на успѣхѣ своего Юстиніана, онъ только что выпустилъ (фирма А. Коленъ) книгу смѣшаннаго характера, подъ заглавіемъ: *En Méditerranée, promenades d'histoire et d'art*. Г. Диль не кабинетный ученый: онъ постоянно путешествуетъ для провѣрки на мѣстѣ матеріала своихъ изслѣдованій. Въ этой книгѣ находятся статьи о Далмаціи, о Босніи и Герцоговинѣ, о раскопкахъ въ Дельфахъ, о горѣ Аеонской, о французскомъ искусствѣ на Кипрѣ и Родосѣ, о Іерусалимѣ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ г. Диль является въ равной степени любознательнымъ путешественникомъ, проницательнымъ археологомъ и пытливымъ историкомъ. Хотя онъ и очень погруженъ въ изученіе Византіи, это не мѣшаетъ ему видѣть и современные вещи; такъ въ главахъ о Далмаціи, Босніи и Герцоговинѣ встрѣчаются весьма важныя замѣчанія о славянахъ этихъ странъ.

Г. Ноэль Валуа только что выпустилъ (фирма Альфонса Пикара) третій и четвертый томъ своего труда: *la France et le Grand Schisme d'Occident*. Это одинъ изъ важнѣйшихъ за послѣдніе годы трудовъ по исторіи среднихъ вѣковъ. За два первыхъ тома своего труда г. Валуа получилъ въ 1896 г. отъ Académie des Inscriptions премію Гобера въ 10.000 фр., присужденную за лучший трудъ по исторіи Франціи. „Главное достоинство г. Валуа“, сказалъ въ своемъ годовомъ отчетѣ г. Шлумбергеръ, предсѣдатель академіи, „заключается въ обширности его изслѣдованій и въ надежности его справокъ, а также въ его безпристрастіи. Дѣйствительно великій расколъ раздѣлилъ не только современниковъ на два яростно непримиримыхъ лагеря, но также и историковъ, и это продолжается до нашихъ дней. Похвалы достойна также обширная эрудиція г. Валуа. Онъ буквально все видѣлъ, обо всемъ справился, всѣмъ воспользовался, все разобралъ. Книга г. Валуа дѣйствительно носитъ отпечатокъ великаго историческаго событія, которому она посвящена. Но авторъ такой же хорошій писатель какъ историкъ: его языкъ ясенъ, легокъ, а когда нужно живъ и образенъ. Онъ столько же философъ, сколько историкъ“. Это сужденіе примѣнимо и къ двумъ новымъ книгамъ г. Валуа. Изслѣдуемый г. Валуа періодъ обнимаетъ 1379 по 1429 годы, эпоху, когда духовное главенство въ католическомъ мірѣ было оспариваемо двумя претендентами: однимъ въ Авиньонѣ, другимъ въ Римѣ. Этотъ расколъ заставилъ церковь прибѣгнуть къ

соборамъ и подалъ поводъ къ созванію двухъ соборовъ: въ Пизѣ (1409) и въ Констанцѣ (1414—1418). Это одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ съ точки зрѣнія религіозной и дипломатической.

Когда я началъ, въ 1869, писать эти корреспонденціи, Викторъ Дюрюи только что оставилъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Я не разъ уже имѣлъ случай писать вамъ объ услугахъ, оказанныхъ имъ на этомъ трудномъ посту. Послѣ его смерти одинъ изъ его самыхъ близкихъ довѣренныхъ лицъ, Эрпестъ Лависсъ, въ статьѣ, отчетъ о которой былъ мною данъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, указалъ на его заслуги. Викторъ Дюрюи былъ не только трудолюбивымъ и дѣятельнымъ министромъ, онъ былъ также однимъ изъ ученѣйшихъ и плодovitѣйшихъ историковъ. Когда-то я изучалъ его книгу, изданную у Делабуа, въ которой онъ напечаталъ всѣ документы, относящіеся къ его министерству. Послѣдніе годы своей жизни онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ своихъ замѣтокъ и воспоминаній. Эти замѣтки и воспоминанія только что появились въ печати, благодаря его сыну г. Жоржъ Дюрюи, профессору исторіи и литературы въ политехнической школѣ (2 тома in 8° Парижъ, Гашеттъ). Я мало знаю такихъ интересныхъ книгъ. Викторъ Дюрюи является типичнымъ *self-made-man*, какъ выражаются американцы. Его отецъ былъ скромнымъ ремесленникомъ на фабрикѣ гобеленовыхъ ковровъ. Онъ самъ было началъ учиться этому ремеслу, но его рѣдкія способности обратили на него вниманіе; онъ поступилъ въ коллежъ, затѣмъ въ нормальную школу одновременно съ Валлономъ, оставшимся единственнымъ представителемъ этого поколѣнія и занимающимъ въ настоящее время, не смотря на свои 92 года, мѣсто секретаря *Académie des inscriptions et belles lettres*, потомъ сталъ профессоромъ исторіи сначала въ провинціи, затѣмъ въ Парижѣ; впоследствии назначенъ инспекторомъ и, наконецъ, главнымъ инспекторомъ среднихъ школъ. Для нихъ онъ составилъ очень хорошіе учебники исторіи и напечаталъ два первыхъ тома исторіи римлянъ. Этотъ трудъ обратилъ на него вниманіе императора Наполеона III, который въ то время писалъ жизнеописаніе Цезаря и любилъ окружать себя латинистами и археологами. Дюрюи былъ приглашенъ работать вмѣстѣ съ императоромъ, который его замѣтилъ. Однажды (въ іюнѣ 1863) когда онъ инспектировалъ мулонскій лицей, онъ получилъ телеграмму, что императоръ назначилъ его министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ очень серьезно отнесся къ своимъ новымъ обязанностямъ, увеличилъ число начальныхъ школъ и курсовъ для взрослыхъ, старался организовать свободное образованіе для молодыхъ

дѣвушкѣ, основалъ школу высшихъ наукъ, старался расширить высшее преподаваніе. Будучи homo novus, какъ говорили римляне, онъ принужденъ былъ бороться противъ своихъ коллегъ въ министерствѣ, противъ духовенства, не прощавшаго ему желанія изъять изъ ихъ вѣдома женское образованіе. Но, поддерживаемый довѣріемъ, оказываемымъ ему Наполеономъ, онъ не уступалъ своимъ противникамъ. Когда ему пришлось оставить свой постъ, такъ какъ Наполеонъ сдѣлалъ его сенаторомъ, онъ немедленно вернулся къ своимъ историческимъ трудамъ. Всей ученой Европѣ извѣстна его восьмитомная Исторія римлянъ, его трехтомная Исторія Греціи. Паденіе имперіи и разгромъ Франціи причинили ему много горя. Онъ остался вѣрнопъ Наполеону III; онъ до конца видѣлъ въ немъ человѣка возвышеннаго ума, великодушнаго сердца, жертву несчастныхъ обстоятельствъ. Эта достойная уваженія вѣрность заслужила ему при республиканскомъ правленіи уваженіе его противниковъ: онъ былъ избранъ въ члены трехъ академій: académie des inscriptions, académie des sciences morales и académie française. Такая честь выпала кромѣ него на долю только Гизо.

Какъ разъ одновременно съ мемуарами Дюрюи фирма Ганстъ выпустила—*Les années de retraite de M. Guizot, lettres à M. et Mme Lenormand*. Гизо, какъ и Дюрюи, имѣлъ страсть къ исторіи, но въ то же время онъ сыгралъ и значительную политическую роль. Въ религиозныхъ вопросахъ Дюрюи былъ совершеннымъ скептикомъ, Гизо же—убѣжденнымъ христіаниномъ. Онъ былъ протестантомъ, но прежде всего христіаниномъ и среди католиковъ имѣлъ много друзей, въ числѣ ихъ Карла Ленормана, выдающагося археолога. Эта книга, дополненная письмами, которыя не были предназначены для печати, освѣщаетъ весьма симпатичнымъ свѣтомъ суровую фигуру Гизо.

Письма занимаютъ періодъ съ 1848 года, когда кончилась политическая жизнь Гизо, по 1874,—годъ смерти Гизо. Въ нихъ обсуждаются политическіе, академическіе и литературные вопросы. Г-жа Ленорманъ, которой они адресованы, была выдающеюся женщиной; Гизо обращается къ ней, какъ къ мужицѣ, и обсуждаетъ съ ней самые серьезные вопросы. Эти письма еще увеличиваютъ, если это только возможно, уваженіе, возбуждаемое этимъ знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ. Гизо былъ протестантомъ, но будучи искренно вѣрующимъ, онъ былъ въ то же время вѣротерпимъ. Его переписка рисуетъ его полнымъ любви и уваженія къ выдающимся представителямъ католицизма: Гратри, Брольи и др. Книга снабжена прекраснымъ

предисловіемъ Кабріера, епископа (католическаго) города Монпелье. Эта честь воиогѣ заслужена Гизо. Никто не былъ столь вѣрующимъ и въ то же время столь мало фанатичнымъ, какъ онъ.

Благодаря интересу, возбуждаемому въ настоящее время педагогическими вопросами, каждый день появляются труды не только по теоріи, но и по исторіи преподаванія. Въ своей книгѣ, озаглавленной *Les Cahiers de l'Instruction publique en 1789* (libr. Delagrave), г. Бурильи изслѣдуетъ, каковы были въ эпоху Великой Революціи desiderata Франціи въ дѣлѣ преподаванія. Когда въ 1789 Людовикъ XVI рѣшилъ созвать генеральныя штаты, тогда во всѣхъ волостяхъ духовенство, дворянство, горожане и крестьяне составили записки, въ которыхъ изложили свои желанія, выполненія которыхъ должны были домогаться ихъ депутаты. Эти записки были сохранены и большинство изъ нихъ напечатаны. Они представляютъ неисчерпаемый источникъ данныхъ относительно положенія и стремленій французскаго общества въ 1789 г. Г. Бурильи пришла мысль поискать въ нихъ данныя о тогдашнемъ положеніи народнаго образованія. Въ первой части своего труда онъ кратко излагаетъ развитіе учебныхъ заведеній до эпохи революціи. Затѣмъ онъ изслѣдуетъ, каково было подъ конецъ стараго режима положеніе университетовъ, гимназій, школъ, каково было положеніе учителей и учениковъ, что осуждалось въ преподаваніи и какія реформы представлялись желательными; почти всѣ требуютъ болѣе полной системы преподаванія, которымъ могли бы пользоваться и большинство дѣтей изъ народа. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе политическихъ условій, ни учредительное (*constituante*), ни законодательное собранія не могли посвятить народному образованію многочисленныхъ и глубокихъ обсужденій. И конвентъ произвелъ крупныя реформы только въ области высшаго образованія (основаніе института, политехнической школы, нормальной школы, школы восточныхъ языковъ). Тѣмъ не менѣе можно сказать, что всѣ реформы, весь прогрессъ, осуществленный XIX вѣкомъ, находились уже въ зародышѣ въ запискахъ генеральныхъ штатовъ.

Фирма Дельгравъ продолжаетъ выпускать курсъ французской литературы г. Гемона, изъ котораго появились уже шесть книгъ. Каждая книга посвящена изученію и анализу нѣсколькихъ великихъ писателей, иллюстрируемому многочисленными выдержками изъ ихъ произведеній. Каждая книга подраздѣляется на нѣсколько независимыхъ выпусковъ, продаваемыхъ отдѣльно. Такъ, 6-й томъ посвященъ Монтескье, Вольтеру и Бюффону, но можно отдѣльно купить выпускъ,

касающійся одного изъ этихъ писателей. Это очень остроумное нововведеніе. Послѣдніе выпуски, напечатанные г. Гемонъ, посвящены Ж. Ж. Руссо и энциклопедіи. Книга, посвященная Руссо, не исчерпываетъ всего матеріала, она даетъ подробную біографію и особенно занимается Эмилемъ. Очевидно г. Гемонъ имѣетъ въ виду посвятить еще нѣсколько главъ женевскому философу. Вторая книга посвящена энциклопедіи. Теперь уже не читаютъ этого колоссальнаго произведенія, имѣвшаго такое большое вліяніе на XVIII вѣкъ. Г. Гемонъ даетъ біографію Дидро и Д'Аламбера и излагаетъ исторію изданія энциклопедіи. Каждый выпускъ этой книги снабженъ подробной бібліографіей. Это очень драгоценное пособіе для профессоровъ французской литературы, особенно заграницей.

Тотъ же издатель (Дельгравъ) только что выпустилъ новую онтологію французской литературы, повидимому очень хорошо составленную: *Les meilleurs auteurs français du XVI-me au XIX-me siècle*, которой предпослана краткая исторія французской литературы, написанная Юліемъ Буателемъ, директоромъ школы Тюрго въ Парижѣ. Эта книга въ 600 страницъ стоитъ цѣлой бібліотеки. Въ ней нашли мѣсто не только великіе классики, но и второстепенные и третьестепенные писатели XIX-го вѣка, которые обыкновенно не попадали въ этого рода сборники. Помѣщенная вначалѣ исторія французской литературы занимаетъ 100 страницъ и снабжена большимъ числомъ портретовъ. Это настоящій *compendium*, пригодный и для учителей и для учениковъ.

Благодаря столѣтнему юбилею Виктора Гюго появилось нѣсколько произведеній, посвященныхъ этому рѣдкому гению. Одно изъ наиболѣе интересныхъ это конечно: *Victor Hugo, leçons faites à l'École normale supérieure par les élèves de deuxième année sous la direction de Ferdinand Brunetière* (2 vol. in 12 libr. Hachette). Вашимъ читателямъ извѣстно, какую значительную роль играетъ г. Брюнетьеръ въ современной критикѣ. Онъ состоитъ профессоромъ литературы при нормальной школѣ и пользуется большимъ вліяніемъ на учениковъ. Ученики нормальной школы слушаютъ курсъ три года. На первомъ курсѣ они готовятся къ *examen de licence*, на третьемъ къ *examen d'agrégation* (подготавливаются къ преподаванію въ лицейхъ). Въ продолженіи второго года они свободны заниматься сами для себя. Г. Брюнетьеру пришла счастливая мысль дать имъ Виктора Гюго, какъ тему для ихъ занятій. Они подѣлили между собой произведенія великаго писателя — раздѣлили *membra poetae*. Ихъ было 10 чело-

вѣкъ; они дали около двадцати монографій, обнимающихъ жизнь и всѣ произведенія В. Гюго. Одинъ написалъ о дѣтствѣ поэта, другой о его первыхъ литературныхъ попыткахъ, третій о литературѣ въ періодъ реставраціи, четвертый объ историческомъ романѣ В. Гюго, пятый о социальномъ романѣ, шестой о драмахъ, седьмой о лирическихъ и эпическихъ поемахъ. Всѣ эти изслѣдованія, написанныя сою аморге, указываютъ на большое знаніе, добросовѣстность и талантливость этихъ молодыхъ людей. Пока еще ихъ имена не пользуются извѣстностью, но интересно ихъ запомнить, чтобы посмотреть, что дадутъ они въ будущемъ. Нормальная школа не переставала снабжать нашу литературу выдающимися критиками. Г. Брюнетьеръ, рекомендуя публикѣ эту книгу, замѣчаетъ въ предисловіи къ ней, что въ ней выражено сужденіе поколѣнія, которое только что народилось въ то время, когда великій поэтъ умеръ и которое поэтому представляеть для него, такъ сказать, потомство.

Въ то время какъ въ нормальной школѣ была такимъ образомъ почтена память Виктора Гюго, Сорбонна посвятила засѣданіе Альфреду Мюссе.

Разсказываютъ, что однажды Ламартинъ получилъ письмо, адресованное „величайшему французскому поэту нашего вѣка“. Онъ не рѣшился распечатать его и снесъ его Виктору Гюго, который его распечаталъ. Оно было адресовано Альфреду Мюссе. Трудно установить взаимное положеніе этихъ трехъ гениевъ. Потомство укажетъ имъ окончательное мѣсто. Посомнѣнно во всякомъ случаѣ, что Мюссе великій поэтъ. Не разъ поднимался вопросъ, былъ ли онъ настоящимъ драматургомъ; онъ самъ въ этомъ нѣсколько сомнѣвался. Онъ попробовалъ свои силы въ 1830 г. въ театрѣ Одеонъ, выступивъ съ пьесой, которая была жестоко освистана. Послѣ этого онъ не рѣшился долго ставить свои пьесы. Онъ писалъ драматическія поэмы, помѣщалъ ихъ въ *Revue des deux mondes*, но не предназначалъ ихъ для сцены. Г-жѣ Аллагъ Дебрео, знаменитой актрисѣ, пришла, въ бытность ея въ Петербургѣ, мысль поставить „*le Carpe*“ на сценѣ Михайловскаго театра. Успѣхъ былъ таковъ, что пьеса была затѣмъ поставлена въ Парижѣ; мало по малу и другія комедіи и драмы поэта появились на парижской сценѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ репертуаръ *Comédie française*. Одинъ молодой профессоръ, Леонъ Лафоскадъ, защищалъ недавно въ Сорбоннѣ диссертацию о театрѣ Альфреда Мюссе. Это произведеніе, посвященное г. Фаге, имѣло блестящій успѣхъ у университетскаго жюри и будетъ также имѣть успѣхъ у публики (1 т. in

12 ф. Гашеттъ). Г. Лафоскадь очень хорошо излагаетъ зарожденіе драматическаго таланта Альфреда Мюссе, источники англійскіе, нѣмецкіе и итальянскіе, повліявшіе на построеніе его пьесъ и характера его лицъ. Если бы полъ-столѣтія тому назадъ поэту предсказали, что онъ явится темой для диссертациі въ Сорбоннѣ, онъ этому навѣрное очень бы удивился.

Л. Л—ръ.

Кормилица (за сценой).

Скорѣй же... О скорѣй... И ножъ острѣй
Разрѣзать эту петлю... Помогите...

Хоръ.

Что дѣлать намъ, подруги? Во дворецъ
Пойдемъ ли вынимать ее изъ петли?

Первое полухорье.

Зачѣмъ? Иль нѣтъ тамъ молодыхъ рабынь?
Кто безъ толку хлопочеть, не поможетъ.

Кормилица (за сценой, съ плачемъ).

Снимите-жь хоть ее... не дышите больше...
О горькая палата охрана мужнихъ.

Второе полухорье.

Сомнѣнья нѣтъ... Скопчалась... Тѣло тамъ
Ужъ на одрѣ печальному полагаютъ...

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Фесей. (Съ лѣвой стороны). Онъ утыкаетъ лавромъ, за нимъ свита.

ФЕСЕЙ.

(Сначала оглядывается на запертую дверь, ищетъ къ кому бы обратиться, потомъ увидѣвъ хоръ).

Гей, женщины... Тутъ былъ какой-то крикъ...
Неясный плачь рабынь изъ залъ дворцовыхъ
Издаലെка до слуха долетѣлъ.
А здѣсь, царя, узрѣвшаго святыню,
И у дверей покинутыхъ палатъ
Ни чей привѣтъ не встрѣтилъ... Иль съ Питеемъ
Что новое случилось, престарѣлымъ.

КОРИФЕЙ.

Ударъ судьбы, Фесей. Но не старикъ,
А яркій, царь, погасъ здѣсь жизни свѣточъ.

ИПОЛИТЪ.

ӨСЕЙ.

Увы! Увы! Не изъ дѣтей же кто?

КОРИФЕЙ.

Они живутъ—но матери не видятъ.

ӨСЕЙ.

Что говоришь? Жена... Но какъ? Но какъ?

КОРИФЕЙ.

Отъ собственной руки, въ ужасной петлѣ.

ӨСЕЙ.

Въ тоскѣ, скажи, иль жребій оковаль?

КОРИФЕЙ.

Мы знаемъ то, что слышалъ ты, и только...

И сами мы недавно здѣсь, Өсей.

ӨСЕЙ.

О горе мнѣ... На что-жь и лавры эти
На волосахъ? (Срываетъ и бросаетъ ихъ).

Не праздники справлять
Придется здѣсь Өсею... Гей, живѣе,
Рабы, отбить запоры у воротъ,
И настезь ихъ!.. Пускай достойной плача
Картинной я насыщу взоръ—жены
Я видѣть трупъ хочу себѣ на горе...

(Рабы отбиваютъ внутренній запоръ дверей. Широко распахнутыя, онѣ показываютъ внутренность дома. На носилкахъ трупъ Федры... Около и за нимъ толпятся служанки).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Өсей и свита около мертвой Федры.

Сцена плача.

Хоръ. (Обращаясь къ тѣлу Федры).

Увы! Увы! Несчастная. О жребій,
О злодѣянiе и ты,

О мѹка, вы сгубили цѣлый домъ...
 О дерзость, о натискъ безумный
 На жизнь, на собственную жизнь.
 Кто смѣлъ, скажите, кто смѣлъ
 На голову эту
 Покровъ погребальнаго мрака накинуть?
 Кто смѣлъ?

Өесей.

Строфа.

О муки!.. О городъ!.. Но нѣтъ,
 Нѣтъ горше, подъятыхъ өесеемъ,
 О тяжко, такъ тяжко на плечи
 Обрушился жребій, увы мнѣ!
 То бѣса сокрытая мѣтка?
 Иль тайная точить насъ язва?
 Не море-ли бѣдствій темнѣть?
 Кружатъ меня волны—не всплыть,
 И хлещутъ, на верхъ не пускають.
 Твоя-жь, о жена, въ какихъ же словахъ
 Предсмертная мука, скажи мнѣ, сокрылась?
 Ты легче, чѣмъ птица, изъ плѣвна
 Въ эфиръ, въ Андѣ исчезла.
 О жребій, о жребій плачевный!
 Мнѣ предокъ оставилъ пятно,—
 Слезами его замываю.

Корифей.

Не первый ты подругу, царь, оплакалъ
 И не одинъ ты дивную терялъ...

Өесей.

Антистрофа.

Туда я... въ подземную ночь
 Хочу и въ могилѣ хочу я
 Безъ солнца лежать, потому что

Ты больше меня не обнимешь,
 Мертва ты... Я жъ тѣни блѣднѣе...
 О, какъ эти страшныя мысли,
 Жена, въ твою душу проникли?
 О, пѣтъ, не таетесь, рабыни:
 Иль чужды душою вы дому?..
 О горе, и ты, о зрѣлище мужъ!
 Умомъ не охватишь, не вынесешь сердцемъ.
 Безъ матери дѣти—и въ домѣ
 Хозяйки не стало. Меня же,
 Меня жъ на кого покидаешь,
 О лучшая въ ярихъ лучахъ,
 О лучшая въ лунномъ мерцаньи?

Хоръ.

Несчастнѣйшій, несчастнѣйшій мужъ!
 Ты бѣдами домъ осажденный!
 Надъ горемъ твоимъ, властелинъ,
 Слезами склонились мои орошенныя вѣки;
 Но ужасъ холодныхъ предчувствій
 Въ груди и давишь; и больишь.

Федра.

Ба... Погляди...
 Вѣдь бѣлая рука ея застыла,
 Письмо сжимая... Иль новыхъ мукъ
 Оно несетъ намъ бремя, или въ помъ
 Вдовцу или сиротамъ свой завѣтъ
 Она передъ разлукой написала?
 Пѣтъ, бѣдная, въ оставленный тобой
 Ужъ не войдетъ чертогъ жена другая
 Покойно спи... (Лѣвая шагъ направляется къ тѣлу).
 О да, я узнаю
 Кольца печать усопшей золотую...
 Мгновеніе и, складень растворивъ,
 Послѣднихъ строкъ ея узнаю тайну.

(Подходить къ тѣлу и, разжавъ руку Федры, вынимаетъ складень. Пока онъ его распечатываетъ и читаетъ)

Корифей.

О горе, о горе...
 То новый ударъ
 Намъ демонъ готовить... Увы...
 Жизнь цѣну для меня теряетъ... Это будетъ,
 Я чувствую, ударъ смертельный. Пусть же
 И на меня онъ падаетъ:
 Въ обломкахъ на землѣ
 Моихъ царей лежитъ бывшее счастье...

Өксей.

О ужасъ!... Омерзѣніе и ужасъ!..

Корифей.

Но что? скажи... Коли я смѣю знать!..

Өксей.

О, къ небу вопіють,
 О, къ небу тѣ нѣмыя вопіють
 Объ ужасѣ неслыханномъ слова.
 Куда уйти? Нѣтъ... Это слишкомъ... Эти
 Въ какой-то адскій хоръ смѣшались строки.

Корифей.

Увы! Увы!
 О, новыхъ бѣдъ ужасное начало!

Өксей.

О, нѣтъ, мои уста
 Таить не смѣють этой язвы страшной,
 Уродства этого, что и назвать мерзость...
 Пусть полумертвого добьютъ они. Но знай...
 Но знай, земля отецъ,
 Сынъ, Ипполитъ, на ложе посягнулъ
 Отцовское, не устыдился Зевса
 Очей. О Посидонъ, о мой отецъ!
 Три за тобой желанія, и вотъ

Желанье первое: пускай мой сынъ
 Не доживетъ до этой ночи, если
 Твоимъ должны мы вѣрить заклинаньямъ.
 (Изъ хора вырывается крикъ ужаса).

КОРИФЕЙ.

Ради боговъ! Возьми назадъ слова...
 Раскаешься ты, царь, въ своемъ желаньи.

ӨЕСЕЙ.

Нѣтъ, никогда. И изъ страны его
 Я изгону. Готовы оба кубка
 Съ отравою. Пусть жалобу мою
 Пучины царь услышитъ и сегодня-жъ
 Его сошлетъ въ Аидъ, влѣ, осужденъ,
 До вечера, какъ нищій, онъ скитанья
 Свои начисть вслѣпимъ мнѣмъ....

КОРИФЕЙ.

Смотри,—твой сынъ—онъ во время, владыка.
 Безумный гнѣвъ покинь и осѣни
 Свой домъ инымъ и набожнымъ желаньемъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Ипполитъ въ сопровожденіи небольшой свиты. (Справа).

Ипполитъ. (Еще не вида трупъ).

На голосъ твой, отецъ, я прихожу
 Отчаянный... И я причину знать
 Хотѣлъ бы... (Видитъ трупъ Федры и отпихивается).

Гв... Что вижу?... Тѣло

Твоей жены?.. Какъ это непонятно,
 Вѣдь я-жъ сейчасъ разстался съ ней,—была
 Она совсѣмъ здорова. Этотъ мертвый
 Покой ея такъ страненъ... Какъ же смерть
 Ты объяснить бы могъ, отецъ?.. И что же
 Ты все молчишь? Иль думаешь бѣду

Томительной развѣять нѣмотою?
 Коль тайна жжетъ желаніемъ сердца,
 Въ несчастіи огонь ея живѣе,
 И ты неправъ, скрывая отъ друзей...
 Нѣтъ, больше, чѣмъ друзей... свои печали.

ΘЕСЕЙ (не глядя на сына).

О, суета! О жалкій родъ слѣпцовъ!
 Нѣтъ хитростей, какихъ бы допытаться
 Ты не сумѣлъ, упорный человѣкъ.
 Десятками ты ихъ считаешь тысячъ.
 Но обучить того, въ комъ смысла нѣтъ,
 Усовѣстить мошенника возмешься-ль?..

Исполить.

Такой учитель сталъ бы знаменить,
 Свой умъ въ чужія головы влагая,
 Но, можетъ быть, мы бросимъ шутки, царь:
 Несчастіе, боюсь, мутитъ твой разумъ.

ΘЕСЕЙ (продолжасть, не глядя на него).

О, если бы хотя малѣйшій знакъ
 Имѣли мы, по вѣрный, чтобы друга
 Отъ недруга и лживыя слова
 Отъ истинныхъ мы сразу отличали...
 Два голоса пускай бы человѣкъ
 Имѣлъ—одинъ особенный для правды,
 Другой же прежній голось. Вѣдь тогда
 Разоблачить всегда бы ложь могли мы,
 Игралицемъ людей не становясь.

Исполить.

Иль кто нибудь изъ близкихъ предъ тобой
 Оклеветалъ меня? Иль и невпипность
 Отъ низости не ограждаетъ насъ?..
 Я съ толку сбить. И странные намеки
 Твои, отецъ, измучили меня.

Оескій.

О, до чего-жь дойдешь ты, родъ людской?
 Иль грани нѣтъ у дерзости?.. Препоны
 У наглости?.. Рожденьемъ чловѣкъ
 Приподнимай на палець только гребень
 У дерзости, чтобы отца возрость
 Хитрѣ сынъ, а внукъ хитрѣ сына,
 И на землѣ не хватить мѣста скоро
 Преступникамъ. И къ этой прибавлять
 Богамъ бы не пришлось вторую землю.

(Къ хору и окружающимъ).

Смотрите всѣ... Вотъ сынъ мой, опозорилъ
 Онъ ложе мнѣ—и мертвая его,
 Какъ низкаго злодѣя, уличаетъ.

(Ипполитъ, блѣднѣя, опускаетъ глаза, замѣчалъ въ рукахъ отца письмо).

(Ипполиту)

Что не глядишь? Коль язвою твоей
 Я зараженъ, ужели глазъ бояться
 Твоихъ отцу.

Такъ вотъ онъ этотъ мужъ,
 Отмѣченный богами, ихъ избранникъ,
 Невинности и скромности фіаль...
 Когда-бъ твоимъ рассказамъ шарлатанскимъ
 Повѣрилъ я, — я не боговъ бы чтилъ,
 А лишь невѣжь въ божественныхъ одеждахъ.
 Ты чванишься, что въ пищу не идетъ
 Тебѣ ничто дышавшее, и плутни
 Орфеевымъ спабдилъ ты ярлыкомъ.
 О, ты теперь свободенъ — къ посвященнымъ
 На праздники иди и пылью книгъ
 Пророческихъ любовно упивайся,
 Ты больше не загадка.

Но такихъ
 Пожалуста, остерегайтесь, люди,
 Позорное таятъ подъ благочестьемъ
 Они искусство.

Это только трупъ...
 Но отъ того тебѣ теперь не легче,

Изъ низкихъ самый низкій. Уличенъ
 Ты мертвою. Ты уничтоженъ ею.
 Передъ ея судомъ что значать клятвы,
 Свидѣтели и вся шумиха словъ?
 Иль скажешь ты, что былъ ей ненавистенъ,
 Что незаконный сынъ, при сыновьяхъ
 Законныхъ, имъ всегда помѣхой будетъ?
 Но не безумно-ль было-бъ отдавать
 Дыханіе свое и счастье ближнихъ
 Взамѣнъ твоихъ страданій?.. Это ложь...
 Иль чувственность царить не та-же, скажешь,
 Надъ нами, что надъ женскою душой?
 Мнѣ юноши извѣстны, что не могутъ
 Напыва страсти выдержать — любой
 Слабѣй они дѣвчонки. Только полъ
 Спасаетъ ихъ отъ осужденья.

Впрочемъ,

Не лишнее ль все это? Здѣсь лежитъ
 Свидѣтель неподвижный, но надежный:
 Ты осужденъ. Немедленно покинешь
 Трезену ты. Священная Аѳинъ
 Земля и всѣ моей державы страны
 Отнынѣ для тебя закрыты. Еслибъ
 Тебя теперь простилъ я, Иполить,
 И Синисъ бы, грабитель придорожный,
 Пожалуй бы явился и сказалъ,
 Что я его убійствомъ только хвасталъ,
 И скалы бы Скиронскія тогда
 Грозы моей не стали больше славить.

Корифей.

О счастье, ты не прочно на землѣ:
 Твои колонны гордыя во прахъ.

Иполить.

Твоей души, отецъ, слѣпая страсть
 И гнѣвъ ея тяжелый оставляютъ
 Глубокій слѣдъ въ умѣ не оттого,

Чтобъ былъ ты правъ однако —

Къ сожалѣнью,

Я склонности не чувствую въ толпѣ
 Оправдывать себя и, вѣроятно,
 Въ свосемъ кругу съумѣлъ бы доказать
 Исѣвѣ твою ошибку. И не такъ ли
 Перѣдко нашъ страдаетъ тонкій слухъ
 Отъ музыки, которой рукоплещетъ
 Толпа? Увы... Предъ горшею бѣдой
 О меньшей мы позабываемъ. Вижу, —
 Завѣсу съ устъ приходится поднять,
 Начну съ того же я, съ чего искусно
 Ты началъ рѣчь. Оставь безъ возраженья
 Я первыя слова, и я погибъ.
 Взгляни вокругъ на землю, гдѣ ступаетъ
 Твоя нога, на солнце, что ее
 Живить, и не найдешь души единой —
 Безгрѣшнѣ моей — хотя бы ты
 И спорилъ, царь. Боговъ я чтить умѣю,
 Живу среди друзей, и преступленийъ
 Бѣгутъ друзья мои. И стыдно имъ
 Другихъ людей на злое наводить,
 Или самимъ прислуживать пороку.
 Высмѣивать друзей, пусть на лицо
 Они нль глѣтъ, я не умѣю. Тотъ же
 Для нихъ я другъ. Ты упрекалъ; меня
 Въ страстяхъ, отецъ, — глѣтъ, въ этомъ я не грѣшечъ:
 Я брака не позналъ и тѣломъ чистъ.
 О немъ я знаю то лишь, что слышалъ,
 Да на картинахъ видѣлъ. Да и тѣхъ
 Я не люблю разглядывать. Душа
 Стыдливая мѣшается.

Если скромность

Въ невинности тебя не убѣдитъ,
 Такъ объясни-жь, отецъ, какимъ же могъ
 Я развратиться способомъ. Нль Федра
 Такой уже несслыханной красоты?
 Нль у меня была надежда съ ложемъ
 На твой престолъ, ты скажешь. Но вѣдь это

Безуміе бы было, коль не глупость.
 Иль быть царемъ такъ сладостно для тѣхъ,
 Кто истинно разуменъ? Ой, смотри
 Здоровъ ли умъ, коли корона манить.
 Я первымъ быть межъ Элиновъ горѣлъ
 На играхъ лишь, а въ государствѣ, право-жъ,
 И на второмъ намъ мѣстѣ хорошо...
 Средь избранныхъ, конечно. Тамъ досугъ,
 Да и въ глаза опасность тамъ не смотреть,
 А это слаще, царь, чѣмъ твой престолъ.
 Теперь ты все ужъ знаешь. За себя
 Такого же другого, къ сожалѣнью,
 Я не могу подставить, чтобъ порукой
 Тебѣ служилъ. Предъ Федрою живой
 Мнѣ также споръ заказанъ. Ты легко-бы
 Нашелъ тогда виновныхъ. А теперь
 Хранителемъ клянусь тебѣ я клятвы
 И матерью-землей, что никогда
 Жены твоей не трогалъ, что ее
 Я не желалъ, и что о ней не думалъ.
 И пусть умру, безславно и покрытый
 Позорнымъ именовемъ, ни въ морѣ я,
 Ни на землѣ пускай успокоенъ,
 И мертвый, не найду... коль это ложно...
 Замучена-ли страхомъ умерла
 Отъ собственной руки она, не знаю,
 И больше говорить не смѣю. Но
 Неправая изъ дѣла вышла чистой,
 А чистаго и правда не спасла.

Корифей.

Ты опровергъ отлично обвиненье,
 И клятвою ты истину вѣнчалъ.

Оссей.

Смотрите-ка. Вотъ тактика... Сначала
 Срамилъ отца, а послѣ гнѣвъ его
 Смирениемъ уступчивымъ и живымъ
 Пытается, какъ магъ, заморозить.

Исполить.

Исполить.

И одному, отецъ, теперь дивлюсь—
Изгнанію. Зачѣмъ не смерти ищешь?
Будь на твоёмъ я мѣстѣ, такъ обидчикъ
Казнень бы былъ за честь моей жены.

Оксей.

О, это слишкомъ мягко, сынъ мой. Казни
Немоденной отъ насъ собѣ не жди.
Преступнику конецъ послѣдній—милость.
Итъ, ты, вдали отъ родины скятайся,
Вымаливая хлѣбъ, но будешь жить.

Исполить.

О небо! Или срока оправданья,
Или угла покуда мнѣ не дань?

Оксей.

За Понтомъ бы—когда бы могъ, за гранью
Атлантовой. Ты мерзокъ мнѣ, пойми.

Исполить.

Какъ? безъ суда? безъ клятвы? безъ вопроса?
Не испытавъ гаданій—приговоръ?

Оксей.

Письмо—твоя улика, и не нужно
Тутъ жребіа. А птицы въ небесахъ
На этотъ разъ меня не занимають.

Исполить.

О боги! Усть ужели и теперь
Не разрѣшите мнѣ? Вѣдь эта клятва
Мнѣ стоитъ жизни... Нѣтъ... я не хочу...
Вѣдь этотъ грѣхъ мнѣ не вернулъ бы вѣры.

ӨЕСЕЙ.

О лицемѣрь! Ты изведешь меня...
Вонъ изъ дому безъ всякихъ промедлений!

ИПОЛИТЬ.

Куда-жь? О горе. Кто-жь откроетъ дверь
Изгнаннику съ такимъ ярмомъ позорнымъ?

ӨЕСЕЙ.

А какъ узнать? И соблазнитель женъ
Инымъ мужьямъ бываетъ милымъ гостемъ.

ИПОЛИТЬ.

Такъ нивко пасть предъ міромъ, предъ тобой...
Да кто же я?... Сжимають горло слезы.

ӨЕСЕЙ.

Не поздно-ль ты разнѣжился? Пока
Преступникомъ ты не былъ—было плакать.

ИПОЛИТЬ.

Вы, стѣны, камни, вы заговорите!
Скажите же ему, что я невинецъ.

ӨЕСЕЙ.

Ссылаешься ты тонко на нѣмыхъ
Свидѣтелей (показывая трупъ), вотъ и еще одинъ.

ИПОЛИТЬ.

Когда бы самъ я встрѣтился съ собой,
Надъ этою я бы заплакалъ мѣлой.

ӨЕСЕЙ.

Да, самъ себѣ ты былъ всегда кумиръ;
Родителей бы лучше почитать ты.

ИПОЛИТЬ.

ИПОЛИТЬ.

О мать моя... О горькое рожденье
Внѣбрачное! Не дай Богъ никому.

ӨЕСЕЙ.

Гей! взять его (слугамъ). Вы не слышали развѣ,
Что приговоръ надъ нимъ произнесень?

ИПОЛИТЬ.

Бѣда тому, кто до меня коснется. (Өесей)
Душа горить, такъ самъ и изгоняй.

ӨЕСЕЙ.

И сдѣлаю... съ ослушникомъ. Ни мало
Его при томъ, повѣрь, не сожалѣя.

(Уходить со стражей въ среднюю дверь, которая за ними запирается).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же безъ Өесей.

ИПОЛИТЬ.

Да, рѣшено и крѣпко. Есть ли мука
Сильнѣе той, когда ты знаешь все
И ничего открыть другимъ не можешь?

(Къ статуѣ Артемиды).

Тебя зову, Латою дочь, милѣй
Для сердца нѣтъ тебя, о дѣва, ты
Моихъ охотъ и спутница и радость!
Закрытый намъ и славный городъ отчій
И земли Эрехея, говорю
И вамъ прости послѣднее. И ты
Прости, моя Трезенская равнина,
Для юныхъ силъ твоя отрадна гладь—
Ее глаза въ послѣдній разъ ласкають...
Вы, юности товарищи, привѣтъ
Скажите мнѣ и проводите друга...

Что бы отецъ ни говорилъ, а вамъ
 Ужь не найти другого, чище сердцемъ.
 (Уходитъ со свитой на гѣво).

ТРЕТИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТЪ.

Строфа I.

(Сначала за сценой плачь и вопли).

Если я въ сердцѣ, какъ боги велики, помыслию,
 Муки смолкають и страхъ;
 Но и желаніе вѣрить въ могучую неба поддержку
 Таесть, когда о дѣлахъ и о мукахъ раздумаюсь нашихъ.
 Вѣчно—сегодня одно, а завтра другое...
 Жребіи смертныхъ, что спицы
 Быстрыхъ колесъ тамъ мелькають.

Антистрофа I.

Я у тебя, о судьба, благодатныхъ даровъ бы молила,
 Чуждое сердце заботь.
 Я не хотѣла бы видѣть глубокую сущность твореній,
 Но и въ потемкахъ коснѣть не хотѣла бы я суенѣрныхъ.
 Солнце хочу я встрѣчать веселой улыбкой,
 Благословляя сегодня
 И уповая на завтра.

Строфа II.

Разумъ мутится, и нѣтъ у сердца крылатой надежды:
 Эллады звѣзда золотая
 Съ неба ея на чужія поля закатилась
 Гнѣвною волей отца.
 Дюны Трезены родимой, отъ васъ,
 Дикія чащи, отъ васъ,
 Гдѣ золотую звѣздою вѣнчаный
 Царь съ Артемидой за ланью гонялся.

Антистрофа II.

Брызги съ копытъ и колесъ, венецкіе кони, взметая,
 Берегомъ мчатся не будутъ,

Залы и портики чертога безмолвны, и струны
 Лиры, и пѣсни молчать.
 Роца богини густая нѣма,
 Дѣвъ тамъ увѣчанннхъ нѣтъ,
 Но по тебѣ не одна, что надежду
 Въ сердцѣ лелѣяла дѣва, вздыхаетъ.

Эподъ.

Дни мои слезами мука
 Ипполитова наполнить,
 Жизнь не въ жизнь намъ больше будетъ.
 Мать, зачѣмъ его носила?
 Иль зачѣмъ, чтобъ сердце гнѣвомъ
 Противъ бога запылало?
 Вы-жъ три сестры, три Хариты, зачѣмъ изъ отчизны
 Нану безвинную радость изъ отчаго дома берете?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Съ лѣвой стороны приближается вѣстникъ—это конюхъ Ипполита.

Корифей.

Но вижу я изъ свиты Ипполита,
 Идущаго сюда. Какъ мраченъ онъ!

Вѣстникъ.

Гдѣ я царя найду, Тесея, жены?
 Скажите мнѣ—онъ во дворцѣ теперь?

Корифей.

Онъ изъ дворца сейчасъ сюда выходить.

(Изъ средней двери показывается Тесей безъ свиты).

ВѢСТНИКЪ.

Θесей, тебѣ и гражданамъ твоимъ,
И въ Аттікѣ, и изъ Трезенъ, я вѣсти
Несу. Онѣ должны васъ потрясти.

Θесей.

Какія-же? Или одно несчастье
Готовится обонимъ городамъ?

ВѢСТНИКЪ.

Нѣтъ Ипполита больше... (Крикъ ужаса въ хорѣ).

Хоть и видитъ

Онъ солнце, но минуты сочтены.

Θесей.

Какъ умеръ онъ? Или желѣзо мужа
Иной жены ему отмстило честь?

ВѢСТНИКЪ.

Его разбили собственные кони,—
Проклятiе разбило, что къ отцу
Ты обратилъ, сѣдыхъ морей державцу.

Θесей.

О небо! Да, я точно имъ рожденъ,
Внимавшимъ мнѣ изъ моря Посидономъ.
Но какъ погибъ, скажи мнѣ, этотъ мужъ,
Поправшій честь и пораженный правдой?

ВѢСТНИКЪ

Близъ берега, гдѣ волны набѣгаютъ
И плещутся морскія—лошадей
Мы чистили и плакали—узнали
Мы отъ людей, что Ипполита, царь,
Въ изгнанье ты отсюда ушлаешь,
И здѣсь уже не жить ему. Пришелъ
И самъ онъ слѣдомъ. Съ нашей гѣсней грустной

Онъ и свои соединяетъ слезы.
 Безъ счета ихъ, ровесниковъ, туда
 За нимъ пришло. Тогда, оставивъ плакать,
 Онъ намъ сказалъ: „Не надо унывать,
 Словамъ отца повиноваться надо.
 Живѣй, рабы, живѣе запрягайте:
 Трезвены нѣтъ ужъ болѣе для насъ“.
 И загорѣлось дѣло—приказать
 Онъ не успѣлъ—ужь лошади готовы.
 Тутъ ловко онъ вскочилъ на передокъ
 И съ ободка схватилъ проворно возжи,
 Но кобылицъ сдержалъ и къ небесамъ
 Воздѣвши руки сталъ тогда молиться:
 „О Зевсъ, съ клеймомъ злодѣя жизни вовсе
 Не надо мнѣ. Но дай когда нибудь,
 Останусь я въ живыхъ или не останусь,
 Чтобы отецъ мой понялъ, какъ онъ дурно
 Со мною поступилъ“. Стрѣкало онъ
 За тѣмъ принявъ, кобылъ поочередно
 Касается. Мы жъ около возжей
 У самой побѣжали колесницы,
 Чтобъ проводить его. А путь ему
 Лежалъ, Фесей, на Аргосъ, той дорогой,
 Которая ведетъ и на Коринто.
 Но вотъ, когда мы выѣхали въ поле
 Пустынное, съ котораго холмы
 Къ Саронскому спускаются заливу,
 Какой-то гулъ подземный, точно громъ
 Послышался оттуда отдаленный,
 Всееля страхъ, и кобылицы вмигъ
 Насторожились, вытянувши шею,
 А мы вокругъ пугливо озирались...
 И вотъ глаза открыли тамъ, гдѣ берегъ.
 Прибоемъ волнъ скалистый убѣленъ,
 Огромную волну. Она вздымалась
 Горою прямо дивной, постепенно
 Застлавъ отъ насъ Скирона побережье,
 И дальній Истмъ и даже Эпидавра
 Отъ глазъ она закрыла скалы. Вотъ.

Еще она раздулась и сверкая
 Надвинулась и на берег метнулась,
 И изъ нея явилось, на манеръ
 Быка, чудовище. Ущелья слѣдомъ
 Окрестныя наполнилъ дикій ревъ...
 И снова, и ужаснѣй даже будто
 Быкъ заревѣлъ. Какъ выдержать глаза,
 Не знаю я, то зрѣлище съумѣли?
 Мгновенно страхъ объомлетъ кобылицъ...
 Тутъ опытный возникъ, своему
 Искусству вѣрный—возжи намотавши
 Всѣмъ корпусомъ откинулся—гребецъ
 Заносить такъ весло. Но кобылицы,
 Сталь закусивъ зубами, понесли...
 И ни рука возниклаго, ни дышло
 И ни ярмо ихъ бѣшеныхъ скачковъ
 Остановить ужъ не могли. Попытку
 Последнюю онъ сдѣлалъ на песокъ
 Прибрежный ихъ направить. Вдругъ у самой
 Чудовище явилось колесницы,
 И четверня шарахнулась въ смятеньи
 Назадъ, на скалы. Скачка началась
 Безумная. Куда метнутся кони,
 Туда и звѣрь—онъ больше не ревѣлъ,
 Лишь надвигался онъ все ближе, ближе...
 Вотъ наконецъ отвѣсная стѣна...
 Прижата колесница. Колесо
 Трещить и въ дребезги, и опрокинуть
 Царь вмѣстѣ съ колесницей. Это былъ
 Какой-то взрывъ. Смѣшались, закружились
 Осей обломки и колесъ, а царь
 Несчастный въ ухахъ повлачился тѣсныхъ
 Своихъ возжей,—о камни головой
 Онъ бился, и отъ тѣла оставались
 На острияхъ камней куски живые.
 Тутъ не своимъ онъ голосомъ кричить
 „Постойте-жъ вы, постойте, кобылицы!
 Не я ли васъ у яслей возростилъ?
 Постойте-же и не губите, это

Проклятiе отца. О, неужель
 Невинному никто и не поможетъ?“
 Отказа бы и не было. Да были
 Мы далеко. Ужь я не знаю, какъ
 Онъ пути сбиль, но мы едва живого
 Его нашли на полѣ. А отъ звѣря
 И кобылицъ давно простыль и слѣдъ.
 Въ ущелияхъ ли, гдѣ-ль они исчезли,
 Ума не приложу:

Хоть я, конечно,
 Въ твоихъ чертогахъ царскихъ только конюхъ,
 Но я бы не повѣрилъ никогда
 Про сына твоего дурному слову,
 Пускай бы сколько есть на свѣтѣ женъ
 Хоть всѣ повѣсились. И писемъ выше,
 Чѣмъ Ида, мнѣ наоставляли гору.
 Я знаю только, царь, что Ипполить
 Невиненъ и хорошій человекъ.

Корифей.

Увы! Увы! Опять ударъ, и мѣткій!
 Да, отъ судьбы, какъ видно, не уйти.

Өсей. (Послѣ нѣкотораго размышленiя).

Мнѣ пострадавшій все же ненавистенъ,
 И сладостны мнѣ были вѣсти мукъ.
 Но я родилъ его и узы крови
 Священныя я помню—потому—
 Ни радости, ни горю здѣсь не мѣсто.

Вѣстникъ.

Но какъ же быть теперь? Оставить тамъ,
 Чтобъ изъ твоей намъ, царь, не выйти воли?
 Коль смѣю я совѣтовать, не будь
 Ты такъ жестокъ, владыка, къ мукамъ сына.

Өсей.

Сюда его несите... Заглянуть
 Въ глаза ему хочу и волей бога

И этой карой страшной уличить
Хочу его во лжи и злодѣяньи.

(Вѣстникъ уходитъ налѣво; Фесей остается на сценѣ въ раздумьѣ).

Хоръ.

О Киприда, суровую душу людей
И боговъ желѣзную волю
Ты, богиня, сгибаешь.
И надъ черной землею съ тобой,
И надъ влагой соленой и звучной
Какъ радуга яркій Эротъ
На быстрыхъ крылахъ пролетаетъ...
И если онъ бурный полетъ
На чье нибудь сердце направитъ,
То дикое пламя мгновенно
Отъ золота крыльевъ
Тамъ вспыхнетъ любви и безумья
А чары его
И въ чащѣ, и въ волнахъ тайныхъ
Звѣрей укрощаютъ и все,
Что дышитъ въ сіяніи солнца,
И люди ему
Покорны. Твоя, о Киприда
Весь міръ наполняетъ держава.

ИСХОДЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Артемиды на высокомъ помостѣ и Фесей.

АРТЕМИДА.

Вспомни: тебѣ я говорю,
Сынъ благороднаго Эгея,
Тебѣ божественная дочь
Латон. Какъ ты могъ, безумный,

Веселье въ сердцѣ ощутить?
 Я говорю тебѣ—судомъ,
 Судомъ неправымъ ты убилъ
 Тобой рожденнаго.

Жены

Словами ложными окованъ,
 Неясный грѣхъ ты обратилъ
 Въ міръ поразившее злодѣйство...
 Потѣможъ Тартара теперь
 Желай для своего позора,
 Иль птицей сдѣлаться желай
 И въ высь отъ этой оскверненной
 Тобою улетѣть земли.
 Нѣтъ больше мѣста для тебя
 Среди чистыхъ въ этомъ мірѣ, вовсе...
 Я свитокъ золь должна передъ тобой
 Развить, Тесея, безъ пользы—лишь печали
 Прибавить онъ, я знаю, но пришла
 Я для того, чтобъ сынъ твой честно умеръ,
 Оправданный. И я женѣ твоей
 Любовное должна раскрыть безумье
 И, можетъ быть, борьбу. Ея Эротъ
 Ужалилъ сердце тайно, и любовью
 Къ царевичу царица запылала:
 Богиня такъ хотѣла, что для насъ,
 Въ невинности отраду находящихъ,
 Особенно бываетъ ненавистна.
 И разумомъ Киприду одолѣть
 Пыталася царица, но въ ловушку
 Кормилицы попалась. Та ея
 Царевичу любовь пересказала,
 Связавъ его ужасной клятвой ральше,
 Чтобъ онъ молчалъ. Ея слова твой сынъ³
 Отринулъ, но благочестиво клятвы
 Нарушить не дерзнулъ онъ, какъ его
 Ни унижалъ ты здѣсь. А эту ложь
 Оставила царица умирая,
 Чтобъ оправдать себя. И точно, ты,
 Ея словамъ повѣривъ, сына проклялъ.

Θεсей.

Увы!..

Αρτεμιδα.

Мучительны слова мои, Θεсей,
 Но долженъ ты ихъ молча слушать дальше,
 И царь... тебѣ еще придется плакать...
 Ты помнишь ли, о низкій, что тебѣ
 Три выполнить желанія поклялся
 Отецъ, но гибель вражью ты презрѣлъ
 И первое направилъ противъ сына...
 Не Посидонъ виновенъ тутъ: его
 И помыслы, и свято исполненъе.
 Ты передъ нимъ и ты передо мной
 Единственный виновникъ, потому что
 Ты не искалъ свидѣтелей, гаданьемъ
 Ты пренебрегъ, уликъ не разобралъ
 И, времени для истины жалѣя,
 Съ поспѣшностью преступной своего
 Божественнымъ сгубилъ проклятьемъ сына.

Θεсей.

О, дай мнѣ умереть...

Αρτεμιδα.

Ты согрѣшилъ,
 Но и тебѣ возможно оправданъе.
 Киприды здѣсь желанія и гнѣвъ
 Слелись, Θεсей. А межъ боговъ обычай
 Наперекоръ другъ другу не идти.
 Мы въ сторону отходимъ, если богъ
 Горячія желанья разливаетъ.
 О, если бы не страхъ, что оскорблю
 Я Зевса, камъ хранителя законовъ,
 Иль думаешь, я бы подъяла стыдъ,
 Любимаго изъ смертныхъ уступая
 Богамъ земля? Твоя вина, Θεсей,
 Невѣдѣниемъ ослаблена и тѣмъ,

Что воли злой ты не имѣлъ; съ собою
 Отъ правды ключъ царяца унесла,
 А смерть ея твой помутила разумъ...
 Всѣхъ тяжелѣй тебѣ, конечно, царь,
 Но скорбь и я съ тобой дѣлю. Печалить
 И насъ людей благочестивыхъ смерть,
 И только злыхъ мы съ корнемъ вырвать рады.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Въ концѣ слѣдующихъ словъ Корифея слыва толпа несетъ ложе съ Ипполитомъ, у котораго закрыты глаза. Рабы несутъ его тѣло и осторожно. Стоны съ носилокъ. Движеніе въ хортъ. Фесей закрылъ лицо руками. Сѣтлое облако, осылавшее Артемиду, померкло.

Ипполить, Артемида и Фесей.

Корифей.

Ужъ вотъ онъ... О горькій... Межъ локоновъ черепъ,
 Въ обрывкахъ одежды пвѣтущее тѣло
 Разбито, истервано. Тяжкая доля!
 Два траура въ домѣ! Два траура въ домѣ!

Ипполить.

О, смерть...

Изъ устъ нечестивыхъ неправда проклятій...
 Что сдѣлалъ ты съ сыномъ, отецъ?
 О горе! О горе, о смерть!
 Мнѣ черепъ пронзили безумныя боли.
 Въ мозгу моемъ жало—вонзится и выйдеть,
 И снова вонзится... Минуту покоя
 Минуту покоя пожертвуй, змѣя!
 Ты, адъ колесницы. Не вась ли я самъ
 И рбстиль и хблилъ давно, кобылицы?..
 Вы рвали меня, вы, терзая, убили...
 Охъ тише! богами молю вась, рабы,
 Касайтесь пѣжигвѣй до избитаго тѣла.

Я—рана сплошная. Кто справа?
 Не вижу. Тихонько берите
 И шагъ умѣряя, впередъ подвигайте,

(Рабы снова поднимаютъ ложа и ставятъ его на лѣвой сторонѣ сцены, ближе къ краю).

Забываю небомъ, кою и отецъ
 Въ грѣховномъ безуміи проклялъ...
 О, призри же Зевсъ, о призри съ небесь.
 Боговъ я всегда почиталъ — я невинно
 И чисто я жилъ, если кто на землѣ
 Невинно живетъ. Но въ корень моя
 Загублена жизнь. И могилы
 Я слышу дыханье. И даромъ
 Страдалъ я и набоженъ былъ межъ людей.

Ой... ой

Увы мнѣ... Опять... Эти боли
 Впиваются. Жалеть.
 Оставьте-жь меня!
 Ты, черная, сжался, возьми нашь,
 Иль, люди, добейте хоть вы. Нѣтъ мочи
 Отъ рѣжущей стали
 Удирь я жду точно ласки...

(Рабы поднимаютъ носилки, онъ видитъ Осен).

О злое проклятье отца!
 Запятнанныхъ предковъ, старинныхъ,
 Но крови единой—грѣхи,
 Грѣхи меня губять... возмездье
 Растеть ихъ, покоя не зналъ...
 Но отчего-жь надо мной разразился
 Гнѣвъ этотъ старый?
 Надъ чистымъ, невиннымъ зачѣмъ онъ
 Такъ тѣшится злобно? Увы мнѣ!
 О, что же мнѣ дѣлать? Отъ муки
 Страшныхъ куда же укроюсь? (Пауза).
 Ты, черная сила Аида, несчастнаго тихой,
 Тихой дремотой обвѣй. (Пауза).

(На помостѣ загорается облако. Артемида. Въ началѣ Ипполить ее не видитъ).

ИПОЛИТЬ.

АРТЕМИДА.

О, сколько мукъ, о мужъ, великимъ сердцемъ
Загубленный, я вижу надъ тобой...

ИПОЛИТЬ.

А...
Волшебное благоуханье! Въ мувахъ
Ты льешься въ грудь... и будто легче мнѣ...
Ты здѣсь со мной, со мною, Артемида?

АРТЕМИДА.

Она съ тобой... любимый, бѣдный другъ.

ИПОЛИТЬ.

Владычица, ты видишь Иполита?

АРТЕМИДА.

Изъ смертныхъ глазъ бы слезы полились.

ИПОЛИТЬ.

Товарищъ твой и спутникъ умираетъ.

АРТЕМИДА.

Но онъ умереть въ лучахъ моей любви.

ИПОЛИТЬ.

Возница твой... твоихъ луговъ хранитель...

АРТЕМИДА.

Кипридою коварной унесенъ.

ИПОЛИТЬ.

О, я позналъ ее въ дыханьѣ смерти.

АРТЕМИДА.

Простить тебѣ богиня не могла
Ни чистоты, ни алтарей забвенья.

ИПОЛИТЬ.

Теперь мнѣ все понятно: не одну,
А цѣлыхъ три взяла Киприда жертвы.

АРТЕМИДА.

Ты, твой отецъ и Федра, цѣлыхъ три.

ИПОЛИТЬ.

Да, и отца судьба достойна плача.

АРТЕМИДА.

Его коварно демонъ обманулъ.

ИПОЛИТЬ (смотря на Тесей).

Твое, отецъ, жестоко испытанье.

ТЕСЕЙ.

Жестоко такъ, что адомъ сталъ и свѣтъ.

ИПОЛИТЬ.

Тебѣ больнѣй, чѣмъ мнѣ, твоя ошибка.

ТЕСЕЙ.

О, если бы тебя мнѣ замѣнить...

ИПОЛИТЬ.

То горькій былъ подарокъ Посидона.

ТЕСЕЙ.

Когда бы могъ вернуть его Тесей.

ИПОЛИТЬ.

Тогда бы мнѣвъ его со мной покончилъ...

ТЕСЕЙ.

Затменіе, ужасный даръ боговъ...

ИПОЛИТЬ.

Ипполить.

Увы! Увы!

Ихъ наши-то проклятья не достигнуть...

АРТЕМИДА.

Оставь боговъ. Иль думаешь, что гнѣвъ,
 Который до могильной ночи сердце
 Великое и чистое терзалъ,
 Останется неотомщеннымъ? Я...
 Я отомщу тебя одной изъ стрѣлъ,
 Которая не вылетаетъ даромъ...
 Межь смертными стрѣла моя найдетъ,
 Кто ей милѣй другихъ. Тебя же, бѣдный,
 О лучший другъ въ Трезенѣ отличу
 Я честию высокой. Передъ свадьбой
 Пусть каждая дѣвица даръ волосъ
 Тебѣ носетъ. И этотъ въ даль нѣмую
 Обычай перейдетъ вѣковъ. И въ вѣчность
 Самъ въ нѣни дѣвичьихъ чистыхъ устъ
 Ты перейдешь. И какъ тебя любила,
 Не позабудутъ, Федра... Царь Фесей,
 Поди сюда и сына обними
 И поцѣлуй его. Чужою волей
 Ты умертвилъ его. И дивно-ль вамъ
 Грѣшить, когда того желаютъ боги?..
 Ты-жъ, Ипполить, я и тебя прошу
 Гнѣвъ на отца оставить. Вѣдь таковъ
 Былъ твой удѣлъ. Простимся. Взоръ небесный
 Не долженъ видѣть смерти и глаза
 Тумалить намъ холодное дыханье.
 А черная ужъ надъ тобой... я вижу...

(Фесей обнимаетъ сына молча).

Ипполить.

Будь счастлива, блаженная, и ты
 Тамъ въ голубомъ эфирѣ... Ты любила
 Меня и долго, но легко оставишь...

Отцу, какъ ты велѣла, я простилъ...
Я словъ твоихъ не преступалъ и раньше.

(Артемида исчезаетъ).

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Безъ Артемиды.

Ипполить.

Но на глаза спадаетъ мракъ. Отецъ,
Возьми меня, приподними немного.

Өесей.

Дитя мое! Не добивай отца.

Ипполить.

Смерть!.. Вотъ они, подземныя ворота!

Өесей.

Подъ бременемъ злодѣйства не покинь.

Ипполить.

О, я тебя, отецъ, освобождаю...

Өесей.

Какъ? этотъ грузъ съ меня снимаешь? весь?..

Ипполить.

Да, дѣвственной клянусь я Артемидой.

Өесей.

О лучший сынъ! О благородный сынъ!

Ипполить.

Дай богъ такихъ тебѣ, отецъ, законныхъ.

ИПОЛИТЬ:

ӨЕСЕЙ.

И потерять такое сердце... О...

ИПОЛИТЬ.

Прощай, отецъ... Прости меня, мой милый.

ӨЕСЕЙ.

Ты выдержишь... Ты одолѣешь смерть.

ИПОЛИТЬ. (Тихо).

Я выдержалъ... я ужъ въ объятяхъ смерти.

Отецъ... скорѣ пеплосъ на лицо...

(Өесей закрываетъ агонію).

ӨЕСЕЙ.

О славные Аонскіе предѣлы,
 И ты, Пелопоннись! кого сейчасъ
 Лишится вы... А мнѣ, увы! Киприда
 Страданія оставила клеймо. (Пауза).

*Өесей сжимаемъ съ мертвено пеплосъ. Всѣ глубоко склоняются передъ
 тѣломъ. Минута молчанія.*

ХОРЪ.

(Удаляется подъ иѣрные звуки анапостовъ).

Это трауръ двойной и неожиданный,
 Лейтесь слезы подъ веслами скорби,
 И далеко, далеко звучи
 Вѣсть о горѣ великомъ царей!

Н. Анненскій.

ЗАМѢТКИ КЪ ВСТРѢЧАЮЩИМСЯ ВЪ РѢЧАХЪ ИСЕЯ ФОРМУЛАМЪ

ῶ ἄνδρες, ῶ ἄνδρες δῖκασταί и ἄνδρες δῖκασταί,

Относительно формулъ, съ которыми аттические ораторы обращались къ судьямъ, обыкновенно ссылаются на диссертацию Роколя и программу Эйбеля ¹⁾. Такъ какъ другихъ монографій, посвященныхъ этому предмету, еще не имѣется, то волей-неволей приходится пользоваться этими работами. Ни та, ни другая, однако, не заслуживаютъ полного довѣрія. Сужденіе это можетъ показаться нѣсколько суровымъ. Но если тщательно переислѣдовать весь матеріалъ, то обнаруживаются столь многочисленныя пробѣлы и разныя другія упущенія, что нельзя не посоветовать читателю каждый разъ самому провѣрять данный матеріалъ, дабы удостовѣриться, нѣтъ ли въ сообщеніяхъ этихъ авторовъ какія нибудь неточности и ошибки. Мы позволили себѣ пересмотрѣть рѣчи Исея и намѣреваемся въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми результатами этого переислѣдованія.

Начнемъ съ Эйбеля. Онъ старается опредѣлить не только *quas formulas usurpaverint*, но главнымъ образомъ *quas normas legesque in iis collocandis adhibendisque sint secuti* ораторы, такъ какъ вполне увѣренъ, что *haec orationis ornamenta ab iis nunquam inconsulto addita esse*. Намъ кажется, что трудъ автора потраченъ безпроизводи-

¹⁾ Ср. *C. I. Rockel*, De allocutionis usu, qualis sit apud Thucydidem, Xenophonem, oratores atticos, Dionem, Aristidem. Diss. inaug., Regimonti 1884. *Jac. Eibel*, De vocativi usu apud decem oratores atticos, Programm des K. Neuen Gymnasiums zu Würzburg, 1893.

тельно. Помимо того, что авторъ, не смотря на упомянутую увьренность, самъ уныло говоритъ: „multi reperiuntur (sc. vocativi) qui ad certas leges revocari non possunt; saepe enim perdifficile est disquirere, quibus de causis oratores aliquam allocutionem sententiae inscrierint aut postposuerint“,—самый фундаментъ, на которомъ основываются его мелочныя изслѣдованія, намъ кажется не только весьма ненадежнымъ, но даже невѣрнымъ. Авторъ механически подчеркнул всѣ звательныя надежи и приводитъ ихъ просто такимъ образомъ (стр. 7 сл.): „apud Isacum in usu sunt ὃ ἄνδρες (144) et ὃ ἄνδρες διχασταί (17)“. „Isocrates usurpat ὃ ἄνδρες διχασταί (27), ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι (2), ὃ ἄνδρες Αἰγυπτῆται (4)“ и т. д. Затѣмъ онъ подводитъ общій итогъ (стр. 10): „Demosthenes igitur mille ducentis sexaginta uno (quattuor) aut si eas orationes, quae spuriae aut sunt aut habentur non respicimus, octingentis triginta uno (quattuor) locis et populum Atheniensem et iudices alloquitur, ceteri oratores (excepto Hyperide) octingentis triginta quinque locis“. Вотъ и все. Какое однако значеніе имѣютъ такія голыя цифры? Авторъ не потрудился сосчитать числа страницъ, на которыя приходится эти allocutiones, онъ не различаетъ отдѣльныхъ категорій рѣчей (судебныя, политическія и торжественныя рѣчи), онъ и не подозреваетъ, что между первыми и послѣдними произведеніями любаго автора есть великая разница ¹⁾. По отношенію къ рѣчамъ Демосѣена онъ, правда, какъ будто вспоминаетъ объ этихъ требованіяхъ; но показанія его до того неясны, неточны и невѣрны, и приведены имъ въ такой лаконической и аподиктической формѣ, что читателю они пригодиться не могутъ. Онъ говоритъ: In prioribus orationibus privatis Demosthenes praecipue utitur allocutione ὃ ἄνδρες διχασταί, in posterioribus ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι; publicis orationibus semper inserit (ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι; ceteris (?) plerumque ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, rarius ὃ ἄνδρες διχασταί“. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Эйбель утверждаетъ, что in posterioribus orationibus privatis Демосѣенъ употребляетъ формулу ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι. Къ числу позднѣйшихъ частныхъ рѣчей, несомнѣнно, принадлежатъ, на примѣръ, рѣчи противъ Конона (ог. 54, κατὰ Κόνωνος) и противъ Навсимаха (ог. 38, παραγραφὴ πρὸς Ναυσίμαχον καὶ Σενοπείδην); и въ той и другой рѣчи употребляется только ὃ ἄνδρες διχασταί. По Эйбеля въ этомъ отношеніи, стало быть, полагаться нельзя. Но чтобы убѣдиться, правъ ли авторъ или нѣтъ, приходится самому съизнова основательно

¹⁾ Ср. на примѣръ ниже наши замѣтки относительно рѣчей Исея.

обрабатывать всё эти рѣчи, такъ какъ авторъ почему то не считалъ нужнымъ сдѣлать того, что нужно требовать отъ подобной научной работы, а именно, не сдѣлалъ того, что нами ниже сдѣлано по отношенію къ рѣчамъ Исея. Нужно изслѣдовать каждую рѣчь отдѣльно, нужно сообщить ея длину т.-е. не только число параграфовъ—ибо дѣленіе на параграфы есть дѣленіе вполнѣ неопредѣленное, такъ какъ величина параграфовъ, какъ извѣстно, колеблется между тремя—четырьмя и 10—12 строками—а также число Тейбнеровскихъ страницъ, далѣе, какъ уже было нами замѣчено, характеръ, т.-е. категорію рѣчей и, наконецъ, время происхожденія каждой рѣчи, разумѣется если датировка еще возможна. Только въ такомъ случаѣ читатель будетъ въ состояніи провѣрить результаты и только тогда результаты будутъ освѣщены со всѣхъ сторонъ. Эйбелъ на стр. 10 сл., правда, сообщаетъ слѣдующее: „*Rarissime autem utitur allocutione Aeschines (1 : 6¹/₇ §§), paullo frequentius Antiphon, cuius orationes 1, 5, 6 huc pertinent (1 : 5¹/₂); hunc excipiunt deinceps Lysias (1 : 5), Isaeus (1 : 3¹/₄), Demosthenes (1 : 3¹/₆), Andocides (1 : 3), Dinarchus (1 : 2¹/₇), Lycurgus (1 : 2¹/₆); но, помимо всего вышесказаннаго, эти исчисленія также не безупречны. Мы, напримѣръ, провѣрили эти исчисленія по отношенію къ рѣчамъ Исея и при этомъ оказалось, что у Исея не 1 : 3¹/₄, а напротивъ 1 : 3¹/₂. Въ силу всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, результаты Эйбеля, строго говоря, почти никакого значенія не имѣютъ.*

Но это еще не все. Авторъ, какъ мы видѣли, вполнѣ убѣжденъ, что всё эти *ornamenta* прибавлялись *nunquam inconsulto* и поэтому всадъ старается опредѣлить *nomas legesque*, вслѣдствіе чего все изслѣдованіе его раздѣлено на совершенно случайныя категоріи и подраздѣленія, при чемъ онъ даже часто довольствуется однимъ только примѣромъ. Что заключеніе, выведенное изъ одного только примѣра, научнаго значенія имѣть не можетъ—до того ясно, что на этомъ и останавливаться не стоитъ. Какъ опасна такая чрезмѣрная наблюдательность и всякія такіа искусственныя группировки и раздѣленія на категоріи и рубрики, явствуетъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ VI рѣчи Исея 52 мы читаемъ: *δέομαι οὖν ὑμῶν συγγνώμην τε εἶχειν καὶ μετ' εὐνοίας ἀποάσασθαι* и во второй рѣчи (ог. II § 2) *δέομαι δ' ὑμῶν ἀπάντων καὶ ἀντιβολῶ καὶ ἰκετεύω μετ' εὐνοίας ἀποδέχεσθαι μου τοὺς λόγους*; напротивъ, въ ог. VII § 4 мы читаемъ: *δέομαι δὲ ὑμῶν, ᾧ ἄνδρες, πάντων ὁμοίως εὖνοιαν τέ μοι παρασχέιν* и въ ог. VIII § 5: *δέομαι οὖν ὑμῶν, ᾧ ἄνδρες, μετ' εὖνοίας τέ μοι ἀκούσαι*. Случаи эти, какъ видно, вполнѣ аналогичны; не смотря на то ᾧ ἄνδρες то прибавлено, то пропущено. Мы полага-

емъ, что эти примѣры совершенно очевидно доказываютъ полную несостоятельность воззрѣній Эйбеля.

Обратимся теперь къ упомянутой диссертации Рокеля. Гюттнеръ, въ своей рецензиі на это сочиненіе ¹⁾, находитъ, что матеріалъ авторомъ собранъ „mit rühmenswerther Sorgfalt“. Однако сужденіе это больше ничего какъ пустая фраза, такъ какъ Гюттнеръ самъ же указалъ на нѣкоторые пробѣлы относительно рѣчей Антифонта и Андокида; остальныхъ рѣчей онъ, очевидно, не провѣрялъ, такъ какъ, напримѣръ, не привелъ ни одного пробѣла въ рѣчахъ Исея, а между тѣмъ такихъ пробѣловъ и ошибокъ не мало. Мы потрудились пересмотрѣть всѣ рѣчи Исея и нашли слѣдующее:

ὦ ἄνδρες встрѣчается 142 раза (у Рокеля всего только 138; онъ пропустилъ I 29, IV 29, V 35 *ter* (не *bis*), VI 51, IX 6, X 8 *bis* (не *semel*); за то, съ другой стороны, слѣдуетъ вычоркнуть IV 30, а X 25 вмѣсто *bis* написать *semel*).

ὦ ἄνδρες διχασταί встрѣчается 18 разъ (у Рокеля только 16 разъ, „decisus sexiens“, между тѣмъ какъ онъ перечисляетъ всего только 14 мѣстъ; онъ пропустилъ IV 30, XII 10 *bis* и XII 12 *bis* (не *semel*)).

ἄνδρες διχασταί встрѣчается только 1 разъ (III 1) въ самомъ началѣ рѣчи. Кстати, эта формула, имѣющая большое сходство съ современной манерой обращаться къ слушателямъ, встрѣчается у греческихъ ораторовъ весьма рѣдко, а именно, кромѣ этого мѣста и приведеннаго ниже фрагмента, она встрѣчается только еще въ 2 рѣчахъ Демосоена (πρὸς Λεπτίηνу и πρὸς Ζηρόθεμιν = ор. XX и XXXII), начало которыхъ также = ἄνδρες διχασταί. Наконецъ, можно еще привести начало рѣчи Игисиппа περὶ Ἀλωνήσου (Pseudo-Demosthenes ор. VII), гдѣ, впрочемъ, читается ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι.

Въ *фрагментахъ*, которые не были просмотрѣны Рокелемъ, мы нашли 3 раза ὦ ἄνδρες διχασταί (fig. 15 Sauppe = III Buermann = 4 Scheibe; fig. 29 Sauppe = II Buermann = 22 Scheibe; fig. 68 Sauppe = 17 Scheibe) и 1 разъ ἄνδρες διχασταί, также въ самомъ началѣ рѣчи (fig. 66 Sauppe = I Buermann = 15 Scheibe). Въ I рѣчи (περὶ τοῦ Κλεωνόμου κλήρου, § 47) чтеніе рукописей ὦ Ἀθηναῖοι Цюрихскими издателями совершенно вѣрно исправлено, такъ какъ здѣсь, конечно, возможна только формула ὦ ἄνδρες, а не Ἀθηναῖοι. За то

¹⁾ G. Hüttner, въ Bursian's Jahresberichte, т. 46, 1886 (Берлинъ 1888) стр. 10 сл.

тѣ же издатели не замѣтили, что въ упомянутомъ 68-мъ фрагментѣ та же ошибка; ее исправилъ Шейбе.

Такъ какъ и у Рокеля нѣтъ таблицы, о чемъ сожалѣть и Гюттнеръ, то мы для большей наглядности прибавили здѣсь составленную нами таблицу:

Рѣчи.	Число §§—овъ.	Число страницъ у Teubner'a.	ω ἀνδρες.	ω ἀνδρες δικασταί.	ἀνδρες δικασταί.
I	51	11 ¹ / ₂	18	—	—
II	47	11	12	—	—
III	80	19	3	—	1
IV	31	7 ¹ / ₂	9	1	—
V	47	13 ¹ / ₂	21	—	—
VI	65	15 ³ / ₄	18	—	—
VII	45	11 ¹ / ₂	8	—	—
VIII	46	13 ¹ / ₄	9	—	—
IX	37	10 ¹ / ₂	17	2	—
X	26	7 ¹ / ₄	21	1	—
XI	50	14 ¹ / ₂	6	—	—
XII	12	3 ¹ / ₂	—	14	—
Всего . . .	537	138 ³ / ₄	142	18	1

Точная датировка Исеевыхъ рѣчей, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ почти невозможна, такъ что мы, къ сожалѣнію, изъ этой таблицы точныхъ и опредѣленныхъ заключеній вывести не можемъ. Порядокъ рѣчей былъ приблизительно слѣдующій ¹⁾: V, X, IX,

¹⁾ Ср. *F. Blass, Attische Beredsamkeit II*², стр. 528 сл.

VI, VIII, XI, II, VII. Даты I и IV рѣчей неизвѣстны; о III рѣчи Блассъ полагаетъ, что она „keine der frühesten“; о XII рѣчи онъ сообщаетъ, что она, быть можетъ, написана въ 343 году, но что „sehr vieles den entschiedenem Anschein gewährt, als befänden wir uns in einer bedeutend früheren Zeit“. Если сравнить нашу таблицу съ этой приблизительной датировкой, то оказывается, что Исей первоначально чаще употреблялъ эти формулы и что поэтому, чѣмъ моложе рѣчь, тѣмъ рѣже онѣ встрѣчаются. Если къ этому прибавить, что III рѣчь, которую Блассъ совершенно другимъ причинамъ называетъ „keine der frühesten“, въ 80 параграфахъ или на 19 страницахъ представляетъ не болѣе 4 случаевъ, а наоборотъ XII рѣчь, которую онъ, опять на основаніи совершенно другихъ соображеній, приписываетъ „einer bedeutend früheren Zeit“, въ 12 параграфахъ или на 3½ страницахъ содержитъ не менѣе 14 случаевъ, то этимъ, очевидно, подтверждаются результаты, добытые совершенно другимъ путемъ. Поэтому при датировкѣ рѣчей Исея нѣкоторую важность можно приписывать и этимъ формуламъ.

Этимъ результатомъ снова подтверждается старая аксіома, что нѣтъ въ области древне-классической филологии такой почвы, при новомъ перекапываніи которой не удалось бы найти хоть одну золотинку. Трудно придумать болѣе скучную и, повидимому, болѣе неблагоприятную матерію—и не смотря на то эти, на первый взглядъ ничтожныя и пустыя, формулы не только въ состояніи играть немаловажную роль при датировкѣ рѣчей, но нѣкоторымъ образомъ характеризуютъ и самого автора этихъ рѣчей. Формулы эти, именно, показываютъ намъ, что авторъ, когда былъ еще моложе, чаще употреблялъ ихъ, чѣмъ впоследствии. Слава его росла съ каждымъ годомъ и по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался все болѣе и болѣе извѣстнымъ и опытнымъ, такъ что уже одно имя его производило своего рода впечатлѣніе на присяжныхъ, онъ не находилъ болѣе нужнымъ такъ часто прибѣгать къ этимъ формуламъ вѣжливости и почтительности, которыми пользовались менѣе знаменитые и опытные адвокаты и которыми онъ самъ не пренебрегалъ иногда, когда еще былъ новичкомъ.

Но, быть можетъ, мы ошибаемся, быть можетъ, опасно выводить такія заключенія изъ этихъ двѣнадцати рѣчей Исея? Мы нисколько не отрицаемъ, что утверждать этого нельзя, покуда равнымъ образомъ не будутъ переислѣдованы всѣ рѣчи остальныхъ ораторовъ. Однако мы полагаемъ, что даже если бы остальные рѣчи не подтвердили добытыхъ нами результатовъ, то отъ этого наши заключенія

не потеряли бы своей силы. Quot capita, tot sensus. Если бы оказалось, что остальные ораторы въ этомъ отношеніи не измѣнились, то изъ этого, на нашъ взглядъ, еще нисколько не слѣдовало бы, что Исей не измѣнился. Мы, впрочемъ, не имѣли ни времени, ни охоты переислѣдовать всѣ рѣчи остальныхъ ораторовъ и, поѣтому, не въ состояніи сообщить ничего опредѣленнаго. Но чтобы хоть мало-мальски провѣрить добытые нами результаты, мы на угадъ избрали и просмотрѣли 4 рѣчи Демосеена. Рѣчи эти такія же частныя, какъ и рѣчи Исея; изъ этихъ 4 рѣчей, дагве, первыя двѣ принадлежать къ самымъ раннимъ рѣчамъ Демосеена, а послѣднія двѣ—къ позднѣйшимъ. И что же оказалось?—у Демосеена мы нашли тотъ въ точъ то же самое, что и у Исея. Демосеонъ, правда, написалъ безсмѣтное количество рѣчей; изъ этихъ 4 случайно избранныхъ рѣчей, стало быть, никакихъ опредѣленныхъ заключеній еще выводить нельзя. Но мы даже и не помышляли объ этомъ. Не имѣя теперь возможности просмотрѣть всѣ рѣчи, мы обрадовались и этому поразительному подтвержденію нашихъ результатовъ. Просмотрѣнныя нами рѣчи слѣдующія:

I. Ранній періодъ:

- 1) Or. 41 (πρὸς Σπουδίαν)=20 allocutiones на 30 §§-овъ и 8³/₄ стр.
- 2) Or. 55 (πρὸς Καλλιχλέα)=21 " " 35 " " 9¹/₄ "

II. Позднѣйшій періодъ:

- 3) Or. 38 (πρὸς Ναυσίμαχον)= 7 allocutiones на 28 §§-овъ и 8 стр.
- 4) Or. 54 (κατὰ Κόνωνος)=10 " " 44 " " 14 "

Логко возможно, что среди многочисленныхъ Демосееновыхъ рѣчей отыщутся и такія, которыя не согласуются съ этими результатами. Если такихъ отступленій отыщется не мало, то придется заключить, что такія формулы у Демосеена ставятся или пропускаются совершенно произвольно. Если же такихъ отступленій отыщется всего не болѣе какихъ нибудь двухъ-трехъ случаевъ, то не слѣдуетъ забывать, что минутное настроеніе подчасъ также играетъ немаловажную роль. Не будемъ однако теперь распространяться объ этомъ предметѣ. Надѣмся, что найдется охотникъ, который возьметъ на себя трудъ просмотрѣть всѣ рѣчи аттическихъ ораторовъ. Тогда настанетъ и пора подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ.

A. Придѣлъ.

СОЛЯРНАЯ ТЕОРІЯ МИФОВЪ И ДРЕВНѢЙШАЯ ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА.

Глава изъ неовонченнаго сочиненія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

21-го апрѣля 1901 года скончался профессоръ Новороссійскаго университета Л. Ф. Воеводскій. „Русская наука потеряла одного изъ видныхъ и почтенныхъ своихъ представителей“, говоритъ А. Н. Дервицкій въ некрологѣ умершаго ученаго ¹⁾. Эти слова, полагаю, всякій, знавшій покойнаго, найдетъ глубоко-справедливыми. Въ всякаго сомнѣнія, это былъ крупный ученый, одаренный искрящимся остроуміемъ, богатымъ воображеніемъ и тонкимъ эстетическимъ чутьемъ; это былъ филологъ въ самомъ благородномъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Давать полную характеристику Воеводскаго здѣсь я не буду и ограничусь лишь тѣмъ, что подѣлюсь съ читателемъ впечатлѣніями, которыя у меня связываются съ его именемъ.

О Л. Ф. Воеводскомъ я въ первый разъ услышала, когда была гимназистомъ, на урокахъ даровитаго преподавателя (нынѣ уже покойнаго) Е. Ф. Шнейдера. Онъ относился къ трудамъ Воеводскаго съ глубокимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ, которое онъ умѣлъ передать и своимъ ученикамъ.

Мое личное знакомство съ Л. Ф. относится къ 1895 году. До 1900 года видались мы довольно рѣдко, обменъ мыслей носилъ характеръ случайный. Уже въ первый годъ знакомства онъ производилъ впечатлѣніе человѣка усталаго, разочарованнаго, разбитаго жизнью, у котораго все лучшее осталось позади. Чертой, ярко выступавшей даже при мимолетней бесѣдѣ съ нимъ, была его изумительная спо-

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, июль. Совр. лѣт. стр. 32—38.

способность къ насмѣшкѣ, тонко, умно задуманной и безпощадно, ядовито обставленной; въ его разговорѣ было мало того, что люди называютъ „теплотою душевной“. Эта способность смѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ другіе плачутъ, способность смѣяться надо всѣмъ, но исключая самого себя, помогла ему глубоко проникнуть въ духъ поэзіи Гейне, котораго онъ горячо любилъ, передъ которымъ благоговѣлъ.

Въ 1900 году здоровье Леопольда Францовича замѣтно пошатнулось: стало ясно, что ему долго не жить. При встрѣчахъ со мною онъ часто жаловался, что работать ему очень желалось бы, но сидѣть и писать трудно, диктовать же онъ могъ бы безъ особаго труда. Въ отвѣтъ на эти жалобы я съ удовольствіемъ предложилъ свою помощь. Бывшій въ Одессѣ весной 1900 года В. В. Латышевъ одобрилъ мое намѣреніе, которое и было приведено въ исполненіе, но лишь осенью того же года (начиная съ сентября).

Предсмертная работа Л. Ф. была посвящена солярной теоріи миеовъ и шла слѣдующимъ образомъ: онъ высказывалъ мнѣ въ общихъ чертахъ свою мысль; если я находилъ въ ней что-либо парадоксальное или неясное, то спорилъ съ Л. Ф. или старался, чтобъ онъ высказалъ свой взглядъ полнѣе и яснѣе, заносъ въ рукопись лишь то, что являлось результатомъ обоюднаго соглашенія.

Сжатость, краткость и простота изложенія—идеаль, къ которому стремился покойный въ этой работѣ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о *содержаніи* и планѣ предсмертной работы Л. Ф. Воеводскаго. Она должна была состоять не менѣе чѣмъ изъ четырехъ главъ: 1) происхожденіе миеовъ, 2) основныя положенія древнѣйшей солярной теоріи, 3) искаженія, которымъ эти положенія подверлись съ теченіемъ времени, и 4) способы рационализаціи и вообще осмысленія этихъ искаженныхъ положеній, проявляемые при образованіи миеовъ.

Вниманію читателя предлагается здѣсь лишь первая глава, потому что остальные не были и начаты. Основная идея этой главы совпадаетъ въ общихъ чертахъ съ гипотезой Макса Мюллера, который въ образованіи миеовъ большую роль отводитъ тому явленію, что первоначальный смыслъ словъ съ теченіемъ времени утрачивается¹⁾.

¹⁾ Это—такъ называемая М. Мюллеромъ „болѣзнь языка“, о которой см. Beiträge zu einer wissenschaftlichen Mythologie von F. Max Müller. Aus d. englischen übersetzt von Dr. Heinrich Lüders. I. B. Leipzig. 1898, стр. 66 слѣд. Срв.

Оканчивая этими словами свои примѣчанія къ предсмертной работѣ Л. Ф. Воеводскаго, я считаю не лишнимъ заявить, что эта работа предназначается для печати по желанію семьи покойнаго.

С. Селивановъ.

I. Происхожденіе мифовъ.

У всѣхъ культурныхъ народовъ уже въ древнѣйшія историческія эпохи мы встрѣчаемъ вмѣстѣ съ признаками сравнительно высокаго интеллектуальнаго развитія цѣлыя системы мифовъ и мифическихъ воззрѣній, играющихъ, несмотря на замѣчательную фантастичность, а иногда даже и кажущуюся крайнюю нелѣпость содержанія, чрезвычайно видную роль въ духовномъ развитіи и вообще въ жизни этихъ народовъ. Мифы служатъ у нихъ сначала предметомъ религіознаго вѣрованія и лишь съ теченіемъ времени получаютъ значеніе произведеній свободнаго творчества фантазій, чѣмъ и обуславливаютъ зарожденію поэзій и дальнѣйшій ея характеръ. Въ виду многочисленныхъ несообразностей, которыми изобилуютъ мифы, съ древнѣйшихъ поръ по настоящее время дѣлались попытки внести въ мифы болѣе благовидный, рациональный смыслъ путемъ различныхъ аллегорическихъ толкованій. Всѣ эти толкованія приходится признать неумѣстными въ виду того, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, чтобы мифы когда-либо имѣли назначеніе обозначать нѣчто иное, чѣмъ то, что въ нихъ высказано прямо, непосредственно. *Въ виду этого задача мифологии заключается не въ толкованіи мифа, а лишь въ указаніи его происхожденія.*

Единственно удовлетворительное объясненіе происхожденія мифовъ представляетъ *солярная* теорія. Суть этой теоріи заключается въ слѣдующемъ: уже въ отдаленнѣйшія времена появилось ученіе, объясняющее всѣ явленія природы вліяніемъ солнца. Солнце создаетъ ежедневно видимый міръ изъ ничего, то есть изъ мрака ¹⁾, солнце создаетъ времена года, день и ночь, представляется вообще виновникомъ всѣхъ явленій природы ²⁾.

русскій переводъ, подъ редакціей Н. Н. и В. Н. Харузинныхъ, сочиненія Э. Ланга „Mythology“, Москва 1901 (стр. 51 и слѣд.).

¹⁾ Смѣшеніе понятій „мракъ“ и „ничто“ встрѣчается, напримѣръ, у Парменида, который отождествлялъ „несуществующее“ съ „ночью“, то есть съ мракомъ.

²⁾ Какое значеніе у вавилонянъ, а за ними и у другихъ народовъ имѣло солнце,

Изученіе движенія солнца и его отношенія къ лунѣ, звѣздамъ и къ разнаго рода атмосферическимъ явленіямъ составляло поэтому предметъ древнѣйшей науки. Календарныя метеорологическія свѣдѣнія передавались изъ поколѣнія въ поколѣнія, какъ драгоценнѣйшее достояніе человѣческаго знанія, въ возможно неизмѣнной, вѣроятно, стихотворной формѣ.

Громадное значеніе, приписываемое солнцу въ жизни всего міра, не могло не повести очень рано къ установленію *солнечнаго* культа. Гимны, съ которыми человѣкъ обращался къ солнцу, заключались, слѣдуетъ полагать, преимущественно въ перечнѣ тѣхъ качествъ и дѣяній, которыя приписывались солнцу древнѣйшей наукой, причемъ небесныя свѣтила обозначались постоянно *различными* новыми *эпитетами* ²⁾. Гимны эти, уже какъ составная часть религіознаго культа, отличались неизмѣняемостью, застывая на долгое время въ формѣ, одинъ разъ установленной. Въ виду постоянныхъ измѣненій, которымъ подвергается живая рѣчь, смыслъ застывшихъ въ ритуальномъ обиходѣ гимновъ становится съ теченіемъ времени непонятнымъ и вслѣдствіе обычнаго измѣненія первоначальнаго значенія словъ искажается ³⁾ болѣе или менѣе значительно. Наступаетъ, наконецъ, время, когда сами носители религіозной традиціи бывають принуждены осмысливать или комментировать содержаніе этихъ гимновъ, причемъ результатомъ этой *раціонализаціи* и является именно „*миог*“. Миогъ эти въ свою очередь приводятся въ систему, въ свою очередь заучиваются и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ достояніе древнѣйшей науки.

Процессъ образованія мифовъ пояснимъ тутъ же двумя слѣдующими примѣрами. Въ гимнѣ солнцу называлось „*быстрымъ*“, „*лета-*

видно изъ измѣреній у нихъ при помощи солнца не только времени, но и пространства. См. *H. Nissen Griechische u. römische Metrologie*, въ *Iw. Müller's Handbuch der cl. Alterthumswiss.* 1^a (1892), стр. 856. Краспорѣчиво также и то обстоятельство, что египетскія пирамиды, начиная съ древнѣйшихъ, и храмы у всѣхъ народовъ ориентированы по солнцу.

²⁾ Этимъ объясняется такъ называемая въ греческомъ культѣ „*πολιωνυμία*“ боговъ постояннымъ чередованіемъ эпитетовъ особенно отличаются и ведійскіе гимны. О „*πολιωνυμία*“ боговъ см. *Lobeck, Aglaophamus* I, 401, срв. *Lydus De mensibus* IV, 64: Ἐν δὲ τοῖς βίβλοις ἐγγύς τριακοσίοις ὀνόμασιν εὐρίστομεν χαλομένῃ τῆν Ἀφροδίτην...

³⁾ Особенно поучительнымъ примѣромъ ставшихъ въ ритуалѣ непонятными пѣснопѣній служить гимнъ Саліевъ, котораго почти не понимали сами жрецы. *Quint.* I, 6, 40. Парсы въ Индіи произносятъ наизусть пассажи изъ Зондъ-Авосты, смысла которыхъ не понимаютъ. Въ Китаѣ равнымъ образомъ въ буддистскомъ богослуженіи употребляются молитвы на санскритскомъ языкѣ, непонятномъ для молящихся.

пить“, „источникомъ“ (свѣта) „съ выси“ (небесной). Съ теченіемъ времени первоначальный смыслъ этихъ словъ затемняется, и вслѣдствіе измѣнній, которымъ подвергся языкъ, а, быть можетъ, отчасти отъ неврѣннаго толкованія эти слова являются означаемыми: „копь“, „птица“, „горный источникъ“. Такимъ образомъ получился мифъ, что нѣкогда существовалъ крылатый конь, который чудеснымъ образомъ произвелъ текущій съ горы источникъ,—мифъ о *Пегасѣ*. Тутъ разные эпитеты правильно отнесены къ одному существу; въ другихъ случаяхъ эпитеты, относившіеся первоначально къ одному свѣтилу, распредѣлялись между нѣсколькими лицами или предметами. Таковъ второй примѣръ—мифъ объ *Іакинѣѣ*.

Въ гимнѣ описывалось суточное движеніе солнца приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: явился *свѣтлый*, летитъ по небу *крулмый*, падаетъ *юный*, омрачился свѣтлый; затѣмъ снова поднимается юный на небо, сіяетъ свѣтлый на небѣ...

Съ теченіемъ времени слова „свѣтлый“ и „юный“ стали совсѣмъ испопятными, какъ прилагательныя, и получили значеніе именъ собственныхъ—„Аполлонъ“ и „Іакинѣѣ“¹⁾. Вслѣдствіе этого получилось: явился Аполлонъ, по небу летитъ дискъ, убить Іакинѣѣ и Аполлонъ омрачается. Затѣмъ Іакинѣѣ опять возстаетъ, Аполлонъ сіяетъ отъ радости и поднимается съ нимъ на небо.

При желаніи уразумѣть смыслъ этого разсказа непосредственно получается мифъ, что Аполлонъ былъ въ дружбѣ съ Іакинѣѣмъ и убилъ его почаянно при игрѣ въ дискъ и т. д.²⁾

Съ этой точки зрѣнія всѣ мифы являются результатомъ только недоразумѣнія. Всякія „поэтическія воззрѣнія“, символизмъ и аллегоризмъ являются въ вопросѣ о происхожденіи мифовъ съ этой точки зрѣнія вполне неумѣстными. Помимо объясненія происхожденія мифовъ, предлагаемая теорія чрезвычайно важна въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: 1) она объясняетъ, какимъ образомъ мифы, несмотря на ихъ весьма странное содержаніе, могли служить всеобщимъ предметомъ вѣры, 2) она объясняетъ, какимъ образомъ зародилась поэзія или по крайней мѣрѣ поэтическая рѣчь съ своими такъ называемыми „вольностями“. Относительно вѣры въ истинность мифовъ понятно

¹⁾ Намъ нѣтъ необходимости настаивать на томъ, что предполагаемая этимологія именъ Аполлона и Іакинѣѣ безусловно вѣрна.

²⁾ Мнѣніе, будто въ Тарентѣ Аполлонъ отождествлялся съ Іакинѣѣмъ, основанное на Polyb. VIII, 30, 3 (срв. также Nonn. XI, 329—330), слѣдуетъ признать недоразумѣніемъ, вытекающимъ изъ недостаточнаго вниманія къ критикѣ текста.

само собою, что, разъ положенія, послужившія основаніемъ мифовъ, считались въ теченіе многихъ столѣтій, быть можетъ, даже тысячелѣтій верхомъ премудрости и высшимъ проявленіемъ человѣческаго знанія, то не могли тѣ же самыя положенія лишиться своего высокаго значенія благодаря лишь тому, что стали неполнѣ понятными или стали казаться нѣсколько странными. Разъ въ теченіе столѣтій не могло быть сомнѣнія въ существованіи чуднаго „быстраго“, „летающаго“, „источника“ (свѣта), то и крылатый конь, незамѣтно замѣнившій собою этотъ „источникъ“, долженъ былъ имѣть такое же реальное значеніе, ибо какъ же онъ могъ бы попасть въ священныя пѣснопѣнія, если бы онъ не существовалъ въ дѣйствительности?

Что же касается поэтической рѣчи, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что при затемненіи первоначальнаго смысла гимновъ влагаемый въ нихъ по недоразумѣнію новый смыслъ уже никакъ не могъ точно соответствовать формѣ выраженія; пришлось кое-что подразумевать, кое-что понимать инсказательно, чтобы получился хоть какой-нибудь смыслъ. Представимъ себѣ, что первоначально луна называлась „рогомъ“, движущимся по (небесному) *полю*. Если съ теченіемъ времени это выраженіе стало обозначать „рогъ, ходящій по луно“, то понятно, что слово „рогъ“ пришлось понимать уже въ значеніи „рогатое животное“, „рогатая“ (напримѣръ корова). Такой способъ неточнаго выраженія долженъ былъ считаться признакомъ торжественнаго, высокаго стиля, такъ какъ онъ встрѣчался именно въ священныя пѣснопѣнія. Такимъ образомъ, отрицая поэтическое происхожденіе мифовъ, мы должны предполагать, что сами мифы были источникомъ поэзіи и что древніе народы, въ томъ числѣ и греки, вовсе не обладали, какъ это обыкновенно принято думать на основаніи обилія ихъ мифовъ, тѣмъ *неизсякаемымъ* источникомъ фантазіи, къ которой приписывается имъ.

При изученіи происхожденія мифовъ необходимо уяснить себѣ по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ: 1) положенія *первоначальной* солярной теоріи, 2) *искаженія*, которымъ эти положенія подверглись съ теченіемъ времени и 3) способы *раціонализации* и вообще *осмысленія* этихъ искаженныхъ положеній, проявляемые при образованіи мифовъ.

II. Основныя положенія древнѣйшей солярной теоріи.

.....

Л. Восведеній.

Α Φ Α Ι Α.

Τοῦ δεῖνος Κληεῖτα ἱερέος ἐόντος τὰ φαίαι ὄϊρος
ὠικοδομηθήη ἡὼ βωμὸς ἡὼλέφας ποτεποιήθη
ἡὼ περίβολος περιεποιήθη.

Такъ возстановляетъ Фрэнкель (Die Inschrift der Arphaiä aus Aegina: Rh. Mus. LVII (1902), 152 сл.) надпись, найденную лѣтомъ 1901 г. на Эгинѣ при раскопкахъ Фуртвэнглера, facsimile которой дано послѣднимъ въ его „Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen auf Aegina“ (Sitzungsber. d. philos.-philol. u. hist. Cl. d. k. b. Akad. d. W. zu München, 1901, 372).

Надпись представляетъ интересъ съ различныхъ точекъ зрѣнія¹⁾. Цась она интересуетъ, въ данномъ случаѣ и ближайшимъ образомъ, потому, что въ ней заключается первое *документальное* свидѣтельство о богинѣ Афѣѣ, известной до сихъ поръ исключительно изъ многочисленныхъ литературныхъ упоминаній.

По словамъ Павсанія (II, 30,3), на Эгинѣ, у горы Зевса Панэллинскаго, находилась святилища Афѣи—'Αφαίας ἱερόν; въ честь этой богини Пиндаръ сочинилъ для эгинтянъ пѣснь—ἄσμα.—Критяне рассказываютъ—φασὶ δὲ οἱ Κρήτες, τοῦτοίς γάρ ἐστι τὰ ἐς αὐτήν [Ἀφαίαν] ἐπιχώρια,— продолжаетъ Павсаній, что у Карманора, очистившаго

¹⁾ Прежде всего, конечно, по отношенію къ вопросу о томъ, кому былъ посвященъ тотъ эгинскій храмъ, остатки котораго, вѣстѣ съ фронтонами, открыты были еще въ 1811 г. Что этотъ храмъ не былъ посвященъ Афѣѣ, какъ думаетъ Фуртвэнглеръ, это съ достаточною убѣдительною доказываетъ Фрэнкель. Былъ ли однако, храмъ посвященъ Артемидѣ, какъ предполагаетъ Фрэнкель, для насъ, по крайней мѣрѣ, это остается недоказаннымъ. Детальнаго обсужденія всего этого вопроса мы въ настоящей замѣткѣ не касаемся.

Аполлона отъ убійства Пиеона, былъ сынъ Еввулъ; отъ дочери Еввула, Кармы, и Зевса родилась Бритомартисъ. Она увлекалась „бѣгами и охотами“ и была особенно дорога Артемидѣ. Спасаясь отъ влюбленнаго въ нее Миоса, Бритомартисъ бросилась въ сѣти, разставленныя для ловли рыбы. Артемида сдѣлала Бритомартисъ богиней. Почитали же ее не только критяне, но эгинитяне, λέγοντες ἀφανῆ γενέσθαι σφίσιν ἐν τῇ νήσῳ. Ἀφαία—это ἐπίκλησις Бритомартисъ у эгинитянгъ, точно такъ же, какъ Δίχτονα—прозвище Бритомартисъ у критянгъ.

Въ разсказѣ Павсанія нетрудно усмотрѣть составныя части, сшитыя другъ съ другомъ бѣлыми нитками.

1) На Эгинѣ находилась святилища Афѣи, въ честь которой Пиндаръ сочинилъ „гѣснь“¹⁾. Эта часть производитъ впечатлѣніе видѣнную или слышаннаго самимъ Павсаніемъ на мѣстѣ. Сообщение это имѣетъ для насъ очень большую цѣнность, такъ какъ уже изъ него мы въ правѣ были бы заключать о существованіи на Эгинѣ культа Афѣи, какъ самостоятельнаго божества. Теперь это подтверждается документально.

2) Критская легенда, сообщаемая Павсаніемъ, надо полагать, почерпнута имъ изъ книжныхъ источниковъ. Она имѣетъ отношеніе исключительно къ Бритомартисъ и эгинской Афѣи не касается. 3) Последняя часть указываетъ появленіе культа Бритомартисъ на Эгинѣ. Павсаній не говоритъ о томъ, какъ появилась Бритомартисъ на Эгинѣ; онъ лишь кратко замѣчаетъ, что она стала, по разсказамъ эгинитянгъ, „невидимую“ на островѣ. Отсюда дѣлается выводъ, что Ἀφαία на Эгинѣ—прозвище Бритомартисъ, причемъ ясно сопоставленіе Ἀφαία съ ἀφανής. Изъ разсказа Павсанія (мы не имѣемъ никакихъ, во всякомъ случаѣ, данныхъ для заключенія, что „отождествленіе Бритомартисъ и

¹⁾ Мѣстоположеніе святилища Афѣи, упоминаемой Павсаніемъ, извѣстно еще со времени Морейской экспедиціи: въ $\frac{3}{4}$ часа разстоянія отъ вершины горы Зевса Панаэллинскаго возвышается, въ долину, терраса изъ плитъ трахита, на которой стоитъ теперь построенная изъ древняго матеріала часовня τοῦ ἁγίου Ἀσφαίου (арх. Михайла); по срединѣ террасы находится античный каменный полъ, а на немъ большіе плоскіе камни въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ были столбы; сохранились также и остатки стѣны, окружающей периволъ. См. Expédition de Morée, III, p. 23, pl. 46. Раскопки *Stais* на этомъ мѣстѣ (Практика, 1894, 20) не дали никакихъ важныхъ результатовъ. Найденными на мѣстѣ святилища Афѣи двѣ архаическія надписи см. у *Roehl*, IGA. 352, 354. Что касается „гѣсы“ Пиндара, то относимый къ ней 59-мй (по счету Вергкя) отрывокъ не можетъ имѣть отношенія къ Афѣѣ, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о Латоѣ и Артемидѣ.

"Αρτεμις 'Αφαία происходитъ уже изъ V в." (Wernicke, Pauly-Wissowa, R. E. II, 1981).

Въ болѣе подробномъ видѣ легенда о Бритомартисъ передана въ 40-ой „Метаморфозѣ“ Антонина Либерала, восходящей, какъ думаютъ, въ своемъ первоисточникѣ къ Пикандру (Schneider, Nicandrea, 69 сл.). Бритомартисъ, дочь Зевса и Кармы, избѣгаетъ мужчинъ, предпочитая оставаться дѣвственницею. Изъ Финикии Бритомартисъ отправляется сначала въ Аргосъ, затѣмъ на Кефаллинію, наконецъ, на Критъ. Тамъ увидѣлъ Бритомартисъ Миносъ. Воспылавъ къ ней страстью, онъ сталъ ее преслѣдовать. Бритомартисъ спасается къ рыбакамъ; тѣ скрываютъ ее въ сѣтяхъ, отчего критяне и прозвали Бритомартисъ Диктиной. Спасшись отъ Миноса, Бритомартисъ отправляется на Эгину въ лодкѣ съ рыбакомъ Андромидомъ. Андромидъ также покушается на невинность Бритомартисъ, но она ἀποβάσα ἐκ τοῦ πλοίου κατέφυγε εἰς ἄλσος, ὅθι κέρ ἐστι νῦν αὐτῆς τὸ ἱερόν, κἀνταῦθα ἐγένετο ἀφανής ¹⁾, ἐν δὲ τῷ ἱερῷ τῆς 'Αρτέμιδος ²⁾. τὸν δὲ τόπον, ἐν ᾧ ἀφανῆς ἐγένετο ἡ Βριτόμαρτις, ἀφιέρωσαν Λίγινῆται καὶ <αὐτὴν> ὀνόμασαν 'Αφαίαν καὶ ἱερὰ ἐπέτελεσαν ὡς θεῶν.

Въ разсказѣ Антонина Либерала совершенно уже утратилось всякое представление объ Афѣѣ, какъ самостоятельномъ божествѣ. 'Αφαία это прозвище Бритомартисъ на Эгинѣ, причемъ, и въ данномъ случаѣ, прозвище это ставится въ связь съ ἀφανής.

Въ приписываемомъ Вергилію „Ciris“ говорится, что Бритомартисъ „alii... numina Aphaeae virginis adsignant, alii, quo potior esses, Dictynnam dixere tuo de nomine lunam“ (303—305).

Наконецъ, у Исихія подъ словомъ 'Αφαία сказано: ἡ Δίctυννα, καὶ 'Αρτεμις ³⁾.

Въ передачѣ легенды у Павсанія и особенно у Антонина Либерала ясно выступаетъ на видѣ желаніе объяснить, такъ сказать, исторію появленія культа Бритомартисъ-Афѣи на Эгинѣ. Бритомартисъ, какъ давно всѣми признано, почиталась, главнымъ образомъ, въ восточной части Крита и позже она отождествлена была съ Артемидою. Со времени Каллимаха Бритомартисъ отождествляется, въ на-

¹⁾ Слѣдующія затѣмъ въ рукописи слова καὶ ὀνόμασαν αὐτὴν 'Αφαίαν Мартини считаютъ нужнымъ выкинуть.

²⁾ Послѣ этого слова Мартини вставляетъ ἀντὶ τοῦ σώματος ἐφανῆ ἔθανον.

³⁾ Эта глосса ввела въ заблужденіе Вернике (Pauly-Wissowa, R. E. II, 1981), по которому 'Αφαία—прозвище Артемиды на Эгинѣ.

шихъ источникахъ, съ сходною съ нею по существу западно-критскою (Артемидою) Диктинною (ср. Tümpel у Pauly-Wissowa, R. E. III, 880). Въ собственной Греции Бритомартисъ почитается лишь въ силу синкретизма съ родственными ей божествами; существованіе же тамъ самостоятельнаго культа Бритомартисъ намъ не засвидѣтельствовано, если не считать, быть можетъ, Дилоса, гдѣ упоминаются празднества Ἀρτεμίῃσιν Βριταμάρτια (Bull. de corr. hell. VI, 582).

Въ свое время К. О. Миллеръ (Aeginetica, 164 сл.) думалъ, что эгинскій культъ Афэй-Бритомартисъ должно объяснять поселеніями эгинитянь въ критской Кидоніи. Фуртвэнглеръ (ук. ст. 379), на основаніи результатовъ своихъ раскопокъ, считаетъ возможнымъ предполагать существованіе между Эгиною и Критомъ „искоинныхъ“ отношеній, возводя ихъ еще къ микинской эпохѣ: „ибо, говоритъ Фуртвэнглеръ, тамъ, гдѣ бывають микинскія находки, тамъ также существуютъ отношенія и къ царству Миноса. Такимъ образомъ, происхожденіе Афэй изъ Крита можетъ считаться recht alt“¹⁾.

Безспорно, микинская культура была широко распространена на Критѣ, какъ это доказали хотя бы недавнія находки Evans'a. По возводить все „микинское“ къ Криту намъ представляется все же нѣсколько преждевременнымъ, особенно теперь, когда область распространенія микинской культуры оказывается охватывающей все большее и большее пространство²⁾. Во всякомъ случаѣ и ранѣе, уже въ силу свидѣтельства Павсанія о существованіи на Эгинѣ ἱερὸν Ἀφαίας, въ честь которой была составлена Пиндаромъ ᾄσμα, едва ли слѣдовало снѣшивать отождествлять Афэю съ Бритомартисъ. Теперь же, когда стала извѣстна архаическая (вѣроятно, VI вѣка) надпись, упоминающая объ Афэй, какъ о самостоятельномъ божествѣ, такое отождествленіе для архаическаго, тѣмъ болѣе для микинскаго времени, врядъ ли представляется правильнымъ.

Страннымъ образомъ Фуртвэнглеръ (ук. ст. 379 сл.) вмѣсто того, чтобы „изолировать“ Афэю, нагромождаетъ цѣлый рядъ сопоставленій ея съ разнообразными божествами: Афэя и Бритомартисъ, и Имноея,

¹⁾ С. Рейнакъ (C. R. de l'Acad. d. inscr. et belles-lettres, 1901, 533 сл.) также указываетъ, основываясь на свидѣтельствахъ Геродота (II, 59) и Стравона (р. 376), на „relations très anciennes... entre la Crète et Egine“ и думаетъ, что, въ силу ихъ, критская Бритомартисъ была отождествлена съ Афэю.

²⁾ Что касается „критскихъ“ поселеній на Эгинѣ (ср. Strab. VIII, p. 375), то онѣ, какъ думаетъ Грунтъ (Griech. Mythol. 121°), быть можетъ, обизаны своимъ происхожденіемъ, именно „раціоналистическому толкованію“ мѣна объ Афэй.

и Астерія, и Ино-Левкоою, и Скилла, и Эката. С. Рейнакъ (уѣ. ст. 355) склоненъ сопоставлять Афю ближе всего съ Эгатою, „главнымъ божествомъ эгинтягъ“. Эката, часто сопровождаемая собаками, отождествляется съ охотницею Артемидою, какъ и Афя, отождествляемая, въ свою очередь, съ Бритомартисъ, которая въ своемъ критскомъ святилищѣ была окружена собаками. Такимъ образомъ, можно думать, что она—наслѣдница стариннаго эгинскаго или скорѣе эгейскаго божества, d'un caractère nocturne et infernal, peut-être aussi dans une certaine relation avec l'espèce canine“.

Мы не знаемъ, когда на Эгипѣ отождествлена была Афя съ Бритомартисъ. То, что сообщается въ передачѣ легенды у Павсанія и Антонина Либерала, скорѣе проникнуто духомъ александрійской учености. У Каллимаха, повидимому, впервые мы находимъ объясненіе происхожденія прозвища Бритомартисъ Δίχοννα (εἰς Ἄρτεμιν, 189 сл. 197). Петрудно было сопоставлять Ἀφαία съ ἀφανής, а тогда отсюда уже получается легенда о томъ, какъ Бритомартисъ, послѣ цѣлаго ряда приключеній, становится „невидимою“ и сливается съ Афей. Тенерь, когда у насъ есть документальное свидѣтельство объ Афѣ, какъ самостоятельномъ божествѣ на Эгипѣ, едва ли можно думать, что Афя была всегда только иностасью Бритомартисъ. Она стала таковою лишь потому, подобно цѣлому ряду другихъ божествъ, первоначальныя личныя имена которыхъ, съ теченіемъ времени, обращаются въ прозвища другихъ божествъ ¹⁾.

Шрейберъ (Roscher, Lex. d. Myth. I, 583), для котораго Ἀφαία являлась еще простымъ эпитетомъ Артемиды, противопоставляетъ ей Аполлона Ἀφήτωρ'а и находить даже, что приведенная выше легенда „не противорѣчитъ такому толкованію“. Разумѣется, такое сопоставленіе невозможно даже и съ формальной стороны. Этимологія Ἀφαία=ἀφανής правильно намѣчена уже древними рационалистами; Ἀφαία, несомнѣнно, происходитъ отъ корня φαF (фѣе Гомер., ср. G. Curtius, Grundzüge⁵, 296 ²⁾). Почему богиня эта получила имя именно Ἀφαία,

¹⁾ Ср. Usener, Götternamen, 216 сл. Очень можетъ быть, что Афя въ народномъ сознаніи никогда и не сливалась съ Бритомартисъ, что слияніе это было обязано своимъ возникновеніемъ лишь ученымъ домысламъ тѣхъ мноографовъ, которые пытались объединять, а не разъединять представленія о различныхъ божествахъ.

²⁾ Непонятно, почему С. Рейнакъ (уѣ. ст. 535) думаетъ, что имя Афѣ „appartienne à une mythologie pré-dorienne, dont les vocables ne peuvent être expliqués par la langue grecque, du moins par celle qui nous est connue depuis l'époque relativement récente où la tradition des poèmes homériques a été fixée“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ НАЧАЛѢ АВГУСТА СЕГО ГОДА ВЫЙДЕТЪ
НОВОЕ (двадцать девятое) ИСПРАВЛЕННОЕ СОГЛАСНО УКА-
ЗАНИЯМЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ ИЗДАНИЕ
(29 числомъ)

ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИГИ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА С. Θ. Грушевскаго.

Главный складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ
Н. П. КАРБАСНИКОВА, дѣлающихъ на немъ книго-
продавцамъ обычную уступку.

Выписывающимъ отъ завѣдующаго изданіями *С. Θ.
ГРУШЕВСКАГО* (Австрія, Львовъ, ул. Домбровскаго 6)
дѣлается значительная уступка.

Цѣна прежняя (35 коп.).

Въ интересахъ самихъ заказчиковъ желательно, чтобы
заказы дѣлались заблаговременно.

Продолжается подписка на 1902 годъ

(13-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе вышедшей 12-го апрѣля мартовской книжки слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Средняя школа въ Германіи. (*Продолженіе*) П. Г. Мижужева; 3) Сельскохозяйственное образованіе въ Финляндіи. П. Ф. Сурина; 4) Декабристъ А. Ф. фонъ-Бриттегъ въ роли воспитателя. С. Н. Брайловскаго; 5) Умственное изложеніе учащихся въ нормальномъ и патологическомъ состояніи. А. С. Виремуса; 6) Педагогическіе парадоксы. П. Зарембы; 7) Къ реформѣ среднихъ школъ. М. С. Романовскаго; 8) Приготовительные классы при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. М.; 9) О сѣздѣ учителей городскихъ по Положенію 1872 года училищъ. В. Пашина; 10) Народная школа, какъ образовательно-воспитательное учрежденіе. П. О. Кантерова; 11) Н. И. Ильинскій и просвѣщеніе инородцевъ. Д. К. Зеленина; 12) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1901 годъ. (*Окончаніе*). И. П. Блюконскаго; 13) Нѣсколько словъ о „вышей школѣ вѣзда“. К. И. Тихомирова; 14) Критика и библиографія (около 15 рецензій).

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкой—7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—десять руб. въ годъ.

Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока.

Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Литовская ул., 1).

Редакторъ-надатель М. Г. Гуревичъ.

КНИГИ И. П. ХРУЩОВА.

Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. С.-Пб. 1901. Стр. 506. Цѣна 2 р. 25 к. Въ складѣ Стасюлевича и маг. Нового Времени.

Оглавленіе: Первые германисты.—Исторія отечественной литературы, какъ предметъ университетскаго преподаванія.—О просвѣтительной дѣятельности Екатерины Второй.—Александръ Первый: отношеніе къ нему русскихъ писателей.—О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву.—Князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ.—Ксенія Ивановна Романова.—Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояти.—Дѣтскія пѣсенки.—Живой глаголь русской археологіи.—О свайныхъ постройкахъ.—Бѣлгородка и найденный въ ней змѣевникъ.—О литературныхъ заслугахъ графа А. К. Толстаго.—Впечатлѣнія на открытіи памятника Пушкину.—Одна изъ воспомытыхъ Пушкинымъ.—Памяти Цесаревича Николая Александровича.—Королева Виртембергская Ольга Николаевна.—О преосвященномъ Порфиріи Успенскомъ.—Современныя дешевыя изданія для народнаго чтенія.—Литературная гѣтопись.—Что наши дѣти читаютъ.—Печальное недоразумѣніе.—Библиографія.—Примѣчанія и дополненія (объ издательской дѣятельности комиссіи народныхъ чтеній).

Бесѣды о древней русской литературѣ. Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. С.-Пб. 1900. Стр. 330. Цѣна 1 р. 25 к. Ч. I. Домонгольская пора. Ч. II. Обзоръ литературы средняго періода. Ч. III. Народная устная словесность. Ч. IV. Отъ стараго къ новому.

Книга одобрена ученымъ комитетомъ для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Распоряженіемъ оберъ-прокурора св. синода разослана по духовнымъ семинаріямъ. Одобрена для учебныхъ заведеній учебнымъ комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи. Отзывы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ, С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, Русскомъ Архивѣ, Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

Въ Сенатской Типографіи отпечатаны и поступили въ продажу:

НОВЫЙ УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

СЪ ОТНОСЯЩИМСЯ КЪ ОПОМУ РАСПОРЯЖЕНІЯМИ
МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.
Цѣна съ пересылкою 25 коп.

ЗАКОНЪ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ВЗИМАЕМЫХЪ ВЪ ИМПЕРІИ ПОРТОВЫХЪ СБОРОВЪ И ПОЛОЖЕНІЕ О МѢСТНОМЪ УПРАВЛЕНІИ ПРИМОРСКИМИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ.

Цѣна съ пересылкою 75 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряженіе Министра Финансовъ о приѣмѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможенныхъ учреждений, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.

Цѣна съ пересылкою 50 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна съ пересылкою 20 коп.

УРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.

(Высочайше утверждено 17-го Апрѣля 1869 года).

Цѣна 1 руб. сер.

I. Именной Высочайшій указъ объ отмѣнѣ ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ общественнымъ. — II. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совета объ отмѣнѣ ссылки и утвержденіи временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житье другими наказаніями.

Цѣна съ пересылкою 15 коп.

Высочайше утвержденныя правила и Инструкція Министра Финансовъ о фруктово- и виноградоводочномъ и коньячномъ производствѣ.

Цѣна съ пересылкою 75 коп.

КУРСЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Т. I. Изд. 3-е. 1902 г.

Сенатора заслуженнаго профессора Имп. С.-Пб. университета М. Я. Фойницкаго.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ РѢШЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ПО ВОПРОСАМЪ ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ВѢДОМСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ДОЛЖНОСТИ (1868—1896 г.г.).
СОСТАВИЛИ: ЧЛЕНЪ КОНСУЛЬТАЦІИ, ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ ЮСТИЦІИ УЧРЕЖДЕННОЙ, ИСП. ОБЯЗ. ТОВАРИЩА ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА 1-ГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА *В. И. Тимобеевскій* и ВЫШШІЙ ОБЕРЪ-СЕКРЕТАРЬ ТОГО-ЖЕ Д—ТА *С. П. Кузнецовъ*.

Печатанъ съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна 4 руб., съ пересылкою—4 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕННЫМИ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ I и II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,
съ 1866 по 1 Января 1900 г.

СОСТАВИЛЪ ОБЕРЪ-СЕКРЕТАРЬ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА *Н. Н. Быстровъ*.

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири.

Цѣна съ пересылкою 50 коп.

**Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ
объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній отно-
сительно общихъ собраній и ревизіонной части акціонерныхъ
компаній, а равно состава правленій оныхъ.**

Цѣна съ пересылкою 30 коп.

Объ требованіяхъ просятъ обращаться въ г. С.-Петербургъ, въ Сенатскую Типографію, а также въ книжные магазины: „Новаго Времени“ (Невскій проспектъ, № 10) и Вольфа (Гвстинный Дворъ, № 19) и Конттору Редакціи газеты „Право“ (Дмитровскій пер., № 6).

Въ Сенатской Типографіи принимаются частные заказы на всякаго рода печатныя и переплетныя работы.

Сенатская Типографія не высылаетъ изданій съ наложеннымъ платежомъ, а лишь по полученіи ею наличныхъ денегъ или квитанціи Казначейства о взносѣ таковыхъ въ § 12 специальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

НАША УЧЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А. М. Дослими. Отечествовѣдѣніе	1
Н. Н. Шитовъ. Стѣнная карта Европейской Россіи	17
Малыя учебныя карты по отечествовѣдѣнію Россіи 1901 г.	19
А. И. Георгіевскій. Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. XII (окончаніе)	21

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Проф. Романъ. Марселъ Вильгельмовичъ Ненций (некрологъ) .	1
М. А. Дьяконовъ. Иванъ Николаевичъ Миклашевскій (некрологъ) .	23
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	41

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Ф. Анненскій. Ипполитъ. Трагедія Еврипида	197
А. М. Придики. Замѣтки къ встрѣчающимся въ рѣчахъ Исея формуламъ.	227
Л. Ф. Воеводскій. Солярная теорія миеовъ и древнѣйшая грече- ская культура	234
С. А. Жебелевъ. Аѳага	240

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—3

За редактора Ф. Батюшковъ.

(Вышла 4-го мая).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрести въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895 и 1900 годы.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХІ.

1902.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные Высочайшіе указы	71
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшія награды	76
IV. Высочайшіе приказы	82
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	99
VI. Положенія о стипендіяхъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія	106
VII. Определенія ученаго комитета мин. нар. пр.	114
VIII. Определенія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	119
IX. Определенія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	126
Открытіе училищъ	127
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Двадцать третье присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	128
E. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XIV (продолженіе)	233
И. Н. Дурново. Мелкія замѣтки по русокому языку	257
И. Н. Оглоблинъ. Къ исторіи полярной экспедиціи Вахова и Шалаурова въ 1757—1760	269
О. Н. Щербатской. Теорія поэзіи въ Индіи	299
О. П. Кенненъ. О прежнемъ и нынѣшнемъ распространеніи бобра въ предѣлахъ Россіи	330

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

V. A. Ивановскій. <i>Л. Дыша</i> . Государственное право Швеции. Томъ первый. Часть историческая. 1901	369
A. H. Соболевскій. <i>Slovanské starožitnosti. Sepsal Dr. Lubor Niederle, professor České university v Praze. Díl I. Původ a počátky národa slovanského. Svazek I. V Praze. 1902</i>	388
Г. З. Кунцевичъ. Сказаніе о зачатіи царства Казанскаго. Принадлежащее <i>Θ. Т. Васильеву</i> . Изданіе <i>Θ. Т. Васильева</i> . Казань. 1902	393
И. А. Тихомировъ. Замѣтка объ оглавленіяхъ, помѣщенныхъ предъ Воскресенскимъ лѣтописнымъ сводомъ	397

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХІ.

1902.
ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данные Правительствующему Сенату.

27-го апрѣля 1902 года. „Директору института экспериментальной медицины и совѣщательному члену медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Лукьянову*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра народнаго просвѣщенія“.

30-го апрѣля 1902 года. „Члену государственнаго совѣта и члену совѣта Императорскаго Александровскаго лицея, дѣйствительному тайному совѣтнику *Кобеко*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть директоромъ Императорской публичной библіотеки, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ нынѣ должностяхъ“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

9. (19-го декабря 1901 года). *Объ учрежденіи двухъ стипендій имени Иркутскаго военнаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Пантелѣева при Якутскихъ женской гимназій и реальномъ училищѣ.*

Якутская городская дума возбудила ходатайство объ учрежденіи двухъ стипендій имени Иркутскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта А. И. Пантелѣева при Якутскихъ женской гимназій и

реальномъ училищѣ, на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ для сего названною думою капиталовъ въ 2.700 рублей для первой и въ 2.600 рублей для второй стипендіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день декабря 1901 года, на учрежденіе означенныхъ стипендій Высочайше соизволилъ.

(Собр. узак. и распор. прав., 26-го апрѣля 1902 г., № 40, ст. 404).

10. (31-го декабря 1901 года). *Объ учрежденіи при Новоторжскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищъ десяти стипендій имени въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.*

Попечитель Московскаго учебнаго округа обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учрежденіи при Новоторжскомъ городскомъ училищѣ, для дѣтей крестьянскаго сословія, десяти стипендій имени въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, на счетъ ста рублей, ежегодно вносимыхъ Новоторжской уѣздной земскою управою въ смѣту земскихъ расходовъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 31-й день декабря 1901 года, на учрежденіе означенныхъ стипендій Высочайше соизволилъ.

(Тамъ же, ст. 405).

11. (9-го марта 1902 года). *О предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права допускать женщинъ, получившихъ дипломы на степень доктора медицины въ заграничныхъ университетахъ, къ испытаніямъ на званіе врача въ испытательныхъ комиссіяхъ при С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ и при медицинскихъ факультетахъ Императорскихъ университетовъ.*

Государь Императоръ, въ 9-й день марта 1902 года, Высочайше соизволилъ предоставить власти министра народнаго просвѣщенія право допускать женщинъ, получившихъ дипломы доктора медицины въ иностранныхъ университетахъ, къ испытаніямъ на званіе врача въ испытательныхъ комиссіяхъ какъ при медицинскихъ факультетахъ Императорскихъ университетовъ, такъ и при С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ, если онѣ будутъ удовлетворять всѣмъ условіямъ поступленія въ помянутый институтъ съ тѣмъ, чтобы такими правами могли воспользоваться, буде пожелаютъ, и лица, ко-

торымъ уже Высочайше разрѣшено подвергнуться испытаніямъ при университетахъ.

(Тамъ же, 30-го апрѣля 1902 года, № 41, ст. 449).

12. (11-го марта 1902 года). *Объ установленіи особаго сбора съ лицъ, подвергающихся испытаніямъ на званія зубного врача и дантиста.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ установленіи особаго сбора съ лицъ, подвергающихся испытаніямъ на званія зубного врача и дантиста, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ установленіи особаго сбора съ лицъ, подвергающихся испытаніямъ на званія зубного врача и дантиста, *мнѣніемъ положили:*

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Въ пользу университетовъ взимается особая плата съ лицъ, экзаменуемыхъ на званіе зубного врача, въ размѣрѣ 20 руб. съ каждаго, а на званіе дантиста, въ размѣрѣ 10 руб. съ каждаго.

2) Означенная плата обращается въ спеціальныя средства университетовъ для покрытія расходовъ по вознагражденію экзаменаторовъ и по заготовленію для экзаменовъ матеріаловъ и инструментовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 426).

13. (11-го марта 1902 года). *Объ учрежденіи при Тифлисской физической обсерваторіи отдѣленія для изданія „Ежемесячнаго Бюллетеня“.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Тифлисской физической обсерваторіи отдѣленія для изданія „Ежемесячнаго Бюллетеня“, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Тифлисской физической обсерваторіи отдѣленія для изданія „Ежемесячнаго Бюллетеня“, *мнѣніемъ положили*:

I. Въ дѣйствующемъ штатѣ Тифлисской физической обсерваторіи сдѣлать слѣдующія измѣненія: а) учредить одну должность старшаго наблюдателя и одну должность младшаго наблюдателя, на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими такими же должностями по означенному штату; и б) ассигновать на изданіе „Ежемесячнаго Бюллетеня“ названной обсерваторіи по одной тысячѣ девяти рублей въ годъ.

II. Вызываемый указанною (отд. I) мѣрою ежегодный расходъ въ количествѣ *трехъ тысячъ ста шестидесяти* рублей относить на средства государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 429).

14. (11-го марта 1902 года). *Объ утвержденіи штата Севастопольской биологической станціи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проекту штата Севастопольской биологической станціи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проекту штата Севастопольской биологической станціи, *мнѣніемъ положили*:

I. Проектъ штата Севастопольской биологической станціи представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

II. Исчисленный по означенному (отд. I) штату ежегодный расходъ

въ количествѣ *шести тысячъ семисотъ* рублей относить на средства государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственномъ Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ.

11-го марта 1902 года.

Ш Т А Т Ъ

Севастопольской биологической станціи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартр-ныхъ.	Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсіи.
		Р у б л и.						
Старшій зоологъ	1	1.500	500	—	2.000	VI	VI	} По учеб. служб.
Младшій зоологъ	1	900	300	—	1.200	VII	VII	
На библиотечку, покупку животныхъ, хозяйственное содержаніе станціи и на наемъ прислуги.	—	—	—	—	3.500			
Итого	2	—	—	—	6.700			

Примѣчаніе. Старшій и младшій зоологи опредѣляются директоромъ станціи изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Мишанинъ*.

(Тамъ же, ст. 430).

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ко дню св. Пасхи 1902 г. нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, орденами: *святаго равноапостольнаго князя Владимира четвертой степени*: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: старосту церкви Московской первой гимназіи Ивана *Григорьева*, почетнаго члена попечительнаго совѣта студенческаго общежитія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени Императора Николая II, Владимира *Никитина* и предсѣдателя совѣта братства св. Кирилла и Меодія, учрежденнаго при Нижегородской гимназіи для вспоможенія бѣднымъ ученикамъ, Митрофана *Рукавишникова*; *святыя Анны второй степени*: попечителя Дубровскаго сельскаго начальнаго училища, Вышневолоцкаго уѣзда, отставнаго капитана Петра *Копоновича*, почетнаго попечителя Орловскаго Александровскаго реальнаго училища, коммерціи совѣтника Владимира *Ромера* и потомственныхъ почетныхъ гражданъ: почетнаго попечителя Шульской мужской гимназіи Михаила *Павлова* и попечителя и содержателя мужскаго и женскаго частныхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ Москвѣ Ивана *Новикова* и *святаго Станислава: второй степени*: корреспондента Николаевской главной физической обсерваторіи, завѣдывающаго метеорологическими станціями въ Муромѣ и Кирилловѣ, отставнаго статскаго совѣтника Александра *Колмовскаго*, попечителя Макаровскаго земскаго начальнаго народнаго училища, Балашовскаго уѣзда, и члена Балашовскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, отставнаго капитана Михаила *Ловина*, казначея Солодовниковскаго городского училища въ гор. Москвѣ, потомственнаго почетнаго гражданина, первой гильдіи купца Ивана *Простякова* и почетнаго блюстителя Селезневскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища въ селѣ Куликовѣ, Темниковскаго уѣзда, личнаго почетнаго гражданина Сергѣя *Селезнева* и *третьей степени*: корреспондента Николаевской главной физической обсерваторіи, завѣдывающаго метеорологическою станціею въ Новомъ Королевѣ, отставнаго коллежскаго assessора Андрея *Балыничкаго-Буруля*, коллежскихъ регистраторовъ: завѣдывающихъ училищами: двухклассными: Абинскимъ Ивана *Бабенко*, Екатеринодарскимъ начальнымъ Евтихія *Нестеренко* и сельскимъ въ станицѣ Брюховецкой Василія

Леурду и Екатеринодарскимъ пятымъ начальнымъ Назарія *Толстова* и учителя Екатеринодарскаго перваго начального училища Петра *Руденко*, корреспондента Николаевской главной физической обсерваторіи, потомственнаго дворянина Ивана *Шульмана*, дворянина Ивана *Еманова*, преподавателя, изъ платы по найму, училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской, св. Петра и Павла, церкви въ Москвѣ, германскаго подданнаго Антона *Крюгера*, производителя работъ по постройкѣ зданія для Тифлисской второй мужской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназіи, гражданскаго инженера Павла *Штерна*, члена попечительнаго совѣта студенческаго общежитія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени Императора Николая II, инженеръ-механика Михаила *Лосева* и попечителей училищъ: Ясюнинскаго земскаго, Шуйскаго уѣзда, инженеръ-технолога Ивана *Ясютинскаго*, Бытомскаго начальнаго, Брянскаго уѣзда, кандидата правъ Петра *Чистякова* и Росташовскаго земскаго начальнаго народнаго, Балашовскаго уѣзда, дѣйствительнаго студента сельско-хозяйственныхъ наукъ Михаила *Андреевкова*.

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, ко дню св. Пасхи сего года, медалями съ надписью „за усердіе“: для пошенія на шею золотыми на лентахъ: *Андреевской*: почетный блюститель и содержатель Тельминскаго Александровскаго двухкласснаго училища съ женскимъ отдѣленіемъ, потомственный почетный гражданинъ Василій *Бьлюголовый* и почетный блюститель Болховскаго 3-го мужскаго приходскаго училища, второй гильдіи купецъ Николай *Жильцовъ*; *Александровской*: потомственные почетные граждане: почетный смотритель Солодовниковскаго городского въ Москвѣ училища Владиміръ *Мурашевъ* и почетный блюститель Чернавскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Елецкаго уѣзда, Николай *Талдыкинъ*; *Владимірской*: попечители училищъ: Низковскаго народнаго, Горбатовскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Павелъ *Смолинъ*, Елюнинскаго фабричнаго товарищества Покровской мануфактуры Шуйскаго уѣзда, первой гильдіи купецъ Павелъ *Акифьевъ* и Покровскаго начальнаго народнаго, Клинскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Иванъ *Бакастовъ* и временный Московскій купецъ Сергій *Прусакъ*; *Аннинской*: почетная попечительница Михаило-Антонина Кирилловскаго сиропитательнаго дома въ гор. Кунгурѣ, потомственная почетная гражданка

Анна *Грибушина*, попечитель Ростовскаго на Дону 1-го мѣщанскаго мужскаго начальнаго училища, первой гильдіи купецъ Ѳеодоръ *Дутиковъ*, почетный смотритель Карачевскаго городскаго училища, купецъ Иванъ *Мартыновъ* и почетный блюститель Воскресенскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Мазарьевскаго уѣзда, временный второй гильдіи купецъ Василій *Шуртъминъ* и *Станиславской*: потомственные почетные граждане: членъ Холмскаго уѣзднаго училищнаго совѣта Семень *Захаровъ* и попечитель Шабкинскаго народнаго училища Василій *Акифьевъ*, личные почетные граждане: почетный блюститель Уткинскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища и попечитель Уткинскаго однокласснаго училища Иванъ *Филатовъ* и почетный блюститель Бѣлорѣцкаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Верхнеуральскаго уѣзда, Викторъ *Кузнецовъ*, завѣдывающій Талицкимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, изъ духовнаго званія, Андрей *Ильинъ*, учителя начальныхъ училищъ: Богородицкаго, Бердянскаго уѣзда, смѣхъ священника Иванъ *Нектаровъ* и Знаменскаго, изъ духовнаго званія, Пестръ *Кузовниковъ*, членъ-корреспондентъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ, изъ купцовъ, Николай *Ассановъ*, почетный блюститель Анцирскаго приходскаго училища, Канскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Александръ *Филмоновъ* и попечители училищъ: Ланинскаго сельскаго, Егорьевскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Иванъ *Дашковъ* и Николовремянскаго сельскаго начальнаго народнаго, Дорогобужскаго уѣзда, купецъ Александръ *Янинъ* и *серебряными на лентахъ: Александровской*: попечитель Крутицкаго народнаго училища, Горбатовскаго уѣзда, купецъ Николай *Первовъ* и членъ попечительнаго совѣта Киренской женской прогимназіи, мѣщанинъ Иванъ *Поповъ*; *Владимірской*: почетный блюститель Артинскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища и попечитель Пристанинскаго земскаго училища, Красноуфимскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Ѳеодоръ *Ардашевъ*, попечитель Касимовскаго 2-го мужскаго городскаго приходскаго училища, купецъ Петръ *Умновъ*, Горбатовскій купецъ Василій *Хохловъ*, вахтеръ при С.-Петербургомъ второмъ реальномъ училищѣ, отставной фельдфебель Иванъ *Мѣшковъ*, почетный членъ попечительнаго совѣта Новочеркаскаго атаманскаго техническаго училища, торговый казакъ Николай *Леоновъ*, почетный блюститель Тляумбетевскаго русско-башкирскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Оренбургскаго уѣзда, заурядъ-хорунжій Салихъ *Габдрахимовъ* и Орен-

бургскій мѣщанинъ Семенъ *Томиловъ*; *Аннинской*: староста церкви Оренбургскаго реального училища, первой гильдіи купецъ Петръ *Панкратовъ*, попечитель Горбатовскаго мужскаго училища, купецъ Иванъ *Лаврентьевъ*, почетный смотритель Киренскаго городского трехкласснаго училища, купецъ Николай *Скретневъ*, вольнонаемный писецъ канцеляріи Московскаго реального училища, отставной писарь 1-го класса Ѳеодоръ *Ѳоминъ* и попечители училищъ: Коневскаго народнаго, Балахнинскаго уѣзда, мѣщанинъ Адрианъ *Дерюгинъ* и Березовскихъ 1-го и 2-го земскихъ, Красноуфимскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Чусовъ* и *Станиславской*: почетный смотритель Данковскаго двухкласснаго городского училища, купецъ Петръ *Поповъ*, членъ попечительнаго совѣта Иваново-Вознесенской женской гимназіи, купецъ Лаврентій *Гандуринъ*, попечитель Починковскаго училища, временный второй гильдіи купецъ Михаилъ *Гордеевъ*, учитель-завѣдывающій Сенткуловскимъ двухкласснымъ русско-башкирскимъ училищемъ Александръ *Кузьминъ*, учитель Кыгитымскаго мужскаго училища Иванъ *Ходовъ*, помощникъ учителя Каслинскаго мужскаго приходскаго училища Яковъ *Блиновскій*, служители при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ: запасный фельдфебель Павелъ *Блещъ* и запасный младшій унтеръ-офицеръ Косма *Цыбанъ*, отставные унтеръ-офицеры: дядька при воспитанникахъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая Петръ *Петровъ*, старшій швейцаръ Владимірской женской гимназіи, Степанъ *Яслевъ* и швейцаръ Московской женской гимназіи, учрежденной В. Н. фонъ-Дервизъ, Яковъ *Баскаковъ*, служитель при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, старшій лаборантъ Денисъ *Примакъ* и попечители училищъ: Нижне-Кундрюческаго женскаго 3-го разряда, Донской области, урядникъ Емельянъ *Каклюгинъ* и Передѣльновскихъ мужскаго и женскаго, крестьянинъ Корнилій *Приваловъ* и для пошенія на груди: золотыми на лентахъ: *Аннинской*: начальницы женскихъ гимназій: Хабаровской, Марія *Постникова*, Петрозаводской, Марининской Доротея *Ульяшентова*, Вѣрненской, Надежда *Студенцова* и Асхабадской, Екатерина *Николаева*, главныя надзирательницы женскихъ гимназій: Ташкентской, Евдокія *Сумеркова* и Маргеланской, Анна *Заюнчковская*; попечительницы училищъ: Дорогобужскаго городского приходскаго, Екатерина *Михневичъ*, Мошевскаго сельскаго начальнаго народнаго, Краснинскаго уѣзда, Екатерина *Сомова* и Никольско-Куеморскаго начальнаго, Казанскаго уѣзда, Вѣра *Геркенъ*, жена кандидата правъ Марія *Тарасова*, бывшая попечительница Рудниковскаго начальнаго училища, Мещовскаго уѣзда,

Зинаида *Кашкина*, учительница рукодѣлія Одесскаго № 13 народнаго училища, Елисавета *Шевцова*, попечительница Новоторжской женской гимназіи Марія *Цылева*, потомственная почетная гражданка Евдокія *Инатова*, попечительница Ростовскаго-на-Дону 1-го Александровскаго женскаго начальнаго училища, жена первой гильдіи купца Елена *Дутикова*, попечитель Балахнинскаго Знаменскаго училища, второй гильдіи купецъ Федоръ *Рябовъ*, почетная блюстительница 2-го Болховскаго женскаго приходскаго училища, вдова купца Александра *Глазкова* и попечитель Княжихинскаго училища, Балахнинскаго уѣзда, крестьянинъ Василій *Тягининъ* и *Станиславской*: учительница-завѣдывающая Оренбургскимъ 3-мъ женскимъ приходскимъ училищемъ, Екатерина *Зорина*, учительницы училищъ: Окинскаго начальнаго, Анапьевскаго уѣзда, Марія *Святовецъ-Валсвачъ* и женскихъ: Невьянскаго, Прасковья *Дорошита* и Каслинскаго, Елена *Намилова*, попечительница Кашинской Маринской женской прогимназіи, потомственная почетная гражданка Любовь *Манухина*, подрядчикъ по постройкѣ зданія Васильковскаго городскаго двухкласснаго училища, первой гильдіи купецъ Дувидъ *Ойстрахъ*, почетный блюститель Жерелевскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Мосальскаго уѣзда, купецъ Иванъ *Томсонъ*, попечительница Никологорскаго женскаго училища, Вязниковскаго уѣзда, жена купца Марія *Городова*, почетная блюстительница Юрьевскаго женскаго приходскаго училища, жена купца Пелагея *Гашина*, почетные блюстители двухклассныхъ училищъ: Мелеховскаго, Донской области, казакъ Иванъ *Шановаленко* и Выксунскаго министерства народнаго просвѣщенія, Ардатовскаго уѣзда, мѣщанинъ Петръ *Вишневецкій*, служитель Императорскаго Московскаго университета, запасный фельдшерскій ученикъ Николай *Щукинъ* и попечители училищъ: Бутурлинскаго начальнаго, крестьянинъ Дмитрій *Федоровъ* и Кобелевскаго народнаго, Семеновскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Груздевъ* и *серебряными на лентахъ: Аннинской*: потомственная почетная гражданка, первой гильдіи купчиха Елена *Смолина*, служитель Императорскаго Московскаго университета запасный рядовой Юсифъ *Смоленко*, отставные рядовые: служитель Новинской учительской семинаріи Тимофей *Вессловъ* и швейцаръ при Московскомъ реальномъ училищѣ Егоръ *Рязанцевъ*, старшій швейцаръ Императорскаго Московскаго университета, Московскій цеховой Иванъ *Батурицъ*, служитель Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи, мѣщанинъ Николай *Доросевъ*, старшій служитель Императорскаго Московскаго университета, крестьянинъ Егоръ *Сидоровъ*,

швейцаръ Поливановской учительской семинаріи, крестьянинъ Александръ Назаровъ, попечители училищъ: сельскихъ Егорьевскаго уѣзда: Семеновскаго, крестьянинъ Василій Бабичевъ и Бордуковскаго, крестьянинъ Евдокимъ Канальинъ, начальныхъ: Великосельскаго, крестьянинъ Алексѣй Обжоринъ, Зарѣвскаго, Покровскаго уѣзда, крестьянинъ Тимофей Бараниковъ, Пушкинскаго Рылянскаго, крестьянинъ Стефанъ Салтыковъ и Крестинковскаго, Ковровскаго уѣзда, крестьянинъ Андрей Смирновъ, Данковскаго начальнаго народнаго, Клинскаго уѣзда, крестьянинъ Дмитрій Чернышевъ и Читанакскаго земскаго начальнаго, Балашовскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Гоголевъ, крестьянинъ села Дѣдинова, Зарайскаго уѣзда, Иванъ Милотовъ и крестьянка села Борисова Околицъ, Зарайскаго уѣзда, Марина Иванова и Станиславской—попечители училищъ: Рожковскаго, мѣщанинъ Александръ Лазутинъ и Андреевскаго сельскаго начальнаго народнаго, Дмитровскаго уѣзда, мѣщанинъ Иванъ Козловъ, служители Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго: мѣщанинъ Владиміръ Марковъ, запасный бомбардиръ Данилъ Колесниченко и запасные рядовые: Василій Афанасьевъ и Иванъ Занинъ и Московскаго: мѣщанинъ Павелъ Александровъ, запасный рядовой Дмитрій Новиковъ и отставной рядовой Фѣдоръ Самсоновъ, служители Казанскаго ветеринарнаго института: отставной рядовой Хайбулла Гайнутдиновъ и запасный рядовой Хаметъ Абдулъ Зябаровъ, служитель пансіона Владимірской гимназіи отставной бомбардиръ Андрей Лобашевъ, служитель Орловской гимназіи, отставной рядовой Василій Перфильевъ, служитель Императорскаго Московскаго университета, крестьянинъ Петръ Ефремовъ, почетный блюститель Дмитріевопогостинскаго женскаго однокласснаго образцоваго училища, Егорьевскаго уѣзда, крестьянинъ Андрей Крюковъ, попечители училищъ: начальныхъ: Лавскаго, Елецкаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй Филатовъ, Брянскаго уѣзда: Берлевецкаго, крестьянинъ Лаврентій Савченковъ и Хотмировскаго, крестьянинъ Александръ Селиветровъ и Серебрянскаго, Мещовскаго уѣзда, крестьянинъ Аванасій Стриковъ, Барановскаго народнаго, Горбатовскаго уѣзда, крестьянинъ Николай Савельевъ, Букринскаго сельскаго, Пронскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ Савичевъ и начальныхъ народныхъ: Покровскаго, Звенигородскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ Прусаковъ, Шиповатскаго, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій Кицико, Лосевскаго перваго, Павловскаго уѣзда, крестьянинъ Василій Лозовой, Петропавловскаго, Красноуфимскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Селивановъ и Битимскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Шестаковъ,

строитель Кадницкаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Макарьевскаго уѣзда, крестьянинъ Аванасій *Королевъ*, крестьянинъ дер. Алферова, Балахнинскаго уѣзда, Василій *Пановъ*, крестьянинъ села Чертени, Мосальскаго уѣзда, Иванъ *Сорокинъ* и крестьянинъ дер. Энеръ-Мучакша, Яранскаго уѣзда, Дмитрій *Яковлевъ*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе ко дню св. Пасхи сего года учителя Вейверской учительской семинаріи, коллежскаго секретаря Ивана *Мотовилова* и письмоводителя Пинскаго реальнаго училища Степана *Кучинскаго*, за совершенные ими подвиги челоѣколюбія, *серебряною медалью, съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“*, для ношенія въ петлицу на *Владимірской лентѣ*.

Награждается орденомъ св. равноапостольнаго князя *Владимира 3-й степени* — причисленный къ министерству, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Владимір Мещерскій*.

IV. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(3-го апрѣля 1902 года, № 20). *Утверждаются*: гофмейстеръ Высочайшаго Двора *Тютчевъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кашкинъ*, въ должности егермейстера Высочайшаго Двора *Новосильцовъ* и отставной штабсъ-капитанъ гвардіи *Волковъ* — почетными попечителями: первый — вновь, Московской седьмой гимназіи, второй — Калужскаго реальнаго училища, третій — вновь, Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища и послѣдній — Тульскаго реальнаго училища; всѣ четверо, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ: *Тютчева* — гофмейстеромъ, а *Новосильцова* — въ должности егермейстера.

(6-го апрѣля 1902 года, № 21). *Назначаются*: инспекторъ Ставропольской гимназіи, статскій совѣтникъ *Передерей* — директоромъ Кубанской учительской семинаріи; коллежскій совѣтникъ *Лозефовичъ* — вновь, почетнымъ попечителемъ Вологодской гимназіи, на три года.

Утверждаются: отставной маіоръ *Худковъ* и коллежскій секретарь *Тютчевъ* — почетными попечителями: первый — вновь, Скопинскаго

реального училища, а второй—Сергіево-Посадской Сергіевской гимназіи, оба, согласно избранію, на три года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія прозекторъ и привать-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра и консультантъ хирургическаго отдѣленія больницы Кіево-Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Сатъжко*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ хирургической факультетской клиники.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Мозырской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Васильевъ*, съ 12-го марта.

По Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны. *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: консультантъ и почетный профессоръ института, докторъ медицины *Лимбергъ*—съ 13-го октября 1901 г. и старшій ассистентъ института, докторъ медицины *Романовскій*—съ 30-го ноября 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, сверхштатный ассистентъ института, лѣкарь *Демьяновъ*—съ 27-го октября 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: сверхштатные ассистенты института, лѣкари: *Якобсонъ*—съ 15-го января 1901 г. и *Быковскій*—съ 18-го апрѣля 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *убернскіе секретари*, письмоводитель института *Соколовъ*—съ 27-го января 1902 г.

Утверждается въ чинѣ *титулярнаго совѣтника*, со старшинствомъ, сверхштатный ассистентъ института *Зетржховскій*—съ 5-го октября 1897 г., по степени лѣкаря.

По Одесскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя: гимназій: Екатеринославской, *Локоть*—съ 1-го октября 1901 г., Мариупольской, *Клюевъ*—съ 15-го сентября 1901 г., реальныхъ училищъ: Елисаветградскаго, *Архиповъ* (Василій)—съ 30-го ноября 1901 г., женскихъ гимназій: Мелитопольской, *Романченко*—съ 20-го сентября 1901 г., Симферопольской, *Архиповъ* (Александръ)—съ 30-го сентября 1901 г. и Севастопольской, *Щевелинъ*—съ 18-го ноября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: гимназій: Одесской 4-й, *Дмитріевъ*—съ 2-го сентября 1901 г. и *Пашалери*—съ 24-го декабря 1901 г., Ятинской, *Рейманъ*—съ 19-го іюня 1901 г., Феодосійской (исправляющій должность), *Соколовъ*—съ 15-го августа 1901 г., реальныхъ училищъ: Севастопольскаго, *Куклинъ*—съ 20-го ок-

тября 1901 г. и *Гримте*—съ 29-го октября 1901 г., женскихъ гимназій: Мариупольской, *Постериаковъ*—съ 1-го августа 1901 г., Одесской Г. Р. Березиной, *Соколовъ*—съ 16-го сентября 1901 г., Одесской Е. С. Пашковской, *Сариджанъ*—съ 10-го августа 1901 г. и врачъ Одесскаго 1-го еврейскаго двухкласснаго училища *Винокуровъ* (онъ же Винокуръ)—съ 4-го февраля 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: учителя гимназій: Павлоградской, *Козленко*—съ 10-го іюня 1901 г., Θεодосійской, *Бондаръ*—съ 13-го января 1901 г.; врачъ гимназій Императора Александра III въ Болградѣ, *Желько*—съ 8-го октября 1901 г.; учителя прогимназій: Херсонской, *Овчаренко*—съ 8-го декабря 1901 г., женскихъ гимназій: Мариупольской, *Александровичъ*—съ 9-го сентября 1900 г., Одесской А. И. Браунгеймеръ, *Скибицкій*—съ 24-го января 1901 г.; наставникъ Θεодосійскаго учительскаго института *Бесѣдинъ*—съ 1-го августа 1901 г.; секретарь совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, *Камеискій*—съ 24-го августа 1900 г.; учитель Верхнедѣпровскаго городского трехкласснаго училища *Божунъ*—съ 15-го октября 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Бердянской мужской гимназій, *Рудой*—съ 1-го сентября 1901 г. и Ялтинской Александровской гимназій, *Петровъ*—съ 15-го октября 1901 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощникъ классныхъ наставниковъ Одесскаго реальнаго училища, *Подгаецкій*—съ 1-го октября 1901 г.; врачъ при Аккерманскихъ 1-мъ и 2-мъ мужскихъ и женскихъ одноклассныхъ приходскихъ училищахъ *Шапиро*—съ 15-го октября 1899 г.; учителя городскихъ училищъ: Николаевскаго шестикласснаго, *Васютинскій*—съ 1-го октября 1901 г., Аккерманскаго пятикласснаго, *Скляренико* (онъ же Сюда)—съ 1-го августа 1900 г., Луганскаго четырехкласснаго, *Шишкинъ*—съ 16-го августа 1901 г. и Мариупольскаго трехкласснаго, *Трандафиловъ*—съ 1-го августа 1901 г. и учитель приготовительнаго класса Мариупольской гимназій, *Грековъ*—съ 29-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Петренко*—съ 1-го іюня 1899 г.; почетный смотритель Бобринецкаго городского трехкласснаго училища *Бредюковъ*—съ 12-го марта 1901 г.; хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Новороссійскаго университета *Лимау*—съ 8-го августа 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Аккерманскаго пятикласснаго, *Райчевъ*—съ 1-го августа 1899 г., Симферопольскаго пятикласснаго, *Узунъ*—съ 8-го октября 1899 г. и Александрійскаго че-

тырехкласснаго, *Рашкевичъ*—съ 3-го октября 1901 г.; исправляющій должность письмоводителя Одесской 5-й гимназіи *Хрущовъ*—съ 1-го января 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Одесской 5-й гимназіи *Сидоровъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя: Кишиневскаго 1-го городского трехкласснаго училища, *Николасъ*—съ 9-го сентября 1899 г. и Хотинскаго уѣзднаго училища, *Блосоровъ*—съ 11-го октября 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: письмоводитель и бухгалтеръ Симферопольской мужской гимназіи *Цитовичъ*—съ 25-го декабря 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: почетный смотритель Перекопскаго городского трехкласснаго училища *Спендиаровъ*—съ 1-го февраля 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго советника*: прозекторъ по кафедрѣ гистологии Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины *Маньковский*—съ 29-го марта 1901 г.; астрономъ-наблюдатель магнитно-метеорологической обсерваторіи того же университета *Потруженко*—съ 12-го апрѣля 1901 г.; *коллежскаго ассессора*: учитель Комратскаго реальнаго училища *Бьялевъ*—съ 4-го сентября 1897 г.; наставникъ Преславской учительской семинаріи *Бойко*—съ 15-го августа 1897 г.; учитель Елисаветградской женской гимназіи *Зубковъ*—съ 12-го декабря 1897 г.; *титულлярнаго советника*: помощникъ прозектора по кафедрѣ гистологии Императорскаго Новороссійскаго университета *Сытасевскій*—съ 8-го октября 1901 г. и врачъ при Одесскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ *Костевичъ*—съ 2-го апрѣля 1897 г., оба по степенямъ лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: лаборантъ при кафедрѣ медицинской химіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Ельчаниновъ*—съ 29-го іюля 1900 г. и лаборантъ химической лабораторіи того же университета *Казанецкій*—съ 11-го апрѣля 1901 г., оба по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета; учителя городскихъ училищъ: Николаевскаго шестикласснаго: *Гусельниковъ*—съ 1-го августа 1897 г. и *Ивановъ* (бывшій)—съ 1-го августа 1897 г., Орѣвскаго четырехкласснаго, *Гутевъ*—съ 21-го августа 1897 г., Павлоградскаго четырехкласснаго, *Тановъ*—съ 1-го августа 1897 г.; *губернскаго секретаря* учитель приготовительнаго класса Керченской Александровской гимназіи *Варваровъ*—съ 1-го января 1898 г.

По Казанскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Казанской 2-й гимна-

зи, *Заболотскій*—съ 1-го августа 1901 г., прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета *Небомоловъ*—съ 23-го октября 1901 г., учителя: Казанской 2-й гимназіи, *Чирикинъ*—съ 3-го января 1901 г., реальныхъ училищъ: Казанскаго, *Веретенниковъ*—съ 1-го сентября 1901 г. и Камышинскаго, *Вилле*—съ 6-го мая 1893 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: сверхштатный лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета *Артюмовъ*—съ 30-го ноября 1901 г.; помощникъ прозектора того же университета *Широкинъ*—съ 17-го ноября 1901 г.; учителя: гимназій: Самарской, *Шифнеръ*—съ 10-го сентября 1901 г., Саратовской 1-й, *Кондопуло*—съ 20-го января 1902 г., Яранской женской (бывшій, нынѣ въ отставкѣ), *Снѣговой*—съ 22-го сентября 1900 г. и Саратовскаго реального училища *Гончаровъ*—съ 1-го августа 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя реальныхъ училищъ: Вольскаго, *Первушинъ*—съ 10-го марта 1901 г., Камышинскаго (сверхштатный), *Левинъ*—съ 5-го декабря 1900 г. и *Соколовъ*—съ 16-го августа 1900 г., Самарскаго, *Виноградовъ*—съ 21-го марта 1901 г.; учителя инспекторы городскихъ училищъ: Самарскаго шестикласснаго, *Колесниковъ*—съ 1-го августа 1899 г. и Петровскаго четырехкласснаго, *Стрѣльниковъ*—съ 21-го августа 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Астраханскаго 3-го четырехкласснаго, *Пуговъ*—съ 14-го марта 1901 г. и Бузулукскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Каминъ*—съ 1-го августа 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: исправляющій должность ассистента клиники дѣтскихъ болѣзней Императорскаго Казанскаго университета *Борманъ*—съ 3-го февраля 1898 г.; лаборантъ при клиникѣ дѣтскихъ болѣзней того же университета *Дьяконовъ*—съ 29-го января 1899 г.; сверхштатные ординаторы того же университета: при кафедрѣ психіатріи, *Мамсъвъ*—съ 26-го мая 1899 г. и при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней, *Рукавишниковъ*—съ 25-го января 1899 г.; ученый кузнецъ Казанскаго ветеринарнаго института *Мамадыжскій*—съ 29-го апрѣля 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Самарскаго шестикласснаго, *Внальковскій*—съ 4-го ноября 1896 г., Астраханскаго 3-го четырехкласснаго: *Златицынъ*—съ 13-го марта 1901 г. и *Острецовъ*—съ 15-го іюня 1901 г., трехклассныхъ: Бузулукскаго, *Казимировъ*—съ 14-го января 1896 г. и Царицынскаго, *Тудаковъ*—съ 2-го сентября 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Казанскаго реального училища *Потыгинъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: сверхштатный ассистентъ при

астрономической обсерваторіи Императорскаго Казанскаго университета *Барановъ*—съ 1-го февраля 1901 г.; хранитель музея при ботаническомъ кабинетѣ того же университета *Минишевскій*—съ 16-го октября 1901 г. и исправляющій должность смотрителя клиникъ того же университета *Тамкневскій*—съ 1-го сентября 1901 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя: Чистопольскаго городского четырехкласснаго училища, *Преображенскій*—съ 3-го мая 1892 г. и przygotowительнаго класса Камышинскаго реальнаго училища, *Зиминъ*—съ 7-го сентября 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: почетный смотритель Вятскаго городского четырехкласснаго училища *Кежинъ*—съ 29-го марта 1901 г.; письмоводитель Императорской Казанской 1-й гимназіи *Камневъ*—съ 27-го ноября 1901 г. и учитель Тетюшскаго приходскаго училища *Шувакинъ*—съ 4-го іюля 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: архивариусъ Императорскаго Казанскаго университета *Юбровниковъ*—съ 19 октября 1901 г.; письмоводитель Казанскаго промышленнаго училища *Митчевъ*—съ 6-го ноября 1901 г.; учителя приходскихъ училищъ: Астраханскаго XI, *Осиновъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; Бугурусланскаго, *Штаевъ*—съ 11-го сентября 1897 г. и Самарскаго VIII, *Зыринъ*—съ 4-го августа 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: учителя: гимназій: Симбирской, *Демидовъ*—съ 1-го января 1898 г., женскихъ: Саратовской министерства народнаго просвѣщенія, *Дьяконовъ*—съ 1-го ноября 1897 г., Слободской, *Поповъ*—съ 7-го октября 1897 г., реальныхъ училищъ: Саранульскаго, *Пельцъ*—съ 1-го августа 1897 г., Вятскаго (сверхштатный) *Крлжевъ*—съ 20-го августа 1897 г. и Казанскаго промышленнаго училища *Малининъ*—съ 1-го октября 1897 г.; *титულлярнаго советника*: ассистентъ при офтальмологической клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета *Алабабовъ*—съ 27-го февраля 1889 г., лаборанты того же университета: при офтальмологической клиникѣ, *Зенковичъ*—съ 10-го февраля 1897 г., при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней, *Хитрово*—съ 23-го мая 1897 г., при кафедрѣ общей патологіи (сверхштатный) *Мелкинъ*—съ 27-го ноября 1897 г., всѣ четверо—по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатные ассистенты: при астрономической обсерваторіи Императорскаго Казанскаго университета, *Михайловскій*—съ 1-го августа 1898 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета, и при клиникѣ заразныхъ болѣзней Казанскаго ветеринарнаго института, *Алексеевъ*—съ 22-го сентября 1897 г., по сте-

пени ветеринара; учителя городскихъ училищъ: Астраханскаго 2-го четырехкласснаго, *Рябовъ*—съ 7-го сентября 1896 г., Самарскаго шестикласснаго, коллежскій регистраторъ *Выровъ*—съ 7-го сентября 1897 г., Петровскаго четырехкласснаго, *Тихомировъ*—съ 7-го октября 1896 г., Царевосанчурскаго трехкласснаго, *Холоповъ*—съ 1-го августа 1897 г., Бузулукскаго трехкласснаго, *Гориснинъ*—съ 7-го марта 1897 г., Спасскаго двухкласснаго, *Рафаиловъ*—съ 27-го ноября 1897 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Самарской гимназій *Соколовъ*—съ 11-го декабря 1897 г.; *убернскаго секретаря*: учителя уѣздныхъ училищъ, Тетюшскаго: *Дубовицевъ*—съ 17-го іюня 1895 г., *Занковскій*—съ 14-го октября 1897 г. и Цивильскаго, *Пославскій*—съ 17-го сентября 1897 г.; *коллежскаго регистратора*: домашніе учителя: *Говорухинъ*—съ 13-го ноября 1901 г. и *Селюковъ*—съ 24-го ноября 1901 г.

По Оренбургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: инспекторъ Златоустовскаго ремесленнаго училища *Ледисъ*—съ 8-го августа 1899 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Пермской губерніи *Малышевъ*—съ 15-го августа 1900 г.; преподаватели: Уральской [женской гимназій, *Бабкинъ*—съ 26-го августа 1901 г., Уральского реального училища, *Латышевъ*—съ 13-го августа 1901 г.; учитель-инспекторъ Красноуфимскаго городского училища *Постниковъ*—съ 1-го іюля 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель-инспекторъ Златоустовскаго городского училища, *Быковъ*—съ 27-го іюля 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: Верхотурскаго, *Пастуховъ*—съ 16-го сентября 1894 г., Белебеевскаго: *Артемовъ*—съ 29-го января 1899 г. и *Сузарьковъ*—съ 19-го сентября 1900 г., Шадринскаго, *Златинъ*—съ 10-го іюля 1900 г., Пермскаго, *Поповъ*—съ 24-го октября 1901 г.; почетный смотритель Верхнеуральскаго городского училища, *Цвѣтковъ*—съ 20-го апрѣля 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: помощникъ классныхъ наставниковъ Пермской гимназій *Поповъ*—съ 18-го февраля 1899 г.; учитель Шадринскаго городского училища, *Моктейкинъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *убернскіе секретари*, учитель рисованія и чистописанія Шадринскаго городского училища *Лукаисвичъ*—съ 3-го октября 1899 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель-завѣдывающій оренбургскимъ 5-мъ мужскимъ приходскимъ училищемъ *Серебряковъ*—съ 12-го февраля 1882 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, преподаватели: Уфимской гимназій, *Шляевъ*—съ 10-го іюня

1897 г., Ирбитской женской прогимназіи, *Носковъ*—съ 14-го октября 1897 г.

(10-го апрѣля 1902 года, № 24). *Утверждаются* дѣйствительные статскіе совѣтники: *Малами* и *Шубинъ*—вновь, почетными попечителями: первый—Екатеринодарской гимназіи, а второй—Вятскаго Александровскаго ремесленнаго училища, оба, согласно избранію на три года.

(12-го апрѣля 1902 года, № 26). *Увольняется*, согласно прошенію, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторъ, тайный совѣтникъ *Млыцаниновъ* отъ должности товарища министра, съ 11-го апрѣля, съ оставленіемъ его въ званіи сенатора.

(19-го апрѣля 1902 года, № 27). По Рижскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа *Прошляковъ*—съ 31-го марта 1901 г.; сверхштатный доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института *Неготинъ*—съ 20-го октября 1901 г.; учитель Рижскаго городского реальнаго училища *Кундферъ*—съ 1-го января 1902 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа *Тихомировъ*—съ 26-го февраля 1901 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Юрьевскаго реальнаго училища *Кузнецовъ*—съ 18-го августа 1901 г.; доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института *Давидъ*—съ 1-го декабря 1900 г.; ассистентъ при поликлиникѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Коттелъ*—съ 1-го октября 1901 г.; учителя: Рижской Ломоносовской женской гимназіи, *Шервинскій*—съ 7-го декабря 1899 г., Ревельской Александровской, *Ходзицкій*—съ 1-го января 1902 г., Либавскаго реальнаго училища, *Бастенъ*—съ 10-го іюля 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: учителя: Рижской Александровской гимназіи, *Соколовъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Полангенской мужской четырехклассной прогимназіи, *Воскресенскій*—съ 10-го марта 1901 г., Рижскаго городского шестикласснаго женскаго училища, *Люцелливабъ*—съ 16-го іюля 1896 г.; сверхштатный преподаватель Юрьевскаго реальнаго училища *Грассъ*—съ 10-го января 1900 г.; врачъ Юрьевскаго четырехкласснаго городского училища *Кемсетъ*—съ 15-го октября 1900 г.; учитель Александровскаго эстонскаго трехкласснаго городского училища *Рійкманъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: преподаватель Либавскаго реальнаго училища *Фрейбергъ*—съ 19-го мая 1901 г.; врачъ Александровскаго эстонскаго городского училища *Уттъ*—съ 18-го октября 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Ревельской Александров-

ской гимназіи, *Протасовъ*—съ 1-го августа 1901 г., Либаускаго реального училища, *Стурестене* (онъ же Стурить)—съ 1-го сентября 1901 г.; учителя: Фридрихштадтскаго городского училища Императора Александра II, *Везисъ*—съ 1-го августа 1901 г., приготовительнаго класса Либаускаго реального училища, *Василевскій*—съ 15-го октября 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: помощники классныхъ наставниковъ: Рижскихъ: Александровской гимназіи, *Перепискинъ*—съ 1-го марта 1900 г., реального училища Императора Петра I, *Вершинскій*—съ 20-го января 1900 г., Полангенской прогимназіи, *Замъ*—съ 27-го марта 1900 г.; учитель Феллинскаго городского училища *Талайко*—съ 1-го августа 1900 года.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: гимназій: Юрьевской, *Саже*—съ 1-го января 1897 г., Ревельской Александровской: *Гельдъ*—съ 10-го іюня 1897 г. и *Шаченко*—съ 1-го августа 1897 г., Рижской Ломоносовской женской, *Харламовъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; *титуллярнаго советника*, младшій учитель Рижскаго городского шестикласснаго женскаго училища *Рихтеръ*—съ 1-го іюля 1895 г.; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Либаускай Николаевской гимназіи *Тандеръ*—съ 1-го іюня 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Баускаго, *Бабакъ*—съ 26-го іюля 1895 г. и Рижскаго Петропавловскаго, *Терещенко*—съ 1-го октября 1897 года.

По Варшавскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Соколовъ*—со 2-го ноября 1901 г., Лодзинской, *Тарасовъ*—съ 1-го августа 1901 г., Ченстоховской, *Михальскій*—съ 15-го сентября 1901 г., Люблинской: *Еленевскій*—съ 1-го октября 1901 г., *Лонацинскій*—съ 1-го августа 1901 г. и *Мюллеръ*—съ 1-го августа 1900 г., Холмской, *Зубовскій*—съ 30-го октября 1901 г., Плоцкой, *Рутскій*—съ 13-го августа 1901 г., Варшавской 1-й женской гимназіи, *Трубицынъ*—съ 1-го августа 1901 г. и бывшіе учителя, нынѣ въ отставкѣ: Холмской мужской гимназіи, *Свидерскій*—съ 1-го октября 1901 г. и Сѣницкой учительской семинаріи, *Адамецъ*—съ 5-го сентября 1893 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: инспекторы народныхъ училищъ: Калишской губерніи, *Васкевичъ*—съ 1-го октября 1900 г. и Люблинской губерніи, *Томашевскій*—съ 1-го октября 1900 г.; начальникъ отдѣленія канцеляріи попечителя *Степановъ*—съ 16-го февраля 1902 г.; инспекторъ-руководитель Холмской учительской семинаріи *Дурденевскій*—съ 1-го августа 1901 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Срътенскій*—

съ 26-го сентября 1901 г., Варшавской 2-й, *Покровскій*—съ 23-го октября 1901 г., Варшавской 6-й, *Тиминевъ*—съ 9-го октября 1901 г., Петроковской: *Жемийтисъ*—съ 1-го октября 1901 г. и *Корницъ*—съ 10-го іюля 1901 г., Варшавской 3-й женской, *Романовъ*—съ 1-го іюля 1900 г., Варшавскаго реального училища: сверхштатный, *Габиевичъ*—съ 26-го сентября 1901 г., *Домбровский* и *Ростовцевъ*, оба—съ 1-го сентября 1901 г. и штатный учитель Варшавскаго ремесленнаго училища имени М. Канарскаго *Павловскій*—съ 1-го сентября 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: преподаватель исправляющій должность инспектора Петроковской мужской гимназіи *Францевъ*—съ 1-го августа 1901 г.; дѣлопроизводитель канцеляріи попечителя *Сичинскій*—съ 14-го октября 1901 г.; штатный ординаторъ при офталмологической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Вабаласъ*—съ 20-го іюля 1901 г.; учитель Сандомирской мужской прогимназіи *Косоротовъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; штатные учителя: Вымыслинской учительской семинаріи, *Бакжановскій*—съ 1-го октября 1901 г. и Варшавскаго шестикласснаго городского училища, *Глуздовскій*—съ 13-го февраля 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 1-й мужской гимназіи *Пулуевскій*—съ 1-го января 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: инспекторъ Пултуской мужской прогимназіи *Линкевичъ*—съ 18-го августа 1888 г.; инспекторы народныхъ училищъ Варшавской губерніи: *Давидовъ*—съ 17-го сентября 1901 г. и *Русановъ*—съ 1-го ноября 1901 г.; исправляющій должность прозектора Варшавскаго ветеринарнаго института *Раевскій*—съ 20-го октября 1900 г.; учителя: Ченстоховской мужской гимназіи, *Волынскій*—съ 24-го сентября 1901 г., Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища, *Кувшиновъ*—съ 1-го августа 1901 г., Сосновицкаго реального училища, *Шахъ*—съ 1-го октября 1900 г., Варшавской 2-й мужской прогимназіи, *Прокоповичъ*—съ 28-го іюня 1901 г., Ломжинской женской гимназіи, *Промысловъ*—съ 13-го октября 1901 г.; учитель-инспекторъ Варшавскаго шестикласснаго городского училища *Романенко*—съ 1-го августа 1899 г.; лаборантъ фармаціи Варшавскаго ветеринарнаго института *Жултовскій*—съ 1-го сентября 1900 г. и штатный учитель Варшавской учительской семинаріи *Кладимовъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: учителя: Варшавской 6-й мужской гимназіи, *Истребовъ*—съ 25-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Варшавскаго, *Туголтовъ*—съ 1-го ноября 1899 г. и Сосновицкаго, *Утке*—съ 30-го октября 1900 г., Грубешовской прогимназіи, *Васильевъ*—съ 20-го

января 1900 г.; штатные учителя: Петроковской женской гимназій, *Блиновскій*—съ 1-го сентября 1901 г., Солецкой учительской семинаріи, *Бѣликовичъ*—съ 1-го марта 1899 г.; учитель-завѣдывающій Ленчицкимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Жежеринъ*—съ 1-го августа 1899 г.; штатные учителя Варшавскихъ городскихъ училищъ: шестикласснаго, *Поюртльскій-Перелудъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и четырехкласснаго, *Макаровъ*—съ 15-го сентября 1895 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Варшавскаго, *Янушевичъ*—съ 1-го января 1900 г. и Сосновицкаго, *Примо*—съ 16-го сентября 1898 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: дѣлопроизводитель капцеляріи попечителя *Москвинъ*—съ 4-го ноября 1901 г.; учитель Петроковской мужской гимназій *Земинскій*—съ 1-го октября 1897 г.; штатный учитель Андреевской учительской семинаріи *Воскресенскій*—съ 1-го сентября 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, бывший помощникъ учителя, нынѣ сверхштатный учитель Варшавскаго 1-го трехкласснаго городского училища *Яроуцъ*—съ 13-го декабря 1897 года.

Утврждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: управляющій Варшавскою школою садоводства при помологическомъ садѣ *Королько*—съ 21-го сентября 1897 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Замотинъ*—съ 1-го августа 1897 г., Кѣлецкой, *Сеиди*—съ 1-го сентября 1896 г., Сѣдлецкой, *Соловьевъ*—съ 23-го сентября 1897 г., Сувалкской, *Доминскій*—съ 1-го сентября 1897 г. и Варшавскаго реального училища, *Добровольскій*—съ 1-го сентября 1896 г.; *коллежскаго секретаря*: управляющій имѣніемъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Кравковъ*—съ 1-го сентября 1901 г., ассистенты того же института при каюдрахъ: органической химіи и сельско-хозяйственнаго химическаго анализа, *Арбузовъ*—съ 1-го декабря 1900 г., неорганической химіи, *Колоколовъ*—съ 1-го февраля 1893 г., физики и метеорологіи, (исправляющій должность) *Сачукъ*—съ 1-го января 1901 г., химіи, *Семеновъ*—съ 1-го октября 1889 г., ботаники, *Софроновъ*—съ 11-го ноября 1893 г. и зоотехніи, *Устьянцевъ*—съ 1-го февраля 1899 г., сверхштатный учитель Варшавскаго реального училища *Сулоевскій*—съ 21-го мая 1897 г., изъ нихъ: Кравковъ и Арбузовъ, оба—по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета, Колоколовъ и Семеновъ, оба—по степени кандидата, Сачукъ, Софроновъ и Устьянцевъ, всѣ трое—по званію агронома I разряда; штатные учителя Варшавскаго шестикласснаго городского училища: *Троицкій*—съ 21-го сен-

тября 1897 г. и *Цвирко*—съ 1-го октября 1897 г.; *коллежскаго ре-вистратора*, учитель рисованія Калишской мужской гимназій *Вла-совъ*—съ 1-го января 1894 года.

(24-го апрѣля 1902 года, № 29). *Назначаются*: директоръ народ-ныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Латълицевъ* — помощникомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа; дѣлопроизводитель VI класса департамента народ-наго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Ковалевскій* — дѣлопроизводи-телемъ V класса того же департамента; экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: докторъ медицины, на-дворный совѣтникъ *Гутниковъ* и докторъ всеобщей исторіи *Петру-шевскій*—ординарными профессорами того же университета, по каео-драмъ: первый—общей и врачебной діагностики, а второй—всеобщей исторіи; исправляющіе должность экстраординарнаго профессора Импе-раторскаго Харьковскаго университета: докторъ финалсоваго права *Мишулинъ* и докторъ прикладной математики *Стекловъ*—ординарными профессорами того же университета, по каеодрамъ: первый—финал-соваго права, а второй—механики; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Крыжановскій*—инспекторомъ студентовъ того же университета; по-мощникъ управляющаго дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учите-лей и учительницъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія, коллеж-скій совѣтникъ *Брижениковъ*—дѣлопроизводителемъ VI класса названнаго департамента; отставной лейтенантъ гвардейскаго экипажа *Величко*—почетнымъ попечителемъ С.-Петербургскаго низшаго химико-техниче-скаго училища, на три года, съ 1-го января.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ильинъ* — вновь, почетнымъ попечителемъ Моршанскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года; коллежскій ассессоръ *Меморскій* и лѣкарь, коллежскій ассессоръ *Ростовцевъ*—почетными попечителями: первый—Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища, а вто-рой—Лебедянской прогимназій, оба, согласно избранію, на три года.

Назначаются: заслуженный преподаватель, исполняющій обязан-ности инспектора Виленской второй гимназій, статскій совѣтникъ *Бельмовскій*—директоромъ Мозырской прогимназій; библіотекаръ Том-скаго технологическаго института Императора Николая II, статскій совѣтникъ *Водяниковъ*—директоромъ Омской учительской семинаріи; преподаватель Виленскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Добрлянскій* — председателемъ Виленскихъ комиссій по разбору и

изданію древнихъ актовъ и по устройству Виленской публичной библіотеки съ состоящимъ при ней музеемъ.

Утверждается надворный совѣтникъ *Метелевъ*—вновь, почетнымъ попечителемъ Азовской прогимназіи, согласно избранію, на три года.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: предсѣдатель Виленскихъ комиссій по разбору и изданію древнихъ актовъ и по устройству Виленской публичной библіотеки съ состоящимъ при ней музеемъ, магистръ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крачковскій*; ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, докторъ греческой словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Добіашъ*, за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

По Кавказскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: директоръ Кубанской учительской семинаріи *Мельниковъ-Разведенковъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; инспекторъ Ставропольской мужской гимназіи *Котылевскій*—съ 16-го января 1902 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора, Шушинскаго реальнаго училища *Успенскій*—съ 25-го ноября 1901 г.; преподаватель Екатеринбургской городской въ гор. Екатеринодарѣ женской гимназіи *Семеновъ*—съ 30-го августа 1901 г.; учитель Екатеринбургской мужской гимназіи *Борчевскій*—съ 1-го августа 1901 г., учитель Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Олимпиади*—со 2-го сентября 1901 г.; преподаватель Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи *Лосковъ*—съ 28-го октября 1901 г.; учитель Эриванской гимназіи *Тарданъ*—съ 28-го сентября 1901 г. и учитель Кутаисской мужской гимназіи *Глушаковъ*—съ 14-го сентября 1901 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: учитель Екатеринбургской городской мужской гимназіи *Ларионовъ*—со 2-го сентября 1901 г.; учитель-воспитатель Александровскаго учительскаго института *Апаньевъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учитель Тифлисской 3-й женской гимназіи *Качанъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; учитель Закавказской учительской семинаріи *Кочарлиевскій*—съ 7-го ноября 1901 г.; учителя Бакинскаго реальнаго училища: *Лорджипанидзе*—съ 1-го сентября 1901 г., *Даниловъ*—съ 17-го октября 1901 г. и *Самойловъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; врачъ Ейскаго реальнаго училища *Зенкевичъ*—съ 12-го сентября 1901 г.; сверхштатный учитель Тифлисской 3-й мужской гимназіи *Такайшвили*—съ 1-го сентября 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: сверхштатный учитель городского при Але-

Александровскомъ учительскомъ институтѣ училища *Фатьяновъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; учитель Кутаисской гимназіи *Шуваевъ*—съ 5-го сентября 1900 г.; учитель Бакинскаго реального училища *Строишкевичъ*—съ 1-го октября 1900 г. и помощникъ воспитателя пансіона того же училища *Агафоновъ*—съ 10-го октября 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощники классныхъ наставниковъ: Эриванской мужской гимназіи *Сыроваткинъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; Владикавказскаго реального училища, *Кадіевъ*—съ 1-го сентября 1901 г. и помощникъ воспитателя пансіона того же училища *Шмидтъ*—съ 15-го августа 1901 г.; бывший врачъ Майкопскаго Александровскаго трехкласснаго городского училища *Соловьевъ*—съ 4-го мая 1898 г.; врачъ Анапскаго трехкласснаго городского училища *Куликъ*—съ 8-го января 1899 г.; учитель Ейскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Суворовъ*—съ 14-го іюня 1900 г.; учитель-завѣдующій Лабинскимъ Александровскимъ двухкласснымъ училищемъ *Андреевъ*—съ 6-го декабря 1899 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель армавирскаго Александровскаго двухкласснаго начальнаго училища *Зиневичъ*—съ 5-го марта 1899 г.; помощники воспитателя пансіоновъ: Эриванской гимназіи, *Фотиновъ*—съ 9-го февраля 1899 г., Бакинскаго реального училища, *Григорьевъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; смотритель Новороссійскаго однокласнаго начальнаго училища *Самойловъ*—съ 19-го іюля 1898 г.; исправляющій должность писмоводителя дирекціи народныхъ училищъ Терской области *Панкратовъ*—съ 20-го августа 1901 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго начальнаго училища *Бетафуро*—съ 15-го января 1897 г.; учитель общеобразовательнаго класса Майкопскаго низшаго механико-техническаго училища Императора Александра III *Дьяконовъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, помощникъ учителя Ейскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Микаберидзе*—съ 31-го августа 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель Тихорѣцкаго станичнаго двухкласснаго училища *Кривчинъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель Кавказскаго двухкласснаго станичнаго училища *Астеевъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель завѣдующій Новолабинскимъ Александро-Николаевскимъ двухкласснымъ училищемъ *Иноземцевъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель Кизляковскаго станичнаго училища *Луговской*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель завѣдующій Мингрельскимъ двухкласснымъ училищемъ *Шрамъ*—съ

1-го августа 1900 г.; учитель-завѣдующій Славянскимъ двухкласснымъ училищемъ *Почуляевъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учителя: Старокорсунскаго двухкласснаго училища, *Селево*—съ 1-го августа 1900 г.; Неберджаевскаго станичнаго училища, *Шамро*—съ 1-го августа 1900 г., Ахтанизовскаго станичнаго училища, *Масликовъ*—съ 1-го августа 1901 г., Келермесскаго двухкласснаго училища, *Дижій*—съ 1-го августа 1900 г., Расшеватскаго двухкласснаго училища, *Горловъ*—съ 1-го августа 1899 г., Суворовскаго двухкласснаго училища, *Ивановъ*—съ 1-го августа 1900 г., Новопокровскаго двухкласснаго училища, *Баклановъ*—съ 1-го августа 1901 г., Уманскаго двухкласснаго училища, *Потановъ*—съ 1-го августа 1901 г., Кореновскаго двухкласснаго училища, *Зозуля*—съ 1-го августа 1901 г., Дмитріевскаго однокласснаго училища, *Целякусъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учителя-завѣдующіе: Бѣлорѣченскимъ двухкласснымъ училищемъ, *Чалениковъ*—съ 1-го августа 1901 г., Сунженскимъ станичнымъ училищемъ, *Пятирублевъ*—съ 12-го іюня 1897 г.; учителя-завѣдующіе: Гастогаевскимъ двухкласснымъ училищемъ, *Паньковъ*—съ 5-го сентября 1898 г., 4-мъ Екатеринодарскимъ городскимъ начальнымъ училищемъ, *Соколовъ*—съ 16-го марта 1900 г., Ахтырскимъ двухкласснымъ училищемъ, *Ширай*—съ 1-го августа 1889 г.; учителя: 5-го Екатеринодарскаго городского начальнаго училища, *Семейкинъ*—съ 14-го ноября 1897 г., Курчанскаго станичнаго училища, *Чиринъ*—съ 1-го августа 1900 г., Динскаго станичнаго училища, *Качуровъ*—съ 10-го января 1900 г.; учитель-завѣдующій 1-мъ Екатеринодарскимъ городскимъ начальнымъ училищемъ *Звороно*—съ 1-го сентября 1893 г.; учителя: Натухайскаго станичнаго училища, *Шелестъ*—съ 20-го декабря 1901 г., 1-го Новоджереліевскаго станичнаго училища, *Московский*—съ 15-го августа 1891 г., Новомышастовскаго двухкласснаго училища, *Козинецъ*—съ 20-го сентября 1895 г., Староджереліевскаго станичнаго училища, *Лисицынъ*—съ 15-го ноября 1874 г., 2-го Сѣвернаго станичнаго училища, *Абрамовичъ*—съ 1-го января 1889 г., Пморетинскаго станичнаго училища, *Ширай*—съ 25-го ноября 1898 г., учитель-завѣдующій Некрасовскимъ двухкласснымъ училищемъ *Колтуновъ*—съ 1-го декабря 1901 г.; учитель Баракаевскаго станичнаго училища *Трубачевъ*—съ 28-го марта 1893 г.; учитель Расшеватскаго двухкласснаго училища *Григорьевъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учитель Владимірскаго однокласснаго училища *Николасевъ*—съ 1-го августа 1899 г.; учителя: Воровсколѣскаго двухкласснаго училища, *Дубковъ*—съ 1-го августа 1897 г., Ловско-зеленчукскаго сельскаго пор-

мальнаго училища, *Дыбецъ*—съ 1-го января 1895 г., Медвѣдовскаго двухкласснаго училища, *Прасоловъ*—съ 20-го августа 1901 г., Новоминскаго двухкласснаго училища, *Добровъ*—съ 6-го сентября 1896 г., учитель-завѣдующій Должанскимъ двухкласснымъ училищемъ *Феськовъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; учитель Армавирскаго двухкласснаго училища *Милевскій*—съ 1-го сентября 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учитель Бакинскій Императора Александра III мужской гимназіи *Базъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; учителя: Тифлисскаго 3-й женской гимназіи, *Гаусманъ*—съ 17-го января 1897 г., Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища *Яременко*—съ 1-го сентября 1897 г.; преподаватель Пятигорскій прогимназіи *Церетели*—съ 9-го августа 1897 г.; учителя: Тифлисскаго 1-й Великой Княгини Ольги Θεодоровны женской гимназіи, *Сибирцевъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; Ейской женской гимназіи, *Марковъ*—съ 10-го іюня 1897 г., Бакинскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, *Амосовъ*—съ 10-го сентября 1897 г., Владикавказскаго реальнаго училища: *Горячкинъ*—съ 20-го августа 1897 г., *Готуа*—съ 1-го августа 1897 г., Кутаисскій мужской гимназіи, *Сапарадзе*—съ 25-го сентября 1897 г.; наставникъ Эриванскій учительской семинаріи *Зааловъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; учитель Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, *Мучканскій*—съ 21-го сентября 1897 г.; *титულлярнаго советника*: учитель завѣдующій Поворосіійскою ремесленною школою *Кизиловъ*—со 2-го сентября 1897 г.; врачъ Екатеринодарскій низшей ремесленной школы *Орловъ*—съ 21-го января 1898 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатные учителя Майкопскаго Александровскаго трехкласснаго городского училища: *Хаостовъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и *Тедешвили*—съ 1-го сентября 1896 г.; учитель городского при Александровскомъ учительскомъ институтѣ училища *Володько*—съ 1-го сентября 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Новороссійской мужской гимназіи *Лысенко*—съ 18-го октября 1897 г.; бывший смотритель Душетско-Тіонетскаго двухкласснаго начальнаго училища *Сурнаковъ*—съ 22-го сентября 1895 г.; помощникъ воспитателя пансіона Бакинскаго реальнаго училища *Юницкій*—съ 1-го сентября 1897 г.; *убернскаго секретаря*, учитель пригготовительнаго класса Кутаисскій мужской гимназіи *Джемарджидзе*—съ 8-го августа 1897 г.

По управленію учебными заведеніями въ Туркестанскомъ краѣ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ

въ *статскіе совѣтники*, воспитатель пансіона Вѣрненской гимназіи *Никольскій* — съ 1-го іюля 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели: Ташкентской гимназіи, *Биркенмаль* — съ 5-го января 1901 г. и *Казинъ* — съ 15-го іюня 1901 г., Ташкентскаго реального училища, *Гречаниновъ* — съ 15-го іюля 1901 г. и учитель общеобразовательныхъ предметовъ Ташкентскаго ремесленнаго училища *Левинскій* — съ 1-го сентября 1897 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ: Ташкентской гимназіи, *Васильевъ* и Вѣрненской гимназіи, *Шнейдеръ*, оба — съ 1-го сентября 1901 г.; учитель Пржевальскаго городского училища *Куценко* — съ 15-го октября 1899 г.; учитель-завѣдывающій Лепсинскимъ городскимъ училищемъ *Прокудинъ* — съ 1-го іюля 1899 г. и бухгалтеръ управленія учебными заведеніями *Сперанскій* — съ 1-го января 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, учитель-инспекторъ Пржевальскаго городского училища *Яковлевъ* — съ 9-го сентября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ: Ташкентскаго реального училища, *Шефферлингъ* — съ 1-го августа 1899 г. и Асхабадской мужской прогимназіи, *Соболевъ* — съ 1-го сентября 1899 г. и учитель Туркестанскаго городского училища *Грюнбертъ* — съ 22-го августа 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *убертскіе секретари*: учителя-завѣдывающіе русско-туземными училищами: 1-мъ Ташкентскимъ, *Обычевъ* — съ 1-го августа 1900 г. и Казалинскимъ, *Букинъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; учителя-завѣдывающіе приходскими училищами: Грозненскимъ, *Буровъ* — съ 1-го сентября 1900 г., Тополевскимъ, *Денягинъ* — съ 31-го августа 1898 г., Любовинскимъ, *Кудринъ* — съ 1-го іюля 1899 г., Бѣловодскимъ, *Прокудинъ* — съ 8-го іюля 1898 г., Захарьевскимъ, *Полетаевъ* — съ 18-го августа 1898 г. и Илійскимъ, *Толмачевъ* — съ 1-го іюня 1897 г.; помощникъ учителя Вѣрненскаго городского училища *Аксеновъ* — съ 1-го іюля 1898 г. и письмоводитель Ташкентскаго реального училища *Минковичъ* — съ 17-го августа 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя-завѣдывающіе приходскими училищами: Арасанскимъ, *Зусевъ* — съ 21-го іюня 1896 г., Головачевскимъ, *Ульямовъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) — съ 1-го сентября 1900 г., Покронскимъ, *Никулитъ* — съ 1-го августа 1899 г., Ключевскимъ, *Шаровъ* — съ 15-го августа 1899 г.; бывшій учитель приходскаго училища, нынѣ помощникъ учителя Маргеланскаго городского училища *Тузиковъ* — съ 17-го декабря 1899 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора:* преподаватель Асхабадской мужской прогимназіи *Волковъ* — съ 10-го іюня 1897 г.; учитель чистописанія и рисованія Маргеланской мужской прогимназіи, губернской секретарь *Маджи* — съ 12-го марта 1896 г.; *титულлярнаго советника,* руководитель слесарныхъ работъ Ташкентскаго ремесленнаго училища *Шестопаловъ* — съ 1-го іюля 1896 г.; *коллежскаго секретаря:* учителя городскихъ училищъ: Маргеланскаго четырехкласснаго, *Ващенко*—съ 1-го сентября 1897 г. и Копальскаго двухкласснаго, *Соколовъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; надзиратель Ташкентскаго ремесленнаго училища *Каценельсонъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; смотрители-учителя: Кизиль-Арватскаго двухкласснаго железнодорожнаго училища *Образцовъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Казанджикскаго двухкласснаго железнодорожнаго училища, *Пебадзе*—съ 15-го апрѣля 1896 г.; сверхштатные учителя Асхабадскаго городского училища: *Быковъ* — съ 1-го сентября 1898 г. и князь *Навлениовъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Маргеланской мужской прогимназіи *Вьпорницкій* — съ 4-го октября 1896 г.; *губернскаго секретаря:* бывший помощникъ смотрителя-учителя Аму-Дарьинскаго двухкласснаго училища, нынѣ смотритель-учитель Крестовскаго двухкласснаго училища *Берзинъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; учитель приготовительнаго класса Асхабадской мужской прогимназіи *Эсмонтъ* — съ 1-го августа 1896 г.; помощникъ учителя-смотрителя Николаевскаго двухкласснаго училища *Штыревъ*—съ 24-го августа 1896 г.; *коллежскаго регистратора:* помощникъ учителя Пишпекскаго двухкласснаго городского училища *Засухинъ*—съ 11-го іюля 1896 г.; бывший помощникъ учителя, нынѣ учитель Ташкентскаго городского училища *Корюкинъ*—съ 15-го іюля 1896 г.

По управленію учебными заведеніями Иркутскаго генераль-губернаторства. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, въ *коллежскіе регистраторы:* учителя приходскихъ училищъ, Арейскаго, Енисейской губерніи, *Заорскій*—съ 15-го августа 1897 г. и Минусинскаго, той же губерніи, *Кибортъ*—съ 25-го августа 1895 г.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

2. (4-го—14-го марта, 1902 года, за № 7495). *О расширеніи матеріала для публичныхъ народныхъ чтеній.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія было передано ходатайство Псковскаго губернскаго комитета попечительства о народной

трезвости относительно принятія какихъ-либо мѣръ къ увеличенію числа доступныхъ пониманію простого народа какъ по своей формѣ, такъ и по содержанию, изданій, касающихся вліянія пьянства и вредныхъ его послѣдствій, а также всевозможныхъ другихъ общепользныхъ свѣдѣній изъ разныхъ областей науки и прикладныхъ знаній.

Особый отдѣлъ ученаго комитета, коему предложено было рассмотреть означенное ходатайство, по обсужденіи такового, признавъ возможнымъ, въ цѣляхъ расширенія матеріала для публичныхъ народныхъ чтеній, разрѣшить пользоваться на таковыхъ чтеніяхъ сочиненіями, поименованными въ каталогъ книгъ и періодическихъ изданій для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, но, примѣнительно ко второй части п. 2 Высочайше утвержденнаго 28-го января минувшаго года положенія комитета министровъ объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ, не иначе, какъ съ дозволенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мѣстныхъ директора или инспектора народныхъ училищъ, на обязанности коихъ лежало бы допускать или не допускать къ прочтенію въ данной аудиторіи тѣхъ или другія сочиненія (или же отрывки изъ нихъ) изъ числа значащихся въ выше-названномъ каталогѣ для читаленъ. При семъ особый отдѣлъ отмѣтилъ, что такое разрѣшеніе должно касаться исключительно лишь сочиненій, вошедшихъ въ издаваемый министерствомъ упомянутый „каталогъ“, или же значащихся въ книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (вышедшихъ послѣ изданія каталога) допущенными для читаленъ и ни въ какомъ случаѣ не сочиненій, допущенныхъ ученымъ комитетомъ въ одну какую-либо читальню, по отдѣльному ходатайству, въ качествѣ изданій пожертвованныхъ.

Соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета, увѣдомляю ваше превосходительство объ изложенномъ для зависящихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

3. (30-го марта 1902 года, за № 9927). *По вопросу о выдачѣ оканчивающимъ курсъ гимназій и реальныхъ училищъ и выразившимъ желаніе поступить въ Императорскую военно-медицинскую академію, кромѣ обычныхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ, особызъ свидѣтельствъ, отвечающихъ требованіямъ начальства академіи.*

Начальникъ Императорской военно-медицинской академіи, въ виду предстоящаго пріема въ академію воспитанниковъ реальныхъ училищъ, проситъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ оканчивающимъ курсъ реальныхъ училищъ свидѣтельствъ по однообразной формѣ, а равно

объ установленіи такого же однообразія для аттестатовъ зрѣлости, выдаваемыхъ абитуриентамъ гимназій, и при этомъ указалъ, какія именно свѣдѣнія желательно включить въ означенныя свидѣтельства и аттестаты.

Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что въ числѣ этихъ свѣдѣній значатся такія, которыя обыкновенно не помѣщаются въ предложенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія формахъ свидѣтельствъ объ окончаніи семи классовъ реальнаго училища и аттестатовъ зрѣлости, а именно свѣдѣнія о томъ, уроженцемъ какой губерніи состоитъ абитуриентъ, какую должность занимаетъ или занималъ его отецъ и въ какихъ классахъ и по какой причинѣ оставался абитуриентъ на повторительный курсъ, я прошу ваше превосходительство предложить педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній въѣреннаго вамъ округа 1) при выдачѣ окончившимъ курсъ 7 классовъ реальныхъ училищъ и 8 классовъ гимназій свидѣтельствъ и аттестатовъ въ точности руководствоваться предложенными министерствомъ народнаго просвѣщенія на сей предметъ формами и 2) выдавать абитуриентамъ реальныхъ училищъ и гимназій, изъявившимъ желанію поступить въ Императорскую военно-медицинскую академію, кромѣ обычныхъ свидѣтельствъ, еще особыя свидѣтельства, въ которыхъ должны быть указываемы упомянутыя дополнительныя свѣдѣнія.

4. (31-го марта, 1902 года, за № 9829). *По вопросу о допущеніи лицъ домашняго образованія къ испытанію изъ курса тѣхъ или другихъ классовъ средняго учебнаго заведенія безъ соблюденія установленной правилами объ испытаніяхъ послѣдовательности.*

Разсмотрѣвъ доставленные начальствами учебныхъ округовъ отзывы на циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 31-го мая 1901 года за № 14194 по вопросу о допущеніи лицъ домашняго образованія къ испытанію изъ курса тѣхъ или другихъ классовъ, безъ соблюденія извѣстной послѣдовательности, установленной правилами объ испытаніяхъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также мнѣніе по настоящему вопросу ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, я признаю возможнымъ допущеніе лицъ домашняго образованія къ испытаніямъ изъ курса нѣсколькихъ послѣдовательныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведе-

деній одновременно, съ тѣмъ, чтобы въ испытаніямъ за 2 старшихъ класса допускались лица, выдержавшія за годъ передъ тѣмъ испытаніе изъ курса предыдущаго младшаго класса, а въ испытаніямъ за три и даже четыре класса выдержавшія упомянутое испытаніе изъ курса младшаго класса два года тому назадъ.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, чтобы въ означеннымъ испытаніямъ не были допускаемы лица въ слишкомъ молодомъ возрастѣ. Въ виду сего, при допущеніи лицъ домашняго образованія въ одновременному испытанію изъ курса нѣсколькихъ классовъ педагогическимъ совѣтамъ надлежитъ руководствоваться тѣмъ расчетомъ, чтобы молодые люди могли подвергаться переходнымъ испытаніямъ въ соответствующемъ подлежащему классу возрастѣ, и, во всякомъ случаѣ, держать выпускное испытаніе при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ возрастѣ не моложе шестнадцати лѣтъ.

(Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія, присовокупляя, что настоящимъ циркулярнымъ предложеніемъ отменяется лишь установленная циркулярнымъ предложеніемъ министерства отъ 29-го января 1897 года за № 2517 обязательность для лицъ домашняго образованія, при ихъ ежегодныхъ испытаніяхъ, подвергаться таковымъ изъ курса одного слѣдующаго класса, во всемъ же остальномъ педагогическимъ совѣтамъ надлежитъ руководствоваться означеннымъ циркулярнымъ предложеніемъ за № 2517.

24-го апрѣля текущаго года, въ залѣ совѣта министра народнаго просвѣщенія, состоялось представленіе чиновъ центрального управленія министерства народнаго просвѣщенія вновь назначенному управляющему министерствомъ дѣйствительному статскому совѣтнику Зенгеру. По окончаніи представленія управляющій министерствомъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью слѣдующаго содержанія: «Вступивъ по Высочайшему повелѣнію въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, я засталъ чиновъ большинства центральныхъ учрежденій вѣдомства въ самомъ пылу той напряженной работы, ревностное выполненіе которой гг. служавшими засвидѣтельствовало въ прощальномъ приказѣ нашего высокочтимаго недавняго начальника и руководителя, генералъ-адъютанта Петра Семеновича Ванповскаго. Такая усиленная работа производится въ министерствѣ уже не первый годъ. Еще по-

койный министр Николай Павлович Боголѣповъ, которому принадлежитъ починъ преобразовательныхъ начинаній по учебному дѣлу, испросилъ въ 1899 году Высочайшее соизволеніе на учрежденіе особой комиссіи изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, призванной всесторонне обсудить установленный строй средней школы, выяснить его недостатки и намѣтить мѣры къ ихъ устраненію. Труды комиссіи, которою руководилъ лично тайный совѣтникъ Боголѣповъ, составили весьма богатый и цѣнный матеріалъ, напечатанный въ восьми томахъ. Труды эти легли въ основаніе проектовъ преобразованія гимназій и реальныхъ училищъ, разработанныхъ уже другою комиссіею подъ предѣлательствомъ тогдашняго попечителя кавказскаго учебнаго округа, нынѣ члена государственнаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. П. Яновскаго. Съ весны 1901 года подготовительныя работы къ пересмотру учебнаго строя среднихъ учебныхъ заведеній начались сызнова и, въ виду Высочайшаго рескрипта 25-го марта 1901 года на имя генералъ-адъютанта Ванновскаго, велись съ чрезвычайною энергіею. Соотвѣтственная комиссія, учрежденная тоже съ Высочайшаго соизволенія, закончила къ половинѣ іюня 1901 года свои занятія, выработавъ основныя положенія новаго типа средней общеобразовательной школы, и уже 11-го іюня 1901 года Государю Императору благоутодно было разрѣшить, чтобы въ видѣ временной мѣры на одинъ годъ были въ отступленіе отъ уставовъ произведены нѣкоторыя видоизмѣненія въ учебныхъ планахъ гимназій и реальныхъ училищъ. Упомянутыя основныя положенія были подвергнуты вторичному комиссіонному обсужденію осенью 1901 года, при участіи представителей другихъ вѣдомствъ, послѣ чего приступили къ выработкѣ новыхъ проектовъ реформы средней школы. Дѣятельность министерства по данному вопросу привела, стало бытъ, въ управленіе вѣдомствомъ генералъ-адъютанта Петра Семеновича Ванновскаго, къ тому, что составился столь же обильный и важный матеріалъ, какъ возникшій при Николаѣ Павловичѣ Боголѣповѣ. По всеподданнѣйшему докладу моему воснослѣдовало Высочайшее соизволеніе на то, чтобы и тѣ и другіе проекты преобразованія средней школы, т. е. и выработанные подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Боголѣпова и подготовленные генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ поступили на обсужденіе тѣхъ совѣщательныхъ органовъ, которымъ по закону предоставлено разсмотрѣніе дѣлъ, относящихся до внутренняго устройства учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе того, предстоитъ въ

ближайшемъ будущемъ исполнѣ свободное разсмотрѣніе означенныхъ проектовъ въ учебномъ комитетѣ министерства и затѣмъ въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія. Работа, возлагаемая такимъ образомъ на оба учрежденія, увеличится еще отъ того, что имъ же будутъ переданы на заключеніе отзывы педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній и почетельскихъ совѣтовъ о результатахъ произведеннаго въ истекающемъ учебномъ году опыта примѣненія предположеній, выработанныхъ въ половинѣ іюня 1901 года въ министерствѣ. На приведеніе подлежащимъ образомъ въ ясность результатовъ этого опыта мною тоже испрошено Высочайшее соизволеніе. Если принять, наконецъ, во вниманіе, что съ окончаніемъ пятнадцатаго учебнаго года истекаетъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 11-го іюня 1901 года о различныхъ измѣненіяхъ въ учебныхъ планахъ младшихъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, то нельзя не признать настоятельной необходимости безотлагательно озаботиться правильной постановкой вопроса объ устройствѣ учебной части среднихъ общеобразовательныхъ заведеній на предстоящій школьный годъ. Строго говоря, должно бы слова вступить въ силу тотъ порядокъ вещей, который указанъ въ законѣ. Но, по соображеніи фактическихъ обстоятельствъ, создавшихся въ школахъ, представляется необходимымъ установить въ ней и на будущій годъ временнаго устройства. Это временное устройство должно быть осуществлено съ наименьшими для нея потрясеніями, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ требованій и притомъ такъ, чтобы не подрѣшались конечные результаты реформы средней школы. Въ виду того, что министерство не въ правѣ допускать собственною властью отступленій отъ закона, а также въ виду разнообразныхъ техническихъ затрудненій, возникающихъ при разрѣшеніи указаннаго вопроса, я всеподданнѣйше испросилъ Высочайшее Государя Императора соизволеніе на образованіе комиссіи при участіи отъ cadaго учебнаго округа директора гимназій и директора реального училища для обсужденія наиболѣе цѣлесообразныхъ по сему поводу мѣропріятій. Предположенія комиссіи поступать также на разсмотрѣніе ученаго комитета и совѣта министра, а затѣмъ, при возможности внести ихъ на уваженіе государственнаго совѣта съ такимъ разчетомъ времени, чтобы они по одобреніи ихъ въ законодательномъ порядкѣ могли быть осуществлены въ подлежащихъ учебныхъ заведеніяхъ съ начала будущаго школьнаго года, предположенія эти будутъ непосредственно цо-

вергнуты мною на Высочайшее Еяо Императорскаго Воличества благовозрѣніе. Я одушевленъ надеждой, что всѣ учрежденія и лица, которыя будутъ призваны къ участию въ намѣченныхъ работахъ, отнесутся къ своей задачѣ съ тою же горячею преданностью къ дѣлу, каково дѣятельность министерства отличалась въ истекшіе годы. Я убѣжденъ также, что при предстоящемъ намъ изученіи весьма сложныхъ и важныхъ вопросовъ мы сумѣемъ сохранить полное безпристрастіе и тщательно использовать труды нашихъ предшественниковъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ залоговъ плодотворной разработки спорныхъ вопросовъ является уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ. Чѣмъ меньше притязательности и нетерпимости въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе настроеніе его приближается къ тому, при которомъ интуиціи истины способны воспринять ее. Въ частности разномысліе по школьнымъ вопросамъ не должно приводить къ взаимному отчужденію свѣдущихъ и добросовѣстныхъ людей. Совмѣстная работа роднитъ лицъ, присутствующихъ къ ней даже въ то время, когда они стояли на самыхъ различныхъ точкахъ зрѣнія, и это сближеніе особенно облегчается, когда у всѣхъ одна общая цѣль. Заботы министерства, направленные въ послѣдніе годы на пользу вышшаго промышленнаго и начального образованія, привели къ сосредоточенію въ центральномъ управленіи не менѣе обширныхъ матеріаловъ, нежели составившіеся по вопросамъ, которыя касаются средней общеобразовательной школы. Я буду имѣть поводъ особо высказаться о предполагаемомъ планѣ заимствій по каждой изъ названныхъ отраслей, а потому ограничусь пока замѣчаніемъ, что намъ и въ этихъ областяхъ предстоитъ неослабно работать. Кончаю тѣмъ пожеланіемъ, которое высказалъ уже раньше. Да сохранитъ насъ Богъ отъ высокомерія и односторонности. Но прибавлю теперь, да уберекетъ Онъ насъ также отъ угодливости шумливому задору легкомыслія. Наше дѣло высказать спокойно и безъ малодунія зрѣло обдуманное убѣжденіе по совѣсти и крайнему разумѣнію. Господь Богъ, Источникъ всякаго разумѣнія и Судья нашей совѣсти, да поможетъ намъ достигнуть цѣли, которую указываетъ намъ одинаковая у всѣхъ насъ любовь къ просвѣщенію, родинѣ и нашему Государю».

VI. ПОЛОЖЕНІЯ О СТИПЕНДІЯХЪ И ПРЕМІЯХЪ ПРИ ЗАВЕДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

14. (4-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени капитанъ-лейтенанта Николая Николаевича Лутовинова при Воронежскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *шесть тысячъ руб.*, завѣщаннаго капитанъ-лейтенантомъ Н. Н. Лутовиновымъ и составляющаго пыгѣ вмѣстѣ съ паросшими $\% \%$ 6.300 руб., учреждается при Воронежскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Воронежскаго реальнаго училища, и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Воронежскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% сбора въ казну, выдаются, по постановленію педагогическаго совѣта реальнаго училища, одному изъ его учениковъ, родственнику, хотя бы и дальнему, завѣщателя, а если такового родственника не окажется, то стипендія замѣщается дѣтьми бѣдныхъ дворянъ Землянскаго уѣзда Воронежской губерніи, по указанію Землянскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

§ 4. Если отъ могущихъ образоваться почему-либо остатковъ отъ процентовъ со стипендіального капитала составитъ сумма, процентовъ съ которой будетъ достаточно для платы за право ученія въ Воронежскомъ реальномъ училищѣ, то при семъ училищѣ учреждается новая стипендія, въ размѣрѣ платы за право ученія, на условіяхъ, опредѣленныхъ настоящимъ положеніемъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей по палагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (4-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени капитанъ-лейтенанта Николая Николаевича Лутовинова при Воронежской мужской гимназій.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *шесть тысячъ двести рублей*, завѣщаннаго капитанъ-лейтенантомъ Николаемъ Николаевичемъ

чемъ Лутовиновымъ, учреждается при Воронежской мужской гимназiи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Воронежскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Воронежской гимназiи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназiи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% сбора въ пользу казны, выдаются по постановленію педагогическаго совѣта гимназiи одному изъ ея учениковъ, родственнику завѣщателя, хотя бы и дальнему, если же такового не окажется, то одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназiи, изъ дѣтей дворянъ Землянскаго уѣзда Воронежской губерніи по указанію Землянскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

§ 4. Стипендіатъ, избранный по § 3 положенія, пользуется стипендіею до окончанія имъ курса гимназiи.

§ 5. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала могутъ быть выданы стипендіату, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, въ пособіе на обмундированіе или на поѣздку его въ высшее учебное заведеніе по окончаніи имъ курса въ гимназiи.

§ 6. Означенная стипендія удерживается при Воронежской гимназiи и въ случаѣ преобразованія ея въ учебное заведеніе другого типа, въ случаѣ же упраздненія Воронежской гимназiи, переводится въ одно изъ существующихъ въ гор. Воронежѣ среднихъ учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (9-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени директора азовско-донскою коммерческаго банка Аарона-Захаріи Яковлевича Лаве, при Александровскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго поволѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ поволѣній 5-го декабря 1885 года и 26-го мая 1897 года, при Александровскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени директора азовско-донскаго коммерческаго банка Аарона-Захаріи Яковлевича Лаве, на

счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб., собраннаго въ средѣ купцовъ и представителей торгово-промышленныхъ предпріятій города Александровска и колоніи Шензиве, Екатеринославской губерніи, по поводу состояннагося 30-го сентября 1901 года освященія собственнаго въ городѣ Александровскѣ здапія отдѣленія азовско-донскаго коммерческаго банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя и гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Александровскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Александровскаго четырехкласснаго городского училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда поприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, расходуются, по постановленію педагогическаго совѣта училища, на различныя нужды стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ, безъ различія вѣроисповѣданія, учениковъ младшаго класса, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ училища, по соглашенію съ г. Лесе.

§ 6. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей до полного окончанія курса въ училищѣ, но въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, педагогическому совѣту училища, по соглашенію съ г. Лесе, предоставляется право избрать другого стипендіата.

§ 7. Освободившійся послѣ ученика нехристіанскаго исповѣданія стипендія не можетъ быть подѣръядъ предоставляема ученику того же исповѣданія.

§ 8. Оставленіе стипендіата на второй годъ въ одномъ и томъ же отдѣленіи и классѣ не лишаетъ его права пользованія стипендіею, если переходъ его произошелъ по причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ уважительными.

§ 9. Могущіе образоваться, по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 10. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 11. Всѣ недоразумѣнія по означенной стипендіи разрѣшаются директоромъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи.

§ 12. Въ случаѣ преобразованія Александровскаго городского учи-

лица въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

17. (11-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіи московскаго биржевого общества имени коммерціи совѣтника Н. А. Найденова при реальномъ отдѣленіи мужского училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви свв. Петра и Павла въ Москвѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ четыре тысячи рублей, собраннаго въ средѣ торгующихъ при московской биржѣ лицъ и учреждений, учреждается при реальномъ отдѣленіи мужского училища при евангелическо-лютеранской церкви свв. Петра и Павла въ Москвѣ, стипендія подъ наименованіемъ „стипендія Московскаго биржевого общества имени коммерціи совѣтника Николая Александровича Найденова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 3½% закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, составляетъ неприкосновенную собственность названнаго училища и хранится въ числѣ его специальныхъ средствъ въ Московскоѣ конторѣ государственнаго банка; получаемыя съ сего капитала проценты употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата въ училищѣ.

§ 3. На такую стипендію помѣщаются приходящіе ученики училища недостаточнаго состоянія изъ дѣтей лицъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, христіанскаго вѣроисповѣданія, причѣмъ преимущественное право на занятіе стипендіи предоставляется дѣтямъ и внукамъ лицъ, состоящихъ или состоявшихъ маклерами при московской биржѣ, равно какъ принадлежащихъ къ купеческому сословію или происходящихъ изъ такового. Право замѣщенія стипендіи предоставляется пожизненно Н. А. Найденову, а затѣмъ Московскому биржевому комитету, съ соблюденіемъ вышеопрелѣленныхъ для того условий. Объ освобожденіи стипендіи каждый разъ сообщается училищнымъ начальствомъ своевременно биржевому комитету.

§ 4. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія или конвертированія ихъ, церковнымъ совѣтомъ приобрѣтаются, взамѣнъ оныхъ, такія государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, какія, по усмотрѣнію церковнаго совѣта, будутъ оказываться наиболѣе выгодными по приносимому имъ доходу.

§ 5. Могущіе образоваться, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или

по другимъ какимъ-либо причинамъ, остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

18. (15-го марта 1902 года). *Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени бывшаго управляющаго Ярославскою казенною палатою, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Сергѣевича Кропотова, при Ярославскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Ярославскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждаются три стипендіи имени бывшаго управляющаго Ярославскою казенною палатою, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Сергѣевича Кропотова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *пятьсотъ* рублей, собраннаго съ этой цѣлью по подпискѣ между почитателями М. С. Кропотова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе трехъ избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ городского училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, изъ дѣтей жителей гор. Ярославля.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Ярославскаго городского училища.

§ 6. Избранные стипендіаты пользуются стипендіями во все время обученія въ Ярославскомъ городскомъ училищѣ, но въ случаѣ малосупѣшности и неодобрительнаго поведенія, могутъ быть лишены стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Могущіе образоваться отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки выдаются въ видѣ единовременныхъ пособій стипендіатамъ на покупку учебныхъ пособій, платы, обуви и т. п.

§ 8. Пользованію стипендією не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Ярославскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣнію послѣдняго.

§ 10. Въ случаѣ же совершеннаго закрытія городского училища, капиталъ этотъ передается въ одно изъ начальныхъ городскихъ училищъ города Ярославля—мужское или женское, по усмотрѣнію начальства Московскаго учебнаго округа.

19. (16-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени надворнаго совѣтника Помпея Захаровича Лятушевича при Саранульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *четыре тысячи руб.*, завѣщаннаго вдовою надворнаго совѣтника Помпея Захаровича Лятушевичъ Марією Стенановною Лятушевичъ, учреждается при Саранульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени мужа завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Саранульскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ названнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, выдаются стипендіату, избираемому изъ достойнѣйшихъ по успѣхамъ и дѣйствительно нуждающихся учениковъ названнаго училища безъ различія классовъ, но только изъ числа уроженцевъ Нижнскаго завода.

§ 4. Право выбора стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Саранульскаго Алексѣевскаго реальнаго училища.

§ 5. Въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіата, по опредѣленію педагогическаго совѣта, можетъ быть лишенъ стипендіи. Равнымъ образомъ можетъ быть лишенъ стипендіи также и стипендіатъ, оставшійся по неуспѣхамъ въ наукахъ на другой годъ въ одномъ и томъ же классѣ, если только неуспѣшность его произошла не отъ болѣзни или не по другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Въ случаѣ упраздненія или преобразованія означеннаго реальнаго училища, стипендіальный капиталъ долженъ составлять собственность того учрежденія, которое, находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, будетъ или замѣнять Саранульское Алексѣевское реальное училище или вообще соотвѣтствовать образовательному характеру и типу сего заведенія.

§ 7. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи, вслѣдствіе незамѣненія ея или по какой-либо другой причинѣ, присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованію стипендіею не полагасть на стипендіата никакихъ обязательствъ.

20. (26-го марта 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени дочери коллежскаго совѣтника Екатерины Парфяцкой при Александрійской женской прогимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 г., при Александрійской женской прогимназіи учреждается стипендія имени дочери коллежскаго совѣтника Екатерины Парфяцкой, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго ею съ этою цѣлью капитала въ 1.000 рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ государственной 4% ренты, хранится въ Александрійскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ женской прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность прогимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взысканіе платы за ученію стипендіатки, приобрѣтенію учебныхъ пособій, одежды, обуви и т. п.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ, православнаго исповѣданія, ученицъ Александрійской женской прогимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и усердіемъ въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки, а равно и лишеніе ея стипендіи, въ случаѣ малоусердности или неодобрительнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту прогимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ про-

центровъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ послѣднему, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Александрійской женскойprogимназии въ другое какое-либо учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго для употребленія по назначенію.

21. (11-го апрѣля 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени доктора медицины, тайнаго совѣтника Александра Осиповича Односумова при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго университету св. Владиміра докторомъ медицины, тайнымъ совѣтникомъ Александромъ Осиповичемъ Односумовымъ, учреждается при университетѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ фондомъ для означенной стипендіи.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется въ количествѣ по мѣсяцъ 360 руб., но вычетъ изъ нихъ государственнаго налога, а потому проценты съ специального капитала не выдаются въ стипендію до тѣхъ поръ, пока капиталъ отъ приобщенія къ нему процентовъ не достигнетъ суммы, дающей дохода 360 руб. въ годъ.

§ 4. Стипендіатами имени Односумова могутъ быть наиболѣе нуждающіеся и способнѣйшіе студенты русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія, преимущественно изъ лицъ непривилегированнаго сословія.

§ 5. Назначеніе стипендіи производится правленіемъ университета на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 6. Могуціе образоваться отъ временнаго незыбленія стипендіи остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала приобщаются къ основному капиталу для увеличенія, изъ процентовъ съ нихъ, размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей имени Однумова не полагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

ХІІ. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допуститъ слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Изюсковъ, И. Краткій курсъ естественной исторіи. Изданіе 8-е. Казань. 1901. Стр. II+340+IV. Цѣна 1 р. 65 коп.“ (для женскихъ гимназій и прогимназій).

— „Иловайскій, Д. Краткіе очерки русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. Изд. 34-ое. М. 1901. Стр. 368+2 карты. Цѣна 1 р.“ (для старшихъ классовъ).

— „Иловайскій, Д. Руководство къ русской исторіи. Средній курсъ. Изд. 40-ое. М. 1901. Стр. 180. Цѣна 40 коп.“ (для тѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, гдѣ приходится краткій систематическій курсъ русской исторіи).

— „Киселевъ, А. 1) Систематическій курсъ ариметики. Изданіе 13-ое. М. 1902. Стр. V+237. Цѣна 75 коп.—2) Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 9-ое. М. 1902. Стр. VIII+304. Цѣна 1 р. 10 к.—3) Элементарная алгебра. Изданіе 12-ое. М. 1901. Стр. IV+312. Цѣна 1 р. 10 к. (Всѣ 3—изданія В. В. Думнова).“

— „Leder, A. Deutsche Grammatik. Etymologie, Orthographie und Syntax. Verlag von Ludwig Fischer. Lodz. 1901. Стр. 94. Цѣна въ перепл. 45 коп.“ (для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „Росманъ и Шмидтъ. Иллюстрированный курсъ французскаго языка по наглядному методу для 3 младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Хрестоматія. Грамматика. Словари. Подъ ред.

С. А. Манштейна обработали *А. Анниковъ* и *К. Бенуа*. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+240+77+173. Цѣна за 3 части въ папкѣ 1 р. 80 коп.“

— „*Ситъ, И.* Практическій курсъ нѣмецкаго языка по натуральному методу. 1-й курсъ. 1-й годъ обученія. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. IV+150. Цѣна 60 коп.“ (для употребленія при начальномъ преподаваніи нѣмецкаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ министерства, гдѣ преподается нѣмецкій языкъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Елпатьевскій, К.* Разказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+397. Цѣна 1 р. 30 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Мавалифъ, Б.* Систематическій сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Планиметрія. Изданіе В. В. Думпова. М. 1902. Стр. XI+106. Цѣна 40 коп.“

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аттенская, А.* Михаилъ Фарадей. Изданіе ред. журнала для дѣтей „Всходы“. С.-Пб. 1898. Стр. 138. Цѣна 25 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Библіотека сказокъ, собранныхъ братьями *Гриммъ*. Переводъ подъ ред. *А. А. Терешкевича*. 1) Средній возрастъ (для дѣтей 8—10 лѣтъ). Книжка III. Изданіе 2-е. М. 1900. Стр. 126.—Книжка IV. Изданіе 2-е. М. 1896. Стр. 127.—Книжка V. М. 1897. Стр. 127. Книжка VI. Изданіе 2-е. М. 1899. Стр. 127.—2) Старшій возрастъ (для дѣтей 10—11 лѣтъ). Книжка VII. Изданіе 2-е. М. 1902. Стр. 127.—Книжка VIII. М. 1898. Стр. 128.—Книжка IX. М. 1900. Стр. 128.—Книжка X. М. 1901. Стр. 127. (IV и V—изданія *А. Г. Кольчугина*, остальные—*М. В. Клюкина*). Цѣна каждой книжки 20 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Бремъ, А. Э.* Жизнь животныхъ. Иллюстрированное изданіе въ 10 томахъ. Переводъ подъ ред. *К. К. Сентъ-Илера*. Изданіе Т-ва «Общественная Польза» и К°. Т. I—III. Млекопитающія. Изданіе

2-е. С.-Пб. 1894—1897.—Т. IV—VI. Птицы. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1894—1897.—Т. VII. Просмыкающіяся.—Земноводныя. С.-Пб. 1895.—Т. VIII. Рыбы. С.-Пб. 1895.—Т. IX. Пасѣеомыя.—Многоногія.—Паукообразныя. С.-Пб. 1895.—Т. X. Ракообразныя.—Черви.—Моллюскообразныя.—Оболочники. — Моллюски. — Иголкожія. — Къшечнополостныя.—Простѣйшія. С.-Пб. 1896. Цѣна каждаго тома 6 руб.“ (въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Гейки, А. 1) Геологія. Переводъ *М. А. Антоновича*. Изданіе 2-е. Д. Г. Алексѣева. С.-Пб. 1902. Стр. 95. Цѣна 30 коп. — 2) Физическая географія. Переводъ *М. А. Антоновича*. Изданіе 2-е, Д. Г. Алексѣева. С.-Пб. 1902. Стр. 89. Цѣна 30 коп.“

— „Гоголь, Н. В. Письма. Редакція *В. И. Шенрока*. Въ 4 томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. С.-Пб. Цѣна за 4 тома 6 руб.“

— „Либровичъ, Сигизмундъ. Приготовишки и старшекласники. Воспоминанія изъ школьной жизни. С.-Пб. 1902. Стр. 136+II. Цѣна 60 коп.“ (для младшаго и средняго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Масевскій, Э. Докторъ Мухоловкинъ. Фантастическія приключенія въ мірѣ пасѣекомыхъ. (Переводъ съ польскаго *А. Ф. Доманской*). Части I и II въ одномъ томѣ. Изданіе редакціи журнала «Всходы». С.-Пб. 1899. Стр. 134+II+130+II. Цѣна 50 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Мамаевъ, П. И. Знакомство съ жизнью растений путемъ наблюденій и опытовъ. Изданіе магазина „Сотрудникъ школь“. М. 1900. Стр. 65. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Народныя сказки, собранныя братьями *Гуттманн*. Переводъ и изданіе *Ө. К. Андерсона*. С.-Пб. 1901. Стр. II+204. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 15 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній).

— „Пемировичъ-Дамченко, Вас. Нв. Подъ небомъ Африки. Путевыя впечатлѣнія въ садахъ Гесперидъ. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1901. Стр. 223. Цѣна 60 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Никольскій, А. М. 1) Пашн животныя. Очерки. М. 1902.

Стр. 96. Цѣна 50 коп.—2) Верблюдь. Очеркъ. М. 1902. Стр. 20. Цѣна 8 коп. (Объ—изданія М. В. Ключина)“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Опочинигъ, Е. А.* 1) Изъ давнихъ лѣтъ. Историческіе рассказы. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1902. Стр. 72. Цѣна 20 коп.—2) Въ деревнѣ и на охотѣ. Рассказы. (Библиотека „Дѣтскаго Чтенія“). М. 1902. Стр. 49. Цѣна 15 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Пименова, Э.* Море и его обитатели. {Составлено по Брэмю, Келлеру и друг. Изданіе редакціи журнала „Всходы“. С.-Пб. 1898. Стр. 204. Цѣна не обозначена“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Пукингъ, А. С.* Русалка. Фототипическіе снимки въ натуральную величину полной рукописи и черновыхъ листовъ драмы. Изданіе А. де-Бюнкуръ, подъ ред. Л. Бѣльскаго. Фототипія Павлова. М. 1901. Стр. XXXVI+10. Цѣна 3 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ въ награду).

— „*Ровальдъ, П., I. Фаульвассеръ, Т. Шварце, Г. Шурцъ и Г. Эбе.* Исторія и современная техника строительнаго искусства. Полный переводъ съ дополненіями В. В. Эвальда. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». (Промышленность и техника. Энциклопедія промышленныхъ знаній. Томъ I). С.-Пб. 1901. Стр. 693+XIV. Цѣна 5 руб.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Рождествинъ, А.* Жизнь и поэзія Пикитина. Казань. 1902. Стр. 56. Цѣна 35 коп.“ (для старшаго и средняго возрастовъ, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Скотакъ, А.* 1) Упражненія съ палками. Руководство для веденія гимнастическихъ упражненій въ учебныхъ заведеніяхъ. Тифлисъ. 1901. Стр. 123. Цѣна 50 коп.—2) Гимнастическія игры. Выпускъ I-й. Игры безъ снарядовъ. Тифлисъ 1898. Стр. 102. Цѣна не обозначена.“ (также въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Сосницкій, Аркадій*. Русская поэзія. Избранныя стихотворенія русскихъ поэтовъ съ біографическими и пояснительными примѣчаніями. 2-е изд., знач. дополн. М. 1902. Стр. XII+556. Цѣна 1 р. 50 к.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Эристъ, К. Ю.* Заиканіе, его причины и леченіе. Руководство къ искорененію заиканія, въ особенности для самостоятельнаго употребленія страдающаго. 2-е, пересм. и знач. дополн. изданіе. Изданіе лечебнаго заведенія для страдающихъ недостатками рѣчи Карла Юльевича Эриста. С.-Пб. 1901. Стр. XII+271. Цѣна не обозначена.“ (для старшаго возраста, а также и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Оловяшниковъ, И.* Начатки естествознанія. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1901. Стр. IV+343. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 к.“ (для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги устранены были указаные ученымъ комитетомъ недостатки).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Baumbach, Rudolf.* Frau Holde und anderes. Russische Schulausgabe von *M. Brunsneck.* (Deutsche Autoren. Band 7). Kiew. 1900. Стр. 97. Цѣна 45 коп.“ (для высшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги въ ней были помѣщены слова къ статьѣ «*Einleitendes zu Frau Holde*»).

— „*Gläser, Paul, und Ernst von Pezold.* Lehrbuch der deutschen Sprache für russische Schulen. Teil II. С.-Пб. 1902. Стр. 77. Цѣна 45 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы цѣна книги была понижена до 35 коп. и чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ книга была снабжена соответствующимъ русско-нѣмецкимъ словаремъ).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Иностранные поэты. Данте Алигьери. Біографическій очеркъ поэта съ приложеніемъ его стихотвореній. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1902. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министромъ, постановлено:

— Брошюру: „*Леше, Л.* Новые методы преподаванія иностранныхъ языковъ въ связи съ вопросомъ о наглядности при преподаваніи ихъ. (Опытъ психологическаго обоснованія этихъ методовъ). Кіевъ. 1901. Стр. 73. Цѣна 50 коп.“—признать заслуживающею особаго вниманія преподавателей иностранныхъ языковъ и допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Сиз, И.* Руководство къ первоначальному обученію нѣмецкому языку по натуральному методу. Для учащихся. 2-е изданіе. М. 1902. V+48. Цѣна 40 коп. Книжка разсылается бесплатно всѣмъ преподавателямъ и преподавательницамъ нѣмецкаго языка. Съ требованіями обращаться въ книжный магазинъ В. Думнова, Москва.“—допустить въ учительскія бібліотеки учебныхъ заведеній министерства, гдѣ преподается нѣмецкій языкъ.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ класному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Гуревичъ, О. Я.* Живая мораль или Сокровищница Талмудической этики. Вильна. 1901. Стр. VI+71. Цѣна 80 коп.“ (для начальныхъ еврейскихъ училищъ).

— „*Козьминъ, К.* Русская хрестоматія для среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Курсъ II. Изданіе 11-е, М. Д. Наумова. М. 1900. Стр. IV+351. Цѣна 75 коп.“ (для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „*Поповъ, Николай.* Начальное наставленіе въ Законъ Божіемъ. Краткіе рассказы о важнѣйшихъ событіяхъ Священной исторіи съ объясненіемъ заповѣдей Божіихъ, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о св. таинствахъ, о праздникахъ и постахъ, и церковныхъ пѣснопѣній. Символь православной вѣры съ объясненіемъ, избранныя молитвы съ наставленіемъ о молитвѣ и объясненіемъ, ученіе о храмѣ Божіемъ и о Божественной литургіи. Изданіе 8-е. Вятка. 1900. Стр. 178. Цѣна 30 коп.“

— „*Тавьсвъ, И.* 1) Гамехинъ, т. е. Приготовитель. Курсъ первоначальнаго обученія древне-еврейскому языку. 4-е изданіе. Варшава. 1900. Стр. 59. Цѣна 30 коп.—2) Море Гаіелодимъ, т. е. Учитель дѣтей. Метода для изученія древне-еврейскаго языка. Съ упражненіями и вокабулами на древне-еврейскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 10-е испр. изданіе. Варшава. 1901. Стр. 226. Цѣна 90 к.—3) Мафтоахъ, т. е. Ключъ къ методѣ „Море Гаіелодимъ“. Варшава. 1896. Стр. 22. Цѣна 10 коп.—4) Эйдентъ Гаіелодимъ, т. е. Дѣтскій рай. Хрестоматія для дѣтей. Съ вокабулами на 4-хъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. Часть I. 10-е исправленное изданіе. Варшава. 1901. Стр. 294. Цѣна 70 коп.—Часть II. 8-е испр. изданіе. Петроковъ. 1900. Стр. (295—534). Цѣна 70 коп. (Всѣ—изданія «Тушія».)“ (для еврейскихъ училищъ).

— „*Ушинскій, К.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 122-е. С.-Пб. 1901. Стр. IV+112. Цѣна 30 коп.—Годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 105-е. С.-Пб. 1901. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гольцсвъ, В. А.* Что такое подати и для чего ихъ собирають? 4-е изданіе ред. журнала «Русская Мысль». М. 1901. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Ерошенко, Н. М. Новый сборникъ хороровъ на 2, 3 и 4 голоса для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 3-й и 4-й. Изданіе П. Юргонсона. М. 1902. Стр. 49. Цѣна 60 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Золотаревъ, Л. А. Когда и какъ нужно поливать сады и огороды. 2-е изданіе, испр. и дополн. М. 1901. Стр. 60. Цѣна 20 к.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Мижуевъ, П. Лондонскія школы и начальное образованіе въ Англіи. Изданіе ред. журнала «Образованіе». С.-Пб. 1902. Стр. 100. Цѣна 40 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Сердобольскій, А. П. Ранніе поствы. Сборникъ прозаическихъ статей и стихотвореній. Часть I. Изданіе 2-е, испр. и дополн., М. В. Ключина. М. 1901. Стр. 288. Цѣна 50 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій переводъ Н. Персферковича. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1899. Томъ I. Стр. XVI+389.—Томъ II. Стр. VI+540. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.“ (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Ганъ, И. К. Полный словарь буквы ъ. Собраніе всѣхъ словъ русскаго языка, коренныхъ и производныхъ, которыя пишутся черезъ ъ. Изданіе 7-е. Вильна. 1902. Стр. IV+183. Цѣна 50 коп.“

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Биографія П. В. Гоголи. Изданіе Харьковскаго Общества Грамотности. № 89. Харьковъ. 1902. Стр. 8.“

— „Булаковский, Д. Г. 1) Вино на Руси по памятникамъ народнаго творчества литературнымъ и художественнымъ. С.-Пб. 1902. Стр. 58. Цѣна 20 коп.—2) Вино въ пословицахъ. С.-Пб. 1902. Стр. 20. Цѣна 5 коп.“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторияхъ).

— „Бутинъ, Ив. А. Полевые цвѣты. Сборникъ стихотвореній и

разказовъ для юношества. М. 1901. Изданіе С. Курнигъ и К-о. Стр. 90. Цѣна 80 коп.“ (для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „*Восчокъ, Марко*. Маруся. (Переводъ съ малороссійскаго). Изданіе С.-Пб. Комитета Грамотности. № 73. С.-Пб. 1895. Стр. 116. Цѣна 12 коп.“

— „*Водовозова, Е.* Изъ русской жизни и природы. Разказы для дѣтей. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1900. Стр. VII+325. Цѣна 1 р. 50 к.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Водовозовъ, В. И.* Одиссей. Разказы. Изданіе Вятскаго Губернскаго Зомства. № 44. Вятка. 1901. Стр. 38. Цѣна 5 коп.“

— „*Воскресенскій, Е.* Василій Андреевичъ Жуковскій. Краткій очеркъ его жизни и литературной дѣятельности, съ приложеніемъ портрета и 12-ти стихотвореній. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 87. Цѣна 20 коп.“

— „*Гоюль, Н. В.* 1) Біографія и избранныя сочиненія. Стр. XL+432.—2) Біографія и избранныя сочиненія. Стр. 8+110.—3) Сорочинская ярмарка. Стр. 27.—4) Ночь передъ Рождествомъ. Стр. 44.—5) Вій. Стр. 39.—6) Старосвѣтскіе помѣщики. Стр. 24.—7) Ссора Ивана Иваловича съ Иваломъ Пикифоровичомъ. Стр. 50.—8) Тарастъ Бульба. Стр. 120. (Всѣ 8—изданія Харьковскаго Общества грамотности. №№ 80, 81, 83—88. Харьковъ. 1902).“

— „*Диккенсъ, Ч.* Малютка Тимъ и др. разказы. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 86. Цѣна 45 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Догановичъ, Анна.* Отзывчивыя сердца. Разказы для дѣтей. (2-о изд. измѣненно) «Въ кругу дѣтей». Изданіе М. В. Клюкина. М. 1901. Стр. 103. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.“

— „*Жуковскій, Василій Андреевичъ.* Избранныя мѣста изъ его стихотвореній, сказокъ и повѣстей. Составилъ *Викторъ Острогорскій*. (Изданіе С.-Пб. Городской Думы. Часть 1-я). С.-Пб. 1902. Стр. XLIV+249.“

— „Ирмосы воскресны 8-ми гласовъ, дванадцатыхъ праздниковъ, а также великаго четвора и великой субботы. Славянскій текстъ съ русскимъ переводомъ *М. Гриморевскаю*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. VI+58. Цѣна 20 коп.“

— „*Комарова, А.* Въ назиданіе и утѣшеніе христіанскаго сердца.

Сборникъ лучшихъ духовныхъ стихотвореній. Вятка. 1901. Стр. V+146. Цѣна 50 коп.“

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* 1) Избранныя стихотворенія. Изданіе 2-е. № 10. Вятка. 1901. Стр. 46+II. Цѣна 5 коп.—2) Мицыри. Поэма. Изданіе 2-е. № 8. Вятка 1900. Стр. 32. Цѣна 3 коп. — 3) Пѣсня про купца Калашникова. Поэма. № 6. Вятка. 1900. Стр. 23. Цѣна 3 коп. (Всѣ 3—изданія Вятскаго Губернскаго Земства).“

— „*Лори.* Дядя изъ Чикаго. Очерки школьной жизни въ Америкѣ. Изданіе ред. журнала „Веходы“. С.-Пб. 1901. Стр. 192. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Потькинъ, А. А.* Отрѣзанный ломоть. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 65. Спб. 1895. Стр. 96. Цѣна 10 коп.“

— „*Потькинъ, А. А.* Чужое добро въ прокъ не идетъ. Драма въ 4 дѣйствіяхъ. Изд. С.-Пб. Комитета Грамотности. № 66. Спб. 1895. Стр. 112. Цѣна 10 коп.“

— „*Соколовъ, М. X.* Василий Андреевичъ Жуковский. Биографическій очеркъ. Вильна. 1902. Стр. 23. Цѣна 5 коп.“

— „*Типы народовъ.* Вып. I. Эскимосы. (по картинѣ Лемана). Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства. Цѣна 35 коп.“

— „*Тихомировъ, Дм. Ив.* Жизнь и труды Василия Андреевича Жуковского. (Библіотека „Дѣтскаго Чтонія“). М. 1902. Стр. 55. Цѣна 10 коп.“

— „*Хмьбникова.* Біографія Н. В. Гоголя. Изданіе Харьковскаго Общества грамотности. № 82. Харьковъ. 1902 Стр. XI.“

— „*Юрьева, М.* Крутыя горки. Изданіе 2-ое, М. В. Клюкина. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Яхонтовъ, А. П.* Приключенія Робинзона Крузе. 6-е изданіе. С.-Пб. 1899. Стр. 104. Цѣна 10 коп.“

д) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки;

— „*Андріевскій, А.* Василий Андреевичъ Жуковский. Очеркъ жизни и дѣятельности поэта. Изданіе 4-е. Одесса. 1902. Стр. 29. Цѣна 5 коп.“

— „*Короленко, В.* Судный день. Малорусская сказка. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 80. Цѣна 8 коп.“

— „*Короленко, Влад.* Очерки и рассказы. Книга 2-я. М. 1896.“

— „*Котляревскій, Ив.* Кредитныя товарищества. Какъ достать малодостаточнымъ лицамъ необходимый для ихъ промысла оборотный капиталъ. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“

— „*Дукьяновскій, А.* 1) Царевна лягушка. Народная сказка. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—2) Засохшая вѣтка. Народная сказка. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Библиотека сказокъ, изданіе М. В. Клюкина, №№ 17 и 18).“

— „*Нейштубе, С. Т.* Торговля домашнею птицею и дичью въ Россіи. Любительское (племенное) и промысловое птицеводство. С.-Пб. 1895. Стр. IV+42. Цѣна 40 коп.“

— „*Никольскій, А. М.* Михрютка. (Очеркъ изъ путешествія на о. Сахалинъ). Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Паишковскій, Н. А.* Изъ жизни алкоголиковъ. 2 чтенія для народа и народныхъ аудиторій. Изданіе журнала „Волшебный фонарь“. Елисаветградъ. 1901. Стр. 22. Цѣна 75 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Потъхинъ, А. А.* На-міру. Повѣсть. Изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности. № 63. С.-Пб. 1895. Стр. 196. Цѣна 18 коп.“

— „*Семеновъ, С. Т.* 1) Вино. Рассказъ. № 70. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 1½ коп. — 2) Не въ деньгахъ счастье. Рассказъ. № 58. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Ушинскій, К. Д.* 1) Родное Слово. Годъ 3-й. Отдѣлъ 1-й — грамматическій. Первоначальная практическая грамматика съ хрестоматією. Изданіе 19-ое. С.-Пб. 1899. Стр. 224. Цѣна 40 коп. — 2) Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“. Часть II. (Приложеніе къ 1-му отдѣлу 3-яго года „Родного Слова“). Изданіе 9-е. С.-Пб. 1895. Стр. 116. Цѣна 40 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ихъ изданіи были приняты къ руководству всѣ замѣчанія Ученаго Комитета).

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— *„Булаковскій, Д. Г. Народныя чтенія съ свѣтовыми картинами. 1) Первые учителя винопитія. С.-Пб. 1902. Стр. 16. Цѣна 10 коп.— 2) Вино пить — бѣдѣ быть, С.-Пб. 1902. Стр. 24. Цѣна 15 коп.— 3) Двѣ доли. С.-Пб. 1902. Стр. 42. Цѣна 20 коп.“* (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ,—съ тѣмъ, чтобы продажная цѣна ихъ была понижена; 1-ой — до 5 коп., 2-ой—до 8 коп., 3-ей—до 12 коп.).

— *„Смилицкій, А. Чудная птица. Разсказъ для средняго возраста. М. 1902. Стр. 81 + I. Цѣна 75 коп.“* (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній,—съ тѣмъ, чтобы цѣна ея была понижена до 50 коп.).

в) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— *„Коневъ, Живко и Н. Глорова. Сама любви. Общедоступное зрѣлище въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изданію А. И. В. Москва. 1901. Стр. 40, Цѣна 35 коп.“* (съ тѣмъ, чтобы цѣна ея была понижена до 20 коп.).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народного просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: *„Земледѣлецъ. Иллюстрированный ежемѣсячный журналъ по сельскому хозяйству и естествознанію съ отдѣломъ: «Школьное хозяйство».* С.-Пб. Редакторъ-издатель *Лв. Калантаръ.* Подписная цѣна 2 р. за годъ.—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу *„С. Джемсонъ. Дѣвочка сирота. Леди Джинъ. Переводъ А. Линдстремъ.* Изданію П. С. Аскарханова. С.-Пб. 1900. Стр. 266. Цѣна 1 руб., въ роскошномъ перепл. 2 р.—допустить въ ученическія библіотеки, средняго и старшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: *„Маріи Корелли. Варавва. Повѣсть временъ Христа.*

Переводъ съ англійскаго княгини *Е. Ф. Крапоткиной*. Изданіе *И. Л. Тузова*. — не допускать въ безплатныя народныя читальни и библиотeki.

IX. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

— Издаваемые *А. Н. Прокопе* журналы подъ заглавіемъ: „Дѣтскія моды“ и „Журналъ бѣлья и руководѣлій“, допущены для употребленія при обученіи кройкѣ и шитью бѣлья и дѣтскаго платья въ профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу профессора *Штутцера* „Руководство къ ученію объ удобреніи для козлевъ практиковъ и для преподаванія въ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. Переводъ *Б. Писарева*. Изданіе *А. Девриена*. С.-Пб. 1900 г.—допустить въ учительскія библиотeki низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библиотeki.

— Брошюру подъ заглавіемъ: „Мыловареніе въ малыхъ и среднихъ размѣрахъ, съ указаніемъ какъ выстроить и заводъ. О свѣчкахъ изъ сала“. Составилъ техникъ *Маръ*. Изданіе *К. И. Тихомирова*. Москва. 1901 г. Стр. 32. Цѣна 10 коп., допустить въ библиотeki ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ, а равно въ учительскія библиотeki низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библиотeki.

— Книжку подъ заглавіемъ: „Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ *И. Горбовъ*. Изданіе 11-е. Стр. 173. Цѣна 20 коп.“, — мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. бывшимъ товарищемъ-министра, между прочимъ, опредѣлили: исключить нынѣ же изъ каталоговъ (для читателей и для низшихъ училищъ) предшествовающія изданія этой книги, являющіяся къ тому же, въ настоящее время и довольно устарѣлыми, независимо отъ заключающихся въ нихъ недостатковъ.

Опродѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденнымъ г. временно исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книгу „Химія въ обыденной жизни. 12 популярныхъ лекцій профессора Лассаръ-Кона“. Переводъ со 2-го исправленнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей профессора *В. О. Тимофеева*. Изданіе *А. Ф. Девриена*. С.-Пб. 1897 г.—одобрить, въ качествѣ учебнаго пособия, для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу доктора *П. О. Смоленскаго*: „Простѣйшіе способы изслѣдованія доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, воздуха, воды, жилищъ и проч.“. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1899 г. Стр. XII—526 in 8°. Цѣна 3 руб.—рекомендовать для библиотекъ промышленныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу *Нойеса и Мюллихена* „Качественный органической анализъ. Характерныя реакціи главныхъ органическихъ веществъ“. Переводъ съ англійскаго *С. М. Муромова*, подъ редакціей профессора *А. П. Лидова*. Изданіе *Казначеева*. Москва. 1901 г. Цѣна 40 коп.,—допустить въ библиотeki среднихъ техническихъ училищъ по химической спеціальности.

— Книгу *Эрдмана*: „Руководство къ приготовленію и изслѣдованію химическихъ препаратовъ. Переводъ съ нѣмецкаго инженеръ-технолога *Я. И. Познера*, подъ редакціей профессора *А. П. Лидова*, изданіе *Корчанина*; Москва 1899 г.,—допустить въ библиотeki среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ по химической спеціальности.

— Брошюру *Шеннрама*: „Химическое и физическое изслѣдованіе наиболее употребительныхъ окрасокъ по жельзу“. Переводъ *Л. М. Лямина*, подъ редакціей *С. П. Лановою*. Изданіе *Казначеева*. Москва, 1897 г.—одобрить для библиотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ, а также ремесленныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Въ минувшомъ году состоялось открытіе училищъ въ Челябинскомъ уѣздѣ; 4-го октября—русско-башкирскаго училища въ д. Мухамеджуловой, при 19 ученикахъ, 15-го того же октября—сель-

скаго народнаго училища въ д. Ложкиной, при 18 ученикахъ и 5 ученицахъ, и 1-го ноября—русско-башкирскаго училища въ дер. Карасовой при 10 ученикахъ.

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

I.

Для сопсканія въ 1902 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, 1) *по разряду гимназій* были назначены, съ разрѣшенія бывшаго министра: А) группа „русскій языкъ со словесностью и логика“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сочиненіе по логикѣ, Б) нѣмецкій и В) французскій языкъ; и 2) *по разряду реальныхъ училищъ*—остественная исторія. При этомъ конкурсъ по нѣмецкому языку, входившему уже въ минувшемъ 1901 году въ составъ предметовъ конкурсныхъ сочиненій, былъ назначенъ на 1902 годъ вновь, какъ не состоявшійся въ свое время и посему отложенный на одинъ годъ; равнымъ образомъ назначенъ вновь на 1902 годъ и конкурсъ по французскому языку, продолженный на одинъ годъ, на основаніи § 3-го Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, вслѣдствіе того, что въ минувшемъ 1901 году большая (въ 2000 р.) премія по разряду гимназій осталась невыданною.

Къ сроку, определенному названнымъ Положеніемъ, представлено было въ ученый комитетъ министерства 48 сочиненій, въ томъ числѣ 42 печатныхъ и 6 рукописныхъ, а именно: по русскому языку 4 сочиненія (3 печатныхъ, 1 рукописное); по нѣмецкому языку 25 сочиненій (24 печатныхъ, 1 рукописное); по французскому языку 15 со-

чиненій (13 печатныхъ, 2 рукописныхъ), и по естественной исторіи 4 сочиненія (2 печатныхъ и 2 рукописныхъ).

Для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій при ученomъ комитетѣ были образованы, съ утвержденія г. министра, четыре особыхъ комиссіи: первая (по русскому языку) состояла, подѣ предсѣдательствомъ члена комитета Н. Ѳ. Анненскаго, изъ членовъ основнаго отдѣла ученаго комитета: И. А. Пляшкина и особаго отдѣла комитета А. Г. Филонова; въ составъ второй комиссіи (по нѣмецкому языку), бывшей подѣ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета Я. Г. Мора, вошли директоръ училищъ при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны въ С.-Петербургѣ І. І. Кенигъ и преподаватель нѣмецкаго языка при С.-Петербургской VIII мужской гимназій Р. А. Теттендорфъ; третья комиссія (по французскому языку) состояла, подѣ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. С. Игнатовича, а послѣ смерти его подѣ предсѣдательствомъ его преемника по званію члена комитета, лектора французскаго языка при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ А. А. Ларонда, изъ профессора С.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ О. Д. Батюшкова и преподавателя французскаго языка въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ К. А. Перре; наконецъ, въ составъ четвертой особой комиссіи (для разсмотрѣнія сочиненій по естественной исторіи) вошли подѣ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. М. Шимкевича, членъ того же комитета А. С. Догель, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета В. П. Шевяковъ и приватъ-доцентъ того же университета К. К. Сентъ-Илеръ.

Комиссіи, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ имъ для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, представили свои заключенія о нихъ въ ученый комитетъ, который по всестороннемъ обсужденіи какъ этихъ заключеній, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлитъ:

1) За три печатныхъ сочиненія П. Житцекаго въ ихъ совокупности, подѣ заглавіями: 1) Теорія сочиненія (Изд. 3-е. 1900). 2) Теорія поэзіи (Изд. 2-е. 1900), и 3) Очерки изъ исторіи поэзіи (Изд. 2-е. 1900), и за рукописное сочиненіе П. А. Ивалцова, озаглавленное „Руководство зоологіи для средне-учебныхъ заведеній“ присудитъ авторамъ ихъ по малой (въ 500 р.) преміи Императора Петра Великаго. Основанія для такого заключенія изложены въ помѣщенныхъ ниже разборахъ названныхъ сочиненій.

2) Остальные сочинения, представленные для соискания въ текущемъ году премій Императора Петра Великаго, отъ присужденія премій устранить.

3) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей и членовъ особыѣ комиссій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать означеннымъ лицамъ, за исключеніемъ умершаго члена ученаго комитета В. С. Игнатовича, учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

4) Продолжить, на основаніи § 3 Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, на одинъ годъ срокъ соисканія премій за сочиненія по русскому языку со словесностью и логикѣ, а также и по естественной исторіи, для каковой цѣли сохранить объ большія (по 2000 р.) преміи, оставшіяся въ нынѣшнемъ году невыданными какъ по разряду гимназій, такъ и по разряду реальныхъ училищъ.

Опредѣленія ученаго комитета утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

II. По разряду *начальныхъ народныхъ училищъ* былъ назначенъ учебникъ по геометріи для двухклассныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, гдѣ преподается этотъ предметъ. Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку было представлено въ ученый комитетъ пять сочиненій (4 въ рукописномъ и 1 въ печатномъ видѣ). Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій была образована при особомъ отдѣлѣ ученаго комитета особая комиссія изъ членовъ этого отдѣла В. И. Соллертинскаго и В. А. Семски и заслуженнаго ординарнаго профессора Д. К. Бобылова. Предсѣдателемъ комиссій былъ назначенъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Д. К. Бобылевъ.

Разсмотрѣвъ представленные на конкурсъ сочиненія, комиссія не признала ни одно изъ нихъ заслуживающимъ преміи Императора Петра Великаго.

Особый отдѣлъ ученаго комитета, обсудивъ представленные комиссіей подробные отзывы и заключеніе о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ, опредѣлялъ:

1) Признать всѣ пять конкурсныхъ сочиненій по геометріи не заслуживающими премій Императора Петра Великаго; и 2) въ вознагражденіе трудовъ вышеназванныхъ предсѣдателя и членовъ особой комиссій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать сямъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленіе особаго отдѣла ученаго комитета утверждено бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія.

III. *Отзывы о сочиненіяхъ, удостоенныхъ въ 1902 г. премій Императора Петра Великаго.*

A. Отзывъ о нижепоименованныхъ сочиненіяхъ П. И. Житецкаго въ ихъ совокупности.

1) Теорія сочиненія съ хрестоматіей П. Житецкаго. Изд. 3-е. Кіевъ. 1900. Стр. VIII+112+II+132. Цѣна 1 р.

2) Теорія поэзіи П. Житецкаго. Изд. 2-е. Стр. II+292. Кіевъ. 1900. Цѣна 1 р.

3) Очерки изъ исторіи поэзіи (пособіе для изученія теоріи поэтическихъ сочиненій) П. Житецкаго. Изд. второе. Кіевъ. 1900. Стр. VI+272. Цѣна 1 р.

Первыя два сочиненія одобрены ученымъ комитетомъ, въ качествѣ руководства, и могутъ быть разсматриваемы, какъ двѣ части учебной книги по теоріи словесности, а третье, которое самъ составитель называлъ *пособіемъ*, является весьма цѣннымъ дополненіемъ ко второму сочиненію, т. е. Теоріи поэзіи, хотя покуда и не можетъ быть цѣлкомъ отнесено къ учебному курсу, — такъ какъ оно посвящено обзору крупнѣйшихъ произведеній и цикловъ изъ области *всемірной* литературы. Кромѣ единства плана, въ сочиненіяхъ г. Житецкаго слѣдуетъ отмѣтить и общность метода.

Вмѣсто догматическихъ опредѣленій, иллюстрируемыхъ примѣрами, мы часто находимъ въ его книгахъ стройное и связное изложеніе системы понятій, которыя получаютъ частью путемъ отвлеченныхъ разсужденій, частью путемъ разбора произведеній. Разборъ произведеній часто сдѣланъ у г. Житецкаго весьма искусно, и даже пересказъ отличается при этомъ большою оживленностью: такъ нельзя не обратить вниманія на 15-ю и 16-ю главы „Теоріи поэзіи“, съ анализомъ „Горе отъ ума“ и „Ревизора“. Очень хорошо изложена также „Пѣснь о Роландѣ“ съ удачно подобранными выдержками изъ перевода гр. де-ла-Барть,

Такъ какъ г. Житецкій разсматриваетъ поэзію съ точки зрѣнія историко-генетической, то и теоретическія рамки у него нѣсколько отличаются отъ общепринятыхъ: напримѣръ, „Народная литература“ не дробится между отдѣлами эпоса и лирики, а въ „Теоріи поэзіи“

предшествуетъ отдѣлу „Литературныхъ формъ поэзіи“; къ такому нововведенію нельзя не отнестись вполне сочувственно, особенно въ виду того, что понятія эпоса и лирики, съ точки зрѣнія психологической, выяснены въ первыхъ главахъ курса. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что историко-генетическая точка зрѣнія не могла быть проведена г. Житецкимъ вполне послѣдовательно, въ виду прежде всего ограниченности того матеріала, который можетъ входить въ учебный курсъ средней школы,—но намъ представляются цѣнными и тѣ первые шаги, которые сдѣланы въ этомъ отношеніи почтеннымъ Киевскимъ педагогомъ. Слѣдуетъ съ особымъ сочувствіемъ отнестись также, помимо обновленія теоретическихъ схемъ, къ попыткамъ автора правильнѣе и полнѣе освѣтить тѣ явленія *нашей родной* литературы, которыя, по справедливости, должны привлекать особое вниманіе учащихся, т. е. нашу начальную лѣтопись, былины и народную лирику, особенно въ виду того, что, какъ изслѣдователь, г. Житецкій несравненно ближе стоитъ къ этой области и въ ней могъ дать для русской школы болѣе полезнаго, чѣмъ въ сужденіяхъ, напримѣръ, объ Иліадѣ или классической драмѣ.

Изъ числа особенностей руководства г. Житоцкаго слѣдуетъ отмѣтить еще попытки психологическаго освѣщенія отдѣльныхъ вопросовъ теоріи словесности: такъ въ первыхъ главахъ „Теоріи сочиненія“ прекрасно выясняются элементарныя понятія о психологіи рѣчи, а въ II-й главѣ „Теоріи поэзіи“ авторъ говоритъ о психологіи воли по отношенію къ драматической поэзіи.

Съ точки зрѣнія чисто педагогической, кромѣ ясности и живости изложенія и его уже указанной выше *объединенности* и систематичности, слѣдуетъ отмѣтить осторожность автора въ выборѣ матеріала и отсутствіе въ книгахъ балласта, въ видѣ именъ или названій, не имѣющихъ подъ собою болѣе или менѣе полной фактической характеристики: если, можетъ быть, кое-гдѣ и не мѣшала бы библиографическія указанія, то во всякомъ случаѣ, кромѣ приложенія, въ учебной книгѣ имъ мѣста нѣтъ.

Въ виду всѣхъ вышеуказанныхъ соображеній, подтверждаемыхъ приложенными у сего отзывами, и не смотря на неизбежныя недостатки, недочеты и даже промахи въ сочиненіяхъ, представленныхъ г-мъ Житецкимъ на соисканіе преміи Императора Петра Великаго, комиссія не можетъ не считать ихъ достойными малой Петровской преміи.

Б. Отзывы о тѣхъ же сочиненіяхъ П. Житецкаго въ отдѣльности.

1) *Отзывъ о сочиненіи: „Теорія сочиненія съ хрестоматіей“.*

„Теорія сочиненія“ заключаетъ въ себѣ первую часть теоретическаго курса словесности или точнѣе его первая двѣ части: стилистику и теорію прозы. У г. Житецкаго она раздѣляется на три отдѣла: I. Слово и мысль (1—12); II. Рѣчь, какъ словесный матеріалъ сочиненія (13—58) и III. Формы сочиненія (59—112). Первый отдѣлъ выгодно отличаетъ книгу отъ многихъ новыхъ учебниковъ по тому же предмету. Г. Житецкій очень хорошо выясняетъ связь между словомъ и представленіемъ и сообщаетъ ученикамъ въ доступной формѣ основныя понятія о психологіи рѣчи, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя необходимы для сознательнаго отношенія къ теоріи сочиненія, а равно и знакомитъ ихъ съ элементарными положеніями логики.

Изложеніе автора заслуживаетъ особой похвалы не только благодаря ясности и стройности рѣчи, но и благодаря тщательному и строгому разграниченію понятій: такъ *слова* — *сужденія*, которыя характеризуютъ собою первую ступень умственной жизни, г. Житецкій правильно учитъ различать отъ *словъ* — *понятій*, съ одной стороны, и *логическихъ сужденій*, съ другой. Во второмъ отдѣлѣ нѣсколько неяснымъ кажется то, что г. Житецкій пишетъ о ритмѣ рѣчи. На стр. 17-й читаемъ: „есть равномерность мысли и чувства, проникающаго рѣчь, и равномерность звука, отсюда ритмъ рѣчи *внутренній* или *реторическій* и *внѣшній* или звуковой“. Въ понятіе ритма внесено этими словами не совсѣмъ правильное осложненіе. Ритмъ опредѣленъ еще Аристотелемъ [Probl. 5, 16] [„всякій *ритмъ* измѣряется опредѣленнымъ движеніемъ, а движеніе будетъ опредѣленнымъ, если оно совершается равными промежутками“]. То, что у г. Житецкаго называется *реторическимъ* ритмомъ, въ сущности есть тотъ же внѣшній, *звуковой* ритмъ — никакого другого въ области слова и нѣтъ: различіе его отъ стихотворнаго состоитъ лишь въ томъ, что *мысли* его соблюдается съ меньшей строгостью и что движеніе ритма и движеніе фразы въ періодѣ совершается какъ бы по концентрическимъ окружностямъ. Ритмъ „мысли и чувства“ есть дѣло, выходящее за предѣлы теоріи словесности: не захочетъ же г. Житецкій отказать въ извѣстной долѣ этой равномерности авторамъ „Повѣстей Бѣлкина“ и „Стихотвореній въ прозѣ“, хотя рѣчь ихъ не можетъ быть сведена къ періодамъ и названа періодическою.

Нельзя одобрить и грамматическаго критерія въ дѣленіи періодовъ: его мѣсто въ курсѣ грамматики. У реторики свои мѣрила и своя точки зрѣнія на явленія рѣчи.

Отдѣлъ стихотворной рѣчи тоже не вполне удовлетворителенъ: плохо опредѣлена стопа у древнихъ (стр. 29); *цезура* смѣшана съ *дирезой* (стр. 32), а *сонетъ* является видомъ *строфы* (?) (стр. 32). Силлабическое стихосложеніе не должно иллюстрироваться виршами Калтеміра, ибо это были произведенія въ ритмическомъ отношеніи испорченныя. Говоры о русскихъ стихахъ, нельзя болѣе обходиться безъ *комбинацій* изъ двухсложныхъ стопъ [*тэоновъ*], а во французскомъ стихосложеніи и г. Житецкій, вслѣдъ за другими авторами руководствуясь по теоріи словесности, напрасно забываетъ *ритмичность ударенія* [акцентъ]. Если отдѣлъ ритма и стиховъ у г. Житецкаго не выдѣляется изъ соответствующихъ отдѣловъ въ русскихъ учебникахъ, то въ главѣ о художественной рѣчи [стр. 34 сл.] слѣдуетъ отмѣтить кое-что новое и полезное: напримѣръ, въ сказанномъ о тавтологіи [стр. 44 сл.], о *разъясненіи сравненіи* [40 — 41] и объ антитезахъ въ народныхъ пѣсняхъ. То же, что говоритъ г. Житецкій о символахъ [стр. 43], кажется не вполне удачнымъ, особенно въ виду смѣшенія *символа* съ *эмблемой*.

Глава о литературной рѣчи изложена очень хорошо, въ главѣ же „Стиль и слогу сочиненія“ кое-что требовало бы разъясненія. Напримѣръ, на стр. 56 читаемъ: „Собственно говоря въ *провинциализмахъ* и заключается коренной русский языкъ, болѣе богатый по матеріалу, чѣмъ литературная русская рѣчь“. При такомъ непониманіи расширенія слова „провинциализмъ“ теряется самый смыслъ выраженія „русский языкъ“, да и вообще „всякій языкъ“, какъ общій признакъ національности. *Областное слово* въ народной *пѣснѣ* вовсе не будетъ *провинциализмомъ*: оно дѣлается таковымъ въ литературномъ разсказѣ.

Въ третьемъ отдѣлѣ г. Житецкій весьма толково, послѣдовательно, связано и отчетливо знакомитъ учащагося съ тремя основными формами сочиненія, а попутно сообщаетъ и необходимыя свѣдѣнія по логикѣ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этомъ отдѣлѣ, иногда гораздо полнѣе и обстоятельнѣе тѣхъ, которыя сообщаются въ другихъ учебникахъ русской словесности: такъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ посвящено 6 страницъ [стр. 70 сл.]. Въ главѣ объ ораторскомъ искусствѣ, напримѣръ, при объясненіи „Слова въ Великій Пяттокъ“, сказаннаго

архієпископомъ Инокентіемъ, г. Житецкій напоминаетъ о самой обстановкѣ, въ которой появилось произведеніе, что особенно важно для пониманія ораторскаго искусства.

Вторую часть книги составляетъ текстъ тѣхъ образцовъ, которые имѣлись авторомъ въ виду, при наложеніи теоріи словесности. Какъ менѣе обычный, хотя и волюгѣ умѣтный для хрестоматіи матеріалъ у г. Житецкаго слѣдуетъ отмѣтить: три тургешевскихъ „Стихотворенія въ прозѣ“ и отрывокъ изъ „Исторіи Малороссіи“, Бантышъ-Каменскаго.

Книга напечатана чисто и внимательно, но дѣло не обошлось безъ мелкихъ промаховъ въ объясненіяхъ терминовъ: (*конкретный*— стр. 8), (*тонъ*— стр. 29) и „символь“ (стр. 43). На стр. 43 данъ неточный переводъ французскаго слова *idée*. Опечатки встрѣчаются на стр. 107, 109, 111.

Принимая во вниманіе указанныя выше достоинства учебника г. Житецкаго, а также его самостоятельную, строго-обдуманную работу, мы полагаемъ бы, что несмотря на нѣкоторые недочеты въ отдѣлѣ ритма и стихосложенія, эта часть общаго труда г. Житецкаго, совмѣстно съ другими могла бы быть признана достойною малой преміи Императора Петра Великаго.

2) Отзвѣтъ о сочиненіи „Теорія словесности“.

Всякое опредѣленіе можетъ получаться двоякимъ путемъ, или догматическимъ или генетическимъ. Г. Житецкій выбралъ послѣдній путь и совершенно правильно: поэзія есть движущаяся стихія, и всѣ теоретическія ея положенія мѣняются съ появленіемъ новыхъ и новыхъ ея видовъ. Генезисъ, по необходимости, носитъ историческій характеръ и, чѣмъ шире захватываетъ онъ исторію извѣстнаго понятія, тѣмъ полнѣе и точнѣе дѣлается содержаніе этого понятія. И здѣсь одинъ изъ главныхъ недостатковъ книги г. Житецкаго—онъ выводитъ свои теоретическія положенія изъ образцовъ исключительно русской поэзіи, да и то народнои и искусственной съ XVIII столѣтія; схоластическая оставлена имъ въ сторонѣ и, судя по работамъ самаго г. Житецкаго, Перетца и другихъ—напрасно. Опредѣленія видовъ поэзіи являются неполными и односторонними: теряется пониманіе историческаго ихъ хода и оправданіе ихъ недостатковъ извѣстными историческими условіями. Далѣе нужно отмѣтить способъ изложенія автора: это не наборъ сухихъ опредѣленій, но оживленный

разсказъ, часто перерываемый подробнымъ разборомъ извѣстнаго произведенія, разборомъ даже и ненужнымъ для вывода теоретическихъ положеній автора. Часто этотъ разсказъ идетъ такъ, что и выводъ изъ него долженъ быть сдѣланъ самимъ читателемъ. Это, конечно, очень хорошо для развитія самодѣятельности ученика при умѣломъ преподавателѣ, но намъ кажется, что къ учебнику должны быть предъявляемы и большія требованія. Учебникъ долженъ давать въ заключеніи своихъ разсужденій извѣстный болѣе или менѣе точный выводъ, ясное и исчерпывающее опредѣленіе разбираемаго понятія: иначе и сама теорія словесности теряетъ свое *raison d'être*. Съ другой стороны, цѣлый рядъ терминовъ, изъ которыхъ иные приходится употреблять и самому автору, остается необъясненнымъ изъ ближайшихъ примѣровъ, а преподается прямо догматически, а затѣмъ даются образцы [напримѣръ въ теоріи драмы], не оправдывающіе всего даннаго въ догматическихъ положеніяхъ. Даетъ знать себя и отсутствіе объяснительнаго или хотя бы и простого указателя, какъ это нынѣ дѣлается напримѣръ, при учебникахъ исторіи философіи: учащійся всегда въ случаѣ затрудненій можетъ пополнить изъяны своего знанія. Можно бы было пожелать ради тѣхъ, кто не пойдетъ дальше средней школы, указанія и необходимой литературы предмета, хотя въ отдѣльномъ приложеніи.

Переходимъ къ частнымъ недостаткамъ книги. Первымъ поэтическимъ образчикомъ авторъ беретъ „Сосну“ Лермонтова, не упоминая, что это переводное произведеніе. Эстетическое наслажденіе, по словамъ г. Житецкаго, „получается отъ совпаденія мысли съ образомъ“ (стр. 2)—это очень неясное и неполное опредѣленіе. Не опредѣлено значеніе ритма (стр. 13). Неточно сказано, что текстъ драмы обыкновенно состоитъ изъ сплошнаго діалога (стр. 17). Опредѣляя драму, авторъ между прочимъ говоритъ: „Однимъ словомъ Плюшкинъ—лицо не *драматическое*, поэтому и не годится онъ въ герои драмы“ (стр. 19); такое разсужденіе ничего не выясняетъ. На стр. 22 находимъ индійское (вмѣсто индусское) племя и такъ же читаемъ: „Въ туманѣ вѣковъ мелькаютъ блѣдныя линіи, отдѣляющія одну эпоху отъ другой“: какія это линіи—приходится догадываться. Преемственность вѣковъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго теперь допускается уже съ ограниченіями, въ виду мѣстныхъ природныхъ условій (Schraeder и Brakke). Анимизмъ и фетишизмъ у автора спутаны и опредѣленія ихъ приводятся устарѣлыя (27). На стр. 36 авторъ не различаетъ сказокъ о животныхъ и животнаго эпоса и утверждаетъ, что послѣд-

ній сохранился у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Авторъ признаетъ какихъ то „боговъ-спасовъ“ (стр. 37), толкуетъ о недобромъ богѣ Стрибогѣ—вообще весьма подозрительномъ (стр. 38)—и думаетъ, что славяне называли рай навоемъ, а адъ—пекломъ (стр. 39). Вообще, въ разборѣ данныхъ русской мифологіи авторъ говоритъ преимущественно о малорусскихъ ея остаткахъ, великорусскіе считаетъ онъ какъ бы второстепенными, а о бѣлорусскихъ и вовсе не упоминаетъ. Чтобы указать на остатки древняго брака чрезъ куплю-продажу авторъ приводитъ пѣсню съ анахронизмомъ о „талярѣ“ (стр. 46). Послѣдній періодъ на стр. 47 страдаетъ вычурностью въ своемъ заключеніи. Въ стихѣ о Сорока каликахъ надо искать отраженія не библейской исторіи, какъ дѣлаетъ г. Жигонскій (стр. 55), а историческаго факта, указаннаго Бычковымъ. На стр. 58—59 авторъ разсуждаетъ о родовомъ бытѣ и разложеніи его въ общинный—слишкомъ далекое отношеніе имѣетъ это къ отраженію дружинныхъ понятій въ былинѣ и излагается чрезчуръ подробно. Говоры о богатыряхъ русскаго эпоса, авторъ не останавливается на ихъ областномъ происхожденіи. Отношеніе легендъ объ Аврааміи Ростовскомъ къ разслабленности Иліи слишкомъ расходится, тогда какъ легенда о Мартынѣ Туровскомъ и его исцѣленіи совсѣмъ не упомянута авторомъ. Жаль, что авторъ совсѣмъ не упоминаетъ о Соловьѣ Будимировичѣ, который куда интереснѣе легендарнаго Дюка Степановича. Въ историческихъ пѣсняхъ можно пожалѣть о пропускѣ пѣсенъ о Щелкалѣ Дуденъевичѣ. Напрасно авторъ въ пѣснѣ, гдѣ говорится о томъ, какъ сынъ на матери снопы возилъ и ее поддегивалъ своимъ кнуткомъ,—напрасно видитъ онъ *незлюбивую* шутку-пародію (стр. 90). На стр. 101 невѣрная цитата приводитъ къ безмысленному выводу, что науки суть дѣти расколовъ и ересей.

Разбирая оду Ломоносова „На восшествіе и пр.“ авторъ напрасно опустилъ извѣстную строфу: „Науки юношей питаютъ и т. д.“—тѣмъ болѣе, что онъ тутъ же мысль о пользѣ науки называетъ главною мыслью оды (стр. 108). Не упомянута и философская ода „Изъ книги Іова“. Напрасно авторъ видитъ въ Фелицѣ среди недостатковъ Потемкина его *театральныя поэмы*, а роговую музыку Парышкина считаетъ *причудливою* забавой.

Въ характеристикѣ элегій Жуковскаго не лишнею была бы цитата стиховъ: „О милыхъ смутныхъ и т. д.“ Напрасно авторъ видитъ въ послѣднихъ строкахъ „Брожу ли я...“ утѣшеніе въ силѣ

любви къ природѣ—по даромъ же Пушкинъ называетъ природу равнодушной (119).

Приводя эти мелкія упущенія книги г. Житоцкаго, мы тѣмъ не менѣе считаемъ ее, принимая во вниманіе добросовѣстную, запово, съ большимъ умѣломъ и учюпостью, произведенную переработку всего учебнаго матеріала и стройность и живость изложенія, выдающимся явленіемъ данной отрасли русской педагогической литературы, обыкновенно пробавляющейя копипляціями прежнихъ трудовъ, и считаемъ книгу г. Житоцкаго достойной малой преміи Императора Петра Великаго.

3) *Отзывъ о сочиненіи: „Очерки изъ исторіи поэзіи“.*

Книга г. Житоцкаго представляетъ цѣнное и необходимое дополненіе къ его Теоріи поэзіи. Хотя авторъ знакомитъ въ ней вообще съ ходомъ развитія классическихъ и новыхъ западныхъ литературъ, тѣмъ не менѣе главная цѣль его труда—обрисовать исторію развитія извѣстныхъ теоретическихъ положеній. Авторъ знакомъ съ современной разработкой поднимаемыхъ имъ вопросовъ и видимо перечталь все, сюда относящееся, и имѣющее на русскомъ языкѣ. Умѣнье выбрать изъ этого матеріала главное, вѣрное и понятное для ученика и въ то же время удовлетворить и требованіямъ современныхъ учебныхъ программъ средпоучебныхъ заведеній, серьезно, чисто самостоятельное, отношеніе къ дѣлу при критической оцѣнкѣ капитальнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, живое, иногда увлекательное изложеніе—неиспоримыя достоинства книги г. Житоцкаго. Укажемъ на нѣкоторые недостатки книги г. Житоцкаго. Авторъ, можетъ быть стѣняемый существующей программой, мало подчеркнул внутреннюю связь хода развитія отдѣльныхъ литературныхъ видовъ міра классическаго и западноевропейскаго. При книгѣ отсутствуетъ полезный при повтореніи книги систематическій указатель ея содержанія съ необходимыми хронологическими указаніями. При разборѣ Илиады, автору можно было коснуться вопроса о слѣдахъ спайки отдѣльныхъ ея эпизодовъ. Прекрасно изложонъ вопросъ о единствѣ интриги и о единствѣ дѣйствія, обыкновенно смѣшиваемыхъ, но автору слѣдовало бы подробнѣе остановиться на извѣстномъ опредѣленіи Аристотеля о *συνάφεια*, о томъ, что подразумѣвается подъ словомъ *ἕδος*, о жизненныхъ условіяхъ, опредѣлявшихъ разныя единства въ греческой драмѣ... Разсужденіе о философіи софистовъ

(стр. 37) врядь ли доступно ученикамъ средняго возраста. Можно дальѣ пожалѣть, что при подробномъ пересказѣ идилліи Теоокрита, опущено своеобразное звено между идилліей и греческимъ романомъ приключеній—насторальный романъ Лонга. При обзорѣ дѣятельности трубадуровъ, слѣдовало бы указать и на роль жоуглеровъ, хотя бы по извѣстной книгѣ К. А. Иванова, и на значеніе провансальской поэзіи вообще. Отсутствуютъ указанія на постепенную разработку основныхъ направленій будущаго новоевропейскаго романа, нынѣ заполнившаго всю литературу: имена Рабле, Скаррона, д'Юрфе должны быть хоть отчасти характеризованы и въ средней школѣ. Странно упоминаніе на стр. 180 о глумленіи Кальдерона надъ чловѣческой мыслью: подъ „Gracioso“ подразумѣвалась мысль не вообще, а мысль извѣстнаго пошпа. На ряду съ маринизмомъ“ и „отеломъ Рамбульо“, разъ они упомянуты, слѣдовало бы упомянуть о гонгоризмѣ“, „Grécieuses ridicules“ и поэтикѣ Буало. Слѣдовало бы указать на библейскій источникъ Расиновской „Гюфали“, при которой авторъ напрасно ни разу не поставилъ названія ея французскаго имени „Athalie“. Въ главѣ о Мольерѣ и іезуитахъ (стр. 264) слѣдовало бы упомянуть Паскаля и указать на сходство характеровъ Альсеста и Чапкаго. Отмѣтимъ шероховатости слога (потерянный рай доблестей (4), клеветы Ахилла (8), вычурность языка, который (языкъ?) получалъ названіе эвфуизма (186), Макбетъ боноподно истребилъ его жену и дѣтой (200) и особенно ненависть корректора къ буквѣ о: онъ упорно пишетъ: скифъ, эфіонъ, мифъ, коринфянки, Эратосфенъ, хотя въ другихъ случаяхъ о имъ терпима. Въ общемъ, по нашему мнѣнію, эта книга г. Житецкаго вмѣстѣ съ Теоріей поэзіи вполне заслуживаетъ малой Петровской преміи.

II.

Отзывъ о сочиненіи: II. А. Иванцовъ. Руководство зоологии для среднекучевныхъ заведеній.

Это руководство довольно рѣзко отличается отъ обычныхъ учебниковъ зоологии. Будучи сторонникомъ конкретнаго преподаванія, авторъ систематически и усиленно проводитъ этотъ методъ въ своемъ учебникѣ, что и составляетъ его главное достоинство. При изложеніи каждой отдѣльной группы животнаго царства, авторъ разбираетъ по одному типичному представителю въ морфологическомъ и анатомиче-

скомъ отношеніи; при этомъ избирается такой представитель, съ которымъ учащійся легко можетъ ознакомиться на живомъ экземплярѣ въ окружающей его природѣ:

Руководство написано прекраснымъ языкомъ и отличается простотою и ясностью изложенія. Сложные и запутанные вопросы біологій объясняются на рядѣ простыхъ примѣровъ.

Въ введеніи авторъ разбираетъ нѣкоторыя общія понятія, говоритъ о познаніи окружающаго міра, о наукѣ вообще и естественныхъ въ частности, о ея предметѣ, цѣли и методѣ. Различіе между органическимъ и неорганическимъ міромъ изложено довольно доступно; тоже самое можно сказать и относительно различія между животными и растениями; но въ тоже время въ этой главѣ разбираются вопросы, могущіе быть доступными лишь ученикамъ старшихъ классовъ, знакомыхъ съ физикою и химіей. Авторъ говоритъ, что прохожденіе введенія можетъ быть отложено до того времени, когда у учащагося наберется нѣкоторый запасъ фактовъ для тѣхъ обобщеній, которыя излагаются въ введеніи, но мы думаемъ, что авторъ поступилъ бы послѣдовательнѣе, если бы перенесъ это введеніе въ конецъ своего учебника и притомъ понизилъ уровень изложенія и выбора разбираемыхъ вопросовъ.

Систематическая часть учебника изложена въ восходящемъ порядѣ. При описаніи отдѣльныхъ типовъ, классовъ и отрядовъ животныхъ авторъ не ограничивается, какъ это дѣлается въ большинствѣ учебниковъ, перечисленіемъ ихъ морфологическихъ и анатомическихъ признаковъ, а обращаетъ особенное вниманіе на важнѣйшія біологическія явленія, но во второй части, посвященной позвоночнымъ, морфологическая и систематическая сторона все-таки слишкомъ преобладаетъ надъ біологической. Но вообще говоря біологическая сторона хорошо разработана въ учебникѣ; такъ, начиная съ простѣйшихъ животныхъ авторъ довольно подробно, но притомъ просто и элементарно излагаетъ ихъ организацію и главнѣйшія жизненные явленія какъ то: движеніе, питаніе, пищевареніе, дыханіе и т. д., при чемъ указываетъ и на способы, какъ ихъ можно наблюдать и находить въ природѣ. Въ послѣдующихъ классахъ описываются на ряду съ постепеннымъ осложненіемъ организаціи животныхъ и постепенное осложненіе ихъ фізіологическихъ отправленій, вызываемыхъ возникновеніемъ при происходящемъ раздѣленіи труда соотвѣтствующихъ обособленныхъ органовъ.

Попутно съ описаніемъ представителей различныхъ типовъ и клас-

совъ животнаго царства разсматриваются и тѣ разнообразныя біологическія явленія, которыя присущи соответствующимъ классамъ, а также и тѣ интересныя біологическія вопросы, которыя связаны съ данными явленіями. Такъ, на примѣръ, при описаніи простѣйшихъ разсматривается вопросъ о произвольномъ зарожденіи организмовъ; при описаніи кишечнополостныхъ—говорится о лучевой симметріи животныхъ, о явленіи симбіоза въ біологіи и о чередованіи поколѣній; при описаніи червей—говорится о паразитизмѣ, влекущемъ за собою регрессивный метаморфозъ, о диморфизмѣ и метаморфозѣ, которыя излагаются общедоступно и интересно на простыхъ примѣрахъ. При описаніи членистоногихъ, значеніе, которое авторъ придаетъ біологической сторонѣ, выступаетъ особенно отчетливо. Весьма интересно изложены постройка сѣти и ловли добычи паукомъ, жизнь, устройство улья и роеніе пчелъ, жизнь и постройки муравьевъ и т. п. Метаморфозъ насекомыхъ, равно какъ значеніе и цѣлесообразность этого біологическаго явленія для насекомыхъ объясненъ на рядѣ примѣровъ (могильщики, долгоносики, наѣздики). Не менѣе интересно и понятно объясняется инстинктъ и значеніе насекомыхъ въ природѣ для перекрестнаго опыленія цвѣтовъ и для человѣка въ смыслѣ полезности (пчела, тутовый шелкопрядъ), и вреда (саранча, мухи—распространители заразныхъ болѣзней, комары—лихорадки, блохи—чумы). Отмѣтимъ, однако, что нѣкоторые вопросы могли бы быть изложены и по подробнѣе какъ, напр., образованіе коралловыхъ острововъ и рифовъ, образованіе жемчуга и ловъ жемчужницы, вылавливаніе губокъ, устричный промыселъ и друг.

Къ числу большихъ достоинствъ учебника надо отнести отсутствіе ошибокъ и бросающихся въ глаза неточностей. Мы не можемъ поставить въ упрекъ автору, что онъ въ иныхъ случаяхъ сознательно, повидимому, предпочитаетъ иногда болѣе старыя данныя новѣйшимъ, если эти послѣдніе не вполне установлены, и первыя значительно легче для пониманія. Такъ онъ удерживаетъ прежнюю классификацію птицъ, и не гонится за новѣйшей, выработка которой еще не закончена. Онъ удерживаетъ прежній взглядъ на плавательный пузырь и не увлекается новыми данными, трудно объяснимыми для ученика среднихъ классовъ. Хотя такая уступчивость теоріи требованіямъ практики должна имѣть свои предѣлы, которые, какъ увидимъ ниже, иногда переступаются авторомъ. Къ сожалѣнію авторомъ не приложено рисунковъ и комиссія не могла судить о ихъ выборѣ. Во всякомъ случаѣ морфологическій и систематическій матеріалъ, даваемый

учебникомъ, слѣшкомъ обилонъ для средней школы. Размѣрами учебникъ немнога менѣе такового Мензбира, а имопно по приблизительному расчету составить около 17 листовъ въ 40.000 буквъ. Если авторъ желаетъ сдѣлать учебникъ вполне пригоднымъ для средней школы, то онъ долженъ подвергнуть его значительному сокращенію. Комиссія вполне понимаетъ всю трудность этой задачи, но думаетъ, что она, все-таки, достижима и должна быть выполнена авторомъ, а не предоставляема на усмотрѣніе преподавателя. Въ настоящемъ его видѣ учебникъ даетъ такія подробности (съ точки зрѣнія средней школы), о которыхъ не можетъ быть дано ученикамъ яснаго представленія. Хотя учебникъ написанъ въ восходящемъ порядкѣ, по передъ позвоночными дается очеркъ чловѣческаго организма и его отправлений. Намъ казалось бы болѣе умѣстнымъ помѣстить этотъ очеркъ въ началѣ учебника, оставивъ восходящій порядокъ, и замѣнить имъ разсужденія общаго характера, которыми начинается учебникъ, и которыя, какъ указано, были бы умѣстнѣе въ концѣ книги.

Это можно сказать о всѣхъ общихъ характеристикахъ, мѣстами предносимыхъ авторомъ отдѣльнымъ группамъ. При этихъ характеристикахъ автору приходится употреблять термины и пайменованія, которые или объясняются общими фразами, или вовсе остаются безъ объясненія. Когда ученикъ будетъ читать главу, посвященную общему плану строенія позвоночныхъ, то здѣсь говорится и о позвонкахъ, и о хордѣ и о ланцетникѣ, и объ амфибіяхъ. Не трудно видѣть, что обо всемъ этомъ, даже если бы и были даны всегда краткія разъясненія понятій, ученикъ вынесетъ весьма смутное представленіе. Можно быть увѣреннѣмъ, что преподаватель перенесетъ эти характеристики въ другое мѣсто и поставитъ ихъ по крайней мѣрѣ послѣ конкретнаго изученія хотя бы одного представителя характеризуемой группы. Но такое перенесеніе не всегда возможно сдѣлать, такъ какъ описаніе представителей, естественно, ведется въ учебникѣ, такъ какъ его и слѣдуетъ вести послѣ предварительнаго общаго очерка, т. е. предполагается, что основныя понятія ученикамъ уже извѣстны. Но отрицая значенія такихъ характеристикъ и общихъ соображеній, комиссія полагаетъ, что они должны слѣдовать въ курсѣ средней школы послѣ конкретнаго изученія, а не предшествовать ему, какъ это дѣлается въ курсахъ университетскихъ. Затѣмъ, если имѣть въ виду учениковъ среднихъ классовъ, то надо сознаться, что многія общія соображенія автора, какъ, напримѣръ, о происхожденіи материнской привязанности, общественныхъ инстинктовъ и вообще психической высоты

млекопитающихъ, въ частности человѣка, какъ результата питанія дѣтенышей матерю (стр. 257), а равно и многія другія, помѣщенныя въ началѣ учебника, превышаютъ уровень пониманія учениковъ. Можетъ быть, было бы лучше о нѣкоторыхъ обобщеніяхъ такого рода вовсе не упоминать въ учебникѣ для средней школы. Безусловно должна быть измѣнена глава относительно переходныхъ формъ и оставленъ въ сторонѣ вопросъ о переходныхъ формахъ между высшими приматами. А съ другой стороны введеніе понятія о царствѣ человѣка, какъ не вполне научнаго, совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что въ курсѣ зоологіи человѣкъ изучается лишь чисто съ физической точки зрѣнія. Вообще, необходимо понизить уровень обобщеній, если даже имѣть въ виду и старшіе классы, не говоря уже о низшихъ, а равно избѣгать обобщеній болѣе или менѣе проблематическаго или слишкомъ отвлеченнаго характера.

Обратимся теперь къ частностямъ.

Анатомо-гистологическая часть книги составлена слишкомъ подробно для учебника, при чемъ авторъ отвелъ въ ней нѣкоторымъ отдѣламъ слишкомъ много, а другимъ очень мало мѣста. Такъ, напримѣръ, отдѣлъ о клѣткѣ занимаетъ 6 страницъ, а на описаніе такихъ важныхъ тканей, какъ нервная ткань, кровь и др., авторъ посвящаетъ не болѣе одной страницы. Кромѣ того, въ описаніи тканей встрѣчаются мѣста, которыя указываютъ на незнакомство автора съ повѣйшими научными данными. Такъ, совершенно неудачно опредѣленіе крови. Описаніе роли бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ и кровеобразовательныхъ органовъ не выдерживаетъ критики. Авторъ полагаетъ, что первыя превращаются въ красныя кровяныя клѣтки, а кровеобразовательные органы, въ томъ числѣ и костный мозгъ, служатъ для образованія бѣлыхъ кровяныхъ клѣтокъ, часть которыхъ потомъ превращается въ этихъ органахъ въ красныя клѣтки. До сихъ поръ еще никому не удалось констатировать превращенія безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣтокъ въ красныя. Точно также негѣрные данныя сообщаются (стр. 236) относительно того, какъ начинаются лимфатическіе сосуды въ тканяхъ: начинаются они вовсе не лимфатическими каннеллярами, а межкѣлочными ходами. „Мышцы состоятъ изъ вещества, способнаго сокращаться подъ вліяніемъ импульсовъ отъ нервной системы“, между тѣмъ какъ вещество, изъ котораго построены мышечныя клѣтки, обладаетъ способностью сокращаться отъ непосредственнаго дѣйствія на него различныхъ раздражителей. Далѣе, ткань неправильно опредѣляется, какъ „соединеніе клѣтокъ одинаково

измѣненныхъ“ (стр. 47). Соединительная ткань испускаетъ „основною“ тканью, а въ эпителиальной ткани клѣтки плотно прилегаютъ другъ къ другу (стр. 47), безъ раздѣленія ихъ межкѣлочнымъ веществомъ“. „Рѣснички“, говоритъ г. Ивановъ, „находятся обыкновенно въ колебательныхъ движеніяхъ взадъ и впередъ“ (стр. 48). Всѣ эти данныя или источны, или даже повѣрны. Опредѣлять чувствующія клѣтки такъ, какъ ихъ опредѣляетъ авторъ на стр. 50, — нельзя. Межкѣлочное вещество соединительной ткани не можетъ быть разсматриваемо, какъ продуктъ выдѣленія клѣтокъ (см. стр. 50), а вещество хряща вовсе не однородно, какъ это думаетъ авторъ (стр. 51). Гладкія мышцы, по мнѣнію автора, состоятъ изъ однороднаго сократительнаго вещества, въ дѣйствительности же онѣ состоятъ изъ фибриллей и межфибрилярнаго вещества.

Такіе же пробѣлы встрѣчаются и въ зоологической части. Такъ Акалефъ слѣдовало бы разсматривать какъ самостоятельный классъ, а не какъ отрядъ класса полипомедузъ, ложностъчатокрылыхъ (стрекозъ и термитовъ) авторъ совершенно неправильно относитъ къ сѣтчатокрылымъ, съ которыми они имѣютъ очень мало общаго; въ настоящее время ихъ соединяютъ вмѣстѣ съ другими представителями (кузнечики и т. под.) въ отрядъ прямокрылыхъ, или же выдѣляютъ въ самостоятельный отрядъ Odonata. Не менѣе устарѣлымъ является и дѣленіе пластинчатожабѣрныхъ моллюсковъ на сифонныхъ и бесифонныхъ.

Нѣсколько страннымъ является сравненіе, что „компатная муха похожа на маленькую пчелу“, а также употребленіе, вмѣсто укоренившихся въ зоологіи терминовъ, новыхъ названій, такъ на примѣръ вмѣсто инициализированія говорится о зацестированіи, вмѣсто общепотребительнаго названія рѣсничныхъ инфузорій, морскихъ кубышекъ, ультрафіолетовыхъ лучей—говорится о рѣснитчатыхъ инфузоріяхъ, морскихъ огурцахъ, зафіолетовыхъ лучахъ. Эти новые термины подчасъ даже искажаютъ смыслъ: такъ при дѣленіи типа членистоногихъ на классы авторъ называетъ ихъ „раки“ и „пауки“ вмѣсто общепотребительныхъ названій „ракообразныхъ“ и „паукообразныхъ“—это смѣшеніе тѣмъ болѣе нежелательно, такъ какъ „пауки“ составляютъ одинъ изъ 8 или 9 отрядовъ класса паукообразныхъ. Точно также говоря о ходильныхъ или грудныхъ ножкахъ членистоногихъ авторъ неоднократно называетъ ихъ „лапками“ — терминомъ, которымъ у насекомыхъ обозначаются лишь конечныя части ножекъ (tarsi).

Къ числу ошибокъ слѣдуетъ отнести, то, что промежуточное вещество (основная перепонка или студенистое вещество) кишечнополостныхъ называется мезодермой. Точно также и сосудъ, или сслетеніе сосудовъ, соединяющій брюшное и спинное кровеносное кольцо итлокожихъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ не есть сердце, какъ его называетъ авторъ, а можетъ быть уподоблено лимфодной железѣ.

Что касается до позвоночныхъ, то кромѣ вышеуказанныхъ общихъ недостатковъ, можно отмѣтить нѣкоторыя частности.

Особенно странно объясненіе, даваемое авторомъ роли легочныхъ мѣшковъ птицъ на стр. 318: „Надувая ихъ, птица становится по объему своему больше, при сохраненіи прежняго вѣса тѣла, иными словами, удѣльный вѣсъ ея уменьшается и она съ меньшимъ усиліемъ можетъ подняться кверху“. А далѣе идетъ разъясненіе, какими образомъ птица можетъ неравномѣрнымъ расширеніемъ мѣшковъ передней и задней части тѣла измѣнить положеніе центра тяжести своего тѣла. Мы не знаемъ, откуда авторъ заимствовалъ эти данныя, но, если они составляютъ его собственное соображеніе, то онъ совершенно упустилъ изъ виду, что вѣдь въ воздушныхъ мѣшкахъ будетъ тотъ же самый воздухъ, который окружаетъ птицу и что сколько она потеряетъ въ вѣсѣ отъ увеличенія объема, то столько же и приобрететъ отъ наполненія воздушныхъ мѣшковъ. Если авторъ имѣлъ въ виду уменьшеніе вѣса птицы вслѣдствіе нагрѣванія поступившаго въ ея мѣшки воздуха, то, во-первыхъ, онъ объ этомъ ничего не сказалъ, а во-вторыхъ потеря эта врядъ ли будетъ настолько значительна, чтобы могла играть существенную физиологическую роль. Вообще на изложеніи роли этихъ органовъ нисколько не отразились болѣе позднія изслѣдованія Бэра (Baer), 1896 г. Затѣмъ нужно ли соединять ланцетника съ позвоночными и выигрываетъ ли отъ этого практическая сторона преподаванія? Удобно ли называть конечности позвоночныхъ, построенныхъ по типу сложнаго рычага, *членистыми*? Хорда состоитъ „изъ плотной ткани, похожей на хрящъ“, по словамъ автора (стр. 210), но сходство это ограничивается только консистенціей. Не лучше ли замѣнять иностранные термины русскими, гдѣ это возможно. Такъ, на примѣръ, можно говорить вмѣсто „синовіальная жидкость“ (стр. 216) — „сочленовная жидкость“, вмѣсто „хоаны“ (стр. 248) — „задис-посовыя отверстія“, вмѣсто „рептиліи“ — „пресмыкающіяся и т. д.

Неудобны такія выраженія, какъ на примѣръ, человекъ и млекопитающія „кормятъ дѣтей своимъ собственнымъ тѣломъ“ (стр. 256,

257), или „якра окуня имѣеть видъ сѣти, сплетенной изъ шнуровъ“ (стр. 274).

Если имѣть въ виду учениковъ III класса, то, конечно, нельзя одобрить цѣлаго ряда вводимыхъ въ изложеніе безъ объясненія понятій) какъ удѣльный вѣсъ, теплопроводность и т. п.

Въ общемъ все-таки авторъ даетъ намъ толковое и научное изложеніе зоологическихъ данныхъ и указанные второстепенные недостатки не могутъ, конечно, заставить забыть о достоинствахъ книги, заставляющихъ комиссію отдать ей предпочтеніе передъ прочими.

II.

О порядкѣ представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго.

Для представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ съ разрѣшенія бывшаго министра, слѣдующій порядокъ:

I. *По разряду гимназій*: на премію 1904 года—группа „исторія и географія, всеобщая и русская“,

II. *По разряду реальныхъ училищъ*: на премію 1904 года—группа „математика, математическая географія и физика“. Въ виду того, что отъ конкурса нынѣшняго года остались невыданными двѣ большія (по 2.000 р.) преміи: одна *по разряду гимназій* за сочиненія по русскому языку со словесностью и логикѣ и другая *по разряду реальныхъ училищъ* за сочиненіе по отечественной исторіи, конкурсъ для соисканія этихъ премій за означенныя сочиненія продолжается, съ разрѣшенія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, на 1 годъ, съ назначеніемъ срокомъ для представленія сихъ сочиненій въ ученый комитетъ 1-го ноября сего года.

III. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія* на премію 1903 года назначается „Исторія Россіи для народа“. Требования и примѣрная программа, коимъ должно удовлетворять это сочиненіе, объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ, книжка VII-я.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го полбря. Учебныя руководства и пособія принимаются, для соисканія премій, какъ печатныя, такъ и рукописныя, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представляемы и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ накета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожителство.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

XIV.

Избраніе Петра Великаго на царство.

Избраніе Петра Великаго на царство излагается нашими историками съ нѣкоторыми отличіями и отгѣнками у каждаго.

По Устрялову ²⁾, событіе состояло изъ слѣдующихъ послѣдовательныхъ моментовъ:

- 1) Обрядъ прощанія съ покойнымъ царемъ;
- 2) Жалованіе царевичами Іоанномъ и Петромъ всѣхъ чиновъ къ рузѣ;
- 3) Вопросъ патриарха, предложенный въ Передней палатѣ духовенству и боярамъ: кому быть царемъ? и отвѣтъ: слѣдуетъ предоставить рѣшеніе всѣмъ чинамъ Московскаго государства;
- 4) Подобный же вопросъ патриарха къ народу, собравшемуся на площади передъ церковью Спаса за рѣшеткою, и единогласный отвѣтъ его: быть царемъ Петру;
- 5) Такой же вопросъ патриарха къ боярамъ и царедворцамъ; отвѣтъ, тожественный тому, что данъ народомъ;
- 6) Возвращеніе патриарха во внутреннія палаты дворца и благословеніе Петра на царство;

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

²⁾ *Устряловъ*, I, 15. Не упоминаю о болѣ раннихъ историкахъ, какъ, напримеръ, Крекшнинъ. Послѣдній, хотя и пользовался документами официальными, но внесъ въ нихъ столько риторики и искаженій, въ зависимости отъ предвзятаго взгляда, что его изложеніе давно уже потеряло всякое серьезное значеніе.

7) Присяга Петру всей Москвы въ тотъ же день.

По изложенію Устрялова, избраніе произошло совершенно гладко, единодушно, и при томъ не по желанію отдѣльныхъ лицъ, какой-либо партіи, а именно *всѣхъ* чиновъ, служившихъ какъ бы олицетвореніемъ всего государства. Наконецъ, ничто не показываетъ, чтобы вопросъ объ избраніи предварительно вызывалъ какіе-нибудь споры или недоумѣнія: избраніе прошло гладко именно потому, что ни у кого не было никакого иного кандидата и никто не думалъ о возможности иной кандидатуры. Устряловъ писалъ, слѣдуя официальной запискѣ 27-го апрѣля ¹⁾, составленной партіею, только что одержавшей верхъ, чѣмъ и объясняется благодушный тонъ повѣствованія нашего историка.

Порядокъ изложенія у *Соловьева* ²⁾ тотъ же. Въ первыхъ трехъ пунктахъ онъ совершенно совпадаетъ съ Устряловымъ. Отвѣтъ же „народа“ или „всякихъ чиновъ людей“, какъ ихъ называетъ Соловьевъ, у послѣдняго иной: вмѣстѣ съ Петромъ выкрикивали и Иоанна; но эти крики были заглушены. Далѣе нашъ историкъ ограничивается фразою: „Всѣхъ чиновъ люди рѣшили дѣло: патриархъ возвратился во дворецъ и благословилъ на царство Петра“. Такимъ образомъ въ изложеніи Соловьева намѣчаются двѣ партіи, два различныхъ желанія; но эти желанія проявились лишь въ „народѣ“, на крыльцѣ Кремлевскаго дворца.

Есть отличія и у *Погодина* ³⁾. Подобно Устрялову, онъ также говоритъ о единогласномъ избраніи Петра или по крайней мѣрѣ настолько, вѣроятно, ничтожнымъ считаетъ единичный „голосъ“ Сумбулова, что упоминаетъ о немъ въ другомъ мѣстѣ своего разсказа ⁴⁾; зато мирный характеръ избранія объясняетъ тѣмъ, что „Милославскіе на первыхъ порахъ предоставили открытое поле для дѣйствій Нарышкинской партіи, которая, имѣя въ рукахъ всѣ правительственныя средства, и устроила избраніе Петра“. Наконецъ, другая особенность Погодинскаго изложенія: по Устрялову, получивъ отвѣтъ народа, патриархъ тутъ же, на крыльцѣ, обращается съ вопросомъ къ боярамъ и царедворцамъ (потому что съ ними, „съ властями и людьми думными“, онъ вышелъ и на крыльцо),—по Погодину же, онъ идетъ на верхъ, такъ какъ бояре оставались тамъ, не спускаясь внизъ.

¹⁾ Устряловъ, I, 268.

²⁾ Соловьевъ, XIII, 314.

³⁾ Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ, 29.

⁴⁾ Ibidem, 30.

Аристовъ ¹⁾ о самомъ избраніи рѣчи не ведетъ, а только подчеркиваетъ, сообразно общей задачѣ своего изслѣдованія, оппозицію Сумбулова и отказъ стрѣльцовъ Карандѣевского полка дать присягу.

Въ изложеніи *Костомарова* ²⁾ встрѣчаются особенности, которыхъ нѣтъ у другихъ историковъ, писавшихъ объ этомъ событіи. Патриархъ начинаетъ съ запроса къ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ; но тѣ далеки отъ мысли предоставить рѣшеніе чинамъ Московскаго государства, а берутъ его на себя, при чемъ „совѣтъ раздѣлился: большинство было за Петра, нѣкоторые поддерживали право первородства царевича Ивана. Чтобы прекратить недоумѣніе, патриархъ предложилъ совершить избраніе царя согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Немедленно созваны были на Кремлевскую площадь служилые, всякаго званія гости, торговые, тяглые и всякихъ чиновъ выборные люди“ (благо въ это время, по случаю земскаго собора, выборные люди были на лицо въ Москвѣ). Вопросъ патриарха и на этотъ разъ вызвалъ разногласіе: называли обоихъ царевичей. Патриархъ вторично задалъ вопросъ. „Раздались было снова голоса въ пользу Ивана, но ихъ покрылъ громкій крикъ“ въ пользу младшаго брата,—послѣ чего патриархъ благословилъ Петра, и затѣмъ послѣдовала всеобщая присяга.

Не трудно видѣть, что повторительный вопросъ патриарха къ толпѣ введенъ *Костомаровымъ*, при обычной заботѣ этого историка о живости и картинности изложенія, въ силу (справедливаго) убѣжденія въ психологической правдоподобности подобнаго повторенія; но какъ фактъ историческій, его нельзя обосновать на имѣющихся у насъ на лицо матеріалахъ. Необходимость вторичнаго запроса, обуславливая вторичное же заявленіе сторонниковъ Петра, неизбѣжно придавала этому заявленію, разъ голоса противные были окончательно заглушены, бѣольшую силу и авторитетность. Такое заявленіе, если оно ужъ было сдѣлано, до извѣстной степени должно было парализовать возможность появленія противоположнаго мнѣнія среди какой либо еще иной группы людей. Вотъ почему, въ силу опыта—таки, можетъ быть, психологической правды, *Костомаровъ* молчитъ о запросѣ патриарха къ боярамъ послѣ отвѣта чиновъ, и выходитъ, что Петръ былъ избранъ „всякихъ чиновъ людьми“, но только не духовенствомъ и не боярами. Остается неизвѣстнымъ, откуда почерпнулъ авторъ извѣстіе

¹⁾ *Аристовъ*, Московскія смуты, 66.

²⁾ *Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, V, 477—478.

о несогласіи между высшими сановниками? Однако въ этомъ случаѣ опъ не ошибся: повѣйшія данныя подтверждаютъ его указанія.

Едва ли не ближе всего къ Костомарову излагаетъ событія 27-го апрѣля 1682 г. *Щебальскій* ¹⁾, хотя и у него есть довольно существенныя отличія въ пониманіи хода дѣйствія. Поклонившись праху усопшаго царя, говоритъ опъ, патріархъ съ духовенствомъ и знатнѣйшими свѣтскими сановниками сталъ совѣщаться объ избраніи новаго государя. „Позволятельно думать, что страсти въ эту минуту не дремали“; пельзя довѣрять официальнымъ документамъ, будто рѣшеніе собранія прошло спокойно и единодушно. Правда, младшій царевичъ восторжествовалъ, но, подъ вліяніемъ партизановъ Софіи, патріархъ вынужденъ былъ выйти на Красное крыльцо, къ толпѣ народа, и „подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе“. Новый запросъ Іоакима былъ новымъ торжествомъ царевича Петра: единичныя попытки провозгласить Ивана были заглушены общимъ приговоромъ толпы: „Да будетъ царемъ Петръ“! Тогда патріархъ вернулся въ палаты, осѣнилъ Петра крестомъ и нарекъ его царемъ.

Материалами по данному вопросу намъ служатъ:

1) Официальная записка 27-го апрѣля, составленная въ Разрядѣ: „Объявленіе о кончинѣ ц. и в. кн. Ѳедора Алексѣевича и о избраніи царевича и в. кн. Петра Алексѣевича“ ²⁾;

2) Актъ о совокунномъ восшествіи на престолъ Іоанна и Петра и о врученіи правленія царевнѣ Софіи, отъ 29-го мая ³⁾, документъ,

¹⁾ Правленію царевны Софіи. М. 1856 г., стр. 16—18.

²⁾ Напечатана нѣсколько разъ: 1) Пол. Соб. Зак. II, стр. 384—387, № 914; 2) Дрвн. Росс. Вивл. XV, 283—290; 3) въ статьѣ Г. Ф. Миллера: „Первое воцареніе Петра В.“ (*Туманскій*, Собран. разн. запис., V, 156—162); 4) Записки Медвѣдова, стр. 43—46 (по изд. Прозоров.); 5) Собр. Гос. Гр. Дого. IV, 412—413. Лучшій текстъ—въ Полн. Собраніи Законовъ, но тамъ опъ оканчивается фактомъ принесенія присяги повозбранному государю. Въ Древней же Росс. Вивліоискѣ продолжено. Петръ жаловалъ къ рукѣ, съ перечисленіемъ кого именно; отмѣчено, что за все это время подлѣ Петра находилась неотлучно мать его. Миллеръ ведетъ свою выписку еще далѣе, отмѣчал, кто приводилъ къ присягѣ и гдѣ проповодилась самая присяга: Медвѣдевъ оканчивается тамъ же, гдѣ и Др. Росс. Вивліоиска; текстъ его, сравнительно съ текстомъ П. Собр. Законовъ, слегка въ измѣненной редакціи. Въ Собр. Гос. Гр. и Договоровъ—лишь небольшой отрывокъ изъ всего акта.

³⁾ Собр. Гос. Гр. Догов. IV, 441—445.

на который Устряловъ ¹⁾ основательно считаетъ невозможнымъ опираться ²⁾;

3) Книга записная царя и вел. кн. Петра Алексѣевича въ 190 г. ³⁾—указаніе, гдѣ, въ какихъ церквахъ и правительственныхъ мѣстахъ приводили къ присягѣ;

4) Записки А. А. Матвѣева: въ нихъ ничего нѣтъ о *порядкѣ* избранія, но онѣ рисуютъ взаимное настроеніе партій;

5) Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ въ „Архивѣ кн. Куракина“, I, 43—44: нѣсколько характерныхъ подробностей.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ избраніе Петра можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

27-го апрѣля 1682 г., въ 4 часа пополудни ⁴⁾ три обычныхъ удара въ большой соборный колоколь ⁵⁾ возвѣстили жителямъ Москвы о смерти царя Θεодора Алексѣевича. Въ теремныхъ покояхъ собралось высшее духовенство и придворная знать: патриархъ съ митрополитами и архіепископами; царевичи касимовскіе и сибирскіе; бояре, окольнічій, думные дворяне и генералы; — столъники же, стряпчие,

¹⁾ Устряловъ I, 268—269.

²⁾ Нѣтъ ни слова о совѣщаніи патриарха съ боярами на Верху, о собраніи чиновъ передъ Спасомъ за рѣшеткою, о вопросѣ, къ нимъ обращенномъ, и данномъ отвѣтѣ. По „Акту“ патриархъ съ чинами непосредственно проситъ обоихъ царевичей принять власть, на что Іоаннъ отвѣчаетъ, что пристойно царомъ быть Петру, потому что у него здравствуетъ мать его. Это совершенно напоминаетъ Крешнина, въ изложеніи котораго царевичъ Іоаннъ, въ отвѣтъ на просьбы принять корону, говоритъ патриарху: „Яко Петръ царствуетъ, съ Петромъ царствую и азъ; азъ царствую — царствуетъ со мною и Петръ; но азъ всегдашнихъ ради скорбей править сего великаго царствія не могу“; къ царицѣ же Наталѣ обращается съ такими словами: „аще два будемъ царствовать, то царствіе наше чрезъ чиновные наши люди будетъ раздвоено“ (Экстрактъ изъ журналовъ великославныхъ дѣлъ в. г. царей и в. кн. Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича... собранный Крешнинимъ. Рукош. Ими. Публ. Библи. Древлехран. Погодина, № 1731).

³⁾ Соловьевъ, XIII, приложение.

⁴⁾ „Въ 13 часъ днй во второй четверти въ четвертокъ, на Ѳоминной недѣлѣ“ (Древ. Росс. Вивл. XI, 211); 13-й же часъ указанъ и въ Древ. Росс. Вивл. XV, 283.—У Медвѣдева, 42 и въ „Разрядѣ безъ мѣстъ 190 г.“ (Соловьевъ, XIII, 394): „въ 13-мъ часу въ началѣ“. Въ надписи, окружающей изображеніе царя Θεодора, находящейся у его гробницы въ Архангельскомъ соборѣ, показано: „13 часа днй въ первой четверти“ (Историч. и топографич. описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами... М. 1767, стр. 24 второй пагин.).—Въ Пол. Соб. Зак. II, № 914 показанъ 12-й часъ; но это очевидная опечатка, такъ какъ текстъ Пол. Соб. Зак., Др. Росс. Вив., XV и Медвѣдева—одна и та же Разрядная записка.

⁵⁾ Архивъ кн. Куракина, I, 43.

дворяне, дьяки, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскіе, гости и гостинной и черныхъ сотенъ и иныхъ чиновъ люди ¹⁾ толпились вѣдъ хороми, по корридорамъ, внутреннимъ дворамъ и площадкамъ. Этой минуты ждали; къ ней готовились. Всѣхъ волновала одна и та же мысль: Иванъ или Петръ? Были сторонники того и другого. Каждый шелъ съ готовымъ мнѣніемъ, но всѣ ли проявятъ его наружу, всѣ ли станутъ энергично отстаивать его? У всѣхъ ли это мнѣніе вызоветъ соответствующее рѣшеніе? Вопросъ, волновавшій умы, былъ слишкомъ деликатнаго свойства, а при подобныхъ обстоятельствахъ рѣшеніе чаще всего принадлежитъ тому, у кого окажется въ надлежащую минуту болѣе рѣшимости и находчивости. Какъ бы ни было, никто не могъ поручиться, чѣмъ кончится сегодняшній день, и нѣкоторые изъ бояръ даже сочли не лишнимъ, идя во дворецъ, надѣть панцири подъ верхнюю одежду ²⁾.

Послѣ того какъ царская семья простилась съ усопшимъ, къ тѣлу допущены были и всѣ чины, высшіе и низшіе. Отдавъ послѣднюю дань, они поочередно подходили къ царевичамъ Иоанну и Петру: братья жаловали ихъ къ своей рукѣ, оба вмѣстѣ, и тотъ, и другой. Уже съ этой минуты они соперники; уже въ этомъ одновременномъ пожалованіи чувствуется какъ бы ревнивый споръ и молчаливая борьба, подчеркнутый отказъ поступиться своими правами въ пользу другого.

А вопросъ о преемникѣ Феодору надо было, конечно, рѣшать сейчасъ же, нисколько не медля. Передовая роль въ вопросѣ такой государственной важности и по сану, и по традиціямъ выпадала патриарху. Когда всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, онъ поставилъ собравшимся въ передней палатѣ властямъ и боярамъ вопросъ: кому быть царемъ? Официальная записка ³⁾ излагаетъ дѣло словами: „И говоря положили, что тому избранію быти общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей“. Смыслъ этой фразы тотъ, что власти и бояре не признали за собою, по крайней мѣрѣ за собою одними, права выбора. Но какъ пришли они къ такому выводу, принципиально ли считая необходимымъ привлечь къ обсужденію вопроса и посторонніе голоса, или какъ результатъ собственнаго безсилія придти къ какому либо рѣшенію—изъ записки не видно. Общій тонъ

¹⁾ Перечень ихъ сдѣланъ по „Объявленію о кончинѣ“. Пол. Соб. Зак. II, 385.

²⁾ Матвеевъ, изд. Сахарова, 5.

³⁾ Пол. Собр. Законовъ.

послѣдней скорѣе допускаетъ первое толкованіе; но такой выводъ оказался бы преждевременнымъ и торопливымъ. Официальной запискѣ естественно было сгладить непріятныя шероховатости, если таковыя были. А что они были, въ этомъ можно убѣдиться ¹⁾ изъ свидѣтельства кн. Б. И. Куракина. Послѣдній прямо говоритъ, что вопросъ, поставленный патріархомъ, вызвалъ разногласію, „несогласіе“: одни хотѣли видѣть царемъ Іоанна, другіе—Петра ²⁾).

Такимъ образомъ рѣшеніе обратиться къ остальнымъ чинамъ, если и могло вытекать изъ признанія избирательныхъ правоспособностей за всѣми лишь сообща, то въ данномъ случаѣ оно явилось неизбѣжнымъ уже по одному тому, что лица, собравшіяся на Верху, сами отдѣльно фактически оказывались безсильными подвинуть дѣло. Совершенно затушевать возникшее между боярами разногласіе не сумѣла даже и официальная записка: „и говоря положили“, выражается она,—т.-е. не просто постановили, а предварительно „поговоривъ“, въ данномъ случаѣ поспоривъ. Зато теперь каждый сгнѣшилъ найти точку опоры своему мнѣнію внѣ теремныхъ покоевъ, тѣмъ болѣе, что собравшіеся внизу столычники и прочіе чины, созданные передъ тѣмъ правительственною властью съ разныхъ концовъ Московскаго государства, дѣйствительно, олицетворяли въ эту минуту, хотя бы и фиктивно, волю и желаніе всей Русской земли.

Патріархъ вышелъ на крыльцо, чтò передъ Переднею; вслѣдъ за нимъ архіерои, бояре, окольниковіи, думные и ближніе люди. Чины были созваны и поставлены въ верху на дворѣ, чтò передъ церковью Спаса Нерукотвореннаго, и на площади, чтò за преградю; патріархъ обратился и къ нимъ съ тѣмъ же вопросомъ: кому быть царемъ? И здѣсь дѣло прошло не гладко. Шумныхъ и противорѣчивыхъ заявленій, пожалуй, было еще больше, чѣмъ во внутреннихъ покояхъ, хотя

¹⁾ Сравн. редакцію этой фразы у Медвѣдева: „И совѣтовавшие положили, что тому избранію быти общимъ согласіемъ“ и т. д. *Совѣтовавшие*, значитъ, вопросъ обсуждался, высказывались мнѣнія, а мнѣнія могли быть различныя. Самое выраженіе: „общимъ согласіемъ“ какъ бы указываетъ, что высшіе чины искали у низшихъ того, чего имъ самимъ недоставало въ данную минуту.

²⁾ Выписываемъ соотвѣствующее мѣсто: „И когда патріархъ объявилъ всѣмъ о смерти и предложилъ о избраніи на царство изъ двухъ братьевъ царевича Івана и Петра Алексѣевичевъ,—и стало быти несогласіе, какъ въ боярѣхъ, такъ и площадныхъ: одинъ—одного, а другіе—другого. Однакожь большая часть, какъ изъ бояръ и изъ знатныхъ и другихъ площадныхъ, также и патріархъ явились склонны избрать меньшого царевича Петра Алексѣевича. И по многемъ несогласіи, тогожь дня избрали царевича Петра Алексѣевича“ (Архивъ кн. Куракина, I, 43).

бы по одному тому, что было больше участвующихъ. Матвѣевъ ¹⁾ упоминаетъ М. Сумбулова, особенно рѣзко выкрикивавшего имя царевича Іоанна; этотъ фактъ въ связи съ умолчаніемъ того же Матвѣева о несогласіяхъ на Верху, тоже даетъ право думать, что тутъ, внизу, было гораздо шумиѣе и болѣе спора. Большинство впрочемъ оказалось на сторонѣ Петра; голоса противной партіи заглушены.

Официальная записка 27-го апрѣля ни однимъ словомъ не обмолвившаяся ни о Сумбуловѣ, ни вообще о какой либо разногласіи, излагаетъ дѣло такъ, что послѣ отвѣта, даннаго младшими чинами, патріархъ обратился къ высшимъ чинамъ, и тѣ также назвали Петра. Трудно сказать, происходила ли эта *последовательность* вопросовъ и отвѣтовъ на самомъ дѣлѣ, или рѣшеніе выяснилось одновременнымъ со стороны всѣхъ присутствующихъ, какъ на дворѣ, такъ и на крыльцѣ, признаніемъ Петра. Последнее вѣроятіе. Какого-нибудь порядка и последовательности въ отбираниіи мнѣній не могло быть тамъ, гдѣ царилъ въ сущности безпорядокъ и волненіе, охватившее всѣхъ и каждого. Трудно допустить, чтобъ бояре-сторонники Ивана, держали себя вполне пассивно, когда внизу дѣйствовали Сумбуловъ и его единомышленники. Но лишь только собраніе почувствовало, что перевѣсъ на сторонѣ Петра,—перевѣсъ, по всей вѣроятности, формулированный патріархомъ, то дальнѣйшимъ опросамъ уже не могло быть мѣста. И всего менѣе можно допустить последовательность фактовъ, предложенную Погодинымъ ²⁾: узнавъ на крыльцѣ мнѣніе младшихъ чиновъ, патріархъ возвращается на Верхъ, будто бы сообщаетъ услышанное боярамъ и повторяетъ имъ вопросъ. Поступить подобнымъ образомъ значило рисковать всѣмъ: а что если бы бояре разошлись во мнѣніи съ остальными избирателями? Да, наконецъ, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы бояре дожидались патріарха на Верху: это было бы, во-первыхъ, психологически не вѣрно, а во-вторыхъ, противорѣчило бы официальной запискѣ, гдѣ говорится, что они сопровождали патріарха на крыльцо.

Итакъ, „по многомъ несогласіи“, царевичъ Петръ былъ избранъ на царство. Патріархъ вернулся на Верхъ и совместно съ кн. Б. А. Голицынымъ вывелъ новаго государя въ крестовую палату, провозгласилъ его царемъ и, благословивъ на царство, принесъ присягу и

¹⁾ Матвеевъ, стр. 6.

²⁾ Погодинъ, стр. 29.

поцѣловаль ему крестъ ¹⁾). Тутъ же присягнули упомянутый Голицынъ, кн. Юр. Ал. Долгорукій съ сыномъ Михаиломъ „и весь ихъ родъ линии Ѳедоровичевъ Долгорукихъ. Также кн. Г. Г. Ромодановскій и другіе многіе“ ²⁾). Вообще къ присягѣ стали приводить, не теряя времени, какъ въ царскихъ хоромахъ, такъ и у Спаса, на площади и на Красномъ Крыльцѣ, въ соборѣ ³⁾, въ Передней ⁴⁾, въ Посольскомъ приказѣ, въ Рождественской церкви, въ Аптекѣ ⁵⁾ и по приходскимъ церквамъ ⁶⁾).

Вторично въ этотъ день жаловаль Петръ къ своей рукѣ ⁷⁾, по теперь уже, какъ царь и самодержавный повелитель. Въ торжественныя и вмѣстѣ критическія минуты, которыя пришлось пережить за эти часы впечатлительному ребенку, все это время подлѣ него неотступно находилась его мать, царица Наталья ⁸⁾).

XV.

Объ участіи патріарха Іоакима въ избраніи Петра Великаго на царство.

По мнѣнію Устрялова, Соловьева, Костомарова, Погодина, а за ними и Брикнера, причина смуть, сопровождавшихъ воцареніе Петра Великаго, лежала въ семейной распрѣ царскаго дома. Аристовъ, не отрицая значенія раздоровъ между Милославскими и Нарышкиными, подчеркнул „различіе воззрѣній на государственную жизнь Россіи, неодинаковую привязанность къ порядкамъ и обычаямъ родины“ ⁹⁾; нѣсколько позже Бѣловъ значительно раздвинулъ рамки аристовскаго опредѣленія и указываль, какъ на весьма важный факторъ—на умственное броженіе тогдашняго московскаго общества, на споръ изъ-за культурныхъ принциповъ по вопросу о томъ, какому направленію лучше слѣдовать въ образованіи, греческому или латинскому. Выходя изъ этого взгляда, Бѣловъ пытался освѣтить между прочимъ и роль

¹⁾ Архивъ кн. Куракина, I, 44.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, 43.

⁴⁾ *Туманскій*, V, 162.

⁵⁾ Книга Записная 190 года (*Соловьевъ*, XIII, 395).

⁶⁾ *Др. Росс. Визл.* XV, 291.

⁷⁾ *Медведевъ*, 46; *Древн. Росс. Визл.* XV, 290.

⁸⁾ *Туманскій*, V, 162; *Медведевъ*, 46; *Др. Росс. Визл.* XV, 290.

⁹⁾ *Аристовъ*, Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи, стр. 60.

патріарха Іоакима. Мотивы сочувственнаго отношенія его именно къ Нарышкинымъ, а не къ Милославскимъ, по объясненію названнаго историка, слѣдуетъ искать въ его симпатіяхъ къ „греческому“ направленію и въ неодобреніи „латинскаго“: патріархъ опасался-де, что съ воцареніемъ Іоанна и съ торжествомъ Милославскихъ возьметъ верхъ именно это послѣднее ¹⁾).

Съ такимъ объясненіемъ нельзя не согласиться. Но въ развитіи тогдашняго умственнаго движенія и въ оцѣнкѣ его роли въ политическихъ событіяхъ Бѣловъ недостаточно (или даже совсѣмъ) не подмѣтилъ разницы въ положеніи дѣлъ въ 1682 и въ 1689 г., а произошло это отъ того, что вопросы общекультурные онъ недостаточно отдѣлилъ ²⁾ отъ вопросовъ спеціально-церковныхъ, богословскихъ. „Въ Россіи“—говорилъ онъ—„съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе чувствовалась необходимость образованія; вслѣдствіе этой-то необходимости изъ-за богословскихъ вопросовъ и проглянулъ вопросъ, какое образованіе предпочтительнѣе, греческое или латинское“ ³⁾. Подъ „богословскими вопросами“ Бѣловъ понималъ преимущественно (если не исключительно) такъ называемую хлѣбопоклонную ересь, споръ о времени пресуществленія св. Даровъ. Споръ этотъ во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ XVII столѣтія, дѣйствительно, получилъ огромное значеніе не только спеціально церковное, но и общественно-политическое; но къ 1682 году онъ далеко еще не выдвинулся,—скажемъ болѣе, въ ту пору такого вопроса для Іоакима даже и не существовало, и мотивами его несочувствія Милославскимъ *въ это время* служили факторы исключительно общекультурнаго характера,—исключительно, разумѣется, по стольку, по скольку вообще возможно было въ XVII столѣтіи умственную жизнь русскаго общества отдѣлять отъ сферы церковно-религіозной. Выдѣлить хлѣбопоклонную ересь изъ ряда факторовъ, руководившихъ дѣйствіями Іоакима въ день 27-го апрѣля 1682 г., необходимо потому, что, хотя Симеонъ Полоцкій и Сильвестръ Медвѣдевъ—несомнѣнные противники Іоакима на почвѣ культурныхъ вопросовъ—и исповѣдывали хлѣбопоклонную ересь, но

¹⁾ *Бѣловъ*, Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887, январь, стр. 100—102.

²⁾ Слѣдуетъ оговориться: въ зависяности отъ тогдашняго состоянія исторической литературы, которой неизвѣстны были факты, ставшіе достояніемъ науки за послѣднія пятнадцать лѣтъ.

³⁾ *Бѣловъ*, назв. соч., 100.

въ ту пору самъ Іоаннъ совсѣмъ еще не видѣлъ въ томъ ничего еретическаго и неправильнаго.

Вотъ доказательства.

Православная церковь учитъ, что освященіе св. Даровъ, совершительный моментъ въ таинствѣ евхаристіи обусловленъ молитвой и словами священника: „Низпосли Духа твоего Святаго на ны и на предлагащіе дары сіи, и сотвори убо хлѣбъ сей, честное тѣло Христа твоего, а еже въ чаши сей, честную кровь Христа твоего, преложивъ Духомъ твоимъ Святымъ“¹⁾). Латинская церковь, наоборотъ, еще въ XI вѣкѣ исключила эту молитву изъ чина своей литургіи, признавъ, что заключительный актъ освященія Даровъ обусловленъ не ею, а произнесеніемъ іереемъ словъ Спасителя: „Примите, ядите, сіе есть тѣло Моє... пите отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта“. Такое толкованіе въ западной церкви получило свою санкцію на Тридентскомъ соборѣ²⁾). Въ зависимости отъ этого различнаго пониманія сложилась и разница обрядовая: колѣнопреклоненіе и поклоненіе головы передъ св. Дарами, совершаемое священнодѣйствующимъ, а за ними и всѣми молящимися, опредѣлялось тѣмъ моментомъ, который данная церковь признавала за истинный моментъ пресуществленія³⁾).

Въ Польшѣ, разумѣется, утвердилось мнѣніе латинское; но отсюда, съ десятихъ годовъ XVII столѣтія, оно стало распространяться и въ Малороссіи, среди православнаго населенія, и при томъ съ такимъ успѣхомъ, что съ половины столѣтія сдѣлалось даже преобладающимъ⁴⁾). Изъ Малороссіи естественно было латинскому мнѣнію проникнуть и въ Московскую Русь. Политическія, церковныя и литературныя связи съ Кіевомъ открыли ему туда свободный путь и придали извѣстный авторитетъ. Новое ученіе нашло здѣсь сторонниковъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ. Въ московскіе Служебники оно заносится уже съ 1651 г.⁵⁾, такъ что когда въ „Скрижали“ (1656 г.) ясно было изложено православное ученіе о пресуществленіи, то оно

¹⁾ *Остенъ*. Казань. 1865, стр. 3.

²⁾ *Остенъ*, 3—13; *Мирковичъ*, О времени пресуществленія св. Даровъ, стр. 29—30; *Сменцовскій*, Братья Лихуды, стр. 89.

³⁾ *Мирковичъ*, назв. соч., 33—34.

⁴⁾ *Мирковичъ*, 34—53; *Шляпкинъ*, Св. Димитрій Ростовскій и его время, 115—117; *Сменцовскій*, назв. соч., 93—98. Сравни. *Прозоровскій*, Сильвестръ Медвѣдовъ. *Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.* 1896, III, 224—227.

⁵⁾ *Мирковичъ*, 68.

вызвало, по крайней мѣрѣ среди раскольниковъ, не малые толки и волненія ¹⁾.

Видное участіе въ дѣлѣ распространенія новаго ученія оказали Симеонъ Полоцкій, вліятельное лицо при дворѣ Алексѣя Михайловича. Онъ изложилъ его сперва въ „Жезлѣ Правленія“ (1666), хотя еще не рѣшительно и не вполне ясно ²⁾; поддержалъ въ 1669 г. одобрительнымъ отзывомъ о данной ему на разсмотрѣніе книгѣ Иннокентія Гиззеля „Миръ съ Богомъ“, гдѣ проводилась та же мысль ³⁾; наконецъ, въ 1671 г. проповѣдывалъ въ церкви и напечаталъ „Слово о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ“, гдѣ латинское ученіе выражено уже гораздо опредѣленнѣе ⁴⁾; не довольствуясь проповѣдью, Полоцкій приглашалъ желающихъ собраться „на угоднѣйшее мѣсто“ для дальнѣйшаго обсужденія вопроса ⁵⁾. Послѣднее являлось уже прямою пропагандою ученія; однако проповѣдь эта московскимъ духовнымъ властямъ отнюдь не казалась зазорною: латинское мнѣніе раздѣлялось въ ту пору чуть ли не всѣми; оба тогдашнихъ литературно-научныхъ лагеря, сторонники и латинскаго, и греческаго образованія, по вопросу о времени пресуществленія сходились между собою вполне.

Такъ въ 1675 г., то есть, уже при патріархѣ Іоакимѣ, соборъ русскихъ іерарховъ не только одобрилъ „Чинovníкъ архіерейскаго священнослуженія“, но даже грозилъ тяжелыми наказаніями за малѣйшее измѣненіе установленныхъ въ немъ обрядовъ церковной службы — между тѣмъ въ этомъ Чинovníкѣ вопросъ о времени пресуществленія рѣшенъ въ латинскомъ, а не въ православномъ духѣ ⁶⁾. Какъ далеки были составители Чинovníка отъ мысли въ своемъ неправославіи, видно изъ того, что самые мотивы пересмотра книги были вызваны желаніемъ пріостановить „нѣкая несогласія и разнства“, появившіяся въ „церковныхъ послѣдованій чинѣхъ“, и затормозить начавшіяся „у нѣкіихъ новая нѣкая вымышленія“ ⁷⁾. Точно также и семь лѣтъ

¹⁾ Сменцовскій, 109. Сравни. Прозоровскій, тамъ же, стр. 231.

²⁾ Мирковичъ, 68.

³⁾ Татарскій, Симеонъ Полоцкій. *Прибавленія къ Теор. св. отцевъ* 1886, ч. 37, стр. 256, 192.

⁴⁾ Мирковичъ, 69.

⁵⁾ Майковъ, Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтія, стр. 53—54; Татарскій, Симеонъ Полоцкій, *Прибавленія къ Теор. св. отцевъ* 1886, ч. 37, стр. 267.

⁶⁾ Сменцовскій, 116—118.

⁷⁾ Аморосій, Исторія Россійской іерархіи, ч. I, изд. 2-е. М. 1822. стр. 323.

спустя, въ 1682 г., уже по смерти Полоцкаго, руководясь тѣми же „многими разностями“, патриархъ Іоакимъ занялся исправленіемъ типикона (устава церковнаго). Справщики „составляли особый кружокъ, работавшій подъ непосредственнымъ наблюденіемъ патриарха въ его келіяхъ и на основаніи особой инструкціи, говоря по теперешнему; кромѣ того они обращались къ патриарху за совѣтомъ и разъясненіями въ случаяхъ затруднительныхъ“¹⁾—обстановка, болѣе чѣмъ достаточная для гарантіи ортодоксальности предпринятой работы, тѣмъ болѣе что, согласно прежнимъ распоряженіямъ Іоакима, всякая книга, предназначенная къ изданію, по отпечатаніи, прежде выхода въ свѣтъ, читалась въ крестовой палатѣ патриарха предъ всѣмъ священнымъ соборомъ²⁾. Излишне добавлять, что правился Уставъ преимущественно по греческимъ образцамъ³⁾. При всемъ томъ время о пресуществленіи изложено тамъ на латинскій ладъ. Скажутъ, это небрежность, забывчивость, повтореніе стараго изданія, въ которомъ Іоакимъ не былъ повиненъ. Наоборотъ: въ прежнихъ изданіяхъ толкованіе было православное⁴⁾.

Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева обыкновенно противопоставляютъ Епифанію Славинецкому съ инокомъ Евѣиміемъ; между прочимъ выставляютъ на видъ и разность въ толкованіи ими церковныхъ догматовъ и обрядовъ. Однако (мы имѣемъ въ виду только періодъ времени съ пятидесятыхъ по восьмидесятые годы) никто иной, какъ Епифаній, слѣдилъ за изданіемъ Служебниковъ 1655 и 1658 гг., а въ нихъ, значить, еще раньше Симеона Полоцкаго, высказана та же „хлѣбопоклонная ересь“⁵⁾. Что касается до инока Евѣимія, то одновременно съ составленіемъ и печатаніемъ вышеупомянутаго Чиновника, составленіе котораго, встаетъ замѣтить, С. Медвѣдевъ категорически приписываетъ тому же Евѣимію⁶⁾, онъ пишетъ „Воумленіе священникамъ“ съ цѣлью сообщить „истинныя“ свѣдѣнія „о церкви и церковныхъ божественныхъ тайнахъ“—латинское мнѣніе находится и тамъ. Всего характернѣе, что это сочиненіе писалось „по повелѣнію св.

¹⁾ Мансветовъ, Какъ у насъ правился церковныя книги. *Прибавленія къ твор. св. отцевъ* 1883, ч. 32, стр. 546.

²⁾ Мансветовъ, назв. соч., 527, 545.

³⁾ Мансветовъ, назв. соч., 548.

⁴⁾ Мирковичъ, 65.

⁵⁾ Сметновскій, 123—124.

⁶⁾ *Ол. Медвѣдевъ*, Извѣстіе истинное. *Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.* 1885, IV, стр. 22.

патріарха Іоакима¹⁾. А что самъ патріархъ, дѣйствительно, ничего не имѣлъ противъ, видно по тому, что, какъ указалъ г. Прозоровскій²⁾, цари Іоаннъ и Петръ, коронуясь въ 1682 г., творили земной поклонъ какъ разъ во время возглашенія патріархомъ словъ Спасителя: „примите, ядите“..³⁾

Такимъ образомъ до 1672—1683 г. не только не существовало вопроса о хлѣбопоклонной ереси, но и всѣ наиболѣе выдающіеся представители церкви и духовной литературы, въ ихъ числѣ и самъ патріархъ Іоакимъ, согласно признавали латинское толкованіе времени пресуществленія⁴⁾.

Перемѣна, и при томъ весьма рѣзкая, во взглядахъ Іоакима на время пресуществленія совершилась послѣ 1682 г., не раньше. Появленіе братьевъ Лихудовъ въ Москвѣ (мартъ 1685 г.) подало сигналъ къ литературной полемикѣ⁵⁾. Іоакимъ убѣдился въ ошибочности своего взгляда и съ той поры сталъ горячимъ противникомъ латинниковъ. Намъ нѣтъ надобности слѣдить за начавшейся борьбою съ хлѣбопоклонной ересью; мы ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ. Не-

¹⁾ Прозоровскій, С. Медвѣдевъ. *Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.* 1896, III, 228—230.

²⁾ Тамъ же, 230.

³⁾ П. С. З. II, 433.

⁴⁾ Вотъ почему нельзя считать достовѣрнымъ разсказъ „Остна“ о преніи, яко бы происходившемъ на интересующую насъ тему, въ крестовой палатѣ у патріарха Питрима (значить, въ 1672 или 1673 г.), между Епифаніемъ Славинецкимъ и Симономъ Полоцкимъ, — преніи, окончившемся будто бы полнымъ поражениемъ Симеона (Остенъ. 71—74). „Остенъ“ — проповѣданіе позднѣйшаго времени, написанное (въ змѣ 1689—1690 г.) если уже и не въ разгаръ борьбы, то еще въ полный разгаръ страстей, когда многое, особенно удаленное временемъ, такъ легко преувеличивается и искажается. Да и какъ совмѣстить фактъ диспута съ редактированіемъ Славинецкимъ Служебниковъ 1655 и 1658 г., или весьма вѣроятное составленіе Еволиомъ „Остна“, въ томъ числѣ и разсказы о преніи, съ его же „Воумленіемъ священникамъ“? — Фактъ пренія признаютъ Майковъ, 54; Мирковичъ, 66—68; Татарскій, ч. 37, стр. 267—268; но уже г. Шляпкинъ (137, прим.) высказалъ сомнѣнія, а позднѣйшія изслѣдованія указали и основанія таковымъ сомнѣніямъ: помимо названныхъ Служебниковъ, Чпловника и „Воумленія“, трудно ожидать отъ киевлянина, какимъ былъ Епифаній, рѣзкаго отзыва о киевлянахъ, какой данъ имъ, суда по „Остну“ (Сменцовскій, 121—125). Замѣтимъ отъ себя, что текстъ „Остна“ въ сущности не даетъ права говорить ни о какомъ преніи или диспутѣ. С. Полоцкій изображенъ тамъ лишь вопрошающимъ, пришедшимъ лишь поучиться и наставиться. Его короткія фразы — не положенія, тѣмъ болѣе не развитіе ихъ, а лишь средство (такъ и хочется сказать: литературный пріемъ), своего рода толчокъ для длинныхъ речей Епифанія, — поводъ послѣдному формулировать свои собственные положенія.

⁵⁾ Прозоровскій, 241—246; Сменцовскій, 125—129, 133—136.

вольно бросается въ глаза страстность полемики, непримиримая враждебность обѣихъ сторонъ. Патріархъ дѣйствовалъ, конечно, по убѣжденію и тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе онъ былъ сыномъ своего вѣка, для котораго въ вопросахъ религіи обрядовая сторона играла такую важную роль. Но въ данномъ случаѣ одного этого объясненія едва ли достаточно. Латинники, какъ извѣстно, были къ тому же и (пользуемся ходячимъ современнымъ терминомъ) „западники“, заводили разнаго рода новшества — въ глазахъ Іоакима это удваивало ихъ опасность; во главѣ ихъ стоялъ Сильвестръ Медвѣдевъ, подымавшійся лично подъ патріарха — это утраивало ихъ темныя стороны. „Опасность“ была не только для церкви, но и лично для Іоакима. Для послѣдняго (а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и для окружающихъ) она была несомнѣнно велика, разъ дѣло шло о низложеніи и посаженіи на его мѣсто Сильвестра ¹⁾; безспорно велика была она и для церкви, хотя въ послѣднемъ случаѣ о размѣрахъ опасности отчетливо судить мы, къ сожалѣнію, не можемъ. Дошедшіе до насъ памятники до того пропитаны полемическимъ жаромъ, столько въ нихъ субъективнаго, что во многomu изъ того, что они сообщаютъ, необходимо относиться съ большою осторожностію. Таково, напримѣръ, обыкновенно всѣми цитуемое показаніе „Остна“ о томъ, что споръ литературный перешелъ будто бы въ общество, сталъ достояніемъ улицы, предметомъ обсужденія не только мужчинъ, но и женщинъ, даже дѣтей ²⁾ — слова эти слишкомъ отзываютъ литературнымъ приемомъ, для того чтобъ принимать ихъ полностью на вѣру. Вообще страстность полемики не должна обманывать насъ: подкладка въ ней не только религіозно-правственная, не только общественно-политическая, но и личная. Толковали о времени пресущественія, а въ то же время думали про себя: „какъ бы мнѣ стать патріархомъ, какъ бы согнать этого невѣжду и ретрограда“; или же: „какъ бы избавиться отъ этого радикала, а то вѣдь онъ у насъ своими затѣями всю старину перевернетъ, да и до меня доберется“.

Изъ вышесказаннаго видно, что вопросъ о времени пресущественія нивакой роли въ поведеніи патріарха Іоакима при воцареніи Петра не игралъ. Въ такомъ случаѣ что же руководило Іоакимомъ?

¹⁾ Розыскныя дѣла о Шаховитомъ, I, 173; III, 1236. Іоакимъ обвиняетъ Медвѣдева даже въ злоумышленіи на его жизнь, *Горскій и Невоструевъ*, Описаніе рукоп. Синод. библи. т. II, ч. 3, стр. 504.

²⁾ Остенъ, стр. 115.

Въ до-Петровской Руси Западъ давно уже настойчиво стучался въ русскую дверь, и въ наше время, думается, можно считать общепризнаннымъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича онъ пробилъ себѣ довольно широкую брешь. Съ воцареніемъ Ѳедора западныя идеи и понятія, а особенно западныя привычки, преимущественно въ польской передачѣ, хлынули на Русь широкимъ потокомъ, и патриарху Іоакиму, закоснѣлому приверженцу прадѣдовскихъ обычаевъ и формъ жизни, приходилось съ безсильнымъ чувствомъ горя и страха слѣдить за торжествующимъ натискомъ иноземныхъ началъ. При Дворѣ появились польскія книги, польскіе култуши, слышался польскій языкъ; старина пошатнулась до того, что молодой царь женился на „полькѣ“ ¹⁾; даже псалтирь не стыдился распѣвать попольски, игнорируя церковно-славянскимъ текстомъ ²⁾; царевна Софья читаетъ житія святыхъ въ польскомъ переводѣ Барановича ³⁾; другая царевна, Катерина, если не книгами заразилась, такъ модой: одѣвается, какъ польки: шапку ихнюю надѣла, платье съ широкими рукавами и даже волосы забросила плести въ одну косу. Въ польскихъ же платьяхъ щеголяетъ и царевна Марья ⁴⁾. А тутъ же подгѣ царя съ царевнами, кн. В. В. Голицынъ, завзятый европеецъ, бояринъ Богд. Матв. Хитрово, въ томъ же родѣ, не лучше его ⁵⁾. Да и какого добра ждать, если у молодого государя взялъ силу такой человѣкъ, какъ Симеонъ Полоцкій, этотъ моплянецъ и чуть не

¹⁾ „Która to carowa będzie s porody od oysa polskiey“ (Diariusz zabójstwa *Старина и Новизна*, IV, 385). Голландскій резидентъ ван-Келлеръ говоритъ про парницу Агафью Семенову, что она „mehr der polnischen als der russischen Nation angehörte“ *Posselt, Der general Lefort* I, 317.

²⁾ *Пекарскій*, Агафія Семеновна. Энцикл. словарь русск. уч. п. лт., т. I, стр. 442, на основаніи словъ Полоцкаго въ предисловіи къ изданной имъ стихотворной псалтири (Москва. 1680).

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Diariusz zabójstwa tyrańskiego. *Старина и Новизна* IV, 393—394.

⁵⁾ Въ семьѣ Богд. Матв. Хитрово, „кромѣ разныхъ иноземныхъ нововведеній, распространено было прекрасное знаніе языковъ латинскаго и польскаго“ (*Татарскій*, Симеонъ Полоцкій, *Прибавленія къ твор. св. отц.*, ч. 37, 241. Объ отношеніяхъ Хитрово къ Полоцкому см. тамъ же, 239—242). Указанія на польское вліяніе въ Московской руси собраны у *Шляпкина*, Св. Дмитрій Ростовскій, гл. II. Къ нимъ, кромѣ указанныхъ въ предыдущихъ примѣчаніяхъ, можно прибавить еще: *Смецковскій*, 103—104; *Каптеревъ*, О греколатинскихъ школахъ въ Москвѣ, *Прибавленія къ твор. св. отц.* 1889, ч. 44, стр. 640; Предназначеніе для Турціи. *Дрежня и Новая Россія* 1877, № 10, стр. 184. Ср. еще *Пекарскій*, назв. статья.

тайный іезуитъ ¹⁾?. Онъ и царевнѣ мутитъ, воспитываетъ по своему. Царь смотритъ на все его глазами. А можно ли довѣрять Симеону? Вѣдь онъ и погречески не знаетъ! Развѣ можно ученику іезуитовъ, особенно если онъ обучался у нихъ одному латинскому языку, быть истиннымъ православнымъ ²⁾?.

Такъ думалъ патріархъ Іоакимъ и, въ оцѣнкѣ Полоцкаго, до извѣстной степени онъ былъ правъ. Извѣстно, что Симеонъ предпочиталъ цитировать Св. писаніе не по переводу Семидесяти, а по латинскому переводу Іеронима, находя его лучшимъ и болѣе правильнымъ ³⁾; ссылки дѣлалъ чаще на отцовъ западной, а не восточной церкви; для проповѣдей пользовался такими писателями, какъ іезуитъ Белларминъ и др.; по вопросу объ исхожденіи Св. Духа выражался двусмысленно и опять-таки приближаясь къ толкованіямъ римской церкви; охотно сообщалъ „извѣстія о разныхъ святыхъ, хранящихся въ городахъ Западной Европы, и о чудесахъ, которыя отъ нихъ происходили“ и, напротивъ того, почти умалчивалъ о подобныхъ святыхъ на православномъ востокѣ ⁴⁾. Переложилъ Полоцкій въ стихи и псалмы Давида—тѣмъ такъ увлекалась царевна Софья— между тѣмъ касаться творенія божественнаго псалмопѣвца многие находили противнымъ духу истиннаго православія, тѣмъ болѣе что въ основу перевода былъ положенъ не то стихотворный же переводъ польскаго поэта Яна Кохановскаго, не то переложеніе Аполлинарія, завѣдомо не каноническое ⁵⁾. Аналогично этому и въ „Вѣнцѣ вѣры католической“ въ основу сочиненія положенъ не никейскій, а аностольскій символъ въ формѣ его, сообщенной блаженнымъ Августиномъ, что поставило Полоцкаго „вполнѣ на западную или, говоря болѣе соотвѣтственно его источникамъ, на католическую точку зрѣнія и существенно уклонило отъ воззрѣнія православнаго“; къ тому же

¹⁾ Майковъ, Очерки изъ исторіи р. лит., 56 указанія на „Остенъ“ и „Щитъ вѣры“.

²⁾ Остенъ, 130: У іезуитовъ бо кому учившуси, нанначе токмо латински безъ греческаго, не можно быти православному всема, восточными церкви искреннему сыну“. Сравн. 70—71: „И той (то есть Полоцкій) учившійся, но по толико; не бо бысть философъ, и то токмо учиси, яко обычай есть поликомъ и литвиномъ полатински и попольски, греческаго же писанія ничтоже знааше“.

³⁾ Титарскій, ч. 37, стр. 272—273; Брайловскій, Отношеніи чудонскаго инока Евеніи къ С. Полоцкому и С. Медвѣдеву. *Русскій Филол. Вѣстникъ* 1889, № 4, стр. 266—268.

⁴⁾ Каптеревъ, О греко-латинскихъ школахъ, *Прибавленія къ Твор. св. отцевъ* 1889, ч. 44, стр. 632—633; Майковъ, 66, 75.

⁵⁾ Брайловскій, назв. соч., 269. Сравн. Остенъ, 137.

точкою опоры ему служили „Церковныя лѣтописи“ Баронія, классическая у католиковъ книга по церковной исторіи ¹⁾).

Илишне доказывать, сколько отчужденія и недовѣрія внесли такого рода обстоятельства въ отношенія Іоакима къ Полоцкому. Послѣ его смерти легче не стало: Симеона смѣнилъ Сильвестръ Медвѣдевъ, по рѣзкости и крайности направленія еще почище того. Симпатіи свои и уваженіе къ Полоцкому царь Ѳеодоръ перенесъ и на талантливаго его ученика; онъ „неоднократно посѣщалъ Сильвестра въ Заяконоспасскомъ монастырѣ, бесѣдовалъ съ нимъ во дворцѣ и даже собственноручно переписывался съ *пречестнѣйшимъ отцемъ*“ ²⁾. Вообще обстановка молодого государя, атмосфера, въ какой дышаль онъ, должны были наводить стараго патріарха на самыя черныя мысли ³⁾.

При такихъ условіяхъ могъ ли Іоакимъ сочувствовать воцаренію Іоанна? Верховный блюститель православія на Руси не безъ основанія опасался, что тогда, чего добраго, латинствующая партія совсѣмъ подниметь голову, и ее уже не остановишь.

Но, возражать намъ, въ такомъ случаѣ бѣдный патріархъ, оказывая поддержку Петру, попадалъ изъ огня да въ полымя? чѣмъ лучше должны были быть въ его глазахъ Наталья Кирилловна, Матвѣевъ? Развѣ царица тоже не гналась за новою модой? Развѣ не „европейничалъ“ и Матвѣевъ? Вѣдь онъ тоже собиралъ у себя бібліотеку, въ свое время тоже яхшался съ иновѣдцами-латынниками, а сына обучалъ польскому и латинскому языкамъ, даже понѣмецки! хоть и въ ссылку пошелъ, а специально для этого повезъ съ собою польскаго шляхтича ⁴⁾!..

Дѣйствительно, ни царицу Наталью, ни Матвѣева къ старому направленію, въ духѣ патріарха, зачислить было нельзя; но разница все же существовала: ихъ „западничество“ носило болѣе скромный, умѣренный характеръ, не такъ шокировало, не такъ било въ глаза. А потомъ не забудемъ, что ни Наталья, ни ея братья, ни Матвѣевъ

¹⁾ *Майковъ*, 64; сравн. вообще 57—75. Сравн. также въ „Остѣвѣ“, 131—136, амѣчанія о сужденіяхъ Полоцкаго по поводу плотскихъ сношеній мужа и жены и устройства вселенной.

²⁾ *Прозоровскій*, 190.

³⁾ Іезуиты, жившіе въ Россіи, свидѣтельствовали впоследствии, что Ѳеодоръ очень благосклонно относился къ нимъ и къ римской церкви вообще (*Бѣловъ*, *Московскія смуты. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1887, январь, 107).

⁴⁾ Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, паг. 2-е, стр. 38, 366—367; *Diagnuz. Старина и Новизна*, IV, 394.

не дали патриарху ни малѣйшаго повода упрекать ихъ въ ошибочномъ пониманіи религіозной истины; всѣ они исповѣдывали православную вѣру право и нерушимо, не то что Симеонъ или Сильвестръ,—не говоримъ уже про разницу требованій, которыя можно и должно предъявлять въ этомъ случаѣ къ мірянину и лицу духовному ¹⁾. Не мало значили и личныя отношенія: съ Матвѣевымъ патриарха связывало „крайнее дружелюбіе“ ²⁾.

Вотъ первая и, конечно, немаловажная причина, опредѣлившая отношеніе патриарха къ двумъ партіямъ; но допустимъ, что ее оказалось бы недостаточно заставить Іоакима забыть права первородства и броситься въ объятія Нарышкиныхъ—существовалъ другой и на этотъ разъ гораздо болѣе сильный мотивъ: со стороны Милославскихъ и Медвѣдева на церковь—такъ представлялъ себѣ дѣло святѣйшій—надвигалась гроза, спасеніе отъ которой возможно было лишь подъ условіемъ устраненія Іоанна. Я говорю о школьномъ вопросѣ и перспективѣ увидѣть въ иѣдрахъ православной Москвы высшее духовное училище, основанное на принципахъ западноевропейской, латинской науки.

По вопросу объ умственномъ движеніи вообще и о школѣ въ частности въ половинѣ XVII столѣтія существуетъ обширная литература, убѣдительно доказавшая, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича передовые люди русскаго общества достаточно ясно сознавали неполноту и пробѣлы тогдашняго образованія. Довѣріе къ прежней системѣ обученія—къ простому начетчеству, количественному накопленію и заимствованію фактовъ и мыслей, изложенныхъ въ книгѣ, было подорвано. Все громче и настойчивѣй стала проводиться мысль о необходимости заведенія *школъ*. Эту мысль особенно энергично проводили тогдашніе „западники“; поддерживало ее и греческое духовенство, особенно въ лицѣ восточныхъ патриарховъ и митрополитовъ,

¹⁾ Но даромъ же одинъ изъ иноземцевъ, довольно близко знакомый съ настроеніемъ московскаго общества за это время, говори о мѣропріятіяхъ царя Оедора въ латино-польскомъ духѣ, замѣчаетъ: въ Москвѣ одни, изъ партій Оедора (читай: Милославскихъ) хвалили ихъ, другіе изъ партій *Матвеева*, наоборотъ, осуждали („Które postęпки w Moskwie z partiy cara Fiedora, iako welce grzecznege, y do polityki biorącego sie pana, chwaili, drudzy tez niechętni z partiy Artemona ganili, mówiąc, że niezadługo lackę wiarę za swoimi factiami wprowadzi na Moskwę y z lachami zprokrewniając się iako car Dmitr Mniskownę poiąwszy, zacznie“. *Diariusz zabóbystwa. Starożina u Nowozina*, IV, 385).

²⁾ Исторія о невин. заточеніи, 415.

посѣщавшихъ Россію ¹⁾); но въ сознаніи самого правительства процессъ новой мысли совершался гораздо медленнѣе: ему болѣе улыбался средній путь: вывозъ изъ Греціи ученыхъ людей, „особенно знающихъ языки греческій и латинскій, но не съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощію устроить въ Москвѣ школу и водворить здѣсь невѣдомую доселѣ школьную науку, а съ тѣмъ, чтобы ученые занимались въ Москвѣ переводами нужныхъ книгъ и тѣмъ, такъ сказать, ввели бы въ русское общество нужныя ему новыя знанія и свѣдѣнія, обновили бы и расширили запасъ старыхъ знаній, оказавшихся или недостаточными или устарѣвшими“ ²⁾). У верховной власти, свѣтской и духовной, слово „школа“ все еще вызывало неопредѣленное чувство страха, опасенія; отъ него вѣяло чѣмъ-то тревожнымъ, либеральнымъ, угрозою пошатнуть устой православной вѣры, а съ нею, значить, и самого государственнаго строя.

Такое предубѣжденіе не должно казаться намъ страннымъ: слишкомъ ужъ пропитаны были, если не верхи русскаго общества, то народная толпа недобѣризмъ къ книгѣ вообще. Какъ же не опасаться школы, когда кругомъ раздавались голоса, кричавшіе, что книга и наука ведутъ къ потемнѣнію разума и къ ересямъ ³⁾. Патриархамъ Іоасафу (1667—1672), Питириму (1672—1673), равно какъ и Іоакиму (1674—1690) казалось невозможнымъ отдѣлить собственно школьное знаніе отъ богословской истины, церковнаго обряда, и, пожалуй, они были правы: въ XVII в. Европа еще не знала *свѣтской* школы; вѣра и знаніе еще не были двумя отдѣльными сферами дѣятельности человѣческаго духа, взаимно независимыми. Знаніе зиждется на вѣрѣ, должно исходить изъ нея. Что это за знаніе, если оно не прошло и не очистилось чрезъ горнило истинной вѣры?..

Такъ думали патриархи; не противорѣчилъ имъ и царь Алексѣй. Можетъ быть, онъ и смотрѣлъ нѣсколько свободнѣе, инстинктивно

¹⁾ *Сменцовскій*, Братья Лихуды, 8—14.

²⁾ *Каптеревъ*, О греко-латинскихъ школахъ, стр. 626.

³⁾ „Бога ради“—говоритъ одинъ южнорусскій писатель—„не потакаемъ безумнымъ, пачежъ лукавымъ, мнящимся быти учителями, паче же прелестникомъ, яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи во оной русской земли подѣ державою московскаго царя. Глаголютъ бо они, прощающаи мношѣ тѣлѣвыхъ къ науцѣ, хотящихъ навываати писанія, поуже во оной землѣ оцѣ многыя обрѣтаются некущесе о своихъ спасеніи и съ прещеніемъ заповѣдываютъ шти, глаголюще, не читайте книгъ многыхъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ, и онсица во книгахъ зашолся, а онсица въ сресѣ впаде“ (*Востоковъ*, Описаніе рукоп. Румянц. музея, стр. 557).

предчувствуя въ отдаленіи туманнаго будущаго инья основы знанія; но Алексѣй былъ рѣдкостнымъ олицетвореніемъ своего народа: круговоротъ идей совершался въ его головѣ въ прямомъ, указанномъ природою прогрессивномъ направленіи, но замѣчательно медленно и осторожно. Въ дѣйствіяхъ царя мы не найдемъ ничего рѣзкаго, необдуманнаго, предпринятаго подъ первымъ впечатлѣніемъ минуты; казалось, онъ представлялъ собою самую течь и развиваться, за собой сохраняя лишь право сдерживать крайности, сглаживать угловатости и примирять жизненные противоположности въ посылно гармоничномъ ихъ сочетаніи.

Школа въ царствованіе Алексѣя Михайловича Русь не завела ¹⁾.

Зато съ воцареніемъ Федора дѣло пошло иначе. Сторонники школы, т. е., Полоцкій и его единомышленники, получили теперь явный перевѣсъ. Въ противоположность Іоакиму, они не только не боялись латинскаго характера будущаго учебнаго заведенія, но и горячо отстаивали его: наука, говорили они, вездѣ одна, и въ латинской, и въ греческой формѣ; школа есть только методъ, путь къ знанію, и считать ее чѣмъ-то неразрывно слитымъ съ самою вѣрою, видѣть въ латинской школѣ помѣху для православнаго человѣка сохранить въ чистотѣ свое православіе — совершенно неосновательно. Взглядъ этотъ, развиваемый съ энергіей и научнымъ авторитетомъ, былъ навагуиъ своего торжества. Латинское направленіе одерживало верхъ; направленіе православно-греческое, во главѣ котораго стоялъ патріархъ Іоакимъ, очевидно, не успѣвало за эволюціей идей и потому проигрывало борьбу. Незадолго до своей смерти ²⁾ Симеону Полоцкому удалось значительно двинуть впередъ осуществленіе своей завѣтной мечты: въ 1680 г. былъ выработанъ проектъ высшаго учебнаго заведенія, извѣстнаго впоследствии подъ именемъ Славяно-греко-латинской академіи. Проектъ намѣчалъ широкую программу преподаванія, охватывавшую весь циклъ тогдашняго схоластическаго образованія, отъ грамматики до богословія включительно, славянскій, греческій, латинскій, польскій языки, церковное и гражданское право,

¹⁾ Полагаемъ, что послѣ изслѣдованія г. Капторова: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія Славяно-греко-латинской академіи“ нельзя болѣе говорить о *школахъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова за время царя Алексѣя Михайловича.

²⁾ 25-го августа 1680 г.

„и прочіи всѣ свободныя науки“¹⁾—это превосходило даже программу Кіевской академіи²⁾.

Правда, это былъ еще только проектъ, первая его редакція, но она принята была сочувственно царемъ, а это значило много. Поставившая вскорѣ смерть Полоцкаго, конечно, затормазила окончательное рѣшеніе вопроса, но самое дѣло заглухнуть не могло. Противъ того, чего требуетъ сама жизнь, идти безразсудно, и, повидимому, Іоакимъ это понималъ. Онъ понималъ, что одно простое противодействие стало теперь анахронизмомъ. Школа должна быть: поэтому школъ Полоцкаго надо противопоставить, и возможно скорѣе, другую школу, но только проникнутую началами греческаго образованія на базѣ строгаго, неуносительнаго православія. Такъ выросла Типографская школа, учрежденная въ 1681 г. Элементарная по задачамъ, она обучала греческому и славянскому чтенію и письму³⁾.

Но противники патріарха не дремали; они рѣшились парировать ударъ за ударомъ. 15-го января 1682 г. состоялся царскій указъ о постройкѣ школы („для ученя двѣ кельи“) въ Спасскомъ монастырѣ, что за Икопнымъ рядомъ⁴⁾. Преподаваніе велось въ ней Медвѣдовымъ по такой же элементарной программѣ, какъ и въ типографской, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что греческій языкъ замѣненъ былъ латинскимъ⁵⁾. Соперничество на этомъ не остановилось. Проектъ академіи былъ переданъ на разсмотрѣніе и оцѣнку патріарха, котораго, разумѣется, никакъ нельзя было обойти при обсужденіи такого важнаго вопроса. Для насъ дѣло второстепенное, въ какомъ видѣ дошелъ этотъ проектъ до Іоакима, въ редакціи ли Симеона или въ дальнѣйшей обработкѣ Медвѣдова,—не важно даже рѣшеніе и того, принадлежитъ ли вообще Полоцкому первая редакція или, за смертью, ему удалось лишь намѣтить общія основанія, изложить ихъ только изустно, при обсужденіи съ Медвѣдовымъ⁶⁾—

¹⁾ *Амвросій*, Исторія російской іерархіи, I, 520—521.

²⁾ *Татарскій*, Симеонъ Полоцкій. *Прибавленія къ Твор. св. отца*, ч. 38, стр. 55.

³⁾ *Каптеревъ*, 653.

⁴⁾ *Забѣлинъ*, Домашній бытъ р. царей, изд. 3-е, стр. 602.

⁵⁾ *Прозоровскій*, 194—197.

⁶⁾ Въ текущей литературѣ вопросъ о привилегіи на академію (напечатана въ Др. Росс. Вивл., VI, и въ Исторіи Росс. Іерархіи, I) является очень спорнымъ. Въ противность господствующему мнѣнію, г. Каптеревъ („О греколатинскихъ школахъ“) привелъ вѣскія соображенія въ пользу того, что уставъ еще не былъ окончательно выработанъ при живши Осодра и особенно то, что извѣстный намъ текстъ его по-

въ обоихъ случаяхъ то, съ чѣмъ пришлось имѣть дѣло Іоакиму, носило несомнѣнный отпечатокъ „латинномудренной“ партіи, и теперь патріарху предстояло по мѣрѣ возможности сгладить этотъ неприятный отпечатокъ, измѣнивъ проектъ въ желательномъ направленіи. Такъ какъ Типографская школа, какъ элементарная, замѣнить академію не могла, будучи пригодна развѣ на первый случай, то настоящей задачей Іоакима стало теперь реорганизовать проектъ Полоцкаго-Медвѣдева по своему и, оставивъ намѣченную академію академіей, т.-е. съ характеромъ высшаго учебнаго заведенія, построить ее на фундаментѣ не латинскомъ, а православно-греческомъ, положивъ въ основу ученія греческій языкъ и обезпечивъ преподаванію наставничество учителей несомнѣнно православнаго образа мыслей. Борьба на этой почвѣ велась, повидимому, долго и упорно. Въ концѣ концовъ патріархъ осилилъ: главный спорный вопросъ, „какой

силь несомнѣнные слѣды участія въ его составленіи „греческой“ партіи. Но, думается намъ, уважаемый учоный въ справедливомъ желаніи доказать новозможность приписывать Полоцкому редакцію сохранившагося текста, авторство *литературное*,—недостаточно отбѣнилъ возможность авторства другого рода: идейнаго, авторства мысли. Воплиѣ принимая главные выводы г. Каптерова, мы все же полагаемъ, что Полоцкому принадлежитъ не только основная идея, но и не малая доля участія въ выработкѣ самаго плана будущей академіи; Симеонъ только не успѣлъ придать своей работѣ законченной литературной формы—это пришлось сдѣлать Медвѣдеву. Медвѣдовская редакція подъ цензурою Іоакима получила новую форму; но и эта не была окончательною: Медвѣдовъ сдѣлалъ въ ней вставки, хотя уже второстепеннаго значенія, не способныя повліять на тотъ тонъ, что приданъ былъ уставу патріархомъ. Такимъ объясненіемъ, думается намъ, возможно было бы примирить калущіеся противорѣчія: широкая программа преподаванія осталась въ духѣ Полоцкаго; включеніе одного мѣста изъ сочиненія Полоцкаго „Вечера душевная“—показываетъ руку, если не самого Симеона, то его сторонника; собственноручная вставка Медвѣдева въ пунктъ 3-ій устава о митр. Исидорѣ, направленная противъ затрудненій, создаваемыхъ для занятія учительскихъ должностей въ академіи лицами южнорусскаго происхожденія, доказываетъ, что редакція іоакимовская была не послѣднею. Выдѣлать въ содержаніи устава, что именно принадлежитъ Полоцкому, что Медвѣдеву, крайне трудно не только при наличности имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, но и вообще по существу самаго дѣла—этимъ объясняется и неопредѣленное выраженіе Сильвестра въ его обращеніи къ царевнѣ Софьѣ: „Академіи привилегіи вручаю, яко любезнымъ ти братомъ созданъ ость, повелѣніемъ чинно написанъ ость“. Уваженію къ памяти учителя не позволило Сильвестру игнорировать участіе Полоцкаго; но назвать составителемъ устава его — Медвѣдовъ тоже не могъ, потому что конкретная, наглядная часть работы, литературная ея форма принадлежала ему. Вотъ почему впоследствии братья Лихуды приписывали именно Медвѣдеву главные хлопоты объ учрежденіи академіи.

языкъ долженъ имѣть въ будущей школѣ господствующее значеніе— греческій или латинскій“, въ окончательной редакціи привилегіи рѣшень въ пользу перваго ¹⁾). Академія была открыта въ 1685 г., и во главѣ ея стали братья Лихуды, на которыхъ Іоакимъ могъ положиться вполне, какъ на крѣпкую опору противъ латиномыслящихъ.

Однако въ апрѣлѣ 1681 г. патріархъ Іоакимъ никоимъ образомъ не могъ предвидѣть такого благополучнаго исхода. Царь Ѳеодоръ былъ всецѣло на сторонѣ противной; Милославскіе держались тоже ея и только Нарышкины, быть можетъ, не столько по убѣжденію и сознательному отношенію къ первому вопросу, сколько изъ личныхъ счетовъ съ Милославскими,—только Нарышкины не сочувствовали планамъ Медвѣдева или по крайней мѣрѣ держали себя индифферентно. Вотъ отчего, помимо какихъ-либо иныхъ соображеній, предпочтеніе Петра Іоанну для патріарха Іоакима являлось вопросомъ государственнаго блага, залогомъ спокойствія церкви, а, слѣдовательно и священнымъ долгомъ его— верховнаго блюстителя интересовъ православія на Руси.

Е. Шмурло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Каптеревъ*, стр. 671.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

1.

Паразитное *j* въ великорусскомъ нарѣчїи.

Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенїя* за 1901 г. помѣщено нѣсколько замѣтокъ акад. А. И. Соболевскаго: „Изъ исторїи русскаго языка“. Въ 1-ой изъ нихъ А. И. касается „неорганическаго“ *j* въ русскомъ яз. Въ дополненїе къ этой замѣткѣ сообщу кое-какой матеріалъ, накопившійся у меня, а также изложу свой взглядъ на появленїе этого *j*.

Паразитное *j* между гласными, повидимому, было въ языкѣ писца списка повѣсти объ Акирѣ XV в. въ рѣкнѣ Общества Исторїи и Древностей Россійскихъ № 189. Тамъ при имени „Анаданъ“ съ начальнымъ „а“, какъ во всѣхъ другихъ спискахъ повѣсти, мы читаемъ также: Швѣща анаданъ (л. 97, стрк. 15), слыша анаданъ (л. 99 об. стрк. 5); далѣе: „во аливѣ^ъю землю“ (л. 102, стрк. 6—7); въ спискѣ Хлудовской б-ки конца XVII в., № 246, восходящемъ къ тому же оригиналу: „во аливскую“; въ позднихъ русскихъ спискахъ: „Аливицкую“. Насколько часто такое паразитное междугласное *j* было въ старинныхъ великорусскихъ говорахъ, сказать трудно, но, повидимому, оно было рѣдкимъ явленїемъ.

Достоверныхъ указанїй на такое *j* въ разговорномъ языкѣ нынѣшнихъ великоруссовъ я не знаю. Я слышалъ только кое-гдѣ въ южно-великорусскомъ (тул., рязан., тамб.) произношенъе: „въ ялтарь“ и, кажется, нѣсколько другихъ единичныхъ случаевъ въ такомъ родѣ. Съ другой стороны, въ русск. уѣздѣ московск. губ., мнѣ извѣстно и обратное отсутствїе *j*: „насыпала въ стаканъ аду“ (т. е. аду),

„поднесла ему аду“ и т. п. Въ великорусскихъ „аки“ и „акой“ а другого происхожденія, чѣмъ я въ малорусск. „як“, „який“.

За исключеніемъ немногихъ единичныхъ случаевъ въ нынѣшнихъ великорусскихъ (южныхъ и сѣверныхъ) говорахъ это j вставляется исключительно при пѣніи; при пересказѣ пѣсень словами его уже нѣтъ. У Филатова (Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губ. Русск. Филол. Вѣстн. т. 37, стр. 218; т. 38, стр. 269 и т. 40) примѣры взяты только изъ пѣсень: вотачка јанисавая (т. 40, стр. 7), вы j этихъ вы јазѣрахъ (стр. 8), и јусы чѣрнай (стр. 10), какъ јдно акно (стр. 14), многа горя ю mine (стр. 26), Тѣла бѣлаю и јубитаю (стр. 28), Вдоль па јулицы (стр. 30), Куда-ј мѣлку јутапшыла (стр. 30); въ записанныхъ имъ образцахъ разговорнаго языка вставное j нѣтъ. Любопытны записи, сдѣланныя мною отъ крестьянки шацкого уѣзда тамбов. губ. (Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1900, кн. 3). У этойъ крестьянки вставное j при пѣніи употребляется очень послѣдовательно между гласными и кромѣ того можетъ даже раздѣлять одну и ту же гласную, если она очень протягивается при пѣніи (кабајак, јудајалых, нијаскѣ): ясно, что здѣсь j вызванъ условіями пѣнія; въ разговорномъ языкѣ этойъ крестьянки вставное между-гласное j никогда не является.

Добавлю примѣры изъ ненапечатанныхъ еще мною записей изъ разныхъ акающихъ говоровъ. Замѣчу, что со всѣми лицами, отъ которыхъ записаны прилагаемые примѣры, я вель продолжительные разговоры, прислушивался къ ихъ разговору другъ съ другомъ и никогда не слыхалъ въ ихъ разговорной рѣчи того новаго паразитнаго j, какое является при ихъ пѣніи (не говорю о такихъ старыхъ случаяхъ, какъ Симионъ и пр., гдѣ j—послѣ и). *Тульск. губ. венѣв. у.*: „юш вы дѣфьки истошницы“... „юш вы дѣфьки галубяты“—только въ началѣ стиха. *Калуж. губ. медын. у.*: „я зафтра рѣнай юјижжѣю“. *Мосал. у.*: „нарѣк јиму импчкѣ Јликосѣ“; „јадѣйтѣ сваѣ изъ рузъ писанія“; „јимѣла пѣ я камнины палаты“; „јидѣтъ“; „јччаво зачался у насъ Божѣй свѣтъ“ (духовн. стихи). Въ дер. *Парфѣевокаъ русскаю у. моск. губ.* паразитное j при пѣніи является между гласными; но кромѣ того j (или j) вставляется и послѣ гласной передъ согласной въ томъ случаѣ, если слово обрывается на первомъ слогѣ и затѣмъ повторяется цѣликомъ: вай ва калѣску; плись и бай бархаты; дай да таво; пой по три лозыньки; сидить вой воранъ; кай капиталъ; вай ва ниволю; прай пращѣй улица и мн. др.; сваво ювидать; самъ я лхотаю пѣйду; што ю насъ ва садикѣ; три заботы на юмѣ; да юнимала јво јставляла;

эхъ да ягѣ юшли въ гостѣи; дѣ бы мѣ милова ювидать; пабрашо: а юхъ ты с... сынъ; милай мой, я-мѣ какой жа ты атъ красаты, атъ кралочки ятсталь, ты ятсталь, юшъ какую шъ нигадыюку любить сталь; ты яимѣль; фсѣ лисья яднѣ шумять; въ дѣвицу ѣнѣ папаль (въ разговорѣ всегда: онѣ) и мн. др. Всѣ приведенные примѣры изъ Парфѣноуъ записаны отъ немолодыхъ уже бабѣ; въ пѣниі молодѣжи такою жъ нѣтъ, а вмѣсто него слышится нерѣдко паразитное *x* (см. Рус. Фил. Вѣстн. т. 44, стр. 210 и 214).

Въ старинахъ, записанныхъ В. Д. Григорьевымъ въ мезѣнскомъ у. архангельской губ. у Бѣлаго моря (а записываль онѣ ихъ съ голоса, а не съ пересказа), тоже иногда попадаетъ паразитное между-гласное *j*, какъ на примѣрѣ, въ старинахъ сказителя Василія Буторина изъ дер. Щельи: А у ласкова князя да ю Владимира; Да какъ юмной отъ хвастать; Да юмѣль меня ли батюшко; Да юпаль тутъ Идолишшо; Ушъ ты ой еси *Йѣвдотья*; Ты ѣтпутай ѣтъ опутиноуъ; Ниша тутъ то *Йѣвдотья*; Да росѣкла ѣпутинки (Женитьба Добрыни); Да у ласкова князя да ю Владимира; и не ѣгленулъ ѣнѣ; Да и силъ то ю мня; Да юдарылъ; Да и смѣлости ю мня; Да ѣтправилъ; Да ѣсталаъ, Пробудилъ Добрынюшка ѣго сна своего; Да ювидала и др. (Бой съ богатыршей, женитьба на ней и отѣздъ Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича); Да по имени *Ѣмельфа*; да ѣсталось ю ей; Мнѣ сонного юбить да яки мѣртого; Вы ѣтъ цѣмъ бьются; пецимъ мнѣ Дунаюшку ѣпохмѣлицѣ и др. (Бой Добрыни съ Дунаемъ); да фсѣ юмомъ равна; бутто ялой цвѣтъ; А ѣтъ меньшого; да приюдала; да приѣстануе; Да и бросилъ Дунаюшко ѣ сыру землю; два ѣтрока и др. (Дунай). Это междугласное *j* въ старинахъ Буторина не выдержано, и часто допускается зѣніе; всего чаще такое *j*—послѣ слова „да“, гдѣ оно могло быть и не паразитнымъ, а изъ союза „и“¹⁾.

Присутствіе междугласнаго *j* въ великорусскомъ нарѣчїи заставляеть искать причинъ его появленья въ условїяхъ пѣниі, отличныхъ отъ условїй разговорной рѣчи. Одна изъ причинъ—потребность устранить зѣніе; въ разговорѣ зѣніе частью устранилется стяженьемъ гласныхъ, частью допускается; при пѣниі зѣніе, очевидно, чувствуется сильнѣе, а стяженію гласныхъ мѣшаетъ ритмъ пѣсни. Съ великорусскимъ между-гласнымъ *j* при пѣниі однородны парфѣнковское *x* при тѣхъ же усло-

¹⁾ Очень много примѣровъ употребленія паразитнаго *j* при пѣниі — въ прекрасныхъ записяхъ А. И. Косогорова изъ мещовскаго у. изданныхъ В. Н. Чернышѣвымъ. Я познакомился съ этими записями только при корректурѣ настоящей замѣтки.

віяхъ (см. выше) только при пѣніи и сербскія вставныя *j* и *e*, но не лужицкія начальныя *j* и *v*, вызванныя не условіями пѣнія.

На вопросъ о древности паразитнаго *j* при пѣніи въ великорусскомъ, понятно, нельзя искать отвѣта въ болъшей части старинныхъ русскихъ рукописей. Такой отвѣтъ могли бы дать только нотные тексты пѣсенъ. Въ богослужебныхъ нотныхъ рксяхъ этого *j*, повидому, нѣтъ: но найдется ли что-нибудь подходящее въ рукописныхъ нотныхъ сборникахъ народныхъ и т. п. пѣсенъ XVIII в.?

Теперь *j* при пѣніи въ великорусскомъ нарѣчїи—архаизмъ; кое-гдѣ оно сохранилось только въ жалкихъ остаткахъ и постепенно исчезаетъ. Такъ въ говорѣ Парфѣнокъ его можно слышать только въ пѣніи стараго поколѣнія; изъ всѣхъ, кто мнѣ пѣлъ пѣсни въ калужской губ. (около рѣки Угры, въ окрестностяхъ Полотнянаго Завода медн. у.), только одна старуха, да одинъ слѣпой изъ мосальск. у. вставляли при пѣніи *j* между гласными. Такъ же, повидому, обстоитъ дѣло и въ тульской и рязанской губ.

2.

Запись Архивскаго Евангелія XVI в.

Въ Четвероевангелїи библіотеки Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ № 679 конца XVI в. въ концѣ евангелія отъ Луки по обѣ стороны воронки, которою заканчивается текстъ евангелія, помѣщена слѣдующая запись самого писца:

шонецъ—коца

шоль—пѣстоца

Эта запись написана на одномъ изъ запутанныхъ способовъ говорить, неотмѣченномъ у Даля. Способъ этотъ, употребляемый школьниками и т. п., состоитъ въ томъ, что часть слова замѣняется слогомъ, начинающимся со звука *ш* (обыкновенно слогомъ *ши*), и затѣмъ эта замѣненная часть слова ставится въ концѣ съ окончаніемъ *ц* и т. п. Такъ, въ русскомъ и волоколамскомъ уѣздахъ московской губ. мнѣ извѣстенъ способъ говорить, замѣняя ударяемый слогъ (или вѣриге, часть ударяемаго слога, кончая гласной) слогомъ „ши“, и ставя замѣненный ударяемый слогъ послѣ слова съ присоединеніемъ звука „ц“. Прїмѣры изъ разговора ребятъ (т. е. парней): Маршигъ тицъ (Мартинъ), Шиня Грицъ (Гриня); пошимъ дѣцъ къ шивкамъ дѣцъ (пойдемъ къ дѣвкамъ), ширишни ты бацъ хошишенькія родъ

(барышни то—хорошенькія); у теши то бяць сапоши ты гиць шиковые лаць (у тебя сапоги то лаковые); ши то тыць понишинешь маць?—шитъ нѣтъ (ты понимаешь?—нѣтъ). Въ записи Архивскаго евангелія система нѣсколько иная: здѣсь первый слогъ замѣнешь слогомъ *шо* (или только первая согласная согласной *ш*?) и поставленъ послѣ слова съ окончаніемъ *ца*. Слѣдовательно, запись надо читать такъ: „Конецъ столпѣ“.

Отсюда видно, что описанный мною общезвѣстный школьническій способъ говорить—уже не новый и съ небольшими отличіями существовалъ еще въ XVI вѣкѣ.

3.

О нѣкоторыхъ новообразованіяхъ въ русскомъ языкѣ.

1) *Образованія по аналогіи*. Суффиксъ, употребляемый въ извѣстныхъ формахъ и понятый, какъ формальная принадлежность именно этихъ формъ, распространяется на другія съ тѣмъ же или сходнымъ формальнымъ значеніемъ, но не имѣющія этого суффикса въ представленіи говорящихъ. При этомъ въ новообразованіяхъ такого рода суффиксъ можетъ быть неправильно выдѣленъ изъ формъ, послужившихъ образцомъ для новообразованія, т. е. быть больше или меньше истиннаго суффикса. Кроме того, суффиксу можетъ быть приписано такое значеніе, какого самъ онъ не имѣетъ, только потому, что суффиксъ сохранился преимущественно въ формахъ съ такимъ формальнымъ значеніемъ.

Къ этой группѣ принадлежатъ: *ть*, какъ суффиксъ формы 3-го лица, въ словахъ: *надоть* (сохранившемъ мягкость „т“ и въ сѣверныхъ говорахъ), южно-великор. 3-мъ лицѣ возвратныхъ глаголовъ: *учиютъ*, *придецетъ* и пр. (калуж.); въ такихъ случаяхъ въ формахъ 3-го лица единственнаго новообразованіе облегчается (но не обуславливается) совмѣстнымъ существованіемъ формъ съ *ть* и безъ него въ невозвратныхъ глаголахъ, напримѣръ *ходя*, *игралъ* при *ходить*, *игрантъ*, откуда понятно *надать* при *нады*, калужское *зыбшллицетъ* при *зыбавляцца*. Различія между возвратными и невозвратными глаголами въ образованіи формъ другихъ лицъ мѣшаютъ широкому распространенію такой аналогіи на возвратные глаголы, ограничивающейся только немногими южно-великорусскими говорами.

Такое же *те*, какъ суффиксъ формы 2-го лица множественнаго

числа въ словахъ: *нате, нуте, пойдѣмте, станемте, скажемте*, южно-великор. *пашолтя* (калуж., тул., курск., орлов.) вездѣ со значеніемъ повелительнаго наклоненія, такъ какъ формы: *на, ну, пойдѣмъ...*, *пошолъ*, употребляющіяся, какъ обращенія съ повелительнымъ отгѣнкомъ, приняты за повелительныя. Для появленія суффикса „те“ въ такихъ формахъ, какъ *пойдѣмте, скажемте*, не было надобности въ томъ, чтобы „пойдѣмъ“ создавалось, какъ форма повелительнаго *единственнаго*. Достаточно было желанія подчеркнуть множественность вторыхъ лицъ, при чемъ „пойдѣмъ“ безъ подчеркиванья этой множественности сначала при „пойдѣмте“ понималось и какъ обращеніе къ одному и какъ обращеніе къ нѣсколькимъ. Потомъ уже эти формы могли дифференцироваться, такъ что „пойдѣмъ“ стало употребляться преимущественно въ обращеніи къ одному лицу, но не исключительно. Такъ въ пѣсняхъ ¹⁾: „Во кузницѣ молодые кузнецы... къ себѣ Дуню приговариваютъ: Пойдѣмъ, Дуня, во лѣсожь..., Сорвѣмъ, Дуня, лопушожь..., Сошьѣмъ, Дуня, сарафанъ“. (Приглашеніе обращено къ одному лицу). Въ другой пѣснѣ: „Цѣлуеть, милуеть Иванъ свою жонушку:... Пойдѣмъ съ тобою Во зеленый садъ гулять“ и пр. Въ обращеніи къ нѣсколькимъ лицамъ—обѣ формы:

Пойдѣмте мы, дѣвушки,
да всѣ по долинушѣ;
Сберѣмтесь мы, дѣвушки,
да всѣ по полтинушѣ.

Но дальше:

Накунимъ мы, дѣвушки,
духовъ да помадушки:
напомадимъ, дѣвушки,
Сергѣеву голову...
...Посодимъ мы, дѣвушки,
у матушки въ терему...
...Подоримъ мы, дѣвушки,
съ руки по колечушкѣ.

Въ инфинитивѣ такой же аналогіей вызваны южно-великорусскія формы на *тъ* отъ возвратныхъ глаголовъ: *учицать, зыбавляцать* и пр. (калуж., ср. тамъ же формы 3-го лица на „тъ“ отъ возвратныхъ) и удвоенныя сѣверно-великорусскія и, частью, южныя: *итить, вестить* и т. п., гдѣ окончаніе *ти*, очевидно, не сознается, какъ суффиксъ

¹⁾ Всѣ примѣры—изъ пѣсенъ, записанныхъ въ Парфѣнкахъ русскаго уѣзда московской губ.

инфинитива. Сравнимъ аналогичное *essere* въ итальянскомъ. Въ южно-великорусскомъ формы типа „вестить“, кажется, неизвѣстны, кромѣ „итить“, рядомъ съ которой есть образованіе другой категоріи; „идить“.

Къ той же категоріи, какъ мнѣ кажется, принадлежатъ такіа южно-великорусскія и бѣлорусскія дѣепричастія на *миш*, какъ завладомши (Колосовъ, Обзор., орл.), нацѣжомши (моск., калуж. и др.), прошомши (орл.), проходзѣмши (Носовичъ) и т. п. ¹⁾, если только вѣрно мое предположеніе, что „ши“ въ нихъ первоначально пристраивалось къ основѣ формъ склоненія причастій страдательнаго залога ²⁾.

Въ родствѣ съ этой категоріей новообразованій стоитъ другая категорія: такіа формы съ нарощеніемъ суффиксовъ, какъ формы кратнаго вида отъ глаголовъ некратныхъ, утратившихъ свою кратность вслѣдствіе сложенія съ предлогами: *похаживать*, *залѣтывать* и т. п. (ср. подобное явленіе въ чешскомъ яз.); а также уменьшительныя имена, какъ напримѣръ: *божсѣночекъ* (москов.). Здѣсь присоединеніе суффикса вызвано не отсутствіемъ или утратой виѣшняго формальнаго признака, а утратой формальнаго значенія.

Сходные по значенію суффиксы могутъ замѣнять другъ друга; при этомъ съ утратой первоначальнаго значенія суффикса отыменные суффиксы могутъ являться въ отглагольныхъ образованіяхъ и наоборотъ. Ср. имена существительныя на *ак* и *ок*: южныя *сѣдакъ*, *ходакъ*, *судакъ* при сѣверныхъ *сѣдокъ*, *ходокъ*, *судокъ*; глаголы на—*оватъ* и *ыватъ* (первоначально, первые—отыменные, вторые—отглагольные) и т. п.

Нѣкоторые суффиксы, являющіеся въ словахъ одной грамматической категоріи, могутъ употребляться и въ словахъ другой грамматической категоріи, внося въ нихъ то же формальное значеніе, но не измѣняя ихъ принадлежности къ тому или другому грамматическому классу. Таковы уменьшительные, ласкательные и т. п. суффиксы. Въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ уменьшительные суффиксы прилагательныхъ соединяются съ формой инфинитива, при чемъ такая форма съ уменьшительнымъ суффиксомъ сохраняетъ свое прежнее грамматическое значеніе, а присутствіе уменьшительнаго суффикса можетъ означать уменьшеніе не самого дѣйствія, а субъекта дѣйствія: малор.

¹⁾ Познано, что южно-великорусскія и бѣлорусскія сѣмши, наѣмши (Носовичъ)—не новообразованія, а сохраненіе стараго.

²⁾ Объ этомъ вопросѣ я печатаю отдѣльную статью.

істоцьки, спатоньки, бѣлор. ѡсьценьки и т. п. Въ великорусскомъ укажу на уменьшительный суффиксъ прилагательныхъ и мѣстоименій *ешенекъ* въ соединеніи съ существительнымъ *денѣшенекъ*: весь то денѣшенекъ (москов.).

Другой видъ новообразованій по аналогіи представляетъ распространеніе одной основы на тѣ формы, въ которыхъ до того являлась или сознавалась другая основа. Таковы еще общеславянскія *жепитѣба*, *клетѣба* (русскія *жепитѣба*, *клятѣба*) вмѣсто *жспѣба*, *кспѣба*; въ русскомъ: *выберь*, *стѣкъ* вмѣсто *выборь*, *стокъ*; южно-великорусскій инфинитивъ *идить* (москов., калуж., смолен., орлов. и др.); причастія страдательнаго залога съ *а* вмѣсто *о*: *маманы*, *закапаны* (=закопаны), *доканьчена*, *взважжена* (москов., рязан. и др.); слова: *ослѣтъ* вмѣсто *ослѣгъ*, *цвѣтъ* вмѣсто *цвистъ* и т. п.; отчасти тѣ формы, гдѣ являются новыя смягченныя согласныя вмѣсто старыхъ: *видю*, *носю* и пр., *лязъ* вмѣсто *лязи*, мѣстный един. на *жѣ*, *гѣ* и мн. др.

Наконецъ, большая часть новообразованій по аналогіи (въ томъ числѣ и нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше) слѣдуетъ схемѣ $a : b = c : x$, гдѣ *a*, *b*, *c*—существующія въ языкѣ формы, а *x*—новообразование, возникающее по аналогіи съ ними.

2. Кромѣ образованій по аналогіи есть формальныя образованія не по аналогіи. Изъ такихъ можно отмѣтить новообразованія, вызванныя такими фонетическими причинами, которыя сами вызваны формальнымъ значеніемъ слова или его положеніемъ въ рѣчи. Таковы многія звательныя формы существительныхъ не только въ русскомъ но и въ другихъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ языкахъ. Значеніе этихъ формъ требуетъ часто быстрого и энергичнаго произнесенія, которое затѣмъ вызываетъ сокращеніе неудараемой части слова (та же причина въ общендоевропейскомъ языкѣ вызывала и переносъ ударенія къ началу слова, ср. греческое *ὦ πάτερ*). Таковы въ великорусскихъ говорахъ: *Маикъ*, *Ванъ*, *Мишъ*, *дѣдушъ*; *ма* (=мать), *бамъ* (=болѣзнь), *дѣа* (=дядя). Сходную судьбу, мнѣ кажется, могли имѣть и формы повелительнаго наклоненія, ср. малорусскія: *берить*, *ходить* вмѣсто *берите*, *ходите*. Но въ русскихъ: *подъ*, *глань*, *напой*, *дой* и т. п. переносъ ударенія и сокращенія тѣ же, что и въ инфинитивахъ *ростъ*, *везъ*, *печъ*, гдѣ требованія быстрого произношенія не было. Сюда же относятся формы второстепенныхъ, вводныхъ словъ, сокращеніе коихъ вызвано быстрымъ и энергичнымъ произношеніемъ, напримѣръ: южновеликорусское не *замъ* или „не *зымъ*“, какъ союзъ;

„дя“ въ такихъ выраженіяхъ, какъ: у дя Пётри, дя Яковъ и т. п. (ср. итальянское *fra* вмѣсто *fratre*), гыть вмѣсто говорить и др. ¹⁾).

Существуютъ формы, вызванныя формальнымъ растяженіемъ слова, напримѣръ, звательныя формы на *а̄* отъ именъ на *а*: Машк^{а̄}, Ван^{а̄}, встрѣчающіяся, правда, рѣже сокращенныхъ звательныхъ, и увеличительныя прилагательныя: громадн^{а̄}, х^{о̄}рош^{а̄} и т. п. Это растяженіе, хотя и неграмматическаго происхожденія, вносятъ измѣненія въ самыя понятія, выраженныя словомъ, слѣдовательно, по значенію является не риторическимъ, а формальнымъ.

3. *Удвоеніе*. Въ русскомъ языкѣ сохранилось нѣсколько случаевъ со старымъ, дославянскимъ удвоеніемъ. Это: 1) слова съ общендоевропейскимъ грамматическимъ неполнымъ удвошеніемъ: *надежда, одежда* и сѣверновеликорусское *пепель* (ср. олон. пепельникъ; въ южновеликор., бѣлор. и малор., какъ и въ западославянскихъ яз., вмѣсто пепель—попель); 2) нѣсколько словъ, связанныхъ съ представленіемъ о повторномъ звукѣ, съ удвоеніемъ цѣлыхъ корней: *колоколъ, тараторить, балаболка, бабаска* (москов.; то же, что побаска), ср. старославянское глаголати,—или съ неполнымъ удвоеніемъ: *хохотать, юютать*, калужское *причаудка* (то же, что пригудка). Это удвоеніе врядъ ли грамматическое. Новыя удвоенія въ русскомъ языкѣ, частью общеславянскаго происхожденія, тоже не совсѣмъ грамматическія и являются въ мѣстоименіяхъ *сея* и *тотъ*, въ нѣкоторыхъ частицахъ (*чуть-чуть, еле-еле, тото*, вѣроятно „*ою*“ изъ „*hoĭno*“, *шогѣ* и пр.) въ предлогахъ *съзъ* и *съзъ* (напримѣръ, въ московск.: *съзъ паръ, съзъ трѣзъ*, ср. болгар. *съе*). Предлоги *обо* вмѣсто „*о*“ и „*об*“ и *уво* вмѣсто „*у*“ (наприм.: *уво всѣхъ*) вызваны не удвоеніемъ. Не удвоеніе въ собственномъ смыслѣ и южновеликорусское *вотъ утѣтотъ* (язъ: *вотъ вотъ—этотъ*) ²⁾.

4.

Еще о парныхъ словахъ ³⁾.

Иногда у говорящихъ является стремленіе выразить одно понятіе двумя словами, похожими другъ на друга. Цѣль этого—подчеркнуть

¹⁾ См. также у Соболевскаго въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897 г., ноябрь, замѣтку XIV, стр. 62—64 и въ Лекціяхъ по исторіи русскаго языка², стр. 90; у Потобинъ—Иван. отд. русск. яз. и слов. 1899, кн. 4, стр. 816,

²⁾ Объ удвоеніяхъ въ русскомъ яз. см. замѣтку А. И. Соболевскаго въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, ноябрь, стр. 65—67.

³⁾ См. статью *Мирзы Джафара*, „Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ“

извѣстное слово или какъ часть предложенія или по отношенію къ признакамъ выраженнаго въ немъ понятія, т. е. усилить количество или качество признаковъ, заключающихся въ этомъ понятіи. Для достиженія этой цѣли или выбираются два синонима, уже существующіе въ языкѣ, или по образцу одного слова образуется другое по извѣстной схемѣ. Бываетъ также смѣшеніе обоихъ видовъ, т. е. существующій синонимъ къ извѣстному слову нѣсколько искажается для большаго сходства. Такія парныя слова попадаютъ въ сказкахъ, пѣсняхъ, разговорѣ, чаще же всего—въ поговоркахъ и загадкахъ. Большая часть парныхъ словъ второго вида—междометія, но бываютъ парныя слова и другихъ грамматическихъ категорій.

Слова, входящія въ составъ паръ 1-го вида, могутъ иногда не быть синонимами въ строгомъ смыслѣ, т. е. выражать понятія не очень близкія. Въ такомъ случаѣ такая пара обозначаетъ всю совокупность понятій, заключающихся между понятіями, выраженными словами, входящими въ составъ пары. Примѣры парныхъ словъ 1-го вида: ливъ—проливъ (проливной дождь), то-сѣ, такой-сякой, пятнадцатое, не трожь—не воробъ (москов., =оставъ въ покоѣ), ходить—бродить, идѣть—бредѣть, цѣлуеть—милуетъ (величальная пѣсня), чижикъ—пыжикъ (пѣсня), жилъ—былъ, ни шестомъ—ни пѣстомъ, шатыль-мотыль, о дѣтской ходьбѣ: шатается-мотается (Носовичъ, пословицы), шаловать и баловать (пѣсня: „Какъ повадилась Параня ш. и б.“); можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести: шуря—буря (въ пѣснѣ про комара ¹⁾), шалы балы (Носовичъ, Пословицы) и пр. Отмѣчу, что значительная часть паръ этого вида по звуковой сторонѣ сходна (какъ „жилъ былъ“) или совпадаетъ (въ парахъ, гдѣ первое слово начинается съ *ш*, и въ парахъ, гдѣ второе слово начинается съ *л*) съ парами второго вида.

Самыми употребительными способами образованія паръ второго вида являются слѣдующіе два способа:

1. Къ слову, существующему самостоятельно въ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, образованному отъ корня, отъ котораго въ языкѣ есть другія образованія, подбирается такое слово, гдѣ первая согласная основнаго слова замѣнена звукомъ *ш*, причемъ слово, начинающееся

(Reimwörter)“ въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь Вс. О. Миллера. М. 1900, стр. 311—313.

¹⁾ См. у Потебни, Объясн. мр. и ср. нар. пѣс., II, 480, примѣч. 1. Но, кажется, объясненіе Потебни—натянуто.

съ *ш*, ставится впереди (ср. татарское шурумъ-бурумъ): шышелъ-вышелъ (въ дѣтской считалкѣ), шалтай-балтай, шень-нень (Посовичъ, Бѣлор. пословицы), шахирь-махирь (тамъ же ¹), шойна-война (тамъ же ²), тамъ шарохъ-варохъ пойдѣтъ (москов., разгов.; смыслъ: тамъ сонъ будетъ и такъ и саятъ, т. е. плохо разворощено), шурдѣ-бурдѣ (москов., разгов.), шурды-бурды собрались (т. е. всякій народъ, все больше мало годные люди; москов.), шалды-балды (туль.; въ загадкѣ про волка), штавила-битавила (въ загадкѣ про сороку; москов.), ср. шылдавила-былдавила (въ той же загадкѣ, могилев. Карскій, Матер. для изуч. бѣлор. говор. I, 4), шуромъ-буромъ (вверхъ дномъ. Носовичъ), шурки-юрки (въ заг. о брусѣ, москов.) и пр. У Головацкаго въ пѣсняхъ IV, 18 (№ 23): „Ой зайду ж бо я а в шуги-луги“... Потебня ³) объясняетъ это, какъ „искаженіе непонятаго: „Ой шуги в луги райскій пташки“ (часто въ кол.), гдѣ „шуги“—междометіе, которымъ прогоняютъ птиц“. Если объясненіе Потебни вѣрно, то искаженіе въ галицкой пѣснѣ вызвано вліяніемъ такихъ нарѣ, какъ приведенныя мною.

Родственны съ этими—пары, гдѣ первое, искусственно образованное слово начинается съ *ч*: чики-брыки (въ заг. объ ягненкѣ. Тул.), чухры-мухры (Носовичъ, бѣлор. словарь) и др.

2. Искусственно образованное парное слово начинается съ *ж* и ставится на второмъ мѣстѣ: калядѣ-малядѣ (въ шуточной колядной пѣсенкѣ, Владим. губ. Жив. Стар. 1898, III—IV, стр. 483 и 485), корень-молень (считалка; Калуж.), кулага-малага (тоже), квашня-машня (считалка; москов.), гусли-мусли (въ пѣснѣ; отсюда, путемъ осмысленія: гусли-мысли), няньки-маньки, кунды-мунды (носильное имущество. А. Баловъ, По говору Любимск. у., Жив. Стар. 1900, I—II), хурда-мурда (всякая рухлядь, лохмотья, пожитки. Караулов, Моздок, Русск. Фил. Вѣстн. т. 44, 110, М. Горькій, Трое, стр. 88), татаринъ-мамаринъ, понравилась-помуравилась (москов.) ⁴) и др.

Въ дѣтскихъ игорныхъ считалкахъ встрѣчаются и другія пары,

¹) Махиръ—отъ нѣмецкаго масchen?

²) Этимъ устраняется Носовичево толкованіе: „война при Шенитѣ“.

³) Объясненія малор. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, II, 324.

⁴) „Помуравиться“ въ смыслѣ поправиться (у Дала въ этомъ значеніи нѣтъ) употребляется въ Парфѣнкахъ (Руз. у.) и самостоятельно: „Чѣмъ это она тебѣ помуравилась? Повидимому, этотъ глаголъ въ такомъ значеніи извлоченъ изъ группы „правиться-мравиться“. Впрочемъ, ср. пожалуй вятское „мрав“ (Колосов, Обзор, 168).

напримѣръ, московское: *солбмина-ялбмина* (изъ „словина“, т. е. еловая игла?)

Способъ искусственнаго образованія парныхъ словъ, начинающихся съ *ш* или *м*, взять, повидимому, съ татарскаго. Онъ извѣстенъ и въ другихъ славянскихъ и неславянскихъ языкахъ (см. упомянутую статью Мирзы-Джафара).

И. Дурново.

КЪ ИСТОРИИ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ БАХОВА И ШАЛАУРОВА ВЪ 1757—60 ГГ.

Въ нашей и европейской историко-географической литературѣ Баховъ и Шалауровъ пользуются заслуженною извѣстностью ¹⁾, какъ предпримчивые мореходы XVIII вѣка, совершившіе одно изъ ранихихъ и не бѣдныхъ результатами плаваній по Сѣверному Ледовитому океану. Эти русскіе предшественники Норденшильда стремились съ своими слабыми силами и знаніями рѣшить старую крупную задачу—пройти Сѣвернымъ океаномъ въ Камчатку, т. е. открыть путь, давнымъ давно уже открытый Семеномъ Дежневымъ—еще въ 1648 г., но съ тѣхъ поръ также давно и позабытый... Исполнивши большую половину намѣченной задачи—пройдя океаномъ отъ устья р. Лены до Шелагскаго мыса, оба морехода погибли (Баховъ раньше) отъ невзгодъ полярной жизни, не успѣвши довести до конца свой грандіозный планъ. При ихъ несомнѣнной мореходной опытности ²⁾ они сдумали бы

¹⁾ См. напр. *Ф. П. Врангеля* „Историч. обзорѣніе путешествій по Ледовитому ок., между Карскимъ моремъ и Беринговымъ прол., до 1820 г.“ (Спб., 1841), 69—76; *В. Берга* „Хронолог. исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны“, I, 144—145 (Спб., 1821) и др. Ссылки на сочиненія *Кокса* и *Сауера* см. у Врангеля (с. 70), который преимущественно ими пользовался для своего разсказа о плаваніи Бахова и Шалаурова.

²⁾ *Врангель* пользовался для своего разсказа „картой Шалаурова“, съ объяснительными „приписками“, которую онъ нашелъ въ архивѣ гидрографическаго департамента морскаго министерства (с. 70).—Полагаю, однако, на основаніи ниже приведенныхъ архивныхъ данныхъ, что эта карта болѣе составлена Баховымъ, чѣмъ Шалауровымъ, присвоившимъ послѣ смерти Бахова результаты его трудовъ... *Бергъ* прямо говоритъ, что самъ Шалауровъ признавалъ Бахова болѣе опытнымъ въ „наукѣ кораблевожденія“ (с. 144).

вторично рѣшить задачу, уже рѣшенную въ XVII в. Дежневымъ, если бы не случайная гибель на половинѣ пути.

Несомнѣнно, обстоятельная исторія этой смѣлой экспедиціи была бы очень любопытна. Къ сожалѣнію, всѣ имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о ней не только кратки и отрывочны, но и полны многихъ ошибокъ (какъ увидимъ ниже). Исправить послѣднія и дополнить извѣстное въ литературѣ многими новыми и существенными данными возможно по имѣющимся у меня извлеченіямъ изъ одного сенатскаго дѣла, хранящагося въ московскомъ архивѣ м-ва юстиціи.

Это дѣло, указанное мнѣ покойнымъ архивистомъ *А. Н. Зерцаловымъ* и найденное имъ среди громадной кучи неразобранныхъ и неописанныхъ дѣлъ Сената за XVIII в., не имѣло тогда (въ 1882 г.) никакой нумераціи и врядъ-ли съ тѣхъ поръ внесено въ какой-либо инвентарь архива. Вообще, я лишень возможности точнѣе опредѣлить теперешнее мѣстонахожденіе этой любопытной рукописи.

Она представляетъ вязку, состоящую изъ 5 отдѣльныхъ тетрадей, содержащихъ копии разнообразныхъ сенатскихъ дѣлъ, относящихся къ Сибири. На заглавномъ листѣ вязки стоитъ такое совершенно невѣрное опредѣленіе содержанія: „дѣло объ учрежденіи въ Камчаткѣ соляной продажи, о посылкѣ для варенія оной цыренныхъ котловъ и о хлѣбопашествѣ, 1763 г., заключающее въ себѣ 5 томовъ“.

Но о соляной продажѣ и вообще о соли ровно ничего нѣтъ. О хлѣбопашествѣ есть документы, но не въ Камчаткѣ, а въ Нерчинскомъ округѣ. Остальное же содержаніе совершенно не соответствуетъ заглавію. Почти вся первая тетрадь (л. 1—300, 332—344) прямо и косвенно относится къ полярной экспедиціи Бахова и Шалаурова. Остальныя же дѣла какъ 1-я тетради (л. 301—331, 345—444), такъ и другія 4 тетради, очень разнообразны, хотя ихъ можно подвести подъ одну рубрику—дѣла о торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ сибирскихъ купцовъ во 2-й половинѣ XVIII вѣка, напримѣръ о бобровой торговлѣ съ китайцами (л. 301), „сказки“ купцовъ о плаваніяхъ на Алеутскіе, Курильскіе, Командорскіе и др. острова, для добычи морскихъ звѣрей и пр. (л. 304—331), объ открытіи звѣриными промышленниками новыхъ земель (л. 345 об.) и т. п.

Документы, относящіеся непосредственно къ экспедиціи Бахова и Шалаурова, представляютъ—1) сенатское дѣло о разрѣшеніи имъ предпринять задуманное плаваніе по Сѣверному Ледовитому океану, 1754—55 гг. (л. 1—21); 2) дѣло сибирской губернской канцеляріи

по наблюдению за приготовлениями Бахова и Шалаурова къ экспедиции, 1755—56 г. (л. 31—39) и за ходомъ экспедиции, 1757—59 г. (л. 156 об., 182 об. и др.); 3) „доношеніе“ Шалаурова, 1761 г., о первыхъ годахъ плаванія—1757—1760 г. (л. 332—344).

Послѣдній документъ — самый существенный въ дѣлѣ. Помимо того, что „доношеніе“ представляетъ разсказъ участника плаванія, оно даетъ отчетъ о первыхъ годахъ плаванія—1757—1760 г., о которыхъ литература ничего не знаетъ, разсказывая только о послѣднихъ годахъ экспедиции—1761—1764 г. Правда, *Врангель* (с. 70), *Берхъ* (с. 144) и другіе началомъ плаванія считаютъ 1760 г., но свѣдѣнія ихъ о плаваніи этого года относятся въ дѣйствительности къ предыдущимъ годамъ.

Всѣ документы о ходѣ разрѣшенія экспедиции и о приготовленияхъ къ ней также даютъ совершенно новыя свѣдѣнія, кромѣ известнаго уже разрѣшительнаго указа Сената, отъ 13 апрѣля 1755 г.

Кромѣ того, среди этихъ документовъ находимъ очень цѣнныя новыя данныя о первой морской экспедиции Бахова, совершенной имъ въ 1748—1749 г. съ р. *Анадыра* до *Камчатки*, о чемъ самъ Баховъ разсказываетъ въ своей „челобитной“ 1754 г. о разрѣшеніи полярной экспедиции (л. 1—7). Въ „отношеніи“ сибирскаго губернатора В. А. Мятлева вице-губернатору Иркутской провинціи Ивану Вульффу, 1755 г., встрѣчаемъ нѣкоторыя любопытныя дополненія къ существующимъ въ литературѣ¹⁾ даннымъ объ известныхъ полярныхъ плаваніяхъ лейтенанта Дмитрія *Лаштева*, въ 1739—41 г. (л. 9 об.—11), взятыхъ изъ его „доношенія“. Любопытно, что самъ Лаштевъ, прошедшій немного дальше устья р. Колымы (т. е. много менѣе Шалаурова, доходившаго до Шелагскаго мыса), полагалъ въ своемъ „доношеніи“, что „отъ вѣзю ходу не бывало“ Сѣвернымъ океаномъ въ Камчатку (л. 11).

Всѣ новыя данныя этихъ документовъ цѣнны еще и потому, что исправляютъ многія ошибки, существующія въ литературѣ объ экспедиціи Бахова и Шалаурова. О нѣкоторыхъ ошибкахъ необходимо оговориться напередъ.

Врангель называетъ Бахова Иваномъ, а Берхъ Афанасіемъ. По архивные документы подтверждаютъ именно Врангеля: вездѣ, начиная съ „всепоподаниѣйшей челобитной“ Бахова (л. 1, 7), огъ именуется *Иваномъ* Гавриловымъ. Берхъ же, очевидно, смѣшалъ Бахова

¹⁾ *Врангель*, 60—66; *Берхъ*, 127—130.

по созвучію фамилій съ шкиперомъ полярной экспедиціи Биллингса 1787 г.—Афанасіемъ *Баковымъ*¹⁾, не зная, что мореходъ Баховъ умеръ въ 1762 г.

Шалаурова Врангель называетъ якутскимъ купцомъ (с. 69), хотя ему извѣстенъ сенатскій указъ 1755 г. (с. 70), гдѣ Баховъ и Шалауровъ названы устюжскими купцами. Берхъ (с. 144) также называетъ Шалаурова якутскимъ купцомъ. Но архивные документы и самъ Баховъ называетъ себя и своего товарища Никиту Шалаурова— „устюжскими“. Извѣстно, что Великій Устюгъ далѣ Сибири массу мореходовъ и „землепроходовъ“, начиная съ Семена Дежнева.

Гораздо существеннѣе другая поправка, вносимая новыми архивными данными. Врангель, Берхъ и другіе изслѣдователи считаютъ Шалаурова главою экспедиціи, а Бахова—только его „помощникомъ“, „товарищемъ“. Повидимому, они основывались единственно на томъ, что въ экспедиціи, длившейся 8 лѣтъ, Баховъ участвовалъ первыя 5 лѣтъ (и умеръ), а Шалауровъ всѣ 8 лѣтъ. Разумѣется, относительно послѣднихъ 3 годовъ экспедиціи слѣдуетъ признать, что главою ея былъ тогда Шалауровъ, но, какъ свидѣлствуютъ новыя архивныя данныя—во время подготовки экспедиціи (1754—1756 гг.) и въ первую половину ея (1757—1760 гг.) главенствовалъ именно Баховъ, а не Шалауровъ. Несомнѣнно, такимъ же начальникомъ ея Баховъ оставался и въ 1761 г., о которомъ уже нѣтъ архивныхъ данныхъ, а только печатныя (*Врангель*, 70—71).

Уже первая морская экспедиція, 1748—1749 гг., возникла по инициативѣ Бахова и шла подъ его руководствомъ, а Шалауровъ былъ только однимъ изъ 2 компаньоновъ перваго (л. 1—2). Точно также Баховъ былъ инициаторомъ и полярной экспедиціи: „всеподданнѣйшая челобитная“ 1754 г. (л. 1—7) подана имъ только отъ своего имени и только имъ однимъ подписана (л. 7). О Шалауровѣ же онъ упоминаетъ мимоходомъ, какъ о своемъ компаньонѣ именно и только съ матеріальной стороны. Изъ „доношенія“ Шалаурова (л. 332 об. и слѣд.) видно, что онъ былъ богаче Бахова: въ построенномъ имъ суднѣ за Баховымъ „числится третья часть“, да и въ той части (на которую, очевидно, пошли чужія деньги, занятыя Баховымъ) Шалауровъ былъ „по немъ порукою сверхъ своей положенной части“.

¹⁾ *Берхъ*, 179, 180; *Сарычева* „Путеш. по с.-в. Сибири, Ледовитому морю и Вост. океану“, I, 11 и др.

Итакъ, Шалауровъ былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ судна, а Баховъ его командиромъ и начальникомъ экспедиціи. Именно на этой почвѣ возникли крупныя раздоры между командиромъ и хозяиномъ судна, сильно мѣшавшіе ходу экспедиціи. Объ нихъ обстоятельно разсказываетъ, какъ увидимъ ниже, „доношеніе“ Шалаурова 1761 г. Теперь достаточно отмѣтить, что послѣдняго особенно возмущало то, что Баховъ не отдавалъ ему сенатскаго указа и другихъ документовъ, разрѣшавшихъ плаваніе. Но Баховъ былъ правъ, дѣйствуя такъ: во всѣхъ сенатскихъ, гебернаторскихъ и другихъ официальныхъ документахъ имя Бахова стояло первымъ, а Шалауровъ былъ только „въ товарищахъ“.

Шалауровъ дошелъ до того, что поднималъ команду судна противъ командира—Бахова. Къ своему „доношенію“ онъ приложилъ „запись“ вѣрныхъ ему „работныхъ людей“ (л. 339—340) о томъ, что они согласны идти впередъ подъ командою Шалаурова, а не Бахова. Въ этой „записи“, составленной несомнѣнно самимъ Шалауровымъ, послѣдній такъ проговаривается о дѣйствительной роли Бахова въ экспедиціи: устами работныхъ людей онъ говоритъ, что если будутъ присланы на судно „другіе командиры, а не Баховъ, въ томъ не препятствуемъ“... (л. 340).

Жаль, что не сохранилось доношеній Бахова: они вполне раскрыли бы интриги Шалаурова и рѣшительнѣе опредѣлили бы первенствующую роль Бахова въ экспедиціи. Можетъ быть, эти доношенія когда-нибудь найдутся (въ сибирскихъ архивахъ, или въ томъ же моск. архивѣ м-ва юстиціи) и подтвердятъ мой выводъ изъ имѣющихся архивныхъ данныхъ, что душою и руководителемъ экспедиціи былъ Баховъ до самой его смерти въ началѣ 1762 г., во время зимовки въ устьяхъ р. Колымы ¹⁾.

„Доношеніе“ Шалаурова и „запись“ работныхъ людей относятся къ январю 1761 г. (л. 338). Не смотря на заявленія ихъ, что они не могутъ продолжать плаваніе съ Баховымъ и ждутъ назначенія „другихъ командеровъ“, Баховъ остался на суднѣ и, очевидно, въ той же роли командира, руководя экспедиціей и въ плаваніе лѣтомъ 1761 г.

Такимъ образомъ, изъ всего морскаго пути экспедиціи Баховъ прошелъ $\frac{4}{6}$ пути—отъ Лены до Колымы, а Шалаурову принадлежить руководство экспедиціей всего на $\frac{1}{6}$ пути—отъ Колымы до

¹⁾ Врангель, 71.

Шелагскаго мыса. Гдѣ-то вблизи послѣдняго онъ и погибъ въ 1764 г. вмѣстѣ съ судномъ и всей командой ¹⁾). Невольно является соображеніе, что будь живъ болѣе опытный мореходъ Баховъ и, находясь онъ во главѣ экспедиціи, послѣдняя не погибла бы и была бы доведена до конца, какъ успѣшно выполнилъ Баховъ первую свою задачу—прошелъ съ Анадыра въ Камчатку, въ 1748—49 годахъ. Въ этой экспедиціи участвовалъ и Шалауровъ, но несомнѣнно только какъ компаньонъ и помощникъ Бахова (л. 1—7).

Остальные документы архивнаго дѣла имѣютъ косвенное отношеніе къ полярной экспедиціи Бахова. Во время долгой подготовки послѣдней (въ 1754—56 гг.) слухи о ней распространились въ восточной Сибири и явились новые охотники взяться за исполненіе задачи Бахова. Въ 1757 г. иркутскій купецъ Иванъ *Бечевинъ* просилъ разрѣшенія отпустить его въ плаваніе по плану Бахова, но въ обратномъ направленіи—отъ Камчатки до Лены. Разрѣшеніе было дано и Бечевинъ въ теченіе 1757—59 гг. дѣятельно готовился къ своей экспедиціи. Объ этихъ-то приготовленіяхъ и говорятъ остальные документы архивнаго дѣла (л. 22—30, 65—134, 150 об. и слѣд.), которые ниже излагаю въ дополнительной главѣ, выбрасывая только данные Бечевину въ руководство „экстракты“ изъ извѣстныхъ въ литературѣ „журналовъ“ путешествій по Восточному океану—капитана Шпанберха и лейтенанта Валтона къ островамъ Японіи (л. 135—140), капитана Чирикова къ берегамъ Америки (л. 141—148) и второй экспедиціи капитанъ-командора Беринга (л. 148 об.—150).

Экспедиція Бечевина въ Ледовитый океанъ не состоялась, и онъ ограничился плаваніями въ Восточномъ океанѣ — въ 1761 г. былъ на Алеутскихъ островахъ ²⁾ и проч. Но любопытны подробности его проекта и свѣдѣнія о подготовкѣ Бечевина къ полярной экспедиціи, сообщаемыя архивнымъ дѣломъ.

Изложеніе архивныхъ данныхъ подраздѣляю на 4 главы: I. Экспедиція Бахова съ р. Анадыра до Камчатки, 1748—49 гг.—II. Приготовленія Бахова къ полярной экспедиціи, 1754—56 гг. ³⁾—III. Полярная экспедиція Бахова и Шалаурова съ р. Лены до р. Колыма,

¹⁾ Ibid., 75.

²⁾ О. *Венямина*ова, „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла“, I, 116, 129, 192 и др.

³⁾ Въ этой главѣ см. извлеченія изъ отчета Д. Лаптева о его полярномъ плаваніи въ 1789—41 гг.

1757—1760 гг.—IV. Проект полярной экспедиции Бечевина, 1757—59 гг.

I.

Экспедиция Бахова съ Анадыря до Камчатки, 1748—49 г. ¹⁾.

Любопытныя подробности о ходѣ этой первой морской (судя по имѣющимся даннымъ) экспедиціи Ивана Бахова рассказываетъ онъ самъ въ своей „всеподданнѣйшей челобитной“ 1754 г. Въ 1746 г., находясь въ Анадырскомъ острогѣ, Баховъ замышлялъ о полярномъ плаваніи и смотрѣлъ на свою Камчатскую экспедицію какъ на частичное выполненіе будущаго плана. Последній возникъ вслѣдствіе известной Бахову неудачи правительственной экспедиціи лейтенанта Дмитрія *Лаптева*, въ 1736—41 гг. ²⁾, закончившейся около устьевъ р. Колымы. Баховъ говоритъ, что онъ возмѣлъ „рачительное желаніе о провѣдываніи изъ Анадыря рѣки морской коммуникаціи въ Камчатку“, такъ какъ „новаго пути... Лаптевымъ, съ немалымъ казеннымъ убыткомъ, не сыскано“...

Какъ известно, Лаптевъ послѣ неудачной попытки достигнуть моремъ р. Анадыря, прошелъ туда сухимъ путемъ, въ 1741 г., а въ слѣдующемъ году дѣлалъ опись Анадыря ³⁾. Въ Анадырскомъ острогѣ Баховъ, вѣроятно, встрѣчался съ Лаптевымъ и слышалъ его рассказы о полярномъ плаваніи, которые и натолкнули Бахова на мысль предпринять самому такое же плаваніе. Если его не пугали неудачи такого опытнаго флотскаго офицера, какимъ былъ Лаптевъ, значить Баховъ былъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ какъ въ знающемъ мореходѣ и смѣло взялся за повтореніе трудной задачи. Повидимому, причины неудачи Лаптева были ясны для Бахова, надѣявшагося избѣжать ихъ. Уже одна мысль его—совершить предварительно болѣе легкую часть общаго плана (пройти моремъ съ Анадыря на Камчатку) — говоритъ, что весь планъ Бахова уже на Анадырѣ былъ обдуманъ зрѣло и въ деталяхъ. Возможно, что мысль о Камчаткѣ внушена ему тѣмъ же Лаптевымъ, кажется замышляв-

¹⁾ Архивное дѣло, л. 1 и слѣд.

²⁾ *Вранель*, 58—66; I, 127—130.

³⁾ *Вранель*, 66—67.

шимъ о подобной экспедиціи, но скоро отозваннымъ въ Якутскъ, затѣмъ въ Петербургъ.

Для исполненія задуманнаго предпріятія Баховъ вступилъ „въ компанію“ съ сольвыгодскимъ купцомъ Иваномъ Жилкинымъ, устюжаниномъ Никитою Шалауровымъ и Якутскимъ посадскимъ человекомъ Семеномъ Новиковымъ. Но послѣдній скоро былъ удаленъ изъ компаніи „за нѣкоторые его неурядочные противъ нашихъ общекупныхъ кондичій поступки“.

Компанія Бахова, Жилкина и Шалаурова начала „собственнымъ коштомъ“ строить, на верховьяхъ р. Анадыра, изъ лиственнаго дѣса, „мореходное судно, шитое и простого манера“. Постройка шла, вслѣдствіе дороговизны матеріаловъ и трудной доставки ихъ изъ Якутска, изумительно долго—2 года и 5 мѣсяцевъ. Никакими „казенными припасами и матеріалами“ компаньоны не пользовались.

Въ 1748 г. Баховъ получилъ изъ „полкового двора“ въ Анадырскѣ „дозволительный“ указъ, разрѣшавшій ему задуманное плаваніе. Послѣднее началось 9 іюня того года. Изъ компаньоновъ съ Баховымъ отправился одинъ Шалауровъ, а Иванъ Жилкинъ остался въ Анадырскѣ, рассчитывая проѣхать въ Камчатку сухимъ путемъ.

Старшее мѣсто среди команды судна, набранной изъ Анадырскихъ казаковъ и гулящихъ людей, занималъ казакъ Тимофей *Переваловъ*. Въ глазахъ Бахова это былъ простой матросъ (хотя и старшій), вступившій на службу компаніи на ряду съ другими казаками, наравнѣ съ которыми одинаково подписалъ „партикулярный договоръ“ съ компаніей. Но самъ Переваловъ считалъ себя какимъ-то начальствомъ на суднѣ, чего не признавалъ за нимъ Баховъ и, потому, не ладилъ съ нимъ. Переваловъ, носившій громкій для его положенія титулъ „правлящаго подпрапорщическую должность“, основывалъ свои притязанія на томъ, что имѣлъ отъ Анадырскаго полковаго двора инструкцію—„къ примѣчанію съ моря Анадырскаго устья, и для путевыхъ осмотровъ и описи, и къ познанію мореплаванія“.

Разумѣется, эта инструкція не давала Перевалову права вмѣшиваться въ управленіе судномъ и не ставила его выше Бахова на суднѣ. Послѣдній замѣчаетъ, что Переваловъ совсѣмъ не занимался порученнымъ ему дѣломъ и оказался способнымъ только „для происковъ къ своему обогащенію“...

Чтобы показать незаконность притязаній Перевалова на какое-то старшинство, Баховъ приводитъ „партикулярный договоръ“ съ нимъ, какой заключенъ былъ компаніей и съ остальными казаками, посту-

пившими на службу компаніи. Привожу этотъ любопытный договоръ, сообщаемый Баховымъ съ извлеченіи.

Переваловъ обязался „съ полученной добычи отъ промысла брать треть одного пая, а въ компанію отдавать $\frac{2}{3}$ пая, а до судна и до судового всякаго такелажу дѣла гѣть, и компаніи нашей бытъ ему, Перевалову съ товарищи, во всякомъ безспорномъ послушаніи, исправну всегда къ дѣлу и работѣ, по приказу нашему, безъ всякаго прекословія, и во всемъ служить и къ непристойнымъ компаніи случаямъ ни тайно, ни явно ни съ кѣмъ не соглашаться, и ничего не похищать, и не зѣрнить (т. е. не играть въ зѣрны), подѣ опасеніемъ отнятія пая промыслу и такожь и *наказанія компанейскаго*, и никого подѣ свою склонность не приводить, а кто-де изъ нихъ казакъ непослушенъ явится, то по *суду компаніи* и по данному указу партіи изъ полкового двора по винамъ смотря наказывать. А когда же Богъ благоволитъ выдти на Камчатку, то по сему его, Перевалова, договору никакихъ дѣлъ на компанистовъ не начинать и въ судѣ господамъ управителямъ не производить“ (л. 3).

Явные раздоры съ Переваловымъ начались позже, во время зимовки на Командорскихъ островахъ, а начало плаванія шло благополучно. По р. Анадыру судно прошло русскими владѣніями 500 верстъ, встрѣтивши въ 5 пунктахъ партіи Анадырскихъ жителей, выходящихъ въ юнѣ для рыбной и „оленной“ ловли. Последнее русское становище называется „Бани“, гдѣ „для опасенія непріятели“ находится часть Анадырской военной команды. Отъ „Бани“ плыли рѣкою до моря 400 верстъ, находясь „въ непріятельской *Чукотской* сторонѣ уже безъ всякаго къ помощи надѣянія, сами въ своемъ числѣ, съ 20 человекъ“.

Дойдя до Анадырскаго устья, Баховъ отстаивался тамъ, выжидая „способнаго вѣтра“. Во время этой стоянки на якорѣ, чулки нѣсколько разъ „присматривали“ судно, появляясь по 1 и по 2 человекъ.

Ровно черезъ мѣсяць по выходѣ изъ Анадырскаго острога — 10 іюля Баховъ, „увидя благополучную погоду“, двинулся „черезъ глубокое и доброе Анадыря рѣки устье“ и вышелъ въ открытое море. Пройдя параллель мыса Өаддея, онъ приблизился къ берегу и вошелъ „въ доброе жѣ устье“ р. *Каттырси* (или Хотырка, впадающая южнѣе мыса Өаддея), гдѣ простоялъ нѣсколько дней ради нѣкоторыхъ исправленій судна.

Выйдя снова въ открытое море, „много плавали“ и осенью до-

брались наконецъ до одного изъ *Командорскихъ* острововъ, именно того, подлѣ котораго разбилось судно „Камчатской экспедиціи“ (Беринга) — пакетъ-ботъ „Св. Петръ“. Здѣсь „насталъ штиль“, и судно Бахова должно было остановиться.

Предполагая, что здѣсь могутъ быть промышленники съ Камчатки и вообще для рекогносцировки неизвѣстнаго острова, Баховъ послалъ на берегъ шлюпку съ 2 людьми, которые вернулись черезъ двое сутокъ, не найдя промышленниковъ. Опасаясь „въ позднее то осеннее время жестокихъ штормовъ“, Баховъ рѣшился пристать къ острову, куда и подошелъ съ трудомъ 15 сентября, едва пробравшись „между немалыхъ каменистыхъ мелей“. Облегчивши судно отъ тяжестей, свезенныхъ на берегъ, благополучно стояли до 26 ноября, когда судно потерпѣло полную аварію. Продолжавшійся нѣсколько дней сильный вѣтеръ, доходившій до силы шторма и дувшій на берегъ, развелъ „великое волненіе и высокое наводненіе“. Судно нанесло на камни и „до основанія *разбилось*“, при чемъ почти всѣ снасти погибли.

Послѣ этого несчастья большинство команды бросило Бахова, разойдясь по острову для промысловъ. Баховъ и Шалауровъ остались только „въ пяти человекъ“. Баховъ, однако, не растерялся и сейчасъ же сталъ хлопотать о постройкѣ новаго судна. Лѣсовъ не было на островѣ, но Баховъ съ товарищи принялись собирать по берегамъ выброшенные моремъ „разнаго рода лѣса“, а также разыскивать дерево подъ снѣгомъ. Обтесавши дерево на мѣстѣ находокъ, они свозили его въ зимовье на собакахъ, взятыхъ изъ Анадырска въ количествѣ 10 штукъ.

Весною, когда отошелъ ледъ отъ береговъ, лѣсъ свозили моремъ, буксируя его на сохранившихся лодкахъ къ мѣсту постройки судна. Желѣзо и нѣкоторыя снасти взяли съ разбитаго казеннаго пакетъ-бота „Св. Петръ“. Не смотря на малые размѣры новаго „суденка“ (длина его по килю 17½ аршинъ), постройка была закончена только въ іюлю 1749 г.

Медленность работы происходила оттого, что нѣкоторые казаки маленькой команды, оставшейся съ Баховымъ („въ 5 человекъ“), уклонялись отъ постройки судна, разсеявъ въ разныхъ концахъ острова для звѣриныхъ промысловъ. Особенно мѣшала работѣ вышеупомянутый казакъ Тимофей Переваловъ. „Презря свое данное въ компанію обязательство“, онъ уговорилъ большинство казаковъ „отдалиться въ другую компанію“, прибывшую весною на тотъ же островъ изъ Камчатки для боброваго промысла. Поселясь отдѣльно

отъ Бахова, онъ какъ-то явился изъ своего зимовья съ 6 казаками и сталъ требовать „со всякимъ обстоятельнымъ угроженіемъ“, выдачи своего и тѣхъ людей „обязательствъ“ компаніи Бахова. Послѣдній не выдалъ „обязательныхъ его подписокъ“, и Переваловъ ушелъ въ свое зимовье. Однако, когда судно было почти готово, Переваловъ съ товарищи посгѣшили примириться съ Баховымъ, чтобы имѣть возможность скорѣе добраться до Камчатки.

Баховъ говоритъ, что они жили отдѣльно „едва не до самаго совершенства (т. е. окончанія) нашихъ при строеніи судна трудовъ“.

8 июля Баховъ съ товарищи „пакы ко 2-му вояжу дались — ко взысканію невѣдомой земли“, выйдя „въ открытое море на остъ-нордъ-остъ“. Однако, пройдя нѣсколько въ этомъ направленіи, Баховъ не рискнулъ идти дальше на своемъ маленькомъ и слабомъ суденышѣ и вернулся на другой островъ изъ той же группы Командорскихъ острововъ. Простоявши здѣсь немного, онъ повернулъ къ Камчаткѣ и 24 августа прибылъ въ *Большертыцк*.

Здѣсь Баховъ зазимовалъ. 9 марта 1750 г. онъ подалъ въ канцелярію Большертыцкаго порта „доношеніе“, въ которомъ просилъ, „дабы то наше провѣдываніе, или о новомъ пути извѣстіе (т. е. плаваніе отъ Анадыра до Камчатки) принять особливо, ко услугамъ государственнымъ, и показать намъ всякую милость къ награжденію, а которыя по несчастію нашему взяты были нами на упомянаемомъ морскомъ острову, называемомъ по случаю Командорскимъ, казенныя вещи..., и оныя безъ всякаго бы возвращенія, не приводя въ важность наше дерзновеніе, милостивно отпустить...“ Канцелярія не отвѣтила на эту просьбу Бахова, но удовлетворила другое его желаніе: 14 марта онъ получилъ „во отпускъ въ море указъ“.

Гдѣ Баховъ плавалъ лѣтомъ 1750 г.—онъ не говоритъ, но повидному—гдѣ-то около Камчатки и Курильскихъ острововъ. Осенью онъ очутился въ *Нижне-Камчатскомъ* острогѣ, гдѣ зимовалъ. 24-го декабря онъ получилъ указъ изъ канцеляріи Охотскаго порта, вызванный какъ просьбою Бахова о разрѣшеніи новаго морскаго плаванія, такъ и донесеніями изъ Нижне-Камчатска капитана Лебедева и „подпираторщика“ Перевалова. Охотская канцелярія разрѣшила Бахову новое плаваніе, но подѣ непремѣннымъ условіемъ, чтобы оно было направлено „къ приращенію“ государственныхъ интересовъ. Въ этихъ видахъ канцелярія предлагала Бахову такой планъ:

„Построенное обще съ Переваловымъ“ судно (такъ показалъ Переваловъ, находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что вслѣдствіе употребленія на

стройку казеннаго желѣза и проч., то судно слѣдуетъ считать „казеннымъ, а не купецкимъ“, съ чѣмъ соглашалась и канцелярія) „по первому вѣстному пути обвести вокругъ Камчатской *Лопатки* въ Большерѣбцкое устье“, а оттуда Перевалову, съ анадырскими казаками, Баховымъ и съ казаками, отпущенными капитаномъ Лебедевымъ, „слѣдовать вокругъ *Пензинскаго* моря ¹⁾ въ *Сѣверную* губу“ ²⁾ и дальше, „хотя до р. *Аклана* ³⁾), и извѣдать входъ въ устье той рѣки и судову пристань“. Если Баховъ откажется отъ выполненія этого плана, то Охотская канцелярія предписывала Лебедеву не отпускать Бахова въ море, чтобы онъ „безвѣстно не истратился“...

Разумѣется, Баховъ отказался отъ этого плана, очевидно указанного канцеляріи Переваловымъ, стремившимся поскорѣе добраться до Анадырскаго острога, сравнительно близкаго съ р. Аклана. Въмѣсто широкихъ замысловъ Бахова канцелярія ставила узенькую задачу Перевалова, да еще предлагала Бахову идти подъ команду ничтожнаго Перевалова, выдумавшаго свое участіе въ постройкѣ судна и самозванно назвавшагося „подпрапорщикомъ“, тогда какъ онъ былъ всего рядовой „казакъ за подпрапорщика въ должности“. Еще оскорбительнѣе была для Бахова забота Охотской канцелярії, какъ бы онъ безъ Перевалова „безвѣстно не истратился“ въ морѣ... Вѣдь Баховъ „не истратился“ даже потерявши свое анадырское судно и умѣло выбрался изъ отчаяннаго положенія, доведя свой планъ до конца.

Баховъ хорошо понялъ „происки“ Перевалова и отвѣчалъ Охотской канцеляріи, что погоня Перевалова за „первенствомъ“ ни на чемъ не основана: взятые изъ Анадырска 3 служилыхъ (въ томъ числѣ и Переваловъ) и 7 отставныхъ казаковъ „обще съ нимъ Переваловымъ считались въ равенствѣ по договорамъ своимъ съ прочими работными людьми, въ чемъ и подписками себя утверждали, за что отъ нашей компаніи по достоинству трудовъ ихъ были и коштваны“.

Свое „доношеніе“ въ канцелярію Охотскаго порта, съ отказомъ отъ пенжинской экспедиціи, Баховъ послалъ въ Охотскъ 20-го іюня 1751 г., а 12-го августа получилъ оттуда отвѣтъ, окончательно разрушившій его планы. Канцелярія приказала—построенное на Командорскихъ островахъ судно „поставить до указа на балки, подъ крышку“,

¹⁾ Пенжинская губа на сѣверной оконечности Охотскаго моря.

²⁾ Сѣверо-западная часть Пенжинской губы.

³⁾ Впадаетъ съ с.-в. въ Пенжинскую губу.

и сдѣлать это компанейскимъ „коштомъ“. Взятое съ разбитаго пакетъ-бота „Св. Петръ“ желѣзо, „скляшки“, разные припасы и снасти— все это сдать въ казну. Самого же Бахова съ товарищи не отпускатъ изъ Камчатки до полученія указа.

Баховъ сдалъ въ Нижнекамчатскѣ свое судно со всѣми принадлежностями, въ чемъ получилъ „квитанцію“ отъ „прикащика“ мѣстной „приказной избы“ Ивана Росторгуева.

Въ заключеніе своего разсказа Баховъ справедливо негодуетъ, что вопреки сенатскимъ разрѣшительнымъ указамъ и распоряженіямъ тобольской губернской канцеляріи, мѣстная охотская и камчатская администрація безъ достаточныхъ основаній „удержала“ его въ Камчаткѣ 4 года (безъ двухъ мѣсяцевъ) и лишила компанію построеннаго ею судна. Смѣлая экспедиція изъ Анадырска въ Камчатку и безцѣльное 4-лѣтнее пребываніе въ послѣдней оставили компанейщиковъ—И. Бахова, И. Жилкина и Н. Шалаурова— „безъ всякаго прибытка, а паче же со изнуреніемъ изъ собственнаго своего капитала“...

II.

Приготовленія Бахова къ полярной экспедиціи, 1754—1756 гг. ¹⁾.

Камчатскія неспрiятности не ослабили энергiи Ивана Гавриловича Бахова. Въ 1754 г. онъ подаетъ „всеподданнѣйшую челобитную“ о разрѣшеніи ему полярнаго плаванія съ рѣки Лены до Камчатки (лл. 1—7).

Онъ говоритъ въ челобитной, что въ 1754 году вмѣстѣ съ Никитою Шалауровымъ построили они морское судно „шлюпошнаго манира“, длиною по килю 9 сажень, „глуби 3 аршинъ“. Строили они судно „собственнымъ своимъ коштомъ“ на р. Ленѣ, въ дер. Вешняковой, Чичойской волости.

„Для размноженія россiйскаго партикулярнаго мореплаванія“ и „къ приращенію государственнаго интереса“ Баховъ желаетъ, весной 1755 г., двинуться на своемъ суднѣ р. *Леною* къ устью, а оттуда „возобновить путь“ по *Свертному* морю въ Восточное или Тихое море до *Камчатки* и „до прочихъ тамошнихъ мѣстъ, къ сысканію новыхъ незнаемыхъ до сего острововъ и земель, и для промыслу на оныхъ всякихъ звѣрей“. Описаніе морскихъ острововъ, какіе „вновь изобрѣ-

¹⁾ Архивное дѣло, лл. 1—21, 31—39 и слѣд.

тены (т. е. открыты) будутъ“, также морскихъ береговъ, рѣвъ и проч.—все онъ станетъ „исправлять собою, не требуя къ тому геодезиста“. Всѣ свои описанія онъ будетъ доставлять въ иркутскую губернскую канцелярію.

Матросовъ на судно и рабочихъ людей для промысловъ ему необходимо до 60 человекъ, которыхъ онъ наберетъ изъ „вольныхъ и неподозрительныхъ людей“. Съ инородцами Баховъ обязуется имѣть „мирное и добропорядочное обхожденіе, не причиняя имъ никакихъ обидъ и озлобленій“. Чтобы воздержатъ отъ послѣдняго свою команду, Баховъ проситъ дать ему и Шалаурову право—„по своему разсмотрѣнію смирять“ своихъ людей, о чемъ „дать наставленіе“.

Такъ какъ въ предпринимаемомъ „вояжѣ... уповаемо быть не безъ острововъ... и не безъ людей“, то для охраненія отъ „островныхъ жителей“ и особенно „немирныхъ чужь“ необходимо имѣть на суднѣ 3 небольшихъ пушки, „съ пристойнымъ числомъ“ ядеръ и картечи, также 5 пудовъ пунечнаго пороха и 10 пудовъ винтовочнаго. Все это проситъ отпустить изъ казны, такъ какъ ничего изъ этихъ принадлежностей не имѣется въ Иркутскѣ „въ партикулярной продажѣ“.

Когда Баховъ дойдетъ до устья р. Ковымы (Колымы), до котораго 3 года назадъ доходили морскіе офицеры, „съ немалымъ казеннымъ убыткомъ“ ¹⁾, онъ проситъ отдать ему морской ботъ и разные морскіе матеріалы и припасы, оставленные лейтенантомъ Лаптевымъ въ Нижне-Ковымскомъ зимовьѣ. Отъ долговременнаго „лежанія“ они „могутъ вовсе истратиться“, а перевозка ихъ сухимъ путемъ въ Якутскъ или Охотскъ обойдется очень дорого.

Помня свои камчатскія неудачи и придирчивое отношеніе тамошнихъ властей, Баховъ проситъ, чтобы „быть мнѣ... во всемъ подъ вѣденіемъ иркутской губернской канцеляріи“, а не мѣстныхъ „комиссаровъ“ и „прикащиковъ“, которые „могутъ приметвами всякую вымышленную *извеваю* для своихъ бездѣльныхъ корыстей чинить“... Проситъ также, чтобы „тамошнія (т. е. по пути) присутственныя мѣста“ принимали его „рапорты“ о ходѣ плаванія, для отсылки ихъ въ иркутскую губернскую канцелярію „при случающихся оказіяхъ, безъ всякой утайки“.

¹⁾ Неизвѣстно, кого здѣсь разумѣетъ Баховъ? Если Дм. Лаптева, о которомъ говорить ниже, то Лаптевъ плавалъ не 3 года назадъ (т. е. въ 1751 г.), а въ 1739—1741 гг. Въ промежутокъ между экспедиціями Лаптева и Бахова неизвѣстны другія полярныя плаванія.

Въ заключеніе своей челобитной Баховъ просить о выдачѣ ему и Шалаурову изъ Иркутской губернской канцеляріи разрѣшительнаго указа „съ наставленіемъ“ относительно задуманнаго плаванія, о дозволеніи принять на судно 60 „рабочихъ людей“ и проч. Челобитную писалъ 1-го декабря 1754 г. иркутскій казакъ Ѳеодоръ Злобинъ, но челобитная подписана самимъ Иваномъ Баховымъ.

22-го декабря вице-губернаторъ Иркутской провинціи генераль-майоръ Ивашъ Вульѳ переслалъ челобитную Бахова Сибирскому губернатору генераль-лейтенанту Василью Алексѣевичу Мятлеву. Въ своемъ „доношеніи“ (дл. 8—9) Вульѳ рѣшительно поддерживаетъ проектъ Бахова, ссылаясь особенно на сенатскій указъ 18-го февраля 1734 г., гдѣ между прочимъ говорится: „удобіе безъ убытку казеннаго, (если) сами купцы и промышленники въ отдаленныя мѣста путь сыщутъ, какъ Камчатка и иныя прежде неизвѣстныя мѣста купцами и промышленниками сысканы“... Вульѳ добавляетъ къ этому, что если Баховъ исполнитъ свой планъ, тогда откроется болѣе удобный путь для казенныхъ транспортовъ на Анадырь и въ Камчатку.

Въ отвѣтъ сибирскаго губернатора Вульѳу, отъ 31-го генваря 1755 г. (л. 9 об. и слѣд.), находимъ любопытное извлеченіе изъ рапорта капитана ¹⁾ Дмитрія Лаптева о его полярномъ плаваніи 1739—1741 гг. (дл. 10—11), представленнаго имъ въ адмиралтействъ-коллегію и присланнаго въ копіи губернатору. Послѣдній пересылаетъ ее Вульѳу для руководства Бахова.

Лаптевъ говоритъ ²⁾, что вышелъ изъ устья р. Лены въ Сѣверное море 22-го іюля 1739 г. и свободно дошелъ въ послѣднихъ числахъ августа до устья р. Индигирки, гдѣ зимовалъ. Въ слѣдующее лѣто онъ могъ выйти въ море только 30-го іюля и, слѣдуя подлѣ берега, встрѣтилъ уже массу льдовъ какъ стоячихъ („множество на меляхъ“), такъ и пловучихъ („носячихъ“). 4-го августа подошелъ къ устью р. Колымы, откуда слѣдовалъ подлѣ „Чукотскаго берега“, направляясь къ востоку, и скоро вошелъ „въ великіе густые льды“ (до 7—10 сажень глубины), съ очень узкими проходами между ними (отъ 5 до 10 сажень ширины). Въ этихъ льдахъ Лаптевъ медленно двигался впередъ съ 9-го по 14-е августа, когда очутился въ неподвижныхъ льдахъ „безъ всякой прогалины“. Не находилъ дальнѣйшаго про-

¹⁾ Архивное дѣло вездѣ называетъ его „капитаномъ“, а *Врангеля*—„лейтенантомъ“ (с. 58 и слѣд.).

²⁾ Срав. *Врангеля*, 60—66.

хода, Лаптевъ вернулся обратно, къ устью Колымы, съ трудомъ прокладывая путь среди такой же массы густыхъ льдовъ. Войдя въ рѣку, зимоваль онъ въ Нижне-Колымскомъ острогѣ.

29-го іюня 1741 г. Лаптевъ предпринялъ третье плаваніе на востокъ, имѣя на этотъ разъ, кромѣ морского бота, еще 2 гребныхъ судна, „самыхъ легкихъ“. 5-го августа онъ достигъ того самаго пункта, откуда вернулся въ прошломъ году, также идя все время во льдахъ и держась берега. Отъ указаннаго пункта Лаптевъ двинулся къ сѣверу, но скоро былъ окруженъ такими массами льда, что едва выбрался изъ нихъ и повернулъ назадъ къ западу, держась береговъ.

Лаптевъ передаетъ, что по свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей—отъ р. Колымы до Чукотскаго носа будетъ 1000 верстъ. Берегъ здѣсь „нѣсколько возвышается къ сѣверу и весь каменной, съ высокими утесами“. Отъ Чукотскаго носа до Камчатки „разстоянія немало“. Трехлѣтнія попытки Лаптева „довольно засвидѣтельствовали“, что „кажется моремъ на Камчатку, для препятствія льдовъ и великости разстоянія, отъ вѣку ходу не бывало...“.

Въ дополненіе къ этимъ словамъ Лаптева сибирскій губернаторъ отъ себя замѣчаетъ: хотя „неуповательно“, чтобы Баховъ и Шалауровъ сыскали проходъ въ Камчатку, но принимая во вниманіе, что плаваніе они предпринимаютъ на „собственный коштъ“, не требуя помощи отъ правительства, и предполагая, что „такой путь чрезъ свое домогательство (они) и изыщутъ“, губернаторъ соглашается съ Вульбоомъ, что это предпріятіе весьма полезно. Если даже они не найдутъ прохода въ Камчатку, то уже одно „акуратное описаніе“ береговъ принесетъ пользу. Губернаторъ ссылается на тотъ же сенатскій указъ отъ 18-го февраля 1734 г., предписывающій оказывать всевозможное содѣйствіе предпринимателямъ въ родѣ Бахова.

На всѣхъ этихъ основаніяхъ губернаторъ предписываетъ Вульбоу (л. 12) отпустить Бахова и Шалаурова „въ намѣрившійся ихъ путь“ и разрѣшить имъ набрать 60 рабочихъ людей не бѣглыхъ и не безпаспортныхъ. Слѣдуетъ наблюдать, чтобы провіантъ на суднѣ былъ припасенъ не менѣе „какъ совершенно на годъ“.

Губернаторъ посылаетъ „прочетный указъ“ Бахову и Шалаурову, разрѣшающій имъ плаваніе, а дополненія къ нему „по тамошнимъ обстоятельствамъ“ предоставляетъ сдѣлать Вульбоу. Такъ, онъ долженъ обязать купцовъ „подписками, подъ смертною казною“, чтобы они не чинили „никакихъ обидъ и ни малѣйшихъ озлобленій“ какъ явчнымъ людямъ, такъ и новымъ инородцамъ, еще не состоящимъ въ россій-

скомъ подданствѣ. Во время пути Баховъ долженъ вести „вѣрную повседневную записку“ и по окончаніи плаванія представить ее начальству. Въмѣсто пушекъ разрѣшается взять ему находящіеся въ Нижне-Ковымскѣ 3 фальконета съ потребнымъ количествомъ ядеръ и картечи. Изъ того же острога отпустить ему „за указную цѣну“ просимое количество пушечнаго пороха, а винтовочный порохъ дать въ Иркутскѣ. Баховъ можетъ взять въ Нижне-Ковымскѣ казенныя „ботовые матеріалы“, но только за плату.

Челобитная Бахова переслана губернаторомъ въ сенатъ. Последній можетъ запретить плаваніе, вслѣдствіе неудачъ капитана Лаптова, но чтобы не ставить Бахова въ затрудненіе въ виду приближенія весны, когда онъ намѣревался начать путешествіе, губернаторъ рѣшается дать ему разрѣшеніе, не дожидаясь сенатскаго указа.

Какъ увидимъ ниже, губернаторъ напрасно торопился съ своимъ разрѣшеніемъ: не только въ 1755 г., но и въ слѣдующемъ году Баховъ почему-то не могъ начать плаваніе и двинулся въ путь только въ 1757 году.

Къ отвѣту губернатора приложенъ „прочетной указъ“ Бахову и Шалаурову, отъ 31-го генваря 1755 г. (л. 14 об.), разрѣшающій именемъ губернатора плаваніе, съ предписаніемъ мѣстнымъ властямъ оказывать путешественникамъ всяческое содѣйствіе и проч.

На рапортъ губернатора Мятлева въ сенатъ, въ февралѣ 1755 г. (л. 17), послѣдовалъ сенатскій указъ отъ 13-го апрѣля, который „апробовалъ“ представленіе Мятлева, т. е. разрѣшалъ Бахову и Шалаурову задуманное плаваніе (л. 21). Указъ полученъ въ Tobольскѣ 8-го іюня.

Въ рапортѣ Мятлеву, отъ 7-го іюля (л. 31), иркутскій вице-губернаторъ Вульсъ между прочимъ сообщаетъ, что 5-го мая Баховъ подавъ ему новую челобитную (л. 34), гдѣ говоритъ, что Шалауровъ находится при суднѣ (Илимскаго у., Чичюйской вол., въ дер. Вешняковой, въ 1000 в. отъ Иркутска), а онъ, Баховъ, занявъ наймомъ 60 работныхъ людей. Въ Иркутскѣ онъ не нашелъ желающихъ и предполагаетъ найдти на р. Ленгѣ, въ Илимскомъ и Якутскомъ уѣздахъ. Баховъ проситъ: чтобы работные люди во время плаванія „самовольно нигдѣ не отставали и не уходили“, „воажь отправляли со всякимъ усердіемъ“ и „во всемъ были послушны“—„въ томъ ихъ опредѣлить имъ, Бахову и Шалаурову, обязать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ подпискою“.. Для „лучшаго удержанія“ людей „отъ свое-

вольныхъ поступокъ“, Баховъ просить дать ему право наказывать ихъ, „смотря по винамъ, кошками“.

Чтобы оградить себя отъ мѣстныхъ командировъ, прикащиковъ и т. п., которые „чинять вымышленныя для своихъ корыстей примѣтки“ (что было съ самимъ Баховымъ въ Камчаткѣ, гдѣ задержано его судно), онъ просить, чтобы мѣстная власть „не вѣдала“ его и работныхъ людей „ни судомъ, ни расправою, кромѣ криминальныхъ дѣлъ“, но чтобы быть имъ „во всемъ вѣдомымъ въ иркутской губернской канцеляріи“.

Для „лучшаго обхожденія и дружелюбія“ съ инородцами, Баховъ просить разрѣшить мѣновую торговлю съ ними: свои топоры, ножи, котлы и проч. онъ будетъ мѣнять на ихъ „припасы и товары“, по добровольному соглашенію.

Наконецъ, онъ просить, чтобы ему разрѣшили поставить на свое судно флагъ, находящійся на казенномъ ботѣ въ Нижне-Ковымскѣ (т. е. на морскомъ ботѣ Лаптева).

Вульезъ сообщаетъ Мятлеву, что „прочетной указъ“ отданъ Бахову, подъ его расписку. Почти всѣ его просьбы удовлетворены. Такъ ему разрѣшено наказывать работныхъ людей, для чего завести „записку—кто, когда и за что будетъ наказанъ“. Для подарковъ инородцамъ и для мѣновой торговли съ ними выданъ Бахову изъ иркутской „рентерей-казны“ 1 пудъ „китайскаго шара“ (табакъ) за 10 р. (хотя въ Иркутскѣ онъ продавался по 20 р. пудъ). Полученные отъ инородцевъ товары за „шаръ“ Баховъ долженъ записывать отдѣльно отъ своихъ „партикулярныхъ“ прибылей.

Въ своей мореходной „запискѣ“ Баховъ долженъ отмѣчать—„положеніе мѣсть, глубину воды, время и погоды какія“, дни ведряные или облачные, туманы, громы, молніи, штормы, вихри и „прочес все приключаемое, а паче всего *Чукоцкій носъ* окуратно описать“. Не оставлять также безъ вниманія и описать „примѣчанія достойныя куріозныя камни, руды и прочія диковинныя вещи“, образцы которыхъ брать съ собою „для пробъ“.

Бахову разрѣшено поднимать на своемъ суднѣ флаги, кромѣ „штандартовъ“ съ государственнымъ гербомъ. Отъ суда мѣстной администраціи Баховъ и Шалауровъ освобождены, кромѣ „криминальныхъ дѣлъ“. Если они „станутъ какія съ указами несходныя поступки оказывать“, мѣстные командиры должны о томъ доносить въ иркутскую губернскую канцелярію. Пороху отпущено Бахову 4 пуда 26 фунтовъ, по 60 коп. фунтъ.

Всѣ эти распоряженія Вульва по дѣлу Бахова Мятлевъ изложилъ въ донесеніи сенату отъ 23-го ноября 1755 г. (л. 38 об.).

Этими документами заканчивается дѣло о приготовленіяхъ Бахова въ полярной экспедиціи. Но подготовка продолжалась и въ слѣдующемъ 1756 году.

III.

Полярная экспедиція Бахова и Шалаурова съ р. Лены до р. Колымы, 1757—1760 гг. ¹⁾.

Въ „сообщеніи“ сибирской губернской канцеляріи сибирскому губернатору тайному совѣтнику *Соймонову*, отъ 30-го марта 1759 г., говорится между прочимъ, что Баховъ и Шалауровъ еще не „вожировались“ съ 1758 г. въ задуманное плаваніе (л. 156 об.). Но это было невѣрно: какъ увидимъ ниже, „вожжъ“ ихъ начался еще въ 1757 г. Гораздо правильнѣе выразился Соймоновъ въ рапортѣ сенату, отъ 22-го апрѣля того же года, что онъ „не имѣеть никакого извѣстія“ о плаваніи Бахова и Шалаурова (л. 183).

Первое извѣстіе объ ихъ экспедиціи получено было только лѣтомъ 1761 г., когда якутская воеводская канцелярія донесла Соймонову (л. 332), что 15-го іюня присланы изъ Верхоянскаго и Устьянскаго зимовой разныя бумаги, между которыми оказался конвертъ Устюжскаго купца Никиты Шалаурова, адресованный въ иркутскую губернскую канцелярію. Печать на конвертѣ была сломана, воеводская канцелярія рассмотрѣла содержимое и признала сообщеніе Шалаурова „весьма нужнымъ“ для сибирскаго губернатора, которому и отправила копію съ „доношенія“ Шалаурова, а подлинникъ отослала въ Иркутскъ.

Привожу въ извлеченіи это „доношеніе“ Шалаурова“ (лл. 332 об.—338), снова напоминая, что къ сообщеніямъ его о Баховѣ, рисующимъ послѣдняго въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ, нужно относиться съ большою осторожностью. Борьба между ними изъ-за „первенства“ въ экспедиціи временами обострялась до крайнихъ предѣловъ и заставляла быть несправедливыми относительно другъ друга. Къ сожалѣнію, не сохранилось подобныхъ же доношеній Бахова (или они еще не найдены) и, потому, нѣтъ возможности вполнѣ кри-

¹⁾ Архивное дѣло лл. 156 об., 183, 332—344.

тически отнестись къ разсказу Шалаурова. Во всякомъ случаѣ ему нельзя дать полной вѣры во всемъ томъ, что онъ говорить о своемъ соперникѣ Баховѣ.

Вотъ что разсказываетъ Шалауровъ:

Лѣтомъ 1757 г. они съ Баховымъ спустились по р. *Ленъ* отъ дер. Вешняковой, Илимскаго у. (гдѣ строилось судно) до Якутска, откуда тронулись дальше 12-го сентября. Дойдя до устья р. Вилюя, они вынуждены были остановиться на зимовку, такъ какъ здѣсь захватилъ ихъ „студеный воздухъ“ и на рѣкѣ появился крупный ледъ. Зимнія „квартиры“ они устроили на берегу.

Уже здѣсь начались раздоры между Баховымъ и Шалауровымъ. Отъ бездѣлья Баховъ началъ пьянствовать и чинить Шалаурову „несносныя обиды и разоренія“. При всей командѣ—говорить послѣдній—онъ „похвально изрубилъ меня въ мелкія части“, а наединѣ также „похвалялся“, что и меня зарѣжетъ, и самъ зарѣжется... „И оттого я нижайшій весьма сталъ опасенъ“ и собирался уѣхать въ Якутскъ.

Однажды Баховъ устроилъ попойку и, собравъ рабочихъ людей въ свою „казенку“, началъ подговаривать ихъ противъ Шалаурова. Одинъ изъ нихъ Яковъ Елесинъ, вернувшись „въ казарму“ рабочихъ, кричалъ имъ: „знайте! мы Шалаурова пропиваемъ!“ Баховъ останавливалъ его и посылалъ за Шалауровымъ своего своднаго брата Нилью Оконешникова, но Шалауровъ не пошелъ, опасаясь злого умысла, такъ какъ раньше Баховъ никогда не приглашалъ его въ свою казенку. Ночью Баховъ пришелъ въ „казарму“, подошелъ къ казенкѣ Шалаурова и, ставши на колѣни, просилъ прощенія. Шалауровъ простилъ, видя, что Баховъ угрожалъ ему „пьянскимъ образомъ“. Поэтому, и во время поѣздки въ Якутскъ Шалауровъ „въ командѣ не объявилъ“ объ угрозахъ Бахова, чтобы не произошло остановки въ предпринятомъ „вояжѣ“.

Остальную зиму и весну Шалауровъ провелъ въ Якутскѣ. Баховъ оставался при суднѣ. Какъ только весной 1758 г. рѣка очистилась отъ льдовъ, Баховъ „поплылъ безъ меня“ съ устья р. Вилюя внизъ по Ленѣ. Пройдя Жиганское зимовье, онъ спустился до Сиктадѣаго зимовья, гдѣ его нагналъ Шалауровъ, привезя изъ Якутска провіантъ и 33 новыхъ рабочихъ людей „для прибавки“.

Очевидно, эта прибавка не столько требовалась въ дѣйствительности, сколько нужна была Шалаурову, чтобы имѣть на суднѣ свою партію среди рабочихъ людей... Баховъ не протестовалъ, имѣя за

собою еще болѣе значительную партію панятыхъ имъ людей, не говоря уже о томъ, что за нимъ было право „первенства“, признанное официальными документами.

Здѣсь у Сиктадзкаго зимовья, Баховъ и Шалауровъ взяли со всѣхъ рабочихъ „записи“ объ условіяхъ службы. Шалауровъ отказывался принять тѣхъ 3 рабочихъ, которые особенно угрожали ему во время вышеупомянутой попойки, но Баховъ отстоялъ ихъ.

10-го іюля достигли устья р. Лены у *Быкова мыса* (л. 334). Судно оснастили и стали грузить, готовясь къ выходу въ море. Шалауровъ увѣряетъ, что „нераченіемъ“ и „злыми умыслами“ (?) Бахова нагрузка затянулась до самой глухой осени—до сентября, когда поздно было выходить въ море, уже покрывавшееся льдами. Пришлось занювать у *Быкова мыса*.

Для части команды построили казармы на берегу, а остальныхъ отправили въ Якутскъ „для прокормленія“. Караульныхъ на суднѣ Баховъ оставилъ, безъ согласія Шалаурова, подъ начальствомъ рабочаго Шукшина, одного изъ 3 рабочихъ людей, которыхъ Шалауровъ не хотѣлъ оставлять на суднѣ.

Шалауровъ отправился на р. Оленку (Оленскъ). Когда онъ отъѣхалъ отъ судна 50 верстъ и остановился для „ночлега въ якутской займкѣ“ (13-го ноября), за нимъ „пріѣхалъ въ погоню якутъ“, съ извѣстіемъ о пожарѣ на суднѣ. Шалауровъ поѣхалъ обратно (на 9-ти нартахъ) и поутру достигъ судна. Пожаръ успѣли захватить и судно отстояли, но все же понесли „не малой вредъ и убытокъ“: котлы, блоки и „многія судовыя надобности пригорѣли“. Шукшина и другихъ караульныхъ людей у судна Шалауровъ выслалъ въ якутскую воеводскую канцелярію, какъ „людей сомнительныхъ“. Кромѣ того, онъ отказалъ 20 работникамъ, оставивъ только 53 человекъ—„рачителей“ и „къ пользѣ ея императорскаго величества вѣрныхъ служителей“...

Очевидно, Бахова въ это время не было на суднѣ, и Шалауровъ поспѣшилъ удалить съ судна всѣхъ неприятныхъ ему рабочихъ людей, особенно преданныхъ Бахову... Сдѣлавши это, Шалауровъ снова отправился „во свой путь“, т. е. на р. Оленку, вѣроятно для торговыхъ операций съ инородцами.

Лѣтомъ 1759 г. всѣ собрались у судна, но почему-то (Шалауровъ увѣряетъ, что „за прихотями“ Бахова) простояли у того же *Быкова мыса*, гдѣ зимовали, до 12-го августа, когда наконецъ вышли въ море изъ устья р. Лены, направляясь на востокъ.

Плаваніе было неудачное. Лучшее время было упущено, и море начинало уже покрываться льдами. Съ 12-го августа до 5-го сентября едва добрались до устья р. *Яны*. Немного не доходя послѣдняго, судно едва не потерѣло аварію: напоромъ льда его ударило въ берегъ. Не имѣя возможности выбраться изъ льдовъ, рѣшили тутъ зимовать и занялись выгрузкою и „розсаскою“ судна. Когда укрѣпился ледъ, вышли на берегъ и построили казарму.

Шалауровъ говоритъ, что во время плаванія до Яны Баховъ былъ „не согласенъ со мною въ описаніи береговъ и во всякихъ случаяхъ“, не далъ ему копій съ полученныхъ указовъ, работнымъ людямъ приказывалъ не слушать его и проч. „Отъ празднаго продолженія имъ времени“ Шалауровъ несетъ не малые убытки. Хотя въ суднѣ за Баховымъ „счислится третія часть“, въ которой Шалауровъ „по немъ порукою сверхъ своей положенной части“, но послѣдній считаетъ невозможнымъ продолжать „вояжъ“ на одномъ суднѣ съ Баховымъ. Однако, онъ не желаетъ бросать задуманнаго дѣла.

Въ этихъ видахъ онъ отправился, зимою 1759 г., въ *Нижне-Ковымскій* острогъ, чтобы осмотрѣть морской ботъ, оставленный тамъ капитаномъ Дмитріемъ Лаптевымъ. Шалауровъ нашелъ, что послѣ починки ботъ годится для плаванія въ Камчатку.

Выѣхавши обратно къ судну, онъ „съ великою нуждою“ добрался до русскаго зимовья на р. *Индигиркѣ*, гдѣ захватила его такая распутица, что дальше ѣхать не могъ. Шалауровъ остался здѣсь „жить и лѣтовать“, т.-е. провель тутъ все лѣто 1760 г.

Неизвѣстно, гдѣ „лѣтовалъ“ Баховъ, но несомнѣнно, что лѣто 1760 г. судно простояло въ *Устьянскѣ*, не дѣлая, повидимому, попытокъ двинуться въ море. Не позволяли ли этого ледовитость моря, или состояніе судна, или раздоры Бахова съ Шалауровымъ—остается неизвѣстнымъ, такъ какъ послѣдній не объясняетъ, почему онъ остался лѣтовать на Индигиркѣ.

Во всякомъ случаѣ, совершенно невѣрно сообщеніе *Врангеля*, будто „въ 1760 г. Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотѣ внизъ по Ленѣ“ и „прошли не далѣе р. Яны“ (стр. 70). Изъ „доношенія“ Шалаурова мы знаемъ, что плаваніе по Ленѣ произошло въ 1757 и 1758 гг., а моремъ отъ устья Лены до устья Яны въ 1759 г. Лѣтомъ же 1760 г. судно продолжало стоять въ устьѣ Яны.

Въ дальнѣйшемъ разказѣ Шалауровъ распространяется о своихъ ссорахъ съ прибывшимъ въ Индигирское зимовье ясаичнымъ сборщикомъ якутскимъ казачьимъ сотникомъ Иваномъ Кандаковымъ. Этотъ

рассказъ цѣненъ для характеристики Шалаурова, очевидно — чело-вѣка неуживчиваго, не ладившаго со всѣми, съ кѣмъ сталкивала его судьба. Въ этой чертѣ Шалаурова лежитъ и разгадка его отношеній къ Бахову...

Шалауровъ увѣряетъ, что Кандаковъ „чинилъ“ ему „не малыя обиды и великія нападки, для своей бездѣльной корысти и своего лакомства“ (sic). Много разъ сотникъ присылалъ за нимъ своего „пищика“, требуя къ себѣ для какого-то допроса („а не знаю въ чемъ“), но тотъ не пошелъ. Тогда сотникъ приказалъ согнать Шалаурова съ квартиры и отдалъ приказъ мѣстнымъ жителямъ, „которые у него подъ командою“, чтобы никто не держалъ Шалаурова на квартирѣ и кормовъ ему не продавалъ. Шалауровъ могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи и даже погибнуть голодною смертію, если бы въ зимовьѣ не оказалось „другой команды“ (?), не подчиненной Кандакову. Вообще, послѣдній тѣснилъ не одного Шалаурова, но и другихъ жителей зимовья, какъ и служилыхъ людей. Всѣхъ онъ приводилъ „въ немалое разореніе“, развѣзжал „въ гости“ съ женою и требуя „великія взятки“—деньгами, песцами, лисицами и проч.

Разумѣется, зная повадки большихъ и маленькихъ сибирскихъ сатраповъ и сатрапиковъ того времени, можно повѣрить тому, что говорить Шалауровъ о Кандаковѣ. Но страннымъ представляется, что самъ Шалауровъ не приводитъ ни одного факта, который подтвердилъ бы его голословное утвержденіе о „не маломъ разореніи“ отъ Кандакова. Угроза лишить квартиры и кормовъ осталась угрозою, не приведенною въ исполненіе. Наоборотъ, Шалауровъ выдаетъ здѣсь себя съ головою, когда говоритъ, что поводъ къ ссорѣ съ Кандаковымъ подалъ именно онъ самъ, Шалауровъ, отказавшись явиться къ сотнику для допроса по какому-то дѣлу. Еще нужно удивляться мягкости сотника, не сумѣвшаго заставить зазнавашагося купца прибыть къ допросу.

Въ ноябрѣ 1760 г. Шалауровъ выѣхалъ изъ Индигирскаго зимовья, направляясь къ судну. Бахова онъ не засталъ въ Устьянскѣ, какъ и 25 работныхъ людей, ушедшихъ съ судна вслѣдствіе яко бы „непорядочныхъ поступковъ“ Бахова, о чемъ и подано ими въ сентябрѣ заявленіе въ мѣстную „ясашную избу“. Ниже Шалауровъ говоритъ, что изъ оставшихся при суднѣ 17 работныхъ людей—14 чело-вѣкъ заявили уже Шалаурову о своемъ уходѣ. Разумѣется, онъ молчитъ о причинѣ ихъ ухода и не говоритъ, что они ушли отъ его „непорядочныхъ поступковъ“...

Взявши казака изъ Устьянскаго зимовья, Шалауровъ отправился для осмотра судна. Провіанта оказалось всего до 100 пудовъ, „а крупы и сухарей не все истрачено“, прочія же, „судовыя надобности“—лѣшка, желѣзо и проч.—исчезли. Вообще, судно было приведено „въ крайне великое обнаженіе“, въ чемъ онъ винить Бахова, равно какъ и въ томъ, что „истратилъ попустому“ до 600 пудовъ съѣстныхъ припасовъ. Работныхъ людей онъ „не допускалъ“ къ лѣснымъ, рыбнымъ и „гусинымъ промысламъ“ и „мучилъ завсегда въ пустыхъ (?) своихъ работахъ и прихотяхъ“.

Странно, что и здѣсь Шалауровъ отдѣляется одними словами, не объясняя, въ чемъ состояли „пустыя работы“ Бахова. Также голословно онъ винить далѣе Бахова за то, что онъ уѣхалъ съ судна „безо всякаго резону“, забывая, что самъ же по году и больше бросалъ судно также „безо всякаго резону“... Можетъ быть, всѣ эти задержки въ плаваніи и прогулъ цѣлаго лѣта (1760 г.) и зависѣли именно отъ продолжительныхъ отлучекъ съ судна самого Шалаурова. Связанный съ нимъ и договоромъ компанейскимъ, и сенатскимъ указомъ, и другими официальными актами, Баховъ не рѣшился одинъ отправиться въ плаваніе и все поджидать компаньона. Возможно, что и осенью 1760 г. Баховъ потому отсутствовалъ изъ Устьянска, что поѣхалъ на розыски Шалаурова, „безо всякаго резону“ застрявшаго на все лѣто въ Индигирскомъ зимовьѣ.

Баховъ уѣхалъ, увезя всѣ указы, не оставивши Шалаурову и копій съ нихъ, и ничего не написалъ ему (а писалъ ли Бахову Шалауровъ, лѣтуя на Индигиркѣ?..). „За великой стужей“ Шалауровъ не успѣлъ осмотрѣть — цѣлы ли на суднѣ инструменты, книги, паспорты рабочихъ и проч.

Нынѣ (генварь 1761 г., когда писалось „доношеніе“) Шалауровъ находится „въ великихъ суетахъ“ относительно найма работныхъ людей, которыхъ собралось у него 29 человѣкъ изъ числа старыхъ, хотѣвшихъ уходить и вновь нанятыхъ. Они дали „запись за своими руками“, явленную въ Устьянской ясачной избѣ (см. ниже). Не пожелавшихъ идти съ нимъ 14 человѣкъ просить держать подъ карауломъ „до окончанія вояжа“... Впрочемъ, ежели кто изъ нихъ одумается, онъ станетъ принимать ихъ. Уѣхавшихъ съ Баховымъ 3 рабочихъ не желаютъ принимать, какъ людей „сумнительныхъ“, „въ путь не способныхъ“ и воплиѣ „согласныхъ“ съ Баховымъ во всѣхъ его „злыхъ случаяхъ“ (?).

Самого Бахова Шалауровъ не намѣренъ допускать на судно, за

его „злые вымыслы“ и за то, что привелъ доносителя въ „крайнее разореніе“. Послѣдній смѣло говоритъ въ заключеніе своего „доношенія“: морское плаваніе „править и одинъ могу“, надѣясь безъ Бахова вести „исчисленіе и описаніе и примѣчаніе, хотя и не противъ ученыхъ людей“... Проситъ выдать копиі съ указовъ, разрѣшающихъ плаваніе, которое будущимъ лѣтомъ намѣренъ продолжать (л. 338).

Къ доношенію приложена „запись“ работныхъ людей (лл. 339—340), явленная 5-го декабря 1760 г. въ Устьянскій ясаичной избѣ. Запись требуетъ отъ работныхъ безусловнаго подчиненія Шалаурову, отъ котораго они должны „не отставать ни за какимъ препятствіемъ и простираться (съ нимъ) до самой Камчатки“. Каждый работный получаетъ отъ промысловъ „полупай“, а другая половина пая идетъ Шалаурову. „Пай считать—сколько насъ чловѣкъ работныхъ будетъ“, да одинъ пай назначается „на церковное строеніе“. Пай умершихъ отсылать въ ихъ семьи.

Разумѣется, въ „записи“, продиктованной Шалауровымъ, дѣло не обошлось безъ выходки по адресу Бахова... Въ концѣ записи читаемъ (л. 340): „а тебѣ Шалаурову не управляться такимъ образомъ, какъ прежде сего Баховъ поступалъ и безвинно наказывалъ кошками, и никакого резону не спрашивалъ (?), и стоялъ въ пути по два года на одномъ мѣстѣ ¹⁾, и до промысловъ не допускалъ..., отчего мы отъ него Бахова и отошли, и подали на него объявленіе Устьянскаго зимовья въ ясаичную избу, обо всѣхъ его поступкахъ, 1760 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ... Да впредь съ нимъ Баховымъ идти не желаемъ, а ежели ты Шалауровъ онаго Бахова опять попрежнему возьмешь къ себѣ въ морской вояжъ въ товарищи ²⁾, то бы тебѣ насъ отъ того вояжа уволить“... Если же будутъ присланы „другіе командиры, а не Баховъ, въ томъ не препятствуемъ“...

Къ записи приложены „объявленія“ работныхъ людей о разныхъ ссорахъ между ними, дракахъ и т. п. (лл. 341 об.—344).

Этими документами оканчиваются архивныя данныя о полярной экспедиціи Бахова.

¹⁾ Это уже прямая ложь: „запись“ писалась въ январѣ 1761 г., когда самой продолжительной стоянкѣ—въ Устьянскѣ—минуло только 1 годъ 4 мѣсяца. Да еще вопросъ: Баховъ ли виноватъ въ этой и другихъ остановкахъ?.. Скорѣе виноватъ Шалауровъ, самъ бросавшій судно по году и больше.

²⁾ Это также ложь: въ дѣйствительности, какъ сейчасъ ниже проговаривается записи, „командиромъ“ судна былъ Баховъ, а именно Шалауровъ „товарищемъ“ его.

IV.

Проектъ полярной экспедиціи Бечевина, 1757—59 гг. ¹⁾

Въ разсматривасомъ архивномъ дѣлѣ первое упоминаніе объ Ивалѣ Бечевинѣ встрѣчаемъ въ донесеніи Иркутской губернской канцеляріи сибирскому губернатору Мятлеву, отъ 22-го декабря 1754 г. (л. 22), гдѣ между прочимъ Вульѣ сообщаетъ о желаніи иркутскихъ купцовъ И. Бечевина, М. Глазунова и другихъ построить въ *Охотскѣ* 2 судна, какъ для собственныхъ морскихъ промысловъ, такъ и для поддержанія казенныхъ сообщеній съ Камчаткою и портами Охотскаго моря. Вульѣ поддерживаетъ это предложеніе, такъ какъ въ 1753 г. въ Охотскѣ разбилося 3 большихъ казенныхъ судна и осталось только 3 небольшихъ.

Въ дальнѣйшихъ документахъ, 1754—1756 гг., по дѣлу о постройкѣ въ Охотскѣ судовъ Бечевинныхъ, не видно еще желанія его пуститься въ полярное плаваніе. Оно возникло только въ 1757 г., когда въ восточной Сибири стало извѣстнымъ, что Баховъ собирается отправиться въ свой полярный „вояжъ“. Бечевинъ навѣрное встрѣчался съ Баховымъ въ Иркутскѣ, гдѣ послѣдній готовился къ своей экспедиціи. Самъ Баховъ могъ подать Бечевину мысль о полярномъ плаваніи *отъ Камчатки къ Лень*: въ этомъ направленіи Бечевинъ являлся не соперникомъ Бахова, а скорѣе сотрудникомъ. Обѣ экспедиціи должны были встрѣтиться на пути и дѣятельно помочь другъ другу своимъ опытомъ на пройденной дорогѣ.

Въ началѣ 1758 г. сибирскій губернаторъ Соѣмоновъ писалъ въ „предложеніи“ Иркутской губернской канцеляріи (л. 65), что въ генварѣ 1757 г. Бечевинъ въ своемъ „доношеніи“, присланномъ еще на имя прежняго губернатора Мятлева, „объявилъ“ слѣдующее:

„Возимѣль онъ, Бечевинъ, неслугасомое намѣреніе“ на построенномъ имъ въ Охотскѣ суднѣ „слѣдовать мимо *Курильскихъ* острововъ вкругъ *Камчатскаго* мыса въ открытое *Тихое* море, къ полуостровнымъ и сѣвернымъ странамъ, на прежде обрѣтенныя, также, буде сыщутся, и на неизвѣстныя земли и острова, даже до *Анадырскаго* устья, ежелижъ за помощію Божіею благополучность допустить — и вкругъ *Чукотскихъ* мысовъ до впадающихъ въ *Сѣверное* море рѣкъ

¹⁾ Архивное дѣло лл. 22, 65—134, 150 об. и слѣд.

и до устья *Ленскаго*... (л. 65). На островахъ и земляхъ онъ станетъ промышлять звѣрей, птицъ „и другихъ надобныхъ вещей“.

Свой „вояжъ“ Бечевинъ хотѣлъ предпринять въ 1758 г., а въ случаѣ „неисправы“—въ 1759 г. Онъ проситъ „наградить его ниже слѣдующими дополненіями“.

а) Кромѣ данныхъ ему изъ Охотска двухъ „квартирмистровъ“, проситъ еще отпустить мичмана Андреяна Юрлова, или другого „надежнаго штурмана“ — „къ содержанію журнала и описанію береговъ и мѣстъ“, затѣмъ—2 матросовъ, 1 казака и толмача охотской канцеляріи Ивана Мохначевскаго. Во время плаванія обѣщаетъ „довольствовать по ихъ окладамъ денежнымъ двойнымъ, а хлѣбнымъ одинакимъ жалованьемъ“. Всѣ эти „морскіе служители“, казакъ и толмачъ должны быть подчинены Бечевину, или его „прикащикамъ и повѣреннымъ“, и не вмѣшиваться въ дѣло послѣднихъ. Проситъ еще дать казеннаго плотника для необходимыхъ починокъ на суднѣ.

б) Кромѣ приказчиковъ и повѣренныхъ, проситъ разрѣшенія собрать до 50 „вольныхъ людей“ и „въ вину не причитатъ“, если между ними окажутся безпаспортныя.

в) Для безопасности въ пути дать ему 2 пушки, съ необходимымъ количествомъ снарядовъ къ нимъ, и продать 15 пудовъ винтовочнаго и 2 пуда пушечнаго пороха, да 100 ведеръ „двойнаго вина“.

г) Въ Охотскѣ и Камчаткѣ давать, въ случаѣ нужды, казенныхъ кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, съ ихъ инструментами.

д) Выдать на судно „одинъ домкратъ“.

е) Проситъ, чтобы всѣ камчатскія и другія мѣстныя власти оказывали ему всякое „вспоможеніе и ни до какихъ разореній не допускали“ (т.-е. чтобы сами не чинили ему разореній), напримѣръ, не запрещали „въ казенныя гавани входить и судну стоять“ и проч.

Въ заключеніе Бечевинъ проситъ выдать ему „дозволительной почетной указъ“.

Ссылаясь на примѣръ Вахова, получившаго разрѣшеніе на задуманное плаваніе, сибирскій губернаторъ Соймоновъ находитъ, что „въ дачѣ по просьбѣ... Бечевина дозволенія никакой противности не предвидится, и ради того иркутской канцеляріи чрезъ сію предлагаю“: разрѣшая Бечевину плаваніе, губернаторъ согласенъ удовлетворить его ходатайства, но съ пѣкоторыми ограниченіями.

Губернаторъ безусловно запрещаетъ Бечевину брать на судно безпаспортныхъ людей... Признаетъ „за лутчее“ разрѣшить ему взять 2 пушки изъ тѣхъ, что остались отъ разбитыхъ „экспедицкихъ

судовъ“ на островахъ, мимо которыхъ онъ пойдетъ, но съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути онъ захватилъ и доставилъ въ Охотскъ всѣ находящіяся на островахъ пушки. Разрѣшается выдать ему 100 ведеръ вина, но „чтобъ онымъ отнюдь не корчемствовалъ“.

Далѣе Соймоновъ преподаетъ Бечевину тѣ же наставленія относительно обхожденія съ инородцами и проч., какія раньше Мятлевъ давалъ Бахову.

Къ „предложенію“ Соймонова приложенъ „прочетной указъ“ Бечевину, разрѣшающій плаваніе, отъ 28-го генваря 1758 г. (л. 72).

Въ іюлѣ того года Бечевинъ донесъ Соймонову (л. 109), что собирается строить другое судно на р. *Камчаткѣ*, „ниже *Верхняго* острогу, въ пристойномъ мѣстѣ“. Судно будетъ „небольшое, простаго манера“. Проситъ—разрѣшить „лѣсъ годной ронить по той же Камчаткѣ рѣкѣ“, отпустить на судно 2 казаковъ, нанять работныхъ людей и проч. (какъ относительно перваго судна). Новое ходатайство Бечевина: осповываясь на указѣ отъ 20-го декабря 1753 г., уничтожившемъ внутреннія таможи, проситъ освободить отъ всякихъ пошлинъ его будущую добычу (мягкую рухлядь и проч.), также хлѣбъ и разные товары, взятые для мѣнковой торговли съ инородцами.

Отвѣчая Иркутскому вице-губернатору Вульѣу, по поводу предыдущаго „доношенія“ Бечевина, Соймоновъ (л. 112 об.) удовлетворяетъ всѣ ходатайства его, кромѣ освобожденія отъ пошлинъ. Вопросъ о нихъ губернаторъ считаетъ еще не рѣшеннымъ, не смотря на упомянутый указъ.

Относительно указаннаго Бечевинимъ маршрута плаванія, Соймоновъ (л. 114) разрѣшаетъ ему „слѣдовать въ открытое море къ однимъ *только* сѣверо-восточнымъ странамъ до *Анадырскаго* устья, къ *Чукотскому* носу и вблизи онаго“.

По дальнѣйшій его путь—путь „камчатской экспедиціи“ капитанъ-командора Беринга и капитана Чирикова, „журналы“ которой не даютъ „обстоятельнаго извѣстія“ о найденныхъ вновь островахъ, но несомнѣнно допускаютъ, что они населены дикими людьми и звѣрями,—этотъ путь Соймоновъ хотя считаетъ весьма полезнымъ, но „не доложу о томъ“ съезату, полагаетъ невозможнымъ дать Бечевину разрѣшеніе.

Въ „предложеніи“ Вульѣу отъ 26-го февраля 1759 г. (л. 133 об.) Соймоновъ говоритъ, что хотя онъ разрѣшилъ Бечевину на построенныхъ имъ 2 морскихъ судахъ слѣдовать „въ *Большое* (sic) море, въ

восточную сторону отъ Камчатки“, но теперь, по разсмотрѣннн „имѣющихся при секретной экспедиціи“ журналовъ Камчатской морской экспедиціи 1741 г., считаетъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее „полнительное изъясненіе“:

Соймоновъ дозволяетъ ѣхать Бечевину отъ Камчатки къ востоку „не далѣе показанной на картѣ ограниченной линіи“, но идти далѣе къ востоку за эту линію—безъ указа сената не разрѣшаетъ. Мотивируетъ онъ такое ограниченіе слѣдующимъ образомъ:

Когда Берингъ и Чириковъ увидѣли „въ тѣхъ мѣстахъ“ землю, которую считали западною оконечностью *Америки*, то съ пакетъ-бота „св. Петръ“ отправили для осмотра этой земли сначала „мастера“ Дементьева съ 10 матросами, потомъ боцмана Савольева съ 5 матросами, но обѣ эти партіи „не возвратились“ на судно. Если Бечевинъ пожелаетъ идти „въ такія опасныя мѣста“, то губернаторъ не можетъ дать на то разрѣшенія, не зная количества людей на судахъ Бечевина и достаточности ихъ вооруженія, а главное—не имѣя дозволенія сената. Въ послѣдній онъ сдѣлаетъ представленіе, а пока посылаетъ Вульфу 3 экземпляра карты Восточнаго океана (ихъ нѣтъ при дѣлѣ), одинъ изъ которыхъ отдать Бечевину и взять съ него подписку въ томъ, что онъ не пойдетъ далѣе „линіи“, указанной на картѣ. Если же онъ намѣренъ идти далѣе, то долженъ сообщить Соймонову о числѣ людей и вооруженіи судовъ, для донесенія сенату.

Очевидно, Соймоновъ не вполне уяснилъ себѣ планъ Бечевина. Послѣдній нигдѣ въ своихъ „доношеніяхъ“ не говоритъ о намѣреніи плыть къ берегамъ Америки. Онъ поставилъ себѣ другую задачу — пройти отъ Камчатки къ устьямъ Лены. А относительно этого пути всѣ разсужденія Соймонова и ссылки на „Камчатскую экспедицію“ 1741 г. представляются совершенно неумѣстными.

Въ „доношеніи“ Бечевина Соймонову, отъ 23-го февраля 1759 г. (л. 150 об.), онъ сообщаетъ о постройкѣ новаго судна и проситъ снова объ освобожденіи отъ пошлинъ клади его и другихъ купцовъ на его судахъ, о замѣнѣ мичмана А. Юрлова штурманомъ Иваномъ Наумовымъ, о доведеніи команды до 80 человекъ, о запрещеніи мѣстной администраціи чинить ему „помѣшательства“ и проч.

Остальные документы по дѣлу Бечевина говорятъ о приготовленіяхъ его къ экспедиціи, продолжавшихся и лѣтомъ 1759 г. Больше всего онъ хлопоталъ о сложеніи пошлинъ съ его товаровъ и запа-

совъ, для чего сообщалъ реестры тѣхъ и другихъ (л. 268, 278 и слѣд.).

Какъ извѣстно, полярная экспедиція Бечевина не состоялась и приготовления къ ней пригодились ему для недалекихъ плаваній на Алеутскіе и другіе острова.

Н. Фглебннъ.

ТЕОРІЯ ПОЭЗИИ ВЪ ИНДИИ.

I.

Среди наукъ, которыя процвѣтали въ древней Индіи, наряду съ философіей, грамматикой, астрономіей и юриспруденціей, видное мѣсто занимаетъ теорія поэзіи. Она входила въ кругъ предметовъ, изучавшихся людьми высшихъ кастъ: брахмановъ, царей и пр. Литература ея громадна, особенно въ позднѣйшее время,—время упадка поэтического творчества: почти каждый поэтъ считалъ себя обязаннымъ высказать свой взглядъ на сущность и виды поэтического творчества, такъ что количество сочиненій по теоріи поэзіи чуть ли не превосходитъ количество произведеній самой поэзіи.

Къ какому времени относится начало индійской поэтики, сказать очень трудно: какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ знанія, индѣецъ интересовался исключительно сущностью предмета, отвлеченной истиной, совершенно не касаясь моментовъ историческихъ и географическихъ. Несмотря на громадную литературу предмета, мы крайне рѣдко встрѣчаемъ кое-какія указанія на постепенность развитія ученія о той, или другой отрасли поэтики. Картину этого развитія можно лишь до известной степени составить себѣ, сравнивая мнѣнія разныхъ авторовъ по одному и тому же вопросу, и слѣдя за ихъ полемикой.

Въ противоположность всѣмъ прочимъ индійскимъ наукамъ индійская поэтика не представляется намъ въ видѣ единого, неизблемаго и всѣми признаннаго кодекса. Мы знаемъ, на примѣръ, что грамматистъ Панини имѣлъ многихъ предшественниковъ, но до насъ не дошло ни одного изъ ихъ сочиненій, — послѣ же Панини грамматика санскритскаго языка не развивалась: сочиненіе его почиталось священ-

нымъ, авторитетъ его ученія неоспоримымъ, и позднѣйшіе авторы ограничивались лишь комментированіемъ его правилъ, или изложеніемъ ихъ въ особомъ порядкѣ въ цѣляхъ педагогическихъ. Не такъ обстоитъ дѣло съ теоріею поэзіи. Древнѣйшій писатель по этому предмету, Бхарата, хотя и пользуется авторитетомъ писателя священнаго — позднѣйшіе авторы всегда цитируютъ его подъ именемъ „муни“, т. е. святой, — но во-первыхъ, сочиненіе его касалось только драматической поэзіи, во-вторыхъ, и анализъ поэтическаго слога и сущности поэзіи ушелъ послѣ него такъ далеко, что позднѣйшіе писатели ссылаются на него лишь случайно и крайне рѣдко.

Если, такимъ образомъ, время написанія древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, трактатовъ по санскритской поэтикѣ и риторикѣ намъ остается совершенно неизвѣстнымъ, — нельзя сказать, чтобы мы ничего не знали о времени созданія самой санскритской искусственной поэзіи, написанной по правиламъ, выработаннымъ теоріею поэзіи. Въ новѣйшее время намъ сдѣлался извѣстнымъ цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, небольшихъ поэмъ въ стихахъ, высѣченныхъ на камняхъ ¹⁾. Надписи эти относятся къ первымъ вѣкамъ нашей эры и составлены со всѣми особенностями литературнаго стиля, извѣстнаго намъ изъ трактатовъ подъ именемъ стиля видарбскаго или южнаго. Между тѣмъ видарбскій стиль уже является реакціей противъ другого стиля, восточнаго или гауда ²⁾, — болѣе напыщеннаго, неровнаго и изысканнаго. Памятники этого восточнаго стиля до насъ не дошли, онъ извѣстенъ намъ только теоретически: мы знаемъ, что онъ предшествовалъ видарбскому, — и поэтому въ правѣ предположить, что время его процвѣтанія приблизительно обнимаетъ первые три вѣка до нашей эры.

При объясненіи этого обстоятельства, необходимо принять во вниманіе нѣкоторые факты изъ политической исторіи Индіи. Въ древнѣйшую, такъ называемую ведическую, эпоху индійской исторіи (приблизительно съ 3000—500 до Р. Хр.) научная и литературная дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ жреческаго сословія, касты брахмановъ, которая раздѣлялась на вѣтви или школы; каждая изъ нихъ имѣла свою священную литературу, или особую редакцію священныхъ грѣсенъ и литургическихъ сочиненій. Въ эту эпоху не было личнаго поэтическаго и литературнаго творчества, существовали лишь

¹⁾ См. Bühler. Die indischen Inschriften u. das Alter der indischen Kunstpoesie. Wien 1890.

²⁾ См. Daṇḍin Kāvyaḍarṣa, I, 40 и слѣд.

школы съ традиціоннымъ безличнымъ литературнымъ достояніемъ ¹⁾. Совсѣмъ иначе обстоятъ дѣло въ послѣднюю эпоху:—тогда вся санскритская поэтическая и научная литература была создана отдѣльными личностями, поэтами и учеными; они пользовались покровительствомъ царей и отъ нихъ получали средства къ существованію. При дворѣ каждаго туземнаго, хотя бы и незначительнаго, государя были цѣлый штатъ придворныхъ поэтовъ и ученыхъ, должности которыхъ большею частью были наслѣдственными. Кромѣ мѣстныхъ, такъ называемыхъ ослѣдлыхъ, поэтовъ и ученыхъ, были и странствующие, которые проводили время въ путешествіяхъ отъ одного двора къ другому, стараясь списать собѣ расположеніе и богатія милости отъ царей, и по возможности получить отъ нихъ постоянное мѣсто придворнаго поэта ²⁾. Такое положеніе индійскихъ поэтовъ и ученыхъ, продолжающееся въ общемъ и до сего дня, существовало уже до начала нашей эры, и потому судьбы поэзіи и науки въ Индіи необходимо разсматривать въ связи съ фактами политической исторіи.

Въ первые три вѣка до Р. Хр. весь сѣверъ Индустана былъ объединенъ подъ властью могущественной династіи Маурья: власть ея распространялась далеко на востокъ; при дворѣ ея, вѣроятно, культивировался восточный литературный стиль или стиль гауда. Реакціей противъ этого вычурнаго стиля и явился стиль видарбскій, въ которомъ написана вся классическая литература санскрита. Одновременно развивалась и теоретическая обработка законовъ этого стиля—поэтика и риторика.

Первоначально поэтика и риторика были двумя различными науками, при чемъ первая обнимала ученіе о формахъ поэтическихъ произведеній и выраженіи въ нихъ различныхъ чувствъ; а вторая—ученіе о качествахъ стиля, риторическихъ фигурахъ и стилистическихъ ошибкахъ. Такое раздѣленіе продолжалось до X вѣка, когда основатель новой литературной школы, Анандавардхана, перенесъ ученіе о чувствахъ и настроеніяхъ съ драматической поэзіи на повѣствованіе.

¹⁾ Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что ведическіе гимны приписываются отдѣльнымъ пѣвцамъ. Вся литература развивалась на почвѣ ведъ: т. наз. санхиты, брахманы, сутры, араньяки и упанишады составляютъ собственность брахманскихъ школъ. Эпоха созданія самихъ ведическихъ гимновъ предшествуетъ этой литературѣ и, очевидно, отличалась большою свободою; гимны сочинялись не одними лишь брахманами, но царями, воинами, купцами и даже женщинами.

²⁾ См. Bühler. *Vikramādikadevasarita*. Bombay 1875.

тельную ¹⁾ и такимъ образомъ объединилъ обѣ науки въ одну. Со времени Анандавардханы теорія поэзіи, такъ называемая *alamkāraśāstra*, заключаетъ въ себѣ ученіе о поэтическихъ чувствахъ, настроеніяхъ, о стилѣ, риторическихъ фигурахъ, формахъ поэтическихъ произведеній и такъ называемомъ „дхвани“ или двойномъ, тайномъ смыслѣ поэтической рѣчи.

Мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію каждого изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности.

II.

Чувства и настроенія.

Самой оригинальной стороною индійской поэтики является ученіе о поэтическихъ чувствахъ, такъ называемой „раса“. Слово „раса“ значить собственно „вкусъ“; „*rasavant*“—вещь, произведеніе, сдѣланное со вкусомъ; „*rasika*“—человѣкъ, обладающій вкусомъ. Подъ этимъ терминомъ разумѣется то чувство, которое человѣкъ способенъ вкушать, или испытывать при знакомствѣ съ поэтическимъ произведеніемъ. Происхожденіе раса, т.-е. вкушанія чувства слушателемъ объясняется слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, мы имѣемъ чувство само по себѣ,—душевный аффектъ (*bhāva*), оно отличается отъ настроенія, испытываемого слушателемъ, и служитъ источникомъ послѣдняго; независимо отъ него имѣются такъ называемые возбудители чувствъ (*vi-bhāva*),—разныя трагическія, веселыя, или любовныя положенія и прочіе факты, составляющіе содержаніе поэтическихъ произведеній и способные возбуждать то или другое къ себѣ отношеніе со стороны слушателя или зрителя; кромѣ этихъ возбудителей или факторовъ настроенія въ поэзіи описываются проявленія, симптомы чувствъ, какъ слезы, смѣхъ и т. п. (*anubhāva*): все это вмѣстѣ—чувство, факторы и проявленія—рождаетъ въ душѣ слушателя „раса“, т.-е. вкушеніе извѣстнаго чувства. Вкушеніе чувства не есть само чувство: „раса“ всегда доставляетъ удовольствіе образованному человѣку, тогда какъ чувства сами по себѣ бываютъ и печальныя и отвратительныя. Аристотель полагалъ, что сущность искусства заключается въ подражаніи природѣ, а удовольствіе, получаемое отъ искусства, происходитъ отъ удовлетворенія естественной склонности человѣка къ подража-

¹⁾ См. Pischel. *Śrīgāratilaka* и *Suhṛdayalīā*. Kiel. 1880.

тельности, — это удовольствіе и есть то, что индійцы называютъ „раса“.

Уже въ древнѣйшемъ, намъ извѣстномъ, трактатѣ, такъ называемомъ „Bharaṭīyanāṭyaśāstra“, мы встрѣчаемъ теорію и классификацію чувствъ въ полномъ развитіи. „Раса“ тутъ уподобляется вкусу шербета, въ составъ котораго входятъ сахаръ и ароматическія травы: подобно ему поэтическое чувство, какъ бы воплощаясь въ актерѣ и проявляясь въ сценической мимикѣ, заражаетъ собою эстетически развитую душу зрителя и доставляетъ ей наслажденіе. Точно также опредѣляютъ „раса“ и позднѣйшіе извѣстные трактаты о поэтикѣ: Daśagūra, Kāvyaṅprakāśa и Sāhityadarpaṇa.

По Daśagūra „раса“ есть результатъ постоянного, господствующаго чувства, наполняющаго собою цѣлое произведеніе и выраженнаго словами и мимикой такъ, что оно заражаетъ слушателя и зрителя тѣмъ же чувствомъ. Оно есть чисто субъективное чувство и можетъ быть испытываемо только зрителемъ; актеръ никогда не испытываетъ „раса“, — послѣдній есть лишь одинъ изъ такъ называемыхъ „вибхāва“ или факторовъ, возбуждающихъ „раса“. Вопросъ о томъ, долженъ ли актеръ испытывать изображаемыя имъ чувства, рѣшается въ Индіи отрицательно. Поэзія для индійца вещь священная, составляетъ занятіе высокообразованныхъ людей высшихъ кастъ: царей и брахмановъ, каста же актеровъ одна изъ самыхъ бѣдныхъ и презираемыхъ кастъ Индіи. Бѣднягъ актеру, работающему изъ за хлѣба насущнаго, не до наслажденія поэзіей: только брахманы и цари способны испытывать высшее неземное наслажденіе отъ нея; наслажденіе это неземное (алаукика — собственно трансцендентальное), — въ отличіе отъ обыденной житейской радости, или горя.

Какимъ образомъ выраженное въ поэтическомъ произведеніи чувство можетъ заражать собою читателя или зрителя, въ чемъ заключается психологическій процессъ, происходящій при этомъ въ душѣ слушателя? Этотъ вопросъ занималъ индійскихъ поэтиковъ такъ же, какъ и эстетиковъ новѣйшихъ временъ, такъ же былъ для нихъ труденъ и такъ же возбуждалъ безконечныя разногласія: такъ авторъ *Rasataṅgīnī* ¹⁾ ищетъ объясненія этого явленія въ общераспространенной въ Индіи теоріи переселенія душъ. Душа всякаго человѣка заключаетъ въ себѣ зародыши всевозможныхъ чувствъ, нерезитыхъ

¹⁾ См. изданіе этого сочиненія въ приложеніи къ *La rhétorique sanscrite*, Regnaud, стр. 56, 10 и слѣд.

ею въ прежнихъ перерожденіяхъ, такъ называемыхъ *samskāra* или *vāsanā* — инстинкты. Зародыши эти вызываются къ жизни поэзіей и даютъ въ результатъ поэтическое настроеніе въ душѣ слушателя или зрителя. Вообще каждый авторъ старается рѣшить этотъ трудный вопросъ примѣнительно къ одной изъ распространенныхъ въ Индіи философскихъ доктринъ. Такъ *Ṣaṅkuka* ¹⁾, сторонникъ философской школы ньяя, уподобляетъ происхожденіе „раса“ заключенію въ силлогизмъ, въ которомъ посылками являются возбудители чувствъ и ихъ проявленія (*bhāva*, *vibhāva*, *anubhāva*). *Bhattanāyaka* ²⁾, сторонникъ философской системы санкхья, исходитъ изъ общераспространеннаго въ Индіи представленія о томъ, что душа человѣка состоитъ изъ добраго или возвышеннаго начала и злыхъ или грубыхъ началъ; поэзія, доставляя душѣ неземное, возвышенное наслажденіе, вызываетъ преобладаніе добраго начала надъ злымъ. *Viṣvanātha*, сторонникъ пантеистической философіи ведѣнта, видитъ въ поэтическомъ настроеніи проявленіе идеи божества, духа вселенной: состояніе человѣка, испытывающаго неземное очарованіе отъ красотъ поэзіи, близко, по его мнѣнію, къ состоянію человѣка, погруженнаго въ созерцаніе божества, во время коего индивидуальная душа его становится тождественной съ духомъ вселенной. Наконецъ *Anандавардхана* и его послѣдователь *Абхинавагупта*, развившіе ученіе о двойномъ смыслѣ поэтической рѣчи: прямомъ, въ которомъ не заключается поэзіи, и подразумеваемомъ, тайномъ, который составляетъ сущность поэзіи, видѣли въ чувствѣ ничто иное, какъ особое тайное значеніе словъ, и процессъ зараженія чувствомъ сводили къ пониманію этого тайнаго смысла.

Индійскій умъ вообще склоненъ во всѣхъ областяхъ знанія устанавливать болѣе или менѣе искусственныя классификаціи: не обошлось и безъ классификаціи поэтическихъ чувствъ и настроеній. Главныхъ или длительныхъ чувствъ, способныхъ наполнить собою цѣлое произведеніе и вызвать въ душѣ слушателя соответственное настроеніе или „раса“, насчитывается девять; кромѣ того насчитываютъ еще тридцать три второстепенныхъ чувства, но они не способны самостоятельно вызывать особое настроеніе и служатъ лишь для усиленія, или для контраста съ однимъ изъ главныхъ настроеній. Чувства эти

¹⁾ Объ немъ см. въ IV книгѣ *Kāvyaprakāśa*.

²⁾ *Ibid.*

такъ называемые стхѣи бхѣва, которыя нужно отличать отъ субъективныхъ настроеній или „раса“—слѣдующія: любовь, смѣхъ, горе, гнѣвъ, отвага, страхъ, отвращеніе, очарованіе и отреченіе отъ міра. Последнее чувство признается за самостоятельное не всѣми; древнѣйшіе трактаты не упоминаютъ о немъ вовсе, а позднѣйшіе спорятъ между собою о томъ, слѣдуетъ ли его признавать за самостоятельное, или нѣтъ. По всей вѣроятности, оно было введено въ систему чувствъ подъ вліяніемъ позднѣйшихъ буддійскихъ и джайнскихъ поэтовъ, которые облакали любимыя свои идеи объ отреченіи отъ міра въ форму поэмъ. Впрочемъ Viçvanātha считаетъ и Махабхарату проникнутою чувствомъ отреченія отъ міра, разумѣя подъ этимъ, вѣроятно, философскія части этой поэмы. Вообще самостоятельнымъ или длительнымъ чувствомъ считается то, которое способно наполнить собою цѣлое пронаведеніе, малое или большое, и вызвать въ слушатель одно господствующее настроеніе. Анандавардхана сравниваетъ господствующее чувство съ нитью, на которую наизана гирлянда цвѣтѣвъ: господствующее настроеніе должно, подобно нити, чувствоваться во всѣхъ положеніяхъ и эпизодахъ повѣствованія и господствовать надъ побочными чувствами. Перечисленные девять главныхъ чувствъ могутъ быть то главными, то второстепенными, смотря по тому, какую они играютъ роль. Въ поэмѣ, воспѣвающей любовь, могутъ быть и мѣста комическія, но комизмъ тутъ долженъ быть мимолетнымъ и служить только для контраста съ главнымъ чувствомъ—любовью. Комизмъ или смѣхъ будетъ тутъ чувствомъ второстепеннымъ, но можетъ быть въ другихъ случаяхъ и главнымъ. Наоборотъ, тридцать три второстепенныхъ чувства не могутъ, съ индійской точки зрѣнія, быть господствующими даже въ самомъ маломъ произведеніи и не способны вызывать въ слушатель особаго настроенія; таковы радость, гордость, стыдъ, отчаяніе и т. п. Къ второстепеннымъ или эпизодическимъ чувствамъ относятся также: сумасшествіе, болѣзнь и смерть. Упоминаніе о смерти, по мнѣнію индійца, вообще портитъ настроеніе слушателя, и поэтамъ рекомендуется въ этихъ случаяхъ быть особенно осторожными: смерть можетъ грозить герою, но онъ долженъ быть отъ нея избавленъ, или безнадежно влюбленный герой можетъ лишь желать смерти, но не умирать и т. п.

Чтобы вызвать въ слушатель известное настроеніе, поэтическое произведеніе, какъ уже было сказано, должно содержать въ себѣ описаніе факторовъ, возбуждающихъ это чувство. Такимъ факторомъ на-

зывается, по опредѣленію Вишванѣтхи ¹⁾, то же самое, что и въ обыденной жизни возбуждаетъ какое-либо чувство, напимѣрь: чувство любви можетъ быть вызвано интереснымъ героемъ, или красавицей героиней,—въ теоріи поэзіи они поэтому относятся къ разряду возбуждителей любовнаго настроенія;—такъ Рама и Сита въ дѣйствительности тосковали въ разлукѣ другъ съ другомъ: описывающая ихъ жизнь поэма, Рамаѣна, полна горестнаго чувства, и Рама и Сита являются его возбуждителями. Возбудители чувства раздѣляются на главныхъ и второстепенныхъ: главными называются такіе, съ которыми чувство неразрывно связано и безъ котораго не можетъ родиться, какъ напимѣрь: чувство любви—безъ героя и героини; второстепенными возбуждителями называются факторы случайные, которые лишь увеличиваютъ дѣйствіе главныхъ возбуждителей.

Стремленіе все регламентировать и классифицировать имѣло для санскритской поэзіи весьма гибельныя послѣдствія. Литературная композиція была поставлена, съ теченіемъ времени, въ такія тѣсныя рамки, что свѣжость поэзіи не могла не исчезнуть; и дѣйствительно, время выснаго разивѣта теоріи искусства совпадаетъ со временемъ глубокаго упадка поэтическаго творчества: поэтическое вдохновеніе задохлось въ мертвыхъ и безжизненныхъ формахъ. Уже древнѣйшій учебникъ драматическаго искусства, *Bharatīyanāṭyaśāstra*, допускаетъ для драмы только четыре категоріи героевъ, способныхъ возбуждать „раса“ въ зрителяхъ: герой можетъ быть возвышеннымъ и благороднымъ, или высокоумнымъ и жестокимъ, или кутилой, или философомъ; смотря по тому, въ какой степени проявляются эти главные черты характера,—слабой, средней, или сильной, а также смотря по тому, какъ они реагируютъ на чувство любви, сильно или слабо,—эти главные типы героя подраздѣляются на второстепенныя категоріи; позднѣйшія теоріи насчитываютъ сорокъ восемь разновидностей допустимыхъ въ драмѣ героевъ. Героини подраздѣляются, по отношенію къ герою, на три главныхъ категоріи: своя жена, чужая жена и гетера. Подраздѣленія этихъ трехъ типовъ безконечны: Вишванѣтха насчитываетъ 384 разновидности героинь, допустимыхъ въ индійской драмѣ.

Второстепенными возбуждителями чувства считаются обстоятельства времени и мѣста, сопровождающія главныхъ возбуждителей: такъ, напимѣрь, при чувствѣ любви и эротическомъ настроеніи главными воз-

¹⁾ Ст. *Sūhityadarpana*, III, стр. 36 и слѣд.

будителями считаются герой и героиня, второстепенными же ихъ одежды, мѣстность, гдѣ происходитъ ихъ свиданіе. Особенно способствуетъ развитію чувства весна, лунный свѣтъ, берегъ рѣки, садъ, развалины храма, пещера, или жилище главной подруги героини. Перечисленіе этихъ предметовъ встрѣчается во всѣхъ учебникахъ поэтики и составляетъ необходимый apparatus poeticus каждой индійской поэмы или драмы. Многіе изъ нихъ имѣютъ такое же значеніе и въ поэзии европейскихъ народовъ; другіе же составляютъ особенность индійской поэзіи, ибо встрѣчаются только въ индійской природѣ, напримѣръ: муссонныя облака, гнѣніе павлиновъ, весенній вѣтеръ съ Малабарскаго берега, сандаловое дерево, растущее на югѣ, откуда дуетъ весенній вѣтеръ, цвѣтокъ лотоса, дерево анюка и т. п. Третьи наконецъ составляютъ болѣе или менѣе поэтическую условность, такъ напримѣръ, представленіе о томъ, что каждому чувству соответствуетъ извѣстный цвѣтъ: любви — красный, гнѣву — черный, смѣху — бѣлый и т. п.

Кромѣ возбудителей чувства (вибхāва) индійскія поэтики различаютъ еще и проявленія или симптомы чувствъ (анубхāва): они также способствуютъ возбужденію въ слушатель извѣснаго настроенія и подробно перечисляются въ трактатахъ. Симптомы влюбленности насчитывается, напримѣръ, десять, начиная отъ нѣжныхъ взглядовъ, и кончая специально индійскими симптомами: влюбленный человекъ, по индійскимъ представленіямъ, начинаетъ закрывать глаза, покрывается потомъ, зѣваегъ и волосики по всему его тѣлу встаютъ дыбомъ, ершатся ¹⁾).

Совокупность возбудителей, симптомовъ и второстепенныхъ чувствъ вызываетъ въ душѣ слушателя настроеніе или „раса“. Чувство любви возбуждаетъ эротическое настроеніе, комизмъ — веселое, горе — грустное настроеніе, — каждое при помощи особыхъ возбудителей, симптомовъ и второстепенныхъ чувствъ. Если отбросить отъ этой теоріи поэтическихъ чувствъ и настроеній то, что въ ней есть специфически индійскаго, безконечныя регламентации и классификаціи, то въ сущности она представляетъ собою анализъ поэтическихъ впечатлѣній точно такой же, какой сдѣлалъ Толстѣмъ, въ его книгѣ объ ис-

¹⁾ Такъ по крайней мѣрѣ до сихъ поръ всегда переводились санскритскія слова pulaka и romaṇsa: horripilation, das sträuben des Härchen, hérissement des poils. Этотъ симптомъ выражаетъ и любовь или чувство удивленія, и вѣрнѣе было бы его переводить просто „содраганіемъ“.

куствѣ ¹⁾. Дѣятельность искусства состоитъ по Толстому въ томъ, что чувство, разъ испытанное, посредствомъ движеній, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словомъ, передается такъ, что другіе имъ заражаются. Индійцы говорятъ, что сущность поэзіи заключается въ томъ, что чувство (бхāва), посредствомъ возбуждителей, симптомовъ и второстепенныхъ чувствъ (вибхāва, анубхāва, вьябхичāрибхāва) выражается такъ, что слушатель вкушаетъ настроеніе или „раса“.

III.

Дхвани.

Наряду съ ученіемъ о чувствахъ и настроеніяхъ наиболѣе оригинальной чертой индійской поэтики нужно считать ученіе о такъ называемомъ дхвани или поэтическомъ намека, иначе—скрытомъ смыслѣ поэтической рѣчи. Что въ поэзіи намекъ играетъ большую роль, признается въ настоящее время всѣми; сплошь и рядомъ выставляется на видъ способность поэта, немногими словами нарисовать цѣлую картину, или удачно подмѣченной чертой создать живой типъ, но ни Аристотель, ни современные эстетики не анализировали болѣе или менѣе подробно этой способности языка, способности вызывать въ слушатель, посредствомъ цѣлаго ряда ассоціацій, картины, образы, чувства.

Индійцы создали ученіе о такъ называемомъ дхвани или поэтическомъ намека и подвергли эту способность языка подробному анализу.

По ученію Анандавардханы и его школы не можетъ быть названа поэзіей рѣчь, въ которой слова употреблены въ ихъ прямомъ смыслѣ и ничего кромѣ этого смысла не содержатъ. Такая рѣчь, даже если она имѣетъ предметомъ чувства, будетъ лишь прозаическимъ рассказомъ о чувствѣ. Для того, чтобы поэтически описать любовь, не достаточно констатировать фактъ ея существованія и назвать чувство любви по имени, но нужно употребить такіе обороты рѣчи, чтобы любовь чувствовалась, но прямо не называлась. Съ этой точки зрѣнія индійцы различаютъ три смысла словъ: прямой, переносный и скрытый. Напримѣръ, если мы говоримъ: „поселокъ на рѣкѣ Гангѣ“,—то прямой смыслъ былъ бы, что поселокъ расположенъ на водѣ рѣки Ганги; слово „рѣка“ употреблено здѣсь переносно, вмѣсто „берегъ

¹⁾ Л. Н. Толстой. Что такое искусство, гл. V. стр. 42.

рѣки“. Но кромѣ того, предложеніе это имѣетъ еще и скрытый смыслъ: рѣка Ганга священна, поселокъ, на ней расположенный, есть символъ особаго счастья: такое представленіе рождается въ душѣ каждаго индійца при упоминаніи о ней.

Философская школа ньяя, разрабатывавшая логику и занимавшаяся также, для цѣлей философскихъ, изслѣдованіемъ значенія словъ, не считаетъ этотъ скрытый смыслъ словъ принадлежностью слова самого по себѣ, но видитъ въ немъ результатъ умозаключенія: все, что на рѣкѣ Гангѣ, свято, поселокъ находится на рѣкѣ Гангѣ, потому онъ святъ. На это риторики возражали, что понятіе силлогизма не примѣнимо ко всѣмъ случаямъ намека въ поэзіи: такъ иногда достаточно подчеркнуть лишь одно слово, чтобы придать цѣлой фразѣ особый смыслъ, и въ этотъ случаѣ немислимо допустить наличность силлогизма.

Слово „дхвани“ значитъ собственно „звонъ“. По понятію индійцевъ, звукъ не прямо соприкасается съ нашимъ органомъ слуха, а при посредствѣ ряда колебаній воздуха, въ противоположность чувству зрѣнія, гдѣ, по индійскому понятію, происходитъ прямое соприкосновеніе глаза ¹⁾ съ объектомъ зрѣнія: поэтому поэзія, въ которой все ясно, какъ на картинѣ, называется „citra“ или картина; поэзія же, гдѣ прямой смыслъ словъ говоритъ одно, а понимать нужно совсѣмъ другое, называется дхвани или отзвукъ. Послѣдній видъ поэзіи, дхвани, считается высшимъ—истинной поэзіей. Какъ и всегда въ Индіи, не обошлось и тутъ безъ классификаціи, и Анандавардхана даетъ подробную классификацію различныхъ видовъ скрытаго смысла. Скрытый смыслъ распадается на двѣ главныя категоріи: 1) смыслъ, выраженный въ словахъ, вовсе не входитъ въ намѣренія поэта (avivaksita vācya). То, что поэтъ хочетъ сказать, противорѣчитъ прямому смыслу словъ: послѣднія выражаютъ нѣчто въ дѣйствительности невозможное, или не имѣвшее мѣсто. 2) Смыслъ, выраженный въ словахъ, слѣдуетъ относить къ другому объекту (vivaksitānyarāga vācya), т. е. слова изображаютъ факты возможные, имѣвшіе мѣсто, но поэтъ при этомъ намекаетъ на другой фактъ, который слова прямо не выражаютъ.

Примѣръ первой категоріи:

„О благочестивый человѣкъ! ступай безъ страха на берегъ рѣки Годавари. Собака, которая вчера тебя искусила, растерзана сегодня

¹⁾ Собствен. огненная стихія (tejas), истекающая изъ глаза.

львомъ, который живетъ въ кустарникѣ по сосѣдству"—такъ говорить молодая дѣвушка, назначившая свиданіе своему возлюбленному на берегу рѣки Годавари: она думаетъ о томъ, чтобы никто не приходилъ помѣшать этому свиданію, факты же, непосредственно изображенные словами, вовсе не имѣютъ мѣста и не представляютъ собою мысли говорящаго.

Другой примѣръ:

„Три человѣка собираютъ съ земли золотые цвѣты: храбрецъ, мудрецъ и тотъ, кто умѣетъ служить“.

Такъ какъ золотыхъ цвѣтовъ въ дѣйствительности нѣтъ, то поэтический смыслъ здѣсь прямо противорѣчитъ тому, который содержится въ словахъ.

Примѣръ второй категоріи:

Молодая дѣвушка кормитъ попугая вишнями изо рта; увидавъ это, ея возлюбленный восклицаетъ: „благодаря какимъ доблестямъ достигъ этотъ попугай счастья цѣловать мою возлюбленную въ губы“.

Здѣсь, хотя попугай и дѣйствительно касается губъ возлюбленной, поэтъ имѣетъ въ виду не счастье попугая, а счастье того человѣка, который былъ бы на его мѣстѣ. Тутъ, по мнѣнію Анандавардхана, скрытый смыслъ имѣетъ значеніе одновременно съ прямымъ, такъ какъ прямой смыслъ словъ соответствуетъ дѣйствительности; при этомъ скрытый смыслъ представляетъ собою главную цѣль поэта, а буквальный служитъ лишь способомъ для его выраженія.

Санскритская поэзія классической эпохи очень часто прибѣгаетъ къ намеку. Высказывать свою мысль цвѣтисто, посредствомъ отдаленнаго намека, считалось большимъ достоинствомъ: тѣмъ труднѣе понять поэта, тѣмъ выше стоитъ его поэзія.

Въ періодъ упадка вся изобрѣтательность поэта только въ томъ и состоитъ, что онъ старается выразиться какъ можно темнѣе. Въ противоположность этому въ эпическихъ поэмахъ, Рамаянѣ и Махабхаратѣ, которыя, по всей вѣроятности, существовали уже въ настоящемъ своемъ видѣ задолго до начала нашей эры и ранѣе возникновенія науки индійской поэтики, намека вовсе не встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ культивируется въ поэзіи классической. На этомъ основаніи нѣкоторые поэтики отрицаютъ существованіе дхвани въ эпосѣ: на это указываетъ по крайней мѣрѣ полемика, которую ведетъ противъ этого мнѣнія Анандавардхана. Онъ говоритъ, что стиль эпическій только на первый взглядъ кажется простымъ и лишеннымъ скрытаго смысла; если же подвергнуть его тонкому ана-

лизу, то окажется, что онъ полонъ намековъ; это видно, напримеръ, изъ слѣдующаго стиха Махабхараты:

„Ночью, когда всѣ люди спятъ, бодрствуетъ аскетъ. Когда же для людей настанетъ день, для аскета все погружается въ мракъ“.

Здѣсь слова „день“ и „ночь“ употреблены не въ ихъ настоящемъ смыслѣ, а заключаютъ въ себѣ намекъ на знаніе и незнаніе истиннаго смысла жизни. Что слова „день“ и „ночь“ употреблены въ переносномъ смыслѣ, съ индійской точки зрѣнія сказать нельзя, такъ какъ тамъ подъ переноснымъ смысломъ разумѣется нѣчто совсѣмъ иное. Такой, весьма распространенный въ эпоху, простѣйшій видъ намска, по мнѣнію Анандавардханы, отличается тѣмъ, что въ немъ скрытый смыслъ представляется уму слушателя одновременно съ прямымъ, тогда какъ въ другихъ видахъ дхвани умъ доходитъ до скрытаго смысла постепенно, черезъ цѣлый рядъ ассоціацій.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію разновидностей, на которыя распадается два главныхъ вида скрытаго смысла. *Первый* видъ, какъ уже было сказано, состоитъ въ томъ, что смыслъ, выраженный въ словахъ, вовсе не входитъ въ намѣренія поэта. Онъ въ свою очередь подраздѣляется на два вида, смотря потому, является ли буквальный смыслъ видоизмѣненнымъ или исчезаетъ совершенно. Вотъ примѣръ порваго, гдѣ смыслъ, выраженный въ словахъ, видоизмѣняется и сливается съ другимъ, подразумеваемымъ, и притомъ главнымъ смысломъ.

„Правда, (всѣ признаки весны на лицо): облака застилаютъ небо своимъ густымъ чернымъ цвѣтомъ, около нихъ рѣютъ журавли, воздухъ наполненъ мелкими каплями дождя, нѣженъ радостный крикъ павлиновъ; но я, Рама, сердце мое твердо, я снесу все. А дочь царя Видехійскаго, что будетъ съ нею? О горе тебѣ царица, горе! Будь мужественна“!

Здѣсь сначала указывается на приближеніе весны, поры любви, признаками которой являются облака, журавли, дождь, крикъ павлиновъ. Рама, томимый въ разлукѣ съ женою, Ситой, дочерью царя Видехійскаго, мысленно обращается къ ней и желаетъ ей съ твердостью перенести разлuku съ супругомъ въ такую пору, когда она чувствуется особенно тлгостно. Здѣсь авторъ не хочетъ сказать, что именно Рама произноситъ эти слова, такъ какъ и безъ того ясно изъ контекста, кто ихъ произноситъ: слово „Рама“, какъ собственное имя, не выражаетъ намѣренія автора, но оно имѣетъ также и нарицательное значеніе „твердаго человѣка“. Этотъ скрытый смыслъ имѣется поэтомъ въ виду, является его главною мыслью, которая сливается

со словомъ „Рама“, какъ собственнымъ именемъ. Другой примѣръ этого вида:

„Только тогда являются у людей заслуги, когда онѣ замѣчаются доброжелательными людьми: вѣдь и лотосы только тогда становятся лотосами, когда солнечные лучи не оставляютъ ихъ своею милостію“.

Цвѣтки лотоса раскрываются съ восходомъ солнца, подъ влияніемъ его лучей. Только раскрывшійся лотосъ обладаетъ той красотой, которая даетъ ему возможность привлекать вниманіе людей. Крімъ того лотосъ въ индійской миеологіи отождествляется съ богиней счастья, богатства и красоты Лакшми, такъ что раскрытіе лотоса знаменуетъ достиженіе богатства. Смыслъ приведеннаго стиха слѣдующій: подобно солнцу, придающему цвѣтку лотоса его истинное значеніе, цари, награждая ученыхъ, дѣлаютъ ихъ достоинства очевидными для всѣхъ. Тутъ слово „лотосъ“ употреблено во второй разъ не въ смыслѣ цвѣтка лотоса, а въ смыслѣ всѣхъ тѣхъ представленій, которыя съ нимъ ассоціируются въ душѣ индійца.

Второе подраздѣленіе перваго главнаго вида состоитъ въ томъ, что смыслъ, выраженный въ словахъ, совершенно исчезаетъ:

„(Теперь зимою) ¹⁾ любовь, которую мы питали къ лунѣ, мы перенесли на солнце ²⁾; лунный кругъ окутанъ въ туманъ, мѣсяцъ не блеститъ, (а) подобенъ зеркалу, которое слѣпнетъ, когда его коснулось дыханіе“. Здѣсь совершенно исчезло прямое значеніе слова „слѣпнетъ“.

Другой примѣръ той же разновидности:

„(Весною) ³⁾ восхитительно небо, покрытое безумными облаками, лѣса, въ которыхъ деревья Шала ⁴⁾ гнутся отъ проливнаго дождя, и темныя ночи, во время которыхъ луна какъ бы теряетъ свою гордость“ ⁵⁾. Здѣсь прямой смыслъ словъ „безумными“ и „теряетъ свою гордость“ совершенно исчезаетъ.

Второй главный видъ дхвани, тотъ, въ которомъ буквальный смыслъ составляетъ часть того, что поэтъ хочетъ сказать, но смыслъ этотъ слѣдуетъ относить къ другому объекту, а не къ тому, къ ко-

¹⁾ Описаніе зимы въ Рамаѣнѣ (3. 16. 3).

²⁾ Обыкновенно всѣ люди, и особенно влюбленные, предпочитаютъ луну палящему солнцу, но зимою роль луны переходитъ къ солнцу.

³⁾ Т. е. во время мопсунныхъ дождей.

⁴⁾ *Vatica robusta*.

⁵⁾ Въ дождливое время года луна, застигаемая облаками, свѣтитъ болѣе скромно, не столь сильно.

тому относился бы, если бы не было другого смысла, кромѣ буквального. Онъ въ свою очередь распадается на два главныхъ подраздѣленія: кромѣ смысла, выраженнаго поэтотъ, въ словахъ имѣется еще и другое содержаніе, которое также составляетъ намѣреніе поэта, и притомъ его главное намѣреніе: намѣреніе это можетъ представляться уму слушателя или непосредственно, безъ всякой постепенности, или же постепенно; въ послѣднемъ случаѣ въ словахъ чувствуется, кромѣ прямого, еще и тайный смыслъ, подобно тому, какъ послѣ удара въ колоколъ слышится гудѣніе. До этого скрытаго смысла читатель доходитъ постепенно, путемъ цѣлаго ряда ассоціацій.

При разсмотрѣніи перваго изъ этихъ видовъ, гдѣ скрытый смыслъ чувствуется одновременно съ буквальнымъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что тутъ чувства и настроенія, заключающіяся въ поэтической рѣчи, представляются уму одновременно съ буквальнымъ ея смысломъ. Мы уже видѣли, что чувство, выраженное въ словахъ, и настроеніе, испытываемое слушателемъ, не одно и то же: въ словахъ содержится описаніе чувствъ, ихъ факторовъ и симптомовъ (бхāва, вибхāва, ану-бхāва), а слушатель вкушаетъ настроеніе (раса),—поэтому можно было бы предположить, что это настроеніе есть также видъ скрытаго смысла словъ. Съ другой стороны риторическія фигуры, насколько они являются украшеніемъ рѣчи, отличаются отъ фактовъ, изображаемыхъ въ словахъ, и ихъ слѣдовательно можно было бы разсматривать какъ особый видъ дхвани. Но въ такомъ случаѣ исчезла бы всякая разница между скрытымъ смысломъ словъ,—какъ особой характеристики высшей поэзии, съ одной стороны, —настроеніями и риторическими фигурами съ другой. Анандавардхана проводитъ между ними слѣдующую грань: если изображаемые въ словахъ факты являются главною мыслью, при чемъ чувство, или фигуры ей подчинены, служатъ лишь ея украшеніемъ, то мы не имѣемъ дѣла съ дхвани, а съ дѣйствительными фигурами и настроеніями. Если же, наоборотъ, поэтъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ эти чувства, а фактическая сторона является лишь поводомъ для ихъ передачи, то мы имѣемъ дѣло съ дхвани. Слѣдовательно, если настроеніе или фигура заключены не въ прямомъ, а въ скрытомъ, подразумѣваемомъ смыслѣ, при чемъ послѣдній является главной цѣлью поэта, только тогда получается дхвани ¹⁾. Въ слѣдующемъ примѣрѣ, по мнѣнію Анандавардханы, есть и риторическая фигура и настроеніе, но нѣтъ дхвани.

¹⁾ Въ связи съ этимъ видомъ дхвани замѣчательнъ взглядъ Анандавардханы на

„Что ты смѣешься? Теперь, когда я тебя опять вижу послѣ долгаго времени, тебѣ не удастся снова отъ меня уйти, о безжалостный! Что заставляетъ тебя покидать меня? Гонить ли тебя кто или ты по своей волѣ бѣжишь отъ меня?“—такъ говорили въ просонкахъ жены (убитыхъ тобою) враговъ, но увидавъ, что въ объа-

соотношеніе между внѣшней словесной стороною поэзіи и ея внутренней стороною, къ которой относятся чувства, настроенія и дхвали. Онъ совѣтуетъ поэтамъ не увлекаться заботами о слишкомъ большой виртуозности словъ, такъ какъ это портитъ настроеніе и отлекаетъ вниманіе отъ того, что составляетъ сущность поэзіи. Главная черта хорошей поэзіи по его мнѣнію состоитъ въ томъ, что поэтическія мысли сквозятъ, какъ бы просвѣчиваютъ черезъ слова поэта, а не высказываются имъ прямо; при этомъ словесная сторона не должна останавливать на себѣ слишкомъ много вниманія, иначе не будетъ чувствоваться преобладаніе скрытаго смысла или во всякомъ случаѣ будетъ портиться настроеніе. На этомъ основаніи Анадзавардхана возражаетъ противъ увлеченія римою и всякою внѣшнею словесною виртуозностью. Но одно время въ индійской поэзіи существовало также увлеченіе римою и оношло очень далеко. Поэты не довольствовались однимъ повтореніемъ сходныхъ звуковъ или одинаково звучащихъ словъ въ разныхъ значеніяхъ, они сочиняли акростики, а также особые стихи, которые можно было читать справа на лѣво и слѣва на право, составляли стихи изъ двухъ разныхъ или даже изъ одного и того же слога. Далѣе сочинялись такъ называемые круговые стихи (cakrabandha), то есть такіе стихи, звуки которыхъ, будучи расположены діагоналями въ кругъ, образовывали особенныя слова на окружности, или во внутреннемъ концентрическомъ кругѣ. Сочинялись также два стиха такими образомъ, что ихъ можно было читать эпиграммой, справа на лѣво и слѣва на право — отъ перваго слога перваго стиха ко второму слогу втораго стиха, затѣмъ къ третьему перваго, къ четвертому втораго и т. д. Увлеченіе этимъ стихотворнымъ фокусничествомъ особенно процвѣтало, по всей вѣроятности, въ VII и VIII вѣкѣ по Р. Хр. Его не замѣтно ни въ эпоху разцвѣта классической санскритской поэзіи, ни въ эпоху позднѣйшую. Если бросить взглядъ на четырехъ поэтовъ, которыхъ сами индійцы считаютъ величайшими представителями своей литературы: Калидасу, Вхарави, Магху и Шрихаршу, то окажется, что у Калидасы (IV вѣка) сравнительно рѣдко встрѣчается рима (амака), у Вхарави (VI вѣка) чаще, а Магха (VIII вѣка) великій виртуозъ во всякихъ стихотворныхъ фокусахъ, до круговыхъ стиховъ включительно. Наоборотъ у Шрихарши (XII вѣка) они уже вовсе не встрѣчаются. Очень поэтому вѣроятно, что мнѣніе Анадзавардханы по осталось безъ вліянія на современниковъ и ближайшихъ потомковъ. Авторитетъ творца „дхвали“ былъ въ позднѣйшее время очень великъ, такъ что его вліяніе на перемену литературнаго вкуса весьма вѣроятно. Помянутый взглядъ Анадзавардханы прямо вытекаетъ изъ его системы: такъ какъ въ хорошей поэзіи главную роль играетъ скрытый смыслъ, сквозящій черезъ словесную сторону рѣчи и ея буквальный смыслъ, то не слѣдуетъ затрачивать на послѣдній слишкомъ много труда, ибо тогда поэтъ упуститъ изъ виду главное, настоящую поэзію, для которой словесная сторона служитъ лишь поводомъ и покровомъ.

тіяхъ, въ которыхъ (какъ имъ казалось), они держатъ своихъ возлюбленныхъ мужей, никого нѣтъ, онѣ громко зарыдали“.

Здѣсь прямой смыслъ словъ выражаетъ въ то же время и намѣреніе автора; настроеніе, хотя и имѣется, но оно играетъ второстепенную роль, оно вытекаетъ изъ факта, передаваемого поэтомъ. Такую же роль играютъ во всякомъ поэтическомъ произведеніи риторическія фигуры. Слову „фигура“ по санскритски соотвѣтствуетъ слово *alamkāra*, что собственно значить украшеніе. Украшеніемъ же можетъ быть и фигура и настроеніе; если они не содержатъ главной мысли поэта, а являются лишь украшеніемъ того, что онъ хочетъ сказать, то они не составляютъ дхвани,—только тогда, когда поэтический смыслъ или намѣреніе поэта выражены не прямо, а какъ бы звенять, сквозятъ черезъ его слова, имѣемъ мы дхвани, и если это скрытое намѣреніе составляетъ чувство или намѣреніе, то и оно будетъ играть роль дхвани. Въ приведенномъ примѣрѣ выражено горестное чувство о потерѣ любимого мужа,—возбудителемъ этого чувства является сновидѣніе, во время котораго женамъ снится, что онѣ держатъ живого мужа въ своихъ объятіяхъ. Намѣреніе поэта заключается въ описаніи положенія женъ, ожидающихъ возвращенія своихъ убитыхъ на войнѣ мужей. Грустное же настроеніе является подчиненнымъ обстоятельствомъ, поэтическимъ украшеніемъ; слѣдовательно, въ этомъ примѣрѣ нѣтъ дхвани.

Наоборотъ, въ слѣдующемъ примѣрѣ фактическая сторона и риторическія фигуры не составляютъ главной цѣли поэта; онъ имѣетъ въ виду описать гнѣвъ ревнивой молодой женщины, поймавшей своего любовника въ невѣрности, при чемъ послѣдній старается ее успокоить и вновь добиться ея любви:

„Защищая рукой (свое лицо отъ моихъ поцѣлуевъ), ты стираешь арабески ¹⁾ (нарисованныя) на твоихъ щекахъ,—подобную амбровіи влажность губъ твоихъ ты изсушила горячимъ дыханіемъ,—рыданія, подступившія къ твоему горлу, поднимаютъ твою высокую грудь. Ты не хочешь смиростивиться, ты полюбила свою собственную ревность, а не меня“ ²⁾.

¹⁾ Женщины въ Индіи разрисовываютъ на своихъ щекахъ тонкіе рисунки, большею частью розовой сандаловой краской.

²⁾ Послѣдняя часть стиха выражена по санскритски такъ, что допускаетъ второй переводъ: „ревность сдѣлалась твоимъ любовникомъ, а не я; она неоднократно крѣпко прижимаетъ къ себѣ твою шею и такимъ образомъ заставляетъ подыматься

Всѣ описанные въ этомъ стихѣ факты сами по себѣ значенія не имѣютъ и служатъ поэту лишь средствомъ для изображенія чувства ревности, поэтому мы имѣемъ здѣсь случай дхвани въ той его разновидности, гдѣ скрытый смыслъ представляется уму одновременно съ буквальноймъ.

Въ слѣдующемъ примѣрѣ мы встрѣчаемъ риторическія фигуры, но онѣ не составляютъ главнаго намѣренія поэта, а только средство, служащее указаніемъ на скрытую цѣль, которая состоитъ въ возбужденіи настроенія.

„Ты неоднократно касаешься (цѣлуешь) глаза моей милой съ ихъ дрожащими, подвижными вѣками; ты нѣжно жужжишь надъ ея ухомъ, какъ бы рассказывая ей секретъ; хотя она и отмахивается рукой, тебѣ удастся поцѣловать ея губки—квинтэссенцію нѣжности. О пчелѣ говоря правду, ты достигла цѣли, и я оказываюсь побѣжденнымъ тобою!“¹⁾

Здѣсь сравненіе любовника съ пчелой, садящейся на лицо возлюбленной, образуетъ особую фигуру (такъ называемую *svabhāvokti*). Но оно не составляетъ главной цѣли поэта, а служитъ лишь средствомъ для выраженія чувства любви и возбужденія въ читателѣ эротическаго настроенія. Это скрытое намѣреніе поэта есть особый видъ дхвани. Другой примѣръ того же вида:

„(Вишну отрубилъ голову Рѣху и) ударомъ своего диска какъ бы властно приказалъ его многочисленнымъ женамъ прекратить любовныя наслажденія. Праздникъ любви превратился въ одни поцѣлуй (отрубленной головы), и не было въ немъ необузданныхъ наслажденій объятіями (его тѣла)“.

Здѣсь также поэтъ употребилъ особую риторическую фигуру—описание слѣдствія вмѣсто причины (*raguāyokti*), но главная его цѣль—выраженіе горестнаго чувства и возбужденіе въ слушателѣ соотвѣтственнаго настроенія, а это составляетъ такой скрытый поэтический смыслъ, который входитъ въ намѣреніе поэта и чувствуется одновременно съ буквальноймъ. Эти примѣры иллюстрируютъ *первую* разновидность *второго* главною подраздѣленія дхвани.

Вторая же разновидность, гдѣ тайный смыслъ, составляющій намѣреніе поэта, узнается не одновременно съ буквальноймъ (уподоб-

и опускаться твою грудь, въ которой скопились слезы“. Эта игра словъ является также украшеніемъ, но не главной цѣлью словъ поэта.

¹⁾ См. *Шахунтала*, I, 20.

ляется гудѣнію колокола), въ свою очередь распадается на два вида, смотря по тому, будетъ ли этотъ тайный смыслъ функцией словесной стороны поэтической рѣчи или функцией ея смысла. Первую изъ этихъ послѣднихъ разновидностей дхвани легко смѣшать съ особой риторической фигурой, называемою „игрою словъ“ (śleṣa). Если слово допускаетъ два или нѣсколько смысловъ, что, при богатствѣ санскритскаго языка синонимами, бываетъ очень часто, то поэтъ можетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для „игры словомъ“: это составляетъ особую риторическую фигуру. Ее слѣдуетъ отличать отъ тѣхъ случаевъ, когда словесная сторона рѣчи не прямо выражаетъ нѣсколько мыслей, но косвенно допускаетъ второй скрытый смыслъ. Только въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ видъ дхвани, т. е. такой скрытый смыслъ, который входитъ въ намѣреніе поэта и понимается слушателями вслѣдъ за буквальный. Самое названіе дхвани обязано своимъ происхожденіемъ этому виду, ибо онъ уподобляется гудѣнію колокола вслѣдъ за ударомъ въ него, а слово dhvanana, dhvani значитъ „гудѣніе“. Разница между фигурой, называемою „игрою словъ“, и тѣмъ видомъ дхвани, который основывается на умышленной двусмысленности словесной стороны поэтической рѣчи, яснѣе всего видна изъ сопоставленія слѣдующихъ примѣровъ.

„Жидкость, которая вытекаетъ изъ змѣноподобныхъ облаковъ, причиняетъ страдающимъ въ разлукѣ любовникамъ сильное безпокойство, горечь, удрученное состояніе сердца, лишеніе чувствъ, одѣнѣніе, горе и смерть“.

Здѣсь санскритское слово, означающее жидкость (viṣa), одинаково примѣнимо къ змѣиному яду и къ дождю. Появленіе дождя причиняетъ разлученнымъ любовникамъ такую же острую боль, какъ и укушеніе ядовитой змѣею. Симптомы того и другого явленія одинаковы. Приравненіе дождя къ яду есть особая фигура такъ называемое отождествленіе (gūraḥa). Кромѣ того здѣсь есть и игра словомъ „жидкость“ (viṣa), что также составляетъ особую фигуру (śleṣa). Но нѣтъ въ этомъ примѣрѣ всетаки скрытаго смысла, потому что обѣ фигуры непосредственно выражены въ словахъ.

Наоборотъ въ слѣдующемъ примѣрѣ описывается наступленіе лѣта, и описаніе сдѣлано такимъ образомъ, что черезъ его словесную сторону сквозитъ смыслъ, который составляетъ намѣреніе автора, и который сопровождаетъ буквальный смыслъ, подобно гудѣнію, слѣдующему за ударомъ въ колоколъ.

„Тогда на смѣну обоихъ мѣсяцевъ, богатыхъ цвѣтами, настало

то время года, въ которое дни всего длиннѣе, и которое называется лѣтомъ; цвѣточныя рыбки (въ это время) улыбаются бѣлыми цвѣтами распутившихся жасминовъ“.

Въ этомъ примѣрѣ санскритскія слова подобраны съ такимъ искусствомъ, что сквозь нихъ чувствуется второй смыслъ: „Шива, уничтоживъ обоихъ своихъ враговъ, демоновъ Мадху и Мадхава, показавъ въ полной силѣ, при чемъ громкій смѣхъ его по бѣлизнѣ ¹⁾ напоминать распутившихся жасминовъ“.

Разница между игрою словъ, образующей особую фигуру, и такою игрою словъ, которая составляетъ видъ скрытаго смысла, какъ видно, очень тонка. Все зависитъ отъ намѣренія поэта: если онъ хочетъ игрою словъ прямо выразить два смысла, то получится риторическая фигура, называемая „игрою словъ“. Если же онъ, описывая фактъ, употребляетъ такія слова, черезъ которыя ковенно выражается, сквозить, —употребляя индійское выраженіе, —гудитъ другой смыслъ, не имѣющій прямого отношенія къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, и если при этомъ второй, скрытый смыслъ составляетъ цѣль автора, придастъ его обороту поэтичность, то мы имѣемъ дѣло съ дхвани. Другой примѣръ того же рода:

„Кто не почувствовалъ бы воздольнія при видѣ тяжелой груди молодой женщины: она высока, на нее спускаются жемчужныя нити, она черна, потому что расписана порошкомъ черного алоэ“.

Здѣсь прямо не выражено сравненіе груди съ облаками, но оно сквозитъ черезъ созданную поэтомъ словесную форму. Слова „тяжелая грудь“ означаютъ въ санскритѣ также „монсунныя облака“, —они движутся въ высотѣ, изъ нихъ исходитъ проливной дождь и они (монсунныя тучи) черны какъ кора черного алоэ.

Переходя къ послѣднему изъ вышеуказанныхъ видовъ дхвани, гдѣ скрытый смыслъ вытекаетъ изъ буквального, но чувствуется не одновременно съ буквальнымъ, а сопровождаетъ его, какъ гудѣніе, ударъ въ колоколъ, и основывается на буквальномъ смыслѣ текста, а не на его словесной сторонѣ, приводимъ примѣръ:

„Въ то времяка къ божественный *риши* ²⁾ въ такихъ словахъ про-

¹⁾ Сидхъ считается бѣлымъ и въ поэзіи сравнивается съ бѣлыми предметами, слѣгомъ, гусьями, лотосами и др.

²⁾ Пѣвецъ богооткровенныхъ гимновъ. Стихъ изъ поэмы Калидасы „Рожденіе бога войны“. Шива посылаетъ риши просить у Гималая руки дочери его Нарваты. Послѣдняя смущена и, желая скрыть свое замѣшательство, отсчитываетъ лепестки лотоса.

силъ руки Парвати у Гималая, съ отца, послѣдняя находилась вблизи и считала лепестки на цвѣткѣ лотоса“.

Здѣсь тотъ фактъ, что Парватию тсчитывають лепестки лотоса, не интересенъ самъ по себѣ, но онъ описанъ для указанія на радость и замѣшательство Парвати во время словъ посланца, просившаго ея руки. Это смыслъ скрытый, потому что отличается отъ буквального, но не уничтожаетъ его совершенно и основывается на смыслѣ, выраженномъ въ словахъ, а не на словесной (звуковой) сторогѣ текста.

Если же поэтъ прямо выскажетъ, что онъ имѣеть въ виду намекъ на извѣстный смыслъ, такъ сказать самъ объяснить связь между буквальнымъ смысломъ и тѣмъ, что изъ него вытекаетъ, то получится простая фигура, а не дхвани; на примѣръ:

„Плутовка (красавица) сообразивъ, что у любовника на умѣ вертится мысль о времени свиданія, улыбнулась, подмигнула ему и сомкнула лепестки цвѣтка лотоса, которымъ она кокетничала, (держа его въ рукахъ)“.

При закатѣ солнца цвѣты лотоса закрываются, — поэтому закрываніе лепестковъ означаетъ, что свиданіе будетъ послѣ солнечнаго заката. Хотя тутъ и содержится намекъ на время свиданія, но такъ какъ этотъ намекъ прямо описанъ поэтомъ, а не сквозить черезъ его слова, то здѣсь нѣтъ дхвани.

Этотъ послѣдній видъ дхвани въ свою очередь распадается на двѣ разновидности, смотря потому, обязанъ ли скрытый смыслъ только смѣлому порыву фантазіи, или же представляетъ собою фактъ возможный въ дѣйствительности. Изъ нихъ первая опять-таки распадается на два вида, смотря по тому, исходить ли смѣлый оборотъ отъ поэта или отъ лица имъ представляемаго. Смѣлый оборотъ отъ лица, самого поэта мы имѣемъ въ слѣдующемъ примѣрѣ:

„Весна не только подготавливаетъ богу любви его стрѣлы, но она вручаетъ ихъ ему: эти стрѣлы, остріе которыхъ направлено на молодыхъ красавицъ, покрыты листьями, какъ молодые побѣги, и имѣють на концѣ свѣжій цвѣтокъ манго“.

Примѣръ такого же оборота, вложенный въ уста другого лица, имѣется въ вышеприведенномъ стихѣ:

„Благодаря какимъ доблестямъ и пр.“¹⁾ а также и въ слѣдующемъ: молодой человѣкъ дѣлаетъ комплиментъ своей возлюбленной,

¹⁾ См. выше стр. 310.

говоря, что всякій, смотря на ея роскошныя груди, долженъ въ нее влюбиться. Эта мысль выражена такъ:

„Твои высокія груди какъ бы встали передъ богомъ любви, чтобы выразить ему почтеніе, при этомъ ихъ усердно поддерживаетъ твоя молодость“.

Другой видъ этого дхвани, гдѣ скрытый смыслъ представляетъ собою фактъ возможный въ дѣйствительности, имѣется въ слѣдующемъ примѣрѣ:

„Гордо прохаживается молодая жена охотника среди своихъ (старшихъ) соперницъ: ея украшенія состоятъ изъ павлиньихъ перьевъ, которыя она носитъ за ушами, тогда какъ другія носятъ украшенія изъ жемчуга“.

Смыслъ этого стиха тотъ, что пока охотникъ любилъ прежнихъ женъ, ему оставалось довольно времени и силъ для охоты на слоновъ, и эта прибыльная охота давала ему возможность доставать имъ жемчугъ. Молодая же жена до того имъ завладѣла, что онъ, отъ недостатка времени и истощенія, въ состояніи охотиться только на птицъ, въ доказательство чего павлинья перья составляютъ носимое ею украшеніе.

Такимъ образомъ разновидности скрытаго смысла поэтической рѣчи составляютъ у Анандавардханы слѣдующую схему:

- I. Буквальный смыслъ не входитъ въ намѣреніе поэта.
 1. Буквальный смыслъ видоизмѣняется, переходя въ другой.
 2. Буквальный смыслъ совершенно исчезаетъ и замѣняется другимъ.
- II. Буквальный смыслъ входитъ въ намѣреніе поэта, но долженъ быть отнесенъ къ другому, подразумеваемому объекту,—при этомъ:
 1. Скрытый смыслъ чувствуется непосредственно, одновременно съ буквальнымъ.
 2. Скрытый смыслъ чувствуется постепенно, какъ гудѣніе колокола:
 - а) Онъ вытекаетъ изъ словесной стороны.
 - б) Онъ вытекаетъ изъ смысла.
 - а) Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ фантазіи автора.
 - б) Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ факту возможному въ дѣйствительности.

IV.

Стиль.

Собственно слово „стиль“, вслѣдствіе многообразнаго своего употребленія, можетъ легко повести къ сбивчивости въ понятіяхъ, которыя съ нимъ соединяють. Мы уже видѣли, что индійцы различали нѣсколько школъ литературнаго творчества, каждая изъ которыхъ имѣла свой стиль (giti). Въ этомъ употребленіи слово стиль означаетъ совокупность особенностей, отличающихъ поэтическое творчество извѣстной эпохи и мѣстности. Практическаго значенія это различіе не имѣетъ, такъ какъ дошедшая до насъ санскритская поэзія вся написана въ стилѣ видарбской школы, которая смѣнила и вытѣснила остальные. Затѣмъ у насъ принято говорить о стилѣ применительно къ связной рѣчи вообще и противопоставлять стиль поэтической прозаическому. Въ этомъ смыслѣ разсуждаетъ и Аристотель о достоинствахъ стиля, при чемъ нѣкоторыя качества дѣлають его поэтическимъ, а другія прозаическимъ. Но въ этомъ случаѣ разсужденіе о стилѣ незамѣтно превращается въ разсужденіе о поэзіи вообще. Индійскіе теоретики говорятъ только о качествахъ поэческаго стиля, какъ характерномъ признакѣ поэзіи вообще: только тѣ качества, которыя дѣлають связную рѣчь поэтической, занимають ихъ вниманіе. Проза или стиль научный не имѣетъ совокупности этихъ признаковъ, хотя ничто не мѣшаетъ ей иногда пользоваться нѣкоторыми изъ нихъ. Въ научномъ сочиненіи мы можемъ встрѣтить и метафору и намекъ, стиль живой, или образный, но это будутъ явленія спорадическія, а не характерныя. Разница тутъ въ степени и абсолютной никогда сдѣлаться не можетъ. Замѣтимъ, что стихъ, т.-е. риома и ритмъ, играющіе такую выдающуюся роль въ нашемъ представленіи о поэзіи, для индійца вовсе не являются ея признакомъ. Научныя сочиненія въ Индіи писались ритмическими стихами, точно также, какъ и поэтическія. Законы, философскія и даже грамматическія сочиненія излагались въ стихахъ, напротивъ, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ санскритской литературы мы встрѣчаемъ эпическія повѣствованія не въ стихахъ. Въ самомъ началѣ классической эпохи санскритской литературы существовали нестихотворный діалогъ въ драмѣ, а также большіе романы, написанные со всѣми особенностями высокаго поэческаго

стиля, но безъ ритма ¹⁾). Если такимъ образомъ оставить въ сторонѣ ритмъ, то останутся все же такія качества произведеній слова, которые во все времена считались свойствами, присущими поэтической рѣчи. Качества эти благозвучіе, ясность, образность, живость. И Аристотель, и Квинтиліанъ, и индійскіе риторики одинаково считаютъ ихъ принадлежностію хорошаго стиля ¹⁾). Но, въ подробностяхъ, между тѣмъ, что разумѣли подъ достоинствомъ стиля Аристотель и за нимъ классическіе риторики, и тѣмъ, что разумѣли индійцы, есть значительная разница. То, что разумѣть Аристотель подъ *красотой*, т. е. соотвѣтствію стиля чувству и настроенію, разсматривается у

¹⁾ Профессоромъ Веберомъ было высказано мнѣніе, что преобладаніе стихотворной формы въ древне-санскритской литературѣ, даже въ прозаическихъ произведеніяхъ, объясняется кастовыми интересами брахмановъ, въ рукахъ которыхъ былъ сосредоточенъ и жреческій культъ и научная литература. Мнѣніе это представляется намъ вполне несостоятельнымъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ очень древніе образцы нестихотворной рѣчи въ сочиненіяхъ, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ. Поражаетъ же насъ не фактъ бѣдности литературы нестихотворной, а фактъ наложенія словарей, грамматикъ и законовъ въ стихахъ. Изъ этого прямой выводъ, что стихотворная форма вовсе не есть и не должна быть необходимой принадлежностію поэзіи, а тотъ фактъ, что индійцы очень широко, шире чѣмъ гдѣ бы то ни было, пользовались стихотворной формой, объясняется просто необыкновенной одаренностію ихъ въ этомъ отношеніи, каковую мы можемъ наблюдать и въ современныхъ потомкахъ древнихъ индійцевъ. Въ индійскомъ говорѣ стихосложенію основано на томъ же принципѣ, на которомъ построены извѣстный изъ классической литературы размеръ *ягудъ*, т. е. стихъ раздѣляется на такты, въ составъ каждаго такта могутъ входить четыре просодически краткихъ слога; внутри такта два краткихъ слога могутъ быть замѣнены просодически долгимъ, но эта замѣна нѣкоимъ образомъ не должна паровать дѣленія на такты. И такимъ образомъ, гдѣ, при свободномъ числѣ слоговъ, достаточно одной лишней согласной, чтобы нарушить ритмъ, написаннныя дѣлами книги, при чемъ ошибки противъ версификаціи вовсе не встрѣчаются. До такой точности слуха и легкости стихосложенія не доходилъ ни одинъ изъ народовъ запада! Поэтому мы позволяемъ себѣ не согласиться съ профес. А. Н. Веселовскимъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* май 99, стр. 71), полагающимъ, что въ преобладаніи стихотворной формы въ древней Индіи замѣчается явленіе, называемое имъ „аристократизаціей поэзіи“. Если разсмотрѣніе индійской поэзіи приводитъ насъ къ выводу, что стихотворная форма вовсе не есть существенный признакъ поэзіи, то изъ этого косвенно слѣдуетъ выводъ, что поэзія и генетически не можетъ выводиться изъ ритмической рѣчи, соединенной съ пляской, а еще болѣе можно объяснить начало поэзіи принципомъ экономіи вниманія, которымъ Спенсеръ хотѣлъ объяснить ритмъ, поэзію и стиль.

²⁾ Мы переводимъ словомъ стиль санскритское слово *guṇa*, что значитъ собственно качество или характеръ (поэтической рѣчи). Слово *guṇa* означаетъ также и добродѣтель и такимъ образомъ точно соотвѣтствуетъ Аристотелевой *ἀρετή* и Квинтиліановой *virtus*.

индѣйцевъ совершенно особенно отъ стили, и составляетъ теорію чувства и настроенія, только что разсмотрѣнную. То, что Квинтилианъ разумѣетъ подъ *emphasis*, т. е. выраженію мысли не прямыми словами, а болѣе или менѣе отдаленнымъ намскомъ, скорѣе соответствуетъ тому, что у индѣйцевъ составляетъ совершенно особое, весьма оригинальное ученіе о поэтическомъ намскѣ или тайномъ смыслѣ поэтической рѣчи. Съ другой стороны ясность, живость, возвышенность и изящество одинаково признаются Аристотелемъ и индѣйцами за *достоинства стилиа*. Древнѣйшію индѣйскою риторикой, *Vāmana* ¹⁾ и *Dandin* ²⁾ насчитываютъ десять достоинствъ поэтической рѣчи. *Dandin* ³⁾ при этомъ замѣчаетъ, что достоинства эти свойственны только стилю вида *арбской* школы; различіе между нѣкоторыми изъ нихъ очень тонкое, т. е. его можно скорѣе чувствовать, чѣмъ точно опредѣлить; стиль же школы *гауда* отличается, въ большинствѣ случаевъ, качествами прямо противоположными. *Vāmana* для опредѣленія стилиа прибѣгаетъ къ сравненію: подобно тому какъ женщина можетъ имѣть правильныя черты лица и быть нарядно одѣта, но если она лишена обаянія молодости, то не производитъ впечатлѣнія красоты, такъ и поэтическая рѣчь, украшенная риторическими фигурами, но выраженная слогомъ сухимъ, не имѣющимъ достоинствъ стилиа, не можетъ нравиться. Это сравненіе встрѣчается уже въ *Agnipurāna* ⁴⁾ и, вѣроятно, было общераспространеннымъ между древними риториками.

Между первоначальными и позднѣйшими взглядами индѣйцевъ на значеніе стилиа замѣчается большая разница. Для позднѣйшихъ риториковъ главное въ поэзиі есть выраженное въ ней чувство и возбуждаемое ою настроеніе, а стиль есть только способъ выраженія чувства, такъ какъ нныя чувства требуютъ простого, яснаго слога, нныя изящнаго, нныя живого и даже рѣзкаго. Древнѣйшими же индѣйскими риториками стиль разсматривается независимо отъ чувства, и настроенію не придастся того значенія, какое оно получаетъ впоследствии. Когда ученіе о чувствахъ съ драматической поэзиі было перенесено на повѣствовательную, стиль сталъ въ глазахъ теоретиковъ однимъ изъ средствъ выраженія чувствъ и потерялъ прежнее самостоятельное значеніе. Поэтому кашемирская школа, которая процвѣтала прибли-

¹⁾ *Kāvyaṅkārav.* III, 1, 4.

²⁾ *Kāvyaśarṅga*, I, 41.

³⁾ *Ibid.*, I, 40.

⁴⁾ См. *Agnipurāna* 345, 1—3.

зительно съ VIII по XII столѣтіе, смотрѣла на стиль совершенно не такъ, какъ Daṇḍin и Vāmana. Она различала только три главныхъ достоинства стиля: ясность, которая есть необходимос условіе каждаго поэтическаго произведенія, какое бы чувство оно ни выражало; (сладость) изящество стиля, необходимос условіе вездѣ, гдѣ восгбвается любовь; живость или энергія и блескъ стиля, необходимос условіе вездѣ, гдѣ восгбвается героизмъ или страхъ и ужась. Анандавардхана говоритъ, что сущность поэзіи составляетъ возбуждаемое ею настроеніе, а стиль только вспомогательное средство для достиженія требуемаго настроенія. Подобно тому какъ героизмъ украшаетъ душу чловѣка, стиль украшаетъ поэтическое произведеніе, сущность котораго есть вызываемое имъ поэтическое настроеніе.

Весьма понятно, почему произошло такое различіе въ мнѣніяхъ древнихъ и позднѣйшихъ риториковъ: пока чувства и настроенія разсматривались отдѣльно отъ стиля, какъ свойственныя исключительно драматической поэзіи, стиль казался сущностію поэзіи повѣствовательной; когда же и тутъ стали на первомъ планѣ видѣть чувства, то стиль дѣлается достоинствомъ исключительно звуковой стороны языка. Авторъ Kāvyarākṣa¹⁾, полемизируя съ Vāmana, говоритъ: представьте себѣ сочиненіе, слошъ написанное изящнымъ стилемъ, сладкими звуками (что для индійца означаетъ обиліе гласныхъ и губныхъ, отсутствіе нѣбныхъ, шипящихъ и т. п.). Если при этомъ содержаніе произведенія и господствующее въ немъ настроеніе не будутъ имѣть ничего общаго съ чувствомъ любви и т. п., то нельзя будетъ сказать, что стиль такого сочиненія изящень. Поэтому изящество стиля есть только внѣшнее свойство *звуковой стороны* языка и сопутствуетъ выраженію извѣстнаго чувства, не имѣя самостоятельнаго значенія. Еще болѣе поздніе риторики поэтому прямо опредѣляли стиль характеромъ преобладающихъ звуковъ: при сладостномъ стилѣ обиліе гласныхъ и губныхъ, безъ трудно-произносимыхъ грунхъ консонантовъ, и при стилѣ огненномъ обиліе шипящихъ, свистящихъ, особенно сочетаніе съ а.

Такимъ образомъ для насъ совершенно ясно, что разумѣютъ подъ достоинствомъ стиля (guna) позднѣйшіе индійскіе теоретики, писатели той эпохи, когда поэтика обнимала собой ученіе о настроеніяхъ, о скрытомъ смыслѣ, фигурахъ и между прочимъ о стилѣ. Взглядъ же древнѣйшихъ теоретиковъ остается во многихъ случаяхъ не яснымъ. Въ числѣ десяти достоинствъ стиля ими упоминаются и сладость (mā-

¹⁾ Kāvyarākṣa т. VIII.

dhruya) и нѣжность (saikumāgya) какъ особыя достоинства, но изъ приводимыхъ примѣровъ трудно составить себѣ опредѣленное представленіе о томъ, въ чемъ заключается разница между ними. Daṇḍin ¹⁾ опредѣляетъ сладость какъ наличность сладостнаго настроенія въ словахъ и въ содержаніи. Слово настроеніе (rasa), повидимому, имѣетъ здѣсь гораздо болѣе узкое значеніе, чѣмъ впоследствии. Ему противопоставляется грубость, неотесанность выраженія. Напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: „что же ты дѣвушка меня не любишь, когда я тебя люблю“—нѣтъ ни сладости стили, ни настроенія. Но ту же мысль можно выразить иначе: „о красавица съ чудными глазами! ты счастлива тѣмъ, что жестокій богъ любви не проявляетъ своего жестокосердія по отношенію къ тебѣ! Ко мнѣ же онъ помилосерденъ въ высшей степени!“—тогда въ ней будетъ и сладость стили и настроеніе. Нѣжность же Daṇḍin ²⁾ опредѣляетъ какъ отсутствіе рѣзкихъ, труднопроизносимыхъ звуковъ и приводитъ такой примѣръ: „въ то время, когда небо покрывается тучами, павлины весело пляшутъ, распутивъ вѣера своихъ хвостовъ, и изъ ихъ горла раздаются сладостныя нагѣвы“.

Въ этомъ примѣрѣ по санскритски дѣйствительно нѣтъ труднопроизносимыхъ звуковъ, и Daṇḍin по поводу его замѣчаетъ: фактическая сторона здѣсь не имѣетъ большаго значенія, но складъ ея выраженія, наоборотъ, поражаетъ свою нѣжностію душу человѣка съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ. Очевидно, онъ тутъ имѣетъ въ виду то, что впоследствии получило названіе дхвани, т. е. тотъ видъ скрытаго смысла поэтической рѣчи, при которомъ непосредственное выраженіе факта имѣетъ второстепенное значеніе, а сквозящія черезъ него фигура или настроеніе составляютъ главную цѣль поэта. Vāmana ³⁾ опредѣляетъ сладость какъ раздѣльность словъ, отсутствіе длинныхъ, сложныхъ словъ, а нѣжность какъ отсутствіе рѣзкихъ звуковъ. Не менѣе трудно провести грань между ясностію (prasāda) и плавностію (śleṣa). По Daṇḍin-у первая заключается въ отсутствіи малопонятныхъ словъ ⁴⁾, а вторая въ избѣжаніи трудно произносимыхъ звуковъ. Vāmana, кромѣ того, различаетъ и звуковую ясность, состоящую въ удобопроизносимости, и звуковую плавность, состоящую въ томъ, что цѣлое предложеніе произносится съ такою же легкостью, какъ будто бы

¹⁾ Kāvyaḍarṣa I, 51.

²⁾ I, 69.

³⁾ Vāmana III, 1, 18.

⁴⁾ I, 45.

оно было однимъ словомъ ¹⁾). Vāmana же различаетъ десять достоинствъ словесной стороны поэзіи и десять такихъ достоинствъ стороны содержанія, что въ совокупности составляетъ двадцать достоинствъ ²⁾. Само собой разумѣется, что въ дѣйствительности нѣтъ возможности провести между ними хоть какую-либо опредѣленную грань, и самъ Vāmana затрудняется найти къ нѣкоторымъ изъ нихъ подходящіе примѣры.

Изъ изложенія Daṇḍin-a явствуетъ, что вопросы о тѣхъ или другихъ достоинствахъ стиля составляли предметъ спора между разными школами (rīti). Подъ характеромъ или достоинствомъ стиля онъ разумѣетъ иногда содержаніе, иногда ви́шнюю звуковую его сторону. Подъ плавностію, на примѣръ, видарбская школа разумѣетъ сосѣдство звуковъ однородныхъ или близкихъ по артикуляціи,—школа восточная (гауда) шла дальше и требовала обязательно аллитераціи (anirgāya), такъ какъ это придавало стилю характеръ искусственности: эта школа вообще предпочитала стиль не естественный, напыщенный и тяжеловѣсный. Равнымъ образомъ видарбская школа предпочитала слова ясныя по смыслу,—школа же гауда любила слова малоупотребительныя, съ темной этимологіей. По всей вѣроятности, развитіе теоріи поэзіи совершалось въ разныхъ школахъ. Каждая изъ нихъ развивала ученіе о какой-нибудь особой сторонѣ поэтики, на примѣръ: канемирицы прославились своимъ изслѣдованіемъ скрытаго смысла поэтической рѣчи. Другіе на все смотрѣли съ точки зрѣнія стилистическихъ достоинствъ и ошибокъ. Нѣкоторыя школы, вѣроятно, еще болѣе специализировались на звуковой сторонѣ поэзіи и развивали ученіе о звуковомъ смыслѣ (vṛtti). Наконецъ теоретическимъ изслѣдованіемъ драмы создано ученіе о чувствахъ и настроеніяхъ, которое затѣмъ было перенесено на поэзію вообще. Ученіе о риторическихъ фигурахъ составляетъ общее достояніе всѣхъ школъ.

Понятно, что каждая школа считала ту сторону поэтической рѣчи, которой преимущественно посвящала свое вниманіе, самымъ характернымъ и существеннымъ признакомъ поэзіи вообще. Такъ Vāmana считаетъ наиболѣе существеннымъ стиль, Даңдинъ—риторическія фигуры, Вишванѣтха—чувство (раса), Анандавардхана—дхвани или намежь. Всѣ они при этомъ прибѣгаютъ къ сравненію съ человѣкомъ. Какъ человѣкъ состоитъ изъ души, тѣла, органовъ и одежды, такъ и

¹⁾ I, 43.

²⁾ III, 1, 6.

поэзія состоитъ изъ стиля, риторическихъ фигуръ, раса и дхвани. Вѣмана говоритъ, что душа поэзіи — стиль, Дандингъ — фигуры, Вишванѣтха — раса, а по Анандавардхана дхвани есть душа поэзіи, стиль — ея тѣло, чувство — органы и фигуры — одежда.

Въ предыдущемъ мы постарались указать на тѣ стороны индійской поэтики и риторики, которыя болѣе или менѣе рѣзко отличаютъ ее отъ поэтики и риторики народовъ классической древности, а также отъ поэтики новѣйшаго времени. Таковыми сторонами мы признали ученіе о выраженіи въ поэзіи чувствъ и настроеній и о скрытомъ смыслѣ поэтической рѣчи. Попутно мы также указали на синкретизмъ индійской поэтики, разившейся изъ соединенія риторики съ одной стороны и теоріи драмы съ другой.

Этимъ однако не исчерпывается научный интересъ, представляемый индійской поэтикой. Кромѣ упомянутыхъ отдѣловъ въ ней разработано до мельчайшихъ деталей ученіе о риторическихъ фигурахъ. Лучшіе учебники насчитываютъ главныхъ фигуръ до 75-ти, кромѣ смѣшанныхъ. Въ основѣ всякой фигуры лежитъ какое-либо сравненіе, въ свою очередь основанное на ассоціаціи представленій; по способу выраженія сравненія безконечно разнообразны: индійская риторика подвергла ихъ анализу и систематизаціи болѣе подробной и детальной, чѣмъ гдѣ-либо.

Съ другой стороны теорія индійской драмы представляетъ немалый научный интересъ, какъ самобытное и оригинальное ученіе о способѣ развитія сюжета въ драматической формѣ. Попытки объяснить развитіе индійской драмы греческимъ вліяніемъ не увѣнчались успѣхомъ. Она развилась изъ пѣсни-пляски, сопровождавшейся мимикой, упоминаніе о которой находится уже въ Ригведѣ, т. е. на зарѣ арійской культуры въ Индіи. Теорія выработала впослѣдствіи опредѣленные формы индійской художественной драмы, гдѣ каждая мелочь была регулирована педантическими правилами. Правила касались главнымъ образомъ развитія дѣйствія или драматическаго сюжета. Въ началѣ или въ прологѣ заронялось такъ называемое „сѣмя“ дѣйствія, т. е. загадочное извѣстіе или фактъ, который находитъ себѣ объясненіе во всемъ послѣдовательномъ развитіи и приводитъ затѣмъ къ „плоду“, т. е. развязкѣ. Подобно тому какъ изъ сѣмени развивается мощное растеніе, которое приноситъ плодъ, такъ и драма представляетъ собою созданіе, выросшее изъ сѣмени и завершающееся въ плодѣ. Количество актовъ и эпизодовъ или звеньевъ этого развитія теоретики опредѣляютъ въ 64, каждое изъ нихъ имѣетъ свою опредѣленную

характеристику, но наличность всѣхъ ихъ не обязательна для каждой драмы.

Все это особенности индійской художественной поэтики, но независимо отъ нихъ индійская поэзія представляетъ не мало интереснаго и для исторической поэтики. Литература Индіи обнимаетъ собою историческое развитіе, продолжавшееся почти 50 вѣковъ, и уже по этой продолжительности заслуживаетъ вниманія. Она совершенно не гармонируетъ съ тою схемою историческаго развитія литературныхъ родовъ, которая была установлена на основаніи преимущественно исторіи греческой литературы. Эпосъ, лирика, драма—вотъ порядокъ, въ которомъ развились литературные роды въ Греціи. Въ Индіи же онъ иной: въ основѣ развитія лежитъ лирическая пѣсня—гимнъ, авторство котораго принадлежало опредѣленному пѣвцу, боговдохновенному „риши“, при чемъ мы не встрѣчаемъ никакого указанія, чтобы личному творчеству предшествовали хоръ и хорическое дѣйствіе. Правда, индійская культура уже тогда, приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Хр. ¹⁾, стояла очень высоко: это доказывается, кромѣ существованія пѣвцовъ, авторовъ священныхъ гимновъ, напимѣръ, упоминаемъ и профессиональныхъ танцовщицъ, дававшихъ представленіе въ особыхъ помѣщеніяхъ, приспособленныхъ для зрителей (*sabhā*). Созданіе большихъ эпическихъ поэмъ, Рамаяны и Махабхараты, индійскаго былевого и героическаго эпоса, отдѣлено отъ начала ведической эпохи не менѣе какъ 20-ю столѣтіями,—а созданіе художественной поэтики, главныя черты которой мы охарактеризовали выше, отстоитъ еще на десять вѣковъ.

Первые слѣды художественной поэзіи, написанной по правиламъ теоріи поэзіи, мы встрѣчаемъ за 150 л. до Р. Х. ²⁾, а полного развитія она достигаетъ не ранѣе IV—VI в. по Р. Х. Поэтика развивалась одновременно съ самой поэзіей; когда создались формы художественнаго эпоса, лирики и драмы, то теорія признала ихъ обязательными. Подобно тому, какъ Аристотель и Гораций обобщили формы классической художественной поэзіи и сдѣлали ихъ обязательными

¹⁾ Что начало ведической эпохи индійской культуры восходитъ къ этому времени, удалось доказать на основаніи астрономическихъ данныхъ. Ср. Jacobi. Ueber das Alter des Rigveda и B. G. Tilak. The Orion or researches into the antiquity of the Vedas. Bombay 1893.

²⁾ Въ сочиненіи Patañjali, Mahābhāṣya, относящемся къ этому времени, уже встрѣчаются отрывки художественной поэзіи.

для потомства, такъ и индійская поэтика, создавъ правила поэтическихъ родовъ, развила ихъ въ мельчайшихъ деталяхъ и превратила ихъ въ незыблемый кодексъ, который совершенно сковалъ свободу поэтического творчества въ потомствѣ.

Такимъ образомъ историческое развитіе поэзіи въ Индіи представляетъ намъ и черты сходства съ развитіемъ ея въ Греціи и Римѣ и на ряду съ этимъ черты большой оригинальности, которыя даютъ ей вполне право занимать наше вниманіе, не менѣе чѣмъ это до сихъ поръ выпало на долю поэзіи Греціи и Рима.

О. Щербатской.

О ПРЕЖНЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ РАСПРОСТРАНЕНІИ БОБРА ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ РОССІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Необыкновенный интересъ представляютъ тѣ животныя, преимущественно млекопитающія, которыя въ прежнее время отличались широкимъ распространеніемъ, но были постепенно оттѣсняемы и принуждены суживать все болѣе и болѣе свои предѣлы. Въ рѣдкихъ и едва уловимыхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ въ историческое время, такое вытѣсненіе было причиняемо естественными переворотами земной поверхности, какъ-то значительнымъ измѣненіемъ климата. Очень извѣстный тому примѣръ представляетъ ледниковый періодъ, вызвавшій сильныя передвиженія какъ животныхъ, такъ и растений, а также вымираніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Главнымъ же виновникомъ сокращенія многими животными, въ особенности же млекопитающими, предѣловъ своего распространія, а также сильнаго уменьшенія ихъ числа, или даже совершеннаго ихъ исчезновенія съ лица земли, — является человекъ. Какъ извѣстно, двѣ главныя причины руководили имъ при неутомимомъ преслѣдованіи звѣрей: съ одной стороны, польза, приносимая ими человекъ, въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ (какъ пища, лѣкарство, одежда и пр.); съ другой же стороны, человекъ былъ принужденъ бороться съ такими животными, которыя причиняютъ вредъ или ему самому, или же полямъ и скоту его. Къ первой категоріи принадлежатъ, напримѣръ, туръ, зубръ, сайга, лось, благородный олень, тарпанъ, соболь и др.; сюда же долженъ быть причисленъ и бобръ. Ко второй категоріи относятся, главнѣйше, хищные звѣри: волкъ, медвѣдь, тигръ и пр. Но есть и такія животныя,

которыя не приносятъ ни замѣтной пользы, ни особаго вреда, и все-таки или же далеко отгѣснены отъ прежнихъ своихъ обиталищъ (какъ-то байбакъ), или даже совершенно истреблены (напримѣръ, мамонтъ).

Миддендорфъ ¹⁾ сдѣлалъ весьма интересное замѣчаніе, согласно которому искорененныя человѣкомъ животныя, какъ-то морская корова (*Rhytina borealis* s. *Stelleri*) и птица дронте (*Didus ineptus*), были по преимуществу способны сдѣлаться домашними животными, и именно по этому такъ легко поддались убійственнымъ преслѣдованіямъ со стороны человѣка. Миѣ кажется, что къ этой категоріи можно причислять и мамонта, который, вѣроятно, отличался подобною же способностію, какъ его родичь—индійскій слонъ. Сюда же, повидимому, можно отнести и бобра, который, по неоднократнымъ наблюденіямъ, легко поддавался одомашненію. Другіе примѣры представляютъ туръ и тарпанъ. Что касается этого послѣдняго ²⁾, то онъ вымеръ лишь очень недавно: послѣдніе экземпляры были убиты въ 1879 и 1882 году, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. Кромѣ тарпана, въ прежнія времена въ южно-русскихъ степяхъ водились во множествѣ сайги и байбаки, которые были когда-то распространены къ западу, до границъ Царства Польскаго, теперь же отгѣснены далеко къ востоку ³⁾.

Миддендорфъ (тамъ же, на стр. 903) замѣчаетъ, что области, изъ которыхъ исчезли извѣстныя животныя, не вознаграждаются новыми формами, и что, поэтому, нельзя отрицать оскуднѣнія животнаго міра по отношенію къ числу видовъ, — хотя *Бюффонъ*, можетъ быть, и правъ, что *сумма жизни* на земной поверхности остается всегда одинаковою. Дѣйствительно появленіе *новыхъ* видовъ животныхъ въ возмѣщеніе погибшихъ не было наблюдаемо въ краткій историческій срокъ. Но нѣтъ сомнѣній въ томъ, что та сумма пищи, которая, въ извѣстной области, стала свободною, вслѣдствіе (полнаго или лишь мѣстнаго) исчезновенія того или другого животнаго, предоставлялась

¹⁾ A. v. Middendorff. Reise in den küssersten Norden und Osten Sibiriens; Bd. 4, Th. 2 (1875), S. 848.—Знаменитое путешествіе это будетъ мною цитироваться сокращенно: „Sibirische Reise“.

²⁾ См. мою статью: „Къ исторіи тарпана въ Россіи“, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896 г., январь, стр. 96—171.

³⁾ Нѣкоторые свѣдѣнія о ироженѣмъ распространеніи этихъ двухъ животныхъ въ предѣлахъ европейской Россіи сообщены мною въ статьѣ: „Über Tundren und Steppen einst und jetzt, mit besonderer Berücksichtigung ihrer Thierwelt,“ въ журналѣ „Das Ausland“, 1891, № 30. (По поводу вышедшей подъ тѣмъ же заглавіемъ извѣстной книги проф. А. Нерпина).

въ распоряженіе другимъ животнымъ, которыя или сильно размножились на мѣстѣ, или же прикочевывали изъ сосѣднихъ областей, или, наконецъ, были разводимы человекомъ. Такъ, напримѣръ, байбаки были замѣнены родственными имъ, сильно размножившимися сусликами, которые оказываются столь вредными для кожно-русскихъ полей; между тѣмъ, какъ тарпаны и сайги замѣщены большими табунами домашнихъ лошадей и огромными стадами испанскихъ овецъ.

Иногда, хотя очень рѣдко, случается, что вытѣсненные изъ известной мѣстности животныя, по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій, вновь завоевываютъ давно потерянные древнія обиталища. Весьма любопытный тому примѣръ представляетъ лось, который, начиная съ 1850-хъ годовъ, въ теченіе трети столѣтія, перекочевалъ въ южномъ направленіи въ такія губерніи (напримѣръ, Саратовскую); въ которыхъ онъ былъ давно истребленъ¹⁾. Нѣчто подобное, какъ кажется, замѣчается съ очень недавняго времени относительно бобровъ въ области средняго Днѣпра,—можетъ быть, вслѣдствіе того, что они были встревожены работами по осушенію Пинскихъ болотъ. Объ этомъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ животныхъ (тарпанъ, сайга, байбакъ) являются обитателями степей; другія (лось, зубръ) живутъ въ лѣсахъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и бобръ, существованіе котораго связано съ присутствіемъ листовеннаго лѣса. О прежнемъ нахожденіи бобровъ свидѣлствуютъ остатки какъ самого животнаго (черепа, кости), такъ и его построекъ, въ особенности же плотинъ, а также названія рѣкъ и селеній, производимыя отъ бобра; наконецъ и историческіе документы о пожалованіи бобровыхъ гоновъ, и пр. Изъ такого древняго существованія бобровъ можно заключить о прежнемъ присутствіи лѣса въ такихъ мѣстахъ (напримѣръ, около Одессы), гдѣ нынѣ простираются голыя степи. Такіе выводы придають настоящему изслѣдованію усиленный интересъ.

Послѣдне-названныя млекопитающія суть растеніеядныя животныя. Хищныя звѣри, уже потому, что они менѣе зависятъ отъ условій мѣстности (тундры, лѣса, степи), оказываются болѣе способными сопротивляться преслѣдованіямъ человека; а потому вытѣсненіе или

¹⁾ См. *Fr. Th. Köppen*. „Die Verbreitung des Elenthiers im europäischen Russland, mit besonderer Berücksichtigung einer in den fünfziger Jahren begonnenen Massenwanderung desselben.“ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches; zweite Folge. Bd. 6, 1883, S. 141—243.

истребленіе ихъ является гораздо болѣе труднымъ. Достаточно упомянуть о распространенныхъ повсюду вольтѣ или лисицѣ. Медвѣдь гораздо болѣе привязанъ къ лѣсу и является не исключительно плотояднымъ; онъ поддается скорѣйшему истребленію; какъ кажется, онъ слѣдовалъ лосю при его перекочеваніи въ болѣе южныя мѣстности, такъ какъ былъ найденъ, одновременно съ этимъ послѣднимъ, въ Саратовской губерніи.—Всего скорѣе подлежатъ истребленію цѣнные пушные звѣри, какъ-то соболь, который въ прежнее время встрѣчался гораздо болѣе на западѣ, чѣмъ нынѣ; имѣются свѣдѣнія о давнемъ нахожденіи его въ Олонецкой губерніи и даже въ Литвѣ.

Сообщаемыя мною свѣдѣнія о прежнемъ и нынѣшнемъ распространеніи бобра въ предѣлахъ всей Россіи (со включеніемъ Финляндіи, Царства Польскаго, Кавказа, Туркестана и Сибири) почерпнуты изъ весьма разнообразныхъ источниковъ — естественно-историческихъ (и специально-зоологическихъ), охотничьихъ, географическихъ, историческихъ, археологическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и пр., а также изъ описаній путешествій, совершенныхъ по разнымъ областямъ Россіи ¹⁾. Мнѣ казалось весьма интереснымъ прослѣдить, по возможности точно, исторію бобра на огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Россіею, гдѣ животное это, представляющее необыкновенный интересъ по своимъ строительнымъ инстинктамъ, имѣло когда-то весьма широкое распространеніе, отъ Вислы вплоть до Лены, между тѣмъ какъ оно нынѣ попадается лишь на нѣсколькихъ островахъ, далеко между собою разьединенныхъ.

Мнѣ удалось исправить нѣкоторыя фактическія ошибки, которыя, разъ сдѣланныя, повторялись всѣми послѣдующими авторами, не дававшими себѣ труда провѣрить сообщенныя имъ предшественниками невѣрныя показанія. Сюда относятся, напримѣръ, свѣдѣнія, о нахожденіи бобровъ въ Подольской губерніи и на берегахъ оз. Арала, о томъ, что они будто никогда не встрѣчались по ту сторону р. Енисея, и пр. Слѣдуетъ надѣяться, что отнынѣ такія ошибочныя показанія перестанутъ появляться въ русскихъ учебникахъ и на статьяхъ, касающихся бобра.

Мною будетъ рассмотрѣно прежнее и нынѣшнее распространеніе бобра въ Россіи въ слѣдующихъ главахъ: 1) на сѣверѣ европейской Россіи; 2) въ прибалтійскихъ и западныхъ губерніяхъ, со включе-

¹⁾ Кроме того, я воспользовался частію матеріаловъ, собранныхъ академикомъ *Брандтомъ*, переданною мнѣ его сыномъ, профессоромъ *А. Ѡ. Брандтомъ*.

ніемъ царства Польскаго; 3) въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ; 4) въ Крыму и на Кавказѣ; и 5) въ азійской Россіи (Туркестанѣ и Сибири). Наконецъ, въ послѣдней главѣ я постараюсь рассмотретьъ распространеніе бобра въ Россіи въ связи съ таковымъ въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ, а также высказаться о вѣроятной первоначальной родинѣ этого животнаго.

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю и глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, интересовавшимся разработкою настоящей статьи и снабдившимъ меня цѣнными указаніями, — въ особенности же *Е. А. Бизнеру*, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сообщалъ мнѣ многочисленныя замѣтки о бобрѣ, преимущественно появившіяся въ повѣйшее время.

ГЛАВА I.

Прежнее и нынѣшнее распространеніе бобра на сѣверѣ европейской Россіи.

Повидимому, бобръ въ прежнее время былъ распространенъ на всемъ сѣверѣ европейской Россіи, до предѣловъ лѣсной растительности. Къ сожалѣнію, изъ самыхъ сѣверныхъ областей, за исключеніемъ Лапландіи, мы имѣемъ о его нахожденіи лишь очень скудныя показанія; и такъ какъ граничащая съ тундрою страна была занята и заселена русскими сравнительно лишь очень поздно, то и не имѣется историческихъ документовъ (напримѣръ, о пожалованіи монастырямъ земли съ бобровыми гонами), на основаніи которыхъ можно было-бы заключить о прежнемъ существованіи бобровъ, — каковыя документы, какъ мы увидимъ, существуютъ въ довольно большомъ числѣ для западной и центральной Россіи.

1. Лапландія и Финляндія.

По отношенію къ Кольскому полуострову, и вообще къ Лапландіи, мы обязаны г-ну *Плеске* точнымъ изслѣдованіемъ прежняго распространенія бобра въ этой области и постепеннаго его исчезновенія ¹⁾). Въ слѣдующемъ я повторяю главнѣйше его показанія, дополняя ихъ лишь немногими свѣдѣніями.

¹⁾ *Th. Pleske. Übersicht der Säugethiere und Vögel der Kola-Halbinsel; Th. I (1884), S. 111—121; Th. II (1886), S. 431: Nachtrag.*

Своимъ показаніямъ *Плеске* предпослалъ слѣдующія слова: „Въ настоящее время можно предположить, что бобръ истребленъ въ Лапландіи; ибо, если въ самыхъ отдаленныхъ и наименѣе заселенныхъ частяхъ ея и могла бы показаться отдѣльная особь, то можно предположить, что она лишь случайно избѣгла участи своихъ собратьевъ. Во всякомъ случаѣ бобръ и въ такихъ мѣстностяхъ попадаетъ только спорадически и совершенно отказался отъ своего прежняго образа жизни, не сооружаетъ общественныхъ построекъ и, въ видѣ отдѣльной особи ¹⁾, влечетъ жизнь свою до тѣхъ поръ, пока существованіе его не станетъ извѣстнымъ человѣку, которому онъ и достается въ добычу. Поэтому, въ настоящее время можно говорить лишь о прежнемъ распространеніи бобра въ Лапландіи и развѣ только набросать исторію его постепеннаго исчезновенія, на основаніи литературныхъ источниковъ“.

Изъ находженія отдѣльныхъ череповъ и многочисленныхъ зубовъ бобровъ въ древнихъ языческихъ могилахъ лопарей, а также при возведеніи построекъ въ Мортенсенсѣ и Вардэ ²⁾, заключаетъ *Плеске*, что въ тѣ времена бобръ встрѣчался въ Лапландіи въ большомъ числѣ. Относительно XVI вѣка свидѣтельствуетъ объ этомъ *Флетчеръ* ³⁾, по показанію котораго (около 1548 года) лучшіе бобровые мѣха получались изъ Колы. Изъ XVII и XVIII столѣтія имѣется хотя не мало извѣстій о существованіи бобра въ Лапландіи, но, къ сожалѣнію, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ въ нихъ обозначены точнѣе мѣста его находженія, такъ что нѣтъ возможности опредѣлить прежніе предѣлы этого грызуна въ рассматриваемой области. *Плеске* замѣчаетъ, что, на основаніи всѣхъ этихъ показаній, бобръ до исхода XVIII вѣка встрѣчался во множествѣ въ Финмаркенѣ и южной части Лапмаркена, и что лишь въ концѣ XVIII столѣтія онъ начинаетъ попадаться рѣже. *Торнеусъ* ⁴⁾, въ 1672 году, называетъ бобра въ числѣ животныхъ, обитающихъ въ Торнео и Кемп-Лапмаркенѣ. *Шефферъ* ⁵⁾ замѣчаетъ въ 1673 году, что бобры многочисленны въ Лап-

¹⁾ Такія особи въ Скандинавіи называются *Flyttbåfvar*, т. е. кочующіе бобры.

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ *Нордві* (*Nordvi*) и *Коллетъ* (*Collett*). См. *Öfvers. Kgl. Vetensk.-Akad. Förhandl.*, Bd. 19, 1862, p. 304; и *Nyt Mag. f. Naturv.*, Bd. 22, 1877, p. 80.

³⁾ *Fletcher. Of the Russe common wealth.* (London, 1591); стр. 7 (на оборотѣ).

⁴⁾ *Joh. Jon. Tornæus. Beskrifning öfver Tornå och Kemi Lappmarker.* (Stockholm, 1772). — Сочиненіе это написано въ 1672 году.

⁵⁾ *Io. Scheffer. Lapponia, etc.* (Francofurti, 1673), p. 339. — Ошибочное мнѣніе, будто бобры питаются рыбами, нерѣдко попадаетъ въ старинныхъ сочиненіяхъ.

ландіи, такъ какъ страна эта богата рыбою, служащею имъ пищею! Путешествовавшій около 1685 года по Лопландіи извѣстный французскій поэтъ *Реньяръ* ¹⁾ отзывается въ этомъ же родѣ о тамошнемъ бобрѣ, который тогда жилъ въ наибольшемъ числѣ въ Кемиллмаркенѣ. — Въ 1767 году *Лемъ* ²⁾ называетъ окрестности озера Энаре однимъ изъ главныхъ мѣстопробываній бобра. *Ланусъ* ³⁾, въ 1772 году, даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о нахожденіи бобра, который прежде встрѣчался часто въ округѣ Кузамо (подъ 66° сѣв. шир.), но въ концѣ XVIII столѣтія попадался уже лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ. Въ означенномъ округѣ находились мѣста, гдѣ лѣсъ былъ сваленъ бобрами; такія мѣста назывались *Majavanperkauret* (отъ финск. *majava* = бобръ). *Тунбергъ* ⁴⁾ также говоритъ о существованіи бобра въ Кузамскомъ приходѣ и о сооруженіи имъ хатъ по берегу рѣкъ; онъ сообщаетъ и точную характеристику мѣстности, въ которыхъ обитаютъ бобры.

Валенбергъ ⁵⁾ сообщалъ въ 1804 году нѣкоторыя свѣдѣнія о распространеніи бобра въ Кемиллмаркенѣ (въ обширномъ смыслѣ). Въ Энаре онъ попадался уже въ небольшомъ числѣ. Вслѣдствіе споровъ съ жителями селенія Киттилэ (на р. Оунас-йоки), обитатели Энаре не могли охотиться на бобровъ по верхнему теченію рѣки Ивалайоки (впадающей съ юго-запада въ озеро Энаре), гдѣ эти животныя преимущественно водились ⁶⁾. Въ приходѣ Соданкюля (въ Финской Лопландіи, примѣрно подъ 67°20' сѣв. шир.) отдѣльные бобры ловились жителями Киттилэ, въ особенности въ верховьяхъ р. Киттинен-йоки. Здѣсь они продержались до начала сороковыхъ годовъ XIX вѣка;

¹⁾ Oeuvres de *Regnard*; T. 4 (Paris, 1818), p. 327: „La quantité des poissons en Laponie fait qu'on y rencontre beaucoup de castors. ...Mais le véritable endroit pour les trouver, c'est dans la province de Kimi et en Russelande“. Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 306) говорится объ употребленіи боброваго мяса въ пищу.

²⁾ *Can. Leemius*. De Lapponibus, etc.; p. 203.

³⁾ *Fl. Lagus*. Utdrag af en Beskrifning öfver Kusamo Socken i Kimi Lappmark; въ: K. (Sv.) Vetensk. Acad. Handlingar, за 1772 г., т. 33, на стр. 354.

⁴⁾ *C. P. Thunberg*. Beskrifning på Svenske Djur. Förste Classen. Mammalia eller Däggande Djuren. (Upsala, 1798); p. 43—56.

⁵⁾ *G. Wahlberg*. Geografisk och ekonomisk Beskrifning om Kemi Lappmark. (Stockholm, 1804), pp. 49 и 77. — Повторено въ: *S. G. Hermelin's* Minerographie von Lappland und Westbothnien, nebst einem Auszuge aus *Wahlberg's* Topographie von Kemi-Lappmark. (Freiberg, 1813), S. 169—170.

⁶⁾ Понятно, что это обстоятельство повліяло благоприятно на продленіе существованія бобровъ по берегамъ озера Энаре.

лишь съ 1842 года о нихъ болѣе не слышно. Во время шведскаго владѣнія, до 1809 года, дань уплачивалась еще бобровыми мѣхами ¹⁾. Въ 1802 году *Ачерби* ²⁾ говоритъ о нахожденіи бобровъ въ разныхъ частяхъ Финмаркена (безъ точнѣйшаго обозначенія мѣстъ) и упоминаетъ даже о бѣлыхъ экземплярахъ; а *Грапе* ³⁾ сообщаетъ о существованіи ихъ въ Энонтекисѣ (на р. Муонио-Эльфѣ), гдѣ бобры попадались рѣдко. — По показанію *Озерецковскаго* ⁴⁾, бобры около того же времени будто бы попадались, въ отдѣльныхъ экземплярахъ, на берегахъ Русской Лапландіи. *Плеске* справедливо замѣчаетъ, что показаніе это, безъ сомнѣнія, ошибочно, и что бобры, въ указанное время, хотя и положительно водились по рѣкамъ, впадающимъ въ Ледовитое море по близости Колы, но не попадались на самомъ берегу моря. Съ жителей двухъ селъ (Шобенскій и Ратный Погостъ) взиались, въ видѣ дани, ежегодно по два мѣха. Въ 1813 году г. *Молчановъ* ⁵⁾ упоминаетъ о томъ, что по берегамъ Кольскаго полуострова ловится не мало бобровъ, мѣха которыхъ поступаютъ въ торговлю; *Плеске* признаетъ показаніе это совершенно неосновательнымъ. Болѣе надежнымъ, по его мнѣнію, является сообщенное *Шерреномъ* ⁶⁾ извѣстіе о томъ, что бобры, около 1828 года, уже отсутствовали вполнѣ въ Кемь-Лапмаркенѣ, между тѣмъ какъ въ Энаре они хотя еще существовали, но попадались уже рѣдко. Около того же времени *Кейльмау* ⁷⁾ видѣлъ бобровъ въ восточномъ Финмаркенѣ на р. Тваэр-Эльфѣ, между Тана- и Варангеръ-фіордами.

¹⁾ См. Suometar, 1856, № 8, столб. 7. (Изъ рукописныхъ матеріаловъ академика *Брандта*).

²⁾ *Jos. Acerbi*. Travels through Sweden, Finland, and Lapland, to the North Cape, in the years 1798 and 1799; (London, 1802). Vol. 2, p. 218—220.

³⁾ *Br. J. Grape*. Utkast till Beskrifning öfver Enontekis Sokn i Torneå Lappmark. (Въ: K. Sv. Vetensk. Acad. nya Handl., T. 25, 1804, p. 91).

⁴⁾ *Н. Озерецковскій*. „Описаніе Колы“; въ Мѣсяцосл. истор. и геогр. на 1796 и 1797 г. (Также въ Журн. Дев. Нар. Просв., ч. 7, 1823 г.). — *Плеске* цитируетъ того же автора: Описаніе Колы и Астрахани. (Спб., 1804), стр. 55.

⁵⁾ *Козма Молчановъ*. Описаніе Архангельской губерніи. (С.-Пб., 1813); на стр. 239.

⁶⁾ *Andr. Joh. Sjögren*. Bemerkungen über die zum Grossfürstenthum Finnland gehörigen Lappmarken. (St.-Petersburg, 1830); p. 14 u. 43—44. Шведскій подлинникъ издавъ въ Гельсингфорсѣ, въ 1828 г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Anteckningar om församlingarne i Kemi Lappmark.

⁷⁾ *B. M. Keilhau*. Reise i Öst-og West-Finmarken, samt til Beeren Eiland og Spitsbergen i Aarene 1827 og 1828. (Christiania, 1831); p. 63.

Въ 1830 году *Рейнке* ¹⁾ сообщилъ болѣе точныя свѣдѣнія о нахожденіи бобра на Кольскомъ полуостровѣ; по его словамъ ²⁾, въ то время ловили бобровъ въ рѣкахъ Туломѣ, Пазрѣкѣ (*Pasvig-Elf*) и Нявдемѣ ³⁾. Это показаніе повторяли многіе русскіе писатели (напримѣръ, *Пушкаревъ* ⁴⁾, *Верещанинъ* ⁵⁾, *Поромовъ* ⁶⁾, *Пошманъ* ⁷⁾ и *Дергачевъ* ⁸⁾),—причемъ ими не было принято во вниманіе, что въ теченіе 40 лѣтъ обстоятельства значительно измѣнились. Въ шведскомъ журналѣ „*Tidskrift för Jägare och Naturforskare*“, 1834 года, находится нѣсколько свѣдѣній о распространеніи бобра въ Лапландіи; около селеній Гапаранда и Карунги (по южнѣйшему теченію р. Торнео) онъ въ то время уже не водился; далѣе же къ сѣверу онъ еще попадался отдѣльными особями. Это подтверждаетъ и *Лестадіусъ* ⁹⁾ относительно Каресуандо и всего Торнео-Лапмаркена; по его показанію, въ Пельдовуоме прежде водилось много бобровъ, но въ 1834 году попадались лишь отдѣльные экземпляры. По сообщенію *Мела* ¹⁰⁾, въ томъ же (1834) году близъ Киттилэ былъ убитъ послѣдній бобръ.

¹⁾ *Ф. Рейнке*. Описаніе города Колы, въ Россійской Лапландіи. (Спб. 1830), стр. 30.

²⁾ Изъ приведенныхъ словъ не слѣдуетъ, что, какъ полагаетъ *Плеске*, распространеніе бобра ограничивалось, въ это время, названными тремя рѣчными системами.—У *Миддендорфа* (*Reise in den äussersten Norden und Osten Sibirien*, Bd. IV, S. 852) имена двухъ послѣдне-названныхъ рѣкъ неточны, а именно *Pajas* и *Njuoda*, при чемъ онъ ссылается на *Штукенберга* (*Hydrographie des Russischen Reiches*).

³⁾ Что касается р. Нявдемы, то о ней упоминается въ Актахъ историч., т. IV, стр. 549: „Въ рѣкѣ въ Нявдемѣ рыбная ловля, съ тонами и съ горювыми мѣстами, и съ бобровыми и звѣриными ловлями“... (Въ жалованной грамотѣ Кольскому Печенскому монастырю, отъ 15-го іюня 1675 г.).

⁴⁾ *Ив. Пушкаревъ*. Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Т. I, кн. 2: Архангельская губернія. (Спб. 1845), стр. 24 и 112.

⁵⁾ *В. Верещанинъ*. Очерки Архангельской губерніи. (Спб. 1849), стр. 42.

⁶⁾ *Ив. Поромовъ*. Описаніе Кольскаго уѣзда; въ Арханг. губ. вѣдом., 1856 г., стр. 356 и 381.

⁷⁾ *Ант. фонъ-Пошманъ*. Архангельская губернія; въ Арханг. губ. вѣдом., 1865 г., прилож., стр. 183.—Сочиненіе это, составленное еще въ 1802 году, въ 1874 году издано въ Архангельскѣ отдѣльною книгою.

⁸⁾ *Н. Дергачевъ*. Подробное описаніе Лопской земли; въ Арханг. губ. вѣд., 1869 г.: №№ 87 и 103. А также въ его книгѣ: Русская Лапландія. (Архангельскъ, 1877) „Географія Лопской земли“, стр. 30—31; и „Статистическій очеркъ Лапландіи“, стр. 20.

⁹⁾ *Petr. Laestadius*, *Tidskr. f. Jägare och Naturforsk.*, Т. 3, 1834, р. 875.

¹⁰⁾ *A. J. Mela*. *Suomen Luurankoiset*. (*Vertebrata fennica*); 1882, р. 25—26.

Делеръ ¹⁾ показываетъ, что въ 1834 году въ Кольскомъ уѣздѣ было добыто 15 бобровъ.

Ал. Шренкъ, посѣтившій Лапландію въ 1839 году, видѣлъ бобровую хату на берегу р. Туломы ²⁾. Въ слѣдующемъ году *В. Бетлиникъ* ³⁾ съ береговъ р. Нуортіюки ⁴⁾ привезъ въ С.-Петербургъ поваленные бобрами древесные стволы, съ явственными слѣдами ихъ зубовъ, и сообщилъ, что какъ на этой рѣкѣ, такъ и на ея притокахъ, бобры попадаются еще довольно часто. Въ томъ же (1840) году академики *Бэръ* и *Миддендорфъ* посѣтили Русскую Лапландію и собрали интересныя свѣдѣнія о присутствіи бобра. *Бэръ* ⁵⁾ изъ окрестностей Колы привезъ экземпляръ этого животнаго, который былъ изслѣдованъ *Брандтомъ* ⁶⁾; между тѣмъ какъ *Миддендорфъ* тщетно преслѣдовалъ бобра на берегу озера Имандры. Онъ замѣчаетъ ⁷⁾ слѣдующее: „Изъ числа грызуновъ въ Лапландіи водится еще бобръ, хотя и довольно рѣдко, въ небольшихъ притокахъ, такъ напримѣръ, въ рѣчкѣ, впадающей въ р. Канду. Однако же изъ Кандалякши, какъ складочнаго мѣста, доставляется ежегодно въ Архангельскъ не болѣе 4—5 бобровъ“.

Мы обязаны г. *Фельману* ⁸⁾ интересными свѣдѣніями, согласно

¹⁾ Въ Лѣсномъ Журналѣ, ч. IV, кн. 2 (1835 г.), стр. 307; въ замѣткѣ: „Свѣдѣнія объ охотѣ въ Архангельской губерніи“.

²⁾ Ваато изъ рукописныхъ матеріаловъ академика *Брандта*.

³⁾ *With. Böhlingk*. Bericht einer Reise durch Finnland und Lappland; въ Bulletin scientif. de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Petersb., T. VII, 1840, p. 127.—Повторено *Штукенбергомъ*, въ его: Hydrographie des Russischen Reiches, Bd. 6, 1849, p. 103.—Выдержка изъ сообщенія *Бетлиника* помѣщена въ „St.-Petersb. Zeitung“, 1840, № 104. Здѣсь, между прочимъ, говорится о способахъ ловли бобровъ.

⁴⁾ Рѣка Нуортіюки впадаетъ въ Нотозеро (финск. Nuortijärvi), изъ котораго вытекаетъ р. Тулома, соединяющаяся съ р. Колою около г. Колы. По словамъ *Миддендорфа* (*Sibir. Reise*, Bd. 4, p. 852), *Бетлиникъ* привезъ упомянутые древесные стволы съ береговъ Нотозера.

⁵⁾ *C. E. de Baer*. Expédition à Novaïa-Zemlia et en Laponie. Tableau physique des contrées visitées. (Въ Bull. scient., T. III, 1838, p. 142). Здѣсь *Бэръ*, посѣтившій Лапландію впервые въ 1837 году, сообщилъ, что бобровые мѣха составляютъ предметъ вывоза изъ этой страны.

⁶⁾ *J. F. Brandt*. Bemerkungen über die Wirbelthiere des nördlichen europäischen Russlands въ: *E. Hofmann*. Der nördliche Ural, etc., Bd. 2, 1856, S. 42.

⁷⁾ *A. Th. v. Middendorff*. Bericht über einen Abstecher durch das Innere von Lappland, während der Sommer-Expedition, im Jahre 1840. (Въ: Beiträge zur Kenntn. d. Russ. Reiches, von *Baer* u. *Helmersen*, Bd. 11, p. 170 и 177.

⁸⁾ *Jak. Fellman*. Bidrag till Lappmarkens Fauna; въ журналѣ „Suomi“, 1847, № 23, p. 248.

которымъ главное мѣсто пребыванія бобра въ прежнее время находилось на берегахъ озера Энаре, гдѣ, лѣтъ 60—70 до публикованія его показаній (слѣдовательно, около 1780 г.), ловились сотни экземпляровъ, между тѣмъ какъ въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ, какъ то въ Соданкюлэ, Куолаярви, Киттилэ, Кузамо и Эновтекись, бобры попадались все рѣже и рѣже. Въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ Куолаярви и Кемикюлэ, во времена *Фельмана* можно было находить лишь разрозненные экземпляры, или же бобровъ уже вовсе не было. Вслѣдствіе безпощаднаго истребленія когда-то многочисленный грызунъ этотъ былъ почти вовсе искорененъ. *Фельманъ* приводитъ случай изъ Соданкюлэ, гдѣ въ 1829 году были проданы за безцѣнокъ три молодыхъ бобра. Лишь только въ рѣкахъ Нуорти и Кондъ ¹⁾ жили еще бобры въ своихъ хатахъ, такъ какъ мѣстныя условія очень затрудняли ихъ полное уничтоженіе. *Фельманъ* самъ видѣлъ и описалъ такую бобровую хату, обитатели которой, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, были изловлены.—По показанію *Мела* (въ привед. мѣстѣ), въ приходѣ Салла въ 1842 году былъ убитъ послѣдній бобръ на берегу озера Куолаярви. Въ 1847 году *Нильсонъ* ²⁾ сообщаетъ, что всѣ бобровыя колоніи въ сѣверной Лалландіи разорены, и что лишь тамъ и сямъ попадаетъ одинокій экземпляръ, такъ называемый fluttbärfvar (см. выше). Въ 1850 г. *Шмидтъ* ³⁾ отнесъ попадавшіеся лишь спорадически бобры къ вымирающимъ животнымъ. Въ 1852 г. неизвѣстный авторъ ⁴⁾ упоминаетъ о томъ, что на Кольскомъ полуостровѣ ловятся бобры по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, но что они въ то время стали уже весьма рѣдкими.

Послѣднія надежныя свѣдѣнія о нахожденіи бобра въ Лалландіи относятся къ 60-мъ годамъ XIX столѣтія. По показанію *Нордси* (въ привед. мѣстѣ), сдѣланному въ 1862 году, въ то время ловились еще ежегодно отдѣльныя особи между Пазрѣкою (Pasvig-Elf) и озеромъ Энаре. Такъ, въ 1860 году русскіе лопари продали около трехъ фунтовъ бобровой струи. *Мела* показываетъ, что въ томъ же году былъ

¹⁾ *Плеске*, повидному, правъ, предполагая, что здѣсь рѣчь идетъ о (вышеупомянутой) рѣкѣ Каудѣ.

²⁾ *S. Nilsson. Skandinavisk Fauna; Andra uppl., T. I, (1847), p. 416—418.*

³⁾ *E. O. Schmidt. Bilder aus dem Norden. (Jena, 1851), p. 59.*

⁴⁾ См. статью: „Взглядъ на промыслы, производимые посредствомъ огнестрѣльнаго оружія, въ Архангельской губерніи“. (Сынъ Отечества, 1852 г., кн. 6, смѣсь, на стр. 16—17).

убить одинъ бобръ въ южномъ Варангерѣ ¹⁾. Наконецъ, въ томъ же (1860) году продавались финнами два бобровыхъ мѣха. По показанію *Мела*, около 1862 года былъ убитъ одинъ бобръ близъ села Фетозерскаго (въ югозападу отъ Кандалакши), а другой экземпляръ, около 1866 года, близъ деревни Юоннигъ, на берегу озера Имандра. Наконецъ, по сообщенію *Дергачева* (въ привед. мѣстѣ), въ 1867 году былъ убитъ бобръ на берегу рѣки Туломы. Это, повидимому, былъ послѣдній экземпляръ, наблюдавшійся въ Лапландіи ²⁾, такъ какъ за послѣднія 35 лѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется достовѣрныхъ показаній о нахожденіи бобра въ этой области. *Немировичъ-Данченко* ³⁾, вѣроятно, правъ, высказывая мнѣніе, что бобръ въ Лапландіи уже вполне истребленъ; но утвержденіе его, будто это исчезновеніе бобра случилось уже въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія, положительно ошибочно, какъ явствуетъ изъ выше изложеннаго. Гораздо точнѣе показаніе *Коллета*, что грызунъ этотъ изъ большей части Лапландіи исчезъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Сообщая объ этомъ, *Плеске* присовокупляетъ, что, по словесному показанію ленсама *Клерка*, въ южномъ Варангерѣ такъ называемые „скольтифинны“ носятъ обшивки изъ боброваго мѣха; и что слуга его въ 1865 году видѣлъ въ рѣкѣ Ивалаіоки бобровую плотину въ хорошо сохранившемъ состояніи.

Во время своего пребыванія въ Лапландіи (въ 1880 году) *Плеске* успѣлъ только узнать, что бобръ очень хорошо извѣстенъ тамошнему населенію, но что онъ совершенно исчезъ въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія ⁴⁾. Обильнымъ мѣстомъ ловли его называли рѣчку Мончу, впадающую близъ селенія Разноволока въ бухту озера Имандра. Тамъ бобръ для своего пребыванія выбиралъ главнѣйше такія мѣста, гдѣ рѣка имѣла болѣе спокойное теченіе и гдѣ по близости росъ низкій березнякъ. Въ Колѣ *Плеске* узналъ, будто въ 10—12-и верстахъ отъ города, по берегу р. Колы, жилъ еще тогда (т. е. въ 1880 году) еди-

¹⁾ Это, повидимому, тотъ самый молодой экземпляръ, который, по сообщенію *Норден*, былъ убитъ въ означенномъ году въ Нессеби, на берегу Варангеръ-фіорда, куда онъ, вѣроятно, забѣжалъ изъ Русской Лапландіи.

²⁾ См. однако же ниже.

³⁾ См. его: 1) Лапландія и лапландцы. (Спб., 1876), стр. 96; и 2) Страна холода (Спб. и Москва, 1877), стр. 40.

⁴⁾ Съ такимъ показаніемъ нельзя согласиться, такъ какъ бобръ, въ единичныхъ экземплярахъ, продержался въ Лапландіи еще до 60-хъ годовъ,—какъ о томъ сказано выше.

ничный бобръ; объ участи этого послѣдняго могиканца ¹⁾ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Свои сообщенія о бобрѣ *Плеске* заканчиваетъ слѣдующими словами: „Изъ приведенныхъ данныхъ усматривается, что бобръ, до конца XVIII столѣтія, существовалъ, въ большомъ количествѣ, во всей Лапландіи ²⁾, но позже былъ совершенно искорененъ, вслѣдствіе ужасныхъ преслѣдованій. Всего продолжительнѣе онъ, конечно, продержался въ менѣе населенныхъ и неприступныхъ мѣстностяхъ, какъ, на примѣръ, въ сѣверозападномъ углѣ русской Лапландіи, по берегамъ Туломы, Нявдомы и Пазрѣки, а также по рѣкамъ Нуортіюки и Кандѣ. Вслѣдствіе преслѣдованій бобръ, въ началѣ XIX столѣтія, былъ вынужденъ отказаться отъ образа жизни въ колоніяхъ, и съ тѣхъ поръ попадались лишь единичные, такъ называемые кочевые бобры (*Flyttböfvar*), за исключеніемъ выше указанныхъ, болѣе благопріятныхъ мѣстностей, въ которыхъ бобры жили еще цѣлыми семьями въ своихъ хатахъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ они стали настолько рѣдкими, что охота на нихъ является лишь дѣломъ случая, а не правильною отраслью промышленности. Съ означеннаго времени мы встрѣчаемъ лишь самыя единичныя показанія объ убитыхъ экземплярахъ, или же убѣждаемся въ томъ, что бобръ уже совершенно истребленъ.

„Мѣстомъ пребыванія бобровъ были обыкновенно небольшія рѣчки, съ медленнымъ теченіемъ, которыя легче могли быть запруживаемы плотинами. Другимъ условіемъ ихъ существованія является присутствіе низкорослаго чернолѣся, которое имъ легче было срубить и употребить для постройки своихъ хатъ... Причина ихъ ранней гибели кроется въ высокой прибыли, получавшейся отъ убитаго звѣря. Какъ по всѣмъ показаніямъ, такъ и по моимъ собственнымъ справкамъ, мѣхъ и струя съ одного бобра давали выручку въ 30 руб. серебромъ. Эта высокая цѣна, которую достигаетъ развѣ лишь голубой песецъ, а также незначительный трудъ, связанный съ ловлею бобра, являются причинами его быстрого и совершеннаго истребленія“.

¹⁾ Если только онъ дѣйствительно существовалъ, въ чемъ можно усомниться.

²⁾ Дѣйствительно-ли во всей Лапландіи, объ этомъ нельзя судить по приведеннымъ показаніямъ. Изъ восточной половины Кольскаго полуострова у *Плеске* (и, сколько мнѣ известно, вообще) нѣтъ никакихъ свѣдѣній о нахожденіи бобра, который, вѣроятно, тамъ никогда не водился, такъ какъ страна эта занята почти сплошною тундрою.

Изъ Лапландіи распространеніе бобра шло на западъ — въ Норвегію и Швецію, на югъ — въ Финляндію, а на востокъ — въ Архангельскую губернію. Что касается Норвегіи, то, благодаря точнымъ изслѣдованіямъ *Коллета* ¹⁾, распространеніе бобра хорошо извѣстно; онъ живетъ нынѣ колоніями въ двухъ, между собою разрозненныхъ мѣстахъ, въ южной части этой страны, а именно, по теченію рѣкъ Нидальфъ (*Nidelv*) и Крагерэальфъ (*Kragerøelv*). Въ прежнее время бобръ былъ широко распространенъ въ Норвегіи, чему *Коллетъ* привелъ многочисленныя доказательства ²⁾. На сѣверѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ финскою Лапландіею, гдѣ бобръ, какъ мы видѣли, попадался еще на берегахъ Варангерфіорда (т.-е. переступалъ 70-й градусъ сѣв. шир.), онъ нынѣ, повидимому, вымеръ; по крайней мѣрѣ, *Коллетъ* говоритъ, что послѣдній бобръ былъ тамъ замѣченъ около 1860 года. — Въ Швеціи, гдѣ бобръ когда-то также водился на большихъ пространствахъ, въ особенности, на сѣверѣ ³⁾, онъ, кажется, въ настоящее время болѣе не попадаетъ. По показанію *Кокса* ⁴⁾, бобръ въ рѣкѣ Торнео продержался довольно долго; однако же приблизительно съ 1850 года онъ тамъ уже не былъ болѣе наблюдаемъ.

Свѣдѣнія о нахожденіи бобра въ *Финляндіи* чрезвычайно скудны ⁵⁾; да и вообще, въ послѣднее время рѣчь шла только о *прежнемъ* его распространеніи, такъ какъ онъ казался совершенно вымершимъ въ

¹⁾ *Rob. Collett*. „Om Baeveren (*Castor fiber*), og dens Udbredelse i Norge for-dum og nu“; въ: *Nyt Magazin for Naturvidenskaberne* (Christiania), XXVIII Bind, 1-ste Hefte, p. 11—45; съ табл. рис. — Нѣмецкій переводъ сообщилъ *Гиртаннеръ* (*A. Girtanner*), въ его книгѣ: *Geschichtliches und Naturgeschichtliches über den Biber*. (St. Gallen, 1885); на стр. 32—81. Въ новѣйшее время появился новый трудъ *Коллета* о томъ же предметѣ, подъ заглавіемъ: „Baeveren i Norge, dens Udbredelse og Legetaade“, въ: *Bergen Museums Aarvog for 1897*.

²⁾ См. также: *Alfr. Heneage Cocks*. „The beaver in Norway“; въ: *The Zoologist*, 1880; pp. 233—236, 497—501; 1881, p. 54.

³⁾ См. напр., *Husz* „Om Båfverns förekommande i Norrland“; въ *Öfvers. af Kgl. (Svensk.) Vetensk.—Akad. förhandl., Arg. 1, 1884, p. 10*.

⁴⁾ *A. H. Cocks*. „The Beaver in Scandinavia“. (*The Zoologist*, 1882, p. 15—16).

⁵⁾ Въ надеждѣ пополнить эти свѣдѣнія, я нѣсколько разъ, но къ сожалѣнію, тщетно, обращался къ финляндскимъ ученымъ съ просьбою дать мнѣ по этому вопросу указанія.

этой области. Лишь въ новѣйшее время проф. *Палмэнъ* ¹⁾ получилъ неожиданное извѣстіе о томъ, что бобръ былъ найденъ еще въ 1880 году (или въ исходѣ 70-хъ годовъ) въ южнѣйшей части Улеборгской губерніи, на берегу озера Пюхаярви ²⁾. Въ виду большого интереса, представляемаго такою находкою, я хочу передать важнѣйшую часть сообщенія. — Лейтенантъ *О. Лауринъ* посѣтилъ осенью 1880 г. приходъ Пюхаярви и нашелъ въ лавкѣ одного торговца безволосый, чешуйчатый и сплюснутый звѣриный хвостъ, длиною болѣе фута. Торговецъ сообщилъ ему, что онъ убилъ животное, обладавшее этимъ хвостомъ, въ пустынномъ мѣстѣ означеннаго прихода, и что ни онъ, ни кто-либо другой, не былъ знакомъ съ этимъ звѣремъ; мѣхъ онъ дешево продалъ страстующему русскому разносчику. Это былъ не единственный экземпляръ, который онъ видѣлъ въ означенной мѣстности. Къ сожалѣнію, г. *Лауринъ* не осведомился точнѣе о наружности звѣря, а также о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ; да и вообще онъ, очевидно, не сознавалъ важности этой находки. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что тутъ дѣло идетъ о хвостѣ бобра, и что, слѣдовательно, — предполагая истину разсказа упомянутаго торговца, — это животное, можетъ быть, еще нынѣ не вполне истреблено въ Финляндіи. Точнѣйшее изслѣдованіе означенной мѣстности, по отношенію къ существованію въ ней бобровъ, оказывается весьма желательнымъ.

Въ прежнихъ описаніяхъ указанной мѣстности мнѣ не удалось найти свѣдѣній о бобрѣ; такъ о немъ не говорится въ диссертациі *Матезіуса* ³⁾ объ Остроботніи, гдѣ рѣчь идетъ и объ упомянутомъ озерѣ Пюхаярви. Вообще я просмотрѣлъ около двухъ десятковъ диссертаций (большую частью изъ XVIII вѣка), въ которыхъ описываются разные приходы въ Финляндіи, но тщетно искалъ въ нихъ свѣдѣній о бобрѣ. Изъ этого, повидимому, можно вывести заключеніе, что уже около середины XVIII столѣтія бобръ былъ очень мало распространенъ въ этой странѣ. Съ этимъ согласно то обстоятельство, что *Саделинъ* (подъ

¹⁾ *J. A. Palmén*; въ *Meddelanden af Soc. pro fauna et flora fennica*, Hft. 18, 1891—1892, p. 157. (Изъ письма лектора *H. S. Zidbäck*, въ Улеборгѣ).

²⁾ *Puhajärvi*, т.-е. „Святое озеро“. — Изъ этого озера вытекаетъ рѣка Пюхайоки, впадающая въ Ботническій заливъ.

³⁾ *Petr. Nic. Mathesius*. (Præc. *Andr. Grönwall*). *Dissertatio geographica de Ostro-Botnia*. Upsaliae, 1734.

предсѣдательствомъ *Walleniуса*) ¹⁾, въ своей фаунѣ Финляндіи, изданной въ 1810 году, только называетъ бобра, не сообщая ни слова о томъ, въ какихъ мѣстностяхъ и часто ли онъ въ то время попадался. Точно также и *Тунбергъ* (въ привед. мѣстѣ, на стр. 43), хотя и говоритъ, что бобръ водится въ Лапландіи и Финляндіи, но для этой послѣдней страны не приводитъ никакихъ мѣстъ находенія. *Миддendorffъ* ²⁾ засталъ (въ 1840 годахъ) въ сѣверной Финляндіи, именно въ окрестностяхъ Куопіо, лишь темныя воспоминанія о прежнемъ существованіи бобра. Въ рукописныхъ матеріалахъ *Θ. Θ. Грандта* находится замѣтка академика *Кууса*, согласно которой, въ одномъ шведскомъ документѣ, изъ конца среднихъ вѣковъ, говорится о ловлѣ бобровъ въ нынѣшней Выборгской губерніи. Добавлю еще, что почти полное отсутствіе бобра въ Финляндіи доказывается косвенно и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Гельсингфорской статьѣ о бобрахъ, появившейся въ срединѣ XIX столѣтія ³⁾, вовсе не упоминается о ихъ существованіи въ Финляндіи, а говорится исключительно о Лапландіи.

Было бы очень интересно сопоставить тѣ названія урочищъ (рѣкъ, озеръ и селеній) въ Финляндіи, которыя производятся отъ наименованій бобра на языкахъ шведскомъ (*bäfver*) и финскомъ (*majava*). Въ русской Карелии (въ Олонецкой губерніи) одна бухта озера Пяярви (*Pääjärvi*) называется *бобровою* (*Majavalahi*).

Въ новѣйшее время я нашелъ въ статьѣ г. *Дамса* о бобрѣ ⁴⁾ крайне сомнительное показаніе, будто, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ зоологическаго сада на островѣ Högholmen около Гельсингфорса, были вывезены финскіе „болотные бобры“ (*finnische Sumpfbiber*) въ Швецію, гдѣ они были поселены на островѣ Ingar-Oe, близъ Стокгольма. Я склоненъ признать это показаніе за чистый вздоръ.

¹⁾ *Joh. Fredr. Wallenius. (Praes.), Petr. Utr. Sadelin (Resp.). Fauna Fennica, sive enumeratio animalium, quae alit terra Finlandiae, insulaeque ei adjacentes. (Aboae, 1810), p. 11.*

²⁾ *Middendorff. Sibirische Reise, Bd. 4, S. 854, въ выпискѣ.*

³⁾ „*Bäfvern*“; въ: *Litteraturblad för allmän medborgerlig bildning; 1849; p. 6—10.*

⁴⁾ *P. Dahms. „Der Biber. Eine kulturhistorische Skizze“.* (Naturwiss. Wochenschrift, 1901, № 24). Свѣдѣніе это взято изъ охотничьей газеты „*St. Huberthus*“, Jahrg. XV, № 39.

2. Остальной сѣверъ европейской Россіи.

Миддендорфъ ¹⁾ говорить, въ 1875 году, что слабые остатки бобровъ распространяются, начиная отъ Скандинавіи, вдоль рѣчныхъ областей Ледовитаго океана, до системъ Оби и Таза. Но такое предположеніе, для указаннаго времени, не могло считаться основательнымъ, такъ какъ бобры, уже нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ, были истреблены въ большей части рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море и Ледовитый океанъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о нахожденіи бобровъ въ этихъ сѣверныхъ областяхъ не только весьма скудны, но и довольно неточны. *Георги* ²⁾ замѣчаетъ въ 1800 году, что бобры встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, но чаще на притокахъ сѣверной Двины и Печоры. Около того же времени *Палласъ* ³⁾ также говорить, что бобръ въ населенныхъ областяхъ Россіи весьма рѣдокъ, кромѣ береговъ Двины и Печоры. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точнѣйшихъ указаній на мѣста нахожденія бобра на сѣверѣ европейской Россіи. Хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что бобры водились когда-то по берегамъ сѣверной Двины, однакоже мы не располагаемъ никакими данными, прямо это доказывающими. ⁴⁾

Въ вышеприведенной замѣткѣ, г. *Делеръ* сообщаетъ, что въ 1834 г. было добыто бобровъ: 3 въ Холмогорскомъ и 1 въ Кемскомъ уѣздѣ. Въ 1845 году г. *Фальковский* ⁴⁾ показываетъ, что въ рѣкахъ Мезенскаго уѣзда промышляютъ иногда бобровъ. Что касается Печорскаго края, то *Г. Ф. Миллеръ* ⁵⁾, въ своей знаменитой статьѣ о сибирской торговлѣ, говорить о томъ, что мѣхъ бобровъ, и въ особенности молодыхъ (кошкоковъ), благодаря ихъ черному цвѣту, вывозились съ береговъ Печоры въ Сибирь, гдѣ они употреблялись для обшивки шапокъ и шубъ. Но и въ Печорскомъ краѣ бобры, уже въ началѣ

¹⁾ A. Th. v. Middendorff. Sibirische Reise, Bd. 4, 1875, S. 852—853.

²⁾ I. G. Georgi. Geogr.-physik. u. naturhist. Beschreibung des Russischen Reichs, Bd. 3, 1800, S. 1555—1557. Здѣсь значится: „Mehr noch an Dwina-und Petschoraflüssen“.

³⁾ P. S. Pallas. Zoographia rosso-asiatica, T. I, p. 143: „In populos Rossiae regionibus nunc admodum rara quadrupes; nisi ad Dvinam et Perschoram fl.“ — Сочиненіе это напечатано въ 1811 году, но составлено десятилѣтіемъ ранѣе.

⁴⁾ См. его статью: „Мезенскій уѣздъ и его жители“. (См. Пчела, 1845 г., № 232).

⁵⁾ Gerh. Friedr. Müller. „Nachrichten von der Handlung in Sibirien“. (Sammlung Russischer Geschichte; Bd. 3, 1760, S. 484).—См. также: Middendorff, Sibirische Reise, Bd. 4, S. 855.

XIX столѣтія, стали на столько рѣдкими, что убитый (между 1815 и 1820 г.), въ верховьяхъ Печоры, экземпляръ былъ сначала принятъ за неизвѣстнаго звѣря. *Брандтъ* ¹⁾, сообщившій этотъ случай, присовокупляетъ: „Большая рѣдкость, или даже совершенное истребленіе бобра въ рѣчныхъ системахъ Двины и Печоры свидѣлствуется, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что *Ал. Шренкъ*, въ описаніи своего путешествія въ сѣверо-восточный край европейской Россіи, въ числѣ охотничьихъ звѣрей, вовсе не упоминаетъ о бобрѣ“. *Шренкъ* ²⁾ именно показываетъ, что бобръ болѣе не попадался (въ 1837 г.) по берегамъ водъ Архангельскаго сѣвера; но что мѣха его, въ прежнія времена, привозились самоѣдами на ярмарки въ Пустозерскъ, Устьцыльмъ и Мезони ³⁾.—На нынѣшнее отсутствіе бобра въ средней и восточной частяхъ Архангельской губерніи указываетъ и то обстоятельство, что во всѣхъ (выше перечисленныхъ) описаніяхъ этой губерніи говорится объ одномъ лишь Кольскомъ полуостровѣ, какъ мѣстопробываніи этого животнаго.

Въ томъ, что бобры водились когда-то на берегу Ковжезера (Кожезера), на границѣ Архангельской губ. и Пудожскаго уѣзда *Олонекской* губерніи, убѣждаетъ грамота, данная въ 1585 году царемъ Феодоромъ Иоанновичемъ на имя Ковжезерскаго монастыря, которому отдавались во владѣніе разныя угодья, въ томъ числѣ и *бобровыя тоны* ⁴⁾. *И. С. Поляковъ* ⁵⁾, приводя эту грамоту, высказываетъ мнѣ-

¹⁾ *J. Fr. Brandt*. „Bemerkungen über die Wirbelthiere des nördlichen europäischen Russlands“ etc., in *E. Hofmann's* „Der nördliche Ural“, etc., Bd. 2, 1856, S. 41—42.—Съ своей стороны, *В. Блазиусъ* указываетъ на такое отсутствіе свидѣній о бобрѣ какъ въ описаніи путешествія въ Печорскій край, совершеннаго графомъ *Кейзерлингомъ* и г. *Крузенитерномъ* въ 1843 году, такъ и въ книгѣ *Сибоба* (*Seeböhm*): „Siberia in Europa“, содержащей результаты его путешествія, исполненнаго въ 1875 году. См. *W. Blasius*. „Der Biber“, въ *Allgemeine Encyclopädie der gesammten Forst und Jagdwissenschaften* (1886).

²⁾ *A. G. Schrenk*. Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundra der Samoeden, zum Arktischen Uralgebirge. 2. Theil (1854), S. 408.—Самое путешествіе было совершено въ 1837 году.

³⁾ Объ этомъ см. въ той же книгѣ *А. Шренка*, ч. 2, стр. 173, 177, 181, — изъ свидѣній англичанъ, 1611 — 1615 г.

⁴⁾ Въ этой грамотѣ (отпечатанной въ Олонек. губ. вѣдом., 1864 г., № 2, стр. 7) сказано, между прочимъ: „и со всякими згодья, и съ озора, и съ перелѣсы и съ бобровыми тоны и съ ловищи; и съ рыбными ловлями, на всѣ четыре стороны пашенныя земли по четыре версты, опроче мховъ и болотъ, и дѣла впередъ до ихъ земли никому нѣтъ“.

⁵⁾ См. его статью: „Этнографическія наблюденія во время поѣздки на юго-вос-

ніе, что бобръ, вѣроятно, водился когда-то во всей Олонецкой губерніи, такъ какъ онъ попадался также около Ладожскаго озера. Что касается этого послѣдняго озера, то любопытныя раскопки, которыми руководилъ профессоръ *А. А. Иностранцевъ*¹⁾ на Сяскомъ каналѣ, открыли также субфосилные остатки бобра, найденные въ сообществѣ костей слѣдующихъ млекопитающихъ животныхъ: тюленя, косули, сѣвернаго оленя, лося, тура и плоскобогаго быка, кабана, зайца-бѣляка, водяной крысы, бураго медвѣдя, соболя, куницы и хорька, выдры, волка, лисницы и особой породы собаки.

Бобръ когда-то водился и въ окрестностяхъ *С.-Петербурга*. *А. Севастьяновъ*²⁾ показываетъ, что по словесному сообщенію пастора *Тонслиуса*³⁾, бобры однажды жили, цѣлыми семьями, по близости Токсова (къ сѣверо-востоку отъ столицы). Въ матеріалахъ, собранныхъ академикомъ *Брандтомъ*, находится сообщенная ему энтомологомъ *О. Бремеромъ* замѣтка, что этотъ послѣдній, въ 1849 году, около Синовой Роши (нынѣ станція Левашово, по Финляндской желѣзной дорогѣ), въ болотистой и покрытой густымъ лѣсомъ мѣстности, преслѣдовалъ бобра и видѣлъ обгрызанный имъ древесный стволъ. При всемъ уваженіи къ лепидоптерологическимъ познаніямъ г. *Бремера*, я не могу не высказать сомнѣнія относительно сообщеннаго имъ наблюденія, — тѣмъ болѣе, что упомянутое имѣніе графа *Левашова*, съ давнихъ поръ, посѣщается многочисленными охотниками, отъ вниманія которыхъ, конечно, не ускользнуло бы присутствіе бобра, — въ литературѣ же нѣтъ на это никакихъ указаній. О прежнемъ существованіи бобра въ С.-Петербургской губерніи свидѣлствуютъ и названія урочищъ и населенныхъ мѣстъ; такъ напримѣръ, волость *Лоброво*, на рѣкѣ Плюссѣ въ Гдовскомъ уѣздѣ.

Изъ *Новгородской* губерніи не имѣется почти никакихъ свѣдѣній о прежнемъ нахожденіи бобра. Въ древнихъ документахъ упоминается о бобровыхъ гонахъ близъ Новгорода и Бѣлозерска⁴⁾. Почти на

токъ Олонецкой губерніи“ (Записки И. Русск. Геогр. Общ., по отдѣленію этнографіи, т. 3, 1873 г.; стр. 384—385).

¹⁾ См. его книгу: *Донисторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера*. (Спб. 1882 г. 4°); на стр. 49—51.

²⁾ См. его статью: „О російскихъ бобрахъ, строящихъ плотины“ (*Ученыя Извѣстія*; прибавленіе къ Спб. Вѣдомостямъ, 1816 г., № 27).

³⁾ *Torelius*; у *Штукембергера* (*Naturhistorische Analekten in Bezug auf Russland*) фамилія эта искажена въ *Tackaelius*.

⁴⁾ См. Нижегородск. губ. вѣд., 1846 г., № 19; а отсюда въ Финскомъ Вѣстникѣ,

столько же скудны извѣстія о бобрѣ изъ сосѣдней *Вологодской* губерніи. *Фл. Арсеньевъ* ¹⁾ замѣчаетъ, что животное это, съ незапамятныхъ временъ, исчезло изъ ея лѣсовъ; но что оно тамъ было, „на это есть очень вѣрныя свидѣтельства“, — къ сожалѣнію, не говорится, какія именно. Въ 1851 г. *М. Михайловъ* ²⁾ показалъ, что „лѣтъ 50 тому назадъ (слѣдовательно, около 1800 г.), Устьсысольскаго уѣзда въ селѣ Вотчѣ, отстоящемъ отъ уѣзднаго города въ 50-ти верстахъ, бобры попадались еще изрѣдка“, — между тѣмъ какъ „нынѣ они совершенно вывелись, уйдя, какъ говорятъ зыряне, за *Камень*, т.-е. за Уральскія горы“. *Гмелинъ старшій* ³⁾ упоминаетъ о присутствіи бобра на *Сухонѣ*, въ 30-хъ годахъ XVIII-го столѣтія. Небольшой правый притокъ этой рѣки носить названіе *Бобровка* и протекаетъ въ Устюжскомъ уѣздѣ чрезъ ненаселенную мѣстность ⁴⁾. Въ *Вятской* губерніи бобръ также давно вымеръ. По показанію *Гмелина* старшаго ⁵⁾, въ 1733 году онъ попадался еще около *Сарапула* (на *Камѣ*); а *Рычковъ* младшій ⁶⁾ говоритъ о томъ, что бобры водились въ тамошнихъ лѣсахъ еще въ 1770 году. Последнее упоминаніе бобра, какъ обитателя *Вятской* губерніи, относится къ двадцатымъ годамъ XIX-го столѣтія ⁷⁾. Въ старинныхъ актахъ ⁸⁾ называются рѣка и озеро *Чепца* какъ мѣста ловли бобровъ. Согласно та-

1846 г., № 10, смѣсь, стр. 65; а также у *Штукенберга* (*Naturhist. Analecten*).— Здѣсь указывается на разные документы, отпечатанные въ Актахъ Археографической Экспедиціи.

¹⁾ Въ статьѣ: „Лѣса по отношенію ихъ къ *Вологодской* губерніи“. (*Промышленность*, 1863 г., т. XI, кн. 13, стр. 15).

²⁾ Въ статьѣ: „Промыслы *Зырянъ* *Устьсысольскаго* и *Яренскаго* уѣздовъ *Вологодской* губерніи“; въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1851 г., ч. 34, стр. 65.

³⁾ *J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien*, Bd. 4, S. 592 — 593. Здѣсь приводятся названія деревни *Бобровской* ямъ (на правомъ берегу *Сухоны*) и двухъ рѣчекъ *Бобровка*.

⁴⁾ См. *J. Ch. Stuckenberg. Hydrographie des Russischen Reiches*, Bd. 2, S. 165.

⁵⁾ *Reise durch Sibirien*, Bd. 1, S. 101—102.

⁶⁾ *Н. Рычковъ*. Журналъ или дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ *Россійскаго* государства, 1769 и 1770 гг. Продолженіе (Спб., 1772 г.); стр. 20.

⁷⁾ См. *J. F. Erdmann. Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland*, Th. II, Hälfte 2, 1826, S. 34.

⁸⁾ Акты Археогр. Экспед., т. 1, стр. 217—218, № 226, отъ 24-го января 1551 г.

кимъ актамъ, при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, Верхочепецкіе „отяки“ (т.-е. вотяки) платили оброкъ „съ бобровыхъ гоновъ“ ¹⁾.

Перехожу къ нахожденію бобра въ *Пермской* губерніи, о которомъ имѣются болѣе точныя свѣдѣнія. На существованіе его, въ весьма древнія времена, на Уральскомъ хребтѣ указываетъ замѣчаніе *В. Блазиуса* ²⁾, видѣвшаго въ палеонтологической коллекціи горнаго института (въ С.-Петербургѣ) нижнюю челюсть стараго бобра, найденную въ одной изъ уральскихъ пещеръ, вмѣстѣ съ орудіями каменнаго вѣка. *Ф. Гебауеръ* ³⁾ также упоминаетъ о томъ, что остатки бобра были найдены имъ въ одной изъ пещеръ по берегу р. Пышмы, въ Камышловскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Я предполагаю, что это — тѣ же самые остатки, про которые упоминаетъ профессоръ *Блазиусъ*.

Говоря объ Уральскомъ хребтѣ, я въ слѣдующемъ скажу о нахожденіи бобровъ въ рѣкахъ и рѣчкахъ, стекающихъ съ этого хребта какъ на западъ, такъ и на востокъ; послѣднія принадлежатъ къ водной системѣ Оби, и нижнее теченіе ихъ протекаетъ по западнѣйшей части Сибири, гдѣ онѣ впадаютъ въ Обь, Иртышъ и Тоболь. Конечно, придется при этомъ выйдти изъ рамки *стѣра Европейской Россіи*; но, привлекая сюда всѣ рѣки, берущія начало на восточномъ склонтѣ Урала, хотя бы онѣ протекали не въ одной Пермской, но также и въ Оренбургской и Тобольской губерніяхъ, — я полагаю, что отъ этого должны выиграть единство и цѣлостность нашихъ свѣдѣній о распространеніи бобра въ области уральскихъ горъ.

Самыми ранними свѣдѣніями, сюда относящимися, мы обязаны *Гмелину* ст., который, въ 1742 году, засталъ бобровъ на р. Міясѣ, притока Иссета, и на рѣчкахъ, въ нее впадающихъ ⁴⁾. Онъ же упоминаетъ о деревнѣ *Бобровка*, къ западу отъ Тюмени ⁵⁾ а также о двухъ притокахъ Туры того же имени. — Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о бобрѣ въ Приуральѣ сообщилъ *Палласъ* въ описаніи

¹⁾ См. статью *О. Корнилова*: „Слободской уѣздъ Вяткой губерніи, въ 1839 году“, въ *Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1843 г., ч. 4, стр. 403—404.

²⁾ *W. Blasius*. „Der Biber“, въ приведенномъ мѣстѣ; въ отдѣльномъ оттискѣ, стр. 5.

³⁾ Въ статьѣ: „Замѣтка о нѣкоторыхъ костеносныхъ пещерахъ на берегахъ р. Пышмы“. (*Горный Журналъ*, 1880 г., т. II, стр. 76—83).

⁴⁾ *J. G. Gmelin*. Reise durch Sibirien, Th. 4, S. 315—316. Здѣсь говорится, что тамошніе бобры были добротные, и что башкиры ихъ оберегали.

⁵⁾ Тамъ же, ч. 1, стр. 125.

своего знаменитаго путешествія, совершеннаго въ 1768—1774 годахъ. По его показанію ¹⁾, бобръ когда-то водился по берегамъ р. Увелки (впадающей слѣва въ Уй, около Троицка) ²⁾; до заселенія этой мѣстности, онъ попадался тамъ въ большомъ количествѣ. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о болотистой и незаселенной мѣстности по берегамъ р. Колонги, *Палласъ* ³⁾ замѣчаетъ: „Говорятъ, что здѣсь по ручьямъ, а также въ верховьяхъ (южной) Сосьвы и Тавды, куда челобѣкъ рѣдко проникаетъ, кое-гдѣ бобры живутъ семьями и возводятъ свои замысловатыя плотины“. Въ своей зоографіи, напечатанной значительно позже, *Палласъ* ⁴⁾ говоритъ о двухъ притокахъ Оби, о Кондѣ и (сѣверной) Сосьвѣ, по берегамъ которыхъ водятся бобры.

Въ изданномъ, въ 1801 году, описаніи Пермской губерніи ⁵⁾ значитъ: „...замѣтить надо домостроительнаго бобра, который въ сѣверныхъ лѣсистыхъ уѣздахъ обитая семействами, строить спокойно свои плотины въ малопосѣщаемыхъ и самими вогуличами странахъ, какъ-то по рѣкамъ Сосьвѣ, Лозьвѣ и впадающимъ въ оныя, также по Колвѣ ⁶⁾ и другимъ; въ другихъ же мѣстахъ попадаются они по одиночѣ“. То же самое повторено *Н. Поповымъ* ⁷⁾, въ его хозяй-

¹⁾ *P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Th. II, S. 104.*

²⁾ Совершенно ошибочно и сбивчиво приводится теченіе этой рѣки *Миддендорфъ* (въ его *Sibir. Reise, Bd. 4, S. 856*). Одинъ разъ (въ выноскѣ 2-ой) Увелка называется притокомъ Иртыша; а вслѣдъ затѣмъ (въ выноскѣ 6-ой) *Миддендорфъ* переноситъ ее (подъ именемъ *Umelki*) даже въ Забайкальскую область, при чемъ онъ въ обоихъ случаяхъ ссылается на одно и то же выше-приведенное показаніе *Палласа* (*Reise, II, p. 104*). Это является тѣмъ болѣе страшнымъ, что р. Увелка обозначена и на мало-подробныхъ картахъ, напримѣръ, въ известномъ атласѣ *Штилера* (*Stieler's Hand-Atlas*).

³⁾ *Pallas. Reise; Th. II, S. 249.*

⁴⁾ *Pallas. Zoographia rosso-asiatica; T. 1, p. 143.*

⁵⁾ Историческо-Географическое описаніе Пермской губерніи, сочиненное для атласа 1800 года. (Пермь, 1801 г., въ 1.; безъ пагинаціи); въ § 22-омъ.—*Д. Смышляевъ* предполагаетъ, что авторомъ этой рѣдкой книги былъ *К. Модеравъ*, тогдашній Пермскій губернаторъ. См. его: *Источники и пособія для изученія Пермскаго края*. (Пермь, 1876); стр. 130.—Академикъ *Севастьяновъ* (въ указанномъ мѣстѣ, 1816 г.) повторяетъ все сказанное о бобрѣ въ этомъ описаніи Пермской губерніи.

⁶⁾ Между тѣмъ, какъ всѣ остальные вышеназванныя рѣки текутъ къ востоку отъ Урала, р. Колва находится къ западу его, впадала около Чердыни въ Вишеру, притокъ Камы.

⁷⁾ *Никита Поповъ*. Хозяйственное описаніе Пермской губерніи, сообразно начертанію С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества сочиненное въ 1802

ственномъ описаніи Пермской губерніи, съ прибавленіемъ однако же двухъ рѣкъ, а именно Ивделя (притока Лозьвы) и Колонги, на берегахъ которыхъ также попадаются бобры. — При передачѣ извѣстія о томъ, что около 1800 г. бобры въ Пермской губерніи строили еще плотины, *Штукенбергъ* снабдилъ это извѣстіе двумя вопросительными знаками, — каковое сомнѣніе однако же едва ли можно признать основательнымъ.

Около полустолѣтія не было слышно ничего о присутствіи бобровъ въ Пермской губерніи. Въ 1854 году мы узнаемъ отъ г. *Рудольскаго* ¹⁾ нѣкоторыя подробности объ этомъ интересномъ мѣстонахожденіи, а также объ образѣ жизни тамошнихъ бобровъ, которые, какъ кажется, и до настоящаго времени еще не перевелись окончательно въ означенной мѣстности. Занимая исключительно сѣверную часть Верхотурскаго уѣзда, бобры мало извѣстны даже жителямъ Пермской губерніи. Главные притоки ихъ находятся по рѣкамъ: Ивделю, Ваграну ²⁾, (южной) Сосьвѣ и впадающимъ въ нее рѣчкамъ Шагультану ³⁾, б. и м. Лагуртану (или Лангуры), по Лозьвѣ и ея притокамъ Лявденкѣ и Порьѣ. Отъ вогуль деревни Першиной г. *Рудольскій* узналъ, что до открытія въ этомъ краѣ золотыхъ промысловъ, бобры водились тамъ въ изобиліи, но нынѣ (т.-е. около половины XIX-го столѣтія) попадаются рѣже, сколько отъ увеличенія населенія, заставившаго бобровъ удалиться на вершины упомянутыхъ рѣкъ, столько же и отъ истребленія ихъ. По словамъ туземцевъ, бобры водились въ этихъ притокахъ съ незапамятныхъ временъ. Г. *Рудольскій* находитъ страннымъ, что бобры не водятся въ рѣкахъ, протекающихъ къ западу отъ Уральскаго хребта, какъ-то въ Вишерѣ, Колвѣ и Печорѣ ⁴⁾, хотя верховья этихъ рѣкъ находятся не такъ далеко отъ источниковъ Лозьвы и Сосьвы и на столько же уединенны и пустыни, какъ эти послѣднія. Верхотурскіе бобры вообще цвѣта темно-каштановаго, но есть между ними,

и 1803 году. (Пермь, 1804, 2 части, въ 1.); ч. II, на стр. 145. — Это же вошло и во второе изданіе этого труда, изданное Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, въ двухъ же частяхъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1811 и 1813 гг.; ч. 2, стр. 239.

¹⁾ *Андр. Рудольскій*. „О рѣчныхъ бобрахъ Верхотурскаго уѣзда“, въ Пермск. губ. вѣдом., 1854, № 41; а отсюда въ Журн. Мин. Госуд. Имущ., 1854, ч. 53, ноябрь, стр. 87—92; а также въ С.-Петерб. Вѣдом., 1854, № 252.

²⁾ Правый притокъ (южной) Сосьвы. По близости Ваграны течетъ вышеупомянутая рѣчка Колонга.

³⁾ Или Шагультанъ, на нѣкоторыхъ картахъ—Шалгутанъ, лѣвый притокъ Сосьвы.

⁴⁾ Мы видѣли однако же, что бобры водились когда-то на Колвѣ и Печорѣ.

въ особенности по Шагультану, и почти черные, которые цѣнятся дороже другихъ. Ловлю бобровъ занимаются преимущественно мѣстные вогулы; какое количество бобровъ ими добывается, узнать трудно, такъ какъ они держатъ эти свѣдѣнiя въ тайнѣ ¹⁾.

Въ 1872 году появилась статья *Н. Ш.* о бобрахъ въ Пермской губернии ²⁾, цѣликомъ почерпнутая изъ труда *Рудольскаго* и не представляющая ничего новаго. Въ томъ же году, *Л. П. Сабантеевъ* ³⁾ упоминаетъ о находженiи бобра въ среднемъ Уралѣ, т.-е. въ той же мѣстности, о которой говорилъ *Рудольскiй*. По его словамъ, бобръ въ то время встрѣчался только въ сѣверныхъ частяхъ Верхотурскаго уѣзда, начиная отъ Богословской дачи,—по рѣкамъ Сосьвѣ, Каквѣ ⁴⁾, Ваграну, Лозьвѣ и др., но и тамъ онъ былъ очень рѣдокъ. Къ западу отъ Уральскаго хребта, въ сѣверной части Пермской и въ восточной Вологодской губернии, бобръ въ то время былъ, вѣроятно, совершенно истребленъ. Тотъ же авторъ говоритъ ⁵⁾, что въ 1770 годахъ бобръ былъ распространенъ въ большей части Пермской губернии, до южныхъ частей Урала; а въ началѣ XIX столѣтiя онъ попался еще по р. Буркалаѣ, въ окрестностяхъ Итхуля (въ Каслинскомъ Уралѣ).— Два года спустя г. *Сабантеевъ* ⁶⁾ сообщилъ нѣкоторыя подробности о находженiи бобра въ Богословскомъ Уралѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ XIX вѣка существованiе его тамъ было весьма ограничено и даже подлежало нѣкоторому сомнѣнiю. Последнiе девять бобровъ были пойманы на Вагранѣ въ 1867 г., на Сосьвѣ (подъ Масловской) въ 1864 г., а на Каквѣ въ 1859 году. Изъ Каквинскихъ два уцѣлѣли отъ истребленiя и ушли внизъ; къ потомству ихъ принадлежали, вѣроятно, тѣ бобры, которые по разсказамъ, появились около 1873 года у Мякоткинскаго зимовья, ближе къ Сосьвѣ. По среднему теченiю Лозьвы, куда ѣздятъ сосвинскiе обрусѣннiе вогулы, бобры, по ихъ

¹⁾ Въ статьѣ *Рудольскаго* помѣщены еще любопытныя данныя объ образѣ жизни Верхотурскихъ бобровъ, ихъ ловлѣ и пр.,—о чемъ здѣсь распространяться не считаю возможнымъ.

²⁾ *Н—ъ Ш—ъ*. „Ловли рѣчныхъ бобровъ въ Пермской губернии“; въ Журналѣ охоты и коннозав., 1872, стр. 189.

³⁾ *Л. Сабантеевъ*. Каталогъ звѣрей, птицъ, гадовъ и рыбъ Средняго Урала. (Москва, 1872); стр. 2.

⁴⁾ Рѣка Каква, правый притокъ Сосьвы, не упомянута у *Рудольскаго*.

⁵⁾ *Л. Сабантеевъ*. „Звѣринный промыселъ въ Уральскихъ горахъ“; въ журналѣ „Вестъда“, 1872 г., кн. 6, отд. II, на стр. 81—82.

⁶⁾ *Л. Сабантеевъ*. Позвоночныя Средняго Урала и географическое распространенiе ихъ въ Пермской и Оренбургской губ. (Москва, 1874); стр. 5.

свидѣтельству, исчезли еще ранѣе, чѣмъ на Сосьвѣ и на Вагранѣ.— Прибавлю отъ себя, что, въ виду вышеприведеннаго замѣчанія Рудольскаго, нельзя полагаться на показанія вогуловъ, которые утаиваютъ свѣдѣнія, касающіяся присутствія и ловли бобровъ.

Отсюда (т.-с., отъ верховьевъ южной Сосьвы и впадающей въ нее Лозьвы) распространеніе бобра, какъ нужно полагать, шло непрерывно, на востокъ, къ верховьямъ Конды, и далеко на югъ, вдоль восточнаго склона Уральскаго хребта. Если мы, большею частью, и не имѣемъ историческихъ доказательствъ о прежнемъ присутствіи въ этой мѣстности бобровъ, то о немъ свидѣтельствуютъ многочисленныя названія рѣчекъ, принадлежащихъ къ водной системѣ Тобола. Я уже выше упомянулъ о двухъ *Бобровкахъ*, впадающихъ въ Туру. Рѣки Нейва ¹⁾ и Рѣжъ, которыя, по ихъ слияніи, образуютъ р. Ницу, притокъ Туры, въ своихъ системахъ, представляютъ цѣлый рядъ притоковъ и ручьевъ, называющихся *Бобровками*. Такъ, въ рѣку Ирбитъ, притокъ Ницы, впадаютъ слѣва три *Бобровки* (Большая, Малая и Татарская); одна *Бобровка* составляетъ притокъ Рѣжа, а другая—притокъ Ницы ²⁾. Нельзя въ томъ сомнѣваться, что во всѣхъ этихъ рѣчкахъ когда-то водились бобры. Уже выше было говорено о томъ, что бобры, въ XVIII столѣтіи, водились еще далѣе къ югу, а именно на рѣкахъ Мясѣ и Увелкѣ.

Въ 1876 году *И. С. Поляковъ* ³⁾ посѣтилъ долину р. Оби и общилъ любопытныя свѣдѣнія объ остаткахъ бобровъ въ верховьяхъ двухъ рѣкъ: Конды (впадающей въ Иртышгъ) и Малой Сосьвы (изли-

¹⁾ По вогульски Невья.—При zaloженіи слободы Невьянской, въ 1619 году, суринскіе татары, въ виду того, что страна при р. Нейвѣ надлежала имъ и они туда обыкновенно ходили „для ловли звѣрей, рыбъ и бобровъ“, просили о тохраненіи этой земли за ними, — въ чемъ имъ однако же было отказано. См. въ 8-ой главѣ Сибирской исторіи *Фишера*, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ, 1764, іюнь, стр. 485. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ—въ *G. Fr. Müller's Sammlung Russischer Geschichte*, Bd. 8, 1763, S. 221—222.

²⁾ См. объ этомъ: *J. Ch. Stuckenberg. Hydrographie des Russischen Reiches*, Bd. 2, S. 438—443; Bd. 6, S. 207.

³⁾ См. его: „Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби, исполненномъ по порученію Императорской Академіи Наукъ“. (Прилож. къ XXX-му тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 2, С.-Пб., 1877 г.). То же, въ извлеченіи, въ журналѣ „Природа“, 1877 г., кн. 3, стр. 30—57. — О зоологическихъ результатахъ этого путешествія сообщено вкратцѣ въ Трудахъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, т. 9, 1878 г., протоколъ засѣд., стр. 1—2.—Свѣдѣнія о бобрѣ были отпечатаны въ двухъ англійскихъ журналахъ: „Nature“ (отъ 18-го января 1877 г.) и „The Zoologist“ (1877, p. 172).

вающейся, черезъ Большую или сѣверную Сосьву, въ Обь). Тамошній бобръ, живя общественно, устраивалъ плотины; онъ имѣлъ весьма грубый, щетинистый мѣхъ, съ сильнымъ рыжоватымъ оттѣнкомъ.— Г. *Полякову* удалось получить пять шкуръ, хотя не цѣлыхъ, бобровъ, убитыхъ въ притокахъ Малой Сосьвы ¹⁾. — *И. Я. Словоцовъ* ²⁾, въ 1892 году, говоря объ остаткахъ бобровъ въ Тюменскомъ округѣ ³⁾, замѣчаетъ: „Въ настоящее время бобры въ очень небольшомъ количествѣ, какъ рѣдкость, но свидѣтельству отца *Инатія Колады*, встрѣчаются въ Пелымскомъ краѣ по Малой Кондѣ и въ Березовскомъ краѣ по сѣверной Сосьвѣ (*Ив. Вас. Бирюковъ*). Въ послѣднее время, а именно въ 1887 году, одинъ бобръ былъ убитъ инородцемъ Ляпинской волости Самбалталовымъ“. О томъ, что бобры, въ этихъ мѣстностяхъ, просуществовали, по крайней мѣрѣ, еще нѣсколько лѣтъ, свидѣлствуютъ, въ новѣйшее время, гг. *Носиловъ* ⁴⁾ и *Ифантъевъ* ⁵⁾.

Изъ статьи г. *Носилова*, въ которой, какъ кажется, къ истиннѣ примѣшанъ нѣкоторый плодъ воображенія, я заимствую слѣдующее.—Бобръ нынѣ на Уралѣ попадается чрезвычайно рѣдко. „Время, когда онъ служилъ предметомъ промысла вогуль, отошло уже въ исторію. По словамъ ихъ, даже прадѣды ихъ и тѣ насчитывали, за свою охотничью жизнь, не болѣе 2-хъ — 3-хъ штукъ добытыхъ ими бобровъ, и уже тогда добыча считалась ими за особую милость покровительствующаго охотѣ божка—„Чѣхрынъ-Ойки“. Стоимости этой шкурки, нужно полагать, не существовало, потому что она уходила цѣликомъ тому же божеству и сгивала въ его кумирнѣ, вмѣстѣ съ другими драгоценными пушными шкурками: соболями, черными лисицами, голубыми песцами и пр. Цѣнилась и продавалась лишь одна железка съ высушенной жидкостью въ ней (castoeum)“; вещество это упо-

¹⁾ Первоначально г. *Поляковъ* показалъ, что эти шкуры были добыты въ протокахъ р. Пелыма (впадающей въ Тавду), куда, еще въ то время, нѣсколько остатковъ съ Оби ходили промышлять бобровъ.

²⁾ См. его статью: „Позвоночныя Тюменскаго округа и ихъ распространеніе въ Тобольской губ.“, въ Матеріалахъ къ познанію фауны и флоры Россійской Имперіи, (отд. зоолог., вып. I, 1892 г., на стр. 207).

³⁾ Объ этомъ будетъ сказано ниже, при разсмотрѣніи распространенія бобра въ Сибирь.

⁴⁾ *К. Носиловъ*. „Уральскій рѣчной бобръ“. (Природа и Охота, 1890, февраль, стр. 51—55).

⁵⁾ *П. Ифантъевъ*. „За Уральскимъ бобромъ. Путешествіе въ страну вогузовъ. Изъ дневника туриста“. (Вѣстникъ Европы, 1894, июль, стр. 538—578; июль, стр. 253—285).

требляютъ для окуриванія нечистоты своего тѣла и охотничьихъ принадлежностей, или продаютъ по микроскопическимъ частицамъ на вѣсъ золота.—Затѣмъ авторъ описываетъ тщетныя свои усилія добыть покупкою шкуру бобра съ идола Чѣхрингъ-Ойки, находящагося у озера Елбынь-Туръ, въ вершинѣ р. сѣверной Сосьвы. Вогулы на предложеніе г. *Носилова* даже разсердились, такъ какъ „отъ божества брать и продавать жертвованное есть великій грѣхъ“. Въ 1886 году ему, наконецъ, удалось получить бобра, убитаго его „пріятелемъ“ Кузьмою Салбанталовымъ ¹⁾ въ вершинѣ р. Лепля (притока сѣверной Сосьвы). Г. *Носиловъ* предполагаетъ, что это былъ послѣдній экземпляръ уральскаго бобра.

Однако же, въ той же самой статьѣ, г. *Носиловъ* говоритъ, что р. Лепля „и въ настоящее время (т. е. въ 1890 г.) еще имѣетъ нѣсколько экземпляровъ этихъ животныхъ, еще не попавшихъ въ руки промышленниковъ—вогуль. По крайней мѣрѣ, на ней еще встрѣчаютъ подглоданныя березы и другіе слѣды этого грызуна“ ²⁾. Такихъ слѣдовъ вовсе нѣтъ въ ручьяхъ, текущихъ въ самихъ горахъ, какъ къ востоку, такъ и къ западу Уральскаго хребта. Здѣсь, на европейской сторонѣ его, бобры водились прежде будто-бы только по одному притоку Печоры ³⁾, по которой теперь еще годами, во время половодья, выносятся старыя постройки бобровъ,—между тѣмъ какъ сами животныя давно исчезли, такъ что тамошніе жители не помнятъ болѣе послѣднихъ на нихъ охотъ.

Г. *Исфайтъевъ* рассказываетъ весьма живо о своихъ попыткахъ посѣщенія послѣднихъ притоковъ бобра на притокахъ р. Конды. Онъ проникъ вверхъ по рѣчкѣ Ухъ (или Оинна), правому притоку Конды; рѣчка эта шириною всего 5—6 сажень, но чрезвычайно быстрая и очень глубокая. Нѣсколько разъ онъ заставлялъ рѣку сильно загроможденною древесными стволами, которые, казалось, образовывали искусственную плотину, позволявшую свободно переходить съ одного

¹⁾ Очевидно тождественъ съ лицомъ, приведеннымъ *Словеснымъ* подъ именемъ Самбалталова.

²⁾ Рѣка Лепля, какъ поясняетъ авторъ, впадаетъ въ сѣверную Сосьву, въ верхнемъ ея теченіи, и беретъ начало отъ громаднаго болота-тундры, откуда вытекаютъ и рѣки Лозьва, Целымъ и Конда.—Подробности объ этой рѣкѣ находятся въ статьѣ: „Описаніе сѣвернаго Урала... изслѣдованнаго Горною Экспедиціею въ 1832 г., подъ командою маркшейдера *Протасова* 2-го“. (Въ Горномъ Журналѣ, 1833 г., ч. IV, на стр. 301—319). Въ гидрографіи Россіи *Штукенберга* рѣка Лепля вовсе не упоминается.

³⁾ Вѣроятно, имѣлась въ виду рѣка Колва, о которой сказано выше.

берега на другой ¹⁾. Выше по рѣкѣ нашъ странникъ, въ мѣстахъ, поросшихъ березою и осиною, видѣлъ много стволовъ, несомнѣнно обглоданныхъ или срѣзанныхъ бобрами. Наконецъ, ему удалось отыскать и двѣ постройки, однако же покинутыя своими жильцами, которые, обезпеченные охотниками, ушли далѣе, вверхъ по рѣкѣ. По увѣренію его вожатаго, одна изъ хижинъ была построена 4, а другая— 3 года тому назадъ. Одинъ изъ проводниковъ г. *Инфантьева* принесъ совершенно свѣжаго и цѣльнаго бобра, убитаго имъ на рѣчкѣ Нюръ, также притокъ Конды. Ему же самому, какъ и провожавшему его г-ну *Носилкову*, не удалось увидѣть живого бобра.

Согласно выше-изложенному, прежнее существованіе бобра доказано для всѣхъ сѣверныхъ областей европейской Россіи. Къ сѣверу распространеніе его шло, по всей вѣроятности, до предѣловъ лѣсной растительности, какъ это явствуетъ изъ его прежняго находенія въ Лапландіи. Какъ мы видѣли, онъ въ сѣверо-западной части Лапландіи, около Варангеръ-фіорда, достигалъ 70° сѣверной широты; но и на сѣверо-востоки европейской Россіи бобръ, согласно показанію *Палласа*, попадался еще на р. Каръ, примѣрно подъ 69° сѣверной широты. Къ западу, распространеніе его стояло въ непосредственной связи съ таковымъ въ Скандинавіи; къ югу оно примыкало къ широкому распространенію бобра въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ центральной и восточной Россіи; между тѣмъ какъ къ востоку оно продолжалось чрезъ большую часть Сибири.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прежнее и нынѣшнее распространеніе бобра въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Царствѣ Польскомъ и въ западной Россіи.

1. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ были находимы многочисленныя остатки бобровъ. *К. Гревинкъ*, упоминая о такихъ остаткахъ около холма Риннекальнъ, близъ озера Буртнекъ, замѣчаетъ, что по множеству найденныхъ тамъ бобровыхъ челюстей и другихъ костей можно заключить о большомъ количествѣ, въ Лифляндіи, этого звѣря

¹⁾ Я предполагаю, что это было остатки старыхъ плотинъ, построенныхъ бобрами.

въ первыя столѣтія нашего лѣтосчисленія. Графъ *Сиверсъ* ¹⁾ и *Р. Вирховъ* ²⁾ сообщили подробности о нахожденіи въ Риннекальнѣ остатковъ бобровъ. Первый нашелъ тамъ 165 нижнихъ челюстей, изъ которыхъ 83 (т. е. ровно половина) принадлежали бобрамъ. *Вирховъ* замѣчаетъ, что страннымъ образомъ попадаются почти одни только нижнія челюсти; во время своихъ поисковъ онъ нашелъ 20 половинокъ ихъ (11 лѣвыхъ и 8 правыхъ). Въ меньшемъ числѣ были найдены кости таза, ноги и позвонки. Большою частию оны не были расщеплены. Въ виду очень большаго количества этихъ костей, *Вирховъ* полагаетъ, что въ этомъ мѣстѣ были поселенія бобровъ, ловлею которыхъ занимались тутъ же жившіе люди, ловившіе, кромѣ того, рыбу и раковинъ, какъ явствуетъ изъ многочисленныхъ остатковъ этихъ послѣднихъ.

За огромный періодъ, отъ временъ чуть-ли не доисторическихъ вплоть до XVIII столѣтія, мнѣ не извѣстны данныя, касающіяся присутствія бобра въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Да и за XVIII-ое, и даже XIX-ое столѣтіе показанія о нахожденіи тамъ этого грызуна чрезвычайно скудны. Это, въ особенности, относится къ Эстляндіи, и *Дрүмпельманъ* ³⁾ даже говоритъ, что бобра тамъ не замѣчали. Однако же *Петри* ⁴⁾ показываетъ, въ началѣ XIX-го вѣка, что бобръ въ Эстляндіи попадался, хотя и не въ большомъ числѣ.

Нѣсколько лучше мы освѣдомлены о прежнемъ существованіи бобра въ Лифляндіи. Къ концу XVIII-го столѣтія *Фишеръ* ⁵⁾ сообщилъ объ этомъ слѣдующее: „Въ прежнее время находили у насъ бобровъ довольно часто; съ нѣкотораго времени однако же они стали довольно рѣдкими; они попадаютъ кое-гдѣ по рѣчкамъ, напримѣръ подъ Пудеркиюлемъ въ Руенскомъ приходѣ (Вольмарскаго уѣзда),

¹⁾ Graf C. G. Sievers. „Ein normännisches Schiffsgrab bei Ronneburg und die Ausgrabung des Rinnehügels am Burtneek-See (Livland)“; въ: Zeitschrift f. Ethnologie, Bd 7, 1875; Verhandl. d. Berlin. Gesellschaft f. Anthropol., Ethnol. u. Urgeschichte, S. 214—223. (О бобрѣ на стр. 219).¹

²⁾ R. Virchow. „Archäologische Reise nach Livland“. Ibidem, Bd. 9, 1877, Verhandl. d. Berl. Ges. f. Anthropol., etc., S 365—435. (О бобрѣ, главнѣйше на стр. 408—410).

³⁾ E. W. Drümpelmann und W. Chr. Fricke. Getreue Abbildungen und naturhistorische Beschreibung des Thierreichs aus den nördlichen Provinzen Russlands, vorzüglich Liefland, Ehstland und Kurland betreffend. Hft. 1 (Riga, 1806), S. 9—10.

⁴⁾ J. Chr. Petri. Ehstland und die Ehsten. (Gotha. 1802); Th. 1, S. 105—106.

⁵⁾ J. B. Fischer. Versuch einer Naturgeschichte von Livland. (Leipzig. 1778), S. 59.—Изд. 2-ое (Königsberg, 1791), S. 153—154.—Я цитирую по второму изданію.

и тамъ же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руенскаго ручья (Rujenbach), а также въ Систегальскомъ приходѣ (Рижскаго) и въ Лудескомъ (Валескаго уѣзда)... Весною 1724 года ¹⁾ было замѣчено, что бобры сооружали необыкновенно высокія плотины и опасались очень высокой воды; однако же прибыль въ рѣкахъ не была необычайна“.

Нѣсколько позже (въ 1806 году) *Дрютельманъ* сообщаетъ слѣдующее о бобрѣ въ Лифляндіи: „Хотя это достопримѣчательное животное не понадается здѣсь часто, однако же оно и не принадлежитъ къ большимъ рѣдкостямъ, встрѣчаясь во многихъ рѣкахъ, текущихъ среди лѣса или обросшихъ густымъ кустарникомъ. Такъ бобръ понадается въ рѣкахъ Аа, Педдець, Эвстъ, Оггеръ и Сались, равно и въ нѣкоторыхъ другихъ рѣчкахъ“. Послѣдній бобръ въ Рижскомъ округѣ былъ убитъ въ 1803 году. Далѣе *Дрютельманъ* замѣчаетъ: „У нашихъ бобровъ отсутствуютъ художественныя истинныя, выражающіяся въ постройкѣ плотинъ и хижинъ ²⁾. Они живутъ въ порахъ, входъ къ которымъ находится со стороны воды. Но и здѣсь, какъ говорятъ, они выкапываютъ мхомъ стѣны нѣкоторыхъ норъ, а полъ застилаютъ листвою“. Утверждаютъ, что бобры попадались въ прежнее время очень часто въ Лифляндской губ. или Трейдернъ-Аа, въ особенности между Венденомъ и Адзелемъ ³⁾. *Миддендорфъ* ⁴⁾ замѣчаетъ, что въ началѣ XIX-го столѣтія проживали еще бобры между Феллиномъ и Перновомъ, а также въ рѣкахъ Эвстъ и Огеръ, и даже въ рѣчной системѣ Эмбаха.

Мы обязаны Оск. фонъ *Левису* ⁵⁾ интересными подробностями о послѣднихъ дняхъ бобра въ Лифляндіи. Онъ сперва указываетъ на

¹⁾ Опечатка, во 2-мъ изданіи значитса: 1784 г.

²⁾ Однако же въ началѣ XVIII-го столѣтія бобры сооружали плотины, какъ о томъ сообщено выше, по свидѣтельству *Финсера*. Несомнѣнно, что они, въ прекнія времена, строили и хижины.—Въ виду того, что такая перемена въ обычаяхъ этого животнаго произошла, подъ влияніемъ преслѣдованій со стороны человека, было бы очень интересно прослѣдить увеличеніе народонаселенія въ Лифляндіи въ теченіе XVIII-го столѣтія, а также постепенное уменьшеніе количества бобровъ въ тотъ же періодъ времени.

³⁾ *Штукенбергъ* указываетъ на это въ энциклопедическомъ Лексиконѣ (*Плюшара*), т. 1, 1835 г., подъ статью Аа.

⁴⁾ *Sibirische Reise*; т. 4, стр. 854, въ 1-ой выноскѣ.

⁵⁾ *Oskar von Loewis*. „Das Aussterben des Bibers in Livland“. (*Der Zoologische Garten*, 1878, S. 353—357). — Сл. еще того же автора статью: „Die wildlebenden baltischen Säugthiere“; въ *Baltische Monatsschrift*, 1885, Bd. 32 (О бобрѣ на стр. 287 — 291).

то, что бобры когда-то не представляли рѣдкаго явленія въ нѣсколькихъ рѣчныхъ системахъ этой области, на средней Аа они попадались даже въ довольно большомъ количествѣ. Такъ они водились, около середины XVIII столѣтія, на сѣверѣ Лифляндіи на р. Перновѣ и ея притокахъ, въ меньшемъ числѣ на Эмбахѣ, въ центральной Лифляндіи, — въ особенности на рѣкахъ Аа, Седде и Сались, а въ южной ея части—на западной Двинѣ и ея притокахъ: Огерѣ, Персе, Эвстѣ, Педдецѣ и др. — На сколько бобръ былъ извѣстенъ или, такъ сказать, популяренъ въ южной половинѣ Лифляндіи, на это указываетъ большое количество названій населенныхъ мѣстъ и урочищъ, производящихся отъ латышскаго и нѣмецкаго названія бобра ¹⁾; такъ, напр., имѣнія *Bebberbeck* и *Bewershof*; далѣе — *beber-birse* (бобровый березнякъ), *beber-uppe* (бобровый ручей), *beber-kalns* (бобровый холмъ), и пр. Между латышами нерѣдко встрѣчаются прозванія *Bebris* или *Beber*.

Аптека въ г. Феллинѣ, еще въ концѣ XVIII столѣтія, получала бобровую струю отъ крестьянъ, жившихъ на р. Седде, въ Руенскомъ приходѣ; а до 1830 года также изъ г. Валка, куда струя доставлялась съ береговъ р. Аа, изъ Лудескаго и Трикатенскаго приходовъ. Развѣдыванія г-на *Левиса* привели его къ заключенію, что, начиная съ 1818 года, бобръ въ предѣлахъ Лифляндіи водился только еще по среднему теченію р. Аа. Здѣсь, какъ замѣчаетъ авторъ, мѣстныя условія особенно благоприятствовали продолженію существованія бобровъ: рѣка Аа, образуя къ сѣверу большую дугу, на 50 верстѣ, протекаетъ чрезъ густо-лѣсистую и пустынную мѣстность. Многіе старики сообщали г-ну *Левису*, что они сами охотились на бобровъ, которые, въ началѣ XIX столѣтія, попадались довольно часто въ указанной мѣстности.

Несвѣдѣнные крестьяне, еще въ 1818 году, продавали бобровую струю аптекѣ въ г. Валкѣ за баснословно низкую цѣну. Но вскорѣ обстоятельства сильно измѣнились. Аптеки городовъ Дерпта, Вольмара и Феллина обратились въ г. Валкъ съ заказами струи по значительно увеличеннымъ цѣнамъ. Вслѣдствіе этого, многочисленные браконьеры

¹⁾ Гораздо раньше Андр. *Левисъ* обратилъ вниманіе на это обстоятельство, въ своей интересной книгѣ о прежнемъ распространеніи дуба въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Онъ совершенно правильно замѣтилъ, что такіа названія мѣстъ указываютъ безотшибочно на прежнее присутствіе бобра. См. *Andr. v. Lewisa. Ueber die ehemalige Verbreitung der Eichen in Liv-und Ehstland.* (Dorpat, 1824); на стр. 241-ой.

занились вылавливаніемъ и убіеніемъ бобровъ. Кто только успѣлъ запасться капканомъ или ружьемъ, отправлялся, съ этою цѣлью, на берега рѣки Аа. Еще нынѣ можно встрѣтить кое-гдѣ въ чуланахъ заржавѣлые бобровые капканы. По словамъ г. *Левиса*, трудно понять, какъ никакое начальство не вмѣшалось въ такое безчинство и не остановило этого безразсуднаго и роковаго избіенія бобровъ. Слѣдствіемъ такого низкаго корыстолюбія и безпримѣрной безпорядочности было то, что, въ теченіе 12 лѣтъ, были безпощадно истреблены и эти послѣдніе въ Лифляндіи бобры.—Аптекарь *Рюккеръ*, въ Валкѣ, послѣ двухгодоваго промежутка, получилъ въ 1832 году послѣднія пары железокъ съ бобровою струею, имѣвшихъ вѣсъ по 22 лота ¹⁾; онѣ были пріобрѣтены отъ ямщика на почтовой станціи Штаккольтъ, который, въ томъ же году, словилъ бобровъ въ капканѣ. Эти бобры считались, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣдними представителями этой обреченной на гибель породы. Однако же осенью 1840 г., къ востоку отъ Валка, около имѣнія Нейгофа, по верхнему теченію р. Аа, былъ замѣченъ и тщетно преслѣдуемъ одиночный бобръ, который убѣжалъ отъ преслѣдованій вверхъ по рѣкѣ. Этотъ экземпляръ, въ слѣдующемъ 1841 году, былъ убитъ лѣсничимъ *Нептертомъ*, въ предѣлахъ казеннаго имѣнія Аагофъ ²⁾. Къ этому г. *Левисъ* прибавляетъ: „Этотъ бобръ былъ дѣйствительно послѣдній своего рода, ибо съ тѣхъ поръ установлено съ полною достовѣрностью, что послѣ означеннаго времени это животное уже не было наблюдаемо нигдѣ въ Лифляндіи“ ³⁾.

Въ заключеніе своей статьи г. *Левисъ* высказываетъ нѣкоторыя соображенія о причинахъ исчезновенія бобра изъ Лифляндіи. „Изъ торговыхъ книгъ и счетовъ аптеки внимательный наблюдатель могъ бы, въ началѣ XIX столѣтія, по цѣнамъ за бобровую струю доказать постепенное уменьшеніе числа бобровъ и предсказать ихъ близкое вымирание ⁴⁾. Въ Феллинѣ платили за унцію струи, при быстро уменьшавшемся количествѣ ея, слѣдующія цѣны:

¹⁾ За лоть пришлось уже заплатить по 15 руб. ассигн., между тѣмъ какъ въ 1818 году онъ стоилъ лишь 1 руб. ассигн.

²⁾ Совершенно такъ же, но гораздо короче, рассказана *Миддсдорфомъ* участь этого „послѣдняго“ лифляндскаго бобра.

³⁾ Мы увидимъ, что такое заключеніе является нѣсколько поспѣшнымъ.

⁴⁾ Если, благодаря рѣдкѣю бобра, струя его сильно подымалась въ цѣнѣ, то это повмненіе цѣны, съ своей стороны, опять вліяло на болѣе интенсивное преслѣдованіе животнаго.

въ 1776 г. — 60 к.	въ 1804 г. 4 р. 33 к.
„ 1777 г. 1 р. 80 к.	„ 1805 г. 5 р. 50 к.
„ 1801 г. 3 р. —	„ 1807 г. 5 р. 71 к.
„ 1802 г. 3 р. 75 к.	„ 1830 г. 14 р. —

пока, наконецъ, унція иностранной и сибирской струи продавалась за 40 руб. Высокія цѣны эти, однако же, вслѣдствіе уменьшавшагося спроса на струю и употребленія ея, постепенно опять падали, такъ что въ 1876 году платили за унцію не болѣе 12 рублей.—Лифляндскіе бобровые мѣха цѣнились не высоко и употреблялись почти только для выдѣлки шляпъ, — можетъ быть потому, что бобры убивались почти только лѣтомъ, между тѣмъ какъ мѣхъ становился лишь зимою особенно добротнымъ. Мясо, по предрасудку, совершенно презиралось и устранялось, какъ негодное въ пищу ¹⁾. Слѣдовательно, ни мѣхъ, ни мясо бобра не могли быть виновными въ истребленія его, единственною причиною котораго слѣдуетъ признать баснословно быстрое поднятіе цѣнъ на бобровую струю, считавшуюся, въ свое время, такимъ лѣкарствомъ, безъ котораго нельзя было обойтись. Если бы струя, нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе, была замѣнена пшнѣ примѣняемыми медикаментами ²⁾, то мы, можетъ быть, и теперь еще обладали бы достопримѣчательнымъ бобромъ, какъ осѣдлымъ жителемъ Лифляндіи, хотя-бы въ узкихъ предѣлахъ, и огражденнымъ отъ вымиранія строгими охотничьими законами и интересомъ образованныхъ помѣщиковъ“.

Профессору Эд. Грубе ³⁾ сообщалъ въ 1848 году, что иногда на лифляндской Ав и на западной Двинѣ показывается парочка бобровъ. Имъ не приводится источникъ, откуда почерпнуто это свѣдѣніе, а также не говорится, къ которому времени оно относится. Что касается береговъ западной Двины, то очень можетъ быть, что бобры существовали тамъ еще въ 1848 году, если сопоставить это свѣдѣніе

¹⁾ *Истори* однако же замѣтилъ слѣдующее (въ привед. мѣстѣ), въ 1803 году: „Мясо бобровъ идетъ въ пищу и, какъ говорятъ, очень вкусно; хвостъ и языкъ, въ особенности, почитается лакомымъ кушаньемъ“. Спрашивается, относилось ли это замѣчаніе къ Эстляндіи, или же вообще къ употребленію въ пищу боброваго мяса. Последнее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. — Мы увидимъ, что литовцы, по крайней мѣрѣ, въ прежнее время, охотно сѣдали это мясо.

²⁾ Нельзя не обратить вниманія на то, что сильное вздорожаніе бобровой струи должно было явственно дать поводъ къ замѣнѣ ея другими медикаментами.

³⁾ Ed. Grube. Über Vernichtung und Erhaltung in der Thierwelt. (Dorpat, 1848); S. 12.

съ ниже-сообщаемымъ показаніемъ о появленіи бобровъ около Якобштата. Относительно же рѣки Аа казалось бы необходимымъ отнести означенное свѣдѣніе къ болѣе раннему времени, — если вѣрить безусловно выше-приведенному, весьма опредѣленному показанію *Лѣвиса* о томъ, что бобръ исчезъ съ береговъ р. Аа въ 1841 году. Но въ томъ-то и дѣло, что показаніе это, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, оказывается ошибочнымъ. По сообщенію *Шведера* ¹⁾, который основывается на показаніи консерватора *Штолля* (F. Stoll), еще въ 1871 (или 1873) году, былъ убитъ одинъ бобръ, державшійся въ р. Раузе (притокъ лифляндской Аа), между Смилтенемъ и Раузенгофомъ. Слѣдовательно, бобры продержались въ Лифляндіи еще цѣлыхъ 30 лѣтъ долѣе, чѣмъ было общепринято. Но трудно объяснить, благодаря какимъ мѣстнымъ условіямъ, они успѣли остаться такъ долго незамѣченными. Нынѣ же слѣдуетъ полагать, что бобръ окончательно вымеръ въ Лифляндіи.

Что касается Курляндіи, то нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы прослѣдить, съ нѣкоторою точностью, постепенное вымирание въ ней бобра. По замѣчанію *Дрютельмана* (въ привед. мѣстѣ), относящемуся къ началу XIX-го столѣтія, бобры прежде встрѣчались чаще въ Эссернскихъ и Дондангенскихъ лѣсахъ (на самомъ сѣверѣ Курляндіи). Изображенный у *Дрютельмана* бобръ былъ убитъ, въ 1805 году, подъ Гольмгофомъ, въ Митавской (Курляндской) Аа; по увѣренію охотника, тамъ было нѣсколько бобровъ, которые, послѣ выстрѣла, укрылись въ водѣ и больше не появлялись. Изъ того же времени (1805 г.) сохранилась приложенная къ лѣсному уставу такса за дичь, по которой бобръ оцѣненъ въ 3 руб. 20 коп. Въ сравненіи съ вышеприведенными цѣнами за бобровую струю, означенная такса, касающаяся цѣльнаго бобра, является весьма низкою, и можно, на основаніи ея, предположить, что въ то время водилось еще много бобровъ въ Курляндіи. Но уже въ 1838 году пасторъ *Бюттнеръ* ²⁾ жалуется на то, что бобръ въ Курляндіи совершенно истребленъ, и что надъ его увѣщаніями приручить это животное съ цѣлью извлечения изъ него большей пользы только смѣялись и издѣвались. Боль-

¹⁾ G. Schweder. „Die Baltischen Wirbelthiere nach ihren Merkmalen“. (Arbeiten d. Naturforscher-Vereins zu Riga, Neue Folge, Bd. 10, Hft. 1, 1901); на стр. 95-ой.

²⁾ J. G. Büttner. „Zoologische Bemerkungen“. (Oken's „Isis“, 1838, Sp. 367).—*Листенштейнъ*, въ 1829 году, приводитъ бобра между животными Курляндіи. См. Dr. Lichtenstein. „Animalia Curoniae“, въ Bulletin de Moscou, 1829, p. 289.

шею частію бобры жили тамъ только въ норахъ; однако же кое-гдѣ они строили и хижины. Они водились не только по берегамъ рѣкъ, но и въ болотахъ, и питались главнѣйше ивовымъ кустарникомъ.— Въ краткой рукописной замѣткѣ неизвѣстнаго автора объ охотничьихъ звѣряхъ Курляндіи (находящейся въ матеріалахъ академика *Брандта*) значится, что послѣдній бобръ въ Курляндіи былъ убитъ въ 1829 году, въ Дубенскомъ казенномъ лѣсу.—А потому весьма неожиданнымъ является сообщеніе *Брандтомъ* ¹⁾ показаніе, что послѣдніе два бобра въ Курляндіи были убиты, въ 1855 году, близъ Якобштата, на западной Двинѣ. Въ случаѣ основательности этого показанія, можно догадываться, что эти бобры,—какъ это случается и нынѣ на Днѣпрѣ,—во время ледохода или въ половодье, были снесены внизъ по рѣкѣ; въ такомъ случаѣ они, вѣроятно, происходили изъ Виленской губерніи, гдѣ, какъ мы увидимъ, бобры существовали, повидимому, еще въ 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія,—между прочимъ и по притокамъ западной Двины, въ которую они такимъ образомъ могли легко попасть.

2. Въ Царствѣ Польскомъ и въ западной Россіи.

Весьма любопытными географическими данными о нахожденіи бобра въ древней Польшѣ (со включеніемъ нашихъ западныхъ губерній), въ началѣ XVIII-го столѣтія, мы обязаны монаху *Гаев. Ржончинскому* ²⁾, который издалъ два сочиненія о естественной исторіи королевства Польскаго. Въ своей *Historia naturalis Poloniae* онъ замѣчаетъ между прочимъ слѣдующее. Бобры ловятся по Вислѣ и другимъ рѣкамъ Польши, Волини, Россіи, Мазовіи и Пруссіи, но въ маломъ числѣ; болѣе многочисленныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе добротныя живутъ въ рѣкахъ Литвы, какъ-то: въ Бобрыкѣ, Лани, Вѣткѣ, Нѣманѣ и др. Въ Литовскомъ Полѣсьѣ ими обитаются рѣки: Пина, Ясольда, Котржа, Припеть; въ „Польскомъ Полѣсьѣ“ (т. е. по правую сторону отъ Припети)—рѣки Славечна, Норынекъ и др. Въ другомъ со-

¹⁾ *J. F. Brandt und J. N. Woldrich*. „Diluviale europäisch-nordasiatische Säugethierfauna und ihre Beziehungen zum Menschen“. (Mémoires de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Pétorsbourg, VII-e série, T. XXXV, № 10, 1887); S. 84.—Въ рукописныхъ матеріалахъ *Брандта* значится, что это показаніе было ему сообщено г-номъ *Лане*.

²⁾ *Gabr. Rzączyński*: 1) *Historia naturalis curiosa regni Poloniae*. (Sandomiriae, 1721); p. 215—216.—2) *Auctuarium historiae naturalis curiosae regni Poloniae*. (Gedani, 1736); p. 306—308.

чиненіи того же автора („Auctuarium“, etc.) называются слѣдующія рѣки въ „Польскомъ Полѣсѣ“, въ которыхъ водились бобры: Тетеревъ, Уша (очевидно Ушгъ), Жеревъ, Каменка, Норынъ, Ирша, Бобръ, Жидъ, Чартовецъ, Глинная, Уборть, Корчикъ и др. ¹⁾ Авторъ замѣчаетъ, что по берегамъ всѣхъ этихъ рѣкъ бобры строятъ хижинны. Лучшіе бобры ловятся близъ Гродно и Слуцка, а также въ другихъ мѣстахъ, въ небольшихъ рѣкахъ ²⁾. Говорится также о совершенно бѣлыхъ экземплярахъ, пойманныхъ въ Волини, около Овруча и Новоградъ-Волинска.—Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ рѣкахъ, названныхъ *Рисончинскимъ*, бобры водились до новѣйшаго времени, такъ, напримѣръ, въ Припети, Пингъ, Лани, Славечигъ, Тетеревъ и Уборти.

А. Въ Царствѣ Польскомъ.

¹⁾ Изъ Привислянскихъ губерній мнѣ извѣстно очень мало достовѣрныхъ показаній о прежнемъ и нынѣшнемъ нахожденіи бобра. Между ископаемыми остатками звѣрей, найденными въ Ойцовскихъ пещерахъ (въ юго-западномъ углу Царства) находятся и нѣкоторые остатки бобровъ, открытые тамъ, вмѣстѣ съ остатками мамонта, лося, сѣвернаго и благороднаго оленя, дикой лошади, кабана, пещернаго и обыкновеннаго медвѣдя, барсука, волка, лисицы, песка и др. Повидимому, остатки бобра попадаютъ тамъ довольно рѣдко, такъ какъ я нашелъ ихъ упомянутыми только у *Оссовскаго* ³⁾, между тѣмъ какъ *Ремеръ* ⁴⁾, *Кохъ* ⁵⁾ и другіе о нихъ не упоминаютъ.

²⁾ Считаю не лишнимъ прибавить здѣсь два слова о теченіи тѣхъ изъ вышепоименованныхъ рѣкъ, которыя мнѣ удалось отыскать на картахъ (кроме общезнаемыхъ рѣкъ: Нѣмана, Припети и Тетерева). Лань, Бобрыкъ, Пина и Ясольда—лѣвые, а Уборть, Славечна и Ушгъ—правые притоки Припети; Жеревъ—лѣвый притокъ Уша; Уша — лѣвый притокъ Тетерева; небольшая рѣка Жидъ впадаетъ въ Днѣпръ, нѣсколько ниже устья Тетерева.

³⁾ Привожу оригинальный текстъ этого мѣста: „Ad ripas fluviorum Polesiae Poloniae, Teteres, Usza, Zerew, Kamionka, Noryn, Irsza, Bobr, Zyd, Czartowiec, Hlinna, Uborc, Korczyk, etc. ad proluvies seu Stagna Prypec. Castores: exstruunt sibi domicilia, singulari industria. Si autem alicubi rivi minus profundi fluunt, ut attollant aquas, objectamenta ex arboribus succisis, dentium ope, struunt... Praestantes circa Grodnam, Sluckum, alibi capiuntur, in minoribus fluviis“.

⁴⁾ *G. Ossowski*. „Sprawozdanie z badań paleo-etnologicznych w jaskiniach okolic Ojcowa, dokonanych w r. 1883“. (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, T. 8 (1884), p. 75.

⁵⁾ *Ferd. Römer*. „Die Knochenhöhlen von Ojcow in Polen“. (Palaeontographica, Bd. 29, 1882—83, p. 193—233).

⁶⁾ *Albin Kohn*. „Zur Prähistorie Polens“. (Globus, Bd. 29, 1876, p. 69—73).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что бобръ когда-то былъ распространенъ по всему Царству Польскому, которое представляло благоприятѣйшія условія для его пребыванія; не только страна эта отлично обводнена, благодаря Вислѣ, съ ея многочисленными притоками, но, въ прежнее время, она была также покрыта дремучими лѣсами. Къ тому же Польша окружена со всѣхъ сторонъ странами, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ прежнее время, водились бобры. Такъ они, въ XVIII столѣтіи, жили въ восточной Пруссіи, въ рѣкахъ Прегель и Тимберъ (между Лабіау и Тильзитомъ) ¹⁾. Въ Западной Пруссіи они продержались до конца XVIII вѣка ²⁾. Въ Помераніи бобры искоренены къ концу царствованія Фридриха Великаго († въ 1786 г.). Последніе экземпляры упоминаются изъ плавень р. Одера (Oderbruch), между Штеттиномъ и Грейфенгагеномъ ³⁾. О тамошнемъ его присутствіи напоминаютъ названія мѣстъ: *Bewerdiick*, *Bewersdorf*, *Bewernberg*, и пр.; сюда же относится названіе рѣки *Боберъ*, впадающей слѣва въ Одеръ (Выдру), около Кроссена. Изъ Познани и Силезіи у меня случайно нѣтъ подъ рукою свидѣтельствъ о прежнемъ пребываніи бобра, который тамъ, безъ сомнѣнія, не отсутствовалъ. Въ Галиціи бобръ также водился, а, можетъ быть, и теперь еще водится ⁴⁾. Наконецъ, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, какъ мы увидимъ, грызунъ этотъ когда-то былъ далеко распространенъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ понадается еще нынѣ нерѣдко.

Старинные польскіе писатели, какъ напримѣръ, *Млхозъ* ⁵⁾, въ описаніяхъ странъ и путешествій, упоминаютъ лишь вскользь о суще-

¹⁾ См. объ этомъ: „Ausführliche Relationes von denen Bibern“, etc. (Supplementum I. Curieuse u. nutzbarer Anmerkungen von Natur-und Kunst-Geschichten; Budissin, 1726; S. 96—97).

²⁾ См. *P. Dahms*. „Der Biber in Westpreussen“. (D. Zoolog. Garten, Jahrg. 41. 1900, S. 87—93, 103—112, 214—215).

³⁾ Ср. 1) *Th. Schmidt*. Zur naturgeschichtlichen Statistik der in Pommern ausgerotteten Säugethiere. (Stettin, 1856).—2) *J. Münster*. „Über subfossile Wirbelthier-Fragmente von theils ausgerotteten, theils ausgestorbenen Thieren Pommerns“. (Mitth. aus d. naturwiss. Vereine von Neu-Vorpommern u. Rügen, Jahrg. 4, 1872, S. 1—44).

⁴⁾ Ср.: *R. F. Temple* и *Hölzl*, въ: Verhandl. d. zool.-botan. Ges. in Wien, 1861, Sitzungsber., S. 16—17 und 96—98; а также: *Aug. Mojsisovics von Mojsvár*. Das Thierleben der österreichisch-ungarischen Tiefebene. (Wien, 1897); S. 201—202.

⁵⁾ *Matthias de Miechow*. Chronica Polonorum a prima propagatione et ortu Polonorum usque ad annum Christi MDI. Въ знаменитомъ сочиненіи того же автора: *Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana, et de contentis in eis* (Cracoviae, 1517),—нигдѣ не удалось найти свѣдѣнія о бобрѣ.

ствованіи бобра въ Польшѣ. Въ польскихъ зоологіяхъ XVIII и начала XIX столѣтія говорится о бобрѣ какъ о животномъ, нерѣдко попадающемся въ Привислянскихъ губерніяхъ. Такъ, напримѣръ, *Кюнкъ* ¹⁾ замѣчаетъ, что бобръ попадаетъ во многихъ мѣстахъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Литвѣ. У *Юндзилья* ²⁾ вовсе не имѣется точнѣйшихъ указаній на мѣста нахожденія бобра. *Ладовскій* ³⁾, писавшій въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія, говоритъ, что бобры водятся въ большомъ количествѣ по Вислѣ и по Бугу. По показанію *Г. Пуша* ⁴⁾, бобры, съ XIII по XVI столѣтіе, попадались въ Польшѣ очень часто, въ особенности по р. Нареву и по нижнему теченію р. Ниды (лѣваго притока Вислы, въ Кѣлецкой губерніи), близъ мѣстечка Вислицы, гдѣ встарину были обширныя болота.

Бельке ⁵⁾, сообщивъ, по *Рожончинскому*, о прежнемъ нахожденіи бобра въ Польшѣ, уже вовсе не говоритъ о присутствіи его въ 1848 году въ Царствѣ Польскомъ, а касается одной Литвы. *К. Пиетрускій* ⁶⁾ свидѣтельствуетъ, въ 1846 году, о весьма быстрой убыли бобровъ въ Привислянскихъ губерніяхъ, гдѣ они въ то время встрѣчались, въ небольшомъ количествѣ, только по берегамъ Буга и Висны. Въ теченіе двадцати лѣтъ (съ 1822 по 1842 г.), сколько ему извѣстно, было убито только 7 экземпляровъ; а именно, по одному бобру, въ

¹⁾ *Krzysz. Kwik. Zwierząt domowych i dzikich osobliwie krajowych, historyi naturalnej początki i gospodarstwo.* (Ed. 2, Warszawa, 1823), T. 1, p. 369.

²⁾ *B. S. Jundzill. Zoologia krótko zebrana.* (4-e wyd., w Wilnie, 1829).

³⁾ *Ładowski. Historia Naturalna królestwa Polskiego.* (Krakow, 1783), p. 12.

⁴⁾ *G. G. Pusch. „Neue Beiträge zur Erläuterung und endlichen Erledigung der Streitfrage über Tur und Zubr. (Urus und Bison);“* въ: *Archiv für Naturgeschichte*, 1840; на стр. 115—116.

⁵⁾ *Gust. Belke. Mastologia czyli historia naturalna zwierząt ssących.* T. 2 (Wilno, 1848); p. 484.

⁶⁾ *Stan. Konst. Siemuszowa-Pietruski. „Wiadomość o Bobrach polskich.“* (Przegląd naukowy, 1846, t. 18, p. 453—457); и то же на нѣмецкомъ языкѣ: „Über den polnischen Biber.“ (Archiv f. Naturgeschichte, 1846, S. 186—189). Отсюда, во французскомъ извлеченіи, въ *Archives d. sc. phys. et natur.*, 1846, p. 434; и, наконецъ, въ *Froriep's „Neue Notizen“*, 1846, Bd. 40, Sp. 248. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ авторъ названъ *Stanislas Constant* (т. е. имя, а не фамилія автора). Непонятно, какъ *Миддендорфъ* (*Sibir. Reise*, Bd. IV, S. 853, въ 3-ей выноскѣ) могъ повторить такую глупую ошибку.—См. также того же автора: *Historija naturalna zwierząt ssących dzikich Galicyjskich.* (Lwow, 1853); p. 84—86.

⁷⁾ Съ береговъ Нарева бобръ извѣстенъ съ древнихъ временъ. Въ г. Пултускѣ, лежащемъ при этой рѣкѣ, въ XIV и XV столѣтіяхъ, существовалъ особый звѣринецъ устроенный для бобровъ.

1822, 1823, 1825 и 1826 г., при стеченіи Нарева ¹⁾ съ Бугомъ, близъ г. Сѣропка, въ мѣстности, поросшей дубовымъ лѣсомъ; въ 1830 году одинъ экземпляръ, вѣроятно, бѣжавшій изъ Польши, былъ наблюдаемъ въ р. Ногатъ (близъ Эльбинга); и, наконецъ, въ 1842 г., два бобра показались въ Вислѣ, близъ Варшавы ²⁾. По показанію *Валецкаго* ³⁾, въ 1851 году замѣтили одного бобра на островѣ въ Вислѣ, близъ Пулавъ. Можетъ быть, это былъ тотъ же самый экземпляръ, который въ томъ же году былъ замѣченъ, также на островѣ Вислы, противъ Новой Александріи; по мнѣнію сообщившаго это свѣдѣніе, это былъ послѣдній бобръ, убитый въ Привислянскихъ губерніяхъ ⁴⁾. Однако же, такое предположеніе неосновательно, судя по сообщенію *Сьмирадзкаго* ⁵⁾, согласно которому, единственною мѣстностью, гдѣ бобры водились еще въ концѣ 70-хъ годовъ XIX столѣтія, было выше упомянутое мѣсто слиянія Нарева съ Бугомъ. Тамошніе охотники рассказывали ему, что они видѣли, какъ во время ледохода бобры, вытѣспенные изъ своихъ норъ, вслѣдствіе половодья, искали убѣжище на льдинахъ, на которыхъ они плыли внизъ по рѣкѣ. Новѣйшее свѣдѣніе о бобрахъ въ Польшѣ г. *Сьмирадзкій* получилъ отъ графа *Староженскаго*, которому, въ 1877 году, былъ принесенъ живьемъ молодой бобръ, пойманный на берегу Нарева.

Существуетъ ли бобръ въ Царствѣ Польскомъ еще въ настоящее время,—объ этомъ у меня подъ рукою нѣтъ данныхъ; но я признаю это весьма невѣроятнымъ.

Ф. Кеннеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Можетъ быть, это тѣ же самыя экземпляры, которые по показанію *Птукне-бена* (*Hydrographie des Russ. Reichs*, Bd. I, S. 124), въ 1841 г. были замѣчены въ Вислѣ.

²⁾ *Ant. Walecki*. „Przegląd zwierząt ssących krajowych“. (Biblioteka Warszawska, 1866, T. 2, p. 454).—*Г. Валецкій* замѣчаетъ, что нѣсколько помѣщиковъ ему сообщили о присутствіи бобровъ въ ихъ имѣніяхъ; но что рассказы эти всегда были сопровождаемы невѣроятными показаніями о зодчествѣ бобровъ, вслѣдствіе чего онъ ихъ оставилъ безъ вниманія. (См. ниже).

³⁾ Матеріалы для статистическаго описанія Радомской губ. (1881 г.); стр. 171.

⁴⁾ *Jos. Slemiradzki*. „Über Biber im westlichen Russland und in den Ostseeprovinzen“; въ: *Sitzungsberichte der Dorpater Naturf.-Ges.* (vom 15. März 1879).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Л. Дамма. Государственное право Швеции. Томъ первый. Часть историческая. 1901.

Въ нашей политической литературѣ почти вовсе не имѣется трудовъ, касающихся исторіи развитія государственнаго строя иностранныхъ государствъ. Нѣкоторое исключеніе представляетъ развѣ только Англія, государственный строй которой, благодаря его особенностямъ и, главнымъ образомъ, прочному историческому складу, привлекалъ вниманіе русскихъ ученыхъ. „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“ Градовскаго въ большей его части посвящено исторіи политическаго строя Англіи; выдающійся трудъ Р. Гнейста, „Исторія государственныхъ учреждений, Англіи“ переведенъ на русскій языкъ. Отдѣльные институты англійской государственной жизни отчасти разработаны русскими учеными, отчасти изслѣдованы иностранцами, труды которыхъ переведены на русскій языкъ. Исторія же государственныхъ учреждений другихъ государствъ остается въ нашей литературѣ почти не затронутой; между тѣмъ потребность въ такой разработкѣ заставляетъ чувствовать себя все болѣе, и болѣе и знакомство съ государственной исторіей Англіи оказывается уже недостаточнымъ, такъ какъ не можетъ удовлетворить потребности сравнительно-историческаго изученія. Въ настоящее время методъ сравнительнаго изученія получилъ всеобщее признаніе, такъ какъ онъ несомнѣнно можетъ вести къ весьма цѣннымъ научнымъ результатамъ. Но для того, чтобы государственная наука имѣла возможность пользоваться преимуществами этого метода въ должной полнотѣ, необходимо предварительное пользованіе методомъ историческимъ въ его чистомъ видѣ,

необходимо историческое изученіе государственнаго строя и отдѣльных государственныхъ институтовъ возможнаго большаго числа государствъ. Вотъ почему появленіе всякаго новаго труда по исторіи политическихъ учрежденій должно быть привѣтствовано, какъ весьма желательное и отрадное явленіе; вотъ почему и выходъ въ свѣтъ книги г. Дымши, заглавіе которой выше выписано, должно возбуждать справедливое вниманіе каждаго, интересующагося вопросами государственной науки.

Въ предисловіи къ своему труду г. Дымша даетъ намъ объясненія, какъ причины, заставившей его взяться за эту работу, такъ и самой цѣли ея. Помимо вообще недостатка сочиненій въ нашей литературѣ по исторіи государственнаго права Швеціи, взяться за эту не легкую работу заставили автора, съ одной стороны, самобытность и оригинальность шведскихъ государственныхъ учрежденій, съ другой, желаніе обратить на нихъ вниманіе русскаго общества, въ виду ихъ простоты, дешевизны, а равно и одинаковости, какъ у насъ на сѣверѣ, такъ и въ Швеціи, климатическихъ и другихъ условій.

Историко-догматическое изслѣдованіе возникновенія, развитія и современнаго состоянія государственныхъ учрежденій Швеціи составляетъ, по словамъ автора, цѣль и задачу его труда.

Вся исторія развитія государственнаго строя Швеціи дѣлится авторомъ на шесть періодовъ: 1) Первобытный общественный и политическій строй Швеціи до 1250 года послѣ Р. X. 2) Борьба за власть и торжество олигархическаго начала, съ 1250 по 1520 годъ. 3) Торжество монархическаго начала. Согласованіе королевской прерогативы съ правами сословій, съ 1520 по 1672 годъ. 4) Единодержавіе, съ 1672 по 1718 годъ. 5) Полновластіе сейма. Реакція, съ 1719 по 1809 годъ и 6) Органическое, прогрессивное преобразованіе государственныхъ учрежденій Швеціи, съ 1809 г. по настоящее время.

Останапливаясь на древнемъ періодѣ шведской государственной жизни, авторъ, на основаніи детальнаго изученія источниковъ и историческихъ трактатовъ Вейнгольда, Стрингольма, Гейера, Норденфлихта и нѣкоторыхъ другихъ, рисуетъ намъ картину первобытнаго заселенія Скандинавскаго полуострова, вліянію суровой природы, возникновеніе первичныхъ политическихъ организацій на вновь занятыхъ земляхъ, вліяніе христіанской вѣры на политическій и общественный строй и проч. Народы арійскаго племени свевы и готы, отгѣснивъ на сѣверъ первоначальныхъ обитателей финскаго происхожденія, основываютъ самостоятельныя поселенія, раздѣленные на церковныя об-

щины или сотни (hårad), съ стоящими во главѣ ихъ начальниками и народными собраніями; сотни объединялись въ общины большаго размѣра, гдѣ рѣшеніе общихъ дѣлъ и судоговореніе возлагалось на ландстинги—народныя собранія, въ составъ которыхъ входили всея носящія оружіе представители отъ гератовъ или сотенъ. Отдѣльныя племена объединялись въ союзы съ правителями и народными собраніями; правители или конунги выбирались народомъ первоначально изъ одного и того же рода, которому приписывалось божественное происхожденіе; потомки ихъ образуютъ со временемъ могущественную аристократію; въ рукахъ конунговъ первоначально сосредоточивается власть военная, судебная и религіозная. Авторъ характеризуетъ, далѣе, классовое устройство въ древней Швеціи, гдѣ различались крупныя поземельныя собственники, совокупность которыхъ представляла собою родовое и служилое дворянство, крестьяне разныхъ категорій, батраки, обрабатывавшіе чужія земли. Вліяніе въ мѣстномъ управленіи принадлежало крупнымъ земельнымъ собственникамъ. Такимъ образомъ за основу общественнаго и политическаго строя древней Швеціи авторъ беретъ тотъ моментъ, когда населеніе уже значительно дифференцировалось, когда въ немъ были уже на лицо тѣ общественныя классы, которые различались между собою какъ по характеру владѣнія, такъ и по степени власти. Въ этомъ отношеніи Швеція не представляла какого-либо исключенія, но характеризовалась тѣми же чертами, какъ и другія государства въ соответствующій періодъ.

Опредѣляя значеніе введенія христіанства въ Швеціи, авторъ, по видимому, болѣе склоняется къ тому, что вліяніе это было скорѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ. Христіанство, или лучше сказать, христіанское духовенство, пошатнуло коренныя самобытныя устои политической жизни, способствовало усиленію власти землевладѣльческой аристократіи, привило чуждыя Швеціи начала феодализма и привело даже къ застою въ проявленіяхъ умственнаго творчества шведскаго народа.

Хотя изученіе политическаго строя у каждаго народа въ первобытнѣйшій періодъ его жизни представляетъ несомнѣнныя затрудненія, все же, намъ думается, что авторъ, поставившій себѣ задачей изученіе этого строя въ Швеціи, могъ бы удѣлить нѣкоторое вниманіе вопросу о томъ, въ какихъ органахъ воплощалась государственная власть въ древній періодъ въ этой странѣ, принадлежала ли она народнымъ собраніямъ, или конунгамъ, или, наконецъ, извѣстнымъ образомъ комбинировалась изъ власти того и другаго фактора.

Второй, излагаемый авторомъ, періодъ шведской исторіи, средніе вѣка, въ общемъ представляетъ собою ту же картину борьбы социальныхъ элементовъ за политическое преобладаніе, какую мы встрѣчаемъ всюду въ европейскихъ государствахъ. Если авторъ и старается, по-видимому, провести мысль, что въ Швеціи не было феодализма, подобное заявленіе можетъ быть принято развѣ лишь въ томъ отношеніи, что здѣсь не развились съ такой отчетливостью, какъ въ другихъ странахъ, отношенія вассалитета, но послѣдній и не можетъ быть признанъ тѣмъ основнымъ началомъ, въ которому сводились всѣ отношенія между социальными элементами средневѣковой жизни; такимъ началомъ слѣдуетъ признать начало частно-владѣльческое, проявившееся въ разнообразныхъ формахъ—то въ формѣ феодализма и вассалитета, то въ видѣ системы удѣловъ, то, наконецъ, въ другихъ формахъ, трудно подводимыхъ подъ какія-либо общія категоріи; но въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, оно всюду представляло прямую противоположность началу публично-правовому. Частновладѣльческое начало въ средніе вѣка на столько же было господствующимъ въ Швеціи, на сколько и въ другихъ государствахъ. Идея монархической власти, въ теченіи многихъ вѣковъ постепенно реализовавшаяся, за разсматриваемый періодъ воплощалась въ неустойчивыхъ и мало определенныхъ формахъ; носители и выразители этой идеи въ Швеціи вступаютъ въ продолжительную и упорную борьбу съ представителями олигархическаго начала. Престолъ переходитъ отъ одного лица въ другому то путемъ выбора, то наслѣдованія, то, наконецъ, при помощи оружія; все зависитъ отъ взаимоотношеній между социальными группами; побѣда королевской власти надъ представителями крупнаго землевладѣнія была куплена здѣсь, по словамъ автора, болѣе дорогой цѣной, нежели въ другихъ европейскихъ государствахъ, и это объясняется тѣмъ, что королевская власть не нашла здѣсь поддержки со стороны городского сословія, такъ какъ этого послѣдняго въ данный періодъ въ Швеціи будто бы и совсѣмъ не было (стр. 54)—положеніе, съ которымъ нельзя согласиться и которое самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своей книги опровергаетъ, указывая на то, что представители городского населенія участвовали на сеймахъ. Въ общемъ, однако, характеристика средневѣковаго строя Швеціи сдѣлана авторомъ весьма рельефно и обстоятельно, картина борьбы между социальными элементами за политическое могущество нарисована мѣткими штрихами; авторъ не скупится на краски и для обрисовки положенія низшихъ классовъ населенія, въ особенности,

крестьянъ, которые въ Швеціи въ этотъ періодъ такъ же жестоко были угнетаемы дворянствомъ, какъ и въ другихъ государствахъ. Вся власть политическая, административная и судебная, какъ центральная, такъ и мѣстная, сосредоточивается за этотъ періодъ въ рукахъ магнатовъ; народные сеймы отходятъ въ область преданій; съ другой стороны, носители королевской власти являются простыми игрушками въ рукахъ тѣхъ же магнатовъ.

Давая намъ удачныя характеристики средневѣковаго строя шведскаго народа, авторъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что и Швеція, подобно другимъ странамъ, пережила продолжительную эпоху частновладѣльческаго произвола; вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается, хотя и помимо желанія автора, несостоятельность и предвзятость его основной мысли о самобытности и своеобразности шведскаго права и политическихъ учреждений. Мы, напротивъ, убѣждаемся, что въ основныхъ своихъ чертахъ средневѣковая исторія Швеціи ничѣмъ не отличается отъ исторіи другихъ европейскихъ государствъ того же времени. Впрочемъ, авторъ правъ по-стольку, по-скольку можно говорить о какихъ-либо чуждыхъ вліяніяхъ на ходъ шведской исторіи; такихъ вліяній не было или, во всякомъ случаѣ, они не оставляли сколько нибудь глубокихъ слѣдовъ на политическомъ строѣ Швеціи; въ этомъ отношеніи политическія учрежденія Швеціи самобытны и національны; но это нисколько не мѣшаетъ имъ раздѣлять судьбу такихъ же учреждений въ другихъ европейскихъ государствахъ; сходство учреждений и ихъ историческихъ трансформаций объясняется вовсе не заимствованіями или посторонними вліяніями, но одинаковостью условій, среди которыхъ они развиваются; въ особенности рѣзко это бросается въ глаза, когда мы знакомимся съ ранней исторіей народовъ. Какъ ни изолирована Швеція отъ другихъ государствъ, одни и тѣ же причины и здѣсь привели къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Военные походы и дружинное начало привели къ крупному землевладѣнію, послѣднее къ экономическому и политическому господству магнатовъ. Вотъ почему въ отношеніи средневѣковаго періода шведской исторіи несогласнымъ съ истиной и противорѣчащимъ многочисленнымъ заявленіямъ самого автора надо признать то его положеніе, что крестьянское населеніе въ Швеціи всегда было свободнымъ и участвовало въ сеймахъ на равнѣ съ другими сословіями. Если бы автору удалось это доказать, то дѣйствительно можно бы было съ нимъ согласиться, что политическая исторія Швеціи представляетъ собою нѣчто вполне

самобытное и своеобразное; къ сожалѣнію, такихъ доказательствъ въ книгѣ автора мы не находимъ.

Желая дать историко-догматическое изслѣдованіе, авторъ знакомитъ насъ съ законодательствомъ Швеціи за этотъ періодъ; такъ онъ указываетъ на законъ 1262 года о порядкѣ наслѣдованія, имѣвшій цѣлью ослабить наслѣдственную силу аристократическихъ родовъ; законъ о „всеобщемъ мирѣ“, имѣвшій задачей смягчить нравы и предупредить рѣзкія проявленія частнаго произвола и насилій, законъ 1285 года о тайныхъ обществахъ, воспрещавшій всѣ подобнаго рода общества, какъ преслѣдовавшія политическія цѣли; въ томъ же году издано постановленіе, воспрещавшее произвольные поборы, производимые путешествовавшими магнатами съ крестьянъ, и позволявшее послѣднимъ въ такихъ случаяхъ даже самооборону; статутами того же 1285 года было положено основаніе къ развитію служилаго дворянства, выше котораго продолжало, однако, стоять потомственное древнее дворянство. Въ 1295 году былъ изданъ сборникъ общихъ государственныхъ законовъ Швеціи, представлявшій собою первую кодификацію шведскаго обычнаго права и объединявшій нѣкоторые изъ ранѣе изданныхъ законовъ. Въ 1327 году подверглись пересмотру и исправленію древніе народные законы и нѣсколько позже было издано „земское уложеніе короля Магнуса“ и королевскій уставъ 1347 года; эти послѣдніе законы регламентировали юридическое положеніе королевской власти и представляли собою, въ сущности, юридическія ограниченія королевской власти, установленныя магнатами съ цѣлью сосредоточить всю политическую власть въ своихъ рукахъ. Въ 1442 году было издано новое церковное уложеніе, обезпечивавшее за духовенствомъ всѣ тѣ свѣтскія права и преимущества, которыя оно захватило въ теченіе смутъ и междоусобій. Около того же времени появилось новое изданіе земскаго уложенія, опредѣлявшее организацію „королевскаго суда“ и расширявшее нѣсколько права королевской власти. Таковы главнѣйшіе законодательные памятники, указываемые авторомъ. За исключеніемъ земскаго уложенія короля Магнуса, авторъ, въ отношеніи всѣхъ прочихъ перечисленныхъ законовъ, ограничивается краткими указаніями и вовсе не стремится установить какую-либо преемственную или, хотя бы логическую, связь между этими законами. Между тѣмъ все это законодательство чрезвычайно ясно отражаетъ на себѣ черты средневѣковой эпохи: характеръ издаваемыхъ законовъ вполне обуславливается тѣмъ, какая изъ соціальныхъ силъ въ данный моментъ времени получаетъ преобладающее значеніе;

если успѣхъ въ борьбѣ склонится на сторону единопольной королевской власти, то и издаваемые законы стремятся юридически упрочить это положеніе и создать условія, ограничивающія власть и могущество аристократіи; и, наоборотъ, во время возвышенія аристократіи издаются законы, упрочивающіе ея положеніе и ограничивающіе права и прерогативы единопольной королевской власти. Къ сожалѣнію, авторъ не достаточно обратилъ вниманія на эту тѣсную связь между законами и фактическими социальными отношеніями. Автору также можно поставить въ упрекъ недостаточное разъясненіе вопроса о самомъ процессѣ изданія законовъ, о вступленіи на престолъ, о примиреніи начала наслѣдственности съ началомъ избранія, о регентствѣ. Ознакомляясь съ трудомъ автора, читатель остается въ невѣдѣніи, какимъ порядкомъ и кто издавалъ законы, какую роль играло право наслѣдованія престола, если король выбирался на сеймахъ.

Вообще можно сказать, что авторъ, излагая средневѣковую исторію шведскаго государства, обращаетъ болѣе вниманія на внѣшній ходъ событій, нежели на ихъ внутренній смыслъ; его методъ историко-описательный; методы юридическій, историко-догматическій, а тѣмъ болѣе социологическій не находятъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ никакого примѣненія; въ особенности заставляетъ себя чувствовать отсутствіе синтетическихъ приѣмовъ.

Третій разсматриваемый авторомъ періодъ шведской исторіи обнимаетъ полтора столѣтія, съ 1520 года по 1672-й годъ. По мнѣнію автора, это періодъ торжества монархическаго начала и согласованія королевской прерогативы съ правами сословій. Придерживаясь установившейся терминологіи, мы могли бы назвать его періодомъ сословной монархіи, такъ какъ за это время не только значительно упрочивается идея монархической власти, но и организація сословныхъ сеймовъ приобрѣтаетъ для себя довольно устойчивыя юридическія основанія.

Не смотря на сравнительную непродолжительность этого періода, авторъ даетъ его характеристикѣ значительно болѣе мѣста, нежели то можно сказать относительно двухъ первыхъ періодовъ, посвящаетъ читателя въ многочисленныя детали политико-соціальныхъ и юридическихъ отношеній этого времени; обусловливается это, конечно, особымъ интересомъ даннаго историческаго момента и богатствомъ имѣвшихся въ рукахъ автора матеріаловъ.

Хотя и въ этой части своего труда авторъ держится принятаго имъ историко-описательнаго и хронологическаго метода, все же самый

матеріаль, надъ которымъ онъ здѣсь работаетъ, является уже въ значительной степени юридическимъ матеріаломъ: излагая организацию и функціи многочисленныхъ и разнообразныхъ шведскихъ государственныхъ учрежденій, онъ не ограничивается сообщеніями, содержащимися въ различныхъ историческихъ трудахъ, но подробно останавливается и на законодательныхъ памятникахъ. Вообще этотъ отдѣлъ разработанъ съ большимъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, хронологическій способъ изложенія вредно отражается на цѣлостности изложенія; авторъ излагаетъ событія, факты, законы и т. п. по царствованіямъ и даже по годамъ царствованій, такъ что послѣдовательно сообщается о предметахъ, не имѣющихъ между собою внутренней связи, и съ другой стороны, чтобы ознакомиться съ исторіей развитія какого-либо государственнаго органа или камоу-либо системы юридическихъ отношеній, приходится искусственно собирать разрозненные части изложенія въ одно цѣлое. Если, при историческомъ изложеніи матеріала, нельзя было избѣгнуть хронологической послѣдовательности, то можно было бы и не доводить ее до крайностей, ограничившись указаніемъ опредѣленнаго періода времени и излагая весь матеріаль въ этихъ хронологическихъ рамкахъ по опредѣленной научной системѣ.

Желая доказать, что за разсматриваемый періодъ времени королевская власть значительно возвышается надъ сословіями, хотя и не упраздняетъ еще ихъ политическаго значенія, авторъ приводитъ въ пользу этого много данныхъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что онъ высоко ставитъ значеніе личности въ исторіи и поднятіе престижа королевской власти приписываетъ въ весьма значительной мѣрѣ личнымъ качествамъ такого короля, какимъ былъ Густавъ Ваза. Не оспаривая значенія личности въ исторіи, мы все же думаемъ, что его не слѣдуетъ преувеличивать; въ каждый историческій моментъ времени всегда есть опредѣленный комплексъ политико-соціальныхъ условий, которыми можно воспользоваться въ томъ или иномъ направленіи; вотъ здѣсь-то и выясняется значеніе личности; прозорливый и талантливый правитель сумѣетъ воспользоваться данными условиями въ направленіи достиженія тѣхъ цѣлей, которыя ему кажутся наиболѣе пригодными, въ особенности въ томъ случаѣ, когда эти цѣли совпадаютъ съ исторически выяснившимся направленіемъ и характеромъ соціально-политической эволюціи. Густавъ Ваза, дѣйствительно выдающійся и талантливый правитель, успѣлъ поставить королевскую власть на надлежащую высоту благодаря не своимъ только личнымъ талантамъ, но

болѣе всего тому, что условія социально-политической жизни этому благопріятствовали; уже предшественникъ Густава Вазы Христіанъ II своими безопаздными преслѣдованіями и казнями магнатовъ расчистилъ политическую почву для успѣшной дѣятельности Густава Вазы въ смыслѣ упроченія королевской власти и водворенія въ государствѣ болѣе закономѣрнаго режима.

Такъ какъ сословная монархія въ Швеціи, какъ и въ другихъ государствахъ, представляла собою переходную ступень отъ средне-вѣковой анархіи къ абсолютизму XVII и XVIII столѣтій, то представляется не безинтереснымъ уяснить характеръ той политики, къ которой прибѣгали носители королевской власти въ Швеціи для достиженія цѣли, т. е. упроченія абсолютизма. Авторъ старательно и съ большимъ умѣніемъ освѣщаетъ этотъ вопросъ. Вся эта политика, въ сущности, сводилась къ тому, что королевская власть, регулируя борьбу сословій, старалась ихъ взаимно ослабить и, такимъ образомъ, парализовать ихъ силу въ отношеніи себя. Въ особенности же эти старанія были направлены на то, чтобы окончательно сломить политическое могущество знати, какъ свѣтской, такъ и духовной; это могущество опиралось на матеріальныя богатства, въ виду чего экономическая политика правителей этого времени и обращаетъ на себя большое вниманіе. Авторъ знакомитъ насъ прежде всего съ цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, клонившихся къ ослабленію политической силы духовенства; сюда относятся: введеніе протестантизма, редуція церковныхъ земель и другихъ имуществъ въ пользу государства, подсудность духовенства свѣтскимъ судамъ, право короля назначать и смѣщать духовныхъ лицъ и проч. Провести эти мѣропріятія и, такимъ образомъ, ослабить духовенство королевской власти удастся, главнымъ образомъ, при помощи городского и крестьянскаго сословія. Авторъ знакомитъ насъ, далѣе, съ правительственной политикой въ отношеніи свѣтскихъ магнатовъ.

Изъ представленнаго имъ изложенія социально-политическихъ отношеній того времени видно, что политика эта отличалась чрезвычайной сложностью, проникнута кажущимися противорѣчіями и что борьба съ высшимъ дворянствомъ, свѣтскими магнатами, была сопряжена съ большими затрудненіями, нежели борьба съ другими социальными элементами. Объясняется это тѣмъ, что сама королевская власть тѣсно связана съ дворянствомъ, и потому послѣднее всегда являлось для нея наиболѣе надежной опорой; сложная дилемма для королевской власти заключалась въ томъ, чтобы, не лишившись этой опоры, сдѣлать ее

для себя въ то же время безопасной; этимъ и объясняется та двойственность правительственной политики въ отношеніи дворянства, какую изображаетъ намъ авторъ въ своей книгѣ. Давая ясныя доказательства такой двойственной политики, авторъ, къ сожалѣнію, самъ не стремится проникнуть во внутренній смыслъ этого явленія, ограничиваясь простой передачей фактовъ. Одной изъ наиболее существенныхъ мѣръ въ борьбѣ съ высшимъ дворянствомъ было постепенное образование бюрократіи и передача въ ея руки какъ центрального, такъ и мѣстного управленія; видное мѣсто занимало также концентрированіе вокругъ королевской власти значительной военной силы. Въ числѣ наиболее крупныхъ препятствій, стоявшихъ на пути къ развитію абсолютизма въ Швеціи, авторомъ упоминаются упрочившія здѣсь начала ленной системы, существованіе удѣловъ въ видѣ герцогствъ, даваемыхъ ближайшимъ родственникамъ короля, необходимость, въ силу этого, давать разнаго рода привилегіи и другимъ дворянскимъ родамъ, а равно и всему вообще дворянству.

Менѣе определенности и ясности мы находимъ у автора въ его характеристикѣ правительственной политики въ отношеніи крестьянскаго сословія. Между прочимъ онъ заявляетъ, что одолѣть демократическія стремленія крестьянскаго сословія, чувствовавшего свою силу, было труднѣе, чѣмъ олигархическія поползновенія знати; крестьянское сословіе, говоритъ онъ, не переставало возмущаться и возставать съ оружіемъ въ рукахъ. Но вслѣдъ за этимъ мы сейчасъ же находимъ заявленіе автора, что „умный король (Густавъ Ваза) сумѣлъ парализовать и сдерживать эту силу демократіи, подчиняя ее всепоглощающему, высшему началу государственной власти въ лицѣ короны и ея представителей“. Во всѣхъ заявленіяхъ чувствуется недостатокъ доказательности; въ другихъ отношеніяхъ щедрый на факты, здѣсь авторъ ограничивается бездоказательными заявленіями; причина этого, надо думать, кроется въ томъ, что двумя, тремя фактамъ крестьянскихъ возстаній, имѣвшихъ мѣсто всюду и въ другихъ государствахъ, авторъ придавъ слишкомъ обобщающее значеніе; поэтому нельзя съ нимъ согласиться въ томъ, что будто бы одолѣть демократическія стремленія было труднѣе, чѣмъ олигархическія. Этому противорѣчатъ и самое положеніе крестьянскаго сословія среди другихъ сословій: такъ, авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ положеніе сословій послѣ Густава Вазы: „менѣе всѣхъ сословій было обременено дворянство; духовенство несло сравнительно небольшія тяжести; городское сословіе вознаграждалось всякаго рода концессіями и моно-

полями, взаимѣнъ тягостей, которыя на него налагались, но крестьянство изнемогало окончательно при твердомъ режимѣ Оксеншерны, жестоко обращавшагося съ нимъ и требовавшаго непомянутыхъ взносовъ отъ раззоренныхъ сельскихъ обывателей“ (135 — 136). Къ половинѣ XVII вѣка положеніе крестьянъ еще болѣе ухудшилось; такъ, на стр. 154 авторъ говоритъ: „печально было положеніе крестьянъ, постигнувшихъ въ категорію помѣщичьихъ: четыре пятыхъ всѣхъ налоговъ лежали на ихъ плечахъ и землевладѣльцы, получившіе право взимать въ свою пользу постоянныя и непостоянныя ренты, не только не облегчали бремя, но, напротивъ, всячески старались выжимать новые доходы рядомъ сборовъ и повинностей съ крестьянъ“. Авторъ упоминаетъ далѣе о томъ, что леннымъ владѣльцамъ принадлежало право тѣлеснаго наказанія и тюремнаго заключенія подвластныхъ имъ крестьянъ (стр. 155). Странно было бы, если бы при такихъ условіяхъ крестьянство всегда безучастно и пассивно относилось къ своему положенію и не возставало бы время отъ времени съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ притѣснителей; но такія возстанія подавлялись жестокими мѣрами. На стр. 161 авторъ слѣдующими словами характеризуетъ положеніе крестьянства: „раздача коронныхъ земель подорвала значеніе крестьянства, какъ свободнаго сословія, и отдавала его всецѣло въ зависимость крупному землевладѣнію“. Изъ всѣхъ этихъ заявленій несомнѣнно слѣдуетъ, что и въ Швеціи, какъ и въ другихъ государствахъ, въ эпоху сословной монархіи положеніе крестьянъ было весьма тягостнымъ и что такое положеніе вовсе не создавало и не могло создать для нихъ благоприятныхъ условій въ борьбѣ съ королевскою властью и высшими сословіями; все это доказываетъ также и ошибочность той мысли автора, что крестьяне въ Швеціи всегда будто бы были свободны.

Наконецъ, о городскомъ сословіи у автора имѣются лишь самыя скудныя указанія; онъ упоминаетъ объ участіи городскихъ представителей на сеймахъ, но какую они играли роль, каково было ихъ значеніе въ борьбѣ сословій противъ возвышенія королевской власти, обо всемъ этомъ у автора не имѣется никакихъ указаній.

Юридическая организація государственныхъ учреждений за данный періодъ времени разработана и изложена авторомъ весьма обстоятельно. Въ особенности, какъ и слѣдовало ожидать, съ большимъ вниманіемъ онъ останавливается на сословныхъ сеймахъ. Хотя власть сеймовъ и утратила въ своемъ значеніи сравнительно съ королевскою властью, но все же ихъ участіе въ дѣлахъ законодательства считалось необ-

ходимымъ, и сеймы собираются за этотъ періодъ весьма не рѣдко; даже наиболѣе крутыя мѣры въ отношеніи сословій королевская власть стремится при помощи сеймовъ облечь въ юридическую, т. е. законную, форму; авторъ даетъ этому много доказательствъ, приводя содержаніе сеймовыхъ постановленій. Характеризуя сеймы, авторъ обращаетъ вниманіе не только на ихъ организацію и компетенцію, но и на порядокъ ихъ дѣятельности.

Констатируя созваніе многочисленныхъ сеймовъ и ихъ постановленія, авторъ выясняетъ, что до изданія сеймоваго устава 1617 года положеніе и значеніе сеймовъ были весьма неопредѣленны; составъ ихъ не былъ точно опредѣленъ: „королевская власть созывала то всѣ сословія, то лишь представителей однихъ, обходя другія“; по временамъ въ составъ сеймовъ входятъ только офицеры и солдаты (сеймъ 1595 г.), иногда (1602 г.) къ военному классу присоединяются представители низшихъ сословій; иногда, наоборотъ, участвуетъ одно дворянство; компетенція сеймовъ и порядокъ ихъ дѣятельности отличались той же неопредѣленностью. Хотя сеймовый уставъ 1617 г. и имѣлъ въ виду дать сеймамъ большую устойчивость и сообщить имъ чисто сословный характеръ съ преобладаніемъ дворянскаго элемента, но, какъ свидѣтельствуетъ авторъ, цѣль эта была достигнута лишь въ незначительной степени и борьба между социальными элементами препятствовала устойчивости юридическихъ формъ. Тѣмъ не менѣе авторъ подробно излагаетъ организацію, данную сейму закономъ 1617 года; такъ же подробно авторъ разсматриваетъ постановленія сейма 1634 года, опредѣлявшія форму правленія, т. е. прерогативы королевской власти, права отдѣльныхъ сословій, организацію и дѣятельность центральной и мѣстной администраціи и проч. Дѣлая оцѣнку закону 1634 года, авторъ впадаетъ въ нѣкоторыя противорѣчія: такъ, сказавши, что этотъ законъ послѣдовательно проводитъ коллегіальный принципъ организаціи учреждений, онъ нѣсколько строже ниже заявляетъ, что коллегіальная система страдала недостаточною опредѣленностью (151). Не вполне понятнымъ оказывается взглядъ автора и вообще на коллегіальную систему; въ отношеніи организаціи высшихъ учреждений эту систему обыкновенно противопоставляютъ министерской, между тѣмъ какъ по словамъ автора „каждая коллегія имѣла тройственный характеръ, отчасти она была подчиненное административное учрежденіе, отчасти самостоятельное *министерство*, отчасти учрежденіе судебное“; такимъ образомъ, коллегіи оказываются въ то же время и

министерствами, чего, по общепринятому пониманію коллегіальной и бюрократической системы, быть не можетъ.

Заканчивая характеристику 3-го періода шведской политической исторіи, авторъ заявляетъ, что въ теченіи этого періода „Швеція оказалась гораздо выше государственныхъ организмовъ континента Европы, гдѣ въ описываемое время торжествовалъ полный абсолютизмъ, не признававшій ни государственныхъ чиновъ, ни участія сословій въ законодательствѣ, ни какихъ-либо органическихъ, исторически образовавшихся сдержекъ для всесильной королевской власти“ (178). Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть преувеличенія и желанія автора, во что бы то ни стало, выдѣлить Швецію изъ общей системы европейскихъ государствъ и доказать, что исторія ея политическихъ учреждений стоитъ особнякомъ, слѣдуетъ своему самобытному пути; но, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, стремленія автора не достигаютъ своей цѣли, и выставляемые имъ положенія опровергаются историческими фактами. Генеральные чины во Франціи продолжаютъ созываться до начала XVII столѣтія, а въ Германіи имперскіе чины терпятъ свое значеніе послѣ Вестфальскаго мира, т. е. приблизительно въ половинѣ XVII столѣтія. Съ другой стороны, проявленія безграничнаго и жестокаго произвола королевской власти въ самой Швеціи наблюдаются въ началѣ XVI столѣтія, напримѣръ въ дѣятельности Христиана II. Такимъ образомъ, утвержденія автора не подтверждаются ни данными его собственной книги, ни данными политической исторіи другихъ государствъ. Можно было бы согласиться только съ тѣмъ, что сословныя собранія имѣли здѣсь нѣсколько большее значеніе, чѣмъ въ другихъ государствахъ и равновѣсіе между ними и королевской властью здѣсь было нѣсколько болѣе устойчивымъ.

Въ отдѣлѣ о единой державѣ авторъ излагаетъ событія шведской исторіи, доказывавшія, что и Швеція, подобно другимъ европейскимъ государствамъ, не избѣгла абсолютизма, но что въ то же время абсолютизмъ не могъ упрочиться здѣсь на долгое время. Характеризуемый авторомъ періодъ абсолютизма въ Швеціи обнимаетъ всего 46 лѣтъ. Причины, породившія абсолютизмъ въ Швеціи, были, въ общемъ, тѣ же, что и въ другихъ государствахъ. Возвышеніе королевской власти основывается здѣсь, какъ и всюду, на борьбѣ сословій, въ особенности же на томъ антагонизмѣ, который, въ силу экономическихъ условій, существовалъ между представителями земледѣлія и землевладѣнія. Авторъ правильно понимаетъ событія; онъ совершенно вѣрно

замѣчаетъ, что и въ Швеціи королевская власть, чтобы возвыситься до абсолютизма, должна была прежде всего направить оружіе противъ высшей землевладѣльческой аристократіи, сломить политическое значеніе магнатовъ; эта цѣль была достигнута здѣсь нѣсколько иначе, нежели въ другихъ странахъ: авторъ рисуетъ намъ яркую картину проведенія знаменитой редукиці, т. е. возвращенія въ казну многочисленныхъ и обширныхъ земельныхъ владѣній, ранѣе пожалованныхъ магнатамъ. Такая экономическая политика Карла XI и XII дала возможность королевской власти достигнуть большихъ результатовъ, чѣмъ даже рѣзня дворянъ, предпринятая столѣтіемъ раньше Христіаномъ II. Для объясненія установленія въ Швеціи абсолютизма авторъ приводитъ и другія данныя; такъ, въ числѣ причинъ, содѣйствовавшихъ хотя бы и временному упроченію абсолютизма, были причины, такъ сказать, социальнo-психологическія: народъ, утомленный непрерывными смутами, жаждалъ покоя, который и надѣялся найти подъ управленіемъ энергичныхъ и талантливыхъ государей. Авторъ справедливо придастъ также извѣстное значеніе и тому обстоятельству, что идея единоличной власти, широко распространенная въ эту эпоху во всей Европѣ, вылившаяся здѣсь въ воплѣ законченныя формы, не могла не проникнуть и въ Швецію; вліяніе духовенства и личныхъ качествъ правителей также констатируются авторомъ въ качествѣ факторовъ, способствовавшихъ установленію абсолютизма въ Швеціи; наконецъ, авторъ не оставляетъ безъ вниманія и введеніе въ этотъ періодъ въ Швеціи постоянной рекрутской повинности, обеспечивавшей для королевской власти постоянную наличность достаточной военной силы. Не воплѣ выясненнымъ у автора остается, однако, вопросъ объ отношеніяхъ къ военной реформѣ со стороны сословій; непонятно, почему противилось этой реформѣ дворянское сословіе и почему, наоборотъ, крестьянское сочувствовало реформѣ, тогда какъ послѣдняя ложилась тяжелымъ бременемъ на это именно сословіе.

Въ томъ же отдѣлѣ авторъ знакомитъ насъ въ краткихъ чертахъ съ тѣми административными реформами, которыя соотвѣтствовали новому политическому режиму; сюда относятся: низведеніе государственнаго совѣта до роли судебного учрежденія, упраздненіе высшихъ административныхъ должностей, возлагавшихся на представителей наиболѣе знатныхъ родовъ, ослабленіе коллегіальнаго начала въ пользу единоличнаго, усиленіе централизаціи управленія въ ущербъ дѣятельности мѣстныхъ должностей и проч. Полицейская дѣятельность абсолютной королевской власти, по словамъ автора, вызывала неудовольствіе среди

всѣхъ сословій, за исключеніемъ крестьянъ; но тѣ ничтожныя мѣропріятія, которыя были сдѣланы правительствомъ въ пользу крестьянъ, не воплѣвъ еще дѣлаютъ понятнымъ такое исключительное отношеніе къ королевской власти со стороны крестьянскаго сословія, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ признаетъ, что и въ этотъ періодъ крестьяне изнывали подъ гнетомъ непомѣрныхъ налоговъ.

Авторъ подробно знакомитъ насъ съ ходомъ военныхъ событій этого времени; видимо, онъ воплѣвъ сознаетъ, что войны, которыя вели шведскіе короли, играютъ выдающуюся роль въ дѣлѣ упроченія или ослабленія ихъ власти; къ сожалѣнію, авторъ не даетъ себѣ труда достаточно освѣтить и выяснить этотъ вопросъ, хотя сдѣлать это было очень важно и совѣмъ не трудно. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что болѣе счастливыя для Швеціи войны повели бы за собою упроченіе абсолютизма на продолжительное время, а вмѣстѣ съ тѣмъ Швеціи, вѣроятно, не пришлось бы избѣгнуть и той внутренней ломки, которую пережило большинство европейскихъ народовъ при переходѣ отъ старыхъ политическихъ формъ къ новымъ. Счастье, однако, рѣдко улыбалось шведскимъ королямъ въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ, что и повлекло за собою паденіе абсолютизма и замѣну его, хотя и не надолго, полновлостиемъ сейма.

Періодъ, который авторъ называетъ періодомъ полновлостия сейма, продолжался съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ. Авторъ обстоятельно излагаетъ главнѣйшія событія этого времени и доказываетъ, что монархическая форма правленія въ это время почти совершенно исчезаетъ, такъ какъ носители королевской власти были лишены всѣхъ сколько нибудь существенныхъ своихъ прерогативъ. Авторъ называетъ установившуюся форму государственнаго устройства народно-представительной, но уже и изъ его изложенія не трудно видѣть, что при всѣхъ внѣшнихъ формахъ представительнаго устройства она была, въ сущности, олигархіей. Если бы согласиться съ авторомъ и признать демократическій характеръ этой формы, то остались бы совершенно непонятными тѣ привилегіи, которыми вновь было надѣлено дворянство и которыя явно противорѣчили интересамъ низшихъ классовъ, въ особенности крестьянскаго сословія. Это послѣднее, по словамъ самого автора, „въ силу постановленій сейма было лишено тѣхъ преимуществъ, которыя получились на долю духовенства и дворянства, мало того, дворянамъ дано было даже право тѣлеснаго наказанія крестьянъ“. Если, такимъ образомъ, сословія были вооружены противъ королевскаго абсолютизма и низвели власть короля до положенія зависимаго

чиновника, то, съ другой стороны, у кормила правленія стала далеко не безпристрастный кормчій, и подъ вигъшними демократическими формами скрывалось прежнее, не менѣе несправедливое для народа, олигархическое начало. Не даромъ самъ авторъ замѣчаетъ, что крестьянское сословіе было на сторонѣ королевской власти и стремилось къ восстановленію ея прерогативъ.

Хотя, въ общемъ, періодъ полномасштабнаго сейма обрисованъ авторомъ довольно яркими красками, многое и весьма существенное остается не выясненнымъ, въ особенности отношенія между сословіями. Разъ вся власть перешла къ сейму, а сеймъ имѣлъ сословную организацію, то и важно было выяснить, какую роль играло каждое сословіе. Нѣсколько сдѣланныхъ авторомъ замѣчаній о томъ, что власть сосредоточилась въ демократическихъ элементахъ общества, не достаточно выясняютъ дѣло и не устраняютъ противорѣчій. Въ концѣ концовъ, у читателя не составляется опредѣленнаго представленія, была ли форма правленія въ Швеціи въ данный періодъ демократическая, или олигархическая.

Авторъ мрачными красками рисуетъ состояніе администраціи за этотъ періодъ, говоря, что „идушее сверху казнокрадство и взяточничество заражало исполнительные органы власти, зародилась продажность должностей, подкупы и прочее, при переходѣ власти отъ одной къ другой партіи“ (248); „вся система управленія была проникнута партійнымъ духомъ... всякаго рода беззаконія сдѣлались обыденнымъ явленіемъ“ (253). Для исцѣленія этихъ язвъ, нужно было, по мнѣнію автора, усилить единственную власть, могущую стоять выше интересовъ партій, власть королевскую, но въ средѣ правительства и сейма не было людей съ достаточною энергіей, вѣсомъ и пониманіемъ положенія вещей“. Было бы весьма желательнымъ, чтобы авторъ такъ или иначе аргументировалъ свои, правда встрѣчающіяся очень рѣдко, теоретическія положенія. Признать à priori усиленіе королевской власти средствомъ врачеванія политическихъ и административныхъ золъ едва ли есть достаточное основаніе. Христіанъ II, Карлъ XI и Карлъ XII стояли несомнѣнно выше интересовъ отдѣльныхъ партій, но ихъ правленіе вызывало всеобщее негодованіе. Дѣло, слѣдовательно, не въ усиленіи той или другой власти на счетъ другихъ, но въ гармоническомъ сочетаніи общественныхъ силъ; послѣдующія событія шведской исторіи въ достаточной степени это доказали, подтвержденіемъ чему служить законъ 1772 года о формѣ правленія, видоизмѣненный зако-

нами 1786 и 1789 годовъ, возстановленный въ силѣ и дополненный закономъ 1809 года.

Послѣдній отдѣлъ посвященъ авторомъ разсмотрѣнію политической исторіи Швеціи съ 1809 года по настоящее время; это, по словамъ автора, періодъ органическаго, прогрессивнаго преобразованія государственныхъ учрежденій Швеціи. Авторъ прежде всего знакомитъ насъ съ непосредственными причинами и условіями введенія закона 6-го іюня 1809 года о новой формѣ правленія. Такими причинами служатъ абсолютическія попытки Густава IV, вліяніе революціонныхъ движеній въ континентальной Европѣ и значительная политическая зрѣлость тогдашнихъ народныхъ представителей Швеціи. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что современные формы въ Швеціи были достигнуты безъ сколько нибудь существенной ломки старыхъ учрежденій, путемъ болѣе или менѣе мирныхъ и послѣдовательныхъ преобразованій. Единственной крайней мѣрой было низложеніе короля Густава IV и избраніе Карла XIII, но и эта мѣра далеко не имѣла того значенія, какое имѣли подобнаго же рода событія въ другихъ государствахъ западной Европы. Къ сожалѣнію, авторъ очень скупо на сопоставленія и сравненія; констатируя такія важныя политическія событія, какъ низложеніе короля, введеніе новыхъ основныхъ законовъ, онъ не ставитъ себѣ задачей объяснять и обобщать смыслъ этихъ событій; между тѣмъ существенная разница между Швеціей и другими государствами обнаруживается въ томъ, что земскіе чины въ Швеціи никогда не сходили со сцены; поэтому абсолютная власть не могла здѣсь упрочиться; представители королевской власти всегда избирались сеймами; немногія исключенія изъ этого правила еще болѣе могли напоминать народнымъ представителямъ объ этомъ существенномъ ихъ правѣ.

Авторъ не имѣетъ въ виду излагать законъ 1809 года со всѣми его подробностями, говоря, что это уже относится къ догмѣ шведскаго государственнаго права и будетъ изложено имъ во второмъ томѣ. Конечно, мелкія подробности закона не имѣютъ важнаго значенія, но само по себѣ заявленіе автора представляется непонятнымъ, такъ какъ законъ 1809 года потерялъ существенныя измѣненія уже въ 1866 году и, слѣдовательно, имѣетъ лишь историческое значеніе.

Въ сущности говоря, какъ сознается и самъ авторъ, законъ 1809 года не былъ чѣмъ-либо новымъ въ шведскомъ государственномъ правѣ, но является развитіемъ и продолженіемъ закона о формѣ правленія 1772 года. Тѣмъ болѣе поэтому непонятнымъ становится

заявленіе автора, что на основаніи закона 1809 года король являлся дѣйствительнымъ держателемъ верховной власти въ государствѣ. Если на основаніи закона ему одному было предоставлено управленіе государствомъ, то это еще не обозначаетъ, что ему принадлежала вся верховная власть, такъ какъ существенную функцію этой власти составляетъ законодательство, принадлежавшее и по этому закону не одному королю, но совмѣстно съ сеймомъ. Если бы верховная власть принадлежала одному королю, то мы имѣли бы передъ собою форму абсолютной государственной власти, чего авторъ, однако, не утверждаетъ. Правда, авторъ указываетъ на предоставленное лично королю право изданія законовъ, касающихся экономической жизни страны, но въ то же время заявляетъ, что проведеніе границы между общими и хозяйственными законами представляется весьма труднымъ и что въ подобнаго рода случаяхъ надлежало обращаться къ закону 1734 года; все, что содержалось въ этомъ законѣ, могло быть предметомъ только совмѣстной дѣятельности короля и сейма. Намъ думается, что авторъ поступилъ бы правильно, если бы призналъ исключительное право короля издавать законы по хозяйственной части крупной аномаліей, вносящей значительную путаницу въ дѣло законодательства Швеціи.

Устройство сейма по закону 1810 года, изданному вслѣдъ за закономъ 1809 года, оставалось на прежнихъ сословныхъ началахъ; авторъ излагаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ организацію сейма и его отдѣльныхъ курій, порядокъ созванія, роль сеймовыхъ комитетовъ, порядокъ рѣшенія дѣлъ, компетенцію сейма, средства дѣятельности администраціи и прочее.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ объясняетъ, какъ постепенно развивалась въ теченіи первой половины XIX столѣтія идея всеобщаго представительства, т. е. допущенія въ сеймъ и тѣхъ общественныхъ классовъ, которые не находили себѣ мѣста въ узкой сословной группировкѣ. Авторъ приводитъ достаточно данныхъ, доказывающихъ, что реформа законодательныхъ органовъ не прошла безъ борьбы; консервативные элементы общества и королевская власть всячески противились проведенію реформы, осуществившейся уже во второй половинѣ XIX столѣтія, въ 1866 году; съ этого времени и въ Швеціи, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ, было введено всеобщее народное представительство, въ видѣ двухъ палатъ. Въ отличіе отъ другихъ парламентовъ въ Швеціи преобладающее вліяніе было обезпечено за представителями земледѣльческой промышленности; считая такой характеръ представительства одностороннимъ

и тормозящимъ успѣшное развитіе многихъ сторонъ шведской государственной жизни, авторъ справедливо, все же, заявляетъ, что эта реформа „обновила государственную жизнь страны, призвала большое количество населенія къ самодѣятельности и создала въ Швеціи конституціонный строй въ лучшемъ значеніи этого понятія“. Помимо изложенія организаціи политическаго строя, авторъ очень подробно знакомитъ насъ съ административными реформами этого періода, въ особенности, съ организаціей различныхъ формъ мѣстнаго самоуправления, указывая, между прочимъ, на тѣсную связь между народнымъ представительствомъ и мѣстными органами самоуправления. Слѣдуетъ признать, что отдѣлъ о мѣстномъ самоуправленіи по закону 1862 года разработанъ авторомъ съ наибольшими деталями и вполне систематично, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать относительно многихъ другихъ вопросовъ. Такъ, на примѣръ, автору слѣдовало бы нѣсколько обстоятельнѣе разсмотрѣть вопросъ относительно организаціи высшихъ административныхъ учрежденій, въ особенности же разъяснить, какимъ образомъ примирялись существовавшія здѣсь двѣ противоположныя системы управленія — министерская и коллегіальная. Недостаточно выяснена роль и государственнаго совѣта, а на стр. 327 авторъ упоминаетъ о совѣтѣ министровъ, но было ли это отдѣльное учрежденіе или авторъ называетъ этимъ именемъ государственный совѣтъ, для читателя это остается совершенно не яснымъ. Было бы лучше, если бы авторъ удержалъ названіе государственнаго совѣта, потому что совѣтъ министровъ есть совершенно особое учрежденіе, котораго въ Швеціи не существовало. Нельзя также сказать, чтобы авторъ излагалъ предпринимавшіяся административныя реформы за разсматриваемый періодъ по опредѣленной научной системѣ.

Не смотря на указанные здѣсь недостатки, книга автора имѣетъ несомнѣнное научное значеніе, такъ какъ излагаетъ послѣдовательно и освѣщаетъ фактами дѣйствительной жизни исторію политическихъ и административныхъ установленій Швеціи. Авторъ добросовѣстно изучилъ относящуюся къ вопросу не только публично-правовую, но и общую историческую литературу. Книга написана яснымъ языкомъ и потому читается легко даже неспеціалистомъ. Образованный читатель найдетъ въ ней много поучительнаго, вслѣдствіе чего мы смѣло можемъ рекомендовать ее вниманію публики.

В. Иваномскій.

SLOVANSKÉ STAROŽITNOSTI. SEPSAL *Dr. Lubor Niederle*, professor České university v Praze. Díl I. Původ a počátky národa slovanského. Svazek I. V Praze. 1902.

Профессоръ Нидерле задумалъ издать большой трудъ по славянскимъ древностямъ, въ замѣну знаменитаго, но уже устарѣвшаго труда Шафарика, и вотъ передъ нами только что вышедшая въ свѣтъ первая часть перваго тома его сочиненія.

Она состоитъ изъ пяти главъ. Сначала авторъ разбираетъ вопросъ о славянской прародинѣ и относящихся къ нему теоріи, удѣляя достаточно вниманія легендѣ нашей Начальной лѣтописи о разселеніи славянъ съ береговъ Дуная; здѣсь рѣчь идетъ также объ антропологическихъ отношеніяхъ славянъ. Далѣе авторъ разсматриваетъ вопросъ о праславянскомъ языкѣ и группировкѣ современныхъ славянскихъ нарѣчій. Далѣе рѣчь идетъ о географическихъ особенностяхъ предполагаемой славянской прародины (ея рѣкахъ, озерахъ, горахъ). Последняя глава первой части посвящена венедамъ Плинія, Тацита и другихъ древнихъ писателей; здѣсь приводятся доказательства, что балтійскіе венеда не что иное, какъ прибалтійскіе славяне.

Слѣдуетъ воздать должное учености и трудолюбію автора. Едва ли найдется у насъ другой ученый, который былъ бы столь хорошо знакомъ съ разновременной и разноязычной литературой предмета, разбросанной по специальнымъ журналамъ и далеко не всегда вознаграждающей читателя за трудъ чтенія; развѣ немногіе ученые могутъ такъ хорошо разобраться въ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ, которыми изобилуетъ наука славянскихъ древностей. Вообще слѣдуетъ сказать, что профессоръ Нидерле сдѣлалъ все, что можно сдѣлать въ данной области въ настоящее время и при настоящемъ положеніи науки. Если его въ чемъ можно упрекнуть, такъ развѣ только въ томъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ у него слишкомъ мало собственнаго матеріала.

Вопросъ о прародинѣ славянъ принадлежитъ къ числу и труднѣйшихъ, и особенно мало разработанныхъ вопросовъ. Г. Нидерле признаетъ большое значеніе географической номенклатуры и, руководствуясь главнымъ образомъ ея данными, принимаетъ въ общемъ выводы А. Л. Погодина. По его мнѣнію (стр. 30), славянская прародина находилась тамъ, гдѣ теперь Царство Польское, кромѣ его сѣверныхъ губерній, южныя части губерній гродненской, минской и, можетъ быть, моголевской, губерніи черниговская, кіевская, волын-

ская, подольская, Галиція и Буковина. Эпоха существованія этой прародины относится ко времени за „нѣсколько столѣтій до Р. Хр.“, ко времени до начала того значительнаго движенія славянскаго народа, которое можетъ быть возведено къ „первымъ столѣтіямъ христіанской эры“ (стр. 4). Заглянувъ въ приложенную къ стр. 30 карту, съ названіемъ: „поселенія славянъ въ эпоху народнаго единства“, мы находимъ нѣсколько болѣе точную дату прародины: югъ Россіи занятъ еще киммерійцами; имя скивовъ на ней отсутствуетъ. Итакъ, передъ нами изъ сѣдыхъ сѣдя древность, относительно которой не имѣютъ значенія даже показанія Геродота! Какими же данными мы можемъ здѣсь пользоваться? Данными языка? Но является сомнѣніе даже относительно самаго существованія славянскаго языка въ эту эпоху; возможно, что тогда существовалъ еще славяно-литовскій языкъ. Во всякомъ случаѣ данныя географической номенклатуры и заимствованныхъ словъ, которыми только мы и располагаемъ, ничего намъ не говорятъ о подобной эпохѣ.

Пишущій эти строки въ одной изъ своихъ статей выразился такимъ образомъ: мы будемъ называть прародиною славянъ ту область, гдѣ они жили въ послѣднюю эпоху существованія обще-славянскаго языка, до распаденія этого языка на отдѣльныя, самостоятельныя нарѣчія (что произошло едва ли не одновременно съ движеніемъ готовъ)¹⁾. А. Л. Погодинъ называетъ прародиной славянъ ту территорию, „въ которой славяне составляли еще одну этнографическую группу, мало дифференцированную въ отношеніи языка и культуры“; его прародина относится къ той эпохѣ, когда въ обще-славянскій языкъ вошло слово *жидъ*, полученное славянами отъ „романскихъ крестьянъ“, слѣдовательно, ко времени во всякомъ случаѣ послѣ Р. Хр.²⁾.

Есть одинъ фактъ, о которомъ авторъ пока не говоритъ, но который имѣетъ для него значеніе въ вопросѣ о прародинѣ славянъ въ эпоху до Р. Хр. Это — измѣненіе названій рѣкъ нынѣшней юго-западной Россіи, замѣна геродотова *Βοροβένης* черезъ *Δάναπρις*, геродотова *Τόρας* черезъ *Danaster*, геродотова *Ἰπαις* черезъ *Vagus*, и т. д.

¹⁾ *Věstník slovanských starožitností*, IV, 19. Здѣсь, на стр. 20: Говорить о мѣстахъ славянскихъ поселеній въ болѣе раннюю эпоху (когда *z* звучалъ какъ *й*, а *y* какъ дифтонгъ) не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было прочныхъ данныхъ.

²⁾ Изъ исторіи славянскихъ передвиженій, 85, 99.

Оно, конечно, связано съ измѣненіемъ здѣсь населенія, съ появленіемъ здѣсь сарматовъ вмѣсто скивовъ. Мы не будемъ говорить о названіи новаго народа: оно для насъ безразлично. Такъ какъ принести новыя названія рѣкъ могъ лишь тотъ народъ, для котораго эти рѣки и въ прежнихъ его поселеніяхъ были своими, который только перешелъ съ одного теченія рѣкъ на другое (въ данномъ случаѣ съ средняго и верхняго на нижнее), то новый народъ, замѣнившій собою въ южной Россіи скивовъ, въ скивскую эпоху долженъ былъ жить сѣвернѣе скивовъ, между прочимъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ средней Россіи, которыя авторъ отводитъ подъ славянскую прародину. Ему могутъ принадлежать тѣ многочисленныя, не объяснимыя изъ славянскаго языка мѣстныя названія, которыя бросаются въ глаза изслѣдователю на картѣ средней Россіи. Въ виду повторенія ихъ на довольно значительной территоріи (*Дна*, или *Тсна* старыхъ памятниковъ,—четыре рѣки: 1) большой правый притокъ Оки, 2) лѣвый притокъ Оки, въ Рязанской губерніи, 3) въ озерной области Тверской губерніи, 4) въ бассейнѣ Припяти, въ минской губерніи; **Ръша*—три рѣки: 1) Оршица, притокъ Днѣпра, въ могилевской губерніи, 2) Орша, въ тверской губерніи, 3) Ирша, въ житомирскомъ уѣздѣ; *Сула* — двѣ рѣки: 1) большой притокъ Днѣпра, 2) притокъ Нѣмана ¹⁾), — этотъ народъ нѣкогда могъ занимать обширныя пространства къ сѣверу отъ степной полосы. Можно дѣлать предположенія, что онъ былъ постепенно вытѣсненъ изъ своихъ древнихъ жилищъ въ однихъ мѣстахъ славянами, въ другихъ—восточнѣе—финнами, что его остатки ассимилировались со славянами и финнами и увеличили ихъ численность; но эти и подобныя этимъ предположенія должны навсегда остаться только предположеніями.

Значитъ, даже въ скивскую, не только въ киммерійскую эпоху,

¹⁾ Первая часть сложных названій Днѣпра и Днѣстра (*Днѣпръ, *Днѣбрь, *Днѣстръ, съ ѣ изъ ѣ),—повидному, нарицательное, съ значеніемъ: рѣка; она, кажется, находится также въ именахъ Непрядва, Неруса, Неручь, Неполодь и другихъ съ начальнымъ *не* = **днѣль*; сравни народное произношеніе слова Днѣбрь какъ Непръ, Ніпро и т. п.

Древне-сѣверное названіе Днѣпра—*Danarg* не можетъ происходить отъ славянскаго *Днѣпръ; оно должно быть связано непосредственно съ сарматскимъ оригиналомъ греческаго *Δανάρις*. Сравни древне-сѣверное названіе Карпатъ (*Браумъ*, Разысканія въ области гого-славянскихъ отношеній, 105), также до-славянское, очень древнее.

область къ югу отъ Припети между Днѣпромъ или Днѣстромъ не могла принадлежать славянамъ ¹⁾.

Нельзя не обратить вниманіе и на другой фактъ. Г. Нидерле по-мѣщаетъ часть славянской прародины на узкой полосѣ къ сѣверу отъ пинскихъ болотъ (въ древности большого озера); сѣвернѣе ея предполагается прародина литовскаго народа. И въ настоящее время трудно въ подобномъ мѣстѣ удерживать народность; что до сѣдой древности, тогда процессъ ассимиляціи дѣйствовалъ болѣе или менѣе быстро, и населеніе одного племени, обособившись по какой-нибудь причинѣ отъ своихъ соплеменниковъ, неизбѣжно принимало языкъ и обычаи ближайшаго его племени — сосѣда. Въ виду этого карта г. Нидерле въ данномъ мѣстѣ требуетъ того или другого измѣненія.

Густота населенія въ славянской прародинѣ представляется автору неравномѣрной. Нѣкоторыя мѣста Европы, по его мнѣнію, были „переполнены населеніемъ“, и между прочими „славянскій центръ между Вислою и Днѣпромъ“; нѣкоторыя же, напротивъ, были „относительно пусты“, и между ними „широкій поясъ между центромъ финской области на Окѣ и Волгѣ и между славянскою областью въ Приднѣпровьѣ“ (стр. 125 — 126). Кажется, авторъ смотритъ на колонизацію въ праславянскую эпоху такъ, какъ смотрятъ на колонизацію въ цивилизованныхъ странахъ въ наши дни. По нашему мнѣнію, ему слѣдовало бы здѣсь болѣе или менѣе воспользоваться аналогіей изъ русской исторіи. Главныя движущія русскіихъ колонистовъ (въ Поволжье, на Донѣ, въ Сибирь) XVI—XVII вѣковъ обуславливались не столько переполненіемъ населенія, сколько тяжестью жизни въ метрополіи; точно также наиболѣе значительныя выселенія праславянъ могли быть слѣдствіемъ той борьбы между родами, которая происходила вслѣдствіе кровной мести и личныхъ столкновеній; „вста родъ на родъ, сообщаетъ преданіе Начальной лѣтописи, и быша усобицѣ въ нихъ, и воевати сами на ся почаша“. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права смотрѣть идилически на бытъ и нравы нашихъ отдаленнѣйшихъ предковъ и приписывать ихъ выходъ изъ прародины однимъ экономическимъ причинамъ. Что до „пустоты“ какихъ-то пространствъ между славянскими и финскими поселеніями, то мы не можемъ ее себѣ представить и для гипотезы о ней не видимъ никакихъ основаній. Слабость сношеній между славянами и финнами въ древ-

¹⁾ Еще противъ древности славянскихъ поселеній къ югу отъ Припети—въ нашей статьѣ въ *Věstník* IV, 19.

ности, будто бы засвидѣтельствованная лингвистикою (стр. 126), нуждается въ солидномъ подтвержденіи. На нашъ взглядъ, смягченіе *ж* въ *ж* въ древне-русскомъ названіи одного изъ финскихъ племенъ *Ижера*, при финскомъ *Inger-*, *ъ* и *я* рядомъ въ древне-русскомъ названіи другого финскаго племени *Ъль* и *Яль*, с изъ *nc* въ древне-русскомъ названіи третьяго финскаго племени *Весъ*, при финскомъ *Verp-*, все это говоритъ за хорошее знакомство славянъ съ финнами въ отдаленной древности.

Вопросу о славянскомъ праязыкѣ авторъ посвящаетъ начало третьей главы. Онъ останавливается, и то слишкомъ мало, только на группировкѣ славянскихъ нарѣчій; у него нѣтъ ни слова объ относительной хронологіи такихъ звуковыхъ явленій праязыка, какъ два смягченія гортанныхъ, переходъ дифтонговъ въ монофтонги и др.; а между тѣмъ отъ этой хронологіи зависитъ и рѣшеніе многихъ вопросовъ въ области славяно-пѣмецкихъ, славяно-финскихъ и славяно-литовскихъ отношеній, и оцѣнка наиболѣе важныхъ данныхъ географической номенклатуры.

Послѣдняя глава посвящена авторомъ „славянскимъ венедамъ“. Въ этой, на нашъ взглядъ, лучшей части того, что издано г. Нидерле въ настоящей книгѣ, нѣтъ ни слова о феннахъ-финнахъ Тацита и Птолемея, а между тѣмъ объ нихъ должна быть здѣсь именно рѣчь.

Тацитъ помѣщаетъ рядомъ, за предѣлами Свевіи, певкиновъ — бастарновъ, фенновъ и венедовъ, и при этомъ сообщаетъ, что венеда грабили тѣ лѣсныя и горныя мѣстности, которыя находились между певкинами и феннами. Птолемей говоритъ о *φίννοι* въ числѣ народовъ бассейна Вислы: *παρὰ τὸν Οὐιστοῦλαν ποταμὸν ὑπὸ τοῦς Οὐενέδοις Γόθωνες* (Готы), *εἶτα Φίννοι, εἶτα Σούλωνες* (стр. 186). Ю. А. Кулаковскій на своей „картѣ Европейской Сарматіи по Птолемееву“ даетъ феннамъ-финнамъ мѣсто къ югу отъ венедовъ, занимающихъ берегъ Балтійскаго моря между Вислой и Пѣманомъ, рядомъ съ готами, на востокъ отъ послѣднихъ. Вообще ни у Тацита, ни у Птолемея въ феннахъ-финнахъ нельзя видѣть какихъ-либо народовъ, теперь называемыхъ финнами. Единственное, чѣмъ можно объяснить показанія этихъ писателей, по нашему убѣжденію, это то, что названіе *фенны* есть вариантъ къ названію *венеда*. Если *венеда*—названіе славянъ, полученное древними отъ пѣмцевъ, то *фенны*—то же названіе, но дошедшее къ древнимъ отъ прибалтійскихъ куроновъ, около Р. Х. уже сидѣвшихъ при устьѣ Западной Двины, а можетъ быть, и при

устъ Нѣмана. Иначе говоря, это имя—предокъ или близкій родичъ современнаго западно-финскаго названія славянъ *vesp-*, отличающійся отъ послѣдняго лишь качествомъ начальнаго губнаго согласнаго; но древнѣе, какъ извѣстно, далеко не фонетически передаютъ звуки чужихъ языковъ¹⁾; имъ пользовались прибалтійскіе финны въ своихъ сношеніяхъ съ нѣмцами, заимствовавъ его у нѣмцевъ.

Такимъ образомъ Тацитъ и Птолемей, упоминая о феннахъ-финнахъ, говорятъ о тѣхъ славянахъ, которые жили въ ихъ время или въ бассейнѣ Западной Двины, или—что какъ будто вѣроятнѣе—на верхнемъ теченіи Нѣмана и по притокамъ этой рѣки.

Надѣмся, что продолженіе „Славянскихъ Древностей“ г. Нидерле не замедлитъ выходомъ и что слѣдующія ихъ части будутъ болѣе самостоятельны, чѣмъ настоящая.

А. Соболевскій.

„Сказаніе о зачатіи царства Казанскаго и о побѣдахъ великихъ князей Московскихъ, со Царями Казанскими преславно содѣянныхъ, и о взятіи того Царства Казанскаго отъ благочестиваго государя, царя и великаго князя Іоанна Василіевича, всея Россіи Самодержца“²⁾. Славянскій текстъ, изданный по рукописи, принадлежащей *Θ. Т. Васильеву*, съ предисловіемъ, указателемъ и краткимъ родословіемъ монгольскихъ и татарскихъ хановъ, Н. Θ. Катаповымъ. Изданіе *Θ. Т. Васильева*. Казань. Типо-литографія Императорскаго Казанскаго университета 1902 г. На оборотѣ: цензурою дозволено. Казань, 12-го декабря 1901 года. Стр. XV+142.

Въ настоящемъ году исполняется 350 лѣтъ со времени взятія Казани. Еще въ прошломъ году въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что въ Казани предполагаютъ ознаменовать различно эту годовщину. Припоминается, что тогда же писалось и о намѣреніи вновь издать такъ называемый Казанскій лѣтописецъ. Теперь предъ нами указанная книга.

Такъ называемый Казанскій лѣтописецъ былъ изданъ впервые въ 1791 г. подъ заглавіемъ: „Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣст-

¹⁾ Звукъ *и* въ *φίνοι* можетъ быть поставленъ въ связь съ *и* въ древнихъ нѣмецкихъ формахъ названія венеда (*Braunz*, с. с., 333).

²⁾ Заглавіе церковно-славянскимъ шрифтомъ. При поропискѣ титла раскрыты, ω замѣнена о.

наго сочинителя XVI столѣтія по двумъ стариннымъ спискамъ. Въ Санктпетербургѣ, издвѣніемъ Императорской Академіи Наукъ.— Подъ предисловіемъ подпись: „Э. С.“—Теперь этого изданія въ продажѣ нѣтъ и его можно встрѣтить только въ большихъ бібліотекахъ.

Многочисленные недостатки изданія 1791 г. указывались не разъ: здѣсь нѣтъ нужды снова ихъ указывать (см. Извѣстія Отдѣленія рус. яз. и слов. Ак. Н., 1900 г., кн. 3, стр. 1005 пр. 3 въ моей статьѣ: „Печатное изданіе Исторіи о казанскомъ царствѣ 1791 года“).

Въ 1810 г. въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“ снова было начато изданіе „Исторіи“, но не окончено (см. Казанскаго Вѣстника ч. IX, X, XI). Книжки „Казан. Вѣст.“ довольно рѣдки; ихъ нѣтъ, напримѣръ, въ Петербургѣ въ Имп. Публичной бібліотекѣ, а въ бібліотекѣ Академіи Наукъ есть лишь нѣкоторыя, но не всѣ. Такимъ образомъ изданіе 1810 г. едва ли теперь доступно многимъ, да едва ли и было извѣстно многимъ при самомъ появленіи, ибо „Казанскій Вѣстникъ“ расходился въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Имѣется свидѣніе, что „на первыхъ листахъ второго тома «Симбирскаго Сборника», прекратившагося за смертью издателя Д. Валуева, было отпечатано „Краткое описаніе царства казанскаго: О началѣ царства казанскаго, како и откуда нмя оно произыде“ („Сѣверное Обзорѣніе“. Спб. 1848 г. т. I. Критика. Стр. 18, въ рецензій Артемьева на сочиненіе Н. Баженова «Казанская исторія»). Мнѣ не удалось до сихъ поръ увидѣть это изданіе: въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ въ большихъ бібліотекахъ нѣтъ.

Судя по заглавію, можно догадываться, что отпечатанъ такъ называемый Краткій казанскій лѣтописецъ, списки котораго встрѣчаются теперь; см., напримѣръ, рукопись М. Главн. Архива М. И. Д. № 49/69, рукопись Н. П. Б., изъ древлехранилища Погодина, № 1490, рукопись Академіи Наукъ шифра 32. 6. 10, 2 списка въ рукописи Кіево-Софійскаго собора № 555 (331).—См. Г. Куцевичъ. Исторія о Казанскомъ царствѣ. Ея списки. Спб. 1901 г., стр. 112—116, 15, 32. В. П. Перетцъ. Очерки бібліотеки Кіево-Софійскаго собора: „Литературный вѣстникъ“, 1901 г. кн. VI, 126.

Кажется, можно назвать изданіе Краткаго казанскаго лѣтописца совсѣмъ не доступнымъ.

Наконецъ, надо сказать, что „Исторія“ была издана, большими или меньшими частями, въ памятникахъ, въ которые она была внесена. (См., напримѣръ, С. М. Шпилевскаго. Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань. 1877 г.

Приложение II, стр. 556—557). Печено, кажется, говорить, что такое издание „Исторіи“ не удовлетворитъ никого.

Въ итогѣ—нѣтъ изданія „Исторіи“ общедоступнаго.

Изданіе 1902 г. сдѣлано по рукописи XVIII вѣка, вѣрность которой тщательно описана издателемъ. Цѣль изданія: „Въ настоящемъ случаѣ, издавая одинъ списокъ, мы не задавались широкими планами... а хотѣли дать публикѣ только новое печатное изданіе, такъ какъ старое изданіе, изданіе I. Г. Стриттера, нинѣ составляетъ уже библиографическую рѣдкость“ (стр. VI). „Наше изданіе отъ Стриттеровскаго отличается во многихъ мѣстахъ, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, имѣющій передъ собою оба изданія. Въ Стриттеровскомъ изданіи нѣтъ, напримѣръ, «Предисловія къ читателю благоразумному», которое имѣется въ настоящемъ изданіи, принадлежащемъ Ѳ. Т. Васильеву; нѣтъ тамъ и послѣсловія, посвященнаго св. Троицѣ и имѣющагося на оборотѣ листа 122 изданія Ѳ. Т. Васильева, и пр.“

Рукопись издана весьма тщательно, а такъ какъ она „довольно исправна“, то въ изданіи 1902 г. не встрѣчается тѣхъ, мѣстами курьезныхъ, недостатковъ, которые, вѣдвнѣемъ или невѣдвнѣемъ, были допущены издателемъ 1791 г.

Несомнѣнную цѣнность изданію 1902 г. придаетъ предисловіе редактора, Н. Ѳ. Катанова, особенно приложенное къ изданію „Родословіе монгольскихъ и татарскихъ хановъ, происшедшихъ отъ Джучи (Чучи), сына Чингизъ-хана, и царствовавшихъ въ Золотой ордѣ (1224—1359, 1380—1502), Астрахани (1466—1554), Крымѣ (1420—1783), Казани (1438—1552) и Западной Сибири“ и стр. VII—XV. Каждый интересующійся исторіей Казани искренно будетъ благодаренъ ему, особенно за „Родословіе“.

Это—положительныя стороны изданія: теперь „но“.

Изданіе 1902 г. сдѣлано по *одному* только списку, а списковъ *не одна сотня*, различныхъ редакцій.

Далѣе, рукопись изданія позднѣйшей редакціи, но не полнѣйшей, см., напримѣръ, полнѣе ея списокъ съ рисунками Московской Духовной Академіи № 30 (98) и сходный съ нимъ, также съ рисунками, списокъ Академіи Наукъ шифра 34. 6. 64 (= № 48, по „Каталогу“ Соколова ¹⁾). Неполнота сравнительно невелика. Важнѣе то, что, какъ изданіе 1791 г., такъ и 1902 г. не даетъ представленія о рядѣ рукописей, повидимому малочисленномъ, но тѣмъ не менѣе необходи-

¹⁾ См. въ названн. спискахъ „Исторіи“ стр. 60—87, 32 и 117.

момъ для ознакомленія съ „Исторіей“, см., напримѣръ, рукопись Казанской Духовной Академіи, изъ Соловецкихъ, № 1501 (42)¹⁾, Императорской Публичной бібліотеки, изъ собранія Ѳ. И. Буслаева, шифра Q. XVII. 209, рукопись В. И. Срезневскаго, № 44 (приобрѣтенная П. И. Срезневскимъ съ подписью (Калайдовича: „Лѣтописецъ Кавалскій, сочиненный священникомъ Іоанномъ Глазатымъ, отъ 1392 — 1553, всехъ 101 глава“). Во всякомъ случаѣ, эти рукописи даютъ матеріалъ весьма любопытный не только для изслѣдователя „Исторіи“. Издатель предусматриваетъ высказанное здѣсь указаніе на многочисленность списковъ „Исторіи“ и ихъ отличія (стр. VI), по вопросу о спискахъ, ихъ редакціяхъ необходимѣйшій при изданіи текста.

Наконецъ, позволю себѣ отмѣтить слѣдующее. Издатель на стр. V говоритъ: „Исторія“ впервые была издана въ С.-Петербургѣ, издвѣніемъ Императорской Академіи Наукъ, 1791 года и снабжена „Предувѣдомленіемъ“ Э. С., настоящее имя и фамилія котораго были Іоаннъ-Готлибъ Стриттеръ“. Интересно было бы знать основаніе, почему Э. С. = *Іоанъ Готлибъ Стриттеръ* ²⁾).

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать, что всякій, интересующійся „Исторіей“ и не имѣющій подъ руками рукописей, обратится къ изданію 1902 г. Оно почти *fac simile рукописи* ³⁾, что, конечно, всегда будетъ имѣть свою долю значенія, для любителей старины.

Издана „Исторія“ на хорошей бумагѣ, крупнымъ славянскимъ шрифтомъ и, по цѣнѣ, не дорога (1 руб. 50 к. безъ пересылки).

Изданіе сдѣлано на средства ревнителя старины, казанскаго жителя Ѳ. Т. Васильева. У насъ мало, сравнительно, лицъ, дающихъ свои средства на дѣло изученія древне-русской литературы, ибо, кажется, не совсѣмъ искоренилось убѣжденіе, что она не интересна, да и не нужна; тѣмъ отраднѣе встрѣтить ревнителя въ этомъ дѣлѣ.

Г. Нунцевичъ.

¹⁾ По теперешнему обозначенію; по „Описанію рукописей Соловецкаго монастыря, находящагося въ Казанской Духовной Академіи“ (ч. II. Казань 1885 г., стр. 542) это № 669 (42).

²⁾ Кстати, о спискѣ изданія 1902 г. мнѣ обязательно сообщилъ самъ Ѳ. Т. Васильевъ (ст. VI).

³⁾ Редакціи иной, чѣмъ тѣ, къ которымъ относятся рукописи изданія 1791 г.— О редакціяхъ „Исторіи“ см. Отчетъ Имн. Общества любит. древн. писемъ за 1901—1902. (*Печатается*).

Замѣтка объ оглавленіяхъ, помѣщенныхъ предъ Воскресенскимъ лѣтописнымъ сводомъ.

Передъ нѣкоторыми списками Воскресенскаго свода помѣщены три оглавленія, изъ которыхъ самое раннее третье оглавленіе („Начало главамъ и о повѣсти временныхъ лѣтъ откуда пошла Русская земля“); къ нему служитъ дополненіемъ второе оглавленіе („Съ главы въ первыхъ главахъ не стоять“) и наконецъ первое оглавленіе („Съ главы въ ряду въ лѣтописцѣ не стоять“) относится къ началу того сборника, въ которомъ помѣщенъ Воскресенскій сводъ съ своими оглавленіями ¹⁾. Предъ Парижскимъ спискомъ помѣщено оглавленіе начинающае съ 32 гл. ²⁾.

По поводу этихъ оглавленій было высказано мнѣніе, что они представляютъ изъ себя нѣчто болѣе, чѣмъ простыя обыкновенныя оглавленія, что по нимъ можно судить, какъ Воскресенскій сводъ передѣлывался, сокращался, дополнялся прежде чѣмъ дойти до настоящаго своего вида, что они такимъ образомъ представляютъ интересъ, сохраняя на себѣ слѣды редакціонной работы, такъ что, напримѣръ, статьи второго оглавленія, по предположенію одного изслѣдователя, заключаютъ въ себѣ позднѣйшія прибавленія къ тексту свода. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ: если бы оглавленія указывали на матеріаль, взятый изъ разныхъ источниковъ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обоихъ оглавленіяхъ встрѣчаются указанія на одни и тѣ же данныя, напримѣръ въ 31 гл. о рукописаніи Магнуса, въ 32 гл. объ убіеніи тысяцкаго Алексѣя Петровича, и въ самомъ сводѣ извѣстія объ этихъ событіяхъ должны бы были помѣщены не одинъ разъ, а два; между тѣмъ этого повторенія нѣтъ въ текстѣ; значить у составителя свода было подъ руками одно извѣстіе, а не два; вторичное же упоминаніе въ оглавленіи объ однихъ и тѣхъ же извѣстіяхъ объясняется просто невнимательностію составителя второго, позднѣйшаго оглавленія. Самый характеръ извѣстій, указываемыхъ въ позднѣйшемъ, т. е. второмъ оглавленіи, говоритъ противъ того, что эти извѣстія были вставлены въ текстъ послѣ; такъ, напримѣръ, 36 гл., обнимающую все княженіе Василія Дмитріевича, составитель второго оглавленія нашелъ возможнымъ

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 218—231.

²⁾ Тамъ же VIII, 1—7.

дополнить только указаніемъ на смерть князя Петра Дмитріевича, которая ни въ какомъ случаѣ не могла пройти не замѣченной глгописью. Въ иныхъ случаяхъ пропуски извѣстій, если бы они дѣйствительно были, кажутся просто непонятными; такъ, напримѣръ, во второмъ оглавленіи добавлено къ 38 гл. „о изыманіи Шемяки“ и къ 45 гл. о четырехъ намѣстникахъ, назначенныхъ въ В. Новгородъ, хотя первое извѣстіе находится въ повѣсти о борьбѣ князя Василья Васильевича съ братьями Юрьевичами, а второе читаемо въ третьемъ оглавленіи въ статіѣ „о взятіи Новгорода“. Значить, вторичное указаніе на одни и тѣ же событія слѣдуетъ разсматривать какъ болѣе детальное содержаніе того, что находится подъ однимъ общимъ заглавіемъ въ третьемъ оглавленіи. Да и самыя дополняемыя извѣстія по большей части болѣе мелкія и малозначащія сравнительно съ помѣщенными въ первоначальномъ оглавленіи ¹⁾. На основаніи этихъ соображеній мы думаемъ, что эти два оглавленія нисколько не могутъ служить показаніями редакціонной работы составленія Воскресенскаго свода: они явились уже къ готовому сборнику, какъ думаетъ и академикъ А. А. Шахматовъ.

По какому именно списку составлялись второе и третье оглавленія? Хотя они помѣщены предъ двумя списками (Воскресенскимъ и Алатырскимъ), но составлены по списку, сходному съ Карамзинскимъ, какъ это можно заключить по слѣдующимъ даннымъ: въ 62 гл. третьяго оглавленія упоминается о постройкѣ деревяннаго города на Копирѣ и каменнаго на Осстрѣ; это извѣстіе находится только въ Карамзинскомъ спискѣ ²⁾; заглавіе, хотя не полное, о рожденіи князя Дмитрія, находящееся въ 47 гл. третьяго оглавленія и оттуда перенесенное въ оглавленіе Парижскаго списка, находится тоже въ Карамзинскомъ спискѣ ³⁾, извѣстіе о персдѣлкѣ старыхъ денегъ на новый чеканъ въ Карамзинскомъ и Синодальномъ спискахъ отнесено, какъ и въ третьемъ оглавленіи, къ 66 гл., 67-я же гл. въ послѣднихъ двухъ спискахъ начинается извѣстіемъ о постройкѣ около Москвы каменной стѣны; такъ и въ третьемъ оглавленіи ⁴⁾; обозначеніе 34 гл. предъ 6870 г. находится только въ Карамзинскомъ и

¹⁾ Это, впрочемъ, относится только къ первой половинѣ оглавленія до среднимъ 49 главы.

²⁾ VII, 230. VIII, 278.

³⁾ VII, 227. VIII, 4, 213.

⁴⁾ VII, 230, 231. VIII, 289. Но такъ какъ при Синодальномъ сп. оглавленія нѣтъ, то значить это взято опять-таки изъ Карамзинскаго сп.

Синодальномъ спискахъ ¹⁾; нѣкоторыя заглавія въ Карамзинскомъ списокѣ представляютъ буквальное сходство со вторымъ оглавленіемъ, на примѣръ, о взятіи Казани новгородцами или съ третьимъ о вятскомъ взятіи ²⁾ (VII, 220, 227. VIII, 61, 218).

Обращаясь затѣмъ къ оглавленію, помѣщенному предъ Парижскимъ спискомъ Воскресенскаго свода, мы видимъ, что съ 32 гл. и до середины 49 гл. оглавленіе Парижскаго списка заключаетъ въ себѣ второе и третье оглавленія, помѣщенные предъ означенными списками, съ незначительными, впрочемъ, пропусками. Изъ этого можно заключить, что Парижскій списокъ позднѣйшаго происхожденія сравнительно съ остальными, что составитель его просто изъ двухъ оглавленій составлялъ одно; иногда даже не заглядывая и въ текстъ свода, такъ какъ извѣстія второго, т. е. позднѣйшаго оглавленія часто вставлены въ оглавленіе Парижскаго списка не въ надлежащемъ порядкѣ; такъ, на примѣръ, извѣстіе о смерти князя Петра Дмитриевича въ 36 гл. вставлено послѣ извѣстія о походѣ Витовта къ Порхову; въ текстѣ наоборотъ; въ 37 гл. извѣстіе объ убіеніи Семена Морозова поставлено предъ извѣстіемъ о женитьбѣ великаго князя Василья Васильевича, въ текстѣ далеко послѣ. Много и другихъ отступленій подобнаго рода. Съ середины 49 гл. (съ извѣстія о посылкѣ воеводы Данила Щепи на Вятку) характеръ оглавленія при Парижскомъ сп. значительно мѣняется. Прежде всего замѣчается значительное сокращеніе заимствованій изъ второго оглавленія; составитель оглавленія при

¹⁾ VII, 225. VIII, 11. Изъ Карамзинскаго списка во второе оглавленіе перешли слѣдующія заглавія: О постройкѣ Курмыша (VII, 220. VIII, 19), о мѣрѣ (VII, 221. VIII, 226), о прибытіи Федора Ласкыря (VII, 221. VIII, 231), о посольствѣ Наумова въ Крымъ (VII, 221. VIII, 245), о поиманіи Глинскаго (VII, 221. VIII, 257), объ обрѣтеніи мощей пр. Макарія (VII, 222. VIII, 269), о заложеніи каменныхъ стѣнъ въ Коломитѣ (VII, 222. VIII, 271) и о поставленіи церкви Іоанна Предтечи (VII, 222. VIII, 278). Въ третье оглавленіе заимствованы слѣдующія заглавія: о прибытіи посла Юрія грека (VII, 227. VIII, 219), о приходѣ Иверскаго посла (VII, 228. VIII, 224), о переходѣ в. князя во дворецъ Ивана Юрьевича (VII, 228. VIII, 224), о побѣдѣ Юрія Блжварова (VII, 228. VIII, 227), о пріѣздѣ Михаила Мезецкаго и о входѣ в. князя въ новый дворецъ (тамъ же), объ оставленіи Зосимоу митрополіи (VII, 228. VIII, 228), о поѣздкѣ в. князя по городамъ (VII, 229. VIII, 243), о постройкѣ Тулы (VII, 230. VIII, 269), объ Иванѣ Лицкомъ (VII, 230. VIII, 271), о прибытіи посла Толбузина изъ Рима (VII, 227. VIII, 181) и др. Указанія на заголовки въ Кар. сп. есть на 217, 218, 95, 117, 147, 213, 214, 215, 219, 225, 228, 238, 269, 284, 159, 125, 144, 252, 250, 261, 265, 272, 278 и 249 стр. VIII т.

²⁾ Впрочемъ есть и несходство, именно въ Карамзинскомъ списокѣ пропущено обозначеніе 50 гл.

Парижскомъ сп. пользовался имъ только до 51 гл. да и то не буквально, какъ прежде, а съ нѣкоторыми пропусками; напримѣръ, и о поставленіи двора великаго князя (пропущено „на Ярославскомъ мѣстѣ“) — этимъ извѣстіемъ и заканчиваются заимствованія въ Парижскомъ сп., если не считать извѣстія 53 гл. о смерти княгини Анны Рязанской, объ открытіи мощей преп. Макарія въ 59 гл. и принесеніи иконъ изъ Ржевы въ 62 гл.; сходство формулировки этихъ извѣстій въ оглавленіи Парижскаго сп. можно объяснить случайнымъ совпадениемъ съ формулировкой второго оглавленія. Значить, съ увѣренностію можно сказать, что съ 51 гл. составитель оглавленія при Парижскомъ сп. не пользовался вторымъ оглавлениемъ. Затѣмъ хотя третьимъ оглавлениемъ составитель оглавленія при Парижскомъ сп. пользовался вплоть до самаго конца его, т.-е. до 70 гл., но вполне свободно; такъ прежде всего онъ помѣщалъ въ своемъ оглавленіи не всѣ данныя третьяго оглавленія, а многія пропускалъ, взаимнѣ же пропущенныхъ вносилъ на основаніи текста другія статьи; кромѣ того онъ позволялъ себѣ видоизмѣнять формулировку вносимыхъ изъ третьяго оглавленія; такъ, напримѣръ, конкретныя опредѣленія третьяго оглавленія редакторъ Парижскаго сп. замѣнялъ абстрактными; вмѣсто, напримѣръ, „преставился князь великій Иванъ Ивановичъ“ въ оглавленіи Парижскаго сп. сказано: „о преставленіи великаго князя Ивана Ивановича“; вмѣсто „прииде изъ Цариграда митрополитъ Григорей“ — „о митрополитѣ Григоріе“. Затѣмъ въ оглавленіи при Парижскомъ сп. чаще передаются заголовки, сдѣланные въ текстѣ, между тѣмъ какъ третье оглавленіе представляетъ изъ себя краткое содержаніе статьи, напримѣръ, вмѣсто ничего не говорящихъ заглавій Парижскаго сп. „о свѣтскихъ гѣмцехъ“, „О Абделетиеѣ царя“, „О каляпехъ“ въ третьемъ оглавленіи находятся такія статьи: „О посылкѣ великаго князя на Свпскіе гѣмцы“, „О посаженіи Абделетиева царя на Казани“, „О посылкѣ великаго князя на Кааны“. Иногда эта формулировка настолько отлична, что трудно подъ ней подозрѣвать одинъ и тотъ же фактъ; такъ, напримѣръ, въ 57 гл. извѣстія о прибытіи въ Москву казанскаго посла Шаусейна съ товарищами съ просьбой отпустить по случаю болѣзни царя Магометь Аминя его брата Абдуль Летифа формулировано такъ: во второмъ оглавленіи: „И о приходѣ казанскихъ пословъ Шаусейнъ-сеита съ товарища“; въ третьемъ: „О Мамедъ Аминя царя болѣзни“ и въ оглавленіи Парижскаго списка: „И о послѣ казанскомъ“ (VII, 221, 229. VIII, 6). Эта разница въ формулировкѣ произошла отъ того, что въ оглавленіи, помѣщенномъ

предъ Парижскимъ спискомъ, просто по большей части проставлены заглавія, находящіяся въ текстѣ (см., напримѣръ, 52 гл.), между тѣмъ какъ составитель третьяго оглавленія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ основѣ лежало заглавіе Карамзинскаго списка, составлялъ ихъ на основаніи самаго содержанія. Вслѣдствіе этихъ причинъ—несходной формулировки, пропуска однихъ извѣстій и введенія другихъ—и вышло, что съ середины 49 гл. оглавленіе, помѣщенное при Парижскомъ списокѣ, значительно разнится отъ третьяго оглавленія, хотя послѣднее и служило ему матеріаломъ. Изъ этого же несходства мы выводимъ, что съ 49 гл. составителемъ оглавленія при Парижскомъ списокѣ было другое лицо, а не то, которое составляло его отъ 32 до 49 гл.

Ив. Тихомировъ.

Г. А. Ильинскій. Грамота царя Іоанна Асыня II. Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Русскаго Археологическаго Института“ въ Константинополѣ. Томъ VII, вып. I, Софія. 1901.

Нашъ молодой, плодовитый изслѣдователь-славистъ напечаталъ работу, которая еще разъ напоминаетъ объ одной изъ насущныхъ задачъ славянской науки—систематическомъ и научномъ изданіи южно-славянскихъ грамотъ. Въ то время какъ поляки имѣютъ уже нѣсколько хорошихъ Codices diplomatici, чехи готовятъ къ изданію свой Дипломатарій, сербы, по слухамъ, дѣлаютъ то же; — грамоты болгарскія, кажется, никѣмъ не готовятся къ изданію. А между тѣмъ было бы дѣломъ не особенно труднымъ общее изданіе всего лишь 9 славянскихъ болгарскихъ грамотъ, волею судебъ разбросанныхъ на пространствахъ между С.-Петербургомъ и Асономъ, Софіей и Вѣной.

Работа г. Ильинскаго (15 стр. текста и фотографическій снимокъ) распадается на 6 главокъ: 1) введеніе, 2) текстъ и примѣчанія, 3) палеографическія особенности грамоты, 4) лингвистическія особенности, 5) историческое значеніе грамоты и 6) словоуказатель. Наши нижеслѣдующія замѣчанія будутъ касаться отношенія автора къ предшественникамъ по изученію грамоты; установленія имъ текста грамоты, а отчасти и лингвистическихъ соображеній; опредѣленія имъ историческаго значенія грамоты.

Къ сожалѣнію, отъ вниманія автора ускользнули двѣ работы, занимающіяся грамотой І. Асыня II—1) проф. Калужняцкаго въ XI т. Arch. f. sl. Phil. (стр. 623 — 624) и 2) проф. К. Иречка въ XIX т.

(стр. 603 — 604) того же Архива: съ первой работой пришлось бы считаться нашему автору при установленіи текста грамоты; вторая — познакомила бы его съ одной существенной точкой зрѣнія при изслѣдованіи всякой грамоты. Намъ не нравится и строгость автора къ покойному акад. Срезневскому (стр. 2), тѣмъ болѣе, что и онъ согрѣшилъ тѣмъ же, въ чемъ упрекаетъ Срезневскаго.....

Въ своемъ текстѣ грамоты (стр. 3) авторъ нарушилъ общепринятую у лучшихъ издателей грамотъ на западѣ манеру разрѣшать всѣ сокращенія рукописи, тѣмъ болѣе, если дается снимокъ грамоты: у автора мы видимъ: *амнокниѣ* (1 стр.), *крѣтѣи* (5 стр.), *цѣми* (1 и 11 стр.). Встрѣчается отступленіе отъ вѣрнаго правила заключать въ скобки коньектуры автора въ отличіе отъ позитивныхъ данныхъ рукописи: послѣднее слово текста грамоты должно было бы являться какъ *(цѣ)ми*, какъ это было еще у Калужняцкаго, а не *цѣми*, какъ у автора (по крайней мѣрѣ, къ этому побуждаетъ снимокъ г. Ильинскаго, къ слову — меньше оригинала, и такъ ужъ небольшого). Въ словахъ: *носа* (2 и 3 стр.), *дондѣ* (4 стр.), *прндѣ* (5 стр.) у автора является какой-то странный надстрочный знакъ, между тѣмъ какъ снимокъ свидѣтельствуетъ о надстрочномъ *т*; это тѣмъ болѣе странно, что въ словѣ *ходѣ* (4 стр.) авторъ тотъ же самый знакъ призналъ надстрочнымъ *т*. Въ началѣ стр. 10 авторъ, по нашему мнѣнію, пропустилъ *и*: за это говорить и размѣръ разуры, и остатокъ буквы, и наконецъ параллельное мѣсто въ стр. 1-й. Достаточно взглянуть на размѣры разуры передъ большимъ *е* въ послѣдней строкѣ, чтобы убѣдиться въ несостоятельности предположеній автора (стр. 4) о потерѣ ряда *словъ*. Если авторъ „оставить крестъ и въ переносномъ и буквальномъ смыслѣ“ надъ манерой Срезневскаго при восстановленіи мѣста *о* (.) *омъ либо* въ стр. 10, то да позволить авторъ и намъ поставить крестъ надъ его коньектурой: *о* (*т*) *омъ либо*, въ виду какъ невозможности соединенія этихъ двухъ словъ, такъ и бессмысленности цѣлой фразы, получаемой при такой коньектурѣ; коньектурѣ „*томъ*“ (кстати, снимокъ даетъ остатокъ, напоминающій скорѣе *ш*, чѣмъ *т*) не поможетъ замѣчаніе автора о „недоказанности формы „*шомъ*“ для такихъ древнихъ памятниковъ“. Авторъ, своеобразно смѣлый и оригинальный въ этой коньектурѣ своей, не имѣлъ однако мужества сдѣлать коньектуру при большомъ *е* въ послѣдней строкѣ: изъ предыдущаго „*ше* (*и*)*рѣти*“ невольно заключаешь къ повторяющемуся (*ш*)*е*; Калужняцкій коньектировалъ „(*ш*) *ме*“ (*ме*, при которомъ г. Ильинскій ставитъ знакъ ?, взято у Срезневскаго). Между *то* и *е* (большое) стр. 11

у автора случилось досадное выпадение *ди* (см. снимок). Последнее слово грамоты восстановлено уже г. Калужняцкимъ (съ прибавкой „отъ“ *царства ми*); г. Калужняцкій разрѣшаетъ *цѣли*, какъ *царство, цесарство, цесарство*; г. Ильинскій разрѣшаетъ какъ *цесарство* (въ словоуказателѣ, стр. 15). Г. Ильинскій не указалъ доводовъ, побуждавшихъ его къ тому; думаемъ, что крикъ болгаръ въ битвѣ у Водена съ императоромъ Василиемъ II: „βαλεῖτε ὁ τσαῖσαρ“ (Кодрингъ, Бон. изд. 2. 466) могъ бы служить въ пользу разрѣшенія у г. Ильинскаго.

Кое-что изъ отмѣченнаго нами служитъ примѣромъ того, какъ трудно дается изслѣдователямъ пресловутая акрибія; хотя спѣшимъ оговориться, что стр. 3—6 работы г. Ильинскаго свидѣтельствуютъ о любовномъ отношеніи филолога-палеографа къ старой хартіи; ученая добродѣтель ведетъ уже къ пороку: авторъ отмѣчаетъ пропашу угольковъ буквъ и нюансы окраски разныхъ частей буквъ въ такихъ случаяхъ, когда имѣющійся снимокъ не представляетъ трудности для чтенія.

Съ такою же тщательной любовью произвелъ авторъ и изслѣдованіе памятника съ лингвистической стороны. Читатель, впрочемъ, можетъ пожалѣть, что авторъ не затронулъ вопроса о ринезмѣ. Кое-что можно замѣтить относительно лексики. Авторъ не указалъ значенія словъ: хора, оргия, форось, клисура, кумерькъ (см. словарь), не поставилъ научно вопроса (стр. 9) о ихъ происхожденіи. Едва ли „хора“ употреблено здѣсь только въ значеніи „страны“ (стр. 9): см. строку первую грамоты.

Авторъ склоненъ считать всѣ вышеуказанныя слова заимствованіемъ отъ грековъ (Византія). Кажется, 3 послѣднія слова съ одинаковымъ—можетъ быть, большимъ—правомъ можно считать заимствованіемъ отъ „Romani“ Далмаціи, откуда они, можетъ быть, попали и къ византіянамъ: изъ *clausura, compurgium* (признаки романскаго нарѣчія въ Далмаціи: переходъ *й* черезъ *й* въ *і*; *о* въ *и*; *с* и *д* передъ *с* и *і* въ *gutturales*, см. „Die Romanen“ Иречка, стр. 81—83) одинаково легко могли возникнуть какъ греч. *κλεισοῦρα* и *κομέρκιον* (а также и *κομέρκιον*), такъ и болгарскія „клисура“ и кумерькъ (кумерекъ?); „форось“, какъ и визант. *φόρον*,—изъ лат. *fohup*. Нѣтъ ли, далѣе, различія между „куша“ стр. 2-ой (купля—продажа) и стр. 3 (*mercēs*—товарь)?

Переходя къ разсужденію г. Ильинскаго объ историческомъ значеніи грамоты, мы, къ сожалѣнію, должны отмѣтить отсутствіе здѣсь

у автора той внимательности къ дѣлу и тѣхъ знаній, которыми отличаются изслѣдованія палеографическое и лингвистическое. Общая характеристика правленія царя І. Асѣня II, занимающая почти половину V-й главы, совершенно не нужна для пониманія содержанія грамоты. Вторая половина главы даетъ комментарий къ географическимъ терминамъ грамоты. Комментарій этотъ, прежде всего, крайне неровенъ: въ то время какъ при однихъ названіяхъ (Бдинь, Браничево, Бѣлградъ, Загорье, Карвунская хора, Крѣнская, Боруйская, Димоть, Солунь) даны *кое-какія* историческія указанія въ обѣ стороны отъ времени царствованія І. Асѣня II; при другихъ (Трновъ, Прѣславъ, Одринъ, хоры Скопльская, Прилѣпская, Дѣвольская и Албанская) нѣтъ никакихъ указаній.

Совершенно нѣтъ указаній на исторію включенія отдѣльныхъ изъ этихъ областей въ составъ 2-го болгарскаго царства. Читатель, знающій, напримѣръ, исторію перехода Бѣлграда изъ рукъ въ руки, удивленно спросить, почему это авторъ отмѣчаетъ, что Бѣлградъ *еще* при Симеонѣ принадлежалъ Болгаріи (это *еще* заставляетъ предполагать мысль автора о *непрерывности* болгарскаго владѣнія); между тѣмъ знаніе исторіи Бѣлграда, можетъ быть, помогло бы установить другой *terminus* приблизительнаго времени появленія грамоты (первый—Клокотницкая битва). Повидимому, авторъ отождествляетъ нынѣшнее Браничево (*область*; до времени десп. Лазаря еще городъ) съ рим. *Viminacium* (*городъ*). Большимъ *lapsus historicae scientiae* является мысль автора (стр. 10) о существованіи, кромѣ нашей грамоты и надписи Даскалова, еще какихъ-то „нѣсколькихъ хрисовуловъ (sic)“, какъ туземнымъ и современнымъ свидѣтельствомъ о І. Асѣнѣ. Все это произошло отъ того, что авторъ ограничился просмотромъ лишь немногихъ страницъ книги профессора Иречка объ исторіи Болгаріи, не заинтересовавшись другими его и иныхъ работами,—не говоря уже о источникахъ. Такимъ образомъ становится понятнымъ у автора его чувство *nosigny* открытія той причины, которая обусловила упоминаніе Солуны въ грамотѣ,—причины, очевидно—ясной для знающаго исторію отношеній Асѣня къ эмирскому деспотату.

Но если это субъективное настроеніе автора въ данномъ случаѣ и не внесло спеціальной поправки въ 5-ю гл. его работы, то вся ученая фізіономія автора, филолога—лингвиста, несомнѣнно неблагоприятно отразилась на историческомъ изслѣдованіи документа. Г. Ильинскому, видимо, совершенно чужда мысль о томъ, что грамота, уже какъ грамота, заслуживаетъ разсмотрѣнія; что существуетъ цѣлая истори-

ческая дисциплина, занимающаяся грамотами съ этой точки зрѣнія, такъ называемая дипломатика; что южно-славянская дипломатика почти совсѣмъ не разработана (единственная цѣнная работа—профессора Иречка), и что поэтому каждая новая страница по этой части была бы встрѣчена съ благодарностью.

Между тѣмъ по этой части г. Ильинскій сообщаетъ намъ только о размѣрахъ грамоты, о ея тряпичной плохо сохранившейся бумагѣ, о четырехъ четырехъконечныхъ крестахъ на ней (2 киноварные) и киноварной подписи царя. Авторъ не разбираетъ формуляра грамоты сравнительно съ формулярами грамотъ византийскихъ (частнѣе—эпиротскихъ, см. „Acta graeca“, III, 58—59; 66—67) и славянскихъ (позднѣйшихъ болгарскихъ, сербскихъ и такъ далѣе); не ставитъ вопроса о ея подлинности (ничего нѣтъ о слѣдахъ печати, о замѣткахъ a tergo, о намекахъ на существованіе грамоты, слѣдовательно—до извѣстной степени и подлинность,—въ грамотѣ договорной рагузанцевъ съ Михайломъ Асѣнемъ, въ 1253 г., у Mikl. Monum. Serbica, 35—40; въ рагузанскихъ архивахъ Resti и Gondola, Monum. spect. Hist. Sl. meridional. XXV, 91—92) и такъ далѣе.

Все это указано нами не въ укоръ г. Ильинскому: просто, это есть результатъ современнаго развитія славистики, не позволяющаго ученому работнику быть компетентнымъ во всѣхъ ея областяхъ. Изданія грамотъ такого крупнаго филолога, какъ Миклошичъ, не удовлетворяютъ историковъ; объ изданіи „Acta croatica“ г. Шурмина высказался съ этой стороны еще такъ недавно профессоръ Иречекъ.

Вообще для будущаго изданія Corpus diplomaticus Bulgariae (также Serbiae и пр.) потребуются соединенныя силы филологовъ и историковъ.

Н. Петребовъ.

Библиотека Московской Синодальной типографіи. Ч. I. Рукописи. Вып. 3. Псалтири. Описалъ Валерій Погорьловъ. Съ приложеніемъ статьи „О редакціяхъ славянскаго перевода Псалтири“ и четырехъ фототипическихъ таблицъ. М. 1901. LXIV+175 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ названной работы не новичекъ въ дѣлѣ описанія рукописей: ему принадлежитъ и предыдущій выпускъ описанія рукописей московской синодальной типографіи, обнимающій лексиконы и часть сборниковъ. Въ настоящій третій выпускъ вошло описаніе 19-ти различныхъ Псалтирей, принадлежащихъ библиотекъ, въ томъ числѣ и

стихотворной Псалтири В. К. Тредіаковского. Описаніямъ предпослана статья „О редакціяхъ славянскаго перевода Псалтири“, богатая цѣнными замѣчаніями, хотя и не исчерпывающая предмета, такъ какъ авторъ основывалъ свои выводы только на томъ матеріалѣ, какой могъ найти въ Типографской бібліотекѣ съ прибавленіемъ незначительнаго числа печатныхъ пособій. Даже Псалтири Синодальной бібліотеки: 1296 г., XIV и XV вѣка остались внѣ изслѣдованія г. Погорѣлова, не говоря уже о рукописяхъ другихъ собраній. Можно объ этомъ только пожалѣть и пожелать, чтобы уважаемый авторъ со временемъ пополнилъ и переработалъ свою цѣнную и интересную статью въ зависимости отъ новаго матеріала.

Самый способъ описанія Псалтирей—слѣдующій: описатель приводитъ названіе рукописи, отмѣчаетъ степень ея сохранности, размѣръ буквъ, матеріалъ, количество тетрадей, сопровождая эту общую характеристику экскурсами въ область палеографіи. Затѣмъ приводитъ записи и останавливается подробно на языкѣ, выписывая всѣ маломальски интересныя и важныя для опредѣленія мѣста написанія—слова и выраженія, иногда добавляя въ скобкахъ слова греческаго оригинала.

Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе редакціи перевода, слободно схемъ, установленной во вводной статьѣ, перечисленіе статей, псалмовъ и пѣсней, входящихъ въ составъ рукописи, сколько-нибудь обращающихъ на себя вниманіе филолога. Заключается описаніе каждой рукописи характеристикой (въ общихъ чертахъ) переплета. Кромѣ того, изрѣдка г. Погорѣловъ выписываетъ полностью или въ отрывкахъ статьи, представляющія историко-литературный интересъ.

Особенное вниманіе автора описанія привлекли на себя различныя особенности языка описываемыхъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторыхъ уже касались изслѣдователи судьбы древне-русскаго языка (академики А. И. Соболевскій и А. А. Шахматовъ). Г. Погорѣловъ тщательно выбираетъ изъ рукописей все, что сколько-нибудь важно для характеристики говора ихъ писцовъ. По поводу этой стороны описанія позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

При характеристикѣ языка Псалтири XIV вѣка № 47 (29) (стр. 26), авторъ выражаетъ мысль, что написаніе *борущаяся* (ру вм. рю) можетъ указывать на потерю смягченія; къ этой же категоріи словъ съ утраченнымъ смягченіемъ относитъ онъ и *простру* (-рю), стр. 30, *размыру* (-рѣ) (Псалтирь № 49, стр. 46). Проще, кажется намъ, видѣть въ данныхъ случаяхъ явленіе не фонетическое, а графическое,

давно уже отмѣченное въ старыхъ рукописяхъ А. И. Соболевскимъ: здѣсь v — y —нашему y , тогда какъ y —всегда передается черезъ ou , δ , ζ .

Форма *есмѣ*—1 л. мн. ч. въ той же рукописи (стр. 26) интересна, какъ замѣчаетъ авторъ; но едва ли представляетъ она что-либо замѣчательное; не забудемъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ памятникомъ, отличающимся помимо псковскихъ—еще и новгородскими диалектическими особенностями: возможно n вм. $и$. Врядъ ли возможно, на нашъ взглядъ, рѣзко разграничивать говоръ писцовъ этой рукописи. Относительно новгородскихъ особенностей говора писца замѣтимъ, что авторъ нѣсколько увлекается, приписывая этому говору, какъ обычную особенность,—употребленіе $и$ вм. e (стр. 29). Намъ извѣстно какъ въ древнихъ новгородскихъ памятникахъ, такъ и въ позднѣйшихъ, да и въ народной современной рѣчи новгородцевъ произношеніе n — $и$, а не e какъ $и$; послѣднее явленіе, независимо отъ вліянія ударенія,—въ новгородскомъ говорѣ далеко не часто.

Врядъ ли для *новгородскаго* памятника можно приписывать значеніе употребленію во многихъ случаяхъ e и ϵ вмѣсто n : сено и т. п. Нѣсколько страненъ примѣръ, приведенный въ подтвержденіе выказаннаго относительно смѣшенія n — e , ϵ : *първѣца*, л. 135. Отмѣтимъ въ той же рукописи характерное галицко-русское: на въведѣльѣ, л. 16. Вообще вопросъ о языкѣ разбираемаго памятника очень сложенъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ рядомъ несомнѣнныхъ наслоеній, повліявшихъ на неустойчивую и смѣшанную графику памятника.

Анализируя языкъ пергаменной Псалтири XIV—XV вѣка № 50 (30), на стр. 52—54, авторъ опредѣляетъ его, какъ церковно-славянскій русскаго извода, но указываетъ и нѣкоторыя особенности, изъ коихъ оди́нъ склоненъ считать новгородскими (мѣна $и$ — $ч$, *жѣ* вм. *ждѣ*), другія же „остаются совершенно неясными“. Дѣйствительно, написана эта Псалтирь очень небрежно и въ ней много описокъ и ошибокъ, чисто механическихъ, не объяснимыхъ изъ данныхъ исторіи русскихъ говоровъ, на примѣръ, *нешихъ* вм. *нашихъ*; но нѣкоторыя написанія могутъ быть, какъ намъ кажется, объяснены съ достаточной долей вѣроятности—изъ предположенія, что писецъ былъ жителемъ юго-западной Руси.

Прежде всего указываетъ на это обстоятельство мѣна n (= $и$) съ $ы$, на примѣръ, р. пад. *пагоубѣ* (=ы), *расыпал*, *вѣтъ* (=ы). Далѣе— n произносилось писцомъ какъ $и$: *излини* (измѣны); къ числу южно-русскаго особенностей можно отнести и смѣшеніе твердыхъ согласныхъ съ мягкими: *тылѣ* (м. ед.), *избы рыбы* (изби рыбы); плавные

также представляли для писца немалое затрудненіе: мы находимъ у него то мягкое, то твердое *p*—*сиритъ*, но—*градый*, *обращотса*; тоже и относительно *л*, которое чувствовалось уже слуху писца, какъ среднее, подобно современному намъ малорусскому: *испольнитъ*, *поглюмлюса*, и т. п.

Отмѣченная г. Погорѣловымъ мѣна *г* и *х*: *лаби* (=хлани), *хрѣбтъ* (хрѣбтъ), *проухомъ* (прѣгомъ) и т. п. могла явиться на письмѣ только тогда, когда *г*, произносимое какъ лат. *h*, стало мѣшаться въ представленіи писца съ *х*. Изъ придыхательнаго произношенія этого согласнаго объясняется и совершенное исчезновеніе его на письмѣ въ словахъ: *разорѣ* (=разгорѣса), *ккалх* (=геваль), даже—*оранъ* (=органъ).

Если же добавить къ сказанному формы: *забуовенъ* (ср. *забувати* млр.), *сукхзвексамгса*, считаемыя авторомъ за описки, то получимъ достаточно рельефныя черты говора писца.

Случай замѣны одной согласной другою, приведенные г. Погорѣловымъ въ § 15 (стр. 53), могутъ быть объясняемы различно. Въ формахъ: *обидеть* (=опадеть), *неготовахъ* (=неготовахъ), на *широду* (=широту) обнаруживается индивидуальный недостатокъ произношенія писца; *врагъ* (вм. врагъ), *тревоуеши* (=требуеши), *товою* (=тобою) и т. п.—могутъ быть объяснены, какъ явленіе чисто графическое, смѣшеніе небрежнымъ писцомъ сходныхъ по начертанію *б* и *н* съ квадратнымъ *в*, начавшимъ появляться въ XV вѣкѣ. Быть можетъ, въ *взому*=взову—то же явленіе, что и въ русскихъ говорахъ: *мнманіе*, *мнукъ* и т. п.

Разсматривая языкъ Псалтири XIV—XV вѣка № 51 (31), на стр. 59, авторъ допускаетъ нѣкоторыя неточности, вѣроятно по недосмотру: такъ въ *челока*—видитъ полногласную форму. Едва ли также въ *разизаетса*—*з* вмѣсто *ж*, согласно свойству псковскаго говора: здѣсь описка, опущено послѣ перваго *з*—*д*. Также сомнительно, чтобы употребленіе *ц* вм. *ш*, напримѣръ, *видѣца* (вм. видѣша) было явленіемъ фонетическимъ, а не графическимъ. Появленіе *ы* вм. *ь* послѣ *ц* въ окончаніи м. над. именъ—обычно по отвердѣніи этого согласнаго: въ *роуцы*.

Для Псалтири XV—XVI вѣка № 55 (37) авторъ описанія предполагаетъ средне-болгарскій оригиналъ, основываясь на мѣнѣ юсовъ; но возможно, что здѣсь мы имѣемъ только подражательное правописаніе, бывшее своего рода модой въ XV вѣкѣ, въ зависимости отъ нѣсколько ранѣе начавшагося южно-славянскаго вліянія. Такое право-

писаніе находимъ въ массѣ рукописей, напримѣръ—хотя бы въ рукоп. Ундольскаго № 560: *скажѣть* 110, *скѣтащѣага*, *ib.*, *наркѣ* 111, и тутъ же—*прѣжаси* 110, *рекшомъ* 111 об., *дрѣжахъ*, *просѣкшомъ* 115; или въ рукоп. нач. XVI вѣка № 2515, М. Публ. Музея, несомнѣнно русской, даже—западно-русской (*одежю*, *оболчена* 108; *попытають* 117 об. и т. п.) читаемъ: *знаменъ* *хъ* *дѣсть* *ризиѣа* (*знаменѣа...*) л. 122, *дѣмѣны* *хлѣбы* 122 об., 124 об.; *пѣтъшестѣ* *хъ* (-а) со творѣше 123, *нишѣому*, *бывааше* 127, и тутъ же собѣ 235 и масса другихъ русскихъ формъ и фонетическихъ особенностей, наряду съ явлениями подражательной орфографіи. Количество русскихъ рукописей XV—XVI вѣка съ подобнымъ правописаніемъ очень велико.

Сказанное о подражательности его относится и къ постановкѣ удареній, ставившихся въ рукописяхъ этого времени часто уже не столько ради вѣрности произношеній, сколь ради красоты, своеобразно понимаемой.

Употребленіе въ Типографской Псалтири № 55 (37) формы въ родѣ *оудкорнѣа*, смѣшеніе и съ *ы*, отвердѣніе *р* можетъ также указывать на юго-западное происхожденіе этой рукописи.

Иное дѣло—рукописи безспорно списанныя съ средне-болгарскаго оригинала; здѣсь формы въ родѣ: *разнѣстаѣа* 13, *стошѣ* 2, *кряѣащимѣа* 16, *кингѣ* *ѣлѣкѣа* *гѣ* 15 об., *наркѣшѣ*, *вѣшѣ* 17 об., *лѣжѣшимѣ* 18 об., *волѣзынѣащѣа* *дѣшѣ* *моа* 19, *жѣдаащѣа* 15 и т. п. являются не рѣдкимъ явленіемъ, а почти постоянно наряду съ другими типичными формами: *дѣхѣсѣ* 12, *вахше* (больше) 14, *ама* 18 об., *нѣ* (часто), *дрѣзѣсти* *испакиѣа* 13; *кряма*—вездѣ съ *ь*, также и *нрѣ*—приставка, *жд* на мѣстѣ русскаго *ж* (изъ *dj*) и т. д. Эти примѣры взяты нами изъ рукописи Имп. Публ. библ. F. I, № 738, конца XV—начала XVI вѣка, но ими богаты и другіе многочисленныя списки съ средне-болгарскихъ оригиналовъ, хотя бы слѣдующая рукопись, описанная г. Погорѣловымъ. Это—слѣдовавшая Псалтирь № 59 (223) XVI вѣка—несомнѣнный списокъ съ болгарскаго оригинала, хотя нѣкоторыя особенности ея мы находимъ въ русскихъ рукописяхъ XV вѣка; таково появленіе второго *i*, напримѣръ: *Курѣла* (стр. 113, 116), ср. въ Лунникѣ XV вѣка (1483 г.), изданномъ нами по рукописи Киево-Мих. мон. № 493 (1655): *оубѣи* (вор. 3 л.) 165, *Симъ* (Симъ, с. Ноя) 166 об., *сиѣмо*, *сиѣце* 169 и т. п.

Но наряду съ слѣдами болгарскаго оригинала въ этой Псалтири—мѣна *и*—*ч*, указывающая на мѣсто, гдѣ былъ сдѣланъ списокъ, или на родину писца: *тъиченѣсецъ*, 427 об.

Отмѣтимъ еще нѣсколько случаевъ появленія неорганическаго j-та: *благодѣробию* (Пс. XV вѣка, № 56, стр. 84), *ютрыбы*, *юліа*, *блаююханное* (нач. XVI вѣка, № 59, стр. 99 и 117). Въ рукописи № 49 (35) конца XIV вѣка въ выраженіи „*немоцо есмь*“ просто опущено *и* подѣ титломъ надѣ *о*.

Этимъ закончимъ наши немногія замѣчанія касательно языка рукописей, описанныхъ внимательно, съ большимъ стараніемъ и знаніемъ дѣла г. Погорѣловымъ, и обратимся къ нѣкоторымъ статьямъ, затронутымъ описателемъ, или даже иногда изданнымъ полностью.

Тамъ, гдѣ встрѣчается выраженіе или цитата, вошедшая въ употребленіе, какъ пословица — она внимательно отмѣчается: такъ въ рукописи № 46 (28) XIV вѣка отмѣчено: л. 115 об. — „чресь свою колоду иного треску вижю“; или въ рукописи № 49 (35), л. 47: „инимъ треску вѣда, а на собѣ колоды не чмѣ“ (стр. 21). Въ рукописи № 59 (223) на л. 271 найдена пословица: „что посѣешь тѣ ѿ пожнешь“ (стр. 123).

Записи и приписки также обращаютъ на себя вниманіе описателя: на стр. 84 онъ приводитъ интересную записъ съ цѣной Псалтири.

Обратимся теперь къ болѣе крупнымъ статьямъ, имѣющимъ историко-литературное значеніе. Въ этомъ смыслѣ настоящій трудъ если и не исчерпываетъ вопроса, если не даетъ новаго исправнаго изданія интересныхъ памятниконъ, зато заставляетъ критически отнестись къ изданіямъ другихъ, ранѣе его работавшихъ надъ тѣмъ же рукописнымъ матеріаломъ. Начнемъ съ самаго крупнаго, съ вопроса о гадательныхъ Псалтиряхъ.

На стр. 36—39 своего труда г. Погорѣловъ переиздаетъ гадательныя приписки къ Псалтири XIV вѣка, № 47 (29). Эти приписки, какъ извѣстно, были по этой самой рукописи (обозн. 103) напечатаны П. П. Срезневскимъ въ его „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ“ подѣ № XXXIV и В. П. Срезневскимъ въ изслѣдованіи „Древне-славянскій переводъ Псалтири“, но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Погорѣловъ — „очень неполно и неточно“. А. П. Соболевскій въ своихъ „Очеркахъ по ист. р. яз.“ добавилъ нѣсколько приписокъ, проф. М. Н. Сперанскій въ книгѣ, вышедшей за два года до труда г. Погорѣлова, „Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. I. Гаданія по Псалтири“, 1899 г., переиздалъ гадательныя приписки по этой же рукописи Типографской библіотеки.

Такимъ образомъ эти приписки останавливали на себѣ вниманіе многихъ ученыхъ, но имъ почему-то очень не посчастливилось въ изданіяхъ: всѣ издатели сильно расходятся въ своихъ показаніяхъ не

только относительно чтенія ихъ, но и относительно количества. Сравнимъ то, что имѣемъ въ послѣднемъ изданіи проф. Сперанскаго, вышедшемъ до труда г. Погорѣлова съ данными, имѣющимися у него. Получается слѣдующее.

Пс. 3, л. 18. Г. *Сперанскій*: „с ѡгромъ ѡрѣдне твоѡ“. Г. *Погорѣловъ*: „сѡстроу...“, что далеко не одно и то же.

Пс. 4, *Погорѣловъ*: вѣдѣ ти вгѡ проиши“; г. *Сперанскій* дополняя чтеніе: ...„дѡвро вгѡ...“, относить эту приписку на л. 19-й.

Пс. 6, л. 20— г. *Погорѣловъ* не отмѣчаетъ приписки послѣ слова ...хота:— ...„иѣ ти вѣдѣ“, приведенной у г. *Сперанскаго*.

На томъ же л. 20 послѣднимъ авторомъ отмѣченъ слѣдъ бывшей здѣсь приписки, чего нѣтъ у г. Погорѣлова.

Пс. 16, л. 31 об. у г. *П.*—„...но с пѣкостью“; у г. *С.*: „...ѣ пѣкостью“.

Пс. 29, л. 48 об. *П.*: „с трудома...“, *С.*: „с трудома“.

Пс. 30, л. 50, у г. *П.*: | нечакѡму), у г. *С.*: нечакѡми.

На л. 55 г. *Сперанскимъ* прочитано: „...мѡши в...“, что возста-новляется такъ: „<Еже оумышл>мѡши б<оудеть ти>; на л. 58 *имѣ же* прочитано: „не т<ужа>. Обоихъ чтеній не находимъ у г. *Погорѣлова*.

На л. 56 г. *Погорѣловъ* прочелъ: „поконѡ да не ви<у...>; у г. *С.* только первыя три слова.

На л. 69 об. г. *С.* прочитано: „...итъ сѡру...“, у г. *П.*—пѣтъ.

Пс. 58, л. 87 у *П.*: „ѣи дѡложно<оруднѣ>“, у *С.*: ...„дѡлж(?)жно“.

Пс. 59, л. 88, у *П.*: скерви<оруднѣ>, у *С.*: „...скер(?)вио о...“.

Пс. 68, л. 99, у *П.* „друже сѡхави се сѡру<днѣ...>“ и л. 99 об.— „...не твоѡ ако сѣнце“. У г. *С.* обѣ приписки слиты такъ: „друже сѡхави се сѡру... твоѡ ако сѣнце“ и помѣчены л. 99 об.

Пс. 72, л. 107, у *П.*: сѡ немъ <же печѡши>, у *С.*: „сѡ немъ же не...“, что дополняется—„печѡлѣшь“ и т. д.

Была приписка и на л. 108, что отмѣчено въ изданіи проф. *С.*

Пс. 74, л. 110, у г. *П.* ...<в м>, у *С.*: ...въ м.

Крупное разногласіе находимъ въ Пс. 75, л. III: у г. *П.*: ...ашѣ <ѡскориши>, у *С.*: „...ашѣ вѡкор...“.

Пс. 79, л. 123, у *П.*: сѡрѣдне, у *С.*: „...не р...“.

Пс. 83, л. 127, у *П.*: ...не<мѡши>, у *С.*: „...немѡше...“.

Пс. 85, л. 130, у *П.*: кже еѡ ѡмѣсанах (помощь ти вѣдетъ ѡ вѣ), у *С.* только: „кже еѡ (sic) ѡмѣсанах...“

Пс. 90, л. 138, у *С.* „пѡстави сѡкѣтъ сѡи в“, у г. *П.*: [сѣ]сѣтъ...

Пс. 93, л. 142, у *П.*: „жестокѣ ти сѣрѣдне несть ти“, у *С.* только „жестокѣ ти сѣрѣдне“...

На л. 142 и 145 об. г. *Погорьловымъ* не упомянуты слѣды утраченныхъ приписокъ, отмѣченные г. *Сперанскимъ*.

Но зато у г. *С.* немного ниже два крупныхъ пропуска, двѣ приписки, приведенныя г. *П.*:

Пс. 99, л. 148 об., „не дворазѣместѣви орѣдни семь“.

Пс. 100, л. 149 об., „тажко сѣрѣдне свѣдѣться“.

Пс. 104, л. 157, у *П.*: „оукрѣпи...“, у *С.*: „оукрепи...“.

Одна и та же приписка къ 106 Пс., „орѣдне довро свѣдѣться ворзо“—у *П.* отнесена къ л. 164, у *С.*—165 об.

Пс. 111, л. 171 об., у *П.* „имать ородниѣ...“, у *С.* „имать ороѣдне“.

Пс. 118, л. 186, у *П.*: „оухависа оруди^а <сего>...“, у *С.*: „...ору<ди>в^а св<сего>...“

На л. 192 об. у *П.* не показанъ слѣдъ приписки, отмѣченный г. *С.*: „...ши...“. На л. 194 об. опущена приписка г. *Погорьловымъ*, отмѣченная г. *С.*: „не тѣжи ѿго же хощеши“..., и повторяющаяся ниже на л. 199. На л. 200—у *П.* не отмѣченъ слѣдъ приписки. Въ припискѣ къ Пс. 139, на л. 205 г. *П.* прочелъ два лишнихъ слова: „...но ш...“.

На л. 206 къ Пс. 140—приписка „орѣ<ни> твоѣ ш <оуккакаго>, отчасти прочтенная г. *С.*, вовсе не упомянута г. *П.* На л. 206 об.—г. *С.* отмѣченъ слѣдъ приписки.

Но—г. *Сперанскій* въ свою очередь опускаетъ приписку на л. 208, къ Пс. 142-му: „исполнишеса вагы домѣ твоего“, напечатанную г. *Погорьловымъ*, и слѣдующую „полѣченз послание...“ — помѣчаетъ л. 208, а не 209.

Пс. 144, л. 210 у *П.*: „...и оусам<шить та вѣх>“, у *С.*: „...<та гѣх>“.

При Пс. 149, л. 214 об. г. *Погорьлову* удалось прочесть лишнее слово—„пмать“.

Такимъ образомъ сравненіе показываетъ, что оба повѣяшіхъ издателя—далеко не безукоризненны и ихъ изданія взаимно дополняютъ пропуски того или другого. Но вѣдь возможны и общія ошибки. Вотъ почему считаемъ небезполезнымъ новое изданіе интереснаго памятника, но уже вполне точное, безъ пропусковъ цѣлыхъ приписокъ.

Изъ другихъ статей, приписанныхъ къ различнымъ рукописямъ Псалтирей Типографской библіотеки, упомянемъ „Сказаніе о томъ, како съставленъ бысть Псалтирь Давидомъ“. Эта статья въ различныхъ ре-

дакціяхъ встрѣчается въ значительномъ числѣ старыхъ списковъ Псалтири; преимущественно её находимъ при слѣдованныхъ Псалтиряхъ. Впервые напечатанная Купріяновымъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1855 г. декабрь стр. 165) по рукописи Новг. Софійскаго собора, позже указанная Горскимъ и Невоструевымъ (Опис. Синод. Библ., № 406 (350), XV вѣка, № 431 (325) XIV вѣка) и г. Погорѣловымъ, въ рук. Типогр. библ., XIV вѣка, № 49 (29) и въ иныхъ редакціяхъ № 61 и № 48, № 45—эта статья заслуживаетъ вниманія изслѣдователей. То же слѣдуетъ замѣтить и о Поученіи Савы (въ Пс. Типогр. № 50), также встрѣчающемся въ рукописяхъ: мы имѣемъ въ виду не статью Саввы Іерусалимскаго, а другого, котораго нельзя отождествлять съ извѣстными его одноименниками.

Въ Псалтири XVI вѣка, № 57 (190) находимъ двѣ статьи символически истолковывающихъ слова: тимпанъ, псалтырь и др. Одна изъ нихъ довольно извѣстна: *нач.*: „что убо есть ѳалтырь красенъ съ гуслими“... *Отвѣтъ*: „Псалтырь есть умъ, гусли суть мысли“, и т. д.—её встрѣчаемъ и въ Пс. XII—XIII вѣковъ Новг. Соф. собора, въ рук. Имп. Публ. библ. XIII вѣка, Q. I. № 18, въ рук. XV вѣка, F. I. 738 и др. той же библиотеки. Но вторая, начинающаяся: „Тимпанъ тѣло, ѳалтырь же духъ, душа же гусли“ и т. д.—намъ отдѣльно не встрѣчалась.

Обратимъ въ заключеніе наше вниманіе на три гадательныя статьи, приписанныя къ Типографскимъ Псалтирямъ ихъ первоначальными владѣльцами и переписчиками.

Въ Псалтири *нач.* XV вѣка, № 54 (36) на пергаментѣ, на оборотѣ 154 л.—небольшая статейка о злыхъ дняхъ по мѣсяцамъ, заслуживающая вниманія изслѣдователей гадательной и прогностической литературы.

Въ другой рукописи Псалтири *нач.* XVI вѣка, № 59, (223), вписана на л. 563 статейка, заключающая въ себѣ указанія, когда можно спать и въ какое время года, что въ какое время ѣсть и т. п.,—прототипъ которой находимъ еще въ одномъ изъ Изборниковъ Святослава; начало ея: „Книжныхъ мѣсяцей съть десатого числа февраля до вторагонадесятъ числа маіа; то есть весна в полъ дѣи неспати“—сразу ставить эту статью съ современными намъ народными примѣтами и повѣрьями.

Третья статья прогностическаго содержанія приписана къ Псалтири XVII вѣка, № 62 (227), л. 368 об. и относится къ категоріи Лунниковъ. Она заключаетъ въ себѣ указанія на отношенія между фа-

зами луны и состояніемъ погоды, *нач.*: „Егда будетъ луна седми дней, тогда бываетъ молоду перекрой“... Этотъ текстъ Лунника представляетъ значительное отличіе отъ изданныхъ нами нѣсколькихъ редакцій (во 2-мъ вып. Матеріаловъ къ исторіи апокрифа и легенды, 1901). Можно пожалѣть, что составитель описанія не издалъ полностью этого маленькаго текста (менѣе страницы рукописи).

Изъ рук. № 63 (1037) г. Погорѣловъ напечаталъ при Описаніи—первый и пятый псалмы въ стихотворномъ переводѣ В. К. Тредіаковскаго. Этотъ переводъ, обнимающій всѣ псалмы Давида и пророческія пѣснн, — былъ представленъ Тредіаковскимъ въ св. Синодъ въ 1755 г. О достоинствѣ перевода см. замѣчанія въ нашихъ „Измѣдованіяхъ и матеріалахъ“ (т. III, стр. 295—297 и 341—343, 1902 г.).

Закачивая обзоръ содержанія новаго труда г. Погорѣлова, пожелаемъ, чтобы его неутомимая энергія доставила намъ возможность въ непродолжительномъ времени увидѣть и послѣдующіе выпуски описанія рукописей богатой ими Типографской бібліотеки, а затѣмъ—и опись дѣлъ архива, заключающихъ въ собѣ массу данныхъ для исторіи церкви, литературы и просвѣщенія въ началѣ XVIII вѣка.

В. Черетцъ.

Новое о Сервантесѣ и „Донъ Кихотѣ“.

- 1) LAS „NOVELAS EJEMPLARES DE CERVANTES“. SUS CRITICOS. SUS MODELOS LITERARIOS SUS MODELOS VIVOS, Y SU INFLUENCIA EN EL ABTE. POR *Francisco A de Icaza*. Obra premiada por el Ateneo de Madrid 1901. 2) HISTORIA DE VARIOS SUCEOS OCURRIDOS EN LA ALDEA DESPUES DE LA MUERTE DEL INGENIOSO HIDALGO DON QUIJOTE DE LA MANCHA. POR *José Abaurre y Mesa*. T. I и II, М. 1901. 3) *EMILIO COTARELO y MORI*. ESTUDIOS DE HISTORIA LITERARIA DE ESPAÑA. Madrid 1901. Г) II (двѣ статьи: Otro imitador de Cervantes en el siglo XVIII. Las imitaciones castellanas del Quijote). 4) *El Loaysa de „El celoso extremeño“*. ESTUDIO HISTORICO-LITERARIO. POR *Fr. Rodrigues Marin*. Sevilla 1901.

Названныя сочиненія, различныя по объему и внутреннему достоинству, представляютъ собой послѣднія, сколько намъ извѣстно, новости въ литературѣ о Сервантесѣ. Попытаемся въ немногихъ словахъ познакомить съ ними читателей.

Въ литературѣ о Сервантесѣ до послѣдняго времени былъ существенный пробѣлъ: отсутствовала монографія, специально посвященная „Примѣрнымъ новелламъ“ Сервантеса, значеніе которыхъ вслѣд-

ствіе этого въ литературѣ и критикѣ представлялось весьма неслышимъ.

Изящно изданная книжечка г. Икасы распадается на три отдѣла. Въ 1-мъ (1—77 с.) авторъ слѣдитъ за судьбой „тридцатилѣтнихъ новеллъ“ въ критикѣ. Онъ начинается съ современниковъ Сервантеса, говоритъ объ испанской критикѣ XVII и XVIII ст., о французскихъ комментаторахъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Флоріану, и подробно анализируетъ мнѣнія известныхъ специалистовъ по Сервантесу, начиная съ *Майнеса* и кончая *Меримэ* и *Шалемэ*. Результаты этого обзора далеко не утѣшительны. Сужденія критики о новеллахъ Сервантеса до послѣдняго времени не отличаются ни зрѣлостью, ни глубокомыслиемъ. Многіе отзывы положительно нелѣпы.

Во 2-мъ отдѣлѣ (91—225) авторъ говоритъ объ источникахъ новеллъ. Однако здѣсь ему не удалось сдѣлать сколько-нибудь значительныхъ открытій. Впрочемъ правильно г. Икаса замѣчаетъ, что Сервантесъ располагалъ весьма скуднымъ литературнымъ матеріаломъ и гораздо болѣе наблюдалъ и изучалъ людей, чѣмъ читалъ. Во всякомъ случаѣ въ этой главѣ сведено г. Икасой все, что можно сказать по этому вопросу.

Въ 3-мъ отдѣлѣ (230 — 269) мы читаемъ о вліяніи новеллъ Сервантеса на повѣствовательную литературу. Оказывается, что это вліяніе невелико и идетъ притомъ исключительно изъ фабулы рассказовъ Сервантеса, которые послужили канвой довольно многочисленныхъ, но бездарныхъ произведеній, особенно театральныхъ.

Книга г. Икаса увѣнчана преміей мадридскимъ учено-литературнымъ обществомъ „Атенео“—родъ частнаго клуба-академіи,—весьма популярнымъ въ Испаніи учрежденіемъ.

Второе сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали, „Исторія о различныхъ происшествіяхъ, случившихся въ деревнѣ послѣ смерти Донъ Кихота Ламанчскаго“, любопытно лишь въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ, насколько бессмертный романъ Сервантеса не перестаетъ волновать и интересовать современнаго испанца. Г. Абаурре и Меса задается цѣлью сообщить фантастическія похождения главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Донъ Кихота“ послѣ смерти рыцаря. Интригу и основную мысль составляютъ сумасбродство Караска, которому совесть не даетъ покоя, обвиняя его въ преждевременной смерти Донъ Кихота. Эта идея сводитъ Караско съ ума, и онъ, въ свою очередь, становится странствующимъ рыцаремъ. Конецъ его весьма трагическій: онъ бросается на воздвигнутую герцогской четой конную статую Донъ

Кихота и падаетъ мертвымъ отъ сотрясенія мозга. Передъ нами появляются ближайшіе друзья Донъ Кихота, во главѣ ихъ Санчо-Панса, и восхваляютъ доблести покойника. Вообще весь романъ посвященъ реабилитаціи Донъ Кихота: герцогъ, герцогиня и другія лица каются въ несправедливомъ и глумливомъ отношеніи къ покойному рыцарю. Несмотря на почти дѣтскую фабулу, повѣсть читается съ интересомъ, возбуждаемымъ старыми знакомыми, игравшими ту или другую роль въ судьбѣ Донъ Кихота. Конечно, ни особенности слога, ни особенности повѣствованія не могутъ претендовать на уровень шедевра Сервантеса.

Котарело и Мори, членъ Мадридской Академіи Наукъ, извѣстенъ своими многочисленными трудами по исторіи испанской литературы. Особенно важны его монографіи: *о гр. Виллмедіана*, *о Турсо де Молина*, *о Виллентъ* и изслѣдованія по исторіи испанскаго театра. Въ своихъ „*Этюдахъ по исторіи литературы Испаніи*“, первый томъ которыхъ появился въ 1901 году, Котарело и Мори собрали свои сравнительно небольшія по объему, но богатые содержаніемъ статьи. Двѣ изъ нихъ касаются Сервантеса и его романа.

Статья „Еще одинъ подражатель Сервантесу въ XVIII ст.“ появилась первоначально въ 1899 году. Она посвящена весьма мало извѣстному, составляющему особенную библиографическую рѣдкость роману конца XVIII ст. (1789 г.), подъ заглавіемъ *El tio Gil Mamuco*, принадлежащему неизвѣстному автору, скрывшему свое имя подъ инициалами (F. V. S. C. P.). Содержаніе этого романа, написаннаго въ подражаніе „Донъ Кихоту“, чрезвычайно интересно. Авторъ задается цѣлью представить сатиру на модное въ его время увлеченіе спекуляціями экономическаго характера.

Въ царствованіе Карла III, при министерствѣ Флорибланка, испанское правительство задалось цѣлью искусственно поднять въ самое непродолжительное время благосостояніе страны. Было выписано много иностранныхъ спекулянтовъ, большей частью искателей легкой наживы, основавшихъ цѣлый рядъ очень смѣлыхъ и даже дутыхъ предпріятій. Въ результатъ получился, конечно, не подъемъ, а паденіе благосостоянія страны. Само собою разумѣется, что и многіе испанцы остались не чужды общему стремленію къ обогащенію и сдѣлались жертвой собственной жадности и легкомыслія. Одного изъ такихъ искателей счастья и удачи выводитъ неизвѣстный авторъ въ *Дядь Мамуко*.

Подобно Донъ Кихоту, „Мамуко“, бывшій до 50 лѣтъ мирнымъ

обывателемъ, начитался про спекуляціи всякаго рода и задумалъ рядъ собственныхъ изобрѣтеній, долженствовавшихъ осчастливить и обогатить человѣчество. Онъ находитъ своего Санчо Пансу въ лицѣ глупаго сосѣда Бласа, съ которымъ и отправляется въ поиски приключеній. Описанію этихъ приключеній и посвященъ романъ, знакомящій насъ съ представителями различныхъ слоевъ общества Испаніи XVIII ст. Книга написана интересно и заключаетъ много вѣрныхъ наблюденій. Но претендовать на уровень романа Сервантеса она не можетъ. Благодаря г. Котарело и Мори мы имѣемъ возможность познакомиться съ однимъ изъ удачнѣйшихъ подражаній приключеніямъ Ламанческаго рыцаря конца XVIII столѣтія.

Другая статья того же автора, помѣщенная въ томъ же сборникѣ статей: „Кастильскія подражанія Донъ Кихоту“, представляетъ собой вступительную рѣчь новаго академика въ первомъ засѣданіи, гдѣ онъ принимаетъ участіе въ качествѣ новаго сочлена. Такія рѣчи всегда представляютъ выдающійся интересъ, такъ какъ новые академики, по понятнымъ причинамъ, относятся какъ къ формѣ ихъ, такъ и къ содержанію, съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Тема, избранная г. Котарело и Мори, одна изъ наиболѣе интересныхъ. Библиографія подражаній „Донъ Кихота“ извѣстна, особенно благодаря прекрасному труду Rius'a (Bibliografía-crítica de las obras de Cervantes) въ двухъ томахъ, но оцѣнки этихъ произведеній Riusъ не даетъ. Кромѣ того въ упомянутую библиографію не вошли сочиненія по Сервантесу, появившіяся въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Поэтому статья г. Котарело и Мори должна считаться вполнѣ своевременной.

Знакомство съ *подражаніями* „Донъ Кихота“, особенно новѣйшими, не можетъ доставить читателю особеннаго удовольствія. Въ общемъ авторы все же поверхностно понимали романъ Сервантеса и подражали лишь фабулѣ его. Художественный элементъ почти отсутствуетъ въ этихъ подражаніяхъ; на первомъ мѣстѣ ставится тенденція, пропаганда извѣстныхъ идей: политическихъ, религіозныхъ, социальныхъ. Заслуживаетъ вниманія, что даже въ бывшихъ колоніяхъ испанскихъ на Кубѣ появились два романа, въ подражаніе „Донъ Кихоту“—настолько сильно впечатлѣніе этого произведенія на всѣхъ, кто можетъ читать эту книгу въ оригиналѣ.

Статья г. Котарело и Мори снабжена цѣннымъ библиографическимъ аппаратомъ, но изложеніе ея чуждо того вышняго блеска, которымъ заслуженно славится кастильское краснорѣчіе.

Послѣдняя изъ разсмотрѣнныхъ новинокъ по внутреннему до-

стоянству можетъ занять первое мѣсто среди отмѣченныхъ нами произведеній. Книга г. *Марина*, ученика профессора Менендеса и Пелайо, представляетъ собой весьма интересный этюдъ о новеллѣ и интермедіи Сервантеса „Ревнивый Эстрададурецъ“. Не ограничиваясь критическими экскурсами, г. *Маринъ* даетъ намъ чрезвычайно интересную характеристику севильской жизни въ эпоху Сервантеса, знакомить насъ съ его связями и отношеніями и дѣлаетъ прекрасно обставленное открытіе, что юноша Лоайса, выступающій въ новеллѣ Сервантеса, никто иной, какъ извѣстный своими похождениями, почти предосудительными, севилянецъ Алонсо Альваро де Сорія. Съ его судьбой авторъ знакомитъ насъ по документальнымъ даннымъ и успѣваетъ вполне убѣдить читателя, что въ Альваресѣ де Сорія мы имѣемъ оригиналь дѣйствующаго лица новеллы Сервантеса.

Равнымъ образомъ и по отношенію къ другимъ эпизодамъ новеллы г. *Маринъ* дѣлаетъ рядъ интереснѣйшихъ наблюденій и открытій. Автору удалось найти неизвѣстную редакцію новеллы, которую онъ и напечаталъ, параллельно съ текстомъ, помѣщеннымъ въ изданіяхъ сочиненій Сервантеса. Книга г. *Марина* представляетъ весьма любопытный и интересный вкладъ въ литературу о Сервантесѣ и обставлена съ научной стороны такъ, какъ рѣдко обставляются книги въ Испаніи.

Л. Шенелевичъ.

Н. М. Павловъ. 1. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 гг.). Томъ первый. М. 1896. Стр. VIII+405.—Томъ второй. М. 1899. Стр. VI+356.—Томъ третій. М. 1900. Стр. VI+426. Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.—2. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. (Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія). (1362—1862). Томъ первый. Н. М. Павловъ. Стр. IV+446. Цѣна 1 р. 50 к.

Николай Михайловичъ Павловъ, много печатавшій подъ псевдонимомъ „И. Бицлинъ“, не новичекъ въ сферѣ историческихъ сюжетовъ. Еще въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка печаталъ онъ историческія повѣсти и разысканія, въ числѣ которыхъ была сохранившая до сихъ поръ извѣстность и значеніе статья „Правда о Лжедмитріѣ“. Образъ мыслей г. Павлова, высоко-патріотическій, извѣстенъ столь же давно, по его статьямъ въ „Русской Бесѣдѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Руси“ Н. Аксакова и по другимъ журналамъ славянофильскаго и охранительнаго характера. Ближе всего г. Павловъ подходит по складу

мыслей къ старымъ славянофиламъ, о которыхъ онъ печаталъ личные воспоминанія свои въ „Русскомъ Архивѣ“ 80-хъ годовъ. Эти свѣдѣнія объ авторѣ освѣщаютъ общее направленіе его историческаго труда. Трудъ этотъ исполненъ съ знаніемъ дѣла и представляетъ собою не компиляцію, а самостоятельную и даже своеобразную переработку какъ перваго матеріала, такъ и исторіографическихъ теорій и выводовъ, въ цѣльное общедоступное описаніе историческихъ судебъ русской народности. Точка зрѣнія автора—патріотическая, съ которой все русское прошлое идеализируется и поэтизируется. Глубокое патріотическое одушевленіе, владѣющее авторомъ, влечетъ его къ лирическимъ порывамъ: иначе нельзя назвать тѣхъ апологій, которыя слагаются авторомъ въ честь русскихъ героевъ, и тѣхъ обличеній, съ которыми обращается онъ къ исконнымъ врагамъ Руси. Образцы того и другого можно указать рядомъ въ III-мъ томѣ. Здѣсь на стр. 62—68 дается неблагосклонная характеристика „такъ называемаго Литовскаго государства“, а на стр. 68 и слѣд. слагается похвала св. Александру Невскому: и то, и другое далеко отъ объективности, отличающей спокойнаго историка, хотя и то и другое не лишено стилистической яркости и красоты. Постоянный подъемъ чувства, съ какимъ была писана книга г. Павлова, отразился и на языкѣ ея. Авторъ хотѣлъ быть народнымъ не только въ своей мысли, но и въ рѣчи, даже въ правописаніи. Г. Павловъ любитъ архаизмы и народные обороты рѣчи, онъ не прочь и самъ составить выраженіе въ подобномъ стилѣ (въ родѣ: „силова-здоровое появленіе русскаго народа“). Все это—и ярко выраженный патріотизмъ, и воодушевленность настроенія, и особый стиль рѣчи, и самостоятельность взглядовъ и выводовъ—придаетъ особую колоритность труду г. Павлова, интересуется и увлекаетъ читателя, заставляетъ его или подчиниться увлекающимъ автора чувствамъ, или рѣзко и остро чувствовать свое съ нимъ несогласіе. Въ этой колоритности труда г. Павлова объясненіе его успѣха и вниманія къ нему.

Указывая на эти общія свойства книги г. Павлова, мы считаемъ ихъ достоинствами книги. Можно не раздѣлять взглядовъ и чувствъ автора, но должно признать, что выражены они въ книгѣ искренно, умно, литературно и увлекательно. Однако есть въ трудѣ г. Павлова и тѣневныя стороны. Во 1-хъ, онъ догматически излагаетъ спорные научные вопросы и этимъ самымъ вводитъ читателя въ нѣкоторое заблужденіе, предлагая ему *мнѣніе* за *истину*. Таково его мнѣніе о варягахъ, что это были „свои“ варяги, славяне изъ Поморья. Это,

пожалуй, наименѣе удачная гипотеза изъ всѣхъ существующихъ. О началѣ Москвы авторъ повторяетъ старыя преданія, не указывая на новую литературу вопроса, но вспоминая мнѣніе забытаго Хомяковскаго (т. I, стр. 176). Специалистъ можетъ обо многомъ поспорить съ г. Павловымъ и много мелочей у него исправить; главнымъ же образомъ будетъ онъ недоволенъ тѣмъ, что для г. Павлова все ясно и что ему все извѣстно и что для него нѣтъ ничего темнаго и непонятнаго въ нашемъ далекомъ прошломъ. Во 2-хъ, изложеніе г. Павлова нельзя не назвать вычурнымъ. Стремленіе къ народности въ языкѣ доводится у него до излишества и кажется искусственнымъ. Къ сожалѣнію, это стремленіе растетъ съ каждымъ томомъ и способно утомить читателя, какъ утомляетъ его, напримѣръ, условный и тоже „народный“ языкъ въ разсказахъ Н. С. Лѣскова. Въ 3-хъ, г. Павловъ во всѣ эпохи своей литературной дѣятельности былъ не чуждъ парадоксальности. Помянутая выше его статья „Правда о Лжедмитріѣ“ представляетъ собою извѣстный среди историковъ образецъ парадокса. Не мало парадоксовъ разсѣяно и въ данномъ трудѣ г. Павлова, начиная съ самаго заглавія, въ которомъ 1362-й годъ, совершенно ничего не значащій въ нашей исторіи, взятъ за рубежь между новой и древней Русью,—конечно, только потому, что это хронологическая середина тысячелѣтія (862—1862) русской исторіи.

Итакъ, трудъ г. Павлова есть субъективный обзоръ первой половины нашей исторіи, написанный живо и со знаніемъ первоисточниковъ, отличающійся и достоинствами выполненія и нѣкоторыми частными недостатками въ содержаніи и формѣ.

Это надобно прежде всего принять во вниманіе при отвѣтѣ на вопросъ о томъ, можетъ ли книга г. Павлова быть учебнымъ руководствомъ. Учебникъ или руководство должны заключать обзоръ учебнаго предмета въ его цѣломъ; книга г. Павлова доведена пока лишь до середины. Руководство исторіи должно заключать въ себѣ лишь общепринятые факты; книга г. Павлова отличается субъективностью и иногда парадоксальностью взглядовъ, изложенныхъ однако догматически. Наконецъ, книга г. Павлова въ четырехъ томахъ заключаетъ 1633 страницы текста и доводитъ изложеніе до 1425 года. За этими томами слѣдуетъ ожидать еще двухъ (а, можетъ, быть и болѣе) томовъ приблизительно съ 1.000 страницами (самое меньшее). Учебникъ для средней школы такихъ размѣровъ имѣть не можетъ. На прохожденіе систематическаго курса русской исторіи въ новой школѣ (въ V—VII классахъ) будетъ удѣлено всего четыре или пять недѣльныхъ

урокъ, то есть не болѣе 140—180 часовъ. На каждый изъ этихъ часовъ придется стало быть около 15—20 страницъ книги г. Павлова, если ее сдѣлать учебникомъ. Ни характеръ, ни величина даннаго труда не дозволяютъ, стало быть, смотрѣть на него, какъ на классное руководство.

За то книгою для чтенія внѣ класса трудъ г. Павлова можетъ служить съ большимъ удобствомъ и большою пользою. Онъ можетъ поднять патріотическое чувство читателя, можетъ воспитать въ юногѣ любовное отношеніе къ русскому прошлому и покажетъ ему въ темныхъ эпохахъ русской исторической жизни тѣ источники народной энергіи и національной жизненности, которые возродили и довели до могущества не разъ гибнувшее русское племя.

С. П.

Д-ръ медицины *Отто Дорнблитъ*. Гигіена умственнаго труда. Перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. В—скій*. С.-Петербургъ. Изданіе *В. И. Губинскаго*. 1898. 69 стр.

Гигіена человѣческаго тѣла получила возможность развиваться въ дѣйствительную науку лишь съ тѣхъ поръ, какъ стали научно выясняться физическіе и химическіе процессы при отправленіяхъ тѣла, равно какъ и вліянія на эти отправленія различныхъ элементовъ окружающей природы, въ ихъ различныхъ состояніяхъ. Но такъ какъ физическія и химическія условія отправленій мозга до сихъ поръ лишь очень мало извѣстны, то понятно, что о научной гигиенѣ умственнаго труда пока не можетъ быть рѣчи и что наши познанія въ этой области большею частью сводятся къ обиденнымъ наблюденіямъ эмпирической психологіи, въ родѣ тѣхъ, что усиленные умственные занятія въ большинствѣ случаевъ оказываются вредными, что умственные занятія должны чередоваться съ періодами отдыха и пр. Дѣйствительно, до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы какой-либо ученый съ серьезнымъ именемъ въ наукѣ взялся за научное и систематическое изложеніе гигиены умственнаго труда. Но такъ какъ въ настоящее время гигиена несомнѣнно принадлежитъ къ моднымъ наукамъ, и книги по гигиенѣ, при надлежащей рекламѣ, легко сбываются, то неудивительно, если предприимчивыя издательскія фирмы отыскиваютъ мало извѣстныхъ въ наукѣ врачей для составленія трактатовъ по разнымъ отраслямъ гигиены, въ родѣ гигиены медоваго мѣсяца, гигиены цѣломудрія и пр.

Разсматриваемый трудъ д-ра Дорнблита принадлежитъ именно къ этого рода издѣліямъ. Къ сожалѣнію, авторъ не сумѣлъ поднять своего изложенія предмета и до того уровня, до котораго возможно было бы поднять его, при серьезномъ знакомствѣ съ современною экспериментальною психологіею и особенно съ современною фізіологіею органовъ чувствъ. Авторъ предпочелъ ограничиться обыкновеннымъ гигиеническимъ каляканіемъ насчетъ ѣды, питья, сна и пр.,—каляканіемъ столь невысокаго пошиба, что оно едва ли могло бы найти себѣ мѣсто даже въ фельетонѣ серьезной газеты.

Русскій переводчикъ разсматриваемаго труда отнесся впрочемъ весьма самостоятельно къ своему нѣмецкому оригиналу, о чемъ онъ—очевидно, по своей скромности—однако умалчиваетъ на заглавномъ листѣ русскаго изданія. Такъ, нѣмецкій оригиналъ прежде всего подвергся въ русскомъ изданіи довольно значительному сокращенію. Это бросается въ глаза уже при вѣшшемъ обзорѣ изданій нѣмецкаго оригинала и русскаго перевода. Каждая страница русскаго изданія содержитъ на 10 строкъ меньше противъ нѣмецкаго изданія ($\frac{1}{4}$ всего числа строкъ на страницѣ), а каждая строка русскаго изданія короче строки нѣмецкаго изданія приблизительно на 19 мм. (около $\frac{7}{40}$ длины строки нѣмецкаго изданія); предполагая, что каждое предложеніе въ разсматриваемомъ сочиненіи требуетъ приблизительно одинаковое число буквъ при его изложеніи на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, предполагая далѣе среднюю толщину буквъ въ нѣмецкомъ и русскомъ изданіяхъ одинаковою, получается, что при указанномъ измѣненіи формата русскаго изданія противъ нѣмецкаго, русское изданіе должно было бы содержать, на 58 страницъ оригинала, не меньше 90 страницъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно содержитъ лишь 69 страницъ.

Это общее указаніе можетъ быть подтверждено и множествомъ частныхъ примѣровъ. Такъ, на стр. 26 русскаго изданія пропущено нѣсколькихъ 20 строкъ нѣмецкаго оригинала относительно выбора сортовъ хлѣба; такъ, на стр. 28 этого изданія пропущены 23 строки оригинала относительно сортовъ мяса и зелени; такъ, изъ 36 заключительныхъ строкъ нѣмецкаго оригинала въ русскомъ изданіи сохранены лишь 3 строки, и пр.

Самостоятельность переводчика по отношенію къ оригиналу не ограничивается впрочемъ одними сокращеніями: во многихъ мѣстахъ онъ и измѣняетъ нѣмецкій оригиналъ. Такъ, напримѣръ, авторъ утверждаетъ, что мозгъ американцевъ, французовъ и высшихъ десяти

тысячъ русскихъ особенно легко истощается, а переводчикъ замѣнилъ высшихъ десять тысячъ русскихъ нѣмцами вообще (стр. 8). Впрочемъ, по существу, едва ли справедливо особенно порицать переводчика за это измѣненіе, потому что утверженіе объ особенно легкой исчерпаемости мозга нѣмцевъ имѣетъ столь же мало научныхъ основаній, какъ утверженіе объ особенно легкой исчерпаемости мозга американцевъ, французовъ и высшихъ десяти тысячъ русскихъ. Измѣненіями противъ оригинала переводчикъ пользуется и для рекламированія издѣлій шоколадной фабрики Конради въ С.-Петербургѣ, утверждая, что „между русскими сортами какао безусловно лучший, который можно посоветовать употреблять нашимъ читателямъ, это какао известной фирмы Конради, изъ котораго, благодаря пріятному вкусу, питательности (на 100 частей какао этого сорта содержится болѣе шестидесяти частей питательныхъ веществъ) и легкости приготовления, получается наилучшій шоколадъ для потребленія въ жидкомъ видѣ“ (стр. 25). Насколько такое прославленіе фирмы Конради оправдывается дѣйствительными достоинствами ея издѣлій—не беремся судить,—но во всякомъ случаѣ едва ли такая реклама уместна въ сочиненіи о гигиенѣ умственнаго труда. Иногда переводчикъ дѣлаетъ и свои собственныя вставки въ разсматриваемое изданіе; такъ, напримѣръ, на стр. 27 онъ утверждаетъ отъ себя, что „наша обыкновенная овсяная крупа нисколько не хуже усиленно рекламированнаго „Геркулеса“, а наоборотъ вслѣдствіе свѣжести и чистоты лучше и при томъ въ 6 разъ дешевле“.

Тамъ, гдѣ переводчикъ ограничивается переводомъ нѣмецкаго оригинала, нельзя назвать этотъ переводъ совершенно правильнымъ. Такъ, напримѣръ, авторъ утверждаетъ, что легкость пониманія у ребенка служитъ *иногда* признакомъ болѣзненно предрасположеннаго мозга,—переводчикъ же замѣняетъ слово *иногда* словомъ *часто* (стр. 34), что далеко не одно и то же и можетъ напрасно напугать многихъ родителей; такъ, авторъ утверждаетъ, что табакъ не столько возбуждаетъ, сколько *устоковиваетъ*, а переводчикъ замѣняетъ это послѣднее слово словомъ „*усыпляетъ*“ (стр. 46), что далеко не одно и то же. Такихъ примѣровъ для небольшой книжки довольно много.

Н. Б.

Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ А. В. Зеленинъ. Въ двухъ томахъ. Съ рисунками и картами. Изданіе П. П. Соѣкина. Т. I. Стр. 464. Т. II. Стр. 495. С.-ПБ. Цѣна за 2 тома 4 руб.

На заглавномъ листѣ сказано, что книга составлена по подлиннымъ сочиненіямъ, но къ этому слѣдовало бы прибавить и по біографическому очерку П. Ф. Дубровина. Прибавка эта вполне необходима, такъ какъ ссылки на сочиненіе академика Дубровина постоянно встрѣчаются въ книгѣ въ числѣ пособій и, сверхъ того, оно неоспоримо дало составителю планъ, обильный матеріалъ, указаніе на новые источники, пособія и руководящія идеи. Словомъ, сочиненіе Дубровина, за исключеніемъ автографовъ, приложений и алфавитнаго указателя, полностью вошло въ изданіе П. П. Соѣкина; впрочемъ, вошло оно не механически, такъ какъ г. Зеленинъ часто дѣлаетъ перестановки, развиваетъ многіе положенія и факты, выраженные въ сочиненіи Дубровина кратко и, сверхъ того, вноситъ описанія разныхъ эпизодовъ, случаевъ, многія впечатлѣнія путешественника, которыхъ академикъ Дубровинъ или вовсе не имѣлъ въ виду, или же касался вскользь. Но, не смотря на это, разсматриваемая книга содержитъ въ себѣ весьма много новаго матеріала, который глубже и многостороннѣ освѣщаетъ страны, посѣщенные нашимъ знаменитымъ путешественникомъ; достаточно, на примѣръ, сказать, что академикъ Дубровинъ почти что не касается вопроса о возмущеніи дунганъ, объ образѣ жизни, нравахъ и понятіяхъ разныхъ дикихъ народовъ Средней Азіи, какъ-то: тангутовъ, голыковъ, лобъ-норцевъ и о политическомъ положеніи разныхъ мелкихъ подвластныхъ Китаю князей, въ книгѣ же г. Зеленина всему этому отведено много мѣста.

Сверхъ того, г. Зеленинъ сообщилъ не мало матеріала, специально касающагося біографіи Н. М. Пржевальскаго, а для наибольшаго усиленія важности и размѣровъ его открытій далъ большія извлеченія изъ сочиненія П. П. Семенова: „Исторія полуострова дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“. Въ самомъ концѣ изданія, въ видѣ заключительной статьи, составитель высказываетъ свои мнѣнія и соображенія о нравахъ, социальномъ и политическомъ положеніи народовъ и государствъ Центральной Азіи и заключаетъ эту главу разъясненіемъ, что Пржевальскій много содѣйствовалъ возвеличенію русскаго имени въ глазахъ туземцевъ Средней Азіи.

Въ предисловіи отъ издателя сказано: „У насъ въ Россіи давно назрѣла потребность въ такомъ изданіи трудовъ путешественниковъ,

которое бы, сохраняя все достоинства оригинала, могло быть доступно широкому кругу читателей и по своей небольшой цѣнѣ и по легкости изложенія“. Дѣйствительно, настоящимъ трудомъ цѣль эта достигается, такъ какъ ознакомленіе съ путешествіемъ П. М. Пржевальскаго дѣлается доступнымъ всякому читателю съ среднимъ образованіемъ, но, конечно, съ нѣскольکو пробужденнымъ интересомъ къ географіи и къ путешествіямъ. Какъ извѣстно, П. М. Пржевальскій писалъ образно, и эта образность соблюдается въ трудѣ г. Зеленина и, благодаря ей, весьма многія страницы читаются съ увлеченіемъ. Къ этому надо прибавить, что г. Зеленинъ, питая глубокое уваженіе и симпатію къ Пржевальскому, заботливо собралъ все факты и чорты, служащія къ возвеличенію его какъ отважнаго путешественника, географа и патураллиста и которые разсѣяны по специальнымъ журналамъ, брошюрамъ и газетамъ.

Въ главахъ, касающихся собственно біографіи, читатель найдетъ также много интересныхъ свѣдѣній о характерѣ путешественника, воспитаніи, его педагогической карьерѣ и о постепенномъ развитіи въ немъ любви и даже страсти къ путешествіямъ. Но въ этомъ отдѣлѣ находится въ разногласіи съ серьезнымъ матеріаломъ первая глава подъ названіемъ „Наслѣдственность“; въ ней авторъ, держась новыхъ физиологическихъ теорій о наследственности, высказываетъ, въ видѣ догадки, что отецъ Пржевальскаго носилъ уже слѣды физическаго вырожденія, и что даровитость П. М. Пржевальскаго получена имъ отъ матери, хотя и дворянки, но происходившей изъ крестьянскаго сословія. Цѣнность труда г. Зеленина нисколько бы не ослабла, если бы все рѣчь о вырожденіи и объ обновленіи семьи Пржевальскаго была исключена, такъ какъ она основана только на предположеніяхъ и, во всякомъ случаѣ, тенденціозна. Кстати замѣтимъ, что въ біографіи и въ родословномъ деревѣ упоминается только одинъ братъ П. М. Пржевальскаго, Владимиръ, тогда какъ у него былъ и второй братъ—Евгеній.

Путешествіе иллюстрируется многочисленными рисунками, которые взяты изъ оригинала, и хотя они выполнены не столь изящно, какъ въ изданіи Географическаго Общества, по все-таки наглядны и ясны. Впрочемъ, нѣкоторые рисунки внесены самостоятельно, и къ числу ихъ относятся миниатюрныя изображенія членовъ-учредителей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и разные виды Туркестана.

Въ первомъ томѣ помѣщена маленькая карта Уссурийскаго края (стр. 89). Хотя на ней и много чистыхъ мѣстъ, но, однако же, не

всѣ названія, упоминаемыя въ текстѣ, нашли мѣсто, какъ напримѣръ, постъ Раздольный на р. Суифунгъ, не назывъ полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, въ гавани св. Ольги не помѣчены села Арзамазовка и Пермскыя.

Ко второму тому приложена большая карта Средней Азии съ обозначеніемъ всѣхъ 4-хъ путешествій. Карта эта, видимо, составлена тщательно, по яеною ея назвать нельзя вслѣдствіе многочисленности названій и мелкаго шрифта. Несоответствіе съ текстомъ такъ же встрѣчается, какъ и на первой картѣ, такъ, напримѣръ, нѣтъ многихъ названій при изслѣдованіи Пржевальскимъ верховьевъ рѣки Хуангъ-Хэ. Желательно было бы такъ же видѣть на картѣ цифры, обозначающія абсолютную высоту, по крайней мѣрѣ главныхъ мѣстностей, что сдѣлано въ оригиналѣ и на картѣ академика Дубровина. На этой же картѣ досадная опечатка, именно показано, что въ 4-е путешествіе П. М. Пржевальскій совершилъ 17.325 верстъ вмѣсто 7.325.

Впрочемъ, опечатки есть и въ текстѣ, такъ напримѣръ на стр. 317 11-го тома оказывается, что спутникъ Пржевальскаго поручикъ Роборовскій былъ награжденъ по возвращеніи изъ экспедиціи орденомъ Св. Владимира 2-ой степени вмѣсто 4-ой.

На стр. 265 1-го тома опущено цѣлое предложеніе, вслѣдствіе чего потеряна связь; Впрочемъ, внимательному читателю опущенное угадать легко.

И. В.

Книжныя новости.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ V. С.-Пб. 1901.

Въ разсматриваемый нами томъ „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“ вошли его критическія статьи и замѣтки, числомъ болѣе 100, написанныя въ 1839, 1840 и 1841 годахъ. Изъ нихъ едва ли не три четверти статей, подобно тому, какъ и въ предыдущихъ томахъ, появляются на свѣтъ впервые или по крайней мѣрѣ въ значительно дополненномъ видѣ. Къ числу наиболѣе крупныхъ статей знаменитаго критика, встрѣчаемыхъ въ этомъ томѣ, нужно отнести слѣдующія: 1) рецензія повѣсти М. П. Загоскина: „Тоска по родицѣ“, рецензія весьма насмѣшливая, не попавшая ни въ Солдатенковское изданіе сочиненій Бѣлинскаго, ни въ Галаховскіе списки; 2) разборъ комедіи А. С. Грибоедова—„Горе отъ ума“. Въ своихъ примѣчаніяхъ въ этому разбору (стр. 545 и слѣд.) С. А. Венгеровъ, между прочимъ, говоритъ: „Роль Бѣлинскаго, какъ истолкователя Грибоедова, несомнѣнно очень велика, но

никакъ по благотворна. То, что Ыльинскій сказалъ въ настоящей статьѣ о Чацкомъ, принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ эпизодовъ той полосы его духовнаго развитія, когда, увлекшись теоріей разумной дѣйствительности, онъ возненавидѣлъ всѣхъ „беспокойныхъ“ людей и на всякаго протестующаго человѣка смотрѣлъ какъ на фразера. Взглядъ Ыльинскаго пропикъ въ учебники и держался въ нихъ дѣтъ 40, и только съ 1870 годовъ, когда появился этюдъ Гончарова „Мильонъ терзаній“, старинное отношеніе къ Чацкому, какъ къ полуумѣшанному, начинаетъ исчезать, а въ настоящее время можетъ окопчательно считаться похороненнымъ. Самъ Ыльинскій весьма скоро понялъ свою ошибку; но исправить ее ему не пришлось... Тутъ же нѣсколько далѣе С. А. Венгеровъ дѣлаетъ вполне основательную поправку въ этюдѣ А. С. Суворина, напечатанномъ въ введеніи къ его изданію „Горе отъ ума“ 1886 года, замѣняя въ фразѣ автора этюда: „намъ знаменитый критикъ явился выразителемъ либеральнаго искудованія и намѣренно, съ этою заднею мыслью, старался уничтожить Чацкаго, провозгласить его фризеромъ и мальчишкой“— слова — „либеральнаго“ словами „неистово-консервативнаго“; 3) рецензія на „Очерки русской литературы“ Н. Полевого. Въ примѣчаніяхъ къ пей редакторъ настоящаго изданія указываетъ нѣсколько промаховъ и неточностей со стороны Ыльинскаго и въ значительной степени выгораживаетъ Полевого отъ нападокъ знаменитаго критика. Подобнаго рода поправки, восстанавливающія истину объ издателѣ „Московского Телеграфа“, встрѣчаются и въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ С. А. Венгерова; 4) рецензія на „Полное собраніе сочиненій“ Марлинскаго; 5) рецензія на „Подарокъ на новый годъ“, двѣ сказки Гофмана и на „Дѣтскія сказки дѣдушки Иринея“. Здѣсь въ примѣчаніяхъ С. А. Венгеровъ приводитъ цѣлкомъ рецензію на дѣтскую переводную повѣсть „Чирикъ“, приписывая ее М. Н. Каткову и считая ее „весьма интересной для исторіи происхожденія взглядовъ Ыльинскаго на дѣтское чтеніе“; и 6) статья „Русская литература въ 1840 году“.

Въ концѣ тома помѣщены, подобно тому, какъ и въ предыдущихъ томахъ, примѣчанія редактора, которыя все болѣе и болѣе утверждаютъ читателя въ томъ убѣжденіи, что безъ нихъ въ настоящее время многое въ произведеніяхъ В. Г. Ыльинскаго было бы не понятно или же усвоено не вполне точно и даже неправильно. Попутно авторъ примѣчаній сообщаетъ и био—библиографическія данныя о малоизвѣстныхъ писателяхъ современныхъ Ыльинскому.

Къ настоящему тому приложенъ хорошо сдѣланный портретъ Ыльинскаго, изданный Мюистеромъ въ 1859 г., про который редакторъ говоритъ, что это „очень распространенный, но совершенно невѣрный портретъ Ыльинскаго“.

Липницкій, П. П. проф. Основныя вопросы философіи. Опытъ систематическаго изложенія философіи. Кіевъ, 1901. Изданіе А. К. Т. Цѣна 1 р. 10 коп. Стр. 192+II.

Трудъ проф. Липницкаго представляетъ собой то, что теперь принято называть введеніемъ въ философію; это — обзорънне главнѣйшихъ задачъ философіи и ихъ рѣшеній.

Авторъ предназначаетъ свое сочиненіе для руководства въ средней школѣ; къ сожалѣнію, въ нашихъ среднихъ учебникахъ заведеніяхъ ни одна философская дисциплина не преподается, за исключеніемъ логики, которая поставлена весьма дурно. Но трудъ г. Липницкаго не годился бы для средней школы и въ томъ случаѣ, если бы философія преподавалась въ ней, по свойствамъ самой книги: книга написана весьма неровно, страницы весьма удачны чередуются съ неудачными; изложеніе въ общемъ довольно тлжсное, требующее большаго развитія, чѣмъ мы въ правѣ предположить въ ученикахъ старшихъ классовъ. Напротивъ того, для преподавателя книга полезна, несмотря на ея недостатки.

Начало сочиненія нельзя назвать удачнымъ. Указавъ на существовашіе различныхъ ученій и направленій въ философіи, авторъ видитъ задачу ея въ *объединеніи* различныхъ ученій. Чѣмъ это объединеніе отличается отъ эклектизма, этого авторъ не объясняетъ; какимъ образомъ два другіе, указанные авторомъ, пути, а именно—историческое рассмотрѣніе проблемъ и энциклопедическое обзорѣніе ихъ,—могутъ повести къ объединенію, цѣли философіи—это тоже остается тайною автора. Авторъ въ своей книгѣ рассматриваетъ четыре вопроса, вопросъ о бытіи, вопросъ о познаніи, вопросъ о мысленіи и вопросъ о системѣ философіи. Последній вопросъ рассматривается съ особою подробностью, при чемъ авторъ дѣлитъ всѣ системы на эмпирическія и рационалистическія. Конецъ труда посвященъ довольно подробному анализу философіи Владимира Соловьева.

Авторъ стоитъ за философскій идеализмъ, и въ этомъ ему нельзя не сочувствовать, но въ то же время нельзя не указать на то, что доводы, которыми онъ опровергаетъ своихъ противниковъ, иногда чрезвычайно странны и не попадаютъ въ цѣль. Напримеръ, потъ какъ опровергаетъ проф. Липницкій материализмъ (стр. 28): „Материализмъ и спиритуализмъ относятся между собой такъ, что одно отрицается другимъ, слѣдовательно одно изъ этихъ направленій является для другого какъ *отрицательное*. Но съ точки зрѣнія философской должно признать положительнымъ ученіемъ спиритуализмъ, а отрицательнымъ — материализмъ, ибо послѣдній отрицаетъ бытіе духа, слѣдовательно и философію, какъ проявленіе и произведеніе духа, а такъ какъ въ то же время материализмъ усвоетъ себѣ значеніе философской системы, то въ этомъ очевидно заключается внутреннее коренное противорѣчіе материализма“. Неужели же это доказательство, а не софизмъ! Такими доказательствами материалиста не устранишь! Къ сожалѣнію, въ книгѣ проф. Липницкаго не разъ приходится встрѣчаться съ такими оборотами мысли. Для примѣра приведемъ доказательство безсмертія души.

Стр. 155. „Идея безсмертія души такъ необходима, что и тѣ, которые не имѣютъ вѣры въ безсмертіе души, или точнѣе выдаютъ себя за таковыхъ, и считаютъ себя такими, стремятся однако къ тому, чтобы сдѣлаться достойными безсмертія, по крайней мѣрѣ въ памяти потомства, а что подъ этимъ стремленіемъ скрывается нѣчто иное, объ этомъ свидѣтельствуетъ нѣрѣдко выражаемое ими презрѣніе къ той самой славлѣ, извѣстности, которой они ищутъ, дабы обезсмертить себя этимъ способомъ“. Какая связь между безсмертіемъ души и заботой о добромъ имени или даже славлѣ—этого авторъ не объясняетъ, и очень хорошо дѣлаетъ, ибо этого объяснить нельзя.

Сочинения В. Г. Ёшлинскаго въ пяти томахъ. Т. I—III. Критическая исторія русской литературы; ч. I.—Отъ начала русской литературы до Пушкина (XXIX+304); ч. II.—Пушкинъ и Баратынскій (314 стр.); ч. III. Грибоедовъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Майковъ, Достоевскій и Тургеневъ (291 стр.). Т. IV—1) Критика и библиографія; 2) Литературные вопросы (379 стр.); Т. V—1) Эстетика, 2) Театръ, 3) Полемика, 4) Общественные вопросы, 5) Философія и психологія, 6) Исторія, 7) Письма. (307+53). Изданіе и редакція В. К. Фукса, съ портретомъ и статьей Г. В. Александровскаго. „В. Г. Ёшлинскій, историко-литературный очеркъ“. Кіевъ, 1901. Цѣна 2 руб.

Сочинения В. Н. Майкова въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Г. В. Александровскаго. Т. I. Критическія статьи (XXXIV+298). II. 1) Паучныя статьи, 2) Библиографія (330 стр.). Изданіе В. К. Фукса. Кіевъ, 1901. Цѣна 1 р.

Нельзя не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ такихъ полезныхъ изданій, какими являются вышеназванныя. Цѣль ихъ—дать въ руки широкому кругу читателей работы лучшихъ нашихъ критиковъ (въроятно, сочиненія Ёшлинскаго и Майкова лишь начало предполагаемой серіи изданій). Виснословная дешевизна изданій (сочиненія Ёшлинскаго—1680 стр.—2 руб.; В. Майкова—662 стр.—1 руб.), тщательное отношеніе редакціи къ тексту, живыя содержательныя статьи г. Александровскаго,—все это вмѣстѣ взятое, заставляетъ желать изданіямъ г. Фукса успѣха, а ему самому энергій для дальнѣйшихъ работъ.

Сочиненія Ёшлинскаго, конечно, изданы лишь *избраніями*,—для широкаго круга читателей, да и не было надобности въ изданіи *всѣхъ*, даже мелкихъ работъ нашего критика. Для удобства пользованія книгой г. Фуксъ систематизировалъ матеріалъ по плану, который исполнилъ асешь и удобенъ.

Въ первыхъ 3-хъ томахъ идетъ обзоръ исторіи русской литературы вообще въ видѣ разборовъ произведеній лучшихъ ея представителей; далѣе въ 4-мъ и 5-мъ—мелкія статьи по разнымъ вопросамъ и избранныя письма. Подборъ статей сдѣланъ очень умѣло и при томъ безъ тѣхъ сокращеній и измѣненій текста, на который отважались, къ сожалѣнію, многіе „систематизаторы“ сочиненій Ёшлинскаго. Г. Фуксъ, объясняя характеръ и составъ своего изданія, указалъ, что руководился при этомъ совѣтомъ С. А. Венгерова: „при желаніи издавать полное собраніе сочиненій Ёшлинскаго есть только одинъ способъ—давать избранныя статьи, но давать непременно цѣлкомъ“. Издать исторію русской литературы, составивъ ее изъ своихъ критическихъ, въ разное время написанныхъ, статей, было постоянною мечтою Ёшлинскаго—мечтою, которую ему такъ и не удалось осуществить,—г. Фуксъ въ первыхъ 3-хъ томахъ своего изданія удачно выполнилъ это завѣтное желаніе великаго критика.

Вступительная статья г. Александровскаго о Ёшлинскомъ написана живо, интересно, съ хорошимъ знаніемъ эпохи и русской литературы,—она прекрасно вводитъ читателя въ кругъ тѣхъ идей, которыми жилъ, увлекался и волновался Ёшлинскій.

Сочиненія Майкова въ изданіи г. Фукса представляютъ интересъ не меньшій, если не большій. Имя молодого критика, только 15 мѣсяцевъ работавшаго

на журнальномъ поприщѣ, до сихъ поръ не завоевало въ нашей публикѣ себѣ того мѣста, на которое оно имѣетъ полное право. Широко и глубоко образованный, богатый эстетическимъ чутьемъ и полный интересовъ общественныхъ и философскихъ, В. Майковъ въ нѣсколькихъ статьяхъ сумѣлъ высказаться настолько ясно, что имя его, конечно, заслуживаетъ той широкой популярности, о которой позаботились и г. Фуксъ, какъ издатель, и г. Александровскій, какъ авторъ вступительной статьи о жизни и дѣятельности Майкова.

Изданіе 1891 года давно вышло изъ продажи, послѣ появились „меліе полине“ сборники его статей. „Неполнота однихъ сборниковъ, говорить г. Фуксъ, и дороговизна другихъ побудили меня дать возможно болѣе дешевое изданіе сочиненій В. И. Майкова“. Исключены только мелкія библиографическія замѣтки, имѣющія только временной интересъ и не освѣщающія личность Майкова.

Очеркъ г. Александровскаго, посвященный характеристикѣ молодого критика, значительно суше очерка о Вѣлипскомъ. Это и понятно, — о Майковѣ мы знаемъ слишкомъ мало: о немъ сохранились лишь бѣгливо случайные отзывы, — намъ мало извѣстна даже біографія его. Справедливо жалуется по этому поводу г. Александровскій на братьевъ покойнаго критика, которые „поскупились“ дать о немъ обстоятельную свѣдѣнія (VII). За то очень ценнымъ въ очеркѣ г. Александровскаго надо признать выясненіе теоретическихъ взглядовъ Майкова на значеніе и смыслъ литературы: по мнѣнію автора, молодой критикъ въ своихъ статьяхъ уже успѣлъ высказать тѣ идеи, которыя въ наши дни высказаны на западѣ Гюйо, Генвекевомъ и др.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ.

— *Линдсманъ, К. Э.* Овщія основы энтомологіи. Съ 1080 фигурами на 323 рисункахъ. 628 стр. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Маркса*. Цѣна 4 руб. 25 коп.

— Сводникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ сто девятый. С.-Пб. 1901. LXIV+VII+622+22+9+V стр. Цѣна 3 руб. — Томъ сто десятый. С.-Пб. 1901. XXXV+III+654+XXVIII+VII стр. Цѣна 3 руб. — Томъ сто одиннадцатый. Бумаги кабинета министровъ Императрицы Анны Юлиовны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціей *А. И. Филитова*. Томъ IV (1735 г.). Юрьевъ 1901. LXIV+587+VI стр. Цѣна 3 руб. — Томъ сто тринадцатый. Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе Императора Николая I. Изданы подъ редакціей *И. О. Дубровина*. Книга первая С.-Пб. 1902. 468 стр. Книга вторая. С.-Пб. 1902. 404 стр.

— *Дидловъ, В. Л.* Школьные воспоминанія. (Къ исторіи нашего воспитанія). Нѣмецкая школа. — Русская школа. Какъ мы „соврѣвали“. С.-Пб. 1902. 191 стр. Цѣна 1 руб.

— *Луговой, А.* РОССІЕ VERSO. — „Добей его“. Параллели. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Маркса*. 179 стр. Цѣна 60 коп.

— *Зальскій, В. Ф.* Лекціи исторіи философіи права. Казань 1902. 411+II стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1902 г. Мартъ).

— *Киселицкий, Н. А.* Паша желѣзнодорожная полнѣна по документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный подъ главномъ редакціей статсъ-секретаря *Куломлина*. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. С.-Пб. 1902. Томъ первый. VII + 340 стр. Томъ второй. II + 324 стр. (Къ столѣтію комитета министровъ, 1802—1902).

— Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію подъ редакціей *В. В. Витнера*. Чудеса электричества. Съ рисунками и чертежами, 26 портретами и одною картиною. 177 стр. Цѣна 1 р.— Отъ полюса до экватора. Съ 122 рисунками и тремя картинками. 148 стр. Цѣна 1 р. С.-Пб. Изданіе *И. И. Сойкина*.

— *Шейнъ-Фонель*. Къ реформѣ орфографіи или правописанія русскаго языка. (Съ разборомъ русскаго алфавита). Тифлисъ 1901. 14 стр.

— *Schmidt, Fr.* Revision der ostbaltischen silurischen Trilobiten. Abtheilung V. Asaphiden. Lieferung II. Die Gattungen *Asaphus* sens. str., *Onchometopus*, *Isotelus* und *Niobe* enthaltend Mit zwölf Tafeln und 64 Textfiguren. С.-Пб. 1901. IV+113 стр. Цѣна 4 р. 40 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XII, № 8).

— *Дживеладзе, А. К.* Средневековые города въ западной Европѣ. Изданіе акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“. С.-Пб. 248 стр. Цѣна 1 р. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціей *И. И. Карьева* и *И. В. Лучинскаго*).

— Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію подъ редакціей *В. В. Витнера*. Прогулки по небу. Съ 30 рисунками, картою луны и одною хромолитографією. 70+IV стр. Цѣна 50 к.— Происхожденіе и значеніе денегъ. Съ 32 рисунками, одною картою и двумя таблицами монетъ. Въ 2-хъ частяхъ. II+83 стр. Цѣна 50 коп. С.-Пб. (Изданіе *И. И. Сойкина*).

— *Зеленинъ, Д.* Отчетъ о поѣздѣ въ Яравскій уѣздъ (Витской губ.) для изученія народнаго говора. Юрьевъ 1902. 17 стр.

— Памятная книжка Кіевского учебнаго округа на 1902 годъ. Часть I. Кіевская губернія. XII + 247 + 71 стр. Часть II. Подольская губернія. XII + 142 стр. Часть III. Волынская губернія. XII + 202 стр. Часть IV. Черниговская губернія. XII + 262 стр. Часть V. Полтавская губернія. XII + 336 стр. Кіевъ 1902. Изданіе управленія учебнаго округа.

— Národopisný Sborník československý. Vydává národopisná společnost československa národopisné museum československé. Redactor *Jiří Poliška*. Redakční komitet: *Adolf Černý, A. Kraus, J. Máchal, J. Matiegka, L. Niederle, Fr. Pastrnek, J. Zubily*. V Praze 1902. Svazek VIII+181 стр.

Выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XVI, № 1. Ливарь 1902 г. [Съ 1 рис.] (II+(VI)+1+48+19+52 стр.) шр. 8°. Цѣна 1 р.= 2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (*Mémoires, VIII-e Série. Classe historico-philologique*). Т. V, № 4. А. С. Лапто-Данилевскій и П. П. Миклашевскій. Матеріалы и изслѣдованія по исторіи монетныхъ и рѣшеточныхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. (III+X+73 стр.). 1902. gr. 8°. Цѣна 80 к.=2 Mk.

3) Каталогъ изданій Императорской Академіи Наукъ. I. Изданія на русскомъ языкѣ (вышедшія въ свѣтъ по 1-е декабря 1901 г.). *Catalogue des livres publiés par l'Académie Impériale des sciences. I. Publications en langue russe.* (IV+188 стр.). 1902. 8°. Безплатно.

4) Акты Московскаго государства, изданные Императорской Академіею Наукъ подъ редакціею Д. Я. Саломасова. Т. III. Разрядный приказъ. Московскій списокъ. 1660—1664. (1+XXX+674 стр.). 1901. gr. 8°. Цѣна 5 руб.

5) Сборникъ музея по антропологии и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. (*Publications du Musée d'anthropologie et d'ethnographie de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*). III. С. Ф. Ольденбургъ. Матеріалы по буддійской иконографіи. Съ 6 табл. (IV+10 стр.). 1901, gr. 8°. Цѣна 40 к.=1 Mk.

Въ книжкомъ складѣ Императорской Академіи Наукъ (С.-Петербургъ, у Дворцоваго моста) продажа академическихъ изданій производится за наличныя деньги, съ уступкою 25% съ номинальной стоимости. Положеннымъ платежомъ книги не высылаются. *Изгородніе покупатели уступкою не пользуются, но пересылку книгъ Академія беретъ на свой счетъ.*

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾).

А. Киселев. Элементарная физика для средних учебных заведений со многими упражнениями и задачами; въ двухъ выпускахъ. *Выпускъ первый.* (Введение, основныя свѣдѣнія изъ механики, тяжесть, жидкость, газы, теплота). XVI+169 стр. *Выпускъ II.* (Акустика, оптика, магнетизмъ, электричество, гальванизмъ, механической отдѣлъ, приложения). X+297 стр. Москва. Изд. *Думнова.* 1902. Цѣна за оба выпуска 2 руб.

Появленіе новаго учебника физики для средней школы, несомнѣнно, представляетъ важное событіе въ русской учебной литературѣ. Какъ извѣстно, къ условіямъ, которымъ нынѣ должны удовлетворять учебники физики, принадлежитъ ихъ *краткость*; между тѣмъ въ настоящее время существуютъ только два учебника физики, которые удовлетворяютъ этому условію. Строго говоря, только этими двумя учебниками и слѣдовало бы нынѣ пользоваться въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, а „толстые“ учебники слѣдовало бы совершенно изъять изъ употребленія.

Къ этимъ двумъ учебникамъ нынѣ присоединяется третій, который по объему несомнѣнно удовлетворяетъ установленнымъ нормамъ. Въ немъ заключается около 200 задачъ и краткія свѣдѣнія по химіи и метеорологіи, а объемъ его все-таки лишь около 29 листовъ. Преподавателю, который станетъ пользоваться этимъ учебникомъ, уже не придется выбирать необходимыя главы и выписывать, какъ это дѣлалось прежде, страницы цѣлыми десятками.

Общее впечатлѣніе, которое производитъ новый учебникъ, нельзя не назвать довольно страннымъ. Кажется, мы никогда не имѣли въ рукахъ учебника, который производилъ бы столь неопредѣленное, не-

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

ясное впечатлѣніе и вызывалъ бы, если можно такъ выразиться, такіа смѣшанныя чувства. Дѣло въ томъ, что новый учебникъ физики обладаетъ съ одной стороны *выдающимися достоинствами*, съ другой—крупными и многочисленными недостатками. Рядомъ съ частями, въ которыхъ изложеніе можетъ быть названо *образцовымъ*, встрѣчаются другія, не выдерживающія никакой критики.

Ясность и точность изложенія, въ особенности та осторожность, которая есть признакъ истиннаго знанія, ставятъ изложеніе, во многихъ мѣстахъ, выше изложенія тѣхъ же вопросовъ въ другихъ намъ извѣстныхъ учебникахъ физики. Весьма замѣчательно, что сюда относятся какъ разъ тѣ мѣста, на которыхъ обыкновенно спотыкается большинство авторовъ учебниковъ физики. Гдѣ это необходимо, авторъ упоминаетъ результаты наиболѣе современныхъ изслѣдованій; ясно, что онъ слѣдитъ за выдающимися открытіями въ области физическихъ явленій.

Въ то же время, однако, многіе вопросы изложены совершенно неправильно, а разнаго рода мелкіе и мельчайшіе промахи встрѣчаются почти на каждой страницѣ. Если бы указать на всѣ промахи, крупныя и мелкіе, то ихъ общее число оказалось бы весьма большимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство изъ нихъ—мелочи; но, во-первыхъ, и крупныхъ остается не малое число, а во-вторыхъ, совокупность большаго числа мелкихъ промаховъ также въ весьма значительной степени понижаетъ достоинство книги.

Хорошій учебникъ физики не создается сразу. Въ русской учебной литературѣ извѣстенъ примѣръ учебника физики, который при первомъ своемъ появленіи обладалъ очень и очень многими недостатками; но онъ постепенно улучшался и въ настоящее время почти всѣми признается весьма удачно составленнымъ учебникомъ. Если г. Киселевъ сдумѣетъ тщательно пересмотрѣть свой трудъ, исправить всѣ промахи, если онъ воспользуется всѣми указаніями, которыя, вѣроятно, ему будутъ даны съ разныхъ сторонъ, то можно надѣяться, что и изъ его книги со временемъ выработается хорошій, а можетъ быть, даже и весьма хорошій учебникъ физики.

О достоинствахъ учебника не будемъ далѣе распространяться; эти достоинства въ общихъ чертахъ уже указаны выше. Добавимъ, что особенно удачнымъ представляется намъ изложеніе ученія о теплотѣ, а также оптика, и многія отдѣльныя статьи, какъ, напримѣръ, все то, что говорится о свойствахъ лучей, о центробѣжной силѣ и т. д.

Переходя къ разсмотрѣнію разнаго рода ошибокъ, промаховъ,

встрѣчающихся въ разбираемой книгѣ, мы детально рассмотримъ наиболѣе крупныя ошибки, мелкія ошибки, неправильно сформулированныя законы, разнаго рода промахи дидактическаго характера и т. д.

I. Крупныя ошибки, удаление которыхъ въ особенности необходимо.

Выпускъ первый. Наиболѣе крупныя по нашему мнѣнію промахи встрѣчаются на страницахъ 7-й, 72-й и 73-й. Дѣло въ томъ, что авторъ даетъ для плотности и для удѣльнаго вѣса совершенно недопустимыя опредѣленія. Онъ опредѣляетъ плотность, какъ массу, содержащуюся въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ и притомъ выраженную въ граммахъ, т.-е. рассматриваетъ плотность какъ именованное число. Онъ говоритъ, что плотность воды—1 граммъ, плотность ртути—13,6 грамма и т. д. Удѣльный же вѣсъ авторъ считаетъ за отвлеченное число и принимаетъ его равнымъ отношенію вѣса тѣла къ вѣсу такого же объема воды. Удивительнѣе всего, что авторъ даетъ слѣдующую правильную формулировку: „Условились *измѣрять* плотность вещества массою, содержащеюся въ единицѣ его объема“ (стр. 6-ая). И такъ, самъ авторъ говоритъ, что плотность *измѣряется* массою единицы объема; а вѣдь это значить, что плотность и масса единицы объема имѣютъ одинаковое численное значеніе, но отнюдь не означаетъ, что плотность и масса единицы объема суть понятія тождественныя. Формула $d = \frac{m}{v}$ (стр. 7-ая) ясно показываетъ, что плотность d и масса m суть величины различныхъ размѣровъ, а слѣдовательно не могутъ быть тождественны между собой. Странное и ни въ какомъ случаѣ недопустимое опредѣленіе плотности, которое дѣлается авторомъ, приводитъ его на стр. 7-й въ примѣрѣ къ очевидной несообразности: полагая $m = 80958$ грам. и плотность желѣза $d = 7,86$ граммовъ, онъ при дѣленіи однородныхъ именованныхъ чиселъ получаетъ не отвлеченное число, но опять именованное, а именно 10,3 кубическихъ сантиметровъ. Ясно, что плотность есть величина *своею рода*, которая не можетъ равняться какой-либо массѣ, но можетъ лишь численно измѣряться нѣкоторою опредѣленною массою.

Невѣрно также опредѣленіе удѣльнаго вѣса, какъ величины, которая по существу своему есть величина отвлеченная. Въ дѣйствительности всѣ физическія величины суть величины именованныя, такъ какъ каждая физическая величина имѣетъ свою особую единицу.

Удѣльный вѣсъ есть также величина своего рода, которая *измѣряется* вѣсомъ единицы объема. Единица удѣльнаго вѣса—это удѣльный вѣсъ такого вещества, единица объема котораго имѣетъ вѣсъ, равный единицѣ вѣса. Если за единицу вѣса принять вѣсъ грамма, то удѣльный вѣсъ воды окажется равнымъ единицѣ, и тогда дѣйствительно удѣльный вѣсъ всякаго тѣла будетъ численно равенъ отношенію вѣса тѣла къ вѣсу такого же объема воды при 4°. Если въ то же время за единицу массы принять массу грамма, то численное значеніе удѣльнаго вѣса окажется равнымъ численному значенію плотности. Такое равенство авторъ считаетъ (стр. 73-я) всегда существующимъ по самому опредѣленію терминовъ плотности и удѣльнаго вѣса. Между тѣмъ это равенство не имѣетъ мѣста почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходится пользоваться физическими формулами, при построеніи которыхъ, какъ извѣстно, почти всегда предполагается, что входящія въ нихъ величины выражены въ такъ называемыхъ абсолютныхъ единицахъ. Достаточно указать на простѣйшую формулу $p = mg$, которая, конечно, встрѣчается и въ учебникѣ г. Киселева (выпускъ II, стр. 204). Въ этой формулѣ масса — m численно равна произведенію плотности на объемъ, а вѣсъ — p численно равенъ произведенію удѣльнаго вѣса на объемъ того же тѣла. Совершенно ясно, что, допуская справедливость этой формулы, никоимъ образомъ нельзя въ то же время допустить численнаго равенства плотности и удѣльнаго вѣса, отношеніе которыхъ оказывается равнымъ численному значенію ускоренія g . Принимая плотность воды равной единицѣ, приходится удѣльный вѣсъ воды принять равнымъ 1: g ; а принимая удѣльный вѣсъ равнымъ единицѣ, приходится плотность воды принять равною g . То же самое относится, понятно, ко всѣмъ формуламъ физики, въ которыхъ встрѣчаются, или въ которыя могутъ быть введены плотность и удѣльный вѣсъ. Можно спорить о томъ, слѣдуетъ ли въ элементарномъ учебникѣ физики входить въ такія тонкости, но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что не слѣдуетъ допускать безусловно неправильныхъ опредѣленій, въ родѣ того, которое вводитъ авторъ, считая плотность за число именованное, выраженное въ граммахъ, а удѣльный вѣсъ за число, *по своему существу* отвѣченное.

Очевидную путаницу представляетъ все то, что авторъ говоритъ въ своемъ учебникѣ о величинѣ грамма, какъ единицѣ вѣса. На стр. 6-й (выпускъ I) авторъ опредѣляетъ граммъ, какъ вѣсъ одного кубическаго сантиметра воды при 4°, и тутъ же прибавляетъ, что

граммъ—вѣсъ есть величина измѣняющаяся для разныхъ мѣстъ земного шара, т. е. представляетъ изъ себя что-то въ родѣ переменнѣйшей единицы вѣса. Съ такимъ воззрѣніемъ согласуется надпись на стр. 201-й (выпускъ II): „Измѣреніе силъ въ постоянныхъ единицахъ“, т. е. въ противоположность измѣренію силъ въ вѣсовыхъ единицахъ, которыя непостоянны. Но такому взгляду на дѣло противорѣчить то, что авторъ говоритъ на той же стр. 201-й: „Вслѣдствіе этого гиря, вѣсящая 1 граммъ, положимъ, въ Парижѣ, перенесенная въ Петербургъ, оказывается нѣсколько тяжелѣе грамма“. Ясно, что здѣсь говорится о граммѣ, какъ о величинѣ вполне опредѣленной и одинаковой во всѣхъ мѣстахъ земной поверхности, ибо въ противоположномъ случаѣ гиря, вѣсъ которой въ Парижѣ равняется парижскому грамму, имѣла бы въ Петербургѣ вѣсъ равный петербургскому грамму. Путаница произошла оттого, что авторъ смѣшиваетъ вѣсъ „массы граммъ“ вообще, и вѣсъ массы граммъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ въ Парижѣ или на широтѣ 45° . Если первую величину принять за единицу вѣса, то такая единица оказалась бы непостоянною; между тѣмъ, какъ второе опредѣленіе даетъ всегда одинаковую и, слѣдовательно, постоянную единицу вѣса. Въ первомъ случаѣ вѣсъ даннаго тѣла, выраженный въ граммахъ, оказался бы всегда одинаковымъ, а во второмъ случаѣ—неодинаковымъ.

На стр. 70-й авторъ пишетъ: „Если же брусокъ (деревянный) опустимъ въ воду вертикально на столько, чтобы онъ вытѣснилъ вѣсъ воды, равный его собственному вѣсу, то равновѣсіе будетъ неустойчивое (брусокъ опрокидывается)“. Это, очевидно, невѣрно и не согласно съ рядомъ стоящимъ рис. 83, въ которомъ центръ тяжести бруска при вертикальномъ его положеніи оказывается расположеннымъ ниже, чѣмъ когда брусокъ плаваетъ горизонтально. Понятно, что главную роль играетъ въ данномъ случаѣ плотность дерева, изъ котораго сдѣланъ рассматриваемый брусокъ.

На стр. 82-й рѣчь идетъ о тонкомъ поверхностномъ слоѣ жидкости; авторъ говоритъ объ этомъ слоѣ, что онъ „производитъ нѣкоторое давленіе на жидкость, составляющее то, что называется поверхностнымъ натяженіемъ жидкости“. Это крупная ошибка: поверхностное давленіе и поверхностное натяженіе суть величины совершенно различныя. Первая изъ этихъ величинъ можетъ быть измѣрена силой, дѣйствующей на единицу поверхности, а вторая силой, дѣйствующей на единицу длины.

На стр. 143-й авторъ утверждаетъ, что до сего времени не уда-

лось получить эфиръ въ твердомъ видѣ. Это невѣрно. Эфиръ затвердѣваетъ уже при—117°, т. е. раньше алкоголя.

Выпускъ второй. Стр. 3-я. Авторъ называетъ амплитудой колебанія—разстояніе между крайними положеніями колеблющагося тѣла. Это невѣрно. Амплитудой всегда называется половина этого разстоянія, т. е. наибольшее удаленіе колеблющагося тѣла отъ положенія покоя. Та же самая ошибка повторяется авторомъ на стр. 220-й, гдѣ онъ разсматриваетъ колебаніе маятника.

Стр. 51-я. Описывая явленіе полного внутренняго отраженія, авторъ говоритъ, что, когда уголъ паденія меньше прямого угла, то лучъ переходитъ въ менѣе преломляющуюся средину, а когда уголъ паденія больше предѣльнаго угла, то опытъ показываетъ, что лучъ отражается. Изъ этихъ словъ можно думать, что, когда уголъ паденія меньше предѣльнаго угла, то никакого отраженія не происходитъ, что очевидно невѣрно. Рис. 244 на стр. 50-й вполне соответствуетъ такому неправильному представленію о ходѣ явленія. На той же стр. 51-й сказано, что при полномъ внутреннемъ отраженіи почти весь свѣтъ отражается, что также невѣрно: въ дѣйствительности энергія отраженнаго луча вполне равняется энергіи падающаго.

На стр. 132-й повторено старое, невѣрное объясненіе остаточнаго заряда проникновеніемъ частей заряда во внутрь стекла. Если бы это объясненіе было вѣрно, то осталось бы непонятнымъ, почему приближающіеся другъ къ другу разноименные заряды стали бы вновь удаляться другъ отъ друга и собираться на поверхностяхъ стекла.

На стр. 142-й авторъ указываетъ, какъ на преимущество элемента Даниэля, на то, что въ немъ количество сѣрной кислоты не уменьшается. Но это обстоятельство въ дѣйствительности никакой существенной роли не играетъ; вѣдь элементъ дѣйствуетъ и въ томъ случаѣ, если растворъ сѣрной кислоты замѣнить растворомъ цинковаго купороса, и такая замѣна почти не вліяетъ на величину электро-движущей силы.

Стр. 196-я. Авторъ даетъ старое, не выдерживающее никакой критики опредѣленіе скорости перемѣннаго движенія: „Скорость перемѣннаго движенія въ данный моментъ есть та скорость, которую тѣло имѣло бы, если бы, начиная съ этого момента, его движеніе сдѣлалось равномернымъ“. При такомъ опредѣленіи нельзя не спросить, съ какой же скоростью будетъ происходить это равномерное движеніе? Такъ какъ авторомъ было уже дано опредѣленіе силы, какъ причины, мѣняющей скорость движенія, то онъ могъ бы вторую по-

ловину только что приведеннаго опредѣленія замѣнить словами: „если бы, начиная съ этого момента, сила, подѣ влияніемъ которой находится тѣло, перестала дѣйствовать“.

На стр. 221-й авторъ разсматриваетъ законъ сохраненія энергіи и говоритъ, что „такое-то количество теплоты равносильно такому-то количеству электричества“ (?). Но, вѣдь, количество электричества, т. е. зарядъ, никоимъ образомъ не можетъ служить мѣрой энергіи и потому не можетъ быть эквивалентно какому-либо количеству теплоты. Достаточно вспомнить, что при данной емкости, т. е. для даннаго проводника, энергія заряда пропорціональна квадрату количества электричества.

II. Сравнительно мелкия опивки.

Выпускъ первый. Стр. 39-я. „Очевидно, что пара силъ стремится сообщить тѣлу вращательное движеніе около точки, лежащей посрединѣ между А и В“ (точками приложенія двухъ силъ). Этому нельзя утверждать, такъ какъ пару силъ можно перемѣщать параллельно самой себѣ въ произвольную точку пространства.

На стр. 54-й авторъ утверждаетъ, что человѣкъ, ходящій по натянутой веревкѣ, перемѣщая вправо или влево длинный шестъ, тѣмъ поддерживаетъ постоянно *свой* центръ тяжести на вертикальной прямой, проходящей черезъ опору. Очевидно, что сказанное относится къ центру тяжести системы, состоящей изъ человѣка и изъ шеста.

На стр. 57-й авторъ указываетъ на условіе, которому должны удовлетворять вѣсы, а именно, что точки привѣса должны лежать на одной прямой съ точкой опоры, и утверждаетъ, что безъ этого условія вѣсы не останутся въ равновѣсіи, когда дѣйствующія на нихъ двѣ силы между собой равны, что очевидно не вѣрно.

Стр. 67-я. По мнѣнію автора кружокъ ab держится до тѣхъ поръ, пока уровень жидкости въ трубочкѣ не сравняется съ уровнемъ ея въ широкомъ сосудѣ, и этому соотвѣтствуетъ рис. 78. По въ дѣйствительности кружокъ, очевидно, упадетъ раньше, если онъ, какъ это обыкновенно бываетъ, сдѣланъ, напримѣръ, изъ стекла.

На стр. 87-й авторъ утверждаетъ, что при поднятіи поршня водянаго насоса подѣ нимъ образуется пустое пространство.

На стр. 140-й авторъ утверждаетъ, что отношеніе двухъ тепло-

емкостей есть число почти одинаковое для всѣхъ газовъ. Въ дѣйствительности оно колеблется между 1,24 и 1,66.

Выпускъ второй. Стр. 8-я. Авторъ указываетъ на каучукъ, какъ на яко-бы единственное твердое тѣло, въ которомъ скорость звука меньше, чѣмъ въ воздухѣ. Такихъ тѣлъ весьма много.

Стр. 67: „Смѣшиваніемъ трехъ цвѣтовъ, напримѣръ, краснаго, желтаго и синяго, взятыхъ въ различныхъ пропорціяхъ, можно получить всѣ остальные цвѣта“. Это невѣрно, такъ напримѣръ, пурпуровый цвѣтъ изъ указанныхъ трехъ цвѣтовъ составленъ быть не можетъ.

Стр. 71: желтая полоса натріевой линіи распадается на двѣ полоски, а не на нѣсколько, какъ утверждаетъ авторъ.

Стр. 81-я. Рѣчь идетъ объ оптическихъ приборахъ. Авторъ говоритъ: „объективъ даетъ дѣйствительное изображение“ и т. д. Это относится далеко не ко всѣмъ оптическимъ приборамъ; напримѣръ, описанная авторомъ труба Галилея уже представляетъ исключеніе.

Стр. 103-я. Рѣчь идетъ о магнитѣ Жамена. Авторъ утверждаетъ, что вслѣдствіе вліянія другъ на друга отдѣльныхъ полосъ „на сѣверномъ концѣ образуется чрезъ вліяніе слабый южный полюсъ и наоборотъ“, что очевидно совершенно невѣрно. Вслѣдствіе вліянія полюсы лишь нѣсколько ослабляются.

На стр. 105-й авторъ утверждаетъ, что „магнитное склоненіе въ восточной Россіи и Азій — восточное“. Фраза плохо редактирована, такъ какъ можно подумать, что восточное склоненіе наблюдается спеціально въ восточной Азій. Очевидно, авторъ хотѣлъ сказать, что во всей Азій склоненіе восточное, что невѣрно, такъ какъ въ огромной области восточной Азій склоненіе западное.

Стр. 111-ая. Все, что говоритъ авторъ для разясненія понятія о количествѣ электричества, крайне смутно и не выдерживаетъ строгой критики. Онъ говоритъ, напримѣръ: „два тѣла считаются заряженными одинаковымъ количествомъ электричества, если, при одинаковыхъ условіяхъ, эти тѣла производятъ одинаковое притягательное или отталкивательное дѣйствіе“. Это совершенно невѣрно и можетъ относиться, развѣ, къ точкамъ безкопечно отдаленнымъ. Вѣдь, у самой поверхности наэлектризованныхъ проводниковъ дѣйствующая сила пропорціональна плотности заряда.

На стр. 125-ой авторъ говоритъ о расхожденіи листочковъ электроскопа, соединеннаго съ наэлектризованнымъ тѣломъ, и утверждаетъ, что оно измѣняется только тогда, когда мы измѣнимъ величину электрическаго заряда проводника; между тѣмъ въ § 302 авторъ указы-

ваетъ на случай, противорѣчащій этому утверждению. На стр. 130-ой авторъ не вполне правильно описываетъ явленія, происходящія въ конденсаторѣ при сближеніи или раздвиганіи его кружковъ. Маятникъ на кругѣ В не долженъ непременно оказываться „вовсе неотклоненнымъ“.

Стр. 141-я: „это осѣданіе водорода на пластинкѣ служитъ, какъ это мы увидимъ послѣ, причиною новой электродвижущей силы, порождающей особый токъ“. Такой токъ въ дѣйствительности не возникаетъ, а является только дѣйствующая въ противоположномъ направленіи электродвижущая сила.

Стр. 151-ая и 152-ая. Здѣсь невѣрно говорится о гальванической поляризаціи, которую нельзя разсматривать какъ непосредственный результатъ стремленія продуктовъ разложенія снова соединиться между собой. Невѣрно также, что въ элементѣ Даниэля поляризація вовсе не происходитъ (стр. 152). На стр. 172-ой авторъ неправильно описываетъ явленіе, происходящее при намагничиваніи стали; такъ напримѣръ, плоскость токовъ не остается въ прежнемъ положеніи, когда намагничивающая сила исчезаетъ.

На стр. 221-ой авторъ говоритъ, что „если отклоненіе маятника не превосходитъ 3° , то время T выражается слѣдующей, не вполне точною формулой и т. д.“. Ясно, что если говорить о неточности этой формулы, то она относится ко всякому произвольному углу отклоненія.

Стр. 252-ая. „Энергія солнечной системы можетъ уменьшаться или увеличиваться при обмѣнѣ съ энергіей звѣздъ, кометъ и другихъ небесныхъ тѣлъ“. Авторъ забылъ, что солнечная система непрерывно теряетъ огромное количество энергіи вслѣдствіе лучеиспусканія въ безконечное пространство, безо всякаго „обмѣна“. На стр. 260-ой авторъ говоритъ, что азотная кислота способна соединяться со многими веществами. Очевидно, слѣдовало сказать, что азотная кислота способна входить въ химическія реакціи со многими веществами.

На стр. 261-ой авторъ говоритъ, что „растенія поглощаютъ углекислый газъ изъ воздуха, разлагаютъ его на углеродъ и кислородъ; первый усваиваютъ, а второй выдѣляютъ (ночью)“. Это невѣрно.

На стр. 261-ой въ списокъ новооткрытыхъ частей атмосферы авторъ сохранилъ метаргонъ, отъ котораго Lord Rayleigh отказался.

III. Неудовлетворительная формулировка законовъ.

Весьма точная формулировка законовъ или общихъ выводовъ представляетъ одно изъ главныхъ условий, которому долженъ удо-

влстворятъ хорошій учебникъ. Авторъ печатаетъ такіе законы или выводы крупнымъ жирнымъ шрифтомъ, къ чему слѣдуетъ отнести съ величайшимъ одобреніемъ; но, къ сожалѣнію, не всѣ формулировки выдерживаютъ строгую критику.

Выпускъ первый. Стр. 15-ая. „Вещество дѣлимо не безпредѣльно, а только до тѣхъ поръ, пока оно не распалось на нѣкоторыя мельчайшія частицы или молекулы“. Очевидно, слѣдовало сказать „мельчайшія частицы, называемыя молекулами“, а то можно подумать, что существуютъ два различныхъ предѣла дѣленія вещества.

Стр. 60-ая. Законъ Паскаля. „Давленіе производимое на какую либо часть жидкости, наполняющей закрытый со всѣхъ сторонъ сосудъ, передается по всѣмъ направленіямъ“. Такая формулировка, очевидно, не полна, такъ какъ въ ней ничего не говорится о величинѣ передаваемого давленія.

Стр. 69-ая. Законъ Архимеда. „Всякое тѣло, погруженное въ жидкость, теряетъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣситъ вытѣсненная этимъ тѣломъ жидкость“. Старая, давно осужденная формулировка! Тѣло не теряетъ вѣса, но претерпѣваетъ лишь кажущееся уменьшеніе своего вѣса. На слѣдующей страницѣ говорится даже о тѣлахъ, потерявшихъ весь свой вѣсъ.

Стр. 126-ая. „Изъ подобныхъ опытовъ Гей-Люссака вывелъ слѣдующій законъ, названный его именемъ: коэффициентъ расширенія газа отъ 0° до 100° при постоянномъ давленіи одинъ и тотъ же для всѣхъ газовъ и не зависитъ отъ величины давленія, онъ равенъ 0,00375“. Очевидно, что формулировать законъ и печатать его жирнымъ шрифтомъ слѣдуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ установленъ, а поэтому слѣдуетъ въ этой формулировкѣ привести вѣрный коэффициентъ 0,00336, а не тотъ, который былъ первоначально найденъ Гей-Люссакомъ.

Выпускъ второй. Стр. 71-ая. Законъ Кирхгофа (а не Кирхгофа и Буэнзена, какъ говоритъ авторъ) формулированъ словами: „средина поглощаетъ тѣ группы лучей, которыя она сама способна испускать“. Эта формулировка заставляетъ думать, что средина поглощаетъ только тѣ лучи, которые она испускаетъ, что, очевидно, невѣрно. Красное стекло поглощаетъ зеленые лучи, хотя оно ихъ не испускаетъ. Слѣдовало сказать: „средина поглощаетъ, между прочимъ, тѣ группы лучей, которыя она сама способна испускать“.

На стр. 116-ой авторъ говоритъ о законѣ Фарадея, относящемся къ индукціи на проводникѣ, окружающемъ наэлектризованныя тѣла.

Вмѣсто того, чтобы говорить о поверхностяхъ проводника, обращенныхъ къ навѣющему тѣлу и удаленной отъ него, было бы лучше говорить о внутренней и внешней поверхностяхъ тѣла; особенно терминъ „удаленной“ здѣсь неудаченъ.

Стр. 127-ая: „если два проводника, заряженные до разныхъ потенциаловъ, соединены другъ съ другомъ проволокой, то ббльшій потенциалъ уменьшается, а меньшій увеличивается, пока не установится нѣкоторый срѣдний потенциалъ“. Здѣсь неизбѣжно слѣдовало прибавить, что этотъ срѣдний потенциалъ будетъ общій обоимъ тѣламъ.

Стр. 128-ая. Потенциалъ наэлектризованнаго проводника уменьшается, а его емкость увеличивается, если вблизи него находится другой проводник“. Читатель подумаетъ, что потенциалъ непрерывно уменьшается, пока вблизи находится другой проводникъ. Слѣдовало сказать: „если приблизить къ нему другой проводникъ“ и т. д.

Стр. 146-ая: „Количество электричества, проходящее въ единицу времени черезъ поперечный разрѣзъ проводника, по которому идетъ токъ, называется силою тока“. Въ дѣйствительности сила тока есть особаго рода физическая величина, которая можетъ быть измѣрена нѣкоторымъ количествомъ электричества; но эти двѣ величины отнюдь не тождественны между собой.

Стр. 147-ая: „За единицу силы тока принимаютъ такой постоянный токъ“ и т. д. Слѣдовало сказать: „за единицу силы тока принимаютъ *силу* такого постоянного тока“ и т. д.

Стр. 239-ая: „Если на тѣло дѣйствуетъ только одна сила, то работа этой силы на данномъ пути равняется приращенію живой силы тѣла, полученному на протяженіи этого пути“. Непонятно, почему авторъ ввелъ предположеніе, что дѣйствуетъ только одна сила.

Стр. 242-ая: „Импульсъ постоянной силы за данный промежутокъ времени равенъ измѣненію количества движенія за этотъ промежутокъ“. Такая формулировка невѣрна. Импульсъ только въ томъ случаѣ равенъ измѣненію (алгебраическому) количества движенія, когда сила имѣетъ направленіе самого движенія.

IV. Разнаго рода мелкіе промахи, въ особенности дидактическаго характера.

Число мелкихъ промаховъ, какъ уже было сказано выше, весьма велико, и мы далеко ихъ не исчерпываемъ нижеслѣдующими примѣрами.

Выпускъ первый. Стр. 1-ая. Учебникъ начинается слѣдующими словами: „1. Метрическая система мѣръ протяженія. Въ этой системѣ, принятой и т. д.“. Что же пойметъ ученикъ, впервые обращающійся къ изученію физики. Слова: „въ этой системѣ“, очевидно, останутся для него непонятными?

Стр. 6-ая. Масса тѣла, т. е. количество вещества, содержащееся въ немъ, зависитъ, во 1°, отъ объема тѣла (она, очевидно, при одинаковыхъ условіяхъ пропорціональна объему тѣла) и т. д.“. Слова „при одинаковыхъ условіяхъ“ ничего не выражаютъ и должны остаться непонятными.

На стр. 8-ой авторъ говоритъ о трехъ „состояніяхъ тѣла“, какъ это, къ сожалѣнію, обыкновенно и дѣлается. Было бы лучше говорить о трехъ состояніяхъ вещества или матеріи.

Стр. 10-ая: „Химическимъ называется такое явленіе, при которомъ составъ вещества существенно измѣняется“. Слово „существенно“ слишкомъ неопредѣленно и неясно.

Стр. 10-ая: Такимъ образомъ, явленія, происходящія отъ тяжести, нагрѣванія, звука, свѣта, магнетизма, электричества, входятъ въ область физики“. Однако многія явленія, вызываемыя нагрѣваніемъ, свѣтомъ и даже электричествомъ, относятся къ области химіи.

Стр. 16-ая. Авторъ впервые говоритъ о *пространствѣ*, проходящемъ движущейся точкой, не выяснивъ, чтѣ въ данномъ случаѣ подразумѣвается подъ терминомъ „пространство“.

Стр. 24-ая. Въ числѣ примѣровъ мгновенныхъ силъ авторъ упоминаетъ „упругость резинового мячика“.

Стр. 40-ая. Опредѣляя, чтѣ такое рычагъ, авторъ говоритъ о двигательной силѣ, которою мы пользуемся, и о силѣ сопротивленія, которую желаемъ преодолѣть. Тутъ безъ всякой надобности введенъ субъективный элементъ въ опредѣленіе понятія о рычагѣ.

Стр. 44-ая и 45-ая. Статья о ватерпасѣ написана неудовлетворительно. Здѣсь говорится: „Если, приложивъ брусокъ С къ испытуемой *линии*“; далѣе: „если же плоскость Р не горизонтальна (въ томъ направленіи, по которому расположеноъ уровень) и т. д.“

Горизонтальная плоскость, очевидно, только тогда заслуживаетъ этого названія, если она горизонтальна во всѣхъ направленіяхъ. Авторъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что для рѣшенія вопроса о горизонтальности плоскости слѣдуетъ наблюдать уровень въ двухъ взаимно перпендикулярныхъ положеніяхъ.

На стр. 47-ой авторъ утверждаетъ, что никакими, самыми точными снарядами нельзя измѣрить уголъ въ 1".

На стр. 60-ой авторъ говоритъ о единицѣ поверхности, взятой внутри жидкости и испытывающей давленіе съ обѣихъ сторонъ. Давленіе можетъ быть произведено только на поверхность тѣла, а не на геометрическую поверхность, которая ничего испытывать не можетъ.

Стр. 64-ая: „Движеніе жидкости на любую частицу стѣнки“ и т. д. Читатель подумаетъ, что эта частица можетъ находиться гдѣ угодно внутри стѣнки. Слѣдуетъ выяснитъ, что рѣчь идетъ о внутренней поверхности стѣнки.

Стр. 81-ая: „При повышеніи температуры волосность уменьшается и даже совершенно уничтожается“. О послѣднемъ обстоятельствѣ было бы лучше не упоминать, такъ какъ волосность исчезаетъ только при критической температурѣ, когда вещества перестаютъ быть жидкими.

На стр. 90 авторъ утверждаетъ, что наши ткани не ощущаютъ давленія атмосферы только потому, что мы съ нимъ „свыклись отъ рожденія“.

Стр. 95-я. Два раза встрѣчающіяся слова: „не измѣняя температуры“ должны быть замѣнены словами; „сохраняя температуру постоянной“, что, очевидно, не одно и то же.

Стр. 96-я. Повѣрку закона Мариотта лучше вести въ направленіи обратномъ тому, которое описываетъ авторъ. Слѣдуетъ давленіе удвоить или уменьшить до половины и затѣмъ измѣрить объемъ.

Стр. 112-я. Гипотезу, допускающую, что теплота есть особаго рода вещество, авторъ почему-то называетъ гипотезой истеченія.

Стр. 119-я. Въ подстрочномъ примѣчаніи упоминается объ истинныхъ коэффициентахъ расширенія безъ всякаго объясненія этого термина.

На стр. 167-й авторъ описываетъ гигрометръ Аллюара; такъ какъ этимъ гигрометромъ у насъ очень мало пользуютя, то было бы лучше замѣнить его другимъ.

Второй выпускъ. Стр. 3-я и 4-я. Авторъ весьма наглядно описываетъ образованіе звуковыхъ волнъ въ упругой средѣ. Слѣдовало бы, однако, измѣнить первую фразу: „Возьмемъ наиболѣе простой случай, когда колебанія передаются и т. д.“. О передачѣ колебаній раньше не упоминалось, и слѣдовало бы прежде всего указать, что таковая существуетъ, а затѣмъ уже описывать, какъ она происходитъ.

На стр. 4-й читаемъ: „т.-е. въ воздухѣ, наполняющемъ цилиндръ,

прозойдетъ одна волна“, какъ будто терминъ „волна“ уже былъ раньше опредѣленъ.

На стр. 32-й авторъ начинаетъ статью объ отраженіи свѣта словами: „Когда лучъ свѣта SA падаетъ на какую-нибудь *непрозрачную* полированную поверхность“ и т. д. При чемъ тутъ непрозрачность?

На стр. 33-й авторъ указываетъ на то, что явленія отраженія обратимы, не объясняя, въ чемъ вообще заключается обратимость физическаго явленія.

Стр. 39 и 57-я. Въ двухъ мѣстахъ параграфы озаглавлены: „Сопряженный фокусъ“. Сопряженность не можетъ быть свойствомъ *одной* точки. Въ текстѣ вездѣ вѣрно говорится о сопряженныхъ фокусахъ.

Стр. 42-я: „... и потому небольшое сравнительно количество лучей, падающее на PR, не можетъ измѣнить фокуса“. Сказано крайне неудачно и туманно.

Стр. 42-я, 43-я и другія. При построеніяхъ изображеній въ зеркалахъ, авторъ нигдѣ не указываетъ, что на побочную ось можно смотрѣть, какъ на падающій лучъ, совпадающій съ лучемъ отраженнымъ.

На стр. 57-й авторъ говоритъ о двухъ главныхъ фокусахъ и указываетъ величину главнаго фокуснаго разстоянія. Слѣдовало бы подчеркнуть, что оба фокуса лежатъ на одинаковыхъ разстояніяхъ отъ стекла.

На стр. 98-й авторъ даетъ весьма неудовлетворительное опредѣленіе понятія о магнитныхъ полюсахъ и вовсе не упоминаетъ магнитную ось.

На стр. 108-й авторъ весьма не ясно говоритъ о проводникахъ и непроводникахъ электричества. Слѣдовало бы сперва подробно описать явленіе, а затѣмъ познакомить съ соответствующими терминами, а не наоборотъ, какъ дѣлаетъ авторъ.

Стр. 117-я и другія. Весьма досадно, что авторъ вновь вводитъ старое, давно оставленное понятіе о *связанномъ* электричествѣ. Известно, къ какимъ многочисленнымъ недоразумѣніямъ приводитъ этотъ терминъ, отъ котораго слѣдуетъ отказаться навсегда.

На стр. 122-й авторъ говоритъ, что въ электрофорныхъ машинахъ треніе имѣетъ сравнительно небольшое значеніе. Намъ кажется, что, напримѣръ, въ машинѣ Гольца оно ровно никакого значенія не имѣетъ.

На стр. 128-й авторъ указываетъ, что емкость не зави-

силь отъ массы; слѣдовало бы особо указать на независимость отъ вещества.

Стр. 146-я. Доказательство первой части закона электролиза нельзя признать достаточно строгимъ; недостаточно ясно, откуда получается законъ пропорціональности количествамъ электричества.

На стр. 152-й авторъ описываетъ аккумуляторъ Плантэ, который никто не пользуется. Слѣдовало бы упомянуть объ устройствѣ и дѣйствіи нынѣ употребляемыхъ аккумуляторовъ.

На стр. 161-й въ формулѣ, напечатанной жирнымъ шрифтомъ, слѣдовало бы въ концѣ добавить слово „калорій“.

На стр. 171-й авторъ называетъ соленоидомъ известнымъ образомъ свернутую проволоку, что невѣрно. Соленоидъ получается лишь тогда, когда черезъ эту проволоку проходитъ токъ.

На стр. 192-й объясненіе обратимости индуктивной машины крайне туманно.

Стр. 200-я. Слѣдовало бы показать, что двѣ послѣднія формулы въ § 369 получаются непосредственно изъ формулъ $v = at$ и $e = \frac{1}{2} at^2$.

Стр. 203-я. О томъ, что силы должны быть пропорціональны ускореніямъ, авторъ говоритъ, что это „можно считать очевиднымъ“. Указаніе туманное и ничего не говорящее.

Стр. 206-я. Слѣдовало бы привести формулы для скорости и для пройденнаго пути при свободномъ паденіи для случая, когда существуетъ начальная скорость.

На стр. 226-й. Авторъ не указываетъ, что точку O (рис. 449) слѣдуетъ представлять себѣ неизмѣнно связанною съ рычагомъ АСВ.

Стр. 232-я: „чѣмъ наклоннѣе бруски (представляющіе наклонную плоскость), тѣмъ меньше требуется силы для спуска бочки“. Очевидно, было бы лучше говорить не о спускѣ, а о поднятіи бочки.

Стр. 237-я и 238-я. Опредѣляя терминъ килограммо-метръ и вообще работу поднятія, авторъ говоритъ, что слѣдуетъ понимать работу поднятія безъ ускоренія. Это выражено весьма неудачно. При поднятіи тѣла, ускореніе всегда должно существовать и притомъ сперва положительное, а потомъ отрицательное. Сущность дѣла заключается въ томъ, что скорость тѣла должна быть одна и та же въ началѣ и въ концѣ подъема.

Стр. 248-я. Доказательство того, что кинетическая энергія дви-

жущагося тѣла равняется его живой силѣ, намъ представляется мало понятнымъ.

Въ статьѣ, посвященной краткимъ химическимъ свѣдѣніямъ (стр. 256-я и 272-я), слѣдовало бы дать читателю общее понятіе о кислотѣ и о соли.

Стр. 290-я. Авторъ преувеличиваетъ дѣйствіе шаровой молніи. На той же страницѣ онъ утверждаетъ, что продолжительность молніи можетъ доходить до цѣлой секунды, что врядъ ли справедливо.

V. Несовлѣденіе строгой послѣдовательности при изложеніи.

Строгая послѣдовательность изложенія, очевидно, также представляетъ одно изъ основныхъ условій, которымъ долженъ удовлетворять хорошій учебникъ.

Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи разсматриваемый учебникъ не удовлетворяетъ строгой критикѣ. Въ немъ встрѣчается большое число мѣстъ, пониманіе которыхъ для учащихся невозможно, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь о явленіяхъ и законахъ, которые разсмотрѣны лишь въ послѣдующихъ главахъ. Приведемъ примѣры:

Выпускъ первый. Стр. 3-я. Авторъ описываетъ термометры, не предпославъ хоть нѣсколько словъ о тепловомъ расширеніи тѣлъ.

Стр. 5-я. Авторъ говоритъ о количествѣ вещества, между тѣмъ какъ опредѣленіе того, что называется „веществомъ“ или „матеріей“, встрѣчается только на стр. 8-й.

Стр. 6-я. Упоминается сила тяжести, о которой раньше не было рѣчи.

Стр. 9-я. Авторъ говоритъ о томъ, что тѣла, встрѣчающіяся въ природѣ, имѣютъ сложный составъ, и что они могутъ быть разложены на другія вещества; что, напримѣръ, поваренная соль разлагается на натрій и хлоръ, а вода на водородъ и кислородъ. Понятіе о химическомъ разложеніи далеко не простое, и нѣтъ сомнѣній, что указанное мѣсто останется совершенно непонятнымъ для учениковъ, только что приступающихъ къ изученію физическихъ явленій.

Стр. 12-я. Упоминается воздушный насосъ безъ всякаго разъясненія.

Стр. 29-я. Авторъ говоритъ о томъ, что „часть двигательной силы расходуется на преодоленіе тренія между трущимися частями машины“; и это въ самомъ началѣ учебника, гдѣ ученикъ ничего не знаетъ о расходованіи силы (лучше было бы сказать работы).

Стр. 61-я. При описаніи гидравлическаго пресса авторъ говоритъ, что нѣкая часть прибора „дѣйствуетъ, какъ насосъ, втягивая въ себя воду“ и т. д. И это мѣсто должно остаться непонятнымъ, такъ какъ о насосахъ говорится гораздо дальше.

Стр. 63-я. Объясненіи законъ давленія жидкости на дно сосуда, авторъ упоминаетъ о боковомъ давленіи жидкости, разсмотрѣніе котораго помѣщено на стр. 64-й.

Стр. 87-я. Здѣсь авторъ упоминаетъ о водяномъ насосѣ, описаніе котораго находится только на стр. 91-й.

Стр. 112-я. „Теплота нагрѣтаго пара въ паровыхъ машинахъ частью превращается въ движеніе различныхъ частей машины“ и т. д. Ученикъ еще ничего не слышалъ о превращеніи одной формы энергіи въ другую, и въ частности о переходѣ теплоты въ видимое движеніе.

Стр. 145-ая: „Приходящая во время плавленія теплота идетъ на внутреннюю молекулярную работу, состоящую въ такомъ измѣненіи движенія частицъ тѣла“ и т. д.

Стр. 158-ая: „При парообразованіи поглощается нѣкоторое количество теплоты, идущее на внутреннюю молекулярную работу превращенія жидкаго тѣла въ паръ“. Въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ повторяется только что указанная ошибка.

Выпускъ второй. Стр. 3-я. Авторъ указываетъ на изохронизмъ малыхъ колебаній упругаго тѣла и прибавляетъ въ скобкахъ слова: „подобно качанію маятника“, какъ будто изохронизмъ малыхъ качаній маятника уже извѣстенъ ученикамъ, начинающимъ изучать физику.

Стр. 25-ая. Въ самомъ началѣ ученія о свѣтѣ авторъ упоминаетъ выпуклое стекло, форма котораго еще неизвѣстна ученикамъ.

Стр. 152-ая. Здѣсь упоминается объ „энергіи“ гальванической батареи безъ всякаго разъясненія этого термина.

Стр. 247-ая. Авторъ говоритъ, что порохъ обладаетъ „скрытой энергіей“, между тѣмъ какъ этотъ терминъ разъясненъ только на стр. 249-ой.

VI. МАТЕРІАЛЪ, КОТОРЫЙ СЛѢДУЕТЪ ПРИЗНАТЬ НЕУЖНЫМЪ.

Выборъ матеріала въ разсматриваемомъ учебникѣ слѣдуетъ признать въ высшей степени удачнымъ; тѣмъ не менѣе можно указать на нѣкоторыя детали, которыя безъ ущерба могли бы быть опущены.

Выпускъ первый. Стр. 14-ая. Указаніе на существованіе силъ

притяженія и отталкиванія, дѣйствующихъ между молекулами тѣла, могло бы быть опущено, такъ какъ всякое разсужденіе о характерѣ молекулярныхъ силъ вообще пока носятъ довольно фантастическій характеръ.

Стр. 52-я и 53-я. Указаніе на зависимость устойчивости, или неустойчивости равновѣсія отъ того, имѣетъ ли центръ тяжести наиболѣе низкое или наиболѣе высокое положеніе, могло бы быть опущено.

Стр. 109-ая. Рисунокъ и описаніе направляемаго воздушнаго шара.

Стр. 139-ая. Указаніе на то, что уплотненіе вещества вообще вызываетъ уменьшеніе его теплоемкости.

Стр. 140-ая: „Теплоемкость твердыхъ тѣлъ особенно значительно возрастаетъ выше 100°“. Это не только излишне, но и въ такой формѣ представляется довольно страннымъ.

Стр. 168-ая. Описаніе химическаго гигрометра.

Выпускъ второй. Стр. 5-ая. Выводится понятіе о фазахъ движущихся частицъ; истинное значеніе этой величины остается невыясненнымъ.

Стр. 6-ая. Явленіе интерференціи, наблюдаемое при вращеніи звучащаго камертона передъ ухомъ.

Стр. 65-ая. Авторъ говоритъ, что главные цвѣта въ спектрѣ расположены *обыкновенно* въ такомъ-то порядкѣ; въ элементарномъ учебникѣ не слѣдуетъ даже и намекать на исключенія изъ этого правила.

Стр. 84-ая. Указаніе на добавочную часть телескопа, называемую искателемъ.

Стр. 150-ая. Описаніе вертикальнаго гальванометра.

Стр. 227-ая. Разсужденіе о томъ, что для случая непараллельныхъ силъ раздѣленіе рычаговъ на 2 рода не имѣетъ значенія.

VII. Редакция.

Разсматриваемый учебникъ не весь написанъ хорошимъ языкомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Выпускъ первый. Стр. 1-ая: „Тѣмъ не менѣе этотъ архивный метръ *оставленъ*, какъ единица длины“. Авторъ не замѣтилъ, что глаголь „оставленъ“ въ этомъ мѣстѣ можетъ имѣть два, другъ другу противоположныхъ значенія.

Стр. 2-ая: „Единичное отношеніе двухъ послѣдовательныхъ квадратныхъ мѣръ“ и т. д.

Стр. 4-ая: „Для перехода со шкалы Реомюра на шкалу Цельзія достаточно число градусовъ Реомюра умножить на 5 и раздѣлить на 4, а при переходѣ со шкалы Цельзія на шкалу Реомюра—число градусовъ Цельзія умножить на 4 и раздѣлить на 5“. И такъ число градусовъ Реомюра слѣдуетъ сперва помножить на пять, а потомъ раздѣлить на четыре; остается неизвѣстнымъ, что далѣе дѣлать съ произведеніемъ и частнымъ, полученными такимъ образомъ.

Стр. 12-ая: „... говорить, что при этой деформациі достигнуть предѣла упругости“. Слѣдовало сказать: перейденъ предѣла упругости.

Стр. 13-ая: „Причина та, что облеженные части не стоятъ другъ къ другу въ такомъ близкомъ разстояніи“.

Стр. 15-ая: „... мы сблизимъ молекулы достаточно тѣсно“. На той же стр. „молекула не есть простая частица вещества“.

Стр. 18-ая: „Пусть, сидя въ вагонѣ движущагося поѣзда, мы бросили яблоко кверху“.

Стр. 31-ая: „Тогда силу Р мы можемъ замѣнить двумя новыми силами, одна въ 7 ед. и другая въ 3 ед., и которыя направлены въ ту же сторону, какъ и сила Р“.

Стр. 45-ая: „Двѣ матеріальныя частицы стремятся сблизиться другъ съ другомъ“ и т. д.

Стр. 56-ая: „Вѣсы представляютъ собою приборъ, посредствомъ котораго измѣряется масса какого-либо тѣла, по сравненію его вѣса съ вѣсомъ образцовыхъ массъ“.

Стр. 59-ая и выпускъ второй стр. 135-ая. Авторъ употребляетъ терминъ „равновѣсіе“, когда лучше было бы говорить о покоѣ (жидкости и электричества).

Стр. 69-ая. § 80 озаглавленъ: „Три рода явленій при погруженіи тѣла въ жидкость“. Трудно догадаться, что здѣсь идетъ рѣчь о явленіяхъ, наблюдаемыхъ при погруженіи различныхъ тѣлъ въ одну и ту же жидкость.

Стр. 80-ая: „Возьмемъ двѣ чистыхъ стеклянныхъ палочки (или пластинки) и погрузимъ *не помнитъ одну* изъ нихъ въ воду“.

Стр. 85-ая: „Газы обладаютъ упругостью относительно объема“; слѣдовало сказать „совершенной упругостью“.

Стр. 113-ая. Авторъ утверждаетъ, что эфиръ представляетъ, „чрезвычайно разрѣженную“ среду; слѣдовало сказать „среду весьма малой плотности“.

Выпускъ второй. Стр. 5-ая и 6-ая: „раздраженія, испытываемыя этими волокнами, передаются по акустическому нерву въ головной

мозгъ и тамъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, превращаются въ звуковое ощущеніе“.

Стр. 149-ая: „Изъ этого слѣдуетъ, что вообще величина угла отклоненія стрѣлки есть результатъ дѣйствія на нее двухъ силъ“.

Стр. 153-ая: „проводникъ, составляющій цѣпь“, вмѣсто „проводникъ, входящій въ составъ цѣпи“.

Стр. 249-ая: „Но не только два вида механической энергіи способны переходить одинъ въ другой; всѣ другіе виды обладаютъ этой способностью“. Совершенно непонятно, какую мысль авторъ намѣревался выразить.

Стр. 278-ая: „Близъ экватора лежитъ область слабого давленія (minimum 758 мм.)“. Читатель подумаетъ, что minimum давленія, наблюдаемаго на экваторѣ, равняется 758 мм.

Стр. 285-ая: „На листьяхъ деревьевъ роса не осаждается, такъ какъ воздухъ, охлаждаясь, падаетъ внизъ, не успѣвъ достигнуть состоянія насыщенія“. Совершенно непонятно.

VIII. Терминологія.

Авторъ вообще пользуется правильной научной терминологіей, и мы можемъ указать лишь нѣсколько исключеній.

Въ выпускѣ *первомъ* на стр. 11-ой авторъ называетъ промежутки между молекулами вещества *скважинами* и на слѣдующей стр. говорить о скважинахъ въ жидкостяхъ и газахъ.

На стр. 80-ой того же выпуска авторъ называетъ форму жидкости около поверхности твердаго тѣла *менискомъ*, что, очевидно, невѣрно.

Во *второмъ* выпускѣ укажемъ на слѣдующія мѣста. На стр. 56-ой авторъ называетъ вогнутыя стекла—*разсѣвательными*; обыкновенно ихъ называютъ—разсѣвающими.

На стр. 65-ой говорится о *минимомъ спектрѣ*; таковой терминъ въ данномъ случаѣ неупотребителенъ.

Индукціонные токи авторъ на стр. 177-ой называетъ индуктивными, а на стр. 181-ой явленію самоиндукціи онъ называетъ *самонаведеніемъ*.

IX. Рисунки.

Вообще говоря, можно признать большинство рисунковъ въ разсматриваемомъ учебникѣ воиогѣ удовлетворительными. Встрѣчаются, однако, и нѣкоторыя исключенія.

Выпуск первый. Стр. 22-ая рис. 2. Буква G должна быть замѣнена буквою C.

Стр. 34-ая, рис. 25. Линія OR должна быть сплошной (пропущенъ отрѣзокъ SC).

Стр. 60-ая, рис. 66. Въ текстѣ говорится о каналѣ, въ которомъ можетъ двигаться поршень A; на рисунокѣ такого канала не видно.

Стр. 65-ая, рис. 74. Рядомъ съ главнымъ рисункомъ изображена часть въ увеличенномъ видѣ, безъ всякаго указанія въ текстѣ.

Стр. 84-ая, рис. 101. Изображены куски мѣднаго купороса, о которыхъ не упомянуто въ текстѣ.

Стр. 93-ая, рис. 115. Въ верхней части трубки изображенъ какой-то кружокъ, значеніе котораго совершенно непонятно.

Стр. 158-ая, рис. 168. Изъ стакана выходитъ паръ, чего не должно быть.

Выпускъ второй. Стр. 26-ая, рис. 204. Внѣшнія и внутреннія касательныя къ двумъ тѣламъ должны, очевидно, имѣть различныя точки касанія; между тѣмъ буквы поставлены только у внѣшнихъ касательныхъ, а по тексту выходитъ, что точки касанія внутреннихъ и внѣшнихъ касательныхъ совпадаютъ.

Стр. 38-ая, рис. 223 весьма плохъ.

Стр. 42-ая, рис. 229. Въ текстѣ упомянута точка S, которой нѣтъ на рисунокѣ.

Стр. 50-ая, рис. 244. Непремѣнно должны быть добавлены отраженные лучи и для тѣхъ падающихъ лучей, для которыхъ уголъ паденія меньше предѣльнаго угла.

Стр. 145-ая, рис. 372 слѣдуетъ начертить проволоку, соединяющую точку q съ элементомъ.

Стр. 151-ая, рис. 379. Слѣдуетъ поставить стрѣлки около D, H и E.

Стр. 155-ая, рис. 382, 383. Эти рисунки необходимо соединить въ одинъ рисунокъ, на которомъ были бы изображены одновременно испытуемое тѣло и реостатъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что описаніе реостата, сопротивленіе котораго можно довести до нуля, помѣщено на предыдущей стр. 154-ой.

Стр. 180-ая, рис. 414. Гальванометръ поставленъ около самой катушки, въ которую вставляется магнитъ; слѣдовало бы въ текстѣ указать, что гальванометръ долженъ быть установленъ на значительномъ разстояніи отъ катушки, и отмѣтить это обстоятельство на самомъ рисунокѣ какимъ-нибудь способомъ, хотя бы раздѣленіемъ соединительныхъ проволокъ на двѣ части, соединенныя рядомъ точекъ.

Ко второму выпуску приложена (стр. 65) окрашенная *таблица спектровъ*, которую слѣдуетъ признать весьма плохой. Изобразить спектръ въ краскахъ сколько-нибудь похоже на дѣйствительность, несомнѣнно, очень трудно; но то, что изображено на этой таблицѣ, слишкомъ далеко отъ истины. Особенно плохъ солнечный спектръ. Линія А должна находиться у самаго края видимой красной части. Линія НН слишкомъ тонка, а линія, находящаяся между G и H, слишкомъ толста. Въ спектрѣ водорода изображены три линіи вмѣсто четырехъ, и притомъ двѣ линіи, соответствующія F и G, имѣютъ почти одинаковую окраску, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности одна изъ нихъ зеленовато-голубая, а другая фіолетовая.

Х. Шрифтъ и опечатки.

Въ книгѣ встрѣчаются четыре шрифта, что представляетъ огромное ея преимущество; опечатокъ немного.

Изъ относящихся сюда мелкихъ промаховъ укажемъ на слѣдующіе.

Когда авторъ дѣлаетъ какос-либо перочисленіе, то онъ замѣняетъ слова: во-первыхъ, во-вторыхъ, и т. д. знаками: 1°, 2°, 3° и т. д., что довольно странно и можетъ привести къ недоразумѣніямъ (градусы).

На стр. 120-ой перваго выпуска (последняя строка) буква l, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, имѣетъ весьма неудачный видъ.

На стр. 197-ой втораго выпуска (последняя строка) дробь $\frac{t}{n}$ напечатана такъ, что буква t можетъ быть принята за единицу.

Изъ опечатокъ отмѣтимъ: во второмъ выпускѣ, на стр. 54-ой, строка 4-ая сверху напечатано „луча“ вмѣсто „угла“.

На стр. 120-ой напечатано „наэлектризованнымъ“ вмѣсто „ненаэлектризованнымъ“.

На стр. 166-ой два раза напечатано „параллелепипедъ“.

Мы указали весьма значительное число разнообразныхъ ошибокъ и промаховъ, крупныхъ и мелкихъ, встрѣчающихся въ разсматриваемомъ учебникѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство этихъ указаний относятся къ мелочамъ, и мы бы не стали ихъ указывать, если бы не считали долгомъ подвергнуть весьма тщательному разсмотрѣнію этотъ учебникъ, самое появленіе котораго мы считаемъ, какъ было сказано въ началѣ, важнымъ событіемъ въ нашей педагогической литературѣ, въ которой имѣется всего два учебника, болѣе или менѣе удовлетворяющихъ нынѣ установленнымъ условіямъ. Многочисленныя, прекрасно

изложенныя мѣста, встрѣчающіяся въ учебникѣ, приводятъ къ убѣжденію, что автору не трудно будетъ исправить встрѣчающіяся въ его учебникѣ ошибки и промахи, и что со временемъ изъ его книги выработается дѣйствительно хорошій учебникъ.

Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Для средней общеобразовательной школы и для самообразованія. Портреты Дальтона, Лавуазье и Менделѣева. 62 иллюстраціи въ текстѣ. С.-Пб. 1901. VIII+156 стр. Цѣна 80 коп.

Разсматриваемая книга представляетъ краткій учебникъ химіи, обладающій многими несомнѣнными достоинствами. Изложеніе вполне ясное и довольно строго послѣдовательное. Выборъ матеріала можно почти во всѣхъ главахъ назвать удачнымъ. Теоретическіе вопросы изложены ясно и притомъ въ надлежащихъ мѣстахъ. Рисунки исполнены удовлетворительно; портреты—въ особенности портретъ Д. И. Менделѣева на стр. 150—очень не дурны. Шрифтъ хорошій, печатокъ очень мало.

Распределеніе матеріала и правильное при этомъ чередованіе матеріала опытнаго и теоретическаго видны изъ слѣдующаго перечня главъ: Введеніе, вода, о строеніи вещества, кислородъ, окислы и соли, водородъ, сѣра, законъ кратныхъ отношеній, хлоръ, углеродъ, азотъ, о соляхъ, фосфоръ, кремній, металлы, періодическій законъ химическихъ элементовъ.

При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ разсматриваемая книга обладаетъ, однако, и нѣкоторыми недочетами. Встрѣчаются мѣста неточныя въ научномъ отношеніи, а также нѣкоторыя мѣста, изложенныя не вполне удачно. Укажемъ сперва на мѣста неточныя, или даже ошибочныя.

На стр. 1—2 указано, какъ примѣръ тѣла неоднороднаго, на растворъ соли въ водѣ. Этотъ примѣръ не подходящій, и онъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ примѣромъ истолченной смѣси соли и бѣлаго мрамора.

На стр. 4 сказано, что при физическихъ явленіяхъ „вещество... остается тѣмъ же веществомъ, съ тѣми же свойствами“. Такое опредѣленіе не точно. При испареніи, сжатіи, намагничиваніи и т. д. свойства вещества претергиваютъ существенныя измѣненія.

На стр. 9 авторъ говоритъ, что число неизвѣстныхъ простыхъ тѣлъ, вѣроятно, не велико и что эти неизвѣстныя вещества уже во всякомъ случаѣ не играютъ важной роли въ природѣ. Это утвержденіе представляется слишкомъ смѣлымъ, если вспомнить, какія сильныя

дѣйствія производятъ, напримѣръ, полоній и радій, которые, строго говоря, даже еще не открыты, т. е. еще не найдены въ чистомъ видѣ.

На стр. 22 и 23 рассмотрѣно разложеніе воды токомъ, и даже повторено старинное указаніе, что кислота прибавляется къ водѣ потому, что „иначе вода не проводитъ тока“. Это уже крупный промахъ. Зачѣмъ же учить тому, что завѣдомо невѣрно? Вода токомъ вовсе, или почти вовсе не разлагается; разлагается именно добавленная кислота.

На стр. 31 сказано, что „истинный вѣсъ атома неизвѣстенъ“. Это анахронизмъ. Теперь слѣдуетъ добавить „съ точностью“.

На стр. 42 читаемъ: „Только въ воздухѣ имѣется свободный, ни съ чѣмъ не связанный кислородъ. Наличность свободного кислорода есть необходимое условіе жизни“ и т. д. Авторъ совершенно забылъ о кислородѣ, растворенномъ въ водѣ, въ которой растворенъ уже не воздухъ, а нѣкоторая другая смѣсь, болѣе богатая кислородомъ.

На стр. 50 сказано: „Соль *есть* кислота, въ которой водородъ замѣненъ металломъ“. Это выражено неудачно, ибо соль *не есть* кислота. Надо сказать: соль образуется, когда въ кислотѣ водородъ замѣняется металломъ.

На стр. 79 авторъ утверждаетъ, что копоть состоитъ изъ молекулярнаго угля, что врядъ ли вѣрно.

На стр. 100 сказано: „Главнымъ источникомъ углекислаго газа въ воздухѣ являются процессы окисленія органическихъ веществъ“. Однако въ наукѣ существуетъ и противоположный взглядъ на происхожденіе этого газа въ атмосферѣ.

Обращаемся къ разнаго рода промахамъ, неудачно изложеннымъ мѣстамъ и т. д.

На стр. 6 говорится о „горѣніи“ смѣси сѣры съ желѣзомъ безъ объясненія этого термина.

На той же страницѣ непонятно описаніе пневматической ванны, такъ какъ опущено указаніе на отверстія, находящіяся въ мостикѣ.

На стр. 19 слова: „Граница жидкостей теперь будетъ выше кольца, что и укажетъ на происшедшее раствореніе“ могутъ заставить думать, что если бы граница понизилась или даже осталась на мѣстѣ, то это доказывало бы, что растворенія не произошло, что, очевидно, не вѣрно.

На стр. 22 слова: „Чистая вода... въ толстомъ слоѣ синевата; она вполне прозрачна“ другъ другу противорѣчатъ.

На стр. 23 сказано: „Объемъ газа (при электролизѣ воды, вѣр-

нѣе—сѣрной кислоты), собирающагося въ одной изъ трубокъ, все время вдвое болѣе, чѣмъ въ другої“. Это оказывается вѣрнымъ только при соблюденіи многихъ предосторожностей, на которыя слѣдовало указать.

На стр. 26 читаемъ: „Затѣмъ вводятъ въ эвдиометръ высушенный кислородъ и водородъ и *опредѣляютъ* объемъ каждаго газа въ отдѣльности“. Въмѣсто „и опредѣляютъ“ слѣдовало сказать „опредѣляя“, ибо *послѣ* введенія обоихъ газовъ опредѣленіе ихъ объемовъ уже невозможно.

На стр. 30 дана неудовлетворительная характеристика атомовъ. Они не „недѣлимы“, но „недѣлящіяся“, что не одно и то же. Кромѣ того читатель можетъ подумать, что ихъ масса представляетъ единственный ихъ индивидуальный признакъ.

На стр. 31 авторъ сперва говоритъ, что если атомный вѣсъ водорода принять за единицу, то для кислорода получается число 16. А въ подстрочномъ примѣчаніи пишетъ, что „въ послѣднее время принимаютъ вѣсъ атома кислорода равнымъ 16“. Для читателя остается непонятнымъ, въ чемъ же разница.

На стр. 62 дано совершенно непонятное описаніе способа приготовленія сѣрной кислоты, а на стр. 108 сказано, что азотная кислота употребляется для добыванія сѣрной кислоты. Тутъ связи не видно. Способъ приготовленія сѣрной кислоты слѣдовало описать подробнѣе.

Указывая (на стр. 113) на аргонъ, слѣдовало упомянуть, что открыты еще и другія составныя части воздуха.

Изъ пропусковъ укажемъ слѣдующіе:

Нигдѣ не указано, что частица кислорода, азота, водорода, хлора и др. содержитъ два атома; между тѣмъ на стр. 50, 52 и др. встрѣчаются символы H^2 и т. под. Сказанное объ уплотненіи кислорода (стр. 42—43) поэтому непонятно, такъ какъ не указано на образованіе частицы O^2 .

Обзоръ названій окисловъ (закись, окись, переокись) слѣдовало помѣстить въ главѣ V, такъ какъ эти названія встрѣчаются уже на стр. 63.

Слѣдовало бы хоть немного мѣста удѣлить соединеніямъ органическимъ.

Нѣкоторые мѣста редактированы по безукоризненно.

Стр. 43: „Физическія свойства окисловъ не менѣе разнообразны, чѣмъ простыхъ тѣлъ“.

Стр. 45:... „Настой лакмуса обладаетъ способностью краснѣть отъ кислотъ и синѣть отъ щелочей“.

Стр. 64: „проходя по трубкѣ“ вмѣсто „пройдя по трубкѣ“ (газъ будетъ растворяться).

Стр. 71: „по окончаніи реакція... осядетъ“ и т. д. вмѣсто „осаждается“.

Стр. 89: „онъ запотѣваетъ“.

Стр. 103: „Азотъ, какъ это всѣмъ извѣстно изъ знакомства съ воздухомъ, безцвѣтенъ“ и т. д.

На рис. 22 стр. 27 должны быть изображены пузырьки внутри жидкости въ сосудѣ *a*, такъ какъ подъ сосудомъ *c* изображена горѣлка, и слѣдовательно реакція въ полномъ ходу.

Довольно наивенъ рис. 58 на стр. 112.

Опечатокъ мало: стр. 35 „встало“ вмѣсто „стало“; стр. 64 „окислясь“ вмѣсто „окисляясь“; стр. 142 S вмѣсто Sn.

Книжка эта представляетъ хорошо исполненное изложеніе главныхъ законовъ химіи въ связи съ типичными химическими явленіями: такимъ образомъ, давъ понятіе о задачахъ химіи, авторъ подробно останавливается на свойствахъ воды; затѣмъ онъ переходитъ къ атомистической („атомической“) теоріи; послѣ описанія свойствъ кислорода и его значенія въ природѣ, авторъ говоритъ объ окислахъ и соляхъ, затѣмъ о водородахъ, сѣрѣ и ихъ соединеніяхъ. Познакомивъ, такимъ образомъ, читателя съ достаточнымъ количествомъ фактовъ, авторъ объясняетъ законъ кратныхъ отношеній. Планъ изложенія выдержанъ до конца книжки, она заканчивается „періодическимъ закономъ химическихъ элементовъ“.

Слабая сторона книжки заключается въ небрежномъ и невыдержанномъ слогѣ: авторъ пишетъ — „они (металлы) лучше проводятъ тепло и электричество“—очевидно, лучше, чѣмъ металлоиды, но о послѣднихъ рѣчь дальше; „окислы способны вступать во взаимныя соединенія, хотя эта способность принадлежитъ не всѣмъ окисламъ“ (стр. 44)—конецъ фразы исключаетъ ея начало; фосфорный ангидридъ жадно соединяется съ водою (*отчего* употребляется для высушиванія газовъ)... (стр. 41);.. зависитъ отъ относительной *энергичности*... (стр. 120); кислота выходитъ побѣдителемъ; спичкою можно сжечь цѣлый городъ (стр. 84 и 92).

Изъ фактическихъ неточностей отмѣтимъ слѣдующія:

Стр. 7—изъ малахита, при нагрѣваніи его, кромѣ углекислоты, выдѣляется и вода.

Стр. 49... „углекальціевая соль, общеизвѣстный мѣлъ“, такъ часто говорятъ, но это не точно.

Стр. 51... „сѣрно-мѣдная соль называется мѣднымъ купоросомъ, сѣрнатріевая—глауберовой“... глауберова соль—сѣрнатріевая соль съ 10 частицами воды, безводная сѣрнатровая соль представляетъ минераль тенардитъ.

Стр. 66 — сѣрномагнезіальная соль не можетъ быть названа довольно распространенною горною пороною, особенно, по сравненію съ гипсомъ, какъ это здѣсь сказано.

Стр. 72—„въ 100 объемахъ воды... около 40.000 объемовъ газа“—проще сказать—въ 1 объемъ воды 400 объемовъ газа.

Стр. 79... „графитъ... сравнительно мягокъ“—графитъ очень мягокъ, поэтому, изъ него дѣлаются карандаши, которыми пишутъ на бумагѣ.

Стр. 80—опыты Дебре, относительно полученія алмаза изъ угля, представляются сомнительными.

Стр. 83... „если пропускать CO^2 въ растворъ ѣдкаго кали или ѣдкаго натра, то растворъ остается прозрачнымъ“—въ растворъ ѣдкаго кали—да, но въ растворѣ ѣдкаго натра при этомъ выдѣляются кристаллики кислой угленатровой соли.

Стр. 84... „образующаяся при этомъ Ca SO^4 нерастворима“... мало растворима.

Стр. 135... „Тотъ же минераль (горный хрусталь), окрашенный примѣсью марганца въ фіолетовый цвѣтъ, называется аметистомъ“... причина окраски аметиста не выяснена до сихъ поръ.

Въ предисловіи авторъ указываетъ на то, что его „курсъ разрабатывался практически въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ школахъ общобразовательнаго типа. Такимъ образомъ, педагогическія соображенія, положенныя въ основу его, были подвергнуты опытной провѣркѣ“. Намъ кажется, что авторъ упускаетъ изъ вида здѣсь значеніе личности преподавателя: при широкой помощи талантливаго и усерднаго преподавателя, книжка эта можетъ быть хорошимъ учебникомъ, но, рассматриваемая бевотносительно, она едва-ли удовлетворяетъ требованіямъ, которымъ должно удовлетворять руководство для среднихъ учебныхъ заведеній; въ такихъ руководствахъ изложеніе должно быть догматическое, въ этой книжкѣ изложеніе аналитическое, ее удобнѣе было бы назвать „введеніемъ къ изученію химіи“. Необ-

ходимо помнить, что, даже въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мы имѣемъ дѣло съ умомъ незрѣлымъ, полудѣтскимъ, который еще не привыкъ къ обобщеніямъ, а разсматриваемая книжка вся посвящена обобщеніямъ: слѣдуя своему плану, авторъ не включилъ въ книжку описанія производства сѣрной кислоты, свѣтильнаго газа, полученіе чугуна, полученіе желѣза—эти техническіе процессы обыкновенно излагаются въ элементарныхъ учебникахъ химіи, оживляютъ ихъ содержаніе и даютъ возможность останавливаться на рядахъ простыхъ химическихъ явленій въ ихъ послѣдовательности. Вѣдь, пришлось же автору, не смотря на свое стремленіе говорить преимущественно о законахъ химіи, останавливаться на производствѣ сѣрной кислоты, на сухой перегонкѣ дерева, на полученіи чугуна и желѣза, но онъ дѣлаетъ это мимоходомъ и ограничивается лишь немногими словами.

Во всякомъ случаѣ, главная задача автора—изложеніе основныхъ законовъ химіи въ ихъ взаимномъ соотношеніи—исполнена имъ удачно.

Учебникъ зоологии для среднихъ учебныхъ заведеній. (Курсъ систематическій).

Составилъ преподаватель 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища
Н. Кричанскій. Съ 363 рисунками. С.-Пб. 1901, стр. XII+311. Цѣна
1 р. 35 к.

Прибавился еще одинъ учебникъ, и все-таки нельзя сказать, чтобы наша учебная литература отъ этого сдѣлала шагъ впередъ. Нельзя, конечно, поставить въ вину составителю, что онъ слѣдовалъ давно нуждающимся въ обновленіи программамъ реальныхъ училищъ, но все же можно было внести кое-что новое по сравненію съ утвердившимся у насъ, къ несчастью, типомъ учебниковъ. То же сухое изложеніе; то же изобиліе совершенно излишняго подчасъ матеріала, точно составитель боится, что его залодозрятъ въ незнаніи той или другой детали; та же скупость на біологическое освѣщеніе фактовъ и тѣ же промахи, не особенно существенные, но все же не особенно умѣстные. Перейдемъ къ частностямъ.

Очеркъ строенія человѣческаго тѣла могъ бы не пестрить неточностями, изъ которыхъ нѣкоторыя довольно серьезнаго характера: такъ селезенка помѣщена на правой сторонѣ тѣла вмѣсто лѣвой; пигментная оболочка глаза помѣщена снаружки отъ сосудистой, тогда какъ она лежитъ кънутри, и т. п.

Почему обычному дѣленію млекопитающихъ авторъ предпочитаетъ

соединеніе насѣкомоядныхъ, лаконогихъ и настоящихъ хищниковъ въ одну групу (стр. 45)?

Такое соединеніе не имѣетъ никакихъ преимуществъ ни съ научной, ни съ педагогической точки зрѣнія. Врядъ ли также есть надобность удерживать давно оставленное въ наукѣ соединеніе китообразныхъ и сиреновыхъ (стр. 67). Возведеніе подотряда поперечноротыхъ на степень отряда (вмѣсто селахій) еще до нѣкоторой степени оправдывается тѣмъ, что другой подотрядъ селахій (химеры) не упоминаются.

Встрѣчаются неточности въ изложеніи фактическихъ данныхъ. Невѣрно, напримѣръ, что пищевареніе у коралловыхъ полиповъ совершается въ глоточной трубкѣ (стр. 291).

Невѣрно опредѣленіе планктона (стр. 217). Смѣшаны понятія о перикардіи и перикардіальной полости (стр. 156). Невѣрно, что 2-я и 3-я пара челюстей членистоногихъ называются жвалами (стр. 224, 216, 154): это наименованіе первой пары и притомъ вполне рациональное.

Слѣдуетъ ли у ланцетика различать головной и спинной (или, какъ выражается авторъ, *хребетный*) мозгъ, когда граница между ними извнѣ невыражена (стр. 149)?

Вообще же терминологія автора или иногда является своеобразной или устарѣвшей. Морда гавіала называется „лицомъ“ (стр. 111); венозный синусъ „веннымъ“ (стр. 137); каменистый каналъ названъ „каменнымъ“ (стр. 275), а амбулакры — „ходулками“, откуда и производятся диковзвучащія наименованія: „ходулочныя ампулы“ (стр. 275), „ходулковыя голотуріи“ (стр. 283) и т. п.

Насѣкомыя „выклеиваются изъ икринки“ (стр. 160). Обычное наименованіе щупальца замѣняется почему-то другимъ неупотребительнымъ: „присяжекъ“ (стр. 155 и 216).

Нѣкоторые термины совершенно излишни и безъ нихъ можно обойтись даже и при университетскомъ преподаваніи.

Зачѣмъ автору понадобилось для шестикрючковой личинки солитера названіе „онкосферы“ (стр. 251), или для чего ученикамъ средней школы терминъ „тифлозоле“ (стр. 234)? Почему авторъ не хочетъ позволить забыть ученикамъ пресловутыхъ „птицезвѣрей“ (стр. 73)? Вѣдь кромѣ средней школы этого наименованія ученикъ нигдѣ не услышитъ. Зачѣмъ ученику знать, что сидичія формы проф. П. П. Вагнеръ называлъ „квіетическими“ (стр. 295), да и называлъ совершенно неправильно.

Слѣдовало бы также оговорить, что описанное на стр. 92 опереніе страуса принадлежит только самцу. Слѣдовало сказать, если только объ этомъ надо говорить, что „поэты“ называютъ далеко не всѣхъ безпогихъ личинокъ „могильными или гробовыми червями“, а тѣхъ, которыя живутъ въ трунахъ.

Кстати въ настоящее время фауна могилъ весьма обстоятельно разработана, и этими данными можно было бы отчасти воспользоваться. Слѣдовало пояснить, что пасѣкомыя не „притворяются“ мертвыми, а впадаютъ въ обморокъ (собственно катаlepsію), ибо, употребляя выраженіе „притворяются мертвыми“ безъ объясненія, авторъ заставляетъ предполагать у пасѣкомыхъ понятіе о смерти.

Слѣдовало сказать, что солдаты термитовъ употребляютъ не только для защиты гнѣзда, но и для постройки его. Слѣдовало сказать, что эхинококкъ живеть главнымъ образомъ не въ человѣкѣ, а въ свиньяхъ и рогатомъ скотѣ (стр. 252).

Если много въ родѣ приведенныхъ примѣровъ остается недоговореннымъ, то не мало сказано авторомъ лишняго для средней школы. Зачѣмъ, напримѣръ, ученику дѣленіе круглыхъ червей на многомышечныхъ (стр. 238) и маломышечныхъ, дѣленіе, потребовавшее ряда излишнихъ, на нашъ взглядъ, подробностей при описаніи этихъ червей? Зачѣмъ вообще ученику дается рядъ такихъ анатомическихъ подробностей, о которыхъ средняя школа даже при самыхъ наилучшихъ условіяхъ преподаванія не можетъ дать ему яснаго представленія? Слѣдовало бы исправить такія опечатки, какъ *Lamellizostres* (стр. 95), *Peterodora Schachtii* (стр. 234), *Эстахьева труба* (стр. 240), *Trematada* (стр. 246), *Echenodermata* (стр. 273) и др.

Рисунки хотя и поновѣе, чѣмъ въ другихъ учебникахъ, но все же пѣкоторые изъ нихъ пора бы замѣнить болѣе свѣжими.

Изданіе приличное и шрифтъ удовлетворительный.

Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ по наглядному методу *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кипиневскаго реальнаго училища. Часть I. 13-е передѣланное изданіе. Москва 1902. Стр. IX+120. Цѣна 60 коп.

Авторъ пытался приспособить книгу къ новому, натуральному методу. Это, однако, ему не удалось.

Первое непрѣмное условіе годности какого бы то ни было руководства, предназначающаго для преподаванія новаго иностраннаго языка по натуральному методу,—это возможно бѣльшая наглядность,

второе, как впрочем у всякаго учебника,—правильная группировка проходимаго матеріала. Ни того ни другого въ книгѣ г. Аллендорфа нѣтъ. Въ ней нѣтъ ни одной картины, а такія крайне необходимы: не всѣ ученики въ состояніи пріобрѣсти стѣнные картины Фену, или—даже „картины Гельцеля въ Вѣнѣ или картины Винкельмана въ Берлинѣ“.

Во-первыхъ, эти картины сравнительно весьма дороги, а во-вторыхъ, что касается послѣднихъ двухъ указанныхъ изданій, то все ихъ содержаніе взято, конечно, изъ *тѣмной* жизни, къ которой дѣти въ I классѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній стоятъ слишкомъ далеко. Кроме того, картины въ самомъ учебникѣ совершенно необходимы для повторенія дома пройденнаго въ классѣ и еще болѣе въ томъ случаѣ, если ученикъ по той или другой причинѣ пропустилъ нѣсколько уроковъ. Тогда семья дома совершенно беспомощна, и новый методъ оказывается въ высшей степени тяжелымъ для родителей учениковъ.—А тотъ наглядный матеріалъ, который находится въ классѣ и которымъ, какъ кажется, г. Аллендорфъ желаетъ пользоваться при своемъ преподаваніи, крайне ограниченъ и хватаетъ лишь на первые три, четыре урока. Правда, иные предметы, о которыхъ упоминается въ текстѣ, учитель можетъ принести съ собою въ классъ, но далеко не всѣ. Какъ, напримѣръ, поступить учителю, если на первой же страницѣ „упражненій въ разговорѣ“, въ § 2, ему встрѣчаются слѣдующія фразы: *Wo ist die Schule? Wo ist der Vater? Wo ist die Mutter? Hier ist—die Schule, der Vater, die Mutter. Wo ist die Schülerin?—Hier ist die Schülerin;* или въ § 3: *Wo ist das Zimmer? Hier ist das Zimmer;*—или въ § 4: *Hier ist das Mädchen; wo ist das Kind?* или въ § 5: *Wo ist der Bruder? Wo ist die Schwester?* или въ § 6: *Wo ist das Haus? Wie ist das Haus? Hier ist das Haus;*—и т. д. или въ § 8: *Ist jener Mann alt? Nein, jener Mann ist jung; Ist jene Frau gross? Nein, jene Frau ist klein* и тому подобныя фразы. Уже въ § 15 даются маленькіе рассказы: *vom Hasen, Löwen* и другихъ животныхъ, а именно: *dass der Hase sehr furchtsam ist und zittert, dass aber das Fleisch des Hasens sehr schmackhaft ist; далѣе—dass der Löwe sehr stark ist und brüllt und alle ihn fürchten; далѣе—dass der Hund sehr nützlich und treu ist und Haus und Hof und Herde bewacht.*

Все это, безспорно, весьма полезныя свѣдѣнія, но мы не думаемъ, чтобы даже самый опытный преподаватель былъ въ состояніи сообщать ихъ ученикамъ перваго класса на первыхъ же урокахъ, безъ

помощи перевода ихъ на родной языкъ, даже при помощи наглядныхъ пособій, какъ напримѣръ стѣнные картины изданія Фену.

Неправильную группировку даннаго въ учебникѣ матеріала, грубо нарушающую требованія простой логики, мы усматриваемъ въ томъ приемѣ автора книги, по которому онъ сперва желаетъ познакомить дѣтей съ понятіемъ мѣста, занимаемаго предметами, а потомъ только съ самими предметами. Въ двухъ первыхъ §§ всѣ фразы начинаютъ словами *Wo ist...*, *Hier ist...*, а лишь съ § 3 мы встрѣчаемъ предложенія съ *Was ist?...* и *Das ist...*

Послѣ выше приведеннаго мы считаемъ излишнимъ еще указывать на другіе недостатки книги, какъ-то: несоблюденіе общеизвѣстныхъ требованій перехода отъ простого къ сложному, отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному и т. д.

Такъ, напримѣръ, при упражненіяхъ въ письмѣ, которыя, впрочемъ, не имѣютъ рѣшительно никакой внутренней связи съ упражненіями въ разговорѣ, что также крайне неудобно и прямо противорѣчитъ требованіямъ новаго метода,—болѣе трудныя по начертанію буквы, какъ напримѣръ *g* и *v*, предшествуютъ буквамъ *o* и *a*,—*b* и *e*—буквѣ *l* и т. д.

И редакція нѣкоторыхъ грамматическихъ правилъ не вполне безукоризненна, какъ напримѣръ на стр. 101 о глаголахъ сложныхъ съ неотдѣляемыми частицами.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУЧНЫХЪ ЗАНЯТІЙ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ЗАГРАНИЦЕЙ И У НАСЪ ¹⁾.

Я не предполагаю останавливаться на разборѣ существующихъ взглядовъ на ручной трудъ, а только позволю себѣ, по возможности кратко, намѣтить наиболее характерныя черты этого предмета въ его современной постановкѣ среди другихъ дисциплинъ обученія общеобразовательной мужской школы и преимущественно начальной на основаніи данныхъ всемірной Парижской выставки 1900 года.

Главнымъ образомъ я предполагаю остановиться на характеристикѣ ручного труда въ Россіи, Америкѣ, Франціи и только въ нѣсколькихъ словахъ затрону этотъ вопросъ по отношенію къ нѣкоторымъ изъ государствъ Западной Европы, гдѣ ручной трудъ въ настоящее время играетъ большую роль въ народномъ образованіи.

Какъ это общезвѣстно, важное значеніе физическаго труда въ дѣлѣ обученія и воспитанія юношества отмѣчалось еще въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія такими великими умами, какъ Ж. Ж. Руссо и Песталоцци. Тѣмъ не менѣе развитіе ручного труда въ школьной организаціи европейскихъ государствъ пріурочивается главнымъ образомъ къ концу восьмидесятихъ годовъ

¹⁾ Рѣчь, произнесенная 5-го января 1902 года на школьной, при Владимирскомъ городскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ, выставкѣ экспонатовъ иностраннаго и русскаго педагогическихъ отдѣловъ бывшей Всемірной выставки въ Парижѣ въ 1900 году.

прошлаго столѣтія, и только въ Финляндіи ¹⁾ и Швеціи ручной трудъ занимаетъ видное мѣсто въ народной школѣ съ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ того же столѣтія.

Отмѣчая этотъ фактъ, однако нельзя не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ государствѣ и всеобщее народное обученіе введено съ 1842 года для дѣтей обоого пола въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и ручной трудъ сталъ тамъ на твердую почву, несмотря на то, что обязательнымъ предметомъ онъ является лишь въ нѣкоторыхъ и притомъ немногихъ городахъ Швеціи.

Шведскій „слэйдъ“, какъ принято называть систему ручныхъ работъ, выработанную въ Швеціи, — не только распространился по европейскимъ государствамъ, но и въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія былъ перенесенъ за океанъ въ Новый свѣтъ и среди другихъ, и надо сказать многочисленныхъ, системъ ручного труда встрѣчается въ американскихъ школахъ. Точно также и у насъ „слэйдъ“, начиная съ 1884 года, представляетъ ту систему ручныхъ работъ, которая легла въ основу при выработкѣ соответствующихъ программъ для нашихъ низшихъ народныхъ училищъ.

Въ Норвегіи ручной трудъ введенъ въ концѣ 80-хъ годовъ и въ городскихъ начальныхъ училищахъ является какъ одинъ изъ обязательныхъ предметовъ. Система ручныхъ работъ по обработкѣ де-

¹⁾ Въ Финляндіи ручной трудъ включенъ въ качествѣ обязательнаго предмета обученія въ начальныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ еще положеніемъ Высочайше утвержденнымъ 11-го мая 1866 года. Это первый по времени въ Европѣ, да и вообще во всемъ цивилизованномъ мірѣ, случай признанія со стороны государственной власти равноправнаго съ прочими предметами, законнаго существованія въ учебной системѣ страны разсматриваемаго нами здѣсь предмета. Этотъ многозначительный актъ не только окончательно упрочилъ дальнѣйшее развитіе и распространеніе ручного труда въ финскихъ школахъ, но существенно повліялъ и на введеніе его въ школы другихъ государствъ. Однако, не смотря на смыслъ единственнаго и передоваго по времени закона 1866 года, по которому требовалось учить учениковъ не ремеслу, а лишь приучать ихъ только къ техническимъ ручнымъ занятіямъ, чтобы они полюбили трудъ и приобрѣли важнѣйшіе навыки, общіе всемъ ремесламъ,—практическое обученіе ручному труду въ Финляндіи, какъ и въ остальной Россіи, сначала не многимъ отличалось отъ обученія ремесламъ. Копечная цѣль и способы преподаванія оставались ремесленными и утилитарными до 1884 года, когда въ финскихъ и нашихъ школахъ обнаружилось опредѣленное и ясное стремленіе въ сторону чисто-педагогическихъ занятій ручнымъ трудомъ. („Сборникъ матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію въ Россіи“).

рева ведется тамъ по однообразной программѣ, но въ связи съ курсомъ черченія.

Въ Даніи ручной трудъ введенъ Клауссомъ-Классомъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія подѣ видомъ работъ, преслѣдующихъ утилитарныя цѣли, и исключительно для домашняго производства, и только съ 80-хъ годовъ „слѣйдъ“ уже получилъ въ этомъ государствѣ общее педагогическое направленіе. При этомъ должно быть отмѣчено стремленіе датчанъ сдѣлать ручной трудъ класснымъ и обязательнымъ учебнымъ предметомъ.

Въ Швейцаріи начало развитія ручного труда въ такомъ видѣ, какъ онъ стоитъ теперь, должно быть отнесено къ 1883 году, но рисованіе было введено въ школы гораздо раньше, а именно еще съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Ручной трудъ швейцарскихъ школъ проходитъ черезъ всѣ ступени обученія для дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ и, начинаясь съ работъ изъ бумаги, плетенія и лѣпки, постепенно переходитъ къ работамъ по дереву: столярнымъ и рѣзнымъ. Въ дѣлѣ распространенія ручного труда Швейцарія среди другихъ государствъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Системой ручныхъ работъ служитъ соединеніе шведской и французской, въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ.

Въ Великобританіи ручной трудъ получилъ быстрый ростъ лишь съ конца 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, но несмотря на это въ настоящее время число школъ, гдѣ введено обученіе этому предмету, считается уже не одной тысячею.

Ручной трудъ въ школахъ Великобританіи хотя и относится къ необязательнымъ предметамъ, но по желанію мѣстныхъ школъ онъ можетъ дѣлаться и обязательнымъ для учениковъ низшихъ классовъ. Въ старшихъ же классахъ, хотя онъ и не обязателенъ для учениковъ, тѣмъ не менѣе отмѣчается регулярность занятій этихъ послѣднихъ, что и составляетъ лучшую оцѣнку полезности этого предмета и, главное, указываетъ на правильную постановку дѣла преподаванія. Занятія ручнымъ трудомъ систематичны и начинаются съ материнскихъ школъ.

На первыхъ трехъ ступеняхъ ручныя занятія представляютъ изъ себя работы: изъ бумаги, по рисованію и лѣпкѣ, при чемъ эти занятія идутъ въ связи съ остальными предметами обученія. На высшихъ ступеняхъ англійскихъ школъ ручной трудъ представляетъ изъ себя работы по дереву, гдѣ также сказалось вліяніе шведской системы, и по металлу (съ напильникомъ). Работы систематическихъ программъ по классу ручного труда исполняются по рабочимъ чертежамъ, ко-

торые передъ началомъ работъ выполняются самими учениками. Преподаваніе преслѣдуетъ достиженіе навыка въ черченіи, примѣненіе черченія въ работахъ и усвоеніе главнѣйшихъ пріемовъ обработки. Образцы работъ, составляющіе программу ручного труда, частью носятъ характеръ *абстрактный*, частью—годныхъ издѣлій.

Программы разрабатываются сообразно съ мѣстными условіями и подвижны.

Обученіе ручному труду бесплатное. Въ настоящее время предполагается ввести ручной трудъ какъ обязательный предметъ во всѣхъ городскихъ школахъ для учениковъ въ возрастѣ отъ 11 до 13 лѣтъ. Точно также весьма серьезно занимаются англичане и вопросомъ о ручныхъ занятіяхъ въ сельскихъ начальныхъ школахъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ, т. е. именно тѣмъ вопросомъ, который въ настоящее время заботитъ все наше общество.

Если прослѣдить исторію развитія ручного труда въ народныхъ школахъ, то возможно отмѣтить, что первоначально ручной трудъ ставился близко къ ручному труду кустика, и вообще имъ преслѣдовались скорѣе утилитарныя цѣли, чѣмъ педагогическія и воспитательныя.

Это явленіе можетъ быть отмѣчено до извѣстной, конечно, степени почти во всѣхъ странахъ. Точно также и Германія не избѣжала этого вліянія, и ручной трудъ въ началѣ занималъ положеніе какъ бы пособника ремесленной и кустарной промышленности. Современный ручной трудъ Германіи имѣетъ тотъ же характеръ *Несской школы*¹⁾, но въ настоящее время и въ этомъ передовомъ государствѣ начинаютъ серьезно обращать вниманіе на современную систему ручного труда, или лучше сказать, ручныхъ занятій, во Франціи.

Это стремленіе необходимо подчеркнуть и кромѣ того отмѣтить, что въ Германіи вопросомъ о ручномъ трудѣ заняты многочисленныя ассоціаціи, общества и пр., по этому предмету созданы тамъ цѣлая литература, имѣется цѣлый рядъ періодическихъ изданій и проч.

Если припомнить, что Венгрія одна изъ первыхъ примѣнила принципъ обязательнаго обученія для ремесленныхъ учениковъ, то станетъ понятнымъ, почему ручной трудъ въ начальныхъ школахъ

¹⁾ Несская учительская семинарія, въ Швеціи, является международнымъ учрежденіемъ по подготовкѣ большого числа учителей и учительницъ ручного труда почти всѣхъ государствъ свѣта. Шведская система „slojd'a"—педагогическаго ручного труда—создана директоромъ этой семинаріи Отто Соломономъ.

этого государства на ряду со шведской системой обнимасть собой обученіе по различнымъ отраслямъ ручного труда, а именно: льншъ, корзиноплетенію, изготовленію деревянныхъ издѣлій для сельскаго хозяйства, щетошъ, гнutoй мебели и пр. Вліяніе шведской системы было и здѣсь сильное, такъ какъ, при введеніи ручныхъ занятій въ венгерскихъ школахъ съ 1884 года, правительство озаботилось подготовленіемъ достаточнаго числа преподавателей прежде всего путемъ посылокъ въ Пэсскую учительскую семинарію, а затѣмъ уже и на спеціальныя курсы.

Не останавливаясь болѣе на формахъ ручного труда въ другихъ европейскихъ государствахъ, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ этого предмета во французскихъ и американскихъ школахъ, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и бросить ретроспективный взглядъ на тотъ же предметъ у насъ.

Какъ извѣстно, ручной трудъ въ Россіи впервые появился въ школахъ Прибалтійскаго края, послѣ попытокъ датчанина Клауссонъ-Каасса насадить тамъ тотъ видъ ручного труда, который носитъ названіе „домашняго производства“ (Hausfleiss). Для этой цѣли Клауссонъ-Каассъ специально пріѣзжалъ въ Россію въ 1878—1879 году.

Попытки эти однако успѣха не имѣли, и онѣ впрочемъ не составляютъ эры въ дѣлѣ школьнаго ручного труда у насъ въ Россіи.

Началомъ введенія занятій по ручному труду въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ считается 1884 годъ, когда ручной трудъ сталъ впервые примѣняться для цѣлей школьнаго обученія при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ; почтенная дѣятельность лицъ, стоящихъ какъ во главѣ этого учрежденія, такъ и непосредственно у самого дѣла, всѣмъ хорошо извѣстна.

При этомъ же институтѣ также стали получать и первую подготовку учителя для руководства ручнымъ трудомъ. Съ этого-то времени и принято считать распространеніе ручного труда въ русскихъ школахъ, по особой программѣ, выработанной преподавателемъ С.-Петербургскаго учительскаго института Цирулемъ, на основаніи той же шведской системы ручного труда, впервые разработанной и широко распространенной, какъ упомянуто выше, въ Финляндіи. Эта программа общеизвѣстна, и я не буду останавливаться на ней, но позволю себѣ внести лишь слѣдующую малюнькую поправку историческаго характера.

Въ 1876 году на всемірной филадельфійской выставкѣ среди другихъ русскихъ экспонатовъ занимала скромное мѣсто небольшая витрина

съ предметами, назначеніе которыхъ трудно поддавалось опредѣленію; тутъ были различнаго рода соединенія изъ дерева на подобіе крестовъ, тавръ и пр., чугуныя плиты, углы и пр. Во многихъ, надо полагать, эти экспонаты вызывали и недоумѣніе и вопросы, но большинство ихъ просто не замѣчало. Предметы эти не могли, однако, не привлечь особаго вниманія директора Бостонскаго технологическаго института Джона Рѣнкля и извѣстнаго профессора Вудворда. Эти видные дѣятели техническаго образованія сразу подмѣтили въ рядѣ выставленныхъ *абстрактныхъ* предметовъ, ничего, правда, не говорящихъ многимъ, стройную и строгую систему ручныхъ занятій, отвѣчавшую, какъ нельзя болѣе, принципамъ и педагогики и воспитанія.

Эта система и разрѣшила имъ задачу по изысканію способовъ ознакомленія учениковъ съ основными приѣмами ручной обработки, чѣмъ американцы въ то время были сильно озабочены. Предметы, обратившіе на себя вниманіе Дж. Рѣнкля (John D. Runkle), были работы, исполненныя воспитателями Императорскаго Московскаго технического училища по особымъ систематическимъ программамъ, и до нынѣ тамъ примѣняемымъ. Эти же программы ручныхъ работъ по дереву и металлу и были введены непосредственно вслѣдъ за выставкой въ названномъ институтѣ (The Massachusetts institute of technology at Boston).

Успѣшный ходъ занятій по этимъ программамъ повлекъ за собой введеніе этой системы ручныхъ работъ въ цѣломъ рядѣ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ эта система уже въ 1880 году дала толчокъ къ открытію особаго рода высшихъ школъ ручного труда во многихъ городахъ Америки (the manual training high schools).

Система эта, названная американцами „русской“, существуетъ тамъ и по нынѣ наряду съ другими программами ручныхъ занятій, а системъ ручного труда въ Америкѣ много.

Историческимъ документомъ о признаніи американцами „русской системы“ ручныхъ работъ служить особое свидѣтельство, присланное изъ Америки Императорскому Московскому техническому училищу въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Во Франціи, въ 1872 году открылась въ Парижѣ одна изъ первыхъ профессиональныхъ школъ, а именно школа Дидро. Въ этой школѣ была принята система ручныхъ работъ по обработкѣ дерева и металла, составленная Салисисомъ и напоминавшая собой

систематическую программу Императорскаго Московскаго технического училища. Ничего нѣтъ удивительнаго, что программа школы Дидро также навѣяна русской программой, тѣмъ болѣе, что она существовала въ Россіи еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

И такъ, не своевременно ли было намъ вспомнить теперь о существующей у насъ болѣе четверти вѣка своей собственной „русской системѣ“ этого рода занятій, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время предположено и дальнѣйшее развитіе ручного труда въ нашихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не только низшихъ, но и среднихъ? Не своевременно ли было вспомнить о системѣ, столь отличной отъ принятой у насъ на подобіе шведской, — системѣ, которая не только дала толчокъ къ развитію ручного труда въ такой странѣ, какъ Америка, по которая сохранилась тамъ и теперь, что особенно подчеркнули сами же американцы наканунѣ двадцатаго столѣтія въ монографіяхъ своихъ по народному образованію, экспонированныхъ на Всемирной Парижской выставкѣ 1900 года.

Сдѣлавъ это отступление, я перейду къ характеристикѣ ручного труда во Франціи и Америкѣ. Начну съ Америки по ея экспонатамъ на Парижской выставкѣ. Такъ какъ данныя Сѣверо-Американскихъ штатовъ по интересующему насъ предмету были кратки, а самые экспонаты по ручному труду ограничивались, главнымъ образомъ, образцами работъ по шведской системѣ Саломона, начавшей распространяться въ Америкѣ съ 1888 года и примѣняемой тамъ для дѣтей младшаго возраста, то я останавлиюсь лишь на выясненіи главнѣйшихъ чертъ ручного труда американскихъ школъ, не вдаваясь въ подробную оцѣнку той или другой системы, и воспользуюсь для этой цѣли данными изъ только что появившейся книги Е. Янжуль „Американская школа“, а равно и изслѣдованіями въ той же области г. Мижуева ¹⁾).

Какъ я уже упомянулъ, ручной трудъ изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній перешелъ въ такъ называемыя высшія школы ручного труда; это школы общеобразовательнаго характера для учениковъ старшаго возраста; онѣ служатъ для подготовки юношей къ высшему техническому образованію.

Въ городѣ С. Луи открылась въ 1879—1880 году первая школа ручного труда; въ настоящее время эти школы распространены повсе-

¹⁾ Журналъ „Техническое Образованіе“ 1901 г.

мѣстно, а въ нѣкоторыхъ штатахъ закономъ требуется отъ городовъ устройство подобныхъ учебныхъ заведеній.

Ручной трудъ въ этихъ школахъ обнимаетъ собой обученіе главнѣйшимъ пріемамъ обработки дерева и металла, при чемъ въ основу преподаванія положена методика „русской системы“. Ручной трудъ этотъ нисколько не нарушаетъ общеобразовательнаго значенія высшихъ школъ.

Само собой разумѣется, что ручной трудъ, введенный затѣмъ американцами въ курсъ элементарныхъ школъ, еще менѣе могъ нарушить общеобразовательный характеръ этихъ послѣднихъ: и здѣсь ручной трудъ, наравнѣ съ другими отраслями обученія, раздѣляетъ, по словамъ Е. Н. Янжуль, задачу „нормальнаго воспитанія способностей ребенка и всесторонней подготовки его къ запросамъ жизни“.

Въ американскихъ школахъ по общему правилу уроки ручного труда ведутся учителями и учительницами, а не мастерами. Весьма важно отмѣтить, что уроки эти поставлены такъ, что даютъ просторъ самостоятельности и самостоятельной работѣ; усвоеніе ручного труда не требуетъ слѣпонаго подражанія учительской указкѣ, и конечной цѣлью занятій этимъ предметомъ ставится „воспитаніе учениковъ, способныхъ работать по извѣстному плану“. Для достиженія этой цѣли работы распланированы прогрессивно такъ, „чтобы ученикъ могъ во всякое время сдѣлать самостоятельно“ ту работу, которая стоитъ на очереди по программѣ, что и указываетъ на системность преподаванія.

Ученикъ при исполненіи работы, кромѣ рабочаго чертежа, имѣетъ передъ глазами не только предметъ, но и всѣ стадіи послѣдовательнаго выполненія работы.

При этомъ „задача учителя состоитъ не въ томъ, чтобы по пятамъ слѣдить за работой ученика, а въ томъ, чтобы давать ей такое направленіе, при которомъ, по возможности, не происходило бы непроизводительной затраты ни рабочаго времени, ни усилій, и при которомъ наиболѣе развивалась бы самопомощь ученика“.

Во время работы ученику не приходится спрашивать: что мнѣ теперь дѣлать? Такъ какъ онъ работаетъ по собственноручно исполненному рисунку и ему извѣстенъ заранее весь ходъ исполненія работы. Если же встрѣтятся затрудненія, то ему стоитъ лишь внимательно разсмотрѣть рисунокъ, чтобы сказать: „вотъ, что я думаю, теперь надо дѣлать, и обязанность учителя лишь провѣрить, правильно ли онъ производитъ работу“.

„Новѣйшая система обученія ручному труду, съ вышеизложенными задачами его, можетъ примѣняться лишь при условіи полного игнорированія утилитарной стороны труда въ смыслѣ какой-либо матеріальной цѣнности его продуктовъ“; при обязательномъ при томъ условіи, „что никакая работа собственно для навыка руки дѣтямъ не дается“ (необходимо развить руку, а не набить ее на какомъ-нибудь упражненіи), а этимъ и отличается отчасти эта система отъ Шведской.

Американцы стремятся возвысить ручной трудъ до уровня научныхъ занятій. „Какое грустное недоразумѣніе,—говорятъ американцы,—когда при обученіи ручному труду въ школахъ забывается существенное отличіе ея отъ мастерской; когда начинаютъ выпускать въ свѣтъ, что либо иное, кромѣ мальчиковъ и дѣвочекъ съ развитымъ глазомъ, рукой и разсудкомъ“.

Такъ какъ американцы находятъ возможнымъ распространять многія формы ручныхъ занятій (рисованіе, лѣпка, вырѣзываніе, склеиваніе и пр.) и на сравнительно ранній возрастъ дѣтей, и такъ какъ для послѣднихъ важнѣе скорѣйшій доступъ къ воспитательнымъ преимуществамъ ручныхъ занятій по обработкѣ дерева, то учителя въ Америкѣ до известной степени равнодушно относятся къ самымъ предметамъ, изготовляемымъ на урокахъ ручного труда: „разъ достигнута главная задача этихъ уроковъ, т. е., развитіе у ребенка способности къ наблюденіямъ, сопоставленіямъ, самостоятельнымъ выводамъ, намъ все равно,—говорятъ американцы,—дѣлаетъ ли онъ комодъ или часть комода, или другую какую-либо вещь“.

Шведская система ручного труда вызвала въ Америкѣ всеобщія возраженія противъ себя въ виду того, „что ея отличительной чертой—по вышности, по крайней мѣрѣ,—являлось изготовленіе полезныхъ предметовъ“, и что въ школахъ Европы врядъ ли можно назвать ручной трудъ предметомъ образовательнымъ, такъ какъ дѣти обыкновенно дѣлаютъ предметы для домашняго употребленія, безъ связи съ остальными предметами преподаванія.

Изъ этого видно, насколько рѣзко и опредѣленно ставится американцами вопросъ о такъ называемыхъ „полезныхъ“ предметахъ, какъ продуктахъ школьной работы дѣтей.

Однако американцы допускаютъ и въ своихъ школахъ утилитарное значеніе ручныхъ работъ, но это относится къ приготовленію на урокахъ ручного труда разныхъ простыхъ физическихъ приборовъ и прочихъ учебныхъ пособій. Одно изъ обычныхъ явленій американскихъ школъ, что ученики не только сами продѣлываютъ всѣ опыты,

по и сами готовятъ все необходимое для нихъ. Что касается выработки системы ручного труда, принятой въ американскихъ школахъ, то необходимо замѣтить, что кромѣ „русской системы“, наиболѣе распространенной, около 1890 года проникла главнымъ образомъ въ школы штата Массачузетсъ и система шведскаго „слэйда“.

„Въ смыслѣ пригодности той или иной системы на разныхъ ступеняхъ школы шведская система считается болѣе подходящею для сравнительно юнаго возраста дѣтей, русская—для старшаго“. „Въ то время какъ въ шведской системѣ преобладаетъ какъ будто эстетическій элементъ работы, русскую систему американцы считаютъ за болѣе научную“.

Очень часто американцы вводятъ „слэйдъ“ въ младшіе классы школы, а русскую систему въ старшіе, стараясь связать эти системы между собой и создать незамѣтный переходъ отъ одной къ другой. Во всякомъ случаѣ, говоритъ Е. Н. Янжуль въ сочиненіи своемъ „Американская школа“, какому бы методу обученія ни отдавалось предпочтеніе въ той или иной школѣ, американцы никогда цѣлкомъ не припимаютъ чужой программы: *они пользуются идеей программы: и создаютъ свои собственныя, соответствующио условіямъ американской школы и требованіямъ американской жизни.*

„Такъ, найдя пробѣлъ въ шведской системѣ въ смыслѣ отсутствія въ ней достаточнаго участія рисунка, они видоизмѣняютъ эту систему, связываютъ ее съ рисованіемъ, создаютъ такимъ образомъ нѣкоторую экономію въ повтореніи однихъ и тѣхъ же, похожихъ по исполненію между собою, предметовъ, которые легко могутъ быть замѣнены рисункомъ...“.

Соотвѣтствующему же примѣненію и приспособленію подверглась и русская система.

Здѣсь необходимо замѣтить, что въ Россіи эта система примѣнялась первоначально къ юношамъ въ возрастѣ не моложе 18 лѣтъ, американцы же примѣнили ее къ дѣтямъ 14 лѣтъ и даже моложе (какъ это мы увидимъ дальше, такое же примѣненіе получила эта система и у насъ, но позднѣе, а именно при введеніи ея въ курсъ низшихъ техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ вѣдомства путей сообщенія).

„Придерживаясь весьма опредѣленныхъ принциповъ относительно общаго характера и задачъ школьнаго ручного труда, американцы въ то же самое время проявляютъ значительную терпимость, эластичность и подвижность въ подробностяхъ ея преподаванія“.

Такъ помимо двухъ системъ русской и шведской, существуетъ цѣлый рядъ попытокъ устройства уроковъ ручного труда по совершенно особымъ системамъ, принадлежащимъ отдѣльнымъ лицамъ: методы Ливитъ, Кендаль, Эдди, Ларсонъ и др., и наконецъ, въ гор. Филадельфій большое значеніе получила такъ называемая система Liberty Tabb, которая, главнымъ образомъ, основана на навыкахъ, получаемыхъ отъ послѣдовательнаго и систематическаго развитія тѣхъ „естественныхъ орудій“ человѣка: глаза, руки и эстетическаго вкуса, утилизація которыхъ необходима при всякаго рода ручныхъ занятіяхъ.

„Упрощеніе орудій работы въ американскихъ урокахъ ручного труда является стремленіемъ новѣйшаго времени, и хотя для среднихъ классовъ школы имѣются прекрасно обставленные учебныя мастерскія, для младшихъ классовъ американцы вырабатываютъ всевозможныя системы ручныхъ занятій“, упрощая по возможности орудія обработки и производя эти занятія въ обыкновенныхъ классныхъ комнатахъ.

Такъ какъ одной изъ задачъ американскихъ уроковъ ручного труда является созданіе новаго, добавочнаго къ наглядному методу преподаванія предметовъ общаго образованія способа выраженія представлений и мыслей у дѣтей,—то лѣпка принята какъ самая удобная форма для такой работы: занятія лѣпкой идутъ даже въ тѣхъ школахъ, гдѣ еще не введены другіе виды ручныхъ занятій.

Лѣпка слита съ уроками рисованія; столь же тѣсную связь имѣютъ съ рисованіемъ и другія формы ручныхъ занятій: „во многихъ школахъ рисованіе является какъ бы центромъ, вокругъ котораго группируются всѣ ручныя упражненія школы. Все слѣвленное или состроенное дѣтьми ими же срисовывается, и, наоборотъ, всякая ручная работа“ выполняется по рисунку. Во многихъ школахъ подъ рубрикой „часы {ручного развитія“ значатся часы, предназначенные на рисованіе вмѣстѣ съ часами для ручныхъ занятій.

Кромѣ рисованія, американскій ручной трудъ приведенъ въ связь, и очень часто въ довольно тѣсную, и съ другими предметами школьной программы: геометрией, естественными науками, физикой, механикой, химіей, географіей и пр. Изъ этого можно усмотрѣть, какъ далеко ушли занятія по ручному труду въ школахъ Америки; особенно рѣзко кажется это по сравненію съ постановкой дѣла преподаванія того же предмета у насъ, гдѣ даже уроки рисованія и черченія стоятъ, какъ совершенно отдѣльный предметъ, не имѣющій связи съ ручными занятіями.

Необходимо здѣсь еще разъ отмѣтить, что американскій ручной трудъ, не преслѣдуя утилитарно-ремесленныхъ цѣлей, служить тамъ для всѣхъ классовъ общества. Кроме того американцы сами признаютъ, что система ручныхъ занятій оказываетъ сильное воздѣйствіе на школьные методы вообще, ставя народное образование въ соотвѣтствіе съ запросами современной жизни ¹⁾.

И такъ, то, что достигнуто американцами нынѣ, есть результатъ серьезной разработки вопроса въ теченіе четверти вѣка; что же касается введенія ручного труда собственно въ народныя школы, то это дѣло еще одного десятилѣтія. Но и за этотъ малый промежутокъ времени система ручныхъ занятій завоевала себѣ почетное мѣсто среди остальныхъ предметовъ школьнаго обученія и при томъ не какъ добавочное занятіе, а какъ самостоятельная дисциплина.

Такъ по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ департаментомъ образованія въ Сѣв. Ам. Соединенныхъ Штатахъ для Парижской выставки 1900 года, значится, что съ 1898 года ручной трудъ сталъ на твердую почву въ народной школѣ и введенъ въ курсъ этихъ школъ въ 149 городахъ. Для подготовки же учителей ручного труда имѣются спеціальныя учрежденія въ числѣ до 349; въ однихъ изъ нихъ, напр. въ учительскихъ институтахъ г. Нью-Йорка, готовятся опытные преподаватели собственно общеобразовательнаго ручного труда, въ другихъ же — преподаватели ручного труда, служащаго пропедевтикой ремеслу. Не будетъ преувеличеннымъ, если въ заключеніе характеристики американскаго ручнаго труда сказать здѣсь, а это открыто признаютъ и сами американцы, что успѣху развитія этого предмета Америка обязана все той же „русской системѣ“ ручныхъ работъ, о которой мы-то и не вспомнили при разработкѣ системъ ручного труда въ нашихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Переходя теперь къ характеристикѣ ручного труда во Франціи, я постараюсь по возможности быть краткимъ и останавлиюсь, главнымъ образомъ, на системѣ Жюли, завоевавшей общую симпатію не только на родинѣ, но и начинающей служить примѣромъ и для другихъ государствъ, такъ напримѣръ: Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи, Германи и др.

¹⁾ Приподимыя выше выдержки заимствованы изъ брошюры Е. Янжуль „Ручной трудъ въ американской школѣ“.

Извѣстно, что во французскія начальныя школы ручной трудъ былъ введенъ какъ обязательный предметъ въ началѣ 1882 года.

Если мы теперь прослѣдимъ исторію развитія ручного труда въ школахъ г. Парижа, то это и дастъ намъ общую картину генезиса и развитія этого предмета во Франціи.

Съ открытіемъ въ Парижѣ профессиональной школы Дидро въ 1872 году, Салисисъ, разработавшій тогда для этой школы программу ручныхъ работъ по обработкѣ дерева и металла, съ 1873 года открылъ, при коммунальной школѣ въ улицѣ Турнефоръ первую мастерскую ручного труда, примѣнивъ тамъ ту же программу школы Дидро, которая напоминала собой программу Императорскаго Московскаго технического училища.

Съ 1879 года начинается правильная организація ¹⁾ классовъ

¹⁾ Съ изданіемъ въ 1882 году закона объ обязательномъ обученіи ручному труду во всѣхъ народныхъ школахъ Франціи, на долю Салисиса выпала задача организовать это дѣло: составлять программы, инструкціи и проч. и руководить новыми начинаніями. Свои взгляды, которые положены въ основу французской системы ручного труда, различающейся значительно отъ системы шведской и др., Салисисъ изложилъ самъ нижеслѣдующимъ образомъ: „Тѣ индивидуальныя преимущества, какія являются послѣдствіями при различныхъ методахъ (обученія ручному труду), исчезаютъ въ странахъ, гдѣ развита промышленность, гдѣ молочная торговля, въ связи съ легкостью сообщеній и перевозки, понижаетъ дѣлу на предметы домашнего употребленія такъ сказать до нуля. Между тѣмъ, въ интересахъ общаго блага слѣдуетъ требовать, чтобы въ массѣ рабочаго и сельскаго населенія съ ранняго возраста развивался вкусъ и усвоивался общій ручной навыкъ и точность, словомъ, чтобы масса эта рационально подготовилась къ производству наилучшими способами, наконецъ, чтобы она привыкла къ тому образу жизни, какой ей предстоитъ и удвоила стремленіе къ изобрѣтательности. Во всемъ остальномъ требованія отъ обученія ручному труду тѣ же, какъ и отъ параллельнаго ему умственнаго труда: чтобы обученіе это производилось самымъ бережливымъ, разнообразнымъ и плодотворнымъ образомъ, необходимо упражнять глаза и умъ съ ранняго возраста въ чтеніи, писаніи, ортографіи, стилѣ, арифметикѣ, исторіи и географіи: въ чтеніи посредствомъ разбора обозначенныхъ буквами чертежей и набросковъ; въ писаніи—посредствомъ употребленія инструментовъ которые образуютъ существенную часть механическаго алфавита; въ ортографіи—посредствомъ точной пригонки въ соединеніяхъ различныхъ частей; въ стилѣ—посредствомъ ихъ разнообразнаго рода соединеній; въ арифметикѣ—посредствомъ сбереженія инструмента, матеріаловъ и времени; въ исторіи—посредствомъ постепеннаго развитія понятія о томъ, что сдѣлано, т. е. посредствомъ отчета въ работѣ; въ географіи—посредствомъ знакомства съ мѣстностями, въ которыхъ распространены различныя ремесла и гдѣ сбываютъ продукты“.

Главнѣйшія особенности французской системы ручного труда заключались во 1) въ томъ, что обученіе было классовое, во 2), что курсы ручного труда проходились не на предметахъ житейскаго обихода, а на абстрактныхъ упражненіяхъ въ 3-тъ), что

ручного труда по обработкѣ дерева, и къ 1888 году таковыхъ уже насчитывалось около ста (въ настоящее время ихъ болѣе 150). Преподаваніе велось мастерами. Ученики работали на верстакахъ и токарныхъ станкахъ.

Уже съ 1887 года пришли однако къ убѣжденію, что ручной трудъ въ народной школѣ, въ томъ видѣ какъ онъ примѣнялся, напоминалъ собой пропедевтику ремесла и стоялъ обособленно отъ другихъ предметовъ преподаванія и что по методѣ Салисиса въ классахъ ручного труда учили приѣмамъ тѣхъ ремеселъ, кои необходимы въ быту каждаго человѣка. Но этотъ распорядокъ преподаванія велся до 1891 года.

Декретъ 1892 года сильно измѣнилъ взглядъ на значеніе ручного труда, а именно съ этого времени начинаютъ смотрѣть на него какъ на азбуку всѣхъ искусствъ, какъ на средство, дающее возможность примѣненія на практикѣ знаній по рисованію, геометріи, естественнымъ наукамъ и проч.

Съ этого времени задачами начальной народной школы ставятся: содѣйствіе физическому, умственному и нравственному развитію ребенка, т. е. цѣли исключительно общеобразовательныя, болѣе или менѣе спеціальныя занятія отнесены въ высшія народныя школы, которыя въ области народнаго образованія во Франціи по закону 1886 года занимаютъ слѣдующее мѣсто.

Первоначально идутъ:

1) школы материнскія и классы для дѣтей младшаго возраста отъ 2 до 6 лѣтъ при элементарныхъ школахъ (*les classes enfantines*);

2) элементарныя начальныя школы (*écoles primaires élémentaires*) для возраста съ 6 до 13 лѣтъ, въ коихъ обученіе по закону 1882 года обязательное; эти школы состоятъ изъ отдѣленій для дѣтей:

а) младшаго возраста съ продолжительностью курса одинъ или два года, смотря по тому, принимаются ли дѣти пяти или шести лѣтъ; и

въ курсъ входила обработка различныхъ матеріаловъ: глины и камня, въ 4-тъ), что каждая работа курса ручного труда исполнялась по наброскамъ и чертежамъ, составленнымъ предварительно самими учениками, чѣмъ тѣсно связывалась работа съ чертежемъ и рисованіемъ, съ изученіемъ арифметики и геометріи.

Такая система ручныхъ занятій, по программѣ Салисиса, и давала ученикамъ гораздо большую элементарную подготовку къ ремесламъ, чѣмъ шведская, гдѣ меньше обращалось вниманіе на техническую сторону дѣла („Сборникъ матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію“).

б) трехъ двухгодичныхъ курсовъ: младшаго, средняго и старшаго; большинство же элементарныхъ школъ старшаго курса не имѣютъ, т. е. преподаваніе въ нихъ растянуто на 5 или 6 лѣтъ.

Послѣ элементарныхъ школъ идутъ такъ называемыя:

3) высшія начальныя школы (*écoles primaires supérieures*) или, просто, дополнительные курсы (*cours complémentaires*) при элементарныхъ школахъ; характеръ этихъ школъ и курсовъ—профессиональный, и высшія народныя школы состоятъ изъ отдѣленій: общаго, коммерческаго, промышленнаго или техническаго и сельскаго.

Эти школы и курсы составляютъ уже переходъ къ послѣдней группѣ учебныхъ заведеній для народнаго спеціального образованія, а именно къ

4) промышленнымъ школамъ (*écoles pratiques d'industries, écoles manuelles d'apprentissages*), состоящимъ въ исключительномъ вѣдѣніи министерства финансовъ.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что во Франціи, по даннымъ статистики, черезъ высшія начальныя и профессиональныя школы проходятъ всего лишь $1\frac{1}{2}\%$ дѣтей соответствующаго возраста отъ 13 до 16 лѣтъ. Вся же остальная масса дѣтей этого возраста вынуждена переходить изъ элементарной начальной школы прямо на практическое дѣло, въ виду необходимости обезпечить свое существованіе собственнымъ заработкомъ. Эта масса не имѣетъ средствъ получать дальнѣйшую систематическую школьную подготовку, и должна ограничиваться тѣмъ, что выносить изъ элементарной школы. Отсюда понятны тѣ серьезныя требованія, которыя предъявляются къ современной французской начальной народной школѣ.

Однако, не только во Франціи, но и во всѣхъ государствахъ Западной Европы, установленъ тотъ несомнѣнный фактъ, что путемъ школьнаго обученія достигается лишь всеобщая грамотность, но она не можетъ удовлетворить всего спроса на разнообразныя общія и техническія познанія, какой предъявляется теперь экономической жизнью.

Эта недостаточность обученія въ начальной школѣ и привела Францію къ широкому распространенію всевозможныхъ учреждений, предназначенныхъ для внѣ-школьнаго обученія; къ числу таковыхъ и должны быть отнесены не только упомянутые выше дополнительные курсы при элементарныхъ школахъ, но и всякаго рода вечерніе и воскресные курсы для взрослыхъ (*cours municipaux du soir, autres cours communaux des adultes*).

Посмотримъ теперь, что же дѣлается во Франціи для достиженія того, чтобы занятія въ элементарной начальной школѣ, оставаясь общеобразовательными, содѣйствовали физическому, умственному и нравственному развитію ребенка и развивали бы глазъ, руку и вкусъ въ соответствіи съ запросами мѣстной жизни.

Для достиженія этихъ цѣлей въ элементарныхъ городскихъ, сельскихъ и прибрежныхъ школахъ введенъ ручной трудъ по обработкѣ дерева и металла съ широкимъ примѣненіемъ рисованія, черченія и геометріи, а также — спеціальныя ручныя занятія для сельскихъ и прибрежныхъ жителей. Это обученіе предлагается подъ различными формами, соответствующими возрасту дѣтей.

Такъ по методу Жюли, на первомъ двухъ-годичномъ курсѣ элементарной начальной школы для дѣтей младшаго возраста отъ 7 до 9 лѣтъ эти занятія ведутся въ классѣ, и дѣти обучаются рисованію, черченію, измѣренію, формамъ, сочетанію цвѣтовъ и наглядной геометріи при помощи ручныхъ работъ изъ цвѣтной бумаги и при помощи лѣпки; на занятія эти отводится по 2 часа въ недѣлю въ каждомъ году обученія; уроки $\frac{1}{2}$ часовые.

На второмъ двухъ-годичномъ курсѣ для дѣтей средняго возраста отъ 9 до 11 лѣтъ и на третьемъ — для дѣтей старшаго возраста отъ 11 до 13 лѣтъ эти занятія переносятся въ мастерскія и состоятъ въ работахъ по дереву и металлу по систематической программѣ Жюли.

Главнѣйшія особенности этой программы слѣдующія:

- 1) занятія идутъ въ связи съ рисованіемъ, черченіемъ и геометріей;
- 2) работы по дереву и по металлу идутъ параллельно;
- 3) работѣ предшествуетъ выполненіе кроки и обязательное расчерчиваніе обрабатываемой детали;
- 4) предметы, составляющіе программу, большею частью имѣютъ то или другое практическое примѣненіе;
- 5) соблюдена строгая послѣдовательность какъ въ обученіи приемамъ обработки, такъ и въ примѣненіи орудій производства;
- 6) третій годъ обученія предназначенъ для дѣтей старшаго возраста и для учениковъ элементарныхъ школъ, поступающихъ на дополнительные курсы; кромѣ того въ программѣ на всѣхъ годахъ обученія имѣется цѣлый рядъ факультативныхъ работъ для успѣвающихъ учениковъ.

Занятія происходятъ для средняго возраста по 2 урока въ недѣлю по 2 $\frac{1}{2}$ часа каждый, изъ которыхъ 2 часа отводится на работы въ мастерскихъ и $\frac{1}{2}$ часа на приготовленіе рабочаго чертежа, и для старшаго возраста—2 урока по 3 часа каждый, изъ коихъ 1 часть на черченіе и 2 на работы.

Кроки снимаются въ классѣ подѣ руководствомъ преподавателя ручного труда; работы исполняются по этимъ кроки въ мастерскихъ подѣ руководствомъ мастера.

Преподаватели ручного труда подготавливаются на особыхъ курсахъ, гдѣ имъ преподается, кромѣ педагогики, начертательная геометрія, лѣпка и формовка, работы по дереву и металлу и технологія этихъ матеріаловъ. Продолжительность курсовъ одногодичная съ октября по июль, занятія происходятъ 2 раза въ недѣлю по 8 часовъ. Принимаются на курсы лишь преподаватели, имѣющіе степень бакалавра. Оканчивающимъ курсы производится специальный экзаменъ, по выдержаніи котораго они получаютъ право на преподаваніе ручного труда. Мастера, какъ непосредственныя руководители работами, съ 1892 года приглашаются по особому конкурсу (вознагражденіе мастерамъ колеблется отъ 888 до 962 р. въ годъ, съ прибавками черезъ 5 лѣтъ).

Общее наблюденіе за ходомъ преподаванія ручного труда во всѣхъ школахъ города Парижа ввѣрено тремъ инспекторамъ. Главнымъ инспекторомъ и состоитъ М. Jully, разработавшій эту своеобразную систему ручныхъ работъ, которая и введена въ курсъ всѣхъ элементарныхъ школъ съ 1891 года.

Всѣ эти мѣропріятія, а именно введеніе новой системы ручного труда и организація самаго дѣла, привели къ наилучшимъ результатамъ: ручной трудъ пересталъ быть непосредственной подготовкой къ ремеслу на первыхъ двухъ ступеняхъ элементарной народной школы.

Эта система ручныхъ занятій, развивая въ широкой степени вѣрность глаза, ловкость рукъ и вкусъ, есть та форма ручного труда, которая наиболѣе подходитъ къ условіямъ, главнымъ образомъ, городской и сельской жизни, гдѣ развита промышленность: школа съ такой формой ручныхъ занятій какъ нельзя лучше направляетъ своихъ питомцевъ для вступленія въ практическую жизнь.

Такъ какъ большинство оканчивающихъ курсъ французскихъ начальныхъ народныхъ школъ въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ, а именно въ количествѣ до 48%, посвящаютъ себя сельскому хозяйству, а

25%—промышленности, остальные 27% продолжают обучение, идутъ въ торговлю и т. д., то это обстоятельство уже давно обращало на себя вниманіе и еще съ 1866 года побудило Францію придти на помощь населенію распространеніемъ научныхъ основъ сельскаго хозяйства при помощи начальной школы.

Но обязательное введеніе въ курсъ начальныхъ школъ занятій по естествовѣдѣнію въ примѣненіи къ земледѣлію, огородничеству, садоводству и прочимъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ законодательномъ порядкѣ состоялось лишь въ 1882 году, и уже къ 1889 году изъ отчетовъ по департаменту земледѣлія можно было усмотрѣть всю полезность этой мѣры, о чемъ также свидѣтельствовали всѣ тѣ крестьянскія хозяйства, которыя имѣли въ своемъ составѣ подростковъ, прошедшихъ курсъ основъ сельскаго хозяйства въ народной школѣ.

Преподаваніе этого предмета начинается на второмъ году обученія при шестилѣтней продолжительности курса французской начальной школы. Для всякаго рода ручныхъ занятій въ примѣненіи къ запросамъ сельской жизни при школахъ имѣются сады и опытные участки; кромѣ того въ рядѣ ручныхъ занятій должное мѣсто удѣляется показательной горшечной культурѣ растений съ опытнымъ выясненіемъ свойствъ почвъ и удобрений и вліянія этихъ послѣднихъ на произрастаніе хозяйственныхъ растений, въ томъ числѣ и виноградной лозы, отводится время на ознакомленіе съ усовершенствованными сельскохозяйственными орудіями, собираніе насѣкомыхъ, составленіе гербаріевъ полезныхъ и вредныхъ растений, а также и на занятія по пчеловодству, шелководству и проч.

Пособіями при сельскохозяйственныхъ занятіяхъ въ школѣ служатъ очень несложныя коллекціи и учебныя пособія, въ изготовленіи которыхъ школа принимаетъ дѣятельное участіе.

Для побережнаго населенія Франція ручной трудъ вылился въ совершенно своеобразную форму: такелажныхъ работъ, изготовленія сѣтей для рыбной ловли, начиная съ младшаго курса начальной школы, и знакомства съ обработкой дерева, въ примѣненіи къ рыболовству, и судовоженіемъ—на среднемъ и старшемъ курсахъ.

Въ краткихъ словахъ ходъ занятій таковъ: первоначально выполняется сращиваніе веревокъ, вязаніе простыхъ и сложныхъ узловъ, плетеніе матовъ, кройка парусовъ и обшивка ихъ тросомъ. Затѣмъ изготовляютъ въ мастерскихъ изъ дерева различныя детали рыбацкихъ лодокъ: руль, весло, рю и т. д. и получаютъ знакомство съ компа-

сомъ, морскими сигналами и, наконецъ, со звѣзднымъ небомъ и морскими картами.

Этотъ послѣдній видъ ручныхъ занятій, хотя еще и не имѣеть большой давности—онъ регламентированъ съ 1897 года—но побережное населеніе относится къ нему само крайне сочувственно, а это не есть ли и самый вѣрный показатель жизнеспособности самого дѣла?

Инициаторомъ ручныхъ занятій для сельскихъ школъ является R. Leblanc, также не мало потрудившійся надъ разработкой программъ для городскихъ школъ, и въ этомъ отношеніи Жюли является его ученикомъ.

Въ заключеніе обзора современнаго состоянія ручного труда за границей необходимо сказать, что основными системами ручныхъ занятій служатъ собственно три:

- 1) шведская система „слѣйда“,
- 2) французская, обнимающая собой ручныя занятія какъ для городскихъ, такъ сельскихъ и прибрежныхъ школъ, и
- 3) русская система, ставшая въ основу американскаго ручного труда среди цѣлаго ряда другихъ системъ, принятыхъ въ Америкѣ и основанныхъ на предыдущихъ.

Во всѣхъ государствахъ, гдѣ только затрагивался вопросъ о введеніи ручного труда въ курсъ общеобразовательныхъ школъ, появлялись и общества и литература, задававшіяся цѣлью выяснить значеніе этого предмета среди остальныхъ курсовъ школы.

Если въ вопросѣ о значеніи ручного труда, какъ одной изъ дисциплинъ школьнаго обученія, являлось два противоположныхъ мнѣнія, то это происходило, во-первыхъ, тамъ, гдѣ насаждался этотъ предметъ безъ приспособленности къ мѣстнымъ условіямъ, т.-е. переносилась система, или попросту сказать программа, ручного труда, созданная и при другихъ условіяхъ и при другомъ складѣ жизни, и во-вторыхъ, гдѣ ручному труду придавали значеніе или утилитарное, а слѣдовательно не преслѣдовались ни педагогическія, ни воспитательныя начала, или гдѣ на ручной трудъ смотрѣли исключительно, какъ на пропедевтику ремесленныхъ занятій.

Однако тамъ, гдѣ этотъ предметъ подвергался тщательной и детальной разработкѣ, гдѣ правительство шло на встрѣчу общественнымъ интересамъ (Франція, Америка и др.); тамъ, гдѣ этотъ предметъ разрабатывался въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, а не слѣпо переносился извнѣ; гдѣ на него смотрѣли какъ на предметъ,

имѣющій цѣлью — не столько профессиональную подготовку, сколько общее гармоническое развитіе ребенка; гдѣ руководителями предмета являлись лица, всесторонне къ тому подготовленные, а не получившія лишь нѣкоторый навыкъ въ исполненіи номеровъ извѣстной программы; гдѣ, наконецъ, ручнымъ занятіямъ отводилось должное мѣсто въ школьной организаціи, а самыя занятія были также системны, какъ и остальные предметы преподаванія, — *тамъ значеніе этого предмета шло и идетъ все развиваясь, выдвигаются все новые и новые виды ручного труда, отвѣчающіе запросамъ современной жизни, а самыя занятія, если они и обязательны для школы, но необязательны для учащихся, привлекаютъ въ классы ручного труда этихъ послѣднихъ все больше и больше.*

Переходя къ краткой характеристикѣ ручного труда въ Россіи, необходимо еще разъ отмѣтить, что *русская система ручныхъ занятій*, которая въ Америкѣ дала толчокъ развитію этого рода работъ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, у насъ не вызывалась къ жизни для тѣхъ же цѣлей, и если на эту систему ручныхъ работъ и было обращено у насъ вниманіе, то оно заключалось лишь въ томъ, что эта система почти цѣликомъ включена въ курсъ техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ вѣдомства министерства путей сообщенія съ самаго открытія этихъ послѣднихъ, начиная съ конца семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (этому отчасти благопріятствовало и то обстоятельство, что во главѣ организаціи этого рода специальныхъ учебныхъ заведеній сталъ В. К. Делла-Воссъ, бывший директоръ Императорскаго Московскаго технического училища, при которомъ эти работы и получили свое начало).

Система эта въ техническихъ желѣзнодорожныхъ училищахъ примѣнена къ ученикамъ въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ; къ исполненію систематической программы они приступаютъ непосредственно безъ всякихъ подготовительныхъ ступеней; на обработку дерева отводится одинъ годъ, на слесарныя и кузнечныя работы 2 года обученія при 14 рабочихъ часахъ въ недѣлю; пройдя основныя заданія по изученію пріемовъ обработки дерева и металла, ученики получаютъ достаточный навыкъ къ исполненію разнаго рода работъ сборочнаго характера; при этомъ необходимо упомянуть, что эти учебныя заведенія не преслѣдуютъ ремесленныхъ цѣлей, а служатъ для подготовки лицъ къ служебной дѣятельности на путяхъ сообщенія въ качествѣ низшихъ техническихъ агентовъ.

Точно также идею этой системы можно встрѣтить и въ програм-

махъ нашихъ ремесленныхъ училищъ, гдѣ она служитъ пропедевтикой къ ремесленнымъ занятіямъ. Въ общеобразовательныхъ же нашихъ школахъ почти исключительно продѣлываются программы ручныхъ работъ, взятая изъ шведской системы. Какъ уже было сказано, первый опытъ введенія ручного труда, какъ необязательнаго въ курсъ обученія предмета въ наши учебныя заведенія, относится къ 1884 году. Ручной трудъ за истекшія 17 лѣтъ получилъ главное развитіе въ начальныхъ народныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и только въ единичныхъ случаяхъ проникъ и въ среднеучебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а самыя занятія сводятся лишь къ исполненію ряда работъ по однѣмъ и тѣмъ же программамъ, составленнымъ гг. Цирулемъ и Касаткинымъ.

Кромѣ того, ручной трудъ преподается *по тѣмъ же программамъ* и въ нѣкоторыхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ ¹⁾.

Относительно постановки дѣла преподаванія въ этихъ послѣднихъ учебныхъ заведеніяхъ вотъ что было высказано г. Цирулемъ въ статьѣ объ экспонатахъ по ручному труду на выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ: „заведенія, которыя имѣютъ главною цѣлью подготовку учителей, не обращаютъ въ должной мѣрѣ вниманія на примѣненіе и переработку общепринятой коллекціи къ мѣстному обиходу“; „точно также представляется желательнымъ и то, чтобы въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ ручной трудъ былъ связанъ съ графическими искусствами“.

Затѣмъ г. Цируль приводитъ пожеланіе, чтобы практическіе дѣятели ручного труда стремились къ выработкѣ самостоятельныхъ программъ и курсовъ, для различныхъ учебныхъ заведеній и для разныхъ возрастовъ.

Прошло съ тѣхъ поръ, какъ это было сказано, нѣтъ лѣтъ, но первое пожеланіе остается и до сихъ поръ въ области пожеланій, если впрочемъ не считать отдѣльныхъ и притомъ слабыхъ попытокъ, такъ напримѣръ, въ текущемъ 1901—1902 учебномъ году въ Омской учительской семинаріи, Западно-Сибирскаго учебнаго округа, вмѣсто

¹⁾ На 1-е января 1902 года ручныя занятія велись: при 6 учительскихъ институтахъ изъ 10; 35 учительскихъ семинаріяхъ изъ 62; 94 городскихъ училищахъ, по положенію 31-го мая 1872 года, изъ 549; 2 уѣздныхъ училищахъ изъ 124; 110 двухклассныхъ и 145 одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, изъ общаго числа начальныхъ училищъ для обоаго пола до 36.000. Кромѣ того сельскохозяйственныя занятія велись при 500 начальныхъ училищахъ.

обычной программы гг. Цируля и Касаткина занятія идутъ по программѣ систематическаго характера составленной изъ такъ называемыхъ „чистыхъ упражненій“. Этотъ опытъ, хотя и съ несовершенствами программы, нельзя не привѣтствовать какъ начало возможной переработки программъ ручнаго труда для тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя имѣютъ цѣлью подготовку учителей для начальныхъ народныхъ училищъ, ибо въ эту программу вошли именно отзвуки той русской системы ручнаго труда, которая открыта для насъ американцами и важное значеніе которой уже подчеркнута выше.

Да и въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время подготовка преподавателей ручнаго труда происходитъ въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, а также на лѣтнихъ (шести-недѣльных) курсахъ, устраиваемыхъ періодически въ разныхъ мѣстахъ Имперіи, при чемъ подготовка эта состоитъ почти въ исключительномъ продѣлываніи названныхъ выше программъ ручныхъ работъ по дереву и металлу, составленныхъ гг. Цирулемъ и Касаткинымъ примѣнительно къ данному возрасту и для начальныхъ городскихъ училищъ.

Само собой разумѣется, что программы эти (въ оцѣнку ихъ я здѣсь и не вхожу), какъ принаровленные къ извѣстному возрасту (отъ 9—13 лѣтъ) и къ даннымъ условіямъ (начальнаго образованія), никоимъ образомъ не могутъ дать той подготовки, которую мы въ правѣ требовать отъ „учителя“.

Подготовка учителя по этимъ программамъ, давая ему лишь извѣстной степени навыкъ въ исполненіи даннаго ряда работъ, не знакомитъ его ни съ методомъ, ни съ системой преподаванія даннаго предмета. Это все равно, какъ если бы представить себѣ „учителя исторіи“, знающаго, хотя и прекрасно, но только курсъ даннаго класса.

Нѣтъ, чтобы сдѣлаться преподавателемъ ручнаго труда необходимо предметъ этотъ обнять шире и знакомиться съ основными приемами обработки на такой именно программѣ, которая, научая, давала бы возможность и разобраться въ предметѣ, и руководить занятіями по какой угодно программѣ и, въ случаѣ надобности, не затрудниться выборами рода ручныхъ занятій въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Такою подготовкою и могли бы дать только тѣ программы ручныхъ работъ, которыя созданы на основаніи строгой системы, напримѣръ, подобно той, которая подъ названіемъ „русской системы“ принята американцами въ основу всякаго рода ручныхъ занятій.

Относительно же послѣдняго пожеланія, высказаннаго еще въ 1896 г., о необходимости разработать системы ручного труда для различныхъ учебныхъ заведеній и для дѣтей различнаго возраста, надо указать, что за это время посчастливилось только сельскимъ начальнымъ училищамъ, и въ настоящее время эти учебныя заведенія получили уже возможность взглянуть на ручной трудъ нѣсколько съ иной точки зрѣнія.

Въ минувшемъ году особая коммиссія, при отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, составила 2 программы ручныхъ работъ по дереву для сельскихъ народныхъ училищъ. Программы эти являются примѣрными для одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

Характеръ самыхъ работъ и самый выборъ заданій въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ измѣняться въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Рекомендуемыя министерствомъ программы работъ по дереву не исключаютъ возможности свободного выбора иного рода ручныхъ занятій: по корзиноплетенію, лѣннѣ, ткацкимъ работамъ, по сельскохозяйственной культурѣ и другимъ, гдѣ таковыя будутъ вызываться мѣстными условіями.

Останавливаясь въ настоящее время на выборѣ работъ по дереву, коммиссія особо отмѣтила, что на выработанныя ею программы слѣдуетъ смотрѣть какъ на временныя и примѣрныя, полагая, что онѣ должны дать только представленіе о томъ, какого рода и вида издѣлія могли бы исполняться учениками сельскихъ училищъ во время ихъ занятій ручнымъ трудомъ.

Весьма также цѣнное указаніе даетъ коммиссія, что эти программы должно видоизмѣнять и дополнять согласно указаніямъ опыта, а также и тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявляемы къ каждой отдѣльной школѣ, въ связи съ условіями быта и занятій мѣстнаго сельскаго населенія.

Предлагая такимъ образомъ двѣ систематическія программы, изъ которыхъ одна приспособлена къ потребностямъ сельскаго быта южныхъ губерній Россіи, коммиссія вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что успѣхъ ручного труда въ сельскихъ школахъ еще болѣе зависитъ отъ подготовленности преподавателей и всей постановки учебнаго дѣла.

Относительно учебной стороны дѣла нельзя не отмѣтить определенно выраженнаго пожеланія коммиссіи, чтобы элементарный курсъ рисованія былъ введенъ въ число обязательныхъ предметовъ обуче-

нія въ сельскихъ одноклассныхъ училищахъ, а въ двухклассныхъ — кромѣ того и черченіе; и чтобы связь рисованія и черченія со всякаго рода ручными занятіями была проведена возможно полнѣе.

Что же касается финансовой стороны дѣла, поскольку она можетъ имѣть вліяніе на успѣшность вводимыхъ въ курсъ школы ручныхъ занятій, то въ этомъ отношеніи намѣчается желательность и соотвѣтственнаго вознагражденія преподавателю за руководство практическими занятіями (для сельскихъ училищъ не менѣе 20 р. за 1 годовой часть) и достаточной наличности средствъ какъ единовременныхъ— на устройство, такъ и ежегодныхъ—на содержаніе классовъ ручного труда. За обученіе ручному труду не предполагается взимать особой платы.

Теперь я позволю себѣ кратко охарактеризовать составленныя комиссіей программы: онѣ заключаютъ въ себѣ каждая по 65 ЛМ; при чемъ для одноклассныхъ училищъ при 2-хъ годахъ обученія (начиная со 2-го года) намѣчается выполнение первыхъ ЛМ программы въ числѣ 30—40; при 6 рабочихъ часахъ въ недѣлю; всѣ же ЛМ могутъ быть выполнены въ 2-хклассныхъ училищахъ ¹⁾.

Систематическія программы эти *составлены комиссіей на основаніи 2-хъ коллекцій образцовъ издѣлій*, изъ которыхъ одна выработана путемъ опыта при Новобугской учительской семинаріи одесскаго учебнаго округа и другая—преподавателемъ ручного труда въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ г. Цирулемъ. Программы эти составлены съ соблюденіемъ послѣдовательности какъ по роду примѣняемыхъ инструментовъ и пріемовъ обработки, такъ и по трудности и степени точности выполненія работъ. Программы эти сопровождаются руководящими данными, которыя и при исполненіи отдѣльныхъ ЛМ всякой программы обязательны. Такъ необходимо обращать вниманіе на соблюденіе слѣдующихъ условій: чтобы степень точности обработки строго соотвѣтствовала назначенію предмета (нельзя, напримѣръ, крышки для кадки отдѣлывать такъ, какъ отдѣлываются предметы подъ полировку и т. д.); чтобы пріемы обработки соотвѣтствовали дѣйствительнымъ и притомъ рациональнымъ пріемамъ (нельзя, напримѣръ, примѣнять стамеску тамъ, гдѣ надо употребить пилу, нельзя примѣнять напильникъ, гдѣ надо употребить стамеску и т. д.); чтобы всѣ работы исполнялись по рабочимъ чертежамъ и въ широкой

¹⁾ Программы эти вмѣстѣ съ рисунками ручныхъ работъ напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію за 1902 годъ.

степени было примѣняемо расчорчиваніе частей при ихъ обработкѣ; чтобы заданія соотвѣтствовали силѣ и способности ученика, для каковой цѣли необходимо имѣть въ запасѣ нѣсколько однородныхъ заданій, но не одинаковыхъ по трудности выполненія, и т. д., и т. д. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ техническія подробности, соблюденіе которыхъ весьма важно для успѣха дѣла, однако слѣдуетъ отмѣтить, что примѣненіе прекрасно разработанной систематической программы тогда только будетъ приносить положительные результаты, когда занятія будутъ идти по заранѣе составленному учебному плану и съ строгимъ соблюденіемъ педагогическихъ и воспитательныхъ началъ.

Эта первая попытка разработки вопроса о выборѣ системъ ручныхъ работъ для сельской школы, ограничившаяся, правда теперь, лишь предложеніемъ 2-хъ программъ по обработкѣ дерева, невольно заставляетъ желать и дальнейшей болѣе широкой разработки системъ ручныхъ занятій, отвечающихъ запросамъ современной жизни, и для другихъ ступеней школьнаго обученія, не только городскихъ начальныхъ училищъ, но и средней общеобразовательной школы.

Какъ это можно было прослѣдить изъ только что изложенныхъ вкратцѣ основаній, на которыхъ введеніе ручныхъ занятій въ сельскія начальныя школы можетъ имѣть мѣсто, — принятый нашимъ обществомъ взглядъ на ручной трудъ получилъ и для этого рода учебныхъ заведеній нѣсколько иную окраску, а именно: *подъ видомъ этихъ занятій намѣчается не исполненіе только той или иной программы ручного труда по обработкѣ дерева или металла, но предлагается установленіе въ этихъ школахъ въ зависимости отъ условий быта такого рода ручныхъ занятій, которыя бы, пополняя и укрѣпляя систему начальнаго обученія и воспитанія, въ то же время наилучше подготовляли дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ къ жизни и будущей ихъ дѣятельности на различныхъ поприщахъ прикладнаго знанія.*

При чемъ и для этихъ школъ поставлено условіемъ прежде всего вызвать въ жизнь рисованіе и черченіе и обратить вниманіе на широкую связь этихъ предметовъ съ теми ручными занятіями, которыя могутъ войти въ циклъ школьнаго обученія.

И такимъ образомъ, повторяю, хотя комиссія и преподала примѣрныя программы ручныхъ работъ по дереву, но особо подчеркнула то, чтобы родъ ручныхъ занятій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ выбираемъ сообразно мѣстнымъ условіямъ, а самыя программы были принаровлены къ возрасту дѣтей.

Если такой шагъ сдѣланъ по отношенію къ сельскимъ школамъ, то мы въ правѣ ожидать, что вопросъ о ручныхъ занятіяхъ получить дальнѣйшее освѣщеніе не только для городскихъ начальныхъ школъ, но и для среднихъ, особенно съ введеніемъ въ курсъ этихъ послѣднихъ естественнѣдвѣнія. Для полноты обзора, необходимо упомянуть также и о ручныхъ занятіяхъ въ нашей средней школѣ.

Что собственно мы должны разумѣть подъ ручными занятіями въ средней общеобразовательной школѣ? И возможно ли намъ въ настоящее время и для этой ступени образованія остановиться все на томъ же заколдованномъ кругѣ ручныхъ работъ, которыя по извѣстнымъ программамъ проникли уже въ среднюю школу, главнымъ образомъ, въ кадетскіе корпуса, подъ тѣмъ же искусственнымъ названіемъ „ручного труда“?

Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ быть лишь отрицательный.

Посмотримъ же, какія условія преподаванія необходимы въ школѣ (и, я позволю себѣ обобщить, во всякой общеобразовательной школѣ, будетъ ли это низшая или средняя), чтобы развить въ ученикахъ наблюдательность, правильное мышленіе, систематически развить глазъ и руку, содѣйствовать развитію физическихъ силъ ребенка и вообще любви къ производительному труду. Для достиженія этого необходима прежде всего *наглядность* въ преподаваніи и, само собой разумѣется, соотвѣтственный подборъ предметовъ класснаго преподаванія.

Но если дисциплины обученія, способныя сами по себѣ развить и содѣйствовать правильному умственному развитію, будутъ преподаваться учащимся въ несоотвѣтствующей для даннаго возраста формѣ, а самое преподаваніе предмета не будетъ связано съ жизнью, то эффектъ обученія будетъ въ лучшемъ случаѣ неполный.

Врядъ ли можно оспаривать желательность такихъ практическихъ занятій по всѣмъ предметамъ общаго образованія, цѣль которыхъ связать классное преподаваніе съ жизнью, т. е. такого рода внѣклассныхъ практическихъ занятій (внѣклассныхъ потому, что они могутъ происходить въ зависимости отъ предмета и въ кабинетахъ учебныхъ пособій, и въ мастерскихъ, и въ полѣ и т. д.), которыя способны были бы развить въ ученикахъ и живой интересъ къ окружающему ихъ міру, и дать имъ отвѣты на тѣ вопросы, которые рождаются въ юныхъ головахъ, еще на школьной скамьѣ передъ черной классной доской, и надъ уясненіемъ которыхъ подчасъ такъ бесплодно и губительно

они сидятъ дома надъ учебникомъ, забывая объ отдыхѣ и пищѣ, волную себя и близкихъ, и памятуя лишь о необходимости дать учителю отвѣтъ.

Основа этихъ внѣклассныхъ занятій можетъ быть слѣдующая: идеаломъ класснаго преподаванія слѣдуетъ признать такое, когда ученики выходятъ изъ класса уже готовые къ отвѣту; при обычной многочисленности состава классовъ само собой нельзя и говорить о достиженіи сказанныхъ результатовъ; извѣстно также, какъ великъ % тѣхъ учениковъ, для которыхъ классное сидѣнье, въ надеждѣ на домашнюю зубрежку, остается лишь тягостнымъ исполненіемъ обязанности „сидѣть прямо“; что вынесетъ въ памяти такой ученикъ изъ класса, не требуетъ разъясненій, а если взять учениковъ, способности которыхъ особенно требуютъ наглядности въ преподаваніи, что они вынесутъ изъ прослушаннаго урока? И въ какой степени такимъ ученикамъ поможетъ учебникъ, если преподаваніе ограничить лишь объясненіемъ урока? Такимъ именно подспорьемъ нагляднаго класснаго преподаванія съ цѣлью закрѣпить преподанное путемъ самостоятельнаго участія учениковъ: въ опытахъ, въ обзорѣ типовъ, на натурѣ, въ провѣркѣ явленій, въ собираніи, консервированіи и составленіи коллекцій, въ изготовленіи, наконецъ, несложныхъ приборовъ, въ систематическихъ экскурсіяхъ и въ приученіи учениковъ въ первыхъ трехъ классахъ систематическому ручному труду—и являются всякаго рода ручныя занятія. На эти занятія и необходимо отвести особые часы на всѣхъ годахъ обученія во всѣхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Ученики, сознавая, что пройденное въ классѣ они сами увидятъ въ жизни на практикѣ вслѣдъ за урокомъ, сами примутъ участіе въ провѣркѣ преподаннаго и проч., безъ всякаго насилія и указокъ, безъ всякихъ палліативныхъ мѣръ, которыми преподаватели пользуются нынѣ для приведенія учениковъ въ состояніе внимательности, сами пойдутъ на встрѣчу этому развивающему началу; на предлагаемомъ имъ, такимъ образомъ, учебномъ матеріалѣ естественно разовьются свои способности именно въ томъ направленіи, какое соответствуетъ запросамъ современной жизни ¹⁾).

Такого рода внѣклассныя занятія, связующія классное преподаваніе съ жизнью, включенныя въ систему школьной организаціи и обя-

¹⁾ Изданіе министерства народнаго просвѣщенія „По вопросу о средней общеобразовательной школѣ, съ примѣненіемъ ея къ запросамъ и нуждамъ современной жизни нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи“—1900 годъ.

вательныя для школы, несомнѣнно есть дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

Тѣмъ не менѣе, освобождаясь нынѣ отъ мысли, что ручныя занятія должны обнимать собой лишь отдѣльно стоящую отъ класснаго преподаванія систему, или лучше сказать подобіе системы, ручныхъ работъ по обработкѣ того или иного матеріала, мы можемъ надѣяться на полную осуществимость вести хотя бы и такого рода занятія въ связи съ класснымъ преподаваніемъ и прежде всего, конечно, съ графическими искусствами. Это будетъ уже и большой шагъ впередъ.

А надвигающаяся волна введенія въ курсъ средней школы естествознанія и обязательно связанныхъ съ введеніемъ этого предмета, опытно-демонстративныхъ классныхъ и лабораторныхъ занятій, систематическихъ экскурсій и непосредственнаго изученія природы — не принесетъ-ли эта отдаленная волна и могучій девятый валъ для нашего относительно еще молодого ручного труда?

Въ заключеніе я позволю себѣ набросать бѣглыми штрихами будущее ручныхъ занятій въ нашихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, идеальное будущее этого важнаго предмета обученія, какъ оно рисуется мнѣ.

Представьте себѣ: учительскія семинаріи, гдѣ будущіе народные учителя получаютъ знакомство съ тѣми началами сельско-хозяйственной культуры, которыя они будутъ насаждать въ школахъ; сельскія народныя школы, гдѣ грамота преподается и жадно воспринимается, чтобы имѣть возможность тутъ же въ школѣ приложить эти знанія къ полученію тѣхъ практическихъ свѣдѣній, столь необходимыхъ для каждаго сельчанина, гдѣ наравнѣ съ этими практическими свѣдѣніями умѣлыми руками преподается то ручное развитіе, которое наиболѣе принаровлено къ сельской жизни и удовлетворяетъ быту.

Представьте себѣ: учительскіе институты, гдѣ будущіе учителя городскихъ школъ могутъ получить помимо общей подготовки (въ зависимости отъ способности) солидныя знанія по ручному труду, не ограничиваясь лишь шаблоннымъ изготовленіемъ данной программы, а обнимая этотъ предметъ въ его пропедевтикѣ и системѣ; городскія училища, гдѣ въ классѣ ручного труда мальчики будутъ получать развитіе глаза, рукъ и вкуса (т. е. художественнаго начала), примѣнительно къ современнымъ запросамъ городской жизни и будутъ получать подготовку или для вступленія въ практическую жизнь, или для продолженія обученія въ профессиональныхъ школахъ.

Представьте себѣ такого рода учрежденія, гдѣ молодые люди,

подготавливаясь по окончаніи университетскаго курса къ преподавательской дѣятельности, разовьютъ въ себѣ способности въ духѣ того нагляднаго преподаванія, о которомъ я только что сказалъ выше; среднюю общеобразовательную школу, гдѣ преподаваніе связано съ жизнью и отвѣчаетъ запросамъ ея, гдѣ ручныя занятія въ указанномъ выше смыслѣ проходятъ черезъ систему обученія.

И, наконецъ, нельзя не унести мечтами, навѣяанными только что опубликованными правилами организаціи студенческихъ учреждений въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ § 1, между прочимъ, предоставляется разрѣшать устройство студенческихъ кружковъ для занятій *искусствами, ремеслами и разнаго рода физическими упражненіями*—чѣмъ прямо указывается на возможность созданія лабораторій труда и на этой ступени образованія.

Резюмируя все изложенное, нельзя не помянуть добромъ словомъ тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые, въ стѣнахъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, потрудились надъ созданіемъ системы ручныхъ работъ, лежащей нынѣ въ основѣ общеобразовательнаго педагогическаго ручнаго труда и принятой американцами. Нельзя однако не пожелать, чтобы эта „русская система“ ручнаго труда сдѣлалась наконецъ и достояніемъ русскаго народа и послужила бы на родинѣ такимъ же толчкомъ къ развитію ручныхъ занятій въ нашей общеобразовательной школѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Америкѣ за истекшую четверть вѣка.

И. Рудольфъ.

ОТЧЕТЪ О СЪѢЗДѢ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЗИКИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА 2—10 ЯНВАРЯ 1902 ГОДА.

Занятія съѣзда продолжались ровно 7 дней, а именно отъ полудня 2-го до полудня 10-го января, причеъ 6-го января вовсе не было занятій. Въ виду столь краткаго срока пришлось по возможности сосредоточиться на одномъ изъ многочисленныхъ вопросовъ, относящихся къ преподаванію физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. По указанію г. попечителя С.-Петербургскаго округа былъ избранъ весьма сложный и многосторонній вопросъ о показываніи опытовъ на урокахъ физики. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, что опытъ долженъ составлять основу всего преподаванія физики, которое безъ этой основы представляется мертвымъ и мало-полезнымъ, вызывающимъ иногда превратныя представленія о явленіяхъ природы, о степени ихъ простоты или сложности, о точности, съ которою провѣряются физическіе законы и такъ далѣе. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно вопросъ о постановкѣ экспериментальной части преподаванія физики составляетъ большое мѣсто въ нашей средней школѣ. Съѣздъ далъ обильный матеріалъ для разъясненія причинъ этого печальнаго явленія. Съ достовѣрностью можно сказать слѣдующее: если центральное управленіе считаетъ нужнымъ поставить надлежащимъ образомъ преподаваніе физики, то эта цѣль можетъ быть достигнута безъ большого труда. Но если инициатива дѣла будетъ предоставлена однимъ преподавателямъ физики, то мало-надежды на успѣхъ. Цѣль тогда только будетъ достигнута, если управленіе округомъ поставитъ рядъ опредѣленныхъ требованій съ точнымъ указаніемъ сроковъ, къ которымъ эти требованія—въ предѣлахъ возможнаго для каждаго частнаго случая—должны быть вы-

полнены. По указанію г. попечителя С.-Петербургскаго округа была составлена небольшая комиссія для выработки плана занятій съезда, а также для руководства этими занятіями во время съезда. Въ работахъ этой комиссіи принимали участіи до открытія съезда: профессоръ И. И. Боргманъ, профес. А. И. Садовскій, приватъ-доцентъ В. В. Лермантовъ, преподаватели: В. Л. Розенбергъ, Б. Ю. Кольбе, Я. И. Ковальскій, Н. С. Дрентельнъ и К. В. Дубровскій. Въ занятіяхъ съезда не могли принимать участія по болѣзни: Н. С. Дрентельнъ и К. В. Дубровскій. Однако Н. С. Дрентельнъ все-таки показалъ 5-го января устройство физическаго кабинета Александровскаго кадетскаго корпуса и находящаеся тамъ, построенные имъ физическіе приборы, а К. В. Дубровскій, еще не оправившись отъ болѣзни, сдѣлалъ 8-го января весьма поучительный и интересный докладъ о своихъ приборахъ. Проф. А. И. Садовскій пріѣзжалъ изъ Юрьева къ засѣданіямъ комиссіи, а также принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ съезда; онъ пріѣхалъ 3-го января и остался до закрытія съезда. Большую работу несли лаборанты А. А. Добіашъ и Ф. Н. Индриксонъ. Своевременно выработанный планъ распредѣленія занятій съезда былъ выполненъ съ весьма небольшими измѣненіями. Добавлены: доклады И. П. Павлова (Вологда, реальн. учил.) объ устройствѣ физическаго кабинета Вологодскаго реальнаго училища и М. П. Кустовскаго (Маріуполь) о постановкѣ практическихъ занятій учащихся въ Маріупольской гимназій; кромѣ того былъ показанъ въ дѣйствиі приборъ Линде для добыванія жидкаго воздуха.

Число участниковъ съезда равнялось шестидесяти. Кромѣ того участвовали нѣкоторые преподаватели другихъ округовъ и вѣдомствъ, имѣвшіе отпускъ только до 6-го января (члены съезда естествоиспытателей и врачей). Общее число лицъ, перебывавшихъ на засѣданіяхъ съезда, доходитъ до 80-ти.

Четыре учительницы физики съ *величайшею аккуратностію* принимали участіе во всѣхъ занятіяхъ съезда.

Въ съездѣ принимали участіе 50 преподавателей Петербургскаго учебнаго округа, остальные принадлежали къ составу другихъ учебныхъ округовъ.

Занятія съезда должны были—въ виду его краткости—отличаться чрезвычайною интенсивностію. Почти ежедневно они происходили съ 10 до 12½ утра, съ 1½ до 4½ часа дня и съ 7-ми иногда до 11 ч. вечера. Въ теченіе 7 дней члены съезда собирались для 24-хъ раз-

личныхъ демонстрацій, лекцій, докладовъ, обсужденій и такъ далѣе, причѣмъ средняя продолжительность каждаго изъ такихъ собраний равнялась двумъ часамъ.

Занятія съѣзда могутъ быть раздѣлены на двѣ группы; первую группу составляютъ занятія, непосредственно относящіяся къ выше-указанному основному вопросу.

А. Занятія съѣзда, относящіяся къ вопросу о правильной постановкѣ экспериментальной части преподаванія физики.

I. *Выставка физическихъ приборовъ.* Въ физическомъ институтѣ С.-Петербургскаго университета была устроена выставка физическихъ приборовъ, занявшая почти весь второй этажъ зданія института. Въ ней приняли участіе слѣдующія фирмы и частныя лица:

1. В. Л. Францонъ, механикъ физическаго института.
2. О. Рихтеръ въ С.-Петербургѣ.
3. Преподаватель В. Л. Розенбергъ.
4. Преподаватель Б. Ю. Кольбе.
5. Преподаватель Я. И. Ковальскій.
6. Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.
7. Фирма „Фоссъ“ въ Варшавѣ.
8. Симонсъ и Гальско въ Петербургѣ и Берлинѣ.
9. А. Эбергартъ въ Петербургѣ (между прочимъ приборы Эрнеке въ Берлинѣ).
10. Гартманъ и Браунъ (Hartmann und Braun) въ Франкфуртѣ.
11. К. Цейссъ (C. Zeiss) въ Иенѣ.
12. М. Коль (Max Kohl) въ Хемницѣ.
13. Гугерсгофъ (Hugershof) въ Лейпцигѣ.

Изъ заграничныя пріѣхали два представителя фирмы М. Коль и по одному отъ Hartmann und Braun и отъ Гугерсгофа.

Члены съѣзда весьма усердно посѣщали выставку, гдѣ постоянно могли получать необходимыя разъясненія и видѣть многіе приборы въ дѣйствиі. Число приборовъ на выставкѣ было весьма велико; одна фирма М. Коля представила почти полную коллекцію приборовъ для физическаго кабинета средняго учебнаго заведенія.

II. На семи утренихъ засѣданіяхъ происходили *демонстраціи наиболее интересныхъ и важныхъ, или новыхъ приборовъ*, болшею частью выбранныхъ самими членами съѣзда. Идея предоставить са-

мимъ членамъ съѣзда выборъ приборовъ оказалась вполнѣ удачною. Демонстраціи сопровождались бесѣдами, указаніями изъ личнаго опыта членовъ съѣзда, и вообще отличались большою оживленностью. Профессоръ А. И. Садовскій, между прочимъ, занялъ одно утреннее засѣданіе, показавъ на блестящемъ рядѣ опытовъ, какъ слѣдуетъ поступать при демонстраціи явленій оптическихъ.

III. *Приватъ-доцентъ В. В. Лермантовъ* прочелъ 5 лекцій (по 1½ часа каждая) о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ приборами и приводить ихъ въ исправность. Это былъ непрерывный рядъ цѣльныхъ указаній, которыя усердно записывались членами съѣзда.

IV. *Отдѣльныя демонстраціи* приборовъ, построенныхъ докладчиками, а именно: В. В. Лермантова (приборы его и В. Л. Францена), В. Л. Розенберга, Б. Ю. Кольбе, Я. И. Ковальскаго и К. В. Дубровскаго.

V. Демонстрація простѣйшихъ манипуляцій *по стекло-дувному искусству*, произведенная г-номъ Майкранцомъ по программѣ, составленной В. В. Лермантовымъ.

VI. *Посѣщенія* физическихъ кабинетовъ перваго реальнаго училища и Александровскаго кадетскаго корпуса. Во время этихъ посѣщеній демонстрировались разные опыты, указывались детали устройства класса и т. п.

В. Другія занятія съѣзда.

I. Были заслушаны и обсуждены доклады:

1. В. В. Лермантова: о цѣляхъ и способахъ элементарнаго преподаванія физики.

2. Я. И. Ковальскаго: о желательномъ соотношеніи между объемомъ учебнаго матеріала и временемъ, необходимымъ для его усвоенія.

3. И. П. Павлова: объ устройствѣ физическаго кабинета Вологодской гимназіи.

Кромѣ того, обсуждался вопросъ о практическихъ занятіяхъ учащихся. М. И. Кустовскій подробно изложилъ, какимъ образомъ эти занятія организованы въ Маріупольской гимназіи, гдѣ они *обязательны* для всѣхъ учащихся.

II. Профессоръ И. И. Боргманъ прочелъ двѣ лекціи: „О радиактивныхъ веществахъ“ и „О жидкомъ воздухѣ“, сопровождавая изложеніе блестящимъ рядомъ опытовъ.

III. Двѣ половины и одно цѣлое вечернее засѣданіе были посвящены обсужденію разнаго рода вопросовъ, относящихся до преподаванія физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ этимъ обсуждениямъ члены сѣзда отнеслись съ большимъ интересомъ, пренія шли весьма оживленно. Члены сѣзда, очевидно, были рады возможности высказать свои желанія. По недостатку времени пришлось предоставить председателю формулировать результаты преній.

I. *Устройство кабинета и класса.* Принимая во вниманіе, что экспериментъ долженъ быть произведенъ на самомъ урокѣ послѣ того, какъ онъ своевременно и тщательно былъ подготовленъ и продѣланъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ показанъ, и что слѣдовательно все, что приготовлено къ эксперименту, должно оставаться нетронутымъ до соответствующаго урока, безусловно необходимо отвести для уроковъ физики особый классъ, рядомъ съ физическимъ кабинетомъ. Этотъ классъ долженъ быть вполнѣ приспособленъ къ производству физическихъ экспериментовъ, т. е. въ немъ долженъ находиться столъ, устроенный для этой цѣли, и экранъ для проектированія; гдѣ это возможно, должны быть проведены вода, газъ и электричество, и должна быть дана возможность затемнить классъ. Скамейки должны быть расположены амфитеатромъ. Рядомъ съ этимъ классомъ должна находиться особая пренаровочная, снабженная небольшимъ токарнымъ станкомъ по металлу, столярнымъ и слесарнымъ верстаками, небольшимъ горшомъ, паяльнымъ столомъ, необходимымъ къ нимъ наборомъ соответственныхъ инструментовъ и т. п.

При физическомъ кабинетѣ долженъ состоять особый служитель грамотный и, если возможно, знакомый со слесарнымъ дѣломъ.

Классъ, а также и служитель должны, во всякое время, быть въ полномъ распоряженіи преподавателя физики. Желательно, чтобы окна класса выходили на югъ. При кабинетѣ должна находиться маленькая библіотечка изъ справочныхъ книгъ, учебниковъ, нѣкоторыхъ журналовъ по физикѣ и т. д.

Весьма желательно, чтобы при кабинетѣ находилась маленькая метеорологическая станція, въ которой велись бы правильныя наблюденія самими учащимися, а также телескопъ для наблюденія звѣзднаго неба.

2. *Единовременныя и ежегодныя расходы на физическій кабинетъ.* Цѣна всѣхъ приборовъ, указанныхъ въ „Нормальномъ спискѣ и т. д.“, составленномъ С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ согласно предложенію г. министра народнаго просвѣщенія отъ 19-го мая 1898 г.

за № 11745 (С.-Петербургъ 1899 г.), опредѣляется суммою отъ 6000 до 6500 рублей. Таковая сумма и должна быть затрачена (въ точеніе трехъ лѣтъ) при устройствѣ новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Для приведенія неблагоустроенныхъ кабинетовъ къ надлежащей нормѣ, слѣдовало бы ассигновать необходимую сумму въ теченіе возможно непродолжительнаго срока. Для ремонта и пополненія удовлетворительно устроенныхъ физическихъ кабинетовъ необходима ежегодная сумма въ 500 руб. Весьма желательно, чтобы таковой расходъ былъ разъ на всегда установленъ.

3. *Добавочное вознагражденіе преподавателю* за приготовленіе опытовъ, требующее, вообще, большой затраты времени, если его вести добросовѣстно, а также за завѣдываніе физическимъ кабинетомъ, могло бы равняться 45 руб. за годовой урокъ физики (миѣніе коммисіи, работавшей въ 1900 году подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго съѣздомъ).

4. *Выписка приборовъ.* Въ высшей степени желательно и для интересовъ казны необходима отмѣна постановленій объ обязательной выпискѣ приборовъ отъ русскихъ фирмъ. Оказывается, что сколько-нибудь цѣнные и точные приборы не изготовляются русскими фирмами, но выписываются изъ заграницы. Перѣдко при этомъ сохраняются даже клеймо заграничной фирмы. Если бы учебныя заведенія имѣли право безплатно выписывать приборы изъ заграницы, то ихъ стоимость уменьшилась бы на 40 и даже на 50%. Весьма справедливо и замѣчательно все то, что говорится на стр. 5 и 6 введенія къ вышеупомянутому „Нормальному списку“ (рекомендованному ученымъ комитетомъ); здѣсь въ интересахъ преподаванія... „рекомендуется основныя и измѣрительныя инструменты... заказывать непосредственно заграницей“.

5. *Распределеніе 9-ти уроковъ по тремъ классамъ.*

За распределеніе 3—3—3	высказались	24 голоса;
„ „ 2—4—3	„	12 голосовъ;
„ „ 2—3—4	„	4 голоса.

6. *Распределеніе матеріалы по классамъ.* Съѣздъ остановился на такомъ распределеніи:

V классъ: общія свойства тѣлъ, ученіе о силахъ, простыя машины, всемірное тяготѣніе и тяжесть, ученіе о тѣлахъ твердыхъ, о жидкостяхъ и о газахъ (ученіе о звукѣ).

VI классъ: (ученіе о звукѣ); теплота, магнетизмъ, электричество статическое, электрический токъ.

VII классъ: оптика, ученіе о движеніи, ученіе объ энергіи; повтореніе курса съ дополненіями.

Ученіе о звукѣ можетъ быть, по усмотрѣнію преподавателя, отнесено къ V или къ VI классу; преподавателю должна быть предоставлена большая свобода при выборѣ тѣхъ вопросовъ, рассмотрѣніе которыхъ онъ сочтетъ нужнымъ отложить до „повторенія всего курса съ дополненіями“ въ послѣднемъ классѣ.

7. *Рѣшеніе задачъ по физикѣ.* При прохожденіи курса физики непременно слѣдуетъ упражнять учениковъ въ рѣшеніи задачъ. При правильномъ веденіи такихъ упражненій, задачи, представляя примѣненіе теоретическихъ знаній курса физики къ рѣшенію вопросовъ обыденной жизни и къ выясненію окружающихъ насъ явленій природы, содѣйствуютъ окончательному усвоенію теоріи, болѣе глубокому пониманію физическихъ законовъ, ясному представленію о сущности явленій, приобрѣтенію и укрѣпленію въ памяти нѣкоторыхъ числовыхъ данныхъ, характеризующихъ свойства тѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ попутно развиваютъ умѣнье пользоваться теоретическими знаніями и навыкъ ориентироваться въ совокупности нѣсколькихъ явленій. Рѣшеніе задачъ по физикѣ, однако, ни въ какомъ случаѣ не должно быть простымъ упражненіемъ по математикѣ.

8. *Практическія упражненія учащихся.* Этотъ интересный вопросъ обстоятельно обсуждался съѣздомъ. Между прочимъ М. И. Кустовскій сообщилъ списокъ примѣрно 50-ти упражненій, годныхъ для средней школы. По мнѣнію съѣзда:

Практическія занятія по физикѣ должны быть для учащихся обязательны (въ Мариупольской гимназій они обязательны).

Устройство практическихъ занятій для желающихъ должно быть *обязательнымъ* для каждаго средняго учебнаго заведенія при слѣдующихъ условіяхъ:

- а) Занятія устраиваются во внѣклассное время, на примѣръ, вечеромъ.
- б) На каждаго ученика должно приходиться одно двухчасовое занятіе въ каждыя двѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, три недѣли.
- в) Преподаватель не обязанъ вести эти занятія болѣе, чѣмъ въ теченіе *шести часовъ* еженедѣльно.
- г) На первоначальное устройство и на веденіе практическихъ за-

нѣтій должны быть ассигнованы необходимыя (впрочемъ небольшія) средства.

д) Каждый годовой часъ веденія практическихъ занятій, требующаго большаго труда, оплачивается какъ годовой урокъ.

9. *Учебники.* Сѣздъ считаетъ необходимымъ, чтобы условія, которыми нынѣ обязательно должны удовлетворять учебники физики, и которыя были указаны въ объявленіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, напечатанномъ въ „Прив. Вѣстникѣ“ отъ 20 марта 1899 года, нашли бы скорѣйшее повсемѣстное примѣненіе. Прежніе „толстые“ учебники должны быть замѣнены новыми, удовлетворяющими по своимъ размѣрамъ первому изъ вышеупомянутыхъ условій. Весьма необходимо, чтобы эта замѣна совершилась и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ имѣется интернатъ, и начальство которыхъ продолжаетъ выдавать своимъ питомцамъ изъ библіотеки толстые учебники, хотя бы преподаватель пожелалъ ввести учебникъ краткій, напримѣръ, замѣнить старый учебникъ Красвича новымъ (краткимъ).

В. Разнаго рода дополнительныя свѣдѣнія.

1. Трудно описать, съ какимъ интересомъ большинство членовъ сѣзда слѣдили за занятіями. Послѣ окончанія ряда демонстрацій, докладовъ и т. д. оставались въ аудиторіяхъ группы, продолжавшія разсиранивать докладчика, осматривать детали приборовъ, и т. д. Когда вечернія занятія оканчивались въ 11 часовъ, многіе оставались въ аудиторіи до перваго часа ночи.

2. Завтраками и обѣдами въ коллегіи Императора Александра II пользовались многіе члены сѣзда. П. П. Барсовъ и въ особенности студентъ Э. Я. Перна принимали дѣятельное участіе въ организаціи этого дѣла.

3. Пятьдесятъ четыре члена сѣзда съ благодарностью воспользовались билетами въ Александринскій театръ. Шесть билетовъ были возвращены въ кассу.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, а также все то, что въ частныхъ разговорахъ мнѣ было сообщено членами сѣзда, въ особенности послѣ его закрытія, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Члены сѣзда провели время съ величайшею для себя пользою. Они прониклись убѣжденіемъ, что отнынѣ физика будетъ поставлена на подобающее ей мѣсто среди другихъ предметовъ средней школы.

Они поняли, какое огромное значеніе имѣеть экспериментальная часть преподаванія физики, и что отъ нихъ теперь ожидается усиленная и настойчивая въ этомъ направленіи работа.

2. Съездъ далъ преподавателямъ обильный и разносторонній матеріалъ для того, чтобы взяться за эту работу, и они не замедлятъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, если только имъ будетъ дана возможность, т. е. если они встрѣтятъ сочувствіе и поддержку у ближайшаго начальства.

3. Съездъ произвелъ на участниковъ освѣжающее и ободряющее дѣйствіе. Многократно и настойчиво высказывалось желаніе, чтобы такіе съезды повторялись чаще.

4. Причины крайне неудовлетворительной постановки экспериментальной части преподаванія физики во многихъ учебныхъ заведеніяхъ заключаются въ слѣдующемъ:

а) Недостаточное вознагражденіе, заставляющее преподавателей давать очень большое число уроковъ и не дающее имъ возможности посвящать необходимое время для добросовѣстнаго приготовленія опытовъ.

б) Недостатокъ сочувствія со стороны директоровъ, нежелающихъ тратить средства, удѣлять мѣсто и т. д. для физики.

Ф. Хвельсонъ.

С.-Петербургъ,
январь 1902 г.

отвѣтить на этотъ вопросъ, разумѣется, трудно. По замѣчанію Фуртвэнгера, сущность и культъ Афѣя „всецѣло коренятся въ микинской эпохѣ“. Но это только усложняетъ дѣло, такъ какъ микинскій культъ остается намъ до сихъ поръ не выясненнымъ ¹⁾. Къ тому же, мы не знаемъ, почиталась ли дѣйствительно Афѣя на Эгинѣ и въ микинское время ²⁾. Пока приходится довольствоваться, какъ положительнымъ результатомъ, лишь тѣмъ, что новая эгинская надпись, несомнѣнно, подтвердила существованіе на Эгинѣ, уже въ сравнительно раннее время, культа Афѣя, какъ божества самостоятельнаго.

С. Жебелевъ.

¹⁾ Если не считатьъ съ теоріей Рейхеля, Ueber vorhellenische Götterkulte, 52, въ силу которой въ микинскую эпоху былъ культъ незримыхъ божествъ и культовыхъ изображеній не существовало.

²⁾ Приводимыя Фуртвэнгеромъ (ук. ст. 380) въ пользу этого археологическія данныя далеко не убѣдительны и, какъ пока не изданныя, нами, во всякомъ случаѣ, въ соображеніе не могутъ быть приняты.

Ut igitur omittam minus recte aut scriptas aut lectas esse litteras quasdam in vv. 777, 778, 782, 784, 787, 791, in quibusdam aliis versibus quin in papyro alia et haud scio an meliora legantur atque quae in textu quem vocant recepto sunt, non est dubium. Primum enim v. 777 est *κωανέιο δι' αἰθέρος*, non *ἡέρος*, quod ex *ἡέρος* cod. A restituerunt. Quamquam autem Apollonius saepe dicit *δι' ἡέρος*, ut l. II v. 684, 933, 1034, l. III v. 1358, 1379, l. III v. 968, 1171, 1287, tamen sicut l. III v. 1383 dicit *ἀνέχοντας ἐς ἡέρα*, sed l. I v. 258 *ἐς αἰθέρα χεῖρας ἄειρον*, ita hic quoque potuit dicere *δι' αἰθέρος*. *Κωανέιο* epitheto, ad quod scholiasta adscribit *νῦν λαμπροῦ*, ne quis offendatur, legit l. III v. 1379, ubi est *σκοτίο δι' ἡέρος* idemque ad l. III v. 1170 adnotat *φύσαι γὰρ ὄντα σκοταίνον τὸν ἀέρα τοῖς φωτισμοῖς ἐλάμπρουνεν*. Deinde v. 781 quae reliqua sunt in papyro, docent librarium scripsisse *κατὰ στίβον*, quod usitatus est apud Apollonium, cum semel tantum praeter hunc versum legatur *ἀνά στίβον*, l. III v. 47, *κατὰ στίβον* autem l. I v. 1253, l. III v. 1218, 534, 927. Quid ante *κατὰ* scripserit, fortasse inde repetendum, quod est in eo ipso versu, quem modo attuli. Hic enim legitur *ἔσχε δὲ τις πεδίοιο κατὰ στίβον ἐγγόθι νηοῦ αἴγειρος*. Denique v. 786 non est dubium quin *θύρας*, quod est in papyro, rectius sit quam *πόλας*. Aedium enim ianuae ab Apollonio semper *θύραι* vocantur, ut l. III v. 44, 645, l. III v. 41, *πόλαι* autem portae oppidorum, ut l. I v. 634, 782, 844, 1051, l. III v. 216, 159.

Neque vero quae in adversa pagina papyri supersunt, ullo modo expodire possum. Hoc fieri posse crediderim, v. 9 ut *ακανασσρατ* ad *Καναστραίην*, quod l. I v. 599 legitur, referatur. Quod autem v. 1 editores Angli legunt *Ἀρμόδιον*, fortasse non est nimiae audaciae suspicari legendum esse *ἀρμόδιον*, quo vocabulo scholiasta Apollonii utitur ad l. I v. 1003, cum dicit *ἡ παραβολὴ πρὸς πάντα ἀρμόδιος καὶ ὑγιής*, ad v. 882 autem *ἡ παραβολὴ οὐχ ὑγιής οὐδ' εἰς πάντα ἀρμόζεται*.

Georgius Schmid.

Kal. Maii a. MCMII.

ПО ПОВОДУ КНИГИ А. В. НИКИТСКАГО „ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ГРЕЧЕСКИХЪ НАДПИСЕЙ“.

1. А. В. Никитскій различаетъ *священную землю* Аполлона Писойскаго отъ земли *дельфійцевъ*. Поводъ къ тому даетъ надпись *Dialekt-inschr. II, 2672*, надпись, изданная самимъ г. Никитскимъ въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884, XI. — Аристарху сыну Этоліона Киферейцу, Этолійскому попечителю Дельфъ, дается отъ города дельфійцевъ, между прочимъ, ἐπινομία ἐν τῇ Δελ[φῶν] τῶν ἅπαντα χρόνων. Стаматакисъ дополняетъ — φῶν πόλει, Баунакъ разумѣтъ также πόλει. А. В. Никитскій говоритъ, что мѣста тамъ нѣтъ для πόλει. „Въ текстѣ и не должно было быть слова πόλει, и подразумѣвать нужно во всякомъ случаѣ или γᾶι или χῶραι. Иначе было-бы сказано прямо ἐν Δελφοῖς. Здѣсь очевидно нужно было обозначить городскую область, которую дельфійцы обязаны были отличать отъ τῆς ἱερᾶς χῶρας или γᾶς. Распоряжаться послѣдней могли только амфиктіоны, какъ это извѣстно изъ амфиктіоновскихъ декретовъ 380 года (*Dial. Inschr. 2501*), 178—7 (2536) и другихъ. Стоящее въ нашемъ декретѣ выраженіе является именно наиболѣе подходящимъ къ ἐπινομία, т. е. *ius pascui, le droit de pâturage*, какъ всѣми, кажется, понимается терминъ ἐπινομία (стр. 58)“. Принимаемъ дополненіе г. Никитскаго, принимаемъ, что Аристарху дается право пастбища въ городской области дельфійцевъ. Но, по нашему мнѣнію, городская область дельфійцевъ и есть то же самое, что священная земля; дельфійцы могли, въ нѣкоторой мѣрѣ, распоряжаться своею, священной, землею; дельфійцы управляли своею землею, какъ управляли и самимъ храмомъ Аполлона; амфиктіоны также распоряжались, или управляли храмомъ и святищею и всею священной или дельфійскою землею, въ опредѣленной мѣрѣ, до нѣкоторой степени.

Къ убѣжденію, что священная земля Аполлона пнѣйскаго и земля дельфійцевъ была однимъ и тѣмъ же, что вся городская территория Дельфъ считалась священной землею Аполлона, привела меня знаменитая надпись monument bilingue de Delphes Вешера. Въ ней амфиктіоны около 116 года до Р. Хр. устанавливають границы священной дельфійской земли по авторитету Манія Ацилія главнокомандующаго и сената, ex auctoritate M'.Acili et senatus, какъ это выражено въ посредническомъ опредѣленіи Г. Авидія Пигрина, легата императора Траяна, о границахъ между дельфійцами и антикирцами съ одной стороны, съ востока, между дельфійцами, амфиссейцами и міанійцами съ другой стороны, съ запада. Авидій Пигринъ говоритъ, что спорящіе города, дельфійцы, антикирцы, амфиссейцы, міанійцы согласны остаться при тѣхъ границахъ, какія опредѣлены амфиктіонами ex auctoritate M'.Acili et senatus, но затрудняются приурочить топографическія названія, упоминаемыя въ амфиктіоновскомъ опредѣленіи. Легатъ вмѣстѣ съ депутатами спорившихъ городовъ обошелъ и опредѣлялъ границы дельфійцевъ; въ актъ перечислены разныя мѣстности, служившія для обозначенія границъ. Границы опредѣлены съ востока и съ запада; сѣверную границу запералъ Парнассъ, южную опредѣляло море. Опредѣленіе амфиктіоновъ, на которое ссылались города при Траянѣ, найдено Вешеромъ. Въ немъ перечислены племена амфиктіоновъ, приводятся голосованія амфиктіоновъ. Амфиктіонія является въ древнемъ составѣ, восстановленномъ Маніемъ Ациліемъ, съ исключеніемъ этолійцевъ. Положимъ, около 120 года, черезъ 70 лѣтъ послѣ Манія Ацилія, возникли несогласія между амфиктіонами по разнымъ вопросамъ, касавшимся дельфійской святыни и даже устройства Амфиктіоніи. Амфиктіоны со всѣми этими своими пустынями (περὶ τῆς ἐν Δελφοῖς οἰκῆς) обратились къ верховному владыкѣ—къ римскому сенату. Сенатъ въ такихъ дѣлахъ держался правила: что рѣшено бывшимъ на мѣстѣ римскимъ главнокомандующимъ, то должно оставаться въ силѣ, безъ всякихъ перемѣнъ. Консулы (вѣроятно, 116 года; сохранилось имя консула Г. Лицинія сына Марка) и сенатъ отвѣчали амфиктіонамъ: „ваши послы говорили о судебныхъ комиссіяхъ и распредѣленіи голосовъ амфиктіоновъ (περὶ τῶν κριτηρίων καὶ φήρων τῶν Ἀμφικτιόνων). Объ этомъ постановлено отвѣчать: мы не считаемъ нужнымъ что-либо отнимать или давать“ (οὐδὲν οὔτε ἀφαιρεῖσθαι οὔτε δίδοναι νομίζομεν); далѣе слѣдовало, конечно: „сверхъ или кромѣ того, что рѣшено Маніемъ Ациліемъ“. Такъ въ надписи, недавно изданной (Bulletin de Corr. Hell. XVIII, XXIV, p. 103): въ этомъ обломкѣ находится

рѣшеніе сената ex auctoritate M'. Acili. Точно также сенатъ рѣшаетъ въ Нароакійскомъ сенатусконсултѣ В. В. Латышева, въ спорѣ о границахъ между Мелитеею и Нароакіемъ. Мелитейцы ссылаются на нѣсколько древнихъ рѣшеній разныхъ ессалійскихъ правительствъ, нароакійцы на рѣшеніе главнокомандующаго Т. Квинкція Фламинина. Сенатъ отвѣчаетъ: „что рѣшено по законамъ, которые далъ Т. Квинкція консуль, то должно имѣть силу, какъ рѣшено: неудобно отмѣнять то, что рѣшено по законамъ“ (ἅσα κερχρμένα ἐστὶν κατὰ νόμους οὗς Τίτος Κοῖχτιος ὑπάτος ἔδωκεν, ταῦτα καθὼς κερχρμένα ἐστὶν οὕτω δοχεῖ κήριζ εἶναι δεῖν· τοῦτο δὲ μὴ εὐχερέс εἶναι, ἅσα κατὰ νόμους κερχρμένα ἐστὶν ἄχора ποιεῖν).—Итакъ, амфиктіоны въ 116 году опредѣлили такія границы, какія назначилъ Маній Ацилій. А Маній Ацилій въ 191 году прибавилъ къ области дельфійской участокъ земли; такъ сказано въ той же надписи Вешера: ἐντὸс τοῦτων ὀρίων χωρά [ἐστὶν ἧ] καλεῖται Νάτεια γεωργουμένη, ἧν Μάνιος Ἀχιλίος τῶι Θεῶι [δὲ]δωκε.—Превосходнымъ, подробнѣйшимъ изслѣдованіемъ надписей А. В. Никитскій доказалъ, что община Πλυγόνειον была присоединена къ Дельфамъ; присоединена, вполнѣ вѣроятно, Ациліемъ. См. статью о Плигонейцахъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900, октябрь. Г. Никитскій склоненъ помѣстить Плигонію восточнѣе отъ Натіи; древніе помѣщаютъ Φλυγόνιον въ Фокидѣ; Натія, по надписи, какъ будто въ со-сѣдствѣ съ землею Амфиссы. Итакъ, Ацилій далъ дельфійцамъ участокъ или два участка земли. Плигонейцы послѣ присоединенія къ Дельфамъ являются въ надписяхъ дельфійскими гражданами. Натію даетъ Ацилій богу. Г. Никитскій ставитъ вопросъ о тождествѣ Натіи и Плигонія; во всякомъ случаѣ устанавливаетъ тождество участи Натіи и Плигонія: оба участка присоединены къ Дельфамъ. Итакъ, совершенно ясно, что земля дельфійцевъ есть земля бога. Да и самъ г. Никитскій невольно употребляетъ такія выраженія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что земля бога, священная земля, дельфійская городская область одно и то же. „Установленіе границъ дельфійской священной области“ — Плигонейцы стр. 27.

Въ темное, отдаленное время киррейской священной войны амфиктіоны посвятили богу свою землю до моря и наложили на нее заклятье, чтобы она никакъ не была обрабатывасма (ἐπὶ πάσῃ ἀεργία). И мы видимъ, границы дельфійцевъ съ антикирцами и амфиссейцами доходятъ до моря. Весь старинный дельфійскій священный округъ не могъ быть обрабатываемъ. Но новые участки, присоединенные Ациліемъ, не были подъ древнею клятвою: Νάτεια была γεωργουμένη χώρα.

На священной дельфійской землѣ можно было пасти стада. Были стада бога, были и частныя. Изъ священной земли было отдѣлено пространство для пастбища коровамъ и лошадамъ, принадлежавшимъ святынь (τὰς ἱερὰς χώρας ὑπάρχειν τόπον ταῖς ἱεραῖς βόοις καὶ ἵπποις καταλελειμμένον), остальная земля предоставлялась для τὰ ἰδιωτικὰ θέρμματα (2536). Дельфійцы, конечно, брали съ Аристарха плату за пастбище; они только дали ему право пастбища на дельфійской землѣ, которую они могли безразлично называть ἡ Δελφῶν или ἱερὰ χώρα. — Замѣчательно, что въ надписи Вешера амфиктіоны нѣсколько разъ повторяютъ, что въ документахъ дельфійской святыни не нашлось никакихъ записей о *пашити* и *пастбища*. Въ 116 году дѣло шло о возвратѣ дельфійской святыни растроченныхъ или задержанныхъ доходовъ. Амфиктіоны относительнымъ большинствомъ голосовъ рѣшаютъ, какую сумму внести въ храмъ въ возмѣщеніе онсавра (при чемъ голоса племени сильно раздѣлились); а потомъ поставили вопросъ о возмѣщеніи сборовъ за пастбища и приняли къ вышепомянутаго результату. По сравненію № 2536 съ надписью Вешера можно заключить, что святыня Аполлона не налагала никакой платы за пользование пастбищами на священной землѣ; запрещалось только пасти стада на пространствѣ, отдѣленномъ для стадъ храма. Очевидно, сборъ за пастбища со всей остальной священной земли поступалъ въ пользу дельфійской казны. Изъ доказательство того, что только амфиктіоны распоряжались священной землею, А. В. Никитскій приводитъ надписи 380 года (2051), 178—177 года (2536) и *другія* (Эти другія, конечно, не будутъ противорѣчить моимъ выводамъ изъ двухъ названныхъ). Какъ распоряжались амфиктіоны священной землею? Амфиктіоны были представителями всей или почти всей Греціи; они не вмѣшивались въ подробности управленія священной землею. Они защищали святыню отъ оскорбленій и насилій. Изъ декретѣ 178 года они, какъ мы видѣли, только отдѣляютъ, такъ сказать, резервацію для священныхъ стадъ и не назначаютъ сбора съ ἰδιωτικὰ θέρμματα. Въ декретѣ 380 года они опредѣляютъ, что на время праздника посѣтители святыни или богомольцы могутъ 30 дней бесплатно жить въ зданіяхъ, принадлежащихъ храму. Подобнаго общегреческаго значенія и другія постановленія акта 380 года. Иеромнимоны обходятъ священную землю, смотря, чтобы никто не обрабатывалъ ее, назначается штрафъ за каждый обработанный *πέλεθρον* (10,000 кв. футовъ), нельзя возить навозъ на священную землю, нельзя ставить ни мельницы, ни ступы (ручной или маленькой мельницы — *δύμον*). Все

остальные угрозы, всё сборы относятся къ амфиктионовскимъ племенамъ, а не къ дельфійцамъ. Амфиктионы собираютъ сообща, съ племень, деньги на Пиеи (φόρον), на украшеніе статуи Амфиктиона, на принесеніе ему въ жертву быка, собираютъ жертвенныхъ животныхъ, заботятся о ремонтѣ храма, двора, стадія (δρόμος), источника и др. передъ каждымъ Пиеійскимъ праздникомъ. †Амфиктионы обязуются давать дельфійцамъ по отчинѣ—что то такое, какую то сумму, или какія либо доли мяса жертвенныхъ животныхъ (κατὰ κάρια δίδόντων τοῖς Δελφοῖς).

Однимъ словомъ, амфиктионы распоряжались такъ, что нисколько не мѣшали дельфійцамъ и не отягощали ихъ, а, напротивъ, помогали имъ. Безъ сомнѣнія, Амфиктионія была въ высшей степени выгодна дельфійцамъ своимъ существованіемъ, своими заботами. Дельфы были религіознымъ центромъ Эллады, по крайней мѣрѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ религіознаго единенія.

Итакъ, дельфійцы не могли воздѣлывать свою землю, не могли имѣть ни хлѣбныхъ полей, ни виноградниковъ, ни масляныхъ плантацій, ни мельницъ. Но ихъ земля почти вся—голая скала. Чѣмъ-же они жили?

„Чѣмъ мы будемъ здѣсь жить?“ спрашиваютъ у Аполлона критяне, которыхъ онъ привелъ въ Дельфы. Аполлонъ отвѣчаетъ: „Глупые, вамъ нужно будетъ только держать въ правой рукѣ ножъ и закалывать жертвенныхъ животныхъ, которыхъ въ изобиліи будутъ вамъ приводить знаменитыя племена человѣческія. Берегите храмъ, принимайте племена человѣческія, какія будутъ здѣсь собираться, стремиться ко мнѣ. А если будетъ какое дерзкое слово, или дѣло, или насиліе, какое бываетъ между людьми, то другіе будутъ вашими повелителями, и вы по необходимости будете имъ покорны“. Мною давно было высказано мнѣніе, что гомеровскій гимнъ Аполлону, какъ, вѣроятно, и всё прочіе гомеровскіе гимны, сочиненъ въ концѣ VI вѣка. Прежде всего о гомеровскомъ гимнѣ Аполлону прямо сказано въ схолияхъ на Пиндара, что авторъ его Кинеозъ Хиосскій рапсодировалъ Гомера въ Сиракузахъ въ 504 году.—Въ приведенныхъ выше послѣднихъ стихахъ гимна, несомнѣнно, предсказывается Киррейская война.—Что сказано въ гимнѣ о киррейцахъ или, лучше сказать, о прежнихъ жителяхъ Дельфъ до войны начала VI вѣка, то относится и къ дельфійцамъ послѣ этой войны.

Дельфійцы жили не одними подачками амфиктионовъ, а постояннымъ наплывомъ эллиновъ, торговлею. Еслибы жителямъ Гамбурга

запретили пахать и уваживать ихъ городскую территорію, запретили строить на ней мельницы, они не много бы потеряли.

Такое запрещеніе наложено было амфиктіонами на всю дельфійскую землю до моря послѣ покоренія и уничтоженія Кирры, или еще до оконченія войны, если вѣрить анекдотическимъ рассказамъ позднихъ авторовъ. Эсхинъ говоритъ, что амфиктіоны пошли противъ киррейцевъ и акрагаллидовъ, нечестивѣйшихъ родовъ—*γένη παρανομώτατα*. Аристотель вычиталъ въ документахъ дельфійскихъ, что взятіе Кирры и первый пноійскій праздникъ были при архонтѣ Гилидѣ въ Дельфахъ. Значитъ, дельфійская община, *πόλις*, существуетъ во время самой войны противъ Кирры.—Разумѣеть-ли поэтъ гимна въ стихахъ

ἄλλαι ἔπειθ' ὑμῖν σημαντορες ἄνδρες ἔσονται,
τῶν ὑπ' ἀναγκαίῃ δεδμησέσθ' ἤματα πάντα

власть амфиктіоновъ въ Дельфахъ?

Въ VI столѣтїи до Р. Х. Дельфы являютъ независимую общиною или городомъ Эллады, такимъ-же какъ другіе города. Всѣмъ извѣстенъ рассказъ Геродота о Крезѣ. Крезъ спросилъ, сколько гражданъ дельфійскихъ, и подарилъ на каждого (взрослаго) мужчину по два золотыхъ статира. Дельфійцы дали за это Крезу и лидійцамъ промалтію и ателію и проедрію и на вѣчныя времена право каждому желающему изъ нихъ стать дельфійскимъ гражданиномъ. Черезъ четьреста лѣтъ дельфійцы возобновляютъ *эти самыя преимущества* сардіанцамъ, говорятъ, что эти права даны съ древняго времени сардіанцамъ (*ἐκ παλαιῶν χρόνων—τὰν δεδομέναν ἐξ ἀρχᾶς παρὰ τὰς πόλιος τὰς Δελφῶν προμαντεῖαν καὶ ἀτέλειαν καὶ προεδρίαν*. 2645). Мы видимъ, дельфійцы могутъ жаловать право почетной очереди обращенія къ оракулу. Въ 548 году сгорѣлъ храмъ. Амфиктіоны опредѣлили 300 талантовъ на возобновленіе храма и четвертую часть этой суммы наложили на дельфійцевъ. Дельфійцы повинуются, точно также какъ въ IV вѣкѣ.—Мы узнали изъ надписей, найденныхъ французами, что въ IV вѣкѣ опять происходило построеніе храма (Помтовъ догадывается, что былъ опять пожаръ; или землетрясеніе 373 г.?). амфиктіоны опять наложили часть издержекъ на дельфійцевъ, и дельфійцы опять повинуются (*ἐπέταξαν οἱ ναοποιοὶ πάντες τῆι πόλι τῶν Δελφῶν ἀργύριον δόμεν*. 2502). *Ναοποιοί* поставлены амфиктіонами; въ числѣ этихъ строителей храма были и дельфійцы. Очевидно, амфиктіоны считали справедливымъ, чтобы дельфійцы несли часть издержекъ на построеніе храма, такъ какъ храмъ доставлялъ своимъ существованіемъ неисчислимыя вы-

годы дельфійцамъ. Жязьп дельфійскоѣ общины поддерживалась святынею Аполлона пріойскаго.—Въ VI вѣкѣ дельфійцы собирали подаянія во всемъ греческомъ мірѣ, чтобы внести на построение храма эту паломленную на нихъ четвертую часть; выпросили денегъ и у жившихъ въ Египтѣ грековъ.

Дельфійцы сами участвовали въ амфиктіоновскомъ союзѣ: они имѣли также два голоса, какъ и другія племена. Замѣчательна исторія этого познанія въ наукѣ. Ученые долгое время, до Вешера, полагали, что Дельфы были подъ покровительствомъ Амфиктіоніи, что дельфійцы были въ зависимости отъ амфиктіоновъ, но никакъ не могли себѣ представить, чтобы дельфійцы были равноправны съ прочими амфиктіоновскими племенами, чтобы дельфійцы были въ числѣ амфиктіоновскихъ племенъ. У древнихъ авторовъ сохранились три перечня амфиктіоновскихъ племенъ,—всѣ три неполные. Въ двухъ перечняхъ дельфійцы пропущены, въ третьемъ, историка Теопомпа, приведенномъ въ лексиконѣ Арнократіона, упомянуты. Ученые полагали, что въ перечнѣ у Арнократіона ошибка. Вешерь въ 1865 году нашелъ списки амфиктіоновъ въ надписяхъ II вѣка, и тамъ являются дельфійцы какъ членъ Амфиктіоніи. Ученые стали говорить, что дельфійцы получили свои два амфиктіоновскіе голоса въ позднее время. Но въ II вѣкѣ Ациліемъ былъ возстановленъ древній,—до-этолійскій составъ Амфиктіоніи. И вотъ найдены надписи IV вѣка, и въ нихъ дельфійцы также имѣютъ два голоса. Теопомпъ, конечно, не могъ ошибиться относительно состава Амфиктіоніи его времени. Теперь французскіе ученые съ полною увѣренностью утверждаютъ, что дельфійцы получили два голоса только въ 346 году, когда Филиппъ разгромилъ фокейцевъ и окончилъ Священную войну. Мы видѣли, какое тождество отношенія Амфиктіоніи къ Дельфамъ въ дѣлѣ построения храма въ VI вѣкѣ, по Геродоту, и въ IV, по надписи 2502. Въ этой надписи дельфійцы являются въ числѣ *καποίων* и раньше 346 года. Очевидно, дельфійцы имѣли свои два амфиктіоновскіе голоса раньше 346. Вполнѣ вѣроятно, что уже въ VI вѣкѣ составъ Амфиктіоніи былъ такой же, какъ въ IV, и какъ въ 116 году, и что дельфійцы и въ VI вѣкѣ имѣли два амфиктіоновскіе голоса.

Надпись *Λαβιάδωζ*, о которой г. Никитскій написалъ особое прекрасное изслѣдованіе, относится, по мнѣнію Баунака, къ началу IV вѣка; по мнѣнію Омолла, съ которымъ, кажется, согласенъ А. В. Никитскій, скорѣе къ концу V вѣка. Въ надписи упоминается, что постановленіе *Λαβιάδωζ* состоялось „со 182 голосами“—*σὺν ψήφοις ἑκατὸν ὀγδοήκοντα*

δοῖν. Это выраженіе напоминаетъ обычную формулу дельфійскихъ декретовъ—*οὐν φάφοις ταῖς ἐννόμοις*. Если даже мы примемъ, что въ собраніи участвовало всего 182 Лавіады, конечно, взрослыхъ мужчинъ, отцовъ семействъ, то это весьма значительная цифра. Есть древнѣйшая надпись, на сто лѣтъ древнѣе этой, конца VI или начала V вѣка, въ которой упоминается комиссія пятнадцати Лавіадовъ—1683 (въ IV вѣкѣ во главѣ дельфійскаго совѣта являются пятнадцать человекъ—2502). Г-нъ Никитскій и другіе ученые согласны въ томъ, что Лавіады фратрія, а не родъ. Но все таки является значительное многолюдство Лавіадовъ, и слѣдовательно тѣмъ болѣе дельфійцевъ. Цифра 182 Лавіада, какъ и всѣ другія цифры, сохранившіяся отъ V и IV вѣковъ, показываютъ многолюдство и силу Эллады въ ея лучшее время. Дельфы были многолюднымъ и, конечно, не бѣднымъ городомъ.

Въ срединѣ V вѣка была также Священная война, „такъ называемая священная война“, говоритъ Оукидидъ. Около 448 года состоялся походъ лакедемонянъ въ Дельфы. „Овладевъ святынею чтѣ въ Дельфахъ, лакедемоняне передали ее дельфійцамъ: когда они ушли, аонняне пришли войскомъ и, овладевъ, передали фокейцамъ“. Такъ кратко Оукидидъ. Въ это время фокейцы были подвластными союзниками аоннянъ, и аоннянамъ было выгодно, чтобы Дельфы были въ фокейскомъ союзѣ. Но власть аоннянъ на материкѣ Эллады скоро миновала, и имъ не было болѣе интереса противиться полной независимости Дельфъ. Въ перемиріи 423 года первая статья гласитъ: „О святынѣ и прорицалищѣ Аполлона пивійскаго постановляемъ, чтобы всякій желающій пользовался безъ коварства и безъ обмана по отческимъ законамъ“. По Никіеву миру въ 421 году была признана независимость Дельфъ. „Святыня и храмъ Аполлона, чтѣ въ Дельфахъ, и дельфійцы независимы и въ законахъ, и въ податяхъ, и въ судахъ, и относительно земли ихъ по отчинѣ“—*τὸ ἱερόν καὶ τὸν νεὸν τὸν ἐν Δελφοῖς τῷ Ἀπόλλωνος καὶ Δελφοῦς αὐτόνομους εἶναι καὶ αὐτοτελεῖς καὶ αὐτοδίκους καὶ αὐτῶν καὶ τῆς γῆς τῆς ἑαυτῶν κατὰ τὰ πάτρια*. Одна земля у храма и у дельфійцевъ. Святыня—*ἱερόν*—это *περίβολος*, священный округъ. Остальная земля—*Ἱερά χώρα*.

Сами дельфійцы были *ἱεροὶ* и носили вѣнны.

По отзывамъ древнихъ въ Дельфахъ жили весело и обильно. Городъ жилъ множествомъ пріѣзжихъ. Аристофанъ говоритъ совершенно то же, что и гомеровскій гимнъ:

Ἄλλ' ὃ Δελφῶν πλείστας ἀκονῶν
 Φοῖβε μαχαίρας
 Καὶ προδιδάσκων τοὺς οὐδὲ πρόπολους.

Сатирическіе хоры осмѣивали дельфійцевъ, какъ занимающихся жертвами и пирами—ἐπισκώπτουσι γὰρ οἱ σάτυροι τοὺς Δελφοὺς ὡς περὶ τὰς θυσίας καὶ τὰς θοίνας διατρίβοντα. Athen. IV, 173 D.

Въ надписи Лавіадовъ перечислено довольно много общихъ обѣдовъ фратріи по праздникамъ.

Аполлону принадлежала вся территорія Дельфъ; онъ былъ какъ бы царь Дельфъ. Его верховное владѣніе не мѣшало городу Дельфамъ имѣть свои земли и дома. Также и отдѣльные граждане владѣли землями и домами. Были участки и дома, принадлежавшіе храму, конфискованные во владѣніе храма. О такихъ участкахъ и домахъ, какъ бы личныхъ удѣлахъ царя, упоминается въ надписи 2562.

II. О событіяхъ 189—188 года г. Никитскій написалъ особую статью (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900, XII). По словамъ г. Никитскаго она „хронологически тѣсно примыкаетъ къ предшествующей (Плигонейцы, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900, X)“. Обѣ статьи имѣютъ и общее заглавіе — Αἰτωλικά. Но вторая статья примыкаетъ къ первой не только по хронологической связи; она сходна съ первой и по методу. Въ обѣихъ статьяхъ изъ тщательнаго изученія надписей выводится глѣчто такое, о чемъ и надписи, и авторы молчатъ. Въ первой статьѣ изъ многихъ надписей выводится маленький фактъ, не упоминаемый Ливіемъ въ подробной дошедшей до насъ исторіи первыхъ десятилѣтій II вѣка; вѣроятно, этотъ фактъ не былъ упомянутъ и Полибіемъ, который еще подробнѣе и обстоятельнѣе рассказывалъ греческія дѣла этого времени. Этотъ фактъ—присоединеніе Плигонія къ Дельфамъ—можно сказать, доказанъ А. В. Никитскимъ. Но во второй статьѣ авторъ пытается установить фактъ несравненно болѣе значительный—бѣгство стратига Этолійскаго и прочихъ властей симполитіи въ Азію и требованіе римлянами ихъ выдачи у Антіоха. *Такого факта Ливій ни въ какомъ случаѣ не пропустилъ-бы въ своей исторіи.* Ливій не упоминаетъ, слѣдовательно такого факта не было: мы можемъ заключать смѣло. Этимъ уже сказано мое отношеніе къ главному выводу второй статьи Αἰτωλικῶν г. Никитскаго. Но разберемъ дѣло подробнѣе.

Война римлянъ противъ Антіоха и этолійцевъ началась въ 192 г.

Въ 191 г. Маній Ацилій Глабрионъ консулъ побѣдилъ Антиоха и этолийцевъ при Оермопилахъ. Антиохъ бѣжалъ въ Азію. Ацилій осадилъ Гераклею, Филиппъ царь Македонскій помогалъ римлянамъ, забиралъ, съ римскаго позволенія, города въ Оссалии, осадилъ Ламію. Этолийцы защищались весьма храбро въ этихъ двухъ городахъ. Филиппъ торопился взять Ламію, зная, что Ацилій, когда возьметъ Гераклею, прикажетъ ему снять осаду съ Ламіи. Ацилій раньше начала осады Гераклеи предлагалъ этолийцамъ сдать Гераклею и просить мира и прощенія своей вины у сената. Этолийцы были сильно виноваты передъ римлянами: они думали обращаться съ римлянами также дерзко, какъ обращались съ македонянами и греками. Они призвали Антиоха и, когда онъ прибылъ въ Элладу, примкнули къ нему официально, объявили его главнымъ вождемъ военныхъ дѣйствій и приставили къ нему комиссію изъ тридцати своихъ principes (Liv. XXXV, 45. Τριάκοντα τῶν ἀποκλήτων προσεφέρσαντο τοὺς συνδρασκόντας μετὰ τοῦ βασιλέως Polyb. XX, 1). Я уже излагалъ свое мнѣніе — въ рѣчи о третьемъ столѣтіи, — что ἀπόκλητοι=συνδροί=βουλευταί, „отозванные“, депутаты городовъ и общинъ этолийской симполитіи въ этолийскомъ совѣтѣ или парламентѣ.

Тридцать апоклитовъ, приставленные къ Антиоху, были комиссіею совѣта. Послѣ битвы при Оермопилахъ этолийцы еще далеко не смирились. Ad ea (на внушенія Ацилія) cum pacati nihil responderetur, appareretque armis rem gerendam et rege superato bellum Aetolicum integrum restare, Ацилій осадилъ Гераклею. Осада была ведена очень энергично, но и оборона была храбрая: 24 дня бились непрерывно, и городъ былъ взятъ штурмомъ. Тотчасъ консулъ послалъ вѣстника Филиппу, чтобы онъ оставилъ осаду Ламіи. Не задолго до взятія Гераклеи этолийскій совѣтъ, собранный въ Ипатѣ, отправилъ пословъ къ Антиоху просить помощи. Главный посолъ, Ооантъ, остался у Антиоха. Послали этолийцы и къ Ацилію просить мира. Ацилій далъ имъ перемиріе на 10 дней, велѣлъ возвратиться въ Ипату (лежавшую между Ламіею и Гераклеюю, подальше отъ моря) и отправилъ съ ними Л. Валерія Флакка, легата консулара, чтобы они изложили ему, чтѣ имѣли сказать. Валерій Флаккъ совѣтовалъ имъ не ссылаться на прежніе договоры, а отдаться на вѣру (in fidem, εἰς πίστιν) римлянгъ. Фенеій, стратигъ этолийскій, явился посломъ къ Ацилію и представилъ постановленіе этолийскаго совѣта, что этолийцы отдаются на вѣру римлянамъ. Извѣстна сцена, происшедшая между Ациліемъ и Фенеемъ. Ацилій потребовалъ выдачи Диксарха этольца,

Менесты (Менестрата) эфирота, Аминандра (царя) съ начальниками аэамановъ. Феней получилъ перемиріе опять на 10 дней и отнесъ требованія консула къ совѣту этолійцевъ. Совѣтъ (apocleti, principes Liv. XXXVI, 28) соглашался, но рѣшилъ собрать народное собраніе (ex omnibus oppidis convocandos Aetolos ad concilium). Народное собраніе (coacta omnis multitudo) вознегодовало на высокоуміе римское; кромѣ того точное исполненіе требованій представлялось невозможнымъ, Аминандръ не былъ въ ихъ власти. Рѣшили продолжать войну.

Ацилій вторгся въ самую Этолію и осадилъ Навпактъ. Этолійцы два мѣсяца упорно защищали Навпактъ. При посредничествѣ Т. Квинція Фламинина, нарочно пріѣхавшаго въ лагерь Ацилія, было заключено перемиріе на время, достаточное для отправленія этолійскихъ пословъ къ сенату въ Римъ и возвращенія обратно. Ацилій снялъ осаду съ Навпакта, и войско римское отошло въ Фокиду.

Съ сентября 191 г. этолійскимъ стратигомъ былъ Архедамъ (Никитскій, Дельфійскіе эпиграфическіе этюды стр. 216, 217).

Въ 190 году Ацилій взялъ Ламію и осадилъ Амфиссу. Ацилію было довольно времени и въ 191, и въ 190 году освободить Дельфы и Амфиктіонію отъ этолійской власти. Поливій, вѣроятно, упоминалъ объ этомъ; онъ упоминаетъ, что въ 220 году союзники (Филиппъ, ахейцы и разныя другія греческія племена), начиная съ общаго согласія союза войну противъ этолійцевъ (отчего она и названа Συμμαχικός πόλεμος), объявили, что они рѣшили освободить Амфиктіонію отъ этолійской власти (συναναχωμαῖσθαι δὲ καὶ τοῖς Ἀμφικτιόσιν ἐγγραψάν τοὺς νόμους καὶ τὴν περὶ τὸ ἱερὸν ἐξουσίαν, ἣν Αἰτωλοὶ παρήρηγται νῦν, βουλόμενοι τῶν κατὰ τὸ ἱερὸν ἐπικρατεῖν αὐτοί).

Ацилій не успѣлъ взять Амфиссы. Подъ Амфиссу прибылъ консулъ Л. Сципіонъ со своимъ знаменитымъ братомъ П. Африканскимъ.

Консулъ текущаго года принялъ команду у Ацилія. П. Сципіону хотѣлось скорѣе пройти въ Азію для того, чтобы сокрушить большое войско, собранное Антиохомъ.—Этолійскимъ посламъ сенатъ отвѣчалъ, что этолійцы могутъ выбрать одно изъ двухъ, или дать римлянамъ безусловную власть распорядиться съ ними, какъ римляне хотятъ, или заплатить 1000 талантовъ немедленно и признавать врагомъ и другомъ того же, кого признаютъ римляне. Этолійцы требовали объясненія, въ чемъ именно они должны отдаться на безусловную волю римлянъ. Сенатъ не хотѣлъ дать объясненій. Этолійцы не согласились безусловно сдаться, не согласились заплатить непомѣрную кон-

трибунцію въ 1000 талантовъ. Война должна была продолжаться (γέγονε κατάρμονος ὁ πόλεμος).

По Сципию воспользовался посредничествомъ аэнианъ и заключилъ съ этолийцами перемиріе *безъ всякихъ условій* на шесть мѣсяцевъ. Какъ аэниане объясняли этолийцамъ, они вынуждены по крайней мѣрѣ то, что отдохнуть полгода отъ войны. Осада Амфиссы была снята, римское войско пошло черезъ Фессалію, Македонію и Фракію на Геллеспонтъ.

Съ сентября 190 года этолийскимъ стратигомъ сталъ Инкандръ. Въ концѣ 190 года произошла битва при Магнисиі сипильской, или при рѣкѣ Фригіи. Въ продолженіи полугодоваго перемирія этолийское посольство опять ѣздило въ Римъ; но послы этолийцевъ такъ раздражили сенатъ смѣлыми рѣчами, что имъ велѣно было въ тотъ же день выйти изъ города и въ 15 дней изъ Италіи. Война опять должна была продолжаться, какъ возвѣстилъ этолийцамъ ихъ посолъ Дамотель, возвѣстилъ и о томъ, что консуль новаго, 189 года Маркъ Фульвій Нобилиоръ съ войскомъ готовится переправиться на нихъ (ὁ Δαμοτέλης τὸν τε πόλεμον ἀνήγγειλε, διότι μένει κατάρμονος, καὶ τὴν τοῦ Μάρκου καὶ τῶν δυνάμεων διάβασιν ἐπ' αὐτούς). Во время полугодоваго перемирія этолийцы возстановили въ его маленькомъ царствѣ своего друга Амивандра, прогнаннаго Филиппомъ, совершили удачные походы въ Амфилохію, Аперантію и Долопію. Мы видимъ, что они вовсе не отчаявались. Амивандръ просилъ римлянъ снова принять его въ союзъ.

Въ виду нашествія Фульвія Нобилиора этолийцы просили ходатайства родосцевъ и аэнианъ, послали къ римлянамъ новое посольство, Александра прозваннаго Исидинымъ (по имени богини Исиды, вѣроятно, Ἴσιον: встрѣчается дательный Εἰσι, Ἴσι), Фенея и другихъ. Послы были схвачены эфиротами. Этолийцы отправили опять Дамотела. Онъ проплылъ до Левкады, но вернулся, когда узналъ, что консуль Фульвій идетъ съ войскомъ черезъ Эпиръ на Амвραкію.

Амвραкія была въ тѣсномъ союзѣ съ этолийцами, но, кажется, не была въ составѣ симполитіи, хотя Поливій и говоритъ: συνέβαινε γὰρ τότε πολιτεύεσθαι τοὺς Ἀμβρακίωτας μετὰ τῶν Αἰτωλῶν, XXI, 26. Самъ же онъ далѣе называетъ ихъ союзниками этолийцевъ—τηροῦντες τὴν πρὸς τοὺς συμμάχους πίστιν, XXI, 29. Въ надписи, изданной Кувомъ (Collitz—Ваупаск 2531), амвракіоты имѣютъ своего одного іероннимона въ амфиктионахъ. Поэтому слова Поливія πολιτεύεσθαι μετ' Αἰτωλῶν надобно понимать о тѣсномъ союзѣ, о всей политической жизни, а не о гра-

жданствѣ этолійскомъ (см. мою статью „Кефаллины въ Амфітегіоніи“, въ сборникѣ въ честь П. В. Никитина).

На Амвракію посовѣтовали консулу идти эпироты; Амвракія нѣкогда была подъ властью Пирра и даже столицею его, и эпиротамъ хотѣлось возвратитъ собѣ этотъ городъ. Осада Амвракіи была такая же энергичная, жаркая, какъ осады Гераклеи, Навпакта и другихъ этолійскихъ городовъ. Этолійскій гарнизонъ былъ въ Амвракіи. Евполемъ съ 1,000 этолійцевъ вступилъ въ Амвракію при началѣ осады. Никандръ стратигъ дѣйствовалъ вѣ Амвракіи, помогая ей. Пятисотъ всадниковъ этолійскихъ, посланные имъ въ городъ, прорвались черезъ лагерь римскій и вошли въ городъ. Евполемъ произвелъ весьма сильную вылазку. Этолійцы въ то же время отражали и другихъ римскихъ союзниковъ (ихъ набиралось всегда очень много). Персей, сынъ царя Филиппа, былъ ими отраженъ отъ Аргоса амфилоховскаго; ахейцевъ и Плеврата, царя иллирійскаго, опустошавшихъ этолійскіе берега Коринтскаго залива, отбивали они, подходя къ морю кратчайшими тропинками. Но борьба была слишкомъ неравна: этолійцы рѣшили просить мира, этолійскій стратигъ отправилъ Фенюя и Дамотела къ римскому консулу съ полномочіемъ (*cum liberis mandatis*) заключить миръ на какихъ бы то ни было сносныхъ условіяхъ (*tolerandis condicionibus*). Консулъ поставилъ крайне тяжелыя условія: чтобы этолійцы выдали оружіе и коней, обязались заплатить контрибуцію въ 1,000 талантовъ и половину этой суммы заплатили немедленно, и чтобы въ договорѣ было сказано, что этолійцы будутъ имѣть однихъ и тѣхъ же друзей и враговъ съ римлянами. Послы не смѣли заключить миръ на такихъ условіяхъ. Но когда они возвратились и донесли этолійскому совѣту, ихъ встрѣтили крикомъ и бранью, что они тянутъ дѣло, и приказали имъ принести какой бы то ни было миръ. Послы возвратились въ Амвракію, но на дорогѣ были перехвачены акарнанами (которые тоже воевали противъ этолійцевъ). Отъ этого вышло замедленіе. Аоніскіе и родосскіе послы пріѣхали къ консулу просить за этолійцевъ, Амивандръ выпросилъ себѣ обѣщаніе безопасности (*fide accepta*), прибылъ также въ римскій лагерь и просилъ преимущественно за городъ Амвракію. Узнавъ о плѣнѣ пословъ этолійскихъ, консулъ велѣлъ привести ихъ изъ Акарнаніи. Консулъ настаивалъ на томъ, чтобы прежде всего Амвракія сдалась безусловно. Амивандръ уговаривалъ амвракіотовъ сдаться и, съ согласія консула, вошелъ къ нимъ въ городъ. Дамотелу и Фенюю (Ливій раньше ставитъ впереди Фенюя, Полквій Дамотела въ настоящемъ случаѣ: г. Никитскій подчеркиваетъ значеніе Дамотела

по этому поводу) кто то посовѣтовалъ просить заступничества Гая Валерія, сына Марка Валерія Левина, заключившаго въ 211 году первый союзный договоръ римлянъ съ этолійцами. Г. Валерій былъ братъ по матери Марка Фульвія Нобилиора. Онъ усердно просилъ своего брата консула за этолійцевъ. Амврасія сдалась, выговоривъ только свободный пропускъ гарнизону этолійскому.

Затѣмъ тотчасъ заключены были предварительныя условія мира съ этолійцами: этолійцы должны были немедленно заплатить 200 талантовъ, а 300 въ шесть лѣтъ, по пятидесяти въ годъ, выдать всѣхъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ римлянамъ безъ выкупа (*χωρίς λύτρων*); не имѣть въ составѣ симполитіи и послѣ не принимать (*πόλιν δὲ μηδεμίαν ἔχειν ἐν τῇ συμπολιτείᾳ, μηδὲ μετὰ ταῦτα προσλαβέσθαι*) никакого города изъ числа тѣхъ, которые послѣ переправы Люція Корнелія были взяты римлянами или заключили дружбу съ римлянами; кефаллины всѣ внѣ этого договора: Polyb. XXI, 30; у Т. Ливія сказано: *post id tempus quo T. Quinctius traiecisset in Graeciam*. Вѣроятно, у Ливія не точно. Переправа Л. Корнелія Сципіона была лѣтомъ 190, переправа Т. Квинция съ войскомъ въ 198 году, безъ войска въ 192. Надобно было теперь, чтобы на эти условія согласились сначала этолійцы, а потомъ утвердили ихъ римляне. Аѳинскіе и родосскіе послы дожидались въ Амврасіи отвѣта этолійцевъ. Дамотель съ товарищами отнесли preliminaryныя условія этолійцамъ. Этолійцы приняли условія. Консулъ двинулся въ Этолію, удивляясь, что отъ этолійцевъ нѣтъ долго извѣстія; приступилъ къ Аргосу амфилоховскому. Сюда явился къ нему Дамотель съ извѣстіемъ, что этолійцы приняли миръ. Тогда консулъ вернулся въ Амврасію и сталъ готовиться къ переправѣ на Кефаллинію. Этолійцы отправили Фенея и Никандра въ Римъ. Миръ былъ данъ римлянами на такихъ условіяхъ: „власть и величіе римскаго народа народъ этолійскій долженъ оберегать безъ коварства (*imperium et maiestatem populi Romani gens Aetolorum conservato sine dolo malo; ἀρχὴν καὶ δυναστείαν*); имѣть однихъ и тѣхъ же враговъ съ римлянами и воевать противъ тѣхъ, съ кѣмъ воюютъ римляне; этолійцы должны отдать всѣхъ перебѣжчиковъ, бѣглыхъ рабовъ, плѣнныхъ римскихъ и союзниковъ римлянъ, кромѣ (*χωρίς*) тѣхъ, которые попались въ плѣнъ во время войны, возвратились въ свою землю и опять были взяты въ плѣнъ, и кромѣ (*χωρίς*) тѣхъ, которые были непріятелями римлянъ; чтобы этолійцы помогали на войнѣ римлянамъ; чтобы этолійцы платили главнокомандующему, находящемуся въ Грѳціи, немедленно 200 талантовъ и въ 6 лѣтъ 300 талантовъ, по 50 въ годъ; чтобы

этолийцы дали главнокомандующему 40 заложниковъ, не моложе 12 лѣтъ и не старше 40, на 6 лѣтъ, кого выберутъ римляне, кромѣ (χωρίς) стратига и иппарха и государственнаго секретаря и бывшихъ заложниками; о Кефаллини да не будетъ ничего въ договорѣ; какія земли и города и люди въ нихъ при Л. Квинкціи и Гн. Домиціи консулахъ (192 годъ), или послѣ нихъ взяты римлянами или перешли въ римскую дружбу, этихъ городовъ и людей ихъ не должны этолийцы присоединять къ себѣ. Городъ и страна Эпіадъ да будетъ акарнановъ“. Этимъ мирнымъ договоромъ, въ которомъ выражена покорность этолийцевъ верховной римской власти, окончилась война.

Въ манумиссіяхъ дельфійскихъ, совершенныхъ гражданами городовъ этолийской симполитіи, обыкновенно отмѣчается правящій этолийскій стратигъ, т. е. президентъ этолийскаго государства. За годъ 189/188, съ сентября до сентября, существуютъ двѣ дельфійскія манумиссіи, данныя гражданами Амфиссы, отмѣченныя, вмѣсто имени этолийскаго стратига, именемъ „предсѣдателя совѣта“ (βουλευτή) Дамотела фискейца и „предсѣдателя совѣта локрійскаго отдѣла“ Дамотела фискейца (βουλευτή τοῦ Λοκρικῶν τέλειος). Такимъ переводомъ я, вѣроятно, угрожу А. В. Никитскому, потому что, по его мнѣнію, βουλευτή τοῦ Λοκρικῶν τέλειος былъ не локрійскій сановникъ, а этолийскій, и, значить, въ Этолии или по крайней мѣрѣ въ этолийскомъ совѣтѣ былъ локрійскій отдѣлъ или была локрійская часть. Этотъ локрійскій отдѣлъ остается загадочнымъ; вполне объяснить или удовлетворительно объяснить выраженіе βουλευτή τοῦ Λοκρικῶν τέλειος мы не можемъ.—Изъ подписей достоверно извѣстно, что западная Локрида не была въ 189 году отторгнута отъ этолийской симполитіи, но оставалась въ ней до 166 года. По условіямъ мира, только что изложеннымъ, Западная Локрида и должна была оставаться въ этолийской симполитіи: Амфисса не была взята римлянами.—Съ 188/7 возобновляется датировка по стратигамъ этолийскимъ. А. В. Никитскій вполне правъ, когда обращаетъ особенное вниманіе на исключительную датировку одного 189/188 года; вѣроятно, правъ и въ томъ, что ставить ее въ связь съ войной противъ римлянъ. Имя стратига 189/188 года неизвѣстно; предполагаютъ, что стратигъ былъ Евполема, и г. Никитскій не имѣетъ ничего противъ этого. Онъ говоритъ, что въ 176/5 г. была вторая стратигія Евполема, а для первой остаются неизвестными только два года, 189/8 и 187/6.—Мнѣ кажется вполне вѣроятнымъ, что въ сентябрѣ 189 года этолийцы выбрали стратигомъ именно Евполема, отличившагося храбростью при оборонѣ Амвракии.

Изъ Поливія мы знаемъ, что этоліицы въ ординарномъ своемъ и главномъ ежегодномъ собраніи въ сентябрѣ выбирали стратига, и стратигъ немедленно вступалъ въ должность: Polyb. II, 3.

По мнѣнію Низе, посольство Никандра въ Римѣ послѣ заключенія прелиминарныхъ условій было послѣ конца его стратигіи, послѣ осенняго равноденствія 189 года. Г-нъ Никитскій находитъ возможнымъ допустить это. Въ самомъ дѣлѣ, это вѣроятно. Итакъ, по моему мнѣнію, Евполемъ, выпущенный по капитуляціи изъ Амвρακίη, немедленно былъ выбранъ этолійскимъ стратигомъ. Бѣжать отъ римлянъ или бояться римлянъ ему не было никакой нужды. Консулъ Фульвій Нобилиоръ вполне удовлетворился сдачею Амвρακίη и тѣмъ, что этоліицы приняли условія мира, имъ предложенныя. Мы видѣли, что онъ снимаетъ осаду съ Аргоса амфилоховскаго, этолійскаго города, находившагося близъ границы этолійскаго государства, перваго города со стороны Амвρακίη, и возвращается въ Амвρακίη. Затѣмъ дѣло идетъ только о мирѣ, никакихъ угрозъ и никакихъ преслѣдованій со стороны римлянъ нѣтъ.

Что Дамотель фискеецъ вулархъ одно и то же лицо съ Дамотеломъ посломъ, упоминаемымъ у Поливія и его переводчика Ливія, можно согласиться съ г. Никитскимъ. Почему въ манумисіяхъ двухъ амфиссцевъ 189/188 названъ вулархъ локрійскаго отдѣла вмѣсто стратига этолійскаго, я не знаю. По г. Никитскій въ объясненіе этого факта придумалъ догадку, по моему, невѣрную.

Г. Никитскій разбираетъ договоръ римлянъ съ Антиохомъ и находитъ въ немъ подтвержденіе своей догадки. По прелиминарнымъ условіямъ Антиохъ обязался выдать Аннибала, Феоанта этоліица, Мнасилоха акарнана и другихъ. Въ окончательномъ договорѣ, установленномъ десятью легатами въ 188 году, къ требованію выдачи перечисленныхъ выше лицъ прибавлены слова по передачѣ Поливія: καὶ τῶν Αἰτωλῶν ὅσοι κοινὰς εἰλήφασιν ἀρχάς. Этой прибавки нѣтъ у Ливія. Κοινὰς ἀρχαί, конечно, стратигъ, иппархъ и секретарь. Но разумѣются, безъ сомнѣнія, тѣ этоліицы, которые были вмѣстѣ съ Феоантомъ по той или по другой причинѣ у Антиоха, и требуется выдача тѣхъ изъ нихъ, которые прежде занимали высшія этолійскія должности. Разумѣется прежде всего Дикеархъ, братъ Феоанта, бывший стратигомъ въ 195/194 году; его выдачи требовалъ Ацилій у Фенея. Всѣ ученые понимаютъ и переводятъ слова ὅσοι κοινὰς εἰλήφασιν ἀρχάς „тѣхъ, которые прежде занимали главныя должности“. Г. Никитскій одобряетъ переводъ одного г. Мищенко „всѣхъ этолянъ, занимающихъ союзныя

должности“, переводить и понимаетъ самъ „всѣхъ этолійцевъ, которые на текущій годъ (189/8) избраны и состоятъ должностными лицами въ союзѣ“, „т.-е., здѣсь должно понимать *praefectum aیلήφασιν* въ точномъ обычномъ греческомъ значеніи“.

Значить, г. Никитскій придумываетъ новый, важный политическій фактъ: бѣгство стратига, иппарха и секретаря этолійскихъ, только что избранныхъ, къ Антиоху. Такой фактъ не могъ быть пропущенъ Ливіемъ и непременно былъ бы разсказанъ Полибіемъ. Мы видѣли, Ливій повторяетъ за Полибіемъ весьма обстоятельно о всѣхъ пересѣздахъ пословъ. Нѣтъ, дѣло съ этолійцами до такой степени кончено въ 189 году, что Ливій не упоминаетъ имени этолійскаго стратига 189/188 года.

Подтверженіе своей догадки г. Никитскій находитъ и въ окончательномъ договорѣ римлянъ съ этолійцами. Здѣсь А. В. Никитскій становится еще смѣлѣе, обличаетъ Ливія въ томъ; что онъ не повѣлъ Полибія, находитъ, что и всѣ новые ученые, трактовавшіе или переводившіе текстъ договора у Полибія, не поняли его. Тирада, толкуемая г. Никитскимъ по новому, слѣдующая: *δότεσαν Αἰτωλοὶ ὀμήρουσ τετταράκοντα — οὐδ' ἂν Ῥωμαῖοι προκρίνωσιν, χωρίς στρατηγού καὶ ἱππάρχου καὶ δημοσίου γραμματέωσ καὶ τῶν ὀμηρευότων (ὀμηρευόντων въ рукописи, у Ливія *non quis qui ante obses fuerit*) ἐν Ῥώμῃ*. Мы привели раньше нѣсколько разъ слово *χωρίς*, вездѣ оно значить *кромя*, въ значеніи *исключая*. Также точно *χωρίς* въ смыслѣ *исключая, за исключеніемъ, два раза* встрѣчается въ этомъ самомъ договорѣ. Не мудро, что Ливій перевелъ: *obses ne esto praetor, praefectus equitum, scriba publicus*. Понятно, что всѣ безъ исключенія ученые, профессоръ Мищенко въ томъ числѣ, переводятъ *за исключеніемъ*; „въ заложники отъ этолянъ не могутъ быть взяты ни стратигъ, ни иппархъ, ни союзный секретарь“. А. В. Никитскій переводить: „этолійцы должны дать 40 заложниковъ, *сверхъ* стратига, иппарха, секретаря и тѣхъ, кто уже находится заложникомъ въ Римѣ“.

Во время войны карагенянь съ мятежными наемниками, Спендіи со своей ордой доведенъ былъ голодомъ до крайности. Они совершили раньше величайшія злодѣянія, но голодъ заставилъ ихъ послать 10 пословъ къ Амилкарю, который ихъ блокировалъ. Въ числѣ десяти были вожди Спендіи и Автаритъ. Амилкаръ условился съ послами, что онъ можетъ взять десять изъ числа воиновъ орды. Послы согласились. Тогда Амилкаръ объявилъ, что онъ беретъ ихъ самихъ, пословъ и схватилъ ихъ. Остальная орда и не узнала о договорѣ.

Еслибъ римляне потребовали сверхъ сорока заложниковъ еще стратига, иппарха и секретаря, то они поступили бы подобно Амильяру, съ явнымъ надругательствомъ надъ этолийцами. Право, слова βουλαρχέοντος τοῦ Λοκρικοῦ τέλεος не требуютъ такого сильнаго средства. Можно придумать много болѣе легкихъ выходовъ изъ затрудненія. Лучше просто пока сказать: non liquet, до открытiя новыхъ источниковъ.

У царя Филиппа римляне не потребовали заложникомъ самого царя Филиппа, не потребовали старшаго сына и наследника Персея, а взяли втораго сына Димитрiя. У царя Антиоха—также не старшаго сына Селевка, а младшаго, Антиоха (будущаго Епифана).

Что касается ἑμπροσόντων или ἑμπροσότητων, то что бы мы ни поставили, затрудненiе останется то же самое, отмѣченное еще Брандштерромъ: was für aitolische Geiseln schon einmal in Rom gewesen wären, ist nicht abzusehen. Раньше, до 192 года, этолийцы были римскими равноправными союзниками и ни о какихъ ихъ заложникахъ не упоминается. Не упоминается и послѣ 192 года до самаго этого договора. Упоминается о взятыхъ въ плѣнъ этолийцахъ, но плѣнные не заложники. По смыслу χωρίς и по переводу Ливiя, надобно поставить, вмѣстѣ со всѣми учеными, ἑμπροσότητων, neu quis qui ante obses fuerit.

Я считалъ долгомъ такъ рѣшительно отвергнуть эту догадку А. В. Никитскаго именно потому, что глубоко уважаю и высоко ставлю его труды. Выставленное имъ предположенiе выходитъ изъ рамокъ подробнаго изслѣдованiя надписей на открытую политическую арену, на первый планъ политическихъ дѣйствiй, и потому то или другое рѣшенiе вопроса представляетъ большую важность.

Ф. Соловьевъ.

ЗАМѢТКИ ПО КРИТИКѢ ТЕКСТА ОТРЫВКОВЪ САФФО.

Отр. 3 Врк.

Отрывокъ представляетъ у Евстаѳіа неполную сапфическую строфу: недостаетъ четырехъ слоговъ. Между тѣмъ изъ пересказа несомнѣнно этого же мѣста въ 19-мъ письмѣ императора Юліана видно, что у Евстаѳіа выпала эпитета луны ἀργυρέα. Большинство относить это ἀργυρέα къ слѣдующей строфѣ, при чемъ Бергкомъ одобрено, а Гиллеромъ и нѣкоторыми другими принято въ текстъ добавленіе Нейе:

ὄπλοτα πλήθοισα μάλιστα λάμπη ¹⁾
γαῖν <ἐπὶ παῖσαν>
ἀργυρέα.

Но дополненіе ἐπὶ παῖσαν совершенно не кстати, не даетъ никакого образа и только излишне растягиваетъ изображеніе, картинное въ своей краткости; постановка эпитета въ концѣ предложенія тоже едва ли удачна; а между тѣмъ, судя по словамъ Юліана ²⁾, это слово стояло въ томъ же предложеніи, а не гдѣ-нибудь въ томъ же стихотвореніи, какъ полагаетъ Гоффманъ. Въ виду всего этого думаемъ, что наиболѣе удачно соединилъ цитаты Евстаѳіа и Юліана Блумфильдъ, который читалъ:

ὄπλοτα πλήθοισα μάλιστα λάμπη
ἀργυρέα γαῖν.

¹⁾ Т. с., σελάνα.

²⁾ Σαπφῶς ἡ καλὴ τὴν σελήνην ἀργυρέαν φησὶ καὶ διὰ τοῦτο τῶν ἄλλων ἀστέρων ἀποκρίπτειν τὴν ὄψιν.

При этомъ глаголь λάμπειν предполагается переходнымъ, въ значеніи „освѣщать“. Такъ употребляется страд. зал.: ἔδοξεν οἰκίαν λάμπεισθαι (отъ молніи) Xenoph. An. III, 1, 11; и отъ другихъ глаголовъ со значеніемъ „свѣтить“: σελαγοῖντ' ἄν (αἰ νῆες) Aristoph. Ach. 888; и въ дѣйств. зал. ἀστράπτει εὐνήν Mus. 276.

Отр. 4.

Мы читаемъ такъ:

ὑδωρ
ἀμφὶ τὲ ¹⁾ ψυχρὸν κελάδει δι' ὑδῶν
μαλίνων, καίθυσσομένων δὲ φύλλων
κῶμα κατάρρει.

Въ началѣ отрывка въ рукописяхъ какъ у Гермогена, такъ и въ схолияхъ на него и въ Etymol. Vindobon. вслѣдствіе перестановки словъ читается ἀμφὶ δὲ ὑδωρ ψυχρὸν и т. д. Издатели или вставляютъ послѣ ὑδωρ трехсложное слово, или выбрасываютъ слово ὑδωρ. Бергъ предлагалъ вставлять или въ соотвѣтствіи съ Theocr. VII, 135—ἰερὸν (Rhein. Mus. 1835, p. 209 sqq.), или въ согласіи съ Odys. XVII, 209 sq.—ἴφθευ, или на основаніи Lucian. Philor. 3—ἡρέμα; нѣкоторые издатели принимаютъ его первое (Шнейдевинъ) или второе возстановленіе (такъ Гиллеръ); но всѣ они произвольны и излишни, второе (ἴφθευ) даже едва ли возможно: если холодная вода шумитъ сверху сквозь листья, то какой же сонъ подъ ними; мѣсто Одиссеи, откуда взято это ἴφθευ, такого затрудненія не представляетъ. Въ концѣ концовъ Бергъ самъ примкнулъ, какъ и Гартунгъ и Гоффманъ, къ мнѣнію Нейе, который выбрасываетъ ὑδωρ, считая его за глоссу, и принимаетъ ψυχρὸν κελάδει, по аналогіи съ γλοχὸ ὄζει, ἡδὺ προσπνεῖ и т. п., за „прохладно шумитъ“, т. е. ψυχρός ἐστι κέλαδος, но толкованіе такое натянуто и не оправдывается приводимыми аналогіями, такъ какъ κέλαδος „шумъ“ самъ по себѣ не можетъ быть ψυχρός. Такимъ образомъ вычеркиваніе слова ὑδωρ не даетъ удачнаго чтенія. Сквозь листья шумитъ не вѣтерокъ, а ручеекъ прохладной воды, которая, протекая по близости, но не „сверху“, по скалѣ, или струями своими или брызгами шелеститъ вѣтвями густой заросли; или, наконецъ, шелестъ воды просто проникаетъ сквозь вѣтки окружающихъ ручеекъ яблонь. При такомъ объясненіи данному отрывку дѣйствительно вполнѣ

¹⁾ Ὑδωρ ἀμφὶ δὲ уже Скалигеръ.

соотвѣтствуетъ, очевидно, заимствованное отсюда мѣсто у Горация *Erod. 2, 26 sqq.*, приводимое Бергкомъ, которое возстановилъ Марклендъ, измѣнивъ рукописное *fontes* на *frondes* (принимаетъ его возстановленіе и Кислянигъ): *frondesque lymphis obstrepunt manantibus, somnos quod invitet leves.*

Въ 3 ст. въ рукописяхъ читается *καὶ αἰθροσμένων*. Вальцъ относилъ это *καὶ* къ словамъ Гермогена, который въ такомъ случаѣ приводитъ далѣе новый отрывокъ; Нейе выбросилъ его, Бергкъ измѣнялъ на *καθροσμένων*, Гартунгъ на *κατ θροσμένων*, опираясь на глоссу Исихія *θόσεται: τινάσεται*. Мы считаемъ проще читать *καὶθροσμένων*: *καὶ—δὲ* здѣсь вполне уместно.

Въ 4 ст. обыкновенно сохраняется рукописное *κατάρραι*. Аренсъ и Гоффманъ требуютъ, какъ эолическую, форму *καρρέαι*: тогда стихъ не можетъ быть *v. adonius*. Но формамъ какъ *κάλει, φίλει, κελάδει* вполне соотвѣтствуетъ *κατάρραι*.

Отр. 5.

Читаемъ такъ:

ἔλθε, Κύπρι,
 χρυσέαισιν ἐν κολίκεσσιν ἄβρωσ
 συμμεμίγμανον θαλίαισι νέκταρ
 Φοινοχόεισα ¹⁾
 τοῖσδε τοῖς ἔμοις γ' ἐτάροις καὶ σοῖς.

Последній стихъ въ рукописяхъ въ испорченномъ видѣ: *τοῖσσι τοῖς ἐτάροις ἐμοῖς γε καὶ σοῖς*; Бергкъ, какъ и Вельверъ и Гартунгъ, считаетъ эти слова принадлежащими Аэиннею, который сообщаетъ намъ данный отрывокъ, но это плохо вяжется съ контекстомъ; Гоффманъ признаетъ за слово Саффо, но отказывается исправить; другіе (Нейе, Германъ) исправляютъ различно. Наше исправленіе намъ кажется ближе къ преданію. Невозможно исправленіе Кайбеля *ταῖσδε ταῖς ἐμαῖς (καλαῖς) ἐταίραις*, слишкомъ насильственное и съ точки зрѣнія текста, и содержанія.

Отр. 17.

Отрывокъ остроумно составленъ Бергкомъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая сохранилась только въ Флорентійской рукописи

¹⁾ Такъ Фикъ, Гоффманъ; *οἰνοχόεισα* Аренсъ; въ рукописяхъ аттич. форма *οἰνοχόεαι*, Бергкъ и др. *οἰνοχόεαι*.

Etymol. Magn. (p. 576, 22); вторая въ другомъ мѣстѣ Etymol. Magn. (p. 335, 38) и нѣсколько длиннѣе у Иродіана по поводу отождествленія ἐπιπλάζω=ἐπιπλήσσω. Все вмѣстѣ читаемъ такъ:

.... κατ' ἔμον στάλαγμον
τὸν δ' ἐπιπλάζοντ' ἄνεμοι φέροισεν
καὶ μελεδῶναις.

„Но его (т.-е. горе), поражающее меня, да разноситъ вѣтры, а также (пусть разнесутъ они) и заботы“. Въ рукописи Etym. Magn. ἐπιπλάζοντ' (или ἐπιπολάζοντ'), у Иродіана ἐπιπλάζοντες и далѣе μελεδῶναι (въ Etym. Magn. отсутствуетъ). Такъ же, какъ мы, читалъ и Нейе, но до догадки Бергка, почему принималъ τὸν за членъ, и выходило не совсѣмъ удачное соединеніе τὸν ἐπιπλάζοντα (λόγον, non ἄνδρα) καὶ μελεδῶναις и не соотвѣтствовалъ толкованію переводъ „at obiurgantem venti auferant atque curas“. Бергъ принимаетъ чтеніе Иродіана ἐπιπλάζοντες, при чемъ ему приходится замѣнять слѣдующее слово предполагаемой эолийской формой ἄμοι (=ἄνεμοι), но и тогда получается едва ли удачный смыслъ: „вѣтры, ударяя, пусть уносятъ горе и заботы“. Гиллеръ предполагаетъ между ἐπιπλάζοντες и ἄνεμοι пропускъ. Гартунгъ не признаетъ отождествленія древними грамматиками ἐπιπλάζω съ ἐπιπλήσσω и принимаетъ ἐπιπλάζω въ значеніи „заставляю блуждать“, читая τὸν δ' ἐπιπλάζοντ' ἄνεμοι φέροισεν καὶ μελεδῶναι, отвергая при этомъ Бергкову догадку, что τὸν относится къ σταλαγμόν; но соединеніе ἄνεμοι съ μελεδῶναι едва ли удачно. Гоффманъ читаетъ такъ же, какъ и мы, но полагаетъ, что ἐπιπλάζοντα не имѣетъ ничего общаго съ πλήσσειν „ударять“, а значить „приближаться“, ссылаясь на Исихія ἐπιπλήσειν ἐπελθεῖν; но въ такомъ случаѣ Иродіанъ не сопоставилъ бы этого слова въ данномъ мѣстѣ съ ἐπιπλήσειν; вѣдь во всякомъ случаѣ для цитовавшаго это мѣсто изъ цѣлаго стихотворенія яснѣе было, въ какомъ значеніи употреблено здѣсь слово, чѣмъ для насъ.

Отр. 42.

Максимъ Тирскій (XXIV, 9) говоритъ τῇ δὲ (Σαπφοῖ) ὁ ἔρωξ ἐτίναξε τὰς φρένας, ὡς ἄνεμος κατ' ὄρος δρυοῖν ἐμπασών. Слова отъ ἄνεμος до конца представляютъ изъ себя полный эолическій дактилическій тетраметръ; естественно предположеніе, что и предшествующія слова должны были представлять такой же стихъ. При восстановленіи стиховъ Сапфо ближе всего придерживался рукописнаго текста Гартунгъ который читалъ первый стихъ такъ:

ἔρος [μοι] φρένας [αὐτ'] ἐτίναξεν, ὡς

или Гоффманъ, который однако возстановлялъ 1½ пентаметра

ἔρος δ' ἐτίναξ' ἔμαις (или ἐτίναξε ταῖς)
φρένας, ὡς ἀνεμος κατ' ὄρος δρύσιν ἐμπέσων.

Но два полныхъ тетраметра намъ представляются болѣе предпочтительными, и при возстановленіи ихъ можно обойтись безъ перестановокъ и лишняго αὐτ', какъ у Гартунга. Мы вставляемъ только слова δὲ и μοι, которыя въ цитатѣ у Максима Тирскаго должны были быть опущены, и выбрасываемъ лишнее τὰς.

ὁ [δ'] ἔρος ἐτίναξε φρένας μοι, ὡς
ἀνεμος κατ' ὄρος δρύσιν ἐμπέσων.

Правда, всѣ издатели считаютъ долгомъ возстановлять форму ἔρος, которая засвидѣтельствована лучшими рукописями другого отрывка (5) Салфо. Но если даже изъ 5-го отрывка слѣдуетъ, что Салфо употребляла форму ἔρος, то изъ этого все-таки нельзя заключать, что она не употребляла также и форму ἔρωσ..

Бергъ пробовалъ возстановить и тетраметры, но съ выпущеніемъ необходимаго ὡς, и 1½ пентаметра, но со вставкой ни на чемъ не основаннаго ἀμμετέραις (передъ φρένας); послѣднее исправленіе принято и Гиллеромъ-Крузіусомъ.

Отр. 44.

Отрывокъ приводится Лейнеемъ по поводу утвержденія, что слово χειρόμακτρον обозначаетъ иногда головной уборъ, но сохранился въ крайне испорченномъ видѣ и вызвалъ цѣлый рядъ догадокъ. Cod. Marcianus даетъ:

Χειρόμακτρα δὲ χαγγύων
πορφύρα χатаυτα μὲν ἀτ...ατιμάσεις
ἔπεμψα πορφάδας
δῶρα τίμα' χαγγύων.

Принимаемъ возстановленія, въ настоящее время принятыя почти всѣми, благодаря которымъ получается 4 (или 5) гликоническихъ стиха:

Χειρόμακτρα δὲ πορφύρα ¹⁾

¹⁾ Другіе относятъ πορφύρα (порфирᾶ) уже во 2-й стихъ.

ταῦτα μὴ — ἀτιμάσῃς ¹⁾
 — ἔπεμψ' ἀπὸ Φωκίας ²⁾
 δῶρα τίμα — —

Для восстановления 2 и 3 стиха остается вставить по одному слогу, что дѣлается различнымъ образомъ, смыслъ остается приблизительно одинаковый: „не презри (Афродита) ²⁾ эти пурпуровыя полотенца (на голову), я (или она, онъ) ихъ прислала изъ Фокеи, какъ цѣнные дары“. Главное затрудненіе лежитъ въ дважды повторяющемся загадочномъ καγγόνων. Казаубонъ, вычеркивая это слово въ послѣднемъ стихѣ, исправляя его въ первомъ на πλαγγόνων—„полотенца куколь“, полагая, что дѣло идетъ о принесеніи въ жертву Афродитѣ игрушекъ при достиженіи дѣвическаго возраста; соотвѣтственно съ этимъ Либосъ возстановлялъ и 3-ій стихъ. Зейдлеръ читалъ καὶ κόμων, въ значеніи „свѣшивающіяся съ волосъ“, сохраняя и въ 1-мъ и въ 4-мъ стихѣ. Его толкованіе принимаютъ и Гиллеръ-Крузіусъ, исправляя только на κακ κομῶν; но Гиллеръ полагаетъ, что въ послѣднемъ стихѣ это καγγόνων вытѣснило какое-нибудь имя собственное, подлежащее къ ἔπεμψ(ε). Въ такомъ же родѣ Мейнеке, не высказываясь относительно καγγόνων въ первомъ стихѣ, думаетъ, что въ 4-мъ оно замѣнило καγών (=καὶ ἐγώ). Бергъ отказывается отъ исправленія обоихъ καγγόνων. Другіе высказываютъ предположеніе, что въ 1-й стихъ καγγόνων попало изъ 4-го только по ошибкѣ переписчиковъ или по винѣ толкователей, предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобное, что по удаленіи его мы получаемъ правильный стихъ. Такъ думаютъ Нейе, Аренсъ и Гартунгъ. Но исправленія или объясненія ихъ для этого καγγόνων въ 4-мъ стихѣ также мало удовлетворительны. Гартунгъ исправляетъ на καγκύλαν, понимая подъ καγκύλαι=κογκύλαι пурпуровыя раковины или улитокъ, и полагая, что Сапфо назвала пурпуровыя ткани „цѣнными дарами пурпуровыхъ улитокъ“. Аренсъ принимаетъ толкованіе Нейе, который, читая καὶ γόνων, понимаетъ его какъ κατὰ γονάτων, въ странномъ значеніи „ad genua“. Мы полагаемъ, что чтеніе Нейе правильно, но не его объясненіе: возможна форма γόνων изъ γόνων, но едва ли возможно такое значеніе предлога κατὰ съ род. пад., и совсѣмъ не удачно такое соединеніе словъ „послала дары (тебѣ) на колѣни“.

¹⁾ Такъ впервые Якобсъ.

²⁾ Такъ еще Урсинъ, поддѣе Зейдлеръ.

³⁾ Лейней говоритъ, что Сапфо обращается здѣсь къ Афродитѣ.

Мы думаемъ, что въ καὶ γόνων должно заключаться опредѣленіе въ слову δῶρα; производя γόνων отъ γόνος—рожденіе, роды, потомство (или, если кому болѣе нравится, вмѣсто γόνων, γόνων отъ γονή, въ томъ же значеніи), мы принимаемъ предлогъ καὶ (=κατά) въ значеніи „относительно, по поводу“. Мы, правда, затруднились бы дать вполне аналогичный нашему примѣру употребленія предлога κατά въ такомъ значеніи, но думаемъ, что, какъ приводимые ниже случаи употребленія его, такъ и совершенно обычное его употребленіе въ значеніи „противъ“ указываютъ на болѣе первоначальное употребленіе его въ болѣе широкомъ значеніи „относительно, касательно чего-нибудь“, изъ котораго въ послѣдствіи получилось и особенно прочно укоренилось болѣе узкое, in malam partem, „противъ“. Это болѣе широкое значеніе мы видимъ въ такихъ примѣрахъ, какъ Plat. Sympos. p. 193 C: λέγω καθ' ἀπάντων; Phaed. 70 D: μὴ κατ' ἀνθρώπων σκόπει μόνον τοῦτο, ἀλλὰ καὶ κατὰ ζώων πάντων καὶ φυτῶν; Xenoph. Cyn. I, 2, 16 ταῦτα κατὰ πάντων Περσῶν ἔχομεν λέγειν=„относительно всѣхъ персовъ“; Plat. Phaedr. 260 B: ἔπαινος κατὰ τοῦ θῆου; Demosth. VI, 9 δ καὶ μέγιστόν ἐστι καθ' ὁμῶν ἐγκώμιον; Demosth. XIX, 84 αὶ κατὰ Θηβαίων ἐλπίδας „надежды относительно овьянъ“. Не думаемъ, чтобы было справедливо мнѣніе, высказанное и въ словарѣ Пале, что указанное значеніе κατά есть распространеніе со времени Платона первоначальнаго значенія „противъ“. Нѣтъ основанія считать Платона новаторомъ въ этомъ дѣлѣ, нѣтъ основанія предполагать переходъ отъ болѣе узкаго въ болѣе широкому, а не наоборотъ. Съ другой стороны, нельзя установить, почему бы значеніе „противъ“ было болѣе присуще предлогу κατά, чѣмъ значеніе „относительно, касательно“. Въ виду всего этого намъ не кажется натяжкой соединеніе δῶρα τίμα καὶ γόνων въ значеніи „дѣнные дары относительно, по поводу родовъ“ или же „относительно потомства, за потомство“: выбрать между тѣмъ или другимъ переводомъ невозможно, такъ какъ γόνος можетъ значить и то, и другое; мы впрочемъ предпочитаемъ первое. Употребленіе множественнаго числа про единичный случай для слова γοναί, по крайней мѣрѣ, можетъ быть засвидѣтельствовано нѣсколькими примѣрами.

Что за благополучные роды (или за благополучіе потомства) приношеніе, въ видѣ головного убора, посвящается Афродитѣ, носящей между прочимъ прозвища Γαιετολλίς и Κοιροτρόφος, прототипу римской Venus Genetrix, едва ли можетъ вызвать недоумѣніе.

Такимъ образомъ, принимая еще въ 3 ст. вставку Нейе [σὺ γ'], а въ 4-мъ вставку Зейдлера εἰς σ', мы читаемъ весь отрывокъ:

Χερρόμακτρα δὲ πορφύρα
ταῦτα μὴ σὺ γ' ἀτιμάσῃς·
εἰς σ' ἐπεμψ' ἀπὸ Φακίας
δῶρα τίμα κατ' ἰόνων.

Отр. 51.

Въ этомъ отрывкѣ, удачно соединенномъ изъ двухъ Лахманомъ, ясенъ размѣръ въ первомъ и третьемъ стихѣ: они состоятъ изъ двухъ равныхъ частей, раздѣленныхъ цезурой, передъ которой послѣдній слогъ могъ быть syllaba anceps:

— / — — / = || — / — — / =

Второй стихъ безъ труда приводится къ той же схемѣ, если принять исправленіе Зейдлера ἔλεν вмѣсто ἑλών:

Ἔρμας δ' ἔλεν ἔλπιν θεοῖσ' οἰνοχόησαι.

Исправленіе это принято въ настоящее время; протестуетъ противъ него Гоффманъ, который строго проводитъ въ колическихъ текстахъ форму дательнаго падежа 1 и 2 склон. на *αι* и соблюденія *ϝ* въ началѣ словъ, и читаетъ поэтому

Ἔρμας δ' ἑλών ἔλπιν θεοῖσι | *ϝ*οινοχόησαι.

Мы согласны съ обоими этими требованіями Гоффмана относительно текстовъ Саффо, но полагаемъ, что *ϝ* между двумя гласными и двухъ разныхъ словъ могло также выпадать, какъ и среди слова, и затѣмъ ничто уже не мѣшало элизіи.

Четвертый стихъ представляетъ больше затрудненій. Онъ читается въ рукописяхъ такъ:

καὶ ἔλειβον, ἀράσαντο δὲ πάνπαν ἔσλα (или ἐσθλά).

Бергъ разсматриваетъ этотъ стихъ какъ заключительный стихъ строфы, имѣющій размѣръ особый отъ трехъ предшествующихъ. Но нѣкоторые изъ ученыхъ пытались и въ немъ возстановить тотъ же размѣръ. Изъ этихъ попытокъ мы признаемъ болѣе удачною для первой части стиха возстановленіе Кёхли, которое считаемъ возможнымъ исправить во второй части.

Кёхли читаетъ:

καλειβον, ἀραντο || δὲ πόλλα πάν ἔσλα,

но соединеніе πόλλα πάν ἔσλα едва ли удачно, мы предлагаемъ πάντα

μάλ' ἔσλα: соединеніе πάντα μάλα достаточно знакомо хотя бы изъ П. XXII, 115, Od. XVI, 286, и легко объяснимо палеографически рукописное πάνπαν изъ πάνταμ(αλ'). Такимъ образомъ, весь отрывокъ мы читаемъ:

Κῆ δ' ἀμβροσίας μὲν κράτηρ ἐκέκρατο·
 Ἔρμας δ' ἔλεν ἔλπιν θεοῖσ' οἴνοχόησαι,
 κῆνοι δ' ἄρα πάντες καρχήσια τ' ἤχον
 κᾶλειβον, ἄραντο δὲ πάντα μάλ' ἔσλα
 τῷ γάμβρῳ.

Отр. 70.

Аэиней приводитъ два стиха, содержащія насмѣшку надъ Андромедой, въ такомъ видѣ:

τίς δ' ἀγροῖωτίς τοι θέλγει νόον
 οὐκ ἐπισταμένη τὰ βράχε' ἔλκειν ἐπὶ τῶν σφύρων;

у Максима же Тирскаго, очевидно, часть того же отрывка читается:

τίς δ' ἀγροῖωτιν ἐπεμμένα στόλην.

Бергъ полагаетъ, что Максимъ только пересказываетъ слова Саффо, и не считаетъ возможнымъ принимать текстъ Максима во вниманіе для возстановленія перваго стиха, который, очевидно, испорченъ, тогда какъ второй стихъ сохранилъ свой размѣръ и, за исключеніемъ отступленій отъ діалектическихъ формъ, переданъ правильно. Но уже золическая форма ἐπεμμένα ¹⁾ у Максима Тирскаго указываетъ, что слова его прямо взяты изъ текста Саффо. По всей вѣроятности, въ первомъ стихѣ Аэиней и въ отрывкѣ у Максима сохранились осколки одной фразы Саффо. Гиллеръ раздѣляетъ эти осколки на два стиха, не пытаясь возстановить ихъ. Въ одинъ стихъ пытаются соединить Нейе, Гартунгъ, Аренсъ; болѣе удачно, по нашему мнѣнію, послѣдній, читая:

[Ἄτθι], τίς δ' ἀγροῖωτίν σε νόον θέλγει ἐπεμμένα,

только тутъ совершенно лишне и съ вѣтру взято Ἄτθι, тогда какъ недостаетъ необходимаго σπόλαν (=στολήν), почему мы читаемъ

σπόλαν τίς δ' ἀγροῖωτίν σε νόον θέλγει ἐπεμμένα.

¹⁾ Такъ Гоффм. р. 151 „doch ist ἐπεμμένα eine gut äolische Form“, хотя на стр. 463 онъ говоритъ „das überlieferte ἐπεμμένα... ist sicher nicht von der Sappho“.

Получающаяся такимъ образомъ нѣсколько, правда, затруднительная разстановка словъ едва ли можетъ быть названа безпримѣрной; что же касается до трохея въ первой стопѣ, то, какъ видно и изъ другихъ примѣровъ подобнаго стиха, такъ называемаго Σαπφικόν ἐκχαίδεχασύλλαβον (напримѣръ, № 65), который Ифестіонъ относитъ къ антиспастическому размѣру (X, 12), такъ и изъ прямого свидѣтельства Ифестіона въ началѣ главы объ антиспастическомъ размѣрѣ (X, 1), первая стопа могла имѣть всѣ 4 формы двусложной стопы.

Отр. 78.

Аеиней XV, 674 E, приводя нѣкоторыя объясненія обычая древнихъ надѣвать къ пиру вѣнки, говорить: Σαφῶ δ' ἀπλούστερον τὴν αἰτίαν ἀποδίδωσιν τοῦ στεφανοῦσθαι ἡμᾶς, λέγουσα τάδε·

Σὺ δὲ στεφάνοις ὠδिका παρθεῶθ' ἐράταις φόβαισι
 ὄρπακας ἀνήτωι συναρραις ἀπαλλαγισῆ χέρσιν
 εὐάνθεα γὰρ πέλεται καὶ Χάριτες μάκαιρα
 μάλλον προτέρηνα στεφανώτοισι δακυστρέφοντα.

ὡς εὐανθέστερον γὰρ καὶ κεχαρισμένον μάλλον τοῖς θεοῖς παραγγέλλει στεφανοῦσθαι τοὺς θύοντας.

Для первыхъ двухъ стиховъ теперь установлено чтеніе, принятое и Бергкомъ, и Гиллоромъ:

Σὺ δὲ στεφάνοις, ὦ Δίκα, παρθεῶθ' ἐράταις ¹⁾ φόβαισιν,
 ὄρπακας ἀνήτοιο συνέρραισ' ἀπάλαισι χέρσιν.

Но насъ не удовлетворяетъ во 2-мъ стихѣ поправка Аренса, внесеннаго эпическую форму ἀνήτοιο вмѣсто сохранившейся въ рукописяхъ правильной эолической ἀνήτω; другія попытки возстановить недостающій здѣсь для размѣра слогъ путемъ растяженія формы συνέρραισ(α) въ συνεέρραισ(α), συνεῖρραισ(α) справедливо забракованы. Мы предлагаемъ вставить τε, въ то же время и въ 1 ст. вмѣсто едва ли удачнаго In fin. pro Imperativo παρθεῶθ' читая πέρθεσ τ' и перенеся запятую съ конца 1-го стиха послѣ слова ἀνήτω. Что касается до Act. πέρθεσ,

¹⁾ Фикъ и Гоффманъ читаютъ вин. пад. ἐράτοις, относи его къ στεφάνοις, наставляя на томъ, что дат. пад. былъ бы ἐράταις. Но теперь и Гоффманъ призналъ, что не только опредѣленный членъ, но и прилагательное, стоящее передъ существительнымъ, можетъ имѣть въ дат. пад. краткую форму на -οις, -αις.

то аналогичные примѣры имѣемъ у Алкея fr. 36 *περθέτω πλέκταις ὑποθύμδας τις*; Plat. ger. III, 806 d *κλίδια περί τήν κεφαλήν περιτιθείς* и др.

Болѣ затрудненій представляютъ слѣдующіе два стиха. За исключеніемъ конца, восстановленнаго еще Казаубономъ, *ἀστεφανώτοις δ' ἀποστρέφονται*, остальное восстанавливается издателями весьма различно, при чемъ одни далеко удаляются отъ текста, другіе даютъ восстановленія далеко не ясныя по смыслу и по конструкціи, какъ восстановленія Бергка:

*εὐάνθεον ἐκ γάρ πέλεται καὶ χάριτος μακαίρων
μᾶλλον προτέρην (=προτερεῖν)*

или Германа:

*εὐανθεῖα γάρ πέλεται καὶ χάριτες μακαίρα
μᾶλλον προτόρην (=προσορᾶν).*

Чтеніе Германа во второй части принимаетъ и Крузіусъ, читая въ началѣ стиха *εὐάνθεα γάρ θεῖα πέλεται*, а въ концѣ—*μάκαραι* и объясняя *πέλεται* *προσόρην*=*πέφυκε* *προσορᾶν*; но какъ тогда объяснить именит. пад. *Χάριτες*?

Мы предлагаемъ чтеніе, менѣе всего удаляющееся отъ рукописнаго и дающее прекрасный смыслъ:

*εὐανθεῖα αἱ γάρ πέλεται, καὶ Χάριτες μάκαραι
μᾶλλον προτόρηντ'.*

Красисы въ родѣ предполагаемаго нами *εὐανθεῖα αἱ* въ эолийской поэзіи дѣло обычное. Форма же *προτόρηντ'*, отъ глагола *προτ-όρημι* (Sappho II, 11)=*προσ-οράω*, если не можетъ быть 3 лицомъ мн. ч. *Activi*=*προτόρηντι*, что я не считалъ бы невозможнымъ ¹⁾, то вполнѣ можетъ быть 3 л. мн. ч. *Medii*=*προτόρηνται*, какъ *пронόηνται*, *διασάφηνται* въ надписяхъ (см. Hoffm., p. 575); *πότη* (Sappho, 41), *ποτήμενα* Theocr. 29, 39 отъ *ποτάομαι*, *ποτέομαι*. *Medium* же отъ *προσοράω* встрѣчается не только у Гомера, но и у Эсхила, Софокла и Еврипида.

Отр. 91.

Ифестіонъ въ XI главѣ *περί ποιημάτων* (p. 129) говоритъ „ὅταν τὸ ἐφύμνιον μὴ μετὰ στροφὴν ἀλλὰ μετὰ στίχον κέηται, περιλαμβανόμενον ἄλλω

¹⁾ Евстаціи 1557, 44 приводитъ, какъ поляческія, формы *φίλεντι*, *οἰκέντι*.

στίχη, μεσόμενον καλεῖται τὸ ποίημα“ и приводитъ отрывокъ Саффо изъ трехъ половинокъ гексаметра, раздѣленныхъ пригѣвомъ Ἰμήναον.

У Димитрія De elocut. CLXVIII приводится тотъ же самый отрывокъ, но нѣсколько длиннѣе, такъ что логкими исправленіями можетъ быть обращенъ въ два цѣльныхъ гексаметра, притомъ безъ вставнаго пригѣва. Изъ всего этого съ очевидностью слѣдуетъ, что пригѣвъ слѣдовалъ послѣ каждой половины гексаметра, не входя въ составъ его, и невозможно понять, какимъ образомъ Гартунгъ и Кёхли старались возстановить сплошные гексаметры, включавшіе въ себя и пригѣвъ. Что же касается до пригѣва, то онъ состоитъ изъ загадочнаго по своей формѣ слова Ἰμήναον: звательный ли это падежъ, или винительный? Въ послѣднемъ случаѣ, отчего онъ зависитъ? Мнѣ кажется, что слово, отъ котораго зависитъ этотъ вин. пад. у Ифестіона, выпало и должно быть возстановлено по указанію Марія Плотія; этотъ послѣдній (р. 266), говоря, что дактилическій диметръ въ гименейхъ у Саффо всегда состоитъ изъ двухъ дактиловъ, приводитъ, правда, вѣ очень искаженной формѣ, и два образчика, изъ которыхъ первый, какъ намъ кажется, долженъ быть возстановленъ въ нашемъ мѣстѣ. Онъ читается въ рукописяхъ ΥΕΣΖΕΡΥΜΗΝΙΟΝ или ΥΕΣΣΕΡΥΙΑΝΙΟΝ, Бергкъ исправляя какъ отдѣльный отрывокъ (№ 107) на Ἰμεν' Ἰμήναον (мало понятное) или, позднѣе, ἔσπετ' Ἰμήναον; можетъ быть, болѣе подходило бы ἕμνετ', форма Imperativi, отъ ἕμνεω, какъ въ надписяхъ κατὰγρευτον, κάλευτον (см. Гоффм., р. 574). Такимъ образомъ весь отрывокъ получаетъ такую стихотворную форму

/ — — / — — / — —
 / — — / — — / — —
 — / — — / — — / — —
 / — — / — — / — —

т.-е. состоитъ изъ чередующихся пареміаковъ съ анакрузой и безъ анакрузы, прерываемыхъ дактилическими диметрами и читается нами:

Ἰψοὶ δὴ τὸ μέλαθρον,
 ἕμνετ' Ἰμήναον,
 Ἀέρρετε τέχτονας ἄνδρες,
 ἕμνετ' Ἰμήναον,
 Γάμβρος φίσος ¹⁾ Ἄρευι,

¹⁾ Такъ Гоффм., у Ифестіона ἔρχεται ἴσος, у Димитрія εἰσέρχεται ἴσος. Слово ἔρχεται могло попасть сюда изъ дальнѣйшаго, 5-го пареміака.

ὑμεῖς Ἰμήναον,
 ἄνδρος μεγάλῳ πόλῳ μείζων,
 ὑμεῖς Ἰμήναον.

Отр. 95.

Отрывокъ изъ эпиграммъ Сапфо, долженствующій, очевидно, представлять два гексаметра, приводится въ наиболѣе полномъ видѣ въ Etymol. Florent.:

Ἔσπερε πάντα φέρων, ὅσα φαίνολις ἐσκέδαο' αὔωσ,
 φέρεις οἶον, φέρεις οἶνον, φέρεις αἶγα, φέρεις ἄποιον μητέρι παῖδα.

Въ другихъ Etymologica и въ двухъ другихъ мѣстахъ имѣется только первый стихъ, но начало 1-го стиха и 2-го приводятся еще Димитріемъ Фалирскимъ въ слѣдующемъ видѣ:

Ἔσπερε πάντα φέρεις,
 φέρεις δῖν (или οἶνον), φέρεις αἶγα, φέρεις ματέρι παῖδα.

Существенно важное для пониманія и восстановленія 2-го стиха угадалъ Бергъ въ словѣ ἄποιον, измѣнивъ его въ ἄπο и понимая φέρεις ἄπο матери въ значеніи „ты уносишь у матери“. Такое же значеніе „упосишь“ долженъ имѣть глаголь φέρεις и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ этого отрывка, и въ такомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь отрывокъ изъ хоровой партіи дѣвушекъ, бранившихъ вечеръ, какъ въ подражаніи Катюлла 62, 20 sq.

Hesperes, quis caelo fertur crudelior ignis?
 Qui natam possis complexu avellere matris.

Но другіе, какъ Аренсъ, Германъ, Гартунгъ, Кёхли, восстановляютъ стихъ безъ ἄπο, принимая φέρεις въ значеніи „ты приносишь“ и влагая эти стихи въ уста юношей, хвалящихъ вечеръ, чему могли бы соотвѣтствовать у Катюлла стихи, выпавшіе передъ 33-мъ или, по Кёхли, между 35-мъ и 36-мъ. Но, не говоря уже о загадочномъ ἄποιον, остающемся тогда безъ объясненія, упоминаніе о томъ, что вечеръ „приноситъ“ къ матери дитя, едва ли было бы умѣстно въ устахъ юношей, точно также какъ „ты приносишь овцу, возу“ въ смыслѣ „ты возвращаешь стадо домой“, выраженіе вялое и мало удачное. Прямая поэтому къ мнѣнію Берга, мы однако не можемъ согласиться съ его чтеніемъ:

φέρεις οἶν, φέρες αἶγα, φέρεις ἄπο μάτερι καῖδα,

такъ какъ и размѣръ не выходитъ, и форма φέρες = φέρεις произвольная.

Мы предлагаемъ въ соединеніи съ οἶν и αἶγα читать Imperfectum, второй разъ безъ приращенія:

οἶν ἔφeres, φέρες αἶγα, φέρεις ἄπο μάτερι καῖδα,

„овцу уносишь ты, уносишь козу, (теперь) уносишь у матери дочь“ ¹⁾.

Отр. 100.

Отрывокъ, помѣщенный у Бергка подъ этимъ номеромъ, напечатанъ въ болѣе полномъ видѣ III. Гро въ Мадридской рукописи рѣчей Хоринія (Rev. de philol. IV, 1880, p. 81), гдѣ читается:

Σοὶ χάριεν μὲν εἶδος καὶ ὄμματα μελίχρᾶ,
ἔρωσ δὲ καλῶ περικέχεται προσώπῳ

и

Σὲ τετίμακεν ἔξοχος ἡ Ἀφροδίτη.

Вейль соединилъ, на основаніи одного стиха, сообщаемого отсюда Ифестіономъ, все въ одинъ отрывокъ:

Σοὶ χάριεν μὲν εἶδος, ὄπματα <δὲ>....
μελίχρῳ δ' ἐπ' ἡμέρῳ κέχεται προσώπῳ
.. τετίμακ' ἔξοχα σ' Ἀφροδίτα.

Весьма возможно, что чтеніе Ифестіона: μελίχρῳ, μελίχρῳ, μελίχρῳ и т. п. произошло отъ сліянія μελίχρ' ἔρωσ δ' (или ἔρωσ δ'); недостающее въ 1-мъ и 3-мъ стихѣ мы пытаемся дополнить слѣдующимъ образомъ

— — — — —
Σοὶ χάριεν μὲν εἶδος, ὄπματα [ὄ' ἔσχεν αἶδος]
μελίχρ', ἔρωσ ²⁾ δ' ἐπ' ἡμέρῳ κέχεται προσώπῳ
[πάντι κάλῳ]· τετίμακ' ἔξοχα σ' Ἀφροδίτα.

¹⁾ Защищаетъ неуклюжій стихъ рукописей, также какъ и въ отрывкѣ 91, Wilamowitz, Die Textgeschichte der gr. Lyriker (Abh. d. k. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen, N. F. IV, 3, 72).

²⁾ Вилламовицъ въ Götting. Abhandl. N. F. IV, 73 прим. 2 приводитъ первые два стиха, восстанавливая ὄπματα δ' (<ἰστί, νόμῳ>), μελίχρ', ἔρωσ δ'....

Отр. 93 (примѣч.), 133 (примѣч.), 147.

Риторъ IV вѣка по Р. Хр. Имерій въ рѣчи по поводу свадьбы нѣкоего Севера (ог. 1), какъ онъ самъ неоднократно указываетъ, пользуется цитатами и пересказомъ изъ эпиграммъ Саффо. Мы даемъ здѣсь въ нашемъ исправленіи тѣ мѣста изъ его рѣчи, въ которыхъ можно видѣть заимствованія изъ Саффо. Кромѣ издателей Имерія Дюбнера и Вернадорфа, исправленіемъ текста этихъ частей рѣчи Имерія занялся Мели (Mähly, въ Rhein. Mus. XXI, 1866, 301 sqq.), во многихъ мѣстахъ черезъ чуръ уже безцеремонно измѣняющій текстъ.

4. Τῶν ποιητῶν οἱ πλείους τὰ Ἀφροδίτης ὄργια παρήκαν τῇ Λεοβία Σαπφοῖ καὶ ἄδειν πρὸς λύραν καὶ ποιεῖν τὸν ἐπιθαλάμιον ¹⁾ ἢ καὶ εἰσῆλθε μετὰ τῶν σαγῶν ²⁾ εἰς θάλαμον, πα[ρ]ε[σχευά]κει ³⁾ παστάδα, τὸ λέχος ἡμεροῦν ⁴⁾ στρώνουσι, γράφει παρθένους, νυμφαῖτον ἄγει καὶ Ἀφροδίτην ἐφ' ἄρματι ⁵⁾, Χαρίτων χορὸν καὶ Ἔρωτα ⁶⁾ συμπαίστορα. καὶ τῆς μὲν ὑακίνθοφ τὰς κόμας σφίγγασα, πλὴν ὅσαι μετώφῳ μερίζονται, τὰς λοιπὰς ταῖς αὔραις ἀφῆκεν ὑποκυμαίνειν, εἰ πλήττοιεν τῶν δὲ τὰ πτερὰ καὶ τοὺς βοστρύχους χρυσῶν κοσμήσασα, πρὸ τοῦ δίφρου σπεύδει κομπεύοντας ⁷⁾ καὶ δᾶδα κινούοντας μετάρσιον.

§ 19. Ораторъ обращается къ невѣстѣ:

Ἦ καλὴ, ὦ χαρίεσσα, πρέπει γάρ σοι τὰ τῆς Λεοβίας ἐγκώμια, σοὶ μὲν γὰρ ῥοδόσφουροι Χάριτες χρυσῇ τ' Ἀφροδίτῃ συμπαίζουσιν, ὧραι δὲ λευκῶνας βρούουσι· οὐ δ' ὑπὲρ αὐτῶν χορεύεις ⁸⁾, κοῦφα σκιρτῶσα πρὸς μέλος. Ἔρωτες δὲ

¹⁾ Такъ Мели; рукоп. θάλαμον; но не слѣдуетъ ли читать: κομῶν περὶ τὸν θάλαμον?

²⁾ Саффо входитъ съ поклажей новобрачной въ домъ жениха и устраиваетъ тамъ все для свадьбы; понимать это нужно такимъ образомъ, что о всѣхъ этихъ приготовленияхъ до прихода новобрачныхъ упоминалось въ эпиграммѣ Саффо, какъ еще въ извѣстномъ отрывкѣ ὕφει δὴ τὸ μέλαθρον, ἀέρρατα τέκτονας ἄνδρες. Въ рукоп. читается μετὰ τοὺς ἀγῶνας, что могло бы имѣть только одно удовлетворительное объясненіе, т.-е. „послѣ состязаній между юношами и дѣвушками“, но все описываемое дальше едва ли могло происходить послѣ этихъ „состязаній“.

³⁾ Въ рукоп. πλέκει, что удерживаютъ другіе, объясняя „обвиваетъ гирляндами ложе“, но такое значеніе πλέκειν имѣть не можетъ.

⁴⁾ Mähly; рукоп. Ὀμήρου.

⁵⁾ Dübner; рук. ἄρμα.

⁶⁾ Рукоп. καὶ χορὸν Ἐρώτων.

⁷⁾ Dübner, рукоп. σπένδει πολιτεύοντας.

⁸⁾ Рук. χορεύειν.

ῥόδων στεφάνους πλεξάμενοι, οὐς ἐξ Ἀφροδίτης κήπων, ἔταν θέλωσι, δρέπονται, τὴν παστάδα πᾶσαν ἀνάπτουσιν. Πειθὼ δὲ καὶ Πόθος ¹⁾ καὶ Ἴμερος τὸ σὸν κάλλος ἅπαν ἐνεΐμαντο.

Въ первой половинѣ этого отрывка легко можно распознать стихи дактилическаго размѣра; Кокъ (Коск) выдѣлилъ 2¹/₂ гексаметра, которые мы предпочитаемъ раздѣлить на самостоятельныя половины (пареміаки) и привести къ эолической орфографіи; къ нимъ мы присоединяемъ еще два стиха.

Ἦ κάλα, ὦ χαρίεσσα,
σοὶ μὲν γάρ Χαρίτες τε
Ἐροδόσφυροι ἦδ' Ἀφροδίτα
χρῶσα συμπαίσοισι,
βρούοισι τὲ λείμακας Ὠραι·
κοῦφα δὲ πρὸς μέλος ἔνθα
σὺ περὸ κίρτοισα χορεύεις.

I, 20 Имерій опять обращается къ невѣстѣ, говоря, что если бы была необходимость и въ пѣснѣ, то онъ далъ бы такого рода поэтическое произведение:

Νύμφα ῥοδέων ἐρώτων βρούουσα, νόμφα Παφίης ἄγαλμα κάλλιστον, ἴθι πρὸς εὐνήν, ἴθι πρὸς λέχος, μέλιχα παίζουσα, γλυκεῖα νομφίφ. Ἐσπερός σ' ἐκοῦσαν ἄγοι ²⁾, ἀργυρόθρονον ζυγίαν Ἦραν θαυμάζουσαν.

И здѣсь путемъ простой перестановки словъ можно получить нѣсколько правильныхъ сапфическихъ стиховъ. Очевидно, это пересказъ стихотворенія, написаннаго сапфическимъ размѣромъ, т.-е., конечно, стихотворенія Сапфо, а не подражаніе, какъ думаетъ Бергкъ. Попытку возстановить стихи предпринимали Вестфаль (Jahrb. f. Philol. LXXXI, 690) и Мели (не упоминающій о Вестфалѣ) въ указанномъ мѣстѣ; получаютъ двѣ полныхъ сапфическихъ строфы, при чемъ первые два стиха у Вестфала и у Мели одинаковы; далѣе до середины 5-го стиха удачѣе у Мели, а конецъ у Вестфала. То принимая возстановленія того или другого, то возстановляя по своему, мы остановились на слѣдующей редакціи этого стихотворенія

Νύμφ' ἐρώτων ὦ Ἐροδέων βρούοισα,
νόμφα κάλλιστον Παφίας ἄγαλμα,

¹⁾ Рук. πόθοι.

²⁾ Dübн., рукоп. ἄμ'.

μελλίχως παίδουσα, γλύκαια γάμβρφ
 ἴθι πρὸς εἶναν·
 ἴθι πρὸς λέχος ¹⁾ [καχάροισα θύμφ]· ²⁾
 Γέσπερός σ' ἔχοισαν ἄγοι [λέχοσδε] ³⁾
 θαυμάσοισαν [τάν] ⁴⁾ ζυγίαν [θέον] ἀργο-
 ρόθρονον Ἦραν.

Р. Ленеръ.

¹⁾ До сихъ поръ какъ Мели, который только вмѣсто ἴθι ставить σταῖχε (Westph. βᾶθι); мы рѣшились сохранить ἴθι, предполагая, что с можетъ быть здѣсь долгое по аналогіи съ βῆθι, στῆθι, δῶθι, φάνηθι и т. д.

²⁾ Дополненіе только предположительно.

³⁾ Весь стихъ какъ у Вестфала, у котораго на концѣ только δάμονδα.

⁴⁾ Вестфаль: θαυμάσιας δ' ἄν, остальное также. Мели отказывается отъ восстановленія конца строфы, читая съ половины 5-го стиха σελας Ἐσπέριου | ἀργοροθρόνα ζυγίαν τε Ἦραν | θαυμάδοισα.

КЪ ПОЭМЪ РАБІРІЯ DE BELLO ALEXANDRINO,

3-го ноября 1752 г. ¹⁾ въ одной изъ Геркуланскихъ виллъ, теперь вновь засыпанной ²⁾, была найдена цѣлая библіотека (около 1700) ³⁾ полуистлѣвшихъ, похожихъ на высушенные табачные листья, папирусныхъ свитковъ, нынѣ хранящихся въ Неаполитанскомъ національномъ музеѣ. Среди массы произведеній греческихъ философовъ, преимущественно эпикурейской школы, была найдена *carpa* съ нѣсколькими (до 24) ⁴⁾ склеившимися ⁵⁾ листками латинскаго уставнаго письма (*scriptura capitalis*), представляющими собою отрывки или, вѣрнѣе сказать, остатки какой-то поэмы, имѣвшей, повидимому, своимъ содержаніемъ войну Цезаря Октавіана съ Антоніемъ и Клеопатрой. Такъ какъ извѣстно, что надъ тѣмъ же сюжетомъ работалъ одинъ изъ виднѣйшихъ поэтовъ времени Августа Рабирій, то въ настоящее время едва ли кто станетъ сомнѣваться въ принадлежности геркуланской поэмы перу этого младшаго современника Овидія ⁶⁾. Немедленно

¹⁾ *Fragments Herculaniensia. A descriptive Catalogue of the Oxford copies of the Herculanean rolls etc.* by Walter Scott, Oxford, 1885. p. 1.

²⁾ Winckelmann, *Opere* ed. Fernow. II. B. p. 39, 94, 227.

³⁾ Morgenstern, *Auszüge aus den Tagebüchern u. Papieren eines Reisenden (Reise in Italien im I. 1809)*. I, 1. Dorpat u. Leipzig. 1811. S. 159. S. Humphry Davy, *On the papyri found in the ruins of Herculaneum (Philosophical Transactions of the Royal Society of London)* 1821 p. II. p. 194.

⁴⁾ W. Scott l. 1. *Introd.* p. 15.

⁵⁾ S. Humphry Davy l. 1. p. 195: A number of darker brown ones which appeared to be Latin MSS., were agglutinated as it were into one mass.

⁶⁾ Egger, *Examen critique des historiens anciens de la vie et du regne d'Auguste*, Paris, 1844. p. 223 sq. Cf. *ibid.* p. 112: On peut placer en première ligne les ouvrages de L. Varius... Ceux de C. Rabirius, qui contenaient au moins le récit épique

по открытіи папируса, съ него была снята копія Джованни Малески, рѣзанная на мѣди Бартоломео Оратіи. Восемь наиболѣе разборчивыхъ и сохранившихся фрагментовъ, т. е. около трети всего найденнаго, было издано въ 1809 г., съ комментаріями Николая Чампитти, во второмъ томѣ собранія Геркуланскихъ отрывковъ ¹⁾, съ приложеніемъ копіи Малески, долженствовавшей изображать изъ себя факсимиле папируса, но, какъ позже оказалось, довольно плохой и неточной. Копія пятаго отрывка была повторена въ книгѣ Моргенштерна въ концѣ 1-го выпуска перваго тома. Позже въ собраніи Цангемейстера и Ваттенбаха былъ изданъ девятый отрывокъ поэмы ²⁾. Въ 1863 г. Гомперцемъ, Коксомъ и Эллисомъ въ Оксфордской бібліотекѣ былъ найденъ ящикъ, въ которомъ оказались другія копіи съ тѣхъ же Геркуланскихъ папирусовъ, сдѣланныя по порученію принца Уельскаго бібліотекаремъ Джономъ Хетеромъ ³⁾ между 1806 и 1809 г., когда онъ былъ отозванъ обратно въ Англію и, слѣдовательно, увезъ свои копіи съ собою. Копіи Хетера, отчасти карандашныя, отчасти рѣзанныя на мѣди, сейчасъ же стали извѣстны въ наукѣ, и уже Беренсъ въ своемъ изданіи нашей поэмы ⁴⁾ воспользовался ими, хотя и въ недостаточной мѣрѣ. Въ 1885 г. наконецъ гравюры Хетера были изданы ⁵⁾, и съ тѣхъ поръ, хотя въ нѣкоторой степени, стало возможно дружными стараніями многихъ привести отрывки поэмы къ болѣе или менѣе полному возстановленію.

Первые слухи о нашей поэмѣ разошлись въ публикѣ около 1803—1804 г. ⁶⁾, а можетъ быть, и немного ранѣе, въ 1802 г. ⁷⁾, но, повидимому, не выходили изъ предѣловъ Італіи. Вслѣдъ за изданіемъ Чампитти въ 1809 г., Моргенштерна въ 1811 г. и одновременнымъ

de la guerre d'Actium et d'Alexandrie, auquel appartiennent peut-être les curieux fragments trouvés à Herculaneum, я въ ero же *Latini sermonis vetustioris reliquiae selectae*, Paris, 1843, p. 313: ce dernier (C. Rabirius) paraît réunir aujourd'hui plus de voix en sa faveur etc. Mommsen въ *Archäologische Zeitung*. 1880 (Bd. 38). S. 32. Anm. 3: Das Epos dem die Beschreibung der Schlacht von Actium angehört wahrscheinlich dem Rabirius, dem Zeitgenossen des Vergilius.

¹⁾ *Herculaneum Voluminum quae supersunt*, t. II, Neapoli, 1809, p. VII.

²⁾ *Exempla codicum Latinorum*, Heidelbergae, 1876, tab. III.

³⁾ W. Scott l. l. p. VIII S. H. Davy l. l. p. 208. Gomperz, *Herculaneum Studien*, Leipzig, 1865, I, S. IX. Ellis въ *The Journal of Philology*, XVI (1888), p. 82.

⁴⁾ *Poetae latini minores, rec. et emend. Aem. Baehrens*, vol. I, Lipsiae, 1879, p. 212—220.

⁵⁾ W. Scott l. l. p. XLII sqq.

⁶⁾ Ciampitti l. l. p. VII.

⁷⁾ Egger, *Latini sermonis vetustioris reliquiae selectae*, p. 314.

опубликованіемъ текста съ краткими замѣчаніями Гейне ¹⁾ вышло и первое отдѣльное изданіе поэмы въ 1814 г. германскаго филолога Крейссига ²⁾, повторенное имъ съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками въ 1835 г. ³⁾ вмѣстѣ со вторымъ изданіемъ примѣчаній на отрывки третьей книги Исторій Саллюстія. Одновременно нѣкоторыя конъектуры были предложены де-Феа и Меркелемъ, перепечатавшими текстъ поэмы, первымъ въ его изданіи Горалдія ⁴⁾, вторымъ въ изданіи Печалей Овидія ⁵⁾. Въ 1818 и слѣдующихъ годахъ нѣкоторые Геркуландскіе отрывки подверглись химической обработкѣ, произведенной извѣстнымъ англійскимъ химикомъ сэромъ Гѣмфри Деви ⁶⁾. Впрочемъ, не извѣстно навѣрное, были ли среди упомянутыхъ имъ латинскихъ папирусовъ также отрывки поэмы Рабирія. Въ 1830 г. вышелъ итальянскій переводъ поэмы сдѣланный Монтанари ⁷⁾. Къ 1843 г. относится послѣднее изданіе текста въ сборникѣ памятниковъ древней латыни Эгже ⁸⁾, и съ тѣхъ поръ вплоть до 1870 года никто изъ ученыхъ Рабиріемъ не занимается. Лишь въ этомъ году Ризе ⁹⁾ попытался дать болѣе отвѣчавшее потребностямъ времени новое критическое изданіе отрывковъ, но нельзя сказать, чтобы очень удачно, такъ какъ и онъ пользовался вмѣсто подлинной рукописи все той же неисправной копіей Малески. Девять лѣтъ спустя явилось изданіе Беренса, о которомъ мы уже говорили выше, изданіе сравнительно съ прежними удовлетворительное уже потому, что онъ первый оцѣнилъ значеніе гравюръ Хетера, которыми и воспользовался. Однако, въ настоящее время, послѣ опубликованія ихъ въ книгѣ Вальтера Скотта и сопровождавшихъ эту публикацію статей и замѣтокъ Эллиса ¹⁰⁾, Има ¹¹⁾ и Вильгельма ¹²⁾, значи-

¹⁾ Götting. gelehrte Anzeigen, 1811. № 64, 65.

²⁾ Carminis Latini de bello Actiaco sive Alexandrino Fragmenta etc., Schneberger, 1814.

³⁾ Commentatio de C. Sallustii Crispi Historiarum lib. III fragmentis atque carminis latini etc., Misena, 1835, p. 119—192.

⁴⁾ Первое изданіе относится къ 1811 г.; второе: Q. Hor. Flacci Opera... denuo recens. etc. Frid. Henr. Bothe, Heidelbergae et Spira, 1821, Praef. p. XX—XXIII.

⁵⁾ R. Merkel, Prousiones ad Ovid. Ibin (въ изд. Trist. и Ibis), Berol. 1837. p. 380.

⁶⁾ Philosophical Transactions etc. 1821. p. 191 sqq.

⁷⁾ Frammenti di Rabirio poeta tradotti da G. Ign. Montanari, Forli, 1830.

⁸⁾ Sermonis latini etc. reliquiae, p. 313.

⁹⁾ Anthologia latina № 482 (cf. ibid. II, praef. p. VI).

¹⁰⁾ The Journal of Philology, 1888 (XVI), p. 82.

¹¹⁾ Rheinisches Museum für Philologie, 1897 (Bd. 52), S. 129 ff.

¹²⁾ Ibid. S. 296.

тельно устарѣвшее. Въ виду того, что сличеніе копій Хетера съ факсимиле Ваттенбаха и Цангемейстера даетъ намъ ясное представленіе о характерѣ письма самаго папируса и той точности, съ какою Хетеръ слѣдовалъ рукописной традиціи при передачѣ текста, отличающагося большою стилистичностью письма, въ которомъ всѣ буквы одинаковаго размѣра и способа начертанія, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ, гдѣ онѣ имѣютъ размѣръ меньшій въ копіи, но очевидно вслѣдствіе того только, что папирусъ въ этихъ мѣстахъ сморщился, какъ это часто случается, намъ кажется возможнымъ дать полную транскрипцію поэмы.

Fr. I.

Ст. 1. Ясно видны С и V; передъ С по разрыву папируса можно предполагать исчезнувшей букву В, занимавшую, вѣроятно, мѣсто 12 или 14 буквы отъ начала стиха. С можетъ конечно, быть остаткомъ G или O. Послѣ V стояло M или N, а слѣдующая за ней буква, судя опять таки по сциссурѣ, Q или V. Такимъ образомъ въ первомъ стихѣ можно лишь предположительно возстановить слѣдующее:

V . C VMQ[V] или VNV[M или S].

Ст. 2. Въ началѣ, судя по C(iampitti), стояло . . XIM съ двумя пропавшими буквами передъ X; у H(ayter'a) XIM нѣтъ вовсе. Крейссигъ, повидимому, съ нѣкоторой вѣроятностью дополняетъ [MA]XIM, хотя можно бы было предполагать какую нибудь глагольную форму вродѣ diximus и т. п. Слѣдующія буквы AEL . . TIA съ промежуткомъ не болѣе двухъ буквъ дополняются Крейссигомъ, какъ (c)ael(es)tia. Дѣйствительно, es какъ разъ заполняютъ лакуну. Допуская правильность конъектуры Крейссига, мы замѣчаемъ, что caelestia, стоя въ серединѣ стиха, могло начинать собою лишь 4-ю половину стоны дактилическаго гексаметра съ цезурой trithemimeres передъ с. Если XIM въ началѣ дѣйствительно стояло, то второе M приходилось или надъ is или надъ s a строки третьей (cesaris a), а отсюда до слова (c)ael(es)tia могли бы войти 5 квадратныхъ или 4 круглыхъ и широкихъ буквъ; такъ, напримѣръ, слово quem или hunc заполнило бы промежутокъ, причемъ передъ нимъ могло читаться maximus (конъектура Крейссига) или maxima. Отсюда видно, что caelestia ни въ коемъ случаѣ не стояло послѣ caesura penthemimeres, такъ какъ по положенію оно слишкомъ близко къ началу стиха, чтобы въ этомъ промежуткѣ могла уложиться пѣтая половина гексаметра, а слѣдовательно, послѣ caelestia также должно

было стоять односложное слово съ согласной въ началѣ и долгой гласной въ серединѣ или двусложное съ краткой гласной вначалѣ для возможности элизіи. На третьей или четвертой буквѣ послѣ caelestia папирусъ оборванъ, кажется, на частъ стоячей буквы, т. е. одной изъ слѣдующихъ: BDEFHILPRT. Въ пятой стои́тъ само собою напрашивався слово *pumina* или *sidera*. Клаузулу въ такомъ случаѣ составлялъ, вѣроятно, глаголь *possunt* или *mittunt*. Едва ли вмѣсто *caelestia* стояло въ лакунѣ *caeli eliam*, хотя положеніе этихъ словъ въ началѣ 3-ей и слѣдующей стоны было бы не хуже, чѣмъ *caelestia* въ началѣ четвертой.

Ст. 3. Чампитти, Моргенштернъ и Крейссигъ читаютъ:

. . . CESAR . FA . . . AR . . HAR . . IAM S

У Хетера *cesaris* стоитъ отступя на одну букву (едва ли двѣ) отъ края. Такое согласіе обѣихъ копій свидѣтельствуеетъ о поврежденіи текста еще при написаніи папируса, гдѣ, очевидно, инсцомъ опущено А послѣ С. Далѣе *HARIAM* Хетера, несомнѣнно, *Phariam*, заканчивающее цезуру *hepithemimeres*. Слово передъ *Phariam* заканчивалось цезурой *penthemimeres*, а слово, стоящее послѣ *cesaris* и начинавшееся съ *a*, могло давать или цезуру *trithemimeres* въ *pendant* цезурѣ послѣ *Phariam*, или же цезуру *κατὰ δευτέρων τροχαίων*. Между А послѣ *cesaris* и буквами *AR* пропало 3 или 4 буквы, смотря по ихъ ширинѣ. *AR* ни въ какомъ случаѣ не *arid* (конъектура Крейссига), такъ какъ въ копіи видно, что папирусъ разорвалъ по частъ стоячей буквы, нижняя часть которой еще видна. Кромѣ того, *arid* не умѣщается въ лакунѣ. Между *AR* (*AR* у Чампитти) и *HARIAM* исчезли три стоячія буквы. Отсюда легко дополнить окончаніе *ar(it)* или *ar(ti)* и *r* для слова *hariam*; *ar(to)* едва умѣщается, а буква А не помѣщается вовсе въ лакунѣ. Глаголь *ar(it)*, конечно, можетъ быть только *carit*, *garit* или *sarit*; если же читать *ar(ti)*, то можно предположить лишь *sarti* или *garti*. Допуская передъ *AR* исчезновеніе одной буквы (*c*, *r* или *s*—безразлично), мы видимъ, что слово передъ нимъ, начинавшееся съ А, имѣло послѣ этой буквы еще 2 или 3, изъ которыхъ первая, можетъ быть, была *R* или *V*, такъ какъ папирусъ въ копіяхъ *H* и *C* сплассурой напоминаетъ косую (правую и нижнюю) часть буквы *R* или лѣвую дужку *V*. Въ первомъ случаѣ не хватаетъ двухъ стоячихъ буквъ, во второмъ одной. Повидимому, искомое слово было *arte* или *aut*; *arti* недопустимо по метрическимъ соображеніямъ. Послѣ *hariam*, если до-вѣрять слѣдамъ сплассуры, на седьмомъ или девятомъ мѣстѣ стояло *V*,

затѣмъ пропущена одна буква, послѣ которой исчезло S-, оканчивавшее слово, какъ свидѣтельствуесть копія С, довѣрять которой впрочемъ безусловно—нельзя. Припоминая слова Юлія Флора Epitom. II, 21, 9 (IV, II, 9): regina ad pedes Caesaris provoluta temptavit oculos ducis frustra quidem; nam pulchritudo infra pudicitiam principis fuit, я дополняю второй и третій стихъ такъ:

(Ma)xima, quo caelestia ——— (numina gaudent),
C[ae]sarіs a(ut ca)ep(ti, P)hariam (cum) v(is)it, amore),

гдѣ или aut=haut по винѣ писца, не знавшаго исторіи, или же послѣ Caesaris долженъ стоять знакъ препинанія и въ такомъ случаѣ остальная часть стиха относится къ Антонію.

Ст. 4. Копія С даетъ:

.. RT . HIS . ILLE NATO . . SVM ELIAPOR . . .

Беренсъ дополняетъ (A)rtius, но по величинѣ лакуны могло быть въ началѣ FO и CE (не MA), вообще—одна широкая или 2 узкія буквы. Если бы II послѣ T было несомнѣнно, то судя по копіи Хетера, скорѣе слѣдовало бы читать PARTHOS, но PA тоже не умѣщается въ лакунѣ. Намъ кажется, что исчезнувшія буквы были TE. Далѣе послѣ ille пропало около 4 стоячихъ буквъ, за которыми изломъ папируса показываетъ нѣчто въ родѣ начала буквы E F P R D или B, послѣ чего исчезло еще около 3 буквъ; послѣдняя изъ нихъ была N, если вѣрить Чампитти, по ни оррignato (конъектура Крейссига), ни ехрignato или ехрignat не могло читаться на этомъ пространствѣ (между ille и ato). Первоначально я думалъ о gubernato, несмотря на отсутствіе цезуры trithemimeres, такъ какъ величина лакуны не позволяетъ намъ думать, чтобы ato или at заканчивало пятую половину строки и заставляетъ думать наоборотъ о caesura semiquinaria послѣ слова, слѣдовавшаго за ille, напримѣръ, (te)rtius ille (dies ade)rat (ср. ст. 58. Ter fuerat revocata dies), хотя въ этомъ случаѣ какъ разъ въ углу излома, на мѣстѣ предполагаемаго нами F, E или т. п. придется диакритическая точка.

Между ATO и VM издатели предполагаютъ вылавшей букву С въ копіи II; въ копіи С эта буква находится. Но въ такомъ случаѣ щелку въ папирусѣ придется еще болѣе расширить, а тогда чрезмѣрно удлинится R въ словѣ HARIAM предыдущей строки, приходящееся какъ разъ на обихъ краяхъ сциссуры. Намъ кажется, что щелку скорѣе слѣдуетъ сдвинуть, чтобы края папируса соприкаса-

лись,—и въ этомъ случаѣ упомянутое R только выиграеть, приобрѣта нормальную величину. Въ такомъ случаѣ OVM копиіи H есть не иное что, какъ искомое SVM, хотя копиіа C тому, очевидно, противорѣчить, давая O на одномъ краю сциссуры, а C на другомъ, тамъ, гдѣ H ставитъ букву V. Можетъ быть, это ОС у Чампитти есть плодъ простой диттографіи буквы C, мало разборчивой въ оригиналѣ и по очередно принятой и за O, и за C. Послѣ SVM слѣдовала буква, хаста которой, повидимому, сохранилась въ изломѣ папируса, какъ это видно изъ копиіи H. Передъ E въ концѣ стиха находилась квадратная буква, которой верхняя горизонтальная часть какъ будто различается въ изломѣ копиіи H. Можетъ быть, это было B или T, хотя хорошо умѣщается здѣсь и H. Въ такомъ случаѣ въ концѣ стиха могло быть *ahenea porta*, но, въ виду метрическихъ соображеній, такое дополненіе невозможно, такъ какъ на нехватаяющія 4—5 буквъ между SVM и *ahenea* пришлось бы одна гласная въ началѣ слова для образованія элизіи и весь слогъ долженъ бы былъ еще быть краткимъ. То же самое происходитъ при *всякомъ* другомъ дополненіи предполагаемаго Крейссигомъ *portu* или *portus* и Моргенштерномъ *porta*. Отсюда очевидно, что слогъ *por* не начинается слова. Уже Чампитти предполагалъ въ концѣ этого стиха нѣчто въ родѣ *amabant, colebant*, въ зависимости отъ котораго должно находиться *quem* слѣдующаго стиха (ср. *Carin. ad Liv. 207. Certat onus lecti generosa subire iuventus Et studet officio sedula colla dare*). Миѣ кажется, что конецъ стиха заключалъ въ себѣ что то въ родѣ *labor....*, такъ какъ буква I передъ A могла быть только L. Въмѣсто A поставить M или N не позволяетъ намъ пространство, да притомъ пятая стопа въ этомъ случаѣ была бы спондеемъ. Повидимому, послѣднее слово стиха было *labor(ant)*. Что находилось передъ *laborant*, рѣшать не берусь: могу только замѣтить одно, что, предположивъ SVM за начало глагола *simulare*, мы не будемъ въ состояніи указать мѣсто для требуемаго смысломъ слова *laude* или *honore*; притомъ послѣ E съ точкой находится еще хаста стоячей буквы.

Ст. 5. Въ концѣ стиха обыкновенно читаютъ слово *simula*. Дѣйствительно, Чампитти, Моргенштернъ и Крейссигъ даютъ:

QVEM · IVVENES . . . RAN . . A . VOS · ERAT · I . E . . VN . . TA

Чампитти дополняетъ (g)ran(d)a(e)uos, (p)e(r c)un(c)ta (sequutus).

Копія Хетера представляетъ слѣдующее:

QVEM · IVVENF . . . RAN . AVOS . ERAT · DE . . VI . ILTA . . .

По формѣ сциссуры можно подозрѣвать C передъ VI., но слѣду-

юція NC совершенно неясны, хотя N засвидѣтельствовано и копіей C. По поводу ст. 4 мы говорили, что въ словѣ *HARIAM* приходится сдвинуть края папируса. То же самое нужно сдѣлать и здѣсь, чтобы соблюсти прямолинейность строкъ, но въ такомъ случаѣ между *RAN* и *AVOS*, какъ вѣрно замѣтилъ уже Беренсъ, нельзя помѣстить ни D, ни S, ни какой либо иной буквы, и слѣдовательно чтеніе *pavos* окажется стоящимъ внѣ всякихъ сомнѣній. Кромѣ того, если предыдущее слово было *iuene(s)*, то передъ *gan* не хватаетъ 2 буквы; если же читать *iuene(m)*, не взирая на свидѣтельство C, то—одной и притомъ не круглой. Если чтеніе *iuene(s)* правильно, чего впрочемъ нельзя съ достовѣрностью заключить изъ копій H, то пропавшія буквы были, повидимому, FO, изъ которыхъ первая находитъ себѣ подтвержденіе въ частѣ столбчатой буквы, видимой въ копій C. Выраженіе *fora pavos* намъ кажется реминисценціей стиха Горация I Ep. 18 и 89: *Gnavus mane forum et vespertinus pete tectum*.

Такъ какъ *erat* заканчиваетъ седьмую половину стопы, то послѣ *de* не хватаетъ — — — — — или — — — — — . Такъ какъ въ слѣдующемъ стихѣ рѣчь идетъ о *bella*, которымъ мы противопоставляемъ (*fo*)*ra*, то ясно, что гдѣ-либо между *erat* и концомъ стиха пропала союзъ *et* или *que*. Что касается конструкціи этого стиха и связи его съ предыдущимъ, долженъ сознаться, что это обстоятельство не представляется мнѣ съ несомнѣнной ясностью. Здѣсь, повидимому, существуютъ двѣ возможности: или *quem iuvenes* зависятъ отъ глагола, стоявшаго въ клаузулѣ предыдущаго стиха (*laborant?*), или *quem* зависятъ отъ *pavos erat=povit*¹⁾. Въ первомъ случаѣ послѣ *iuvenes* долженъ стоять знакъ препинанія, а между DE и конечнымъ TA пропала *infinitivus* неизвѣстнаго глагола, зависѣвшій отъ *pavos erat* и управлявшій *accusat. fora* и *bella*. Во второмъ случаѣ исчезло сказуемое, управлявшее *accus. iuvenes*, и связь стиха съ предыдущимъ совершенно неясна: тамъ могло читаться и не *laborant*. Такимъ образомъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ между DE и TA исчезъ инфинитивъ какого-либо глагола. Нечего говорить, что изъ двухъ вышеставленныхъ выше возможностей всѣ шансы за себя имѣетъ первая, и, кажется, никто изъ ученыхъ не пытался защитить вторую. Беренсъ предлагалъ *defendere cuncta* на основаніи чтенія H+C (*de.....u*).

¹⁾ Едва ли можно думать, чтобы *quem* не зависѣло ни отъ глагола въ предыдущемъ стихѣ, ни отъ *pavos erat*, и предполагать исчезнувшимъ *partic. perf.* какого-либо отложительнаго глагола, управляющаго *вин. пад.*, а *erat* принимать за связку *plusquiperf.*

ста + re.....un . ta). Намъ кажется, что искомый глаголь былъ *deserpere*, образовывавшій съ двумя винительными *fora* и *bella* зевгму. *Deserpere* я предполагаю потому, что послѣ DE въ копіи С виденъ по списсурѣ слѣдъ круглой буквы. Затѣмъ V въ II могло быть и N; слѣдъ же предполагаемой буквы N (послѣ V) точно такъ же подходит къ слѣдамъ буквъ ERE. Въ такомъ случаѣ въ буквахъ ST слѣдуетъ видѣть предположенное нами *et* (буква С совершенно стерта въ верхней своей части), буква же А въ концѣ стиха должна была начинать какой либо эпитетъ къ *bella*, напримѣръ, *atra*, или же обстоятельственное слово, ограничивавшее глаголь *deserpere*, напримѣръ, *armis*.

Ст. 6. Этотъ стихъ сохранился настолько хорошо, что реконструкция его не представляетъ трудностей, кромѣ послѣдняго слова *u(sum)*, очень остроумно и съ полной правдоподобностью дополненаго Чампитти и Моргенштерномъ.

Ст. 7. Лакуну *ADSIDU.....STANDO* Крейссигъ первоначально по-полнялъ *adsidu(e cun)ctando* (cf. Liv. XXII, 24, 10 *sedendo et cunctando bellum gerebat*), но затѣмъ согласился съ Чампитти, правильно возстановившимъ (*tra*)ctando, на основаніи примѣровъ Ливія — V, 12, 7: *bella tractabantur*, и XXIII, 28, 3: *quemadmodum in Hispania bellum tractandum foret*. Въмѣсто *adsidu(e)* Чампитти читалъ *adsidu(us)*, и, дѣйствительно, въ его копіи послѣ перваго V виденъ слѣдъ какъ бы правой части буквы V, но въ такомъ случаѣ не было бы мѣста для S. Эллисъ по поводу предложеннаго Беренсомъ *adsidu(os)* говоритъ ¹⁾: *The ordinary prolongation of the letters R and A as exhibited in the transcripts hardly leaves room for five letters. Hence it is more probable that ASSIDVO should be read than ADSIDVOS*. Я тщательно измѣрилъ лакуну и нашелъ, что не только буквы OS и TRA прекрасно умѣщаются въ ней, но остается еще мѣсто для обычной между словъ точки, между тѣмъ какъ буквы *o.tra* приходится разставить нѣсколько шире обыкновеннаго, чтобы избѣжать пустого мѣста, шириной какъ разъ въ одну стоячую букву. При этомъ Эллисъ не замѣтилъ, что, вписывая слово *MARTIS* въ концѣ стиха такимъ образомъ, чтобы S совпало съ остаткомъ этой буквы въ копіи II, мы буквой M должны будемъ закрыть конечное E въ словѣ *inipere*. Этому горю легко помочь, отклонивъ правый уголъ папируса съ буквой S слѣва на право, благодаря чему списсура немного расширится, и M станетъ на над-

¹⁾ The Journal of Phil. 1. 1. p. 82.

лежащее мѣсто послѣ Е, именно тамъ, гдѣ по разрыву папируса видна нижняя лѣвая часть буквы М. Необходимость такого наклоненія видна будетъ и изъ слѣдующаго стиха. Что здѣсь читалось MARTIS, а не MORTIS или что либо другое, подтверждаютъ параллели у Лукреція I, 29: *fera moenera militiai* (ср. немного далѣе и. 32 *belli fera moenera Mavors armipotens regit*) и у Вергилія Aen. VIII, 516: *militiam et grave Martis opus*.

Ст. 8. По поводу орфографіи *opsessis* сравнивается извѣстное мѣсто Quint. I, 7, 7: *secundam enim b litteram ratio poscit, aures magis audiunt p.* вмѣсто *Italus* Моргенштернъ ошибочно читаетъ *Italis*; въ концѣ стиха Чампитти, читая *altis*, вѣроятно припоминалъ *de pupibus altis* Вергилія (Aen. X, 287) и, еще лучше, *turribus altis* (ibid. IX, 470). Крейсигъ первый дополнилъ *hostis*, указывая на Verg. Aen. X, 25 sq. *numquamne levare obsidione sines? muris iterum imminet hostis*, однако, измѣряя ширину лакуны, мы видимъ, что послѣ Н, лѣвая часть котораго сохранилась у Хетера по разрыву папируса, должны бы были слѣдовать три буквы, а не двѣ, если мы не наклонимъ обрывца, какъ было сказано выше, благодаря чему слогъ TIS придется ближе къ *turribus*.

Ст. 9. Списокъ Чампитти въ началѣ даетъ лишь А, откуда Моргенштернъ извлекъ *Antonius* съ краткимъ О. Гораздо лучше угадалъ смыслъ самъ Чампитти, предлагавшій *adsiliens muris* (Cf. Ovid. Metam. XI, 526 *miles... adsiluit defensae moenibus urbis*). Хетеръ послѣ А, повидимому, разобралъ С; крайнейшей мѣрѣ въ его копіи стоитъ какъ будто верхняя часть этой буквы. Далѣе пропущено около 14 — 15 буквъ, послѣ чего С читаетъ S.NEC, а Н наоборотъ SA . EC. Однако очевидно, что и въ Н не можетъ быть передъ EC ничего другого, кромѣ N, хотя въ то же время приходится замѣтить, что Хетеръ прочелъ здѣсь папирусъ не вполне точно: буква А послѣ S есть ничто иное какъ начало буквы N. Дѣйствительно, накладывая любое N на это А такъ, чтобы лѣвыя части ихъ совпали, мы увидимъ, что правая часть буквы N займетъ всю лакуну вплоть до слога EC, и, слѣдовательно, думать объ окончаніи SA для предыдущаго слова невозможно. Кромѣ того, передъ S была, повидимому, буква N или V (едва ли A). Отсюда сама собой напрашивается конъектура *ac(celerat uul)gus*; съ этимъ *uulgus* по смыслу соединяется plur. n. *illis*. Впрочемъ, вмѣсто *uulgus* могло стоять какое-либо причастіе: *ruens, ferens, petens* съ предшествовавшимъ *que*, требуемымъ по смыслу. Въ такомъ случаѣ въ началѣ должно читать *accedit*. Если

передъ S стояло не V и не N, то смыслъ допускаетъ и такое дополненіе: accelerant или accurrunt cives или же aggreditur muros. Однако намъ лично нравится больше ACCELERAT VVLGVVS въ виду того, что это дополненіе укладывается въ лакунѣ съ такой точностью, что даже значекъ передъ S совпадаетъ съ правой частью V.

Такимъ образомъ первый отрывокъ долженъ былъ читаться приблизительно слѣдующимъ образомъ:

..... 1)

 b.c. . . unqu.
 Maxima quo caelestia— ∪ ∪ numina gaudent
 5 Caesaris haut capti, Phariam cum visit, amore.
 Tertius ille dies aderat. Cum.... ei.laborant
 Quem iuvenes, fora navos erat decernere et armis
 Bella, fide dextraque potens rerumque per usum
 Callidus, adsiduos tractando in munere Martis.
 10 Imminet opsessis Italus iam turribus hostis.
 Accelerat vulgus nec defuit impetus illis.

А. Вейнтрагъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Отрывокъ В показываетъ, что на каждомъ листкѣ читалось по крайней мѣрѣ 10 стиховъ, а конія Ваттенбаха даетъ намъ 11 стиховъ. Поэтому предполагаю, что и всѣ отрывки содержали по 11 стиховъ.

Содержаніе
ТРИСТА-СОРОКЪ-ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(май и іюнь 1902 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы данные Правительствующему
Сенату.

	Стран.
11-го апрѣля 1902 года	3
11-го апрѣля 1902 года	—
11-го апрѣля 1902 года	—
27-го апрѣля 1902 года	71
30-го апрѣля 1902 года	—

Высочайшій рескриптъ, данный на имя члена государственнаго савѣта, генераль-адъютанта, генерала-отъ инфантеріи Ванновскаго.	3
---	---

Высочайшія повелѣнія.

1. (4-го февраля 1902 года). О дополненіи штата музея Императорской Академіи Наукъ по антропологии и этнографіи	4
2. (4-го февраля 1902 года). О порядкѣ установленія платы за обученіе въ народныхъ училищахъ губерній Минской, Могилевской, Витебской и сѣверо-западныхъ	5
3. (11-го февраля 1902 года). Объ учрежденіи въ гор. Ставрополѣ (Кавказскомъ) учительской семинаріи	6
4. (11-го февраля 1902 года). Объ учрежденіи въ гор. Каменецъ-Подольскѣ средняго восьмиласнаго технического училища	8
5. (25-го февраля 1902 года). Объ освобожденіи отъ оплаты пошлпню и цезурнаго разсмотрѣнія предметовъ, выписываемыхъ изъ-за границы для состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ музея изящныхъ искусствъ Имени Императора Александра III	12
6. (25-го февраля 1902 года). Объ увеличеніи кредита, отпускаемаго на содержаніе Императорскаго Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны	--
7. (25-го февраля 1902 года). Объ учрежденіи повыхъ должностей помощника класснаго наставника при Казанскомъ реальномъ училищѣ и Тифлисской 3-й гимназіи	14
8. (25-го февраля 1902 года). Объ учрежденіи при Кубанской учительской семинаріи должности эконома-письмоводителя	—
9. (19-го декабря 1901 года). Объ учрежденіи двухъ стипендій имени Иркутскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Пявтеліева при Иркутскихъ женской гимназіи и реальномъ училищѣ	71
10. (31-го декабря 1901 года). Объ учрежденіи при Новоторжскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ десяти стипендій имени въ Божѣ почившаго Императора Александра II	72
11. (9-го марта 1902 года). О предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права допускать женщпнъ, получившихъ дипломы на степень доктора медицины въ заграничныхъ университетахъ къ испытаніямъ на званіе врача въ испытательныхъ комиссіяхъ при С.-Петербургскомъ медицинскомъ институтѣ и при медицинскихъ факультетахъ Императорскихъ университетовъ	—
12. (11-го марта 1902 года). Объ установленіи особаго сбора съ лицъ, подвергающихся испытаніямъ на званія зубнаго врача и дантиста	73
13. (11-го марта 1902 года). Объ учрежденіи при Тифлисской физической обсерваторіи отдѣленія для изданія „Ежемесячнаго Вюллетепа“	—
14. (11-го марта 1902 года). Объ утвержденіи штата Севастопольской біологической станціи	74
Высочайшія награды по вѣдомству министерства народнаго проовѣщанія	76

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(9-го марта 1902 года, № 16)	16
(15-го марта 1902 года, № 17)	19
(28-го марта 1902 года, № 18)	21
(1-го апрѣля 1902 года, № 19)	29
(3-го апрѣля 1902 года, № 20)	82
(6-го апрѣля 1902 года, № 21)	—
(10-го апрѣля 1902 года, № 24)	89
(12-го апрѣля 1902 года, № 26)	—
(19-го апрѣля 1902 года, № 27)	—
(24-го апрѣля 1902 года, № 29)	93

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

(12-го апрѣля 1902 года, № 1)	29
---	----

Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.

1. (7-го марта 1902 года, № 7142). Нѣкоторыя указанія руководителямъ образовательныхъ экскурсій по естественѣднѣию	31
2. (4-го—14-го марта 1902 года, за № 7495). О расширеніи матеріала для публичныхъ народныхъ чтеній	99
3. (30-го марта 1902 года, № 9927). По вопросу о выдачѣ окончивающимъ курсъ гимназій и реальныхъ училищъ и выразившимъ желаніе поступить въ Императорскую военно-медицинскую академію, кромя обычныхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ, особыхъ свидѣтельствъ, отвѣчающихъ требованіямъ начальства академіи	100
4. (31-го марта 1902 года, № 9829). По вопросу о допущеніи лицъ домашняго образованія къ испытанію ихъ курса тѣхъ или другихъ классовъ средняго учебнаго заведенія безъ соблюденія установленной правилами объ испытаніяхъ послѣдовательности	101

Положенія о стипендіяхъ и преміяхъ при заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

1. (19-го декабря 1901 года). Положенію о стипендіи имени нижегородскаго купца Александра Альфонсовича Зевеке при Нижегородскомъ Владимирскомъ реальномъ училищѣ	32
--	----

2. (31-го декабря 1901 года). Положеніе о стипендіях Скопинской городской думы при Скопинскомъ реальномъ училищѣ	33
3. (18-го января 1902 года). Положеніе о стипендіи имени Александра Михайловича Сильвестровича при Одесскомъ реальномъ училищѣ	—
4. (31-го января 1902 года). Положеніе о стипендіи имени писателя Николая Васильевича Гоголя при Симферопольскомъ Императора Николая II реальномъ училищѣ	34
5. (14-го февраля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени М. X. Гельферихъ при Харьковскомъ технологическомъ институтѣ Императора Александра III	35
6. (14-го февраля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени Александра Платоновича Энгельгардта при Архангельскомъ низшемъ механико-техническомъ училищѣ	36
7. (27-го февраля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени коммерціи совѣтника Козьмы Терентьевича Солдатенкова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	3
8. (28-го февраля 1902 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имени бывшаго студента сего университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Степановича Есикорскаго	38
9. (4-го марта 1902 года). Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ имени „Долгъ Совѣсти“	—
10. (13-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіяхъ имени М. и Ж. Гельферихъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	39
11. (15-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ имени покойнаго Бенвенуто Рицца, бывшаго ассистента при профессорѣ химіи А. М. Бутлеровѣ и лаборанта химической лабораторіи сего университета	40
12. (20-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника, кандидата правъ Александра Федоровича Раева при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	41
13. (20-го марта 1902 года). Положеніе о капиталѣ въ 2.600 р., пожертвованномъ въ пользу Императорской Екатериинской больницы учредительницею перваго театральнаго агентства въ Россіи Елизаветою Николаевною Разсохиной, женою статскаго совѣтника Е. П. Левинскою	42
14. (4-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи имени капитанъ-лейтенанта Николая Николаевича Лутовинова при Воронежскомъ реальномъ училищѣ	106
15. (4-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи имени капитанъ-лейтенанта Николая Николаевича Лутовинова при Воронежской мужской гимназій	—
16. (9-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи имени директора	

азовско-коммерческаго банка Аарона-Захарія Яковлевича Леше, при Александровскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ	107
17. (11-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи московскаго биржевого общества имени коммерціи совѣтника Н. А. Найденова при реальномъ отдѣленіи мужского училища, состоящаго при Евангелическо-Лютеранской церкви свв. Петра и Павла въ Москвѣ	109
18. (15-го марта 1902 года). Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени бывшаго управляющаго Ярославскою казенною палатою, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Михаила Сергѣевича Кронотова, при Ярославскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ	110
19. (16-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи имени надворнаго совѣтника Помпея Захаровича Латушевича при Саранульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ	111
20. (26-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи имени дочери коллежскаго совѣтника Екатерины Парфяцкой при Александрійской женской прогимназии	112
21. (11-го апрѣля 1902 года). Положеніе о стипендіи имени доктора медицины, тайнаго совѣтника Александра Осиповича Одноусова при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра	113

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. 44 и 114

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. 54 и 119

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію. 67 и 126

Открытіе училищъ 68 и 127

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Двадцать третье присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія 128

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Г. З. Купцевичъ. Житіе св. Никиты Переславскаго	1
А. Г. Вороповъ. О продолженіи „Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ“ князя М. М. Щербатова	8
В. М. Чулицкій. И. И. Дмитріевъ. XII—XIV (окончаніе)	17

С. А. Рашковъ. Норбертъ Премонстратенскій	54
М. Г. Попруженко. Матеріалы для библиографіи по кривило- мсоодіевскому вопросу	87
А. Н. Веселовскій. „Алсма Поповичъ“ и „Владимиръ“ Жу- ковскаго	126
Е. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XIV (продолженіе)	233
Н. П. Дурново. Мелкія замѣтки по русскому языку	257
Н. П. Оглоблинъ. Къ исторіи полярной экспедиціи Бахова и Шалаурова въ 1757—1760	269
О. И. Щербатскій. Теорія поэзи въ Индіи	299
О. П. Косицень. О пражнемъ и нынѣшнемъ распротраменіи бобра въ предѣлахъ Россіи	330

Критика и библиографія.

М. Н. Ростовцевъ. Э. Гриммъ. Исслѣдованія по исторіи раз- витія римской императорской власти, т. II. С.-Пб. 1901	148
Э. Д. Гриммъ. Отвѣтъ г. Ростовцеву	172
А. Н. Веселовскій. Русская книга о Лопе де Беръ	210
А. Л. Погодинъ. Věstník slovanské filologie a starožitností, vy- dávají J. Niederle, F. Pastrnek, J. J. Polivka, J. Zubaty. Ročník I. Praha. 1901	217
В. М. Грибовскій. Отвѣтъ г. Чечулину	220
И. Д. Чечулинъ. Къ отвѣту г. Грибовскаго	225
В. А. Ивлановскій. Л. Дамниф. Государственное право Швец- ціи. Томъ первый. Часть историческая. 1901	369
А. И. Соболевскій. Slovanské starožitnosti. Sepsal Dr Lubor Niederle, professor České university v Praze. Díl I. Původ a počátky ná- roda slovanského. Svazek I. V Praze. 1902	388
Г. З. Кунцевичъ. Сказаніе о зачатіи царства Казанскаго. При- надлежащ. О. Т. Васильеву. Изданіе О. Т. Васильева. Казань. 1902	393
И. А. Тихомировъ. Замѣтка объ оглавленіяхъ, помещенныхъ предъ Воскресенскимъ лѣтописнымъ сводомъ	397
И. В. Ястребовъ. Г. А. Ильинскій. Грамота царя Іоанна Асѣна II. Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Русскаго Археологическаго Инсти- тута“ въ Константинополѣ. Томъ VII. Софія 1901	401
В. Н. Перстцъ. Библиотека Московской Синодальной типографіи. Ч. I. Рукописи Вып. 3. Псалтири. Описалъ Валерій Погорьловъ. М. 1901	405
Л. Ю. Шенгелевичъ. Новое о Сервантесѣ и „Донъ-Кихотъ“	414
С. П. Н. М. Павловъ. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. М. 1896	419
Н. Б. Д-ръ медицины Отто Дорнблитъ. Гигіена умственнаго труда.	

Перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія <i>В. В—скій</i> . С.-Пб. Изданіе <i>В. И. Голубинскій</i> . 1898	421
И. В. Путешествія <i>И. М. Пржевальскаго</i> . Составилъ <i>А. В. Зеленинъ</i> . Изданіе <i>И. И. Сойкина</i> С.-Пб.	424
— Книжныя новости	229 и 426

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература.

<i>А. М. Лоялинъ</i> . Отечественнѣдвіе	1
<i>Н. Н. Шитовъ</i> . Стѣнная карта Европейской Россіи	17
Малыя учебныя карты по отечественнѣдвію Россіи 1901 г.	19
<i>А. Киселевъ</i> . Элементарная физика	57
<i>Григорьевъ</i> . Краткій курсъ химіи	79
<i>И. Измаковъ</i> . Краткій курсъ естественной исторіи	84
<i>А. И. Георгіевскій</i> . Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. XII (<i>окончаніе</i>)	21

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Проф. Рѣманъ. Марселъ Вильгельмовичъ Ненцкій (<i>некрологъ</i>)	1
<i>М. А. Дьяконовъ</i> . Иванъ Николаевичъ Миклашевскій (<i>некрологъ</i>)	23
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	41
<i>Н. Ф. Рудольфъ</i> . Краткая характеристика ручныхъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ заграницей и у насъ	55
<i>О. Д. Хвольсонъ</i> . Отчетъ о сѣздѣ преподавателей физики С.-Петербургскаго учебнаго округа 2-го—10-го января 1902 года	84

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

<i>И. О. Анненскій</i> . Ипполитъ. Трагедія Еврипида	197
<i>А. М. Придикъ</i> . Замѣтки къ встрѣчающимся въ рѣчахъ Исея формуламъ	227
<i>Л. Ф. Воеводскій</i> . Солярная теорія мисовъ и древнѣйшая греческая культура	234
<i>С. А. Жебелевъ</i> . Афаія	240 и 245

Georgius Schmt d. De antiquissimi argonauticorum codicis particula nuper reperta	247
О. О. Соколовъ. По поводу книги А. В. Пнятскаго „Исслѣдованія въ области греческихъ надписей“	248
Р. Х. Леперъ. Замѣтки по критикѣ текста отрывковъ Сапфо	266
А. Г. Бекштремъ. Къ поэзіи Рабирія De Bello Alexandrino	283

Объявленія	1-4
----------------------	-----

Н. В. Ястребовъ. <i>Г. А. Ильминскій.</i> Грамота царя Иоанна Асѣни II. Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Русскаго Археологическаго института“ въ Константинополѣ. Томъ VII. Софія. 1901	401
В. Н. Перетцъ. Библиотека Московской Суиодальной типографіи. Ч. I. Рукописи. Вып. 3. Псалтири. Описалъ <i>Валерій Погореловъ.</i> М. 1901	405
Л. Ю. Шенелевичъ. Новое о Сервантесѣ и „Донъ-Кихотъ“	414
С. П. Н. М. Павловъ. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. М. 1896	419
Н. Б. Д-ръ медицины <i>Отто Дорблицъ.</i> Гигіена умственнаго труда. Перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія <i>В. В—скій.</i> С.-Пб. Издавъ <i>В. П. Голубинскій.</i> 1898	421
Н. Б. Путешествія <i>Н. М. Пржевальскаго.</i> Составилъ <i>А. В. Зеленникъ.</i> Изданіе <i>П. П. Сойкина.</i> С.-Пб.	424
— Книжныя новости	426

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>А. Киселевъ.</i> Элементарная физика	57
<i>Григорьевъ.</i> Краткій курсъ химіи	79
<i>И. Износковъ.</i> Краткій курсъ естественной исторіи	84

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Н. Ф. Рудольфъ. Краткая характеристика ручныхъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ заграничей и у насъ	55
О. Д. Хвольсонъ. Отчетъ о съѣздѣ преподавателей физики С.-Петербургскаго учебнаго округа 2-го—10-го января 1902 г.	84

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Georgius Schmid. De antiquissimi argonauticorum codicis particula nuper reperta	247
Ө. Ө. Соколовъ. По поводу книги <i>А. В. Никитскаго</i> „Исслѣдованія въ области греческихъ надписей“	248
Р. Х. Леперъ. Замѣтки по критикѣ текста отрывковъ Сапфо	266
А. Г. Векштремъ. Къ поэмѣ Рабирія De Bello Alexandrino	283

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 4-го іюня).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцатъ книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцатъ рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцатъ рублей семьдесятъ пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцатъ рублей двадцатъ пять копѣекъ, за границу—шестнадцатъ руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрести въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1891, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895 и 1900 годы.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

Acme Bookbinding

Charlestown, Massachusetts

1994

